РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

при поддержке

РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

HISTORICAL AND PHILOLOGICAL BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
INSTITUTE OF HISTORY

FROM THE TIME OF TROUBLES TOWARDS THE IMPERIUM

RECENT DISCOVERIES IN ARCHAEOLOGY AND HISTORY OF THE 16TH – 18TH-CENTURIES RUSSIA

The proceedings of the conference
(Moscow, November 20–22, 2013)

MOSCOW – VOLOGDA

«DREVNOSTI SEVERA»

2016

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ОТ СМУТЫ К ИМПЕРИИ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ РОССИИ XVI–XVIII вв.

Материалы научной конференции
(Москва, 20–22 ноября 2013 г.)

МОСКВА – ВОЛОГДА

Древности Севера

2016

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
О-80

Утверждено к печати Учеными советами
Института археологии РАН,
Института российской истории РАН

Ответственные редакторы:
Л. А. Беляев, А. В. Юрасов

Редколлегия:
*П. Г. Гайдуков, И. И. Елкина (отв. секретарь), Д. В. Лисейцев,
Н. А. Макаров, А. В. Малов, С. М. Шамин (отв. секретарь), А. В. Энговатова*

В оформлении обложки использованы
фрагменты акварелей Л. Ланцмана «Вид раскопок Казанского собора», 1991 г.

В оформлении шмуцтитулов использованы:
Карта: Западная Сибирь, XVII в. (с. 12); фрагмент листа «Новая и предивная карта о перекопе…» из атласа К. Крюйса, раскрашенная гравюра на меди, 1704 г. (с. 46); фото надгробной плиты с могилы третьего настоятеля Воскресенского монастыря на р. Истре архимандрита Акакия (1670 г.), обнаруженной Ново-Иерусалимской археологической экспедицией Института археологии РАН (2009–2016 гг.) (с. 136); «Кремлевский замок», гравюра из немецкого издания книги: Mallet A. M. Beschreibung des gantzen Welt-Kreises. Frankfurt am Main, 1719 (первое парижское издание – 1684 г.) (с. 188); «Рыцарство 1588–1632 гг.», литография из альбома Яна Матейко «Польский костюм» («Ubiory w Polsce»), 1875 (с. 246); антиминс церкви Константина и Елены в Москве, 1637 г. (с. 398).

О-80 **От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. = From the Time of Troubles Towards the Imperium. Recent discoveries in archaeology and history of the 16th – 18th-centuries Russia: The proceedings of the conference** / Рос. акад. наук, Отделение историко-филологических наук, Институт археологии, Институт российской истории; [редкол. : Л. А. Беляев, А. В. Юрасов (отв. ред.) и др.] – Москва ; Вологда : Древности Севера, 2016. – 520 с. : ил.

ISBN 978-5-93061-104-5

В издании публикуются материалы научной конференции, прошедшей 20–22 ноября 2013 г. в Москве. В докладах участников конференции поднимались вопросы экономики, хозяйства, военной истории, духовной и материальной культуры России XVI–XVIII вв.

Книга предназначена историкам, археологам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

From the Time of Troubles Towards the Imperium. Recent discoveries in archaeology and history of the 16th – 18th-centuries Russia : The proceedings of the conference / Historical and philological Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology, Institute of History, Russian Historical Society; [eds.: Belyaev L. A. and Yurasov A. V.] – Moscow ; Vologda : Drevnosti Severa, 2016. – 520 p. : ill.

Publication of the Conference papers, held in Moscow (20.10–22.10.2013). At the proceedings there are presented the problems of the history of economy, agriculture, crafts and early industry, military history, spiritual and material culture of the 16th – 18th-centuries Russia.

For researchers and students in history, art and archaeology.

Перевод на английский язык резюме статей – И. Б. Григорян, О. А. Леонидова

ISBN 978-5-93061-104-5

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2016
© Институт археологии РАН, 2016
© Институт российской истории РАН, 2016
© Авторы статей, 2016
© Оформление. ООО НИЦ «Древности Севера», 2016

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Изразцовое панно «Двуглавый орел».
Найдено в церкви Воскресения Христова в Пленицах
(Андреевский монастырь, Москва).
1690-е гг. Собрание МГОМЗ

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Предисловие

Позднее Средневековье и начало Нового времени в России: рождение историко-археологической версии

Вопрос о выделении древностей эпохи Средних веков и Нового времени в особое направление – один из ключевых в современной археологии России. Первое обсуждение возможности включить их в общеисторические исследования прошло десятилетие назад на страницах журнала «Российская археология»[1]. Отдельные попытки серьезно изучать памятники конца XVII–XIX вв. как археологические в «поздних» городах делали уже в середине XX в.[2], а в конце 70-х гг. предлагались первые научные программы такого изучения, прежде всего в Санкт-Петербурге (Г. С. Лебедев)[3]. Но сейчас это направление de facto распространилось так широко, что его институализация – только вопрос инициативы. На Всероссийских археологических съездах в Суздале (2008 г.) и Новгороде (2011 г.) работали специальные секции; аналогичная была запланирована для съезда в Казани (2014 г.). Результаты обширных полевых работ докладывают на многих конференциях и публикуют в ежегодниках и сборниках, востребованных в среде археологов[4], вышли методические рекомендации по археологическому изучению некрополей XVII–XIX вв.[5]. Более того – «поздняя археология» встала на прочную легальную почву. Принятые поправки к закону Российской Федерации об археологическом наследии[6] законодательно подняли границу археологии до Первой мировой войны, а первый Национальный стандарт (ГОСТ)[7] археологических изысканий при работах на объектах культурного наследия вообще не ставит временных рамок, подразумевая необходимость археологии при реставрации архитектурных сооружений любой эпохи. Вошла в состав методических требований обязательная сдача на экспертизу и централизованное хранение отчетов по работам на объектах XVIII–XIX вв. (в 1980-х гг. Отдел полевых исследований их попросту не принимал).

То же самое давно происходит на Западе, где включенность памятников археологии, в том числе поздней, в состав охраняемого культурного наследия не вызывает сомнения, а сама археология всё больше признается частью не только науки, но и современной культуры и искусства, ее потенциал эксплуатируется как часть туристического и шоубизнеса, развиваются волонтерские движения и содружества исторической реконструкции, экспедиции используются молодежными общественными движениями, возрастает роль археологии в форми-

[1] Археология позднего периода истории: материалы круглого стола, проведенного редколлегией и редакцией журнала «Российская археология» // РА. 2005. № 1. С. 81–99.

[2] Грач А. Д. Археологические раскопки в Ленинграде: к характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 92 с.

[3] Специальный номер журнала «Адреса Петербурга. Археология», 2004, 15/27. URL: http://www.adresaspb.ru/arch/adresa_15/15_005/15_05.htm (дата обращения 01.05.2014).

[4] Региональные конференции «Археологии Подмосковья», с 2004 г.; «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья», с 1996 г. и др. За Уралом периодических конференций и их изданий меньше: томские «Интеграция археологических и этнографических исследований» и «Культура русских в археологических исследованиях»; в прошлом – непериодический сборник «Русские первопроходцы на Дальнем Востоке». Но сами работы ведутся очень активно.

[5] Беляев Л. А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М.: ИА РАН, 2011. 54 с. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 5).

[6] Федеральный закон от 23.07.2013 № 245–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии».

[7] Фатин В. Н., Куликов С. Б., Кондрашев Л. В., Энговатова А. В., Беляев Л. А. Археологические изыскания в составе работ по реставрации, консервации, ремонту и приспособлению объектов культурного наследия. М., 2013. (Национальный стандарт Российской Федерации – ГОСТ).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ровании национальной и религиозной идентичности и так далее. Эти процессы идут в России, хотя не на всех направлениях одинаково активно[8].

Итак, научно-организационные вопросы и охрана археологического наследия XVII–XIX вв. развиваются с заметным успехом. Но становление новой области науки идет медленнее. По-прежнему редки целенаправленные длительные раскопки, а научные плановые темы и диссертации по поздней археологии скорее являются исключением. Действительно ли это отдельный раздел археологии, и каково его место в общем, традиционном процессе исторического исследования?

Существует мнение, что археология нужна исследователям тех периодов истории, где достаточно много письменных источников, прежде всего как поставщик ярких иллюстраций к описываемым событиям, причем иллюстраций, постоянно обновляющихся. Действительно, исключительная наглядность археологии, в том числе археологии последних столетий, выводит публикацию на очень высокий уровень психологической убедительности, делает ее частью современной политической риторики и общественной дидактики (могилы с длинными рядами скелетов в военной форме на полях сражений I Мировой войны – убедительный аргумент пацифизма[9]).

В прошлом в фундаментальной археологии материалам Нового и Новейшего времени отводилось почти исключительно пространство эксперимента в области методики или реконструкции явлений, мало доступных на основе традиционных источников[10]. Сейчас ее проявления исключительно разнообразны, а роль в общем процессе движения гуманитарных наук, в истории и философии науки, в поисках «смысла истории» всё очевиднее. Открывается путь к анализу становления, трансформации, самой природы современного мира.

Конечно, археология не сможет коренным образом изменить историю последних столетий. Ее привлекательность для раскрытия событий XVII–XX вв. несомненна, но она не в научном анализе, а в самом драматизме процесса раскрытия животрепещущих, кровоточащих (в прямом и переносном смысле) свидетельств. Можно сравнить потребность таких раскрытий с потребностью ранних христиан в обретении и переносе реликвий. Иногда совпадения не относительные, а прямые – например, идентификация костяков, найденных под Екатеринбургом, как останков царской семьи представляет собой одновременно научно-исследовательский процесс и удовлетворение психологической потребности народа (не только верующих) в восстановлении исторической справедливости или осуществлении (пусть посмертном) милосердия в отношении невинно пострадавших.

С нарастанием возможностей фальсифицировать и прошлое, и даже окружающую реальность (ср. *Generation «П»*) возросла потребность в получении информации аутентичной, выраженной в неопровержимых материальных свидетельствах. Современный человек, тонущий в океане непроверенных или просто подтасованных данных, теряет свойство доверчивости и обретает вкус к подлинности, требует данных из первых рук. В идеале это сведения, добытые при его личном участии. Простейшая формула: с экрана рассказывают об ужасах сталинских лагерей и геноциде в Европе; возможно, что рассказывают неправду; чтобы получить истинное знание, нужно войти в лагерные бараки, причем не «музеефицированные», а только что открытые археологами. Объекты и процесс их изучения служат уже не иллюстрациями (как иногда думают), и они более чем свидетели. Это пробирные камни социальной психологии, показывающие человеку прошлое, так сказать, в рабочем состоянии.

Многие современники делают и следующий шаг. Они приходят (пусть неосознанно, интуитивно) к абсолютно верному пониманию истории не как готового текста, а как *процесса его создания*. Они готовы принять участие и требуют для себя места в этом процессе; да им уже и навязывают участие – хотя бы путем опросов. Современный человек полагает, что он может быть творцом собственной истории. Причем в обоих смыслах: творцом истории как будущего и творцом письменной истории, ее концепции и нарратива. К чему такой самостоятельный творец прибегнет: к объективному изучению источника или к произвольной интерпретации, конструированию и фальсификации прошлого – очень серьезный вопрос.

Отсюда – роль поздней археологии как инструмента формирования исторического пласта в социальной психологии, в общественном сознании, в процессе личной и общенациональной идентификации. Этот политико-пропагандистский ресурс уже используют и государственные структуры, и общество. Отчасти поэтому столь чувствительны стали к археологии те страны, где картина прошлого до

[8] См. о некоторых сторонах соотношения археологии, искусства и культуры: Беляев Л. А. Археология как катализатор в процессе познания древнего и создания нового искусства // Искусство и наука в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Творческая мастерская, 2011. С. 57–69; Его же. Археология позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 11–18.

[9] Demoule J.-P. La France archéologique: vingt ans d'aménagements et de découvertes, Paris: Éditions François Hazan, 2004. P. 207–209, 218–221.

[10] Это была очень узкая ниша – историю массовой культуры, быт низших слоев общества, их ремесла и не отраженные в источниках обычаи можно представить и без археологии – скажем, по «Энциклопедии» Д'Аламбера.

конца не устоялась, в том числе в России[11] и у ее соседей. Борьба за право контроля над прошлым в области истории Нового и Новейшего времени особенно жестока: Хатынская трагедия заключает многочисленные «археологические» эпизоды и их эксплуатацию в пропаганде; при раскопках в Батурине только методическая строгость ряда украинских ученых позволила объективно представить картину спокойного развития «гетманской столицы» в конце XVII – начале XVIII в. и не скатиться к очередному этюду на тему «зверства русских оккупантов на захваченной территории».

Таков бегло очерченный контур поздней археологии как одного из важнейших ресурсов современной работы в области культуры, социальной психологии и национальной политики. Впрочем, признание за ней прав специфической области культуры не должно закрывать от нас того, что права эти будет невозможно реализовать без развития ее как области строгой науки. Именно эту, едва формирующуюся, область даже мелкие отклонения от научного метода могут привести к катастрофе, столкнуть в паранаучное пространство. К счастью, научные достижения в поздней археологии последней четверти века всё нагляднее, ее вклад в информационную базу истории всё весомее. И не только в России. Выше упоминалось о бурном развитии «исторической археологии»[12] на Западе[13]. Заметно единство методических подходов, проблем и самого материала по всему пространству Земли. В России, в городах и селениях Европы, обеих Америк, приморских областей Азии, Африки и Австралии археолог встречает объекты и артефакты, образующие звенья сети, наброшенной на мир цивилизацией[14]. Убедительная в своем предметном однообразии выставка два десятилетия назад объединила в единое целое культурные слои Нового времени в Амстердаме, Лондоне, Нью-Йорке, Эдо и Нагасаки[15].

Особенно развита поздняя археология в США, Англии и Австралии – странах, сосредоточенных на своем индустриальном прошлом (отсюда термин «археология индустриальной эпохи»). Интерес к поздним материалам для США объясним и тем, что их история как политической нации укладываются в хронологию Нового времени и предшествующие культуры автоматически начинают рассматриваться как экзотические или связанные с «доисторическим» периодом через этноархеологию; во многом это верно и для Австралии[16]. А также для тех областей России, путь освоения которых близок к континентам и архипелагам, открытым в XVI–XVIII вв. Прежде всего это, конечно, пространство за Уралом, но также Приуралье, Нижнее и Среднее Поволжье, степи, Причерноморье, Кавказ.

В области археологической теории хронологический порог как норма снят примерно полвека назад – на смену ему пришли как определяющие археологию характеристики метода. Еще в 1976 г. за это решительно высказался один из отцов поведенческой археологии Майкл Шиффер: «Археология переопределяется как изучение человеческого поведения и материальной культуры *независимо от времени* (курсив мой. – *Л. Б.*)»[17]. И действительно: на фоне экспериментов *срочной археологии* и *археологии современного мусора* выглядят уже классическими этноархеология и промышленная (индустриальная) археология. Но поздняя архео-

[11] Борьба за памятники археологии в современной России имеет, конечно, и другие, не менее драматические составляющие. Это часть борьбы за собственность в области земельных ресурсов, борьба с нелегальным разрушением объектов в практических сферах и другие. Но в данном эссе речь не о них.

[12] Это сочетание заимствовано из словаря западной науки и годится, скорее, при переводе на английский. В русской науке, где археология не существует вне истории, оно звучит тавтологией или перекрывает чуть не весь период цивилизации (антитеза – «доисторическая археология»). Моя попытка ввести его в русский текст не особенно удачна (см.: Беляев Л. А. Историческая археология России Нового и Новейшего времени: шаг к формированию // 1150 лет российской государственности и культуры: материалы к Общему собранию РАН, посвящ. Году рос. истории (Москва, 18 дек. 2012 г.). М., 2012. С. 307–320). Но адекватного названия для обозначения места поздней археологии в культурном развитии России еще нет. Нейтральное хронологическое определение привычно и, с точки зрения периодизации, удовлетворительно. В Сибири широко используют термин «русская археология», что естественно для субконтинента, где редукция фразы «археология русского периода» привязывает этноним к историческому этапу, позволяя разделить археологию первопроходцев и автохтонного населения. Но для России в целом она не годится. Не лучше «национальная археология», апеллирующая к понятиям XIX в., где национальные (= средневековые) древности стремились отделить от античных. Стоит обсудить варианты «археология государственности: древности России XIV – начала XIX в.», «Московской Руси и Российской империи» и подобные.

[13] Литература этой области выглядит сегодня солидно даже на фоне общей археологической. См.: Orser Ch.E. Historical Archaeology. Upper Saddle River, NJ: Pearson, Prentice Hall, 2004. 366 p.; Historical Archaeology / Hall M., Silliman S., eds. Oxford: Blackwell, 2006. 341 p.; The Cambridge Companion to Historical Archaeolody / Hicks D., Beaudry M. C., eds. N. Y.: Cambridge University Press, 2006. 420 p.; International Handbook of Historical Archaeology / Majewski T., Gaimster D., eds. N. Y.: Springer, 2009. 194 p.

[14] Кроме фактов, необходимых для науки, в этой сети много добычи, радующей традиционные музеи и служащей стимулом развития современных художественных концепций. Достаточно напомнить о раскопках во дворах Лувра и открытии мастерской Бернара Палисси в Париже.

[15] Unearthed Cities: Edo, Nagasaki, Amsterdam, London, New York. Tokyo: Tokyo Metropolitan Edo-Tokyo Museum, 1996. 256 p.

[16] Connah G. "Of the Hut I builded": The Archaeology of Australia's History. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 176 p.

[17] Schiffer M. B. Behavioral archaeology. N. Y.: Academic Press, 1976. P. IX (цит. по: Клейн Л. С. История археологической мысли. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. Т. 2. С. 322).

логия стремится маркировать нижний порог исследований, «оттолкнуться» от него и выступить на равных с подразделами археологии, имеющими строгие хронологические рамки. В России верхней гранью археологии служил рубеж XVII и XVIII вв. – то, что следовало далее, в археологию не входило. В сегодняшнем мире она имеет фактически только нижнюю грань – в разных странах и профессиональных сообществах обычно конец Средневековья: 1400 г.; 1492 г.; 1500 г. и другие более или менее условные даты.

В России поздняя археология сделала значительные успехи и уже не третируется профессиональным сообществом как нечто второсортное и маргинальное. Но ее потенциал существенно недооценен, на нее продолжают смотреть как на своего рода «техническое обременение». До конца не осознано, что путь, пройденный Россией, наполовину лежит в границах поздней археологии, а Московская Русь – прямая предшественница современного государства, во многом близкая ему даже по очерку границ, помещена в эти хронологические пределы просто целиком, подобно Соединенным Штатам. Не все согласятся с тем, что Россия принадлежит к «молодым» странам, но в дореволюционной культуре сравнение с Америкой и восприятие этих двух восходящих звезд небосклона истории казались уместными (да и в советский период молодость страны воспринималось как аксиома – хотя по иным, идеологическим, установкам).

За два десятилетия стало ясно, что зарождение нового раздела истории как научной дисциплины идет быстрее, а главное – уходит глубже, чем ожидалось, разветвляясь на несколько потоков. Среди них: общая проблема взаимоотношений археологии и истории (источниковедения и нарратива); ее роль в борьбе с фальсификацией источников; участие в развитии знаний об экономике, производстве, военном деле; реконструкция городской и сельской культуры, включая формирование национальной памяти (изучение исторических некрополей) и архитектуры; вопросы соотношения археологии с современной культурой. Эти направления обозначены и отчасти исследованы в серии работ последних лет[18].

Сдвиг к взаимопониманию с источниковедами и историками уже наметился и зафиксирован конференцией «От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.», проведенной Институтом археологии и Институтом российской истории РАН (20–22 ноября 2013 г.), материалы которой представлены в настоящем сборнике. На ней ясно продемонстрирован потенциал археологии и ее готовность формировать собственное поле дискуссии, источниковедческой и общеисторической. Показаны и новые возможности внешней критики картографии и письменных источников, чертежей и описей XVIII–XIX вв. Их верификация зачастую становится возможной исключительно методами натурного наблюдения объектов, которые для сравнительно близкого нам времени можно изучать не только раскопками, как фундаменты Казанского собора на Красной площади, но и с помощью анализа культурного ландшафта (разведки И. Н. Юркина и А. Н. Наумова в районе Епифани).

Конференция помогла увидеть огромное пространство, разнообразие научных методов и богатство живых красок прошлого, возвращаемых усилиями археологии Позднего Средневековья и двух последующих столетий. Их поле простирается, почти без лакун, от европейского Калининграда / Кёнигсберга и земель Ливонии до Прибайкалья, Албазинского острога и тихоокеанского побережья, от русско-шведской границы 1710-х гг. в Ингерманландии до крепостей России и Турции в Приазовье того же периода. «Количественные» сдвиги исключительны. С момента осознания ценности материальных объектов XVII–XIX вв. для российской истории их ввод в научный оборот стал лавинообразным. Сказалось одно из коренных свойств поздней археологии: даже в такой сравнительно слабо заселенной стране, как Россия, ее объекты есть буквально везде. Они не обладают свойственными археологии ранних эпох качествами «редкости» и «скрытости», искать их зачастую не приходится – они, так сказать, сами находят ученого, ведущего натурные исследования.

Взрывным образом растет и объем получаемых при работах артефактов. И за этим не только

[18] Беляев Л. А. От Ивана III к Петру Великому: «московская культурная модель» в эпоху ранней глобализации (архитектурно-археологическая версия) // Вопросы истории, литературы и искусства. М.: Собрание; Наука, 2005. Т. 1. С. 185–197; Его же. Археология дворцов и парков: вклад в цивилизационное самоопределение // Археология парка Царицыно: по материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. М.: ИА РАН, 2008. С. 12–16; Его же. Новое в археологии Москвы: раскопки и культурно-исторические проблемы // Вопросы истории, литературы и искусства. М.: Собрание; Наука, 2008. Т. V. С. 40–56; Его же. Зачем Москве археология? Исследования средневекового города и проблемы истории культуры // Труды Отделения историко-филологических наук, 2007. М.: ОИФН РАН, 2009. С. 433–446; Его же. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М.: Наука, 2012. С. 179–191; Чёрная М. П. Русский город как новый символ в картине мира сибирского общества // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 3 (19). С. 121–126; Её же. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М.: ИА РАН, 2008. С. 482–515; Её же. Русская археология Сибири: концепции, результаты, перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Омск. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2008. С. 5–26 (см. также и весь сборник).

расширение вскрытий, но более высокая насыщенность культурного слоя, качественно меняющегося именно с XVII в., особенно со второй его половины. Изделия из черного и цветного металла и стекла перестают быть редкостью; возрастает монетный объем; делается устойчивым производство и массовое использование строительных материалов; возникают и переживают расцвет новые формы и технологии изготовления. Всё это рисует не только возможности производства, но и потребления, рисует новую ступень в оформлении быта.

В области традиционной бытовой керамики пройден важный порог: гончар потеснил на рынке (а значит, в кухне и столовой) изготовителя деревянной посуды, объем качественной керамики в слоях начал приближаться к показателям, свойственным классическим «керамическим» цивилизациям Средиземноморского круга. Дать точную количественную оценку трудно (в практике всё еще не стало обязательным взвешивание керамических фрагментов, хотя бы самого суммарного, по слоям) – но на эмпирическом уровне принципиальное отличие объема керамики в слоях XVII–XVIII вв. отмечают все работающие в русских городах Нового времени. Уже это, самое общее, наблюдение позволяет говорить о существенном вкладе археологии в понимание хода развития Российского государства начиная с Нового времени: появилась возможность наблюдать цивилизационный скачок в ключевых областях торговли, производства, комфорта быта (хороший пример – формирование «национального брэнда» культуры Московского государства – искусства изразца, изучение которого поднято на совершенно новый уровень[19]).

Однако представление о том, что «поздняя археология есть всего лишь самый дорогой способ узнать о том, что нам и так известно»[20], сохраняется в науке, отчасти опираясь на неписаную иерархию периодов: чем древнее, тем важнее. Необходимо не только развивать полевые работы. Важно перейти к системным исследованиям, которые позволят уверенно говорить об археологии Московского государства и Российской империи как о сложившейся области, сравнимой по значению с традиционными сферами фундаментальной науки[21].

Среди исследований уже выделяются системные долговременные проекты, в рамках которых складываются самостоятельные научные коллективы, заинтересованные в развитии археологии от позднего Средневековья до конца Российской империи. Особенно важно продвижение в изучении товарного производства (ремесленного, мануфактурного, раннего индустриального), о характере которого в России мы знаем до второй половины XVIII в. недостаточно. Прогресс достигнут в картографировании и исследовании быстро исчезающего класса солеварниц (М. И. Ворожейкина) и следов производства селитры, производства кож и изготовления обуви (Д. А. Осипов), археологического текстиля (И. И. Елкина), изготовления орудий из железа и стали (В. И. Завьялов) и других. Развивается «военная» археология, изучение оружия и пространства исторических битв (О. В. Двуреченский, М. И. Гоняный и др.), начиная от сражений на Куликовом поле и при Молодях и кончая полем Бородина (его пытались исследовать еще на рубеже 1970–1980-х гг.). Выработана оригинальная методика разведок на полях сражений – планшетная съемка. Особая зона постепенно складывается для изучения архитектурных ансамблей XVII–XIX вв. – крепостей и ранних дворцов, парков и иных комплексов в Москве (дворцы в Коломенском, Царицыно), Центральной России (Борисов городок), в Санкт-Петербурге с его пригородами, крепостей Приазовья, острогов Сибири.

Методическое продвижение заметно и на таком важном традиционном направлении, как изучение исторических некрополей – хорошо известных, как усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевском монастыре Суздаля XVII в. и кладбище московского Данилова монастыря XVIII–XIX вв.[22], и вновь открываемых, как братское кладбище наполеоновской эпохи в Кёнигсберге (А. Н. Хохлов, антропологические исследования под руководством члена-корреспондента РАН А. П. Бужиловой), погребения эпохи Смуты в Ярославле и «академическое кладбище» Троице-Сергиевой Лавры (А. В. Энговатова). Памятники этого типа особенно часто изучают в последние годы в связи с лавинообразным процессом возврата церковных и монастырских участков в ведение РПЦ и активным церковным строительством. При этом развиваются и традиционные археологические методы, и естественнонаучные методы, и новационные формы электронной фотограмметрии.

Совершенно особое место занял проект археологических исследований при восстановлении Воскре-

[19] См.: Баранова С. И. Русский изразец: записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 432 с. и другие ее работы.

[20] Выражение теоретика современной исторической археологии, специалиста по колониальному освоению Северной Америки Джеймса Дитца, см.: Deetz J. In Small Things Forgotten: An Archaeology of Early American Life. N.Y.: Anchor, Doubleday, 1996. 284 p. (1st ed.: 1977); Idem. American Historical Archaeology: Methods and Results // Science. AAAS. 1988. Vol. 239. P. 362–367; Deetz J., Deetz P. S. The Times of Their Lives: Life, Love, and Death in Plymouth Colony. New York: W. H. Freeman, 2000. P. 362–367.

[21] См., напр.: Ершов И. Н. Михаил Пришвин и российская археология. М.: ИА РАН, 2012. С. 12–28.

[22] См.: Беляев Л. А. Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: Даниловский благовестник, 2012. 504 с.; Его же. Усыпальница князей Хованских и Пожарских в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013. 264 с.

сенского Ново-Иерусалимского монастыря. Он обещает стать «локомотивом археологии» на рельсах, ведущих от конца Средних веков в эпоху Российской империи (см. ряд статей в настоящем сборнике). Но важность его не только в этом. Ново-Иерусалимский проект – один из тех, что не только отвечают на вопросы, оставленные почему-либо не раскрытыми исторической наукой. Он предоставляет материал, который при правильном подходе позволяет выдвигать новые вопросы и предлагать историко-культурные интерпретации, ранее в пространстве традиционного дискурса не существовавшие.

Подобные вопросы были сформулированы и после работ в Зачатьевском (Алексеевском) монастыре в Москве[23]. На те из них, что были поставлены в 1990-х гг. (хронология собора Высоко-Петровского монастыря[24]; история Казанского собора на Красной площади[25]), даны ответы. Важнейшим вкладом в археологию Московского периода стали исключительно проработанные Н. А. Кренке участки Опричного дворца Иоанна Грозного и Новый Монетный двор середины XVII в.[26]. Всё это позволяет в целом ряде случаев перебросить мост от начала XVI в. к началу XVIII в., от эпохи русско-итальянских контактов к раннепетровскому времени.

По сути дела, ту же задачу мы решаем, рука об руку с коллегами-историками, и в настоящем сборнике.

[23] Идут с 2003 г. См.: Беляев Л. А. Из глубины веков // Наука в России. М., 2010. № 6 (ноябрь–декабрь). С. 58–67; Беляев Л. А., Юлиания (Каледа), игумения. Зачатия праведной Анной пресвятой Богородицы женский монастырь // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XIX. С. 715–728 [подробная библиография].

[24] Дата собора Петра Митрополита в Высоко-Петровском монастыре изменена с конца XVII в. на начало XVI в. См.: Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы (конец XIII – XV вв.): по данным археологии. М.: Ин-т археологии РАН, 1994; 2-е, стереотип. изд.: 1995. 458 с.; 3-е, электронное расширенное изд.: 2010.

[25] В истории Казанского собора XVII в. после работ 1989–1991 гг. почти не осталось белых пятен. См.: Беляев Л. А. Казанский в честь Казанской иконы Божией Матери собор на Красной площади в Москве // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 29. С. 288–289, 291–292; Его же. Образ, Храм и Город: раскопки участка Казанского собора на Красной площади в Москве // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / [под ред. чл.-кор. РАН Н. А. Макарова]. М., 2009. С. 464–473.

[26] Кренке Н. А. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы / Кренке Н. А., авт.-сост. М.: Наука, 2009. 525 с.

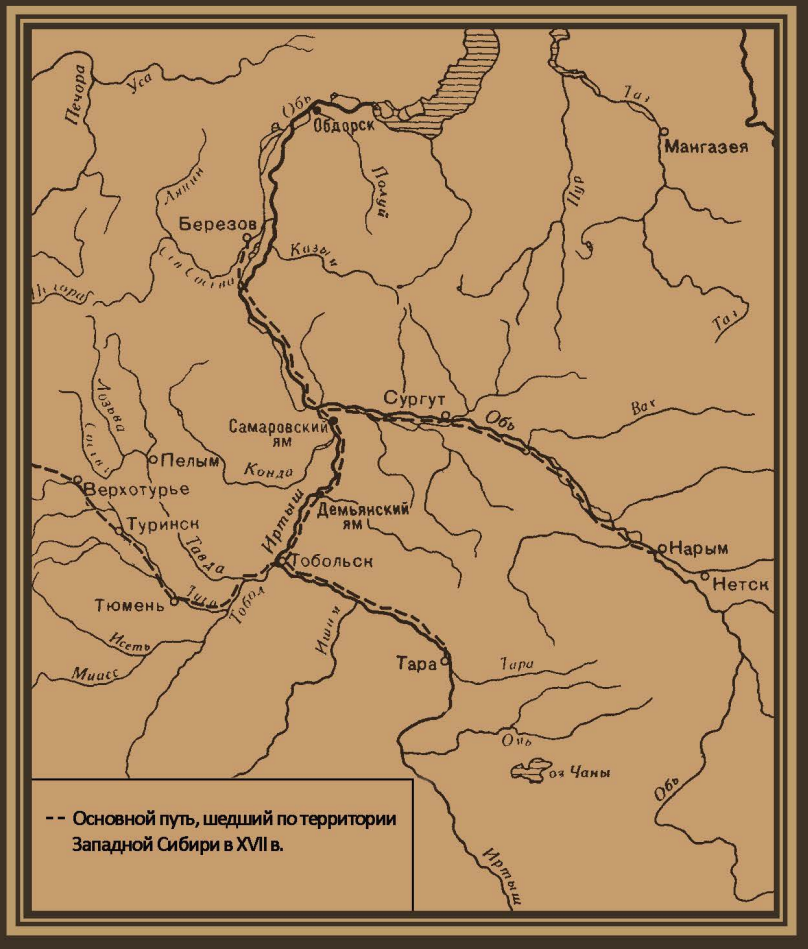
Л. А. Беляев

History of the Late Medieval and Early Modern Times in Russia: the Emergence of Archaeological Version

Key words: Late Middle Ages, Modern Age, Russian Empire, perversion of history, archaeology as a sphere of culture, archaeology of warfare

Abstract: Development of archaeology in the 17th – 19th centuries within the bounds of modern Russia put the highlighting of this period as a special approach on the agenda. There is no doubt about its importance as a phenomenon of the 21st-century world culture: it plays a special role in communication in the social and cultural space, in national and political identification and in other social processes. At the same time, it is necessary to identify more clearly the process of its development as a field of fundamental science. The article gives a brief review of the modern situation in "Russian historical archaeology". The problems of terminology and methodology are discussed. The meaning of the late period of archaeology for historical studies and the necessity of its separating into a special division are clarified.

L. A. Belyaev


Печора
Уса
Обь
Обдорск
Таз
Мангазея
Полуй
Пур
Березов
Казым
Таз
Лозьва
Сургут
Обь
Вах
Самаровский ям
Пелым
Конда
Верхотурье
Демьянский ям
Туринск
Иртыш
Тавда
Тобольск
Нарым
Нетск
Тюмень
Тобол
Ишим
Исеть
Миасс
Тара
Тара
Омь
оз Чаны
Обь
Иртыш
- - Основной путь, шедший по территории Западной Сибири в XVII в.

Часть I

ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА: ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

М. П. Черная

Сибирский опыт освоения пространств в историко-археологическом контексте*

Колонизация Сибири как расширение этнокультурной и государственной территории стала кульминацией процесса освоения Россией пространств – основного факта ее истории, «с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие факты»[1]. Первостепенную роль в выполнении социально-экономических и геополитических задач освоения Сибири и ее интеграции в Российское государство сыграли города. За 18 лет – с 1586 г. по 1604 г. – в Сибири появилось 12 городов[2], в разгар Смутного времени – один Туруханск (1607 г.). Однако приток переселенцев в Сибирь в этот сложный для России период не иссякал, а уже существовавшие города, «прорастая» в окружающем пространстве поселениями сельского типа, выступали полифункциональными центрами осваиваемых земель. Постройкой Охотского острога в 1649 г. Россия закрепила свой выход к Тихому океану. К концу XVII в. была создана сеть из 73 городов и острогов[3] и сотен гнездящихся вокруг них разнотипных поселков. Вместе они представляли, несмотря на большие дистанции и еще не заселенные «пустоты», систему опорных пунктов колонизации, связавших Сибирь и Россию в единый организм, евразийский по территориальным и имперский по государственным масштабам.

В Сибири, пусть неровно, более или менее ощутимыми «импульсами», но раньше, чем в Европейской России, происходило изменение отношения к поздней археологии. В отличие от европейской части, богатой на русское археологическое наследие широкого хронологического диапазона, в Сибири появление памятников русских землепроходцев относится к последней четверти XVI – началу XVII в. Даже эпизодические и ограниченные по объему раскопки давали столь необычный для сибирских археологов, занимавшихся аборигенной культурой, массовый и выразительный материал, что это вызывало профессиональное признание его научного потенциала и историко-культурной значимости, несмотря на традиционно-стереотипный приоритет письменных источников. Отличие «европейского» и «сибирского» взглядов на перспективность поздней археологии демонстрирует, с одной стороны, мнение А. В. Никитина – крупного специалиста по русской археологии, приглашенного в конце 1950-х гг. для раскопок Братского острога. Он утверждал, что «в работе над поздними памятниками нельзя рассчитывать на открытия первостепенной важности»[4]. Противоположное мнение о значимости «планомерного изучения памятников Сибири XVII века» по материалам раскопок Красноярского острога в это же время высказала И. Б. Николаева[5]. Еще раньше – в начале

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (проект №14-50-00036). В статье также использованы результаты, полученные в ходе выполнения научного проекта № 8.1.19. 2016 в рамках Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

[1] Ключевский В. О. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. Ч. 1: Курс русской истории. С. 3, 32.

[2] Резун Д. Я. К истории заселения Сибири и Северной Америки в XVII веке: (историко-сравнительные параллели) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В. Новосибирск: ИДМИ, 2001. С. 19–20.

[3] Там же. С. 20–22.

[4] Никитин А. В. Братский острог // СА. 1961. № 2. С. 217–226.

[5] Николаева И. Б. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Кн. изд-во, 1963. С. 115–123.

1950-х гг. – была сформулирована задача проведения квалифицированных раскопок средневекового Томска[6]. А уже в 1960 г. в пленарном докладе на конференции по истории Сибири и Дальнего Востока академик А. П. Окладников поставил вопрос о необходимости археологического изучения русской культуры XVII–XVIII вв.[7].

В археологическом отражении процесс этнокультурного расширения границ представлен комплексно: в поселениях и некрополях, форпостах оборонительных линий, артефактах мирного и военного быта. Русская археология как новое направление сибиреведения принципиально расширила возможности изучения не только собственно городов, но характера и содержания колонизации края[8].

Начало проникновения в Сибирь русских, следовавших Северным морским путем, вещественно зафиксировано яркой находкой остатков промысловой экспедиции на о. Фаддея и в заливе Симса. Археологическое открытие стоянок на Таймыре, сделанное на рубеже 1940–1950-х гг., свидетельствует о приоритете русских полярных мореходов в освоении путей на холодных просторах Арктики. Своим будничным героизмом, «неустрашимой предприимчивостью» оставшиеся безымянными землепроходцы внесли вклад в дело Великих географических открытий[9].

Многочисленные судовые детали, использовавшиеся для возведения построек на Крайнем Севере ввиду недостатка строительного леса, не только подтвердили существование судов разных типов, что известно из других источников, но позволили предложить различные варианты реконструкции их внешнего вида, особенностей конструкции и технического оснащения[10].

Археологический поиск и фиксация основных широтных и меридиональных маршрутов (дорог), переправ, укрепленных линий не просто иллюстрирует и дополняет письменные/картографические данные, но в ряде случаев дает основание для пересмотра некоторых схем освоения территории, как, например, в Среднем Прииртышье, где в ходе археологического обследования обнаружилось неверное обозначение в письменных источниках месторасположения Тарской дистанции Ишимской оборонительной линии в 1740-х гг. Различные типы форпостов (на Ишимской линии их около 20), в том числе классической четырехугольной формы с пятиугольными бастионами на углах, мало и вовсе неизвестные укрепления, поселки, захоронения и другие археологически зафиксированные объекты маркируют трассы продвижения и оборонительные линии, физически воплощают архитектуру, элементы жизнеобеспечения, формы контактов русских переселенцев[11].

Археология дает представление о многообразии построек – от надворных до оборонительных, – о технических и конструктивных приемах строительства, планировке усадеб, композиционной структуре поселений, что позволяет воссоздать архитектурный облик русского присутствия в крае.

Строительная культура, которую несли с собой переселенцы, будь то служилые, крестьяне или посадские, наиболее активно и наглядно встраивается в новую среду и одновременно подстраивает осваиваемое пространство под себя, создавая свою среду. Вывод историков архитектуры и этнографов, сделанный в основном по материалам XIX – начала XX в. по сохранившимся натурным памятникам, об общей для Европейской России и Сибири строительной основе подтверждается данными раскопок, объем которых год от года увеличивается и, что важно, заполняет хронологическую лакуну по меньшей мере в 100–150 лет, позволяя проследить непрерывную

[6] Петров Н. М. Опыт восстановления плана Томского города и острога начала XVII в. // Труды Томск. обл. краевед. музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 75.

[7] Матющенко В. И. Сибирская археология в 1940–1950-е годы: учеб. пособие. Омск, 1994. С. 86.

[8] Черная М. П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М.: ИА РАН, 2008. С. 482–515.

[9] Окладников А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л., 1948. 158 с.

[10] Белов М. И. Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: (археологические находки на о. Фаддея и на берегу залива Симса). Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. С. 63–80; Данилевский В. В. Русские навигационные приборы первой четверти XVII в. // Там же. С. 53–62; Шедлинг Ф. М. Остатки судна // Там же. С. 81–84; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Л.: Гидрометеоиздат, 1980. Ч. 1: Мангазейский морской ход. С. 122–126, 164, прил. XXXV, рис. 2; Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики. М.: Науч. мир, 2001. Т. II: Россия и Северо-Восточный проход. С. 53–82; Его же. Русское мореплавание и освоение северо-запада Западной Сибири в XVI – начале XVII в. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. С. 78–80; Кухтерин С. А. Традиционное северорусское судно – коч: Проблемы изучения и реконструкции. Реконструкция по материалам археологических исследований на Мангазейском городище 2001–2009 гг. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 206–213.

[11] Матвеев А. В. Археологические исследования форпостов Ишимской (Старо-Ишимской) линии XVIII века и реконструкция передвижений русского населения Прииртышья // Русские старожилы: материалы III Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 дек., 2000 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 421–423; Его же. Переправы через р. Иртыш в свете изучения сибирских оборонительных линий XVII в. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. С. 52–54; Его же. Дороги Верхнего и Среднего Приошья в XVII–XVIII вв.: (попытка исторической реконструкции) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 82–88.

линию развития строительных традиций со времен Древней Руси до империи включительно[12].

Единство строительных традиций в деревянном зодчестве (а архитектурный облик Сибири воплощала деревянная застройка, за исключением каменных кремлей в Тобольске, Верхотурье и ряда каменных церквей, сменивших своих деревянных предшественниц) проявлялось в технике рубки: «в обло» (в большинстве случаев), «в лапу», с выборкой чашки и паза в нижнем бревне, смешанной срубно-столбовой технике соединения, а также различной технике набирки стен – вертикальной и горизонтальной. Деревянные постройки ставились преимущественно без фундамента, столбы-стулья, камни под углами или стенами, часто песчаные или глиняные подсыпки выполняли нивелирующую и влагоизолирующую функцию. В более редких случаях археологически фиксируются опоры-фундаменты, например, под башней Умревинского острога[13].

Для сохранения тепла вокруг жилых (иногда животноводческих) построек возводили завалинки разных конструкций, внутрь которых насыпали землю, глину, укладывали обрезки плах, досок, как например, выявлено в Таре или при раскопках поселений Крайнего Севера Сибири[14]. Сооружались завалинки и для изоляции от влаги, сырости. Завалинки или двойные срубы вокруг ледников предназначались для поддержания низких температур.

Перенос и адаптация строительных традиций в Сибири находит отражение в приемах обустройства порогов, дверных проемов, самих дверей и окон, способах настила полов, дворовых вымосток и мостовых, в конструкциях разнообразных хозяйственных построек.

Раскопки городских и сельских жилищно-хозяйственных комплексов (Мангазея, Верхотурье, Томск, Иркутск, Изюк) обеспечили источниковой базой реконструкцию планировки, состава построек и облика сибирской усадьбы в целом[15].

Археологическое изучение домостроительства в широком хронологическом и пространственном диапазоне, включая Сибирь, показывает целостность русской архитектуры на всем протяжении ее развития. Устойчивость и стандартность основных приемов и техники строительства сочетаются с гибкостью и вариативностью их использования. Вместе с тем, археологические данные демонстрируют постепенность формирования архитектурно-строительных особенностей, которые на памятниках конца XVIII – начала XX в. воспринимаются как давние, традиционные, а на самом деле 100–300 и более лет назад еще только начинали складываться. Это относится к усадебной застройке и ее типам, внутренней планировке жилища, постройкам на подклете, который как бы «вырастал» из земли, превратившись со временем в нижний ярус дома, и т. д.[16].

---

[12] Черная М. П. Историко-архитектурный облик средневекового сибирского города: методика сравнительно-исторического анализа // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 423–428.

[13] Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог // Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, НГПУ, 2009. С. 49–52, рис. 25, 26.

[14] Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 171; Их же. Мангазея: новые археологические исследования: (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. С. 58; Визгалов Г. П., Рудковская М. А. Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 182.

[15] Овсянников О. В. Дом и усадьба в сибирском городе XVII в. // КСИА. М., 1973. Вып. 136. С. 41–46; Корчагин П. А. Археологическое изучение усадьбы конца XVII века в г. Верхотурье // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы VI Всерос. науч. семинара. М.; Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 146–149; Его же. История Верхотурья (1598–1926): закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург: Банк культ. информации, 2001. 180 с.; Черная М. П. Роль воеводской усадьбы в формировании социального облика средневекового города // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 223–232; Ее же. Археологический Томск в контексте культурного освоения Сибири // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22–23 мая 2012 г.). Мінск: Беларус. навука, 2012. С. 492–504; Белоненко В. В., Куклина Н. П. Раскопки Иркутской усадьбы XVIII века в историческом центре Иркутска // Дуловские чтения 1997 года (секция археологии и этнографии). Иркутск, 1997. С. 117–122; Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск: Апельсин, 2010. Рис. 21; Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция / М.П. Черная – Томск: ИД «Д`Принт», 2015. – 276 с.

[16] Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1950. 140 с.; Его же. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. 280 с.; Ганцкая О. А. Строительная техника русских крестьян // Русские: историко-этнографический атлас (земледелие, крестьянское жилище, крестьянская одежда середины XIX – начала XX в.). М.: Наука, 1967. С. 166–187; Громов Г. Г. Жилище // Очерки русской культуры XVI века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. Ч. 1. С. 182–201; Его же. Жилище // Очерки русской культуры XVII века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. Ч. 1. С. 134–201; Даркевич В. П. Усадьбы XVII века в Старой Рязани // РА. 1994. № 1. С. 180–190; Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. М., 1963. № 123: Жилища древнего Новгорода. С. 5–165; Кутовой А. И. Усадьбы как основные элементы градостроительства структуры древнерусского города // Древнерусский город: материалы Всесоюз. археол. конф. Киев: Наук. думка, 1984. С. 65–67; Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища (Северное и Верхнее Поволжье). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 338 с.; Его же. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII–XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1971. Ч. 1: Приангарье. С. 106–143; Милослав-

Важную информацию о разнообразных сторонах жизнедеятельности носителей русской культуры наряду с поселенческими комплексами несут погребальные памятники. Повсеместное распространение некрополей является показателем прочного освоения территорий. Сибирь становилась своей землей и держала не только повседневными нуждами, но и могилами предков, сородичей, земляков, в чем проявлялась диалектика обживания пространства: при постоянных поселениях формировались и стационарные кладбища, что отражало круговорот жизни-смерти.

Анализ материалов ряда обширных городских и сельских некрополей, прослеженный в динамике и на широком сравнительном поле, выявил особенности погребальной практики русских сибиряков. Выяснилось, что основные признаки погребального обряда: расположение и глубина могил, ориентация, положение умершего и его рук, выбор внутримогильной конструкции и сопроводительных вещей – менялись во времени, пространстве и в зависимости от ситуации.

Выявление таких дополнительных черт, как коллективные погребения (например, минимум 3–4 человека в одном гробу), вторичное захоронение останков из разрушенных могил, частое ярусное расположение захоронений, использование бересты для подстилки или обертывания умершего, подсыпка земли в колоду, случаи несоответствия размеров тела и домовины, когда в головах оставалось свободное пространство либо, напротив, покойника втискивали в заведомо тесный гроб, подрезая сухожилия на ногах, клали на бок, подгибая ноги, или поднимали плечи[17], ставит проблему критериев «православного» обряда погребения, соотношения канонических / неканонических признаков.

Безусловный научный интерес представляют содержательный анализ роли нательного креста в историческом контексте погребального обряда и его семантики, а также типология крестов-тельников, разработанная на материалах Илимского некрополя[18] и ставшая образцом для типологической характеристики коллекций из других памятников[19].

До 1621 г. не было правила, обязывающего носить крест, как и сопровождать им покойного. Однако и после указа патриарха Филарета это далеко не сразу и не просто внедрялось в практику. Поэтому в погребениях XVII – начала XVIII в. тельников

ский М. Г. Техника деревянного зодчества на Руси в XVI–XVII вв. // Труды ИИЕТ. М., 1956. Т. 7. С. 44–111; Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л.: Стройиздат, 1981. 128 с.; Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С. 156–244; Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В. Жилище // Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 136–154; Шелегина О. Н. Жилище русских крестьян Западной Сибири, конец XVII – первая половина XIX в. // Культурная жизнь Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: Наука, 1981. С. 114–118; и др.

[17] Бердников И. М. Некрополи Иркутска XVIII–XIX вв. Результаты археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 275–282; Его же. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник (по материалам исследований в Иркутске): дис. … канд. ист. наук: 0.00.06. Новосибирск, 2012. С. 53, 84, 154–157; Бородовский А. П., Воробьев А. А. Некрополь на территории Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 191–202; Бородовский А. П., Горохов С. В. Указ. соч. С. 60–82; Воробьев А. А. Из опыта первых исследований погребальных памятников российского освоения Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 169–178; Васильевский Р. С., Молодин В. И., Седякина Е. Ф. Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука, 1978. С. 215–232; Погорелов С. Н., Святов В. Н. Захоронения первопоселенцев г. Верхотурья и г. Каменска-Уральского // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 118–121; Пугачев Д. А., Воробьев А. А. Стеклянные изделия из погребений Нагорного кладбища г. Барнаула // Там же. С. 122–127; Тарасов А. Ю. Исторические некрополи Красноярска XVII–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 192–194; Его же. Археологическое изучении исторических некрополей Красноярска // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 262–263; Татауров С. Ф. Город Тара – с чистого листа // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 245; Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских … ; Ширин Ю. В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 416–422; Чугунов С. М. Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ // Материалы для антропологии Сибири. Томск, 1905. Т. XV. 264 с. (Известия Томск. ун-та; кн. XXVII); и др.

[18] Молодин В. И. Кресты-тельники Сибири как объект научного изучения // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 96–102; Его же. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.; Его же. Очерки по ставрографии. Красноярск: КГПУ, 2008. 164 с.

[19] Аношко О. М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 259–267; Бердников И. М. Сибирский православный некрополь … С. 58–74, 78–81, 88–102, 109–112, 125–131, 136–143; Скобелев С. Г. Особенности отношения к предметам религиозного культа у русских первопроходцев в Южной Сибири в XVIII в. (по материалам Саянского острога) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 238–246; Татаурова Л. В., Кромм И. Д. К вопросу о типологии крестов-тельников из русских памятников Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 284–285.

не очень много даже с учетом того, что некоторые кресты могли не сохраниться из-за тленности материала. Но и в XVIII–XIX в. до 30 % захоронений сибирских православных некрополей не содержит нательных крестов[20]. Сибирские материалы в какой-то мере отражают отмеченную для северных окраин Древней Руси XI–XIII вв. тенденцию исчезновения крестов и образков из погребений по мере упрочения и распространения ортодоксального христианского обряда и исчезновения необходимости внешней демонстрации крещения[21]. Определенную роль играло отсутствие в «мирском чине погребения» правила сопровождения умерших крестами, что подтверждают и археологические данные[22].

В литературе также дискутируется вопрос о признаках, отличающих старообрядческий тельник от креста официального православия, и шире – проблема критериев для атрибуции официально православного, старообрядческого или языческого погребений[23].

Из сказанного следует, что строгой регламентации погребального обряда не было, в зависимости от местных обычаев, конкретных обстоятельств практика осуществления обряда в той или мере отклонялась от официальных канонов. Да и сложение самих канонов шло постепенно, а их закрепление в виде более-менее сформировавшихся признаков происходит уже в этнографической современности. Еще больше на это влияли языческие пережитки в среде носителей народного варианта православия. Языческие элементы в погребениях археологически документируются находками монет, в том числе и во рту умершего как платы за переход на тот свет, случаями намеренной порчи нательных крестов, остатками тризн и ритуального битья посуды, следами окуривания умершего и гроба, экзгумацией и частичным расчленением трупа как акта охранительной магии[24].

Отмеченные для русских сибиряков особенности погребального обряда были принесены переселенцами из Европейской России. С Древней Руси и до Нового времени от северо-западных окраин, памятников поморов на Шпицбергене до Приуралья практиковались ярусные захоронения, различная глубина и ориентация могил, вариации в расположении рук, синхронное бытование разных типов крестов и частое их отсутствие в захоронениях, использование бересты, монет и проч.[25].

Одним из перспективных направлений работы по материалам некрополей является пластическая реконструкция облика по черепу. Благодаря этим исследованиям мы можем увидеть лица ушедших людей, в том числе известных в истории деятелей, чей облик, казалось, утрачен навсегда. Неожиданный и, в определенном смысле, сенсационный результат был получен при восстановлении облика капитан-командора Витуса Беринга, погибшего на Командорских островах. После реставрации предстало лицо, совершенно отличное от ставшего хрестоматийным портрета, на котором, как выяснилось в ходе специальных изысканий, изображен дядя капитан-командора[26]. Недавно по данным городских кладбищ XVIII–XIX вв. создана галерея портретов иркутян[27].

Следующая проблема – содержательная характеристика города. Углубленное изучение источни-

[20] Бердников И. М. Сибирский православный некрополь ... С. 82, 105, 118–122.

[21] Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.: Скиптории, 1997. С. 155.

[22] Воробьев-Исаев А. А. Духовная сторона православного обряда погребения по археологическим источникам // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 199.

[23] Черная М. П. Проблемы русской колонизации и христианизации Сибири (опыт комплексного анализа) // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 129–143; Ее же. Роль христианизации в русской колонизации Сибири // Русский вопрос и современность. Омск, 1998. С. 199–201; Самигулов Г. Х. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 154–168; Его же. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX века: (к вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 202–221; Бердников И. М. Сибирский православный некрополь ... С. 117–118, 131–133.

[24] Бердников И. М. Сибирский православный некрополь ... С. 55, 58, 114–117, 122–124; Молодин В. И. Крестыльники Илимского острога ... С. 87; Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских ... С. 96–97.

[25] Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013. С. 53–54, 62, 153–156, 169; Векслер А. Г., Беркович В. А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.: Наука, 1999. С. 181–225; Макаров Л. Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 6. С. 192–233; Панова Т. Д. Царство смерти: погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радуница, 2004. 184 с.; Степанов С. В. Исследования на территории некрополя Спасо-Елеазаровского монастыря // АИППЗ: материалы 56 заседания. М.; Псков, 2011. С. 95–105; Торопова Е. В., Колосницын П. П., Воронков И. А. Археологические исследования у церкви Святого Великомученика в Старой Руссе в 2007 г. // АИППЗ: материалы 54 заседания. Псков, 2009. С. 270–272; Хохоровски Я. Православные нательные кресты из поморских захоронений южного Шпицбергена: (по результатам польских археологических исследований) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 396–415; и др.

[26] Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции. М.: Науч. мир, 2002. С. 97–125.

[27] Лица первых иркутян: альбом графических реконструкций / Н. Е. Бердникова, И. М. Бердников, Р. М. Галеев, Н. А. Батракова, Н. В. Харламова, М. М. Герасимова. Иркутск: Амтера, 2011. 84 с.

ков привело историков к важному выводу: русские города Сибири подчинялись в своем становлении и развитии общим закономерностям, с момента возникновения были полифункциональны, одновременно выполняя обязанности военных, административных, хозяйственных, финансовых, культовых, культурных центров. В определенный отрезок времени какие-то функции или функция становились главными и определяли облик конкретного города[28].

Заключение о многопрофильности городской экономики находит убедительное археологическое подтверждение (находки орудий труда, производственно-предметного комплекса, деталей промыслового снаряжения, специализированных построек и др.). Это справедливо не только для ведущих городских центров, расположенных в относительно благоприятных по природным условиям районах, таких как Тобольск, Томск, но и для поселений на Крайнем Севере. Как показало археологическое обследование, Алазейский и Стадухинский остроги в Заполярье при очевидной «пушномобилизующей» направленности хозяйствования обнаруживают четкие признаки многофакторного развития, сочетавшего рыболовство, скотоводство, кузнечное, плотницкое, столярное, кожевенное, обувное, косторезное дело, торговлю[29]. В свете масштабных археологических данных Мангазея предстает городом с развитой экономикой, сочетавшей промыслы (охоту, рыболовство), животноводство, ремесла (керамическое, портняжное, обувное, косторезное, металло- и деревообработку) и торговлю. Мангазея обладала характерным городским обликом и застройкой, бытовой и досуговой культурой, постоянным контингентом жителей, которые воспитывали и обучали грамоте детей и сами были в значительной части грамотными[30].

В исторической конкретике полный комплекс функций был присущ не каждому городу. Взаимообусловленный синтез функций был свойственен городской сети – системе взаимосвязанных поселений. Сложная и дифференцированная система городов существовала в Древней Руси уже в X в., и ее развитие было связано со становлением древнерусской государственности[31]. Территориальная экспансия Московского государства в Сибири разворачивалась по веками отработанному «сценарию» – созданию иерархической сети поселений, в которой города, по выражению Б. А. Рыбакова, выступали «точками роста». Каждый крупный город возглавлял взаимосвязанную систему более мелких острогов, которые, в свою очередь, окружала сеть земледельческих, торговых, ремесленных, ямщицких слобод, а к ним тяготели заимки, погосты, деревни, села. Все вместе они составляли устойчивый территориально-демографический, социально-хозяйственный и этнокультурный комплекс поселений, воспроизводящий целостную структуру общества[32].

Эффективное функционирование города обусловливалось его расположением, что учитывалось с момента основания и должно было отвечать стратегическим задачам освоения края. Место, значение и перспективы развития поселения могли меняться в зависимости от конкретно-исторической ситуации, тогда город переносили, и неоднократно (Нарым не менее семи раз), или он прекращал свое существование, как Лозвинский городок после открытия Бабиновской дороги. В связи с этим перед исследователем встает проблема локализации поселения, успешное решение которой (и не только этой проблемы!) определяется как состоянием источниковой базы, так и необходимостью научной критики источников, что обеспечивает методическую аргументированность пространственной привязки[33]. Богатство источни-

[28] Вилков О. Н. Сибирский город конца XVII – первой четверти XVIII века в современной русской советской историографии // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1: Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. С. 39–42; Вилков О. Н., Башкатова З. В. Общее и особенное в возникновении и развитии городов Сибири конца XVI – начала XVIII в. // Феодализм в России. М.: Наука, 1985. С. 132–137; Квецинская Т. Е. Город Верхотурье в XVII – начале XVIII в. в отечественной историографии // Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1984. С. 61–68; Люцидарская А. А. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск: Наука, 1997. С. 154; и др.

[29] Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии СО РАН, 1996. 152 с.

[30] Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея ... Ч. 1; Их же. Мангазея. М.: Наука, 1981. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. 147 с.; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования ...

[31] Ильин П. М. Функции городов и развитие сети городских поселений СССР. Киев, 1978; Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. М.: Наука, 1983. Вып. 6. С. 4–36; Его же. Древнерусские поселения // Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 39–94; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 320 с.; и др.

[32] Резун Д. Я. К характеристике документов приказного делопроизводства как источника по историографии сибирского города XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1977. С. 11–26; Его же. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII в. // ВИ. 1979. № 10. С. 172–176; Его же. Русские в Среднем Причулымье в XVII–XIX вв.: проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 3–5; Его же. Современная урбанистика и сибирское городоведение XVIII – первой половины XIX в. // Источниковедение и история городов Сибири конца XVI – первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1987. С. 230–231.

[33] Черная М. П. «О строении Нарыма с некоторыми до сих мест касающимися прежних времен приключениями» // Тобольск и вся Сибирь. Нарым. Тобольск, 2009. № 11. С. 21–29; Ее же. Методико-источниковедческие под-

ковой базы дает преимущество в изучении поздних периодов истории. Разные виды источников – археологические, письменные, картографические, изобразительные – по-своему отображают исторические реалии. Их синтез без противопоставления и сомнительного мотива «состязательности», но репрезентативное сочетание источников, обязательный критический перекрестный анализ данных[34] повышают уровень достоверности и полноты исследовательских реконструкций.

Традиционный уклад жизни отражается в наборе привычных для обихода предметов, в деталях оформления интерьера дома, двора и служит предметным воплощением обустройства «своего» мира на обживаемых территориях.

Досуговая культура отражена в атрибутах детских и взрослых игр. Эта сторона жизни представляет немалый исследовательский интерес. Игра является естественным и необходимым компонентом культуры. Функции игры были многообразны, и ее значение в жизни общества, в основе своей, позитивно. Об этом свидетельствуют и обучающие игры, посредством которых с детских лет приобщали к традициям, миру взрослых, развивали определенные навыки, что археологически документируется находками игрушек в городских и сельских поселениях[35].

Одним из наиболее ярких атрибутов досуговой культуры являются шахматы – деревянные и костяные, изготовленные профессионалами-ремесленниками, и самоделки. Повсеместное, «от Москвы до самых до окраин», увлечение шахматами выявляло тяготение народа к интеллектуальным играм, что показывает высокий уровень развития культуры русского средневекового города, в том числе и сибирского. Богатейшие археологические шахматные коллекции Мангазеи и Алазейского острога, стоянок промысловиков-поморов[36] или скромные по количеству игральные наборы из Томска и других городов являются материальным воплощением интереса к умственным забавам людей, которые в тяжелейших, подчас предельно опасных условиях прокладывали дороги в Сибирь и осваивали суровый край, не теряя ни присутствия, ни силы духа.

Силовую составляющую колонизации нагляднее всего фиксируют предметы вооружения и оборонительные сооружения. Археологические памятники представляют богатый набор вариантов оборонительных конструкций, что является реализацией строительного, военно-инженерного опыта применительно к конкретно-исторической ситуации.

Разнообразие конструктивных приемов отличает как простейший тип оборонительных стен – острог с одно-, двух- и более рядными стенами с дополнительными укреплениями и без них, – так и рубленый тип крепостных стен из приставленных друг к другу городен или же тарас в виде двойной стены с перерубами и жестким сочленением звеньев-клетей. Включение в оборонительную систему городов башен, раскатов, бастионов (с середины XVII в.), а также подземных ходов, тенденция к геометрически правильной, «регулярной» планировке позволяли вести эффективную защиту и демонстрировать мощь России. Фортификация на осваиваемых землях продолжала традиции русского оборонного зодчества и являлась ее неотъемлемой частью[37].

Силовая составляющая была необходимым, но недостаточным и не главным фактором освоения Сибирского края. Города с их военно-оборонительной функцией создавали «силовые линии» безопасности или «ребра жесткости», стабилизировавшие общую структуру расселения и мирной хозяйственной деятельности[38].

Показательна судьба «воровского» Албазинского острога, поставленного в 1665 г. не по царе-

ходы к решению проблемы локализации исторических объектов // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. Томск, 2013. № 3 (23). С. 81–90.

[34] Беляев Л. А. Некрополь Данилова монастыря в XVII – начале XX века: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: Даниловский благовестник; Ин-т археологии РАН, 2011. С. 83–86.

[35] Розенфельдт Р.Л. Игры детей // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 114–119, табл. 80, 81; Черная М. П. Азартные игры в досуге томичей: предварительные замечания к социально-психологическому анализу // Традиционное сознание: проблемы реконструкции / Байбурин А. К., Березовая Л. Г., Балакин Ю. В. и др. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 286–296; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования ... С. 104–105, рис. 166, 167; Татаурова Л. В. Игры и игрушки русского населения Среднего Прииртышья в XVII–XIX вв.: по данным археологии // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 197–200; и др.

[36] Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 2. С. 4; Пархимович С. Г. Мангазейские шахматы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 300–314; Алексеев А. Н. Указ. соч. С. 41; Замятнин С. Н. О старинных русских шахматах // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: археологические находки на о. Фаддея и на берегу залива Симса. Л.; М. Изд-во Главсевморпути, 1951. С. 147–152; Старков В. Ф. Духовная культура северорусского населения: по данным археологии // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2005. С. 337–339.

[37] Черная М. П. Оборонительная система Томского кремля середины XVII – XVIII в.: перенос и адаптация традиций // Оборонительные сооружения и монументальное зодчество Древней Руси. СПб., 2014. (В печати).

[38] Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике, XVI–XX века. М.: Наука, 2004. С. 33–34, 278, 294.

ву указу, а бежавшими на Амур казаками. Заложив острог, они взяли на себя функцию сбора ясака, исправно высылая его через Нерчинск в Москву, и настолько преуспели в этом, что по настоянию сибирских властей были в 1672 г. прощены и поверстаны на государеву службу. Так «воровской» острог стал государственным. Необычно не только начало, неординарна дальнейшая судьба Албазина, которому выпало отстаивать государственные интересы на дальневосточных рубежах сначала в 1685 г., когда тыновые стены Албазина не могли противостоять пушечному бою маньчжуров, поэтому уже через несколько дней осады острог был сдан. Раскопанные остатки фортификации Албазина 1686–1689 гг. состояли из земляной насыпи, усиленной плетнем, такой тип укреплений назывался со времен Древней Руси «китай-городом». Дерево-земляные сооружения были дополнены «бастеями» (бастионами) – выступающими за линию валов платформами, которые обеспечивали более эффективный фланкирующий огонь орудий, чем пушки на башнях, стоявших в линии таких валов. В 1686 г. защитники Албазина держали многомесячную осаду против восьмикратно большей маньчжурской армии. Раскопками обнаружено страшное свидетельство тяжелейшей для албазинцев последней осады города. В полуземлянке нашли останки 57 тел, среди них несколько детей и женщин. Как свидетельствуют многочисленные находки, все они были положены одетыми. Только один погребенный лежал в гробу. По источникам выяснено, что осенью – зимой 1686–1687 г., когда в крепости умер священник, руководивший обороной после гибели воеводы А. Л. Толбузина, казачий голова А. И. Бейтон запретил хоронить албазинцев без церковного отпевания и велел складывать в опустевшие полуземлянки «поверх земли». Сколько было таких полуземлянок, неизвестно. Погибших было много больше: из 826 человек в живых осталось только 66 «осадных сидельцев»[39]. В 1992 г. останки погибших перезахоронили, отслужили торжественный молебен и произвели воинский салют. Ежегодное поминовение павших их праправнуками, как и сама героическая оборона Албазина, представляется проявлением национально-государственного самосознания и исторической памяти, связывающей прошлое и настоящее.

Назову еще одну проблему, которая вплетена в контекст колонизации, – взаимовлияние аборигенной и русской культур. Это сложная и многоплановая тема. Археологические данные отражают не столько событийный ряд, сколько взаимную заинтересованность сторон в обмене культурными потенциалами. Диалог культур, носители которых, выстраивая свои взаимоотношения, вступали в разнообразные контакты, раскрывает широкий ассортимент изделий русского импорта в аборигенных и предметного комплекса автохтонов в русских памятниках.

Русская культура в этом диалоге продемонстрировала свою устойчивость и мощный адаптационный потенциал в специфических и разнообразных природных условиях края, в полиэтничной и поликультурной среде, сохраняя свое внутреннее единство и облик. Обратное воздействие русской культуры было более сильным, особенно в усвоении автохтонами хозяйственных навыков в земледелии и даже охоте и рыболовстве, но влияние проявилось больше во внешних, чем внутренних изменениях.

В пестроцветье культур и народов Сибирского региона при разных формах и интенсивности контактов не было жесткого культурного противостояния, но оставалась возможность сохранения и развития этнокультурной идентичности как для аборигенного населения, так и русских переселенцев, вполне укоренившихся на освоенных землях.

Археологические данные документируют также значение Сибири как важнейшего звена в развитии и укреплении культурных связей России с Востоком и Западом. Предметным воплощением связей был наплыв разнообразного импорта, представленного монетными жетонами, украшениями (бусы-одекуй, перстни и др.), металлическими колокольчиками, наперстками, фарфоровой, фаянсовой, стеклянной, оловянной посудой и проч. В том или ином составе и объеме импортные вещи находят на всех русских памятниках Сибири и в могильниках аборигенов, к которым они попадали через посредничество русских. Заметный процент служилой «литвы», представленной выходцами из Речи Посполитой, и прочие «иноземцы», хотя и в меньшем числе, тоже являются отражением этих связей. Больше всего было поляков, что объясняется историческими обстоятельствами не только Смутного времени, но и последующими военно-политическими конфликтами. Многие поляки, будучи грамотными и имея военный опыт, оказывались в привилегированных слоях служилого сословия и обретали в Сибири вторую родину. Материальным свидетельством польского присутствия являются католические кресты-тельники, обнаруженные, подчеркну, на православных некрополях. Археологически зафиксировано помещение креста в руку покойного – деталь погребального обряда, до сих пор бытующая в польской культуре[40].

[39] Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. / РАН, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1999. С. 104, 107–108, 113–114.

[40] Бердников И. М. Сибирский православный некрополь ... С. 66, 71, 99–102, 112, 130–131, 133, 139–141; Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога ... С. 84–85.

Приведу выразительные примеры переноса и переработки западных традиций уже в саму русскую культуру. В одном случае – это большеформатные муравленые изразцы из облицовки печи в хоромах томского воеводы. На лицевой пластине изразцов – одноглавый орел с короной над головой и высоко поднятыми распростертыми крыльями, держащий в лапах опущенный лук с натянутой тетивой. В другом случае – это печать Албазина, время создания которой относится примерно к 1682 г., с изображением одноглавого орла с короной и распростертыми крыльями, держащий в левой лапе лук, в правой – оперенную стрелу острием вниз. На печати круговая надпись: «ПЕЧАТ[Ь] ВЕЛИКИХ Г[ОСУ]ДАРЕЙ СИБИРСКИЕ ЗЕМЛИ АЛБАЗИНСК[О]ГО ОСТРОГУ». И на изразцах и на печати отражена символика государственной власти. Не вдаваясь в подробный ее разбор, подчеркну, что, на мой взгляд, эти официальные по своему назначению вещи несут на себе черты западного влияния. Известно, что в 1672 г. Алексей Михайлович проводил геральдическую реформу, в Россию хлынул поток художников и геральдистов из Речи Посполитой, трудившихся над модернизацией русского герба в духе западных традиций. Несколько ранее – в середине XVII в. – патриарх Никон в связи со строительством в Ново-Иерусалимском монастыре и организацией изразцового производства приглашает так называемых белорусских мастеров-изразечников, которые были выходцами все из той же Речи Посполитой. Мастера изразцового дела и геральдисты несли с собой западные идеи и образы, определенный стиль их воплощения. В рассматриваемых случаях это проявляется не только в прорисовке такой заметной детали, как поднятые крылья, тогда как до Алексея Михайловича крылья у орла изображались опущенными. Художественное выражение идеи государственной власти перекликается с образом одноглавого орла на польском гербе. Восприятие этого образа, пусть и творчески переработанного, было тем легче, что одноглавый орел как символ верховной власти князей известен в русской традиции XII–XV вв., пока в конце XV в. не произошло его превращение в двуглавого орла[41].

Пример показателен в плане отражения культурного взаимодействия с окружающим миром, когда привозные новшества не просто перенимались. Они накапливались и постепенно усваивались через собственное преломление и «искажение» воспринимаемого. Так в творческом «искажении» рождался «свой» продукт, органично вписанный в местную среду и выражавший духовные и властные претензии державы на языке символов, понятном как своему народу, так и иноземцам[42].

Археологический контекст колонизации Сибири как социокультурной адаптации русских на осваиваемых землях важен с точки зрения предметно-объективного отображения действительности. Обогащение источниковой базы археологическими материалами открыло новую страницу в изучении конкретно-исторической практики освоения пространств. Русская археология Сибири стала новым этапом в исследовании культурно-цивилизационного потенциала колонизации края.

Вместе с тем опыт, наработанный археологами в области методики изучения и критики источников (не только археологических!) и исторических реконструкций, служит основой объединения наших исследовательских потенциалов с историками для достижения общей цели – восстановления исторического прошлого. Конкретным шагом в ее реализации стала конференция «От Смуты к Империи: новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII веков» (Москва, 20–22 ноября 2013 г.)[43]. Плодотворная работа археологов и историков показала, что мы стремимся и можем понимать друг друга, это нужно развивать в совместных проектах и разных формах исследований. Особо подчеркну, что ее организаторы – Институт археологии и Институт российской истории РАН – включив сибирскую тему в проблематику конференции, проявили понимание значения Сибири для России.

Сибирь не стала новым, оторванным от исторической родины центром русской жизни, но стала «частью России, передвинувшейся за Урал»[44], «тем огромным монолитом, который удержал в равновесии Московское царство в смутах начала XVII в. и помог впоследствии своей огромной тяжестью уравновесить государственный наш корабль»[45].

Противопоставление понятий «мирное “освоение”» и «присоединение» (=завоевание)[46] представляет позицию с искусственно введенным

[41] Баранова С. И. Русский изразец: записки музейного хранителя. М., 2011. 432 с.; Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высш. шк., 1974. С. 132; Соболева Н. А. Русские печати. М.: Наука, 1991. С. 199, 200; Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 30–31, 41–42.

[42] Некрасов А. И. Русское народное искусство. М.: ГИЗ, [1924]. С. 11; Беляев Л. А. От Ивана III к Петру Великому: «московская культурная модель» в эпоху ранней глобализации: архитектурно-археологическая версия // Вестник истории, литературы и искусства. М.: Собрание; Наука, 2005. Т. I. С. 187, 193–194.

[43] От Смуты к Империи: новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII веков. М.: ИА РАН, 2013. 52 с.

[44] Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. 2-е изд. СПб., 1886. [Кн. 1–2]. С. 281 (1-я паг.).

[45] Цит. по: Азиатская Россия ... С. 548.

[46] Зуев А. С. О характере присоединения Сибири к России (постановка проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1998. С. 39; Его же. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 166–168.

конфликтом терминов. Военная составляющая колонизации исторически неизбежна и обусловлена сложной, нестабильной военно-политической ситуацией, в которую были вовлечены этнически разнообразные сибирские автохтоны и пришлые.

В отличие от английских поселенцев в Америке, не только отделенных океаном, но и отделявших себя от метрополии, русский человек обустраивал «сибирскую украину» как дальнюю государеву вотчину под патронажем государства, и ощущая себя в той или иной мере носителем суверенитета царской власти[47]. Осваивая Сибирь «трудом и культурой» (С. В. Бахрушин), русские переселенцы и государство действовали как взаимозаинтересованные партнеры, объединенные целью обосноваться на новых землях всерьез и навсегда.

[47] Резун Д. Я. О некоторых моментах осмысления значения фронтира Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Резун Д.Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. С. 43–44; Лерсарян Т. Г. Бескрайняя равнина конца времен // Отечественные за-писки. 2002. № 3. [Электронный ресурс]: URL: http://www.strana-oz.ru/?numid=4&article=201 (дата обращения: 15.05.2016); Черная М. П. Роль русского города в освоении Сибири: диалектика возможностей и исторической практики // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 7–16.

M. P. Chernaya

Development of Territories: Siberian Experience in the Context of History and Archaeology

Key words: developing of Siberia, pioneering explorers, historical and cultural adaptation, history and archaeology of the 16th – 18th cc.

Abstract: The colonization of Siberia is the culmination of the process of the developing the territories by Russia, as a result of which Siberia and Russia "grew together" in one body, Eurasian from the territorial point of view and imperial on a state scale. In the archaeological reflection the process of ethno-cultural expanding of borders is presented in an integrated manner: in settlements and necropolises, the outposts of defense lines and artifacts of the peaceful and military life. Russian archaeology as a new branch of Siberia science has also become a new stage in studying cultural and civilization potential of the region's colonization. The article contains the review of surveys of so-called "Russian archaeology" of Siberia as a separate scientific course, which solves a big historical and cultural problem.

А. С. Зуев, П. С. Игнаткин

Параметры социально-политической идентификации коренных народов Сибири в Московском государстве XVII в.: к вопросу о семантике соционима «иноземцы»*

Объектом данного исследования является универсальный соционим «иноземцы», применявшийся по отношению к аборигенам Сибири в деловом и бытовом языке Московской Руси XVII в. В указанное время это слово было очень популярно – его активно использовали центральные и местные органы власти, церковные иерархи и представители разных слоев русского населения, прежде всего служилые люди.

В поле исследовательского интереса историков данный соционим, как в целом и многие другие слова, словосочетания и речевые конструкции, составлявшие социально-политический дискурс Московской Руси, вошел только в самом конце XX в. Хронология и семантика соционима «иноземцы» применительно к коренным сибирским народам вплоть до настоящего времени оставались почти не изученной. Проведенный нами анализ историографии изучения данного соционима в его «сибирском» варианте, а также выявление времени введения его в делопроизводственный оборот и его первоначальной семантической нагрузки позволили определить, что для обозначения аборигенного населения Сибири данный соционим стал использоваться во второй половине XVI в. представителями высших церковных кругов и служащими центральных государственных учреждений, позаимствовавшими его из практики наименования иностранцев – выходцев из других стран[1].

Вопрос же относительно значений, передаваемых указанным соционимом за все время существования Московского государства, остается до сих пор открытым, а источники в этом направлении почти не привлеченными и не проанализированными. Выводы исследователей относительно природы изучаемого соционима весьма разнообразны, и опираются они, что важно отметить, на анализ лишь отдельных случаев его употребления без учета разновариантности, встречающейся в источниках. В целом все авторы отмечают полисемантичность соционима «иноземцы» и основные его значения сводят к культурно-религиозным отличиям аборигенов Сибири от русских и их неполной политической подчиненности русским властям. Однако каждый из них делает акценты на разных значениях, содержащихся в этом слове. По мнению одних, указанный соционим в большей степени отражал представления русских о культурно-политической (Е. П. Коваляшкина, Е. П. Мартынова)[2] или культурной (А. А. Люцидарская)[3] инаковости

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00027.

[1] Игнаткин П. С. Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 92–94.

[2] Коваляшкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. С. 50; Мартынова Е. П. Народы Северо-Западной Сибири: дефиниции и научно-политический дискурс // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 13–14.

[3] Люцидарская А. А. От «иноземцев» к «инородцам»: один из аспектов колонизации Сибири // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. Междунар. науч. конф. Новосибирск: ИАиЭТ СО РАН, 1995. Т. 2: Археология. Этнография. С. 165–169; Её же. Стереотипы поведения служилых людей в отношениях с аборигенным населением Сибири, XVII – начало XVIII века: к постановке вопроса // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этногра-

сибирских аборигенов. По мнению других, он нес преимущественно политическую (Л. М. Дамешек, С. В. Соколовский, В. В. Пестерев)[4], культурно-географическую (М. А. Демин)[5], конфессиональную (Т. А. Опарина)[6] либо конфессионально-культурную (Ю. Л. Слезкин)[7] смысловые нагрузки. Наконец, третьи (А. С. Зуев, А. Ю. Конев) пошли по пути учета и синтеза всех вышеназванных значений[8].

Понять и осмыслить всю полноту и гамму значений, а также смысловых оттенков и понятийных нюансов, вкладывавшихся русскими в соционим «иноземцы», можно только путем изучения большего массива источников. Этот соционим в русско-сибирском делопроизводстве применялся одинаково как для описания подданных и объясаченных, так и воинственных и непокоренных сибирских народов. Причем в одном и том же документе он может встречаться многократно, употребляясь по отношению к аборигенам при описании как мирных, так и военных ситуаций. Всё это усложняет процесс установления значений данного слова. Поэтому обнаружить и зафиксировать ключевые семантические ядра в его смысловом поле, а также значения, находящиеся на его периферии, возможно только путем выявления как можно большего по объему и хронологии количества контекстов его употребления, учета частотности его использования, изучения происхождения источников, содержащих его, а также анализа принципов его лексической сочетаемости с другими словами.

Цель данного исследования – выяснить семантику соционима «иноземцы» применительно к аборигенам Сибири, выявить и установить его основные и периферийные смыслы и значения, а также определить границы употребления. Всё это позволит нам понять, как русские в обозначенный период времени воспринимали автохтонное население Северной Азии, какой пласт представлений связывался у них с сибирскими народами, какие эмоционально-оценочные чувства и состояния порождал у властей и колонистов диалог культур, осуществлявшийся в ходе присоединения Сибири.

Для достижения цели мы, опираясь на методологические разработки по изучению семантики слов, словосочетаний, предложений и нарративов (дискурс, интент- и контент-анализ), на наблюдения и выводы, сделанные в историографии, изучили широкий круг разнообразных источников (делопроизводственных, дипломатических, законодательных, нарративных и летописных), относящихся ко второй половине XVI – началу XVIII в. и опубликованных в конце XVIII – начале XXI в.

Проведенное исследование дало интересные и новаторские результаты, демонстрирующие географическую специфику употребления и семантики соционима «иноземцы» по отношению к народам Сибири. Удалось выделить две географические зоны, в которых он употреблялся по-разному: Западная Сибирь в рамках территории от Урала до Енисея и Восточная Сибирь в рамках территории Приенисейского края и далее на восток до Тихого океана. Эти зоны отличались хронологическими рамками бытования данного соционима, его семантическим наполнением и характером лексических коннотаций, а также кругом авторов. Изложим последовательно основные сопоставимые отличия для той и другой зоны.

Западная Сибирь

1. Соционим «иноземцы» к местным народам стал применяться со второй половины XVI в., что в целом соответствует времени распространения этого слова в делопроизводственных, в первую очередь дипломатических, документах Московской Руси[9]. Самый ранний выявленный нами случай его употребления по отношению к аборигенам Сибири датируется 1565 г., причем с акцентом, явно поставленным на его конфессиональном значении: в грамоте митрополита Московского и всея Руси Афанасия к Г. Строганову иноземцами обозначены татары, вогулы и югричи: «И нынеча – деи приходят к ним (к Строгановым, в их приуральские владения. – *А. З., П. И.*) иноземци татарове, и гогуличи, и югричи некрещеные люди, и помышляют креститись в нашу

фии СО РАН 2008 г. Новосибирск: ИАиЭТ СО РАН, 2008. Т. 14. С. 332–333.

[4] Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. С. 3; Его же. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: сб. науч. тр. Барнаул: Аз Буки, 2005. С. 257; Соколовский С. В. Образы других в российской науке, политике и праве. М.: Путь, 2001. С. 48; Пестерев В. В. Организация населения в колонизуемом пространстве: очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII в. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. С. 53.

[5] Демин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 1995. С. 102–103.

[6] Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв.: очерки ист. биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. Кн. 1. С. 5–7.

[7] Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 56, 57, 58.

[8] Зуев А. С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI – начале XX в.: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2011. С. 82–85; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): сб. правовых актов и документов / ред.-сост. А. Ю. Конев. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 19; Конев А. Ю. Народы Западной Сибири в социальной структуре России XVII–XIX веков // Сословия, классы, страты российского общества: история и современность: труды Междунар. науч.-теорет. конф. СПб.: Нестор, 2002. С. 74–76.

[9] Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка. Львов: Вища школа, 1978. С. 128.

православную христианскую веру»[10]. Второй случай его употребления, известный нам, относится к 1588 г. и представлен в форме «нововыезжий иноземец» – так был маркирован Б. Карамышев, представитель элиты Сибирского ханства, выехавший в Россию в 1586/87 г.[11]. В конце XVI – начале XVII в. западносибирские аборигены еще несколько раз идентифицировались в документах как «иноземцы». Однако несмотря на то, что частота употребления данного соционима к началу XVII в. возрастала, народы Западной Сибири обозначались «иноземцами» крайне редко. Более активно их стали так называть только с середины XVII в. В основном же для их описания использовались другие соционимы (напр., «ясашные») и этнонимы.

2. Соционим «иноземцы» применялся к аборигенам Западной Сибири на протяжении всего XVII в., но делалось это гораздо реже, чем по отношению к коренным жителям Восточной Сибири.

3. На протяжении конца XVI – начала XVIII в. интересующий нас соционим использовался почти исключительно в языке официальной государственной документации центрального и местного уровня. Причем его чаще и последовательней употребляли представители центральных (московских) органов власти. Рядовое же русское население, и то начиная примерно со второй четверти XVII в., применяло его крайне редко.

4. Формы употребления изучаемого соционима применительно к западносибирским автохтонам, начиная с наиболее ранних случаев, отличались однотипностью, а также ограниченностью лексических коннотаций, порождавших лишь ограниченный комплект речевых конструкций. Стандартным набором оборотов, использовавших соционим «иноземцы» и описывавших народы Западной Сибири, являлось употребление слова «иноземцы», снабженного либо политическими (напр., «ясачные люди»), либо этническими (напр., «у иноземцев у тотар и остяков») словами-указателями. Но чаще всего в отношении этих народов применялась формула «иноземцы» без конкретизирующего слова-пояснителя, и лишь из содержания текстов становилось ясно, какие конкретно народы обозначены «иноземцами». Исключение составляют только ненцы, которых в отличие от других коренных народов Западной Сибири изредка обозначали словосочетаниями «воровские/немирные иноземцы».

5. Соционим «иноземцы» в адрес большинства народов Западной Сибири (татар, вогулов, остяков, селькупов) на протяжении конца XVI – начала XVIII в. в языке центральных и местных органов власти[12], а также русского населения[13] употреблялся преимущественно в контексте, описывающем мирное русско-аборигенное взаимодействие (сбор ясака с аборигенов, запрещение притеснять их, принятие крещения).

Восточная Сибирь

1. Хотя многие этнотерриториальные группы Средней и частично Восточной Сибири были известны русским уже с рубежа XVI–XVII вв., соционим «иноземцы» по отношению к ним фиксируется лишь с 1620-х гг. К примеру, енисейские кыргызы и тунгусы, а также буряты стали известны русским уже в 1600-е гг., и начиная с этого времени их этнические названия регулярно упоминались в документах. Однако вплоть до 1620-х гг. отсутствуют случаи применения к ним соционима «иноземцы», несмотря на то, что он уже задолго до этого вошел в русско-сибирскую делопроизводственную лексику.

2. По сравнению с Западной Сибирью в Восточной Сибири резко выросла частотность употребления в источниках соционима «иноземцы» применительно к местным аборигенам. Можно говорить о том, что с 1620/30-х гг. соционим входит в массовое употребление и к середине XVII в. становится нормой делопроизводственных документов. Причина

[10] Введенский А. А. Торговый дом XVI–XVII веков. Л.: Путь к знанию, 1924. С. 153.

[11] Лихачев Н. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. СПб.: тип. В. С. Балашева и Ко, 1894. С. 32–33 (Приложения).

[12] См., напр.: Собрание государственных грамот и договоров. М.: тип. С. Селивановского, 1819. Ч. 2. С. 201; 1826. Ч. 4. С. 337, 354; АИ. СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 1. С. 466; 1842. Т. 5. С. 8, 364, 526; ААЭ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 3. С. 84; СПб.: тип. Э. Праца, 1857. Т. 6. С. 46, 298; 1862. Т. 8. С. 156, 197; Русская историческая библиотека. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1875. Т. 2. Стб. 184; ПСЗ. Собрание 1-е. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 2. С. 7, 176, 663, 738; Т. 3. С. 377; Т. 4. С. 60; Кузнецов-Красноярский И. Исторические акты XVII столетия (1633–1699). Материалы для истории Сибири. Томск: типо-лит. Михайлова и Макушина, 1890. [Вып. 1]. С. 45, 54; Его же. Томскаго уезда служилые и подводные татаре и выезжие калмыки, что берут Великого Государя денежнаго и хлебнаго жалования // Сибирский архив. 1915. № 12. С. 586; Лопарев Х. Самарово. Село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1896. С. 153; Тобольский архиерейский дом в XVII веке / подгот.: Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1994. С. 148; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. / авт. вступ. ст. и коммент., сост. М. О. Акишин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. С. 177, 181; Сибирские переселения. Новосибирск: Параллель, 2010. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв.: сб. док. / отв. ред. М. В. Шиловский. С. 40.

[13] См., напр.: Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1882. Кн. 1. С. 119; Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. М.: Картография, 2003. Т. 2: Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели. С. 64, 84; Таможенные книги сибирских городов XVII века / гл. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2004. Вып. 6: Томск, Нарым, Березов. С. 73.

этого нам видится в следующем: по мере продвижения на восток Сибири русские землепроходцы и администраторы сталкивались со всё возраставшим количеством разных этнотерриториальных / этнокультурных групп коренного населения, имевших разные названия (этнонимы), и это обстоятельство потребовало введения для них всех одного совокупного обозначения, фиксирующего явное отличие от пришлых русских колонистов.

3. Более разнообразным стал состав авторов тех текстов, в которых встречается данный соционим. Его активно, помимо властных государственных инстанций разного уровня, стали употреблять служилые и прочие русские люди. Причем они, равно как и местные приказчики и воеводы, использовали слово «иноземцы» в своих отписках, сказках, челобитных, наказных памятях и другого рода документах более интенсивно, чем составители указов, грамот и наказов, работавшие в центральном учреждении, ведавшем Сибирью, – Сибирском приказе.

4. К середине XVII в. в Восточной Сибири увеличился и усложнился набор речевых конструкций, включавших слово «иноземцы». В это время палитру синтаксической связи изучаемого соционима обогатили обороты «непослушные», «немирные неясачные», «неясачные воровские / воровские неясачные», в последней четверти XVII в. – «новопризывные». С начала XVIII в. к ним еще добавляются такие классификаторы, как «неприятельские», «непокорные неприятельские» и «неприятельские немирные».

Кадастризация восточносибирских этносов с помощью соционима «иноземцы» осуществлялась как посредством самого этого слова, так и с помощью чрезвычайно разнообразных этнических, политических, географических, социальных, культурных, хозяйственных указателей, объединявшихся с ним. Прикрепляется к нему и определитель «люди», характерный именно для этого региона и населяющих его народов. В результате на протяжении всего столетия (в основном начиная с 1630-х гг.) складывались и кодифицировались специальные речевые обороты, использовавшие слово «иноземцы», которые с помощью географических («боунтовские / закаменные / ильпейские / Каменного и Косухина острогов / камчадальские / колымские / курильские / охотцкие» и т. д. «иноземцы»), этнических (племенных и родовых) («иноземцы кыргызы / люторцы / тунгусы / юкагири / чукчи / якуты», «иноземцы брацкие / корятцкие люди», «брацкие / даурские / чондонские иноземцы» и т. д.), политических («великого государя / верные ясачные / воровские / государевы / иноземцы ясачные вечные царского величества / мирные / немирные / непокорные неприятелские / непокорные неясачные / непослушные / неприятелские немирные / неясачные / новоприискные / подданые / царского величества / ясачные» и т. д. «иноземцы»), статусных («нововыезжие иноземцы», «крещеные / некрещеные иноземцы»), культурных («иноземцы люди дикие») и хозяйственных («скотиньи / скотные иноземцы») указателей и их комбинаций уточняли, какие конкретно аборигены имеются в виду. Наиболее распространенными были этнические, политические и географические указатели, а также идентификаторы, в той или иной степени объединявшие их.

5. Соционим «иноземцы» применительно к аборигенам Восточной Сибири употреблялся как в мирном контексте (в основном в официальных документах, исходивших из Сибирского приказа, и в той их части, где нормировались правила поведения русских в отношении аборигенов), так и, причем более интенсивно, в контексте, описывавшем конфликтное (военное) русско-аборигенное взаимодействие (в делопроизводственном языке местных русских администраторов, камботантов и колонистов).

Семантика слова «иноземцы», как уже говорилось выше, по отношению к разным коренным народам Сибири сильно варьировалась. Расстановка акцентов на том или ином смысле, содержащемся в данном слове, зависела от места и статуса, занимаемого сибирскими народами в социально-политическом пространстве Российского государства, и от характера их взаимодействия с русской властью.

В употреблении этого слова в территориальных рамках Западной Сибири отчетливо прослеживается акцентирование внимания на политическую неадаптированность местных народов, уже являвшихся подданными-ясачными, к русской государственности, на их потенциальную склонность к измене. Но при этом в официальных документах центральных правительственных учреждений соционим «иноземцы» по отношению к местным аборигенам на протяжении всего XVII в., как уже указывалось, последовательно употреблялся в нейтральном значении, обозначая ясачноплательщиков. Примечательно, что многие этнотерриториальные группы Западной Сибири в тех случаях, когда они выходили из повиновения русским властям и начинали военные действия против русских, «иноземцами» не номинировались. Можно привести в пример многочисленные факты «измен» барабинских и тарских татар (в основном в связи с их откочевками за пределы России – во владения черных калмыков), а также участие части тобольских и тюменских татар в набегах Кучумовичей и черных калмыков на русские владения в Южной Сибири и на Урале. Самыми характерными номинациями в таких ситуациях являлись «изменники», «государевы изменники», «воры». Но слово «иноземцы» в этих случаях к указанным народам не применялось[14]. Ненцев в случае их частых «из-

[14] См., напр.: Русско-монгольские отношения, 1636–1654: сб. док. / отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: [Наука], 1974. С. 64, 67, 149, 173–174, 181–182, 202, 206, 249;

мен» и «воровства», если и называли «иноземцами», то весьма редко.

Западносибирские аборигены неоднократно обозначались «иноземцами» также из-за своего неправославного вероисповедания. Это отчетливо выявляется путем как изучения контекста документов, так и анализа сочетаемости и заменяемости данной номинации лексемой вероисповедального характера. В уже упоминавшейся грамоте московского митрополита Афанасия от 1565 г. татары, вогулы и югричи были отнесены к «иноземцам» в связи с тем, что они не являлись православными христианами. В этой же грамоте соционим «иноземцы» коррелировал со словами «неверные» и «некрещеные», что весьма уверенно позволяет судить о конфессиональном характере одного из его значений[15]. В царской грамоте 1621 г. тобольским воеводам при оговаривании условий добровольного крещения в православие татар, остяков, самоедов и вогуличей, они также были названы одним общим словом – «иноземцы»[16]. Религиозная нагрузка данного соционима прослеживается в отписке 1627 г. кузнецкого воеводы в Москву: в ней «иноземцами» обозначены как язычница – кузнецкая юртовская татарка Тоибика, так и католики – «литовские люди», служившие в кузнецком гарнизоне; все они пожелали принять православие[17]. О религиозной составляющей изучаемого слова говорят и правительственные распоряжения 1685 и 1686 гг., в которых тобольские татары – при указании на их иноверие – были названы «иноземцами»[18].

Значения, актуализируемые в социониме «иноземцы» применимо к Восточной Сибири (в обозначенных нами рамках), заметно отличались от западносибирского варианта. Контексты употребления здесь данного соционима свидетельствуют о том, что русскими в большей степени упор делался на его политический аспект – на значения независимости, сопротивления, противоборства и неокончательной подчиненности русской власти. На это явно указывает высокая частота использования соционима при описании военной опасности, исходящей от аборигенов данного региона, а также процедур их замирения. Гамма оттенков, наполняющих этот соционим семантикой конфликтности, устанавливается и его сочетаемостью с лексемами и словосочетаниями, передающими чувства враждебности и угрозы: «воровские», «непослушные», «неясачные», «немирных земель люди» и др.

Акцент на значении неподчиненности, содержащемся в социониме «иноземцы», также отчетливо заметен в ряде справочно-географических произведений, созданных в конце 1660-х – начале 1670-х гг. Так, в частности, в росписи Чертежа Сибири 1667 г. при описании р. Бии и Телецкого озера указывается, что «около тех мест кочуют многие иноземцы: саянцы, мундусцы, кайманцы, таутелеуты, яумундуссы, учюги, карагайцы, а ясаку великим государем не платят»[19]. В целом, по нашим подсчетам, в источниках XVII в. не менее чем в половине случаев употребления соционима «иноземцы» он применялся к аборигенам Восточной Сибири именно при описании конфликтных ситуаций.

Еще одной специфической особенностью восточносибирского варианта использования соционима «иноземцы» являлось маркирование им народов, слабо известных или совершенно незнакомых русским. Между тем, по наблюдению О. В. Скобелкина, «для русских людей иноземцами были только те иностранцы, которые оказывались на территории Московского государства. Жители “иных земель”, пока оставались на территории своей “земли”, для русского человека XVII в. иноземцами не были»[20]. В русском политическом и «этнографическом» дискурсе они обозначались лексемами, фиксировавшими принадлежность к какой-либо «земле» (государству) («немцы свейской земли», «немцы шкоцкия земли»), к подданным какого-либо правителя («богдойские люди», «немцы цесарской земли»), к каким-либо этносоциумам («литва», «черкасы», «мунгалы» и т. д.). Учитывая этот факт, можно уверенно полагать, что, называя не только неподчиненные, но даже еще неизвестные народы Восточной Сибири «иноземцами»[21], русские

Сибирские переселения. Вып. 3. С. 18; Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пермь: тип. Губ. земск. управы, 1884. Третий период: С 1645–1676 гг. С. 690.

[15] Введенский А. А. Указ. соч. С. 153.

[16] Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 148.

[17] Русская историческая библиотека. СПб.: тип. Ф. Г. Елковского и Ко, 1884. Т. 8. Стб. 468, 469.

[18] ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 2. С. 663, 738.

[19] Гольденберг Л. А. Подлинная роспись Чертежа Сибири 1667 г. // Труды ИИЕТ. М., 1962. Т. 42, вып. 3. С. 267. Аналогичное описание см.: Титов А. Сибирь в XVII веке: сб. старинных рус. статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М.: тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. С. 50; Книга Большому Чертежу / подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 188.

[20] Скобелкин О. В. Иноземские роты в 1625 г.: вопросы терминологии и критерии формирования // Столица и провинция: история взаимоотношений: материалы 6-й регион. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Глазьева. Воронеж: Истоки, 2012. С. 13.

[21] К примеру, в отписке якутских воевод В. Пушкина и К. Супонева в Москву от 1646 г. сообщается, что в бассейнах рек Северо-Восточной Сибири обитают многочисленные необъясаченные группы «тунгусов и юкагирей, и ковымцов, и шерембойцов и иных розных родов иноземцов» (Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: сб. док. / сост. Н. С. Орлова; под. ред. А. В. Ефимова. М.: Географгиз, 1951. С. 216). В наказной памяти тех же якутских воевод сыну боярскому В. Власьеву, откомандированному на Колыму в 1647 г., предписывается приводить «под государеву, царскую высокую руку» «новых немирных землиц неясашных юкагиров и тунгусов и всяких иноземцев розных языков, которые по тем рекам и по иным по сторонним рекам живут» и «ясак и поминки с тех с новоприискных всяких иноземцов збирать» (Там же. С. 236–237).

a priori рассматривали их как потенциальных подданных московского царя. В таком случае, кроме значения неинкорпорированности в состав России, следует признать, что соционим «иноземцы» также отражал идею о политической «ничейности» аборигенов и открытости прав на их присвоение. Нельзя исключать, что в Восточной Сибири в ситуации завоевания данный соционим наполнялся и географическим зарядом, передававшим представление о далеком и неизвестном (загадочном) народе, который предстояло подчинить.

Конфессиональный подтекст соционима «иноземцы» в Восточной Сибири также читается, но он выражен слабее, чем в Западной Сибири: случаев, где он представлен, явно не так много. К примеру, в наказе 1681 г. сибирского митрополита Павла игумену Феодосию о строительстве нового монастыря на р. Селенге, тамошние «иноземцы» (скорее всего, буряты и тунгусы), еще не обращенные в православие, были определены им как «иноверцы всяких вер»[22]. В его же грамоте к Феодосию от 1683 г. аборигенки, с которыми сожительствовали местные русские, были обозначены «некрещеными иноземками»[23].

Следует отметить, что обозначение «иноземцами» как аборигенов Западной, так и Восточной Сибири наполнялось также и правовым содержанием. О том, что сибирские народы воспринимались как особая социально-правовая группа, свидетельствует постановка акцента на их особом статусе в структуре российского общества – он осуществлялся с помощью лексем «иноземство» / «иноземчество» и «братья иноземцы», которые подчеркивали их особое правовое положение. К примеру, в случаях предоставления государственных льгот или каких-либо финансовых или правовых послаблений в отношении коренного населения Сибири часто употреблялось выражение «для их иноземства / иноземчества»[24]. Соответственно, в употреблении слова «иноземцы», помимо выражения прочих чувств и отношений, заметно стремление отграничить аборигенов как представителей одной политико-правовой реальности от членов других социальных групп, проживавших в России. Данную мысль дополнительно подтверждает тот факт, что русские уравнивали между собой этнически совершенно неродственные народы Сибири. Так, в 1629 г. вышедшим из повиновения тубинским князцам Соту и Каяну было предложено «принести» «великому государю вину» и выплачивать «ясак противу иных своих братьев иноземцев, твоих государевых ясачных людей»[25], под которыми явно понимались не просто кровные родственники тубинцев, а в целом ясачное населения Сибири, подчиненное московскому царю. В свою очередь, непокорным бурятам – представителям монголоязычной языковой семьи, не платившим ясак, русские в 1647 г. привели в пример «их братьев иноземцев киргизов и тубинцев»[26], являвшихся соответственно тюрками и тюркизированными самодийцами.

Подытоживая вышесказанное, можно констатировать, что соционим «иноземцы» применительно к аборигенам Сибири вошел в русскую деловую лексику во второй половине XVI в., с 1620/30-х гг. он начал широко распространяться и приобретать популярность, а к середине XVII в. стал нормой делопроизводственных документов. Анализ контекстуальных связей, в которых находился данный соционим, свидетельствует о равнозначности его использования как по отношению к подданным и объясаченным, так и к неподчиненным аборигенам Сибири. Однако для многих из них он употреблялся преимущественно в ситуациях их непокорности и неповиновения.

Подтверждается уже сделанное в историографии наблюдение о полисемантичности соционима «иноземцы». Наше же исследование позволяет заключить, что его смысловое поле включало в себя три основных представления: 1) о степени подчиненности / неподчиненности аборигенов русской власти и их адаптированности к ней; при этом применительно к Западной Сибири акцент делался на неокончательную политическую адаптированность, а к Восточной – на слабую подчиненность или же на неподчиненность и на готовность к сопротивлению; в этом смысле под «иноземцами» подразумевались либо «иные» народы / люди, которые находились в начале процесса превращения в «своих» – «настоящих» подданных русского царя (общесибирский вариант), либо «иные», которые, будучи «чужими» и даже врагами, в перспективе могли начать превращаться в «своих» (восточносибирский вариант); 2) об особом политико-правовом статусе сибирских этносоциумов в структуре российского общества; 3) об их этнокультурно-конфессиональной инаковости. Соционим также выполнял функцию слова-обобщения для обозначения уже известных и еще неизвестных этнотерриториальных групп коренного сибирского населения. Важно также отметить, что с продвижением русских в Восточную Сибирь соционим «иноземцы» стал активно использовать-

[22] Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архимандритом Мелетием. Казань: Университет. тип., 1875. С. 11.

[23] Там же. С. 12.

[24] См., напр.: Документы Печатного двора (1613–1615 гг.). М.: Наука, 1994. С. 372; Кузнецов-Красноярский И. Томскаго уезда служилые и подводные татаре ... С. 586; Павловский В. Вогулы. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1907. С. 56; Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 57.

[25] Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. С. 422–423.

[26] Там же. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. С. 320.

ся в русско-сибирской деловой письменности как компонент для образования сложных речевых конструкций. Интенсивное пополнение группы определителей, сочетавшихся с этим соционимом, произошло к середине XVII в.

В целом обозначение «иноземцами» этносоциумов Сибири во многом зависело от их культурных (в широком смысле этого слова) характеристик и параметров взаимодействия с русскими, что вызывало у последних ту или иную гамму чувств, эмоций и представлений, а это, в свою очередь, заставляло ставить акценты на тех или иных семантических аспектах данного соционима, которые подходили к каждой конкретной ситуации.

A. S. Zuev, P. S. Ignatkin

Social and Political Identification of the Siberian Native Tribes in the 17th-century Muscovy: Semantics of the Socionym "Outlanders"

Key words: Siberia, Russian – aboriginal relations, social and political identification, "outlanders", socionym, 17th century.

Abstract: The article is devoted to the study of semantics of the socionym "outlanders" in relation to the indigenous peoples of Siberia in the 17th century. Based on a considerable amount of sources and data from historiography, main and peripheral uses and meanings of the socionym are revealed, also its use boundaries are defined. Defining of two zones of its use – Western and Eastern Siberia – is proved. They differ in chronological frames of the existence of this socionym, its semantics, the character of its lexical connotations and the circle of addressants.

О. В. Семенов

О роли ямщиков в освоении Сибири (конец XVI – XVII в.)

С конца XVI в. «за Камнем» складывается организованная система сообщения. Ее оформление было вызвано потребностями Москвы установить более прочную и качественную связь с далекими, обширными и недавно присоединенными землями. На основном пути, шедшем по территории Западной Сибири, последовательно возникают поселения русских ямщиков: в 1600 г. Верхотурский и Туринский ямы, в 1601 г. Тюменский ям, в конце 1620-х – начале 1630-х гг. Демьянский и Самаровский ямы[1]. Процесс создания профессиональной ямской гоньбы ускорили многочисленные жалобы аборигенного населения на обременительность подводной повинности[2]. В ответ на них правительство принимало решения об учреждении ямов.

Основание сибирских ямов происходило по общей схеме. Центральными или местными властями назначалось особое должностное лицо – «приборщик» (обычно из детей боярских), который в уездах Европейской России или (и) на месте осуществлял набор добровольцев. По прибранным ямщикам взималась «крепкая порука». Им предоставлялась денежная «подмога»[3], бесплатные подводы до места назначения и лошади с необходимым «гонебным припасом». На первых порах ямских охотников могли также снабжать провиантом и семенным хлебом. Любопытно, что утвердившийся «за Камнем» порядок верстания в ямщики представителями государственной администрации в европейской части страны во второй половине XVI – начале XVII в. являлся исключением. Там ответственность по выставлению для отправления гоньбы людей и их содержанию зачастую ложилась на население. Лишь после окончания Смуты, в связи с резким падением уровня платежеспособности тяглецов и потребностями государственной централизации, ямщиков стали повсеместно переводить на казенное обеспечение. По прибытии на место насельники будущего яма поступали в распоряжение назначенного воеводой «стройщика», который занимался их поселением: отводил места под дворы, огороды, пашни, сенокосы и т. д.

Каждый сибирский ям состоял из 50 паев (вытей)[4]. В обязанность ямщиков входила круглогодичная (за исключением периода весенней и осенней распутицы)[5] транспортировка казенной документации и грузов, а также следовавших по государственным нуждам лиц. Для этого они держали лошадей с «гонебной рухлядью» (санями, телегами, седлами и т. д.), а для передвижения по воде – суда «с веслы и з бечевами и со всякою судовою снастью». На Демьянском и Самаровском ямах зимой использовались также нарты с собаками. Гоньба осуществлялась по нескольким направле-

[1] Демьянский ям (современное с. Демьянское Уватского района Тюменской области) начал функционировать с 1635/36 г., Самаровский ям (ныне г. Ханты-Мансийск) – с 1636/1637 г. (см.: Семенов О. В. Демьянские против самаровских // Родина: рос. ист. журн. 2012. № 7. С. 88).

[2] В Сибири до появления профессиональных ямщиков казенные перевозки в большинстве случаев ложились на плечи аборигенов. Это объяснялось нехваткой русских насельников. Непривычная и обременительная подводная повинность вызывала недовольство ясачных людей, не обеспечивая качественной связи: татары, остяки и вогуличи отправляли ее нерадиво и разбегались.

[3] При основании ямов верхотурским ямщикам предоставлялась «подмога» в размере 20 рублей на пай, туринским и тюменским по 15 рублей, демьянским и самаровским по 5 рублей.

[4] Паи (выти, жеребья) – служебные и хозяйственные единицы, из которых состояла ямская община. С одного пая могли гонять от 1 до 8 ямщиков.

[5] Впрочем, нередко ямщики были вынуждены гонять даже «по последнему» зимнему и летнему пути «в самой пущей роспоп». Это вызывало с их стороны многочисленные жалобы (см., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 354. Л. 39, 159; Стб. 496. Л. 56–58; Стб. 731. Л. 154–159; Стб. 990. Л. 110; Оп. 4. Стб. 94. Л. 30–33; СПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 6. Л. 165 об.–166).

ниям. Со временем, ввиду дальнейшего освоения края, их количество, а также общая интенсивность перевозок увеличивались[6].

За службу ямщики получали государево жалованье. При учреждении ямов его размеры составляли: для верхотурцев, демьянцев и самаровцев по 20 рублей на пай, для туринцев и тюменцев по 15 рублей. В дальнейшем оклады изменялись и к концу XVII в. достигли 28 рублей на выть для верхотурских ямщиков, 20 рублей – для всех остальных. Первоначально им также предоставлялось хлебное обеспечение[7]. Однако вскоре, с целью экономии казенных средств, его ликвидировали, а ямщиков перевели «на пашню»[8]. Только самаровцы (в районе проживания которых из-за суровых климатических условий полноценное занятие земледелием было невозможно) сумели сохранить за собой оклады натурального жалованья. Наделялись ямщики и определенными – чаще кратковременными – льготами. К примеру, в 1600 г. жители Верхотурского яма (до момента окончательного обустройства) получили отсрочку от уплаты долгов частным лицам[9]. В 1607 г. по указу Василия Шуйского туринским и тюменским ямщикам была дана «подмога» на приобретение лошадей (по 5 рублей на пай)[10].

В литературе укоренилось представление о том, будто ямщикам жилось лучше, чем многим другим категориям населения Московской Руси. Безусловно, в каких-то моментах ямской статус давал своему обладателю преимущества. В частности, хозяйство ямщика лучше было обеспечено тягловой силой – лошадьми. Выше уже отмечались предоставляемые властями привилегии. Однако в целом положение сибирских ямщиков было тяжелым и со временем ухудшалось. Это объяснялось многими факторами: трудностями пути, суровыми природными условиями, злоупотреблениями со стороны проезжающих лиц и представителей местной администрации. Бедственную ситуацию усугубляла правительственная политика, нацеленная на строгую экономию финансовых средств. Несмотря на рост интенсивности гоньбы, государство отказывалось от увеличения численности паев. Небывалый наплыв людей и грузов приводил к острой нехватке средств передвижения и вынуждал ямщиков за свой счет арендовать их на стороне. К примеру, в 1644/45 г. самаровцы на найм подвод потратили свыше 855 рублей[11]. Жалованья не хватало, и выплачивалось оно не всегда регулярно. Так, туринские ямщики получили половину причитавшихся им за 1654/55 г. окладов обеспечения только в 1656 г. К этому времени они находились в таком плачевном состоянии, что воевода М. М. Мусин-Пушкин вынужден был признать, что «вперед» они гонять не смогут, поскольку у них «лошадей нет и купити им нечем и не на што»[12]. Ввиду нехватки наличных средств часть денежного жалованья могли выдавать разнообразными товарами (сукнами, пушниной «худого» и «среднего» качества и т. д.), которые, вследствие отсутствия на них особого спроса, ямщики сбывали за бесценок[13]. К тому же за пределами Уральского хребта долгое время отсутствовала такая форма вознаграждения, как прогонные деньги[14]. Не имели сибирские ямщики и уставных грамот, предоставлявших населению многих ямских слобод европейской части страны широкие льготы (такие, как неподсудность местной администрации, освобождение от несения повинностей и уплаты основных налогов, торговые послабления и т. д.). Их активно привлекали к «службам» неямского характера (возведению оборонительных укреплений, погрузке на судоверфи хлебных запасов, строительству и обслуживанию казенных судов и т. д.) и платежу общегосударственных налогов («пятой» и «десятой» деньги). Всё это объясняет, почему в большинстве сибирские ямщики были людьми скромного имущественного достатка[15]. На протяжении XVII в. ямы периодически пустели[16], а при их пополнении власти сталкивались с трудностями, связанными с «прибором» добровольцев[17].

[6] Верхотурские ямщики гоняли от Верхотурья до Соликамска, Туринска, Пелыма, в инородческие юрты и к слободам; туринские – от Туринска до Верхотурья, Тюмени, Пелыма, в ясачные волости, к слободам и деревням; тюменские – от Тюмени до Туринска, Тобольска и вглубь уезда; демьянские – от Демьянского яма до Тобольска, Самаровского яма и в ясачные волости; самаровские – от Самаровского яма до Демьянского яма, Сургута и до Сухоруковых юрт (по направлению к Березову).

[7] Верхотурские ямщики первое время получали по 12 четей ржи и овса на пай, демьянцы и самаровцы – по 20 четей ржи и 20 четей овса.

[8] В начале XVII в. размеры окладных пашен верхотурских, туринских и тюменских ямщиков составляли 20 четей «в поле, а в дву потому ж» на пай. В последующем они неоднократно изменялись, однако к концу столетия были возвращены к исходному уровню.

[9] АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 33.

[10] Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М.: ИИ СССР, 1982. Вып. 2. С. 185.

[11] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 990. Л. 140.

[12] Там же. Стб. 499. Л. 141–142, 144, 145–146.

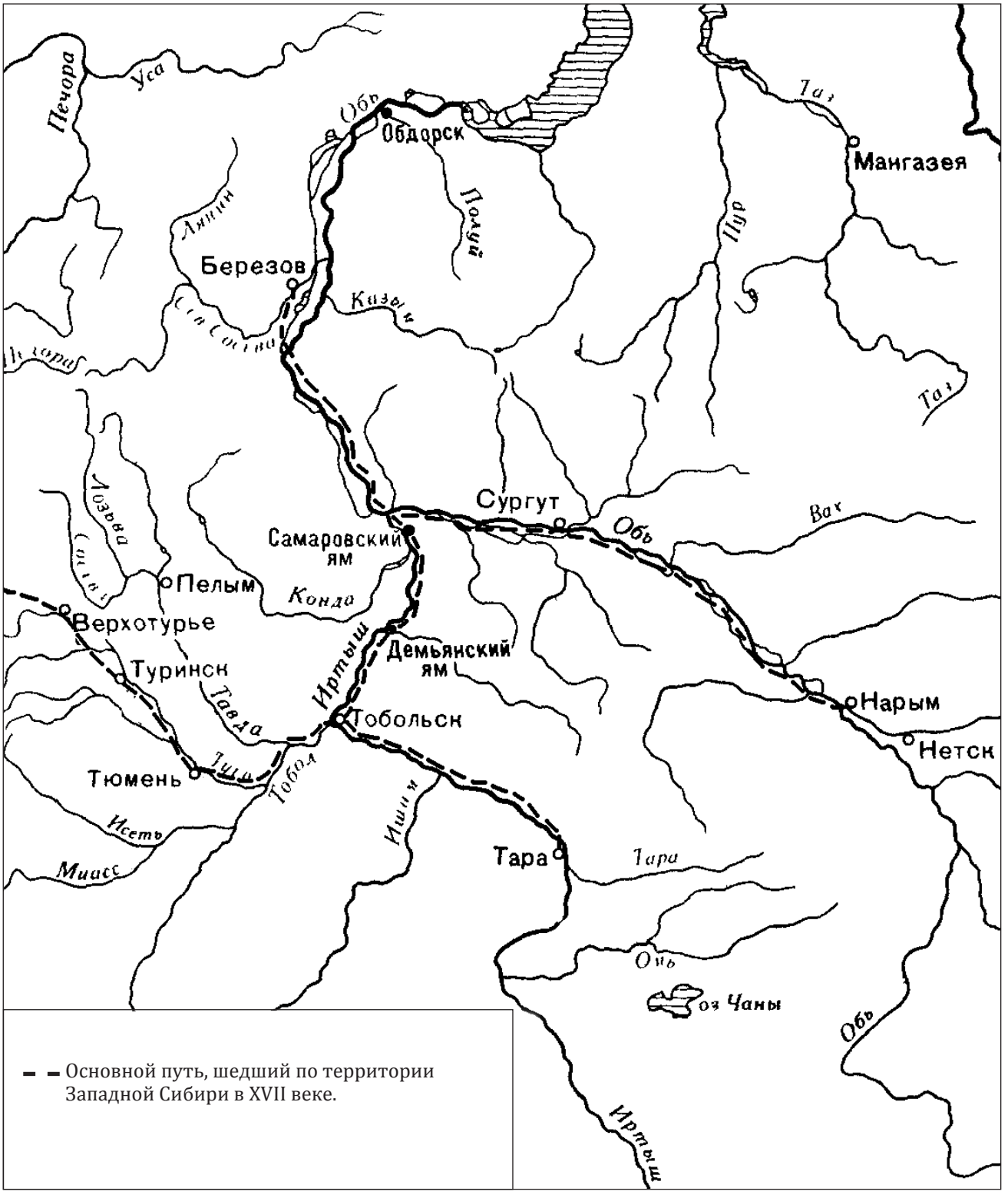
[13] См., напр.: Там же. Стб. 884. Л. 419–420; Стб. 936. Л. 409; Стб. 959. Л. 168–170; Стб. 990. Л. 119; Оп. 4. Стб. 94. Л. 44.

[14] О введении «за Камнем» прогонных денег см.: Семенов О. В. Организация профессиональной ямской гоньбы в Зауралье и Сибири в XVII в.: введение прогонов // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всерос. науч. конф., 17–18 июня 2013 г. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. С. 200–207.

[15] Попадались среди ямщиков и люди состоятельные, например, верхотурцы Переваловы и Голомолзины или туринцы Коркины. Впрочем, таких было немного.

[16] Имелись случаи, когда беглые сибирские ямщики «поряжались» даже в крестьяне (см., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 983. Л. 340; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 127. Л. 370; Оп. 4. Кн. 1. Л. 85, 87, 87 об.).

[17] См., напр.: Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 22; Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 55. Л. 6.



Карта. Западная Сибирь XVII в.

Настоящему испытанию система ямской гоньбы подверглась в годы Смуты, когда Сибирь, вследствие перебоев хлебных поставок из Поморья, оказалась под угрозой голода. Тем не менее, в отличие от Европейской России (где большинство ямщиков разбежалось, а дороги пришли в упадок)[18], «за Камнем» ямы продолжали функционировать. Основная причина этого заключалась в том, что в силу ряда особенностей (отдаленности от основных эпицентров гражданской войны, угрозы антирусского восстания коренного населения и т. д.) воеводская администрация края сумела сохранить в своих руках реальные рычаги управления, обеспечив бесперебойную деятельность основных государственных институтов[19].

Значительные изменения в положении ямщиков произошли при тобольском воеводе Ю. Я. Сулешеве (1623–1625 гг.). Этот «прибыльщик» намеревался сформировать в Сибири собственную продовольственную базу, благодаря которой край смог бы целиком отказаться от поставок зерна из других регионов. Он всеми силами расширял запашку и стремился к увеличению объемов поступающего в казенные житницы хлеба. Выяснив то, что с ямских сверхокладных пашен не взимались налоги, разрядный администратор в 1624 г. обложил насельников Верхотурского и Туринского ямов натуральным оброком – «пятым снопом». Здесь ямщики оказались в менее выгодном по сравнению со служилыми людьми положении, с «лишних» земель которых государство взыскивало десятую часть урожая. Одновременно были сокращены размеры окладной пашни: для верхотурцев она стала составлять 7 четей, а для туринцев 10 четей «в поле, а в дву потому ж» на пай. Помимо этого, верхотурские ямщики были лишены земельных участков у Ямской слободы, которые к этому времени выпахались и фактически не обрабатывались. На их месте устроили государеву десятинную пашню[20]. Что касается Тюменского яма, то его в 1623 г. упразднили: ямщиков перевели в категорию посадских людей, а их земли обложили натуральным оброком.

Сулешев добился существенной экономии казенного зерна и улучшения хлебоснабжения Сибири[21]. Поначалу его деятельность получила одобрение в Москве. Однако она поставила верхотурских и туринских ямщиков на грань разорения. После некоторых колебаний власти вынуждены были это признать и пошли на увеличение размеров ямских окладных пашен и денежного жалованья[22]. Особенно тревожная обстановка сложилась в Тюменском уезде. Здесь после ликвидации профессиональных ямщиков гоньбу возложили на отдельные категории аборигенного населения. Данное обстоятельство привело к резкому ухудшению качества функционирования системы связи и серьезному недовольству среди ясачных людей. Поэтому в 1630 г. Тюменский ям восстановили[23].

Серьезные по своим последствиям правительственные эксперименты предпринимались и в последующее время. К ним можно отнести финансовые мероприятия эпохи царя Алексея Михайловича. В ходе денежной реформы ямщики добились некоторого увеличения окладов обеспечения: верхотурские – до 28 рублей на пай, туринские, тюменские, демьянские и самаровские – до 23 рублей. Однако на фоне резкого падения покупательной способности медных денег и роста цен всё это не слишком облегчило их положение. С окончанием же в 1663 г. реформы ямщики, как и остальные категории населения страны, понесли убытки от осуществленного казной обмена медной монеты. Что касается жалованья, то его (за исключением жителей Верхотурского яма) сократили до прежних размеров – 20 рублей на выть[24].

Впрочем, в целом, несмотря на тяжелую ситуацию, сибирские ямы справлялись с возложенными на них функциями. Скорость перевозок (за исключением периода распутицы) оставалась довольно высокой, а состояние транспортных коммуникаций было не столь безнадежным, как порою представляется в литературе. Об этом свидетельствуют и многие посетившие Россию иностранцы[25], и актовый

[18] Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль: Тип. губ. правления, 1900. С. 206–207.

[19] Подробнее о ситуации в крае в эпоху гражданской войны см.: Семенов О. В. К вопросу о положении городов и уездов Зауралья накануне и в годы Смуты // Мининские чтения: труды науч. конф., Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского (20–21 окт. 2006 г.). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 61–76.

[20] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 201 об., 217–217 об; Оп. 3. Стб. 46. Л. 6; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 304. Л. 477–478.

[21] Леонтьева Г. А. Пашня служилых людей Сибири в XVII – начале XVIII вв. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1985. С. 18.

[22] РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 304. Л. 478–479; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 46. Л. 5, 8; Стб. 593. Л. 65; СПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 2. Л. 149 об.; Семенов О. В. Система регулярного сообщения в Сибири и «прибыльная» деятельность тобольского воеводы Ю. Я. Сулешева // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2011. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени. С. 132–133.

[23] Подробнее об этом см.: Его же. Восстановление системы регулярного сообщения в Тюменском уезде в конце 20-х гг. XVII в. // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. № 3 (79). С. 63–72.

[24] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 817. Л. 1, 2; Стб. 818. Л. 52, 53, 54, 510, 511, 513, 514–514 об., 523–524, 529.

[25] См., напр.: Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках / пер. В. Любич-Романовича. СПб.: тип. штаба воен.-учеб. заведений, 1843. С. 10, 37; Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в

материал. К примеру, более чем 600-километровый путь от Тобольска до Верхотурья зимой обычно преодолевался за 7–8 дней (75–86 км в день). Встречались и более высокие показатели. Отправленные 21 декабря 1687 г. из Тобольска в Москву отписки уже 15 января 1688 г. находились в Сибирском приказе[26]. В 1685 г. следовавший на енисейское воеводство С. А. Собакин расстояние между Демьянским и Самаровским ямами осилил за 3 дня (13–15 июня)[27]. Столько же времени понадобилось на преодоление дороги между Верхотурьем и Тюменью соборному дьякону Г. Кириллову в 1697 г. (22–24 февраля)[28]. Во всех приведенных случаях скорость гоньбы достигала 100 км в день, а в последнем даже превышала ее. Между тем, по замечанию С. М. Каштанова, рекорд передвижения в средневековой Франции составлял 86,9–90,12 км, а средняя скорость колебалась в пределах 32,18–53,1 км в день[29].

Ямщики составляли особую группу населения, близкую к приборным служилым людям (стрельцам и городовым казакам) или занимавшую промежуточное положение между ними и тяглецами (посадскими и крестьянами). Каждый ям и располагавшаяся при нем слобода формировали отдельную административную единицу, существование которой основывалось на традициях общинного самоуправления. В случае необходимости собирался сход: на нем решались важнейшие вопросы жизни «мира». Здесь же избирались должностные лица, размещавшиеся в «ямской (земской, мирской) избе». Органы самоуправления возглавлял староста. Он представлял слободу перед внешним миром (в частности, мог подать челобитную «во всех ямских охотников место»), судил насельников яма по мелким правонарушениям, принимал участие в процедуре выдачи им жалованья, контролировал очередность отправления гоньбы, выделял под проезжающих лиц подводы, заботился о пополнении вакантных паев и т. д. Источники донесли до нас имена некоторых старост. На Верхотурском яме их обязанности выполняли: М. Глазунов (1605 г.), С. Путников (март 1613, 1614, март 1615 г.), С. Чураков (1620 г.), К. И. Ентальцев (ноябрь 1624, 1625/26 г.), Т. Чирухин (март 1636, октябрь 1641 г.), Л. И. Кобелев (1644/45 г.), С. Васильев (декабрь 1645 г.), А. Рублев (сентябрь 1646 г.), В. С. Литовский (1646/47, 1647/48, 1649, 1650/51, октябрь 1659, январь 1660, декабрь 1672 г.), К. Зиновьев (1661/62, июнь 1662 г.), В. Казанец (1663/64, июнь 1664, март 1674 г.), К. Шелепов (февраль 1665, 1688/89, 1690/91, 1691/92 г.), А. Долгополов (май 1665 г.), Т. Лукиных (1675/76, 1686/87, декабрь 1691, март 1692 г.), Н. Сурихин (1676/77, 1677/78 г.), Ф. Самков (1678/79 г.), И. Казанец (март 1669, конец 1680 – начало 1681, 1695/96 г.), М. Логинов (январь 1681 г.), А. Перевалов (март 1683 г.), А. Яковлев (март 1684 г.), Я. Порываев (1685 г.), Г. Черемисинов (июнь, сентябрь 1685 г.), К. Седунов (1687/88 г.), В. Чиреншиков (1689/90, октябрь 1690 г.), И. Ларионов (конец 1692 – начало 1693 г.), И. Мухлынин (1693/94 г.), П. Турляков (1696/97 г.), П. Паламошный (1697/98 г.), А. Бутыгин (1698/99, февраль – март 1700, декабрь 1700, 1700/01 г.)[30]. Туринскими ямскими старостами были: Б. Терентьев (1622/23 г.), И. Савельев (февраль 1640 г.), П. Денисов (февраль 1641 г.), С. Котоса (1654/55, 1655/56, 1658/59 г.), С. Курмач (конец 1657 г.), М. Ушаков (1659/60 или 1660/61, конец 1675 – начало 1676 г.), В. Бурдуков (Бурдаков) (сентябрь 1665 – начало 1666 г.), В. Кудашев (март 1668 г.), А. Урванов (конец 1670 г.), В. Осколков (1673 г.), Я. Хлызов (конец 1676 – начало 1677 г.), Т. Нифанов (Нифантов) (начало 1678 г.), Н. Елфимов (июль 1680, 1686, август 1692 г.), Д. Чечевин (конец 1681 г.), С. Елфимов (начало 1680-х гг., ноябрь 1686 – май 1687, сентябрь 1690, 1698/99, январь 1700 г.), Г. Данилов (конец 1685 – начало 1686 г.), К. Елфимов (март 1693 г.), Н. Кизылов (конец 1693 г.), П. Хлызов (ноябрь 1699 г.)[31]. Во главе мирской организации Тю-

половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским / пер. с арабск. Г. Муркоса. М.: Университет. тип., 1897. Вып. 2. С. 115, 121, 182; Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии (Падуя, 1680 г.) / пер. А. И. Станкевича // ЧОИДР. 1906. Кн. 3. С. 134 (Отд. 3).

[26] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1015. Л. 11, 11 об.

[27] Там же. Оп. 1. Кн. 801. Л. 60; Кн. 1208. Л. 81 об.

[28] Там же. Кн. 1130. Л. 263 об.–264.

[29] Каштанов С. М. К истории ямской гоньбы в XVI в. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2000. Вып. X. С. 24.

[30] Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 28. Л. 1–2; Стб. 43. Л. 1–2; Стб. 808. Л. 1; Стб. 844. Л. 2; Стб. 976. Л. 1; Стб. 1172. Л. 6; Стб. 1490. Л. 1; РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Стб. 4262. Л. 1–5; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 10. Л. 80; Кн. 487. Л. 31, 73; Кн. 845. Л. 337; Кн. 953. Л. 1, 71; Оп. 3. Стб. 134. Л. 88; Стб. 170. Л. 58; Стб. 263. Л. 13, 15, 133, 134, 391; Стб. 593. Л. 7; Стб. 897. Л. 152; Стб. 959. Л. 166, 167, 177; Стб. 1038. Л. 211; Стб. 1071/1. Л. 46, 87; Стб. 1071/3. Л. 93; Стб. 1195. Л. 61; Стб. 1402. Л. 155, 171; Стб. 1603. Л. 10; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 65. Л. 2; Стб. 74. Л. 131; Стб. 86. Л. 19 об., 77, 82, 86; Стб. 88. Л. 109; Стб. 97. Л. 105; Стб. 125. Л. 26; Стб. 127. Л. 370; Стб. 128. Л. 179, 240 об.; Стб. 139. Л. 115; Стб. 148. Л. 291; Стб. 159. Л. 200; Стб. 164. Л. 212; Стб. 167. Л. 287; Стб. 215. Л. 154; Стб. 284. Л. 44; Стб. 302. Л. 131; Стб. 304. Л. 375; Оп. 2. Стб. 55. Л. 1; Стб. 58. Л. 13 об.; Стб. 122. Л. 147; Стб. 129. Л. 25; Стб. 224. Л. 49; Стб. 347. Л. 72; Стб. 442. Л. 137; Стб. 481. Л. 3; Стб. 518. Л. 48; Стб. 531. Л. 46; Стб. 542. Л. 66; Стб. 546. Л. 62; Стб. 608. Л. 36; Оп. 4. Кн. 4. Л. 20; СПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 4. Л. 208 об.; АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 41, 85; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Вып. 2. С. 173; ДАИ. СПб., 1859. Т. 7. С. 272; Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь: тип. н[аследни]ков П. Ф. Каменского, 1897. Вып. 7. С. 180; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. С. 264, 594, 618; Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Пермь: тип. Губ. земск. управы, 1884. Период третий: С 1645–1676. С. 788.

[31] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1010. Л. 129; Кн. 1240. Л. 104–118; Оп. 3. Стб. 94. Л. 245; Стб. 102. Л. 297; Стб. 348. Л. 180; Стб. 480. Л. 199; Стб. 496. Л. 60; Стб. 560. Л. 70, 276, 417;

менского яма находились: Б. Афанасьев (1603 г.), Е. В. Бытиков (1630 г.), Т. Григорьев (1633/34 г.), Ш. Еремеев (март 1636 г.), И. Дворников (1651/52, ноябрь 1657 г.), С. Максимов (март 1653 г.), М. Леонтьев (1658/59 г.), Е. Перевалов (лето 1667 г.), М. Плеханов (март 1674 г.), А. Ржаников (1677/78 г.), Г. Мехонин (конец 1680 – начало 1681 г.), Н. Помигалов (1685/86 г.), В. Агеев (сентябрь 1687 – начало 1688, ноябрь 1696 – март 1697 г.), М. Плеханов (конец 1699 г.)[32]. Должность демьянских ямских старост занимали: И. Аникиев (1642/43 г.), Я. Васильев (1647/48 г.), Е. Борисов (1650/51 г.), Т. Андреев (Адрианов) (1661/62 г.), И. Иванов (весна 1668 г.), С. Васильев (1686/87 г.), С. Крылов (1690 г.)[33]. Наконец, органами самоуправления Самаровского яма руководили: С. Т. Ерш (1636/37, октябрь 1642 г.), В. Терентьев (1643, 1656 г.), Б. Лукьянов (весна 1645 г.), И. Прялицын (1647/48, 1660/61 г.), И. Овчинников (сентябрь 1649 г.), С. Н. Змановский (ноябрь 1649 г.), К. Васильев (1650/51 г.), А. Прокофьев (1653/54 г.), И. Ф. Егишев (конец 1657 – начало 1658 г.), И. А. Серебрянников (Серебряников) (1667 (?), 1685/86, 1691/92, 1696/97 г.), Е. Захаров (начало 1681 г.), Д. Логинов (1684/85, 1690/91, 1695/96 г.), И. В. Погадаев (1686/87, 1689/90 г.), И. И. Хозяинов (1688/89, 1695/96 г.), К. Д. Мухин (1692/93 г.), Т. Самойлов (1693/94 г.), З. В. Пачганов (1694/95 г.), Л. С. Корепанов (1697/98 г.), Г. С. Дягилев (1698/99 г.)[34].

Помощниками старосты были десятники (до 5-ти человек на ям). Обычно их избирали на год. Неясно, предоставлялись ли мирским должностным лицам какие-то льготы. Однако они не обязательно происходили из людей состоятельных. Так, будущий верхотурский ямской староста К. Ентальцев в 1621 г. не имел даже двора. За ним числились 2 чети «в поле, а в дву потому ж» «худой» пашни и сенные покосы на 42 копны. Промыслами и торговлей он не занимался[35]. Отправлявший в 1622/23 г. обязанности туринского ямского старосты Б. Терентьев в 1623/24 г. владел 1 четью «доброй» пашни, 1 четью перелога «в поле, а в дву потому ж» и сенными покосами на 40 копен[36]. Должностные лица общины не всегда пользовались авторитетом среди рядовых собратьев. В 1687 г. верхотурский ямской охотник В. Перевалов «на Тагиле, в Кокшарове деревне… бранил… при многих людех всякою непристойною матерною бранью неведамо за что» ямского старосту Т. Лукиных[37]. В октябре 1690 г. в «земской избе» верхотурский ямщик И. Шестоперов публично оскорблял и бил «по щекам» старосту В. Чиреншикова[38]. Текущее делопроизводство находилось в руках ямского дьячка, который нанимался и содержался на средства «мира». Его значение усиливалось благодаря тому обстоятельству, что нередко староста и десятники были людьми неграмотными.

Ямская община была образованием искусственным, созданным по воле государства. В отличие от Европейской России, «за Камнем» ямское дело находилось под прямым надзором и непосредственным контролем со стороны воеводской администрации. Сибирские воеводы следили за исправным функционированием ямов, при необходимости пополняли их, являлись для ямщиков более высокой судебной инстанцией, зачастую предоставляли им жалованье, защищали от притеснений сторонних лиц и т. д. Вдобавок во главе Демьянского и Самаровского ямов стояли располагавшие широкой компетенцией ямские приказчики – непосредственные представители разрядного центра (своеобразные «воеводы в миниатюре»)[39]. Усилению зависимости «мира» от администрации способствовали сами же ямщики, обращавшиеся к властям за помощью и посредничеством в решении внутриобщинных споров.

Впрочем, несмотря на ограниченность автономии и самостоятельности, ямские общины принимали активное участие в общественной жизни края. В XVII в. обыденной являлась практика отстаивания ими своих интересов, причем не только в отношениях с другими корпоративными сообществами, но и с государством, которое, в силу бытовавших

Стб. 593. Л. 59; Стб. 712. Л. 30; Стб. 731. Л. 32, 72; Стб. 817. Л. 289; Стб. 818. Л. 521; Стб. 897. Л. 350; Стб. 900. Л. 255; Стб. 936. Л. 278 об., 293, 296, 298, 304, 409; Стб. 983. Л. 315, 480; Стб. 1260. Л. 7, 292; Стб. 1409. Л. 1, 15; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 7. Л. 6; Стб. 93. Л. 176; Оп. 2. Стб. 389. Л. 45; СПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 6. Л. 263 об.; АЮБ. СПб., 1884. Т. 3. Стб. 258.

[32] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 21. Л. 2 об., 6; Кн. 1130. Л. 336 об.; Оп. 3. Стб. 46. Л. 24; Стб. 170. Л. 85; Стб. 354. Л. 184, 242; Стб. 505. Л. 30, 172; Стб. 593. Л. 29; Стб. 611. Л. 283; Стб. 701. Л. 99; Стб. 818. Л. 52; Стб. 884. Л. 412; Стб. 936. Л. 299; Стб. 990. Л. 37, 78; Стб. 1015. Л. 1, 192; Стб. 1056. Л. 160, 673; Оп. 4. Стб. 94. Л. 26, 30; Стб. 166. Л. 1; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 264. Л. 229; СПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 6. Л. 243 об.; АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 37; Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 210.

[33] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 23, 83, 120; Стб. 593. Л. 79, 99; Стб. 632. Л. 189; Стб. 818. Л. 512; Стб. 990. Л. 131, 145, 148–149, 164; Стб. 1015. Л. 134; Оп. 4. Стб. 94. Л. 5.

[34] Там же. Оп. 1. Кн. 801. Л. 264; Кн. 1208. Л. 52, 90, 133, 178, 233, 286, 325, 368, 410, 448, 494, 533, 595, 654; Оп. 3. Стб. 354. Л. 30; Стб. 448. Л. 23, 40, 41, 78, 80, 85, 113, 120, 140; Стб. 496. Л. 137; Стб. 560. Л. 64; Стб. 593. Л. 97, 103, 120; Стб. 884. Л. 419; Стб. 990. Л. 2, 131, 137, 172, 181; Стб. 1015. Л. 134; Оп. 4. Стб. 94. Л. 17, 56; Стб. 164. Л. 1; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 150; Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 582, 634; Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 2004. С. 71, 75.

[35] РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Кн. 1. Л. 83 об.

[36] Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 561, 584 об.

[37] Там же. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 347. Л. 72.

[38] Там же. Стб. 370. Л. 39.

[39] Подробнее о ямских приказчиках см.: Семенов О. В. Ямские приказчики в Западной Сибири в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2011. № 1. С. 7–10.

на «восточной украине» условий[40], пока еще прислушивалось к голосу «земли». К примеру, в 1692 г. ямщики, посадские люди и пашенные крестьяне Туринска составили коллективную челобитную на воеводу Б. А. Челищева. Население обвиняло его в непомерных злоупотреблениях и просило «переменить», дабы «вконец не погинуть и з домишками не раззоротца и врознь не розбрестись». В частности, администратор задержал выплату ямщикам жалованья (часть которого присвоил себе), «напрасно» избивал и заключал их в тюрьму (с целью получения взяток), широко использовал для личных нужд подводы и т. д.[41]. По итогам проведенного сыска Сибирский приказ принял решение о смещении ненавистного корыстолюбца.

Ямщики содействовали хозяйственной колонизации Сибири. В свободное от гоньбы время они занимались земледелием, животноводством, промыслами (мукомольным, охотничьим, рыболовным, кузнечным и т. д.) и торговлей. По данным дозорной книги Н. Н. Беглецова (1623/24 г.), туринских ямщиков вместе с братьями и детьми мужского пола насчитывалось 57 человек. В основной массе они проживали в Ямской слободе, включавшей 43 двора. Еще 9 ямских дворов находились в уезде. В общей сложности ямщики владели 163 четями с осьминой пашни, 63 четями с третником перелога «в поле, а в дву потому ж» и сенными покосами на 3730 копен[42]. Более многочисленным был Тюменский ям. К середине 1623 г. он состоял из 81 ямщика (вместе с детьми, братьями и племянниками – 162 человека). Из них только 47 ямщиков постоянно проживали на посаде и в Ямской слободе, тогда как остальные прочно осели в деревнях. Им принадлежало 725 четей пашни, 135 четей без третника перелога «в поле, а в дву потому ж» и сенных покосов на 4410 копен[43]. Что касается верхотурских ямщиков, то в 1624 г. их насчитывалось 55 человек (с детьми, братьями и племянниками – 86 человек). Они владели 411 четями пашни, 410 четями перелога «в поле, а в дву потому ж» и сенными покосами на 6300 копен[44]. По размерам угодий верхотурские ямщики превосходили посадских и служилых людей, уступая только крестьянам. К концу 1680-х гг. за насельниками Верхотурского яма числилось более 880 четей «в поле, а в дву потому ж» пашни[45].

Таким образом, ямщики играли важную роль в истории Сибири конца XVI–XVII в. Благодаря профессиональной деятельности, а также социальной и экономической активности, они способствовали закреплению отдаленных и обширных территорий за Москвой и их развитию.

[40] См.: Его же. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург: Банк культ. информации, 2006. С. 224–228.

[41] РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 389. Л. 45–46, 49–50.

[42] Согласно нашим подсчетам, итоговая цифра перелога туринских ямщиков составляла 80 четей с третником «в поле, а в дву потому ж» (Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 559 об.–562 об., 575 об.–586).

[43] Там же. Л. 540–541 об.

[44] Там же. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 141. Л. 14.

[45] Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 194–201 об.; Оп. 3. Стб. 1071/3. Л. 101.

O. V. Semyonov

On the Role of Yamschiks in the Development of Siberia (Late 16th – 17th cc.)

Key words: yam; yam driving; Siberia; community; waywode.

Abstract: On the basis of a wide circle of archive and published sources the history of creating and functioning of the organized systemof communication in Siberia at the end of the 16th – 17th centuries is shown. The characteristics of professional, social and household activities of yamschiksis given. The conclusion of their big role in the region development is made.

В. Н. Глазьев

Особенности структуры населения и организации управления в Центральном Черноземье России в XVII в.

Центральное Черноземье – экономический район современной России, включающий пять областей (Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Тамбовскую). В XVI в. эта территория составляла часть Поля – обширного малозаселенного пространства, через которое проходили пути вторжений отрядов из Крымского ханства. На Поле Российское государство создавало систему оповещения о неприятельских набегах – станичную и сторожевую службу. Центральное Черноземье было местом промыслов (охоты, рыбной ловли, бортничества) для населения прилегающих территорий.

Анализ письменных источников стал основанием для вывода о постепенном запустении основной части Центрального Черноземья в годы ордынского господства и до конца XVI в. В документах и повествовательных памятниках не отразились сведения о сельских поселениях и городах на этой территории. Археологические материалы не опровергают тезиса о запустении региона в XV–XVI вв.: археологических памятников XV–XVI вв. известно немного. Возможно, это связано со слабой степенью заселенности лесостепного Подонья в данный период[1].

Единственным в Центральном Черноземье городом с заселенной округой, где жизнь не прерывалась до рубежа XV–XVI вв., был Рыльск, расположенный в пределах современной Курской области. В 1568 г. на Поле на берегах верхнего Дона был построен город-крепость Данков, расположенный на территории современной Липецкой области. В конце XVI в. на Поле возводятся новые российские города-крепости: Воронеж (1585/86), Ливны (1585/86), Елец (1592), Курск (1596), Белгород (1596), Оскол (1596), Валуйки (1599), Царев-Борисов (1599)[2]. В 1612 г. Царев-Борисов был разрушен и впоследствии не восстановлен[3], с 1613 г. к числу городов-крепостей на Поле стала относиться Лебедянь[4].

Как можно судить по елецким (1592–1593) и воронежским (1594) документам, в конце XVI в. новопостроенные города-крепости на Поле находились в судебно-административном подчинении Посольскому приказу. Вместе с тем к управлению новыми городами в Черноземье в конце XVI в. имел отношение Разрядный приказ как орган, ведущий учет служилых людей. В Разрядном приказе на основе текущего делопроизводства составлялись разрядные книги, содержащие сведения о службе воевод и голов в городах на Поле и имеющие местническое значение. В ведении Разряда находилась организация станичной службы, о чем свидетельствует память из Разряда в Посольский приказ за приписью разрядного дьяка С. Аврамова[5].

[1] Тропин Н. А. Южные территории Черниговo-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец: Елецкий гос. ун-т, 2006. С. 286, 297. Археологам хорошо известен характер археологических памятников XIV – начала XV в. в Воронежской и Липецкой областях (см.: Цыбин М. В. Периферия Золотой Орды в Подонье // КСИА. М., 2007. Вып. 221. С. 166–175). Выделены археологические материалы конца XVI – начала XVII в. (см.: Ковалевский В. Н., Цыбин М. В. Археологические поиски крепости Воронеж конца XVI – XVII века на южных рубежах Московского государства // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: Ин-т археологии РАН, 2013. Вып. 9. С. 226–229).

[2] Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991. С. 16, 105, 188–236.

[3] Фоминов А. В. Нерешенные вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валуек и гибель Царева-Борисова // Очерки феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. Вып. 16. С. 223.

[4] Гамаюнов А. И. Лебедянь в начале XVII в. // Исторический квартал: иллюстрир. науч.-попул. альманах ист.-культ. наследия Липецкого края. Липецк: Древлехранилище, 2013. Вып. 3. С. 69.

[5] Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца

После Смуты в XVII в. города Черноземья в судебно-административном и податном отношении находились в подчинении Разрядному приказу. В компетенции Посольского приказа остались вопросы, связанные с проводами турецких и крымских послов через территорию Черноземья, выплатой жалования донским казакам.

В конце XVI – первой половине XVII в. города-крепости на Поле назывались «польскими». С 1635 г. в этом пограничном регионе велось крупное оборонительное строительство, возводились новые города-крепости, часть из них была соединена непрерывной оборонительной линией – Белгородской чертой. С 1658 г. после образования новой административно-территориальной единицы – Белгородского разряда – область называлась «городами Белгородского полка».

В XVII в. этот район был расположен на окраине России, осваивался русскими и черкасами в условиях острой внешней опасности. Внешний фактор определял специфику социальной структуры населения – высокий удельный вес служилых людей.

Одну из основных сословных групп служилого населения в XVII в. на юге России составляли дворяне и дети боярские. Схожее с детьми боярскими правовое положение занимали поместные атаманы и казаки, эта группа сформировалась в последние годы Смутного времени. Основная функция дворян, детей боярских, поместных атаманов и казаков – полковая и городовая служба. Дворяне и дети боярские, поместные атаманы и казаки были испомещены в уездах. Объединенные в корпорации – служилые «города», – дворяне и дети боярские обладали сословным самоуправлением[6]. Они же играли заметную роль в местном управлении в своих уездах[7].

Основная часть детей боярских Центрального Черноземья в XVII в. по социально-экономическому положению была близка к крестьянам и посадским людям. Служилые люди не имели крестьянских и бобыльских дворов, жили «одним двором», в их хозяйствах были заняты они сами или их родственники[8]. Из массы помещиков и вотчинников выделялась служилая верхушка, которую отличали более высокие чины, должности, поместные оклады и «дачи», наличие крестьянских и бобыльских дворов. Именно к служилой элите уезда применялось наименование «дворяне».

Провинциальные дворяне и дети боярские были разделены на три чина: выборные, дворовые и городовые. По десятням за 1621/22 г. в Ельце было записано 4 дворовых сына боярских, в Воронеже – 2. Все остальные – городовые дети боярские. Дворян, служивших по выбору, ни в Воронеже, ни в Ельце в 1621/22 г. не было[9]. А. А. Новосельский показал, что чин выборного дворянина жаловался на основании сочетания родовитости, выслуги и хозяйственной состоятельности[10]. Боярская книга 1627 г. отмечает появление выборных дворян в Курске: И. А. Анненков, Б. О. Виденев[11]. В курской десятне 1636 г. уже четыре выборных – И. А. Анненков, С. Б. Виденев и К. Б. Виденев, В. А. Анненков[12]. К концу XVII в. в Курске не только увеличилось число выборных дворян, но и появились лица, записанные в московские чины.

В середине XVII в. выборные дворяне появились в Воронеже: Т. И. Михнев, В. М. Струков. К 1689 г. наблюдается дальнейшее продвижение верхов воронежского дворянства по лестнице чинов: в годовой сметной книге 1689/90 г. отмечено четыре служилых человека, испомещенных в Воронежском уезде и записанных в московский список. Четверо дворян служили по выбору, по дворовому было записано как минимум 12 человек[13].

С 1653 г. в связи с образованием полков нового строя в Центральном Черноземье появляются новые категории служилых людей: завоеводчики, есаулы, копейщики, рейтары, солдаты. В их состав включали дворян и детей боярских, казаков и других ратных людей традиционных служб.

В интересах обороны южных рубежей российское правительство ограждало землевладение местных помещиков и вотчинников от проникновения столичных чинов: члены Боярской думы, московские чины и крупные монастыри могли владеть землями в Центральном Черноземье лишь в виде исключения. В 1670-е гг. центральная власть фактически перестала защищать интересы мелких землевладельцев на

XVI – начала XVII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 373.

[6] Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII в.: (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль: Изд-во Ярославского пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2000. 206 с.; Ляпин Д. А. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. (историко-генеалогическое исследование). Елец: Типография, 2008. 420 с.

[7] Глазьев В. Н. Воронежское дворянство XVII в.: роль в местном управлении // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8. С. 14–30.

[8] Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в России в XVII в.: по материалам южных уездов России: учеб. пособие к спецкурсу для студентов ист. фак-тов пед. ин-тов. Воронеж, 1974. 119 с.

[9] РГАДА. Ф. 210. Оп. 4 (Дела десятен). Ед. хр. 87; Сторожев В. Н. Воронежское дворянство по десятням XVII в. // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж: Воронежский губ. стат. ком., 1894. С. 83–110 (Отд. 3).

[10] Новосельский А. А. Правящие группы в служилом «городе» XVII в. // Ученые записки / Институт истории РАНИОН. М., 1928. С. 318.

[11] Боярская книга 1627 г. М.: [Ин-т истории СССР АН СССР], 1986. С. 144.

[12] Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства / сост. член Имп. С.-Петербург. археолог. ин-та А. А. Танков. М., 1913. Т. 1. С. 77 (Приложения).

[13] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д (Кн. Белгородского стола). Кн. 155. Ч. 1. Л. 279 об.–280 об., 281–283 об., 371.

юге страны и встала на сторону московских чинов. С осени 1673 г. московская знать стала получать земли в бывших «заказных городах»[14].

Соотношение крестьян и служилых людей в Центральном Черноземье зависело от географического расположения уезда и менялось на протяжении столетия. В расположенных у южной границы городах – Валуйках, Старом Осколе, Белгороде – служилые люди преобладали. Они численно доминировали и в построенных во второй трети XVII в. городах и уездах по Белгородской черте и «за чертой». В расположенных ближе к центру Ливенском, Елецком, Курском, Лебедянском, Воронежском уездах в первой половине XVII в. доля крестьянского населения была выше по сравнению с южными уездами[15]. С 1635 г. крестьяне пополняли гарнизоны вновь построенных крепостей, становясь служилыми людьми. Часть крестьянского населения перешла в новую категорию служилых людей – поселенные драгуны.

Основную часть городского населения крепостей на Поле составляли служилые люди «меньших чинов» (по терминологии Соборного уложения 1649 г.) – станичники, стрельцы, пушкари, городовые (полковые) казаки, затинщики и другие, более малочисленные категории, владевшие пашенной, а не поместной землей[16]. Служилые люди «по прибору» выбирали из своих рядов стрелецких, казачьих, пушкарских пятидесятников и десятников.

Посадские люди проживали в 10 из 40 городов, стоявших на Белгородской черте и «в черте». Крупные посады сложились только в Воронеже, Курске и Ельце. Небольшие, но стабильные посады были в Белгороде, Козлове, Коротояке и Острогожске. В Урыве, Епифани и Землянске число посадских людей не превышало 15 человек. Курский посад в 1646 г. имел 270 дворов, в 1670–1680-е гг. – 538 посадских дворов. Составители воронежской переписной книги 1646 г. насчитали в городе 85 посадских дворов[17]. На протяжении XVII в. воронежский посад численно вырос, в конце XVII в. в него было записано более 300 дворов. Посадские люди ежегодно выбирали из своей среды земских старост[18].

Незначительная в сравнении со всем населением численность южнорусского духовенства отнюдь не соответствовала значению святителей в местном обществе. К их голосу прислушивались, они активно влияли на формирование общественного мнения. Авторитет священников и монахов был связан, в том числе, с их грамотностью. Процент грамотных людей среди духовенства был самым высоким.

С конца XVI в. ведущей формой в местном управлении Центрального Черноземья являлось воеводское. Воеводы назначались из Москвы Разрядным приказом. В города юга России в качестве воевод, как правило, определяли стольников или московских дворян[19]. Учреждение, которым руководили воеводы, где хранились документы, принимались челобитчики, допрашивались задержанные лица, называлось съезжей или приказной избой. В приказных избах городов Центрального Черноземья на протяжении XVII в. работало от 2 до 4 подьячих[20].

В последние годы Смуты и сразу после нее в районе «полевых» крепостей возникали органы губной власти – губные избы. В Курске это произошло не позже 1612 г., в Ливнах – не позже 1622 г., в Ельце – не позже 1621/22 г., в Воронеже – не позже 1625 г.[21]. Основное назначение губных учреждений – борьба с уголовной преступностью. Руководство губными избами осуществлял Разбойный приказ. В 1620–1630-х гг. не известны губные старосты в Валуйках, Старом Осколе, Белгороде. В уездах без крестьян или с незначительным крестьянским населением дела о разбоях, убийствах и татьбе были возложены на воевод. Эта практика продолжилась после 1635 г. – губными делами в большинстве новых городов и в уездах по Белгородской черте занимались воеводы.

Губной староста – выборная должность. Выборы поручались воеводам, которые должны были собрать в городе в определенный день представителей всех категорий населения уезда: дворян и детей боярских, духовенства, посадских людей, служилых людей «по прибору», крестьян. Собравшиеся называли имя губного старосты из числа местных дво-

[14] Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. Т. 4. С. 21–40; Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 229.

[15] Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. С. 161–166.

[16] Скобелкин О. В. Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. Вып. 18. С. 78–81.

[17] Кондратьева С. К. Посадские люди юга России в XVII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2012. С. 16–17; Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке: (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 97–98; Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. / подготовка текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Глазьева. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. С. 161.

[18] Кондратьева С. К. Земские старосты г. Воронежа в XVII в. // Страницы российской истории: сб. науч. ст. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. С. 38–45.

[19] Глазьев В. Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII вв. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. 168 с.

[20] Камараули Е. В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII в. Воронеж: Истоки, 2009. 302 с.

[21] Глазьев В. Н. Губные учреждения в городах юга России в XVII в. // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX в.: материалы Междунар. науч. конф., 25–28 апр. 2002 г., Тверь – Кашин – Калязин: в 2 ч. Тверь, 2002. Ч. 1. С. 227–235.

рян и детей боярских. На выборах требовалось единогласие; при его отсутствии правительство могло утвердить выбор одной из сторон. С точки зрения правительства, выборы в XVII в. являлись повинностью населения. Исследователи не раз приводили факты, свидетельствующие о безразличии людей к исходам выборов.

Но было бы неверным утверждать, что население всегда равнодушно относилось к выборам губного старосты. Следует иметь в виду следующее обстоятельство. Внутри российских городов и уездов происходило соперничество отдельных групп, родов, лиц. Если говорить о дворянах и детях боярских, то их представители стремились к более высоким чинам, окладам, «дачам». Шла борьба и за влияние на местное управление. В Курске в 1630–1640-х гг. возникло соперничество Анненковых и Виденевых, в Новосили в последней трети XVII в. – Головиных и Шатиловых, в Воронеже также в разные годы шла внутригородская борьба. В этих условиях равнодушия к исходу выбора быть не могло.

С точки зрения населения, о выборах губного старосты должно было знать большинство жителей города и уезда. В противном случае выборы считались незаконными, ложными. В 1640 г. козельские священники и служилые люди «по прибору» заявили, что челобитная об утверждении в городе одного губного старосты (с упразднением воеводской власти) была «ложной», поскольку ее составили родственники и «советники» губного старосты (десять дворян и детей боярских) и никольский поп Иван – духовный отец губного старосты. В челобитной сообщалось, что составлена она «от всего города», на самом же деле документ писался без ведома горожан[22].

В 1642/43 г. в Курск была прислана грамота из Разбойного приказа с указанием выбрать губного старосту «всем городом». По словам курского сына боярского Ф. Молютина, Воин Анненков, «умысля с своими советниками, написал на себя выбор и отписку у себя во дворе, без городского ведома и без воеводского. И звал меня к тому выбору руку прикладывать, и я к тому его воровскому выбору руки не приложил, потому что не всем городом его выбирали»[23].

Для «правящей группы» служилого «города» и верхов духовенства выборы губного старосты и пребывание на этом посту было формой участия в местном управлении, возможностью влиять на важнейшую его сферу – борьбу с разбойниками, опорой в конфликтных ситуациях с воеводами[24]. Для дворян и детей боярских должность губного старосты была более «спокойной», чем полковая служба. В то же время она означала определенное признание, престиж в рамках городского и уездного «мира». Обязанности губных старост не ограничивались борьбой с разбоями, убийствами и татьбой, им поручались и дела иного характера: отвод и размежевание земель, сыск беглых холопов.

Выбор в губные старосты «лучших» дворян наносил ущерб полковой службе, особенно в период войн. По Соборному уложению 1649 г. в губные старосты следовало выбирать только отставленных от службы дворян и детей боярских или же тех, вместо кого служат сыновья. Однако служилые люди находили способы обойти эту норму, и в губные старосты нередко избирались лица, вполне способные к полковой службе. Губные старосты принадлежали к служилым верхам «города». Об этом свидетельствуют их чины и оклады, наличие крестьянских и бобыльских дворов, пребывание на других должностях местного управления, родственные связи[25]. Служилая элита могла занимать и другие должности местного управления: городовых приказчиков, осадных, стрелецких, казачьих голов, таможенных и кабацких голов.

В конце XVI – начале XVII в. дворяне и дети боярские Черноземья выбирали из своей среды также городовых приказчиков. В их ведении находились городовые укрепления, артиллерия и боеприпасы. Постепенно городовых приказчиков сменили назначаемые из Москвы осадные головы. В отсутствие воевод на осадных голов возлагалась оборона крепости, отделение земель в поместья и вотчины. Осадным головой мог стать как местный сын боярский, так и иногородний. Подобным же образом назначались казачьи и стрелецкие головы и сотники. Назначение иногородних дворян в осадные, казачьи и стрелецкие головы вызывало протесты населения. В 1644 г. курские монастыри и дети боярские подали в Разрядный приказ жалобу на осадного голову воронежского сына боярского Л. Петрова. Они напоминали: «При государе ... Федоре Ивановиче и при царе Борисе Федоровиче всеа Русии в Курске наезжих осадных голов не бывало, а бывали ... при прежних государех городовые приказчики курчаня дети боярские, ведали они твою государеву казну, и погреб казенной, и житницы, и ключи городовые». Челобитчики просили, чтобы в Курске в городовых приказчиках были курские дети боярские. Грамотой от 29 сентября 1644 г. Л. Петров был смещен с поста курского осадного головы. Курянам предлагалось выбрать «всем городом» осадного голову – курского

[22] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ед. хр. 153. Л. 78–79.

[23] Там же. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ед. хр. 190. Л. 514.

[24] Глазьев В. Н. Воеводы и губные старосты в городах юга России в XVII в.: разграничение полномочий // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: 2-е чтения памяти акад. Л. В. Милова. М., 2011. С. 98–101.

[25] Его же. Опыт генеалогического изучения служилого «города» XVII в.: коллективный портрет воронежских губных старост // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. М.: РГГУ, 2001. С. 80–82.

сына боярского – и выбор на него прислать в Разрядный приказ[26].

Приведенное распоряжение носило частный характер. До 1646 г. в Курске осадным головой служил курский сын боярский М. Белов, замененный затем на иногороднего П. Брусилова. На место П. Брусилова претендовал курский выборный дворянин С. Г. Колугин. Обосновывая свою просьбу, он ссылался на «заручную» челобитную жителей южнорусских (северских и «польских») городов и уездов, поданную в связи с подготовкой Соборного уложения 1649 г. В ней сообщалось, что в тех городах «от стрелецких, и от козачих, и от осадных голов от московских и от иногородцев чинится ссора, и смута, и всякое воровство, и городским людям продажа великая». За «многия службы и смертныя раны» С. Колугин был назначен на этот пост[27].

Местные дети боярские выбирались в головы у житниц. В ряде уездов Черноземья из числа местных детей боярских выбирали таможенных и кабацких голов. Если в городах центра и севера страны таможню и кабак (кружечный двор) возглавляли посадские люди, то на юге в отсутствие или при слабости посада таможенными и кабацкими головами становились местные служилые люди. Исполнение обязанностей головы представляло собой не только повинность, но и возможность влиять на важную сферу жизни города и уезда – торговлю и организацию кабацкого дела[28].

Значительными событиями в общественной жизни южной окраины России были выборы на Земские соборы и участие в их работе. Выборы организовывал воевода, но он не всегда мог влиять на состав избранных. Как показывает анализ состава выборных от южнорусских городов на Земские соборы середины XVII в., эти лица обладали реальным авторитетом в своих городах[29].

Для борьбы с татарами назначались сотенные головы из числа местных дворян и детей боярских. Сотенные головы во главе конных отрядов выступали в походы и преследовали неприятеля далеко в степи. Сотенными головами становились самые опытные местные служилые люди, обладающие реальным влиянием в городе и уезде[30].

Во второй трети XVII в. в связи с крупным оборонительным строительством число городов, сел и деревень в Черноземье увеличилось. В новых уездах возникли объединения детей боярских. В негласной иерархии служилых «городов» они уступали корпорациям, возникшим в конце XVI в. Для верхов дворянства Центрального Черноземья появились новые возможности участвовать в местном управлении. Местных детей боярских назначали воеводами, стрелецкими и казачьими головами в новые города Центрального Черноземья.

К 1658 г. сформировался Белгородский разряд как административно-территориальная единица. Его центр находился в Белгороде. Возглавлял разряд воевода Белгородского полка, как правило, в чине боярина или окольничего. Одна из крупных фигур на этом посту – князь Г. Г. Ромодановский. Ему подчинялись воеводы городов по Белгородской черте, городов к северу и югу от черты. Главной функцией воевод Белгородского разряда была военная – «бережение от прихода татар». Одновременно белгородский воевода обладал административной и судебной властью в отношении территории Черноземья[31]. «Гражданские» функции воевод Белгородского разряда недостаточно изучены, но без их характеристики невозможно понять процессы в местном управлении на юге России во второй половине XVII в.

В города Белгородского разряда воеводы назначались из Разрядного приказа, как правило, сроком на два года. Назначение рассматривалось как награда за длительную полковую службу, раны, пребывание в плену, гибель родственников. Служба в качестве воевод, стрелецких и казачьих голов, приказных людей «пригородов» считалась «корыстной», то есть позволяла улучшать материальное положение служилого человека. В Разрядном приказе возникали своеобразные «конкурсы» претендентов на должности в системе местного управления[32].

С середины XVII в. на юге России возникло деление административных центров на «города» и «пригороды». «Город» – главный административный центр, возглавляемый воеводой. «Пригород» имел подчиненное по отношению к городу значение. «Пригородами» командовали, как правило, лица рангом ниже городовых воевод – приказные люди

[26] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 157. Л. 29–31.

[27] Акты Московского государства. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1894. Т. 2. С. 196 (№ 315). В публикации назван «Жолугиным».

[28] Жиброва Т. В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII в. Воронеж: Истоки, 2011. С. 28–43.

[29] Глазьев В. Н. Выборные на Земские соборы середины XVII в. от городов юга России // Сословное представительство в России в контексте европейской истории, вторая половина XVI – середина XVII вв.: Междунар. науч. конф., 7–10 окт. 2013 г.: тезисы докл. М., 2013. С. 36–39.

[30] Андреев И. Л. Сотенные головы в России XVII в. // Исторические записки: науч. труды ист. фак-та ВГУ. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. Вып. 5. С. 6–17.

[31] Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 28–40; Глазьев В. Н. Формирование Белгородского разряда как административно-территориальной единицы в середине XVII в. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. С. 116–119; Дудина О. В. Судьи в Белгородском разряде во второй половине XVII в. // Вестник ВГУ. Серия: «История. Политология. Социология». 2010. № 2. С. 85–87.

[32] Глазьев В. Н. Порядок назначения городовых воевод южного пограничья в конце XVII в.: (по материалам Разрядного приказа) // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 10 (126). С. 86–90.

или головы. Например, Воронеж имел два «пригорода» – Костенск и Орлов; Козлов – Челнавский, Бельский остроги; Коротояк – Урыв.

На протяжении второй половины XVII в. происходила борьба руководителей «пригородов» за повышение своего статуса. Позицию приказных людей «пригородов» усиливала поддержка населения. Жители «пригородов» также стремились освободиться от подчиненности воеводам «городов», если местные приказные люди их устраивали. В ряде случаев правительство шло навстречу пожеланиям с мест. К концу XVII в. самостоятельность «пригородов» возросла, о чем свидетельствует расширение объема компетенций их руководителей[33].

Население русских городов и уездов в XVII в. не являлось лишь пассивным объектом управления, оно активно влияло на состав и деятельность должностных лиц. Одним из средств воздействия на власть выступали коллективные челобитные. В Воронеже во второй половине XVII в. существовала традиция составления коллективных челобитных с просьбами или продлить время пребывания в должности воевод, стрелецких и казачьих голов, подьячих, или, наоборот, отстранить их от должности. Подобные челобитные составлялись и в других городах. В наказах воеводам среди прочего предписывалось: «людям обид, и насильств, и никаких налог не делать, и всяким служилым и жилецким людям на себя изделья всякого делать не велеть». За различные притеснения, «посулы и поминки», неправедный суд воеводе грозила «великая» опала и наказание: «велим на тебе доправить все сполна»[34]. Подобные указания носили, в целом, декларативный характер и не прекращали злоупотреблений местных властей. Но характеры и методы действий должностных лиц резко различались, что вызывало неоднозначное отношение к ним со стороны местных «миров».

25 марта 1655 г. воронежским воеводой был назначен торопецкий дворянин В. Я. Непейцын, получивший тяжелое увечье в боях – «сечен саблей в четырех местах да переломлена нога ис пищали». Воевода страдал от недугов в период двухлетнего воеводства: «и ныне из раны кости идут». Обид местным жителям он не причинял, и судебных исков к нему от воронежцев не поступало. Через два года об определении на его место подал челобитную другой торопчанин И. Я. Кушелев. Если Непейцын не вызвал против себя исков со стороны воронежцев, то Кушелев представлял собой иной тип местного руководителя. За первый год воеводства он совершил столько злоупотреблений, что затмил все прегрешения предшественников. Возмущению воронежцев не было предела. Воеводе Белгородского полка кн. Г. Г. Ромодановскому была передана челобитная дворян, атаманов и беломестных казаков с обвинениями против Кушелева. Челобитчики сообщали, что с каждого воронежского дворянина и сына боярского, атамана и казака воевода собрал по 25 коп. для себя. С тюремных целовальников и сторожей он взял по 1 руб. 50 коп., не считая хлеба и вина. Приведенного с поличным вора воевода отпустил без наказания, взяв за это 15 рублей. Убийц сына боярского А. Столповского И. Кушелев отпустил из тюрьмы за взятку в 13 рублей. Челобитную кн. Ромодановскому передали видные представители воронежского дворянства Т. И. Михнев и П. К. Толмачев, находившиеся на службе в Белгороде, и тот направил из Белгорода в Воронеж белгородца А. Иевлева с предписанием принять дела у И. Кушелева и произвести сыск про его злоупотребления.

В Разряд были присланы материалы сыска, произведенного А. Иевлевым. На этом сыскном деле была поставлена резолюция одного из руководителей приказа: назначить на место И. Кушелева в Воронеже С. Хрущева, послать нового сыщика для проведения очных ставок между челобитчиками и воеводой. 27 марта 1659 г. в Разряд поступили две новые коллективные челобитные воронежских дворян, детей боярских, поместных казаков и беломестных атаманов. Их составители подчеркивали, что И. Кушелев смещен с должности по их челобитью. Но сыщик для очных ставок между истцами и Кушелевым в Воронеж не прислан, а С. Хрущев не имел оснований задерживать бывшего воеводу в городе. В документе содержалась просьба передать Кушелева на поруки, чтобы он не уехал из Воронежа до окончания судебного разбирательства[35].

Новый воевода С. Хрущев, как и его предшественник, оказался не угоден местному «миру». Против него в Белгороде в 1660 г. воронежскими служилыми людьми была подана очередная коллективная челобитная. В ответ на нее кн. Г. Г. Ромодановский послал в Воронеж сыщика, а С. Хрущева приказал выслать в другой город. 20 сентября 1660 г. на место С. Хрущева из Разряда был послан новый воевода[36].

Но «мир» мог не только бороться против воевод, стрелецких и казачих голов, подьячих. Известен целый ряд совместных обращений в столицу воронежцев (как, впрочем, и жителей других городов и уездов) с просьбой о назначении или продлении пребывания в должности тех или иных лиц. В декабре 1680 г. в Разряд поступила коллективная челобитная из Воронежа. В ней содержались похвалы воеводе

[33] Его же. «Город» и «пригород» как административные категории юга России XVII века // Страницы российской истории: сб. науч. ст. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. С. 15–19.

[34] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 1908. Л. 33; Ед. хр. 333. Л. 114–115 об.; Ед. хр. 606. Л. 34–35.

[35] Там же. Ед. хр. 449. Л. 30–34, 48–50; Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 289–292.

[36] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 449. Л. 60, 60 об.

М. Вырубову, пребывавшему на своем посту второй год и не допускавшему обид местным жителям. Прежде при царе Алексее Михайловиче, отмечали авторы прошения, воеводы находились в городе по три и по четыре года. Они просили продлить воеводство Вырубова, чтобы им «от частых переменных воевод в лишние тягости и в разорении не быть». Челобитная была заверена 35 рукоприкладствами, часть из которых представляет лично подписавшегося, часть – иных лиц или группы населения. Поименно названо 65 человек, попросивших поставить подпись вместо себя. Среди подписавших челобитную лично – настоятели монастырей, священник, дворяне и дети боярские, ротмистр, земский староста, грамотные посадские люди. Вместо стрельцов, части полковых казаков, посадских людей (в том числе второго земского старосты) подписались их духовные отцы из числа священников. Приложили руки представители беломестных и полковых казаков, пушкарских десятников и рядовых пушкарей. Таким образом, обращение к царю поддержали все основные сословные группы города и уезда, исключая крестьян и бобылей. Руководство Разряда оказалось в затруднительном положении, так как на место Вырубова, двухлетний срок пребывания в должности которого истекал 25 марта 1681 г., был назначен кн. И. С. Шаховской. На челобитной нет окончательной резолюции, но, предположительно, просьбу воронежцев в данном случае не удовлетворили. 3 июня 1681 г. кн. Шаховской находился в Воронеже в качестве воеводы.

10 августа 1687 г. в Разрядном приказе рассматривалась новая коллективная челобитная из Воронежа, поданная от имени «всяких чинов городских и уездных людей всем городом». В ней отмечалось, что воевода В. И. Лаговчин с радением выполняет правительственные поручения, а в отношении местных жителей не допускает обид, судит «в правду», «бескорысно и безволокитно». Стольник Лаговчин должен был находиться на должности воеводы с 3 октября 1685 г. по 3 октября 1687 г. Составители бумаги хотели оставить его воеводой на третий год. Челобитная была заверена 69 рукоприкладствами, которые представляют лично подписавшихся или других лиц и группы населения. Грамотные поставили подписи вместо 606 воронежцев, перечисленных по именам. Как и в предыдущем случае, обращение к правительству поддержали все категории населения (от имени крестьян и бобылей выступали дети боярские). В отличие от 1680 г., в данной челобитной более широко представлен город и уезд. Дети боярские названы с указанием их сел и деревень. Выделено низшее управленческое звено города и уезда: перечислены по именам становой голова Борщевского стана, сельские заказчики и десятники, казачьи пятидесятники, стрелецкие пятидесятники, пушкарские десятники.

На место В. И. Лаговчина еще 22 декабря 1685 г. за смерть отца и за собственные службы был определен стольник Н. Л. Головкин. Он заплатил в Печатном приказе пошлину и ждал указанного срока. Известие о коллективной челобитной воронежцев заставило его обратиться в Разряд за подтверждением принятого ранее решения. По его мнению, Лаговчин сам организовал составление документа в свою поддержку. Но в Москве не могли игнорировать столь внушительного волеизъявления воронежцев. Поэтому было принято компромиссное решение. Срок пребывания в должности Лаговчина продлили, но не на год, как просили челобитчики, а на 2 месяца и 28 дней. Н. Л. Головкину предписывалось переменить В. И. Лаговчина 1 января 1688 г. и быть в воеводах до 1 января 1690 г.

Инициаторами мирских прошений, как правило, выступали авторитетные с точки зрения правительства представители местного дворянства, духовенства, посада, стрелецкие и казачьи пятидесятники, что прослеживается по подписям на челобитных. Совместные прошения отражали мнение политически активной части местного «мира».

Арбитром в решении спорных вопросов, связанных с местной властью, выступал Разрядный приказ, в чьем ведении находились города Белгородского полка, в частности, Воронеж. Основными задачами провинциальной администрации столичное учреждение считало поддержание обороноспособности города-крепости на необходимом уровне, сбор налогов, решение части судебных дел. Разрядный приказ был заинтересован в сохранении стабильной социальной обстановки, стремился к разрешению конфликтных ситуаций мирным путем с учетом требований местного населения. В кадровых вопросах Разрядный приказ должен был учитывать и интересы дворян, добивавшихся назначения на воеводства и другие административные должности, и мнение общества, выражаемое в коллективных челобитных. Для достижения необходимого компромисса руководители столичного ведомства принимали во внимание различные условия. С одной стороны, изучались заслуги просителя должности, его рвение в полковой службе, материальное положение. С другой – имели значение содержание и форма коллективных челобитных населения. Особую значимость приобретали заверенные подписями («заручные») челобитные. В приказе вели подсчеты, сколько человек поставили подписи лично или попросили сделать это вместо себя, определяли, к каким сословным группам населения относятся «приложившие руки». Всё это оказывало влияние на принятие решения.

Для московских учреждений совместная петиция считалась веским аргументом в пользу или против того или иного администратора. С точки зрения центральных ведомств, наиболее значимой являлась коллективная челобитная, поддержанная населением города и уезда – «всем городом». Понятие «весь город» оставалось неопределенным. Кол-

лективные челобитные активно использовались в борьбе противоборствующих внутригородских групп. Доводом одной из сторон служило то обстоятельство, что совместная челобитная их соперников подана не от всего «города», о ней не слышали люди, а писалась она «на дворе» одного из жителей «немногими советниками». Такие челобитные называли «затейными», «воровскими», «составными». Для проверки обоснованности предъявленных в коллективной челобитной обвинений московские власти могли назначать повальный обыск, то есть опрос представителей различных категорий населения, оформленный соответствующим протоколом. В ходе повального обыска выяснялось отношение населения к тому или иному администратору.

Коллективные челобитные свидетельствовали о сохранении влияния общества на местное управление во второй половине XVII в. Параллельно шел процесс бюрократизации и централизация местного управления. Важное значение для понимания изменений в местном управлении России в XVII в. имеют выводы Н. Ф. Демидовой, отметившей, в частности, «известное отставание на местах» процесса бюрократизации по сравнению с центром страны[37]. Тем не менее, приказное начало усиливалось и в провинции – численность аппарата съезжих изб к концу XVII в. возросла. Крупной вехой в правительственной политике стал указ от 27 ноября 1679 г., согласно которому власть на местах сосредоточивалась в руках воевод. Другие должности местного управления – губных старост, горододельцев, сыщиков, ямских приказчиков, осадных голов, пушкарских голов, засечных голов, голов у житниц, присылаемых из Москвы сборщиков денег и хлеба – отменялись. Губных старост и других упомянутых должностных лиц разборщикам предлагалось записать в службу. В качестве обоснования такой меры называлась потребность освободить городских и уездных людей от необходимости содержать за свой счет упомянутых должностных лиц. Губные избы во всех городах надлежало сломать; губное дело передавалось в ведение воевод, губные подьячие переводились в съезжие избы[38]. Другой указ от 27 ноября 1679 г. среди прочих ликвидировал губную повинность населения[39].

Отношение к губным старостам, осадным головам, головам у житниц на местах было неоднозначным. Тем не менее, реформа 1679 г. ущемляла интересы местного дворянства. Правительство Софьи Алексеевны в 1684 г. восстановило институт губных старост и другие отмененные в 1679 г. должности местного управления. В коллективных челобитных служилых людей Белгородского полка в конце XVII в. высказывались диаметрально противоположные мнения относительно губных старост. Мценские служилые люди добивались упразднения воеводской власти в своем городе и сохранения только губного старосты. Ефремовские помещики, напротив, просили ликвидировать пост губного старосты и оставить одного воеводу. Многое зависело от личности губного старосты или воеводы. В столице по этому вопросу велась борьба ведомств – Разряда, выступавшего за сосредоточение всей власти в руках воевод, и Разбойного приказа, стремившегося сохранить власть губных старост на местах. Петр I поддержал Разряд – в 1698 г. в городах Белгородского полка должность губных старост была упразднена, а в 1702 г. это произошло по всей стране[40].

В XVI–XVII вв. государство еще не имело возможности решать задачи местного управления, опираясь исключительно на бюрократический аппарат. Эти задачи возлагались на сословия. В местном управлении на разных уровнях принимали участие представители сословий. Они не только выполняли задачи, поставленные центром, но и сами оказывали воздействие на власть, высказывали свои требования и активно отстаивали их, используя доступные им легальные средства.

[37] Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. С. 28.

[38] ПСЗ. Собрание 1-е. СПб., 1830. С. 219–220 (№ 779).

[39] Там же. С. 220 (№ 780). Указы от 27 ноября в более подробной редакции, чем опубликованные в ПСЗ, изложены в грамоте обоянскому воеводе, составленной в декабре 1679 г. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 939. Л. 349–351.

[40] Глазьев В. Н. Осуществление реформ местного управления 1679 и 1684 гг. на юге России // Клио: журн. для ученых. СПб., 2002. № 2 (17). С. 135–140.

V. N. Glazjev

Peculiarities of the Population Structure and Governance in the Russian Central Black Earth Belt in the 17th Century

Key words: Central Black Earth Belt; the 17th century; population structure; governing; collective petitions.

Abstract: The article lists the estates groups of the population of the Russian Central Black Earth Belt of the 17th century. The governing bodies of the region, possibilities of the population to affect the governing power, efficiency of collective petitions of the main groups of the population of the southern suburbs of Russia are characterized.

Часть II

ЭКОНОМИКА РОССИИ И АРХЕОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВА

В. А. Аракчеев

Иммунитетная политика в первые годы правления Бориса Годунова

Борис Годунов утвердился на троне в течение восьми месяцев: 17 февраля 1598 г. он был избран на Земском соборе, 21 февраля «наречен на царство» в Новодевичьем монастыре, 30 апреля переехал на жительство в Кремль[1]. Поскольку до марта 1598 г. многие акты принимались от имени царицы Ирины и патриарха Иова с боярами, следует признать безусловной начальной точкой отсчета его правления именно март. Хронологические рамки настоящей статьи – март 1598 г. – март 1600 г.

Иммунитетная политика этого времени предметному анализу не подвергалась. Составивший каталог иммунитетных грамот конца XVI – начала XVII в. Д. А. Тебекин сделал предварительные замечания, указав на освобождения от податей, данные на вотчины патриарха, новгородского и казанского митрополитов, Успенского собора в Москве, Новодевичьего монастыря[2]. Р. Г. Скрынников привел общую статистику новых грамот, выданных до мая 1599 г., и подтверждений Годунова на ранее выданные жалованные грамоты[3]. Между тем исследование иммунитетной политики правительства в 1598–1600 гг. даст материал для суждений как по истории финансов, так и по политической и культурно-антропологической истории России.

Иммунитетная политика царя Бориса до сентября 1598 г. выглядит крайне неуверенной. С 22 марта царь дает указные грамоты, содержащие распоряжения о невзимании оброка или подвод с монастырских владений, однако сохранившиеся акты фрагментарны и свидетельствуют об осторожности правительства в столь остром вопросе. Лишь 23 августа был освобожден от налогов двор Соловецкого монастыря в Холмогорах; акт с соответствующим распоряжением стал, по сути, первым «тарханом» правительства нового царя[4]. 3 сентября Борис был венчан на царство, что, несомненно, развязало ему руки для более явной демонстрации намерений в расширении своей социально-политической опоры.

15 сентября 1598 г. тарханную грамоту с запрещением содержания кабаков на посаде и освобождением от ряда косвенных налогов получают посадские люди Новгорода. Это был беспрецедентный акт в сравнении с финансовой политикой предшествующих великих князей и царей. Посады всегда были главным источником доходов для казны, что отметил в своем трактате Дж. Флетчер[5]. Теперь же, вопреки вековым традициям государственного управления, жители посада получили существенные льготы: «…с их дворов, со всего посаду наши всякие денежные доходы, и с их лавок, и с прилавков, и с скамей и с анбаров и с восков лавочные денежные оброки сложили, и мелкие промыслы, извоз водяным и сухим путем и дрягильскую пошлину, и сусло и квас для промыслу молодчих посадцких людей никому в откуп давати и оброку с тех мелких промыслов на посадцких людех имати не велели, и нашу отчину великое государство Великий Новгород во всем отарханили»[6].

[1] Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986. С. 212.

[2] Тебекин Д. А. Хронологический перечень иммунитетных грамот за 1584–1610 гг. // Археографический ежегодник за 1978 год. М.: Наука, 1979. С. 193–194.

[3] Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М.: Мысль, 1980. С. 147, 201.

[4] Архив СПбИИ РАН. Ф. 2. № 136. Л. 95–97 об.

[5] Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб.: А. С. Суворин, 1906. С. 45; Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1891. С. 331–335.

[6] ДАИ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1846. Т. I. С. 249 (№ 146).

Это пожалование следует рассматривать в контексте с более поздним, относящимся к 1 ноября 1598 г., пожалованием посадским людям и крестьянам Корелы и Корельского уезда, возвращенным Швецией в состав России. Жители посада и уезда получили право беспошлинной торговли в Новгороде, Пскове и Москве и были освобождены от выплаты всех налогов на 10 лет[7]. В дальнейшем правительство начало «посадское строение» в Кореле, предписав грамотой в Новгород дьяку Алябьеву от 14 декабря 1599 г. выводить в Корелу бывших посадских людей, живших в захребетниках в церковных и помещичьих землях, но не выводить их из черных волостей, где они платят подати вместе с тяглецами[8].

В то же время более благополучные посады и уезды северо-востока меняли свой фискальный статус в сторону ужесточения. В Пермской земле с 1582/83 г. «дань, оброк, присудные, кабацкие и таможенные деньги» оставались в распоряжении местного мира, который использовал их для отправки «отпусков» (транспортов) в Сибирь. Но со 108 (1599/1600) г. жители Пермской земли платили эти налоги в казну[9].

Несмотря на то, что в ходе посадского строения Годунова многие монастыри утратили свои городские дворы или иммунитетные привилегии на них[10], одновременно осуществлялась раздача новых грамот. 30 сентября несудимую и тарханно-проезжую грамоту получил новгородский митрополит. Царским пожалованьем управленцы Софийской вотчины получили права беспошлинной закупки и провоза товаров для нужд кафедры[11]. Еще одним бенефициаром после воцарения Бориса стал Успенский собор Московского Кремля, в котором проходила коронация избранного царя. 24 декабря 1598 г. собор получил тарханно-несудимую грамоту на свои вотчины в Московском, Дмитровском и Ярославском уездах, которые освобождались от всех видов налогов: «тем их людем и крестьяном не надобе наша никоторая дань, ни ям, ни подводы, ни ямские деньги…»[12].

Сыгравший исключительную роль в борьбе Годунова за трон Новодевичий монастырь и его игумень Евдокия первоначально получили подтверждение тарханно-проезжей грамоты на беспошлинный провоз товаров с астраханских промыслов (31 декабря 1598 г.). 30 января 1599 г. монастырь получил исключительные привилегии: тарханно-несудимую грамоту, освобождавшую монастырскую вотчину от всех основных налогов: «священники, и дьяконы, и дьячки церковные, и слуги и люди и крестьяне нашие дани, и ямских и приметных денег, и иных великих пошлин в нашу казну не платят»[13]. Интерпретация этого акта затруднительна, поскольку теоретически в это время продолжалось действие постановления церковно-земского собора 1584 г. о запрете тарханов. Считается доказанным, что, несмотря на продолжающуюся выдачу тарханных грамот, их действие в 1580–1590-х гг. прекратилось. Так, выплачивал налоги со своих вотчин, несмотря на наличие тарханных грамот 1587 г., Иосифо-Волоколамский монастырь[14]. Чудов монастырь по причине исключительности своего положения, по мнению С. Н. Богатырева, добился в 1586 г. права не платить налоги с наиболее старых сел, перешедших в монастырь еще по духовной его основателя митрополита Алексея[15]. Освобождение Новодевичьего монастыря от уплаты основных налогов следует рассматривать в контексте общей тарханной политики правительства Годунова.

В феврале 1599 г. массовое подтверждение прежних грамот получил Симонов монастырь. Без всяких изменений подтверждались несудимые и оброчные грамоты, грамота на беспошлинную варку соли, тарханно-проезжая, тарханная грамота с освобождением от основных налогов на сельцо Коровничье, население которого состояло из беспашенных ремесленников[16]. Однако тарханно-несудимая грамота Ивана IV 1567 г. на вотчину в Можайском уезде была подтверждена Борисом Годуновым 28 февраля 1599 г. с существенным ограничением: «опричь наших денежных доходов»[17]. Тарханно-несудимые грамоты на села в Вышегородском и Дмитровском уездах, на двор на посаде Ярославля, а также льготная грамота с освобождением всех монастырских вотчин от налогов на 15 лет до 1600 г. не были подтверждены[18]. Таким образом, очевидно, что бóльшая часть вотчины Симонова монастыря и после воцарения Годунова продолжала платить основные налоги.

Патриаршая вотчина получила две жалованных грамоты 27 февраля 1599 г. Одной из них подтверж-

[7] Там же. С. 253 (№ 149).

[8] ААЭ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. II. С. 62–63 (№ 13).

[9] Там же. С. 123 (№ 54).

[10] Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. Т. 1. С. 170–180.

[11] ДАИ. Т. I. С. 252 (№ 148).

[12] Акты Российского государства: архивы московских монастырей и соборов, XV – начало XVII в. М.: Ладомир, 1998. С. 24 (№ 6).

[13] Там же. С. 337–342 (№ 140, 141).

[14] Колычева Е. И. Аграрный строй России в XVI в. М.: Наука, 1987. С. 162–167.

[15] Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. М.: Археогр. центр, 1996. С. 19–20.

[16] Акты феодального землевладения и хозяйства: акты московского Симонова монастыря. М.: Наука, 1983. С. 56, 134, 177, 179, 209 (№ 51, 121, 146, 147, 162).

[17] Там же. С. 211 (№ 163).

[18] Там же. С. 187 (№ 152); С. 191 (№ 153); С. 245 (№ 199).

далось право патриаршего Благовещенского монастыря провозить для собственных нужд запасы к Москве. Вторая грамота освобождала патриаршие владения от служб по конюшенному и ловчему ведомствам, но не давала освобождений от основных налогов[19].

Тарханные грамоты суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю 1576 г. и 1580 г. были подтверждены 1 сентября 1599 г. с существенным ограничением, фактически упразднявшим тархан: «наши денежные доходы с монастырских вотчин платят по книгам сполна, а иные подати и посохи и целовальников с своих вотчин дают по нашем указу»[20]. Большая часть льгот правительства Бориса Годунова касалась мелких монастырей, как например, Палеостровского в Обонежской пятине, чья запашка не превышала 6 четвертей и который по грамоте от 5 марта 1600 г. освобождался от оброка[21].

Изложенные наблюдения позволяют сделать предварительный вывод о том, что, невзирая на принципы своего посадского строения, правительство Годунова продолжало выдавать иммунитетные грамоты монастырям и церквям. Большинство церковных корпораций не смогло в полной мере воспользоваться дарованными привилегиями по причине одновременных запретов и продолжающегося действия постановления 1584 г. об упразднении тарханов. Однако ряд мелких монастырей, а также обладавший крупными вотчинами Новодевичий получили иммунитетные привилегии, выделявшие их из числа других обителей. Нуждавшийся в поддержке церкви, Борис Годунов не мог не быть продолжателем иммунитетной политики своих предшественников.

[19] Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Ч. III. С. 69 (№ 36); С. 70 (№ 37).

[20] Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1505–1613 гг. М.: Памятники ист. мысли, 1998. № 194.

[21] АИ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1841. Т. II. С. 28 (№ 31).

V. A. Arakcheev

Immunity Policy in the First Years of Boris Godunov's Reign

Key words: immunity, monaster, fiscal policy.

Abstract: The immunity policy of Boris Godunov in 1598–1599 was notable for its inconsistency. On the one hand, the government began the "trading quarter construction", as part of which a lot of monasteries lost their town yards. However, some small monasteries and some large ones like the Novodevichy Convent, for example, had managed to keep the immunity privileges including the risk zone.

Е. В. Салмина, С. А. Салмин, Р. Г. Подгорная

Археологическое исследование Нового Торга Пскова

В настоящей статье отражен начальный этап работы по введению в научный оборот новых археологических материалов, связанных с историей псковского Нового Торга. Нам представляется, что пример интерпретации открытого при раскопках комплекса «Мясных рядов» и точной локализации этого объекта писцовой книги на современном плане города может послужить определенным толчком для возвращения к загадкам внутренней топографии Торга, остававшимся не разрешимыми при прежнем состоянии базы данных.

Новый Торг Пскова – один из важнейших элементов топографической системы города XVI–XVIII вв. Это огромное богатое торжище, во многом обеспечившее расцвет региона, занимало обширное пространство меж стенами Среднего и Окольного города. Перенесенный Новый Торг находился в той же части города, куда после «Взятия Псковского»[1] были переселены псковичи, проживавшие до этого в Среднем городе. В некотором роде Новый Торг остался, таким образом, средоточием «старопсковской» городской жизни. Одновременно с этим значительное увеличение торговых площадей при отсутствии конкуренции со стороны других центров торговли превратило Псков в крупнейший транзитный рынок на Северо-Западе.

Письменные исторические источники содержат обширную информацию о Новом Торге Пскова. Псковские летописи сообщают дату его создания – 1510 г., год окончательного присоединения Пскова к Москве. Торг был перенесен из центра, от стен Кремля, в Окольный город, где великий князь Василий Иванович «…даша место где торг ставити новои, вон стены, противоу Лужьских ворот за рвом, на Юшкове огороде Носохина, да на Григорьеве посадникове садники Кротова…»[2]. На этом участке города Новый Торг просуществовал до 1778 г., когда в связи с перепланировкой города торговая площадь была возвращена на прежнее место[3].

Описание Нового Торга содержит «Подлинная писцовая книга № 355», составленная в 1585–1587 гг.[4]. Работы историков, посвященные псковскому Новому Торгу, во многом базируются на этом источнике. Согласно выводам разных авторов, Торг локализуется в северо-восточной части Окольного города, в микрорайоне современных улиц Пушкина, Маркса, Свердлова, Некрасова; с двух сторон его границами являлись стены Среднего и Окольного города, на юго-западе площади Торга распространялись до Трупеховской улицы (современный Октябрьский проспект), северную границу Торга, возможно, следует искать в районе Михайловской улицы (современная ул. Спегальского). На Новом Торгу исследователями реконструируется около пятидесяти специализированных торговых рядов, включавших в себя более 1300 лавок. Здесь же находились гостиные дворы, таможенная изба, денежный, льняной и соляной дворы[5].

Изучая этот источник, важнейший для реконструкции Нового Торга Пскова, невозможно не признать, что при всей подробности описаний он не содержит топографической картины Торга. В книге собраны данные о суммах оброка с лавок, клетей и амбаров на Новом Торгу, названы имена и «адре-

[1] ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. [Псковская 1-я летопись]. С. 92.

[2] Там же. С. 96; Там же. М., 2000. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. [Псковская 3-я летопись]. С. 258.

[3] Козюренок О. В. Новый Торг Пскова: (вопросы топографии) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: сб. ст. к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб.: ART-CONTACT, 1994. С. 122.

[4] Писцовая книга № 355 (1585–1587 гг.) // Сб. МАМЮ. М., 1913. Т. V. С. 12–73.

[5] Колосова И. О. По историческим местам Пскова (XIV – начало XVIII вв.) // Псков через века. СПб.: ФЕРТ, 1994. С. 42–45; Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 196 с.; Чистякова Е. В. Псковский Торг в середине XVII в. // Исторические записки. М, 1950. Т. 34. С. 198–235.

са» многочисленных владельцев, но информация о местоположении улиц, о размерах «церковных мест», о взаиморасположении и длине торговых рядов – только косвенная. Интерпретация многих микротопонимов остается спорной, многие применяемые составителями топографические термины неоднозначны в толковании.

Как правило, с описанием писцовой книги 1585–1587 гг. сопоставляется городской план 1740 г.[6], однако исследователям пока приходилось признавать, что для аргументированной реконструкции внутренней топографии Нового Торга привлекаемых данных недостаточно. Время составления таксационной описи Торга в писцовой книге и время появления наиболее подробного из исторических планов Пскова отстоят одно от другого более чем на 150 лет, и картина, которую характеризуют эти два памятника, несколько различна. Определенные опорные точки, облегчающие сопоставление источников, в таком случае способна предоставить археология.

История археологического изучения псковского Нового Торга в 1955–2005 гг.

Археологические исследования участка Нового Торга Пскова начаты еще в середине XX в. (рис. 1). Однако раскопки в большинстве случаев оказывались сопряженными со сложностями, не позволявшими завершить начатые работы.

Первые раскопки на Новом Торгу в локации, изначально указанной в летописи, – это работы Г. П. Гроздилова в 1955 г.[7]. На раскопе площадью 190 кв. м был изучен участок двух мощеных трасс, пересекавшихся под прямым углом, зафиксированы остатки столбовой постройки, интерпретированной автором как «мясная лавка»[8]. Раскоп 1955 г. не удалось довести до материка, работы были остановлены из-за начавшегося строительства. Неисследованным осталось около метра культурных отложений.

Менее чем в 20 м к северо-востоку от раскопа 1955 г. был заложен раскоп 1987 г. (руководитель Т. Е. Ершова). В раскопе площадью 400 кв. м в юго-восточной части был раскрыт деревянный настил, который автор раскопа соотнесла с мостовой, зафиксированной Г. П. Гроздиловым[9]. Исследования на этом раскопе также были вынужденно остановлены, причиной стала погодная катастрофа и последовавшее за ней прекращение финансирования работ[10]. После нескольких безуспешных попыток продолжить раскопки котлован был засыпан.

Чтобы буквально сорвать работы на раскопе Е. А. Яковлевой и А. В. Михайлова в 2005 г.[11] (Новоторговский IV раскоп, расположен в 20 м к северо-востоку от раскопа 1987 г.), потребовался ряд тенденциозных экспертиз, декларирующих опасность продолжения раскопок для близлежащей застройки. Несмотря на очевидное несоответствие этих экспертиз истинному положению дел[12], раскопки были прекращены, и новое здание было выстроено на бетонной плите. В верхних археологически исследованных слоях раскопа площадью около 280 кв. м было выявлено несколько ярусов деревянной застройки, существовавшей в XVI–XVIII вв., открыта трасса мощеной улицы, исследованы четыре срубные постройки, интерпретированные авторами как нежилые хозяйственные сооружения Торга – лавки, клети, амбары. Под засыпкой на поверхности раскопа остались расчищенные только в верхней части и заглубляющиеся в нижние слои лаги уличного замощения, настилы, срубы.

Изучалась также окраинная территория Торга. В 1967 г. в раскопе И. К. Лабутиной на площади 416 кв. м на углу улиц Пушкина и Карла Маркса были зафиксированы остатки небольших построек торгово-ремесленного назначения, датированных XVI в. Руководитель раскопа считает, что постройки использовались для изготовления и ремонта изделий из цветных металлов, и интерпретирует изученную территорию как периферийный участок Нового Торга[13].

Достаточно активно исследовалась городская территория в восточной части реконструируемого Торга. Археологические раскопки (Новоторговские V–X раскопы) под руководством Т. Е. Ершовой, Р. Г. Подгорной, В. В. Фролова, А. В. Яковлева открыли на площади более 2200 кв. м остатки довольно плотной деревянной застройки XVI–XVIII вв., но – в большей степени жилого «усадебного», чем «обще-

[6] Окулич-Казарин Н. Ф. Новые данные по топографии и истории Пскова // Труды Псковского археологического общества, 1914–1915. Псков, 1915. Вып. 11. С. 91–124; Ушаков Ф. Л. Описание к Сборному плану г. Пскова, составленному по летописям, актам и по планам и чертежам 1581, 1694, 1740, 1787, 1821 и 1859 гг. Псков: тип. т-ва «Труд и Знание», 1901. 16 с.

[7] Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 38–42.

[8] Там же. С. 39.

[9] Ершова Т. Е. Новоторговский-5 раскоп на Полонище // АИППЗ: тез. докл. науч.-практ. конф. Псков: Псковский гос. ист.-арх. и худож. музей-заповедник, 1988. С. 148–149.

[10] Отчет о раскопках Псковской археологической экспедиции в г. Пскове в 1987 г. / Седов В. В., Александров А. А., Волочкова О. К., Ершова Т. Е., Закурина Т. Ю., Колосова И. О., Лабутина И. К., Плоткин К. М., Харлашов Б. Н. // Архив ИА РАН. 1988. Ф. 1. Р. 1. № 12161. Т. 1. Рукопись.

[11] Михайлов А. В., Яковлева Е. А. Археологические исследования на Новоторговском IV раскопе // АИППЗ: семинар им. акад. В. В. Седова: материалы 52 заседания, посвящ. памяти проф. А. Р. Артемьева. Псков: ИА РАН, 2007. С. 29–44.

[12] Там же. С. 44.

[13] Лабутина И. К. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // АИП. Псков: Псковский гос. науч.-исслед. археол. центр, 1994. Вып. 2. С. 6–43.

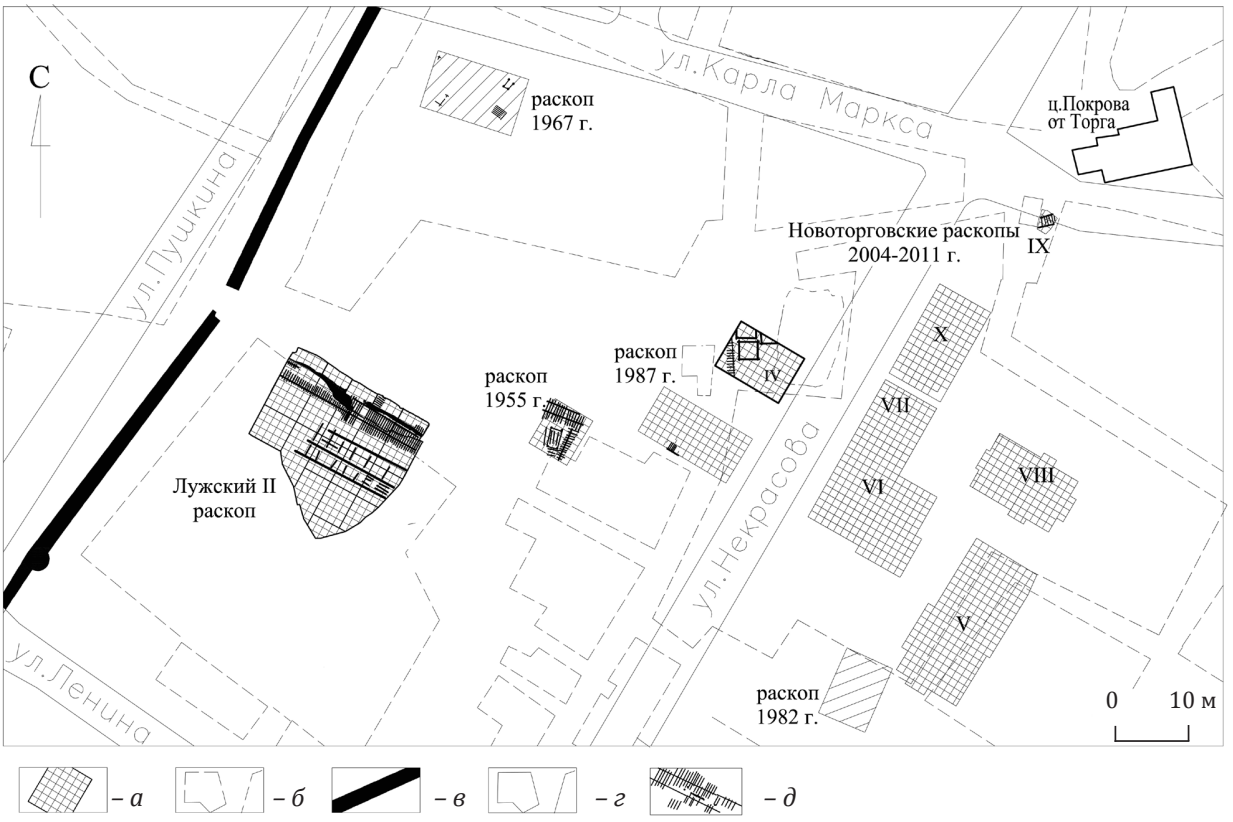


Рис. 1. План расположения раскопов 1955–2012 гг. на Новом Торгу в Пскове, совмещенный с планом 1740 г.: а – раскопы, б – объекты плана 1740 г., в – стена 1374/75 г., скрытая в толще культурного слоя, г – сохранившиеся исторические и современные здания, д – наиболее значительные деревянные сооружения, раскрытые при раскопках

ственно-торгового» характера[14]. Материалы этих раскопок введены в научный оборот в очень малой степени, но, безусловно, содержат ценную информацию об уличной сети и об особенностях планировки нерегулярной части Нового Торга[15].

Раскопки псковского Нового Торга в 2011–2012 гг. (Лужские раскопы)

Долгожданное исследование Нового Торга, когда культурные отложения наконец были исследованы полностью до материка на большой площади, состоялось в 2011–2013 гг. на Лужских II, III, IV раскопах (руководители работ – Р. Г. Подгорная, Е. В. Салмина, С. А. Салмин). Работы были проведены на площади более 1500 кв. м при мощности культурных отложений более 3 м.

Важнейшим результатом раскопок 2011–2012 гг., во-первых, стало раскрытие большого участка хорошо сохранившихся сооружений Нового Торга XVI–XVII вв.[16] (рис. 2, 3, 4, 5, 6). Во-вторых,

[14] Подгорная Р. Г., Френкель Я. В., Яковлев А. В. Исследование отложений XVIII века в Новоторговском V раскопе // АИППЗ: семинар им. акад. В. В. Седова: материалы 58 заседания (15–17 апр. 2008 г.). Псков: ИА РАН, 2009. С. 42–58; Яковлева Е. А. Псковский археологический центр в 2007 году // Там же. Материалы 54 заседания (15–17 апр. 2008 г.). Псков: ИА РАН, 2009. С. 15; Ее же. Археология в Пскове в 2008 году // Там же. Материалы 55 заседания, посвящ. юбилею проф. И. К. Лабутиной (13–15 апр. 2009 г.). Псков: ИА РАН, 2010. С. 13–14.

[15] Авторы благодарят Т. Е. Ершову и А. В. Яковлева за плодотворный обмен мнениями по поводу неопубликованных материалов Новоторговских раскопов и надеются на продолжение сотрудничества.

[16] Подгорная Р. Г., Салмина Е. В. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г.: (предварительный обзор) //

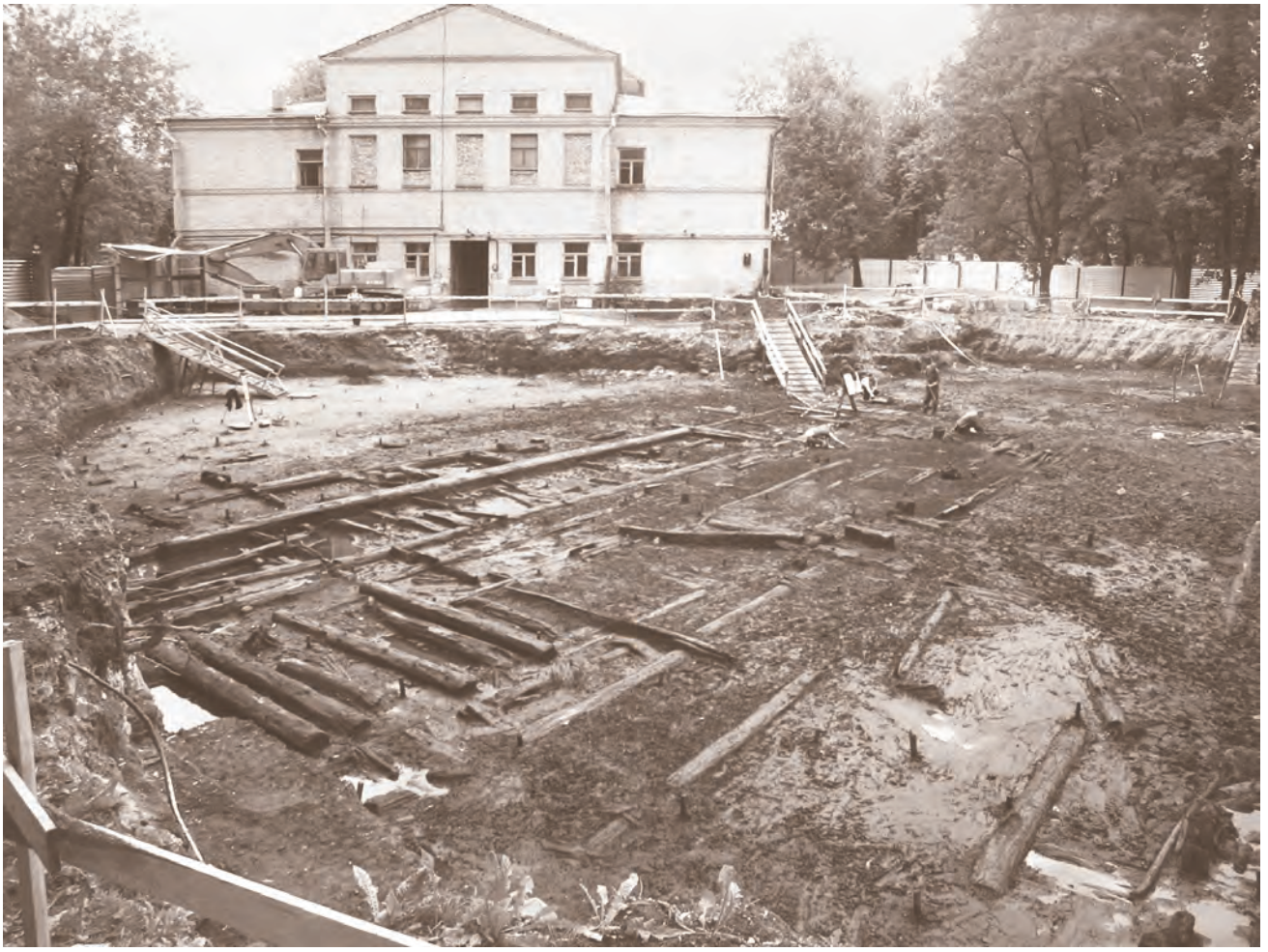


Рис. 2. Сооружения Нового Торга в центральной части раскопа, «верхний горизонт». Вид с северо-востока. Общий план

при раскопках были зафиксированы участки стены 1374/1375 г., что позволило соотнести западную границу Нового Торга с данными современной топосъемки[17]. Третьим результатом стало обнаружение в предматериковых отложениях на большой площади отложений XII–XIII вв., сохранивших остатки первоначальной застройки и планировки участка, существовавших задолго до переноса на этот участок псковского Торга[18].

Под слоем отложений XX в., сформировавшихся, главным образом, в процессе послевоенного строительства и в результате демонтажа зданий первой половины XX в., а также под отложениями паркового благоустройства начала XX в., на глубине около 160–180 см от современной дневной поверхности был раскрыт горизонт системы деревянных сооружений Нового Торга[19].

В раскоп вошли остатки торгового ряда и замощение междурядного прохода. Максимальные промеры всего пятна, занятого остатками сооружений торгового ряда, – до 26×14 м в пределах раскопа (рис. 2, 3, 4, 6). Блок сооружений образован массивными бревнами, уложенными на перпендикулярно ориентированные подкладки таким образом, что вся конструкция образует единую «сетку», состоящую из прямоугольных ячеек. Длина продольных, ориентированных по оси З–В бревен достигает 14,5 м; максимальный диаметр бревен 50–60 см. Длина поперечных бревен – от 2 до 4 м. Не вызы-

АИППЗ: семинар им. акад. В. В. Седова: материалы 58 заседания (17–19 апр. 2012 г.) М.; Псков: ИА РАН, 2013. С. 24–35; Их же. Раскопки Нового Торга в Пскове в 2011 году: предварительные обобщения // НИНЗ: история и археология: материалы науч. конф., посвящ. 1150-летию российской гос. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2012. Вып. 26. С. 127–149.

[17] Исследование стены продолжалось и составляло основное содержание археологических работ в 2013 г.

[18] Подгорная Р. Г., Салмина Е. В. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. … С. 36–37.

[19] Показательно, что на плане 1740 г. участок раскопа показан пустующим.

Рис. 3. Сооружения Нового Торга в центральной части раскопа, «верхний горизонт». Вид с востока

Рис. 4. Сооружения Нового Торга в центральной части раскопа, «нижний горизонт». Вид с востока

вает сомнений единство планировки комплекса. «Клетки-отсеки» имеют почти типовой размер: «поперечник» в среднем тяготеет к 1,8 м, «длинник» – к 2,35 м, то есть усредненные промеры «клетки» – маховая сажен ь на косую сажень. «Стандартизация размеров» сооружений Торга известна, например, для московского Торга XVII в. (однако столичные лавки имели почти вдвое больший размер)[20]. Факт осуществления общей разметки торговых рядов при переносе Торга известен также для Новгорода, где при переустройстве 1507–1508 гг. великий князь Василий III Иванович велел боярину Василию Бобру «урядити в Новегороде торги, ряды и улицы розмерити по Московскии» [21], что и было сделано: «ряды торговые переведе по своему обычаю не яко прежде было»[22].

Стратиграфические наблюдения позволяют предположить, что комплекс сооружений торгового ряда развивался в два этапа, причем интервал, разделяющий их, был невелик[23]. Вполне возможно даже, что мы наблюдаем единый, но протяженный во времени процесс устройства Торга. В таком случае в археологических материалах фиксируются не «два этапа» или «два горизонта», а «начало» и «конец» единого долговременного процесса.

Сооружения нижнего, более раннего горизонта, возникшего на начальном этапе обустройства участка под сооружения Торга, не настолько едины, как в охарактеризованном «верхнем» горизонте (рис. 4), но вместе с этим все постройки, составляющие «нижний» горизонт, имеют одинаковую ориентацию, расположены плотно, компактно, единой площадью.

Одна из построек «нижнего» горизонта, не входящая в основной единый массив рядов, может быть интерпретирована как металлообрабатывающая мастерская (ср. также обнаруженные в раскопе 1967 г. производственные постройки, связываемые руководителем работ с ремонтом и изготовлением изделий из цветного металла[24]). В постройке зафиксирован развал печи. Предположительно, постройка была связана с изготовлением (сборкой) замков. Это подтверждается многочисленными находками деталей замков, отходов металлообработки (обрезки медного листа, использовавшегося для обтяжки

Рис. 5. Замощение в северной части раскопа (в границах 2011 г.). Вид с востока

замочных корпусов). Здесь же собрана коллекция инструментария: напильники, зубильца, стамески, молоток-гвоздодер, точильные камни (в том числе точильный круг стационарной (?) установки).

Зафиксированные постройки представляют собой настилы из досок и плах, срубные и каркасно-столбовые сооружения. Дерево, из которого сооружены постройки нижнего горизонта, нередко не очень тщательно обработано, зачастую с необрубленными сучками, не полностью окоренное и т.п. Зафиксировано присутствие деревянных деталей во вторичном использовании. Возможно, здесь можно видеть материальное выражение «имущественного неустройства» при присоединении Пскова к Москве, последствия разборки и повторной сборки клетей перенесенного Торга, использование деталей сооружений, разрушенных при обстоятельствах выселения и внутригородского переселения горожан.

[20] Шокарев С. Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 320–321.

[21] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская 4-я летопись [Список Дубровского]. С. 536.

[22] Там же. [Список Никольского]. С. 612.

[23] Сохранность археологической древесины позволила взять более 140 образцов, переданных в настоящее время канд. ист. наук М. И. Кулаковой для дендрохронологической датировки. До получения дендродат реконструкция последовательности сооружений Торга носит рекогносцировочный, предварительный характер.

[24] Лабутина И. К. Раскоп 1967 г. … С. 38.

Рис. 6. Мостовые и конструкции торговых рядов в раскопах 1955 и 2011 гг.:
а – выявленные в раскопах мостовые и конструкции торговых рядов,
б – объекты плана 1740 г., в – современные здания

К северной границе массива остатков сооружений торгового ряда примыкает мостовая (рис. 5, 6). Длина раскрытого участка межрядного замощения составляет более 40 м, ширина вымостки не менее 8,5–9 м. Зафиксирован также небольшой отрезок перпендикулярного замощенного проулка (длина в пределах раскопа 2,4 м, ширина 3,2–3,3 м).

Покрытие составлено плахами шириной до 30 см, толщиной до 22 см. Подтесанные сверху плахи уложены плотно одна к другой, практически без зазора, на массивные лаги. В плахах с нижней стороны вырублены специальные пазы для плотного соединения с лагами. Лаги под плахами мостовой представляют собой массивные бревна, сплошной длиной до 20,5 м и диаметром до 60 см. В конструкции были использованы также вспомогательные плахи-подкладки, песчаная подсыпка.

Возведенный уже после устройства замощения частокол ограничил его ширину с южной стороны почти на 3 м. Подчеркнем, что частокол был сооружен таким образом, что колья оказались «вбиты» непосредственно в мостовую и в слой грунта, сформировавшегося на мостовой. Колья были дополнительно укреплены жердями, уложенными на настил в прокопанных для установки частокола канавках. Вполне возможно, что частокол был необходим для маркировки проезда, мощение которого со временем уже покрылось грунтом.

Возведение сооружений Торга происходило в условиях повышенной обводненности. Массивный дренажный канал, заглубленный в материковые отложения, скорее всего, был сооружен до появления конструкций Торга, но может быть, и непосредственно при установке первых клетей на новом месте. Канал отводил воды в направлении предстенного рва стены 1374/1375 г. Усугубление сложностей гидрорежима территории, по которой проходила «речка Зрачка», могло быть обусловлено деградацией и

замусориванием этого рва, начавшимися после возведения стен Окольного города в начале XVI в.[25]. Неблагоприятная гидрологическая ситуация сохранялась здесь до конца XIX – начала XX в.[26].

Мясные ряды псковского Нового Торга: археология, исторические планы, письменные источники

Впервые о том, что «раскопки на Новом Торге дают возможность установить расположение лавок мясного ряда», написал Г. П. Гроздилов, интерпретируя таким образом найденную столбовую постройку как «мясную лавку» на основании «находки нескольких тысяч коровьих челюстей и осколков костей»[27].

При раскопках 2011–2012 гг. на Лужском 2 раскопе в слое под охарактеризованной выше мостовой и на ее поверхности (в меньшем количестве), в довольно плотном грунте, также были собраны несколько сотен тысяч коровьих челюстей.

Мощность массива костей в слое составляет не менее 60 см, его формирование выглядит результатом целенаправленной, но не «одномоментной» деятельности. Одновременно с этим нельзя не заметить, что челюсти располагались в уплотненном, практически спрессованном слое бессистемно, «не горизонтально», не образовывая единой прослойки с выраженными границами, которые могли бы быть, например, зафиксированы в разрезе в стенках раскопа. Более того, интенсивные включения челюстей присутствуют и на значительной площади за пределами мостовой – на территории построек торгового ряда.

Аналогичные новгородские комплексы с территории Торга охарактеризованы в работах А. В. Арциховского[28] (позднее также на другом участке Новгорода их обнаруживает В. Н. Гусаков[29]) и интерпретированы как целенаправленное замощение, род «строительного покрытия». Г. П. Гроздилов не согласился с этим предположением и высказал версию о том, что эти массивы челюстей – отходы мясной торговли. Он соглашается также с суждением А. А. Строкова и В. И. Богусевича, связавших эти костные отходы с варкой клея[30].

Выводы Л. В. Яворской, сделанные на основании археозоологического анализа материалов раскопок на Ярославовом Дворище в Великом Новгороде (2008 г.) и на территории Нового Торга на Лужском 2 раскопе в Пскове (2011 г.), объединяют версии Арциховского и Гроздилова. Автор полагает, что «костные вымостки» действительно использовались для благоустройства территории (в виде уплотняющей подсыпки под деревянные мостовые) в общественно значимых местах. Одновременно с этим, установив, что в анализируемых материалах присутствуют только те части, на которых практически нет мяса, Л. В. Яворская пришла к выводу, что «такие костные отбросы могли оставаться на мясном торге после продажи мясных частей … в городские усадьбы». Второсортные части туш могли использоваться для приготовления бульона в «харчевных избушках». В результате кости обеззараживались, накапливались и использовались впоследствии в качестве подсыпки при мощении[31].

Обращение к Писцовой книге № 355 (1585–1587 гг.) дает все основания, чтобы довольно уверенно определить комплекс деревянных сооружений, открытый при раскопках 2011–2012 гг., как конструкции мясного ряда.

Мясной Полонисский ряд, согласно писцовой книге, начинается у Лужских (Луцких) ворот: «отъ Середнево города от Луцкихъ воротъ идучи къ Болшому ряду к Гостинымъ дворомъ на правой стороне…», «отъ Середнева города идучи къ Оксинье святой, по левой стороне…». На время составления писцовой книги здесь (на правой стороне от прохода, где и располагаются открытые нами остатки сооружений) названы 21 владелец 29 амбаров и лавок, названы места их проживания в городе, суммы оброков и т. д.[32].

Лужские II, III, IV раскопы получили название именно по Лужским воротам крепостной стены 1374/1375 г., являющимся ближайшим историческим фортификационным объектом. При совмещении плана 1740 г. с современной топоосновой можно видеть, что возле западной границы Лужского II раскопа на историческом плане обозначен свободный проход (пролом?) и открытая в раскопе мостовая довольно точно соотносится с ним.

Одновременно с этим при археологическом наблюдении за заменой труб теплосети в 2012 г. (извлекались трубы 60–70-х гг. и в пределах тех же траншей заменялись на новые) в этой локации было отмечено отсутствие каких бы то ни было поврежденных, нарушенных каменных сооружений в месте пересечения стены 1375 г. Это позволяет высказать

[25] Яковлева Е. А. Предстенные рвы Псковской крепости как элементы первоначального рельефа // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Псков: обл. тип., 2011. Вып. 2. С. 325–326.

[26] Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков: Светоносец, 2001. С. 64, 142.

[27] Гроздилов Г. П. Указ. соч. С. 39.

[28] Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // МИА. М.; Л.: ИА РАН, 1949. № 11. С. 160.

[29] Гусаков В. Н. Исследования в Новгородском кремле в 1989 г. // НИНЗ: тез. науч. конф. Новгород, 1990. Вып. 3. С. 18–21.

[30] Строков А., Богусевич В. Археологическое исследование Новгорода. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. С. 14.

[31] Яворская Л. В. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. № 9. С. 1179–1189.

[32] Сб. МАМЮ. М., 1913. Т. V. С. 27.

предположение, что трасса теплосети в 60–70-е гг. удачно (по меньшей мере, не разрушив крепостных сооружений) прошла через Лужские ворота.

Кроме того, при раскопках 2011 г. в западном профиле раскопа были зафиксированы деревянные остатки, входившие в конструкции, которые можно с осторожностью интерпретировать как род «моста через ров»[33]. В центре раскрытого в раскопе фрагмента края рва (?) были зафиксированы восточные концы нескольких плах и бревен (диаметр 28–33 см, в раскоп вошли не более чем на 45–80 см), ориентированных параллельно мостовой. В северо-западном углу раскопа, фактически в стене котлована, были раскрыты два массивных столба (диаметром более 50 см), находящихся на расстоянии 2,2 м один от другого. Однако в раскоп характеризуемые сооружения вошли слишком малым фрагментом, чтобы можно было говорить об уверенной интерпретации.

Открытая в раскопе мостовая достаточно точно ориентирована на ворота и векторно направлена на безымянную улицу на плане 1740 г., ведущую от Лужских ворот вглубь территории Нового Торга. Интересно, что точно так же описывается в летописи «Пустая улица», по которой определяется новое место для Торга: «за Средним городом, против Лужских ворот… <где> церковь постави князь великий, преподобную Ксению, в которой день Псков взял, на Пустой улицы въ Ермолкине в саднике Хлебникова, а потому та улица пустая слыла, что меж огородов, а дворов на ней не было»[34]. Этот факт также дает нам возможность еще одной версии интерпретации раскрытой нами мостовой, не исключающей, впрочем, предыдущую, – «пустая улица» в процессе устройства Торга могла быть задействована как замощенный междурядный проход.

Храм Св. Ксении, разрушенный при пожаре 1590 г., затем вторично отстроенный, но просуществовавший недолго, неоднократно упоминается в качестве одного из ориентиров Торга в писцовой книге 1585–1587 гг. Местоположение храма локализуется на достаточно большом участке – на территории нынешнего Кутузовского парка[35]. Нам представляется, что открытая в раскопе мостовая вместе с улицей с плана 1740 г. достаточно точно указывает вектор, ведущий к церкви Св. Ксении.

В описании Торга за перечислением гостиных дворов следует раздел, условно определяемый как «Большой Торг» («Торгъ болшей»[36]). Если мы признаем порядок перечисления рядов «Большого Торга» от юго-западной границы (от Трупеховской улицы) регулярным, то «Мясной Полонисский ряд» назван там пятым по счету, а сразу за ним назван «другой Мясной Запсковский ряд»[37]. Представляется резонным признать, что постройки и настил, открытые в раскопе Гроздилова в 1955 г., являются именно этим «другим» рядом.

К тому, что это именно мясные Полонисский и Запсковский ряды, мы приходим также, анализируя некоторые детали их описания в писцовой книге и сопоставляя их с тем, что фактически открыто в раскопах. Для торговых рядов в районе Лужских ворот только в одном единственном случае упомянуты два переулка, разделяющих ряд (во всех остальных случаях – по одному переулку). Именно Мясной Запсковский ряд пересекают два переулка. Первый – меж лавками «пречистенского попа зъ Завеличья Михаила Михайлова» и «ямщика Марка Иванова», второй – переулок у лавки «Панкратка Иванова яблочника»[38]. С этим описанием можно сопоставить два перпендикулярных основным мостовым нешироких переулка – в раскопе Г. П. Гроздилова 1955 г. и в Лужском раскопе 2011–2012 гг.

Коллекция находок, полученных при раскопках «мясных рядов» в 2011–2012 гг., многочисленна и оригинальна по составу. На сегодняшний день работа с коллекцией далеко не закончена, однако некоторые яркие черты уже могут быть выделены.

Состав коллекции в целом говорит об отсутствии на исследованной территории заметных следов ведения традиционного домашнего хозяйства – количество предметов печной керамики, домашней утвари и инвентаря необычайно мало в сравнении с традиционно большим количеством подобных находок из слоя городской застройки периода позднего Средневековья – Нового времени.

Обращают на себя внимание преобладающие малые размеры многочисленных находок (рис. 7). «Коммунальное» пространство Торга могло содержаться в порядке, относительно регулярно убираться – возможно, именно с этим связано отсутствие сравнительно крупных находок при насыщенности культурного слоя на участке торгового ряда мелкими артефактами (бусы, пуговицы, печати, монеты). Аналогии такому явлению известны и по раскопкам торговых площадей в других городах[39].

Большое количество находок можно связывать с деятельностью охарактеризованных выше мастерских: обрезки бронзовых и латунных пластин,

[33] Подгорная Р. Г., Салмина Е. В. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. … С. 36.

[34] ПСРЛ. Т. 5. вып. 1: Псковские летописи [Псковская 1-я летопись]. С. 96.

[35] Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. С. 142.

[36] Сб. МАМЮ. М., 1913, Т. V. С. 15.

[37] Полонище и Запсковье – исторические районы Пскова, предположительно, в названиях торговых рядов связаны с местом проживания хозяев торговых и складских мест в этих рядах.

[38] Сб. МАМЮ. М., 1913. Т. V. С. 28–29.

[39] Курбатов А. В. Раскопки 2003–2004 гг. у Торговых рядов в г. Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. М.: Нестор-История, 2007. Вып. 1. С. 93.

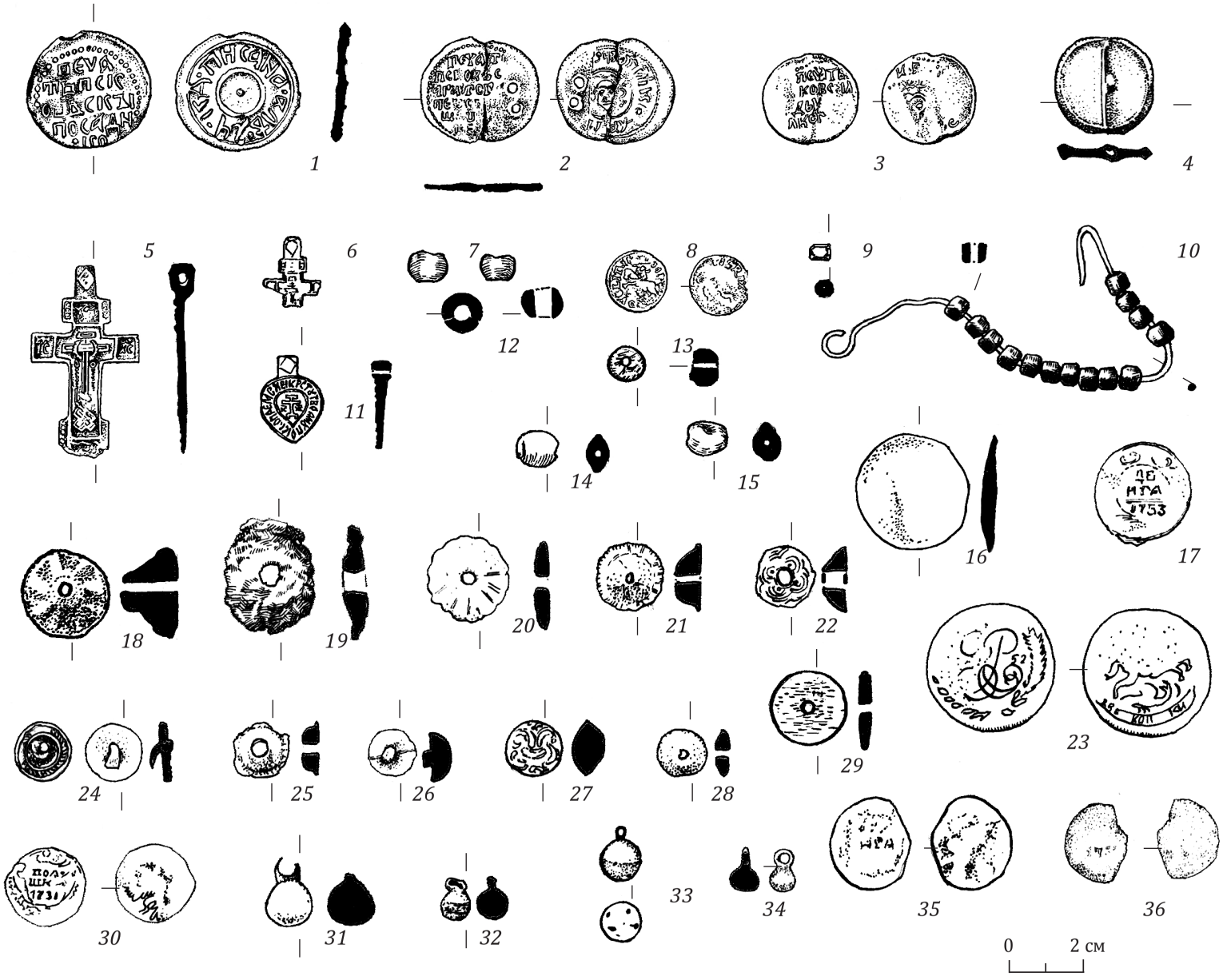


Рис. 7. Находки из цветных металлов, стекла, камня и кости с территории Нового Торга:
1–3 – вислые печати; 4 – пломба; 5–6 – кресты нательные; 7, 9, 12–15 – бусы; 8, 17, 23, 30, 35, 36 – монеты; 10 – браслет; 11 – подвеска с христианской символикой (дорник?); 16 – монета с заточенным краем (инструмент карманника?); 18–22, 24–29, 31–34 – пуговицы; 1–4, 18–22, 25–28 – свинец; 5–6, 11, 31, 32, 34 – бронза; 7, 9, 12, 14, 15 – стекло; 10 – стекло, латунь; 13 – сердолик; 8, 16, 17, 23, 30, 35, 36 – медь; 29 – кость; 33 – бронза, железо

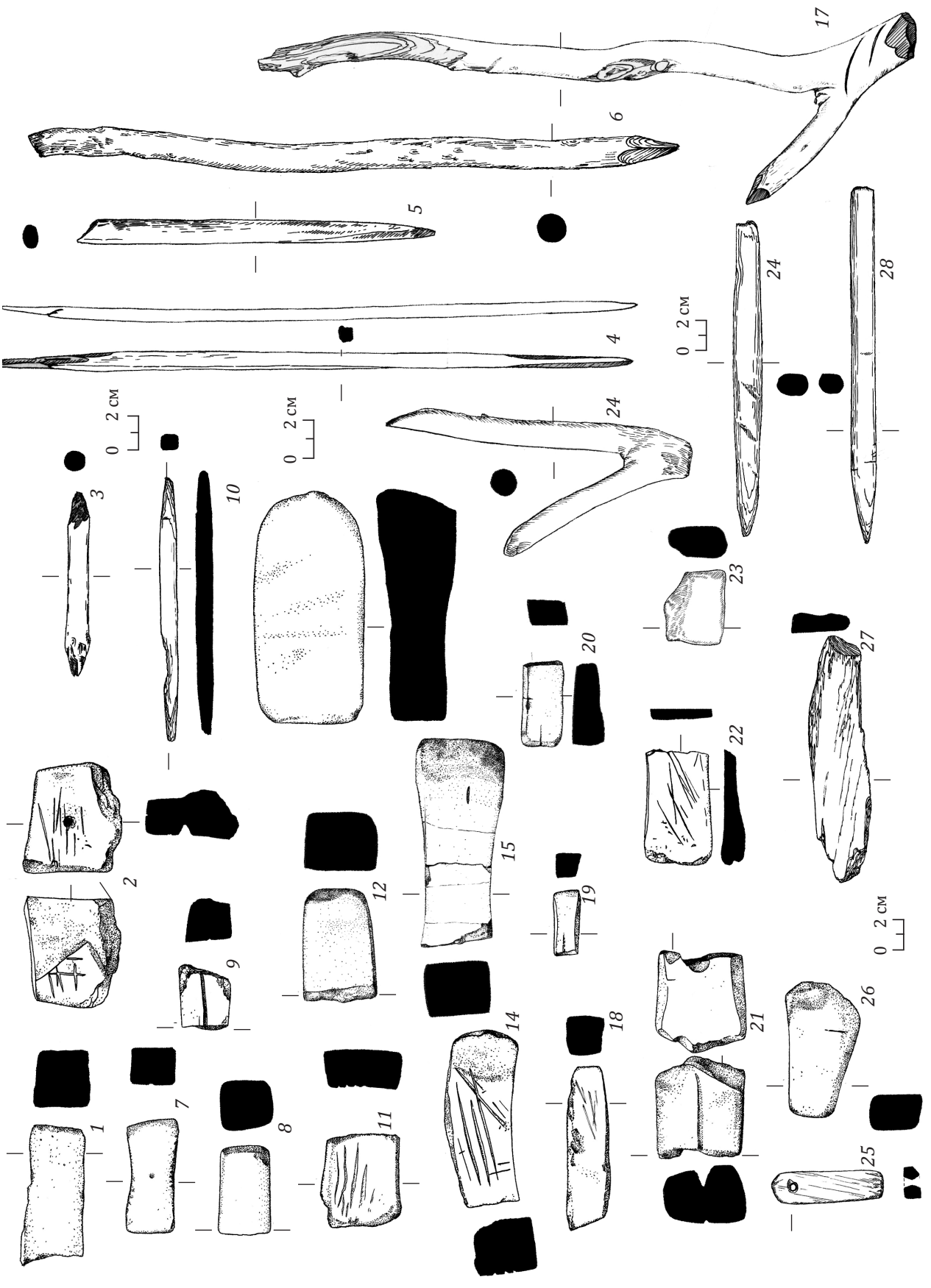


Рис. 8. «Торговый инструментарий» из раскопок Мясных рядов Нового Торга:
1–2, 7–9, 11–15, 18–23, 25–27 – оселки; 3–6, 10, 24, 28 – «мясницкие спицы»; 16–17 – «мясницкие крючки»;
1–2, 7–9, 11–15, 18–23, 25–27 – камень; 3–6, 10, 16–17, 24, 28 – дерево

обломки бронзовых сосудов. Было высказано также предположение, что скопления бронзового лома могут быть связаны с деятельностью Денежного двора, местоположение которого по сей день является предметом дискуссии, основная версия связывает его с Лужской (Куричьей) башней, расположенной неподалеку от раскопа 2011–2012 гг.[40].

Общественный, открытый характер использования территории в некотором смысле подчеркивают находки игральных бабок, костяных коньков, обрывков обуви, сумок, ножен. Заслуживает упоминания своеобразная находка – стертая до полной неразличимости номинала медная монета с заточенным заостренным краем, обнаруженная между плахами мостовой. Как нам представляется, это «инструмент» вора-карманника.

Довольно нетрадиционный комплекс находок мы можем связывать со спецификой «материальной культуры мясного ряда». Сюда входят железные ножи и их обломки (более 70 единиц), многочисленные оселки с явными следами использования (более 90 единиц) и специфическая категория предметов, также многочисленных и распространенных в мясном ряду, – это палочки и прутья, заостренные с двух концов (их найдено около 100), а также специфические крючья. И палочки-распорки (так называемые «мясницкие спицы», «спички», «шпильки»), и деревянные крючки используются при краткосрочном хранении, краткосрочном складировании, разделке, вялении, вывешивании на продажу мясных туш. Типологически и функционально сходные предметы применялись и применяются в этнографической современности или в недавнем прошлом в охотничьем быту и в рыночной торговле, однако определение древности этой традиции пока затруднено.

[40] Гайдуков П. Г., Сергина Т. В. Монетный штемпель первой трети XVI века из Пскова // СА. 1982. № 1. С. 255–259; Лабутина И. К. Историко-топографические и археологические данные для изучения района размещения Денежного двора XVI–XVII вв. в Пскове // 10-я Всероссийская нумизматическая конференция, Псков, 15–20 апреля 2002 г.: тез. докл. и сообщ. М., 2002; Мельникова А. С. Определение русских средневековых монет: на материалах псковского клада XVI–начала XVII в. // Советский музей. 1984. № 4 (78). С. 41–44.

E. V. Salmina, S. A. Salmin, R. G. Podgornaya

Archaeological Survey of Novy Torg (New Market) at Pskov

Key words: Pskov, organization of trade, written sources and archaeology, internal topography of the 16th – 17th cc. market.

Abstract: Novy Torg is one of the most important elements of the topographic system of Pskov of the 16th – 18th cc. Archaeological examination of this part of the town has been carried out from the mid-20th century, but only excavations of 2011–2012 were carried out on a large area. The structures of merchant rows and inter row paving were documented. Using the data from the cadaster of the 16th century and the historical plan of Pskov of 1740, the complex was interpreted as "Polonissky Meat Row" on Torg. Besides, comparison of new data with earlier received ones allowed to go back to general questions of the internal topography of Torg.

И. И. Елкина

Текстиль в Московском государстве XVI–XVII вв. по археологическим данным

Во время проведения археологических работ наряду с предметами из керамики, металла, кости изредка обнаруживается текстиль. Текстиль – широкое понятие, которое включает тканые, плетеные и вязаные изделия, выполненные из волокон различной природы. Это ткани, ленты, тесьмы, шнуры, из которых изготавливаются одежда, бытовые вещи, церковная утварь и др. В XVI–XVII вв. текстиль в Московском государстве Руси был довольно разнообразным по природе волокон, способу изготовления, использованию орнаментики и, конечно, по качеству – от грубых, изготовленных в домашнем хозяйстве вещей до изящного и очень дорогого импорта.

Сегодня, несмотря на массу литературы по теме, все еще нет цельной картины бытования текстиля на Руси XVI–XVII вв., техники изготовления изделий и способов украшения. В центральных государственных музеях памятники средневекового текстильного производства редки. В основном это царская и боярская одежда, дорогие иноземные ткани. Практически нет музейных образцов, дающих представление о текстиле, используемом в одежде и быту простого горожанина и людей среднего сословия. Очень мало предметов женского костюма и головных уборов. Письменные источники XVI–XVII вв. также содержат недостаточно информации о тканых, плетеных и вязаных изделиях. Почти нет сведений о конструкции и покрое одежды. Так что изучение археологического текстиля и введение его в научный оборот дает возможность ответить на многие вопросы. Текстиль при раскопках на территории Центральной России встречается нечасто. Это связано с климатическими условиями и характеристиками почвы, которые не способствуют сохранности органики. Но есть ряд факторов, обеспечивающих сохранность даже в неблагоприятных условиях.

Известно, что идеальными условиями для сохранности являются постоянная температура и влажность. В замкнутых пространствах, вне доступа воздуха (внутри каменного саркофага, кирпичного склепа) складывается микроклимат с относительно стабильной температурой и влажностью. Предметы из органики можно обнаружить в них практически целыми, сохранившими даже первоначальный цвет. Однако быстрое окисление из-за доступа воздуха, резкая смена температуры и влажности приводят к тому, что текстиль начинает разрушаться прямо на глазах.

Другим важным фактором сохранности является наличие горелых слоев. Слой пожара – стерильная прослойка, препятствующая развитию бактерий и грибков, вызывающих процесс гниения, и обеспечивающая хорошую сохранность органики. Поэтому под горелым слоем есть большая вероятность найти сохранившийся текстиль.

Помогают сохранять ткани и окислы металлов. Проникая в текстильные волокна, они их армируют, благодаря чему ткани, лежащие в грунте на предметах из металла и рядом с ними, а также текстиль, при изготовлении которого использована металлическая пряденая нить (золотная или серебряная), меньше подвержены распаду. Как правило, это фрагменты парчи и золотной вышивки – в некоторых случаях ткань изделия сохраняется только непосредственно под золотной вышивкой.

Следует указать и на то, что окислы металлов способны, проникая в текстильные волокна, полностью их заместить. В этом случае, хотя предмет из текстиля уже утрачен, мы получим, благодаря сохранившимся отпечаткам, информацию о его наличии в прошлом и даже о его структуре.

Помимо условий залегания, сохранность текстильных изделий в грунте сильно зависит от

использованного при их изготовлении сырья. Растительные волокна содержат целлюлозу и разрушаются в земле очень быстро, исчезая практически бесследно. Текстиль из шерстяных и окрашенных шелковых волокон устойчивее к разрушению, нежели сделанный из растительных (лен, хлопок, конопля) или неокрашенных шелковых. Лучшая сохранность окрашенных волокон объясняется тем, что процесс крашения экстрактами растений проводится по металлической протраве (медной, железной).

Наибольший процент текстильных находок приходится на захоронения в белокаменных саркофагах и кирпичных склепах. Часть предметов обнаруживается в грунтовых захоронениях и переотложенном слое кладбища. Текстиль в культурных городских слоях, если нет дополнительных факторов сохранности (например, слой пожара, наличие металлических предметов), относительно редок. Обычно это разрозненные фрагменты тканей, лент, тесьм, шнуров из шерсти или растительных волокон домашнего изготовления, так называемый «массовый материал», реже – остатки одежд. Подобного рода фрагменты можно найти в хозяйственных ямах. И в слоях, и в ямах изредка встречаются находки из шелка и металлических нитей.

Редкость текстиля в городских слоях объясняется не только неблагоприятными условиями сохранности, но и тем, что он оставался дорогим, а импортные ткани (особенно итальянские, турецкие, а также золотные ленты и тесьмы) были доступны прежде всего состоятельным людям, и относились к ним очень бережно. Их хранили, передавали по наследству, а нередко использовали повторно (и даже неоднократно). Особое место занимала также вышивка золотными и цветными шелковыми нитями.

Как правило, археологические текстильные предметы обнаруживают во фрагментах, неказистыми, потерявшими первоначальный цвет. Часть их не станет экспозиционными даже после проведения реставрации; к тому же фрагмент, взятый из земли, при неправильном хранении и без соответствующей обработки нередко разрушается. Поэтому археологи не всегда включают текстиль в состав индивидуальных находок. Однако каждый фрагмент – важный, емкий источник, хранящий информацию о типе текстиля, технологии, технике изготовления, особенностях кроя, способах украшения. Первой задачей является сохранение найденных фрагментов путем своевременного проведения полевой консервации.

Дальнейшее исследование имеет целью максимально полное извлечение информации. Для этого применяются такие методы, как материаловедческий и структурный анализы, анализ на красители, макрофотосъемка, фотофиксация в косых лучах света, рентгенография. На основе полученных данных возможно воссоздание первоначального облика предмета (рис. 1).

С каждым годом география находок расширяется, увеличивается их количество и разнообразие. Археологические раскопки позднесредневековых памятников дали нам разнообразный средневековый текстильный материал из Москвы, Суздаля, Кириллова, Твери, Нижнего Новгорода, Нового Иерусалима, Переславля-Залесского, Вязьмы и других местностей. Наибольший процент археологических текстильных находок составляют фрагменты светских одежд из богатых захоронений, особенно склепов и саркофагов. Как правило, это элементы русского традиционного костюма: женские головные уборы, фрагменты мужских рубах, декоративные элементы верхней одежды. Каждый найденный предмет одежды выполнен в определенных традициях кроя, украшен вышивкой и плетением золотными и шелковыми нитями.

Следует отметить, что русский городской традиционный костюм очень самобытен. Его формы, крой и расположение декоративных элементов были устойчивы и практически неизменны на всей обширной территории Московской Руси. Русский костюм формировался на протяжении многих веков под влиянием традиций народов Востока и Запада. На развитие одежды влиял довольно суровый климат Руси с холодными снежными зимами и сложившийся особый уклад жизни русского человека. Помимо основных функций защиты от ненастья и эстетической стороны, одежда выполняла защитно-охранительную функцию и, конечно, указывала на статус владельца. Поэтому одежда была многослойной и длиннополой, характеризовалась особой декоративностью и солидностью, тяжеловесностью и малой подвижностью. Традиционная форма русского костюма полностью сформировалась к концу XV – началу XVI в. и просуществовала как основная до начала XVIII в. Несмотря на то, что проникновение европейского костюма в Россию отмечается еще в царствование Михаила Федоровича, а ряд указов Федора Алексеевича о смене старых «старобытных» одежд на «служилое платье» изменили облик двора[1], всё же повсеместная смена русского традиционного костюма городских жителей на европейский тип одежды произошла под влиянием реформ Петра I[2]. Традиционные формы костюма сохранились отчасти в быту сельского населения и просуществовали в некоторых областях до начала XX в.

Среди археологических находок наиболее яркие – женские волосники из средневековых захоронений. Они были известны ранее только по письмен-

[1] Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23–38.

[2] Пармон Ф. М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.: Легпромбытиздат, 1994. С. 21; Захаржевская Р. В. История костюма: от античности до современности. М.: РИПОЛ классик, 2004. С. 240–241.

Рис. 1. Московский Новоспасский монастырь, усыпальница бояр Романовых. Волосник Анны, первой жены Д. Р. Юрьева († 1554 г.). Шелк, золотное шитье: 1 – волосник в момент обнаружения в раскопе; 2 – волосник после реставрации; 3 – графическая реконструкция ажурного верха волосника; 4 – рентгенограмма золотной вышивки очелья волосника; 5 – графическая реконструкция очелья волосника; 6 – копия-реконструкция волосника, выполненная художниками-реставраторами ЗИАиХМ Н. В. Бабушкиной и Н. И. Христофоровой

ным источникам, но ни одного предмета не дошло до наших дней в первозданном виде, их форма и конструкция восстановлены исключительно по археологическим данным. Волосник – обязательный элемент, входивший в комплекс многосоставного головного убора замужней женщины. Он надевался непосредственно на прическу и полностью скрывал волосы, чтобы ни одна прядь не выбивалась наружу. На волосник надевали плат (убрус), а сверху, выходя из дома, в обычные дни – кику, а в праздничные – кокошник[3]. В литературе отмечаются и другие варианты ношения этого головного убора: волосник «надевался поверх повойника и платка, повязанного на повойник и закрывавшего затылок»[4], мог носиться вместе с убрусом, под убрус или поверх него[5].

К настоящему моменту собрано уже 32 волосника, целых и во фрагментах. Больше всего в Москве, где они найдены на некрополях кремлевского Вознесенского[6], Симонова[7] и Новоспасского монастырей (усыпальница бояр Романовых)[8]; церквей Знамения[9] и Покрова на Рву[10]. Вне Москвы волосники зафиксированы в усыпальнице Годуновых в Троице-Сергиевой Лавре[11], в Покровском и Спасо-Евфимиевском монастырях в Суздале[12], в Благовещенском женском монастыре в Бежецке (Тверская область), кладбище при Верхнепосадской Никольской церкви Нижнего Новгорода[13].

Средневековый волосник – род шапочки или чепца, состоящей из шелкового очелья с ажурным кружевным или сетчатым верхом. Надевая на прическу, его стягивали сзади шнурком, так что он плотно облегал голову. Очелье обычно делали из шелковой ткани красного цвета с вышивкой золотными нитями. Иногда для очелья использовали широкую орнаментированную тканую золотную ленту. К очелью практически каждого волосника подшивалась подкладочная ткань, также красного цвета. Ажурный верх волосника в большинстве случаев выполняли при помощи плетения на раме в технике «спрэнг» (sprang) или вышивкой по сетке-филе[14]. В некоторых случаях встречено плетение на коклюшках.

Волосник был самым значимым из апотропеических элементов костюма русской замужней женщины, где цвет и орнамент имели важное символическое значение. Наибольший интерес вызывают вышитые очелья волосников. Как правило, вышивка выполнялась на красном шелке металлическими нитями в технике золотного шитья в прикреп. Иногда наряду с металлическими нитями использовали цветные шелковые нити. Вышитый орнамент состоял из определенных орнаментальных элементов, несших символическую смысловую нагрузку. Композиция довольно устойчива. Почти всегда ее основной и центральный элемент – «древо жизни» («мировое древо»), древнейший символ, отождествление жизненной силы природы, плодородия[15], символ семьи и продолжения рода в народном сознании. Чаще всего на очельях помещают только древа (обычно их семь) или древа, чередующиеся с изображениями животных и птиц, движущихся к центру композиции (как правило, пять древ и четыре символа живых существ). Чаще всего на очельях вышивали агнцев (символ искупительной жертвы Иисуса Христа[16]); оленей (душа, обновляемая добрыми делами, символ чистой любви[17]); голубей (символ Святого Духа[18]); горлиц (знак супружеской верности); павлинов (аллегория человека, обратившегося от грехов к Богу[19]). Эти символические изображения имеют глубокую христианскую традицию

[3] Рабинович М. Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к ист.-этногр. атласу. М.: Наука, 1986. С. 80–82.

[4] Соснина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм. СПб.: Искусство-СПб., 2001. С. 48.

[5] Там же. С. 48; Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М.: тип. В. Грачева и Ко, 1869. С. 600.

[6] Панова Т. Д., Синицына Н. П. Волосники из погребений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология, 1986: ежегодник. Л.: Наука, 1987. С. 338–341.

[7] Ефимова Л. В., Алешина Т. С., Самонин С. Ю. Костюм в России, XV – начало XX века. М.: Арт-Родник, 2000. С. 21, рис. 15; С. 228.

[8] Елкина И. И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре // Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2006. С. 98–107.

[9] Латышева Г. П., Рабинович М. Г. Москва в далеком прошлом. М.: Наука, 1966. С. 228–229.

[10] Работы под руководством Л. А. Беляева, С. З. Чернова в 2005 г. См.: Беляев Л. А., Капитонова М. А., Чернов С. З. Археологические раскопки у храма Покрова Богородицы на Рву (собор Василия Блаженного) в Москве // АО 2005 года. М., 2006. С. 114–117.

[11] Спирина Л. М. Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология, 1980: ежегодник. Л.: Наука, 1981. С. 461.

[12] Елкина И. И. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. // Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013. С. 230–238 (Прил. 5).

[13] Орфинская О. В., Голиков В. П., Елкина И. И. Женский головной убор – волосник из Нижнего Новгорода // Нижегородская старина. Н. Новгород, 2012. Вып. 33–34. С. 79–86.

[14] Елкина И. И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения … С. 105–107.

[15] Манушина Т. Н. Шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М.: Сов. Россия, 1983. С. 36.

[16] Белова О. В. Славянский бестиарий: словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. С. 48.

[17] Там же. С. 106–107.

[18] Там же. С. 88.

[19] Там же. С. 199.

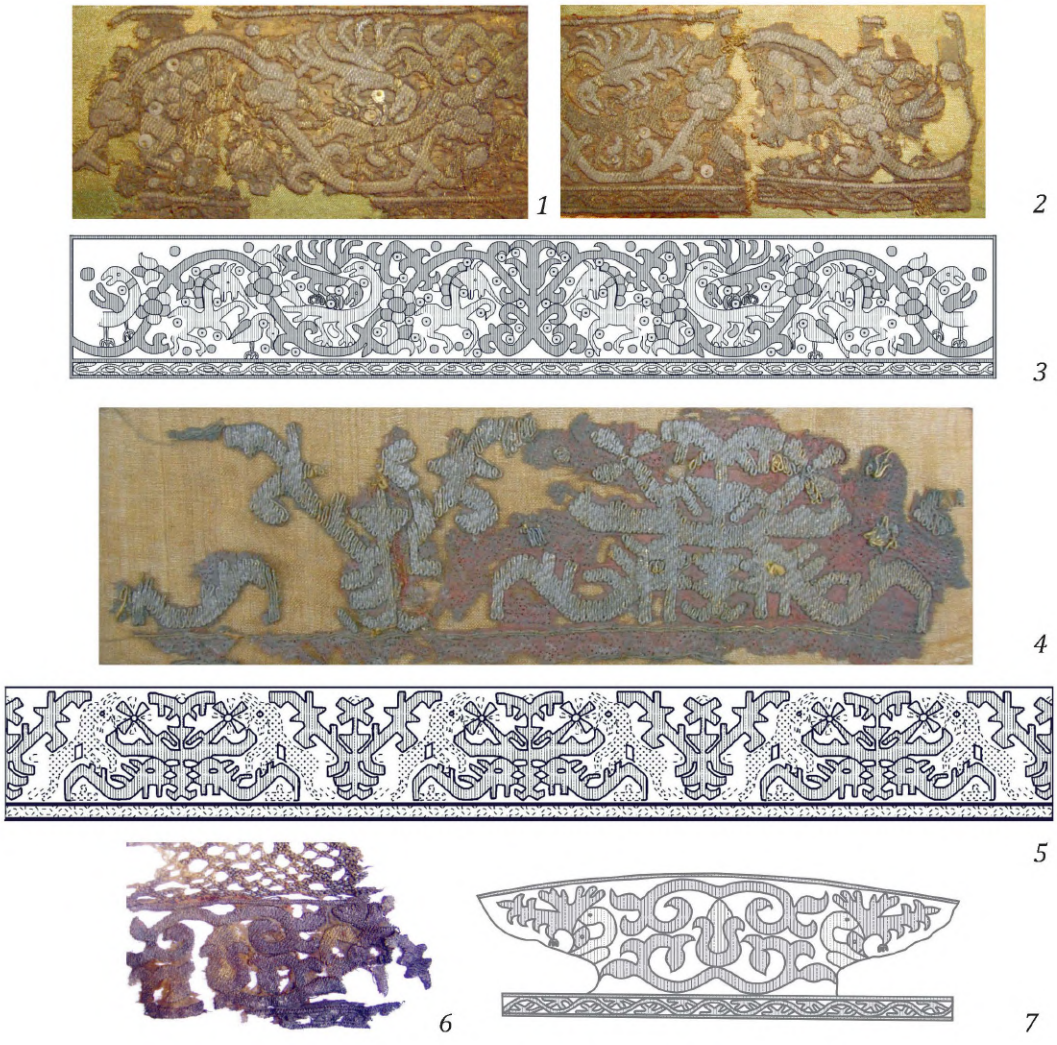


Рис. 2. Московский Зачатьевский монастырь. Очелья волосников:
1–2 – фрагменты очелья волосника № 1. Шелк, золотное шитье;
3 – очелье волосника № 1. Графическая реконструкция;
4 – фрагмент очелья волосника № 2. Шелк, золотное шитье;
5 – очелье волосника № 2. Графическая реконструкция.
Рисунок в местах утрат вышивки частично восстановлен по проколам от иглы;
6 – фрагмент волосника № 3. Шелк, золотное шитье;
7 – частичная графическая реконструкция очелья волосника № 3

и в церковном изобразительном искусстве исключительно многочисленны. Нередки на волосниках изображения широко распространенного в Средние века фантастического существа, единорога (символизирует женское целомудрие и духовную чистоту, а также человека, не забывающего о Боге и возносящего молитвы[20]).

Среди известных на сегодняшний день орнаментов наиболее интересны, пожалуй, орнаменты волосников из грунтовых захоронений в женском Зачатьевском Алексеевском монастыре[21]. Несмотря на крайне неудовлетворительную степень сохранности, проведенные реставрационные работы и предпринятая графическая реконструкция позволили частично восстановить орнамент их очелий, композиция которых не характерна для большинства известных нам волосников (рис. 2).

Для вышивок очелий традиционна композиция из *одиночных* фигур животных или птиц, обращен-

[20] Там же. С. 100.

[21] Елкина И. И. Волосники XVI–XVII вв. из погребений Зачатьевского монастыря в Москве // РА. 2008. № 2. С. 142–149. Раскопки под руководством Л. А. Беляева регулярно ведутся с 2003 г. См. общие обзоры: Беляев Л. А. Из глубины веков // Наука в России. М., 2010. № 6 (ноябрь – декабрь). С. 58–67; Беляев Л. А., Юлиания (Каледа), игумения. Зачатия праведной Анной пресвятой Богородицы женский монастырь // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XIX. С. 715–728.

ных к центру и чередующихся с «древами». Это типичная фризовая композиция, восходящая к ранневизантийским мозаикам и рельефам. Все элементы даются раздельно, как самостоятельные, связанные только общим участием в шествии. На волосниках же Зачатьевского Алексеевского монастыря представленные фигуры сплетены в едином действии, включены в некую сюжетную сцену. На трех очельях (из пяти), кроме традиционных «древ», уверенно читаются динамичные тератологические композиции. В одном случае изображена схватка единорога с фантастическим животным («драконом») и водоплавающей птицей. Орнаментальный рисунок другого очелья (графически восстановлен по имеющимся на ткани следам от проколов иглой и частично утраченной вышивки) также представляет сцену борьбы. Центральный элемент здесь также «древо», с семилепестковыми цветками. Под его ветвями попарно расположены ползущие змеи (?) с загнутыми хвостами, которых единороги побивают копытами.

Сцены схваток на этих очельях нужно, видимо, трактовать как борьбу добра (добродетели) со злом (грехом). Единорог – традиционный в Средневековье символ добра и духовной чистоты. Фантастическое животное, змеи и водоплавающие птицы служат здесь олицетворением злых дел, привычек, черт характера, грехов. Символика змея в народном воображении обычно вмещает всё нечистое, злое, лукавое, вредоносное[22]. Водоплавающая птица, один из древнейших символов человечества, в ряде легенд и поверий связана с нечистой силой (у западных славян – гусь; в Тульской и Харьковской губерниях в обличье утки могли видеть дьявола, кикимору, водяного)[23].

На уцелевшем крошечном фрагменте очелья третьего волосника сохранилась вышивка, представляющая часть сцены терзающих друг друга птиц (лебедя и кречета?). В фольклоре известен мотив терзания соколом лебедушки, имеющий, вероятно, и свадебный подтекст (как известно, свадебная и погребальная символика тесно переплетены). Несмотря на то, что сюжет терзания птиц в золотном орнаментальном шитье этого периода использовали довольно часто (примерами могут служить образцы шитья, хранящиеся в ГИМе[24]), на волоснике подобное изображение встречено впервые.

В средневековых мужских захоронениях нередко обнаруживаются остатки рубах. Потому что рубахи были льняными или шились из неокрашенного шелка, а эти материалы в грунте практически не сохраняются, от них в захоронениях обычно остаются лишь декоративные элементы, выполненные золотными и цветными шелковыми нитями в технике вышивки или плетения. Это ворот (передец с окаймляющим разрез ожерелком и без него), вошва, шлица, манжеты. Помимо орнаментальных элементов вышивки и плетения, в погребениях находят окрашенные шелковые подкладки под декоративные элементы и шелковые полосы, оформлявшие конструктивные швы. Изредка под вышивкой декоративных элементов или внутри отделок обнаруживаются чудом сохранившиеся крошечные остатки тканей самих рубах.

Крой и оформление русской средневековой мужской рубахи были довольно консервативны, многие века они сохранялись практически неизменными. Это дает возможность реконструировать общий облик находимых рубах по уцелевшим декоративным элементам. В зависимости от достатка, рубаха шилась из льняной или шелковой ткани, имела туникообразный покрой с глубоким прямым или косым разрезом на груди без воротника и традиционно украшалась вышитыми или плетеными декоративными элементами. Под декоративные элементы с изнаночной стороны рубахи подшивали подкладки, обычно из красной шелковой ткани в размер декоративного элемента. Нередко узкими красными полосами из лент, ткани или тесьмы оформляли конструктивные швы. С изнанки на плечах и спине могла подставляться подоплека – еще один слой ткани, обычно льняной (рис. 3).

В музейной коллекции ГИМа имеются две целые средневековые рубахи, дошедшие до наших дней. Остальные рубахи получены при раскопках и только во фрагментах. Средневековые мужские рубахи известны по захоронениям XVI–XVII вв. из некрополей в Москве (некрополь Московского Кремля[25], Зачатьевского монастыря, усыпальница бояр Романовых Новоспасского монастыря[26], некрополь церкви Козьмы и Дамиана на Тверской), Сергиевом Посаде, Суздале (усыпальница князей Пожарских в Спасо-Евфимьевском монастыре[27] и некрополь Покровского монастыря), в Кирилло-Белозерском монастыре (усыпальница князей Воротынских[28]), Нижнем Новгороде. Сейчас известно более 20 средневековых рубах (рис. 3, 4, 5).

[22] Коринфский А. А. Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: Моск. рабочий, 1994. С. 458.

[23] Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. С. 667.

[24] Ефимова Л. В., Белогорская Л. Р. Русская вышивка и кружево: собрание ГИМ. М.: Изобраз. искусство, 1982. Рис. 16, 17.

[25] Кошлякова Т. Н. Мужские рубахи конца XVI – начала XVII в. из погребений царя Федора Ивановича, царевича Ивана Ивановича и князя М. В. Скопина-Шуйского в Архангельском соборе Московского Кремля // Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к ист.-этногр. атласу. М.: Наука, 1986. С. 248–253.

[26] Елкина И. И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения … С. 86–97.

[27] Ее же. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских … С. 230–232 (Прил. 5).

[28] Работы под руководством И. В. Папина, 2010 г. Материал не опубликован.

Среди рубах есть фрагменты, происходящие из детских погребений. Их крой, соразмерность и расположение декоративных элементов полностью совпадают с обликом рубахи взрослого человека – отличается только размер. Известны две рубашечки из Суздаля: младенца из гробницы, приписываемой сыну Соломонии Сабуровой, первой жены Василия III, в Покровском монастыре, и мальчика пяти лет из усыпальницы князей Пожарских в Спасо-Евфимьевом монастыре. В грунтовом захоронении Зачатьевского Алексеевского монастыря обнаружены остатки декоративных элементов рубашечки младенца. В двух случаях (детские захоронения XVI–XVII вв. в Новоспасском монастыре и церкви Козьмы

Рис. 3. Реконструкция средневековой рубахи

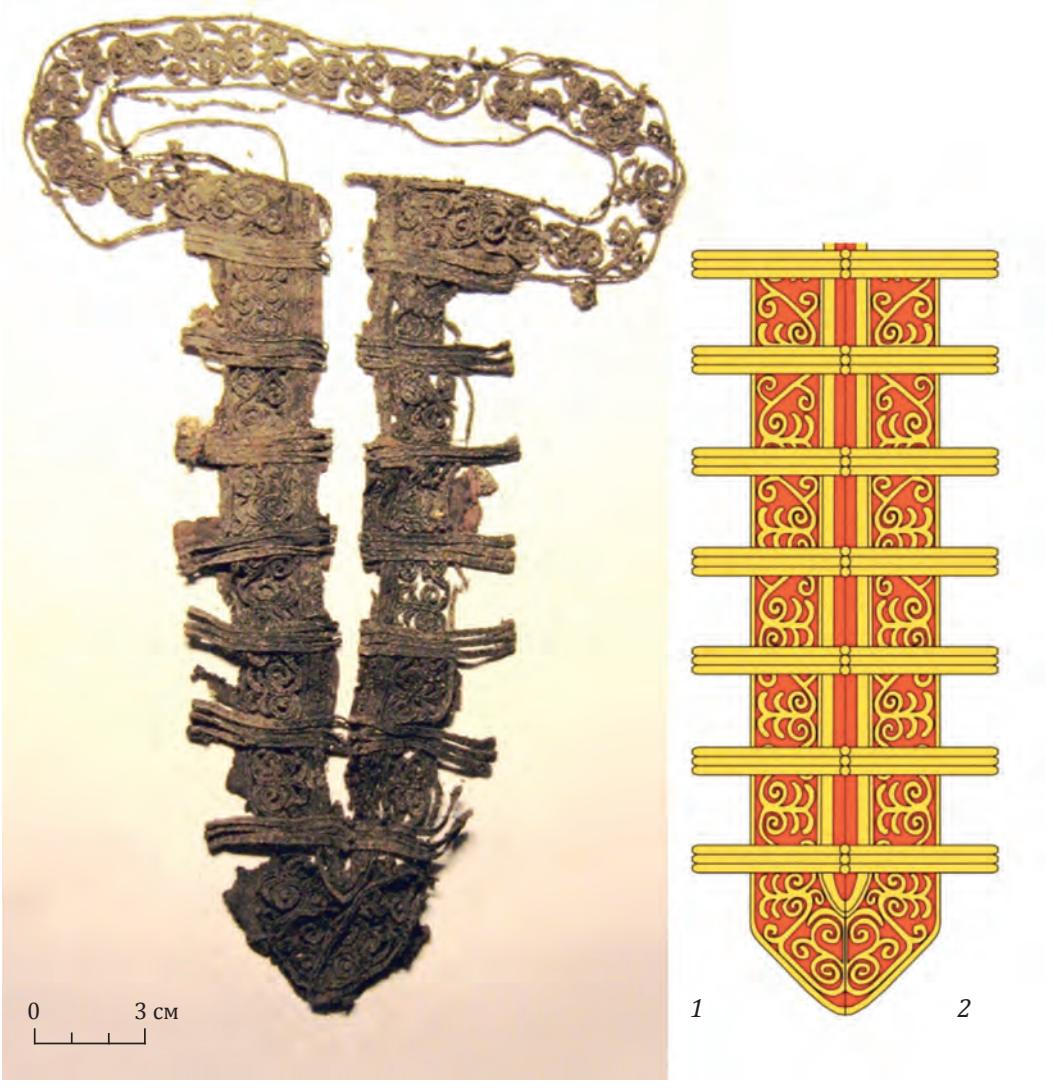


Рис. 4. Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Усыпальница князей Пожарских:
1 – декоративная отделка ворота рубахи. Шелк, золотное шитье, плетение;
2 – декоративная отделка ворота рубахи. Графическая реконструкция орнамента

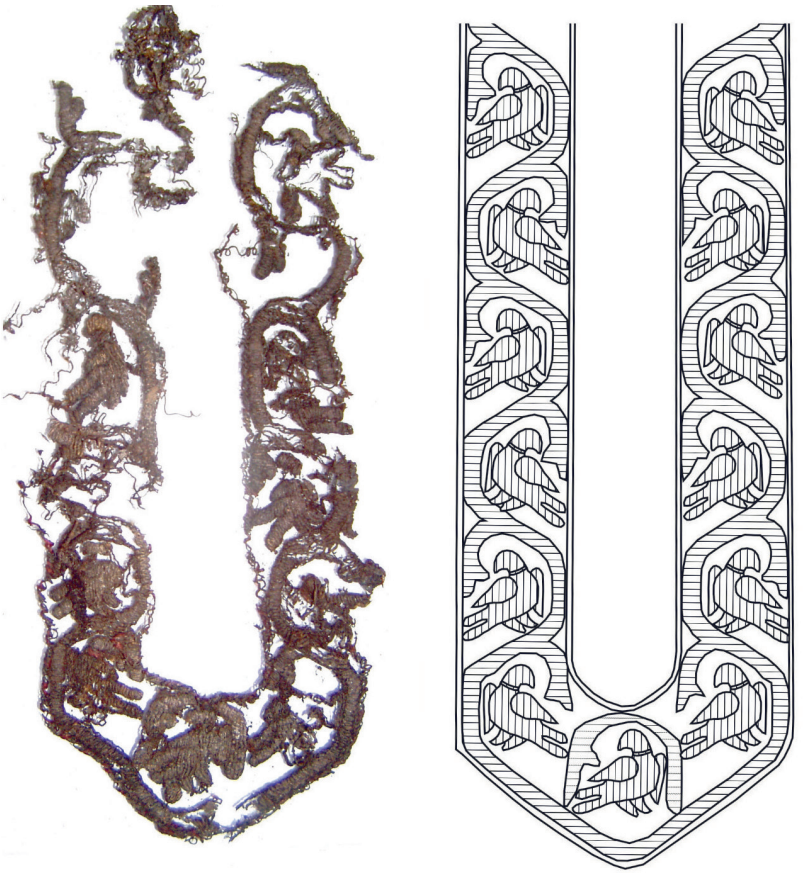


Рис. 5. Некрополь возле церкви Козьмы и Дамиана в Москве:
1 – декоративная отделка ворота рубахи. Шелк, золотное шитье;
2 – декоративная отделка ворота рубахи. Графическая реконструкция орнамента

и Дамиана на Тверской) встречены декоративные элементы рубах, которые были бы несоразмерны пропорциям рубахи ребенка. Вероятно, эти декоративные элементы спороты с пришедшей в ветхость рубахи взрослого, частично укорочены и вторично использованы для украшения детской рубахи.

Несмотря на устойчивость кроя и строго определенное расположение декоративных элементов, каждая рубаха неповторима. Средневековые мастерицы достигали своеобразия, варьируя декоративные элементы и способы их исполнения. Эти элементы выполнены в технике вышивки, с использованием плетеных тесьм и шнуров.

Почти все известные вышивки на рубахах выполнены золотными нитями в технике двойного тамбура. Основными элементами орнамента вышивки тамбуром, использованными для украшения рубах, обычно являются растительно-геометрические мотивы, завитки, S-образные фигуры. Довольно популярным мотивом для рубах является зеркально чередующийся орнамент из элементов «древа жизни» с ветвями-завитками. Изредка на рубахах встречается исполнение декоративных элементов в технике золотной вышивки в прикреп. Наибольший художественный интерес представляет фрагмент декоративной отделки ворота рубахи из некрополя церкви Козьмы и Дамиана на Тверской в Москве. Основу орнамента составляет изображение зеркально чередующихся золотых птиц в красных ошейниках, сидящих на длинной волнообразной ветви[29] (рис. 5).

На сегодняшний день известны три типа оформления русских средневековых мужских рубах в зависимости от выбранного вида декоративных элементов: декоративные элементы со сплошными петлицами; орнамент с периодическими петлицами; орнамент без петлиц.

Археолог и этнограф XIX в. А. В. Терещенко, описывая декор русских рубах в послемонгольский период, заметил, что «воротник и края рукавов вы-

[29] Работы под руководством Л. А. Беляева, 2009 г. Материал ранее не публиковался.

Рис. 6. Некрополь возле церкви Покрова на Рву в Москве.
Фрагмент верхней мужской одежды с металлическими пуговицами

шивали красными нитками, шелком, серебром и золотом, смотря по состоянию и званию»[30]. В публикации текстильных находок в гробницах Архангельского собора Т. Н. Кошлякова уточнила, что четыре известные на тот момент рубахи представителей царствующей династии имеют из декоративной отделки только петлицы, а рубахи высшей знати украшены вышивкой с периодическими петлицами[31]. При анализе рубах из Новоспасского монастыря выяснилось, что их владельцы с периодическими петлицами принадлежали к княжеской аристократии. Периодические петлицы отмечены на всех найденных рубахах из усыпальницы князей Пожарских в Спасо-Евфимиевом монастыре[32] и на рубахе князя А. И. Воротынского, захороненного в родовой усыпальнице Кирилло-Белозерского монастыря[33]. Ворот рубашечки из детского погребения в Зачатьевском монастыре также оформлен вышивкой с периодическими петлицами – возможно, погребенный ребенок принадлежал к княжеской аристократии. Вероятно, лица, не входившие в указанные категории, не имели права носить рубахи с петлицами[34].

Несколько погребений дали материал, касающийся декоративного оформления других видов одежды. Так, в мужском погребении возле церкви Покрова на Рву сохранились многочисленные текстильные фрагменты[35]. Среди них выделялся длинный фрагмент застежки с частым рядом пуговиц (рис. 6). Реконструируя одежду на основе проведенных исследований фрагментов, можно сказать, что на по-

[30] Терещенко А. В. Быт русского народа. Репр. изд.: СПб., 1848. М.: Рус. книга, 1997. Ч. I. С. 175.

[31] Кошлякова Т. Н. Указ. соч. С. 165, 172.

[32] Елкина И. И. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских … С. 230–233 (Прил. 5).

[33] Работы под руководством И. В. Папина, 2010 г. Материал не опубликован.

[34] Работы под руководством Л. А. Беляева, 2008 г. Материал не опубликован.

[35] Работы под руководством Л. А. Беляева, 2007 г. Материал не публиковался.

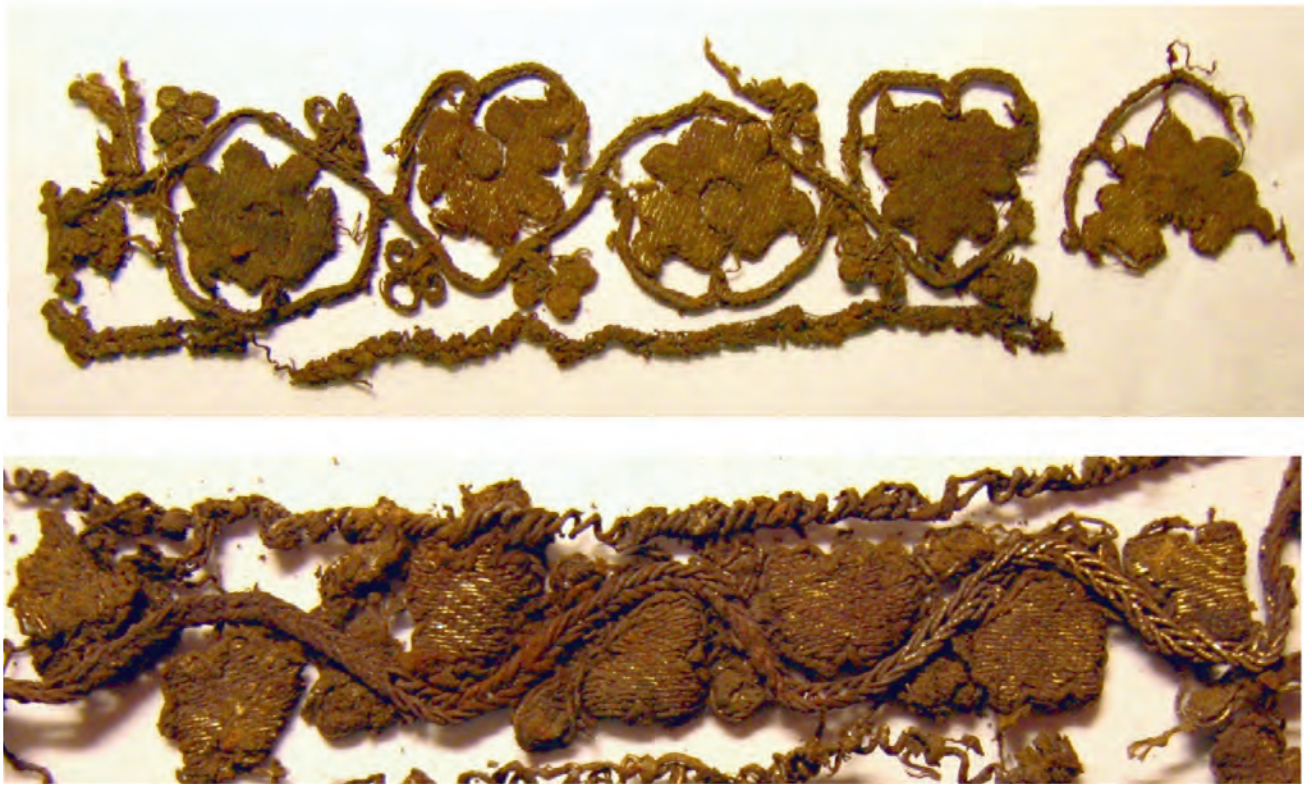


Рис. 7. Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Усыпальница князей Пожарских. Декоративная отделка подола женской одежды. Шелк, золотное шитье

1 *2*

Рис. 8. Московский Новоспасский монастырь, усыпальница бояр Романовых:
1 – остатки шелкового погребального покрывала Михаила Васильевича Яковля-Захарьина (†1556 г.);
2 – графическая реконструкция орнамента ткани

гребенном была двухслойная распашная мужская одежда, вероятно кафтан. Кафтан шит из плотной шелковой ткани-камки с растительным орнаментом, предположительно окрашенной в красный цвет. Для подкладки была использована тонкая неокрашенная шелковая ткань. Одежда была длиннополая и застегивалась на пуговицы. По краю правой полы шел частый ряд шаровидных позолоченных пуговиц диаметром 1,2 см (как минимум 26 пуговиц), находящихся на расстоянии 1,5 см друг от друга. Пуговицы предварительно были нанизаны на шнур, шитый из той же ткани-камки, что и основная ткань одежды. Шнур потайной. Он был проложен внутри между лицевой тканью-камкой и подкладкой. По краю левой полы находились петли застежки, выполненные из плетенного в восемь концов четырехгранного шнура. На полы одежды были нашиты вошвы – декоративные элементы, выполненные из светлой ткани с вышитым на них орнаментом. В основе орнамента – ветви с листьями. Вышивка выполнена темными нитями. Форма нашивок (вошв) не реконструируется.

При исследовании усыпальницы князей Пожарских в двух женских захоронениях зафиксированы фрагменты декоративной отделки женской длиннополой одежды (возможно, летник)[36]. Декоративная отделка представляла собой различной ширины (от 1,5 до 4,5 см) орнаментальные полосы золотного шитья. В основе орнаментов – растительный побежок, представляющий собой вьющийся стебель с трилистниками и цветами. Для выполнения золотного шитья использовали несколько разновидностей швов: двойной тамбур, шитье в прикреп, стебельчатый шов. Орнаментальные полосы украшали подол одежды и, возможно, манжеты. Сама одежда была шита из светлого шелка (рис. 7).

Помимо фрагментов одежд, в светских захоронениях встречаются текстильные принадлежности погребального обряда: погребальные венчики, погребальные покрывала и саваны. Погребальные венчики в основном изготовляли из полосы тонкой шелковой ткани, чаще всего однотонной, полотняного переплетения или камки, на которой выполнялась вышивка стебельчатым или тамбурным швом. В характере вышивки присутствует некоторая небрежность, указывающая на то, что венчики выполняли наспех, на скорую руку. На большинстве известных венчиков имеются пять или семь изображений голгофского креста, выполненных золотными нитями. Определенный интерес заслуживает погребальный венчик из погребения усыпальницы князей Пожарских. По всей его поверхности вышита надпись молитвы Трисвятое («Святый Боже, Святый крепкий, Святый безсмертный, помилуй нас»). Между словами надписи вышиты три круглых клейма, и в каждом – голгофский крест с орудиями страстей[37].

Погребальные покрывала и саваны представляли собой отрезы тканей. Зафиксированные нами в различных средневековых захоронениях, как правило, в саркофагах, остатки покрывал и саванов в подавляющем большинстве дошли до нас в виде разрозненных фрагментов. Как правило, это части тонких шелковых тканей, чаще всего узорной камки. Наиболее показательный пример – отрез дорогой венецианской камки, погребальное покрывало Михаила Васильевича Яковля-Захарьина (†1556 г.) из усыпальницы бояр Романовых Новоспасского монастыря[38]. В результате проведенных исследований текстильных остатков орнамент на этой ткани удалось полностью реконструировать (рис. 8). Узор представляет собой симметричную композицию, состоящую из вазонов с растительными кольцеобразными гирляндами. Контуры вазонов образованы двумя обращенными друг к другу дельфинами, между которыми помещена стилизованная раковина. Кольца соседних гирлянд в местах пересечения соединены декоративными перехватами в виде корон. Внутри гирлянд и между вазонами расположены кольца меньшего размера, в которых находятся стилизованные плоды. Орнаментальные изображения корон и вазонов, тщательная проработка деталей, а также использование чешуйчатых (треугольники) и шашечных элементов характерны для венецианских тканей. Прямые аналогии – подкладки покрывал на царские гробницы Архангельского собора из собрания Оружейной палаты[39].

Еще одним ярким примером из той же усыпальницы является погребальное покрывало Татьяны Федоровны княгини Катыревой-Ростовской (†1611 г.)[40]. Покрывало дошло до нас практически целым и представляет собой отрез турецкой золотной парчи рубежа XVI–XVII вв. длиной 167 см и шириной 69 см. Ткань имеет крупный раппорт (50×70 см), характерный для восточных тканей того времени. Узор составлен из золотых остроовальных клейм, образующих регулярную решетку на малиновом фоне. В одном клейме расположен большой стилизованный тюльпан, на фоне которого изображен букет с тремя маленькими тюльпанами, в другом – плод граната с маленькими цветками гвоздик, анемонов, листьями и бутоном шиповника. Контуры решетки в местах переплетения украшены декоративными перехватами. В древнерусском быту рисунок получил наименование «купы»

[36] Елкина И. И. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских … С. 233–234, 236–237 (Прил. 5).

[37] Там же. С. 234, 237.

[38] Елкина И. И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения … С. 110.

[39] Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология // Сборник Оружейной палаты. М.: Оружейная палата, 1925. С. 57–58.

[40] Елкина И. И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения … С. 111.

Рис. 9. Московский Новоспасский монастырь, усыпальница бояр Романовых. Погребальное покрывало Татьяны Федоровны, княгини Катыревой-Ростовской (†1611 г.)

(аналогичный рисунок решетки архитектурных сооружений называли «купчатым»[41]). Внутри решетки проходит цветной линейный орнамент в виде гирлянды цветов (рис.9).

Изученные нами погребальные покрывала в основном происходят из захоронений зажиточных людей, это остатки дорогих шелковых и парчовых тканей. Можно предположить, что представители небогатого сословия использовали в качестве погребальных покрывал и саванов более дешевые ткани из растительных волокон. Возможно, такие покрывала в захоронениях не фиксируются из-за полного разрушения таких тканей в грунте. Отмечены несколько случаев использования шерстяной ткани в качестве савана, но такие примеры единичны (видимо, и это связано с факторами сохранности). Так, в деревянной колоде некрополя Кирилло-Белозерского монастыря обнаружен погребенный, замотанный в саван из шерстяной ткани полотняного переплетения[42].

Другой категорией текстильных предметов из средневековых погребений являются части монашеских облачений. Остатки таких облачений XVI–XVIII вв. сравнительно хорошо сохранились в захоронениях Моисеевского[43] и Зачатьевского Алексеевского монастырей (Москва), собора Ново-Иерусалимского монастыря, Савватьевского монастыря Тверской области, где на принадлежность погребений монашествующим подчас дополнительно указывают: кирпич под головой[44], четки и остатки монашеской кожаной обуви (калиги).

В грунтовых монашеских захоронениях иногда сохраняются фрагменты грубой темной ткани или следы органического тлена от одежд; в одном из захоронений Зачатьевского Алексеевского монастыря следы ткани зафиксированы в виде окислов на железных веригах. В целом текстильные остатки из монашеских захоронений дают следующую картину: ткани монашеских риз ткали из грубой неокрашенной шерсти темной (черной) овцы, на горизонтальном ткацком стане, в домашних условиях. Ткань полотняного переплетения, плотность нитей колеблется от 8 до 12 н/см. Нити Z крутки, неравномерные по толщине.

Из категории монашеского облачения выделяются великосхимнические одежды. В состав одежды великосхимника, в отличие от одежд малосхимников и новоначальных, входили аналав (плат с изображением креста в ширину плеч и длиной от шеи до носков обуви) и куколь. Только эти детали монашеского облачения украшали цветной вышивкой или нашитыми цветными изображениями крестов.

Захоронения монахинь-схимниц обнаружены при археологических исследованиях Моисеевского мона-

[41] Восточные и европейские ткани в собрании Государственного исторического музея. М.: ГИМ. С. 4.

[42] Работы под руководством И. В. Папина, 2010 г. Материал не опубликован.

[43] Векслер А. Г., Беркович В. А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. М.: Наука, 1999. С. 213–217.

[44] Библиография: Беляев Л. А. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источник // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2011. Вып. 2 (5). С. 72–84.

стыря на Манежной площади в 1995 г.[45] (рис. 10). В восьми дубовых гробах-колодах прекрасно сохранились принадлежности облачений великосхимниц, в том числе аналавы. Найденные аналавы выполнены из грубой шерстяной ткани черного цвета. Поверхность заполнена широкими стежками (до 2,5–3,0 см) вышивки толстыми некрученными цветными шелковыми нитями. Композиция изображений на всех аналавах канонична. В центре изображен голгофский крест, по обеим сторонам которого расположены архангелы. В подножии креста – глава Адама, а под ней условное изображение лежащей в гробу схимницы (?). Над крестом херувимы и символическое изображение Храма Небесного. По краям аналава в виде четырехугольной рамы вышита надпись молитвы «Свят, свят, свят. Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас». На одном из аналавов вместо надписи дан зигзагообразный орнамент.

Одно захоронение великосхимника в белокаменном саркофаге изучено в храме Савватьевского монастыря Тверской области[46]. В момент открытия саркофага на всей поверхности костяка фиксировались многочисленные текстильные остатки. К сожалению, сохранность текстиля была крайне неудовлетворительной. Это длиннополая одежда с длинными рукавами (не исключено наличие нескольких одежд, как минимум двух, надетых одна на другую, но шитых из одной и той же ткани). По верхнему слою ткани (аналав?) в центральной части одежд местами отмечена вышивка цветными толстыми некрученными нитями шелка. Рисунок вышивки реконструируется частично: в центральной части аналава (грудной отдел позвоночника) виден фрагмент верхней части голгофского (?) креста в ореоле (?). Фрагменты вышитых равноконечных крестов были видны в районе тазовых костей. Вышивка выполнена крупными стежками толстыми цветными некрученными нитями шелка.

Вышивка толстой цветной нитью по темной шерстяной ткани с использованием швов «гладь», «перекрещенный русский шов», «тамбур» с характерными длинными стежками применялась для украшения аналавов великосхимников всего периода Средневековья и в более позднее время (аналогии: схима Ивана Грозного, аналав св. Анны Кашинской, аналав от схимы преп. Сергия).

Захоронения двух поименно известных монашествующих XVII в. изучены в Ново-Иерусалимском монастыре[47]. В захоронении архимандрита Варсо-

Рис. 10. Московский Моисеевский монастырь. Аналав великосхимницы. Шерсть, вышивка шелком

[45] Векслер А. Г., Беркович В. А. Указ. соч. С. 213–217.

[46] Савватьевский монастырь, д. Савватьево, Калининский район Тверская область. Раскопки 2009 г. под руководством А. Н. Хохлова. Материал не опубликован.

[47] Раскопки Л. А. Беляева, 2012 г. Материал не опубликован. Общие обзоры по работам: Беляев Л. А. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь: археология и вопросы реставрации // Реставрация и исследования па-

нофия, при котором завершалось строительство Воскресенского собора (†1680 г.), обнаружены многочисленные текстильные фрагменты – остатки церковного облачения. На черепе находился очень плохой сохранности шерстяной клобук (головной убор из двух предметов – камилавки и покрова, или мафория, он же кукуль, с тремя длинными концами-воскрилиями), шитый из плотной шерстяной ткани. По конструктивным швам проходит дополнительно двойная строчка шелковыми нитями. Край очелья окантован плетеным шнуром. Несмотря на фрагментарность, можно уверенно определить форму клобука как древнюю, сферическую, имевшую символическое значение «шлема спасения» и «покрывала послушания». Нижняя часть покрывала, разделяющаяся на три длинных конца, знаменует Троическую благодать, которая покрывает помыслы монаха. Использование плотной ткани было вызвано необходимостью защиты головы во время ненастья. У монахов издавна существовал обычай завязывать концы мафория (кукуля) под подбородком в холодную и ветреную погоду, а также для того, чтобы клобук, снимаемый в определенные Уставом моменты богослужения, не занимал рук. Современная форма монашеского головного убора состоит из цилиндрической камилавки, обтянутой шелком, и из легкого мафория – позднего происхождения, она принята русской Церковью от греков в эпоху патриарха Никона.

В момент захоронения архимандрита боковые воскрилия мафория (кукуля) были сложены над лицом. При изучении текстильных остатков мафория под воскрильями обнаружились остатки вышитого цветным шелком параманда (принадлежности облачения монаха) с изображением креста и орудий страстей. Параманд покрывал непосредственно лицо погребенного. Погребенный был облачен во власяницу – темную одежду из довольно грубой ткани, сотканной из шерсти овцы. Об этом свидетельствуют ее многочисленные остатки на костяке погребенного. Над власяницей находилась сильно фрагментированная епитрахиль, шитая из рытого бархата (в орнаменте которой угадываются мотивы «восточных огурцов») и шелковой камки. Нижний край епитрахили был украшен цветными шелковыми кистями. На руках сохранились поручи, шитые (аналогично епитрахили) из бархата и шелковой камки. На груди погребенного помещался деревянный наперсный крест на плетеном шелковом шнуре. Сохранившаяся кожаная обувь была надета на онучи, шитые из темной шерстяной ткани.

В погребении архимандрита Германа (†1682 г.), любимого ученика архимандрита Никона, из текстильных предметов сохранился лишь параманд – прямоугольный плат с вышитым изображением голгофского креста и орудий страстей. По контуру параманда проходит текст молитвы. Вышивка выполнена в технике золотного шитья в прикреп. Параманд покрывал лицо погребенного (рис. 11: 1).

Остатки подобного параманда в виде фрагмента центральной части с изображением восьмиконечного креста с орудиями страстей был обнаружен на лицевой части черепа погребенного в одном из захоронений усыпальницы князей Пожарских в Суздале[48]. Он выполнен в аналогичной технике золотного шитья в прикреп цветными шелковыми нитями. Под крестом изображена глава Адама, в левой части, возле копия, сохранились буквы IC и NIK.

В городских культурных слоях XVI–XVII вв. при археологических исследованиях в центре Москвы получен ряд текстильных находок, в основном представляющих собой разрозненные текстильные фрагменты. Подавляющее большинство таких находок (фрагменты тканей, тесьм, лент) относятся к остаткам одежд и бытовых предметов простых горожан, это продукция домашнего ремесла. Чрезвычайно показателен простой текстиль, выявленный между двумя пожарными прослойками Романова двора в Москве (что, видимо, и обеспечило сохранность предметов)[49] (рис. 11: 2–3).

Эти небольшие бесформенные фрагменты обогащают знания о текстиле, бытовавшем в среде простых горожан, о его разновидностях по типу волокон, цвету, структуре, способам украшения. Среди фрагментов есть шерстяные светлые и темные неокрашенные ткани, а также ткани, волокна которых были окрашены растительными красителями в желто-зеленый и красновато-коричневый цвета. На некоторых фрагментах сохранились ровные края от ножниц и следы проколов иглой. Это, вероятно, фрагменты одежд ремесленников.

Помимо фрагментов тканей, в слоях встречаются остатки тканых поясов и лент, тесьм, плетеных и витых шнуров. В основном это продукция домашнего ремесла, выполненная в различных техниках: технике тканья на бердечке или на квадратных дощечках, в технике полутканья или плетения.

Довольно часто в городских слоях встречаются фрагменты вязаных изделий, обычно рукавиц и чулок. Для их изготовления использовали очень древнюю технику вязания по спирали костяной иглой с отверстием. В Средние века вязали чулки – «копытца» в виде мешка без пятки, такие как фрагмент чулка из Зарядья.

мятников истории и культуры. М., 2012. Вып. 5. С. 23–30; Его же. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. 2013. № 1. С. 30–41.

[48] Елкина И. И. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских … С. 238 (Прил. 5).

[49] Ее же. Текстильные находки и плетеные изделия // Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках М.: ИА РАН, 2009. С. 151–161. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).

1

2

3

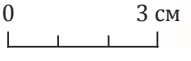


Рис. 11. Монашеские параманды:
1 – Ново-Иерусалимский монастырь. Захоронение Германа. На лице погребенного остатки параманда. Шелк, золотное шитье;
2–3 – Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Остатки параманда (2 – in situ, 3 – после реставрации). Шелк, золотное шитье

Рис. 12. Москва, Романов двор. Шерстяной чулок. Вязание

Археологические текстильные находки не только корректируют, но порой и опровергают устоявшиеся мнения. К примеру, считалось, что чулки с пяткой появились только на рубеже XIX–XX вв.[50]. Но среди найденных вязаных изделий на территории Романова двора встречен чулок с высоким голенищем. Это доказало, что пятка на чулке вывязывалась уже в XVII в. (рис. 12). Считалось также, что техника вязания спицами и крючком пришла в Россию с Запада не ранее XVIII в. Но небольшой вязаный спицами фрагмент с того же раскопа убеждает, что такой техникой вязания в Москве владели уже в XVII в.

Романов двор дал еще один интересный текстильный предмет. Возле одной из обнаруженных печей конца XVI в. был найден бесформенный комок земли, в котором угадывались текстильные остатки с сильным голубым налетом медных окислов. В ходе реставрации удалось установить, что остатки эти – фрагменты декоративных нашивок-петлиц с пуговицами, ранее украшавших верхнюю мужскую одежду (кафтан?). Сама одежда истлела, но петлицы сохранились, так как сделаны на ленте, сотканной из металлических нитей. Лента шириной 10 мм выполнена на ремизном устройстве и имеет геометрический орнамент. Уцелело 11 фрагментов петлиц с застежкой и 8 фрагментов петлиц с петлей. Сохранившиеся пять пуговиц диаметром 8 мм изготовлены путем обмотки округлой деревянной (?) болванки золотной нитью. Образец декоративной отделки верхней мужской одежды с петлицами получен при археологических работах впервые.

Изучение нового текстильного материала в будущем при археологических раскопках даст новую информацию и пополнит наши знания о позднесредневековом текстиле.

[50] Соснина Н., Шангина И. Указ. соч. С. 352–353.

I. I. Elkina

Textile in Muscovy of the 16th – 17th cc. According to the Archaeological Data

Key words: textile, fabric, preservation, garments, decorative trimming, ornaments, technique, reconstruction, Muscovy, monastery.

Abstract: Archaeological textile is an important and wide source of information. The textile material from the archaeological excavations of the late medieval sites on the territory of Moscow, Suzdal, Kirillov, Tver, Nizhny Novgorod, New Jerusalem, Pereslavl-Zalessky, Vyazma and many other places gave us a chance to supply our knowledge of the existed types of textile; of domestic weaving, knitting, embroidering and plaiting techniques; textile items production process; make-up of temporal and monastic garments; status of the buried; the unknown earlier types of ornaments; decoration styles of clothes and other textile items of clerical and domestic purposes in Muscovy.

Д. О. Осипов

Процесс европеизации русского кожевенно-сапожного ремесла

Одной из основных тем современной медиевистики является повседневная жизнь средневекового города, одежда горожан, их быт, материальная культура. По мере накопления изделий из кожи, массово встречающихся в городах с «мокрым слоем», совершенствуется методика изучения этой категории археологических находок, что делает ее ценным историческим источником для характеристики быта, повседневной жизнедеятельности, норм городского общежития, вопросов демографии и т. д.

При возрастании объема и интенсивности обработки коллекций кожаных предметов на смену эмпирическому подходу приходят аналитические разработки, полученные методом комплексных исследований, учитывающих данные письменных источников, этнографического материала, образцов реалистических изображений и данных физико-механических и химических анализов кожевенного сырья.

Существенно расширившаяся за последнее время география находок и хронологические рамки археологических коллекций позволяют делать определенные историко-культурные обобщения. Однако отдельные положения, в частности периодизация процесса развития русского кожевенно-сапожного ремесла, оцениваются отечественными исследователями неоднозначно[1]. Так, в ряде работ А. В. Курбатова утверждается, что европеизация начинается не с реформ Петра Великого, а, по крайней мере, на столетие раньше[2]. Усиление влияния западной техники, технологии и моды на русское кожевенно-обувное производство исследователь прослеживает уже со второй половины XVI в. Именно тогда, по его мнению, начинается выделка новых сортов кож (сафьян), изменяется техника раскроя и пошива обуви, появляются новые модели, распространяется европейская мода[3].

С такой периодизацией развития кожевенно-обувного ремесла трудно согласиться, поскольку одни положения, на мой взгляд, нуждаются в пересмотре, а другие отражают специфику археологических коллекций отдельных памятников, не характерную для всей остальной территории Русского государства. Рассмотрим представленные выше положения по порядку.

1. Выделка сафьяна[4]

Одним из признаков нового этапа развития кожевенно-сапожного ремесла, который начинается со второй половины XVI в., А. В. Курбатов считает расширение сортамента кож за счет появления сафьяна. Однако в письменных источниках самое раннее упоминание этого термина относится к первой половине XVI в. «А что есми взялъ у Ивана жъ саблю да съедло сафьян жолт…»[5]. Позднее в дворцовом хозяйстве Алексея Михайловича появляется первый сафьянный завод: «По указу великого государя сафьянного дела двор со всякими заводи и с мастеры…»[6]. Однако из-за низкой рентабельности и плохого качества кож государевы мастерские были закрыты, поэтому на протяжении всего XVII в. сафьяны в России были преимущественно привозными[7].

[1] Осипов Д. О. Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв.: (комплексное исследование): автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.06. М., 2012. С. 38.

[2] Курбатов А. В. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // Stratum plus, 2010. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2010. № 5. С. 211–213.

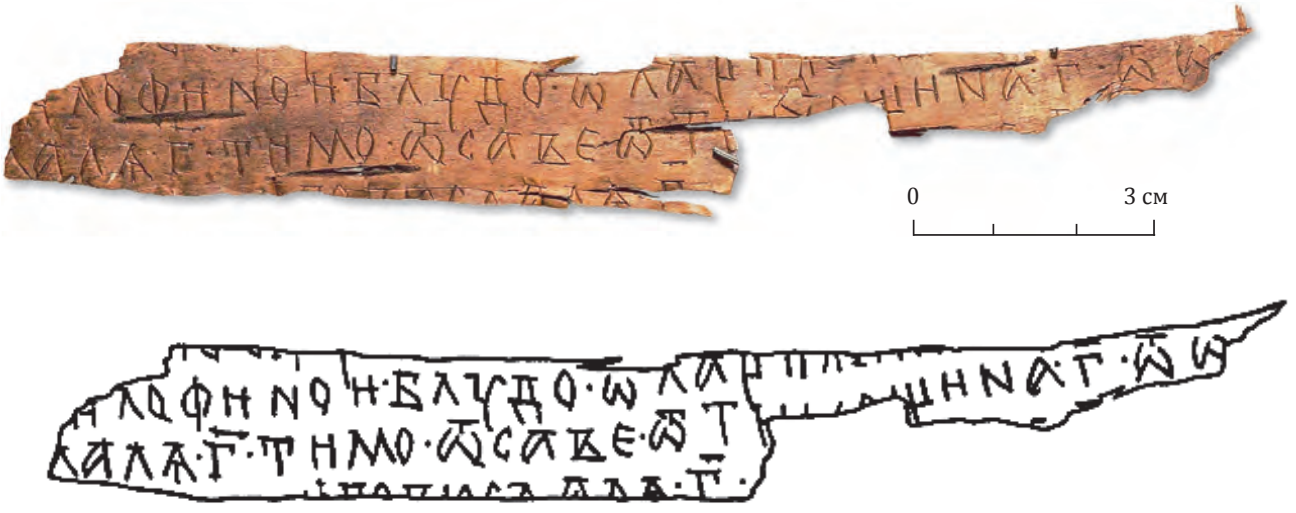
[3] Его же. Кожевенно-сапожное ремесло в средневековой России: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.06. СПб., 2012. С. 215.

[4] В настоящее время под этим термином понимается козлиная кожа, дубленная сумахом и окрашенная в яркие цвета.

[5] Владимирский сборник: материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / сост. К. Н. Тихонравов. М., 1857. С. 130. 1535 г.

[6] Крепостная мануфактура в России. Л., 1932. Ч. 3. С. 63 (№ 23). Акты Кадашевской слободы. 1676 г.

[7] Книги Московской большой таможни – Новгородская, Астраханская, Малороссийская, 1693–1694 // Труды ГИМ. М.: Сов. Россия, 1961. С. 65, 67.



ѿфєдора·ѿсинофонтова·д́·блюда·тимо·ѿпорє[ца]…

ѿсъповои·є́тимо·ѿшнании·ѿкурицкого·д́…

Рис. 1. Берестяная грамота № 261

В то же время аналогичный товар, именуемый «тим» (тимо), изготавливался русскими кожевниками, по крайней мере, со второй половины XIV в. В новгородских берестяных грамотах № 261–264[8], со стратиграфической датой – 70–90-е гг. XIV в.[9], термин «тим» обозначает тонкую мягкую кожу с гладкой лицевой поверхностью, окрашенную в яркие цвета (рис. 1).

Согласно новгородским писцовым книгам, в 80-е гг. XVI в. в городе работало не менее восьми тимовников, а также существовали мастера, шившие тимовую обувь. В значении сорта кожи «тим» употребляется в расходной книге Софийского дома 1601 г.: «Дано Вешняку звонцу за тимъ и за подошвы за приклад шесть алтын две денги, а делал он митрополиту войлочные сапоги»[10].

Первым идентичность русского «тима» и персидского «сафьяна» отметил А. В. Арциховский[11], впоследствии об этом же писали В. Л. Янин[12] и А. А. Зализняк[13]. Кроме тима, в это же время бытовал аналогичный товар, именовавшийся «кордуан» (в древнерусской форме кондуван). Такое название, по мнению М. Фасмера, произошло от испанского города Кордовы, где он производился[14]. Появление этого термина И. С. Вахрос относит к XV в.[15]. В XVIII в. тисненый сафьян в русском языке фигурирует как «Марокен ... из Прованса»[16].

Таким образом, на основании анализа письменных источников становится очевидным непрерывное бытование одного и того же кожевенного товара, известного на протяжении четырех столетий (XIV–XVIII вв.) под разными наименованиями, зависящими от места его производства. Благодаря длительному и обширному экспорту этого товара из Персии в русском языке окончательно закрепляется термин сафьян (*перс*. сахтийян).

Нельзя исключать, что технологии изготовления тима, сафьяна, марокена или кордуана имели незначительные отличия. Однако из этого никак не следует, что появление сафьяна в России можно датировать второй половиной XVI в. Еще менее с этим связано усиление влияния западной технологии, тем более что конкретно сафьян, как было отмечено выше, привозился из Персии.

[8] Все три грамоты происходят с усадьбы «Е» Неревского раскопа и являются частью одного документа.

[9] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки рус. культуры, 1995. С. 510, 511.

[10] Актовые книги Государственной археографической комиссии // Архив СПбИИ РАН. № 36. Л. 19.

[11] Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1956–1957 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 89.

[12] Янин В. Л. Я послал тебе бересту… Изд. 2-е, испр. и доп. новыми находками. [М.]: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 140–142.

[13] Зализняк А. А. Указ. соч. С. 510–511.

[14] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. СПб.: Азбука; Терра, 1996. Т. 2. С. 324.

[15] Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959. С. 114.

[16] Савари де Брюлон Ж. Экстракт Савариева Лексикона о коммерции / По требованию Государственной Комерц-коллегии с французскаго на российский язык переведена сия книга, Академии наук секретарем Сергеем Волчковым … [СПб., 1747]. С. 804.

2. Появление европейской обуви

Европейское влияние на русское кожевенно-сапожное ремесло было прослежено А. В. Курбатовым при подготовке им кандидатской диссертации, где исследователь обобщил материалы ряда археологических памятников, расположенных на территории северо-запада России[17]. Для того чтобы выявить субъективность такого подхода, следует понять, на каких же конкретно памятниках А. В. Курбатовым было зафиксировано внедрение западных технических приемов и появление обуви европейских фасонов. Это Ивангород, Орешек, Полоцк и Псков – крупные города и города-крепости, расположенные в приграничных территориях. Одни из них (Ивангород, Полоцк и Орешек) меняли свою политическую подчиненность, а другие (Псков) испытывали сильное западноевропейское влияние, которое прослеживается во всех сферах материальной культуры.

Список городов, где вместе с изменением политической подчиненности происходит смена культурных традиций, дополняет Смоленск. Именно это демонстрируют коллекции «археологической кожи», собранные экспедицией ИА РАН на территории Пятницкого конца Смоленска в 2011–2012 гг.[18]. Если обувные модели XII–XIV вв. никак не отличаются от обуви аналогичного времени из Владимира, Великого Новгорода, Москвы или Ярославля, то в напластованиях первой половины XVII столетия доминирует низкая обувь европейского типа (рис. 2, 3). В этот же период появляются новые технические приемы, обусловленные влиянием Великого княжества Литовского. Получение городом по указу короля Сигизмунда III магдебургского права способствовало развитию цеховых организаций, деятельность которых маркирует обширная коллекция обувных клейм, появившихся в других русских городах на полстолетия позже (рис. 4).

[17] Курбатов А. В. Кожевенное производство в городах северо-западной России XV–XVII вв.: дис. … канд. ист. наук.

[18] Осипов Д. О., Соболь В. Е. Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М: ИА РАН, 2014. Вып. 10. С. 345–361.

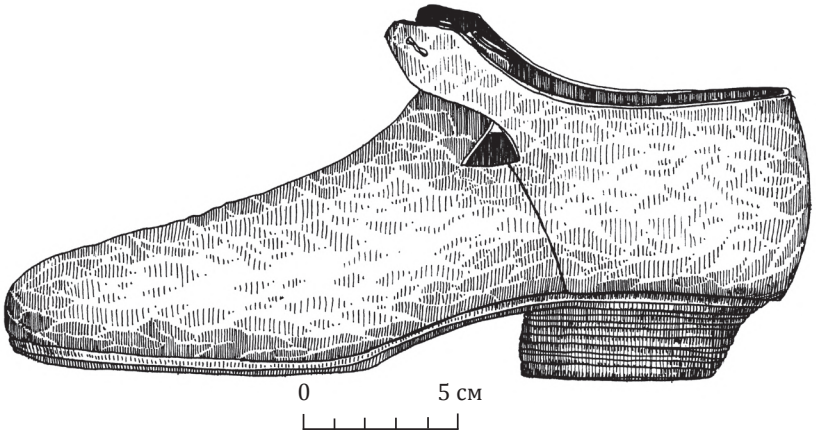


Рис. 2. Туфля с узким длинным язычком. Смоленск, первая половина XVII в.

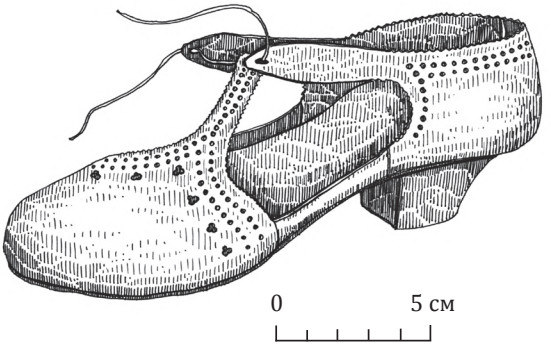


Рис. 3. Туфля с язычком и черезподъемными ремешками. Смоленск, первая половина XVII в.

Рис. 4. Обувные клейма. Смоленск. 30–40-е гг. XVII в.

На остальной территории России материалы археологических коллекций XVII в. демонстрируют продолжение развития традиционных русских моделей и технологий. Следы каких-либо массовых инноваций там не прослеживаются, а разнообразие обувных фасонов (форма носка, новые виды декора) можно относить к течениям моды, не затрагивающим основных принципов технологии раскроя и сборки. Не происходит в это время и качественного изменения кожевенного товара, как это случается в конце XIII в., после того, как Русь становится частью Улуса Джучи. На рубеже XIII–XIV вв. под влиянием контактов со странами Востока русские кожевники осваивают новые технологии киселевания и залички, благодаря которым была освоена выделка толстых кож.

Таким образом, в XVII столетии на большей части российской территории не происходит каких-либо существенных изменений в технике раскроя и сборки обуви, вызванных появлением новых видов кожевенного товара, как это было на рубеже XIII–XIV вв.

3. Изменения моды

Обувные коллекции, собранные при раскопках русских городов, наряду с данными письменных источников указывают на то, что в XV–XVI вв. проникновение западноевропейских черт в костюме было эпизодическим или опосредованным и затрагивало лишь верхушку общества, никак не сказываясь на внешнем облике широких слоев населения.

В частности, обувь с заостренным и сильно вытянутым, так называемым копьевидным носком, являющаяся репликой на французские *poulaine*, была зафиксирована только в коллекциях названных выше Пскова, Полоцка, Ивангорода (рис. 5). На

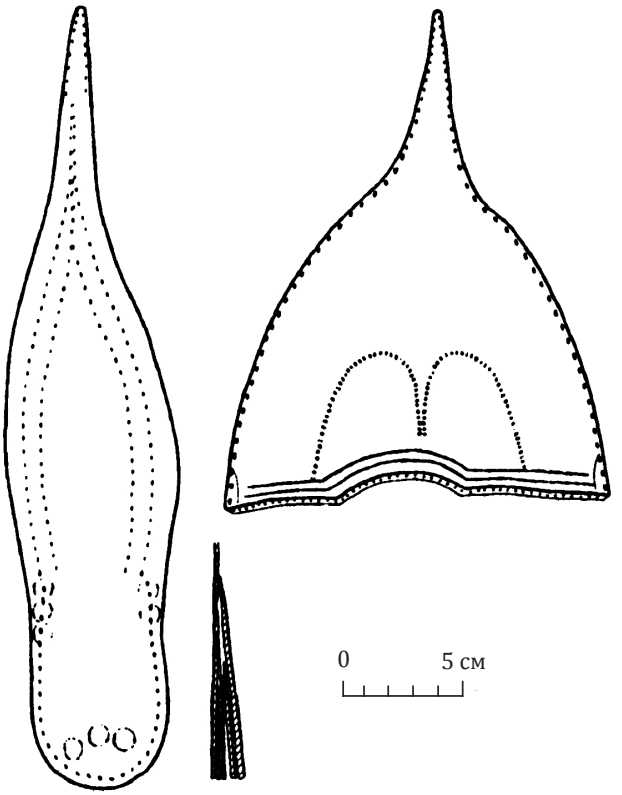


Рис. 5. Детали сапог с копьевидным носком. Псков, конец XV в.

Рис. 6. Сапоги с заостренным и вытянутым носком. Москва, рубеж XV–XVI вв.

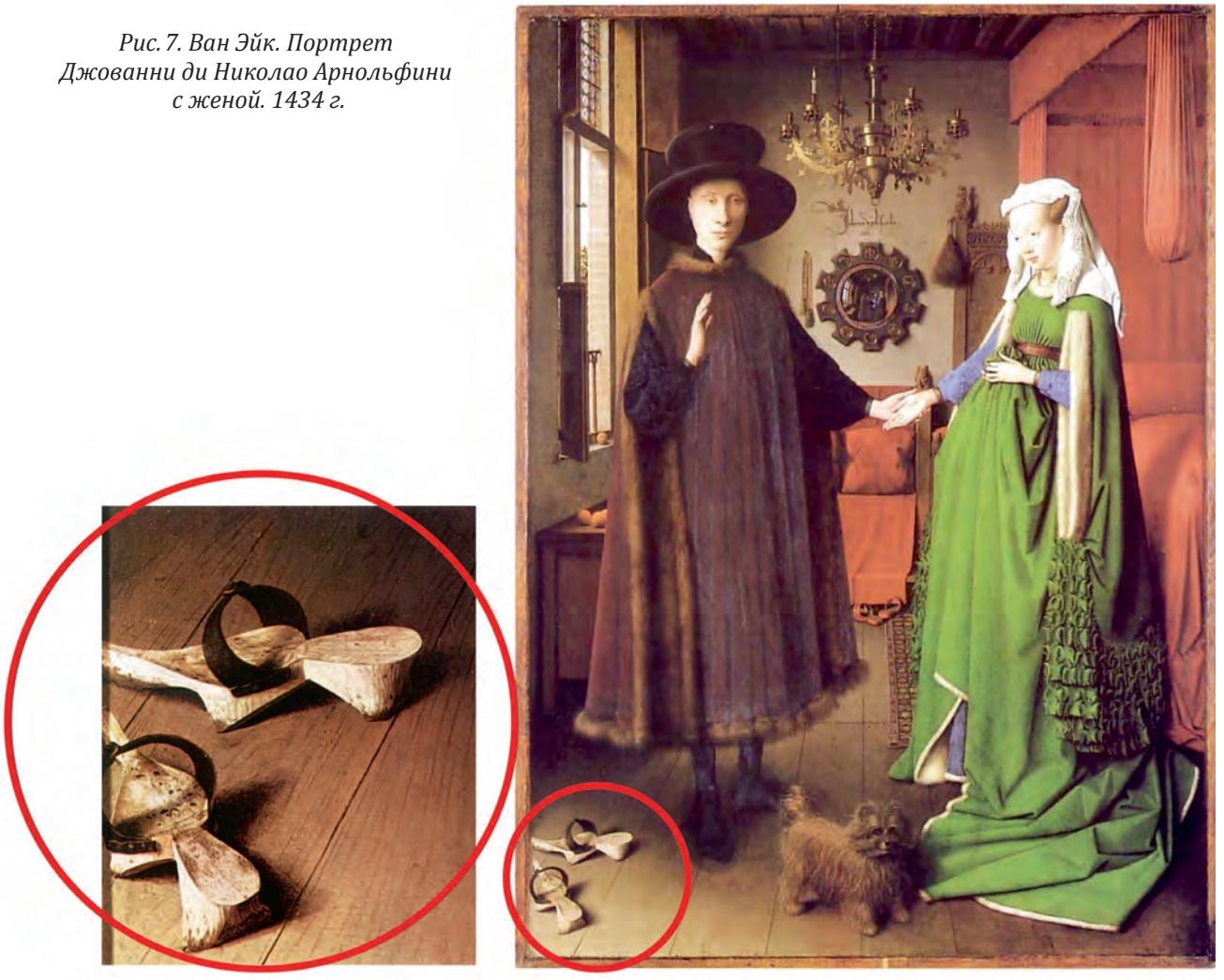


Рис. 7. Ван Эйк. Портрет Джованни ди Николао Арнольфини с женой. 1434 г.

остальной территории России сапожные головки имеют гораздо меньшую (в сравнении с *poulaine*) длину носка, не превышающую 2,5 см (рис. 6). Такая обувь, несомненно, появившаяся под влиянием французско-бургундской моды позднеготического времени, распространялась в среде небольшого количества состоятельных горожан. Подобные фасоны не получили широкого распространения в России. Просуществовав не более одного поколения, они окончательно исчезают к началу XVI в.

Если бы влияние европейской моды на формирование русского костюма в допетровскую эпоху было значительным, как это видится А. В. Курбатову, то в обувных коллекциях русских городов XVI–XVII вв. присутствовали бы образцы так называемой внешней или предохранительной обуви (*patterns, clogs, galoshes*). В частности, деревянные патины широко были широко распространены в Европе с середины XV в. В это время пробковая подошва-платформа повышается к заднику, образуя каблук. В Северной Европе подобная обувь отражена на портрете Джованни ди Николао Арнольфини (рис. 7) кисти Якоба ван Эйка (1434 г.). То же можно сказать и об обуви с тканевым верхом, широко распространенной в странах Западной и Северной Европы в XVI в. Однако о существовании в указанный период подобных моделей в русских городах никаких сведений нет.

Европейское влияние испытывало мощное сопротивление даже среди верхушки русского общества. И хотя отдельные представители столичной знати при Борисе Годунове могли носить польский или венгерский костюм, их многочисленные противники видели в этом угрозу для независимости государства и православной веры.

Лишь после воцарения Романовых движение в сторону Запада становится более уверенным, но и тогда оно сдерживалось определенными ограничениями. Так, будущий царь Алексей Михайлович, с детских лет носивший короткие (немецкие) епанчи и кафтаны, вступив на престол, был вынужден

уступить требованиям духовенства и вернуться к традиционной русской одежде[19]. Пресечению возобновившихся попыток следования европейской моде посвящен и один из последних царских указов Алексея Михайловича от 1675 г.: «…стольникам, стряпчим и дворянам московским и жильцам поведено было… чтоб они иноземских, немецких и иных избычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, тако ж и платья, кафтанов и шапок с иноземским образцом не носили и людям своим потому ж носить не велели; а буде кто впредь учнет волосы постригать и платья носить с иноземного образца, или такое ж платье объявится на людях их, и тем от великого государя быть в опале и из высших чинов написаны будут в нижние чины»[20].

Еще одна попытка следовать европейской моде происходит в короткое правление Федора Алексеевича Романова, предусматривавшего, в частности, новый регламент кроя «служивого платья»: «В лето 7189 [1680] октября в 22 ... боярам, окольничьим, думным служилым людям и всякому чину древнюю одежду – однорядки и охабни – не носити, а указал носить всякому чину служивое платье: кафтаны на подъем [короткие]»[21].

Новые преобразования также столкнулись с серьезным сопротивлением, что подчеркивают высказывания Сильвестра Медведева, писавшего: «Иностранных обычаев, чинов председательства и чети званием, не слыханным в своем государстве, именовати, такожде в одеждах и в обувах, и в пищи и в питии отнюдь вновь и внезапну вводити не подобает»[22].

Лишь во время правления Петра Великого лихорадочный рывок на Запад, названный исследователями «революционной вестернизацией», окончательно узаконил отказ от традиционных форм русской культуры. Костюму в системе проводимых в стране реформ отводилась особая роль. С 1701 по 1724 г. в России было издано семнадцать различных указов, регламентирующих правила ношения одежды европейского образца, что способствовало ее окончательному утверждению в быту российских дворян, чиновников и военных.

Результаты этих реформ подтверждает массовый археологический материал, где широко представлены модели низкой обуви (башмаки, туфли), изготовленные по европейским технологиям, что характеризует новый этап в развитии российского кожевенно-обувного производства.

[19] Рабинович М. Г. Одежда русских XIII–XIV вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 108.

[20] ПСЗ. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 1. № 607.

[21] Там же. Т. 4. № 1830.

[22] Прозоровский А. Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 37–38.

D. O. Osipov

Europeanization of the Russian Leather and Shoemaking Crafts

Key words: household archaeology, shoemaking craft, costume history, European fashion in Russia in the 15th – 16th cc.

Abstract: The article reconsiders the hypothesis of early Europeanization of leather and shoemaking crafts in Russia, which was introduced by A. V. Kurbatov. Marked by him increase in the influence of western techniques, technology and fashion on the Russian leather and shoemaking crafts was traced only in the borderline towns and does not expand on the most parts of Russia. Episodic penetration of the Western European features in the costume of the 15th – 16th cc. also affected only the top of the society with no impact on the look of people at large.

О. Н. Глазунова

История в ремесленной традиции: керамическое производство Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря во второй половине XVII в.

В основу статьи легли материалы археологических раскопок Ново-Иерусалимской археологической экспедиции ИА РАН (руководитель Л. А. Беляев) в 2009–2013 гг. Они с удивительной наглядностью демонстрируют бурную деятельность патриарха Никона, менявшую облик материальной культуры России наряду с ее политической и духовной историей[1]. В сущности, именно «проектам» патриарха Никона мы обязаны феноменом русского изразца[2]. Цветные, яркие, удивительно многообразные по сюжетам, они быстро стали популярными, почти молниеносно распространились по всей стране, украсив фасады и внеся новые краски в интерьеры.

Для крупнейшей монастырской стройки полихромные изразцы готовили десятками тысяч. Их производство было налажено патриархом Никоном раньше, еще в Иверском Валдайском монастыре, но гораздо шире развернуто на Истре. Важно, что опала и ссылка патриарха не прервали деятельность основанного им производства, оно развивалось уже самостоятельно. Пик активности пришелся на время завершения строительства монастыря в 1680–1690-х гг. В начале XVIII в. Петр I присылает сюда пленных мастеров с целью наладить изготовление полюбившейся ему голландской кафли. В дальнейшем сложившийся производственный ресурс использовал при реставрации собора архитектор И. Ф. Мичурин, а первый исследователь монастыря архимандрит Леонид (Кавелин) упоминает о том, что и в середине XIX в. в окрестностях монастыря[3] крестьяне все еще продолжали делать изразцы.

Археологические раскопки последних лет позволяют восстановить процесс керамического производства в Воскресенском монастыре с большей полнотой, во всех деталях (рис. 1).

Так, в южной части монастыря (раскоп 4) обнаружены остатки складских помещений, которые использовали во второй половине – конце XVII в. Описи эти постройки известны: «казенной амбар, а в нем резные ценинные образцы и формы»[4]. Здесь хранили подготовленные к установке архитектурные и печные изразцы, а также разнообразную глиняную посуду, в большинстве своем поливную. Среди найденных изделий нами выявлены целые серии архитектурных изразцов, так и не включенных в систему декора Воскресенского собора.

Не менее интересны зоны, где отложился керамический брак, особенно изразцы после первого обжига еще без поливы. Их завалы использовали для подсыпки под южную и восточную стены монастыря, а также как заполнение его старого восточного рва при строительстве новых каменных стен (1680–1690 гг.). Обнаружение здесь развалов можно было предполагать, так как опись 1679 г. отмечает: «против городовых ворот… печь, что образцы обжигают»[5].

[1] См.: Беляев Л. А. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. 2013. № 1. С. 30–41; Его же. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь: археология и вопросы реставрации // Реставрация и исследования памятников истории и культуры. М., 2012. Вып. 5. С. 23–30. В этих же выпусках – серии статей по частным вопросам археологии Воскресенского монастыря.

[2] Баранова С. И. Русский изразец: записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 432 с.

[3] Леонид (Кавелин), архимандрит. Ценинное дело в Воскресенском Новый Иерусалим именуемом монастыре // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1876. № 11–12. С. 84 (отд. IV).

[4] ОР РГБ. Ф. 178. Д. 871 (Отписные книги Воскресенского, что на Истре, монастыря. Опись 1685 г.). Л. 193 об.

[5] Опись 1679 г. (л. 191) цит. по: Зеленская Г. М. Использование строительных материалов в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима по письменным источникам XVII в. // Русский мир в мировом контексте: сб. ст. и материалов всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Рубцовск: Пермяков, 2012. С. 115.

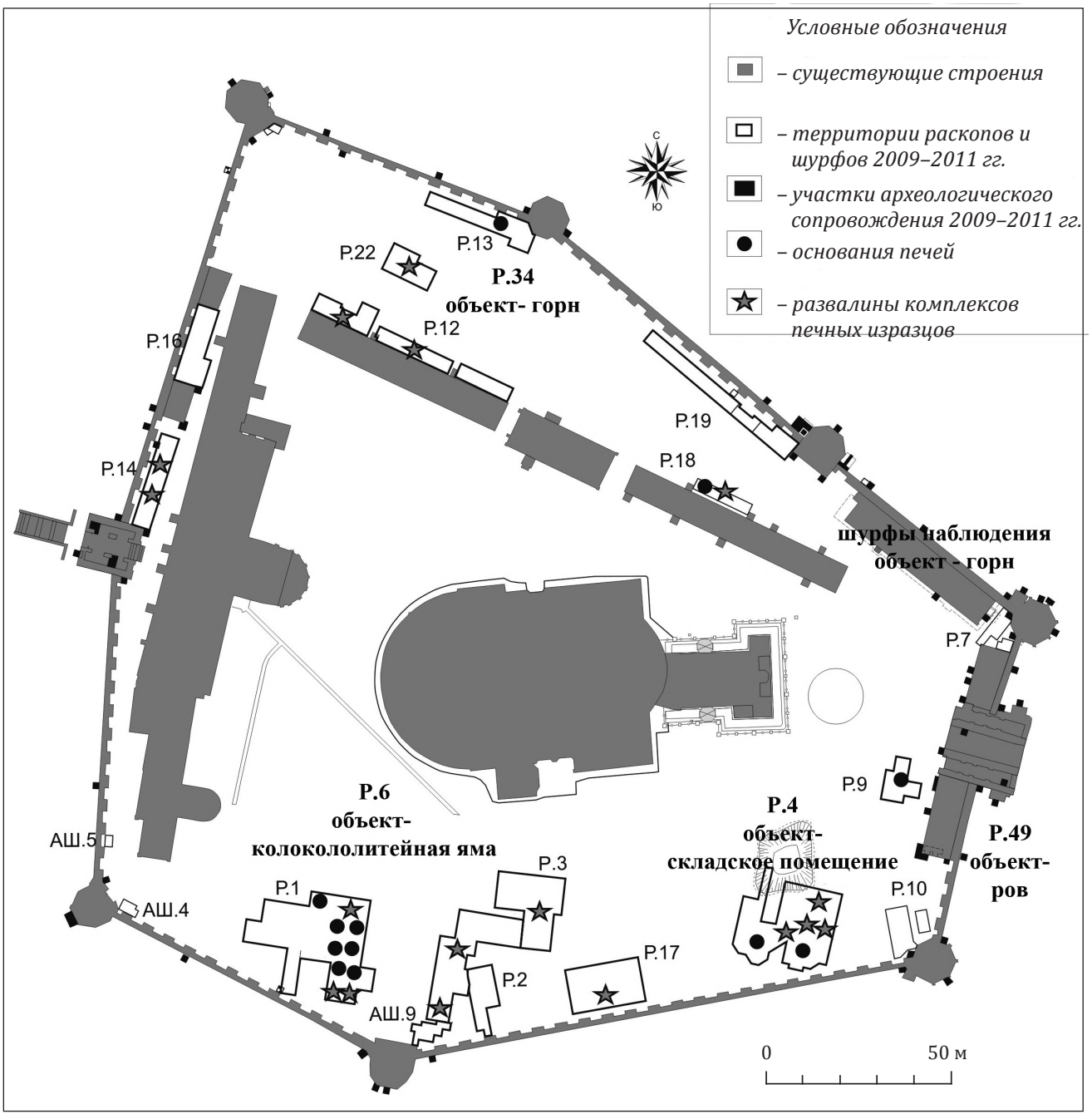


Рис. 1. Схема Ново-Иерусалимского монастыря с указанием открытых раскопками 2009–2013 гг. оснований печей, развалов печных изразцов, керамических горнов, наиболее крупных развалов керамического брака, остатков склада керамической продукции и скопления изразцов первоначального декора собора

В огромных развалах первого строительного периода мы находим не только обычный брак, но и отходы от многочисленных экспериментов по производству доселе неизвестных форм, лишь частично дублирующих найденные в складских помещениях с юга. Кроме изразцов, встречены: бракованные глиняные игрушки; свинцово-оловянистые шайбы (отходы производства поливы – остаток, образующийся при приготовлении свинцового глета); глиняная форма для отливки нательных крестов. Исключительно интересна уникальная керамическая икона Спаса Вседержителя – прямоугольный изразец шириной 39,5 см и высотой 36,0 см. Помимо формовки изображение было доработано скульптурными методами – прочерчены пряди волос и т.д.[6]. По-

[6] Предварительная публикация иконографического характера: Беляев Л.А. Керамические иконы Христа в Ново-Иерусалимском монастыре: предварительная публи-

видимому, при обжиге произошла деформация, приведшая к растрескиванию лицевой пластины; горизонтальная трещина прошла через весь изразец по краю верхнего века лика, справа налево.

Очень много изразцов от изначального декора собора получены внутри, в южной части монастыря – они были использованы как заполнение колоколитейной ямы, которую засыпали песком и завалили обломками керамического декора первоначального собора, вероятно, после обрушения шатра в 1723 г.

На памятнике обнаружены также десятки печных развалов, позволяющих реконструировать облик этих характерных деталей интерьера. Комплекты времени первого строительного периода демонстрируют признаки разного времени и стиля. Тут есть остатки архаичных «московских» красноглиняных широкорамочных изразцов, а также комплекты муравленых узкорамочных (имеют прямые аналогии в культуре восточной части Польско-Литовского государства XVII в.); редкие в Московии изящные печи Северной Европы, выполненные в сине-белой гамме с изысканным ковровым узором зеркала и сложными многофигурными композициями фризов; яркие многоцветные печи в традициях южных стран Европы.

Сохранились и остатки керамических горнов XVIII в., открытые к настоящему времени в северо-восточной части монастыря[7]. Вокруг горнов найдены изразцы на разных стадиях изготовления, бракованные изделия (в том числе со значительными дефектами поливы), глиняные штампы для изразцов, многочисленные обломки технической посуды (плошек для варки поливы) и обломок глиняной формы для отливки металлической накладки. Керамические горны располагались здесь же и в XVII в. («К берегу реки Истры изба болшая, в ней делают мастеры ценинные образцы, а подле ея горнъ болшой двое челной (то есть с двумя очельями. – *О. Г.*) с трубы»[8]). Слой второй половины XVII в. в этой части монастыря насыщен обломками заготовок печных и архитектурных изразцов первого строительного периода, бракованными изделиями. Здесь так же, как и в развалах из восточного монастырского рва, встречаются остатки свинцово-оловянистого сплава, образующегося при варке поливы, и обломки глиняных штампов для изразцов и мелких металлических изделий.

Особое место среди находок занимают заготовки для первоначального декора Подземной церкви: обломки изразцов керамического креста, фрагменты белоглиняной скульптуры (Распятия), необычно крупные крылья и детали арочных пролетов, украшавших барабан. Одновременно в тех же печах обжигали посуду, глиняные грузила и керамические изделия неясного назначения, многие из которых встречены нами впервые или не получили распространения. Среди них – сосуды очень сложной конструкции с двойными стенками (несколько разновидностей), вероятно, это кадильницы, лампадки и множество чернильниц (разных форм и размеров). В Богоявленской пустыни обнаружено уникальное изделие – поливная керамическая фляжка в виде книги[9].

В числе керамических изделий – поливные плитки сложносоставного пола, один раппорт которого составляли не менее восьми плиток разных цветов и форм. Их техника изготовления была чрезвычайно сложной: поверх красноглиняной шестиугольной плитки (толщиной 4,5 см) примазывалась тонкая пластина (толщиной около 2 см), выполненная из свернутых в своеобразный рулет пластов белой и красной глины (рис. 2).

Новая технология цветных эмалей использована и для посуды. Состав и метод был единым, но разнородность изделий неизбежно сказывалась: на крупном изразце огрехи поливы не так заметны, а на тонких стенках кружек и другой столовой посуды они воспринимаются как брак (рис. 3). Можно проследить, как мастера приноравливались к новому для них процессу и успешно решали возникающие задачи, благодаря интересному набор изделий, собранных только в одном, причем единовременном, комплексе (в основном в складских помещениях юга). Среди изготовленной, но не использованной поливной посуды выделяются тонкостенные сосуды, в основном из белой или светлой глины, покрытые тонким равномерным слоем поливы. Есть изделия из местных красножгущихся глин хорошего качества, с малым количеством примесей в тесте, ровными стенками и равномерным слоем поливы. Наконец, есть посуда с неравномерной толщиной стенок, большим количеством примесей в тесте, грубым орнаментом и толстыми затеками поливы, небрежно выполненная. Ясно, что для пополнения запасов склада трудились несколько гончаров с разным опытом работы, разными традициями. Эта посуда совершенно не похожа на изделия московских гончаров XVII в. Часть форм имеет аналоги в керами-

кация находок 2014 года // В созвездии Льва: сб. ст. по древнерус. искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2004. С. 48–61.

[7] Можно даже указать предположительный год постройки этого горна – 1710, так как известна переписка по этому поводу стряпчего Саввы Кудрявцева. См.: Леонид (Кавелин), архимандрит. Целинное дело … С. 85. Кроме того, и сам горн и гончарную мастерскую в помещении Солодовых палат фиксируют монастырские описи 1727 и 1763 гг. (Опись 1727 года цит. по изданию: Его же. Историческое описание Ставропигиального Новый Иерусалим именуемого монастыря, составленное по монастырским актам. С приложением портрета патриарха Никона, писанного в 1650 г. М., 1876. С. 157; РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 81. (Опись Воскресенского Нова-Иерусалимского монастыря 1763 г.). Л. 6, об.

[8] ОР РГБ. Ф. 178. Д. 871 (Отписные книги Воскресенского, что на Истре, монастыря. Опись 1685 г.). Л. 288–288 об.

[9] Беляев Л. А., Глазунова О. Н. Вино и чернила: керамические «книги» из Подмосковья: (предварительная публикация) // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. М.: Индрик, 2014. С. 341–350.

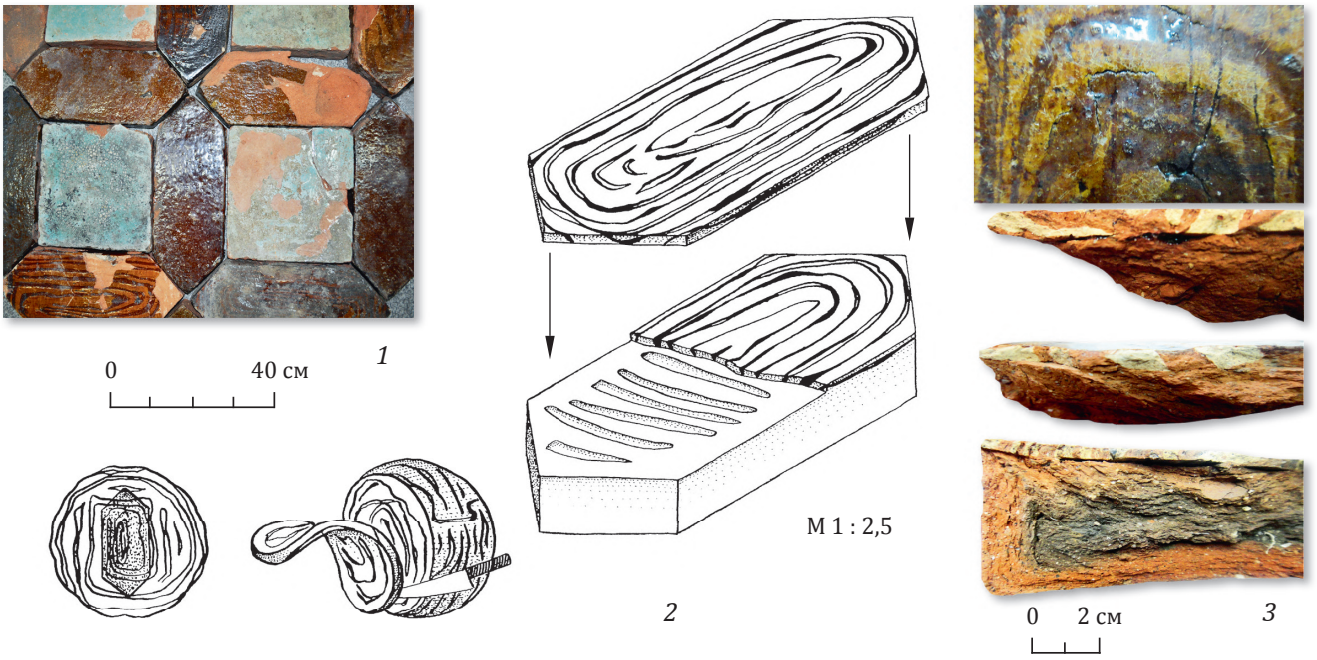


Рис. 2. Поливные плитки пола: 1 – фрагмент рисунка пола, собранный из найденных при раскопках плиток, 2 – технология производства плиток пола; 3 – отдельные части плиток пола

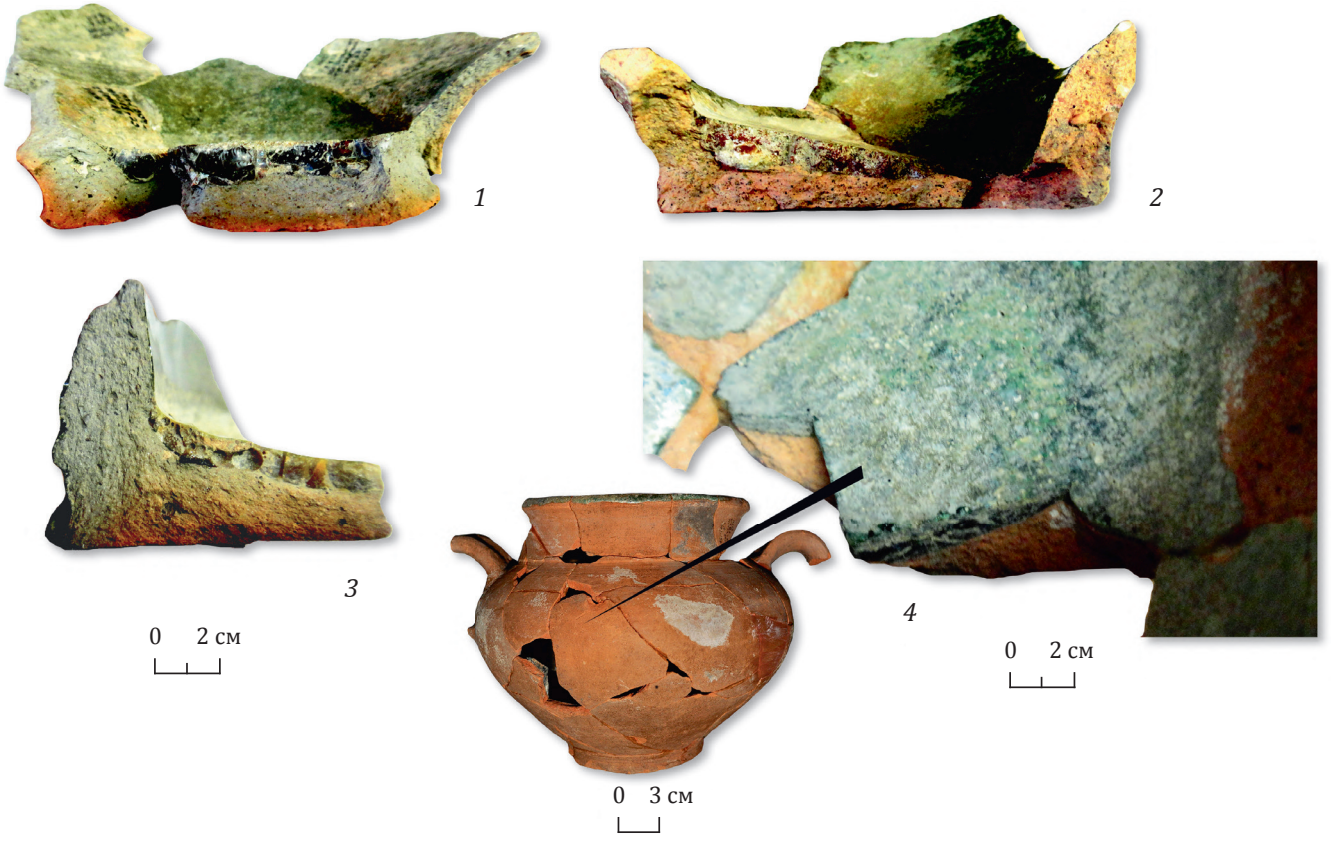


Рис. 3. Затеки поливы на сосудах: 1–3 – на донцах, 4 – на стенке

ке Запада (трехногие поливные сковородки, глиняные миски), другие берут начало на Востока (прямостенные кружки с прямыми псевдозооморфными ручками, орнаментированные кувшины).

Социально-экономически организация производства в Воскресенском монастыре повторяла царские (государственные) предприятия. Известно, что печные изразцы делали не только для самого монастыря, но и для подарков, а также на продажу. Видимо, это же относилось к сравнительно редкой еще и ценимой тогда в России поливной посуде.

Удается в деталях проследить технологические приемы, усвоенные и разработанные ценинниками Нового Иерусалима. Цветные эмали не являются абсолютно глухими, поэтому для них нужна основа из белых (неожелезненных или слабоожелезненных) глин. Вблизи монастыря месторождений таких глин нет. В слое раннего освоения территории встречены изразцы, изготовленные полностью из белой глины – но это единичные экземпляры. Интересно наблюдать, как пытались сэкономить белую глину, не жертвуя полнотой цвета. Пробовали делать из нее только пластину изразца, вытягивая затем румпу из красной глины. Но столкнулись с технической проблемой: соединить детали из разных типов глины сложно, стык становится слабым местом, да к тому же белой глины всё равно шло слишком много, ведь изразцы в монастыре делали в промышленном масштабе (рис. 4). Методом проб и ошибок, результаты которых мы наблюдаем в отвалах бракованных изделий, была найдена новая методика. На раскатанный, приготовленный к оттискиванию ровный слой красной глины накладывали толстый семимиллиметровый слой ангоба, затем подсушивали. Полученный пласт вбивали в форму. Поверхность изделия становилась гораздо

Рис. 4. Изразец с белоглиняной лицевой пластиной и красноглиняной румпой

Рис. 5. Ангобирование изразцов: 1, 2 – примеры ангобирования, 3 – разные оттенки конечного ангоба, 4 – неравномерность слоя белой глины

светлее и уже не искажала цвет поливы, а глины плотно соединялись, как бы втекали одна в другую (при описании изделий этот метод называют ангобированием, но фактически это другая методика). Так изготавливали и печные, и архитектурные изразцы. Слой белой глины на поверхности архитектурных изразцов достигает толщины в 5–6 мм, хотя обычно колеблется в районе 2–3 мм. На части изделий он именно белый, на части имеет розоватый оттенок[10] (рис. 5).

Хотя и для «ангобирования» требовались тысячи возов белой глины (документы фиксируют доставку ее в монастырь) – это, видимо, было осуществимо и позволяло успешно завершить грандиозное строительство. Заготавливали глину в издревле известном месторождении в Боровичах, приписанном в 1654 г. к Иверскому монастырю, с которого, как уже сказано, началась организации изразцового производства Никона. В 1655 г. там провели «отыскание глины, из коей началась выделка изразцов»[11]. А в 1663 г. патриарх дал указ «накопать к церковному и каменному строению белой глины возов с тысячю»[12] и отпра-

[10] Выражаю благодарность мастерам-изразечникам петербургского ООО «Образ», проверившим предложенную методику на практике.

[11] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: тип. М. Эттингера, 1878. Т. V. С. 146.

[12] Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706). Стб. 499 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: тип.

вить в Воскресенский монастырь. Судя по грамотам Никона к архимандриту Иверского монастыря, глину отправляли регулярно по 100 телег, задержки при этом были крайне нежелательны. По крайней мере, в монастырской переписке встречаются грамоты «с требованием ответа, по какому случаю остановлено копание белой глины?» [13].

Изразцы Воскресенского собора современникам казались просто чудом. Даже столь сухой документ, как опись 1685 г., приводит удивительно эмоциональную характеристику декора: «поясы и подзоры видением и красотою зело различны… поясы ценинные зделано красоты ради в прибавку сверх росписи иеросалимской»[14]. Изразцовое убранство Нового Иерусалима до сих пор поражает воображение не только обилием, грандиозностью общего замысла, чистотой цветового решения – оно продумано до мелочей.

Однако всё сказанное касается только первого строительного периода. При внимательном рассмотрении изразцовых конструкций уже второго строительного периода становится очевидным, что стройность первоначального замысла утрачена. Композиции собирали грубо, без тщательной стыковки рисунка, из случайно подобранных изразцов. Видны подтески, добавки, неправильно собранные участки. Местами вставлены печные изразцы, более или менее подошедшие по размеру. Интересно, что все использованные в декоре печные изразцы заготовлены в первый строительный период. В конце XVII в. в Новом Иерусалиме ставили уже совершенно другие печи. Скорее всего, использовались старые запасы строительной керамики, хранившиеся в монастыре, – конечно, не только печной, но и архитектурной (остатки такого склада на раскопе 4 мы уже упоминали). При этом, однако, производили и новые изразцы[15].

Еще сильнее разнятся с первоначальным декором изразцовые чинки времен реставрации собора И. Ф. Мичуриным. Производство специально возобновили, но отличие новопроизведенных изделий просто разительно – они небрежно сделаны, композиции значительно искажены, пропорции не соблюдаются. Совершенно иной стала цветовая гамма. Впрочем, в последнем Мичурина винить трудно. Тот чудный, глубокий кобальтовый фон, который отличает изделия времени Никона, нигде более не повторен. Дело, видимо, в конкретном рецепте, в отсутствии полного состава необходимых компонентов. В скобках отметим, что в Московской гончарной слободе, куда попали после опалы Никона мастера изразечники Нового Иерусалима, метод ангобирования поверхности изразцов не применялся, и глухие эмали клали непосредственно на красную глину. При И. Ф. Мичурине изразцы для реставрации собора делали именно по этой упрощенной технологии. При раскопках заготовки «мичуринских» изразцов обнаруживаются, и следов ангобирования белой глиной на них нет. Тем не менее, конечно, попытка сохранить и воспроизвести изразцовый декор симптоматична, это огромный шаг вперед в разработке подходов к реставрации памятников архитектуры в России: И. Ф. Мичурин явно воспринимал декор как важную, неотъемлемую особенность всего этого необычного памятника.

Собрав в монастыре мастеров Московии и Европы, поставив во главе них художника Петра Заборского, который смог поднять изразцовое производство на новый уровень, патриарх Никон определил одну из характерных черт культуры России, пережившую столетия. Традиция поливной керамики сохраняла (и сохраняет до сих пор) важную роль в строительстве, что отчетливо показано в работах С. И. Барановой и ее предшественников. Производство достаточно простой поливной посуды с опалой патриарха фактически прекратилось, оно не имело будущего в силу объективных цивилизационных и экономических обстоятельств: не за горами было массовое производство настоящего фаянса и фарфора. Однако производство из глазурованной керамики разнообразных жаропрочных (в том числе технических) сосудов (жаровен, противней, тиглей) и устройств, от которых требуется устойчивость к воздействию внешней среды (трубы подземных коммуникаций и т. п.), получит определенное развитие в XVIII, XIX и даже XX в.

М. Эттингера, 1878. T. V. С. 325, 330; Зеленская Г. М. Указ. соч. С. 118.

[13] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: тип. М. Эттингера, 1878. T. V. С. 333.

[14] ОР РГБ. Ф. 178. Д. 871 (Отписные книги Воскресенского, что на Истре, монастыря. Опись 1685 г.). Л. 201 об.

[15] Зеленская Г. М. Указ. соч. С. 118.

O. N. Glazunova

History of Craft Tradition: Ceramic Production of the Voskresensky (Resurrection) New Jerusalem Monastery of the Second Half of the 17th Century

Key words: a glazed ceramic tile, engobe, enamel, glaze, technology, New Jerusalem, Patriarch Nikon.

Abstract: The article discusses the establishing of ceramic (first of all tiles) craft of the New Jerusalem Monastery and of some principles of its organization. The development of the technology of application of colored enamels on items made from red-burning clays with the help of special technique of engobing (by beating into the mould a thin layer of white clay) is described.

А. Ю. Кабанов

Слободы и их судьбы в XVII в. (на примере Суздальского уезда)

В Московском государстве получил довольно широкое распространение такой тип сельского поселения, как слобода или слободка. Вопросы их статуса, эволюции, генезиса в XVII в. представляются недостаточно изученными. Попробуем рассмотреть эти вопросы на примере поселений данного типа, входивших в рассматриваемый период в состав Суздальского уезда.

По подсчетам Д. А. Черненко, в первой трети XVII в. в Суздальском уезде насчитывалось шесть слобод и слободок. Это Холуй, Гавриловская слобода, Богоявленская, Шиповская, Решемская и Ивановская слободки. Правда, автор ошибочно полагает, что все они принадлежали монастырям или вотчинникам[1] (как минимум две из них – Гавриловская слобода и Решемская слободка – были дворцовыми). Шиповская слободка и Гавриловская слобода находились в Опольском стане. Ивановская слободка поначалу входила в Кохомскую волость, а затем, после ликвидации волости Кохма, также вошла в состав Опольского стана. Холуй и Богоявленская слободка входили в состав Стародуб-Ряполовского стана, а Решемская – в волость Юхма. Две из рассматриваемых слобод – Шиповская слободка и Гавриловская слобода – известны с первой половины XV в.

По мнению В. А. Кучкина, Шипова слободка отпочковалась от с. Шипова, находящегося на левом берегу реки Ирмес и, по данным археологии, возникшего в XI–XIII вв.[2]. Судя по отрывочным сведениям, Шиповская слободка в середине XV в. была родовым владением князей суздальского дома, затем князем Иваном Можайским была продана боярину Петру Константиновичу Добрынскому[3]. Как следует из докончания князя Дмитрия Юрьевича с суздальскими князьями, составленного в 1445 г., еще при князе Дмитрии Константиновиче слободка входила в удел суздальских князей[4]. В докончании великого князя Василия Васильевича с суздальским князем Иваном Васильевичем фигурирует Слободка на Ирмесе, которую суздальский князь вместе с прилегающей территорией уступает великому князю. Не подлежит сомнению, что речь идет о Шиповой слободке[5]. В феврале 1539 г. великий князь Иван Васильевич передал Шипову слободку Суздальскому Покровскому девичьему монастырю[6].

Договор великого князя Василия Васильевича с князьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным, датируемый 1434 г., свидетельствует, что князю Александру Ивановичу, зятю великого князя, происходившего из суздальско-нижегородских князей, принадлежало два села Гавриловских[7]. Одно из них, расположенное на р. Ирмесе, к середине следующего столетия стало называться дворцовой Гавриловской слободой. Гавриловская слобода уже в конце XVI в. располагала государевыми конюшнями[8]. Сохранилась челобитная крестьян дворцовой непашенной Гавриловской слободы Лжедмитрию I от 6 апреля

[1] Черненко Д. А. К характеристике сельских поселений центральных районов России первой трети XVII в.: по материалам писцовых книг // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2003. № 4. С. 64.

[2] Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV веках. М.: Наука, 1984. С. 202.

[3] Назаров В. Д. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XVI века // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2002. Вып. 7. С. 55, 68.

[4] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVII вв. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 120.

[5] Там же. С. 156.

[6] Антонов А. В., Маштафаров А. В. Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2004. Вып. 10. С. 278, 290.

[7] Кучкин В. А. Указ. соч. С. 202.

[8] Маштафаров А. В. Явочные челобитные 1568–1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2003. Вып. 9. С. 303.

1606 г., из которой следует, что уже в то время в слободе проживало значительное количество непашенных крестьян, которые торговали различными товарами, прежде всего хлебом, в Суздале[9]. Лжедмитрий II отдал Гавриловскую слободу в «кормление» отрядам Я. П. Сапеги[10]. Сохранились сведения, что уже тогда в слободе были торговые люди. До нас дошла челобитная торгового человека Мишки Горохова гетману Сапеге на бесчинства пристава пана Яноша, датированная концом 1608 г.[11]. В отписке воеводы Ф. Плещеева Сапеге, составленной в ноябре 1608 г., имеется прямое указание на то, что жители Гавриловской слободы обладали статусом посадских людей[12]. К лету 1609 г. Гавриловская слобода была крайне разорена[13]. В начале 1610 г. она была освобождена от тушинских отрядов А. Лисовского и А. Просовецкого войском князя А. В. Лобанова-Ростовского[14]. В июне 1610 г. польский король Сигизмунд пожаловал с. Гавриловская слобода новая и старая с приселками и деревнями князю Юрию Дмитриевичу Хворостинину[15]. В ноябре – декабре 1611 г. ее занял отряд гетмана Каменского, направлявшегося в Замосковье для зимовки и пополнения запасов[16].

Первое упоминание о слободе Холуй в документах относится к 1546 г. Уже к этому времени это был известный центр солеварения. Иногда он фигурировал под названием Холуйского Усолья и вместе с окрестностями принадлежал к дворцовым владениям[17]. Часть варниц принадлежала Суздальскому Спасо-Евфимьеву, Владимирскому Рождественскому и Киржачскому монастырям[18]. Через слободку Холуй в 1549 г. шел на Балахну, Нижний Новгород и далее на Казань царь Иван Васильевич[19]. К 1582 г. Холуй уже значится посадом, в котором была слободы Троице-Сергиева, Киржачского Благовещенского, Спасо-Евфимьева и Владимирского Рождественского монастырей[20]. В Смутное время посад Холуй был одним из центров сопротивления тушинцам[21]. Только в марте 1609 г. повстанцы в Холуе были разбиты[22].

С. Даниловское (Решма), центр крупной волости Юхма, также известно с середины XVI в. Но Решемская слободка появляется уже в рассматриваемый нами период. К первой трети XVII в. относятся и первые известные нам сведения о Богоявленской и Ивановской слободках. Первая принадлежала князьям Ромодановским и возникла вокруг одноименного монастыря. Вторая появилась в волости Кохма, родовой вотчине князей Скопиных-Шуйских, рядом с с. Иваново. Несмотря на то, что слободы Суздальского уезда серьезно пострадали от событий Смутного времени, они в этот период служат убежищем для беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря[23].

Следует в целом согласиться с оценкой Д. А. Черненко, который считает, что в первой трети XVII в. слобода Суздальского уезда – это либо земледельческое, либо ремесленно-земледельческое поселение. На общем фоне выделялась Холуйская слобода, в которой уже тогда были кузнецы, рыбаки, иконники, кирпичники, портные и сапожники. Кроме того, продолжали работать соляные варницы. Писцовые материалы конца 1620-х гг. фиксируют наличие «непашенных дворов» лишь еще в двух слободах – Гавриловской (17 дворов «непашенных» бобылей) и Богоявленской (2 двора кузнецов и 1 пастушеский)[24].

В 1613 г. посад (посадец) Холуй был пожалован в вотчинное владение боярину князю Д. М. Пожарскому и оставался в собственности Пожарских вплоть до пресечения их рода в 1682 г.[25]. Затем «беспашенная» слобода Холуй была пожалована в вотчину дочерям князя Д. П. Голицына[26]. Еще в период жизни Д. М. Пожарского из оборота исчезает термин «посад», и Холуй фигурирует в документах в качестве слободы или слободки. Из переписных книг М. Трусова и подьячего Ф. Витовтова 1627–1629 гг. известно, что в слободе Холуй было 23 крестьянских и 24 бобыльских двора, соляные варницы, кабак. Уже тогда в слободе было

[9] Там же. С. 333.

[10] Сборник князя Хилкова. СПб.: тип. братьев Пантелеевых, 1879. С. 89.

[11] АИ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1841. Т. II. С. 153–154.

[12] Там же. С. 191–192.

[13] Там же. С. 276–277.

[14] Акты Московского государства. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1890. Т. I. С. 111.

[15] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: тип. Э. Праца, 1851. Т. IV. С. 355.

[16] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1872. Т. I. Стб. 281–282.

[17] Юрганов А. Л. О Стародубском «уделе» М. И. Воротынского и стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. М.: Ред.-изд. отдел ЦГА, 1992. Вып. 2. С. 62.

[18] Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М.: Памятники ист. мысли, 1998. С. 117.

[19] Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Наука, 1977. Т. I., ч. II. С. 371.

[20] Акты Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря … С. 397.

[21] Сборник князя Хилкова. С. 49; АИ. Т. II. С. 198; Новый летописец // Хроники Смутного времени. М.: Фонд С. Дубова, 1998. С. 328.

[22] Сапега Я. П. Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611). М.; Варшава: Древлехранилище, 2012. С. 105. (Памятники истории Восточной Европы; т. IX).

[23] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. М.: ЦентроархАив РСФСР, 1929. Т. 1. С. 216, 243.

[24] Черненко Д. А. Указ. соч. С. 64.

[25] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: тип. С. Селивановского, 1822. Ч. III. С. 224–227; Эскин Ю. М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 152–153.

[26] Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 214, 356.

два торга: «на Введеньев и на Фролов дни»[27]. Эти торги со временем трансформировались во Введенскую и Фроловскую ярмарки, к которым уже в XVIII в. добавились еще две – Тихвинская и Никольская[28]. В XVII в. через Холуй проходила дорога из Владимира на Балахну и Нижний Новгород[29]. Через Холуй проходил «струговый ход» от Шуи по Тезе в Клязьму, Оку и Волгу и вплоть до Астрахани. Теза была единственным левым притоком Клязьмы, по которому могли проходить суда. Уже во второй половине 1630-х гг. известны как минимум три жителя Холуйской слободы, имевшие свои струги и занимавшиеся доставкой товаров[30]. Слобода находилась в самом центре распространения офенства – крестьянской мелочной торговли[31]. По мнению Ю. В. Готье, к этому времени он становится промышленным «центриком» Суздальского уезда. Наряду с Мстерой и Палехом, Холуй составляет признанный центр русской иконописи[32]. Население Холуйской слободки в рассматриваемый период быстро растет, причем с преобладанием беспашенных крестьян и бобылей. В 1646 г. в слободе насчитывалось 96 дворов и 263 человека мужского пола. А к 1678 г. число дворов возросло до 190, в них проживало 320 душ мужского пола[33]. В следующем столетии Холуй был одним из центров приготовления суровых миткалей для ивановских мануфактур, но ни промышленным, ни городским поселением так и не стал[34]. Из-за сокращения офенской торговли и изменения путей сообщения Холуй остался сельским населенным пунктом, будучи при этом центром лаковой миниатюры и иконописи.

В рассматриваемый период через Гавриловскую слободу проходила дорога, связывающая Москву, Переславль-Залесский и Ростов с Костромой[35]. К концу рассматриваемого периода в Гавриловской слободе появилась довольно значительная Андреевская ярмарка[36]. К 1630-м гг. Гавриловская слобода в писцовых описаниях называется «непашенным селом». В это время в ней имелось 130 дворов, в которых было 183 непашенных крестьянина. Согласно писцовым книгам 1674–1677 гг., в с. Гавриловская слобода было 106 дворов, в которых значилось 293 непашенных крестьянина. К тому времени в слободе получил широкое развитие кузнечный промысел, имелось 13 кузниц. Были развиты также сапожный, сыромятный, овчинный и рукавишный промыслы. Кроме того, имелись калашники, мясники, хлебники, извозчики и разные торговые люди. Некоторые гавриловские крестьяне промышляли продажей строительных материалов, в частности деревянных срубов. В слободе была церковь, двор приказчика и государева конюшня[37]. Во второй половине XVII в. Гавриловская слобода целиком была населена непашенными крестьянами, которые в основном занимались торговлей[38]. У слободы имелись приселки Володятин, Городище и Арышев[39].

К концу XVII в. Гавриловская слобода имела все признаки городского поселения, но оставалась дворцовым селом еще почти 100 лет. К концу XVIII в. в слободе действовало несколько крупных полотняных фабрик, проживало 314 лиц купеческого звания. И лишь в 1789 г. было удовлетворено ходатайство жителей об учреждении посада Гавриловская Слобода[40].

Богоявленская слобода в рассматриваемый период принадлежала князьям Ромодановским[41]. Еще в начале XVII столетия в Богоявленской слободе, как и в Холуе, начал развиваться иконописный промысел. К середине века иконопись и обучение иконописанию получили дальнейшее распространение. Население слободки быстро росло. Если в 1646 г. в ней имелось 86 дворов и 160 душ мужского пола, то к 1678 г. число дворов составляло 158, а душ мужского пола – 335[42]. Сегодня это известное с. Мстера.

Писцовые материалы 1640-х гг. фиксируют наличие Решемской слободки на Волге, относящейся к дворцовому с. Решма (Даниловскому), центру волости Юхма[43]. В июле 1689 г. с. Решма и Юмохонская волость

---

[27] Владимирский сборник: материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / составил и издал К. Тихонравов. М.: Университет. тип., 1857. С. 27.

[28] Там же. С. 29.

[29] Петров В. А. Географические справочники XVII в. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 113.

[30] Булгаков М. Б. Судоходное торговое движение по реке Клязьме в 30-е годы XVII века // Российская реальность конца XVI – первой половины XIX в.: экономика, общественный строй, культура: сб. ст. к 80-летию Ю. А. Тихонова. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 77, 93.

[31] Владимирский сборник. С. 31.

[32] Муравьева Л. Л. Материалы писцовых, переписных и приходно-расходных книг о торгово-промышленном населении русской деревни второй половины XVII века // Археографический ежегодник за 1962 год. М.: Наука, 1963. С. 182.

[33] Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. М.: [ИРИ РАН], 1996. С. 100.

[34] Нижегородский сборник. Н. Новгород: тип. Нижегородского губ. правления, 1867. Т. 1. С. 51.

[35] Петров В. А. Указ. соч. С. 104.

[36] Волков М. Я. Центры ярмарочной торговли в Европейской России в первой четверти XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М.: Наука, 1984. С. 165.

[37] Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 180.

[38] Индова Е. И. Дворцовое хозяйство России первой половины XVIII века. М.: Наука, 1964. С. 27.

[39] Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2007. Вып. 3: Писцовые книги Восточного Замосковья. С. 304.

[40] Разгон А. М. Промышленные и торговые слободы и села Владимирской губернии во второй половине XVIII в. // Исторические записки. М., 1950. Т. 32. С. 162–165.

[41] Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 3. С. 304.

[42] Шватченко О. А. Указ. соч. С. 102.

[43] Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 3. С. 304.

были пожалованы ближнему боярину князю Василию Васильевичу Голицыну, но вскоре были конфискованы и вернулись в дворцовое ведомство[44]. Жители Решемской слободки активно торговали, в том числе в Москве и Устюге Великом. Основным предметом торговли были масло животное, кожа, пушнина, холст[45]. В следующем столетии с. Решма превращается в дворцовую слободу. Часть его населения занимается хлебопашеством, а около половины жителей занималось винокурением и торговлей хлебом и рыбой[46].

Весьма интересной представляется история Ивановской слободки. В челобитной княгини Е. В. Бахтеяровой-Ростовской царю Михаилу Федоровичу имеется выпись из Земляного списка 1617 г. о вотчине вдовы князя М. В. Скопина-Шуйского княгини Александры Васильевны: «Вотчины за нею в Суздале в Кохме село Семеновское да село Рожественское да село Ивановское да слободка с деревнями, 3106 чети»[47]. После пресечения рода Скопиных-Шуйских эта вотчина досталась их ближайшему родственнику – князю И. И. Шуйскому. Сохранилась челобитная шуянина Григория Васильева царю Михаилу Федоровичу от 13 сентября 1636 г., в которой он обвиняет в поклепе шуянина Андрея Неупокоева и его братьев Илью и Артемия «вотчины боярина князя Ивана Ивановича Шуйского села Иванова бобыльскова малова»[48]. Следовательно, Ивановская слободка в рассматриваемый период была заселена непашенными бобылями, а также беглыми посадскими людьми. Это косвенно подтверждается мировой отписью Леонтия Дмитриевича Кумашенка с шуйскими посадскими людьми, составленной 3 мая 1637 г. Кумашенок в этом документе именуется «государя своего боярина князя Ивана Ивановича Шуйского, крестьянин, Суздальского уезду, отчины его Кохомской волости, села Иванова, посацкий человек». Причем в этом же документе содержатся сведения о вкладе Кумашенка в мельничный завод шуйских посадских людей значительной суммы в 40 р.[49]. Согласно писцовым книгам, в 1647–1648 гг. в Ивановской слободке было 36 бобыльских дворов[50]. Последний раз Ивановская слобода упоминается в 1660/61 г. в связи с ликвидацией там государева кабака[51]. К 1678 г. в Ивановской вотчине, которая принадлежала тогда князьям Черкасским, было 1029 дворов, в том числе 289 дворов непашенных крестьян. В них числилось 3099 душ крестьян. Далеко не каждый город Московского государства имел такое количество населения[52]. Но Ивановской слободки к тому времени уже не существовало. Она влилась в состав с. Иваново. Слободы вокруг него появились вновь, но уже в XIX в.[53].

Шипова слободка, находившаяся на протяжении всего рассматриваемого периода во владении Покровского монастыря, сохранила аграрную направленность. Население состояло из крестьян, специализировавшихся на выращивании зерновых культур – ржи, овса и пшеницы. Согласно приходно-расходной книге Суздальского Покровского монастыря, в 1698 г. в селе было 62 крестьянских двора[54].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что классическое определение слободы как большого села, населенного свободными непашенными крестьянами, освобожденными от налогов, к слободам Суздальского уезда XVII в. мало применимо. Имея серьезные предпосылки (быстрый рост населения, развитие ремесла и торговли, зачатки промышленного производства), большинство слобод не трансформировалось в поселения городского типа ни в рассматриваемый период, ни в дальнейшем.

[44] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: тип. С. Селивановского, 1828. Ч. IV. С. 605.

[45] Сакович С. И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII в. // Труды ГИМ. М., 1956. Вып. 30. С. 88.

[46] Федоров А. Историческое собрание о граде Суждале // Временник Московского общества истории и древностей российских. М.: Университет. тип., 1855. Кн. 22. С. 106 (Разд. II).

[47] Лихачев Н. П. Документы о князьях Сицких // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 265.

[48] Борисов В. А. Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. М.: тип. В. Готье, 1853. С. 67.

[49] Его же. Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. М.: тип. Ведомства Московской городской полиции, 1851. С. 280–281.

[50] Рождественский С. В. Роспись земельных владений Московского боярства 1647–1648 гг. М., 1913. С. 39–40.

[51] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1857. Т. I. Стб. 280–285.

[52] Шватченко О. А. Указ. соч. С. 107.

[53] Разгон А. М. Указ. соч. С. 171.

[54] Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край / под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1984. С. 40–41, 42–45, 48–49, 52, 72–74, 104, 120.

A. Yu. Kabanov

Slobodas (Trading Quarters) and Their Fate and Fortunes in the 17th Century (Through the Example of Suzdal Uyezd (District)

Key words: sloboda, slobodka, Suzdal Uyezd, non-plough peasants, tradespeople.

Abstract: The article examines the evolution of a sloboda as a type of a rural settlement in the 17th century. The slobodas which administratively belonged to Suzdal Uyezd comprised the material for examination. The economic, social and demographical processes in slobodas are analyzed during the given period.

И. Н. Юркин, А. Н. Наумов

Использование картографического материала XVIII–XX вв. при полевых исследованиях гидротехнических сооружений Петровской эпохи (на материале Ивановского канала)

Введение. Исходные положения. Постановка задачи

Ганноверский (брауншвейг-люнебургский) резидент Ф. Х. Вебер охарактеризовал Россию, бурные перемены в которой лично наблюдал в 1714–1719 гг., словом «преображенная». Это определение казалось ему настолько важным, что он вынес его в заголовок книги, отразившей увиденное в России.

Одной из сфер, где наиболее отчетливо проявлялись поражавшие иностранцев изменения, было дорожное строительство – создание в петровской России по примеру стран Центральной и Западной Европы новых и совершенствование существующих транспортных путей. Отправляясь в феврале 1703 г. в Воронеж, царь специально выбрал маршрут, позволявший показать сопровождавшим его иностранцам достижения в этой области. Он вез их по новой дороге, сделанный на «европейский манер» – обсаженной деревьями и снабженной верстовыми столбами. А по пути завернул с гостями на Иван-озеро – в места, где строилась на тот момент крупнейшая в России искусственная водная дорога[1].

В этой статье речь пойдет о связанных с подобными воднотранспортными путями гидротехнических сооружениях – их поиске и локализации. Для нас наиболее интересны те из них, которые входили в состав сложных гидротехнических систем. Искусственные или шлюзованные естественные воднотранспортные пути включали такие объекты, как искусственные земляные выемки-русла (каналы); дамбы с устройствами для регулируемой задержки воды в руслах; шлюзы – различной конструкции и различно вписанные в систему; береговые укрепления (валы); пристани; искусственные водоемы (водонакопители и акватории для маневра и стоянки судов); доки (площадки для строительства и ремонта судов) и другие сооружения. Некоторые из них будут рассмотрены ниже, при этом все – на материале одного комплекса, именуемого *Ивановским каналом.*

Другая задача, которую ставят перед собой авторы этой статьи, – анализ приемов работы с картографическими источниками, привлекаемыми для решения первой задачи; формулировка на этом материале обобщений методического характера, полезных при работе с типологически близкими объектами.

Ивановская водная система (Ивановский канал) – водная система, соединявшая Дон и реки бассейна Оки (то есть фактически Дон и Волгу). Ее строительство началось в 1701 г., продолжалось на протяжении 10 лет, далее замедлилось и наконец было свернуто. В начале XIX в. работы возобновили, несколько лет спустя остановили снова. Достроена система так и не была. Однако даже на том этапе, когда ее сооружение было прервано, общая протяженность искусственной и шлюзованной частей была весьма внушительной – составила около 210 верст.

Строили каналы работные люди, присланные по разнарядке из Разрядного приказа окрестными уездами (рис. 1).

У нас нет данных о предварительной инженерно-технической проработке этого проекта, но из-

[1] Бруин К. де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 110, 112.

Рис. 1. Земельные работы на канале. Атлас К. Крюйса.
Фрагмент листа «Новая и предивная карта о перекопе…». Раскрашенная гравюра на меди. 1704 г.

вестно, что в феврале 1702 г., когда земляные работы шли полным ходом, руководившему работами на объекте стольнику князю М. П. Гагарину «к делу канала» был дан «галанец» инженер Е. Крафферт[2], а в сентябре на Иван-озеро приехали еще пять недавно прибывших в Россию иностранных «слюзных» мастеров. Впрочем, Гагарин в своих отписках царю утверждал, что «вышепомянутым присланным мастерам 5-м человеком никакова дела у работы делать нечего, для того, что управляются против ево великого государя указу сшлейзные дела, и перекопная работа, и росчистки рекам, помощию Божию русскими людми, опричь иноземцов»[3].

Обследование, проведенное в 1763 г., выявило 33 построенных в петровское царствование шлюза, из них два на р. Упе (приток Оки), 12 на Шате (приток Упы) и 19 на Дону. Большинство к тому времени были частично разрушены из-за «полой» воды и/или строительства мельниц.

Исследованию истории этого, одного из первых в России, опытов каналостроения посвящена единственная монография, принадлежащая перу А. И. Миловидова[4].

Впрочем, Ивановская водная система, в дальнейшем – ИВС, часто именуемая Ивановским каналом, упоминается во многих исторических сочинениях (книгах и статьях), но это именно упоминания, в лучшем случае – страницы текста, нередко вторичного. Ряд публикаций по истории ИВС принадлежит одному из авторов этой статьи[5]. Он же впервые детально проработал вопросы, касающиеся связей истории канала с личностью и деятельностью Петра Великого[6].

Иван-озера – географической сердцевины этого комплекса – вот уже 80 лет не существует. Оно залито водами Шатского водохранилища. Остатков же Ивановской водной системы сохранилось немало. В настоящее время по ее трассе тянутся строго прямолинейные участки искусственного русла и идущие вдоль него земляные валы. Меньше «повезло» шлюзам – они были разобраны во второй половине XIX в. Точное местоположение большинства из них на текущий момент неизвестно. Авторы статьи на протяжении нескольких лет проводят камеральные и полевые исследования, направленные на из-

[2] Юркин И. Н. Петр Железный: (Петр Великий и Тульский край: факты, гипотезы, документы). СПб., 2012. С. 80.

[3] РГАДА. Ф. 185. Оп. 1. 1702 г. Д. 144. Л. 1 об.–2.

[4] Миловидов А. И. Достопримечательные села Тульской губернии: (ист. очерки). Село Иван-Озеро и Ивановский канал, начатый Петром Великим. Тула, 1892. С. 1–64.

[5] Юркин И. Н. «И того б учинил о том по сему...»: (Ивановский канал в канцелярской переписке 10-х–20-х годов XVIII века) // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия: труды науч.-практ. конф. «Куликово поле – уникальная культурно-историческая и природная территория. Проблемы изучения и сохранения военно-исторического и природного наследия Центральной России» (Москва–Тула, 25–27 окт. 1999 г.). Тула, 2000. С. 195–207; Его же. Изучение местности и фиксация информации о ней на начальном этапе создании Ивановской водной системы (по документам 1701–1702 гг.) // История наук о Земле: сб. ст. М., 2011. Вып. 4. С. 74–83; Его же. План Ивановского канала 1763 г. как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы 25 Междунар. науч. конф., Москва, 31 янв.–2 февр. 2013 г. М., 2013. Ч. 2. С. 619–622.

[6] Юркин И.Н. Петр Железный … Гл. 4–8.

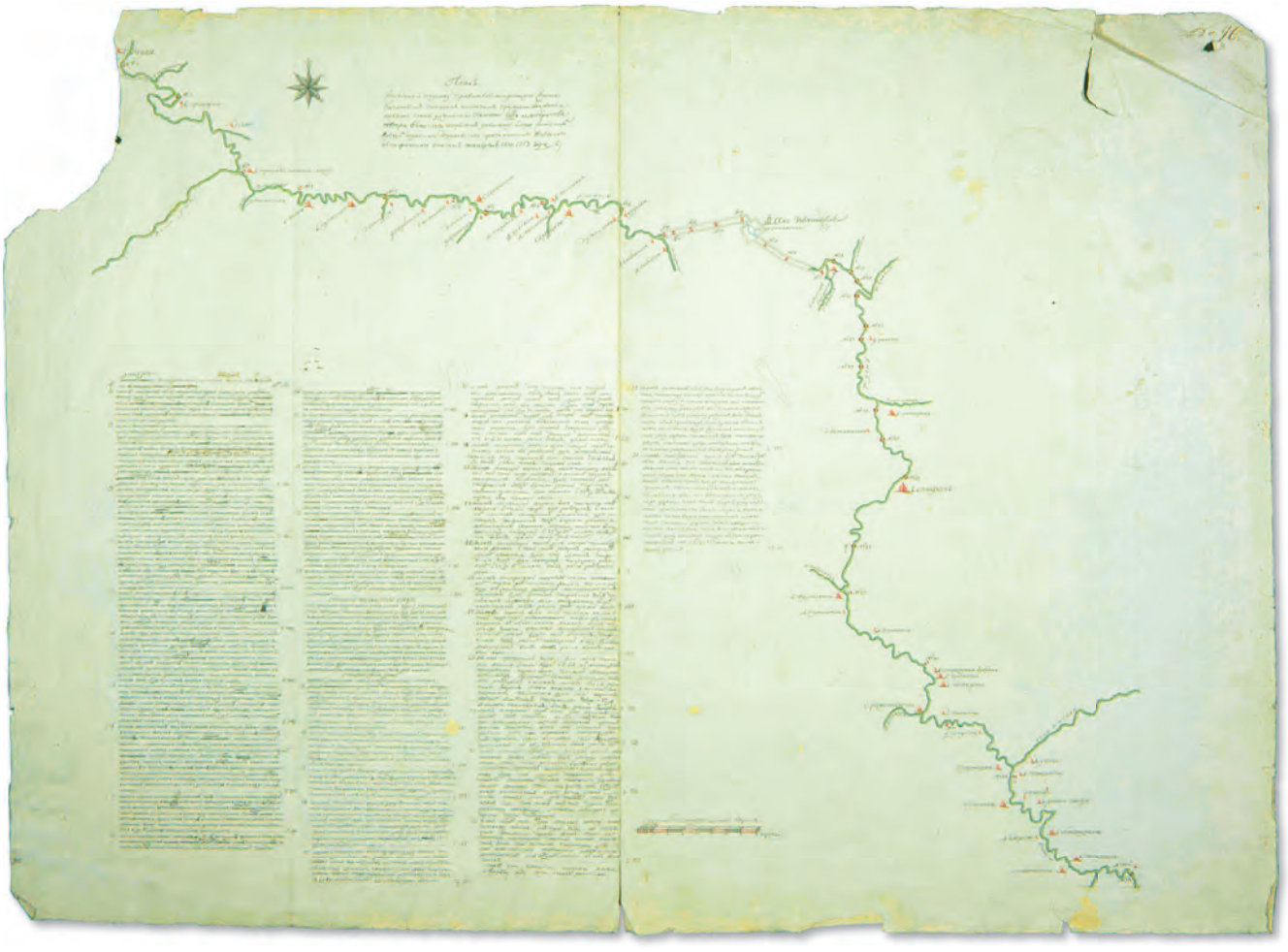


Рис. 2. Екатерининский план Ивановской водной системы (1763 г.)

учение этой системы: выявление сохранившихся гидротехнических ее сооружений (каналы, валы) и локализацию несохранившихся (шлюзы).

Заметим, что для археолога комплекс сооружений, связанных с Ивановской водной системой, в качестве объекта исследования особенно ценен тем, что не был завершен и по этой причине не реконструировался, – как следствие, позднейших гидротехнических сооружений, которые бы перекрывали сооружения первоначальные, здесь меньше. Единственное, что искажает картину, – позднейшие мельницы, иногда строившиеся точно по местам шлюзов. Тем не менее исследование этого объекта может сообщить полезную, а в ряде случаев и уникальную информацию в отношении приемов и технологии строительства воднотранспортных путей на этапе переноса этих технологий в Россию.

Поставить точку в вопросе локализации шлюзов способна лишь археология. Но «навести» археолога на перспективную площадку должны исторические источники. Среди наиболее в данном случае потенциально информативных – источники картографические. Статья посвящена описанию типичных ситуаций, с которыми, обращаясь к таким источникам, сталкивались авторы, и выводам, к которым, анализируя эти ситуации, они пришли. Наряду с методического характера обобщениями, сообщаются и некоторые конкретные результаты, обогащающие знания по теме.

Версты и сажени плана 1763 г.

То, что было сделано за первые 10 лет строительства канала (то есть в петровский период его истории), отображено на документе несколько более позднего, а именно, екатерининского времени. Полное название документа – «План, сочиненной по указу Правительствующаго Сената зачатым каналом и шлюзам при жизни блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя Императора Петра Вели-

каго по рекам Упе, Шату и Дону, состоящих в уездах Тульскаго, Дедиловскаго, Крапивенскаго, Веневскаго и Епифанскаго; описан и измерен сего 1763 года»[7].

План (именуем его далее Екатерининским) представляет собой (рис. 2) рисунок гидросети, включающий избранные притоки, места шлюзов и ближайших населенных пунктов. На нем имеются масштабная линейка, указатель сторон света и весьма содержательная (0,35 авторского листа) экспликация. В последовательности с запада на восток в ней перечислены все шлюзы, описано их состояние, указано положение относительно русла, для канала сообщены его ширина и глубина. Приведено расстояние между шлюзами, названы ближайшие к ним населенные пункты с указанием их владельцев. Отмечено наличие при шлюзах строительных материалов.

Следует отметить, что географическое содержание этого плана (собственно рисунка) не всегда достаточно высокого уровня. Так, правобережный приток Дона, речка Лютерич, изображена на нем как приток левобережный; с. Рожественское (Монастырщина) по отношению к другому его притоку, речке Непрядве, показано не на том его берегу и т. д.

Этими ошибками не исчерпываются погрешности плана. К сожалению, многое из того, что при первом ознакомлении с ним способно вызвать энтузиазм исследователя, при более внимательном рассмотрении столь же успешно этот энтузиазм охлаждает. Это касается и одного из наиболее привлекательных (для указанной цели) качеств плана: возможности (так, во всяком случае, кажется на первый взгляд) с помощью масштабной линейки что-то на нем измерить. При попытке реализовать эту возможность сталкиваемся с неожиданным препятствием, а именно значительными различиями рисунка русла и обусловленной этим трудностью нахождения на старом плане и на современной топографической карте точек, имеющих одинаковые географические координаты. При этом даже места впадения в Дон его притоков не могут считаться безусловно совпадающими, так как устья рек способны перемещаться. Рисунки русла Дона на старом и новом планах различаются на некоторых участках настолько сильно, что возникают сомнения, можно ли списать эти различия на естественное блуждание русла.

Еще одно потенциально ценное качество источника – наличие в экспликации к плану данных о расстоянии между шлюзам. При этом, начиная со шлюза № 17 (здесь и далее используется нумерация Екатерининского плана), в экспликации неизменно повторяется, что измерение производилось по прямой линии. Казалось бы, привязавшись к любой надежно определенной точке, отвечающей местоположению шлюза, можно шаг за шагом определить положение их всех, по крайней мере для участка между шлюзами № 17 и № 33.

Попытка реализовать эту процедуру дает, однако, результаты настолько сомнительные, что проверки их на местности чаще всего даже не требуется. Так, согласно Екатерининскому плану, расстояние между шлюзами № 25 (у с. Люторичи) и № 29 (у с. Муравлянка), измеренное по ломаной линии, связывающей шлюзы, должно составлять 16–17 км[8] (рис. 3). Кривая в данном случае аппроксимируется ломаной линией и расстояние подсчитывается как сумма линейных участков. Точно так же, опираясь на современную топографическую карту, поступить невозможно, поскольку точное местоположение точек перелома нам неизвестно. В то же время очевидно, что ошибка в их выборе при отсутствии значительных петель русла к большой ошибке при суммировании привести не должна. Однако тот же участок, измеренный по современной карте (с учетом предполагаемых мест расположения шлюзов), имеет

[7] РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 24367. Л. 1.

[8] Число верст, соответствующее расстоянию между шлюзами № 26 и № 27, попадает в документе на сгиб листа. Цифра частично стерта: это может быть 5 или 6. В связи с этим в сумме возникает диапазон шириной в одну версту.

Рис. 3. Епифанский участок трассы Ивановской водной системы (от с. Люторичи до с. Муравлянка) на плане 1763 г.

протяженность около 20 км. Это возможно, только если отклонения русла от основного направления соизмеримы (имеют тот же порядок величины), что и математически сглаженная его линия, а этого на карте и космоснимках не наблюдается. Остается усомниться в достоверности сведений экспликации Екатерининского плана.

Подобная (в 15–20 %) ошибка может значительно увеличиться при переходе к измерениям на малых участках. По экспликации к Екатерининскому плану расстояние между шлюзом № 27 (у с. Козлово) и № 29 (у Муравлянка) составляет 7,16 км. При измерении по прямой на плане новейшего времени можно ожидать, что оно окажется немного меньшим (поскольку заменяем ломаную прямой), а получается – порядка 12 км. Расхождение превышает 60%. Если же заменить прямую на ломаную, с переломом на шлюзе № 26 (предположив, что знаем, где он находится), расстояние, измеренное по ней, при любом расположении точки 26 окажется еще больше. Из сказанного заключаем, что цифры Екатерининского плана определялись, скорее всего, измерением не на местности, а циркулем и линейкой по некоему весьма неточному плану.

Не облегчает привязку к местности точек, соответствующих шлюзам, и тот факт, что в экспликации, как правило, назван населенный пункт, при котором находится конкретный шлюз, и имя (имена) владельца (владельцев) этого селения. Предположим, нам известно название дачи, где располагался объект. Но многие селения времени Генерального межевания перестали существовать, другие изменили границы и положение (расширились, сместились). Известие, что шлюз находился при селе таком-то, требует для использования (локализации шлюза) специального исследования по истории села. Кроме того, некоторые дачи были большими и, если шлюз привязан к даче, а не к селению (в Екатерининском плане это именно так), задача еще более усложняется. Решить ее без привлечения дополнительных источников невозможно.

Приведенный пример наглядно показывает (**рекомендация 1**): *не следует без проверки доверять количественной информации на ранних планах, даже если на них или в документальном конвое сказано, что эта информация – результат измерений на местности.*

Гидронимы на плане 1854 г.

Поскольку определить местоположение шлюзов – всех и сразу – «на кончике пера» не удается, следует целенаправленно и упорно искать каждый из них. Это предполагает скрупулезное сопоставление сведений, извлекаемых из картографического материала, и наблюдений на местности. Такая работа, приближая к главной цели, немало неожиданного может сообщить и об источниках. Покажем это на примере шлюза, на плане 1763 г. имеющего № 27.

Примерное представление о его местоположении дают Екатерининский план (с учетом сведений экспликации) и отчеты за 1895 г. гидротехнического и лесоводственного отделов Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России, работавшей под руководством генерал-лейтенанта А. А. Тилло. В последних, помимо упоминания об этом шлюзе в тексте[9], содержатся карты[10], составленные по планшетам съемки офицеров Генерального штаба 1854 г.[11]. На этих картах шлюз не показан, но соотнесение их с текстом отчета позволяет прийти к тому же выводу, к которому приходим на основании анализа Екатерининского плана: шлюз № 27 следует искать в нескольких верстах к северо-западу от города Епифани (рис. 4).

Прежде чем углубиться в его поиск, укажем на два обстоятельства, важные для последующих умозаключений. Первое – то, что камерные шлюзы строились на сухом месте (либо изначально сухом, либо, что реже, на временно осушенном). Второе: для их функционирования требовалось наличие при каждом из них регулируемого деривационного («вешнякового») водовода. Перечисленное подсказывает самое распространенное проектное решение: шлюз строился неподалеку от действующего русла, к нему (шлюзу) и от него прокапывался канал, а на естественном русле устраивались запорные конструкции, необходимые, чтобы в дальнейшем использовать его для сброса избытка воды. Эффективность этой простой схемы возрастала, если канал и шлюз строились в районе, где русло петляло, – в этом случае канал через шлюз еще и стягивал петлю, то есть сокращал и спрямлял водный путь.

Вернемся к локализации шлюза № 27. «План уездного гор. Епифани с окрестностями, снятый инструментально в 1854 году по масштабу 1/21000»[12] содержит сведения об интересующем нас районе, как кажется, могущие быть полезными для решения задачи. На нем в двух километрах от городской соборной колокольни показана мельница, а от нее вверх по течению идет идеально прямой участок русла Дона, протяженностью приблизительно километр.

[9] Бассейн Дона. Исследования Гидротехнического отдела 1895 г. под руководством нач. Отд. инж. Ф. Г. Зброжека. Бассейн верховьев р. Дона до устья р. Непрядвы, бассейн р. Непрядвы и бассейн верховьев р. Красивой Мечи до устья р. Гоголя. [Отчет Ф. Г. Зброжека]. СПб., 1897. [2], 61 с. (Труды Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России, издаваемые нач. Экспедиции, ген.-лейт. А. А. Тилло).

[10] Никотин В. И. Бассейн Дона до слияния с Непрядвой. Исследования Лесоводственного отдела. 1895 г. С 2-мя карт. верховьев Дона. М., 1902. IV, 64 с. (Труды Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России).

[11] Там же. С. IV.

[12] РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 5289.

Рис. 4. Район шлюза № 27 на топографической карте 1925 г. Лист «Епифань»

Несколько выше его начала в Дон впадает верхний (северный) рукав левобережного притока – речки Лютой. Обращает на себя внимание показанное на плане название этого водотока – «Рукав Стар. Дон».

Соблазнительно попытаться согласовать эту картину с уже изложенными представлениями о том, как трансформировалась водная система при строительстве шлюза. Согласовать можно, предположив, что раньше Дон уходил через этот рукав к востоку, затем у нынешнего раздвоения Лютой поворачивал к югу и далее тек по руслу, которое сейчас является нижним ее рукавом. После построения канала со шлюзом на нем исчезла необходимость прохождения этого весьма протяженного участка – теперь суда могли идти по каналу. Русло же, по которому донские воды текли раньше, преобразовывалось в деривационный водовод.

Есть, однако, факты, плохо согласующиеся с подобным предположением.

Во-первых, близкий к прямому угол сопряжения русел Дона и верхнего рукава его притока речки Лютой. Если бы прежде вода из Дона уходила от этой точки в нынешнее русло Лютой, сопряжение имело бы значительно больший радиус.

Во-вторых, то, что прямолинейный участок нынешнего русла Дона (несомненно искусственный) начинается не сразу от устья верхнего притока, а несколько ниже. Если бы Дон первоначально уходил в нынешнее русло Лютой, канал (разумеется, прямой) начинался бы сразу от этой точки.

Забегая вперед, скажем, что существует другое объяснение наблюдаемой картине – объяснение, в которое прекрасно вписываются все факты, исключая только название с плана Епифани 1854 г. «Рукав Стар. Дон», – его в этом случае придется счесть ошибкой. Именно ошибкой мы его и считаем. Рискнем объяснить ее особенностями психологии восприятия информации в ходе съемки. Топографы, снимая план, наибольшее внимание уделяли точности изображения. Линии и точки в пространстве планшета опирались на показания геодезических инструментов. Топонимика же записывалась ими на слух, вероятность допустить ошибку была при этом больше. Так, элемент гидросети «рукав речки Лютой» приобрел на плане чужое ему название «рукав Старый Дон». По той же причине другие элементы подлинные названия часто теряли. Огромное количество оврагов на планах Генерального межевания названо на них «Безымянными». Не приходится сомневаться, что многие из них имели индивидуальные названия, но микротопонимика интересовала межевщиков меньше, чем углы и сажени.

Обобщим сказанное в **рекомендации 2**: *следует с осторожностью относиться к топонимической информации на планах и картах, особенно к микротопонимике.*

Выбор картографического материала при реконструкции утраченных элементов гидросети

Упомянутое выше наиболее правдоподобное решение задачи локализации шлюза № 27 дают уездные планы Генерального межевания (см., в частности[13]). Хотя точность этого источника во многих случаях оставляет желать лучшего, применительно к нашему участку местности наблюдаем картину, во-первых, на обоих сходную, во-вторых, находящую отражение в сохранившихся элементах гидросети.

Наилучшее соответствие с современной картой дает однолистовый план Епифанского уезда. На нем к востоку от села Козлова Слобода река Дон принимает левый приток речку Лютую, текущую через заболоченную пойму. Немного ниже ее устья русло Дона раздваивается. Рукава восточный и западный, приняв свои овраги и ручьи, соединяются между слободами Козловой и Алтабаевой (рис. 5). Изображение на двухлистовом уездном плане от картины, наблюдаемой в настоящее время, отстоит несколько дальше. Однако и здесь присутствует участок раздвоенного русла Дона, причем западный его рукав близок к прямолинейному, тогда как восточный имеет дугообразную форму. К точке раздвоения с северо-востока подходит водоток, питаемый речкой Лютой.

Это раздвоение хорошо просматривается на космоснимках, с той, однако, разницей, что восточное русло представляет на нем сухую старицу. Отдельные участки последней прослежены авторами доклада и при осмотре местности. Особенно отчетлива она в нижней ее части.

Таким образом, канал со шлюзом на нем действительно спрямил русло Дона, но прежнее русло располагалось, по-видимому, значительно к нему ближе, чем это можно было предположить, приняв за него оба рукава речки Лютой. Планы Генерального межевания помогли исправить неверное заключение, вынесенное из анализа плана 1854 г.

Рекомендация 3: *хотя метричность планов раннего времени часто невелика, для качественной реконструкции утраченных элементов гидросети они всё же предпочтительнее, чем позднейшие.*

[13] РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6083; Д. 6110.

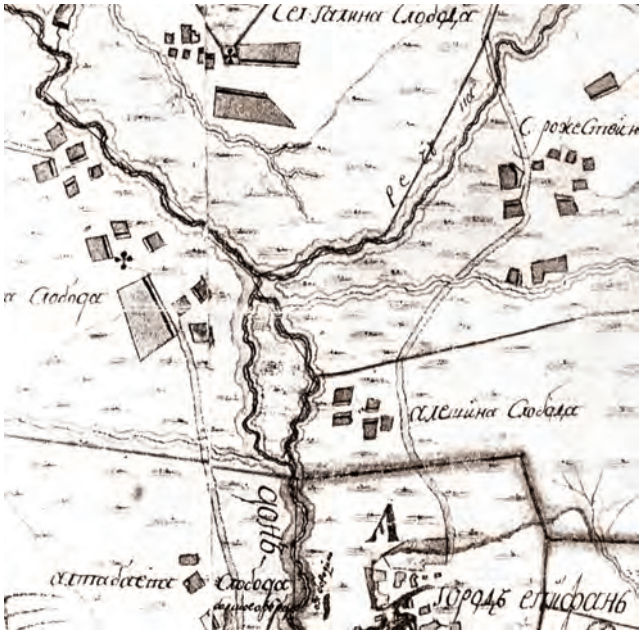


Рис. 5. Русло Дона в районе шлюза № 27 на плане Генерального межевания

Метаморфозы «шлюз – мельница – шлюз»

Естественный водоток – всегда объект интереса для человека, причем не обязательно живущего поблизости. Цели, которые он, прикасаясь к воде, преследовал, были весьма разнообразны, однако создаваемые им гидротехнические сооружения могли иметь многочисленные черты сходства. Изучая карты, отображающие старинные водные пути, особое внимание следует уделять возможно находившимся на их трассе другим гидросистемам, прежде всего – мельничным.

О существовании на месте шлюза № 27 мельницы известно, по меньшей мере, с начала XIX в. – она изображена на относящемся к этому времени плане с прожектом постройки на этом месте нового шлюза. Она также присутствует на плане Епифани 1854 г. и словесно описана в отчете гидротехнического отдела экспедиции Тилло (сезон 1895 г.). На планах советского времени мельница уже отсутствует.

Приведем цитату из отчета экспедиции Тилло, ясно указывающую на пространственную связь шлюза и мельницы:

«Ниже верхнего рукава реки Лютой до мельницы Козловской и несколько ниже, Дон почти на версту течет по искусственному каналу, сохранившемуся от времени бывшей постройки соединительного пути; *на месте теперешней плотины был шлюз, от которого уцелел шпунтовый ряд и отдельно стоящие сваи* (здесь и далее выделено нами. – *И. Ю., А. Н.*). Ширина канала 15 саж. и глубина 1,3 саж., размеры совершенно те же самые, какие имеет канал выше села Бобриков. … Кроме того, *в левом берегу Дона, несколько ниже мельницы, уцелели еще обломки известняка, залитые цементом: остаток от бывшей на этом месте головы шлюза*»[14].

[14] Бассейн Дона. Исследования Гидротехнического отдела 1895 г. под руководством нач. отд. инж. Ф. Г. Зброжека. Бассейн верховьев р. Дона до устья р. Непрядвы, бассейн

Источник вполне определенно указывает на местоположение шлюза: он располагался на месте «теперешней» (то есть мельничной) плотины, его «голова» находилась немного ниже мельницы. А положение мельницы показано на картах.

Шлюзы и мельницы тяготели друг к другу в силу сходства гидротехнических их установок. Те и другие имели устройства, регулировавшие уровень воды. Именно поэтому так часты наложения друг на друга двух разновременных гидросистем: водно-транспортной и мельничной. Каждую устраивали, максимально полно используя подходящие элементы рельефа и, если на этом месте уже была гидросистема, – используя ее элементы. Судя по планам шлюзов александровского времени, проектанты привязывали их к существующим мельницам, к их насыпям и выемкам (рис. 6: 1, 6: 2). Козловский мельник руководствовался той же логикой: ставил мельницу по шлюзу, используя рельеф, сформированный петровскими каналостроителями. Полевые наблюдения на участках системы вблизи расположенных поблизости населенных пунктов Муравлянка, Лупишки, Ренево подтверждают это наблюдение.

Из сказанного следует обобщение методического характера, касающееся изучения остатков искусственных водных систем (**рекомендация 4**): *при локализации их объектов особое внимание должно быть обращено на места более поздних мельниц.*

Разумеется, это касается как полевых исследований, так и картографического изучения вопроса, предваряющего полевые обследования.

Рис. 6: 1. Козловская мельница в начале XIX в.

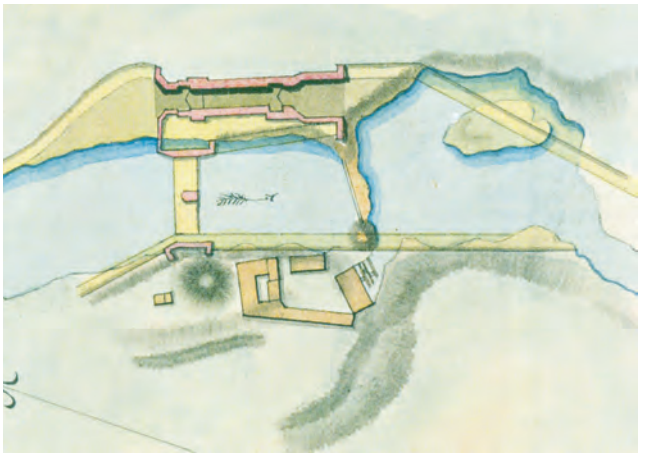


Рис. 6: 2. Пример использования рельефа, сформированного предшествующим гидротехническим объектом: наложенный на существующую мельницу проект нового шлюза

Конфликт «шлюз/мельница»

В отчете экспедиции Тилло содержатся сведения о том, как мельник преобразовывал доставшиеся ему остатки гидросистемы XVIII в. Во время дождей и сезонных разливов речка Лютая давала избыточно много воды, эпизодически размывавшей плотину мельницы. При этом «большая часть воды шла главным рукавом, лежащим выше мельницы», – она и «рвала плотину». Для предотвращения разрушений был «расчищен и углублен нижний рукав, благодаря чему большая часть высоких вод стала уходить в Дон, минуя мельницу». Но «так как дно верхнего рукава» осталось «все-таки ниже дна нижнего рукава (почему? – *И.Ю., А.Н.*), то «во время нормального горизонта вода идет лишь по первому рукаву и питает … пруд мельницы Козловской»[15]. Последнее важно, поскольку, судя по планам, мельница не имела пруда-накопителя. (Небольшой пруд у нее был, но располагался он ниже мельницы.)

Таким образом, система водоснабжения мельницы включала три элемента: перегороженный плотиной петровский канал (нынешнее русло Дона), на котором стояла мельница, и два рукава левого притока (речки Лютой): один, верхний, обеспечивал ее водой, другой, нижний, спасал от ее избытка. Прочие русла в эту систему не вписывались и либо были бесполезны, либо мешали. Можно предположить, что с целью «отключить избыточный контур» старое русло Дона, которое в комплексе сооружений Ивановской водной системы должно было служить деривационным водоводом, было наглухо перекрыто насыпью. В пользу этого предположения говорит картина, которую рисуют космоснимки: единственный участок этого деривационного канала, который

р. Непрядвы и бассейн верховьев р. Красивой Мечи до устья р. Гоголя. С. 21. (Труды Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России, издаваемые нач. Экспедиции, ген.-лейт. А. А. Тилло).

[15] Там же. С. 20.

на нем не прослеживается, это начальный участок, соединяющийся с Доном. Окончательно подтвердить или опровергнуть эту догадку помогут археологические исследования.

Как видим, создававшаяся для мельниц гидросистема не только использовала и этим консервировала отдельные элементы водной дороги-предшественника. Другие ее элементы она могла искажать, мешавшие ей – разрушить.

Отсюда **рекомендация 5**: *пытаясь по картам и натурным остаткам представить гидротехнические сооружения воднотранспортной системы, не следует стремиться связать с ними все элементы современного ландшафта. Задача исследователя – хронологически разделить эти элементы и установить их назначение.*

Элементы гидросистем, не отраженные на картах

К сожалению, подчас весьма привлекательные (с точки зрения логики реконструкции) элементы прибрежного ландшафта вообще не находят отражения на карте.

Пример – система валов у д. Михайловка (шлюз № 23 или № 24). Эти валы, канал между ними и вероятное место шлюза читаются на местности очень отчетливо. С неожиданностью сталкиваемся при анализе общего плана объектов. Судя по нему, у входа в ведущий к шлюзу канал должно было существовать довольно значительное залитое водой пространство (ныне сухое) – некое подобие пруда. Можно предположить, что его акваторию предполагалось использовать для маневра судов перед входом в канал и при необходимости для ожидания прохода. Ни на Екатерининском плане, ни на планах Генерального межевания отвечающих этому пруду аномалий вдоль русла выявлено не было.

Второй пример – ряжевые конструкции в русле Дона, обнаруженные при обследовании района шлюза № 18. Левый берег на этом участке, судя по обнажению, подсыпан. Учитывая, что река делает на этом участке поворот, можно предположить, что при строительстве канала берег был укреплен ряжами, но впоследствии укрепления размыло и ряжи оказались в русле реки. Подобного рода элементы в принципе не фиксировались планами, снятыми на законченном объекте, поскольку были скрыты насыпями. Единственное, где их можно было бы ожидать увидеть, – на проектных чертежах поздних, начала XIX в., сооружений этой системы, но такие для данного участка на настоящий момент также не выявлены.

Говоря о скрытых элементах, можно провести параллель с ситуацией, которая возникает при археологическом изучении остатков ранних, XVII в., доменных заводов. Сохранившиеся довольно подробные их описания[16] создают обманчивую иллюзию, что все сколько-нибудь значимые элементы конструкций в них отображены. Однако описано было только то, что видели снаружи. Устройство рабочих ларей не описывалось – в декабре 1662 г. и в марте 1690 г., когда проходили описания, желающих лезть в мокрый ларь наверняка не нашлось, тем более что и особой необходимости в этом не видели. А дренажная система, обнаруженная при археологическом исследовании 3-го Городищенского завода в начале 1990-х гг.[17], в указанных переписных и отказных книгах XVII в. даже не упомянута.

Рекомендация 6: *следует осознавать, что никакой источник, картографический в том числе, не отражает объект во всей полноте значимых для исследователя его черт. Многие важные для него детали не получали отражения на планах потому, что казались их составителям несущественными или были для них недоступны.*

Учет типологически близкого материала

Конечно, первостепенное место среди картографических источников должны занимать проектные и близкие по времени к завершению строительства обмерные чертежи.

Для Ивановской водной системы таковые (фиксировавшие построенное) существовали. Создание наиболее раннего из них было обусловлено в известной степени случайными обстоятельствами. Поскольку М. П. Гагарин выполнял личное распоряжение царя, в своих контактах с Разрядным приказом он не отягощал себя отчетностью перед ним. Разряд, направлявший на работу значительные материальные и людские ресурсы, естественно, беспокоился о том, насколько эффективно они расходуются. В сентябре 1701 г. он направил на Иван-озеро подьячего Петра Поликостицкого, которому предписывалось осмотреть работы и, приложив чертеж, доложить о положении дел в приказе. Чертеж, который, возможно, принадлежал к первым чертежам, изображавшим верховье Дона, был составлен. На сегодняшний день он не выявлен, но в документах Разряда имеется его описание[18].

То же и с другими, несомненно, существовавшими чертежами Ивановского канала петровского времени – в распоряжении исследователей они отсутствуют.

[16] Крепостная мануфактура в России. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. Ч. 1: Тульские и Каширские железные заводы. С. 8–40, 108–143.

[17] См. фотографии в кн.: Юркин И. Н. Петр Железный ... С. 63, 66.

[18] Его же. Географический чертеж 1701 г. – первый план местности в районе истока Дона // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2010. М., 2011. С. 415–418.

Рис. 7. Поселения работных людей близ канала Камышенка – Иловля. Атлас К. Крюйса. Фрагмент листа «Новая и предивная карта о перекопе…»

В подобных случаях представляет интерес привлечение картографического материала, хотя и относящегося к другим объектам, но типологически и хронологически являющегося аналогом изучаемого. В данном случае таковым является план канала между речками Камышенкой и Иловлей, имеющийся в Атласе К. Крюйса (1704 г.). Этот канал являлся попыткой соединить Волгу и Дон, которая непосредственно предшествовала Иванозерскому проекту[19]. Остановка работ на нем и начало работ на Иван-озере хронологически практически совпадают. Организационно и технически эти проекты были родственными. Поэтому вполне естественно ожидать параллелей в том, что и как делалось на Средней Волге и на Иван-озере.

На плане из Атласа Крюйса показаны поселения строивших его работных людей («шалаши работничьи»), причем двух типов – огороженные и не имевшие внешней ограды (рис. 7). Учитывая, что при создании Ивановской водной системы использовался тот же контингент рабочей силы, можно ожидать, что временные поселения строителей на Дону и Шате были аналогичны показанным у Крюйса. К настоящему времени в районе шлюза № 31 (с. Монастырщина) на берегу Дона выявлено поселение, предварительно датированное концом XVII – началом XVIII века, то есть по формальным признакам подходящее для того, чтобы оказаться «работничьими шалашами». Археологическое его изучение еще предстоит.

Рекомендация 7: *при отсутствии или нехватке картографических источников по конкретному объекту следует привлекать планы типологически сходных объектов, близких по времени к изучаемому.*

Заключение

Перечисленные семь рекомендаций обобщают наиболее значимые для авторов наблюдения методического плана, сформулированные при изучении и использовании картографического материала XVIII–XIX вв. в ходе полевых исследованиях гидротехнических сооружений Петровской эпохи, конкретно, Ивановской водной системы. Полагаем, что они будут уточняться и дополняться.

Вместе с тем уже наработанный материал дает повод развернуть его в другом направлении – как проблему критики такого своеобразного источника, как планы и чертежи. Ее приемы для графических

[19] См. о нём, например: Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовлении к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края … // ЧОИДР. М., 1871. Кн. 1. С. I–VIII, 1–38 (4-я паг.).

источников, связанных с разными культурными практиками (например, для архитектурных обмерных чертежей и топографических карт), несомненно, будут различаться. Но столь же несомненно, что будут приемы и общие – в первую очередь, полагаем, те, которые определятся общностью способа отображения объекта и законами психологии восприятия. Тут есть и объект для размышлений, и эмпирический материал, необходимый, чтобы проверить на нем плоды рефлексии.

Проблемное поле исследования может быть еще более расширено за счет вовлечения в круг рассматриваемых источников новых их видов. Так, связанная с нашим каналом делопроизводственная документация довольно часто упоминает об использовании при проведении работ неких моделей. Ограничимся несколькими примерами, относящимися к 1702 г. В отписке, посланной в первой декаде марта, М. П. Гагарин уведомил, что ему «надобно… для дела мадели слюзнои вскоре четыре человека сталяров»[20]. Он же в отписке от 9 июня: нужно «8 мест медных литых, во что утвердить сшлейзныя затворы, да 8 ж мест медных же неболших, которые надобны прикрепить к затворным пятам. И тем обоим местам прислал мадели деревяныя»[21]. 2 октября он сообщил, что «прислана к нему по ево великого государя имянному указу с Воронежа мадель сшлейзам»[22]. Первые два случая можно объединить, предположив, что под моделью понимается некий макет, изготовленный в другом, более удобном для обработки материале и передающий прежде всего форму будущего изделия. Тогда становится понятно, что столяры нужны для изготовления таких форм, по которым в Москве будет сделано изделие – в данном случае, основание для шлюзового затвора. Но что подразумевается в последней цитате – состоящая из уменьшенных элементов модель шлюза в целом? Насколько точно такие модели передавали детали будущего объекта? почему предпочтение отдавали им, а не чертежу? что за модельная мастерская, изготавливавшая их, действовала в Воронеже? – всё это можно, на наш взгляд, достаточно продуктивно обсуждать даже при отсутствии собственно моделей. И всё это чрезвычайно интересно для изучения законов взаимодействия систем «объект – его отображение» в период до широкого распространения современной инженерной графики.

[20] РГАДА. Ф. 210 (Московский стол. Столбцы). Ед. хр. 797. Л. 150.

[21] Там же. Л. 212.

[22] Там же. Ф. 185. Оп. 1. 1702 г. Д. 144. Л. 1.

I. N. Yurkin, A. N. Naumov

Cartographical Material of the 18th – 20th Centuries in the Field Researches of the Petrinian Hydrotechnical Constructions as Revealed by the Study of the Ivanovsky Canal

Key words: the Ivanovskaya water system, cartographical material, hydrotechnical facilities, canal, sluice.

Abstract: The peculiarities of the use of cartographical material of the 18th – 20th cc. are considered on the material of the researches of the Ivanovskaya water system (Ivanovsky canal) which are being carried out by the authors. Methodological generalization, considering the experience of working with such sources to fulfill the task of localization of the lost objects, has been made. The possibility of using sources of different types is being under discussion. The critical methods of the source are shown in the appendix to the solution of practical tasks.

И. Н. Кузина, А. В. Окулов

Аметисты XVI в. с Романова двора (Москва)

Рис. 1. Павильон над раскопом у церкви Знамения на Шереметевом дворе. Апрель 2002 г.

Настоящая публикация посвящена аметистам, найденным в 2002 г. во время археологических исследований во дворе старого здания МГУ имени М. В. Ломоносова. Это участок территории, ограниченной улицами Моховой, Никитской, Воздвиженкой и Романовым переулком (рис. 1). Раскоп, разбитый в 15 м от апсид церкви Знамения на Шереметевом дворе, получил название Романов двор-2[1].

Необработанные аметисты были найдены в слое, соотнесенном с функционированием здесь Опричного двора Ивана Грозного. По индивидуальным находкам и массовому керамическому материалу этот слой датирован второй – третьей четвертью XVI в.

Общий вес найденных образцов составил около пяти килограммов. Большая их часть обнаружена на

[1] Работы велись под руководством Л. А. Беляева (Институт археологии РАН). См.: Беляев Л. А. Об особенностях изучения раскопа Романов двор-2 // [Кренке Н.А., авт.-сост.]. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009. С. 96–98. (Материалы охранных археологических исследований; т. 12).

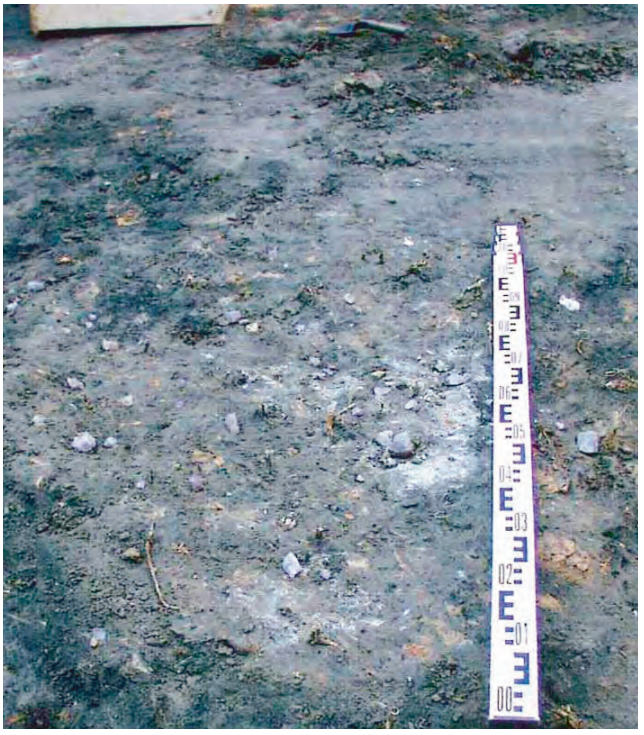


Рис. 2. Аметисты в раскопе in situ

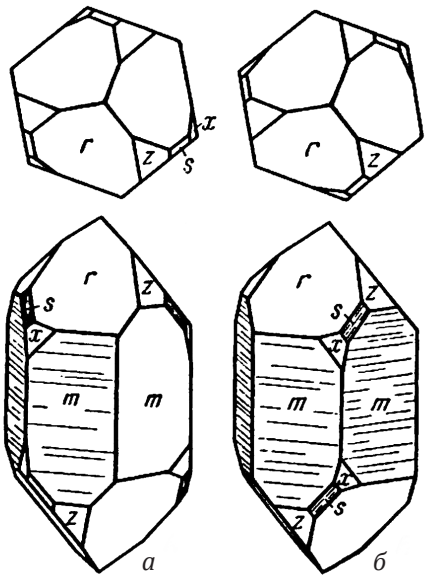


Рис. 3. Форма идеальных кристаллов кварца (так называемый левый (а) и правый (б) кварц). Грани обозначены латинскими буквами: m – грани призмы, r, z – грани ромбоэдров, s – тригональная дипирамида, x – тригональный трапецоэдр. По А. Г. Бетехтину, 2010

полу постройки и в заполнении небольших ям рядом с ней (рис. 2). Необычно большое количество необработанного камня вызвало неизбежные вопросы: с какой целью и откуда попал сюда аметист? Известно, что для технических целей этот камень не использовали: он не годился в качестве присадки или флюса. Поэтому аметист мог предназначаться исключительно для ювелирных целей, хотя ни одного изделия из него или камней со следами обработки найдено не было. Единственная каменная бусина голубого цвета из этого же слоя оказалась *кордиеритовой*[2].

Для ответа на поставленные вопросы авторы этой работы обратились к методам геологии, минералогии и кристаллографии, а также к историческим методам исследований. Но прежде чем приступить к поискам источника найденного камня, рассмотрим общие сведения о нем.

Аметист – фиолетовая разновидность кварца, имеющая оттенки от бледно-сиреневого до пурпурного. По химическому составу этот минерал представляет собой двуокись кремния – SiO_2 с постоянной примесью окиси железа (Fe_2O_3). С увеличением содержания Fe_2O_3 растет интенсивность окраски. В меньших концентрациях присутствуют алюминий (Al), литий (Li), калий (K), кальций (Ca), магний (Mg), хром (Cr), марганец (Mn), титан (Ti), медь (Cu)[3]. Форма идеальных кристаллов – шестигранная призма с шестигранными головками, которые сложены гранями ромбоэдров, присутствуют также грани тригональной дипирамиды и тригонального трапецоэдра (рис. 3). В природе идеальные кристаллы редки и пропорции граней часто нарушены. Чаще всего аметист встречается в виде *друз*, сложенных тесно сросшимися кристаллами близкого размера, наросшими на общее основание. Нередко в природе встречаются друзы, сложенные разноориентированными кристаллами неодинакового размера. Кристаллы аметиста часто слагают стенки *жеод*[4]. В друзах и жеодах для него характерны *неидеальные*

[2] *Кордиерит* (уст. дихроит, иолит, водяной сапфир) – минерал, алюмосиликат магния и железа с формулой $Al_3(MgFe)_2[Si_5Al_{018}]$. Кристаллы наблюдаются редко и большей частью в неясноообразованных призматических формах, имеющих псевдогексагональный облик. Минерал окрашен в различные оттенки синего и фиолетового, редко бесцветен. Твердость 7.0–7.5. Хрупок. Встречается в гнейсах, кристаллических сланцах и изверженных породах. Применяется как ограночное сырье.

[3] Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Геология месторождений драгоценных камней. М.: Недра, 1982. С. 217; Юргенсон Г. А. Типоморфизм и рудоносность жильного кварца. М.: Недра, 1984. С. 5–7.

[4] *Жеода* (*фр.* géode от *др.-греч.* γεοειδής или γεώδης – «землеподобный») – замкнутая полость в осадочных (преимущественно карбонатных) или некоторых вулканических породах, заполненная минеральным веществом или агрегатами минералов. Форма жеоды может быть любая, но чаще она изометричная, округлая, эллипсоидальная и пр.

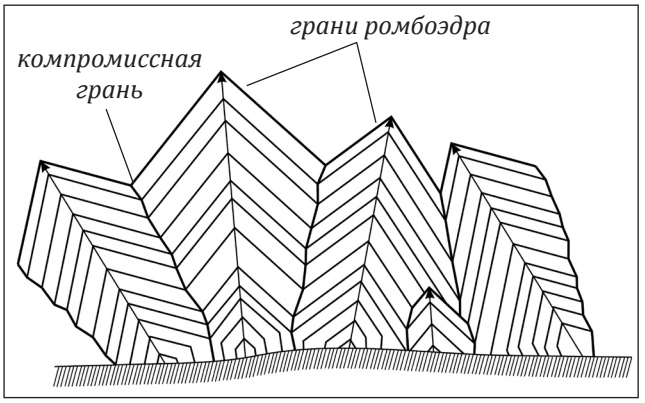


Рис. 4. Схема образования компромиссных граней с индукционной штриховкой при росте кристаллов аметиста в друзовой полости (жеоде). Стрелками обозначены длинные оси кристаллов

шестоватые[5] кристаллы с зональной окраской, неровными гранями призмы и более ровными гранями вершин. Кроме того, в природе встречается так называемый *жильный*[6] аметист.

Следует заранее отметить некоторые морфологические особенности кристаллов аметиста из жеод и друз. Несмотря на то, что кристаллы, расширяясь от основания к вершине, имеют субпризматический облик, собственно грани призмы на них отсутствуют. При росте кристаллов в полости возникает сразу множество центров кристаллизации, то есть рост индивидов в полости начинается во многих местах одновременно с образования мелких кристаллов. Постепенно кристаллы увеличиваются в размерах и начинают «мешать» друг другу, на контакте индивидов образуется так называемая компромиссная грань с индукционной штриховкой. То есть эта грань является разросшейся гранью ромбоэдра, а штриховка – не что иное, как «след» грани ромбоэдра соседнего индивида. Далее в тексте грани, дающие индивиду субпризматический облик, будут именоваться компромиссными (рис. 4).

Месторождения и проявления аметиста в мире имеют достаточно широкое распространение. На территории России они известны на Урале, Северном Тимане, Кольском полуострове, Камчатке. Богата фиолетовым кварцем территория Южной Африки, Зимбабве, Уругвая, Бразилии. Он встречается в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, Германии, Чехии и других странах.

К сожалению, кристаллы и выделения аметиста наряду с кварцем могут иметь сходные внешние особенности на совершенно различных месторождениях и проявлениях. Особенно это характерно для кристаллов, выросших в жеодах и друзовых полостях (наличие *индукционной штриховки*[7], смена кварца аметистом от основания к центру кристалла и др.).

Химический состав аметиста из различных месторождений в целом достаточно близок, но набор элементов-примесей может отличаться. Однако даже в пределах одного месторождения, в зависимости от состава минералообразующего раствора, состава вмещающих кварцевые жилы пород и других особенностей геологического строения, он может изменяться качественно и количественно. Для выявления отличий между аметистами различных месторождений по набору элементов-примесей и уровням их содержаний требуется выполнение большого количества специализированных анализов. Подобная работа является темой самостоятельных исследований.

Несмотря на определенные сложности, существует ряд признаков, позволяющих иногда определить принадлежность образцов к генетическому типу месторождения. Важнейшая роль в определении типа принадлежит набору сопутствующих минералов (*парагенетические ассоциации минералов*[8]), морфологии и анатомии кристаллов, внешней симметрии и закономерностям их роста (*онтогении*[9]). Важными критериями являются размеры. Для аметистов, сформировавшихся в различных генетических условиях, характерными будут различные сопутствующие минералы, что будет детально показано ниже.

Рассмотрим теперь особенности образцов, найденных на Романовом дворе. Всего было изучено 1334 образца, среди них заметно преобладают кристаллы с различным количеством граней и их фрагменты. Незначительная часть образцов представляет собой жильные (лишенные граней) вы-

[5] *Неидеальные кристаллы* – кристаллы неправильных, угловатых форм, характеризующиеся нарушением пропорций между гранями. *Идеальные (или близкие к идеальным) кристаллы* – кристаллы совершенной формы, в которой физически равноценные грани одинаково развиты.

Шестоватые кристаллы – кристаллы вытянутого, удлиненного облика, образующие в совокупности параллельно-шестоватые агрегаты кристаллов.

[6] *Жильный кварц (аметист)* – данный термин применяется для обозначения стекловидного кварца без граней, из которого сформированы кварцевые жилы.

[7] *Индукционная штриховка* – штриховка, проявленная в виде ступенчатых террас, возвышений, площадок, контуры которых отражают симметрию граней. Часто формируется на компромиссных гранях.

[8] *Парагенетические ассоциации минералов* – закономерное сообщество одновременно образовавшихся минералов, возникшее в течение одной стадии минерализации или части стадии.

[9] *Онтогения минералов* – раздел минералогии, посвященный изучению генезиса минеральных *индивидов* и *агрегатов* – их общему или индивидуальному развитию, включая возникновение (зарождение), рост и агрегацию на разных уровнях (формирование агрегатов), взаимодействия при совместном росте и изменение вплоть до разрушения или полного исчезновения (растворения).

деления или выделения с регенерированными гранями, обладающие микрогранным рельефом. Кристаллы аметиста имеют размеры от 5–20 мм до 50–60 мм по длинной оси. Преобладают сравнительно крупные образцы величиной 20–40 мм. Кристаллы, как правило, имеют шестоватый, субпризматический облик, в поперечном сечении имеют неправильную, угловатую форму. На компромиссных гранях имеется обильная поперечная индукционная штриховка. Кристаллы иногда завершаются головками, где грани ромбоэдров представлены, как правило, только одной-тремя, редко присутствуют все шесть граней. Грани тригональной дипирамиды или тригонального трапецоэдра не наблюдаются. Соотношения длины и ширина от 1:1 (редко) до 2–3:1 (наиболее часто) и до 4:1 (редко). Кристаллы нередко расширяются от основания к вершине. Наличие интенсивной штриховки в сочетании с угловатой, неправильной формой и шестоватым обликом указывает на тесное срастание индивидов при кристаллизации в некоторой друзовой полости или жиле. Окраска образцов варьирует от бледно-фиолетовой до фиолетовой, редко – насыщенно-фиолетовая.

В ходе исследования большого количества образцов выборка была разделена на отдельные группы по наличию общих, характерных черт. Всего выделяется 12 групп. При этом для образцов групп 1–4 с высокой долей вероятности предполагается совместный рост в пределах одной аметист-кварцевой жилы[10] или нескольких близрасположенных жил (полостей).

Онтогенические особенности роста кристаллов первых четырех групп хорошо видны на примере крупных выделений, где в полной мере проявлена стадийность их образования (рис. 5).

Стадийность образования кристаллов в группах 1–4

Зона Qtz-I[11]. Рост кристаллов начался с образования зоны прозрачного светло-серого («льдистого») кварца, иногда с бледным фиолетовым оттенком.

Зона Qtz-II. Данная зона представляет собой чередование полос молочного, почти непрозрачного кварца с полосами светло-серого прозрачного кварца с бледным зеленовато-серым оттенком. При частом чередовании зона имеет «шевронный» облик. Иногда эта зона угнетена, представлена всего двумя полосами, иногда – только тонкой полоской молочного кварца.

Зона Qtz-III. Зона представляет собой плавный переход от светло-серого кварца различной прозрачности с бледным зеленовато-серым оттенком к аметисту. Аметистовая часть обладает различной прозрачностью и насыщенностью цвета. Как правило, аметист полупрозрачен, полностью прозрачных (ювелирных) кристаллов и зон в кристаллах не наблюдается. Аметистовая подзона слагает вершину кристалла, которая часто покрыта тонкой пленкой *гематита*[12] или же матовой коркой.

Зона Qtz-IV. Вершины кристаллов поверх пленки гематита покрыты тонким (1–2 мм) слоем непрозрачного серого, молочного, полупрозрачного серого с желтоватым оттенком кварца. В одном образце вершина кристалла, кроме полупрозрачного кварца, покрыта щеткой мелких (около 0,2 мм) кристаллов кварца.

B Qtz-III (аметист) на вершинах кристаллов и в привершинных частях на компромиссных гранях наблюдаются выделения пластинчатого *барита*[13], размеры которого достигают 15–20 мм. Он имеет белый, бледно-розоватый, светло-серый цвет.

В кристаллах группы 1 проявлена наиболее полная (генеральная) последовательность, кристаллы остальных групп представляют собой менее полный набор генеральной последовательности (детально показано ниже). То есть изменяется лишь количество зон, участвующих в строении каждой группы, их толщина.

Кроме общей зональности, одним из важных признаков, позволяющих судить о принадлежности отдельных групп к одной жиле или нескольким сближенным жилам (полостям), является наличие тонкого, пленочного гематита мясово-красного цвета, как правило, между *Qtz-III* и *Qtz-IV*. Также следует отметить, что многие кристаллы содержат выделения пластинчатого барита.

Группа 1. Кристаллы (11 образцов) размером от 35 до 67 мм. Характеризуются наличием полной последовательности, описанной выше (рис. 5).

[10] *Кварцевая (аметист-кварцевая) жила* – протяженное в двух измерениях простое тело, образовавшееся либо в результате выполнения трещинной полости минеральным веществом, либо вследствие метасоматического замещения пород вдольтрещин минеральными веществами. По этим признакам выделяют жилы выполнения и жилы замещения. Формы жил весьма разнообразны. В жилах нередко встречаются пустоты (полости), выполненные кристаллами.

[11] *Qtz* – аббревиатура означает принятое в минералогии латинское сокращение кварца, римская цифра – номер зоны по порядку.

[12] *Гематит* – минерал класса оксидов, оксид железа с формулой Fe_2O_3. Часто встречается в виде пластинчатых, ромбоэдрических и таблитчатых кристаллов, а также в виде плотных скрытокристаллических масс, листоватых и чешуйчатых агрегатов, налетов, пленок. Цвет от железно-черного до стально-серого, в тонких чешуйках – густо-красный. Широко распространен в природе в самых разнообразных породах.

[13] *Барит* – минерал класса сульфатов, сульфат бария с формулой $BaSO_4$. Образует таблитчатые кристаллы, пластинчатые выделения, сплошные зернистые и землистые массы. Бывает бесцветный, серый, желтоватый, буроватый, розоватый. Характерный минерал гидротермальных процессов.

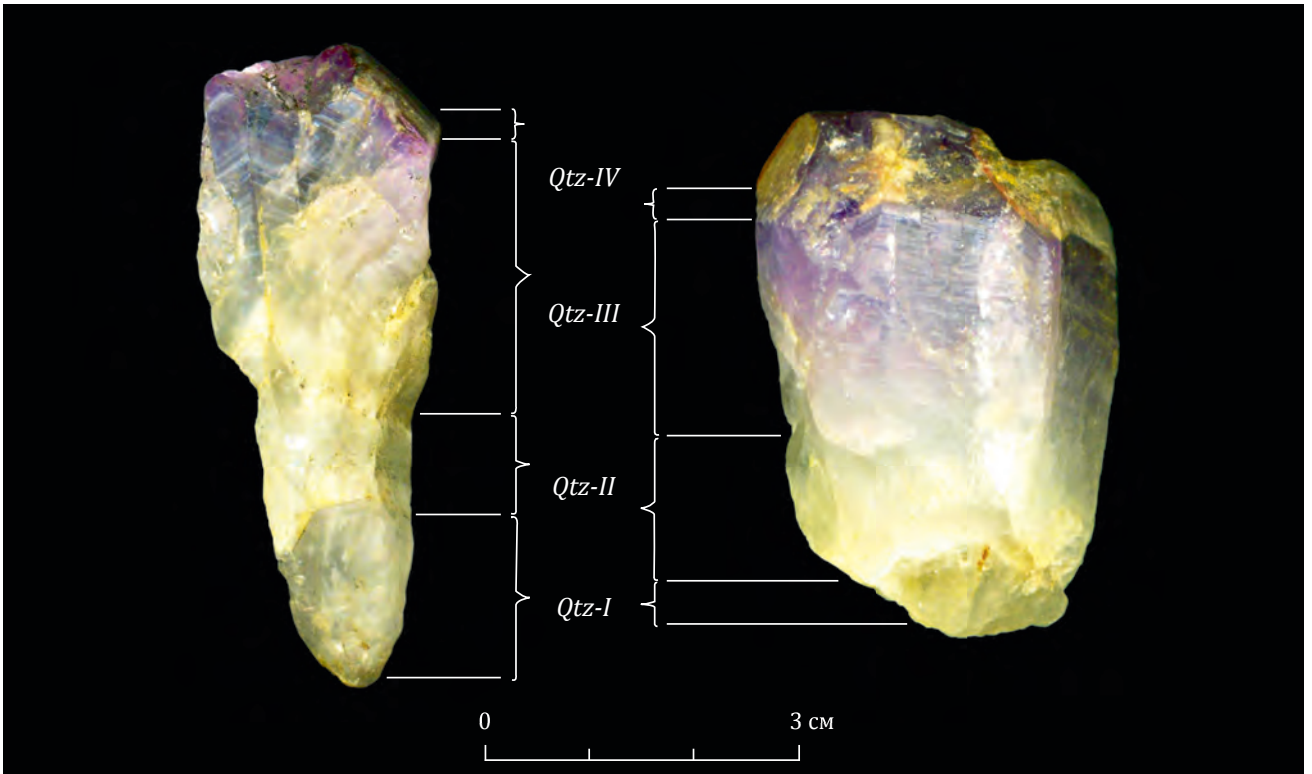


Рис. 5. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 1 (пояснения см. в тексте)

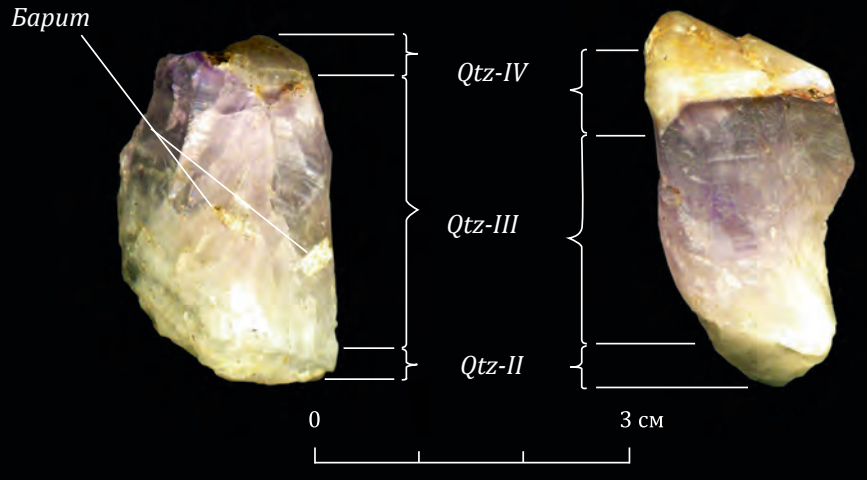


Рис. 6. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 2 (пояснения см. в тексте)

Группа 2. Кристаллы (9 образцов), обладающие сходным строением с группой 1, имеют размер от 22 до 40 мм. Компромиссные грани с индукционной штриховкой проявлены сильнее, чем в группе 3. Зона *Qtz-I* отсутствует. Зона *Qtz-II* представляет собой чередование полос молочного, слабо прозрачного кварца с полосами светло-серого более прозрачного кварца, иногда она проявлена только в виде тонкой прослойки молочного кварца. Зона *Qtz-III* представляет собой переход от светло-серого кварца к аметисту. Зона *Qtz-IV* аналогична описанной в группе 1. На компромиссных гранях и на вершинах кристаллов иногда наблюдаются выделения пластинчатого *барита. Гематит* между *Qtz-III* и *Qtz-IV* развит сильнее, чем в группе 1. На одном из образцов он образует пленку даже на компромиссных гранях (рис. 6).

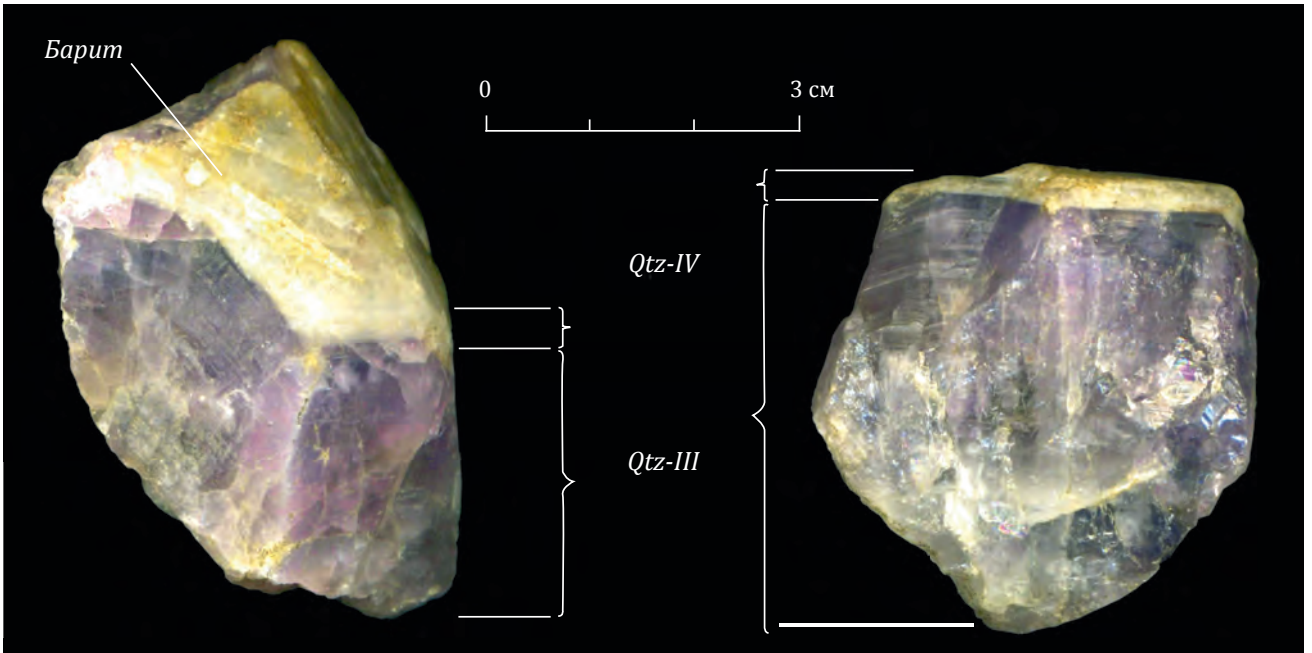


Рис. 7. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 3 (пояснения см. в тексте)

Рис. 8. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 4 (пояснения см. в тексте)

Группа 3. Крупные кристаллы (33 образца) с небольшим количеством компромиссных граней, размером от 35 до 54 мм. Грани ромбоэдров также проявлены слабо (как правило, часть одной грани, на одном образце – фрагменты трех граней). Группа характеризуется наличием зон *Qtz-III* и *Qtz-IV*. Зона *Qtz-III* представляет собой переход от серого кварца с бледным зеленовато-серым оттенком к ярко окрашенному аметисту. Зона *Qtz-IV* слагает вершины кристаллов, представлена серым малопрозрачным кварцем, иногда с желтоватым оттенком (рис. 7). Пленка *гематита* между *Qtz-II* и *Qtz-IV* не наблюдается или проявлена слабо. На вершинах кристаллов, реже на компромиссных гранях наблюдаются выделения пластинчатого *барита*.

Группа 4. Кристаллы (64 образца) имеют размеры от 8–15 до 35 мм (преобладают 20–25 мм), характеризуются наличием только аметистовой части зоны *Qtz-III*. Зона *Qtz-IV* представлена серым прозрачным кварцем, в пяти образцах – цитрином, толщиной до 5 мм. Между *Qtz-III* и *Qtz-IV* наблюдается тонкая пленка *гематита*, за счет которой прозрачный *Qtz-IV* имеет красноватый оттенок. На одном образце *Qtz-IV* представлен светло-фиолетовым аметистом толщиной 4 мм. Вершины кристаллов, лишенные *Qtz-IV*, имеют шероховатую, матовую поверхность. Наоборот, имеющие эту зону обладают ярким стеклянным блеском (рис. 8). На вершинах кристаллов наблюдаются выделения пластинчатого *барита*.

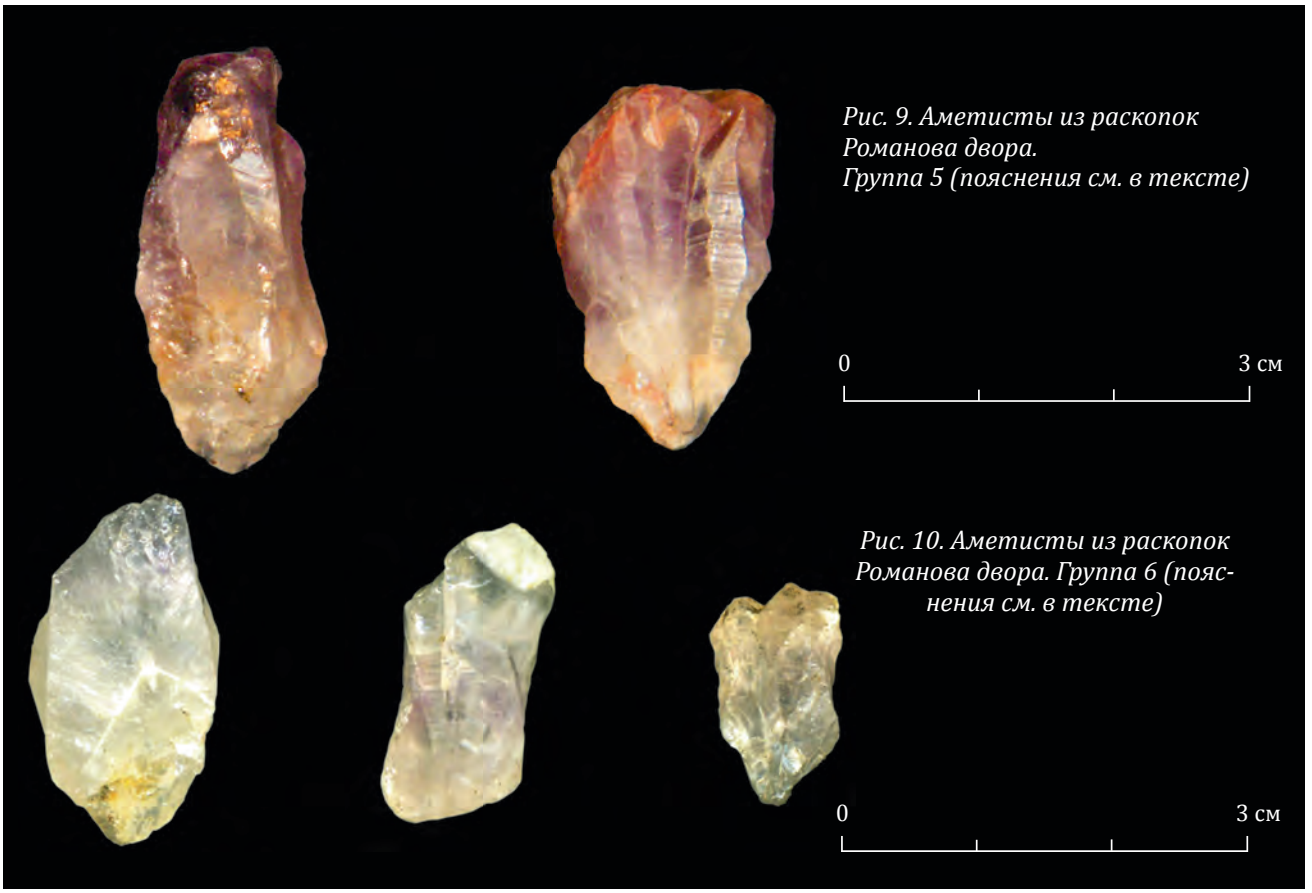


Рис. 9. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 5 (пояснения см. в тексте)

Рис. 10. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 6 (пояснения см. в тексте)

Таким образом, от первой группы к четвертой происходит уменьшение количества зон, участвующих в строении кристаллов. В группе 1 фиксируются зоны I–IV, в группе 2 – зоны II–IV, в группе 3 – зоны III–IV, а в группе 4 – только аметистовая часть зоны III, зона IV.

Группа 5. Кристаллы (4 образца) имеют размеры от 30 до 45 мм, характеризуются плавным переходом от светло-серого полупрозрачного кварца к аметисту, кристаллы трещиноватые, по трещинам развит гематит. Хорошо проявлены компромиссные грани с обильной индукционной штриховкой, грани ромбоэдра практически отсутствуют. Характерная особенность кристаллов – наличие иголочек *гётита*[14], преимущественно в кварцевой части. В двух образцах в кварцевой части видны мелкие *включения рудных минералов*[15]. В самом крупном образце на вершине кристалла слабо проявлена тонкая зона (менее 0,5 мм) серого полупрозрачного кварца, аналогичная *Qtz-IV* в группах 1–4, между этой зоной и аметистом имеется пленка *гематита* (рис. 9). Эта особенность сближает данную группу с упомянутыми выше группами 1–4.

Группа 6. Кристаллы и выделения кварца (279 образцов) имеют размеры от 5–15 до 27 мм (преобладают выделения размером 5–15 мм), различной степени идиоморфизма, от резко ксеноморфных до гипидиоморфных, почти на всех образцах имеются грани со штриховкой, но количество граней различно. Кварц прозрачный и полупрозрачный, бесцветный или светло-серый, бледно-сиреневатый, нередко – горный хрусталь (рис. 10).

Наиболее крупные образцы, как правило, соответствуют *Qtz-I*, иногда с зонами *Qtz-II*. В одном из них наблюдаются включения *гётита* (?) и редкие включения *рудных минералов*. Более мелкие образцы весьма сходны с кварцевыми зонами кристаллов группы 8.

[14] *Гётит* – минерал подкласса гидрооксидов с формулой HFeO2. Образует кристаллы игольчатой, пластинчатой, столбчатой формы; землистые, порошкообразные массы; почковидные радиально-лучистые тонковолокнистые агрегаты; ноздреватые конкреции, почковидные корки. Цвет темно-серый, желтый, охряно-желтый, желто-бурый. Образуется при нормальных температуре и давлении из других железосодержащих минералов: сидерита, магнетита, пирита и др. Распространен широко.

[15] *Рудные минералы* – в данном случае определение используется для обозначения непрозрачных минералов (пирит, халькопирит, галенит и др.)

Рис. 11. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 7 (пояснения см. в тексте)

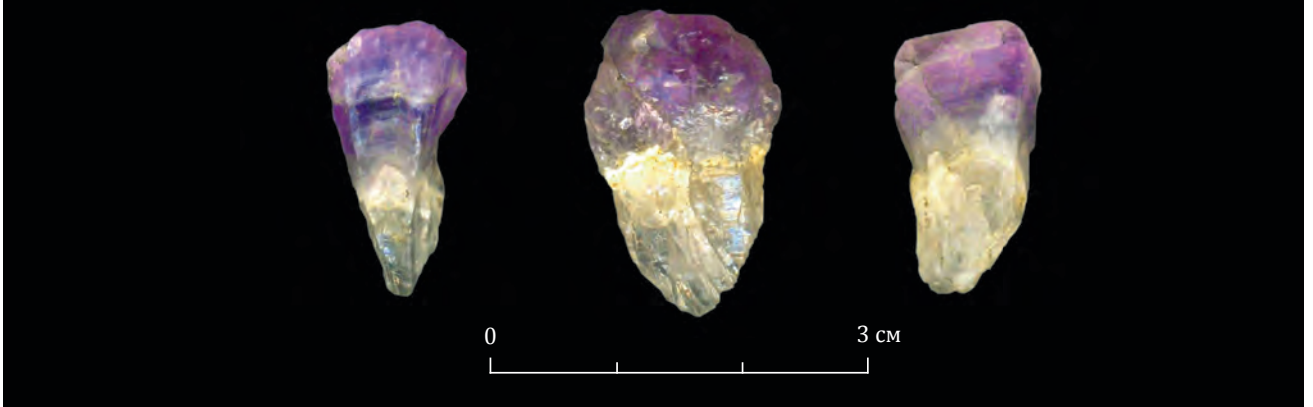


Рис. 12. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 8 (пояснения см. в тексте)

Группа 7. Кристаллы аметиста (730 образцов) имеют размеры от 5–15 мм до 27 мм, компромиссные грани с индукционной штриховкой развиты в различной степени, грани ромбоэдра развиты редко. Окраска аметиста различной степени насыщенности, часто светло-фиолетовая (рис. 11). В двух кристаллах вершинные части сложены *дымчатым кварцем*. Два образца данной группы имеют слабую окатанность.

Группа 8. Кристаллы данной группы (71 образец) размером от 14 до 32 мм (преобладают кристаллы размером 15–20 мм), имеют хорошо развитые компромиссные грани с обильной индукционной штриховкой и редкие грани ромбоэдра. Светло-серый прозрачный кварц в основании кристаллов резко, с четкой границей сменяется аметистом (рис. 12). Между кварцем и аметистом иногда наблюдается тонкий слой *кальцита*[16], иногда – тонкая полоска

[16] *Кальцит* – минерал класса карбонатов, одна из природных форм карбоната кальция с формулой $CaCO_3$. Исключительно широко распространен на поверхности Земли, породообразующий минерал. Кальцитом сложены известняки, меловые породы, мергели, карбонатиты, часто образует кристаллы и зернистые агрегаты. Часто встречается в жилах. Окраска разнообразная.

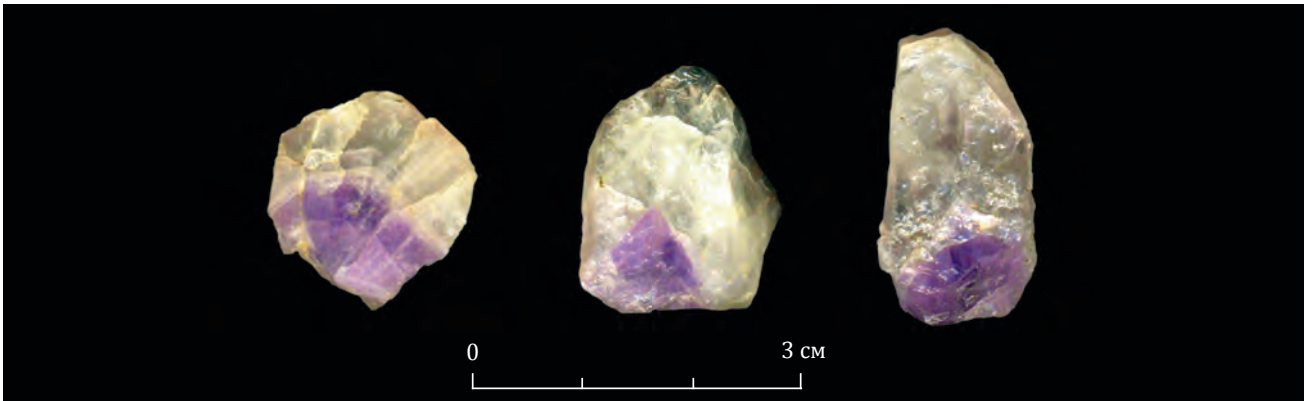


Рис. 13. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 9 (пояснения см. в тексте)

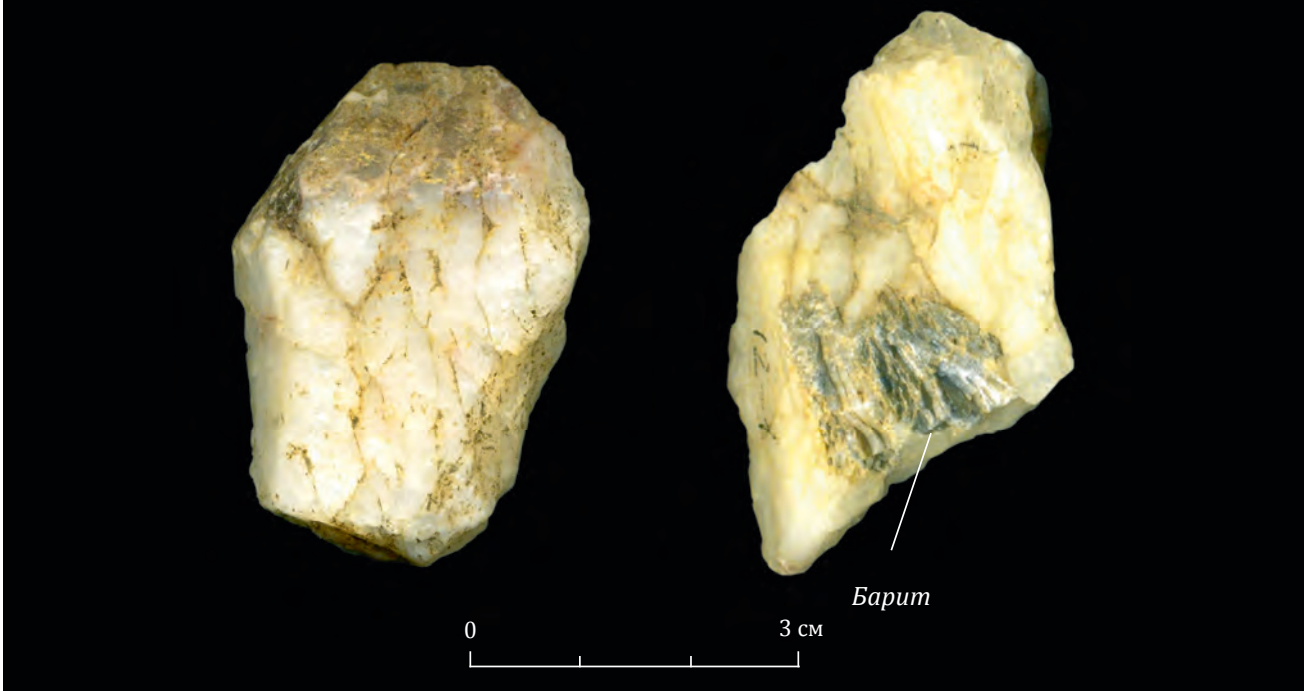


Рис. 14. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 10 (пояснения см. в тексте)

молочного кварца (характерно для угнетенной зоны *Qtz-II* в группе 2).

Группа 9. Кристаллы данной группы (84 образца) размером от 5–10 до 25–35 мм имеют хорошо развитые компромиссные грани с обильной индукционной штриховкой, иногда хорошо развитые грани ромбоэдра. Светло-фиолетовый аметист в основании кристаллов резко, с четкой границей, сменяется полупрозрачным светло-серым кварцем (рис. 13). На вершине одного из кристаллов отмечается пятнистая *дымчатая* окраска. На просвете в одном образце виден «шевронный» облик кристаллов. На другом образце на вершине кристалла наблюдается зона кварца, аналогичная *Qtz-IV*, с тонкой пленкой гематита между кварцем и *Qtz-IV*.

Группа 10. Кристаллы и ксеноморфные выделения *молочного кварца* (24 образца) имеют размеры от 7–10 до 60 мм, кристаллы имеют хорошо развитые компромиссные грани с обильной индукционной штриховкой. На двух образцах наблюдаются грани ромбоэдра, имеющие шероховатую поверхность. Едва заметен *гематит* по трещинам в вершинах кристаллов, в их основании кварц более прозрачен. На просвет кристаллы кварца «шевронные». Между неровностями граней наблюдаются выделения пластинчатого серого *барита* (рис. 14).

Группа 11. Выделения ксеноморфного *жильного аметиста* и *аметиста с регенерированными гранями* (22 образца). Регенерированные грани[17] имеют неровную поверхность, они заметны по характерному отблеску мельчайших граней, отражающих свет в единой плоскости или нескольких плоскостях. Редко встречаются единичные компромиссные грани со штриховкой. Окраска, как правило, равномерная, бледно-фиолетовая (рис. 15). Размеры от 27×16×16 мм до 43×27×22 мм. В некоторых образцах наблюдается бледно-зеленовато-серый кварц, аналогичный кварцу из кварцевых зон кристаллов группы 3. В наиболее идиоморфных образцах в зонах начала кристаллизации отмечается кварц, который резко сменяется аметистом, на границе между ними отмечается кальцит (аналогично группе 8).

Группа 12. Кристаллы *розового кварца* (3 образца) характеризуются развитием, преимущественно, граней ромбоэдра, имеют вид шестигранных пирамид с неровным основанием (рис. 16). Компромиссные грани на одном образце отсутствуют, на другом образце присутствуют только три грани, на третьем проявлены в полной мере. Размеры образцов (ширина основания на высоту кристалла) 28×19 мм и 18×12 мм. Прозрачность увеличивается от основания к вершине. Окраска бледная. Грани имеют яркий глянцевый блеск.

Таким образом, по особенностям зональности, морфологии, онтогении и цвета образцов можно заключить, что кристаллы групп 1–4 сформировались в пределах одной жилы или в пределах нескольких сближенных жил. На это указывает сходная форма кристаллов, сходная последовательность смены различных зон и характер их окраски, наличие выделений барита и пленочного гематита.

Кристаллы группы 5 близки к кристаллам групп 1–4, на что указывает наличие пленочного гематита, сходная окраска кристаллов и характер его смены от основания к вершине кристаллов.

Два образца кварца группы 6 также близки к зоне *Qtz-I*, на это указывает окраска образцов и характер смены цвета в некоторых из них.

Кристаллы групп 7–9 не имеют явных общих черт с кристаллами групп 1–4. Группа 9 имеет «обратную» зональность – аметист сменяется кварцем. Но некоторые ее представители в привершинных частях кристаллов имеют тонкую прослойку кварца, аналогичную *Qtz-VI*, с пленкой гематита. В группе 8 переход от кварца к аметисту очень резкий. Формирование кристаллов групп 7–9 в пределах одной жилы или сближенных жил совместно с кристаллами групп 1–4 (а также 5, 6) кажется возможным, но нельзя исключать их происхождения из других месторождений.

Кристаллы *молочного кварца* группы 10, судя по наличию *барита*, могли сформироваться совместно с группами 1–4.

Выделения *жильного аметиста* группы 11 могут маркировать периферические части жил или области пережимов, где нарушено условие свободного роста, могли сформироваться совместно с группами 1–4. На одном образце фиксируется кварц бледно-зеленовато-серого цвета, аналогично таковому в группе 3.

Кристаллы *розового кварца* группы 12 явно выделяются на фоне аметиста, общность их происхождения с группами 1–4, а также с другими группами явно не устанавливается.

Ближайшие к Москве места находок аметиста и кварца известны в карбонатных породах в окрестностях г. Железнодорожный (известняковые и доломитовые карьеры у дер. Русавкино)[18], в карьерах близ Подольска[19], в Щелковском доломитовом карьере[20]. Здесь аметист заполняет стенки жеод в известняках. Кроме этого, аметисты в карбонатных породах известны в Вологодской области[21] (валуны с жеодами аметиста по р. Сухоне, известняки каменноугольного возраста между Кирилловом и Вологдой) и в Новгородской области близ Боровичей[22]. Проявления аметиста установлены в Архангельской области: здесь он встречается в виде друз в окремненных известняках и пустотах в желваках кремня[23]. Однако находки крупных жеод, выполненных кварцем и аметистом, на указанных проявлениях сравнительно редки и распределены в карбонатных толщах неравномерно. Размер кристаллов в них редко превышает первые миллиметры, а обнаруженные при раскопках имеют размер до 6 см по длинной оси. Следовательно, подобные источники аметиста не имеют сейчас и не могли иметь ранее важного практического значения.

К сожалению, по имеющимся данным установление конкретного источника находок затруднительно. Во-первых, это связано с тем, что среди известных сейчас месторождений пока не удается найти визуальных аналогов, то есть образцов, которые были бы сходны с найденными в Москве. Во-вторых, аметист, как и кварц, не обладает яркими тиморфными особенностями.

[17] *Регенерированные грани* – грани, образовавшиеся в местах срывов и сколов в кристаллах. Характеризуются отсутствием гладких, ровных плоскостей и наличием форм микрогранного рельефа.

[18] Жеоды с кристаллами аметиста в экспозиции минералов Подмосковья. Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана, Москва; Ферсман А. Е. Избранные труды. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Т. VII. С. 179–180.

[19] Ферсман А. Е. Указ. соч. С. 179–180.

[20] Фекличев В. Г. Минералогическое разнообразие Подмосковья // Среди минералов: альманах. М.: Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана, 1998. С. 103–112.

[21] Артамонов В. С. Полудрагоценные камни Северо-Запада РСФСР (аметист, гранат-альмандин, лунный камень, солнечный камень) // Материалы по геологии и полезным ископаемым Северо-Запада РСФСР. Л.: Гостоптехиздат, 1962. Вып. 3. С. 199.

[22] Ферсман А. Е. Указ. соч. С. 180; Артамонов В. С. Указ. соч. С. 199.

[23] Артамонов В. С. Указ. соч. С. 199.

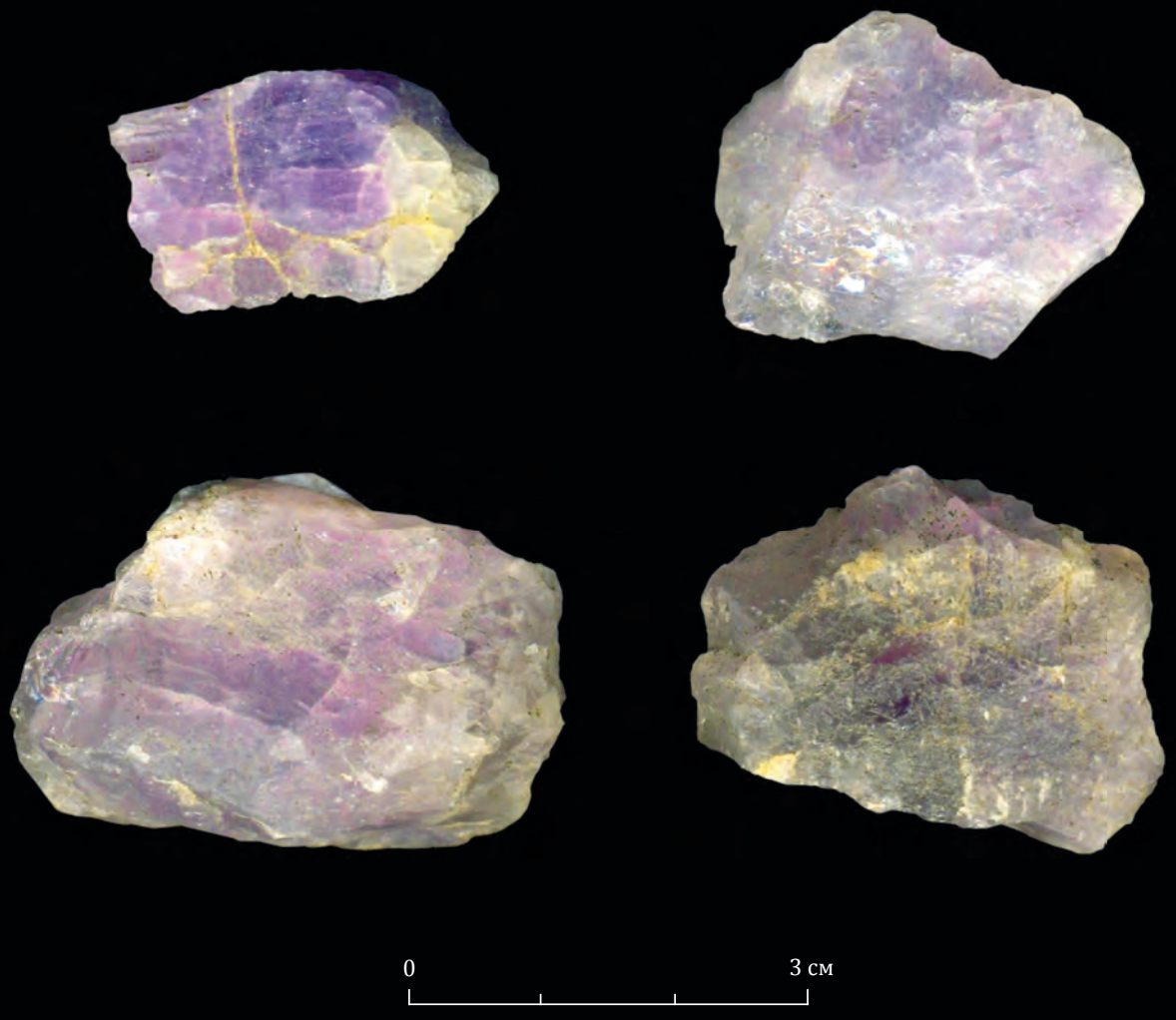


Рис. 15. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 11 (пояснения см. в тексте)

Рис. 16. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 12 (пояснения см. в тексте)

Однако в нашем распоряжении имеется достаточное количество материала, чтобы попытаться составить представление о генезисе (условиях образования) месторождения (или группы месторождений), где он был добыт. Для этого сначала обратимся к принятым генетическим классификациям известных месторождений. В настоящее время существует несколько классификаций, отличающихся степенью детальности выделения геологических обстановок формирования аметиста[24]. В дальнейших построениях мы будем пользоваться классификациями Е. П. Куценко и Е. Я. Киевленко с соавторами, так как они отличаются наибольшей степенью детальности.

В соответствии с разработками авторов, выделяется *три главных морфолого-генетических типа месторождений*:

1) в гранитных пегматитах,

2) гидротермальные месторождения,

3) экзогенные месторождения[25].

Месторождения в гранитных пегматитах имеют совершенно другой набор, по сравнению с описанным выше, сопутствующих минералов (кварц, микроклин, альбит, олигоклаз, биотит, топаз, литиевые слюды)[26]. Месторождения экзогенного типа связаны либо с аллювиальными россыпями, где аметист имеет или следы окатанности, или полностью превращен в гальку; либо связаны с корами выветривания, где этот драгоценный камень ассоциирует с глинистыми минералами. К экзогенному типу также относят аметист из зон окремнения в известняках, где он имеет лишь минералогическое значение[27]. Поэтому типы 1 и 3 при поисках аналогий можно исключить.

Таким образом, описываемый материал относится к гидротермальному типу, в котором, в свою очередь, выделяется три *подтипа*:

1) аметистоносные штокверки в зонах жильных брекчий,

2) кварц-аметистовые жилы и минерализованные трещины в зонах тектонических трещин,

3) аметистоносные полости в миндалекаменных базальтах.

К *первому подтипу* относятся месторождения среди полимиктовых железистых песчаников, а также среди глинистых сланцев, диабазов и гранитов. Аметист этих месторождений характеризуется незначительными размерами, как правило, 1–5 мм, но не более 1–2 см. Представителем этого подтипа является месторождение Мыс Корабль в Кандалакшском заливе (Мурманская область, рис.17), на котором встречается аметист в ассоциации с баритом, который зафиксирован и среди "московских"образцов. Однако на этом месторождении не встречаются столь крупные кристаллы, подобные описанным выше. В друзах и щетках помимо барита встречается флюорит, который в ассоциации с «московским» аметистом не обнаружен[28].

Месторождения *третьего подтипа* локализуются в пустотах и полостях среди базальтоидов. Сопутствующими минералами здесь являются агат, халцедон, горный хрусталь, минералы группы цеолитов и кальцит[29]. Принимая во внимание размеры выделений аметиста и набор сопутствующих минералов, *месторождения первого и третьего подтипа* также можно исключить при дальнейшем рассмотрении.

Ко *второму подтипу* относится значительное количество месторождений, формирование которых происходило в различных геолого-генетических условиях.

Аметистовая минерализация среди *гранат-пироксеновых и рудных скарнов*[30] не несет крупные скопления камня. В этом случае аметист ассоциирует с минералами, типичными для скарновых процессов: эпидот, актинолин, гранат, магнетит и железистый карбонат[31].

---

[24] Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Указ. соч. С. 220–231; Методическое руководство по поискам и перспективной оценке драгоценных и цветных камней (ювелирных, поделочных, декоративно-облицовочных). М.: М-во геологии СССР, 1974. Вып. 1: Аметист. 43 с.; Куценко Е. П. Типы месторождений аметиста и его ресурсы // Драгоценные камни как полезное ископаемое. М.: Наука, 1973. С. 155–166.

[25] Куценко Е. П. Указ. соч. С. 156–157.

[26] Там же; Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Указ. соч. С. 222–223. Примеры месторождений: Мадагаскар, Адуйский массив (Средний Урал), Майдантальское (Узбекистан), Южно-Канское (Красноярский край).

[27] Куценко Е.П. Указ. соч. С. 164–165; Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Указ. соч. С. 222–225. Россыпные месторождения: Шри-Ланка, Могок (Мьянма), Кочкарское (Южный Урал) и др. Месторождения в корах выветривания: Южная Африка, Уругвай, Бразилия.

[28] Фришман Н. И. Аметистовый берег. Мурманск; СПб.: Рус. коллекция, 2007. 96 с. Примеры месторождений: Мыс Корабль, Волк-остров и др.

[29] Куценко Е. П. Указ. соч. С. 163–164; Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Указ. соч. С. 222–223. Примеры месторождений: Идарберштейн (Германия), Сибирская платформа, Северный Тиман, Забайкалье.

[30] *Скарн* – контактово-метасоматическая порода, возникающая вблизи интрузии в случае, если вмещающие породы резко отличаются от интрузивных пород по химическому составу. Скарн является продуктом реакционного взаимодействия контактирующих между собой карбонатных и алюмосиликатных пород при участии высокотемпературных постмагматических растворов. Эти породы имеют разнообразный состав: гранат-пироксеновые (сложены гранатом и пироксеном) и др. Рудные скарны – породы, содержащие рудную минерализацию.

[31] Куценко Е. П. Указ. соч. С. 162. Примеры месторождений: Дашкесан (Азербайджан), Ангаро-Илимские месторождения, Траварселла (Италия). Полагаем, что месторождения аметиста в агатоносных залежах миндалекаменных андезитов и порфиритов по условиям формирования следует относить не ко 2-му, а к 3-му подтипу.

Рис. 17. Обзорная карта месторождений, районов распространения аметиста и объектов, упомянутых в тексте. Цифрами обозначены: 1 – северная и западная часть Таджикистана, 2 – восточная и юго-восточная часть Таджикистана (Горный Бадахшан), 3 – Рудные горы (граница Германии и Чехии), 4 – самоцветная полоса Урала, в пределах которой развиты месторождения аметиста, 5 – Москва, 6 – Тверь, 7 – Великий Новгород, 8 – Кительское месторождение граната-альмандина, 9 – Селитренное городище, 10 – Булгар, 11 – месторождение Мыс Корабль, 12 – месторождение Хасаварка

Месторождения среди метаморфических сланцев и в связи с *хрусталеносными кварцевыми жилами*[32], хотя и содержат иногда кристаллы аметиста размером до 4–6 см и даже до 20 см (месторождение Хасаварка, рис. 17), но сам минерал играет там подчиненную роль[33]. Часто аметист нарастает на кристаллы горного хрусталя и дымчатого кварца, чего не наблюдается в найденном материале. Среди сопутствующих минералов здесь следует назвать *кальцит, гематит, анкерит и сидерит*[34]. Характерной особенностью подобных жил является соответствие их минералогического состава составу вмеща-

[32] *Хрусталеносные кварцевые жилы (жилы альпийского типа)* – жилы, приуроченные к полым трещинам разрыва в метаморфических породах обычно вкрест сланцеватости. Характерная особенность жил – в них образуются те же минералы, которые слагают метаморфические породы. Считается, что образуются при участии флюидов и растворов, не связанных с магматическим источником.

[33] Куценко Е. П. Указ. соч. С. 162. Примеры месторождений: Хасаварка (Приполярный Урал), Джанги-Джол (Узбекистан).

[34] Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Указ. соч. С. 222–223.

ющих метаморфических пород[35]. Барий как элемент (а следовательно, и минерал барит) не характерны для метаморфических пород в целом[36].

Таким образом, по набору сопутствующих минералов аметистовая минерализация *скарнов и хрусталеносных жил* не может являться источником описываемого материала.

Наиболее близок имеющийся материал к образцам из месторождений *в минерализованных зонах трещин в гранитоидных породах*. В структурном отношении месторождения локализуются в эндо- и экзоконтактах гранитоидов и контролируются зонами трещиноватости. Месторождения этой группы являются самостоятельными объектами разведки и добычи камня, имеют значительное территориальное распространение. К этой группе относится значительное количество месторождений на Урале (около ста Мурзинских копей, Адуйские копи (Свердловская область, Средний Урал), Чуксинское месторождение (Челябинская область, Южный Урал), ряд точек минерализации в Кочкарском гранитном массиве (Челябинская область, Южный Урал)), а также аметистовые месторождения в гранитных массивах Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия). Сопутствующими минералами здесь являются *гематит, пирит, кальцит, сидерит*, а также *барит, лимонит, гидрогётит*[37] и другие минералы.

Месторождения драгоценных камней Урала начинают вовлекаться в хозяйственные интересы России только со второй трети XVII в. Но и в это время известны, главным образом, отдельные факты находок цветного камня. Расцвет добычи драгоценных и поделочных камней на Урале приходится уже на XVIII–XIX вв.[38]. Материал уральских месторождений хорошо представлен в музейных собраниях и частных коллекциях. Среди находок из Москвы не было обнаружено аналогий материалу из известных месторождений Урала (набор сопутствующих минералов, размер, морфология кристаллов с учетом зональности). Кроме того, для уральских копей этого камня не характерен барит. Отсутствие аналогий также отметили исследователи уральского камня М. И. Попов и С. В. Колисниченко. Таким образом, месторождения Уральских гор представляются маловероятным источником «московского» аметиста.

Значительное количество месторождений и проявлений аметиста известно в Таджикистане. Аметист здесь обнаруживается в составе аметист-кварцевых жил различной мощности. Вмещающими породами для жил служат эндо- и экзоконтакты (терригенно-флишиевые толщи, известняки и мраморовидные известняки, сланцы, песчаники) гранитоидов. Для многих месторождений характерны крупные размеры кристаллов, а также барит и гематит среди сопутствующих минералов. Аметист в ассоциации с *баритом* встречается на таких месторождениях, как Сарымазар, Кауфара (Каратегинский хребет, Центральный Таджикистан), месторождения Муджихаврского аметистоносного района, Канжол (Матчинский район Согдийской области, Северный Таджикистан), Канимансур (Кайраккумский район Согдийской области, Северный Таджикистан) (рис. 17). *Гематит* описан на месторождениях Муджихаврского аметистоносного района и на месторождении Канимансур. Размер кристаллов различен, от 0,5 до 5–8 см на отдельных месторождениях[39]. К сожалению, в используемых нами источниках не всегда указываются размеры кристаллов, что не позволяет максимально сузить круг поисков. Следует отметить, что месторождения Канжол и Канимансур являются одними из древнейших источников серебра и свинца в Средней Азии, серебро этих месторождений служило, вероятно, для чеканки арабских дирхемов[40]. Серебряно-свинцовая минерализация пространственно связана с аметистовой минерализацией.

Месторождения аметиста, связанные с гранитоидным магматизмом, известны в Узбекистане и Киргизии[41], а также в Рудных горах Германии и Чехии.

Итак, среди образцов кварца и аметиста из раскопа Романов двор-2 наиболее типичны шестоватые зо-

---

[35] Бетехтин А. Г. Курс минералогии / под. ред. Б. И. Пирогова и Б. Б. Шкурского. М.: Кн. дом «Университет», 2010. С. 149.

[36] Там же. С. 426.

[37] *Пирит* – минерал класса сульфидов, дисульфид железа с формулой FeS_2. Образует кристаллы кубической и пентагондодекаэдрической форм, распространен в виде сплошных масс, мелкозернистых агрегатов, в осадочных породах – в виде стяжений. Цвет – соломенно-желтый. Один из самых распространенных сульфидов. Большие его залежи сосредоточены в месторождениях гидротермального происхождения, особенно серноколчеданных залежах, осадочных и метаморфических породах.

Сидерит – минерал класса карбонатов, карбонат железа с формулой $FeCO_3$. Цвет свежего сидерита белый, окисленных разностей – светло- и темно-коричневый. Широко распространенный минерал. Образует зернистые скопления, конкреции, иногда кристаллы. Широко развит в метасоматических, гидротермальных и осадочных породах.

Лимонит – высокодисперсная смесь гидроксидов железа: гётида, гидрогётита, лепидокрокита, гидрогематита и др.

Гидрогётит – разновидность гётита, содержащая молекулы воды: $HFeO_2 \cdot nH_2O$.

Другие минералы см. выше.

[38] Аринштейн М., Мельников Е., Шакинко И. Цветные камни Урала. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. С. 14.

[39] Оймахмадов И. С. Минералогия и термобарогеохимические условия образования аметистовых месторождений Южного склона Гиссарского хребта и Юго-Западного Каратегина (Центральный Таджикистан): дис. … канд. г.-мин. наук: 25.00.05 / [Акад. наук Республики Таджикистан, Ин-т геологии], Душанбе, 2005. 158 с.

[40] Максимов М. М. Очерк о серебре. 3-е изд. М.: Недра, 1981. С. 43–45.

[41] Исмаилов М. А. Генезис аметистоносных трещинных зон Киргизии и Узбекистана // Записки Узбекистанского отделения Всесоюзного минералогического общества. Ташкент: ФАН, 1985. Вып. 38. С. 45–50.

нальные кристаллы с различным количеством компромиссных граней, редкими гранями ромбоэдра, демонстрирующие совместный рост кристаллов в пределах полости. Важным генетическим признаком являются обнаруженные минералы-спутники – барит, гематит, пирит, халькопирит. Весь комплекс приведенных выше типоморфных характеристик кварца и аметиста позволяет отнести их к месторождениям, связанным с гранитоидным магматизмом.

Ближайшие к Москве проявления аметиста в карбонатных породах не содержат столь крупных кристаллов. Аметист в ассоциации с *баритом*, известный на месторождении Мыс Корабль (Кольский полуостров), имеет незначительные размеры кристаллов в отличие от найденных на Романовом дворе. Включения *гетита* в аметисте известны на месторождении Волк-остров в Ладожском озере, но и там размеры камня невелики. К тому же все эти месторождения имеют другую геолого-генетическую принадлежность. Среди уральских источников аметиста не обнаруживается аналогий. Наиболее вероятными источниками московских камней представляются месторождения Средней Азии или Рудных гор. Возможным источником камня могут быть забытые в настоящее время месторождения на территории Карелии или Кольского полуострова.

Обратимся теперь к историческим сведениям.

Аметист был известен на Руси издревле, он не раз упоминается в письменных источниках. Однако отождествление этого драгоценного камня с его историческими названиями представляет понятные трудности. Не ставя целью провести анализ всех источников, приведем некоторые примеры. В сочинении Аль-Бируни аметист описан под именем джамаст[42]. Одним из первых упоминаний аметиста в древнерусской литературе является «Сказание о 12 драгоценных камнях» в Изборнике Святослава 1073 г.[43]. Из Изборника описания двенадцати камней были полностью перенесены в «Толковую Палею». Аметист в этих памятниках описан как «амефестоун», здесь ясно видна преемственность от древнегреческого названия «αμέθυστος». С аметистом отождествляется «фатис», описанный в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина[44]. А. Е. Ферсман видел аметист в «варенике» из Торговой книги 1585 и 1610 гг.[45]: «А Вареникъ знати: хотя и красен, ино целое место светит бело, как и всякий хрусталь, а кой весом же тянет Вареникъ 4 золотника, и только бы таковы были велики, как Яхонты, и цветом в ту же краску, как Лалъ, купити 2 камня во 100 рублей и дороже; а один, как Яхонтъ купити на тот же образец в 50 рублей»[46]. В пользу такого сопоставления говорит фраза: «хотя и красен, ино целое место светит бело, как и всякий хрусталь». Возможно, здесь имеется в виду зональность кристаллов аметиста, в которых кварц (горный хрусталь) часто сменяется непосредственно аметистом от основания к вершине кристалла. Цвет «вареника» сопоставляется с цветом яхонта[47]. И. И. Макеева приводит сведения об аметистах из Травника Любчанина, известного по списку XVII в., но составленного ранее: «Тот амитистов камень, которыи привозят из ындеиских стран, дражаиши есть всех камении, которые сут[ь] цветом багряны». В этом случае в русском переводе употреблено название, созвучное латинскому. В другом указываются два варианта: «аметистус по латынски, серовик по руски»[48]. В русских летописях, а также в духовных и договорных грамотах русских князей этот фиолетовый камень, по мнению исследователей, не упоминается[49]. Трудности, связанные с узнаванием аметиста в средневековых терминах, суживают круг источников, из которых можно почерпнуть информацию о происхождении и путях поступления камня на Русь.

Судя по вышеприведенным цитатам и другим источникам, аметист считался на Руси дорогим

[42] Аль-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / под ред. И. М. Стеблин-Каменского, В. П. Никонорова. 2-е изд. СПб.: Петербург. лингвист. о-во, 2011. С. 226–227, 536–537. Хотя в трактате приведены весьма подробные сведения о многих камнях, употребляемых в древности, в том числе со ссылками на других авторов, в главе, посвященной аметисту, есть ряд неточностей. Так, аль-Бируни пишет, что аметист «разрезается ножом», «корка, стружки и опилки его похожи на мраморные», «он ломается при незначительном усилии», «на огне расплавляется, как свинец», «в нем видны все цвета». Аметист имеет твердость 7 по шкале Мооса, и его никак нельзя даже поцарапать железным ножом, который имеет твердость около 5,5. Скорее всего, под именем аметиста у автора описан минерал флюорит. Как и аметист, он бывает фиолетового цвета, но для него также характерен зеленый, розовый, синий цвета, присутствующие даже в одном куске (так называемая полихромность, очень характерна для этого минерала). Твердость флюорита – 4 по шкале Мооса.

[43] Аксентон Ю.Д. Сведения о драгоценных камнях в Изборнике Святослава 1073 г. и некоторых других памятниках // Изборник Святослава 1073 г.: сб. ст. М.: Наука. 1977. С. 280–292.

[44] Там же. С. 128–129.

[45] Ферсман А. Е. Очерки по истории камня. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 1. С. 357. (Прил. 3: Старинные русские названия камней).

[46] Торговая книга 1585 и 1610 гг. // ЗОРСА. СПб., 1851. Т. 1. С. 121.

[47] Синими и красными яхонтами называли на Руси сапфиры и рубины (разновидности минера корунда – Al_2O_3). Корунд, как и шпинель (древнерусское название «лал», $MgAl_2O_4$), имеет весьма разнообразную окраску, помимо синих и красных, эти минералы бывают и розовыми, и сиреневыми. См. также: Ферсман А. Е. Очерки по истории камня. Т. 1. С. 357–358.

[48] Макеева И. И. Минералогические сведения в русских памятниках XVI–XVII вв. // Естественнонаучные представления Древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 143, 146, 149.

[49] Аксентон Ю. Д. «Дорогие камни» в культуре Древней Руси: (по памятникам прикладного искусства и литературы XI–XV вв.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.06 / [Государственный ордена Ленина Эрмитаж]. Л., 1973. С. 128.

камнем. Об этом говорят и предметы, украшенные аметистовыми вставками, например, вещи из Старорязанского клада XII в., потир новгородского архиепископа Моисея XIV столетия и другие известные памятники прикладного искусства[50]. Отдельные аметистовые бусы и вставки изредка находят при раскопках древнерусских городов в слоях домонгольского времени. М. Д. Полубояринова пишет о находках изделий из аметиста на территории Волжской Болгарии и в золотоордынских городах: это бусы, подвески, вставки. Но аметист там представлен в основном необработанными кусками (с Селитренного городища, например, происходят 42 экземпляра) и по частоте встречаемости уступает другим камням[51]. До московской находки на территории Руси необработанные аметисты найдены в Великом Новгороде: в 1938 г. А. В. Арциховский на Ярославовом Дворище обнаружил друзу кристаллов аметиста. Предположительно они происходили из древнерусских слоев. Находка большого количества камней на одном объекте, сделанная на Романовом дворе в Москве в 2002 г., оказалась первой, датируемой временем Московской Руси.

Получить дополнительные сведения о происхождении аметиста из раскопок в Москве позволяет обращение к сюжету о другом популярном на Руси камне – гранате. В результате недавних археологических исследований на территории Твери были обнаружены кристаллы граната-альмандина и их фрагменты, всего 54 экземпляра. Все они происходят из слоев, датируемых второй половиной XV – первой половиной XVI столетия. В отличие от аметиста, анализ этого камня позволяет установить его точное происхождение. Оказалось, что тверские гранаты-альмандины привезены из Кительского месторождения в Северном Приладожье (эта территория входила в состав Вотской пятины Новгорода Великого). Вне всякого сомнения, в Твери в то время существовала мастерская по обработке карельских гранатов[52]. Было бы логично предположить, что в Москву аметисты в XVI в. привозились вместе с гранатами с северо-западных территорий Русского государства. Олаф Магнус в сочинении «История северных народов», впервые опубликованном в 1555 г., упоминает об аметистах близ Колы[53]. Но есть и другая версия.

Выше уже говорилось о необработанных аметистах из слоя Болгара и других золотоордынских городов. В Болгаре и на Селитренном городище археологи локализуют мастерские по обработке камня, в том числе аметиста, датируя их серединой XIV в. и позднезолотоордынским временем[54]. При этом изделия из граната или его кристаллы пока при раскопках на этих памятниках не встречались. Очевидно, что в Среднее и Нижнее Поволжье аметист поступал из другого источника – из стран Востока. С присоединением Казанского и Астраханского ханств во второй половине XVI в. обработка аметиста могла оказаться в числе других «приобретений» Русского государства. Не случайно он найден в Москве в районе Опричного двора Ивана Грозного, страстного любителя драгоценных камней.

М. Д. Полубояринова, анализируя различные сведения, пишет, что этот камень вместе с другими мог поступать из стран Средней Азии или через них. Следуя за древними авторами, она склоняется к индийскому происхождению найденных аметистов, не исключая, правда, и других версий[55]. Об этом же сообщают различные сочинения, известные в России в XVII в. и ранее[56]. В связи с этим интересны данные М. Е. Масона. В работе 1934 г. он пишет о давней добыче аметиста в некоторых областях Таджикистана: «В северном Ходжентском районе, судя по следам прежних работ, были небольшие рудники, где добывали квасцы и аметисты». Со ссылкой на В. В. Григорьева (1861 г.) приводятся данные об аметистах Бадахшана (Горный Бадахшан занимает восточную и юго-восточную часть современного Таджикистана)[57]. По данным И. С. Оймахмадова, в наши дни многочисленные месторождения и проявления аметиста известны в Северном и Центральном Таджикистане[58]. В описаниях горных разработок в Таджикистане, составленных в начале XX в., сведения об аметистах практически отсутствуют. Вероятно, объем добычи этого драгоценного камня был невелик, со временем о нем забыли, а на первое место по важности вышли месторождения других полезных ископаемых[59].

Полностью принять в качестве единственной версию о преемственности обработки аметиста во второй половине XVI в. из городов Поволжья не по-

[50] Подробный перечень изделий с аметистами с территории средневековой Руси см.: Там же. С. 170–196.

[51] Полубояринова М. Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Наука, 1991. С. 30, 36, 50, 64, 66, 79, 86, 99.

[52] Романова Е. А., Окулов А. В., Данилов В. В., Шкурский Б. Б. Гранаты-альмандины из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф., посвящ. 1150-летию рос. государственности, Новгород, 24–26 янв. 2012 г. Новгород: Новгород. гос. объединенный музей-заповедник, 2012. Вып. XXVI. С. 313–315.

[53] Ферсман А. Е. Избранные труды. Т. VII. С. 179.

[54] Полубояринова М. Д. Указ. соч. С. 66, 101.

[55] Там же. С. 108.

[56] Макеева И. И. Указ. соч.

[57] Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1934. С. 79, 88–89. (Таджикско-Памирская экспедиция 1934. Материалы экспедиции; вып. XX).

[58] Оймахмадов И. С. Указ. соч.

[59] См., например: Иванов П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии: краткий ист. очерк. Л.; М.: Гос. науч.-техн. геол.-развед. изд-во, 1932. 81 с.

зволяют другие тверские находки: там в одних комплексах с необработанными гранатами найдены отдельные кристаллы аметиста[60]. Значит, этот камень поступал к русским мастерам ранее и, может быть, из других источников.

Подводя итог, можно сказать, что проведенное комплексное исследование найденных при раскопках в Москве в 2002 г. кристаллов аметиста указывает на возможное их происхождение из месторождений Таджикистана. К этому варианту склоняются авторы этой статьи. Судя по сходству минералогических характеристик, не исключено, что аметисты во второй половине XVI в. могли привозить также из Рудных гор Германии и Чехии (рис. 17). Учитывая данные раскопок и письменные источники, к этим двум вариантам нужно добавить неизвестные сегодня месторождения Карелии и Кольского полуострова. Возможно, что источники поступления аметиста в Россию менялись на протяжении XV–XVII вв.

В вопросе о происхождении аметиста из раскопок Романова двора точку ставить рано. В настоящее время продолжается сбор каменного материала с указанных в этой статье потенциальных источников камня, а также изучение московских образцов на предмет минералов-включений в *барите*, *кальците* и в самом аметисте. Немаловажным, на наш взгляд, является поиск макроаналогий. Полагаем, что новые данные о качественном наборе минералов-включений, их химическом составе, а также данные об элементах-примесях в самом аметисте позволят впоследствии среди нескольких потенциальных источников найти максимально близкие. Кроме того, не исчерпаны возможности различных письменных свидетельств и археологических данных. Возможно, в ближайшее время будут сделаны находки, которые позволят прийти к окончательным выводам[61].

[60] Авторы выражают признательность сотруднику Тверского государственного объединенного музея Е. А. Романовой за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

[61] Пользуясь случаем, авторы этой статьи благодарят за консультации и помощь в работе Должанскую Т. Ю., канд. г.-мин. наук, директора Минералогического музея МГРИ-РГГРУ, Москва; Шкурского Б. Б., канд. г.-мин. наук, доцента кафедры петрологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; Пустырева П. В., председателя КРОО ПО «Подвиг»; Гурвича М. Ю., канд. г.-мин. наук, заведующего лабораторией физических методов исследования минералов и руд МГРИ-РГГРУ, Москва.

I. N. Kuzina, A. V. Okulov

The Amethysts of the 16th Century from Romanov's Courtyard (Moscow)

Key words: the Oprichny Courtyard, archaeology, trade, amethyst, precious stones, deposits, mineralogy, gold work.

Abstract: The article is devoted to amethysts which were collected in 2002 during the archaeological excavations in the courtyard of the old building of M. V. Lomonosov Moscow State University. The origin of some kilograms of the precious stones, connected with the functioning of Ivan the Terrible's Oprichny Courtyard on the spot, is set by methods of mineralogy and archaeology. As a result of the multidisciplinary research the most possible origin of those stones is considered to be deposits on the territory of modern Tajikistan. According to the mineralogical characteristics, the amethysts could have appeared in Moscow also from the Erzgebirge of Germany and the Czech Republic. Historical sources do not exclude the existence of the forgotten amethysts' deposits in Karelia or on the Kola Peninsula.

Д. Г. Давиденко

Отливка и установка большого Успенского колокола в Московском кремле в 1650-е – 1670-е гг.

Главный благовестник Московского кремля, восхищавший иностранцев, был одним из символов Российского государства. В очередной раз отливка благовестника Успенского собора Московского кремля весом в 2450 пудов состоялась на рубеже XVI–XVII вв.[1]. К началу 50-х годов XVII в. этот колокол оставался в наборе кремлевских колоколов главным. 20 января 1651 г. ключарь Успенского собора Кондрат и звонари извещали, что «у Большого де Успенского колокола матица железная переломилась … и благовестить де в тот колокол не мочно». Московские пушкари, осмотрев колокол, указали лишь на незначительные дефекты и выразили готовность их выправить[2]. В. В. Кавельмахер обратил внимание, что в отношении этого благовестника, созданного при Борисе Годунове, впервые официально стали использовать термин «Царь-колокол» и привел пример такого именования в источниках середины XVII в.[3]. Данное наименование не являлось именем собственным. Оно обозначало статус крупнейшего колокола. В первой трети XVIII в. так называли уже благовестник Алексея Михайловича[4], пришедший на смену благовестнику Бориса Годунова. О благовестнике Алексея Михайловича и пойдет речь в настоящей статье.

Первым его исследователем был И. Х. Гамель, неопубликованный труд которого включает авторский текст без подстрочных ссылок на документы, выписки из документов и приложенные подлинные столбцы. Гамель отмечает, что 3 апреля 1652 г. организаторы и исполнители отливки начали запасаться гжельской глиной для формовки огнестойких кирпичей к литью колокола; 16 июня 1652 г. отпущено 16 пудов шведского железа на изготовление 20 кирок для копания литейной ямы у Успенского собора; 10 июля принято у гостя Василия Шорина 6066 пудов меди для литья колокола[5].

Н. Померанцев в неопубликованной статье, посвященной Царь-колоколу, цитирует документ, точную ссылку на который не дал: «В прошлом во 160 году июля в 5 день великий государь… приказал… к соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы вылить колокол весом в 6000 пудов и в 162 году марта в 19 день в колокольной избе колокольному мастеру Ем…»[6]. Здесь, как отмечает Померанцев, склейка обрывается.

Краткая, но емкая запись содержится в сборнике из РНБ: «Того ж дни (17 июля 160 (1652) г. – *Д. Д.*) государь… изволил завод учинить лить колокол болшой в 6000 пуд. А завод почели делать и ямы копать где ему быть подле колоколни Успенскова колокола не далече от Соборныя церкви (Успенского собора. – *Д. Д.*). А вылит колокол 162-го ноября в 5 день. А из земли выняли того же месяца в (число не названо. – *Д. Д.*) день»[7].

[1] РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 145. Л. 4, 13, 16 об., 18, 23 об., 26 об.; Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы XVI – первой половины XVII в. // Колокола: история и современность, 1990. М.: Наука, 1993. С. 82–83, 94–102.

[2] СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 43.

[3] Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы … С. 93, 95, 106, 115; Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы, XIV–XVII вв. М.: Наука, 1995. С. 75, 82, примеч. 24.

[4] РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 10. Д. 4. Л. 1255; ОДДАС. СПб.: Синод. тип., 1880. Т. 4. Стб. 105 (1724 г.); СПб.: Синод. тип., 1901. Т. 10. Примеч. стб. 1066; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М.: Моск. гор. дума, 1891. Ч. 2. Стб. 832 (1730 г.).

[5] СПбИИ. Ф. 175. Оп. 3. Д. 27. Л. 33. См. также: Там же. Л. 165–166, 269–272, 309–332, 346–347 и др.

[6] Померанцев Н. Московский Царь-колокол // ОПИ ГИМ. Ф. 465. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 2, 3. В. В. Кавельмахер без каких-либо ссылок датирует указ о вылитии к соборной церкви Успения колокола в 8000 пудов 5 июля 1652 г. (Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы … С. 118, примеч. 49).

[7] ОР РНБ. Q XVII.70. Л. 45–45 об.; Платонов С. Ф. Московские волнения 1648 г. // Платонов С. Ф. Сочинения. СПб.:

О трагической судьбе благовестника повествует известный исследователям документ XVII в. из фонда Я. П. Гарелина в ОР РГБ[8]: «А лит тот колокол на Ивановскои площеди возле церкви Рожества Христова. И как после литя из ямы вынят, и тот колокол поставлен был против литеных печеи на станах. И был в него благовест в господцкие празники. И от тово блавесту[9] во 162-м году тот колокол розбили. И во 163-м (в документе исправлена дата. Первоначальная запись – во 162-м. – *Д. Д.*) году… велено вылить инои колокол колоколному мастеру Александру Григореву весом в 8000 пуд»[10].

Недолгое существование Царь-колокола, отлитого в первой попытке, фиксирует и Павел Алеппский[11]. В документе, пересказанном Померанцевым, говорится о каком-то деле от 19 марта 1654 г. в колокольной избе, связанном с колокольным мастером «Ем…». Исследователь решил, что речь здесь идет о распоряжении, поступившем Емельяну Данилову[12], перелить недавно разбитый колокол.

Вторая попытка отлития благовестника подробно изложена Павлом Алеппским: «Огромная яма была вырыта на этой площадке, и… с начала сего месяца февраля (1655 г.) мастер приступил к изготовлению колокола»[13]. Вероятно, 19 марта 1654 г. поступил указ Емельяну Данилову, а к фактическому его исполнению приступили спустя почти год, в феврале 7163 (1655) г. Возможно, между мартом 1654 г. и февралем 1655 г. существенных работ по отливке колокола не велось; потому-то о них и умолчал документ из ОР РГБ, датировав начало очередного мероприятия 7163 (1654/55) г. Простой мог быть вызван моровой язвой, проходившей летом и осенью 1654 г.[14], которая, согласно Павлу Алеппскому, унесла жизнь основного предполагавшегося исполнителя, каковым, как справедливо решил Померанцев, был Емельян Данилов. Напомним, что документ, процитированный Померанцевым без ссылки, говорит о каком-то мероприятии от 19 марта 1654 г., связанном с колокольной избой и колокольном мастером «Ем…». Но Павел Алеппский говорит, что работы по отлитию колокола в 1655 г. велись на «дворцовой площадке», под которой переводчик резонно подразумевал Ивановскую площадь[15]. Вероятно, Царь-колокол во второй попытке предполагалось отлить в колокольной избе, а затем местом отливки была выбрана Ивановская площадь.

Согласно Павлу Алеппскому, работы по отливке колокола продолжались в течение 1655 г. с февраля и до праздника Николы зимнего, то есть до 6 декабря. Далее, «после величайших усилий и огромных… трудов по истечении трех дней совершили поднятие колокола и повесили его над ямой на высоту около роста человека при всевозможных хитрых приспособлениях. В воскресенье (9 декабря 1655 г., к приезду царя) после обедни стали звонить в новый колокол»[16].

Окончание отлития благовестника осенью 1655 г. фиксируется в дневнике шведских послов[17]. Русские документы указывают, что в октябре – начале декабря 1655 г. делался язык к Успенскому колоколу, а до начала декабря от Большого колокола отсекали медь[18].

Царь-колокол Алексея Михайловича изображен на известном рисунке из альбома А. Мейерберга (рис. 1). Сохранился и его чертеж из ВИМАИВиВС с воспроизведением текста надписи, недавно опубликованный Л. К. Маковской: «Божиею милостию повелением великаго государя царя и великаго князя

Склад изд. И. Я. Башмакова и К, 1912. Т. 1: Статьи по русской истории (1883–1912). Изд. 2-е. С. 67, примеч. 2.

[8] Упом.: Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Изд. 2-е, доп. и переработ. М.: Машгиз, 1962. Ч. 1. С. 106; Кондрашина В. А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев // Колокола: история и современность. М.: Наука, 1985. С. 80–82, примеч. 6, 10, 13; Кавельмахер В. В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Там же. С. 78, примеч. 53.

[9] Так в документе.

[10] ОР РГБ. Ф. 67. К. 29. Д. 57. Л. 1.

[11] Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. С. 340.

[12] ОПИ ГИМ. Ф. 465. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 2, 3. Справедливость мнения Н. Померанцева об авторе благовестника 1652–1653 гг. подтверждается изобразительным материалом, о чем мы скажем ниже.

[13] Павел Алеппский. Указ. соч. С. 340–341. Далее идет описание технологии отливки колокола.

[14] Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал и изд. А. Попов. М.: тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1869. С. 281–282.

[15] Павел Алеппский. Указ. соч. С. 341, примеч. 1, 2.

[16] Там же. С. 472–474.

[17] Семенов В. К истории сношений со Швецией: отрывки из шведского дневника времен царя Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1912. Кн. 1. С. 11–12.

[18] СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 191; Д. 156; Д. 288. Л. 5; ВИМАИВиВС. Ф. 1. Д. 134. Н. Н. Рубцов по ошибке смешал процесс отлития Воскресного колокола Емельяном Даниловым в 1651/52 г. и первую попытку отлития Большого Успенского колокола Алексея Михайловича (Рубцов Н. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 104–105 и др.). Причиной историографической ошибки, как указал В. В. Кавельмахер, было то, что И. Х. Гамель собрал в один том под названием «О большом колоколе» материалы, относящиеся к литью и Воскресного колокола 1651/52 г. и Большого Успенского колокола, случившемуся немного позднее (СПбИИ. Ф. 175. Оп. 3. Д. 27). Столбцы, относящиеся к отлитию Воскресного колокола 1651/52 г., оказались первыми. Поэтому Н. Н. Рубцов решил, что они фиксируют проблему отлития Царь-колокола Алексея Михайловича. (Разбор ошибки см.: Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы … С. 118, примеч. 49). Возможно, поэтому в литературе иногда проходит дата 1651 г. как время начала работ по Царь-колоколу Алексея Михайловича (Рубцов Н. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 104; Кондрашина В. А. Московская школа колокольного литья в русской культуре второй половины XVII в.: дис. … канд. культурол.: 24.00.03. М., 2000. С. 91).

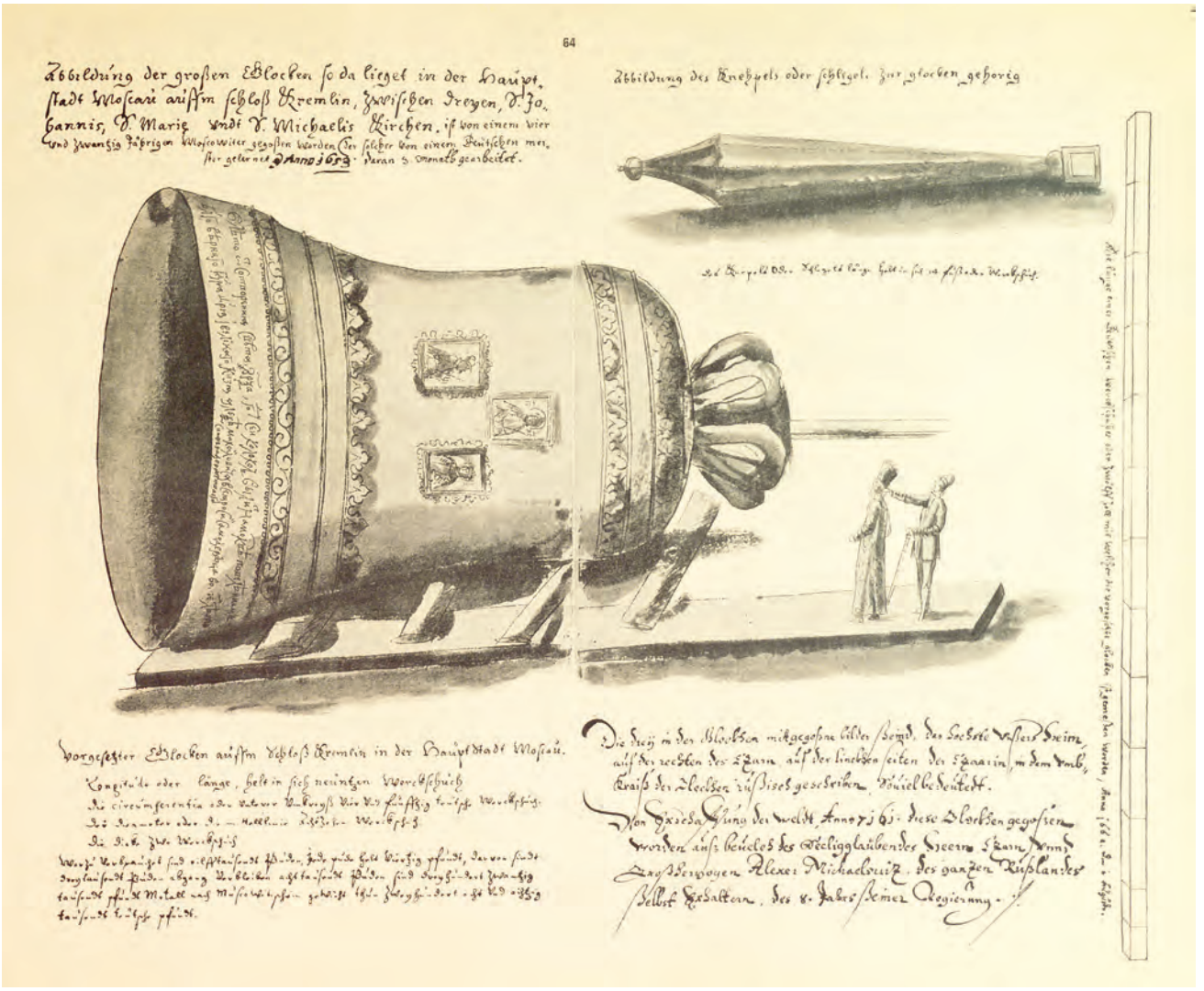


Рис. 1. Царь-колокол Алексея Михайловича. Рисунок из альбома А. Мейерберга. 1660-е гг.

Алексея Михайловича всея великия и малыя России самодержца и при ево государеве царице и великой княгине Мареи Илиничне, и при их государеве сыне при благоверном царевече и великом князе Алексее Алексеевиче и при ево государевых сестрах при благоверной и великой княжне Ирине Михайловне и при благоверной царевне и великой княжне Анне Михайловне, и при благоверной царевне и великой княжне Татьяне Михайловне и при ево государевых дщерех при благоверной царевне Евдокее Алексеевне, и при благоверной царевне и великой княжне Марфе Алексеевне: и при их отце и богомольце Святейшем Кир Никоне Патриархе Московском и всеа Великия и Малыя России. И слит сей колокол к соборной церкве Пресвятые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения и великих чюдотворцев Петра и Ионы и Филиппа лета 7162-го году в 10 лето государства его, мастер Емелиан Данилов, весу в нем 8000 пуд»[19] (рис. 2).

Бросается в глаза, что дата отливки колокола и имя мастера, зафиксированные в этой надписи, отличны от тех, которые называют приведенные выше письменные источники. Попытаемся разрешить это противоречие.

[19] ВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 229; Маковская Л. К. Чертежи двух Царь-колоколов в документальном собрании ВИМАИВиВС // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2006. Вып. 8. С. 414–415. Похожее воспроизведение надписи имеется у И. Х. Гамеля: СПбИИ. Ф. 175. Оп. 3. Д. 27. Л. 35, 48. Надпись подтверждает мнение Н. Померанцева, к которому склоняются и иные исследователи (Рубцов Н. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 104–105; Бондаренко А. Ф. Московские колокола XVII в. М.: Рус. панорама, 1998. С. 136–137), об участии Емельяна Данилова в отливке благовестника Алексея Михайловича.

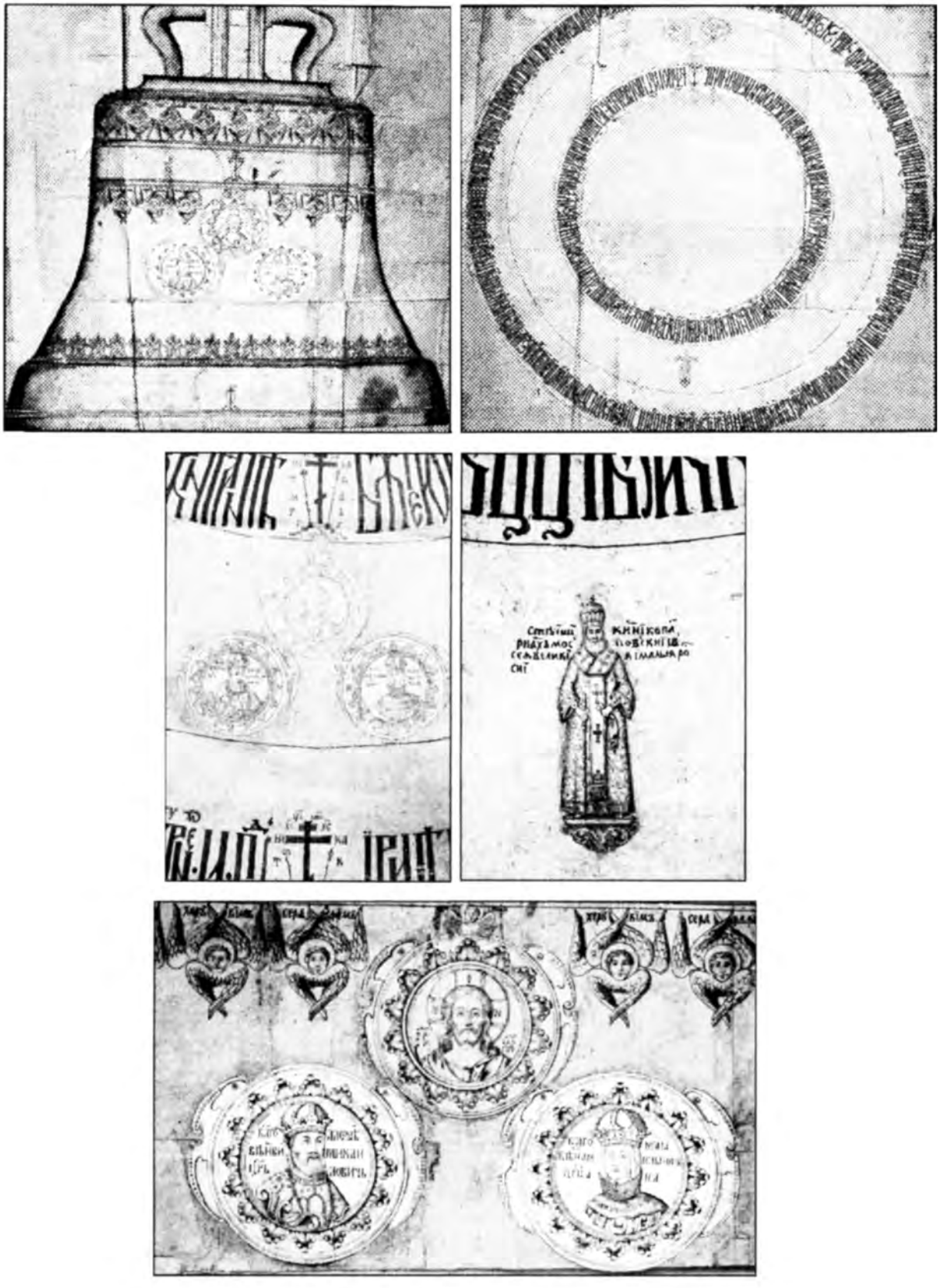


Рис. 2. Царь-колокол Алексея Михайловича. Чертеж (ВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 229)

По наблюдению Маковской, надпись была отредактирована не ранее второй декады января 1654 г., после решения Переяславской рады о присоединении Левобережной Украины к России[20], то есть уже после окончания отливки колокола в первой попытке, которая, напомним, завершилась еще в начале ноября 1653 г. Очевидно, при редактировании надписи перед повторной отливкой, осуществлявшейся в 1655 г., были учтены недавние изменения в царском и патриаршем титулах (добавилась «Малая Россия»), в весе изделия (8000 пудов), как предполагалось при повтороной отливке, вместо 6000 пудов, предполагавшихся при первичной отливке[21]. Но проставленные в надписи старые дата (7162 г., а не 7163 г.) и имя мастера (Емельян Данилов, а не сменивший его Александр Григорьев) наводят на мысль, что при вырезании текста на форме колокола перед отливкой 1655 г. в основе выступал текст аналогичного благовестника, отливавшегося с июля 1652 по ноябрь 1653 г., который в 1654 г. треснул и был обречен на переливку.

Павел Алеппский указывает, что когда на его глазах (то есть в 1655 г. – *Д. Д.*) создали верхнюю форму для колокола, «туда вошел мастер и вырезал письмена и изображения, какие было нужно: на одной стороне изображения царя и царицы и Господа Христа над ними, на другой – патриарха Никона»[22]. Как раз эти изображения Царь-колокола 1655 г. отразились на его чертеже из ВИМАИВиВС[23].

Надпись на существующем треснувшем Царь-колоколе 1735 г. также называет 7162 (1654) г. как дату отливки предшественника[24]. Этот год мог быть заимствован из надписи на Царь-колоколе Алексея Михаловича, использованном как сырье для ныне существующего экземпляра 1735 г.

И на рисунке благовестника Алексея Михайловича из альбома А. Мейерберга, и в подрисуночной подписи с воспроизведением надписи на колоколе, и в самом тексте записок колокол датирован 7161 (1652/53) г.: «В лето от сотворения света 7161 году сей колокол вылит на Москве повелением Благовернаго государя и великого князя Алексея Михайловича, всея России самодержца, в 8-е лето скифетродержавства его»[25]. Очевидно, здесь мы сталкиваемся с недоразумением – Мейерберг неправильно воспроизвел последнюю цифру[26].

Гамель и Померанцев прямо указывали, что Годуновский колокол рубежа XVI–XVII вв. не использовался как сырье при отливке благовестника Алексея Михайловича, то есть уцелел и сосуществовал с Большим Успенским колоколом 1655 г.[27]. То же самое отмечал и Кавельмахер[28]. Опись 1695 г., известная в списке XVIII в., фиксирует «колокол Воскресный Болшой весу в нем 2450 пуд, вылит во 109-м году»[29], тем самым свидетельствуя о существовании Годуновского благовестника в конце XVII в. Очевидно, что отливавшийся в две попытки Большой Успенский колокол 1655 г. сменил по статусу Годуновский благовестник, отправив его на позицию ниже, но не уничтожил его как экземпляр и не съел его медь[30].

Павел Алеппский четко пишет, что в декабре 1655 г. звон осуществлялся именно в новый колокол. Русский перевод сочинения исключает возможность того, что речь идет о звоне в Годуновский благовестник[31]. По Павлу Алеппскому, в первый день своей работы, 9 декабря 1655 г., колокол висел на громадных бревнах[32].

Однако в надписи на Царь-колоколе 1735 г. сказано, что Царь-колокол Алексея Михайловича стал звонить только лишь в 1668 г.[33]. Согласно А. Мейербергу, новый колокол в 1661 г. еще лежал на земле[34].

---

[20] Маковская Л. К. Указ. соч. С. 416–419.

[21] Напомним, что в указе от 5 июля 1652 г., процитированном Н. Померанцевым, речь идет об отлитии колокола в 6000 пудов. Тот же вес назван и в записи сборника из РНБ. Примерно такое же количество меди, согласно И. Х. Гамелю, поступило от Василия Шорина.

[22] Павел Алеппский. Указ. соч. С. 341.

[23] Маковская Л. К. Указ. соч. С. 412–419. Как писал А. Мейерберг, «из трех на сем колоколе находящихся изображений одно представляет образ Спасителя нашего, по правую сторону лик царя, а по левую супруги его» (Барон Мейерберг и его путешествие по России / изд. Ф. Аделунгом. СПб., 1827. С. 188). Сохранившийся чертеж этого колокола показывает эти рельефы.

[24] Воспроизведение надписи см.: Костина И. Д. Колокола Московского Кремля. М., 2007. С. 12.

[25] Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена Придворного совета, и Горацио Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1874. С. 67; Барон Мейерберг и его путешествие по России. С. 184–193.

[26] С другой стороны, А. Мейерберг достаточно адекватно описал изображения на колоколе.

[27] СПбИИ. Ф. 175. Оп. 3. Д. 27. Л. 40 об.–42 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 465. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 2, 3.

[28] Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы … С. 82–83, 95–96 и др.

[29] РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 145. Л. 4 и др.; Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы … С. 96.

[30] Ошибочное утверждение, что Царь-колокол 1650-х годов вобрал в себя медь разбитого Годуновского Царь-колокола, иногда проходит в литературе (Рубцов Н. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 104; Михайлов А. И. Колокольня Ивана Великого в Московском Кремле. М.: Искусство, 1963. С. 36; Оловянишников Н. Н. История колоколов и колокололитейное искусство. М.: Рус. панорама, 2003. С. 173, 460, примеч. 190).

[31] Павел Алеппский. Указ. соч. С. 472–474.

[32] Там же. С. 474.

[33] Эту же дату называет и В. А. Кондрашина: «москвичи впервые услышали его голос… в 1668 г.» (Кондрашина В. А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев. С. 83).

[34] Путешествие в Москву барона Мейерберга в 1661 г. С. 67.

Переводчик Павла Алеппского Г. Муркос снимает противоречие следующим образом: «колокол был отлит в 1655 г. из обломков другого, в 8000 пудов, сделанного за год перед тем. Тотчас же после отливки он был поднят и повешен на незначительной высоте… над литейной ямой… Висел он… недолго: в промежуток от 1655 до 1661 года он был или спущен… или же сам сорвался… Разные причины, каковыми могли быть: затруднительное финансовое положение после первой польской войны, раздор царя с патриархом Никоном, вторая, не совсем удачная война с Польшей отсрочили вторичное поднятие колокола до 1668 года»[35].

Посмотрим, что говорят русские источники, которые для нас выступают в качестве контрольных. Согласно «Записной книге облачению и действу патриарха Никона», 2 января 1656 г. «был благовест в новой Болшой колокол»[36]. От 15 мая 1656 г. имеется интересная статья о звоне при отправке Алексея Михайловича на войну, на которую обратил внимание Кавельмахер тридцать лет назад: «…в 10 часу дня благовест был вестовой на Иване Великом в среднем поясу всполох в три колокола прибойных, переменяя часы на два, а потом велено благовестить в новой Большой колокол, и в Старой, и в Реут, и во Вседневной переменяя»[37]. Новым Большим колоколом, очевидно, был Царь-колокол 1655 г., Старым – благовестник Бориса Годунова, отлитый на рубеже XVI–XVII вв. Запись еще раз подтверждает, что Царь-колокол Алексея Михайловича тогда уже функционировал.

Далее, судя по тексту Записной книги Никона, мы наблюдаем перерыв в его работе, зато часто проходит «старый Большой» колокол. Так, 25 мая (Троица), 15 августа (Успение) 1656 г., 14 сентября (Воздвижение), 21 ноября (Введение) 1657 г. использовался старый Большой колокол[38]. В навечерии Богоявления 1658 г. «благовест был… в болшой старой Успенской колокол»[39].

О работах по «Большому колоколу» летом 1656 г. свидетельствуют документы. В одном из них сказано, что «ноября с 29 числа прошлого 164 году июня по 27 число 164 году у Болшога колокола работы никому не было. Да… тот же колокол колоколные ученики и кузнецы… рядовые пушкари учали делать июня з 27 числа 164-го году»[40]. В середине июля «делали у Болшова колокола стрелцы крыли лубьем над колоколом»; «В Большом же колоколе бьют молотами кузнецы… да у тово ж колокола делали кузнецы… зубила и шип»[41]. Таким образом, Большой колокол мог функционировать какое-то короткое время с декабря 1655 г. (в пользу чего говорят и Павел Алеппский, и Записная книга патриарха Никона), а с лета 1656 г. работы по нему продолжились, обусловив перерыв в его функционировании.

О намерениях поднять Большой колокол летом 1657 г. говорит посылка «в Белев и в Белевской уезд к подъему большого колокола для прииску дубового лесу московских пушкареи Ермолку Константинова да Власку Невежина на ямских подводах»[42]. Сохранился документ, согласно которому, «в …165 (1656/57) году … москов[ским] пушкарям Болшого колокола поде[мщи]ком Ивашку Овдокимову, Андрюш[ке] Дементьеву, Ермолке Констянтинову за подъем нового болшого Успенского колокола, как они тот колокол вынимали из литейные ямы, и за иные многие подъемные дела к прежним их окладом прибавлено»[43]. Можно думать, что извлечение колокола из литейной ямы состоялась летом 1657 г., то есть Новый Большой Успенский колокол мог побывать в литейной яме и во время отливки в 1655 г., и во время ремонта с середины 1656 по 1657 г.

Мейерберг, посетивший Москву в 1661 г., писал, как мы помним, о лежащем на земле и не обустроенном для звона большом колоколе, отлитом в 1653 г.[44]. На рисунке, приложенном к его сочинению, колокол также показан лежащим (рис. 1).

В конце сентября 1663 г. «государь … указал соборной церкви Успения Пречистыя Богородицы Большой колокол поднять полковнику и инженеру Густаву Вамкампену, а к тому подъему дубе и конаты и векши и всякие снасти что ему Густаву надобно указал великий государь давать из Пушкарского приказу»[45]. Подъемом колокола должен был руководить иностранный специалист, однако очень скоро это поручили нашему соотечественнику. 3 октября 1663 г. было указано: «Соборные церкви Успения Пречистые Богородицы колокол Болшои поднять Якову Ерохову и к тому подему людеи и дубя и конаты и

[35] Павел Алеппский. Указ. соч. С. 406–407 (предисловие переводчика). С Г. А. Муркосом солидарен Б. Г. Курц (Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1915. С. 506). Подобного мнения придерживается Н. Н. Рубцов (Рубцов Н. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 108).

[36] Голубцов А. П. Чиновники московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М.: Синод. тип., 1908. С. 256.

[37] Кавельмахер В. В. Способы колокольного звона … С. 72.

[38] Голубцов А. П. Указ. соч. С. 263, 278, 281–282, 287.

[39] Там же. С. 294.

[40] СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 205. Л. 7. В делопроизводственных документах под Большим колоколом, вероятно, подразумевали Царь-колокол 1655 г. Он был только что отлит, и естественно думать, что работы шли именно по нему. Кроме того, цитируемый документ представляет собой сказку Александра Григорьева – литейщика Царь-колокола 1655 г.

[41] Там же. Д. 220.

[42] ВИМАИВиВС. Ф. 1. Д. 136.

[43] СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 253. Л. 4. Здесь колокол назван именно «новым большим», что снимает все сомнения в том, что речь идет об интересующем нас экземпляре.

[44] Мейерберг А. Указ. соч. С. 67.

[45] СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 236.

векши и что ему Якову надобно дать. И яму в которой тот колокол лит заровнять указал великии государь ис Пушкарского приказу»[46]. Роспись по смете Якова Ерохова от 16 ноября 1663 г. отмечала, что «надобно к Болшому колоколу для подему свинцу восмьсот пуд. А как колокол поднимут, и свинец отдать назад»[47]. В записи расходной книги Сибирского приказа за 1664/65 г. сказано: «маия в 5 день в памяти ис Приказу Болшого Дварца за приписю дьяка Андрея Селина написано: велено дать государево жалованья кашинцу Якову Ерохову за ево работу за колоколной подъем сорок соболей в пятдесят рублев. И ис Сибирского приказу ему Якову против памяти дано сполна»[48]. Таким образом, осенью 1663 г. собирались, а к весне 1665 г. подняли колокол с земли на какую-то точку.

Новое местопребывание колокола не устраивало, и позднее его в очередной раз переместили. В нашем распоряжении имеется документ, на который обратили внимание В. В. Кавельмахер и Т. Д. Панова в 1995 г. Это роспись материалов на строительство деревянной колокольни на каменном фундаменте «к новому Успенскому колоколу», составленная 29 января 1667 г. полковником Николем Фанцаленом[49].

Кавельмахер и Панова утверждают, что «на сей раз (то есть в 1667 г. – *Д. Д.*) колокольня построена не была, и для установки нового гиганта была приспособлена… церковь Рождества Христова, подвергшаяся в связи с этим капитальной перестройке»[50]. Однако неясно, откуда у них уверенность в том, что проект 1667 г. не был реализован.

О предполагавшейся установке колокола на колокольницу, вероятно, ту, на которую составил смету Н. Фанцален, свидетельствует и память, данная головам А. В. Александрову и М. И. Трофимову 21 февраля того же 1667 г., на которую обратили внимание Кавельмахер и Панова. Документ предписывал «прислать тот час в приказ двои возжи посконные для меры Болшого колокола под колоколницу подшве»[51]. Сомнения в том, что колокол в 1667 г. был поднят на незначительную высоту, снимает челобитная московского пушкаря Василия Степанова, составленная 21 апреля 1668 г. Челобитчик говорит, что он «во 176 году… подымал болшой колокол. И я… тот колокол приподнял сколко мне холопу твоему сказано…». В деле также сохранилась выписка из расходной книги Пушкарского приказа 176 (1667/68) г.: «А в нынешнем же во 176-м году в декабре месяце… пушкар Васка Степанов новой болшой успенской колокол приподнял вверх на полторы сажени и за [п]одъем дано ему Васке в приказ сукно»[52]. Уточняется время подъема с точностью до месяца – декабря 1667 г., а также прямо говорится, что речь идет именно о новом Большом Успенском колоколе.

Чиновники Успенского собора свидетельствуют, что новый Большой колокол звонил на Богоявление 1668 г. («Во 176 году ко Святому Богоявлению к вечерни государь указал благовест за три часа, а благовест в новой Большой колокол, а звон с ним же»[53]), несомненно, с устойчивой точки. Таким образом, есть основания полагать, что колокольня на каменном фундаменте, на материалы которой составил роспись Н. Фанцален 29 января 1667 г., была всё же устроена и спустя почти год, в декабре 1667 г., она вместила невысоко поднятый благовестник Алексея Михайловича.

Надпись на Царь-колоколе 1735 г. гласит, что его предшественник (то есть Царь-колокол Алексея Михайловича) «из места сего благовестить начал в лето Христова же Рождества Господня 1668»[54]. Ее авторы при проставлении этой даты, возможно, обратились к чиновнику Успенского собора, записи которого (в том числе и о звоне нового Большого Успенского колокола) ведутся как раз с 1668 г.[55], а другие источники могли не привлекать.

Факт установки колокола в декабре 1667 г. на колокольню с каменным фундаментом вселяет надежду, что в ходе археологических исследований обнаружатся ее остатки. В 1913 г. при земляных работах на Соборной площади были открыты остатки каменного фундамента октагона диаметром примерно восемь метров с выделенной с востока экседрой (рис. 3). Эти фрагменты были частично задокументированы и сфотографированы. Кавельмахер и Панова, обнаруживившие в архивах и опубликовавшие эти ценнейшие материалы, попытались связать выявленные в 1913 г. архитектурные остатки

[46] Там же. Д. 238. Указание заровнять яму, в которой выливался колокол, по-видимому, не выполнили. Ф. Х. Вебер в 1716 г. отмечал, что яму, в которой отливали Царь-колокол в 1650-е годы, не засыпали «в воспоминание об этом событии» (Вебер Ф. Х. Записки // Русский архив. 1872. № 7–8. Стб. 1363).

[47] СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 242.

[48] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 484. Л. 100.

[49] СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 250. В ней говорится и о необходимом количестве специалистов. См. также: Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Указ. соч. С. 76.

[50] Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Указ. соч. С. 76.

[51] ВИМАИВиВС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 2; Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Указ. соч. С. 76, 82, примеч. 26. Исследователи считают, что вожжи нужны были «для разбивки подошвы колокольницы».

[52] СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 253. Л. 1, 3; Д. 255. Из другого документа мы узнаем, что «во 176-м году октября в 21 день… велено пушкарю Васке Степанову болшой новой колокол поднять от земли вверх на полтора аршину» (Там же. Д. 254. Л. 2). По третьей версии Васка Степанов «Болшой новой успенский колокол приподнял кверху на сажен» (Там же. Л. 10). Мы также знаем, что было взято «в Пушкарскои приказ всякого розного лесу к успенскому болшому колоколу для подему» (Там же. Л. 1).

[53] ДРВ. М.: тип. компании типографической, 1789. Ч. 10. С. 152.

[54] Костина И. Д. Указ. соч. С. 12.

[55] ДРВ. М.: тип. компании типографической, 1789. Ч. 10–11.

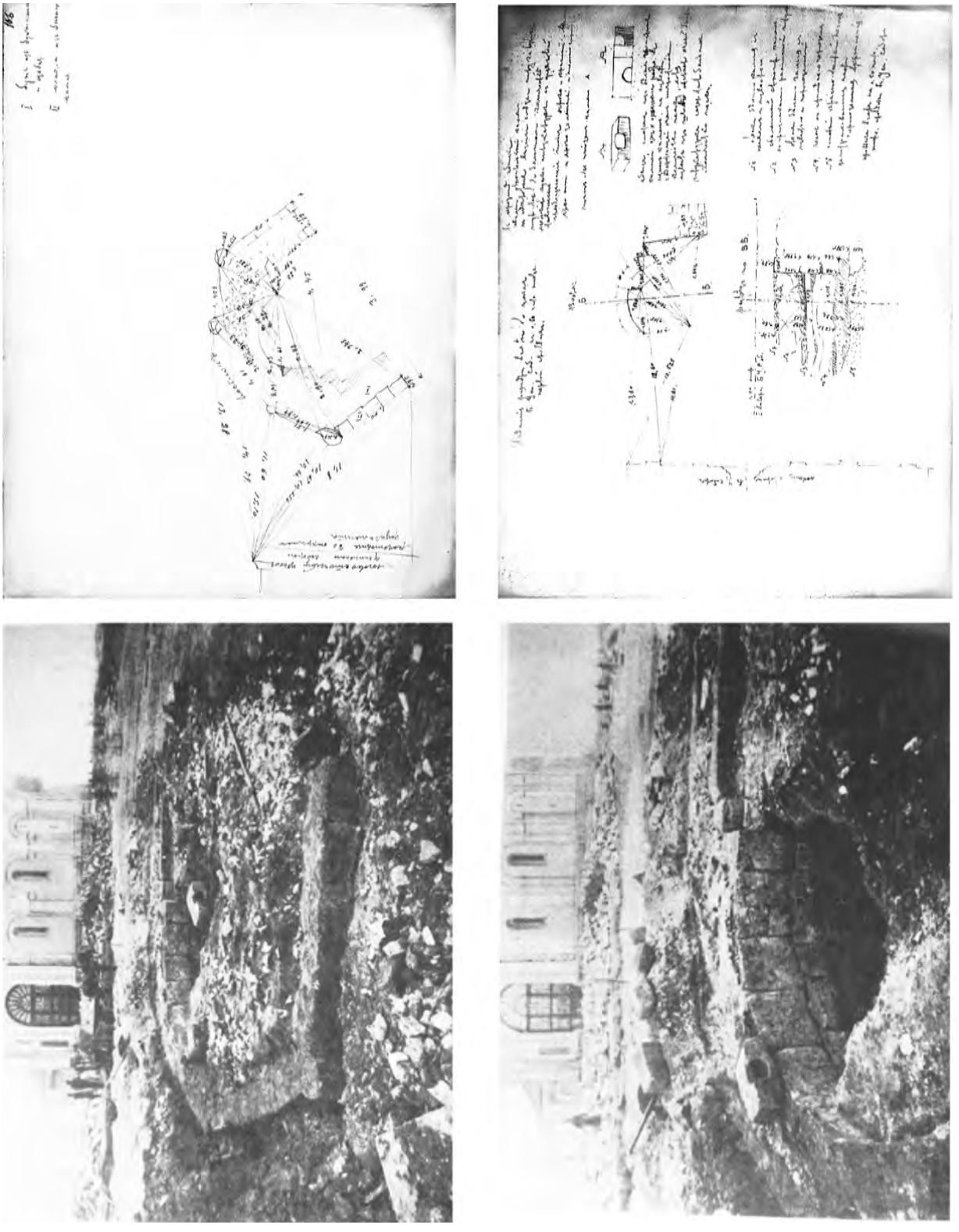


Рис. 3. Архитектурные фрагменты, найденные на Соборной площади Московского кремля в 1913 г.
Фото – Музеи Кремля (ОРПГФ. Ф. 60. Д. 16. Л. 118–119); Зарисовки из альбома П.П. Покрышкина (Архив ИИМК. Ф. Р-1. Д. 46. Л. 102, 106)

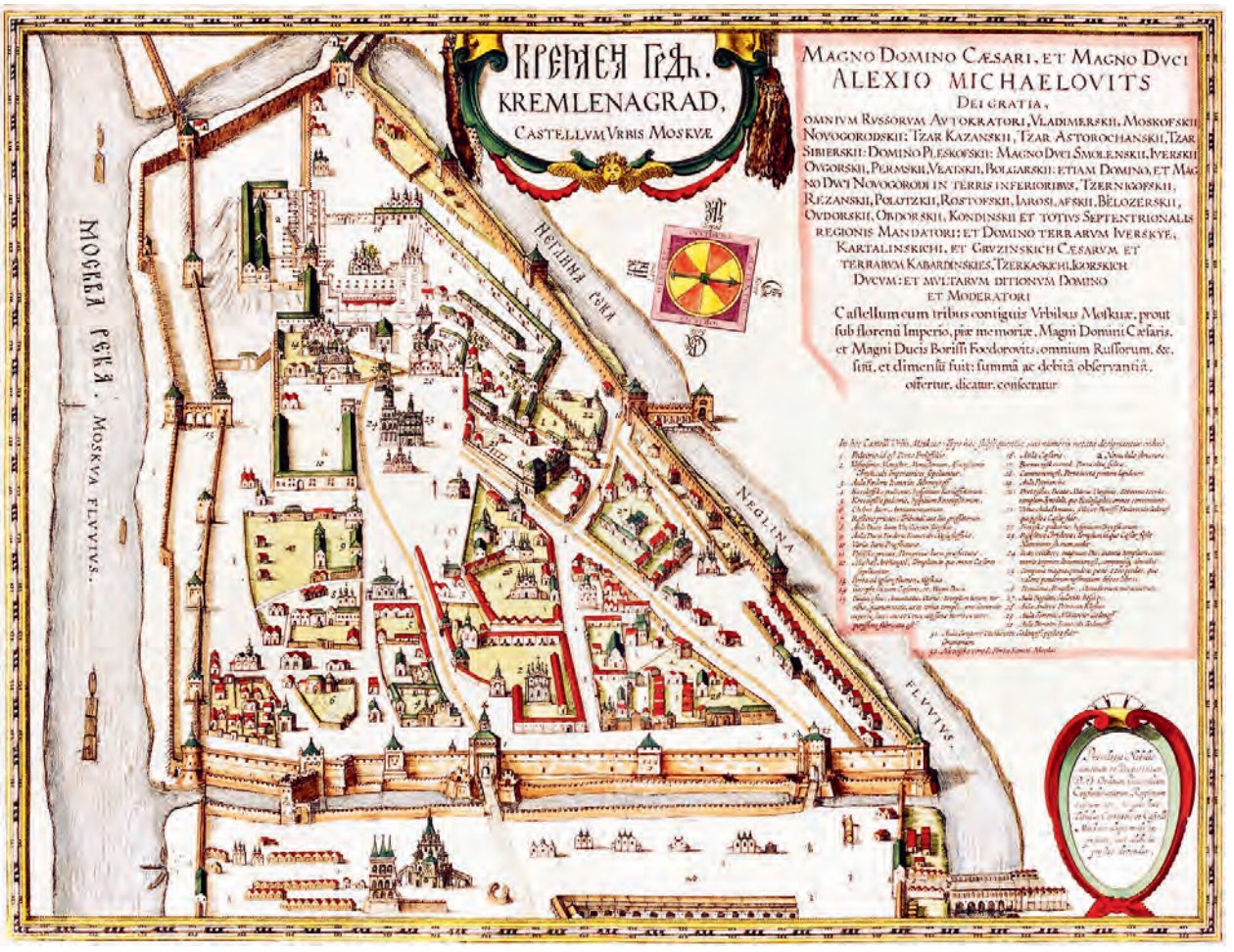


Рис. 4. «Кремленаград». План Кремля рубежа XVI–XVII вв.

с церковью Иоанна Лествичника «под колоколы» 1329 г. Специально обратив внимание на то, что на месте открытых в 1913 г. каменных остатков октагона в XVI – первой половине XVII в. была деревянная колокольня для тяжелых колоколов, исследователи атрибутировали эти фрагменты как остатки подколоколенной церкви, однако отрицали возможность их связи с колокольней XVI – первой половины XVII в.[56]. Но изображение деревянной колокольни на миниатюре Лицевого летописного свода под статьей 1547 г., выполненной во второй половине XVI в., а также на «Кремленаграде» – плане Кремля рубежа XVI–XVII вв. (на миниатюре Лицевого свода она показана центрической многогранной в плане постройкой, а на «Кремленаграде» – четырехгранной) (рис. 4), ее фиксация в письменных источниках XVI в.[57] и обнаружение в 1913 г. белокаменных остатков октагона как раз на том месте, позволяют поставить вопрос об их передатировке и связи либо с ней, либо с сооружением 1667 г., которое могло быть топографически ей тождественным, факт существования которого подтверждается наличием росписи материалов Н. Фанцалена от 29 января 1667 г., поднятием Царь-колокола 1655 г. в декабре 1667 г. и его звоном в январе 1668 г. Иными словами, местоположение найденных в 1913 г. белокаменных фрагментов октагона, скорее, свидетельствует в пользу их принадлежности деревянной колокольнице на каменном фундаменте XVI – первой половины XVII в.

[56] Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Указ. соч. С. 68–71, 75–76 (особенно с. 76); Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы ... С. 116, примеч. 3. Брусяная колокольница для колокола-гиганта (имеется в виду колокольница 1616 г.), по мнению авторов статьи, не требовала каменных фундаментов (с. 67, примеч. 11). С другой стороны, они фиксируют наличие камня в ее нижних частях, которым заполнялся сруб для тяжести (с. 82, примеч. 11), тем самым допуская наличие каменных частей в основании деревянного здания. В таком случае их наличие тем более вероятно в деревянной колокольнице 1667 г.

[57] Подборку летописных статей см.: Кавельмахер В. В. Способы колокольного звона ... С. 46 и др.; Его же. Большие благовестники Москвы ... С. 89–91; Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Указ. соч. С. 75 и др.; ПСРЛ. М.: Наука, 1978. Т. 34. С. 202.

или сооружению 1667 г., а не белокаменной церкви Иоанна Лествичника «под колоколы» 1329 г., о точной привязке которой мы не имеем сведений.

Принимая во внимание активное строительство в центре Кремля в XIV–XVII вв., которое могло сопровождаться сносом имевшихся построек, а также гораздо меньшее внимание к этой точке архитекторов XVIII–XIX вв., логичнее думать, что сохранившиеся остатки относятся к последним этапам строительной активности на этой территории, а не к начальным. Материальные (в том числе и архитектурные) остатки более позднего времени обычно сохраняются лучше и, естественно, распространены шире, чем артефакты более раннего времени.

Центрические многогранные в плане каменные колокольни были распространены в русской архитектуре XVI–XVII вв., в то время как для Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. такие примеры церковной архитектуры не типичны[58].

С другой стороны, нет сведений о том, что сооружение 1667 г. предполагало апсиду, которая видна на остатках белокаменной кладки и, несомненно, была в каменном храме Иоанна Лествичника 1329 г. Другим фактом, указывающим скорее на XIV в., чем на XVI–XVII вв., может служить полное (судя по фотографиям) отсутствие кирпича в кладке, хотя по росписи Н. Фанцалена он полагался в большом количестве и вообще был основным строительным материалом каменного зодчества XVI–XVII вв. Но кирпичные части (как и верхние белокаменные ряды) могли быть разобраны, а нижние белокаменные ряды могли сохраниться под землей. Итак, не претендуя на окончательное решение вопроса, скажем, что атрибуция белокаменных фундаментов как фрагментов колокольни XVI – начала XVII в. или 1667 г. на сегодняшний день представляется не менее вероятной, чем связь их с храмом 1329 г. Надеемся, что археологические работы на Соборной площади дадут дополнительную информацию по этому вопросу.

Рис. 5. Комплекс соборных звонниц Кремля. Рисунок из альбома А. Мейерберга. 1660-е гг.

Поднятие Царь-колокола 1655 г. «на церковные своды Рожества Христова» началось в 1672 г.[59]. Престол Рождества Христова находился в комплексе соборных звонниц Кремля, поэтому подробнее остановимся на его архитектурном облике.

Он состоял из трех зданий: с юга – восьмигранный столп с храмом Иоанна Лествичника («Иван Великий»); с севера к нему примыкала храмовая постройка XVI в., венчавшаяся, если верить изображениям XVII в., сводом с барабаном и куполом. С севера к средней части комплекса примыкала так называемая Филаретова пристройка, возведенная в 1622–1623 гг. От средней части комплекса звонниц были перекинуты арки на столп Иоанна Лествичника и на Филаретову пристройку (рис. 5). В арке, перекинутой на храм Иоанна Лествичника, висел колокол Реут 1621/22 г. (1200 пудов); в арке, перекинутой на Филаретовскую пристройку, – Вседневный колокол 1651/52 г. (998 пудов); в проеме Филаретовской пристройки – благовестник Бориса Годунова. Меньшие колокола висели в арках столпа[60].

[58] При раскопках в центральной части Твери в 1998 г. были обнаружены три белокаменные ротонды. При их строительстве применялся и материал вторичного использования; кирпич не прослеживается. Стратиграфически датируются рубежом XIV–XV – первой половиной XV в. и предположительно атрибутируются не как церковное сооружение, а как фрагмент парадной части ограды тверского княжеского двора. По мнению А. М. Салимова, белокаменные башни могли выполнять функции хранилища боеприпасов и казны, а прекратили существование в XVII–XVIII вв. (Хохлов А. Н., Нестерова М. Е. Белокаменные башни ограды двора великих князей тверских (конец XIV– первая половина XV вв.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2003. Вып. 5. С. 271–272, 275, 286; Салимов А. М. Тверские ротонды // Там же. С. 299–300, 298–303, 305, 307–310, 312). В архитектуре Руси XII–XIV вв. (главным образом в южных и западных землях) ротонды встречаются в памятниках как культовой, так и крепостной архитектуры, хотя они не были ведущим ее типом.

[59] ОР РГБ. Ф. 67. К. 29. Д. 57. Л. 3–4.

[60] РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 145. Л. 4 об., 8; Павел Алеппский.

В средней части комплекса звонниц в 1543 г. появляется престол Воскресения Христова, а в 1554/55 г. – соборный престол Рождества Христова[61]. В 165 (1656/57) г. «церкви Рождества Христова что под колоколы престол выломан, а в то место учинена соборная церковь Воскресения Христово, а оклад им протопопу и попом и дякону с причетники прежней Рожественской»[62]. Выломка престола состоялась вскоре после окончания отливки Большого Успенского колокола и, возможно, была продиктована желанием освободить пространство для его размещения. Забота оказалась преждевременной: он на эту точку был водружен только спустя двадцать лет[63].

О попытке подъема колокола писал И. Ф. Кильбургер, пребывавший в Москве с 31 декабря 1673 г. по 23 июня 1674 г.: «в 1674 г. в марте… в первый раз (колокол. – *Д. Д.*) поднят в замке возле большой церкви и колокольни Ивана Великого с помощью двух очень высоких новопостроенных столбов и хорошо выдуманного царским "сторожем", или привратником, перевеса… Употребив для поднятия этого колокола целых 9 месяцев большого усилия и труда, русские 2-го декабря так высоко его подняли, что следовало лишь опустить его с подмостков, которые при поднятии устраиваются всегда внизу, на определенное место церкви (вероятно, имеются в виду своды. – *Д. Д.*), но по недосмотру ему придали слишком стремительный ход, так что он на упомянутом месте получил размах и упал опять вниз к другой стороне церкви, уйдя ушами так глубоко в землю, что 1/3 всего колокола была зарыта; но это падение однако нисколько не повредило». Очевидно, о неудаче 2 декабря 1674 г. Кильбургер написал с чужих слов, поскольку его самого тогда в Москве не было[64]. Интерес этого посольства к Царь-колоколу отразился и в русских источниках, на которые обратил внимание Б. Г. Курц, процитировавший записку об осмотре колокола послами 30 марта 1674 г.: «А как приехали поблиску Посольского приказу, и послы спрашивали приставов, в котором месте… устроен колокол Болшой. И как приехав против Болшого колокола, – и послом тот Болшой колокол указали и говорили им, что тот колокол поднимает руской человек. И послы… говорили, что они такова колокола нигде не видали и не слыхали»[65].

Подобно Кильбургеру, первую попытку поднятия Большого Успенского колокола фиксирует документ из ОР РГБ: «И во 180 (1672) году июня в 2-й день бил челом… сторож Ортюшка, будет де великий государь укажет ему Большой колокол поднять на церковные своды Рожества Христова, и он тот колокол на то место поднимет и к благовесту устроит. И августа в 12 день Ортюшке тот колокол на церковные своды Рожества Христова поднять велено, а на подъем того колокола на покупку всяких запасов дано ему ис Пушкарского приказа 1600 рублев… (далее говорится о расходах на другие приспособления для подъема. – *Д. Д.*). И во 183 (1674/75) году Ортюшка колокол на церковные своды Рожества Христова поднял и переправке тот колокол спал на землю (год как раз соответствует 2 декабря 1674 г. – *Д. Д.*). И… тот колокол велено поднять по прежнему ему ж Ортюшке и поставить на те ж церковные своды и для подъему тово колокола дано ему 700 рублев… И во 184 (1676) году июля в 4 день Ортюшка умре, а колокол стоял на земли на коволоках…»[66].

Процесс и технологию постепенного, но в конечном итоге неудачного поднятия Царь-колокола в 1674 г. фиксирует известный рисунок Э. Пальмквиста, посетившего Россию в этом году вместе с Кильбургером[67] (рис. 6).

Повторный подъем колокола имел место и в 1675 г. 10 марта 1675 г. Артюшка «почал Болшой колокол передвигать в столбы от собору своими денгами»[68]. Возможно, фразу следует понимать так, что к собору Рождества (Воскресения) Христова были приставлены два мощных столба, внутри которых

Указ. соч. С. 339–340; Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы … С. 82–83 (табл.), 103–104, 107, 109, 115.

[61] ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Т. 13. С. 145.

[62] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14805. Л. 2. Однако в быту храм часто именовали по-прежнему – Рождества Христова.

[63] На миниатюре «Книге об избрании на царство Михаила Федоровича Романова», составленной в 1671–1673 гг., столп показан без примыкающих звонницы и Филаретовой пристройки. Возможно, это связано с условностью изображения, а возможно, миниатюрист изображал сооружение не в том виде, в котором ее наблюдал в 1670-е гг., а так, как оно ему представлялась на момент описываемого события – на 1613 г., полагая, что и средняя часть комплекса звонниц, и Филаретовская пристройка были сооружены во времена Михаила Федоровича. Во всяком случае, А. Е. Левшин в конце XVIII в. и среднюю часть комплекса, и Филаретовскую пристройку рассматривал как одно здание и приводил текст надписи на нем, упоминающий и Михаила Федоровича, и патриарха Филарета (Историческое описание первопрестольного в России храма Московского Большого Успенского собора … / сост. А. Г. Левшин. М.: тип. Мейера, 1783. С. 241–257), очевидно, датируя эти части комплекса первой третью XVII в.

[64] Курц Б. Г. Указ. соч. С. 175–176. О пребывании И. Ф. Кильбургера в России см.: Там же. С. 2–4. Как предполагал Б. Г. Курц, И. Ф. Кильбургер писал свое сочинение в 1674 г. в Швеции (Там же. С. 15–17).

[65] Там же. С. 508–509, примеч. 1; РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 93. Л. 200–201.

[66] ОР РГБ. Ф. 67. К. 29. Д. 57. Л. 3–4. Последнее слово в документе написано с исправлением.

[67] Об Э. Пальмквисте см.: Курц Б. Г. Указ. соч. С. 6–9. Описание технологии см.: Данилевский В. В. Русская техника. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Лениздат, 1949. С. 124–125 и др. В книгу вкрались ошибки по истории и хронологии отливки и перемещения колокола; Векслер А. Московское диво, или Монтаж в древней Москве крупногабаритного элемента огромного веса // На стройках России. 1977. № 2. С. 31.

[68] ОПИ ГИМ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 40. Л. 111 («от соборные церкви в новые каменые столпы»), 112.

Рис. 6. Подъем Царь-колокола Алексея Михайловича в 1674 г. Рисунок из альбома Э. Пальмквиста. 1674 г.

колокол постепенно перемещался вверх, то есть использовался тот же механизм подъема, что и в 1674 г.

В день смерти Артюшки 4 июля 1676 г. колокол не был поднят, хотя подъем во второй попытке продолжался уже второй год. В феврале 1677 г. поступила «память… отпустить… остаточного вина садовнику Большого колокола подъемщику Ивашку Кузмину и плотником всего двадцати четырем человекам за подъем Большого Успенского колокола февраля 4 числа нынешнего 185 (1677) года»[69]. Из документа неясно, на какой стадии находился подъем колокола, однако очевидно, что на смену умершему Артюшке Гладкову этим занялся другой наш соотечественник – Ивашка Кузьмин.

К 17 ноябрю 1677 г. «Ивашка тот колокол спустил на церковь Рождества Христова и поставил на указанном месте»[70], то есть колокольный подъем уже состоялся. 8 ноября 1678 г. «на утвержденном каменном месте благовестили в самой большой колокол». Очевидно, это был первый случай эксплуатации Царь-колокола Алексея Михайловича на сводах церкви Рождества Христова[71]. Таким образом, если колокол был поднят к ноябрю 1677 г., то годным к эксплуатации он оказался спустя примерно год, который ушел на работы с колоколом на высоте[72].

В этой связи интересен Устав о колокольной фамилии: «Указал Святейший Иоаким… в 188 (1679) году в сентябре месяце… как докладывать о благовесте, о прозвании колоколов, как их в докладе называют, что Новой Большой и тот в докладе называют Успенским, а Старой Успенской в докладе называют Воскресным, а Реут в докладе называют Полиелейным, а что всегда благовест в него бывает, и тот называют Вседневным»[73]. К концу XVII в. в ансамбле соборных звонниц имелось как раз четыре проема для благовестников: три из них (с выделенным центрального) находились над средней частью, той самой, где размещался храм Рождества (Воскресения) Христова, а четвертый или, вернее, второй (по статусу колокола) – в проеме Филаретовой пристройки[74] (рис. 7).

Большой Успенский колокол 1655 г. был рекордным по своим размерам, на что обращали внимание даже приезжавшие иностранцы, и отливался он русским мастером. Работы по его установке вели как русские, так и иностранные специалисты, но в итоге эта задача была решена нашими соотечественника-

[69] Там же. Л. 131–131 об.

[70] СПбИИ. Ф. 175. Оп. 3. Д. 27. Л. 333–335.

[71] Тихомиров М. Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 259. В. В. Кавельмахер без сносок пишет, что этот Царь-колокол был поднят «после нескольких неудачных попыток только в ноябре 1678 г.» (Кавельмахер В. В. Способы колокольного звона … С. 71). Согласно В. А. Кондрашиной, в том же 1678 г. колокол «окончательно занял место на колокольне Ивана Великого» (Кондрашина В. А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев. С. 83); Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М.: Московская городская типография, 1884. Т. 1. Стб. 999; Снегирев И. М. Московский Царь-колокол // Русские достопамятности. М.: тип. Т. Рис, 1880. Т. 3. С. 4, примеч. 2; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 17692; Оп. 2. Д. 254. Л. 33.

[72] Давиденко Д. Г. Реконструкция соборных звонниц Московского Кремля в конце 1670-х – первой половине 1680-х годов // Московский Кремль XV столетия. Архангельский собор и колокольня «Иван Великий» Московского Кремля. 500 лет. М.: Арт-Волхонка, 2011. Т. 2. С. 320–321.

[73] ДРВ. М.: тип. компании типографической, 1789. Ч. 11. С. 254. При описании празднования новолетия 7199 г. (1 сентября 1690 г.) отмечено: «Благовест был в соборе в старой Успенской колокол, а ныне зовут воскресным». Здесь же упоминается «Большой новый колокол» (Дубровский Н. Патриаршие выходы // ЧОИДР. 1869. Кн. 2. С. 20–21), что подтверждает отождествление названий.

[74] О происхождении системы развески колоколов на комплексе соборных звонниц Кремля см.: Кавельмахер В. В. Способы колокольного звона …; Его же. Большие благовестники Москвы … С. 81–115.

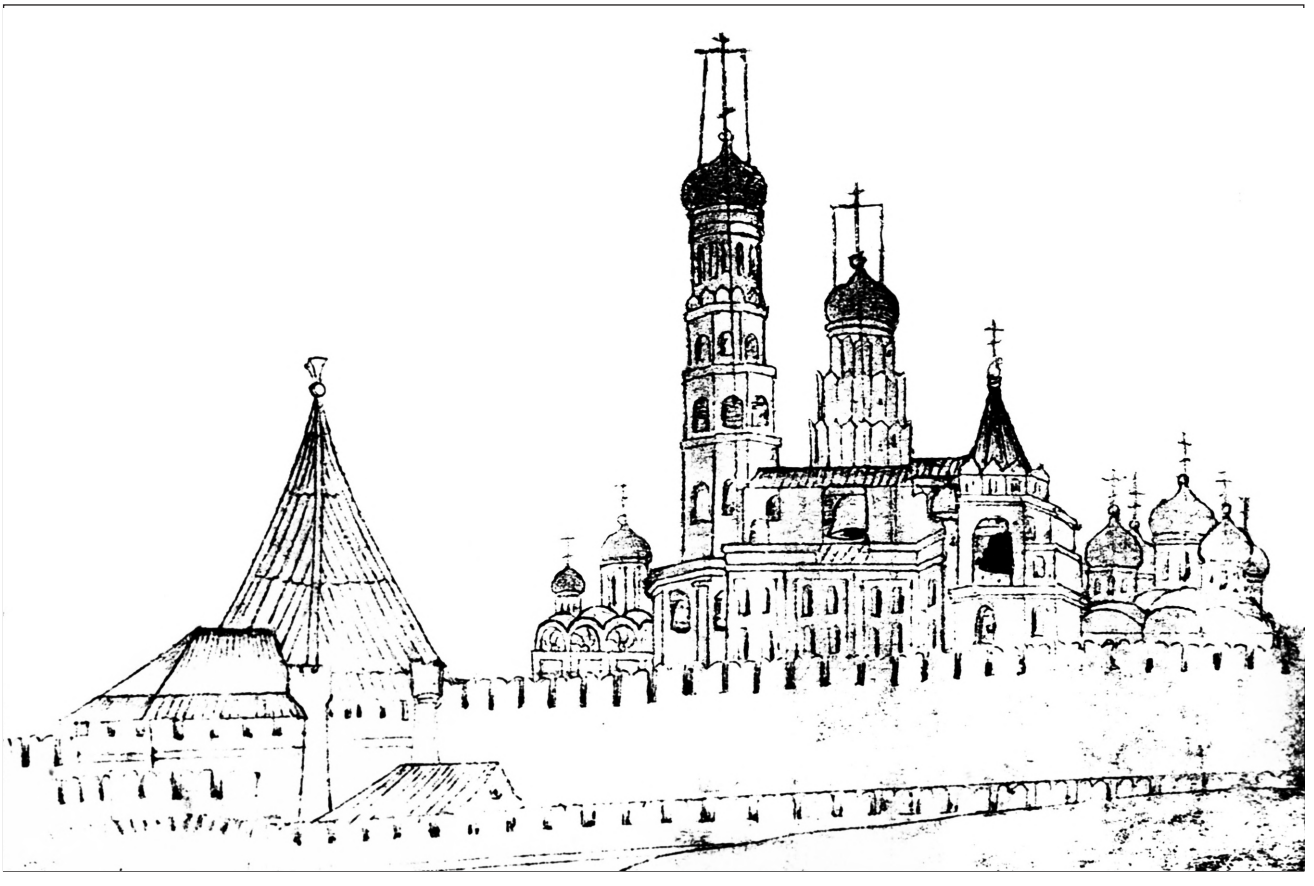


Рис. 7. Митрополит Алексий на фоне Кремля. Г. Зиновьев (?). Икона. 1690-е гг. Фрагмент. (ГТГ. Инв. 14955)

ми в 1670-е гг. Царь-колокол Алексея Михайловича, как и его предшественник – благовестник Бориса Годунова – треснул в пожар 19 июня 1701 г.[75]. В описи колоколов 1749 г. про «новой Большой Успенской колокол», отлитый «во 162-м году» и весивший 8000 пуд сказано, что по указу 1730 г. велено «показанной колокол, который от пожару повредился, перелить вновь с пополнением». Отмечено, что отливка была окончена в 1735 г. «ноября з 24-е на 25 число», а также, что «в 737-м году маия 29 дня во учинившеися… пожар онои колокол повредился и ныне лежит в литеиной яме»[76]. В 1836 г. он был извлечен оттуда и водружен на постамент. Этот экземпляр – Царь-колокол 1735 г., – действительно, не функционировал, но расхожее утверждение, что Царь-колокол не звонил, применимо только к экземпляру 1735 г., но не ко всем благовестникам, имевшим этот статус.

[75] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 53720; Ф. 18. Оп. 1. Д. 145. Л. 4; ОР РНБ. Q.IV.142. Л. 225.

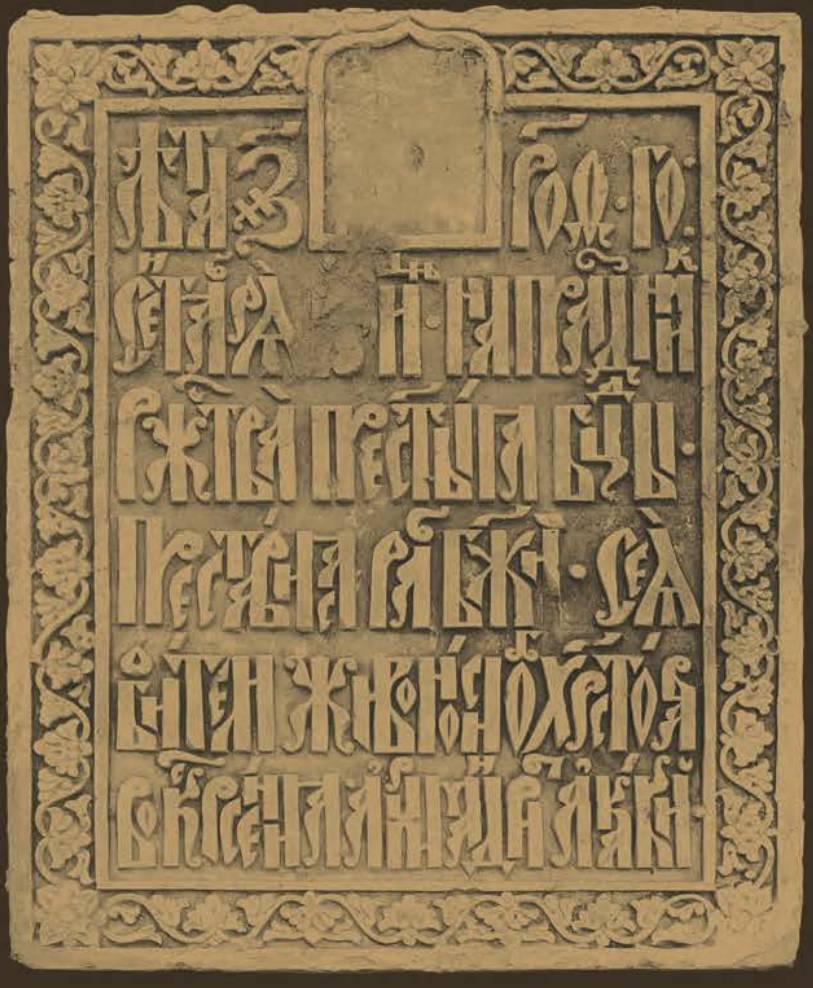
[76] РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 145. Л. 3–4.

D. G. Davidenko

Casting and Installation of the Big Uspensky Bell in Moscow Kremlin in the 1650s – 1670s

Key words: bells; foundry, architecture, Moscow Kremlin.

Abstract: In 1655 the Russian master AlexandrGrigoryev cast the main blessed messenger of Moscow Kremlin, traditionally called the Tsar-Bell, weighing 8,000 puds. It was used episodically as its installment on the Kremlin complex of the cathedral bell gables took more than twenty years. Both native mechanics and foreign ones were involved into this project. As a result, the problem was solved by the lifter Ivashka Kuzmin in 1677. The blessed messenger was functioning with intervals for forty five years until it cracked during the fire in 1701. In 1735 another copy was cast from its copper which inherited the high-status name of the Tsar-Bell that is now exposed on the pedestal in Kremlin.



Часть III

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

С. В. Алпатов, С. М. Шамин

Феномен игры в культуре допетровской Руси: от языческого обряда к театральному представлению*

Постижение значения игры как неотъемлемой части человеческой культуры остается актуальной проблемой как для обобщающих[1], так и для специальных социопсихологических[2], этнографических[3] и лингвистических[4] исследований. Данная статья посвящена конкретному и недостаточно исследованному аспекту указанной темы: описанию и осмыслению игровых феноменов древнерусской культуры. Несмотря на значительное число публикаций, посвященных отдельным сторонам игровой культуры русского Средневековья, задача определения места и роли игры в жизни древнерусского человека остается нерешенной, не в последнюю очередь из-за того, что интерпретации изучаемых феноменов построены во многом на экстраполяции в прошлое представлений об игре, свойственных культуре Нового времени[5].

Согласно данным этнолингвистических исследований понятия «игра»[6], в русской языковой картине мира могут быть выделены следующие классы игровых феноменов:

– природные феномены импульсивного типа: *солнце / река / ветер играет*;

– бытовые явления с семантикой хаотического движения и роста: сквашивание молока, теста, брожение пива[7];

– выразительные психосоматические явления: *в лице румянец играет*; *в глазах играет* (рябит); *«яко десно око заиграе»* (дрожит, дергается – примета в древнерусских трепетниках); *селезенка играет* (о дыхании бегущей лошади); *в груди колоколец играет* (о предсмертных хрипах); *сердце играет* (екает); в том же ряду – *игрец* (паралич / судорожные припадки); рядом и особо – *игрец тебя избей, игрец тебя возьми, игрец его знает, игрец с ним* (о бесовской одержимости); в переносном значении – *кровь играет, «страстей моих играние»* (о душевных и духовных волнениях);

– пение / токование птиц;

– брачные игры и сам акт случки животных, нереста рыб;

– ухаживание / волочение, тактильные любовные игры и соитие людей;

– разные виды спонтанной двигательной активности детей и животных (младенческое играние

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00128.

[1] Хренов Н. А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб.: Алетейя, 2005. 604 с.

[2] Игра со всех сторон / сост. Е. С. Жорняк. М.: Прагматика культуры, 2003. 432 с.

[3] Народные игры и игрушки / отв. ред. Г. Н. Симаков. СПб.: МАЭ РАН, 2000. 183 с.; Игра и игровое начало в культуре народов мира / отв. ред. Г. Н. Симаков. СПб.: МАЭ РАН, 2005. 274 с.; Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры: праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 920 с.

[4] Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. 544 с.

[5] Морозов И. А. «Игра» и «ритуал» в современном научном дискурсе // Традиционная культура. 2001. № 1. С. 20–28.

[6] Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1981. Вып. 8. С. 208–212; Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. С. 80–84; Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1977. Вып. 12. С. 65–75; Вендина Т. И. Игра в языке русской традиционной культуры: этнокультурная интерпретация // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. С. 375–391; Толстая С. М., Толстой Н. И. Играть и гулять // Толстая С. М. Пространство слова: лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 102–113.

[7] О взаимодействии пищевого и игрового кодов традиционной культуры см. подробнее: Березович Е. Л., Пьянкова К. В. «Пищевой» код в дискурсе игры // Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 341–403.

ручками, бесцельная детская беготня и «возня»; конское переступание ногами, брыкание телят и т.п.);

– силовые и состязательные игры спортивного типа подростков и взрослых;

– операционные детские игры с игрушками;

– спортивные игры с различными предметами;

– игра на музыкальных инструментах;

– пляска и пение;

– ролевые и сценарные игры детей, обрядовые (*ряжение, хоровод, свадьба*) и зрелищно-театральные действа взрослых;

– шутки, насмешки, издевки;

– интеллектуальные и азартные игры[8].

Вопрос об этимологической «первородности» и взаимных отношениях природного, психосоматического и социокультурного рядов значений игры остается дискуссионным. Вместе с тем несомненно, что к моменту формирования славянских этносов и государств в Восточной Европе X–XI вв. смысловой доминантой игры стало значение «обрядовое пение с пляской», производными от которого выступали частные значения слова «*игра*» – «песня», «танец», «зрелище», «забава», «шутка» и т.п.[9]. Именно этот круг средневековых игровых феноменов будет детально рассмотрен в настоящей статье. Изучение данной проблемы осложнено тем, что в источниках одно и то же действие может быть названо игрой, а может и не сопровождаться таким определением. Кроме того, описания разных видов «игр» могут пересекаться.

Самую общую систематизацию типичных ситуаций, для которых характерно игровое поведение, дает один из исповедальных вопросников первой трети XVII в. Исповедующий интересовался: «в долони клескивал лы и плясывал лы, песни бесовскиа певал лы», а после этого уточнял: «а в пиру и на свадьбах и на игрищах»[10]. Таким образом, мы получаем три варианта наиболее типичных ситуаций, в которых практиковалось игровое поведение – свадьба, пир и игрища (народные обрядовые праздники). Рассмотрим конкретные данные источников в соответствии с этой структурой.

Игрища – обрядовые празднества

Данные о характере древнерусских *игрищ* извлекаются из свидетельств начального русского летописания, с одной стороны, и христианской проповеди, с другой стороны.

В «Повести временных лет» в статье 1068 г. летописец, в числе причин, по которым Господь покарал русских людей нашествием половцев, отмечает, что русские люди по имени христиане, а ведут себя как язычники. Среди проявлений такого поведения было пристрастие к *трубам*, *гуслям*, *скоморохам* и *русалиям*. В них летописец видел инструмент, при помощи которого дьявол отрывал людей от Бога (этот фрагмент летописи текстуально ориентирован на «Златоструй»[11]). Места, где проходили игрища, были утоптаны множеством людей, которые пихали друг друга «позоры деюще»[12]. Здесь мы наблюдаем объединение понятий игрища как обобщенного именования языческих действ с конкретным, дохристианским по своим корням праздником – русалиями и конкретными видами игрового поведения – игрой на трубах, гуслях и представлениями скоморохов.

Не позднее XIII в. в древнерусских текстах появляется мысль о том, что светская власть должна препятствовать участию людей в играх. К этому Иаков-черноризец призывал князя Дмитрия Борисовича: «Аще и чюдесы подражати апостолы хощеши, и се ти мощно: они хромым ходити створиша и рукы сухымъ исцелиша, а ты храмлющая о вере научи, и нози текущих на игры к церкви обрати»[13]. Здесь понятие игры предстает наиболее обобщенно, без каких-либо пояснений по поводу того, в связи с чем эти игры проходили.

В появившемся в самом начале XVI в. «Послании» игумена псковского Елиазарова монастыря Памфила обличаются народные игрища, проходившие во Пскове накануне празднования отмечающегося 24 июня Рождества Иоанна Предтечи. Неприятие народного «Ивана Купалы» церковью вполне понятно, поскольку этот праздник наследовал языческому обряду почитания дня высшего солнцестояния. Однако к XVI в. абсолютное большинство псковичей были христианами. Да и сам игумен рассчитывал, что к его словам псковичи прислушаются именно как истинные православные. Вера в идолов поминалась в послании, однако основная мысль сочинения состояла в том, что празднование Рождества Иоанна Предтечи превращалось по людскому неразумию в поругание святого. В неправильном поведении псковичей Памфил выделял игру на музыкальных инструментах, «всякие неподобные игры сотонинские», «плескание и плясание». Далее делался акцент на эротическом компоненте праздничной гульбы: женщины и де-

[8] Ср. типологию игровых форм культуры: Хейзинга Й. Homo ludens / пер. В. В. Ошиса. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 40–60.

[9] Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. С. 210. Ср. также: Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 273–274.

[10] Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 422.

[11] Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков: Епархіальная тип., 1916. Т. 1. С. 313–314.

[12] Повесть временных лет / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 210.

[13] Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Там же. М., 1997. Т. 5: XIII век. С. 390.

вушки кивали, издавали неприятные крики и вопли, пели скверные песни, извивались телом, подпрыгивали и притопывали. Эти песни и танцы соблазняли мужчин, вели к блуду между взрослыми и растлению девушек[14]. В послании нет указаний на конкретные виды «сатанинских игр», но в целом поведение псковичей в купальскую ночь можно описать как игровое, с выраженным эротическим подтекстом[15].

От XVII столетия сохранился целый ряд документов (памятей, указов и др.), при помощи которых иерархи Русской православной церкви пытались унять от игрищ свою паству. «Память» патриарха Иоасафа (от 14 августа 1636 г.) интересна по целому ряду причин. Во-первых, в ней отмечено, что обличаемые и запрещаемые игрища приурочены не к какой-то конкретной дате, а характеризуют традицию отмечания самых разных церковных праздников. В документе перечислены «праздники Владычни и Богородичны и нарочитых святых». Во-вторых, дано сравнение подобающего и неподобающего праздничного поведения. Отмечено, что в праздник надо внимать духовным словам божественных писаний со страхом и благоговением, веселиться духовно. Однако люди «вместо радости духовной возделание творят радости бесовской», «вместо духовнаго торжества и веселия восприимше игры и кощуны бесовския». Эти «игры и кощуны» состоят в том, что скоморохи и медведчики творят сатанинские игры, играют в бубны и сурны, плещут руками, пляшут[16]. При этом происходят кулачные бои, доходящие до убийства. Бои отнесены именно к играм, поскольку ниже составитель документа уточнил, что «в тех играх многие и без покаяния пропадают». Особенно интересна помещенная после обличения народных празднеств приписка: «и всякого беззаконнаго дела умножилося, еллинских блядословий и кощун и игор бесовских»[17]. Здесь народные праздники соотнесены с античными играми.

Еще Н. В. Рождественский отметил связь данного документа с челобитной нижегородских священников, в том числе Ивана Неронова, сыгравшего заметную роль в реформах духовной жизни русского общества первых лет правления царя Алексея Михайловича. Неронов не только участвовал в составлении челобитных, но и пресекал игрища силой. Вместе с учениками он на святки устраивал по окрестностям города своеобразную охоту на игрецов, в ходе которой использовалась не только грубая сила, но и увещевания, почерпнутые из «Маргарита» Иоанна Златоуста[18]. Даже в конце XVII столетии патриарху Иоакиму пришлось продолжить дело обличения «бесовских *игралищ*»[19].

Игра и пиры

Пир был неотъемлемой частью празднества, поэтому описания и порицания пиров пересекаются с обличительными характеристиками игрищ. Наиболее раннее свидетельство об играх на древнерусских пирах мы находим в житии Феодосия Печерского: посетив княжеские палаты Святослава, святой столкнулся там с музыкантами, игрой, весельем[20]. На время бесед с праведником князь отлагал развлечения, но возвращался к застольным забавам по их окончании.

Одной из важных составляющих пира было потребление алкогольных напитков. Питие и связанное с ним расторможенное поведение часто становилось объектом бичевания для христианских авторов. В поучении жившего в конце XII в. Григория, епископа Белгорода, обличение игры вплетено именно в поучение против пьянства: «Егда бо упивается, тогда блудите и играете, плищете, поете, пляшете, в сопели сопете, завидите, рано пьете, обьедаетеся, упиваетеся, блюете, льстите, злопоминаете, гневаетеся, лаетеся, хулите, осержаетеся, лжете, горьдите, кощуняете, срамословите, кличете, сваритеся, море вам до колена, смеетеся, крадете, бьетеся, деретеся, празднословите, смерти не поминаете, спите много, осужаете, вадите, божитеся, укаряете, клеплете»[21]. Представляется, что слова «блудите и играете» не столько подразумевают разврат или какие-то конкретные виды

[14] Послание игумена Памфила / подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // Там же. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 160–162.

[15] О формах межполового общения молодежи на святки, Масленицу и в купальский период во время посвятительных игр, направленных на подготовку к будущим брачным отношениям и на частичное растрачивание эротического потенциала, – см. подробнее: Морозов И. А. Женитьба добра молодца: происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы»/«женитьбы». М.: Лабиринт, 1998; Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. М.: Индрик. 2002. С. 203–262, 465–539.

[16] Ср. также свидетельства иностранных путешественников о таких игровых формах русской культуры XVI–XVII вв., как пение и пляски, качание на качелях, медвежья потеха, кукольный театр: Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. С. 176–177, 199; Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии / сост. А. Либерман. М.: Рита-Принт, 1997. С. 425.

[17] ААЭ. Дополнены и изд. Высочайше учрежд. комис. СПб: тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 4: 1645–1700 г. 1836. С. 402 (№ 264).

[18] Рождественский Н. В. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в.: (челобитная нижегородских священников 1636 года в связи с первоначальной деятельностью Ивана Неронова) // ЧОИДР. 1902. № 2. С. 1–31 (Смесь).

[19] ПСЗ. Собрание 1-е. СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 2. С. 647 (№ 1101).

[20] Житие Феодосия Печерского / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 422.

[21] Поучения к простой чади / подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова // Там же. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 288.

игр, сколько дают общее определение поведения людей на пьяном празднике[22]. Сами «пьяные» действа – пение, пляска, игра на музыкальных инструментах – имеют параллели с тем, что происходило на языческих игрищах.

Более позднее по времени «Наставление в землемерии царям, если им угодно» Ермолая-Еразма – еще один текст, который включил осуждение игр в инвективу против пьянства, призывавшую полностью истребить этот порок. Автор раскрывал взаимосвязь пьянства с дальнейшими греховными действиями следующим образом: там, где люди сходятся пьянствовать, появляются «кощунницы» с гуслями, скрипками, сопелями, бубнами и другими инструментами (в тексте они объединены под названием *бесовские игры*). «Кощунницы» играли, бесились, скакали и распевали скверные песни. Расслабленные пьянством жены теряли трезвую крепость нрава и начинали желать *сатанинского играния*. Судя по дальнейшему развитию логических построений автора, под сатанинским играним подразумевались внебрачные половые отношения. Их мужья в это время расслаблялись и начинали заглядываться на чужих жен. Чарки подносились с поцелуями, соприкосновениями, потаенными речами. Итогом становилась *связь дьявольская*. И вот стыдливая женщина, вкусив на пьяном сборище запретного, превращалась в блудницу[23]. Фактически перед нами описание пира и его последствий. В сочинении хорошо прослеживается связь праздничного пира с игрой и и другими формами нехристианского поведения. При этом о каких-либо пережитках язычества в данном сочинении речи не шло. Для Ермолая-Еразма это просто обычное праздничное поведение неразумных людей.

Данная бытовая тема прослеживалась и в «Домострое» в разделе «Како кормити приходящих в дому з благодарением», посвященная тому, как надо устраивать пир для гостей. Здесь перечислялось то, что не должно происходить во время застолья. Запрет накладывался на скаредные речи и блудное срамословие, смех, шутки, игру на гуслях, пляски, игры, песни. Всё это, по мнению автора, отгоняет ангелов, на место которых приходят бесы. Слуги нечистого же стараются, чтобы застолье продолжилось угодными им делами: зернью, шахматами[24], *бесовскими играми*. Как и множество его предшественников, автор «Домостроя» подтверждал свое порицание игр известной библейской притчей о том, как выведенные из Египта евреи начали играть: «Егда жидове седоша ясти в пустыни и пити и, обьядшася и опившеся, и восташа играти и блуд творити, и тогда пожре земля их двадесят тысящь и три тысящи»[25].

Обличения, начавшиеся на заре русской культуры, продолжились и в XVII столетии. Авраамий Палицын в своем «Сказании» об осаде Троице-Сергиева монастыря в начале главы «Об умножении в крепости беззакония и неправды» поместил всё тот же рассказ о евреях, начавших играть. В «Сказании» библейским богоотступникам уподоблялись защищавшие монастырь военные, которые после битв начинали веселые пиры и не слушали увещевания братии. За пьянством последовало распространение блуда. В результате осажденные были поражены мором[26].

Пиры защитников Лавры сопровождались музыкой. В главе «О неме и глухе пане, како обличи того Мартьяша измену» музыка планомерно завершает («начаша играти тонцы») обед, организованный монастырским слугой Пименом Тененевым – руководителем русских отрядов во время вылазок против поляков[27]. В былинах при изображении княжеских пиров регулярно упоминаются пение и игра на гуслях: «Там вси скачут, пляшут оны, песенки поют, Во музыки да во скрыпочки наигрывают»; «А в третьём терему-то гудки гудят, Игры играют Царьграда, Напевки выпевают Ерослима»)[28].

В пир вплетались и другие, сомнительные с точки зрения морали действия, имевшие игровой характер. Застольная мужская беседа была немыслима без соревновательного самовосхваления[29] и без уничижительной шутки по поводу угощения и сотрапезников. Некоторые из них сохранили двуязычные разговорники XVI–XVII вв.: «То пиво мне видит что кони сцат»[30], «Ты не шибаш жареных да

[22] Ср. характеристику стереотипного праздничного поведения в славянской народной культуре: Славянские древности: энциклопедический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. С. 237–240.

[23] Сочинения Ермолая-Еразма / подгот. текста, пер. и коммент. Р. П. Дмитриевой, пер. А.А. Алексеева и Л.А. Дмитриева // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 482.

[24] См. подробнее: Линдер И. М. Шахматы на Руси. М.: Наука, 1975. 207 с.

[25] Домострой / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 126.

[26] Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря / подгот. текста Е.И. Ванеевой, пер. и коммент. Г. М. Прохорова // Там же. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. С. 300.

[27] Там же. С. 316.

[28] Бобунова М.А. Онежские былины: частотный словарь. Курск: КГУ, 2003; Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: лексика былины. Курск: КГУ, 2006.

[29] Ср. былинное общее место: «Сильный хвастает своей силою, Богатый хвастает богачеством, Иной хвастает добрым конем, А разумный отцом-матерью, А безумный хвастат молодой женой» (Смолицкий В. Г. Застолье в былинах // Традиционное русское застолье. М.: ГРЦРФ. 2008. С. 176).

[30] Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Copenhagen, 1970. Vol. II: Translation and Transliteretion / ed. by L. L. Hummerich and R. Jakobson. P. 232.

вареных гусей через тын»[31]. Мемуары иностранцев сохранили тексты застольных баек[32] и свидетельства об импровизированных соревнованиях в силе отрыжки / испускания ветров гузном[33]. В свою очередь, по тщательно собираемым заморскими гостями слухам, закрытые женские пирушки содержали собственные игровые состязания: «во время пения они схватываются вместе, прыгают, то повернутся лицом, то задом друг к другу, остановятся и начнут повертывать задницей, точно мелют горчицу или чечевицу на ручной мельнице; та, которая поет и повертывает задом лучше всех, берет преимущество перед другими, той и больше славы»[34]. Фольклорную версию застольного состязания монахов на пиру у Ивана Грозного (кушать ложками с длинными черенками) сохранила «Повесть о царе Иване и старце»[35]. Впрочем, древнерусскому пиру не были чужды конные ристания, борьба и соревнования в стрельбе из лука[36]. Застолье же ученой среды XVII в. предполагало интеллектуальные состязания в импровизированном построении остроумных силлогизмов[37].

Игра и свадьба

Свадебное торжество – одно из традиционных народных празднеств, встроенных в парадигму обрядов перехода во взрослый статус (особо отметим среди них застолье после после венчания – «княжий пир», стереотипный образ которого отложился в свадебных песнях и былинах[38]), с одной стороны, и в структуру годового цикла праздников-игрищ, с другой стороны. В «Повести временных лет» мы встречаем описание игрищ северян, радимичей и вятичей, которые включали пляски, песни, умыкание жен (по предварительной договоренности)[39]. Подробностей летописец не привел, но из общего характера сообщения очевидно, что на таких игрищах не обходилось и без игры на музыкальных инструментах. Основной же целью устраиваемых игрищ было создание семьи. Для нашей темы также важно, что в порицании этого языческого обряда общее понятие игрища объединено с конкретными видами игрового поведения.

Связь понятий *свадьба – игра – игрищ*е отчетливо прослеживается на уровне лексики: *свадьбу играли*[40]. Сопровождала свадьбу и собственно игра музыкальных инструментов. «Чин свадебный» четко оговаривал моменты, когда музыкантам положено начать свою игру[41]. Скоморохи были непременными участниками свадеб[42]. С этим обычаем пытался бороться Стоглавый собор[43]. Однако борьба эта долгое время оставалась безуспешной. Скоморохи присутствовали даже на царских свадьбах. Последний раз их приглашали на свадьбу Михаила Федоровича. Женитьба Алексея Михайловича проходила уже под дьяческие песнопения[44]. В первой трети XVII столетия владение игровыми навыками свадебного обряда представлялось греховным. Исповедальный вопросник этого времени требовал выяснять у кающихся: «Слова свадебные игрищные и иные какие слова знаеши ли?»[45].

Таким образом, мы видим, что ситуации, подразумевавшие игровое поведение, имели между собой множество пересечений, что создавало единое семантическое поле обобщенного понятия игры.

Обобщенное представление об игре

Обобщенное представление об игре наиболее ярко представлено в обличениях. Из русских памятников в этом отношении наиболее интересно «Поучение Даниила, митрополита всея Руси» (годы пребывания на митрополичьей кафедре 1522–1539 гг.). Памятник особенно интересен тем, что обращен к духовенству и лишь попутно касается мирян. Иерарх опирался на византийские церков-

[31] Falowski A. «Ein Rusch Boeck…»: Ein russisch-deutsches anonymes Wörter- und Gesprachsbuch aus dem XVI. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994. S. 90.

[32] Ср. записанную в 1525 г. Павлом Иовием Новокомским от переводчика русского посольства в Риме Димитрия Герасимова небылицу: Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. Л.: Наука, 1971. С. 40.

[33] Олеарий А. Указ. соч. С. 192; Рейтенфельс Я. Сказание о Московии // Утверждение династии / сост. А. Либерман. М.: Рита-Принт, 1997. С. 350; Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: этнографические очерки / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1990. С. 147.

[34] Петрей П. Указ. соч. С. 426.

[35] БЛДР. СПб.: Наука, 2010. Т. 16. С. 31–33.

[36] Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М.: Наука, 1969. С. 267–292.

[37] Голубев И. Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 294–301.

[38] Смолицкий В. Г. Указ. соч. С. 173–182.

[39] БЛДР. Т. 1. С. 70.

[40] «И виде свадбу играющу, и восплакася». См.: Суды Соломона / подгот. текста, пер. и коммент. Г. М. Прохорова // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI–XII века. С. 174; «И венчався в Торопце; и ту свадбу игра, а в Новегороде другую». См.: Летописные повести о монголо-татарском нашествии / подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 128.

[41] Чин свадебный / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Там же. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 230–234.

[42] Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб.: Алетейя, 2001. С. 76–126.

[43] Гальковский Н. М. Указ. соч. Т. 1. С. 321.

[44] Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. I, ч. II: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. С. 293.

[45] Корогодина М. В. Указ. соч. С. 422.

ные каноны, постановления Трульского, Лаодикийского, Карфагенского соборов. Разумеется, не были забыты и увещевания против игр Ефрема Сирина и Иоанна Златоуста (см. подробнее ниже). При этом «Слово о недели» святого Ефрема в послании Даниила кратко пересказано. Общий посыл поучения состоит в том, что земная жизнь – это место временного изгнания человека. Пребывая здесь, необходимо заботиться о вечной жизни. Праведникам противопоставлялись «скомрахи, и плясци, и шахматы и тавлееми», то есть профессиональные *веселые*, а также те, кто увлекается плясками, шахматами и шашками. Таким образом, играющие (в самом широком значении) противопоставляются обращенным к Богу.

Ниже митрополит перечислял по группам, в основном цитируя переводные памятники, игрецов и игры: «глумятся и играют в гусли, в домры, в смыки, к сему ж и зернию, и шахматы, и тавлееми, и в песнех бесовьских, и в безмерном и премногом пианстве»; «такоже и мирьским человеком, шахматы и пианьствы упражняющемся»; «возбранено есть причетником в корчемницу входити»; «ни единому от всех, или от клирик, или от простых человеков, играти зернью»; «Отнуду отметает святый сей собор вселенскый глаголемыа глумотворци и позорища их. Такоже и ловления, и позорования, и плясания ни в домех, ни на торжищах не творти»; «тацем же запрещением покорити подобает и водящих медведи или иныя некиа таковыя животныя на играние»; «Такоже глаголемыя каланды, или глаголемыя вота и нареченныя врумахия, и въ перьвый день марта месяца совершаемое торжество отнудь от верных граженствъ отъяти хотящим. Такоже и женская пред людми плясания, яко нечестивыа и мног вред и пагубу творити могуща, такоже и именем от еллин ложноименных боговъ или от мужей или от жен бывающая плясаниа и празднования по некакому древнему обычею и чюжему христианского житиа отметаем, заповедающе и никоемуже мужеви в женскую одежю облачитися, ни жене в мужския достойно, но ни же в обличия игрецев и ликовствеников или козлогласования ходити, ни сквернаго Дионися имени, грозны топчюще в точилех, призывати»; «да не леть будет кому, во священническом причатаемых чину или мниху, на уристание конное ходити или бесовских игрищь наслажатися»; «яко не подобает христианом, позваном бывшемъ на брак, плескати или плясати, но честно с говением вечеряти или обедати, якоже лепо есть христианом»; «не подобает священником или клириком неких видений позоровати на брацех и на вечерях, но преже входа игрецов въстати им и отходити»; «чадом священническим позорищь мирьскых не творити, ни же позорствовати»; «яко не подобает играти и глумитися, якоже и священная правила глаголют, яко ходяй на игрище со идолослужители имат часть»; «егда же диавол позовет гусльми, и плясци, и песньми неприазнеными, тогда мнози събираются»; «и аще нарекутся пирове, или вечеря, или гусли, или свирели, или песни неприазненныя, то вси готови будут, и убудятся и потекут, друг друга зовый, и стекутся на злый той путь»; «заповедало ти ся есть безпрестани Бога молити, а ты безпрестани смеешися и играеши»; «аще ли хощеши разумети, яко бесовскаа есть служба игра»; «всяка убо лютость и студодеание ото играния и глумления бывает»[46]. Таким образом, мы видим, что в представлении митрополита Даниила существовало некое общее понятие об игре как о недопустимом для христианина поведении. В его семантическое поле входили: игра как целостное явление, хлопанье в ладоши, пляски и песни, игра на музыкальных инструментах (гусли, домры, смыки, свирели), занятие скоморошеством и, в частности, вождение медведей, участие в позорищах (представлениях) в качестве актера или зрителя, участие в обрядовых празднествах, оставшихся с дохристианского времени, а также в свадебных игрищах, переодевание в одежду другого пола, конные состязания, игра в шашки, шахматы, зернь, пьянство, посещение корчмы. При этом комплексы неблагочестивых игр регулярно смешивались. Так обличение настольных интеллектуальных игр (шахмат и шашек) объединялось то со скоморошеством и плясками, то с зернью, песнями и пьянством, то просто с пьянством.

Как уже было отмечено выше, русские обличения игр опирались на византийскую учительную традицию, также рассматривавшую игру как некое целостное понятие. Среди древнейших переведенных на славянский язык слов Ефрема Сирина встречаем приписываемое святому «Слово о недели», предостерегающее от участия в играх. Сирийский богослов писал, что гуслями, плясками и песнями людей прельщает дьявол. Он противопоставлял заповеданные Богом молитвы смеху и игре, а отречение от мирских дел – глумлению неразумных людей. Святой рассматривал игру как бесовскую службу[47]. Он предупреждал своих читателей, что насеявшие в этой жизни тернии смеха пожнут слезы и рыдание. Свои размышления он подтверждал рассказом из Ветхого завета о том, как выведенные из Египта Моисеем люди «сели есть и пить, а встали играть» и в том прогневали Бога и погибли[48].

[46] Поучение Даниила, митрополита всея Руси / подгот. текста, пер. и коммент. Н. В. Понырко // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 362–370.

[47] Ср.: «…Дияволя мудрованья, еже есть… пияньства, игры… смех» – Пандекты Антиоха, 297, XI в. (Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. С. 79–80).

[48] НИОР РГБ. Ф. 304.I. № 7 (Ефрема Сирина Поучения).

В «Слове о покаянии и любви» сирийский подвижник утверждал, что во время крещения словами «отрицаюсь сатаны и всех дел его» человек отрицается от всех злых деяний, в том числе смеха, игры на свирели, пляски и пения[49].

Мысль о том, что играющий служит бесам, доносилась церковными сочинителями до людей и в более доступной форме. В Житие Нифонта Констанцского, переведенное на Руси не позднее начала XII в., инкорпорировано «Слово святого Нифонта о русалиях». Позднее «Слово» было включено в «Измарагд». В этом фрагменте рассказывается о том, как святой увидел горюющих от победы Христа бесов. Адовых служителей утешал демон, который пообещал им, что скоро многие люди забудут Христа и будут славить их мирскими песнями и плясками. И действительно, вскоре богатый человек велел призвать музыканта для игры и пляски. Поданную музыканту монету бесы тут же отнесли показать в преисподнюю сатане. Этот дар от христианина обрадовал нечистого больше, чем жертвы идолопоклонников. Деньги же были возвращены в карман музыканта. Нифонт, видевший всё это, начал убеждать людей сторониться игр, поскольку как труба собирает воинов, а чтение книг – ангелов, так сопели и гусли собирают бесов. Читатель должен был понять, что любящий музыкальную игру славит сатану, а подающий монету музыканту одаривает вместе с игрецом бесов. Любопытно, что русский книжник опознал в этой бытовой сценке славянский языческий праздник – русалии[50].

Обличение игры как явления представлено в шестой «Беседе на евангелиста Матфея» святого Иоанна Златоуста. Перевод этого сочинения на славянский язык выполнил Максим Грек. В 1664 г. оно издавалось на московском печатном дворе. Печатное тиражирование текста позволяет не сомневаться в том, что проповедь отца церкви не осталась без внимания на Руси. Острие обличительного пафоса в этом сочинении направлено не на игру, а на смех. Исходной точкой размышления философа стал тезис о том, что Христос не смеялся. Святой противопоставлял смех и игру, с одной стороны, и слезы, с другой стороны. Желание всю жизнь смеяться и играть, а не плакать, в русском переводе называется детским – то есть незрелым и неразумным, поскольку играть учит не Бог, но дьявол. В «Беседе ...» приведены примеры гибельности игры для людей из святого писания: выведенный из Египта Моисеем народ «сел есть и пить, а встал играть», после чего над играющими последовала расправа (этот пример использовал и Ефрем Сирин). Далее Иоанн напоминал, что также играли в Содоме и перед потопом. Златоуст не сомневался, что «сущие на игралище» вместе с блудниками, тунеядцами и ласкателями обречены нечистому[51].

Впрочем, некоторые игры святитель порицал особенно страстно. В «Слове Иоанна Златоуста о играх и о плясании», вошедшем уже в древнейшую редакцию «Измарагда»[52], *плясание* особенно выделялось среди других игр: «Всех же игрании проклятее есть многовертимое плясание, то бо отлучает человеки от Бога, и во дно адово ведет. Пляшущая бо жена, невеста сатанина нарицается и любовница дияволя, супруга бесова. Не токмо сама сведена будет во дно адово, но и тии, иже с любовию позоруют, и в сластех разжизаются на ню похотью. Прелщающе святыя мужи плясаннем яко же дщи Иродиада. Пляшущая бо жена, многим мужем жена есть, и тою диявол многи прелщает во сне и на яве. И вси любящи плясание, со Иродиею в негасимый огнь осудятся. Грешно бо есть и скверно и скаредно и своему мужу с таковою женою совокуплятися»[53]. Более кратко Златоуст касался темы обличения игры и в других словах. Так, в «Слове Иоана Златоустаго, како не ленитися книги чести» (включено в «Измарагд») среди способов, при помощи которых дьявол улавливает человеческие души, в одной группе перечислены *позоры*, *игры* и *плясание*, а в следующей – *пьянство* и *блуд*[54]. Находим в «Измарагде» и еще одно обличение игр и «плясаний» – «Слово Иакова, брата Господня, о недели»[55].

Игрецы от дьявола

В литературных памятниках встречается немало описаний неприятных *играющих* персонажей. Большими любителями поиграть выступали бесы и сам дьявол. Когда в 1071 г. в Киев пришел волхв и стал проповедовать, что Днепр потечет вспять, а

Л. 144–147. Цит. по: URL: http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=007 (дата обращения: 13.02.2016).

[49] НИОР РГБ. Ф. 304.I. № 7 (Ефрема Сирина Поучения). Л. 211.

[50] Из «Измарагда» / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 102.

[51] Иоанн Златоуст. Беседы на евангелиста Матфея. М., 1664. Ч. I. С. 69, 69 об.

[52] В Древнейшей редакции № 27 начинается словами: «Поразумеем братие коль пагубно есть и се зло…». В Даниловском варианте № 15 начинается словами: «Земная вся отвергше лукавая умышления приидете слышим духовная учения…». См.: Пудалов Б. М. Литературная история 1-й («древнейшей») редакции «Измарагда» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2 (2). С. 84, 90. По Е. Э. Граншрем № 48 и 74. См.: Граншрем Е. Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI–XV вв.) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 356, 361.

[53] Измарагд. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры // НИОР РГБ. Ф. 304.I. № 202 (1573). Л. 15–15 об. Цит. по: URL: http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=202 (дата обращения: 26.01.2016).

[54] БЛДР. Т. 10. С. 100.

[55] Пудалов Б. М. К литературной истории сборника «Измарагд»: формирование 2-й («Основной») редакции // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 333.

Русская земля встанет на месте Греческой, благочестивые люди не усомнились в том, что волхвом *играет* бес[56]. Бесам удалось хитростью обольстить Исакия, одного из монахов Киевского Печерского монастыря. Получив над Исакием власть, они стали *играть* на сопелях, бубнах, гуслях и заставили Исакия плясать до полусмерти[57]. Нечистый дух, войдя в Иродиаду, добился казни Иоанна Крестителя, а потом ее руками *играл* головой святого как яблоком[58]. Встречается в текстах идея о том, что мудрствующие, играющие мыслью люди становятся игрушкой бесов. Так, Максим Грек, обличая веру в фортуну, писал: «еллини же и египтяне баснями играюще, играеми от бесов»[59]. Дьявол явно выступает в древнерусской книжности как сущность играющая, в отличие от Бога, который, испытуя человека, всё же ведет его прямым путем к спасению.

В этом контексте вряд ли стоит удивляться, что вовлеченность в игру (как в качестве играющего, так и в качестве зрителя) рассматривалась в качестве греха. Лучше всего это демонстрируют списки исповедных вопросов. Исследование М. В. Корогодиной показало, что, хотя вопросы об *игрищах* для исповедальных текстов не уникальны[60], присутствуют они далеко не во всех документах и группируются в связи с социальным и гендерным статусом исповедуемого. Исповедующего интересовали факты участия человека в игрищах: «Всяких игр непристойных сам не делаешь ли, и игрищь на святках слушать не ходишь ли, или на них смотришь с любовию»[61]. Были вопросы о том, не ходили ли исповедники на представления скоморохов, приглашали ли артистов к себе домой, платили ли им. Некоторые тексты явно подозревали в самом исповедуемом профессионального артиста: «Или игрецем старшим бывал еси, или свирели играл, или в смычец, или в гусли, или плясец еси, или корчемник»[62]; «Аще самоборец, или пешии уристиния творя на позорех, или игрищам стареиша, или свирелец, или смычец, или гусельник, или плясец, или корчемник, да престанет от таковых»[63]. Особо подчеркивалась тема получения удовольствия от созерцания игр: «И скоморохов слушала и в сладость и игры их смотърила?»[64].

Давление на любителей игр со стороны церкви, а позднее и государства постепенно усиливалось. Если в XI в. духовные лица лишь просили остановить игру из уважения к своему сану или же просто покидали пиры с появлением игрецов, то в конце XIII в. раздались первые требования к светской власти обратить ноги идущих на игры к церкви. В течение следующих трех столетий эти требования звучали всё настойчивее. В последней трети XV в. власти начали ограждать от насильственных вторжений скоморохов монастырские вотчины, а в середине XVII в. разразилась настоящая война с «игрецами». Вряд ли стоит сомневаться, что катализатором этого процесса стал духовный кризис Смутного времени, когда великое победоносное царство в считанные годы превратилось в легкую добычу для авантюристов всех мастей. Прошедшее через кризис общество стало строже спрашивать само с себя за свой моральный облик, за чистоту веры. Мощные удары были нанесены по народным праздникам, скоморошеству, азартным играм. Исследователи уже давно составили летопись «скоморошьего погрома». Последние данные о борьбе со скоморошеством обобщены З. И. Власовой. Из них видно, как тучи собирались над скоморохами постепенно. «Судным днем» для них стал 1648 г., когда скоморошество было полностью запрещено, а за несоблюдение указа о скоморохах в качестве наказания устанавливалось битье кнутом[65].

Игрецы от Бога

Приведенные в нашей статье данные позволяют утверждать, что с точки зрения ортодоксального средневекового мировидения игра была негативным явлением[66]. Однако в качестве антипода дьявольской плотской игры существовала *игра духовная*. Ядром этого топоса древнерусской словесности и изобразительного искусства была игра псалмопевца Давида. Из литературных памятников следует отметить «Сказание о царе Давиде», в котором говорилось, что под его музыку «въси скоти играаху», «скоты и въся вещи играят»[67]. Идея радостного играния вселенной под музыку боговдохновенного музыканта нашла любопытное продолжение у русского дипломата конца XV – первой половины XVI в. Ф. И. Карпова. Он считал, что владыки государств должны представлять собой «подобие гуслей *игреца*

[56] БЛДР. Т. 1. С. 214.

[57] Там же. С. 230.

[58] Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI–XII века. С. 264.

[59] Сочинения Максима Грека / подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // Там же. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 308.

[60] Корогодина М. В. Указ. соч. С. 231–242.

[61] Там же. С. 452.

[62] Там же. С. 430.

[63] Там же. С. 431.

[64] Там же. С. 472.

[65] Власова З. И. Указ. соч. С. 11–16.

[66] Психологическая и прагматическая мотивированность игрового антиповедения не отменяла для древнерусского человека его негативной духовной оценки. См. подробнее: Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 320–332.

[67] Сказание о царе Давиде / подгот. текста, пер. и коммент. М. Д. Каган-Тарковской и Р. Б. Тарковского // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI–XII века. С. 162.

Давида», которые приводят в согласие жизнь подданных[68]. Образ царя Давида, который, узрев рождение Богородицы, «бряцаа в гусли» играл духом, неоднократно встречается в русской книжности[69]. Этот образ реабилитировал инструментальную игру, поскольку гусли Давида восхваляли божественные истины.

Духовная игра могла происходить и без музыкальных инструментов – в самом сердце человека. Митрополит Даниил, обличая плотскую игру, противопоставлял ей такую духовную игру: «И кто […] приемля заповеди Господня и предания и учениа святых апостол и преподобных и богоносных отец наших, и в сицевых *играет* и утешается, и радуеться душа их»[70]. Автор «Жития» святого Никона, ученика святого Сергия Радонежского, писал, что похваляющие добродетель «веселятся, и *играют* духовно, и радуются»[71]. Пример духовной игры в видении встречаем в «Житии Василия Нового». Служившая святому Василию Феодора, достигнув рая, увидела там облаченных огнем прекрасных юношей. Они «осклабляющеся и веселящеся *играаху*»[72], выражая свою радость о спасении души Феодоры.

Святому могла быть доступна и словесная *игра* – шутка. Так, в «Житии Андрея Юродивого» рассказывается о том, как к Андрею, чтобы поддержать его, явился чудесный старец с пятью святыми женами. При этом старец шутил: «Рече же к жене пятеи к светлеишии, *играя*… И аз, госпоже, ведел есмь, но играя к тебе молвил есмь тако»[73]. По «Житию архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия» несправедливо осужденный Дионисий «в железах стоя, смеяшеся и с толкущими его и с плюющими на нь, яко з глумники ликуя или яко *играя*, отвещеваше к ним»[74].

В отдельных случаях и действия юродивого могли быть прямо определены как игра. Ярким примером этого является «Житие» ростовского чудотворца юродивого Сидора Твердислова, прожившего жизнь *играя*: «Твердислов вправду тезоименно наречеся, утверди бо ум и со словом вкупе, еже обеща к Богу. И, *играа*, Исидор житие се преиде и небеснаго царствиа доиде»[75]. Интерпретация жизни юродивого как игры может восходить к одному из древнейших славянских переводов византийских литературных памятников – «Житию Андрея Юродивого». Святой Андрей, играя, обличал грехи людей[76]. Следует сразу отметить, что прямая характеристика действий юродивого как игры в житиях редка. Гораздо чаще юродивый выступает как нищий духом, безумный Христа ради, в действиях которого зримо читается Божья воля[77].

Таким образом, в древнерусской литературе понятие игры имело семантические полюса, где плюс и минус определись плотским или духовным характером игры.

Правление царя Алексея Михайловича: годы перемен

Период правления царя Алексея Михайловича вместил в себя процессы, которые кажутся взаимоисключающими. С одной стороны, власть нанесла серьезный удар по скоморошеству и народной игровой культуре в целом. С другой стороны, именно при Алексее Михайловиче появился придворный театр. Можно было бы предположить, что отношение Алексея Михайловича к развлечениям поменялось с возрастом. Однако это верно лишь отчасти. Государев быт к концу его правления действительно стал менее строгим, однако в то же самое время, когда царь с упоением смотрел спектакли, гонения на скоморохов продолжались. Причину этого кажущегося парадокса следует искать в общих тенденциях развития русской культуры середины XVII столетия – в России постепенно развивалась светская культура Нового времени.

[68] Сочинения Федора Ивановича Карпова / подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // Там же. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 352.

[69] Слово похвальное честному Покрову пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Творение смиренного иеромонаха Пахомия / подгот. текста, пер. и коммент. М. А. Федотовой // Там же. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 54; Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Панченко // Там же. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. С. 28.

[70] Поучение Даниила, митрополита всея Руси / подгот. текста, пер. и коммент. Н. В. Понырко // Там же. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 362.

[71] Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Никона, ученика блаженного Сергия чудотворца / подгот. текста, пер. и коммент. А. А. Савельева // Там же. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 80.

[72] Из «Жития Василия Нового»... / подгот. текста Ю. А. Грибова и А. В. Пигина; пер. М. Б. Михайловой и В. В. Семакова; коммент. А. В. Пигина // Там же. СПб.: Наука, 2003. Т. 8: XIV – первая половина XVI века. С. 514.

[73] Житие Андрея Юродивого / подгот. текста, пер. и коммент. А. М. Молдована // Там же. СПб.: Наука, 1999. Т. 2: XI–XII века. С. 336, 338.

[74] Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия / подгот. текста, пер. и коммент. О. А. Белобровой // Там же. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. С. 436.

[75] Память святого Сидора, юродивого Христа ради, по прозвищу Твердислов, ростовского чудотворца / подгот. текста, пер. и коммент. М. Д. Каган-Тарковской // Там же. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 242.

[76] Житие Андрея Юродивого / подгот. текста, пер. и коммент. А. М. Молдована // Там же. СПб.: Наука, 1999. Т. 2: XI–XII века. С. 342, 344, 346, 352, 354.

[77] Иванов С. А. Блаженные похабы. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 231–264.

Очевидно, что Алексей Михайлович воспринимал театр иначе, чем скоморошество. Смена скоморошьих представлений театральными – лишь один из аспектов проблемы.

Большую роль в происходящих переменах играло постоянно усиливающееся воздействие европейской культуры. Первым этапом укоренения театра в России было знакомство русской политической элиты с западными театральными представлениями через донесения послов и переводы европейской прессы, активно освещавшей светскую жизнь европейских владык. Краткая хронология событий выглядит следующим образом. В 1668 г. находившиеся во Франции члены русского посольства во главе с П. И. Потемкиным смотрели постановку комедии Мольера «Амфитрион»[78]. Это событие было отражено в посольской документации. Четыре года спустя, 16 февраля 1672 г. живущие в Москве иностранцы разыграли перед царем любительский «балет» «Орфей» – шуточное представление с музыкой, танцами и короткими веселыми номерами[79]. За ними последовали первые профессиональные постановки – «Июдифь» и «Артаксерксово действо», которые имели черты так называемых «английских комедий», где трагические сцены чередовались с комическими[80].

Театр был настолько новым явлением, что для его обозначения понадобилось новое слово[81]. В первые десятилетия XVII столетия в переводах иностранной прессы для обозначения комедий использовались слова «*игрище*», «*потеха*». Однако уже с самого начала царствования Алексея Михайловича в переводах появляться слово «*комедия*». В 1646 г. встречается упоминание, что «и езовитенские отцы в тои ночи комедию о небесном течение держали»[82]. Особенно интересно сообщение 1650 г. о времяпровождении знаменитого полководца Карла-Густава Шведского: «енералнои порутчик господин Пиколомини с полмили от сего города на поле в шатрах на енералиссима Карлуса и на иных началных людеи болшои пир сделали тешились тешью, которая слывет коммедии»[83]. При переводе этого текста переводчик явно испытывал сложности. Сначала он написал «тешились игрою» (именно так говорили о скоморохах). Однако разница между комедией и скоморошьими играми для него была очевидной, а скоморошьи игры в это время как раз истреблялись особенно упорно. Переводчик, стремясь передать смысл незнакомого слова, но боясь одновременно придать ему негативную окраску, заменил «игру» на «тешь» – лексему, не имевшую отрицательного оттенка. Именно слово *«комедия»* стало употребляться при подготовке представлений для Алексея Михайловича. Впрочем, для окончательного закрепления слова в русском языке понадобилось еще некоторое время. В 1679 г. в куранты было включено сообщение: «Арцух Лотаринской прислал сюда 2 тысячи золотых червонных на прокормление музыкантов, иже едут в Ыншпрук город для исправления некоторых игралищ или комедий о рождении княжича от цесаревы сестры, бывшее королевы польской»[84]**.** Как видим, в переводе для слова «*комедия*» всё еще могло даваться пояснение. В более поздних переводах таких пояснений найти не удалось.

Попытаемся проанализировать культурные механизмы, которые позволили Алексею Михайловичу, не испытывая внутренних конфликтов, одновременно тешиться комедиями и бороться со скоморохами. Наиболее важной предпосылкой для этого представляется семантическая полярность, которую лексема *игра* имела в русском языке. Первые сыгранные перед государем комедии «Июдифь» и «Артаксерксово действо» были написаны на религиозные сюжеты, что сближало их с творениями псалмопевца царя Давида в гораздо большей степени, чем со скоморошьими представлениями. Значительную роль сыграло также то, что *игрища* представляли собой целый комплекс игрового поведения. Комедии же не имели такого контекста. В русской культуре они были «вещью в себе». Их западное происхождение и западные внешние формы позволяли (несмотря на критику со стороны ревнителей строгих нравов) игнорировать черты сходства с бичуемыми народными забавами. Комедии не только были изолированы от традиционной культуры, но и выделялись гораздо более высоким эстетическим уровнем. Всё это создавало культурную пропасть между комедией и игрищем, скоморохом и актером, открывая дорогу петровским преобразованиям русского игрового дискурса по новоевропейским образцам.

[78] Новоселов В. Р. Русское посольство во Францию 1668 г.: два отчета об одной миссии // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М.: Древлехранилище, 2006. С. 355.

[79] Jensen C., Maier I. Orpheus and Pickleherring in the Kremlin: The «Ballet» for the Tsar of February 1672 // Scando-Slavica. 2013. № 2 (59). P. 145–184.

[80] Ранняя русская драматургия, XVII – первая половина XVIII в.: в 5 т. М.: Наука, 1972. Т. I: Первые пьесы русского театра / О. А. Державина и др. С. 43–44.

[81] Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии, XVII–XVIII веков: («комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.) // ТОДРЛ. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 11. С. 280–299.

[82] Вести-Куранты, 1645–1646, 1648 гг. / изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1980. С. 125.

[83] Вести-Куранты, 1648–1650 гг. / изд. подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина; под ред. С. И. Коткова. М., 1983. С. 185.

[84] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1 (1679 г.) Ед. хр. 5. Л. 268.

S. V. Alpatov, S. M. Shamin

The Game Phenomenon in the Pre-Peter Russian Culture: from Pagan Rituals to a Theatrical Performance

Key words: game; ancient Russian culture; the culture of Modern Age; theatre, comedy.

Abstract: The authors carried out a systematic analysis of the phenomenon of a game in the old Russian culture, and made a conclusion that this notion included a whole complex of correlated cultural features of Ancient Rus. The church disapproved civil game practices, at the same time it chanted the praises of the game of the human spirit. The dualism of the medieval thinking enabled keeping the balance between the clerical studies and the realia of the day-to-day life. However, in the period of forming the culture of the Modern Age this balance was disrupted: the civil power had started to fight against traditional game practices. The reverse side of the prosecution of the traditional culture was the appearance of the civil culture, including theatre. Isolation of the theatre from the popular game and a centuries-long tradition of acceptance of the game of spirit in the clerical environment contributed to its establishment in Russia

Л. А. Трахтенберг

Русская юмористика XVII–XVIII вв. и жанры деловой письменности

XVII в. в истории России – не только период социально-политических трансформаций, но и время перестройки литературной системы. В XVII в. получают распространение жанры и даже роды литературы, которых древнерусская книжность не знала: это рыцарский роман, поначалу переводной, лирическая поэзия, драматургия; на русский язык переводятся басни Эзопа, сборники моралистических рассказов – «Великое Зерцало» и «Римские Деяния», западноевропейские политические памфлеты и пародии[1]. Создаются и оригинальные юмористические, в том числе пародийные, произведения. Рукописная литература XVIII в. продолжает эту традицию: произведения XVII столетия бытуют в рукописях, и создаются новые, реализующие сходные жанровые тенденции.

Конструктивной и стилистической основой многих произведений ранней русской юмористики становятся жанры деловой письменности: челобитная, роспись приданого, завещание, рапорт, судебное дело и др.[2]. Пародии воспроизводят их структуру, формулы, лексику и фразеологию деловой речи[3]. Такие произведения, как «Калязинская челобитная», «Роспись о приданом», «Рапорт пронского воеводы в Сенат», «Духовное завещание Елистрата Шибаева», «Дело о побеге из Пушкарских улиц белого петуха от куриц», представляют собой пародии на документные жанры или включают пародийные элементы.

Характер комической трансформации делового жанра может быть различным: от точного следования ему в важнейших элементах текста до радикальной переработки, оставляющей от пародируемой формы лишь еле заметные следы, едва достаточные для того, чтобы опознать пародийный адрес. Различные типы пародийных трансформаций будут рассмотрены далее.

Примером точного воспроизведения пародируемого жанра в его основных формальных особенностях может служить «Калязинская челобитная», созданная, видимо, в последние десятилетия XVII в. (не ранее 1680 г.[4]). Традициям делопроизводства соответствуют элементы начального протокола – титул адресата: «Великому господину преосвященному архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому»[5], челобитье и именование адресанта: «бьют челом богомольцы твои, Колязина монастыря крылошаня, черной дьякон Дамаско с товарищами»[6]; начало ка-

[1] См., например: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М.: Наука, 1964. 355 с.; Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII: Исследования. Тексты. Комментарии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 543, [3] с.; Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965. 439 с.; Ромодановская Е. К. Римские Деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации: исследование и издание текстов. М.: Индрик, 2009. 968 с.; Алпатов С. В., Шамин С. М. Европейский юмор в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 21–33.

[2] О документных жанрах см.: Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. Ч. II: Филологический метод анализа документов. 119 с.

[3] См.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. 261 с.; Лихачев Д. С. Смех как «мировоззрение» // Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. С. 14 сл.; Никитин О. В. Деловой язык и литературные тексты XV–XVIII вв. М.: Изд-во МГОУ, 2004. С. 123–176.

[4] Русская демократическая сатира XVII века / подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1977. С. 51–54. Вопрос датировки рассмотрен в работе: Пономарева И. Г. О возможной исторической основе сюжета «Калязинской челобитной» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. XLVII. С. 269–275. О формуляре челобитных XVII в. см.: Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 164 с.

[5] Русская демократическая сатира XVII века. С. 51.

[6] Там же.

зусной части: «Жалоба, государь, нам, богомольцам твоим, того же Колязина монастыря, на архимарита Гавриила»[7]; начало просительной части с эпитетом *милостивый* при повторе именования адресата: «Милостивый великий господин преосвященный Семион, архиепископ Тверской и Кашинский, пожалуй нас, богомольцев своих»[8]; наконец, формула конечного протокола: «Смилуйся, пожалуй!»[9]. Пародийный характер носят здесь не формулы, а рассказ о событиях, якобы ставших поводом для челобитной: «Да он же, архимарит, приказал старцу Уару в полночь з дубиною по кельям ходить, в двери колотить, нашу братью будить, велит часто к церкве ходить. А мы, богомольцы твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим, около ведра ходя, правило говорим»[10], и соответствующая им просьба: «<…> вели, государь, архимарита счесть в колоколах да в чепях весом, что он ис колокол много меди иззвонил и с чепей много железа перебил, кладучи на нас, богомольцев твоих <…> и в той утерной казне отчот дать и свой милостивой указ учинить, чтоб наши виновати не были»[11].

Следует формуляру жанра-образца и пародия XVIII в. – «Духовное завещание Елистрата Шибаева»[12]. Пародию открывает стандартная формула intitulatio с традиционным эпитетом: «Се аз, многогрешный Елистрат Иванов сын Шибаев»[13]. Далее следует arenga, где также используются формулы: «пишу в целом своем разуме, отходя сего света»[14]. Типичная для жанра-образца лексика и фразеология вводится в пародийный контекст: «тело мое грешное покрыть самым лехким и тонким воздухом»[15] (в подлинных завещаниях обычен эпитет *грешный* при слове *тело*[16]); «Жене моей Наталье Дмитревне – в награждение все 24 часа в сутках»[17] (*в награждение* – традиционная формула[18]).

Включаясь в комический контекст, формула может преобразовываться. Примером служит другое произведение XVIII в. – «Дело о побеге из Пушкарских улиц белого петуха от куриц»[19]. Оно представляет собой пародию на судебное дело: в его составе – «прошение», «помета», «билет», «сказка о объявлении петуха», «вопросные пункты», «резолюция». Во вступительной части «прошения» читаем: «Слезное прошение, просим учинить решение»[20].

Этот фрагмент восходит к формуле «Прошу Вашего Величества, о сем моем челобитье решение учинить», употребление которой в челобитных было предписано указом Петра I «О форме суда» от 5 ноября 1723 г.[21]. Видоизменение этой формулы, где слово *челобитье* заменяется на *прошение*, в челобитных XVIII в. встречается нередко[22]. Принципиальное отличие формулы в пародийном «Деле…» от данного образца определяется не столько введением эпитета *слезный* (этот эпитет может использоваться в подлинных челобитных и прошениях[23]), сколько порядком слов, подчеркивающим рифму, которую образуют слова *прошение* и *решение*. Для подлинных документов такой порядок слов нехарактерен – вероятно, потому, что в деловой письменности XVIII в. рифма рассматривается как неуместная (хотя в челобитных XVII в. и более раннего периода рифма встречается[24]).

[7] Русская демократическая сатира XVII века. С. 51.

[8] Там же. С. 54.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 51.

[11] Там же. С. 54.

[12] Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. 1955. Вып. 17. С. 154–156. О формуляре завещаний см.: Козлова Н. В. Введение // Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / сост., ввод. ст. и коммент. Н. В. Козловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 5–38; см. также: Полежаев П. В. О завещаниях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858. Кн. I. С. 21–104; Кошелева О. Е. «Отходя от света сего…»: частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний // Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М.: РГГУ, 2000. С. 341.

[13] Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. С. 154; ср.: Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. С. 151 (№ 77).

[14] Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. С. 154.

[15] Там же.

[16] Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. С. 107 (№ 46); С. 118 (№ 57); С. 120 (№ 58); С. 129 (№ 63); С. 130 (№ 64); С. 152 (№ 77); С. 156 (№ 79); С. 315 (№ 185) и т. д.

[17] Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. С. 155.

[18] Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. С. 141 (№ 171); С. 175 (№ 87); С. 280 (№ 164) и др.

[19] ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание Отдела рукописей). № 900. Л. 144 об.–149 об.

[20] Там же. Л. 144 об.

[21] ПСЗ. Собрание 1-е. Т. VII: 1723–1727. [СПб.]: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 150 (№ 4344).

[22] См., например: Ильиных В. А. Крестьянские челобитные XVIII – первой половины XIX в. (на материалах Западной Сибири) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск: Наука, 1980. С. 91; Памятники московской деловой письменности XVIII века / изд. подгот. А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1981. С. 164–165 (№ 255–257); С. 168 (№ 260); С. 172 (№ 265) и др.

[23] См.: Волков С. С. Указ. соч. С. 39, 121; Архив князя Воронцова. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1870. Кн. I: Бумаги графа Михайла Ларионовича Воронцова. С. 49, 51, 54, 56.

[24] См.: Данилов В. В. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. XI. С. 211 сл.; Тимофеев Л. И. Об истоках русского литературного стихосложения // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV, вып. 6. С. 500 сл.; Его же. Очерки теории и истории русского стиха. М.: Гослитиздат, 1958. С. 208 сл.

Однако в контексте пародийного «Дела…», написанного рифмованным стихом, она, напротив, оказывается в ряду средств, создающих эстетический эффект.

Еще один пример трансформации, которой подвергается формула делового жанра-образца, представляет название другого пародийного произведения XVIII в.: «В сотенную Глуховскую канцелярию слезно рыдающее доношение»[25]. Как уже было отмечено, эпитет *слезный* в просительных документах употребителен; более того, наряду с выражением *слезно просить* встречается и другое – *слезно плакаться*[26]. Однако комический эффект создает синонимическая замена *плакать* на *рыдать*, нарушающая целостность формулы.

Наряду с трансформацией формул возможно их замещение: сохраняется определенный нормами пародируемого жанра набор структурных позиций, но заняты эти позиции элементами, чуждыми деловой письменности. Так происходит в следующем памятнике пародийной литературы, сохранившемся в рукописи первой четверти XVIII в.[27] под названием «Список с челобитной»: «Господину моему суде свинье бьет челомь и плачетца и за печь прячетца ис поля вышел из лесу выползь из болота выбрел а не ведомо кто»[28].

Здесь обращение к «судье-свинье» занимает место, отведенное для именования адресата, – перед челобитьем, а после челобитья в качестве именования адресанта выступает комическая описательная характеристика. Формула челобитья трансформирована: традиционный оборот «бить челом и плакаться» дополнен рифмующимся фрагментом.

Структура пародийной «Росписи о приданом» XVII в.[29] задана последовательностью типов имущества, составлявших приданое: земли, строения, домашний скот, запасы, одежда и украшения. Как и подлинные росписи[30], пародия представляет собой перечисление, но «имущество» названо такое:

«<…> московский двор загородной
на Воронцовском поле, позади Тверской дороги.
Во оном дворе хоромнаго строения:
два столба вбиты в землю, третьим покрыто…
Да с тех же дворов сходитца на всякой год
насыпного хлеба
8 анбаров без задних стен;
в одном анбаре 10 окороков капусты, 8 полтей тараканьих
да 8 стягов комарьих, 4 пуда каменнаго масла»[31].

В фольклоре «двумя столбами с перекладиною» называется виселица[32]; при этом в небылицах «постройка <…> четыре кола вбито, бороной покрыто»[33] – это комический образ бедного дома.

Пародируются в «Росписи…» и элементы конечного протокола рядной записи – subscriptio и datum: «А у записи сидели: с[ват] Еремей да жених Тимофей, кот да кошка, да п[оп] Тимошка, да сторож Филимошка. А запись писали в серую суботу, в рябой четверток, в соловую пятницу»[34]. Комические указания на время находят соответствия в другом памятнике юмористической литературы – пародийной «Челобитной»: «дело у вас в месице саврасе в серую суботу в соловои четверкь в желтои пятокь»[35], а также в фольклоре – в народной песне и загадке[36].

Иногда пародийный колорит создается и при изменении структуры жанра-образца. Это можно наблюдать на примере произведения, изданного В. Д. Кузьминой под названием «Рапорт пронского воеводы в Сенат» (датируется XVIII в.). В разных списках оно озаглавлено или так: «Копия. От старова воеводы в Сенат. Репорт ис Пронской воеводской канцелярии от воеводы», или так: «Копия с старинных канцелярских дел. Из Пронской Воеводской Канцелярии от старого воеводы в Сенат. Рапорт»[37]. В подлинных рапортах XVIII в. порядок клаузул обратный: сначала указывается адресат, а затем адресант[38]. Комический эффект возникает благодаря поддерживающей название стилизации делового

[25] ОР РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 486. Л. 7/8–8/9 об.

[26] Волков С. С. Указ. соч. С 39.

[27] Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих Имп. публичной библиотеке. СПб.: Синод. тип., 1897. С. 291 сл.

[28] Шляпкин И. А. Сказка об Ерше Ершовиче сыне Щетинникове // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ч. CCCLIV, август. С. 400.

[29] Русская демократическая сатира XVII века. С. 97–99.

[30] См.: Калачов Н. В. Рядные // Древности: труды Московского археологического общества. М.: тип. Грачева и К°, 1867. Т. I, вып. 2. С. 67–72; образцы: АЮБ. Изданы Археографическою комиссиею под редакциею члена комиссии Н. Калачова: [в 3 т.] СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1884. Т. III. Стб. 266–270 (№ 328.IV–328.VI) (росписи приданого); см. также: Там же. Стб. 287–304 (№ 334) (рядные); Стб. 305–318 (№ 336–337) (сговорные).

[31] Русская демократическая сатира XVII века. С. 97.

[32] Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. С. 278.

[33] Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 246 (№ 60).

[34] Русская демократическая сатира XVII века. С. 98.

[35] Шляпкин И. А. Указ. соч. С. 400.

[36] См.: Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878. Ч. 2: Народная словесность. С. 84 (№ 71); Садовников Д. Н. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: тип. Н. А. Лебедева, 1875. С. 209 (№ 1686).

[37] Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. С. 153.

[38] Новоселова Н. А. Формирование стереотипов делового письма в XVIII веке на Южном Урале. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. С. 19, 74, 79–86; Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. С. 37–38, 49.

языка: «Того ради Правительствующему Сенату представляю: не благоволено ль будет <…>»[39].

Особый случай представляет пародийный «Список глухого пашпорта»[40], также относящийся к XVIII в. В этом произведении пародийный эффект нарастает постепенно. Вслед за названием в начале текста о его комическом характере сигнализируют рифмы, находящие соответствия в фольклоре: «уезду горада Растова села Талстова»[41] (ср.: «В городе во Ростове, / У боярина Толстова, / На широком на дворе / Жили были два братенника, / Два складенника: / Ерема да Фома»[42]). Имя героя – «крестьянина Разбегая Ивановича Прыткова»[43] – предваряет указание на его род занятий: «отпущен покормитца вработу для скудости и бедного его ремесла скорой дабычи и лехкой шыбаевой работы»[44]. Затем следует перечисление мест, куда он отправляется, – по словам И. Е. Забелина, названы «воровские и разбойные пути и пристанища»[45], и, наконец, дается развернутая характеристика «работы» персонажа: «Жить ему и кормитца в тех показанных местечках безпашпорту и воравать ему безпошлины, а краденава ему прадавать бес парук такимжа варам и машенникам шта свая братья шыбаи» и т. д.[46], а также наказания, которое его ожидает: «и где бы ево завидючи и хтоб знаючи, учиня, пагонею, ево одержать и в железныя аковы акавать и в горад отдать, и без всякава пощаду кнутом ево бить, чтоб ему впред по иным местам небродить и неволочитца»[47]; далее следует призыв к раскаянию.

Используя рассмотренные выше приемы, авторы пародий XVII–XVIII вв. создают литературные произведения на основе нехудожественных жанровых форм. Структура и стилистика документа выступают в роли контрастного фона для комических мотивов, что производит сильное эстетическое впечатление.

[39] Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. С. 153.

[40] Забелин И. Е. Заметка о памятниках простонародной литературы // Библиографические записки. 1892. № 2. С. 82–83.

[41] Там же. С. 82.

[42] Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях … СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1898. Т. I, вып. 1. С. 266 (№ 950). См. также: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. / изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков; отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. М.: Наука, 1985. Т. III. С. 140 (№ 412); Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. С. 300 (№ 103).

[43] Забелин И. Е. Указ. соч. С. 82.

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] Там же. С. 83.

[47] Там же.

L. A. Trakhtenberg

Russian Humoristics of the 17th – 18th Centuries and Genres of Business Writing

Key words: the Russian literature of the 17th – 18th cc., humor, parody, business writing.

Abstract: The 17th century is an important stage not only in the social and political history of Russia but also in the history of Russian literature. It is a time when new literary forms gain popularity, and they continue to exist in the 18th century. Among them is humor literature, including parody. Various genres of business writing are often parodied; these include petitions, wills, dowry lists, reports etc. The mode of their comic transformation ranges from the precise reproduction of basic textual elements found in source texts to their radical reworking. The paper shows how different literary techniques are used to create works of art on the basis of non-artistic texts.

С. В. Алпатов

Бытовой юмор в русско-немецком разговорнике Тённиса Фенне 1607 г.*

Юмор – одна из универсалий человеческой культуры, позволяющая маркировать, деконструировать и оценивать логические аномалии, поведенческие девиации, этнокультурные стереотипы, социальные противоречия[1]. Однако – в противовес *функциональной универсальности* юмора – его *семантика* и *поэтика* весьма *специфичны* в своих социальных и историко-культурных проявлениях и должны рассматриваться и интерпретироваться на аутентичном языковом материале[2].

Рубеж позднего Средневековья и раннего Нового времени в русской истории – эпоха кардинальной перестройки этнического мировидения в целом и существенных изменений в частных аспектах повседневной жизни русского общества – представляет особый интерес для исследователей как с точки зрения богатства и разнообразия источников, так и в плане их формальной сложности и смысловой неоднозначности[3].

Если полюсам смеховой культуры XVII в. – скоморошеству[4], юродству[5], смеху духовного сословия[6] и придворному остроумию барочного типа[7] – посвящены специальные работы, то юмор «средних классов» русского общества переходного времени, как правило, оказывался вне зоны исследовательского внимания, не в последнюю очередь из-за трудности идентификации комизма, специфичного для среды купечества и рядового дворянства[8].

Такой тип источников, как записки иноземных путешественников, регулярно фиксирует элементы бытового комизма, не замечаемые русской литературной традицией в силу их привычности, но очевидные для отстраненного и более пристрастного взгляда иностранцев[9]. Двуязычные словари-разго-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00128.

[1] Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007. 234 с.; Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. 726 с.; Кошелев А. Д. О природе комического и функции смеха // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 277–326.

[2] Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.; Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М.: Наука, 1993. С. 341–345.

[3] Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1996. Т. 3: XVII – нач. XVIII в. С. 11–263.

[4] Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб.: Алетейя, 2001. 522 с.

[5] Иванов С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.

[6] Росовецкий С. К. «Повесть об Иване Грозном и старце» как памятник демократической «смеховой культуры» XVII в. // ТОДРЛ. Л.; 1988. Т. 41. С. 241–267; Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики: народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 462 с.

[7] Голубев И. Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 294–301; Панченко А. М. Указ. соч. С. 198–202; Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с.

[8] Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени. Новосибирск: Наука, 1994. 228 с.; Лихачев Д. С. Историческая поэтика древнерусской литературы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 497–499; Демкова Н. С. Средневековая русская литература: поэтика, интерпретации, источники. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 164–207; Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 262–266; Малэк Э. Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. Забытые и малоизученные произведения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 5–219.

[9] Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. Л.: Наука, 1971. 288 с.; Алексеев М. П. Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной слободы // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1969. Т. 24. С. 299–304; Его же. К анекдотам об Иване Грозном у С. Коллинза // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1983. С. 43–48; Николаев С. И. Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И. Г. Корба // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 162–167; «Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича»: псковский архив английского купца 1680-х гг. / изд. подгот. Б. Н. Морозов, П. С. Стефанович. М.: Индрик, 2009. 174 с.

ворники XVI–XVII вв., непосредственно связанные с дневниками и записными книжками иностранных гостей[10], обнаруживают специфику национального юмора, привлекаемого иноземцами как средство успешной коммуникации в России.

В ряду известных средневековых пособий по изучению русского языка стоит русско-нижненемецкий разговорник Тённиса Фенне, составленный около 1607 г. во Пскове. Он представляет наиболее развернутый корпус речевых контекстов, характеризующих быт и профессиональную деятельность псковской торговой среды начала XVII столетия, в том числе, ее юмористическую составляющую.

Согласно стереотипной логике разговорников XVI–XVII вв. речевая практика заморского гостя начинается с молитв на русском языке «Во имя Светая Троица я починал писать ту рускую книгу. Господи Исус Христос приди ко мне да пособи мне те русские речи прямо учиться да похватить и опосле прямо писать и дай мне свою милость здоровье в своем в страху жити а те руские речи володеть. Амин» (с. 22)[11]. В корпус разговорника входят также православный Символ веры (с. 507–509), Песнь Богородицы (с. 510), Отче наш (с. 527) и первые главы книги Бытия: «Перво сотворил Бог небо и землю…» (с. 497–506). При этом характерно, что изложение истории сотворения мира и человеческого грехопадения является фиксацией устного рассказа: «В ту пору ангел пришел да их обоих з раю выкинул вон да сказал: Бог не велел вам здесь быти» (с. 501)[12].

Большую часть разговорника Фенне составляют торговые диалоги о весе, цене, качестве товара, а также поведении продавца и покупателя. Любопытно, что «протестантская этика капитализма» (термин М. Вебера) находит адекватное отражение в формулах русских паремий о посмертном уделе грешной души, запроданной бесу (утопающей в грехах), отягчающей чашу весов на Страшном суде: «Весец, весь прямо да не провесь души своей» (с. 282. 2); «Не возьми ты на свою душу, отдай ты мое прямо да души твоей не потопи» (с. 292. 3); «Не емли посулу да бесу души не продай» (с. 299. 4).

Примеров профессионального купеческого юмора в разговорнике Фенне сравнительно немного. Это, прежде всего, просторечная экспрессивная лексика, выражающая ироническое пренебрежение к партнеру по торговой сделке: «Мне мой товар еще не напрокучил, что ты дешево ево от меня торгуешь. Пусть товар у меня лежит, даст Бог будет в людях» (с. 288. 1); «Добре ты звяглив человек, много ты отволочил мне в той цены, кабы я ведал, что ты был так звяглив, я бы цену прибавил» (с. 313). Во-вторых, это юмор, апеллирующий к гендерным стереотипам: «Тороплив ты человек, не смеешь ты торговать как инои люди. Поедь ты дому, да пришли свою женку сим торговать» (с. 318)[13]. Очевидно, что адекватному пониманию данного высказывания не как оскорбления, но как шутки служили распространенные в европейском фольклоре бытовые сказки сюжетного типа «Муж-наседка» (СУС = ATU 1408), в которых попытка мужчины вести домашнее хозяйство оканчивается катастрофическим провалом, тогда как его супруга успешно справляется с мужской долей повседневной работы.

В-третьих, в разговорнике Фенне представлен гротескный юмор торговой рекламы: «У меня есть продажнои: четыре бумажники да три хомутины да две рогожины да кожа угориная – тим товаром я великои купчина» (с. 393). Общим образно-поэтическим и понятийным фоном для русского и немецкого собеседников в данном случае несомненно выступал широкий круг фольклорных небылиц о Schlaraffenland – стране «роскошного жития и веселия» (сюжетные типы СУС 1930A*, 1932 = ATU 1930), а также тексты рукописной сатиры типа «Азбуки о голом и небогатом человеке», «Фаболя о безместном дворе», «Росписи приданому»[14].

Гораздо богаче представлены у Фенне юмористические и сатирические контексты, связанные собственно с домашним бытом. Это, прежде всего, обыгрываемые в застольной беседе пищевые этнокультурные стереотипы разных сообществ[15]: «Наши немецкой люди живи как осподари, свежи мяса да

[10] См. подробнее: Алексеев М. П. «Книга русского языка» Т. Шрове 1546 г. и ее автор // Сб. ст. памяти акад. Л. В. Щербы. Л.: ЛГУ, 1951. С. 103–112; Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.: СПбГУ, 2002. 684 с.

[11] Здесь и далее цитаты по изданию: Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian: Pskov 1607. Vol. II. Translation and Transliteration / ed. by L. L. Hummerich and R. Jakobson. Copenhagen, 1970. Нумерация страниц в ссылках соответствует нумерации страниц рукописи, воспроизведенной в издании.

[12] Ср.: «Perwoi Noi wyslal woronu da chotce popytati chotze li Boh pomilovati nas, da ne prisel opat. Druhoi radt Noi wyslal odnogo goluba da po semi den priletel opet da prinesla soboi schutzock. Inno Noi widel Boch chotzit nas pomilowat» (Bl. 5a) – Здесь и далее цитаты по изданию: Falowski A. «Ein Rusch Boeck…»: Ein russisch-deutsches anonymes Wörter- und Gesprachsbuch aus dem XVI. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994. Нумерация листов в ссылках соответствует нумерации листов рукописи, воспроизведенной в издании.

[13] Ср.: «Toropliw ty czoloweck nesmejesch torgowaty kack iny ludi podi domow pusti sena torguet» (Ibid. Bl. 75).

[14] Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Указ. соч. С. 214–220, 268–271; Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Барац, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.; Uther H.-J. The Types of International Folktales. Helsinki, 2004. Pt. 1. 619 p. (Folklore Fellows Communications; Vol. 133, № 284); Pt. 2. 536 p. (Folklore Fellows Communications; Vol. 134, № 285); Pt. 3. 285 p. (Folklore Fellows Communications; Vol. 135, № 286).

[15] О явлении языковой ксеномотивации см. подробнее: Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 404–466.

свежи рыбы едя да вина и пива пью, да ваши люди как псы борзая рыжки (грибень) едя да пью вода и квас» (258.1)[16]; «То пиво мне видит как кони сцат» (с. 232.4); «Wittbrodt hordt dy tho ehtenn wultu anders de wahrheidt wehten se geuen dy sunst voll kaff vnd dreck»[17] (с. 14). Последний контекст отсылает к стереотипным представлениям жителей Европы о ржаном хлебе как глиноподобной субстанции.

Взаимной иронией проникнуты отношения иностранного гостя со слугой того дома, где он спит и столует: «– Малец, ставай, пора есть. О чем ты лежишь толь долге? – Я топерь проснулся / Я не долге лежал / Я в сеи ночь ничего не спал / Я в сю ночь больше десятьюжде обратился» (с. 193)[18]; «Малец поди да чеши конь. Поди да не пропади. Мне не больше ждать, мне завтра ехать буде ль ведро аль не будет» (с. 259)[19].

Саркастическая пикировка иноземного гостя и слуги находит прямые соответствия в других пособиях по изучению русского языка иностранцами, в частности, в обширном разделе «Между хозяина и слуги» из «Русской грамматики» Г. Лудольфа (1696)[20]: «– Кормил ты лошадь? – Кормил да еще не напоил. – Для чего ты не поране встал? – Твое здоровие знает, когда ты вчерась домои приехал» (с. 589); «– Въпряги лошадь, надобе здвора ехать. – Грязно, санми ехать не можешь. – Так верхом еду, оседлаи лошадь! – Лошадь не подкована» (с. 590); «– Возбуди меня завтра в четвертом часу, и чисту воду принеси, севодни ты забыл. – Ты меня здвора послал. Не могу два дела вдруг зделать. – Как бы ты не замешкал, так бы ты назад был прежде я встал. – Я бежал бутто бешенна собака! – То я знаю, что всегда бутто дурак отвечаешь! – Луче дурачествовать неже красть» (с. 599).

Существенно, что и в интермедиях любительского театра XVIII в. («Шляхтич и херликин», «Шляхта и слуга», «Жид и шляхта»[21]), и в мизансценах фольклорного театра XIX в. («Афонька малой и барин голой»[22]) представлен тот же стереотипный образ архетип слуги-«наглеца» / слуги-«себе на уме», отвечающего на любые реплики хозяина двусмысленными согласиями и отказами: «– Малой, малой! – Что, шляхто одраной? – Разбестия, кушать собери! – Да коево пострела, дьявол побери! – Екай бестия, будто ничево нет. – Да вон в нужнике навалено, что и некуда дет. – Ин надо купить поскоряя. – Да много ль сударь денег та? Давай пободряя. – На вот, бестия, вот тебе целая полушка. – Да чорта ли-ста за нее купитца? Разве мерзлая лягушка»[23]; «– Афонька-малый! – Что, барин голый? – Ах, как ты меня пристрамил! – Нет, барин добрый, я вас похвалил. – Афонька-малый, подай-ко нам полведра водки алой. – А где бы я ее взял? – В поставе. – А черт ее там поставил. – Посмотри в другом. – Я семь раз обежал кругом, нет ее ни в одном…»; «– Афонька-малый, поил ли ты моих коней? – Как же, барин, поил. – Почему же верхняя губа суха? – Не могли достать. – Дурак, ты бы корытце подрубил. – Я и так по колен ноги отрубил»[24].

Особую группу в разговорнике Фенне составляют ситуационно не закрепленные шутки, понимание и тем более употребление которых должно было продемонстрировать языковую компетентность и коммуникативную независимость иностранца в среде носителей языка: «Надобь жёнка в грозе держать да слушае да мужа не бьет» (с. 230.5); «Добрый ты человек да из лихого села» (с. 250.6); «Ты стоишь, галишься, как байбак» (с. 247.6); «Дай Осподи тебе лететь ино конь не надобь» (с. 493.1); «Отступи от света, батька твой не поставил стекол в гузно, как день сквозь светит» (с. 491.2); «Натяни свои губы да стрели свой язык в мой гузна» (с. 491.4); «Пожалуй мне да принеси мне в своем рту своево говна: есть у меня свинья, неможет – серце у нёво болит» (с. 492. 2).

Особый класс среди них образуют пародии на этикетные формулы, входящие в базовый формуляр разговорников: «– *Что тебе в ночь грезилось?* – Мне грезилось, я был корова, да ты был телята. Да я повалился назень в грязь, да ты ходиле назад да лизал мне чисто» (с. 486. 1–2); «Не молви перво, как стара баба срать, ино молви, *бог на помочь*, баба» (с. 491.3)[25].

В том же ряду находится некоторое число выражений, несомненно отсылающих к известным аудитории прецедентным смеховым текстам: «Дми мне в гузно, я тебе деньги кову» (с. 491.5); «Попадья ссыт с высока терема. Побежите, робяты, свежа [свята] вода каплет» (с. 492.2); «Во имя Божие сказал слепе да удари нем» (с. 475.5). Последний контекст непосредственно ассоциирован в разговорнике Фенне с пословицами «Старец старцу завидит» (с. 474.7) и «Блядь бляди завидит» (с. 474.6),

[16] Ср.: «Nemesky ludy sywut po hospodarschky da wasy kak sobacky» (Falowsky A. Op. cit. Bl. 43 a).

[17] «Требуй себе белого хлеба, иначе тебе дадут отруби пополам с глиной». – пер. *С. А.*

[18] Ср.: «– Pospelo li jestvo? – Ne pospelo. – Koli ne pospelo ino ja idu w torg gulat da choroschich molodetz smotrit» (Falowski A. Op. cit. Bl. 27).

[19] Ср.: «– Podi maletz posalui da sedelaj moj kon ja chotzu w gosty jechat. – Koli Bog daiet weddro ino ja s toboj chotzu jechat. – Ja ne chotzu bolsi sdati chotzu safftro jechat budy weddro ili ne bude» (Ibid. Bl. 33).

[20] См. подробнее: Ларин Б. А. Указ. соч. С. 511–658. Далее цитаты по этому изданию.

[21] Пьесы любительских театров / подгот. изд. В. П. Гребенюк, А. Н. Робинсон. М.: Наука, 1976. С. 564–570, 620–624, 642–643, 685–693.

[22] Народный театр / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М.: Сов. Россия, 1991. С. 49–52, 101–103.

[23] Пьесы любительских театров. С. 621–622.

[24] Народный театр. С. 50–51.

[25] Ср.: «Ne govory presa kak stara baba perdnet» (Falowski A. Op. cit. Bl. 7).

а также отсылает собеседников к кругу фольклорных анекдотов (СУС = ATU 1577) и рукописных фацеций[26] о спорящих слепцах-нищих.

Как фиксацию народного анекдота следует рассматривать и следующий контекст разговорника Фенне: «Седили стара баба да срала да вытерла гузну с крапива; вопеле вслух есть здесь бес в той трава» (с. 494. 4). Параллелью к нему выступает народный анекдот «Мужик и немец»: «Мужик говорит немцу: “Какая у вас цяй-трава?” Немец ему показал: “Вот наша цяй-трава!” Мужик-от и говорит: “Я в вашу цяй-траву нас…!” Вот и нас… Немец спрашивает: “А где ваша цяй-трава?” – “А вот погоди!” Доехал до кропивы и показал: “Вот где наша цяй-трава!” – “И я в ващу также нас…” Снял портки, сел и обжогсы. И вся история»[27].

Фоновыми мотивировками шутки «крапива – русский чай» помимо вышеупомянутых этнокультурных стереотипов (русские – «грибоеды» / «глиноеды») выступают название растения *Иван-чай* (= русский чай), известные practical jokes поводырей над привередливыми нищими-слепцами (заводят их в крапиву, объявляя, что надо идти по реке вброд)[28] и воспитательная угроза старших детей надоедливым и непослушным малявкам – «посадить в крапиву»[29].

Завершая рассмотрение образцов бытового комизма, представленных в разговорнике Т. Фенне, следует еще раз подчеркнуть не только значительное число и разнообразие содержащихся в нем аутентичных примеров языкового юмора начала XVII в., но и богатство интертекстуальных фольклорно-литературных связей, позволяющих адекватно оценить смысловой объем и функциональное назначение конкретных юмористических высказываний.

[26] Małek E. Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв. Łódź, 2000. T. 1. C. 303–304.

[27] Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. СПб.: Тропа Троянова, 1999. Кн. 1. С. 231.

[28] Максимов С. В. Бродячая Русь Христа ради. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1877. С. 190.

[29] Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. Л.: Наука, 1991. С. 322–323.

S. V. Alpatov

Domestic Humor in the Russian-German Phrase Book by Tönnis Fenne, 1607

Key words: merchantry; everyday life; humor; intercultural contacts; phrase books.

Abstract: The analysis of the samples of domestic humor, which can be found in a bilingual phrase book of 1607 by Tönnis Fenne, allows to highlight the understudied aspects of the professional and leisure culture of the medieval Pskov merchants.

О. В. Новохатко

Архив стольника А. И. Безобразова: документ и памятник

Мое сообщение посвящено уникальному письменному источнику, который можно назвать и хорошо известным, и совершенно новым, только что введенным в научный оборот. Речь идет об архиве стольника Безобразова.

Андрей Ильич Безобразов родился в 1621 г. Он происходил из незнатного, но старинного рода, известного с XV в. Служебную карьеру Андрей Ильич начал в 20 лет в чине стряпчего (1642 /43 г.), через пять лет (1647/48 гг.) был пожалован в стольники и в этом чине оставался всю жизнь.

Андрей Ильич был воплощенным идеалом «Домостроя»: рачительный, даже скуповатый хозяин, страстно приверженный домоводству – в широком, разумеется, смысле, включавшем и московский двор, и любимое поместье Спасское-Курилово (Боровского уезда), и множество других поместий и вотчин, разбросанных по нескольким уездам. Именно эта черта характера А. И. Безобразова и привела к рождению архива: стольник предпочитал службе хозяйственную деятельность и большую часть времени проводил в вотчине, всеми возможными способами избывая придворной и административной службы, а связь с родными, друзьями, знакомыми, приказчиками поддерживал перепиской. В 1689 г. А. И. Безобразов оказался замешан в деле фаворита царевны Софьи Алексеевны, Ф. Л. Шакловитого, и в январе 1690 г. был казнен. Грустный парадокс, но именно благодаря этому архив стольника и был сохранен для потомства – бумаги были конфискованы вместе со всем имуществом подсудимого и осели в государственных архивах, сначала Разрядного приказа, потом в Московском архиве Министерства юстиции и, наконец, оказались в Российском государственном архиве древних актов (бывший Центральный государственный архив древних актов). Так мы получили в свое распоряжение поразительный комплекс материалов – по объему, полноте и разнообразию он не имеет равных среди частных архивов XVII в. На сегодняшний день в РГАДА обнаружено девять дел с частной корреспонденцией А. И. Безобразова объемом около 2500 листов-«склеек». Хронологические рамки комплекса – от начала 1660-х гг. до 1689 г.

Особую ценность архиву придает то обстоятельство, что это архив вотчины не царской или боярской, а вотчины служилого по отечеству человека «среднего звена», вотчины рядовой, так сказать, типичной. А ведь в XVII в. на значительной территории страны вотчина была своего рода «ячейкой общества», модулем его социальной и экономической структуры. Именно внутри нее вырабатывались элементы экономических, социальных, в том числе бытовых отношений (как внутри господствующего класса, так и в его взаимоотношениях с крепостным крестьянством и вольными людьми), которые определяли потом жизнь всего государства. В равной мере в жизни вотчины отражалось всё, что происходило в стране.

Еще одна характерная черта этого комплекса. Большинство документов составлено не профессиональными писцами, а потому едва ли найдется другое собрание, заключающее в себе такое обилие образцов обиходной русской речи XVII в., как в фонде А. И. Безобразова.

Такие документы, разумеется, не могли не привлечь к себе внимания. И конечно, делались попытки опубликовать этот комплекс. Но по какому-то роковому стечению обстоятельств каждый раз публикация срывалась. Выдержки из материалов архива (правда, весьма ограниченные) начали публиковаться еще в конце XIX в. И. Д. Беляевым[1] и

[1] Письма стольника А. И. Безобразова / сообщил И. Д. Беляев // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. IX. С. 52–61; М., 1853. Кн. XVII. С. 8–9; М., 1855. Кн. XXI. С. 1–20;

А. А. Востоковым[2]. В начале XX в. почти все из обнаруженных к тому времени документов архива подготовил к публикации нижегородский историк А. К. Кабанов. Подготовка издания осуществлялась под патронатом Императорской археографической комиссии, а непосредственно курировал издание член Комиссии А. С. Лаппо-Данилевский. Документы были представлены на заседании Комиссии в декабре 1915 г. Дата говорит сама за себя – такая масштабная публикация не могла состояться во время мировой войны, а после революции А. К. Кабанов был арестован как член партии кадетов и погиб в тюрьме в 1922 г.

Через полвека «эстафетную палочку» принял А. А. Новосельский. К 1961 г. он вместе с лингвистом С. И. Котковым подготовил большую часть уже известных с XIX в. документов комплекса, а также вновь обнаруженные в архивах. Однако и на этот раз публикация по неизвестным причинам не состоялась. Небольшую часть из этого комплекса в лингвистическом издании опубликовал С. И. Котков[3]. И только в 2012 г. удалось издать первый из двух томов документов архива Безобразова, а в конце 2013 г. вышел и второй том.

Если попытаться охарактеризовать переписку Безобразова кратко, то можно сказать словами классика – это энциклопедия русской жизни XVII в. Что не удивительно, ведь в этих письмах, или, как их тогда называли, грамотках, подробно рассказывалось обо всем, что составляло весь уклад жизни русского народа в широком смысле, от крепостных крестьян до столичных служилых чинов.

Информация, содержащаяся в таком источнике, безмерно разнообразна. Это сведения о жизни государева двора – когда и куда отправился государь, какие церемонии проходили при дворе. О внешней политике – об отправленных из России посольствах, о приемах иностранных послов. О внутренней политике – о пожаловании в думные и московские чины, о назначениях в приказы, на различные государственные должности и в полки. Это и информация о жизни Москвы – о ценах на продукты и товары, о пожарах и других происшествиях, о событиях в жизни москвичей. Например, в одном из писем Безобразову рассказано о смерти в 1671 г. жены известнейшего деятеля той эпохи боярина Артамона Сергеевича Матвеева: «А у Артамона, государь, Сергеявича жена переставилась августа 23 день в один час; ни лежала ничто, стояла у завтрени дома, толка и молвила, что тошна, да повалилась, насилу свечельник исповедал да запасными дарами пречестил, да и переставилась. И похоронили, государь, ее у Миколы столпа», то есть при церкви Николы Чудотворца в Столпах, построенной в 1669 г. Матвеевым[4].

Понятно, что при описании всех этих событий в грамотках упоминается множество названий, относящихся к топографии Москвы XVII в., – названия храмов, улиц, переулков, частных дворов и государственных учреждений. Вот описание пожара, случившегося в сентябре 1680 г.: «А загорелось, государь, от Тверской у боярина у князь Михаила Андреевича Голицына, и от тово двора понесло к Неглинне. Ветер, государь, был сильной, и от тово, государь, горел двор боярина князь Алексея Андреевича Голицына, и боярина князя Юрья Алексеевича Долгорукова, и бояр князь Василья Васильевича Голицына и князь Ивана Борисовича Троекурова, и до Неглинны да самой Кирилов двор Хлопова и Кружешной двор. А по другую сторону от князь Михайлова двара Андреевича Голицына двор боярина князь Григорья Григорьевича Ромадановского, и двор боярина князь Ивана Андреевича Голицына, и двор боярина Родивона Матвеевича Стрешнева, и Гарасимовой жены Дохтурова захватила, только не весь, – по церковь, что на Дмитровке Воскресенья Христова, и по князь Савельев двор, только остались у нево хоромы, и за церковь Пресвятые богородицы, что в Столешниках, по Неглинну ж все згорело. С Тверской все несло через Дмитровку и Петровку по самую Неглинну»[5].

Естественно, что в переписке мы находим множество сведений о жизни московского двора Безобразова – он располагался в Китай-городе, на Ильинке, у церкви Николы Большой Крест – и о находящихся на нем строениях, и о живущей там дворне, о том, что и в каком количестве хранилось на дворе, что и сколько ели хозяева и дворовые люди, во что одевались и т. п.

Но разумеется, большая часть материалов переписки посвящена жизни вотчин. В Московском уезде Безобразову принадлежали несколько деревень к юго-западу от Москвы, в том числе Коньково, нынешний московский район. Другие владения находились в Вологодском, Дмитровском, Кашинском, Костромском, Нижегородском, Суздальском, Ржевском уездах. Наконец, с каждым годом все большее внимание Безобразов уделял своим южным владениям в Белевском, Орловском и Кромском уездах. Но больше всего информации содержится в грамотках о любимой, боровской, вотчине Безобразова, фактически его постоянной резиденции. Центром боровских владений было с. Спасское-Курилово на р. Наре, недалеко от Серпухова (теперь

[2] Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 года / сообщил чл.-кор. А. А. Востоков // ЧОИДР. М., 1888. Т. I. С. 1–59; Помещик XVII-го века – стольник А. И. Безобразов. Челобитные ему от священника, крестьян и прикащика Нижегородской вотчины села Маликова // Русская старина. 1890. Ч. II. С. 575–580.

[3] Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). М.: Наука, 1965.

[4] Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. М.: Памятники ист. мысли, 2012. Ч. 1. С. 100.

[5] Там же. С. 134–135.

это с. Курилово в составе сельского поселения село Тарутино Жуковского района Калужской области), с тянущими к нему несколькими деревнями. Почти все они существуют и поныне.

В переписке с вотчинными приказчиками сплошь и рядом встречаются весьма живописные картины сельской жизни и часто звучит живая речь участников описываемых событий. Вот, скажем, зарисовка из жизни боровской вотчины, демонстрирующая взаимоотношения приказчиков А. И. Безобразова. В мае 1687 г. вотчинный приказчик сообщает стольнику о приезде в Спасское-Курилово московского приказчика, Ивана Ларионова, чей статус был выше, чем у вотчинного: «Буди тебе, государю, ведомо: Иван Ларивонов с украины приехал и привез, государь, вина с сабою, а сын ево напился пьян Левон и перебил Аноху конюха и Сергея Сергеева. И я холоп твой стал их розымать и Федор Клочков, и он Федора Клочкова убил же. И я холоп твой ево унимать стал, и он меня холопа твоево ушыб было поленом четвертным[6] и я холоп твой посадил на цепь ево. И он и на цепи всякова бьет до смерти и рубаху изодрал на себе в лепесты и похваляетца сады твои государские перепортить, и Сысоя убил было до смерти, и он от нево отшол ножом, и меня холопа твоево хвалитца до смерти убить. Да он же Левон отнел у Митрофана Ивановича кресьянина на дороге и у гущинскова кресьянина два кушина вина, и топерь то и делает, что пьет без прасыпу и со всяким, государь, деретца. А Иван Лоривонав приехал в Спаское с украины третьей день, а почем принять было куры и яицы, мне холопу твоему отписак не дол и отписки роспечатал сам своею рукою. А на другой день пришод на погреб на ледник з женою своею к старосте – жена держит в руке письма – и велит старосте приимать куры и яицы, и велел кликнуть Афоньку Киселя, чтоб граматки чел. И он к нему на погреб пришол, и стал (Иван Ларионов. – *О. Н.*) на нево и з женою своею кричать, чтоб чол скоро. И он Кисель стал говарить: Иван де Лоринавич – дай де высмотрить. И он на нево осердился и стал ево бранить з женою своею и, накладши еиц полу, с погреба хотел итить вон. И он Кисель ему стал говарить: куды де ты яицы несешь? Домои де несу. И тех яиц ему староста не дал: приди де Иван Ларивонавич не пьян, и отдам именно. И он с погреба з женою, розмахоючи руками, пошол домой»[7].

И разумеется, в вотчинной переписке в максимальной степени раскрывается, так сказать, «вещный мир» XVII в.

Почти в каждом из владений Безобразова был боярский двор, но, конечно, разного масштаба. Спасское-Курилово, хотя в источниках часто называлось «Спасское, Курилово тож», состояло из двух частей. В Курилове жили крепостные крестьяне и часть дворовых, в Спасском же крестьянских дворов не было, это была усадьба вотчинника. Здесь были боярские хоромы в два жилья, с крестовой палатой, с чердаками (мезонинами), украшенными четырьмя крестами, а также множество хозяйственных построек – бани, амбары, солодовня, конюшня, «псаренный двор». Усадьбу опоясывала деревянная городьба «в стояк» с большими воротами, с «мостом» (помостом) и перилами, то есть, фактически, крепостная стена.

Одна из грамоток позволяет практически реконструировать боярские хоромы, правда, не в Курилове, а в центральной усадьбе южных, украинных владений Безобразова, деревни Тельчей (сейчас с. Тельчье Мценского района Орловской области). В 1680 г. хоромы сгорели из-за нерадивости дворни, и сам стольник, как профессиональный архитектор, расписывает, сколько и какого материала необходимо заготовить на новый господский дом:

«Роспись, что высечь на Тельчи кокова лесу и вывозить прикащику и крестьянам против старых хором, что сожгли вы воры, блядины дети. На потклеты высечь дубовава лесу хорошева и не тонкова и не кривово петисаженнова 120 бревен. Да на потолоки в потклеты 100 пластин вытесать четырех сажен с полусаженью дубовых, а чтоб пластины б были не кривые и не уские б, чтобы пластины были широкие и премые. Да на подсенья дубова лесу надобна четырехсаженнова 90 бревен. Да на сени на мосты надобна 50 пластин дубовых четырех сажен, а будет старые пластины сенные целы, ина пластин на сени не рубить, разве малая что нарубить. Да на горницы сосновава лесу высечь петисаженнова 120 бревен, четырехсаженнова с лохтем 110 бревен. Да в хоромы на потолоки сосновых 100 пластин вытесать четырех сажен с полусаженью. В хоромы на десетеры двери колоды высечь сосновые, чтобы сучка не было и красны бы были и широки, таковы б были, что сажгли. Да на десеть окан красных колоды же высечь сосновые, чтобы были глатские ж, сучка ж бы не было. Да на десетеры двери да на десетеры окан красных досок же б натесять сосновых широких длиною по полутары сажени, надобна 50 досок. Да на чердаки высечь лесу сосновова сто дватцать бревен штисаженнова с лохтем. Лавок высечь сосновых 10 лавок полупеты сажени да 10 лавок четырех сажен да 10 лавок трех сажен да 10 лавок двух сажен»[8].

Кроме всего прочего, в Спасском-Курилове были заведены два пруда и наполнены рыбой (что в XVII в. считалось и модным, и красивым, и было практич-

[6] Полено четвертное – очевидно, толщиной в четверть (около 18 см).

[7] Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. М.: Памятники ист. мысли, 2013. Ч. 2. С. 134.

[8] Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. I. С. 161–162.

но). В 1681 г. там был устроен насос, для чего из Москвы привезли в готовом уже виде деревянные трубы со всеми принадлежностями, которые были добыты не без труда: «И по твоему, государь, указу к Симону Москвитинову[9] ходили и грамотку ему поднесли и ему били челом, штоб пожаловал промыслил трубы три или четыре деревяных, сажен пяти или четырех. И Симон, государь, Москвитинов сказал: у меня де, права, нет, – и посылал по мастера по Данилу Селиверстова, и ево, государь, дома не нашли. И он приказал сыскать: я де у нево спрошаю. А мы, государь, у нево Данила без нево были и труб смотрели, есть у нево три трубы пяти сажен. И товарыщ ево Данилов просит по сороку алтын за трубу, мы, государь, давали по палтине; последнея слова сказал: меньши рубля за трубу не будет. А за Месницкими, государь, вороты у другова мастера у насосника у Клима Онофреева дву труп пяти сажен, третея четырех сажен торгавали, и он просит четырех рублев; давали, государь, и по дватцети алтын; и он, государь, сказал: хошь де торгуйте, хошь не торгуйте, меньши асми гривен за трубу не возьму да ведро вина за все. Больши тово и говорить не стал»[10]. Кстати, стоит сказать, что пруды существуют в Курилове и сейчас, как, впрочем, и в Тельчей.

Хозяйство было натуральное, и в боровской вотчине работали десятки крепостных ремесленников, в частности, кирпичники и плотники. Например, в феврале 1681 г. Безобразов распорядился изготовить мебель по составленной им росписи: «что сколька столов зделать и сколька скамей и сколька стулов. 20 стулов зделать з застенками[11], а затылки[12] велеть делать у стулов разными абрасцы. 20 скамей зделать з застенками, а затылки делать у скамей велеть розными абрасцы, а ноги зделать у стулов с праушками[13].

Да велеть зделать 10 столов липовых, вышиною б были столы и з доскою в оршин з двемя вершки и с ногами, а шириною в оршин с четвертью. А ноги вели зделать у столов рознами обрасцы». Далее стольник указывает длину каждого из столов, которая составляла от полутора до трех аршин[14]. Обращаю внимание читателя на то, что вся эта мебель делалась не на продажу.

Разумеется, в грамотках упоминается множество других предметов быта – одежда, посуда, различные светильники, сани, кареты, конская упряжь, сельскохозяйственный инвентарь, книги, инструменты, оружие, иконы и т. д. Ярче всего и компактнее в изложении этот «вещный мир» отражен в росписях, например, росписи вещей при передаче господского хозяйства от одного приказчика или старосты другому. Роспись представляет собой длинный перечень разного рода предметов, и любому другому читателю она могла бы показаться скучной. Но я полагаю, что для археолога этот список тут же визуализируется и наполняется знакомыми образами. Итак, 18 августа 1673 г. новый староста принимал у прежнего в с. Спасском-Курилове «боярские ключи житнишные и в житницах всякого боярского хлеба и судов деревяных и склянишных и всякои рухледи» (перечисляются запасы зерна и мяса), затем:

«Судов деревяных: 4 блюда скатертных[15], одно цело, а два краи росколоты, у четвертова край вышибен, 3 блюда глубокие красные[16], 21 тарелка ясневых, 3 торелки липовых, 12 ставчиков[17] красных липовых, ступка, что чеснок толкут, ясеневая, 3 солонки деревяных, братина красная с венцом[18], 2 ковша красные большие, солонка медная.

В шкатуле: 10 ножей, вилки, 3 пилы, 12 ложек долгих стеблей яблонных, у адной край вышибен; 9 лошек красных корельчетых[19] с костьми, перешница, 3 достакана больших деревяных с венцами, 12 достаканчиков маленьких деревяных красных с венцами, 2 достакана склянишных высоких, 2 достакана широких склянишных, 3 братины склянишные, 3 братинки маленьких склянишных, 4 кувшина склянишных, узенькие горла, 2 сулеи склянишные, 4 скляницы четвертные, рюмка склянишная, 5 достаканов склянишных маленьких, судок аловяной, шандан медной, воронка, фонарь слюдяной; погребец[20], а в нем 9 четвертин оловянных[21], рогов мед-

[9] Симон Кириллович Москвитинов был московским дворянином; в 1681 г. он руководил Мещанской слободой и, естественно, был чрезвычайно влиятельным в ней человеком, а потому мог посодействовать в приобретении товаров, которые делали слободские ремесленники.

[10] Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. С. 211.

[11] У стульев и скамей – спинка.

[12] Задняя часть спинки стула или скамьи, украшаемая вырезанным узором.

[13] Проух, проушина, проушек – отверстие, в которое что-либо продевается.

[14] Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. С. 181.

[15] Блюдо скатертное – то, в котором еда подавалась на стол.

[16] Красный – в отношении посуды – крашеный, цветной, пестрый.

[17] Ставец – чашка, миска с крышкой для горячего.

[18] Венец – здесь может быть в двух значениях: посуда с ободом или украшенная росписью, резьбой или чеканкой в виде венка.

[19] Корельчатый – выделанный из корня дерева, возможно, особым способом, применявшимся северными (в том числе вологодскими) мастерами.

[20] Погребец – дорожный сундучок с посудой для напитков и еды.

[21] Четвертина оловянная – в XVII–XVIII вв. олово для посуды очень ценилось, из олова делали всё то, что не нагревалось до высокой температуры, но что ставили на стол; в России олово было привозным материалом, изделия из отечественного олова появились только в 1720-е гг.; четвертина использовалась как дорожная посуда для напитков, были четвертины русской работы, очень

ных[22] статья[23], пятой рог отдан псарям, толунбас[24], коробья осиновая белая с мылом, а мыла в ней 26 косяков[25] двуденежных, 6 досок столовых и с ногами, 6 брусков краватных, 11 ног краватных, 11 стулов, 3 стола дубовые, кравать роздвижная дубовая, 4 доски пирожные дубовые, 7 бочек больших пивных, 9 бочечак маленьких, 3 ушата дубовые маленькие, 2 напола[26] сосновые, 3 кадочки сосновые маленькие, напол дубовой, 2 дчана[27] пивные, 6 осмин[28], корыто пивное, квашня[29], 16 кос, 12 серпов, 7 топоров, 2 просека[30], пешня, что лет окалывают, 4 крюка, что лет волочат, кирка, тесник[31], пазник, долото, 3 скобели, пила большая, бурав колесной, 9 отрезов[32], 8 сох сошников с полицами[33], железа ножные, железа рушные, скаварада, сито, 18 прутов укладу[34], 5 гривенок железа, 4 сани с облуками[35], 6 сани дровни[36], 2 телеги служивые[37] решетчетые[38], 4 колеса рыдванные[39] оковоные, 2 телеги служивые, адна с полубою[40], а другая бес полубы и бес передов, 5 припрежи[41], 21 хомут, 17 клещи[42], 27 гривенок шерсти, 2 кожи яловешные[43], 2 кожи конинные, 3 кожи козлинных, 2 авчины, 14 авец старых, 11 ярок[44] молодых, 3 барана старых, 3 барана молодых, 2 быка, козел старой, 2 козы старые, 6 козлят молодых, 5 свиней старых, 4 свиньи молодых, 8 куров индейских молодых, 6 куров индейских старых, 7 куров немецких[45], 20 куров немецких молодых, 6 сулей и кувшинов з двойным вином[46], 2 бочечки вина простова.

Андрей Ильич с собою имал на украину[47] 7 блюд, 7 торелок, 5 ставцов, 8 ложек, 2 ножа, и то все привезено и отдано старосте Левке, адной миски не привезли»[48].

И наконец, нельзя не упомянуть о памятнике, который, кроме грамоток и тех вещей, что, возможно, лежат в земле в Курилове, остался свидетелем жизни стольника Безбразова. Это церковь Успения Богородицы, «прозванием Рышковские», как писали в грамотках, построенная Безобразовым по обещанию. Церковь находится в с. Рыжково, в пяти километрах от Курилова. Это двусветный, красивых пропорций четверик из большемерного кирпича, изготовленного крепостными кирпичниками в боровской вотчине. Четверик покоится на белокаменном фундаменте, по углам четверика пучки полуколонок. В XVII в. кровля была покрыта белой жестью[49]. Видимо, это был восьмерик на четверике. Сейчас церковь стоит в руинированном состоянии, стены сохранились до верха окон второго света.

высокого качества; недорогое, удобное и гигиеничное в применении, олово заменяло парадную серебряную посуду в повседневной жизни обеспеченных кругов, стало привычным предметом и в быту небогатых служилых по отечеству и представителей податных городских сословий; пик бытования в России оловянной утвари приходится на середину и третью четверть XVIII столетия; оловянные изделия служили как для сервировки стола (тарели, миски, ложки, стопы и стаканы), так и в путешествии: дорожные укладки непременно включали небьющийся оловянный прибор, а также компактные емкости для питья – фляги и четвертины; четвертина представляла собой четырехгранный сосуд с навинчивающейся крышкой размером примерно 20×10×8 см; в домашних приборах оловянной четвертиной также называли сосуд с выпуклыми боками, несколько похожий на суповую чашку с крышкой.

[22] Рог медный – духовой инструмент в виде конической трубки с раструбом на конце; использовался как сигнальный или церемониальный инструмент; медный рог употреблялся обычно на охоте.

[23] Статья – здесь – определенное количество вещей, группа однородных предметов.

[24] Тулунбас – большой турецкий барабан, в который бьют одной колотушкой.

[25] Косяк – кусок, пласт неправильной формы, мера штучного товара в кусках или пластах.

[26] Напол – кадка, долбленная из пня, с крышкой, для муки, зерна и т.п.

[27] Дчан – досчан, чан – кадка огромного размера, преимущественно из еловых досок, скрепленных обручами.

[28] Осмина, полосмины, четверик – здесь: кадь, окованная бадья для мерки зерна соответствующего объема.

[29] Квашня – здесь – деревянная посудина (дежа, кадка, дуплянка), в которой заквашивали кислое тесто.

[30] Просек – топор с узким лезвием для прорубания пазов.

[31] Тесник – плотницкий топор с лезвием не вдоль топорища, а поперек, как у кирки.

[32] Отрез – резак, плужный нож.

[33] Полица – отвал у сошника.

[34] Уклад – оковка санного полоза, длинный железный прут.

[35] Облук саней – изогнутая жердь (прут), охватывающая сани спереди и с боков.

[36] Дровни – грузовые крестьянские сани наиболее простого устройства, без кузова.

[37] Телеги служивые – рабочие.

[38] Телеги решетчатые – вероятно, с плетеным кузовом.

[39] Рыдван – большая дорожная карета для дальних поездок, в которую впрягалось несколько лошадей.

[40] Полуба – луб, кора старой липы, непригодная для изготовления лыка и используемая в качестве кровельного материала (для крыши дома, для кузовов телег и саней и т. п.).

[41] Припряжь – сбруя для припряжной или пристяжной лошади.

[42] Клещи – деревянная основа хомута, состоящая из двух половинок, связанных в оголовок.

[43] Яловешные – яловичные, из кожи молодого скота.

[44] Ярка – молодая овца.

[45] Куры немецкие – возможно, это куры рейнской или рамельслоерской пород, которые являются одними из старейших в Европе.

[46] Вино двойное, простое – для усиления крепости водка нагревалась и перегонялась дважды, трижды и более; отсюда термины – простое вино (23 градуса), двойное вино (37–45 градусов), тройное вино (70 градусов) и четверное вино, или спирт (80 градусов).

[47] Речь идет о южных вотчинах А.И. Безобразова.

[48] Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 2. С. 39–41.

[49] Там же. Ч. 1. С. 289.

С запада имеются остатки фундамента крыльца и, очевидно, колокольни, с востока – фундамента алтарной части. По документам известно, что церковь строили каменщики из Москвы, из приказа Каменных дел. Из грамоток же известно, что расписывали церковь братья Ефим и Алексей Маюровы и Никита Петров, ученик Симона Ушакова[50].

Относительно недавно я была на раскопках в Кремле рядом с Констинтино-Еленинской башней и в с. Тайнинском на раскопках путевого дворца и видела практически те же предметы, о которых читала в документах из архива Безобразова. И кажется, что вроде бы лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать – или, в данном случае, прочитать. Но с другой стороны, ничуть не менее важно и интересно через документы посмотреть, как жили эти молчаливые, лежащие в земле или уже на брезенте предметы.

Мне представляется, что грамотки из архива Безобразова, как и берестяные грамоты из Новгорода, оживляют человеческими отношениями известные нам материальные памятники, в данном случае, XVII в., они связывают письменные и вещественные источники в единое целое, гораздо более богатое, чем каждая из составляющих его частей в отдельности. В предисловии к первому тому издания говорится, что такой источник нужен историкам и филологам. Но очевидно, что он может стать путеводителем по XVII в. и для археологов.

[50] Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. С. 327.

O. V. Novokhatko

Archive of A. I. Bezobrazov, the Stolnik: Document and Monument

Key words: private archives, everyday culture, inherited estate, paleography, archaeology.

Abstract: The article presents a unique written source – stolnik A. I. Bezobrazov's archive, which represents a collection of private correspondence of personal and business character. The fact that this is the archive of an inherited estate of a service man according to his homeland of a "middle class", the typical inherited estate, adds special value to the collection. Most documents were not written by professional writers. So there will hardly ever be another collection which includes such a variety of samples of the 17th century ordinary Russian language as in the holding of A. I. Bezobrazov. Here the "artifacts' world" of the 17th century is open to the fullest extent. Thus Bezobrazov's archive is of interest not only for historians and philologists, but also for archaeologists.

М. В. Моисеев

Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения

Дипломатический диалог, как известно, является полем активного столкновения и взаимодействия культур. Очевидно, что именно в его рамках можно отчетливо различить сложную систему ритуалов, направленных на «ограничивание» чужого и, в конечном итоге, включение его в приемлемую систему координат. Естественным образом эта знаковая система не всегда поддается дешифровке. Многие коды посольского ритуала были не ясны уже современникам и ныне вызывают недоумение. Однако преувеличивать «мотив чужого» в дипломатии всё-таки не стоит. Существовало (и существует) достаточно большое количество ритуалов и знаков, вполне одинаково читаемых в разных культурах. К таким идентичным прочтениям можно отнести ритуалы встречи посла, а именно: очередность спешивания с лошади или вставания, а также коленопреклоненное или нет обращение к правителю принимающей державы[1]. Ряд этикетных норм имел пограничное, скользящее значение. В этом смысле весьма любопытна роль посольских даров, которые в делопроизводственной практике Посольского приказа определялись как «поминки». Суть «скольжения» в этом вопросе заключалась в том, что «поминки» в рамках взаимоотношений с постордынскими государствами имели ситуативное прочтение. В зависимости от ситуации их представляли то дарами, то данью. Наиболее отчетливо это заметно в рамках дипломатии большого восточноевропейского геополитического треугольника: Великое княжество Литовское – Крымское ханство – Московское государство. Так, в Литве русские «поминки» восточным правителям представлялись как дань, в Русском государстве возмущались такой интерпретацией, но в свою очередь считали литовские «упоминки» данью[2]. Естественно, степные правители охотно пользовались такими разночтениями в продвижении своего понимания отношений, их статуса. Более того, им такое положение было чрезвычайно выгодно, так как сохранялась возможность поддерживать свое влияние на отношения в ситуации изменившегося геополитического баланса в восточноевропейском регионе. Естественно столь туманное определение «поминок» современниками оказывает свое влияние и на историков. До сих пор среди специалистов идет вялая дискуссия о значении «поминок», их происхождении. Время от времени эти споры обостряются, а затем вновь затухают. Рассмотрим в общих чертах эту полемику.

В историографии XIX в. утвердилось мнение, что крымские ханы и ногайские бии выпрашивали «поминки» и собственно этим (особенно в отношении Ногайской Орды) ограничивали их отношения с Россией[3]. Впоследствии «поминки», направляемые степным владыкам, стали рассматривать как своеобразную форму торговли[4]. Против такой трактовки выступили А. М. Некрасов и С. Ф. Фаизов, высказавшие мнение, что «поминки» являлись своего рода

[1] Ножникова З. «Московия» и ее автор // Герберштейн С. Московия / пер. А. И. Маленина и А. В. Назаренко; коммент. З. Ножниковой. М.: АСТ: Астрель, 2007. С. 35–36.

[2] Хорошкевич А. Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 71–78.

[3] Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Кн. 3, т. 6. С. 466; Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI веках: (очерки из истории края и его колонизации). М.: тип. Грачева и Ко, 1877. С. 180; Савва В. И. О Посольском приказе в XVI веке. Харьков: тип. т-ва потребительского о-ва юга России, 1917. Вып. 1. С. 379.

[4] Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке // Труды ГИМ. М.: Госкультпросветиздат, 1956. Вып. 31. С. 54–55; Назаров В. Д. Российско-ногайская торговля (первая половина XVI в.) // Восток: афро-азиат. общества: история и современность. 1998. № 1. С. 55–56.

данью-откупом[5]. С острой критикой такой позиции выступила А. Л. Хорошкевич. По ее мнению, «в русско-крымских отношениях с самого начала ни о каких формах данничества не было и речи»[6]. Исследовательница внимательно проанализировала «поминки» в русско-крымских отношениях рубежа XV–XVI вв. и установила разновидности «поминков», их социальную стратификацию, политическую и идеологическую борьбу вокруг «даров». Автор указала, что русские власти стремились «провести принцип службы великому князю как условие получения поминков из Москвы». Крымские ханы отстаивали наследственный принцип распределения «поминков», близкий к «зауморщине»[7]. Среди зарубежных исследователей также нет единодушия по вопросу о «поминках». Р. М. Кроски не придавал им политического значения, а М. Ходорковский отметил, что для российской стороны это была плата за лояльность и службу, а для кочевников – дань[8]. В. В. Трепавлов, рецензируя монографию М. Ходорковского, отметил стремление степных правителей контролировать раздачу поминков и возникавшие по этому поводу конфликты с московскими дипломатами[9].

Таким образом, к началу XXI в. обозначилось желание историков выработать компромиссную позицию по этому вопросу. Суть компромисса, по М. Ходорковскому, «для степняков дань, а для русских жалованье», нельзя полностью признать удовлетворительной. В XVI в. Русское государство усиливает давление на степняков, превращая «поминки» в гибкий инструмент влияния, увеличивая «поминки» лояльным представителям степной элиты и снижая своим противникам. Поэтому говорить о реальности представления о тождестве «поминок» дани затруднительно[10]. А. В. Виноградов в монографии 2007 г. приводит убедительное обоснование того, что «поминки» – это посольские дары[11]. В результате исследования отношений Русского государства с Крымским ханством и Ногайской Ордой были накоплены данные, противоречащие интерпретации «поминок» как дани. Однако этот вопрос был вновь поднят на круглом столе «Московское государство и постзолотоордынские тюрко-татарские государства: история взаимоотношений», который проводился 16 марта 2012 г. в Казани. И. М. Миргалеев и Б. Р. Рахимзянов в ходе заседания указали на факт отмены «поминок» крымским ханам в 1700 г. Сами «поминки» И. М. Миргалеев охарактеризовал термином «харадж» и отождествил с «выходом»[12]. На это замечание А. В. Виноградов дал развернутый ответ. Во-первых, исследователь развил компонент ситуативности в понимании «поминок»/«упоминок», приведя примеры из практики Речи Посполитой. Во-вторых, указал на понимание термина «выход» русскими дипломатами XVI столетия как запросов слишком больших денежных сумм[13]. Отдельному анализу был подвергнут вопрос об отмене «поминков» договором 1700 г. И. В. Зайцев указал, что Петр I перестраивал посольский церемониал по европейскому образцу, в котором не было места обычаям татарского посольского ритуала. Именно поэтому приходилось отменять старые нормы договорами[14]. Весьма ценными для дискуссии о «поминках» стали суждения А. В. Малова. Автор указал на тот факт, что определение «поминок» данью не соответствует реальности международных отношений постордынских государств со своими соседями. И это явление не связано с ранее сложившимися отношениями. Например, Польское королевство не было захвачено монголами и дань не платило, однако, как позднее и Речь Посполитая, присылало в Крым свои «упоминки»[15]. Таким образом, в ходе дискуссии были обозначены позиции сторонников трактовки «поминок» как дани и ее противников. Оба «лагеря» предложили ряд веских аргументов, хотя более весомой оказалась аргументация противников трибутарной трактовки «поминок». Откликом на этот спор в Казани стала статья Р. Ю. Почекаева. Автор, бегло и не полностью ознакомившись с историографией вопроса, предположил, что ход дискуссии

[5] Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа, последняя четверть XV – первая половина XVI в. М.: Наука, 1990. С. 180; Фаизов С.Ф. Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом: (к вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 49–55.

[6] Хорошкевич А. Л. Русь и Крым после падения ордынского ига … С. 70–71.

[7] Ее же. Русь и Крым. От союза к противостоянию, конец XV–XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 241–258.

[8] Crosky R. M. Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N. Y.; London, 1987. P. 180. О книге М. Ходорковского см.: Трепавлов В. В. [Рец.]: Три столетия территориального расширения России: (Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2002) // Отечественная история. 2003. № 2. С. 182.

[9] Трепавлов В. В. Три столетия территориального расширения России … С. 182.

[10] Моисеев М. В. Взаимоотношения России и Ногайской Орды (1489–1563 годы): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2007. С. 303–322; Moisiejew M. Między haraczem a podarkiem: Rola upominków w stosunkach rosyjsko-nogajskich w XVI wieku // Mówią wieki: Magazyn historyczny. 2010 Serpien. Nr 8. S. 14–17; Моисеев М. В. Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия «История и политология». М., 2011. № 4. С. 17–31.

[11] Виноградов А. В. Русско-крымские отношения, 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М., 2007. [Ч.] 1. С. 60.

[12] Материалы круглого стола «Московское государство и постзолотоордынские государства: история взаимоотношений». Ч. 1 // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. Вып. 4. С. 188.

[13] Там же. С. 193–194.

[14] Там же. С. 194.

[15] Там же. С. 195–196.

определяет национальность авторов и «несколько превратное понимание патриотической позиции»[16]. Далее Р. Ю. Почекаев привел общие рассуждения, иллюстрируемые примерами разных эпох, разных политических систем, однако ни разу не коснувшись конкретно исторического материала[17]. Автор забывает о принципе историзма, согласно которому любое явление развивается во времени.

В русско-ногайских отношениях, например, «поминки» сначала не играли серьезной роли, нося, скорее, этикетный, символический характер[18]. В 1504 г. русские власти в лице великого князя Ивана III и его сына Василия решили использовать «поминки» как средство экономического стимулирования ногайской знати. «Поминки» отсылались главе Ногайской Орды Ямгурчи-бию и его жене Девлет-султане[19]. Всего Ямгурчи от Ивана и его сына получил девять предметов. Таким образом в Москве, используя крымскую «табель о рангах», ногайского правителя приравняли к мангытскому беку в Крымском ханстве[20].

Очевидно, в Москве приняли решение встроить «поминочные» отношения с ногаями в крымскую систему, по которой «поминки» шли в первую очередь Чингизидам, затем карачи-биям и сейиду. Однако такая схема не могла вполне удовлетворить ногайскую знать, так как она почти полностью исключалась из этих отношений. Это недовольство проявилось рано, уже на заре «поминочных» отношений Русского государства с Ногайской Ордой. В 1505 г. Казанское ханство вышло из-под подчинения Москвы. Великокняжеские дипломаты спешно приняли меры, направленные на изоляцию непокорного ханства от его степных союзников. В Ногайскую Орду отправили гонца с «поминками» для бия, но их перехватил один из мирз[21]. Но более очевидно недовольство «поминочной» политикой Москвы проявилось в 1530-е гг., во времена правления Саид-Ахмед-бия.

Правление Саид-Ахмеда совпало с наивысшим расцветом Ногайской Орды и пришлось на кризисный момент в истории России. Бий Саид-Ахмед претендовал на изменение статуса русско-ногайских отношений, одновременно с этим он добивался и изменения статуса Ногайской Орды в постзолотоордынском политическом пространстве[22]. Эти претензии проявились в изменении формуляра верительных грамот. В августе 1534 г. Саид-Ахмед требовал выплат крымских «поминков», настаивая на той же системе их распределения. При этом бий занимал место хана, появлялся и ногайский аналог калги. Тон грамот резко изменился. В одной из них Саид-Ахмед жестко увязал вопрос о выдаче «поминков» с сохранением «роты». В это же время Саид-Ахмед стремился сконцентрировать в своих руках выдачу «поминков» мирзам, что вызвало конфликты внутри Орды и с русскими дипломатами. В конце 1534 г. в Москву приехало ногайское посольство, возглавляемое главой ногайского правительства – кара-дуваном. Бий требовал денежных выплат от 60 до 100 тыс. алтын, в случае же спора или «затейки» угрожал войной. Свои претензии на денежные выплаты Саид-Ахмед обосновывал тем, что бывшая Большая Орда теперь принадлежит ногаям. В таких условиях возрастала роль дипломатов, отправлявшихся в Ногайскую Орду. Даниил Губин, русский посол в Орде в 1534–1535 гг., выяснил наличие глубоких противоречий между Саид-Ахмедом и мирзами[23].

Вероятно, следствием этих противоречий и стало посольство мирз западного крыла Ногайской Орды в декабре 1534 г., предлагавших служить России за «поминки». Российские дипломаты оперативно отреагировали на это посольство: в Орду был отправлен посол Петр Левский. В вопросе о «поминках» он должен был подчеркивать, что «ныне государь наш для вашей дружбы поминки свои к вам со мною послал»; в случае верности и борьбы с врагами великого князя (крымским ханом), государь «любовь свою и свыше хочет держати и поминки свои станет к вам посылати по-пригожу, что у него лучит». Вместе с тем настоятельно подчеркивалось: «А не наймует вас государь наш»[24]. Такое пояснение было связано, вероятно, с неудачным опытом распространения принципа службы великому князю как условия получения «поминков» на крымских царевичей в 1516–1518 гг.[25].

В конце 1535 г. стали известны претензии Саид-Ахмеда на «девятные поминки», традиционно связанные с русско-крымскими отношениями. Впрочем, в России уже знали, что в самой Орде не все поддерживают его притязания. Так, глава «финан-

[16] Почекаев Р. Ю. Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. Вып. 4. С. 200.

[17] Там же. С. 201.

[18] Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 82; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1508 гг. М., 1984. С. 28, 34, 39 и др. (Далее – ПК); Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию ... С. 245.

[19] ПК. С. 54–55.

[20] Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию ... С. 251.

[21] ПК. С. 57.

[22] Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Вост. лит., 2000. С. 186–197, 201–210.

[23] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1549 гг.. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. С. 93, 95, 124–125, 126–127, 131, 146–147, 150–151. (Далее – ПКСРНО, 1489–1549).

[24] Там же. С. 135–138, 144.

[25] Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию ... С. 249.

сового ведомства» Ногайской Орды – Теку дуван – советовал Д. Губину написать в Москву, чтобы Саид-Ахмеду не потакали, а писали в грамотах и слали «поминки», как было ранее. В течение 1536–1537 гг. продолжалась борьба «за поминки». В ответ на требование «крымских поминков» Ф. И. Карпов подчеркивал, что бий «правду не учинил», а великий князь «дружбу не выкупает». Русская сторона крепко держалась выбранной линии: слать «поминки» только после шертования. Всё это, а также жалобы мирз на качество «поминков» свидетельствует о том, что правительство Елены Глинской существенно ограничивало количество «поминков». К примеру, мирза Хаджи-Мухаммед писал в 1537 г., что великий князь их обманывает и шлет «малые некоторые поминки». Возможно, это было продолжением практики Казны первого десятилетия XVI в.[26].

Осенью 1537 г. в Москве узнали об административных изменениях в Ногайской Орде (появление нурадинов и кековатов) и связанных с этим экономических претензиях (нурадинова пошлина). Требования «поминков» для Саид-Ахмеда вообще непомерно возросли. Реакция Москвы была резкой и однозначной: Ф. И. Карпов и дьяки М. Путятин и Ф. Мишурин ответили на требования ногайской стороной «крымских поминков»: «ни князю и мирзам пригоже чюжих поминков просити», – и далее подчеркнули связь «поминков» со службой («наших недругов воюют, тогды им от нас и поминки ходят»). В ответной грамоте Саид-Ахмеду подчеркивалась беспрецедентность таких требований[27]. Таким образом, дипломатия правительства Елены Глинской продолжала политику Казны времен Василия III и стремилась превратить «поминки» в жалованье.

После правления Саид-Ахмеда «поминочные» отношения стабилизировались. В 1548–1549 гг. не видно конфликтов по этому вопросу, наоборот, проявляется тенденция к утверждению «жалованного» принципа получения «поминков». Так, мирза Али б. Юсуф просил «поминок» за военные действия против врагов Ивана IV. Вместе с тем, среди правящей элиты Орды (бия, нурадина и кековата) оставались живы старые традиции. Нурадин Исмаил писал: «А чего яз прошу, то мне дай; будешь добр, и яз тебе друг». Распространились и «запросы», особенно активен в них был всё тот же Исмаил. Новый бий Орды Юсуф запрашивал «платье доброе», которое должны были пошить в России. Оставались и прежние претензии к качеству «поминков». Необходимо отметить, что умиротворенность в вопросах о «поминках» в то время во многом диктовалась общим климатом русско-ногайских отношений 1548–1549 гг. В это время наблюдалось сближение России и Ногайской Орды по «казанскому вопросу» и обострение ногайско-крымских отношений[28].

1550-е гг. также прошли без заметного обострения «поминочного вопроса». Среди ряда мирз усиливалась «жалованная» тенденция. В частности, Исхак мирза писал, прося «поминков»: «Другу своему князю бью челом»[29]. Семантическое значение челобитной формы обращения в XVI столетии было широким. С одной стороны, оно означало просто обращение к государю, с другой – указывало на некоторую приниженность контрагента[30]. В посланиях ногайских мирз применялось также выражение «тау салам»[31]. Обыкновенно исследователи переводят его как приветствие[32]. Однако данные источников свидетельствуют, что в переводческой практике русского дипломатического ведомства того времени «тау салам» означало челобитие[33].

Вместе с тем большинство мирз не разделяли такого подхода. После 1554 г. пришедший к власти Исмаил попытался, как ранее Саид-Ахмед, изменить статус русско-ногайских отношений. Это выразилось в именовании им Ивана Грозного сыном. В 1556 г. Исмаил получил в ответ гневную отповедь и с тех пор прекратил столь явно претендовать на верховенство в русско-ногайских отношениях[34]. Впрочем, положение Исмаил-бия в то время не способствовало настойчивости в проведении подобной политики. Ногайская Орда погрузилась в омут гражданской войны и экономического краха[35]. Именно в таких условиях развивались «поминочные» отношения. Постепенно нарастала жалованная тенденция в понимании «поминок», и ревизии этого со стороны ногаев в исследуемый период не происходило.

Исмаил-бий отмечал необходимость «поминок» для собирания и удержания людей вокруг него[36]. Разорение ногаев вынуждало бия активно выпраши-

[26] Там же. С. 258; ПКСРНО, 1489–1549. С. 129, 156, 186, 190, 197.

[27] ПКСРНО, 1489–1549. С. 200, 213, 214–215.

[28] Там же. С. 237, 239, 246, 248–249, 250, 287, 294–296, 298–299, 304–305, 308, 311.

[29] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1551–1561 гг. Публикация текста / сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. С. 47. (Далее - ПКСРНО, 1551–1561).

[30] Crosky R. M. The Diplomatic Forms of Ivan III Relationship with the Crimean Khan // Slavic Review. 1984. Vol. 42, N 2. P. 260, 269; Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 96–99.

[31] ПКСРНО, 1551–1561. С. 133–134; РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 6. Л. 16 об., 17.

[32] Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1863. Т. 1. С. 306–307; Зайцев И. В. Из истории русского средневекового дипломатического лексикона: этимологические заметки // Восточная Европа в древности и Средневековье: проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 2. С. 198–199.

[33] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 6. Л. 20.

[34] ПКСРНО, 1551–1561. С. 181, 203, 208, 211.

[35] Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 270–289.

[36] ПКСРНО, 1551–1561. С. 216.

вать у русских властей повышение «кун», шедших к ним из Москвы. Исмаил отмечал, что пришедшую к нему «рухлядь» он раздавал своим детям, племянникам и слугам. Обеспокоенный целостностью приходящих «поминков», он требовал присылать их список с описанием отправляемого «татарским письмом». Исмаил расширял список получателей «поминков», включая в него своих беков, влиятельного ногайского сейида Кара-ходжу и других представителей неэдигейской знати[37].

В середине XVI в. «поминки» приобрели характер «годового» с точно определенной номенклатурой и количеством отсылаемого. Среди дач начали фигурировать деньги. В 1559 г. Исмаил-бий писал: «То ты мне даеш денег годовое и по то послал есми Бекчуру, годовое денги однолично бы еси приказал з Бекчурою». В годовое входили шубы, сукна и однорядки. В послании Исмаил-бия в 1560 г. сообщалось, что ежегодно шло 4 шубы (горлатная с поволокою, горностаевая с поволокою, две бельих с поволоками), по четыре постава сукна и «однорядки шитые»[38].

Показательно изменение отношения к «поминкам» в среде самих ногаев. Всё чаще проявлялось понимание «поминков» как жалования. Когда в 1562 г. в ставке Урус-мирзы в жесткой форме с русского гонца К. Тоишева взяли пошлины, аталык Уруса Тюбек этим возмутился. Он корил своего воспитанника, что тот делает это «не гораздо», государевых посланников бесчестит и грабит. По словам К. Тоишева, аталык говорил Урусу: «О государе деи царе и великом князе свет видите, его государевым жалованьем живете, а его ж посланников грабиш». Урус оказался вынужден оправдываться: на грабеж его толкнуло то, что к нему приехало из иных элей много людей, а дать им нечего. Мирза обещал, что когда будет отпускать гонца, то возместит его убытки. Еще более откровенно это новое понимание выразил Исмаил-бий в своем предсмертном послании. Выпрашивая у Ивана Грозного повышение денежных и других дач, он четко проводил параллель между служилыми татарами и Ногайской Ордой[39].

Ногайская Орда стремительно теряла влияние на внешнеполитическую ситуацию в западном Деште, русско-ногайские отношения «провинциализировались». Как следствие, «поминки» постепенно сближались с жалованием. Русские дипломаты стремились влиять на процесс принятия ногайской элитой внешнеполитических решений с помощью регулирования объемов направляемых в Орду «поминков», снижая их своим противникам и увеличивая сторонникам. Во время русско-ногайского противостояния в 1580-е гг. русское дипломатическое ведомство сократило содержание бию Урусу и его сторонникам и увеличило тем мирзам, которые выступали за мирные отношения с Русским государством[40].

Постепенно угасание интереса к Ногайской Орде как субъекту внешней политики привело к снижению стоимости отправляемых ногайской элите «поминок». В 1584 г. «поминки» для бия равнялись по стоимости 300 руб., в 1585 г. их стоимость в связи с антирусской позицией Уруса сократилась до 200 руб., а в начале XVII в. – до 71 руб. При этом общая стоимость «поминок» в Ногайскую Орду составляла в 1584 г. – 772 руб., в 1585 г. – 817 руб. Рост стоимости «поминков» был связан с увеличением жалованья мирзам, придерживающимся промосковской позиции, а также с включением в роспись дополнительных представителей ногайской элиты. Однако в действительности в Орду в 1585 г. отослали «поминок» на заметно меньшую сумму, так как Урус и его сторонники тогда «посылок» не получили и итоговая сумма составила лишь 400 руб. В начале XVII в. общая стоимость «поминков» составила 563 руб.[41]. Приведем для сравнения стоимость польских «упоминок» в Крымское ханство. В конце XV в. она равнялась 15 000 червоных злотых, при Сигизмунде II Августе и Стефане Батории – 5000 злотых, в 1591 г. – 3600 талеров и 300 червоных злотых, а в 1596 г. – 3800 злотых[42]. Общая тенденция на снижение стоимости «поминок» заметна, хотя она и имела довольно медленный темп.

На протяжении изучаемого времени «поминочные» отношения эволюционировали. Если в 1530-е гг. заметно усиление трибутарной тенденции, умело преодоленной русскими дипломатами, то к середине столетия стало очевидным укрепление жалованной тенденции. К 1560-м гг. «поминки» превратились в жалованье, а к началу XVII в. стоимость «поминок», отправляемых ногайским бию и мирзам, была сокращена в связи с общим угасанием интереса к Ногайской Орде как самостоятельному игроку на внешнеполитической арене. Очевидно, что в рамках дипломатических отношений «поминки» в течение столетия претерпели существенные изменения, и к широким историческим сравнениям в этом случае стоит прибегать крайне осторожно.

Более того, восприятие «поминок» внутри России или Речи Посполитой тоже менялось. Красноречив пример, приведенный А. В. Виноградовым, когда один шляхтич в 1578 г. так характеризует королевские «упоминки»: «Во Львове король отдал огромное ко-

[37] Там же. С. 252–253, 259, 280.

[38] Там же. С. 297, 325.

[39] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 47–47 об., 211 об.

[40] Там же. Ед. хр. 1 (1584 г.). Л. 1.

[41] Там же. Л. 1–3; Записка об отправлении к нагайскому князю Иштереку Ивана Бутурлина и Дмитрия Жедринского с подарками ему и его детям и родственникам // Гневушев А. М. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / собрал и ред. М. М. Гневушев. М.: Имп. о-во истории и древностей российских, 1914. С. 234.

[42] Skorupa D. Stosunki polsko-tatarskie, 1595–1623. Warszawa: Neriton, 2004. S. 67, 80.

личество дани послам крымского царя и османам»[43]. Заметно, что уже к концу XVI столетия увеличивается негативная сторона в восприятии этого компонента отношений с татарами, а в XVII в. недовольство «поминками» в русско-крымских отношениях становится настолько существенным, что в Посольском приказе разрабатывают легитимирующую легенду, согласно которой «поминки» были освящены авторитетной традицией[44]. Изменения в отношении к «поминкам», происходившие в течение XVII в., прекрасно иллюстрирует и появление в 1666 г. в Посольском приказе перевода «Росписи дивным вещам Саббатая Цви», содержащего пародийно-сатирический реестр диковинок. С. Алпатов сомневается, что пародийный характер этого реестра осознавался переводчиками Приказа, однако он полагает, что данный текст мог быть связан с кругом пародийных документов Всешутейшего собора Петра I[45].

В любом случае очевидно, что ко второй половине XVII столетия «поминки» тюрко-татарским государствам в общественном мнении всё чаще воспринимаются как анахронизм. Сообщение же Патрика Гордона об обязательном, ежегодном характере русских платежей в Крым, приводимое Р. Ю. Почекаевым[46], само по себе ничего не доказывает. Во-первых, оно находится в тренде общественного мнения (которому было мало дела до политической реальности), а во-вторых, относится к традиции «петровской легенды», ярко охарактеризованной А. В. Маловым[47]. В рассуждениях о «поминках» присутствует убеждение в их высокой ценности и стоимости. Однако, как показывают конкретные данные, чаще всего своей высокой стоимости «поминки» достигали за счет больших объемов отсылаемых вполне ординарных вещей. Кроме «поминок», существовала практика запросов, когда степная элита просила для личных нужд различные вещи. В этом случае фантазия их, конечно, приобретала больший полет, но русские власти к этим запросам относились весьма скептически и довольно часто оставляли их без внимания[48].

Для примера приведем собранные нами данные по русско-ногайским отношениям. Наиболее частыми были просьбы прислать одежду. Среди предметов одежды выделялись шубы (собольи, горностаевые, лисьи, «хрептовые бельи» и куньи). Затем по популярности шли шапки (лисьи, «черногорланые») и однорядки. Большой популярностью пользовались доспехи: нередки были просьбы прислать парадные панцири и шлемы. Реже запрашивалось оружие. Довольно популярны были ткани и конская сбруя. Ткани в основном были ипские, лунские. Нередко просили сукна, чтоб «телега покрывати». Цвета, как правило, запрашивались зеленый и синий. Были и курьезы. Так, Исмаил в 1551 г. просил два постава сукна «один бы постав добре был, а другой бы постав плохой». Часто запрашивались предметы парадного выезда («з золотом седло и узду», седло золочено с уздою). Среди «поминок» и «запросов» фигурировали ловчие птицы (кречеты, соколы, ястребы) и моржовый клык. Запрашивались музыкальные инструменты (трубы, накры) и шатры[49].

Ряд «запросов» диктовался, по-видимому, потребностями бийской канцелярии и ногайским духовенством. Именно бии запрашивали бумагу, краски и шафран[50]. С одной стороны, подобные запросы могут служить косвенным свидетельством о возможности изготовления книг в Ногайской Орде[51]. С другой – находок памятников ногайской письменной культуры до сих пор нет, поэтому к подобному предположению стоит относиться весьма осторожно. Вполне вероятно, что запросы бумаги диктовались ее дефицитом и необходимостью восполнить его для ведения активной дипломатической переписки с сопредельными странами. Также стоит заметить, что книжная культура является неотъемлемой частью городской культуры[52], поэтому наличие книгописания в кочевой Ногайской Орде сомнительно. С другой стороны, у нас имеются данные о книжной торговле между Крымским и Казанским ханствами[53], однако нельзя определенно сказать, были ли эти книги собственного производства или привозные. Запрашивались также чернильницы и печати[54].

[43] Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 193–194.

[44] Кривцов Д. Ю. Легенда о происхождении крымских «поминков» // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. М., 2006. С. 68–70.

[45] Алпатов С. «Роспись дивным вещам Саббатая Цви» в русской рукописной традиции и фольклоре XVII–XIX вв. // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2013. Вып. 44. С. 55–65.

[46] Почекаев Р. Ю. Указ. соч. С. 201.

[47] Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. С. 196.

[48] Моисеев М. В. Эволюция и содержание посольских даров … С. 27–28.

[49] ПКСРНО, 1489–1549. С. 93, 95–97, 135–137, 156, 158, 165, 166, 185, 193–194, 202, 205, 209–210, 236–237, 239, 246, 248–250, 291, 296, 299, 308, 311–312, 327; ПКСРНО, 1551–1561. С. 45, 47, 49–50, 63, 67, 69, 81, 91, 97, 105, 129, 156, 182, 184, 216; ПК. С. 54–55.

[50] Трепавлов В. В. Ислам и духовенство в Ногайской Орде XV–XVI вв. // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 100–111; ПКСРНО, 1489–1549. С. 95, 156, 308; ПКСРНО, 1551–1561. С. 45, 49, 105, 160, 182, 208, 216.

[51] Зайцев И. В. К истории книжной культуры в Джучидских государствах // Восточный архив. М., 2000. № 4. С. 80.

[52] ПКСРНО, 1489–1549. С. 93–94; Акимушкин О. Ф. Заметки о персидской книге и ее создателях // Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран: культура, история, филология. СПб.: Наука, 2004. С. 92.

[53] РГАДА. Ф.123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 128.

[54] ПКСРНО, 1551–1561. С. 274.

Среди запросов фигурировали поталь, нашатырь, олово и ртуть. В Ногайской Орде велось строительство культовых сооружений. Так, в 1551 г. Исмаил просил железа немецкого для постройки кладбища (вероятно, мазара, кешене); в 1553 г. Белек-Пулад-мирза просил, наряду с традиционными шубами, еще и 1000 листов потали, уверяя, что строит мечеть. В конце 1555 г. Мухаммед-мирза б. Исмаил-бий сообщал, что строит кешене над умершим младшим братом и просил «много потали и олова»[55]. Нашатырь мог использоваться для очистки металлических изделий. Олово, благодаря малой температуре плавления, могло использоваться и в кочевом быту для лужения и починки посуды. Ртуть служила основой для «горячего ртутного золочения» – покрытия металлических предметов позолотой; применялась она и в лекарственных целях. Поталь – оловянная или медная фольга, применялась для украшения изделий. Поталь и ртуть могли также перепродаваться в Бухару (с которой ногаи имели традиционные отношения и где существовало развитое ювелирное искусство)[56]. Косвенным подтверждением последнего может служить сообщение Исмаила, что он послал на продажу в Казань «бархат золотной», который попадал в Орду в «поминках». Запрашивали ногайские аристократы и гвозди (Саид-Ахмад в 1535 г. просил 300 000 гвоздей, Исмаил в 1555 г. – 500 000), киноварь, сусальное золото[57].

С середины XVI в. в запросах регулярно фигурируют деньги. Первоначально запрашиваемая сумма равнялась 100 золотым, затем с 1558 г. – 200, с 1560 г. сумма стала равняться 300 руб., в 1562 г. бий требовал присылать 400 руб. Перед смертью Исмаил, сравнивая себя со слугами Ивана Грозного, потребовал присылать к нему 500 руб.[58]. Впрочем, степень удовлетворения денежных запросов нам не известна, но учитывая тенденцию на сокращение «поминок», можно предположить, что денежные дачи имели чрезвычайный характер.

Приведенные данные демонстрируют общую тенденцию на сокращение «поминок» и «запросов». Эта политика проводилась и московской и польско-литовской дипломатией. Стоимость «поминок» никогда не была фиксированной (и это еще один косвенный довод против трибутарной трактовки). Следовательно, по данным одного года или нескольких лет нельзя делать строгих выводов, и, конечно, эти ограниченные данные нельзя экстраполировать на всю историю «поминочных» отношений. Очевидно, что с конца XV по XVI в. стоимость «поминок» снижалась. Однако после событий Смуты и разрушения оборонительной системы на южных рубежах русскому правительству пришлось вернуться к повышению стоимости «поминок»[59]. Впрочем, к этому времени русская дипломатия уже сумела дифференцировать этот вид отношений, определив большую их часть как «жалование» и, по сути, исключив из «поминочных» отношений. Этот процесс имел несколько существенных следствий. Во-первых, жалование отсылалось только за службу и, соответственно, гарантированным быть не могло. Это позволило в итоге создать группу лояльной к России элиты не только в Крыму, но и вообще в постордынском мире и на Северном Кавказе. Во-вторых, сам по себе облик русского посольского обычая освобождался от ордынских наслоений, что подготавливало почву для его кардинального изменения в конце XVII – начале XVIII в.

Утверждение трибутарного характера «поминок», таким образом, совсем не очевидно. Конкретный материал посольских документов показывает, скорее, обратную ситуацию. Для объяснения феномена «поминок» в русско-татарских отношениях можно предложить следующую модель. В конце XV в., когда память об Орде еще «не остыла», а геополитические связи в регионе только начали устанавливаться и были не стабильны, «поминки» приобрели ряд этикетных черт, свойственных ордынскому культурному миру. В 1520-е гг. на фоне роста влияния Крымского ханства происходит ревизия понимания «поминок»: теперь для степняков они означают дань. В 1530-е гг. в эту систему включается и Ногайская Орда. Однако для реального утверждения такого понимания и возвращения даннических отношений ни у Крымского ханства, ни у Ногайской Орды сил не было. Поэтому русским дипломатам удалось «купировать» проблему, и трубутарное понимание так в реальность и не превратилось. В течение второй половины XVI в. сохранялась тенденция снижения стоимости «поминок» и внедрения жалованного принципа. Со стороны же элит Крымского ханства и Ногайской Орды отчетливо заметно стремление к сохранению двоякого трактования термина «поминки» и поддержанию своеобразного аукциона, наиболее известного в крымском варианте. В первой трети XVII в. Русское государство после Смуты не могло продолжить жесткой линии государей XVI столетия: заметно возвращение к практике отсылки богатых «поминок» в Крым. Однако в это время в обществе нарастают антикрымские настроения, в рамках которых

[55] Там же. С. 106, 128, 160, 162, 182–183, 208, 216; ПКСРНО, 1489–1549. С. 200; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 569.

[56] Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 203–204, 267, 530, 565; Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XV–XVII вв. Ташкент: Наука, 1964. С. 12–13, 15.

[57] ПКСРНО, 1489–1549. С. 156, 200; ПКСРНО, 1551–1561. С. 105, 216.

[58] ПКСРНО, 1551–1561. С. 274, 282, 325; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 5 об., 9 об., 10, 211 об.

[59] Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. С. 194.

«поминки» в Крым, обремененные ордынским этикетом, представляются ненужными, архаичными и, наконец, унизительными. Всё это приводит в конце концов к упразднению «поминок» в 1700 г.

Надо сказать, что сама по себе практика отправки посольских даров-«поминок» является и древней, и широко распространенной. Известно, что «поминочные отношения» не ограничивались контактами с восточными странами. Сохранились сообщения о «поминках» в отношениях Москвы со Псковом. Такие же данные имеются о контактах Великого княжества Литовского с Псковской республикой и Тверским княжеством[60]. В отношениях с европейскими соседями «поминки» также фигурировали с достаточной регулярностью, служа, с одной стороны, делу репрезентации власти, с другой – исполняя роль своего рода рекламы продукции и самой страны[61]. Эта практика для западноевропейцев не была чем-то уж очень забытым: во время поездки герцога Бекингема и принца Чарльза в Испанию в 1623 г., испанцы и англичане активно обменивались подарками[62]. «Поминки» играли заметную роль и в отношениях Польши с Крымским ханством[63]. Нам известны весьма экзотические поминки в отношениях России с Сефевидским Ираном. Такое широкое функционирование института «поминок» размывает представления об исключительности его в русско-татарских отношениях. Сама эта практика имела свой этикет, ритуал, нарушения которого могли вызвать международный скандал. Поэтому странным выглядит недоумение Р. Ю. Почекаева, написавшего: «думаем, что если бы речь шла о посольских дарах, ритуальном обмене подарками… вряд ли вообще этот спор принял бы такой острый характер»[64]. Как раз наоборот, существовала практика цензурирования подарков, дабы пресечь возможные акты диффамации. Дары могли использоваться в символических действиях (иконических перформонсах[65]), именно поэтому посольские дары всегда составляли отдельную часть в дипломатическом протоколе. В рамках же золотоордынской традиции они получали дополнительное развитие. Впервые посольские дары в золотоордынской дипломатии появляются в рамках отношений с Египтом. Подарки, отсылаемые в Сарай египетскими султанами, были богатыми. Так, например, уже послы Бейбарса везли Берке Коран, написанный по преданию Османом ибн Аффаном («в обложке из красного, шитого золотом, атласа», в кожаном футляре), налой из слоновой кости и черного дерева, венецианские материи, молитвенные подушки и ковры, подставки для подсвечников, разнообразное оружие, серебряные фонари и множество других роскошных парадных предметов. Ко всему прочему в состав даров входили котлы из змеевика, слуги, прислужницы-поварихи, «попугаи удивительные», дикие ослы, несколько скакунов, дрессированные обезьяны с «хатайскими накидками», нубийские верблюды (ибн абд-аз-Захыр специально подчеркивает, что это редкий вид животных), а также жираф. Животных сопровождали специально обученные люди. В 1281 г. к Ногаю и сыновьям Берке послы везли дорогие ткани, роскошные одежды, предметы вооружения и всяческие ценные редкости. Показательно, что автор «Прославления дней и веков по жизнеописанию Эмелика-Эльмансура» специально подчеркивал, что дары состояли «из всяких вещей, какие дарятся в подобных случаях» и в должном количестве. В 1286/87 г. новое мамлюкское посольство везло в составе посольских даров кроме вещей также клейменых лошадей «с седлами и уборами к ним». Сам состав даров должен был поражать воображение принимающей стороны роскошью и редкостью. Впрочем, это было традиционное требование к посольским подаркам в международных отношениях. Вместе с тем, уже в рамках египетско-ордынских отношений заметна еще одна характерная особенность ордынского церемониала, которая сохранялась и позднее. Если первоначально султан Бейбарс отсылал дары непосредственно только к хану Берке, то позднее дары адресовались членам правящей фамилии, Ногаю, влиятельным эмирам (Маву и Тайре), а также женам хана[66]. Эта практика в других отношениях не имела ярко выраженного характера, тогда как для Золотой Орды и ее наследников она была обязательной.

Итак, когда мы говорим о «поминках» в контексте взаимоотношений России и постордынских стран, мы говорим о сложносоставном явлении. Однако в основе своей это именно посольские дары: анализ конкретных данных не подтверждает данического характера этой практики. В предложен-

[60] Никонов С. А. «Дар» и «поминки» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы второй половины XV – начала XVI вв. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История». 2006. № 7. С. 63–77; Lietuvos Metrika. Vilnius, 2004. Kn. 4: 1479–1491. S. 108–109, 165–166.

[61] Загородняя И. А. История царской казны в зеркале внешней политики России XVII столетия // «Во утверждение дружбы…»: посольские дары русским царям: каталог выставки. М., 2005. С. 10, 46–48; Моисеев М. В. Слон Ивана Грозного // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск: РИВШ, 2010. Вып. 3. С. 209–220.

[62] Дюшен М. Герцог Бекингем. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 133–135.

[63] Skorupa D. Op. cit. S. 60, 66–67, 73, 77, 78, 80, 81, 87, 88.

[64] Почекаев Р. Ю. Указ. соч. С. 202.

[65] Иконический перформанс – термин, определенный О. В. Чумичевой как «репрезентативный жест, предполагающий наличие аудитории, публичность». Подробнее см.: Чумичева О. В. Иконические перформансы Ивана Грозного: трансформация идеи царской власти // Пространственная икона. М., 2011. С. 508–509.

[66] Золотая Орда в источниках / сост., ввод. ст. и коммент. Р. П. Храчевского. М., 2003. Т. I. С. 43, 47–48, 53, 56.

ной нами модели данническое содержание играет второстепенную роль и, скорее, связано с политическими претензиями, чем с реальностью. Горячие споры, которые ведутся вокруг «поминок», стимулируют дальнейшее углубленное изучение этого явления. Перспективным кажется изучение семантики вещей, которыми монархи одаривали друг друга. Для понимания «поминок» в русско-татарских отношениях важно изучить эволюцию отношения к ним среди властной элиты и интеллектуалов. Весьма интересной представляется задача понять, реально ли «поминки» считались, например, в Крымском ханстве «хараджем» и если да, то каким образом это коррелировало с посольским обычаем не только Московского государства, но и других европейских стран. Есть у этой проблематики и музееведческое значение: выявить те предметы, которые попадали в нашу страну в составе посольских даров, что, собственно, давно и успешно реализуется в рамках работы Музеев Кремля.

Очевидно, что проблематика «поминок» значительно шире, чем это может показаться на первый взгляд. Изучение этого «странного» дипломатического института позволяет решить ряд вопросов на стыке истории и культурологии и реконструировать систему представлений друг о друге, репрезентации власти эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

M. V. Moiseev

Ambassadorial Gifts (Pominki) in the context of Russia's Relations with the Post Horde-Era States: Problems of Research

Key words: ambassadorial gifts, pominki, ambassadorial ceremonial, eastern policy, ambassador etiquette, protocol, Russia, Nogai Horde, Lithuania, the Crimean Khanate, "horde legacy", render; weapon, fur coats, hats.

Abstract: The article analyzes the current state of researching the issue of pominki (gifts of foreign governments) in the relations between the Russian state and the Turkic-Tatar yourts. The evolution of ambassadorial gifts in the relations between Russia and the Nogai Horde in the 16th century is shown based on the analysis of the data from the ambassadorial books and the lists of the gifts – pominki. The thesis of gradual transformation of pominki into a kind of a salary for the service is proved. The prospective directions of studying of the given issue are defined.

С. И. Баранова

Русский изразец XVII в. как исторический источник

В системе источников, на основе которых формируется историческое знание, за последние два столетия произошли существенные перемены. В их числе – включение в этот состав «нетекстовых» свидетельств, прежде всего объектов материальной культуры, приемы критики которых, с точки зрения исследовательской процедуры, существенно отличны от приемов, используемых в области письменной истории. Конечно, такие группы источников, как монеты, печати, наградные знаки, инсигнии, бытовые предметы, надгробия и другие артефакты, историки использовали и раньше, но в основном как иллюстрации и как носители надписей и символов, к которым далее применялись приемы текстологического анализа.

С развитием таких дисциплин, как археология, история материальной культуры, музееведение и близких им, в значительной мере опирающихся на немые свидетельства, широко привлекающих приемы точных и естественных наук, историческое исследование материального прошлого стало более системным и самостоятельным. Это произошло не спонтанно, а благодаря приложению целенаправленных усилий, потребовавшихся для того, чтобы выявить информационный потенциал, накопленный в конкретных областях культуры человечества и пригодный для исторических заключений. В каждом конкретном случае было необходимо разработать и показать в действии механизм формирования нового исторического знания на основе анализа избранной группы объектов. Причем в области сравнительно недавней истории, для которой существует достаточно широкий круг традиционных источников, требуется применение метода *параллельного* анализа неписьменных и письменных материалов с последующим сравнением результатов. Такой комплексный (мультидисциплинарный) подход выработан и применен в интересующей нас области Н. Н. Ворониным[1], В. Л. Яниным[2], позже Л. А. Беляевым[3], С. З. Черновым[4], Н. А. Кренке и многими другими[5].

Он дал значительные результаты. Уже к середине XX в. объекты архитектуры были осознаны как богатые, многогранные исторические источники. Была заново написана на археологических материалах история строительства домонгольской Руси[6]. Крити-

[1] Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник: заметки к постановке вопроса // СА. 1954. Т. 19. С. 41–76.

[2] Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского Средневековья // ИСССР. 1973. № 3. С. 67–78; Его же. Очерки комплексного источниковедения. М.: Высш. шк., 1977. 240 с.

[3] Беляев Л. А. Развитие археологической мысли и археологические памятники Москвы // Москва. Наука и культура в зеркале веков. М.: АСТ, 2013. С. 29–71; Его же. Древние монастыри Москвы (конец XIII – XV вв.) по данным археологии. М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – То же. 2-е стереотип. изд.: 1995. 458 с. – То же. 3-е изд., электронное, расширенное: М.: Ин-т археологии РАН, 2010; Его же. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М., 2012. С. 179–191.

[4] Чернов С. З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта по материалам древнего Радонежского княжества. М., 1987. 161 с.

[5] См. предисловие к трехтомнику: Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты / под ред. Л. А. Беляева, Н. А. Макарова, С. З. Чернова, Н. А. Кренке. М.: Наука, 2004. Т. 1. С. 9–14.

[6] Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961–1962. Т. 1. 584 с.; Т. 2. 559 с.; Раппопорт П. А. Архитектура Древней Руси и археология // КСИА. М., 1982. Вып. 172. С. 3–9; Его же. Русская архитектура X–XIII вв.: каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с.; История русского искусства: в 22 т. М.: Сев. паломник, 2007. Т. 1: Искусство Киевской Руси, IX – первая

Рис. 1. Изразцы рельефные полихромные. Вторая половина XVII века. Собрание МГОМЗ

ческая комплексная переоценка оказалась полезной для таких сложных, многоуровневых объектов, как городские некрополи, и для отдельных групп артефактов, например безымянных надгробий Московской Руси[7]. Наконец, настала и очередь изразца.

Изразец издавна, с XIX в., пытались привлечь к рассмотрению истории России[8]. Особый интерес к нему понятен – это один из самых ярких и многочисленных объектов материальной культуры, оставленных нам русским XVI и особенно XVII в. Он широко распространился в географическом пространстве, а к концу XVII в. вырос из явления московского в общероссийское, став своеобразным маркером русской культуры от Псковы до Амура. К тому же, он заметен на зданиях издали и постоян-

четверть XII в. 664 с.

[7] Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. 568 с.; Русское средневековое надгробие: XIII–XVII вв.: материалы к своду / под ред. Л. А. Беляева. М., 2006. Вып. 1. 359 с.; Шокарев С. Ю. Московский некрополь XV – начала XX в. как социокультурное явление: (источниковедческий аспект): дис. … канд. ист. наук: 07.00.09 / Рос. гос. гуманитарный ун-т. М., 2000. 25 с.

[8] Сахаров И. П. Ценинные произведения // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. С. 66–79.

но попадается в культурном слое. Но внешняя привлекательность и кажущаяся доступность материала привели к недооценке информации, латентно заключенной в нем для изучения городской (но не только городской) культуры и быта России.

Сформированные ранее подходы сложились в практике изучения и потому оправданы. Но авторы невольно выделяли одно из качеств многогранного источника, а остальные не учитывали. Еще в середине XIX в. определились два подхода: архивный и архитектурно-реставрационный[9]. Их синтез в конце столетия позволил попытаться осветить собственную историю изразца, включая элементы нового искусствоведческого подхода, который вскоре стал самостоятельным, а затем и превалирующим[10].

XX в. дал возможность перейти на иной уровень. Его обеспечили три новых явления: формирование коллекций изразцов в музейных фондах (с конца XIX в.)[11]; изучение технологий производства керамики[12]; привлечение к процессу исследований полевой археологии[13]. Музейный подход обеспечил изучение отдельно взятого изразца и сформировал критерии подлинности; технологический – связал изразец с исследованиями керамического производства; археологический – позволил рассмотреть изразец в контексте общего развития производства и быта, хронологии и топографии города.

С 1970-х гг. начался очередной этап изучения. Для него характерно упрочение представлений о значимости изразца как объекта истории, нарастание усилий по освоению и публикации этой части наследия[14]. Стала заметна потребность в новом подходе, в синтезе быстро растущих материалов. Наше обращение к проблеме, связанное с изучением коллекции московских изразцов в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника, показало необходимость монографического изучения изразца именно как явления городской культуры Москвы и всей России, включая ряд вспомогательных исторических дисциплин (геральдика, эмблематика, просопография), археологических контекстов и музейных коллекций, архивных документов и памятников строительного дела. Этот многогранный источник способен, при комплексном междисциплинарном подходе, обеспечить углубление наших представлений о процессах как на уровне региональной, местной, «короткой» истории, так и в более широком пространстве и хронологическом интервале, близком понятию «длительного времени». Этот подход принципиально аналогичен направлениям западной исторической антропологии с ее «историей повседневного» и ми-

[9] Забелин И. Е. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России // Записки Императорского археологического общества. СПб., 1853. Т. 6. С. 238–338; Рихтер Ф. Ф. Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах, разрезах, с замечательнейшими деталями украшений каменной высечки и живописи … / сост. и изд. … под руководством Ф. Рихтера. М., 1850. Изд. выходило отд. тетрадями с датами ценз. разрешения: 1851–1856 [Вып. 1–6]. По одному вып. в год.

[10] Султанов Н. В. Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд. СПб.: Изд. А. В. Прохорова, 1885. С. 1–64. В дальнейшем это направление пополнилось широко известными работами. См.: Воронов Н. В., Сахарова И. Г. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // МИА. М., 1955. № 44. С. 77–115; Ильин М. А. Декоративное убранство XVII века: Изразцы // История русского искусства. М., 1959. Т. 4. С. 279–288 (гл. 7); Воронов Н. В. Изразцы // Русское декоративное искусство. М., 1962. Т. 1. С. 265–289; Его же. Русские изразцы XVIII в. // Памятники культуры: исследование и реставрация. М., 1960. Вып. 2. С. 191–207; Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М., 1976. 31, [15] с.: ил., 81 л. ил. – То же. 2-е изд.: М., 1983. 28, [20] с.: ил., 110 л. ил.

[11] Наиболее значительные коллекции московских изразцов хранятся в ГИМ, МГОМЗ и Музее истории Москвы.

[12] Важнейшее событие в развитии направления – сложение школы технологического изучения керамики, самой известной структурой которой была Лаборатория керамики Академии архитектуры во главе с крупнейшим исследователем керамической технологии в строительстве Алексеем Васильевичем Филипповым. См.: Филиппов А. В. Древнерусские изразцы XV–XVII вв. Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1938. Вып. 1: XV–XVII века. Папка, 92 с. текста: ил., 28 л. ил.; и др.; полный список: Исаев П. Н. Керамисты Строгановской школы: художники-керамисты Императорского Строгановского центрального художественно-промышленного училища, 1825–1918: биогр. словарь. М.: МГХПУ им. Строганова С. Г., 2009. С. 55–57.

[13] Количество исследуемых предметов резко возросло, расширились хронологические рамки, удалось точнее определить этапы и датировки, включить во временные контексты. Археологи активно изучали изразец как изделие и вводили в научный оборот. См.: Рабинович М. Г. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв.: (по археологическим данным) // МИА. М.; Л., 1947. № 7. С. 55–76; Его же. Московская керамика // Там же. М.; Л., 1949. № 12. С. 57–105; Его же. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // Там же. С. 5–43; Монгайт А. Л. Московские изразцы // Сообщения Института теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. М., 1948. Вып. 9. С. 67–79; Беляев Л. А. Московские печные изразцы до начала XVIII века: (опыт археологической систематизации) // Коломенское: материалы и исследования. М., 1993. Вып. 5, ч. 1. С. 8–22.

[14] Археологическое направление успешно развивалось с 1960–1980-х гг. Оно продолжает лидировать благодаря быстро растущему объему вводимой в научный оборот достоверной информации, устойчивой традиции ее обработки и публикации в специальных сборниках и сводах, стремлению прояснять технологические вопросы, хронологию. На материале археологии построен обзор керамического производства в Москве до начала XVIII в., охвативший и производство строительных материалов, в том числе ранних изразцов. См.: Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., Наука, 1968. 124 с.; Его же. Красные московские изразцы // Памятники культуры: исследование и реставрация. М., 1961. Сб. 3. С. 228–241; Его же. Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме // СА. 1962. № 3. С. 252–259; Рабинович М. Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М., 1971. Т. 4. С. 9–116.

Рис. 2. Изразцовый декор Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря. 1658–1660-е гг. Фото М. П. Фединой. 2016 г.

кроисторией (Ж. Ле Гофф[15] и др.), в последние десятилетия занявших прочное место в отечественной истории (А. Я. Гуревич[16], М. М. Кром[17] и др.).

Для раскрытия проблемы понадобилось решить ряд задач: полностью охватить комплексы изразцов на древних зданиях и в музейных собраниях (включая предметы и документированные серии, полученные при разборке зданий и раскопках); исследовать каждый из объектов на уровне музейной атрибуции и экспертизы (технологической, эпиграфической, сюжетной и др.); рассмотреть вещи в контексте строений, к которым они принадлежали; изучить комплексы вместе с их окружением, с теми частями социального организма, который обеспечил их возникновение (вплоть до самой дальней и, пожалуй, самой интересной историку области – реальных исторических персонажей, которые вступали в отношения по поводу заказа, производства, покупки, сборки, установки изготовленных артефактов). Можно попытаться выявить социальную психологию и психологию потребления, увидеть причины вкусовых предпочтений и ту общественную нишу на «рынке материальной культуры», которую заполнил на протяжении XVII в. изразец. Это отчасти поможет разобраться и с природой западных инноваций (отнюдь не только технологических), и с их судьбой на русской почве.

Новый подход дал свои результаты. Он стал определяющим в изучении русского изразца Москвы[18] и

[15] Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: время, труд и культура Запада / пер. с фр. С. В. Чистякова и Н. В. Шевченко; под ред. В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 328 с.; Его же. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 440 с.

[16] Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.; Его же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с.

[17] Кром М. М. Историческая антропология. СПб.: Квадрига, 2010. 216 с.

[18] Баранова С. И. Изразцовый декор памятников архитектуры Москвы XVII в.: автореф. дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.04 / МГХПУ им С. Г. Строганова, 2006. 34 с.; Ее же. Москва изразцовая. М.: Моск. учебники, 2007. 400 с.; Ее же. Русский изразец: записки музейного хранителя. М., 2011. 432 с.: ил.; Ее же. Изразцовая летопись Москвы. М.: Рус. импульс, 2012. 231 с.: ил., цв. ил., портр.; Ее же. Московский архитектурный изразец XVII в.: каталог. М.: МГОМЗ, 2013. 136 с.

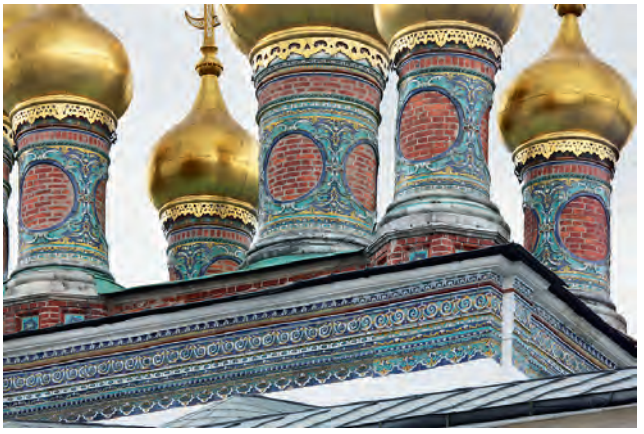


Рис. 3. Изразцовый декор церквей Теремного дворца в Москве. 1679 – начало 1680-х гг. Фото М. П. Фединой. 2011 г.

Рис. 4. Изразцовый декор Покровского собора в Измайлове в Москве. 1674–1675 гг. Фото М. П. Фединой. 2011 г.

Нового Иерусалима[19] – двух главных звеньев, через которые изразец нашел дорогу «в города», куда он поставлялся (или куда перемещались мастера) и где путем копирования и переработки складывались локальные варианты общемосковского направления. Причина этого – в организационных и финансовых возможностях столицы страны, в доступе к европейским технологиям и вкусам, в формировании «моды» через хорошо известный механизм подражания престижным элементам в оформлении государственного и церковного быта. Оказалось, что география распространения изразца совпадает с картой Русского государства XVII в. Изразцы были широко востребованы провинцией, но продолжали оставаться явлением культуры Москвы.

Результаты критического анализа изразца как исторического источника могут быть показаны и на всей общности изразцов, и на ее функциональных группах. Все русские изразцы позднего Средневековья условно делятся на две функциональные группы: первая традиционно именуется архитектурной (фасадной), вторая – печной. Печные изразцы достаточно часто встречаются в фасадном убранстве, обратное же крайне редко (но есть промежуточная группа универсальных изделий, одинаково популярных и в печном, и в фасадном варианте). Сравнительно дешевые, менее престижные и, соответственно, более распространенные керамические элементы, чаще всего использовавшиеся в интерьере для облицовки печей, не уникальны и даже не редки. Но и определение «массовые» к ним не совсем подходит. Правильнее назвать их серийными или тиражными. Несомненно, это рыночная продукция: набор для печи обычно просто покупали у мастера-изразечника.

В XVII в. конкретные формы бытования обеих групп связаны с яркими историческими событиями, такими, как полонизация московской культуры и деятельность патриарха Никона, которые сложились для московского изразца чрезвычайно удачно: облицовка печей широко распространилась, и арсенал изразцового декора существенно обновился.

Изучение изразцовых декоров, в том числе и несохранившихся зданий, важно с точки зрения источниковедения: часто это датированные объекты, которые становятся эталонными комплексами для атрибуции «безымянных» изразцов. Архитектурные изразцы неразрывно связаны с фасадами зданий и по информативной нагрузке сравнимы с каноническими священными изображениями (иконами), церковно-учительными текстами, храмозданными надписями и орнаментальными схемами. Это сложные, часто уникальные или мало тиражируемые объекты, отвечающие высокому статусу здания. Их можно смело отнести к элитным, престижным изделиям, производившимся по княжескому или царскому (государственному) заказу, в редких случаях – по заказу высшего круга московского общества и верхушки посада.

Изучение изразцовых декоров XVII в. позволило решить ряд конкретных источниковедческих задач, например: определить степень подлинности облицовки зданий; уточнить даты; выделить хроно-видовые группы; восстановить общую картину производства и социальную структуру заказа; выявить роль заказчика и исполнителя работ, определить степень влияния заказчика и его предпочтений; отнести ряд объектов к определенной группе мастеров и связанных с ними заказчиков.

[19] См. в настоящем сборнике статьи Л. А. Беляева, О. Н. Глазуновой и других сотрудников Ново-Иерусалимской экспедиции Института археологии РАН.

Рис. 5. Изразцовая печь из Михайловской церкви в Немецкой слободе в Москве. 1680-е гг. Собрание МГОМЗ

Рис. 6. Изразец печной рельефный полихромный. Конец 1660-х – 1680-е гг. Найден в 1999 г. во время археологических раскопок ЦАИ ГУОП г. Москвы на Кормовом дворе в Коломенском. Собрание МГОМЗ

Так, были выработаны методы проверки аутентичности и, в случаях с копиями, их точности. Обращаясь к изучению памятников, на которых изразцы сохранились, их традиционно соотносят с датой постройки. Но само понятие «сохранность» применительно к изразцам условно: зачастую на зданиях давно стоят не первоначальные изразцы, а их реставрационные копии, выполненные более или менее тщательно. И круг этих памятников гораздо шире, чем принято считать[20].

Сомнение в подлинности тех или иных изразцов индуцировало вопрос о возможности оперировать некоторыми (довольно скупыми) документами XIX и XX вв. Пришлось специально исследовать и эту проблему, то есть определить круг памятников, на которых мы видим копии, а не изначально поставленные, оригинальные изделия. Оказалось, что в большинстве случаев изменения, вносимые при ремонтах XVIII–XIX вв., не меняли места изразца в структуре декора и не вносили кардинальных изменений в убранство здания, хотя по качеству изразцы-копии могут существенно отличаться от оригиналов.

Таким образом, часть копий можно всё же оставить в кругу источников, поскольку они важны для изучения своих прототипов, а также для истории реставрации, архитектуры, искусства. Это налагает известные ограничения при анализе, но не умаляет его возможностей: копии можно использовать как источник по иконографии и композиции, месту изразца в структуре декора, отчасти – в общем цветовом решении.

[20] Баранова С. И. К вопросу о подлинности изразцового декора памятников архитектуры Москвы XVII в. // Архитектурное наследство. М., 2007. Вып. 48. С. 106–117; Ее же. К истории реставрации изразцового декора Москвы XVII в. // Кадашевские чтения. М., 2008. Вып. 3. С. 162–167; Ее же. К вопросу о копиях в изразцовом декоре памятников архитектуры Москвы XVII в. // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. М., 2010. № 1. С. 48–56.

Рис. 7. Изразцовое панно «Птица с плодами» из колокольни церкви Космы и Дамиана в Садовниках в Москве. 1680-е гг. Собрание МГОМЗ

Очевидно значение подлинных изразцов из музейных собраний, в том числе – археологических коллекций. Присущие им характеристики (цвет и оттенки поливы, характер рельефа, конструкция румпы, рисунок отверстия в ней, следы строительных составов и сажи) позволяют выработать критерии подлинности изразцов XVII в. Комплексное изучение изразцов, найденных при раскопках Коломенского дворца (1667–1768 гг.), позволило реконструировать одиннадцать печей и проанализировать это своеобразное зеркало художественного вкуса своего времени[21].

[21] Раскопки в Коломенском велись с 1920-х гг. Изразцы составили самую многочисленную (около 1200 предметов) из существующих в России коллекций изразцов с единого дворцового комплекса (дворцы царя Алексея Михайловича на Лосином острове, палаты царицы Натальи Кирилловны в Кремле, царского путевого дворца в Слотине и др.). См.: Беляев Л. А., Кренке Н. А. Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском // Коломенское: материалы и исследования. М., 1993. Вып. 4. С. 72–113; Баранова С. И. К вопросу о реконструкции печей Коломенского дворца // Там же. М., 2007. Вып. 10. С. 118–134; Ее же. Изразцы из Коломенского дворца: география трансформации художественных импульсов // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы Междунар. XXIII науч. конф. М., 2011. С. 158–161; Ее же. «А пожаловал их государь для подносу образцовых кафель»: изразцы из Коломенского дворца царя Алексея Михайловича // Родина. 2011.

Рис. 8. Изразцовое панно «Двуглавый орел». Найдено в церкви Воскресения Христова в Пленицах (Андреевский монастырь, Москва). 1690-е гг. Собрание МГОМЗ

Рис. 9. Изразец из керамической надписи колокольни церкви во имя св. Адриана и Наталии на 1-й Мещанской ул. в Москве. 1688 г. Собрание МГОМЗ

Развитие изразца отразило метод трансформации европейских художественных импульсов путем отбора предметов потребления и частичной переработки мотивов русскими мастерами. Это позволило сформировать устойчивые виды орнамента, воспринимающиеся как специфически русские. При этом от многих популярных в Европе вариантов отказались: среди московских печных изразцов не встречаются распространенные в Европе изразцы с иконами, ренессансные портретные и гербовые изразцы – в принципе, на Руси известные[22]. Любимые на Западе изразцы с воинскими сценами, фантастическими животными (грифонами, единорогами и т. д.), встречающиеся на русских изразцах до середины XVII в., затем теряют популярность – видимо, они казались устаревшими. В пластике русских изразцов, за редким исключением, не прижился и высокий европейский рельеф, вероятно, в силу непривычности к воспроизведению сложного скульптурного объема.

Заказчики и мастера остановились на орнаментальных мотивах, усиливавших живописное, декоративное начало. Главной задачей было создание красочного, «богатого» изразца, в поле которого свободно сочетали вновь освоенные западные и почерпнутые из местной традиции элементы. Это одно из многих подтверждений того, что русские горожане были ориентированы именно на культуру Западной Европы Нового времени.

По изразцам Коломенского дворца можно судить о ситуации на рынке производства изразцов в годы строительства. Наборы изразцов для печей принадлежат к широко распространенной разновидности, имеющей много аналогов и в столице, и за ее пределами. Печь, подобную дворцовой, если хватало средств, мог заказать всякий горожанин – судя по археологическим находкам и документам, в Москве это делали многие. Таким образом, не отрицая статусного характера изразцов, можно считать, что право на их использование не было сословной привилегий. Доступ к заказу парадной печи (и даже изразцовой облицовки для храма) не ограничивался царским и митрополичьим двором. Им открыто и свободно пользовались горожане, жившие на посаде – ремесленники, торговцы, военные.

№ 3. С. 105–108; Ее же. Изразцы из Коломенского дворца: трансформации художественных импульсов // Коломенское: материалы и исследования. М., 2011. Вып. 13. С. 197–216; Ее же. Дворец в Коломенском // Белорусы Москвы. XVII век. Минск, 2013. С. 292–307.

[22] Беляев Л.А. Керамические иконы Христа в Ново-Иерусалимском монастыре: предварительная публикация находок 2014 года // В созвездии Льва: сб. ст. по древнерус. искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2014. С. 48–61.

Рис. 10. Изразцовое панно «Евангелист Лука» из декора церкви собора Святого Духа Семи Вселенских Соборов в Даниловом монастыре в Москве. Конец XVII в. Собрание МГОМЗ

Рис. 11. Изразцовый декор церкви Иоанна Предтечи в Солотчинском монастыре под Рязанью. 1695–1698 гг.

Пространство Москвы XVII в. с ее изразцовыми декорациями демонстрирует многочисленные примеры прямого воздействия носителей западноевропейской технологической и культурной традиции, оказавшихся в Московии в результате военных кампаний против Речи Посполитой в середине XVII в. Уже во второй половине столетия наблюдается усвоение и дальнейшее применение на местной основе передовых, дорогостоящих и сложных технологий (цветной эмали, крупных форм, высокого рельефа), а также визуально читаемых особенностей сюжета, классических в основе европейских орнаментов, сложных композиций[23]. По сути, это изменило образ города.

Интерес заказчика к новым декоративным возможностям, которые принесли с собой ценинные изразцы, проявился в их широком использовании в постройках Москвы, несших ясное политическое и градостроительное послание[24]. В первую очередь это заказы Романовых. Здания с изразцовым убранством вошли в обширную московскую строительную программу царя Алексея Михайлови-

[23] Баранова С. И. Изразцовый декор Москвы XVII века: проблемы иконографического анализа // Искусство христианского мира. М., 2007. Вып. 10. С. 490–504.

[24] Баранова С.И. Типология заказа в древнерусском производстве фасадных изразцов в Москве // Там же. М., 2009. Вып. 11. С. 504–519; Ее же. К вопросу о заказчиках и зодчих изразцового декора московских построек в конце XVII века // Вестник РГГУ. Сер. «Культурология». Искусствоведение. Музеология. М., 2010. № 15 (58)/10. С. 261–269.

Рис. 12. Изразцовый декор Успенского собора Иосифо-Волоцкого монастыря. 1680-е гг.

ча (Покровский собор в Измайлове), царя Федора Алексеевича (церкви Теремного дворца) и Петра I (Сухарева башня, Монетный двор, Главная аптека). Первые же памятники с изразцовым декором вызвали волну подражаний в ближайшем окружении царей: новый стиль подхватывают боярин Артамон Матвеев, князь Василий Голицын, князь Черкасский и др.

Новшества, появившись в эталонной дворцовой архитектуре, усваивали зодчие посада – причем по всей стране. Церкви московского Заяузья (Архидиакона Стефана в Заяузье, Успения в Гончарах), где находилась Гончарная слобода, украсили мощные, торжественные майоликовые панно с изображением евангелистов, крупные изразцы с крылатыми херувимами и вифлеемскими звездами. Прихожанами и вкладчиками были, видимо, сами мастера-ценинники, для которых пожертвование изразцов на церковь было формой обозначения своего статуса, особым видом ктиторства и проявления цехового патриотизма[25].

Расширяя далее границы исследования, проследим «путь изразца» и отметим сходство изделий из разных мест как в границах города, так и в весьма отдаленных районах. Обычно единственные свидетели миграции московских мастеров – сами изразцы, именно они отражают их движение, крайне редко подтвержденное документально[26]. При отсутствии документальных свидетельств происхождения вещей один из важных способов выявления генезиса технологий, орнаментов и архитектурного использования местных изразцовых групп – сравнительный анализ и поиск аналогов в Москве[27]. На сопоставлении с московскими прототипами основана гипотеза московского происхождения изразцов Иосифо-Волоцкого, Солотчинского и Вяжищского монастырей, городов Углича, Устюга, Сольвычегодска, Соликамска и особенно Ярославля[28].

Наиболее часто за наблюдаемым воздействием стоит поставка готовой продукции – такие изразцы выдают узнаваемые столичные особенности. Другой способ распространения изразцов – перенос

[25] Баранова С. И. Изразцовый декор церкви архидиакона Стефана в Заяузье // Архитектурное наследство. М., 2011. Вып. 54. С. 102–121; Ее же. О заказчиках изразцового декора церквей в Заяузье XVII в. // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки». Региональная история. Краеведение. М., 2012. Вып. 6 (86). С. 145–166.

[26] Например, о закупке в Москве изразцов с изображением херувимов в Солотчинский монастырь под Рязанью: «…И такие херувимы и серафимы насилу нашел в Ганчарной слободе только у одного человека – дворцовых ценинных дел у мастера у Степана Иванова сына Полубеса» (РГАДА. Ф. 1202. Оп. 1. Ед. хр. 243).

[27] Баранова С. И. Миграция московских изразцов // Коломенское: материалы и исследования. М., 2007. Вып. 9. С. 64–78; Ее же. Московский изразец XVII века в пространстве России // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. 1 (57). С. 100–106.

[28] Баранова С. И. К вопросу о московских аналогиях в изразцовом декоре ярославских церквей // Материалы научных чтений памяти И. П. Болотцевой в Ярославском художественном музее. Ярославль, 2001. С. 99–109.

деревянных форм (матриц) для «ценинного дела» в местные мастерские (деревянную матрицу легче довезти до места производства, чем воз готовых изразцов). Наконец, распространение типов изразца происходило при выездах казенных мастеров из Москвы для организации изразцового производства на месте строительства, для обучения местных мастеров, а чаще всего – для изготовления большой партии изделий. Московские мастера явно брали с собой изразцовые формы.

Полюбившиеся мотивы и варианты рисунка, разработанные в Москве, воспринимались охотно и встречаются повсеместно. Но рассмотрение самих изразцов показывает почти в каждом городе собственные, отличные (иногда незначительно) от московских версии композиций. Региональные версии изразцового декора получали порой значительное развитие (например, в Балахне), что ставит вопрос о механизмах создания этих версий. Как они формировались, как рождались региональные школы с оригинальными, присущими только местному производству особенностями? Главный источник в изучении и этого вопроса – сам изразец[29].

Итак, выбранный подход к изразцу как историческому источнику стал рабочим инструментом, позволившим увидеть в изразце подлинный документ своего времени, дающий возможность проникать в суть явлений городской жизни. Выявив полный круг московских памятников с изразцовым декором, мы пришли к анализу приемов использования изразца в структуре объектов и определению элементов его своеобразия, к систематизации и анализу основных сюжетных мотивов с раскрытием содержательной тематики отдельных изразцов и их комбинаций, к изучению организации и истории изразцового производства в Москве, к определению периодов становления и развития московского круга мастеров и мастерских/школ, к выявлению круга заказчиков – государей, боярства, горожан.

Изразец – самостоятельное явление городской жизни в ряду историко-культурных контекстов, традиционных в историографии (производственный, стилевой) или новых (изразец как элемент массовой коммуникации, носитель визуальной и текстовой информации; как статусный и престижный объект; как источник изучения социальной жизни Москвы; как стимулятор инноваций – и это далеко не всё). В итоге изразец оказался вполне самостоятельным историческим источником, подлинным документом своего времени, окном в суть явлений городской жизни, занявшим, наконец, свое место внутри большой общности других источников, принадлежащих к области материальной культуры.

[29] В связи с этим отмечу растущий интерес к публикации местных изразцов. См., напр., диссертации: Околович М. Г. Искусство полихромного рельефного изразца Великого Новгорода и его окрестностей XVII–XVIII вв.: дис. … канд. искусствовед.: 17.00.04 / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2011. 176 с.; Лисенкова Ю. Ю. Изразцовое убранство храмов Великого Устюга XVII – первой половины XVIII веков: этапы развития и художественные особенности: дис. … канд. искусствовед.: 17.00.04 / МГХПУ им. С. Г. Строганова. М., 2012. 214 с.; Зубарева М. М. Изразцы Казани конца XVI – XIX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. Казань, 2013. 410 с.; альбом: Пронин Г. Н., Соболь В. Е. Смоленские изразцы XVI–XIX веков. Смоленск: Свиток, 2013. 240 с.

S. I. Baranova

The 17th Century Russian Ceramic Tiles as a Historical Source

Key words: a ceramic tile; Muscovy; complex source studies; original; fake; restoration; customer and master; material culture; innovation.

Abstract: The article considers special methods of using material culture objects as sources for the Muscovy urban culture history. Glazed ceramic tiles, a type of technologically complicated and expensive artifacts, are used as samples for analysis. In less than a century they widely spread in the Russian urban realm and became one of the important means of comfort assimilation, European artistic style, a means of spreading information and mental communication. At the same time, an architectural and stove tile proves to be a specific bridge from medieval Muscovite culture into Europeanized realm of the Russian Empire. For historians of culture and artists the Muscovite tile turns out to be one of the important markers of its "folklore character".

А. В. Топычканов

Политическое пространство царских резиденций второй половины XVII в.: материальное измерение*

Пространственный поворот в современных гуманитарных науках открыл новые возможности для изучения физического, социального и культурного пространства[1]. Политическое пространство – частный случай социального пространства, образуемого социальными отношениями и характеризующегося использованием политического капитала, преобладанием вертикальных связей над горизонтальными и, соответственно, иерархической структурой общества[2]. Как городские, так и загородные резиденции XVII в. – удобный объект для изучения политического пространства, так как в них представлены все социальные слои, существовавшие в России того времени, – от царского семейства до крестьянских холопов.

Первая попытка структурировать политическое пространство царских загородных резиденций была осуществлена при изучении доступа в разные зоны резиденций[3]: в окрестностях резиденций могли находиться все, включая мусульман; на территорию дворцового или государева села[4] имели доступ только христиане, в том числе католики и протестанты; на государев двор пешими и без оружия входили члены государева двора, посольств христианских государств, придворные слуги, тяглецы дворцовых слобод, дворцовые крестьяне и челобитчики; в «публичное» пространство дворца (сени, передняя и первая комната, столовая палата) допускались те же самые лица, что и на государев двор, но при определенных условиях[5]; внутренние помещения дворца, как и государев шатер, были доступны только для чрезвычайно ограниченного круга «ближних людей», руководителей дворцовых ведомств и придворных слуг.

Система доступа на территорию царских загородных резиденций, с одной стороны, служила обеспечению безопасности царского семейства, а с другой – отражала представления об идеальной социальной и политической организации общества, в котором каждая социальная группа занимала определенное место и выполняла определенные функции. В структурировании этого пространства важное значение играли дихотомии: христианское/нехристианское; «публичное»/«непубличное».

Для определения материального измерения политического пространства царских загородных резиденций необходимо сопоставить выявленную систему доступа с размещением хозяйственных, жилых и религиозных объектов и характером их использования.

Хозяйственные объекты размещались в окрестностях резиденций, селе и на периферии государева двора, где находились помещения Приказа Боль-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-L03-50107.

[1] Thinking Space / ed. M. Crang, N. Thrift. London: Routledge, 2000. 300 p.; Soziale Räume und kulturelle Praktiken: Über den strategischen Gebrauch von Medien / hrsg. von G. Mein, M. Rieger-Ladich. Bielefeld: Transcript, 2004. 322 S.; Spatial Turn: Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / hrsg. von J. Döring, T. Thielmann. Bielefeld: Transcript, 2008. 460 S.

[2] Бурдье П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.; Political Space in Pre-industrial Europe / ed. B. Kümin. Aldershot: Ashgate, 2009. 296 p.

[3] Топычканов А. В. «Государев двор» дворцовой усадьбы во второй половине XVII в. и его посетители // Коломенское: материалы и исследования. М.: МГОМЗ, 2008. Вып. 11. С. 16–21.

[4] Дворцовое село находилось в ведении Приказа Большого дворца, государево село – в ведении Приказа тайных дел.

[5] О посещении дворца крестьянами см.: Топычканов А. В. Царская семья и дворцовые крестьяне: опыт личного общения во второй половине XVII в.: (тезисы доклада) [Электронный ресурс]: URL: http://www.mkonf.iriran.ru/papers.php?id=53 (дата обращения: 04.03.2016).

Размещение хозяйственных, жилых и религиозных объектов на территории резиденции

Зоны резиденций	Хозяйственные объекты	Жилые объекты	Религиозные объекты
Окрестности	Царские «заводы» (заводы, амбары, сады, огороды, мельницы, рыбные ловли, пасеки, государева пашня и покосы), крестьянская пашня и покосы	—	—
Дворцовое/ государево село	Крестьянское хозяйство (дворы)	Изба	Сельский храм
Государев двор	Дворцовое хозяйство	—	Домовый храм
Дворец	—	Дворец	Крестовая палата

шого дворца, Сытного, Кормового и Хлебенного дворцов[6]. Причем хозяйственные постройки государева двора нередко отделялись от жилой части. Так, в Измайлове хозяйственная половина двора была отделена от дворцовой территории стеной[7]. В Коломенском Сытный двор находился в юго-восточном углу государева двора, а Кормовой и Хлебенной дворы – в юго-западном углу, и каждый из них имел отдельный въезд. Таким образом, активная хозяйственная деятельность, задействовавшая обширный круг предметов материальной культуры, велась за пределами основной территории государева двора. Перечень возможных «хозяйственных» работ во дворце незначителен: ремонтные работы, печное отопление, работа царицыных мастерских[8], приготовление пищи для кушанья в «комнате»[9].

В резиденциях следует выделять две жилые зоны – сельское крестьянское поселение и царский дворец, которые отличались друг от друга тем, что крестьяне вели оседлый образ жизни, а царская семья лишь на время приезжала в свою резиденцию. Сходство царского загородного времяпрепровождения с кочевым образом жизни особенно заметно в XVII столетии, на протяжении которого царская семья часто останавливалась в шатрах, причем даже в тех резиденциях, где были дворцы. Для таких выездов Казенный приказ хранил значительное количество шатров[10]. Их изготовлением и ремонтом занимались шатерные мастера, которые, по словам составителя «Расходной книги дворцового хозяйства 1698–1700 гг.», «днюют и начюют в Столовой полате (Кремлевского дворца. – *А. Т.*) для верховых дел и для всяких нужных починок по 2 человека, они ж кресла и места церковные бархаты золотными и сукнами обивают и шатры, и полатки, и наметы, и полавочники, травные и гладкие суконные, и надественники, и отводы, кумачные и крашенинные и полотняные, делают вновь, а старые починивают»[11]. Перевозку и установку шатров осуществляли тяглецы Барашской слободы под руководством шатерничих. «Шатерная служба» считалась одной из самых тяжелых среди дворцовых служб XVII в.[12].

Устройство палаточных лагерей имело длительную традицию в России. Они создавались во время охоты, «объездов», паломничеств, военных походов и дипломатических переговоров. В России была известна подобная практика других стран[13]. Описания царских полотняных городков второй половины XVII в. оставили царский врач С. Коллинс и секретарь имперского посольства А. Лизек. По словам Коллинса, царь Алексей Михайлович в конце мая в Преображенском ставил три палатки, соответ-

[6] Наиболее детально картографированы хозяйственные объекты Измайлова: Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (юго-восточная и южная части территории Камер-Коллежского вала до нынешних границ города). М.: Искусство-XXI век, 2007. С. 27–29, 48 (схемы В. П. Кругликова, С. Н. Палентреер и И. Б. Циприс, Н. С. Датиевой); Чернов С. З. Исторические ландашфты Измайлова: первые опыты натурных исследований // Коломенское: материалы и исследования. М.: МГОМЗ, 2008. Вып. 11 / отв. ред. Е. А. Верховская. С. 53–80. Схемы В. П. Кругликова и Н. С. Датиевой также опубликованы: Усадьба «Измайлово» // Большой атлас Москвы. М.: Феория, 2013. С. 298–299.

[7] Датиева Н. С. Государев двор на Измайловском острове // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М.: Изд-во объединения Мосгорархив, 1997. С. 88.

[8] Только в царской резиденции в с. Алексеевском Царицына Мастерская палата имела отдельную избушку (Русская историческая библиотека. СПб.: тип. Гл. управления уделов, 1907. Т. 21: Дела Тайного приказа. Стб. 235).

[9] О приготовлении еды во дворце см.: Московская деловая и бытовая письменность XVII века / изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1968. С. 286–287.

[10] Перечни шатров см. в составе описей Казенного приказа (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2), некоторые из них опубликованы в кн.: Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора … СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1865. С. 65–67.

[11] Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 16. Д. 665. Л. 571–571 об.

[12] Богоявленский С. К. Территория и население [Москвы XVII в.] // История Москвы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. 1: Период феодализма XII–XVII вв. С. 470–471; Шеламанова Н. Б. Материалы по истории Москвы XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 50–127.

[13] См., например, иллюстрированное описание устройства римского палаточного лагеря в «Лицевом летописном своде» (Учебник жизни царских детей. М.: ОЛДП, 2012. Кн. 7: Иудейская война. Л. 124–127 об.).

ствующие трем «сеням», которые апостолы хотели поставить на горе Фавор по время Преображения Христа [Мф. 17: 4; Мк. 9: 5]. Далее он продолжает: «Собственно его (царя. – *А. Т.*) палатка сделана из золотой материи и украшена соболями; царицына из серебряной материи и украшена горностаями; палатки князей соответствуют их степеням. Палатки царя, царицы, одиннадцати детей и пяти сестер их составляют круг, середину которого занимает церковная палатка. Вид на них так величественен, что я не видывал ничего подобного в этом роде. Впереди поставлены рогатки и стражи на ружейный выстрел от палаток, и никто не может пройти эту ограду без повеления...»[14].

Причины использования шатров в загородных резиденциях не вполне ясны. Возможно, они считались более комфортными для проживания в летнее время. Шатры выглядели более торжественно и парадно, и поэтому царь Алексей Михайлович устраивал свои пиры в Алексеевском и Преображенском в столовых шатрах, а не во дворце[15]. Особенно богато был украшен полотняный городок в с. Алексеевском во время шествия Алексея Михайловича в Троице-Сергиев монастырь в сентябре 1675 г., которое наблюдало имперское посольство и описал А. Лизек[16].

Начавшееся в середине XVII в. масштабное строительство дворцов и «избушек для государева пришествия» не привело к существенному развитию материальной культуры загородных резиденций. Согласно сохранившимся описям, в отсутствие членов царской семьи дворцы стояли почти пустыми. Так, Измайловская опись 1687 г. фиксирует во дворце только скамьи и лавки с полавочниками, столы, поставцы, завесы на окнах и иконы[17]. Все необходимое для проживания царская семья привозила с собой в постельном, крестовом, запасном, оружейном и прочих возках (возок мог включать до 30 телег). Лучше всего сохранились описи постельной походной казны, которые составляли Царская или Царицына Мастерские палаты. Большинство описей 1640–1650-х гг. фиксирует следующий перечень предметов, которые брал с собой царь: ферязи теплые и холодные, кафтаны ездовые теплые и холодные, зипуны, епанчи, шапки, рукавицы, рукавицы «перщетые» (перчатки), ящик с туалетными принадлежностями, гребнями и зеркалами, посохи, «трубки присмотренные» (подзорные трубы), «солношник» (балдахин), ножи (в том числе клепики), серебряник с лоханью и стоянцом, стул с подножием, штаны, ичетоги, башмаки, подвязки, часы[18]. В зимнее время к этому набору добавлялись теплые вещи: шубы и треухи. Перечень значительно расширялся во время длительных поездок и при участии царя в официальных церемониях: богослужениях, торжественных шествиях, выездных заседаниях Боярской думы, смотрах и дипломатических встречах. Причем одежда, которую царь надевал во время выходов, описывалась в «Выходных книгах», которые также именовались «Книгами государеву платью, каково подавано на государя по праздником» или «Книгами записными в государевы выходы что на государе бывает платья»[19]. Во время пребывания царского семейства за городом предметы обихода постоянно обновлялись: пришедшие в негодность ремонтировались на местах или возвращались в Москву взамен новых. Этим занималась Царская и Царицына Мастерские палаты, о чем свидетельствует опубликованная И. Е. Забелиным переписка 1680-х гг. укладничего Царской мастерской палаты Ивана Чаплыгина и думного дворянина Царицыной Мастерской палаты Никиты Акинфова с дьяками Царицыной Мастерской палаты Федором Петровичем Казанцевым и Корнилом Петровичем Петровым[20]. Несмотря на интенсивные перемещения вещей между кремлевской и загородными резиденциями, все вещи обычно возвращались в Москву. Росписи платья фиксируются единичные случаи, когда вещи не возвращались: царь мог, во-первых, пожаловать одежду или шапку приближенным, а во-вторых, потерять во время охоты[21]. Исключительный случай произошел во время Троицкого похода 1675 г., когда «в изроне» оказалось несколько золотых «запон», украшавших конские

[14] Коллинс С. Нынешнее состояние России // Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс, Я. Рейтенфельс. М.: Фонд С. Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 222.

[15] Выходы государей, царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексия Михаиловича и Феодора Алексиевича, всея Руси самодержцев (С 1632 по 1682 г.). М.: тип. А. Семена, 1844. С. 666, 678; ДАИ. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. Т. 5. С. 108.

[16] Седов П. В. Закат Московского царства: Царской двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 184–189. Описания полотняного городка иностранными дипломатами см.: Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 11. С. 362–366, 372–375; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858. Т. 5. Стб. 225–236.

[17] Топычканов А. В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четвери XVII века / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Моск. учебники и картолитография, 2004. С. 184–186, 196–208. Ср.: Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М.: Языки рус. культуры, 2003. Т. 3: Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях: материалы. С. 477–503, 508–513.

[18] См., например, росписи «в объезд» царя Алексея Михайловича в с. Остров 15 сентября 1668 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12013. Л. 1–3) и царской семьи в с. Преображенское 7 июля 1669 г. (Там же. Д. 12341. Л. 1–15). О росписях в Коломенские объезды см.: Опарина Т. А. Реконструкция царских церемониальных одеяний на примере выездов Алексея Михайловича в Коломенское. (В печати).

[19] Опубликованы П. М. Строевым: Выходы государей царей и великих князей ...

[20] Забелин И. Е. Указ. соч. Т. 3. С. 746–766.

[21] Опарина Т. А. Указ. соч.

седла, чепраки и мундштуки. П. В. Седов справедливо предположил, что они были украдены[22].

Подобный кочевой образ жизни вели и сопровождавшие царя лица. «Ближние люди» чаще всего ночевали в палатках. По крайней мере, среди боярских вещей XVII в. обычно хранилось несколько палаток. Так, две палатки было у боярина Ю. Я. Сулешова. После его смерти одна из них была приобретена патриархом Иосифом для себя, другая – для боярина Б. И. Морозова: «палатка Кизыльбашская с полами, которая делана изнутри травами, да намет Кизылбашской же объяринной цвет, цена обема 60 руб.»[23]. Патриарх послал палатку боярину в дворцовое село Покровское 25 мая 1650 г., таким образом, боярин сразу смог оценить подарок патриарха. Очевидно, такие палатки устанавливались рядом с государевым двором. В редких случаях приближенные получали землю для установки своих палаток и палаток своих людей. Для этих целей царь Алексей Михайлович 26 октября 1645 г. пожаловал боярину Б. И. Морозову в вотчину луг близ села Коломенского, «где стоят его боярина Бориса Ивановича сокольники»[24]. К правлению Федора Алексеевича относятся первые случаи проживания «ближних людей» на государевом дворе или даже во дворце. Такой милости удостоились царские фавориты – постельничий А. Т. Лихачев и боярин И. М. Языков[25].

Стольники, стряпчие, подрынды и жильцы, сопровождавшие царский поезд, размещались в шатрах, на сельском гумне, а возможно, и на крестьянских дворах. Проживанием на гумне не брезговали не только царицыны дети боярские[26], но даже боярин князь И. А. Хованский, который по дороге в Воздвиженское остановился на ночлег на гумне около села Пушкина[27].

Стрельцы размещались на постах охраны по периметру государева двора. Челобитчики, собиравшиеся в дворцовых селах в ожидании приезда царской семьи, ночевали на улице или в стрелецких избушках[28]. В челобитной стрельцов стремянного полка красноречиво описаны условия такого размещения: «будучи в тех дальних походех и объездех зимою в жестокие морозы и летом и в осень в ненастные дни, стоя на твоих государевых караулах в тех походех, обергая твое царское величество, и около огней по улицам и по гумнам, в тех частых походех и в службах и в объездех платьишком обжигаемся и обдираемся и конскою сбруей мы, холопы твои, что у кого в тех походех и объездех портится, починиваем собою»[29]. Ночевка на улице была сопряжена с угрозами для здоровья. В письме А.И. Матюшкину от 25 мая 1650 г. царь Алексей Михайлович сообщил о несчастном случае, произошедшем с сокольником Мишкой Семеновым, который во время сна упал в огонь, «немного не згорел»[30].

Кочевой образ жизни дворцовой территории противоречил нормам Уложения 1649 г.: первая глава Уложения ввела юридическое понятие «честь государева двора» и отнесла его к территории городских и загородных царских резиденций, однако последние не получили права хранить личные вещи государя. Причина этого противоречия заключалась в том, что при сохранении вещей в загородных дворцах, где не было постоянной охраны, возникали угрозы для жизни и здоровья царя и его близких. Больше всего члены царской семьи опасались, что их вещи могут быть использованы для колдовства и отравления. Эти опасения были вполне обоснованны, потому что знахари и колдуны жили в дворцовых селах, а на территории резиденций достаточно часто осуществлялись попытки колдовства. Семен Стрешнев обращался к коломенскому знахарю Симанке (Симону) и жене его Оринке с просьбой приворотить царевича Вальдемара, который находился в Москве в 1644–1645 гг.[31]. В 1689 г. в Хорошове нижегородский волхв коновал Дорофей Прокофьев «заговорными словами по ветру напущал» против Петра I[32]. Подобные случаи, как реальные, так и предполагаемые, происходили и в Московском Кремле[33]. Согласно представлениям людей XVII в., наличие у колдунов царских вещей принесло бы «успех» магическим действиям.

[22] Седов П. В. Указ. соч. С. 188–189.

[23] Зерцалов А. К. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. Сообщение действ. чл. А. Зерцалова. М.: Университет. тип., 1890. С. 98.

[24] Там же. С. 5.

[25] Седов П. В. Указ. соч. С. 368, 370.

[26] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 44285. Л. 1.

[27] Буганов В. И. Московские восстания конца XVII в. М.: Наука, 1969. С. 275.

[28] Топычканов А. В. Коломенские челобитчики в 1662 г.: к вопросу о практике подачи и рассмотрения челобитных грамот // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): к 80-летию чл.-кор. РАН В. И. Буганова: сб. ст. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М.: РОССПЭН, 2012. С. 233.

[29] Цит. по: Богоявленский С. К. Войско в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. М.: Образование, 1910. Вып. 4. С. 75.

[30] Алексей Михайлович, царь. Собрание писем царя Алексея Михайловича / изд. П. Бартенев. М.: тип. В. Готье, 1856. С. 23.

[31] Бахрушин С. В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: (научное наследие) / отв. ред. Б. В. Левшин. М.: Наука, 1987. С. 110.

[32] РГАДА. Ф. 210 (Прик. ст.). Стб. 1219. Л. 1–20.

[33] Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М.: Языки рус. культуры, 2001. Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. С. 413 и далее; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. С. 235–250, 254–277, 286–287; Новомбергский Н. Я. Слово и Дело Государевы. Т. 2: Материалы; Приложение. Колдовство в Московской Руси XVII-го столетия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 112–134. (Разд. паг.).

Различия в образе жизни сельского поселения и дворца привели к тому, что материальная культура основной части загородных резиденций оказалась чрезвычайно бедной[34]. По словам О. В. Таценко, «общий состав коллекции (собранной во время раскопок на территории Коломенского дворца. – *А. Т.*) характерен для городского и слободского набора предметов из слоев позднего Средневековья – Нового времени и не отражает "дворцовый" характер исследуемой территории, специфику построек, фундаменты которых открывались в процессе археологических раскопок»[35]. В статье 1993 г. Л. А. Беляев и Н. А. Кренке объяснили это скромностью царского быта «вне репрезентативной стороны жизни» и строгим учетом царских вещей и справедливо предположили, что периферия государева двора может дать гораздо больше материалов для изучения дворцовой жизни[36]. Изучение практики пребывания царского двора в загородных резиденциях позволяет иначе взглянуть на эту «аномалию».

Двухчастная модель царских загородных резиденций XVII в., противопоставлявшая друг другу дворец и сельское поселение, отличалась от трехчастной модели политического пространства, принятой в столице: государев двор – Кремль – Москва. Как выше отмечалось, статус городской и загородных резиденций был тождественен, но на практике царская семья вела «оседлый образ жизни» в Кремле и «кочевой» – в загородных резиденциях. Во-первых, это было вызвано требованиями безопасности. Во-вторых, противопоставление дворца и сельского поселения как зон «кочевого» и «оседлого» образа жизни способствовало дистанцированию верховной власти от подданных, особенно необходимому в условиях незавершенной дифференциации резиденции и сельского поселения[37]. Этот прием можно рассматривать в контексте законодательных опытов второй половины XVII в. по регламентации одежды и норм поведения придворного общества. Наконец, отказ от оседлости обеспечивал динамику использования политического капитала, который был сконцентрирован в Московском Кремле и умело воспроизводился там, где появлялся государь[38]. Навыки подобной организации политического пространства и привычка к кочевому образу жизни оказали неоценимую услугу Петру I, который не только легко путешествовал по России и Европе, но и был готов к более существенным переменам в окружавшей его культуре.

[34] См., например: Беляев Л. А., Кренке Н. А. Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича // Коломенское: материалы и исследования. М.: МГОМЗ, 1993. Вып. 4 / под общ. ред. В. Е. Суздалева. С. 72–114 (особенно: с. 84, 86–87); Беляев Л. А. Деревянный дворец конца XVII в. в Коломенском: опыт археологической локализации // РА. 2005. № 4. С. 176–188; Таценко О. В. Материалы археологических раскопок на месте дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском (в собрании фонда «Археология» МГОМЗ) // Коломенское: материалы и исследования. М.: МГОМЗ, 2011. Вып. 13 / под общ. ред. Л. П. Колесниковой. С. 227–231. Это пока подтверждается и археологическими наблюдениями на территории Измайловского острова, данные о которых отложились в архиве «Спецпроектреставрация».

[35] Таценко О. В. Указ. соч. С. 231.

[36] Беляев Л. А., Кренке Н. А. Указ. соч. С. 87.

[37] На протяжении XVII в. царские резиденции именовались по селам, в которых они находились.

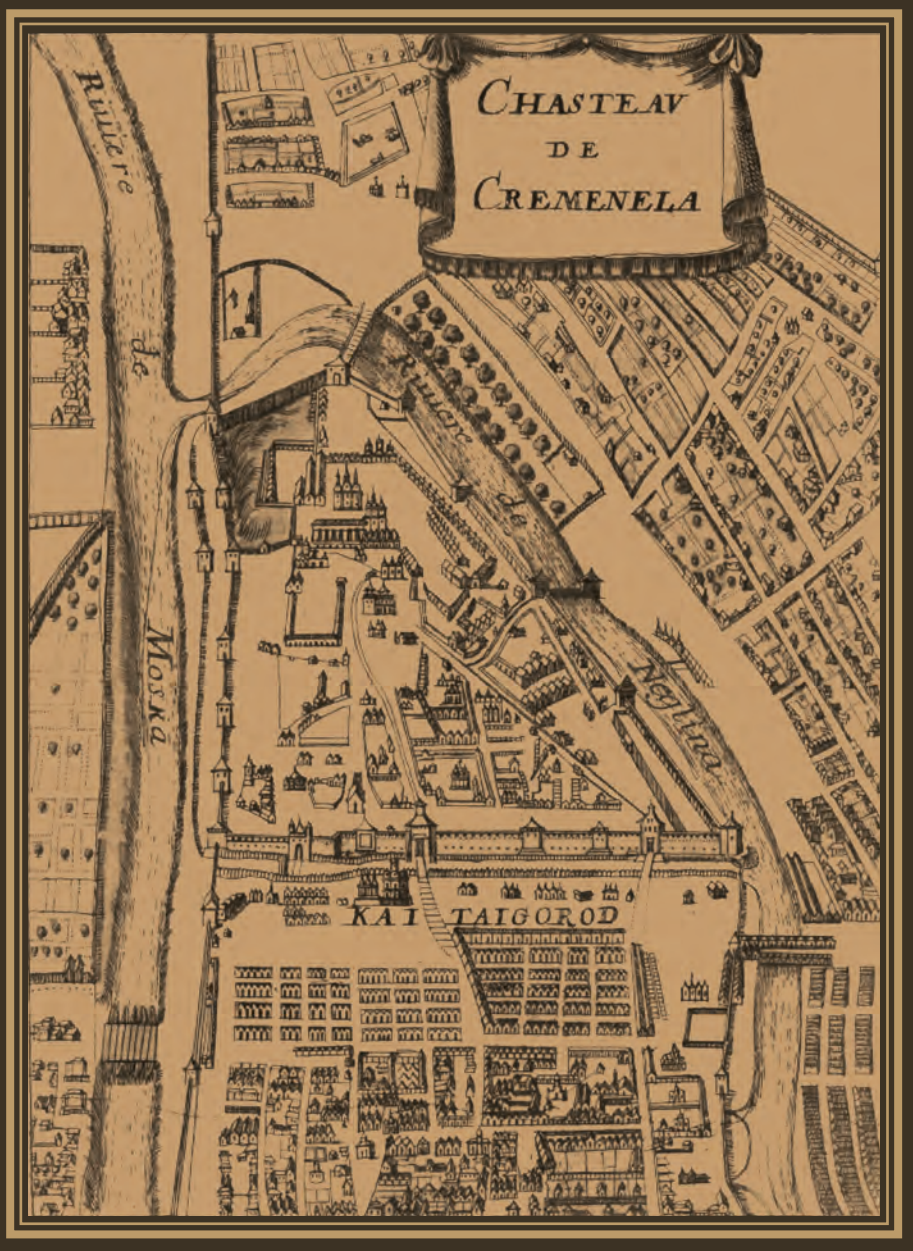
[38] О динамизме политической системы XVII в. см.: Карпец В. И. Верховная власть в России XVI–XVII вв. // Советское государство и право. 1985. № 9. С. 113.

A. V. Topychkanov

Political Space of Tsar's Residences in the 2nd Half of the 17th Century: Material Aspects

Key words: political space, tsar's residences of the 17th century, Kolomenskoye, Izmailovo, nomadism.

Abstract: The structure of political space of tsar's residences in the 2nd half of the 17th century complied with the system of access of persons belonged to different social groups. The 1649 Council Code (Sobornoye Ulozheniye) evened up the status of the tsar's town and country seats. The results of studying the material culture of the residents prove that in practice the tsar family had "sedentary life" in Kremlin and "nomadic" in the country seats. It was due to the norms of security (tsar things could be used for witchcraft and poisoning) and the necessity of distancing the supreme power from its subjects.


CHASTEAV
DE
CREMENELA
Riuiere de Moska
Riuiere de Neglina
KAI TAIGOROD

Часть IV

РУССКИЙ ГОРОД: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

А. П. Зыков, В. В. Трепавлов

Городище Искер – г. Сибир: памятник археологии и истории второй половины XIV–XVI в.

Городище Искер является остатками цитадели г. Сибир. Впервые этот татарский город под названием «Себур» фигурирует на итальянской карте братьев Пицигани (1367 г.)[1]. Позднее, уже обозначенный как «Сибир», он помещен на картах XVI в.: Антона Вида 1542 г. и Энтони Дженкинсона 1562 г.[2]. Остатки этого города представляют собой ценный источник по средневековой истории обширного региона на востоке России.

Ядро населения Сибирского юрта – северо-восточной провинции Золотой Орды, а затем Тюменского и Сибирского ханств XV–XVI вв. – составляли предки современных сибирских татар. Эти государства объединили тюркские и угорские племена юга Западной Сибири. Одно из названий их города «Сибир» дало имя ханству, его народу, а затем и всей стране к востоку от Уральских гор.

Сибирская окраина Золотой Орды обособилась в первой половине XV в. В эпоху единства Золотой Орды ее сибирские провинции управлялись Шибанидами – потомками Шибана, внука Чингис-хана. Резиденция шибанидского наместника располагалась в Тюмени. Во время распада Орды, в начале XV в., этот род сохранил наследственные права и обзавелся ханским рангом. В последней четверти XV в. ханом стал Шибанид Ибак (Саид-Ибрагим). Свою ставку он учредил в той же Тюмени. Образовалось Тюменское ханство, включавшее кочевья по Иртышу, Ишиму, Тоболу, Туре. О его предыстории сохранилось очень мало данных. Русские летописи и местные предания содержат легендарные сведения, пестрят ошибками и противоречиями. Относительно достоверная информация появляется лишь к концу XV в.

Около 1495 г. местная знать из рода Тайбугидов тюркского племени буркут свергла Ибака. Победитель, бек Мамед, перенес столицу в городок Сибир на Иртыше. С тех пор и до начала 1560-х гг. Сибирский юрт находился под управлением «княжеской» династии Тайбугидов. Большинство Шибанидов бежали в Среднюю Азию.

В историографии пока не сложилось единого мнения относительно взаимного соотношения Тюменского и Сибирского ханств, которые сформировались в пределах Сибирского юрта. Одни историки считают их двумя разными политическими образованиями, другие видят в их существовании простое переименование государства в связи с переносом его столицы из Тюмени в Сибир.

В конце XV в. началось постепенное продвижение России за Урал. Воеводы водили отряды «за Камень», обложили данью некоторые угорские владения и заставили их признать вассальную зависимость от московского царя. У занятых распрями татарских правителей не оказалось ни сил, ни возможностей противостоять этому. Русское государство вплотную приблизилось к сибирским границам, и Тайбугиды не осмеливались конфликтовать с новым соседом. Впрочем, им самим вскоре понадобилась помощь Москвы.

Шибанидская эмиграция в Бухарском ханстве вынашивала планы реванша, свержения тайбугидских беков. Сын хана Ибака Муртаза, вероятно, закончил свои дни в среднеазиатском уделе, но дети Муртазы Ахмед-Гирей и Кучум в середине XVI в. начали борьбу за восстановление власти своей династии в Сибири, опираясь на поддержку Ногайской Орды и бухарского хана Абдуллы II – главы огромного клана Шибанидов. Начались их набеги на прииртышские городки и кочевья. Это побудило тогдашних тайбугидских беков – соправителей

[1] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. С. 128, 131.

[2] Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М.: Наука, 1974. С. 22, 68, рис. 2, 3, 5, 6, 17; Очерки истории Югры. Екатеринбург: Волот, 2000. С. 98.

Ядгара и Бек-Пулада – вступить в вассальные, данические отношения с Москвой. В 1557 г., в соответствии с положением старшего государя, как это было некогда принято в Золотой Орде, русский царь выдал Ядгару и Бек-Пуладу ярлык на «княжение» (бекство) и назначил в их юрт своего наместника – даругу. Иван IV повелел считать сибирцев своими данниками и обещал им подмогу против враждебных царевичей.

Но до практической помощи дело не дошло: Россия вступила в долгую и разорительную Ливонскую войну, и царю стало не до защиты далеких Тайбугидов. В этой обстановке в 1563 г. шибанидские царевичи, очевидно, при помощи узбекских и ногайских войск захватили стольный город Сибир и подавили сопротивление татарской, остяцкой и вогульской знати. Беки-соправители были убиты. Кучум завоевал угорские племена по Иртышу и Конде, кочевников-тюрков в Барабинской степи и объявил себя ханом сибирским и тюменским.

Сначала он был занят внутригосударственными делами, поэтому подтвердил обязательства по выплате дани Ивану IV «по старине». Московский царь направил в Сибирь своего даругу с новым ярлыком («с своею жалованною грамотою»). Очевидно, было заключено соглашение (шерть) о сохранении прежней зависимости ханства от Москвы. Однако позднее, обеспокоенный продвижением России на восток, Кучум разорвал отношения. Сибирцы стали нападать на русские владения в Приуралье и Башкирии.

В октябре 1582 г. Кучум был разбит казачьим отрядом Ермака. Город Сибир был занят казаками, а хан бежал. Этот разгром имел фатальные последствия для сибирско-татарского государства, и без того непрочного. Начался его стремительный распад. Большинство угорских княжеств почти сразу подчинились Ермаку и затем, соответственно, московскому царю. Исключения были единичны, в частности, подавить сопротивление пелымского вогульского князя Аблегирима русским воеводам удалось только в 1593 г. Бухарский хан Абдулла, занятый завоеванием Хорезма, не смог помочь своему вассалу в борьбе с пришельцами. Кучуму иногда удавалось объединять под своим началом население некоторых восточных и южных улусов бывшего ханства. Он нападал на русских, пытался завязать сражения с атаманами и воеводами, но каждый раз терпел неудачу и укрывался в степях. У него оставалось всё меньше сторонников. От Кучума отложилось большинство его подданных, в том числе его главный советник и военачальник карачи-бек Кадыр-Али Джалаир, который начал самостоятельную, отдельную от «кучумлян» антирусскую войну.

Узнав о разгроме ненавистного Шибанида, в борьбу за власть в Сибири вступил прибывший из бухарских владений тайбугидский бек Саид-Ахмед, сын Бек-Пулата, уцелевший при перевороте 1563 г. Начался короткий, но бурный период политического хаоса.

Кучум сумел заманить Ермака в засаду и убить. Русские удерживали цитадель г. Сибир более двух с половиной лет, до конца весны – начала лета 1585 г. (пока вода не вскрылась, то есть не закончился ледоход). Они выдержали долгую осаду войск Кадыр-Алибека в 1584 г. и голодную зиму 1584–1585 г., во время которой от голода и болезней погибла большая часть ермаковых казаков и стрельцов князя-воеводы Семена Болховского. После этого поредевшие, обессиленные русские отряды покинули Сибир.

Город был ненадолго занят отрядом «кучумлян» во главе со старшим сыном хана царевичем Али. Но вскоре к городу подошли войска объединенной антикучумовской оппозиции: Саид-Ахмеда, Кадыр-Али и присоединившегося к ним казахского царевича Ураз-Мухаммеда. Отряды этого триумвирата взяли штурмом и сожгли цитадель города. Возможно, победители пытались наладить мирные союзнические отношения с русскими. Во всяком случае, они никак не препятствовали строительству Тюмени в 1586 г. и Тобольска в 1587 г. Во время переговоров в Тобольске летом 1588 г. все трое сановников были пленены стрельцами, их военный отряд рассеян в коротком бою под тобольскими стенами. А Сибир около 1588 г. был сожжен и окончательно запустел.

Таково краткое изложение истории г. Сибир в том виде, как ее можно реконструировать по комплексу письменных источников. Но имеется еще один вид источников – археологические.

Столица Сибирского ханства Сибир была построена на высоком обрывистом берегу Иртыша. Сейчас развалины Сибира находятся в 16 км от Тобольска (рис. 1: 1). За четыре столетия, минувших со времени оставления Сибира жителями, от него осталась только небольшая часть. Это городище Искер – остатки городской цитадели.

Предполагается, что до прихода Ермака в ней постоянно жили только ханский двор, гарнизон, немногочисленные торговцы и ремесленники. Обстоятельства возникновения Сибира совершенно неизвестны. Один из вариантов расшифровки его названия – «иски ер» (старое, прежнее место), что может свидетельствовать о давнем заселении татарами этого участка иртышского берега.

Интерес к Искеру как археологическому памятнику впервые стал предметным с 1703 г., когда С. У. Ремезов снял первый его топографический план[3]. С тех пор за более чем 300 лет только извест-

[3] Белич И. В. Чертеж «Кучумово городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова: к 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 141–155, рис. 1–3.

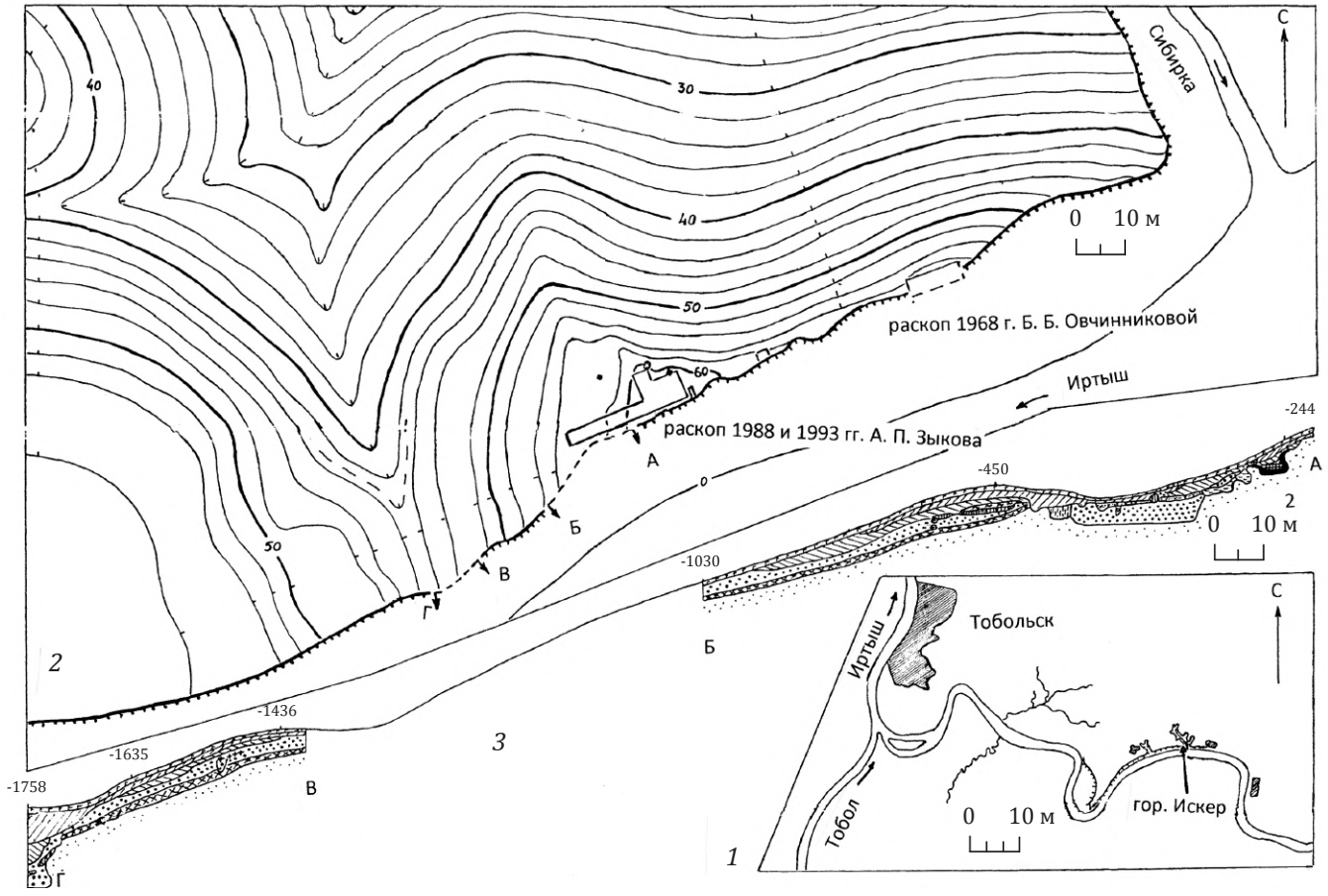


Рис. 1. Городище Искер по состоянию на 1988–1993 гг.: 1 – ситуационная схема расположения городища Искер; 2 – топографический план городища Искер 1988 и 1993 гг.; 3 – профиль зачистки обрыва берега р. Иртыш

ных нам топографических планов было снято еще не менее шести (рис. 1: 2), сделано более десятка подробных описаний городища. Но все они лишь позволяли отследить неумолимое сокращение площади памятника вследствие разрушения берега водами Иртыша: его разливы ежегодно подмывают обрыв, и остатки города осыпаются в реку. Для получения хоть какой-то информации об этом памятнике были необходимы его раскопки.

Первые раскопки городища Искер предпринял в 80-х гг. XIX в. Михаил Степанович Знаменский по разрешению генерал-губернатора Западной Сибири генерал-адъютанта Н. Г. Казнакова. Эти раскопки нельзя назвать научными, они были любительскими и преследовали только одну цель – сбор находок из раскопов на городище и около него, сбор их на иртышском пляже под обрывом и скупка у местного населения. В результате у Знаменского образовалась огромная ценная коллекция искерских археологических находок. Из-за абсурдных действий администрации только что созданного Тобольского губернского музея и покровительствовавшего ему тобольского гражданского губернатора В. А. Тройницкого вплоть до смерти М. С. Знаменского в 1892 г. ничего из его коллекции в музей так и не попало. А в 1897 г. наследники и родственники Знаменского продали эту коллекцию в Финляндский национальный музей г. Гельсингфорса. Здесь коллекция М. С. Знаменского пролежала почти 20 лет, никому не известная. Потеряв всякую надежду заполучить искерскую коллекцию Знаменского, администрация Тобольского музея стала наполнять фонды за счет сборов местных краеведов. Эти сборы 90-х гг. XIX в. – первого десятилетия XX в. тоже не отнесешь к научным.

Следующий этап изучения Искера целиком связан с приходом в Тобольский музей Василия Николаевича Пигнатти. Он быстро понял значение для истории Сибири такого уникального археологического памятника, как городище Искер. Он ничего не знал о судьбе коллекции Знаменского, но В. Н. Пигнатти, юрист по роду основной деятельности, понял необходимость легализовать искерскую коллекцию, полученную в результате больших незаконных музейных сборов,

через проведение официальных раскопок по Открытому листу Императорской археологической комиссии. Такие раскопки он провел в 1915 г., опубликовав затем большую статью в «Ежегоднике Тобольского губернского музея»[4]. Она до сих пор остается самой заметной публикацией на русском языке по городищу Искер. И всё же признать раскопки В. Н. Пигнатти действительно научными, а его статью полностью безупречной – невозможно. Василий Николаевич не был археологом-полевиком, планов и профилей раскопов он не вычерчивал, подробных описаний не составлял. Единственной задачей, которую он с блеском выполнил, был сбор находок.

Очевидно, статья В. Н. Пигнатти заставила тогдашних финских ученых срочно закончить составление каталога коллекции М. С. Знаменского. Этим и занялся молодой археолог, ученик А. Гейкеля, Аарне Михаэль Тальгрен. Вместе со вступительной статьей этот каталог был подготовлен к публикации на французском языке в виде отдельной большой статьи, но только в 1917 г., когда события ни в России, ни в Финляндии не способствовали научно-издательской деятельности. Издана статья А. М. Тальгрена «Cataloguede de la collection de M. Znamenski» была только в 1922 г. в выпуске XXIX журнала «Suomen Muinais muistoyhdistyksen Aikahauskirja»[5]. Несколько экземпляров журнала дошло до России – и даже до Тобольска, где он стал библиографической редкостью. Нам удалось получить его экземпляр лишь в конце ноября 2013 г. Но еще ранее мы смогли прочитать рукописный перевод статьи А. М. Тальгрена, сделанный в 1922 г. во внутренней тюрьме Тобольской ЧК и доныне хранящийся в архиве Тобольского музея. Очевидно, мы были первыми историками, которых заинтересовала эта рукопись. Сейчас она подготовлена к печати.

Городище Искер неумолимо разрушалось водами Иртыша, и, казалось, о памятнике забыли на долгие 50 лет. Только в 1968 г. Б. Б. Овчинникова провела по Открытому листу Института археологии АН СССР небольшие раскопки и составила первый научный отчет, сдав его в Отдел полевых исследований Института археологии.

По-настоящему результативные научные археологические раскопки городища Искер вел А. П. Зыков в 1988 и 1993 гг., изучив 117 кв. м площади западной части памятника и зачистив 36 м профиля – все доступные участки обрывов берега Иртыша (рис. 1: 2, 3). Выявлены были культурные слои и объекты шести последовательных строительных горизонтов (рис. 2: 3), которые позволяют объективно проследить всю археологическую историю памятника от его основания в XIV–XV вв. (оборонительный ров 1 с. г.) до окончательной гибели в самом конце XVI в. (объекты и слои последнего 6 с. г., около 1585–1588 гг.). В раскопах и сборах 1988 и 1993 гг. не было выявлено ни одного слоя, объекта или находки, которые можно уверенно отнести к раннесредневековой («дотатарской») эпохе.

Позднее тобольский археолог А. А. Адамов изучил культурный слой на склонах и в основании отростка лога речки Сибирки[6]. При этом выяснилось, что строительство оборонительных рвов городища Искер по дну отростка лога шло в два этапа. На первом вдоль северо-восточного склона был выкопан широкий и глубокий ров, который позднее засыпали материковым суглинком. На втором по дну лога было выкопано два рва шириной 6,5 и более 2,5 м, глубиной соответственно 3,8 и 2,3 м. Между рвами второго этапа прослеживалась ровная площадка шириной до 5 м. На возвышенных ровных террасах обоих склонов лога и на площадке между рвами фиксировались остатки оснований деревянных заграждений – рогаток, относящихся также ко второму этапу[7].

К сожалению, информация о результатах раскопок А. А. Адамова содержится лишь в небольшой статье, и до появления более полной публикации невозможно уверенно соотнести этапы сооружения рвов со строительными горизонтами раскопов и зачистками А. П. Зыкова. Всё же рискнем предположить, что ров 1 этапа может соотноситься со 2–4 с. г., а комплекс из двух рвов и основой рогаток 2 этапа А. А. Адамова – с 5 с. г. А. П. Зыкова.

За последние годы начиная с 2011 г. мы смогли обработать весь доступный нам комплекс археологических находок городища Искер. Прежде всего, это коллекция раскопов и сборов 80-х гг. XIX в. М. С. Знаменского. В фондах Тобольского музея сохранился его незаконченный и неизданный художественный альбом «Путешествие по историческим окрестностям города Тобольска». Электронная копия этого альбома стала одной из наиболее ценных частей нашего исследования. А полное описание каталога коллекции М. С. Знаменского нам известно по статье А. М. Тальгрена и ее переводу.

В фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника нами были зарисованы, сфотографированы и описаны все доступные вещи из сборов тобольских краеведов 90-х гг. XIX – первого десятилетия XX в., раскопок 1915 г. В. Н. Пигнатти,

[4] Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник губернского Тобольского музея. Тобольск, 1915. Вып. XXV. С. 1–36, табл. I–VI.

[5] Tallgren A. M. Catalogue de la collection de M. Znamenski: Antiquites de la Siberie Occidentale conservées an Musèe National de Finlande // Suomen Muinais Muistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinfors, 1922. XXIX. P. 2–29, pl. I–VI.

[6] Раскоп № 1 2007 г. (площадь 24 кв. м); раскопы № 3 и № 4 2008 г. (площадь 24 и 60 кв. м соответственно).

[7] Адамов А. А. Археологические исследования 2007–2008 гг. на городище Искер // Историческая судьба Искера: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Историческая судьба Искера» (7–8 июня 2013 г., Тобольск). Тобольск: Принт-экспресс, 2013. С. 40–42, рис. 1, 3.

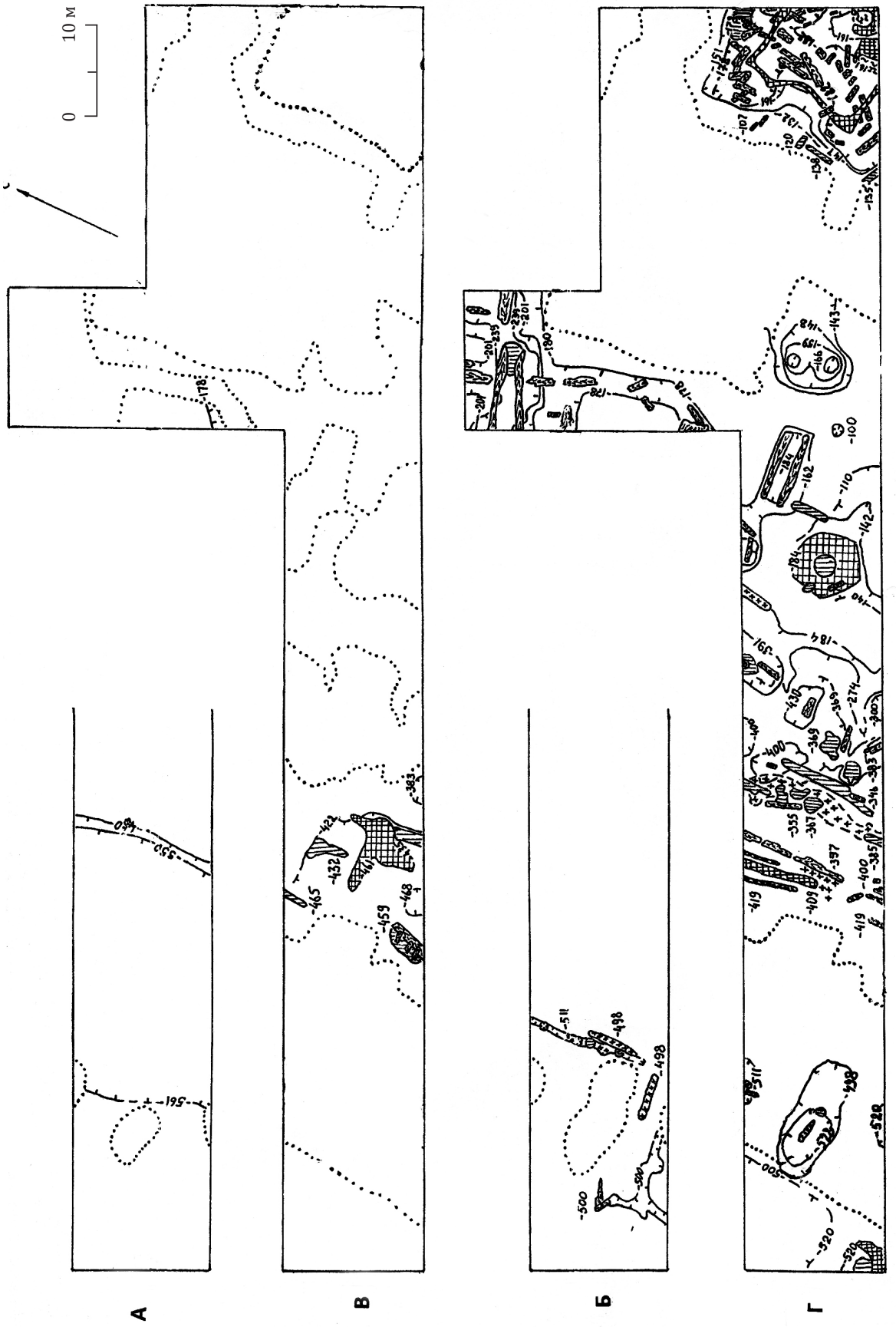


Рис. 2. План раскопа городища Искер 1988 и 1993 гг.:
А – фиксации остатков 1 с.г.; Б – фиксация остатков 2 с.г.; В – фиксация остатков 3 и 4 с.г.; Г – фиксация остатков 5 с.г.

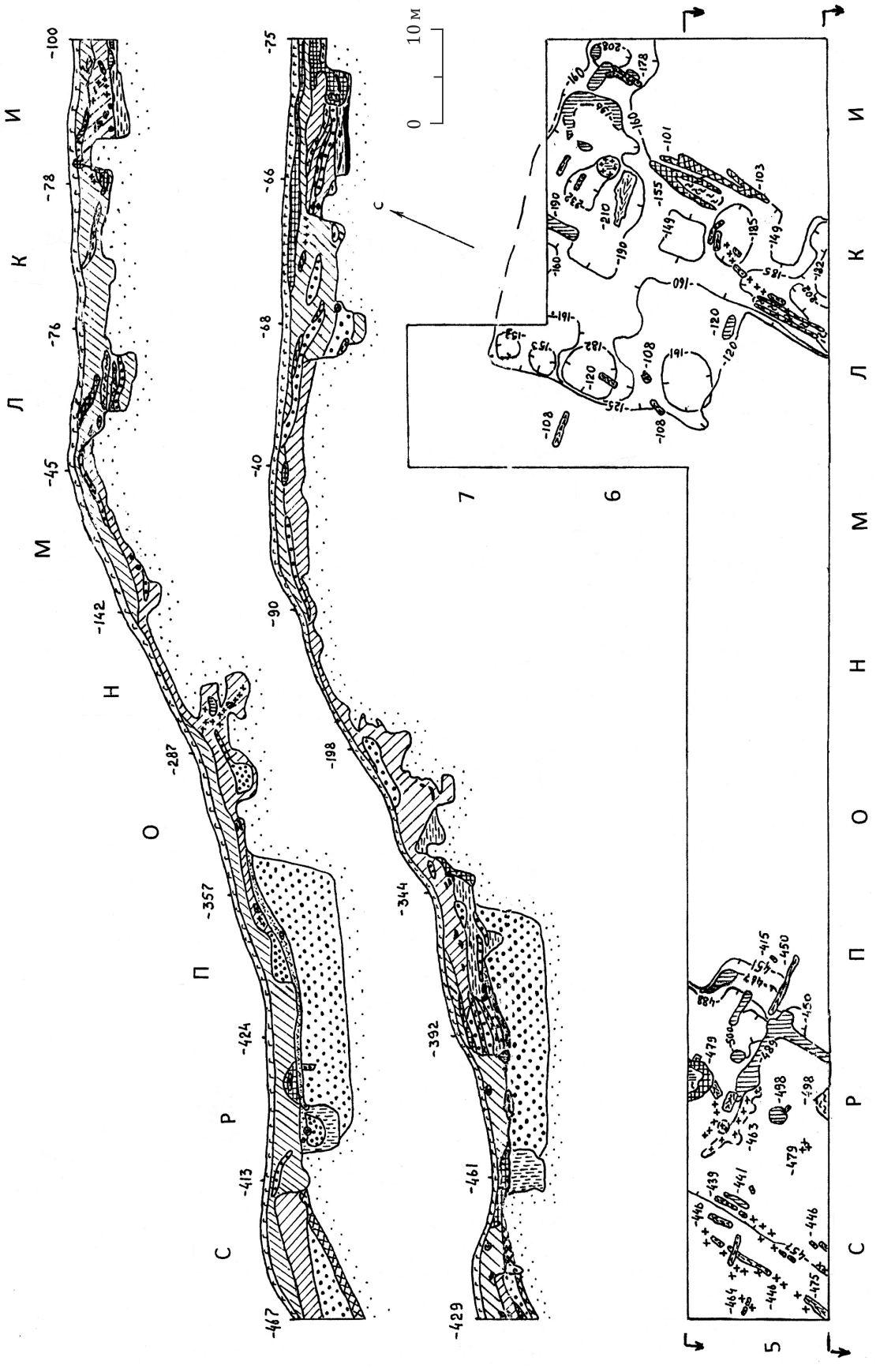


Рис. 3. План раскопа городища Искер 1988 и 1993 гг. с фиксацией остатков 6 с. г. и профили раскопа

1988 и 1993 гг. А. П. Зыкова, сборов 1983 или 1984 гг. В. И. Быкова, 1998 г. А. Е. Цеменкова и 2006 г. П. Г. Данилова. Безусловно, нам была известна и небольшая коллекция раскопок 1968 г. Б. Б. Овчинниковой из археологических фондов УрГУ (ныне УрФУ).

Важнейшее значение, кроме этих весьма выразительных археологических находок, имеют результаты раскопок городища Искер 1988 и 1993 гг. А. П. Зыкова и 2007–2008 гг. А. А. Адамова. Они позволили воссоздать археологическую картину истории памятника, уточнив и дополнив то, что о г. Сибир было известно по письменным источникам.

Из сборов М. С. Знаменского 80-х гг. XIX в., С. В. Герцига 1894 г. и А. К. Шапошникова 1896 г. известно несколько бронзовых деталей раннесредневековой поясной гарнитуры (наконечник ремня, две поясные прорезные накладки). Этим находкам соответствует один фрагмент керамики ранней группы VIII в. кучиминского этапа нижнеобской культуры[8] и два керамических рюмковидных тигля из раскопок В. Н. Пигнатти 1915 г. Это определенно может свидетельствовать о существовании на месте Искера раннесредневекового археологического памятника.

Само татарское позднесредневековое городище Искер возникло не позднее второй половины XIV – начала XV в. На это указывают находки железных ключей типа В: не менее двух экземпляров в коллекции М. С. Знаменского, по одному в сборах С. В. Герцига и в раскопе В. Н. Пигнатти. В более поздний период замки и ключи этого типа уже не встречаются. В то же время в материалах Искера нет ключей типа Б, доживающих до первой половины XIV в.[9]. Такая датировка соответствует первому упоминанию г. Себур на итальянской карте братьев Пицигани 1367 г. Следовательно, памятник возник как северная иртышская крепость золотордынской эпохи.

Городище Искер жило недолго, чуть более двух столетий, но это была бурная жизнь. Лишь сооружения 1 с. г. (засыпанный оборонительный ров) исчезли в ходе обычной перестройки фортификаций. Все более поздние постройки (2–6 с. г.) погибали в пламени сильных пожаров. С конца XV в. Искер стал местом жительства правителей Сибирского юрта: в 1495–1563 и в 1585–1588 гг. беков Тайбугина рода, в 1563–1582 и 1585 гг. ханов Шибанидов. Ожесточенная непримиримая тайбугидско-шибанидская борьба за контроль над г. Сибир проходит через все последнее столетие его истории и отразилась в археологии городища Искер.

На этом фоне два с половиной года, когда г. Сибир владел русский отряд (казаки атамана Ермака Тимофеевича и стрельцы воеводы князя Семена Болховского), – лишь краткий эпизод. Но этот эпизод оставил яркий след и в письменных источниках, и в археологических коллекциях Искера. Здесь найдены серебряные монеты чеканки царя Ивана IV, медный знак («мишень») с кольчуги князя П. И. Шуйского, обломки и принадлежности ручного огнестрельного оружия, другие бесспорно русские вещи конца XVI в. Интересна в этом контексте и находка костей свиньи на мусульманском поселении.

Было ли городище Искер остатками позднесредневекового татарского города Сибир? Вне всяких сомнений – да. В период расцвета при Кучум-хане это мощная крепость, защищенная с наиболее уязвимой западной стороны двойной линией деревянных срубных стен с башнями и широким оборонительным рвом. С остальных сторон она была неуязвима благодаря крутым обрывистым склонам берегов рек Иртыша и Сибирки (высота более 50 м), но и здесь ее защищала срубная стена, хотя и не столь толстая. Площадь крепости в конце XVI в. составляла около 2,2 га и была почти равна площади «Царева городища» – ханской цитадели другой более ранней татарской столицы Тюмени (Чимги-Туры). Крепость вполне отвечала статусу правителей Сибирского юрта. Вся совокупность археологического материала убедительно доказывает, что это был город с очень развитым ремеслом (кузнечное и бронзолитейное производство, ювелирное дело, прядение и ткачество, кожевенное дело, обработка кости и дерева).

Город был важнейшим звеном в торговле мехами на пути, связывавшем север Западной Сибири с остальным миром, прежде всего с городами Средней и Центральной Азии. Пищевой базой для многочисленного населения служила рационально сбалансированная экономика – высокоразвитое скотоводство с включением не только заметной доли рыболовства и охоты (что вполне объяснимо географически), но и (это уже совершенно удивительно) пашенного зернового земледелия. Последнее появилось независимо от русских, до прихода их отрядов в г. Сибир. Татары Сибирского юрта были первооткрывателями в становлении земледелия в Западной Сибири[10].

Наконец, нельзя забывать, что г. Сибир всегда включал не только цитадель, но и посад, располагавшийся на месте обширных полей к западу и востоку от городища Искер, между реками Иртыш и Сибирка. Раз цитадель неоднократно уничтожалась в XV–XVI вв., то столь же часто сгорали и постройки

[8] Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. С. 81–82, рис. 49.

[9] Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. № 65. С. 80–82, 86, рис. 70; Его же. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 160–161, рис. 3; Хорошев А. С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 14–16, табл. 5, 6.

[10] Зыков А. П. Земледелие сибирских татар в эпоху позднего Средневековья (конец XIV – XVI вв.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 137–144.

посада – при любом вражеском нападении он всегда был первой жертвой. Но до сих пор поляны, оставшиеся на его месте, археологически почти не изучались. В XIX – начале XX в. здесь, в 200 м к западу от городища Искер, находилась д. Алемасово с окружающими ее посевными угодьями. Во время археологических работ 1915 г. В. Н. Пигнатти исследовал «часть площади полей деревни Алемасово (сопка № 6)». В березовом колке у обрыва Иртыша восточнее деревни был исследован курганный могильник, состоявший из невысоких округлых насыпей диаметром от 11 до 18,5 м. Каждая из них содержала от одного до пяти–шести безынвентарных захоронений «с вытянутыми ногами, с лицом, обращенным на восток». Ни в погребениях, ни в курганных насыпях «никаких вещей или костей животных обнаружено не было. Все погребения оказались ограбленными, ибо кости скелета всегда были перемешаны и часто разбросаны. Пробные прокопы – ямами на межах полей дали черепки глиняной посуды без узоров, остатки животных, точильные камни и каменные бусы. Раскопки на полях пришлось оставить в виду … протеста крестьян»[11].

Во второй половине XX в. д. Алемасово уже не было, все пространство здесь занимали огромные распаханные колхозные поля. В 1983 или 1984 гг. в 100 м западнее отростка сибирского лога (между городищем Искер и местом расположения бывшей д. Алемасово) местный житель В. И. Быков случайно нашел на пашне массивный железный наконечник копья с длинной полосой для более прочного крепления к древку и защиты его от ударов рубящего оружия. В 2011 г. находка попала в фонды Тобольского музея. Это типичное оружие пехоты XV–XVII вв., несущее следы боевых повреждений. Очевидно, они были получены, когда пехотинец-пикинер, упиравший тыльную часть древка в землю, принял на острие копья мощный удар корпуса атакующего коня. Перо наконечника слегка деформировалось и согнулось, а деревянное древко вместе с железной полосой переломилось под прямым углом в самом уязвимом месте (отверстие для заклепки крепления). Эта находка указывает, что на участке, отделяющем цитадель от западного посада г. Сибир, происходили боевые столкновения его защитников с атаковавшей вражеской конницей.

Закончим обзор результатами поисков остатков посада г. Сибир на левом берегу речки Сибирки близ ее устья, на узком мысу, образованном обрывом Иртыша и логом речки (2007 г., А. А. Адамов). Здесь был заложен раскоп площадью 39 кв. м. Правда, исследователь видел в современном рельефе остатки искерской астаны, а они оказались контуром ровика скотомогильника конца XIX – первой половины XX в. с. Преображенского. Но под этим поздним слоем открылся культурный слой поселения с такими же находками, как на городище Искер[12]. Эти исследования показали перспективность поиска восточной части посада г. Сибир.

Тогда же А. А. Адамов заложил раскоп № 2 (площадь 24 кв. м) в 25 м западнее отростка лога речки Сибирки и на 25 м севернее иртышского обрыва. Задачей были поиски могильника, исследованного В. Н. Пигнатти в 1915 г. Но ни следов могильника, ни культурного слоя или находок селища в раскопе не оказалось. Лишь в почвенных верхних слоях были «немногочисленные фрагменты керамики, сделанной на гончарном круге и относящейся к XX в.»[13]. А. А. Адамов мог бы этого ожидать, прочитав статью В. Н. Пигнатти более внимательно: в ней сказано, что ни в погребениях, ни в насыпях курганов находок и костей животных не обнаружено. Поиск же остатков распаханного курганного могильника раскопом такой малой площади не мог быть удачным. Культурные слои с находками посадской части г. Сибир следует искать гораздо дальше на запад и северо-запад. Очевидно, это будет задачей будущих поколений российских археологов.

[11] Пигнатти В. Н. Указ. соч. С. 1–42.

[12] Адамов А. А. Указ. соч. С. 39–40, рис. 2.

[13] Там же. С. 41.

A. P. Zykov, V. V. Trepavlov

Site of Ancient Settlement of Isker Town in Siberia: Archaeological and Historical Site of the 2nd Half of the 14th – 16th Centuries.

Key words: Siberian Khanate, capital city, Kuchum, Ermak, site of ancient settlement of Isker, excavation, collections.

Abstract: Town Sibir and its citadel, the remains of which is the site of ancient settlement of Isker, are valuable sites of history and archaeology of the late Middle Ages in Western Siberia. The collection of all currently available data has been finished, and it is being thoroughly processed. The authors hope that they will be able to finish in a short time the preparation of the collective monograph under the conditional name "Town Sibir – Isker".

Б. Е. Янишевский

Борисов городок: археологические материалы

Борисов городок – яркий, но отчасти забытый историографией памятник русской архитектуры, ландшафтного искусства и «престижной фортификации» конца XVI – первой половины XVII в. Впервые городок («замок») упомянут в дневнике посольства Л. Сапеги в Москву в 1600 г. и назван «Бароновым городищем» (испорченное «Бараново»)[1], а затем в описании путешествия С. Какаша и Г. Тектандера в 1602 г.[2]. В 1778 г. крепость и церковь осмотрел академик Г. Ф. Миллер[3]. Только через полтора столетия, в 1947 г., П. А. Рапопорт[4] изучил городище и фундаменты церкви, а также собрал письменные и изобразительные документы, касающиеся городка. Археологические раскопки на памятнике впервые проведены под руководством автора в 2009 г.

Городище Борисовское (так называется памятник в паспорте объекта культурного наследия) расположено на восточной окраине с. Борисово Можайского района Московской области, в 10 км южнее г. Можайска, на левом берегу р. Протвы (левого притока р. Оки). Сейчас памятник представляет собой округлый холм, размерами 35×43 м, отделенный рвом от коренного берега. Поверхность холма имеет уклон к востоку – к реке – и покрыта травой.

Борисов городок – многослойное поселение. Комплекс эпохи царя Бориса был построен на месте городища I–IV и VI–VII вв. н. э. (материалы этого времени сохранились только в переотложенном состоянии), а также крепости XII–XIV вв. (слой этого времени, в том числе и остатки укреплений, сохранились в нижней части культурных наслоений)[5].

Комплекс документов, включающий подробные описания и несколько планов Борисова городка, довольно велик (большая их часть приведена в статьях П. А. Раппопорта[6]). Это связано с тем, что после Смутного времени Можайск и Борисов городок оказались практически на границе государства, где проводилась инвентаризация пограничных крепостей и их ремонт. Все описания относятся ко времени после 1620 г., а планы – ко времени после 1650 г., так что в сравнении с большинством памятников рубежа XVI–XVII вв. городище можно считать хорошо обеспеченным традиционными источниками.

Строить резиденцию начали в конце 1590-х гг. в с. Борисове, центре большой вотчины, куда входили окрестные деревни и села с «говорящими» названиями Бараново, Коровино, Цыплино, Судаково и др., а также село Годуново. Мы не знаем всех деталей проекта, но можем предполагать, что, кроме построенной на городище стены и церкви, в крепости должны были построить дворец и мост через овраг к церкви (ворота располагались как раз напротив храма). Мост из дерева, действительно, появится, но только после 1630 г. (в описи этого года его еще нет[7]).

Кроме архитектурных сооружений, были построены дамбы на р. Протве – одна из них, длиной около 800 м, отделяющая часть поймы реки, сохранилась до сих пор. Эта дамба образовала восточный

[1] Пельгржимовский-Пелеш И. Дневник посольства гетмана Льва Сапеги в Москву в 1600 г. // Иностранцы о древней Москве. М.: Столица, 1991. С. 183.

[2] Тектандер Г., фон дер Ябель. Краткое, но обстоятельное и правдивое описание путешествия в Персию... // ЧОИДР. 1896. Кн. 2. III. С. 13.

[3] Миллер Г. Ф. Описание городов Московской провинции. [Поездка в Можайск] // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: избранное. М.: Наука, 1996. С. 273.

[4] Раппопорт П. А. Годуновская церковь в Борисове городке // КСИИМК. М., 1947. № 18. С. 66; Его же. Русское шатровое зодчество конца XVI века // Материалы и исследования по археологии Москвы. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. Т. 2. С. 272. (МИА; № 12); Его же. Борисов городок // Там же. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 3. С. 59–76. (МИА; № 44).

[5] Янишевский Б. Е. Раскопки на Борисовом городке в 2009 году // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 8. С. 229–245.

[6] См. выше, примеч. 4.

[7] РГАДА. Ф. (Разрядный приказ, Московский стол). Стб. № 40. Л. 375.

Рис. 1. Современный вид Борисова городка с севера (от места Борисоглебской церкви). До раскопок 2009 г.

берег пруда, а западный берег подходил к самому подножью городка. Вероятно, предполагалось както укрепить восточный склон холма, но этого так и не сделали. Пруд был наполнен, по-видимому, к 1604 г. – в этом году Борис Годунов посетил Борисов городок[8]. Из-за того, что склон холма городка к пруду не был укреплен, восточная стена городка в 1680-х гг. обвалилась[9].

Городок отделялся от коренного берега рвом (возможно, ров был лишь углублен, а вырыт еще при строительстве крепости в XII–XIV вв.[10]). Интересно, что как при строительстве древнерусской крепости, так и при строительстве Борисова городка в конце XVI в. культурный слой предыдущего времени переместили на склоны городища, увеличив, таким образом, размер площадки. Получилось, что стена конца XVI – начала XVII в. стоит на искусственной подсыпке, спускающейся на дно оврага (прием, очень похожий

[8] «Ниже городка сажень со 150 на реке на Поротве – плотина по мере в длину 443 саж., поперег плотины по верху местами по 5, по 6 и по 7, н по 8 саж., от меры 17 саж. в вышину плотина местами ж по сажени и пол 2, и по 2 с четью, и по пол 3, и по 3 саж. А по скаске старожильцов та плотина строена при царе Борисе Федоровиче и устроена была мельница, о четырех жерновах, а по плотине построены были дворы мастеровых людей сапожников, кузнецов и портных мастеров, дворов со 100, и почины и погребы на той плотине и ныне знать... За рекою ж против города в пруде остров в длину 44 саж., а поперег 30 саж., в вышину 4 аршина, от реки 23 сажени, от плотины 97 саж. А по скаске борисовских казаков на том месте при царе Борисе Федоровиче бывали потешные чердаки и ездили к ним в лотках...» (Там же. Ф. (Разрядный приказ, Белгородский стол). Стб. № 770, III. Л. 219–228).

[9] Там же. Ф. (Разрядный приказ, Приказный стол). Стб. № 898. Л. 2.

[10] В желто-белом песке, покрывающем культурный слой XII–XIV вв. черного цвета, попадаются отдельные фрагменты керамики VI–VII вв. н. э., в том числе с ребром и лощением. Предположительно, песок был взят из углубленного рва и его склонов, где, по-видимому, располагалось селище второй – третьей четверти I тысячелетия н. э.

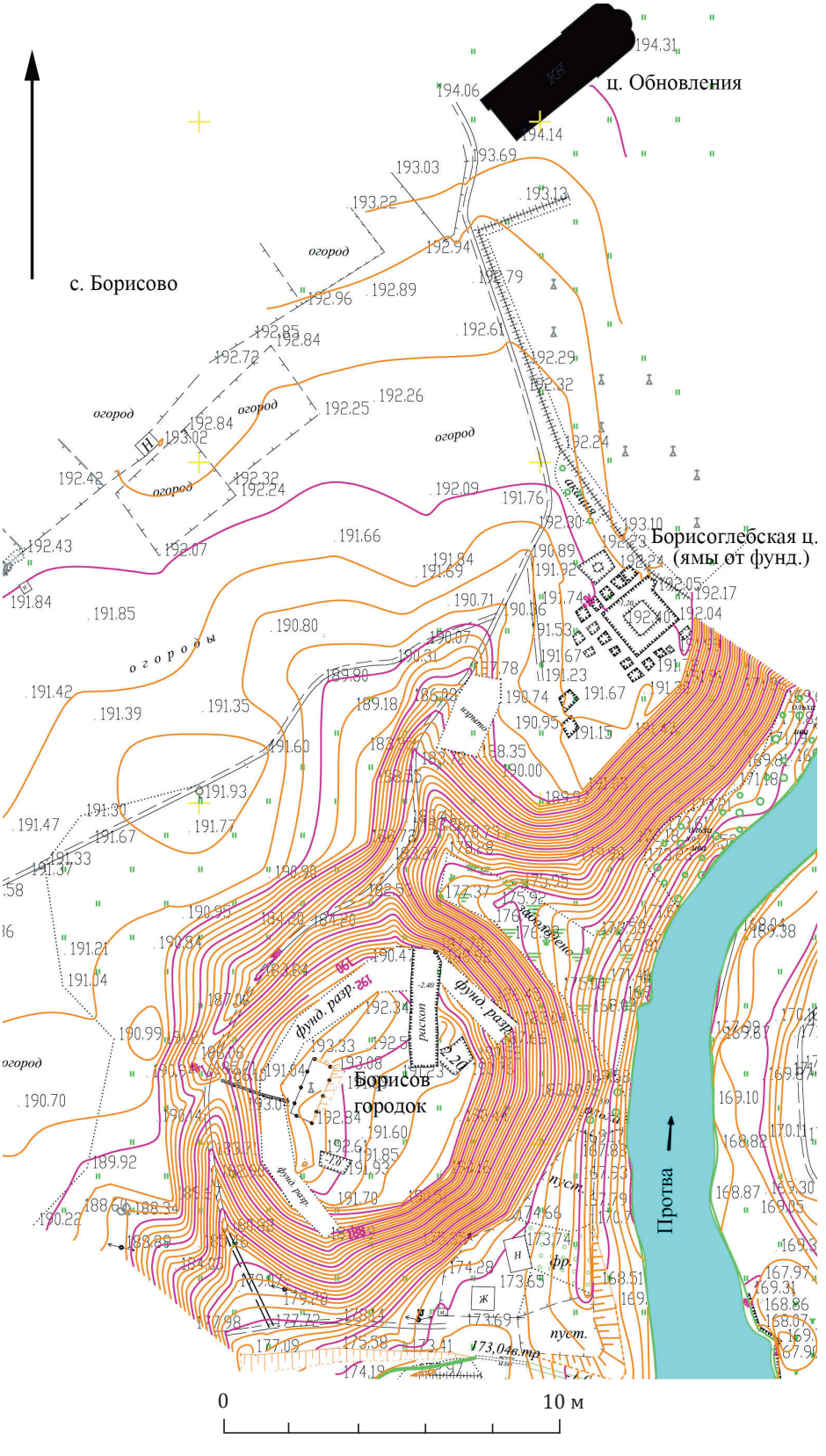


Рис. 2. План окрестностей Борисова городка с обозначением мест церквей и раскопа на городке

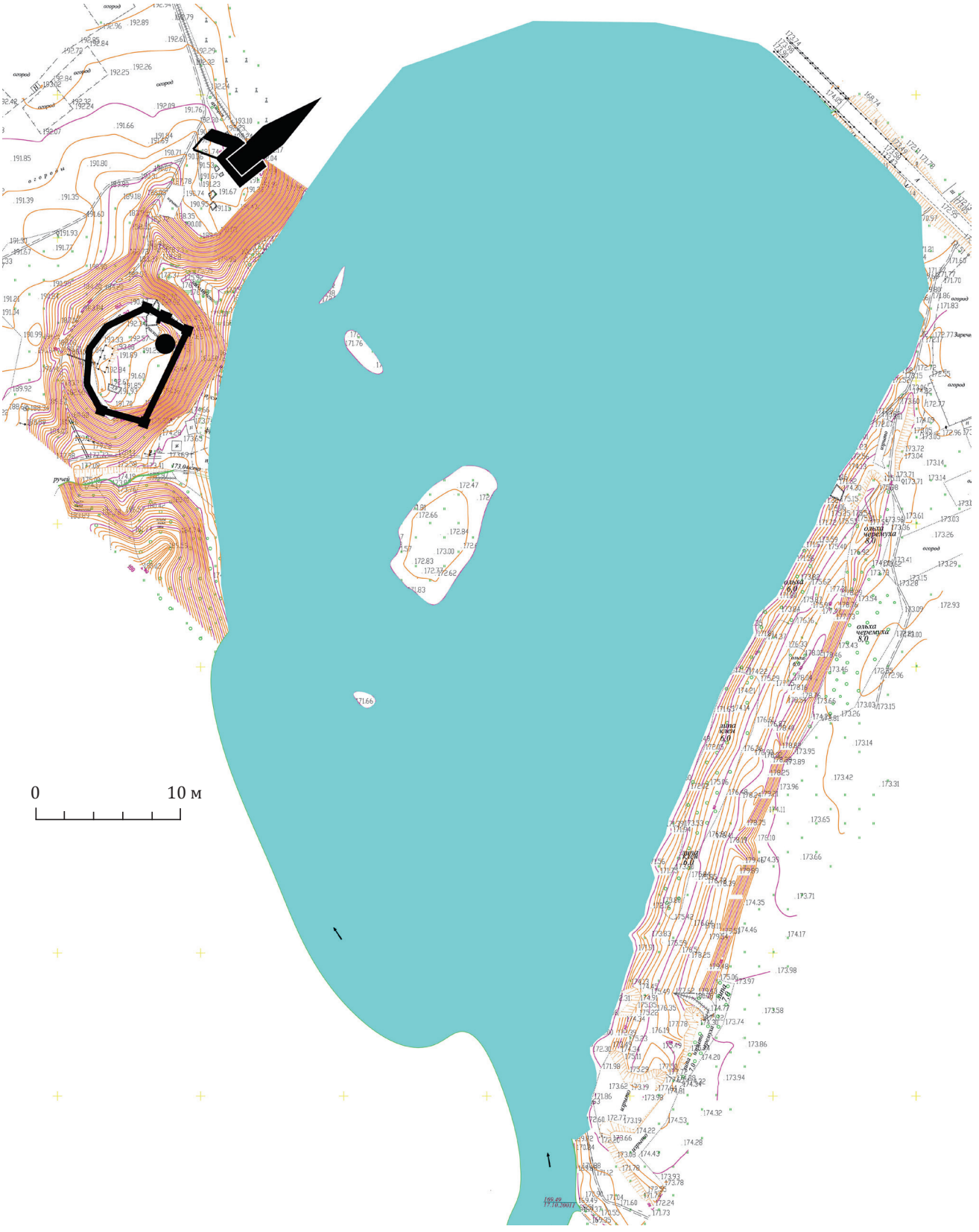


Рис. 3. Общий план Борисова городка, стены, Борисоглебской церкви, дамбы и пруда (реконструкция). Съемка В. И. Куковенко

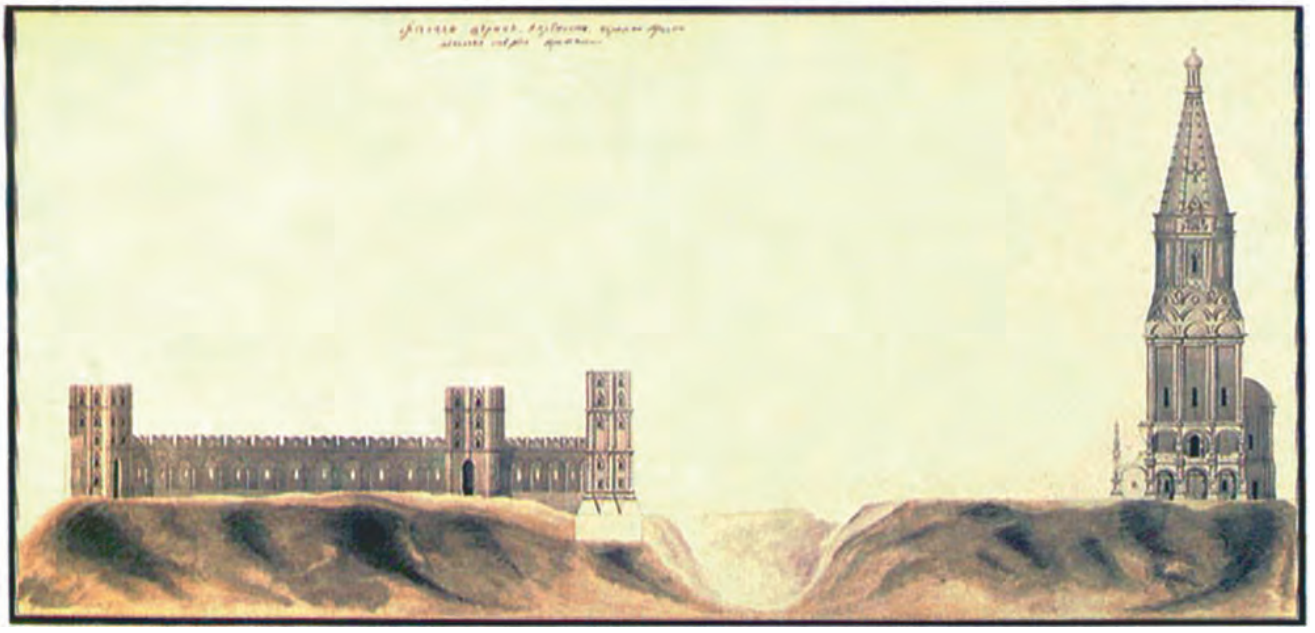


Рис. 4. Акварельный рисунок Борисова городка 1800 г.
ГИМ. Отдел изобразительных источников

на примененный через столетие при строительстве Ново-Иерусалимского монастыря[11]). Более того, на культурный слой XII–XIV вв. при Борисе Годунове насыпали слой чистого песка толщиной от 2 до 4 м – вероятно, в целях выравнивания площадки городища, причем этот песок насыпался уже после строительства стены (что напоминает о знаменитом слое песка, покрывавшем Опричный двор в Москве).

На этот песок, закрытый сверху слоем суглинка, отложился слой XVII в. После того, как обвалилось восточное прясло стены, песок, покрывавший площадку и перекрытый чехлом из суглинка, постепенно высыпался наружу, поскольку его уже не удерживала стена, и площадка получила современный уклон к востоку, к реке.

Строительство стен предваряла постройка кирпичеобжигательных печей. Две точки их расположения известны – одно на берегу Протвы (300 м выше городка), второе на территории нынешнего села, у пруда. Вероятнее всего, глину использовали местную. Печи, как это было принято в XVI–XVII вв., представляли собой сводчатый тоннель из кирпича. Производимый кирпич – параллелепипед с размерами граней 30×15–17×8–9 см. При раскопках найден также фигурный кирпич для выкладки архитектурных элементов (колонок, полуколонок); он изготовлен в формах, позволявших придавать ему разнообразные, достаточно сложные, профили.

[11] См. статью М. А. Капитоновой в настоящем сборнике.

Раскоп (траншея 26×4 м) проходил от северного края городища строго на юг и заканчивался напротив ямы от осадного колодца. На краю городища заметен земляной вал высотой около 1 м. Этот вал был насыпан у подножия стены, разобранной в начале XIX в., и показан на одном из изображений Борисова городка с внешней стороны. Насыпан вал в один прием, из однородного грунта. Датировку вала определяют находки свинцовых круглых пуль и монет с надписью «государь всея Руси» XVI–XVII вв. Таким образом, вал того же времени, что и стена Борисова городка.

Фундамент стены – два ряда блоков белого камня, между которыми засыпан белокаменный бут, пролитый известью. Ширина основания фундамента 200–224 см. Сама стена была кирпичной, но ни одного ряда поверх фундамента не сохранилось, весь кирпич выбран около 1811 г.

Раскоп проходил с западной стороны от воротной башни, поэтому в раскоп попали фрагменты стены ворот из «слипшихся» кирпичных блоков, упавших после разрушения сооружения. Ряд фрагментов представлял собой необычную конструкцию, напоминающую о европейской декоративной готике: четыре кирпича образовывали коробку, внутрь которой было вложено два других кирпича. Такая коробка могла повторяться многократно. Подобная система кладки вряд ли была прочной, но качеством декоративности она, несомненно, обладала.

Раскоп попал на древнюю лощину, прорезавшую холм в меридиональном направлении. Эта

Рис. 5. Вид раскопанного участка фундамента стены Борисова городка. Вид с юга

Рис. 6. Разрез культурного слоя Борисова городка:
нижний черный слой и деревянные конструкции – слой XII–XIV вв.;
над ним – желтый песок – слой засыпки поверхности городка после строительства стены 1599–1604 гг.;
в центральной части снимка – серый сектор в желтом песке – засыпка лощины-всхода на городище слоем, образовавшимся при пожаре погребов;
в дальней части раскопа – упавшие кирпичи от башни ворот

Рис. 7. Слой сгоревших погребов. В профиле раскопа виден вал, к которому примыкали погреба изнутри крепости

лощина, вероятно, использовалась для всхода на площадку из ворот, вход в которые находился ниже уровня площадки[12], а выход – несколько выше, но тоже ниже поверхности внутри крепости. Существование этого всхода доказывает наблюдение за стратиграфией: небольшой песчаный вал высотой около 0,5 м, расположенный параллельно стене и примыкавший к ней, заканчивается в восточном направлении, не доходя 4–5 м до ворот. К этому валу изнутри крепости примыкают обугленные бревна. Между этими бревнами найдены хозяйственные предметы из железа (топор, два сошника, обруч от бочки) и краснолощеный кувшин. Скорее всего, это разрушенные в Смутное время погреба, позже, видимо, восстановленные: «От башни до ворот 11 сажен и к стене были приделаны 2 погреба, один 2-х, а другой 3-х сажен»[13].

Обугленные бревна попадаются по уровню значительно ниже этого вала, но только в сторону ворот, там, где вал заканчивается, то есть бревна от погребов упали (или были сброшены) в некое понижение между погребами и воротной башней. Здесь же найдены замочки XVI–XVII вв. – шарообразный и два треугольных – типы, распространенные на широкой территории Восточной Европы и Сибири, от Латвии до города Мангазеи. Поверх слоя разрушения погребов отложились кирпичи от разрушенной воротной башни. На основании найденной в слое медной монеты, отчеканенной в период 1658–1663 гг., отложение слоя с кирпичами датируется второй половиной XVII в. Следовательно, заполнение лощины кирпичом от разрушенных ворот происходило во второй половине XVII в., что соответствует данным описей 1680-х гг. о начале разрушения стен и башен городка.

В слое разрушения башни ворот найдены части железных решеток, хотя в описи 1664 г. сказано, что окна в башнях не имеют решеток: «в башнях же

[12] На рисунке 1800 г. цоколь ворот показан значительно ниже подножия стены.

[13] Опись 1664 г.: РГАДА. Ф. (Разрядный приказ, Белгородский стол). Стб. № 770, III. Л. 219–228.

Рис. 8. Фрагмент башни, упавший в лощину-всход.
Хорошо видна коробка из четырех кирпичей, заполненная двумя половинками кирпичей

вместо боев зделаны полатные окна без решеток в житье по два окна на стороне и в тех во всех житьях стены левкашены»[14]. Найденные решетки были покрыты серебристым металлом. По-видимому, в башнях (больше негде) были установлены и печи, украшенные красными неполивными изразцами. Интересно, что среди девяти найденных фрагментов изразцов только перемычки и городки, но ни одного лицевого изразца – видимо, их выбрали после разрушения печей для вторичного использования.

В целом, найденные при раскопках предметы (более 700) составляют комплекс, который относится к трем периодам существования городища. Периоды XII–XIV и XVI–XVII вв. хорошо отделяются друг от друга стратиграфически и по цвету культурного слоя, в некоторых местах достигающего толщины пяти метров и более. Особенно интересны находки бытовых и хозяйственных предметов конца XVI – первой половины XVII в., оружия (железные наконечники стрел, пули, оружейные кремни, разного рода части ружей и инструментов для их обслуживания) и архитектурных элементов.

Как известно, Годунов построил много крупных крепостей на границах государства, призванных обозначить и защитить его границы: Царев Борисов южный, Царицын на Волге, монументальнейшая крепость Смоленска, две огромные крепости Белого и Земляного городов Москвы. Но Борисов городок нельзя ставить в один ряд с крепостями на «фронтире», какими мы привыкли их видеть. Перед нами недостроенный дворец – один из самых амбициозных, необычных, дерзких проектов царя Бориса, стоящий в одном ряду с колокольней Ивана Великого и «Святая святых» Кремля, известной нам только по описаниям.

Стены ограды были тонкими (всего в полсажени) и не очень высокими (от 1 до 3 сажен), зато богато декорированными – особенно их окна (именно окна – бойниц стены не имели!). Башни «замка» (четыре, не считая северной воротной) были в два раза выше стен.

[14] Там же.

Борисов городок не задумывался как крепость. Это доказывается уже тем, что церковь Бориса и Глеба была построена вне стен, на соседнем, отделенном от городка оврагом участке коренного берега Протвы. Храм имел вид столпа высотой 74 м (при размерах основания 10×10 м), был окружен красивым гульбищем, а к западу спускалась лестница. Такая высотная доминанта, стоящая не более чем в 100 м, господствуя над городком, могла бы доставить обороняющимся много проблем. Видимо, недаром после событий 1606–1610 гг., перед «Королевичевым приходом» 1618 г., деревянный острог с пятью башнями был построен именно вокруг церкви[15].

Видимо, функция Борисова городка во многом репрезентативная. Здесь явственно читается замысел статусной царской резиденции, возможно, сознательно выдвинутой далеко к западу от Москвы (в городке, еще недостроенном, уже в 1600 г. принимали иностранных послов). По характеру это загородный двор, близкий к таким известным резиденциям, как Коломенское (церковь городка копирует шатровую «капеллу» загородного «замка» предыдущей династии, превосходя ее по высоте на 10 м[16]) и, возможно, Опричный двор Ивана Грозного в Москве. Но не только к ним – известное сходство обнаруживается и с пригородными резиденциями европейских правителей XVI–XVII вв.

[15] В остроге успешно оборонялись борисовские казаки под предводительством воеводы Константина Ивашкина, а после его ухода – Богдан Лупандин со стрельцами. См.: Новый летописец // ПСРЛ. СПб.: Издание Имп. археогр. комис., 1910. Т. XIV, половина I. С. 142–144.

[16] Баталов А. Л., Беляев Л. А. Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история. М.: МГОМЗ, 2013. 204 с.

B. E. Yanishevsky

Borisov Town (Gorodok): New Archaeological Materials

Key words: the Early Iron Age, the pre-Mongolian period, the Time of Troubles, Boris Godunov, the czar's residence, a hip-roofed church, construction machinery, household items of the 16th – 17th cc., the Polish-Lithuanian intervention, archaeology and written sources.

Abstract: Borisov town is a country residence of the czar Boris Godunov built in his patrimony not far from Mozhaisk in 1599–1604. There are a lot of written and artistic sources about its appearance and history. However, archaeological excavations have been made here for the first time. They gave a huge material about the history of the site before the palace was built there in the early Iron Age and Old Russian period, and significantly enriched the knowledge of the character of the palace complex.

О. Н. Глазунова, И. И. Елкина

Свияжск в XVII в.: страницы археологии

История Свияжска известна довольно хорошо. Что могла бы тут добавить археология, к тому же охранная, то есть в случайно выбранном месте? Данная работа базируется на материалах небольшого раскопа (под жилую застройку) на Рождественской площади города (рис. 1). В первую очередь, археологические раскопки опровергли бытовавшее мнение, что это место было занято старым монастырским кладбищем. Никаких следов погребений нами обнаружено не было. Напротив, при зачистке на уровне материка обнаружились следы довольно плотной застройки (рис. 2). На сравнительно небольшом участке (площадью 285 кв. м) были выявлены контуры подземных частей десяти разновременных (XVI – конца XIX в.) построек жилого и хозяйственного назначения, 19 хозяйственных ям, а также небольшие столбовые ямы и канавки.

Начало истории Свияжска относится к 1551 г. Период его расцвета приходится на середину XVI – XVII в. Именно в это время начинается освоение исследуемого участка.

К самым ранним сооружениям относятся две деревянные постройки (8 и 10), а также некоторые хозяйственные ямы. Постройки ориентированы строго по сторонам света.

Постройка 10 является самым ранним выявленным сооружением. Контуры постройки плохо читались в материке. Постройка была слабо заглублена в материк. Котлован подпрямоугольной формы был заполнен светло-серой сильно опесчаненной супесью. Его габариты составляли 3,2×2,9 м. По периметру дна котлована зафиксированы восемь круглых столбовых ямок диаметром 10–12 см (рис. 3).

В это же время или чуть позднее появилась постройка 8 с глубокой подвальной частью и несколько хозяйственных ям. Заполнение котлованов этих объектов аналогично заполнению котлована постройки 10.

В заполнении постройки 8 встречено довольно много крупных кусков оконной слюды разнообразной конфигурации: треугольные, ромбические, различные трапециевидные, что позволяет представить фигурные слюдяные окна здания.

Сооружения, вероятно, отапливались печами. Об этом свидетельствуют найденные здесь и в переотложенном слое фрагменты красных широкорамочных московских изразцов «большой руки» с коробчатой румпой. Встречены лицевые изразцы с военными сюжетами со сценами осады и взятия крепости, фрагменты изразца с изображением всадника с соколом, изразцы с растительным орнаментом, фрагмент с изображением единорога и несколько простых витых перемычек. Большинство из них имеет твердые аналоги среди московских серий.

Мы очень мало знаем об устройстве печей с широкорамочными изразцами и, пожалуй, почти совсем ничего о принципах построения композиции изразцов на них. Поэтому практически невозможно сказать, нашли ли мы остатки одной или нескольких печей. Ясно только, что «осадная» серия принадлежала, скорее всего, к одной и составляла некий развернутый «рассказ» (рис. 3: 4).

Материал из самих сооружений немногочисленен и относится к XVI–XVII вв.: медные монеты ручной чеканки – пуло тверское и копейка Алексея Михайловича, два креста-псевдоэнколпия, две пуговицы-гирьки, калачевидное кресало. Найденная обоймица ножен и ледоходный шип позволяют предположить военную профессию хозяина постройки (рис. 3: 1, 2, 3).

Среди массового материала имеется небольшое количество фрагментов от красноглиняных гладких горшков московского типа, обломки белоглиняных гладких горшков и несколько фрагментов чернолощеной посуды. Керамика в целом может быть датирована второй половиной XVI – первой половиной XVII в.

Все найденные вещи этого хронологического периода абсолютно московского облика.

Вероятно, постройки 8 и 10 были аккуратно разобраны за ветхостью в середине XVII в.

Рис. 1. План Свияжска с указанием местоположения раскопа

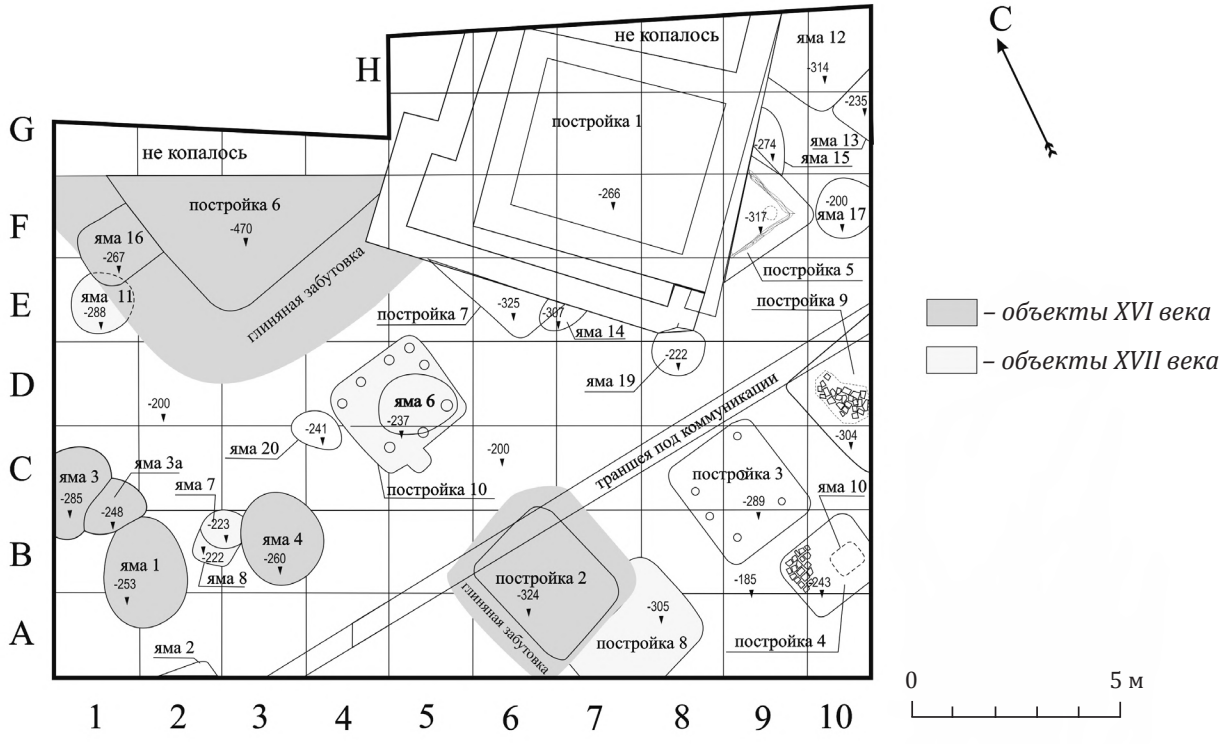


Рис. 2. Эволюция застройки территории Рождественской площади

Рис. 3. Постройка 10 и находки из нее:
1 – крест нательный медный; 2 – обоймица ножен; 3 – кресало; 4 – фрагменты широкорамочных изразцов

Вслед за разбором ветхих сооружений и планировкой участка наступает следующий этап застройки – сооружается усадьба совершенно иного облика. При этом общая ориентировка сохраняется. В наш раскоп попали два жилых сооружения из этого комплекса (постройки 2 и 6). Постройки были деревянными и имели довольно широкую глиняную забутовку подземной части. Строительство подземной части таких построек велось следующим способом: первоначально был вырыт глубокий котлован с наклонными стенками и почти ровным дном. Затем в котлован была впущена бревенчатая конструкция. Пространство между стенками котлована и деревянной конструкцией в дальнейшем было забутовано чистой глиной.

Обе эти постройки сгорели в мощном пожаре.

Котлован постройки 2 представляет собой прямоугольную в плане форму со скругленными углами размерами 4,2×4,0 м. Он заглублен на 1,4 м от уровня материка. В котлован впущена деревянная конструкция прямоугольного подвала размерами 2,9×2,3 м. Пространство между стенками котлована и деревянной конструкцией забутовано глиной. Ширина глиняной забутовки восточной и западной стен достигает 85 см, а северной и южной значительно уже (рис. 2).

В подземной части постройки 2 были выявлены обгоревшие части конструкции бревенчатых стенок погреба, а также зафиксированы фрагменты наземных частей сооружения. Среди обгоревших элементов деревянных строительных конструкций встретились железные: кованые гвозди, скобы, костыли. Помимо ярко выраженного горелого слоя, сохранившийся в материке подпол был забит горелыми досками пола, чудовищно ошлакованной, раздутой керамикой и обломками горелых изразцов, печными кирпичами.

В дальнейшем к изразцам, найденным в постройке, были добавлены фрагменты, обнаруженные в других частях раскопа в переотложенном состоянии. Изразцы явно относились к набору одной печи, но попали в слой в результате расчистки территории после большого пожара.

Собранный комплект изразцов содержит полный печной набор, который позволяет реконструировать саму печь. В печной набор входят шесть вариантов лицевых изразцов, валики и карнизы. Карнизы двучастные и выполнены таким образом, что могут служить в зависимости от расположения как переходным карнизом, так и короной печи. Не обнаружено ни единого фрагмента ножек или арочек, что позволяет сделать предположение о том, что печь стояла на «глухом» основании.

Все изразцы сильно обгорели, потеряв первоначальный цвет. Нынешняя поверхность их «рябая», то есть покрыта сетью мельчайших углублений, скорее всего вследствие воздействия сильного пламени. Румпа коробчатая, так же, как и на широкорамочных изразцах. Однако рамки на этих изразцах уже нет никакой. При этом сохранилась законченность, замкнутость сюжета на каждом отдельно взятом изразце, в отличие от коврового принципа, возобладавшего во второй половине XVII в. в центральной части страны[1]. Пластины квадратные (19,5×19,5 см), в отличие от прямоугольных (вытянутых) в длину московских изразцов этого времени. Рельеф невысокий, плавный, с тщательной проработкой мелких деталей и характерным «зубчатым» заполнением фигур. Фоновое пространство между фигурами чистое, ничем не заполнено. Ни на одном из изразцов не сохранилось следов ни поливы, ни ангоба. Впрочем, абсолютно исключить ангобирование нельзя в силу слишком сильной обгорелости найденных фрагментов. Поливы же, скорее всего, не было. Помимо того, что не найдено ее остатков, невысокий рельеф с большим количеством мелких деталей технологически не предполагал поливы, слой которой уничтожил бы большинство подробностей тонкого рисунка. Все эти особенности позволяют отнести изразцы к середине XVII в. А совокупность технологических характеристик, не присущих ни одной из известных изразцовых мастерских, дает возможность предположить существование местной мастерской.

Абсолютно оригинальны и сюжеты композиции.

Начнем описание с обрамляющих деталей, повторяющихся частей.

Валики. Найдено 19 фрагментов и 1 целый изразец. Размеры 21,0×9,0 см. В отверстии румпы одного из них сохранилась глиняная пробка. Валик имеет две гладкие полочки. Исходя из особенностей рисунка, он может располагаться только горизонтально. Рисунок представляет собой сетку из трех ромбов, в центре каждого из которых находится круглая маска или личина с изображением человеческого лица с открытым ртом, миндалевидными глазами и четко обозначенным носом (рис. 4: 1). Валики с похожей схемой рисунка известны и в других местах, но нет ни одного, украшенного подобными личинами. Во всех известных вариантах центр ромбов занимают изображения цветков.

Карнизы. Найдено 25 фрагментов и 1 целый изразец. Карнизы двучастные. Размеры 21,0×10,0 см. Карниз имеет узкую прямую часть и широкую выпуклую. Прямая часть украшена восемью треугольниками, завершающимися через раз перевернутым треугольничком и кружочком. Прямая часть отделена от выпуклой небольшим валиком, имитирующим витую перемычку. На выпуклой части волнообразно в шахматном порядке расположены сердечкообраз-

[1] Беляев Л. А. Московские печные изразцы до начала XVIII в.: (опыт археологической систематизации) // Коломенское: материалы и исследования. М., 1993. Вып. 5, ч. 1. С. 19.

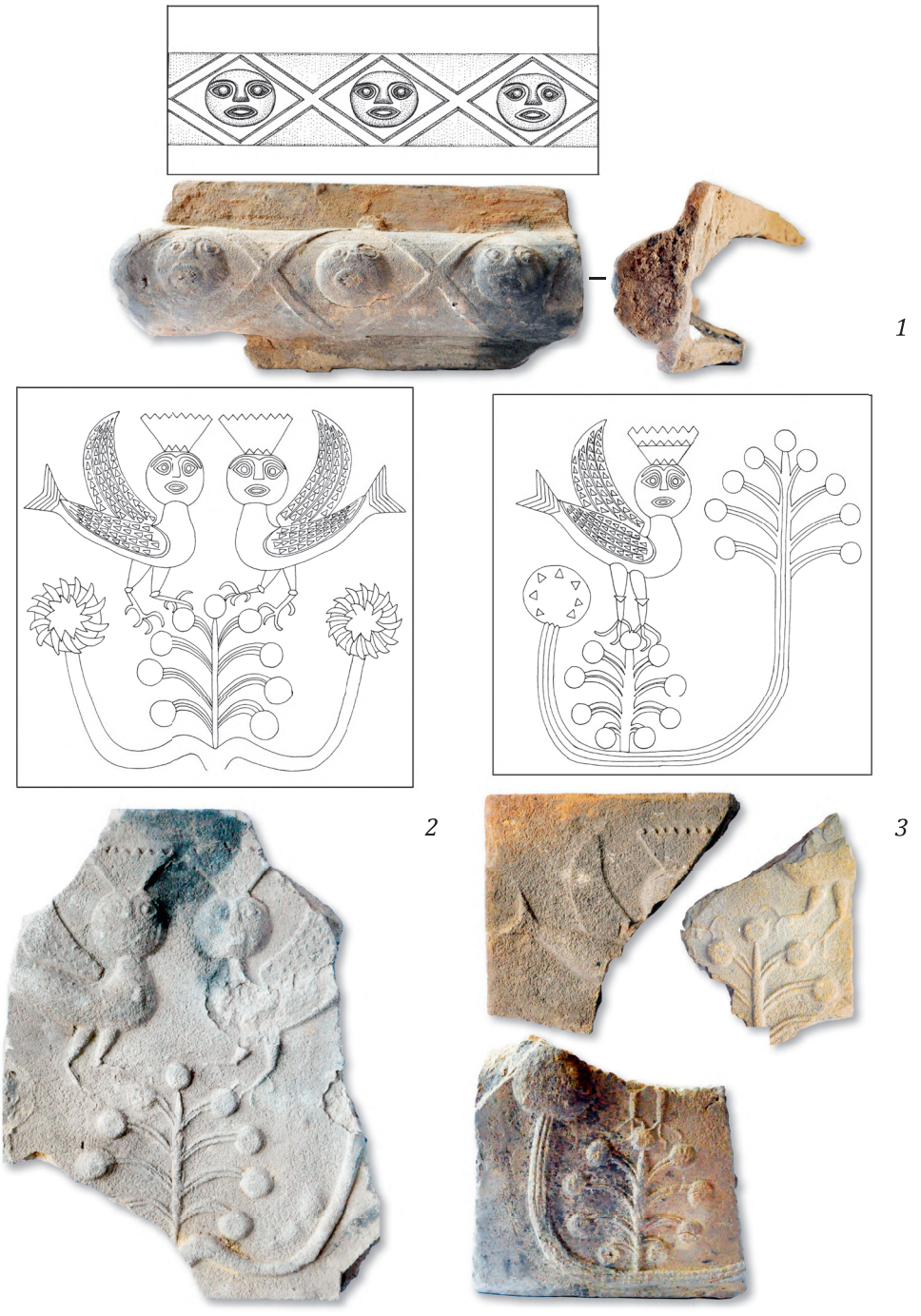


Рис. 4. Изразцы от печи из сгоревшей постройки XVII в.:
1 – валики; 2–3 – лицевые изразцы с изображением волшебных птиц

ные элементы с отгибами-«рожками»: три целых и по половинке по углам. Внутренняя часть этих элементов заполнена орнаментальными линиями, состоящими из мелких треугольничков. Центральная фигура заполнена двумя рядами треугольников, остальные фигуры содержат по одному ряду. Завершается карниз узкой рамкой. Как правило, карнизы готических и ренессансных печей имеют более сложную, так называемую каблучковую, форму выпуклой части, и в печном комплекте представлены, как минимум, в двух вариантах – в виде переходного карниза каблучковой формы и в виде такого же карниза, дополненного невысокой прямой частью, украшенной рядом простых треугольников. Схема второго варианта совпадает со схемой карниза из Свияжска. Такие карнизы ставят, если можно так

выразиться, вверх ногами, чтобы они не сужали, а расширяли общую площадку печи. Карнизы выполняют роль переходного элемента к короне или же самой короны. Печь из постройки 2 имела именно такое завершение.

Переходим к лицевым изразцам. Все они квадратные, размерами 19,5×19,5 см. Из найденных фрагментов собрано шесть различных парных сюжетов.

Первая пара сюжетов – изображения волшебных птиц, сидящих на верхушке древа. Всего найдено 22 фрагмента изразцов с этим сюжетом. Размеры обломков не всегда дают возможность четко определить вариант сюжета, так как отдельные элементы изображения повторяются вплоть до деталей. В первом сюжете волшебные птицы Сирин и Алконост изображены абсолютно одинаково, только повернуты зеркально, сидя по разные стороны от верхушки дерева, навстречу друг другу. Туловище их напоминает рыбье и заканчивается двузубчатым рыбьим хвостом. Одно крыло поднято вверх, второе уложено вдоль туловища. Лица птиц человеческие, аналогичные маскам на валиках, повернуты к зрителю. Венчают головы волшебных птиц многозубчатые (7–8 зубчиков) короны. Короны и крылья украшены рядами мелких треугольничков, хвост – параллельными линиями, изображающими чешую. Птицы сидят на вершине небольшого деревца, все девять веточек которого заканчиваются круглыми плодами (райскими яблоками). От корней дерева отходят побеги, заканчивающиеся крупными многолепестковыми звездчатыми цветами (рис. 4: 3).

Во втором сюжете (парном) птица одна. Изображение птицы-девы полностью повторяет изображение левой птицы первого изразца, кроме одной детали короны – в короне этой птицы присутствует дополнительная линия треугольников. Скорее всего, на парном изразце сидит не Сирин, а какая-то другая волшебная птица. Древо тут выглядит по-другому. Оно несимметрично. Птица сидит непосредственно на вершинке небольшого деревца с девятью ветками, заканчивающимися круглыми яблоками, идентичного деревцу на первом изразце. Такое же деревце находится на завершении правого побега, однако гораздо выше, напротив изображения самой птицы. Левая часть побега, за спиной птицы, заканчивается круглым плодом, покрытым чешуйками. Возможно, в этом сюжете птица стережет некий волшебный плод райского сада (рис. 4: 2).

Изображения волшебных птиц-дев широко распространены в русском искусстве, в том числе и на изразцах. Изразцы из Свияжска не исключение, хотя и обладают самобытной выразительной манерой исполнения сюжета. Следует сказать, что девы-птицы из Свияжска более всего похожи на изображения Сирина и Алконоста на лубках. Именно там они обычно нарисованы с распахнутыми крыльями, сидящими на вершине райской яблони, покрытой цветами и плодами[2].

Вторая пара лицевых изразцов содержит сюжеты охоты. Всего найдено 13 фрагментов таких изразцов. Их объединяет изображение охотника. На обоих изразцах охотник изображен стреляющим из кремневого ружья. На охотнике короткая подпоясанная одежда с узорчатым (вышитым или из тканой ленты) подолом и узкими длинными рукавами (отсутствие бортов позволяет предположить, что охотник одет в рубаху, застегнутую у ворота на пуговицу), узкие штаны, заправленные в мягкие сапоги без каблука (характерные для верховой езды) с опушкой по краю голенища, и высокая, расширяющаяся кверху узорная шапка (или корона?) на голове. Орнаментально украшен и приклад ружья.

На первом изразце из пары охотник расположен в верхнем левом углу лицевой пластины и прицелился в находящегося прямо на уровне его глаз орла. Орел увенчан короной и сидит на верхушке такого же деревца с круглыми плодами на ветках, как и девы-птицы из предыдущей пары, накрыв собой верхушку деревца. Крылья его распахнуты, голова с яростно раскрытым клювом повернута в сторону стреляющего человека. Орел слегка отшатнулся от охотника, его поза очень напряженная, он как будто пытается взлететь. На левом побеге дерева сидит еще одна крупная птица, клюющая плоды деревца. Явно противостояние царственного охотника и царственной птицы. По-видимому, камнем преткновения служит райская яблоня (рис. 5: 1).

Рисунок второго изразца восстановлен не полностью. Здесь охотник находится в нижнем левом углу изразца. Его корона украшена только одним рядом узоров (в отличие от двух рядов на первом изразце). Дуло ружья поднято вверх. По прикладу и дулу ружья бегут две птицы (мешают? направляют?). Объектом нападения служит некий зверь из бестиария. От него сохранился длинный гибкий хвост и перепончатая лапа. Так изображались водные драконы. Видно также изображение небольшого остроухого зверька, расположенного мордой к охотнику и практически упирающегося в него когтистыми лапами. Скорее всего, это собака. Лает ли она на птиц или сама оказалась жертвой дракона, не вполне понятно. Для точной реконструкции не хватает нескольких фрагментов рисунка. Пожар и время не пощадили лицевые пластины, часть изображения на них сколота (рис. 5: 2).

В обоих случаях царственный стрелок сражается с некими волшебными существами. Обращает на себя внимание и оружие. В то время для охоты всё же чаще применялись луки, стрелы и копья. В израз-

[2] Ровинский Д.А. Русские народные картинки: в 2 т. СПб.: Р. Голике, 1900. Т. 1. Стб. 125, 127 (№ 207).

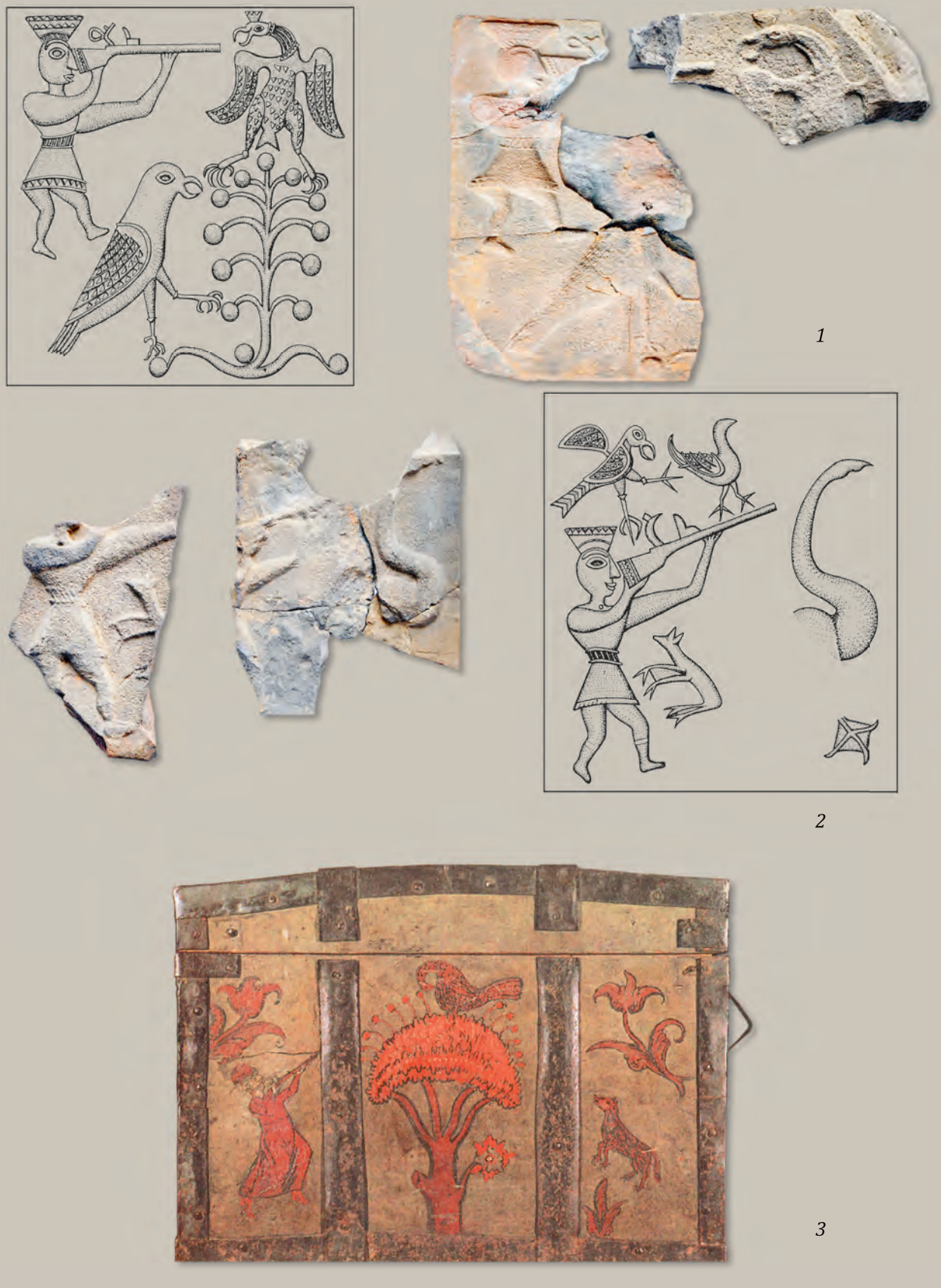


Рис. 5. Изразцы от печи из сгоревшей постройки XVII века: 1, 2 – лицевые изразцы с изображением сцены охоты; 3 – аналог сюжета, изображенный на стенке сундучка с Северной Двины (район Борка)

цовом реестре такие сцены будут известны позже, в результате привнесения в Россию моды на символику и эмблематику. Но это уже будут гладкие расписные заводские изразцы.

Рельефные варианты подобных композиций, связанные со становлением этой части культуры, известны только по мастерским Ново-Иерусалимского монастыря.

Историкам русского народного искусства подобный сюжет охоты на птицу, клюющую райские яблоки, известен по росписям на деревянных изделиях, в частности на сундучке для приданого из коллекции ГИМа, датирующемся первой четвертью XVIII в. Сундучок привезен с Северной Двины (район Борки). На одной из его стенок изображена сияющая необыкновенной кроной райская яблоня, на вершине которой клюет плоды волшебная птица. Охотник стреляет в нее из ружья. С другой стороны дерева нарисована остроухая охотничья собака, собака, чье внимание также поглощено птицей (рис. 5: 3). На более поздних сундучках этой коллекции в сценах охоты на птиц все волшебные фантастические элементы, явственно видные на сундучке первой четверти XVIII в., пропадают. Рисунок сохраняется уже просто как бытовая сцена[3]. Скорее всего, это свидетельствует о том, что исчез из бытования сам сюжет. Возможно, на печке из Свияжска сохранился отраженный в материальной культуре небольшой кусочек духовной культуры того времени.

И наконец, третья и последняя пара лицевых изразцов, на которых изображены персонажи бестиария. Эти изразцы наиболее фрагментарны. От первого сохранились только части развевающейся гривы и надпись «левъ», сделанная в зеркальном отображении. Это частая ошибка при изготовлении изразцов. Найдено три фрагмента с этим сюжетом.

Изображения львов известны еще на широкорамочных изразцах. Иногда, как в данном случае, они сопровождаются уточняющими надписями. По-видимому, львы не всегда были узнаваемы зрителями. Причем один из известных муравленых изразцов (из Мурома) дает нам аналогичный фрагмент гривы и надпись «левъ» над ней[4].

Существо, изображенное на втором изразце пары, сохранилось лучше. Найдено 11 фрагментов с этим сюжетом. Это хищный зверь с крупными когтистыми лапами, мощным поджарым телом, высокой шеей и длинным хвостом с кисточкой. К сожалению не найдено ни одного фрагмента морды существа. Это единственный сюжет данной печи, где рисунок направлен справа налево. В изразцовых каталогах есть несколько экземпляров изразцов с похожими изображениями волшебных зверей[5].

Как располагались эти изразцы в печном наборе, можно только предполагать. Корона печи была, видимо, исполнена из карнизов. Большое количество обломков валиков с личинами позволяет предположить, что они были использованы в составе печи, как минимум, дважды, что обычно для печей того времени[6]. Из лицевых изразцов больше всего найдено фрагментов с изображениями волшебных дев-птиц. Возможно, они обрамляли мифологические сюжеты, перемежаясь с изображениями мифических зверей. Отсутствие ножек и арок дает основание считать, что печь стояла на «глухом» основании. Вся печь была узорчатой, поскольку гладких изразцов при раскопках найдено не было. В остальном при реконструкции приходится полагаться только на воображение (рис. 6).

Подводя итоги, можно сказать, что при раскопках был найден совершенно уникальный набор изразцов. Удивительные карнизы, необычные валики, развернутый пересказ мифологических историй, выполненный в абсолютно оригинальной манере и не имеющий аналогий в русском изразцовом производстве. Даже в наиболее близко расположенной Казани подобных изразцов до сих пор не найдено.

Изразцы выполнены очень аккуратно из плотной хорошей глины, тщательно оттиснуты в формах. Невысокий плавный рельеф, тонко проработанные детали, мастерски выполненные изображения говорят нам о ярком даровании выполнявшего их художника, создавшего свой неповторимый стиль. Поиски истоков сюжета уводят нас в народное искусство – лубочные картинки и росписи по дереву. Высокое качество самих изделий демонстрирует высокую квалификацию мастеров-изразечников. До сих пор изделия этой мастерской не были известны. Изразцовый набор имеет несомненную художественную и историческую ценность.

К элементам интерьера также относятся выявленные в заполнении котлована постройки красноглиняные квадратные плитки пола.

Найденные в подземной части фрагменты слюдяных оконцев различной формы (прямоугольные, трапециевидные и другие) позволяют говорить о существовании в прошлом у постройки узорного окна.

Среди находок сооружения имеются целые формы керамических сосудов. Многие предметы сильно деформированы и ошлакованы, что еще раз подтверждает мощность бушевавшего пожара.

Комплекс керамики очень любопытен и чрезвычайно разнообразен. Тут нет московских типов.

[3] Жегалова С. К. Русская народная живопись. М.: Просвещение, 1984. С. 67.

[4] Маслих С. А. Русское изразцовое искусство в XVI–XIX вв. М.: Изобраз. искусство, 1983. Рис. 73.

[5] Там же. Рис. 8; Филлипов А. В. Древнерусские изразцы XVII в. М., 1938. Вып. 2. Рис. 40, 43, 78; Розенфельд Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1968. Табл. 20–22. (Археология СССР. Свод археологических источников; [вып.] Е1–39); Баранова С. И. Русский изразец. М.: МГОМЗ, 2011. С. 45, 72.

[6] Немцова Н. И. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. // Коломенское: материалы и исследования. М., 1993. Вып. 5, ч. 1. С. 32.

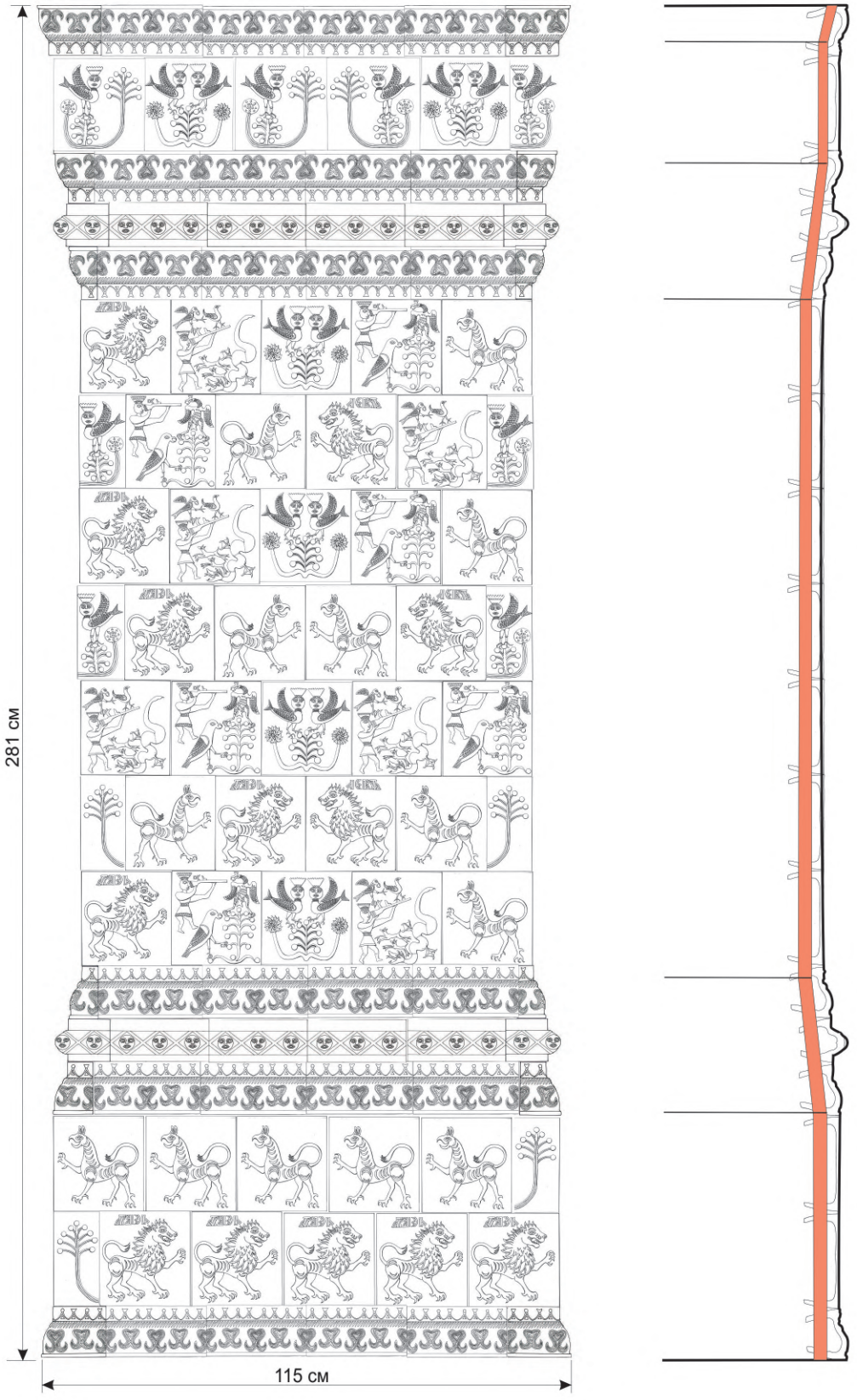


Рис. 6. Реконструкция печи из сгоревшей постройки XVII века

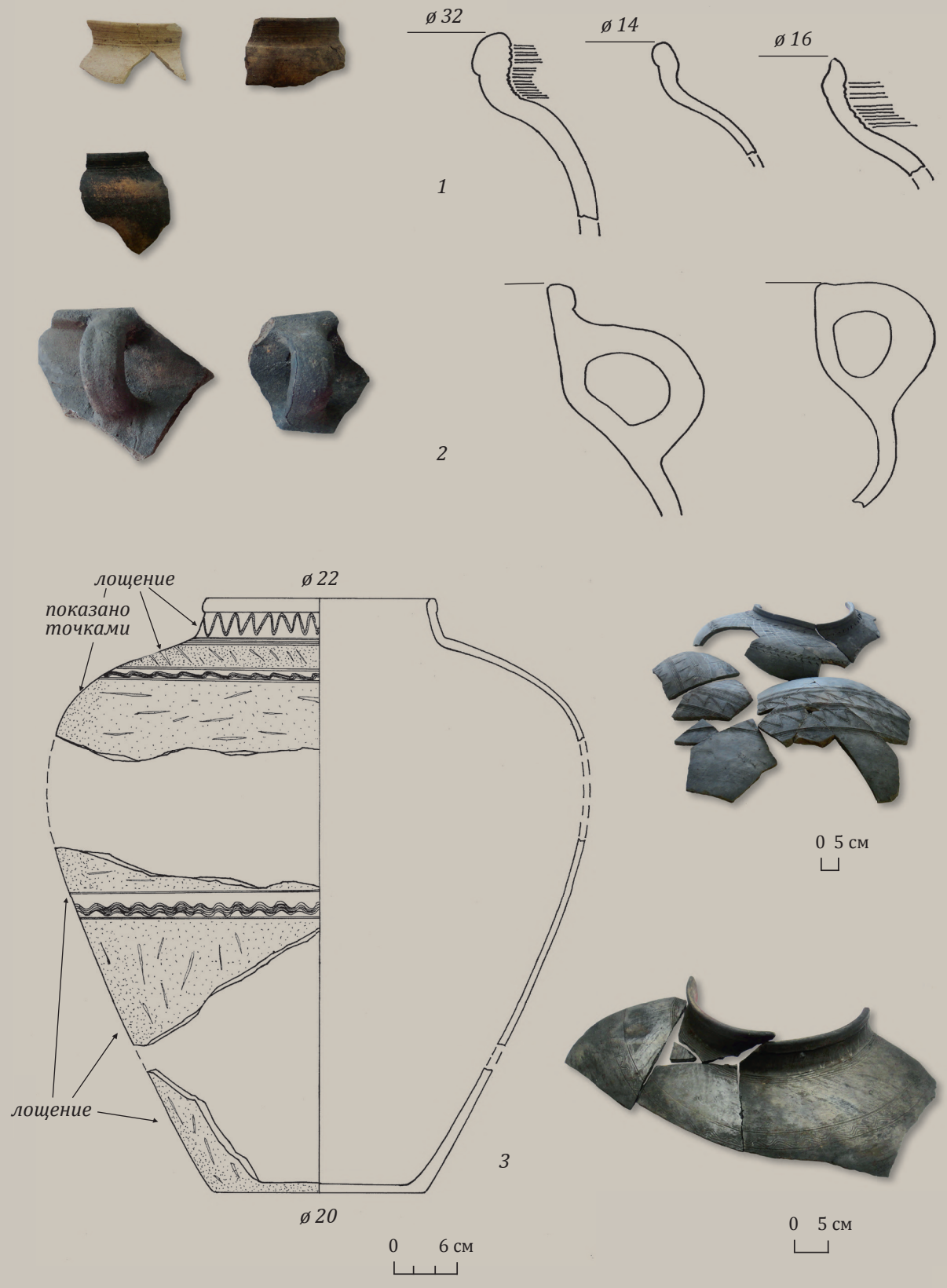


Рис.7. Керамика усадьбы XVII века:
1 – горшки коломенского облика; 2 – сосуды постболгарского типа; 3 – чернолощеные корчаги

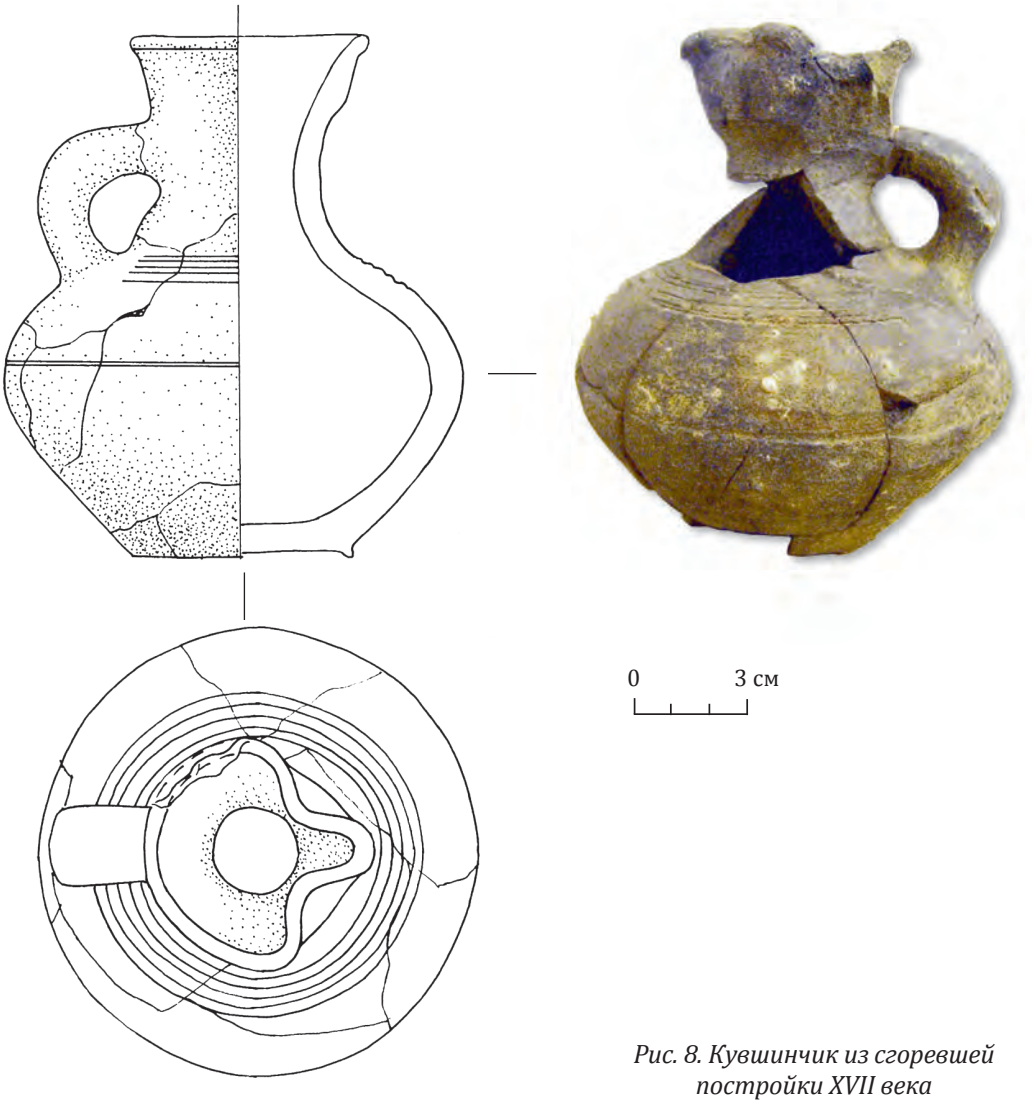


Рис. 8. Кувшинчик из сгоревшей постройки XVII века

Но зато встречаются горшки коломенско-рязанского облика, изготовленные из местных красножгущихся глин. Скорее всего, таким образом гончары, переселенные из Торжка Пересвитского, приспособились к местным условиям и продолжали лепить привычные типы посуды из не вполне подходящей для этого местной глины. В комплексе преобладает посуда, покрытая белым ангобом, причем как повторяющая формы белоглиняных гладких горшков коломенского типа, так и совершенно отличная от них.

Отдельная тема – горшки постболгарского облика с высокими прямыми шейками и двумя ручками. К болгарской керамике восходят крупные корчаги, уже чернолощеные, но формой и богатой орнаментикой воспроизводящие болгарские типы краснолощеной тарной посуды (рис. 7). Мелкие поливные кувшинчики и кумганчики сохраняют восточный облик, как и посуда со штампами (рис. 8). Поражает обилие разнообразных мисок и мисочек. Таким образом, комплекс керамики данной усадьбы демонстрирует нам смешение различных традиций и стилей, сосуществование их в рамках одного объекта.

Помимо керамических сосудов, найдены осколки столовой посуды зеленого стекла (ручка, венчик кувшина, горлышко штофа со сливом).

Из нумизматического материала в постройке найдена лишь одна монета – медная копейка, отчеканенная в правление царя Алексея Михайловича.

Размеры постройки 6 не установлены, так как ее большая часть «ушла» в северный борт раскопа. Однако размеры котлована не менее 7,5×6,5 м позволяют говорить о том, что постройка была грандиозной. Сооружение имело довольно объемный погреб, глубина которого составляет не менее 3 м от уровня

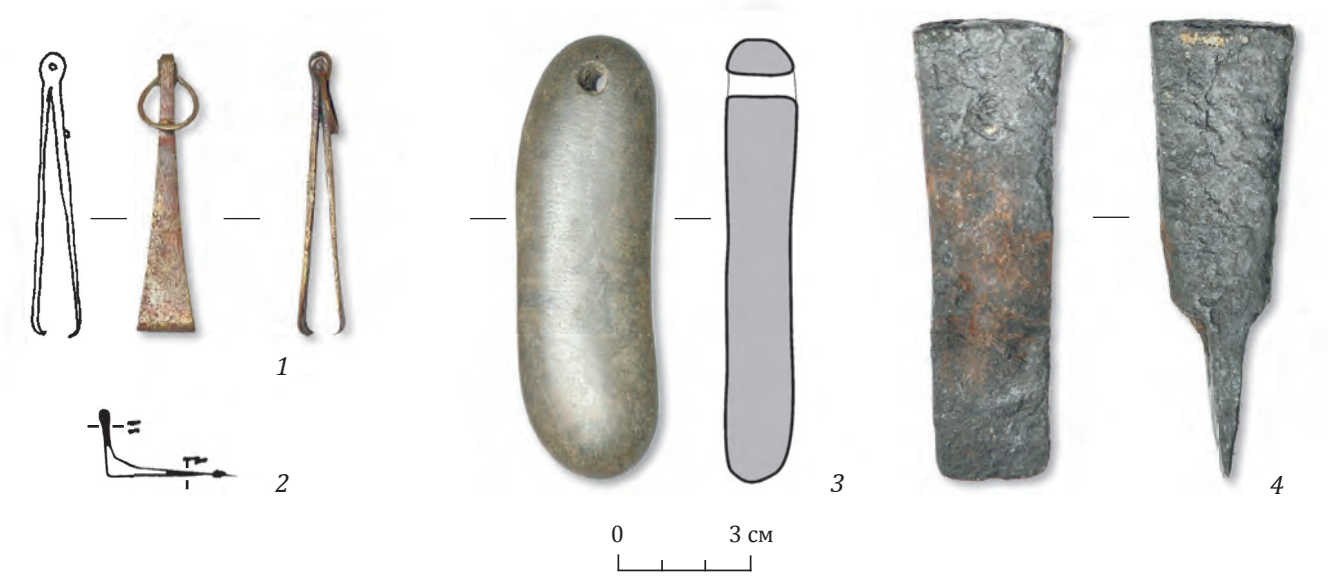


Рис. 9. Предметы ювелирного производства: 1– 2 – пинцет; 3 – пробирный камень; 4 – наковаленка

материка. Широкое пространство между стенками котлована и подземной конструкцией погреба забутовано глиной. Глиняная забутовка в западной части постройки достигает ширины двух метров. Там же зафиксирован вход, покрытый (?) циновками (рис. 2).

От постройки сохранились части подземных деревянных конструкций погреба, а также фрагменты наземных конструкций (доски пола и балки), провалившиеся в погреб во время пожара. К элементам металлических креплений относятся найденные в подземной части как отдельно лежащие, так и непосредственно находящиеся в досках железные скобы, петли, костыли, гвозди и т.д.

В заполнении котлована были найдены фрагменты красноглиняных плиток пола, аналогичные обнаруженным в постройке 2.

В постройке 6 найдено большое количество разнообразных и по времени, и по назначению предметов. Вероятно, котлован был засыпан постепенно. Это подтверждается тем, что находки более раннего времени (времени бытования и гибели постройки) происходят из нижней части котлована.

Керамический комплекс указывает на использование в быту чернолощеной, мореной и поливной посуды (мисок и горшков). Интересной находкой является фрагмент чернолощеного зооморфного рукомоя.

Находки, относящиеся непосредственно ко времени бытования усадьбы, многочисленны и разнообразны. Среди них имеются предметы, характеризующие быт и занятия насельников усадьбы. Это монеты ручной чеканки, бытовые предметы (ключ, светец для лучины, ножи, кресала), орудия рыбной ловли. Само расположение города предполагает занятие рыболовством. Археология подтверждает это. Найдены рыболовные грузила для разного типа сетей, крючки, иглы для плетения сетей, обилие костей рыб.

Ювелирный пинцет и пробирный камень указывают то, что здесь могло существовать ювелирное производство. Находка миниатюрной наковальни в слое того же времени рядом с постройкой косвенно подтверждает это предположение (рис. 9).

Материал из построек частично дополняется находками из хозяйственных ям и соответствующими времени предметами из переотложенного слоя.

Хозяйственные ямы находятся на дворе усадьбы, немного западнее построек и относятся к тому же времени существования. Они представляют собой остатки ремесленных мастерских, забитые обрезками кожи и обувными подковками. Среди находок обнаружены сапожные инструменты (сапожные (?) ножи, иглы и шило) и даже готовая обувь. Наличие этих находок указывает на существование в этом месте сапожной мастерской (рис. 10).

В слое также зафиксированы находки рабочих ножей, пряслица в форме небольших свинцовых кружочков, ножницы, шерстяные тканые фрагменты и остатки изделий в технике вязания по спирали при помощи кочедыка. Эти предметы косвенно указывают на изготовление одежды в домашних условиях (рис. 11).

Мы не можем указать точное время строительства усадьбы. Предполагаем, что возведение рассматриваемых построек относится ко второй половине XVII в. (по датировке изразцовой печи) и состоялось уже после разбора построек 8 и 10. Дата гибели построек в пожаре маркируется монетами, обнаруженными в постройке 6. Самой поздней из них является денга 1746 г.

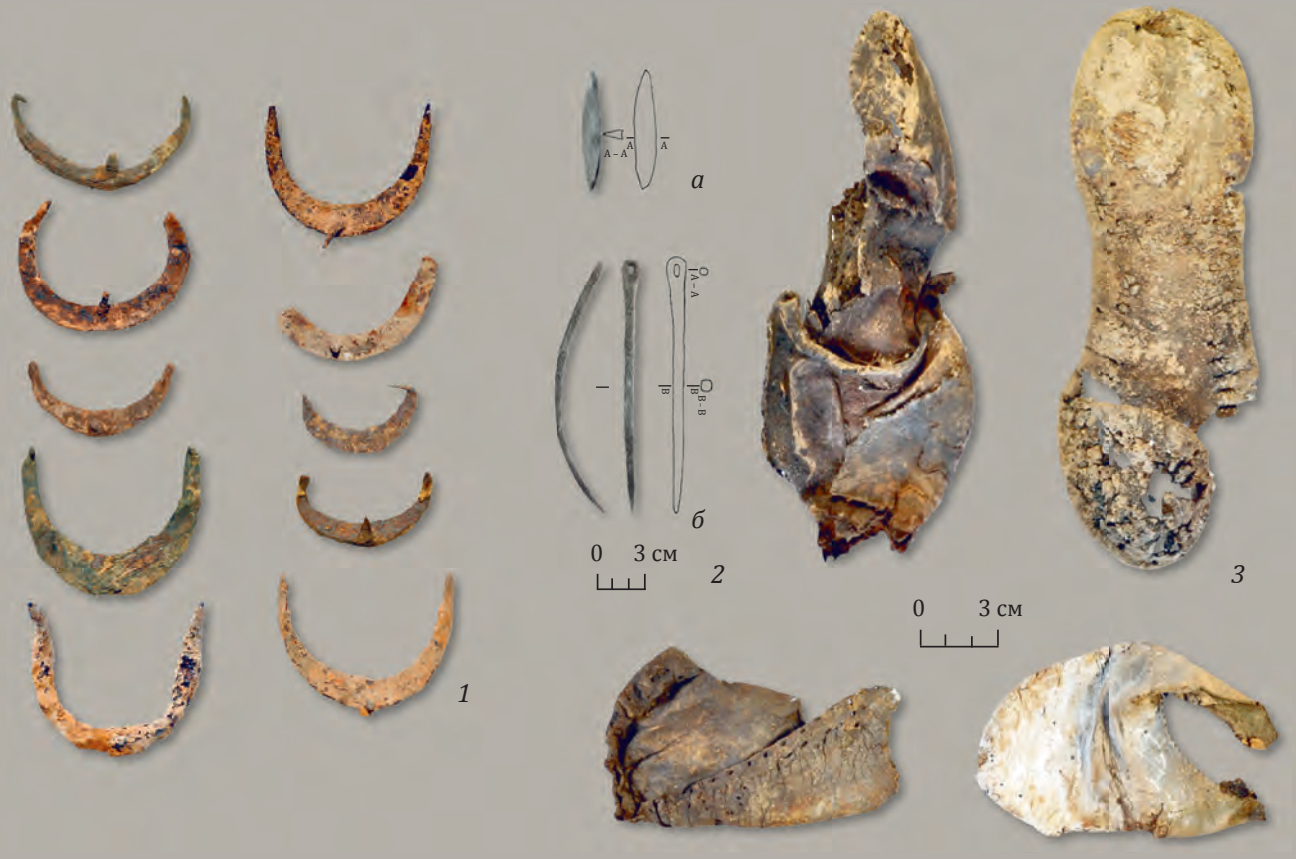


Рис. 10. Предметы сапожного производства:
1 – обувные подковки; 2 – орудия сапожного производства: а – нож, б – шило; 3 – фрагменты кожаной обуви

Рис. 11. Изготовление одежды: 1 – шило (?); 2 – свинцовые пряслица; 3 – остатки шерстяной ткани;
4 – ножницы; 5 – фрагмент вязаного изделия при помощи кочедыка

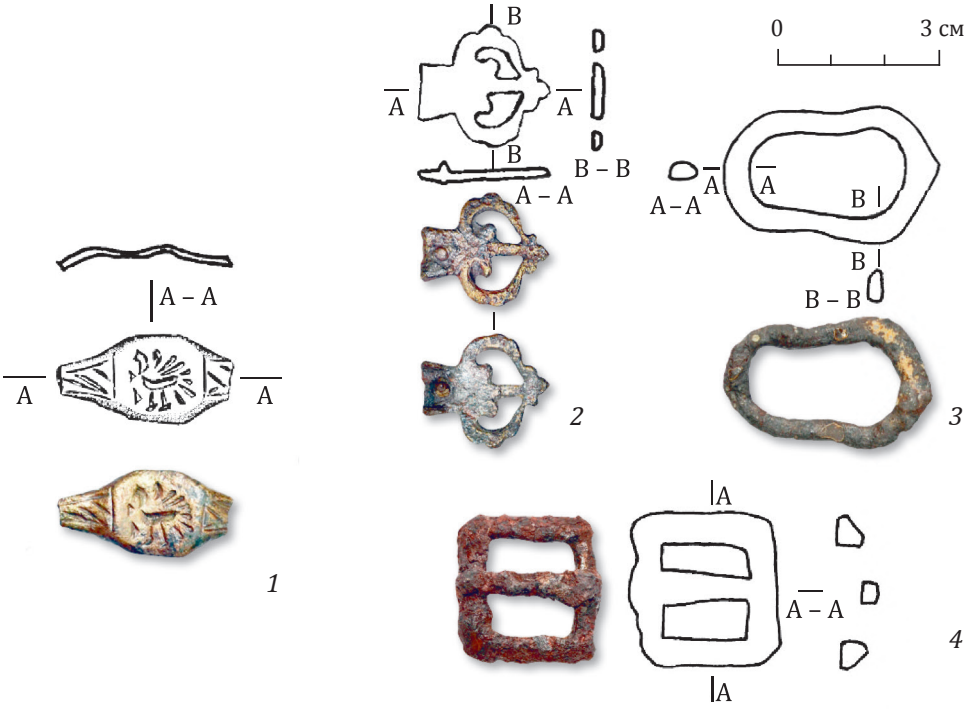


Рис. 12. Металлические элементы мужского костюма: 1 – перстень-печатка; 2, 3, 4 – пряжки

Металлические элементы мужского костюма и обуви из построек представлены несколькими бронзовыми пряжками и перстнем-печаткой (рис. 12).

Удивительно, что среди находок нет ни женских украшений (серег, колец, браслетов, гребешков для волос), ни детских игрушек, притом, что на других городских раскопах этот материал имеется в изобилии. Возможно, в раскоп попала усадьба служилых людей. Косвенно это подтверждается обилием тарной и столовой посуды (в том числе и стеклянной) и необычно малым количеством кухонной керамики.

Служилые люди не относились к налогооблагаемым группам населения. Возможно, само отсутствие данных в городских описях на этот участок может послужить свидетельством проживания на этой земле служилых людей.

Небольшой археологически исследованный участок территории рисует нам яркую картину активной городской жизни местного населения в период второй половины XVI–XVII в., демонстрирует уникальные особенности быта и самобытность ремесленного производства г. Свияжска.

O. N. Glazunova, I. I. Elkina

The 17th-century Sviyazhsk: Pages of Archaeology

Key words: Sviyazhsk; manor; a glazed ceramic tile; service-men; the 16th – 19th cc. everyday life; Bulgarian ceramics.

Abstract: The article shows on the materials of a small excavation in the central part of Sviyazhsk the stages of the construction history of the town in the second half of the 16th – 17th cc., the peculiarities of the material culture of the residents of manors and the indigenous artisan industry. A glazed tile complex of the original stove, which does not have any straight analogues in the Russian glazed tile work, is described.

А. В. Энговатова, М. Б. Медникова, М. В. Добровольская,
Т. Ю. Шведчикова, И. К. Решетова

Антропологический источник в изучении качества жизни населения Ярославля XVII в.

Введение

Костная система человека обладает свойствами пластичности и консервативности, запечатлевая в своей структуре последствия наиболее характерных прижизненных воздействий. Именно этот факт лежит в основе методологии палеоэкологических и биоархеологических реконструкций разных аспектов жизнедеятельности палеопопуляций[1]. Возможность не только оперировать абстрактными цифрами и понятиями, но интерес к конкретному историческому контексту скелетных находок и даже к конкретным людям привлекают в эту область всё большее число исследователей.

Антропологические материалы из археологических раскопок кладбищ начиная с XV в. обладают особой ценностью для исследований в этом направлении не только благодаря хорошей сохранности скелетных останков, но и потому что они лучше документированы. Сопутствующие письменные источники, данные палеоклиматологии и др. позволяют осуществлять контекстуальное рассмотрение с высокой степенью достоверности.

Материал

В 2007, 2009 и 2010 гг. экспедиция Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой в г. Ярославле исследовала кладбище при церкви Иоанна Златоуста на территории центральной части города (рис. 1). Храм известен в письменных документах с 1646 г., когда в Переписной книге упомянут «поп Исак вдовой – живет в своем дворе»[2].

Благодаря характерной кожаной погребальной обуви определен начальный период захоронений. В более поздних погребениях инвентарь представлен типологически датирующими нательными крестами. Судя по стратиграфии, конструкции деревянных гробов, керамики из засыпки могил кладбище функционировало с XVI до XVIII в., погребения которого относительно немногочисленны и хорошо выделяются по археологическим критериям.

Исследования экспедиции позволили сформировать представительную палеоантропологическую коллекцию XVI–XVII вв. Эти материалы послужили основанием для казуальных палеопатологических и эпидемиологических публикаций[3]. Настоящее сообщение фокусирует особое внимание на результатах изучения палеопатологических проявлений, встреченных при рассмотрении останков погребенных.

Методы исследования

Для определения демографических показателей использовалась программа Д. В. Богатенкова. В дифференциальной диагностике патологических состояний применялась микрофокусная радиография, выполненная на базе кафедры электронных приборов и устройств Санкт-Петербургского электротехнического университета (ЛЭТИ) под руководством доктора технических наук Н. Н. Потрахова.

[1] Историческая экология человека: методика биологических исследований. М.: ИА РАН, 1998. 260 с.

[2] Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII века // ТЯГУАК. Ярославль, 1913. Кн. 6, вып. 3–4. Стб. 91.

[3] Медникова М. Б., Энговатова А. В., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е. «Дети Смутного времени»: новые данные о качестве жизни в г. Ярославле XVI–XVII в. по антропологическим материалам из раскопок детских погребений // Краткие сообщения Института археологии. М., 2013. № 228. С. 115–126; Медникова М. Б., Энговатова А. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Васильева Е. Е. Эпидемиология войны и Смуты: антропологический и письменный источники в изучении качества жизни населения русского города XVI–XVII вв. (на примере г. Ярославля) // КСИА. М., 2013. № 231. С. 154–171.

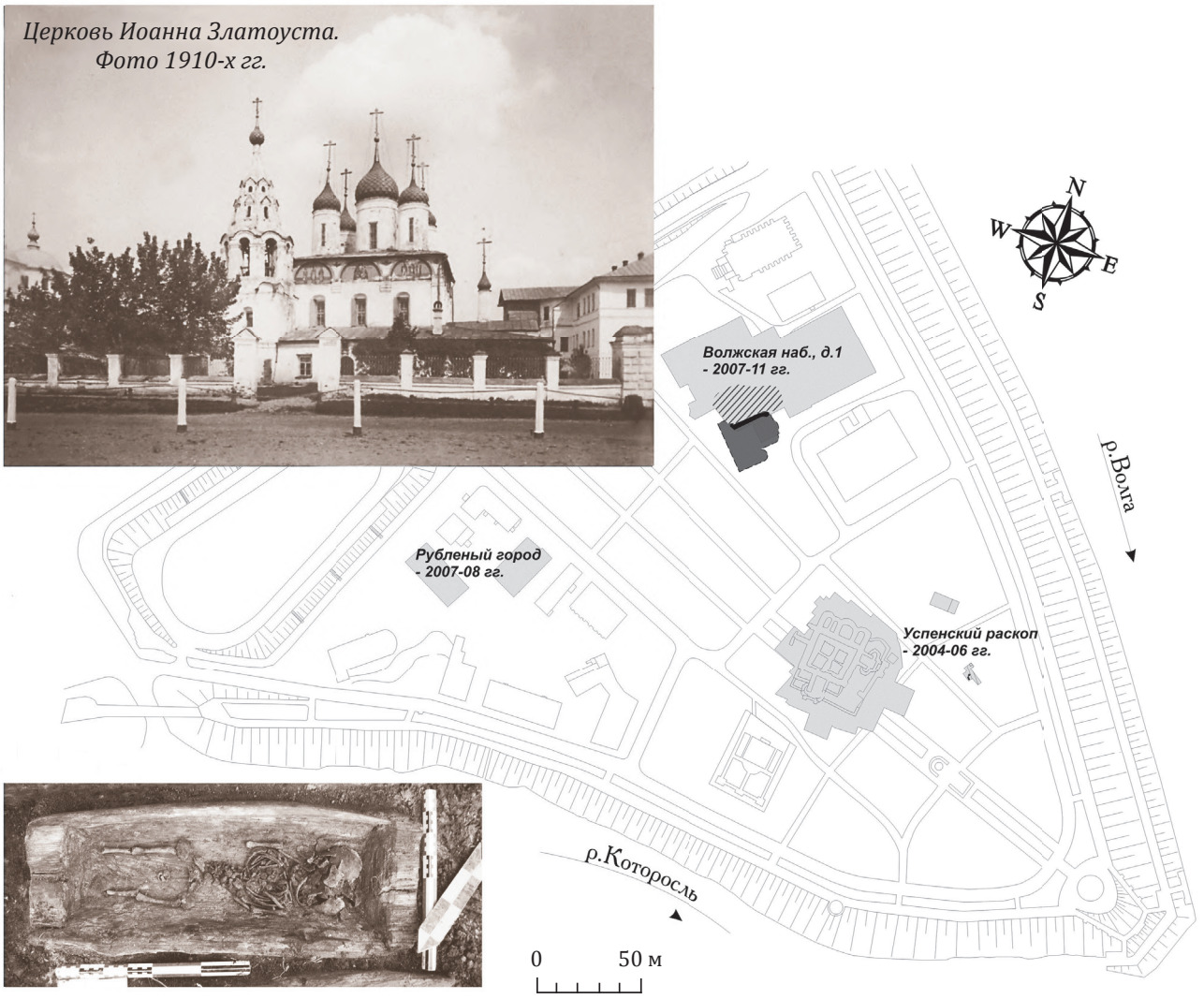


Рис. 1. Участок раскопа 2007, 2009, 2010 гг. в г.Ярославле

Демографические особенности

Суммарная численность выборки XVI–XVII вв. составила 198 индивидуумов разного пола и возраста. По материалам раскопок 2009 и 2010 гг. была проведена более дробная дифференциация материалов на XVI и XVII вв. (соответственно 78 и 51 человек). В качестве контрольной выборки использованы хорошо датированные погребения XVIII в. (29 человек). Поздние и датированные широким диапазоном погребения в диахронный анализ не включались. В объединенной выборке из погребений XVI–XVII вв. (N=198) средний возраст смерти взрослого населения составил 33,4 года (у мужчин и женщин соответственно 35,4 и 31,2). Ожидаемая продолжительность жизни взрослого населения составила всего 18,4 года (20,4 у мужчин и 16,2 у женщин). Основной пик смертности падает на возрастную группу 0–4 года, среди взрослых – 30–34 года (причем это характерно и для мужчин, и для женщин).

Суммарное число детских останков, вскрытых в процессе раскопок 2007, 2009, 2010 гг., – 90. Из них 20 не имеют точной датировки. Для того, чтобы

а

б

Рис. 2. Периостальные изменения у ребенка 4-х месяцев: а) в области метафиза лучевой кости, б) диафизарной части плечевой кости (срез на уровне середины диафиза)

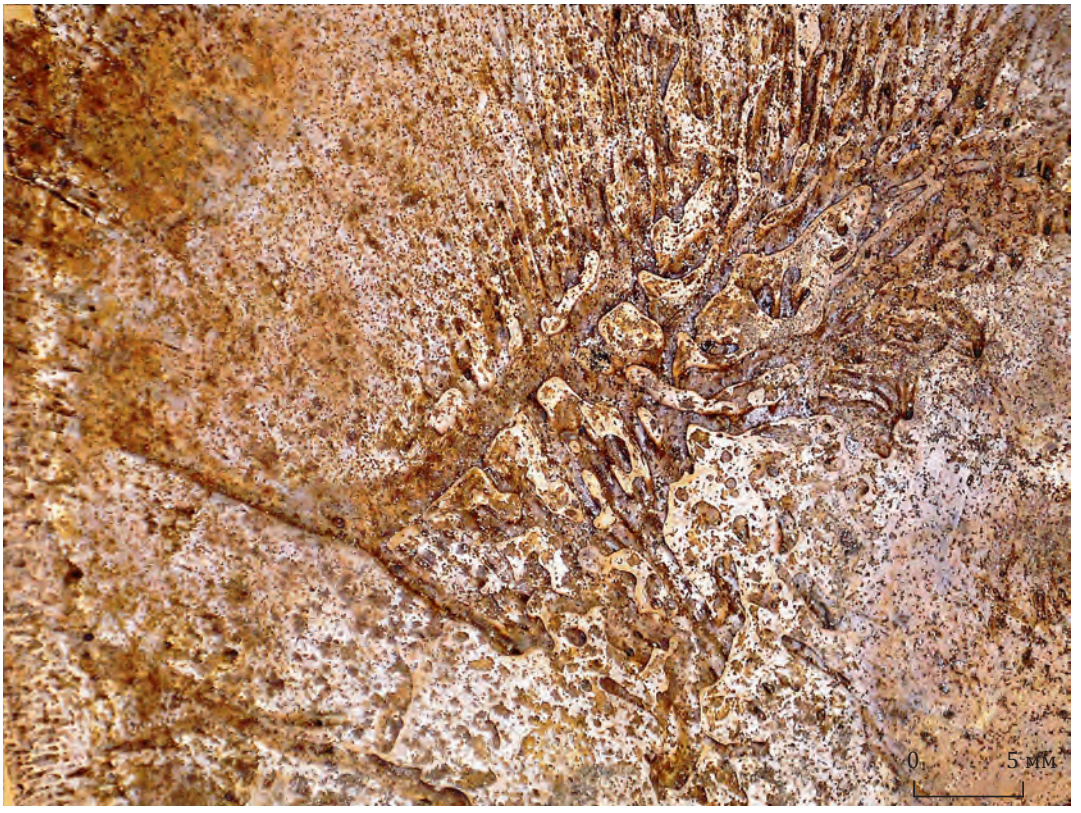
проследить диахронную динамику частоты встречаемости патологических проявлений, в дальнейшем мы опирались на материалы из погребений, датированных более узким интервалом (20 индивидуумов XVI в., 19 индивидуумов XVII в., 9 – XVIII в.).

Патологические проявления

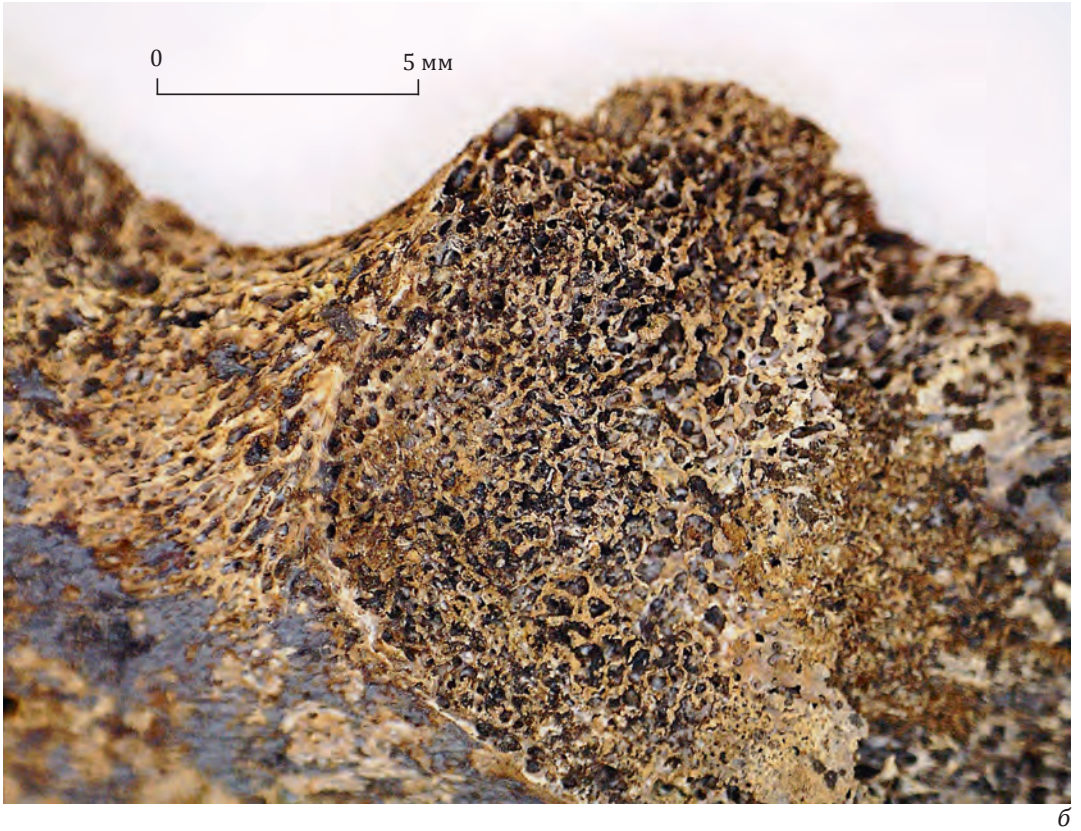
Уже первое знакомство с коллекцией позволило выявить пять детских скелетов с очевидными патологическими изменениями на костях черепа и скелета в виде субпериостальных реакций, пороза и локальных геморрагий[4]. В рамках дифференциальной диагностики эти признаки были соотнесены нами с недостаточностью витамина С, точнее, с младенческим проявлением цинги, известным в научной литературе под названием болезни Мюллера-Барлоу. Цинга – заболевание, вызванное продолжительной нехваткой в рационе питания витамина С (аскорбиновой кислоты). Она способна поражать многие органы и в своем максимальном проявлении может быть причиной высокой смертности населения. Аскорбиновая кислота важна для формирования коллагена. Так как органическая матрица кости состоит в основном из него, недостаток витамина С оказывает особо тяжелое воздействие на растущий организм ребенка. В период внутриутробного развития витамин С поступает плоду через плаценту, поэтому видимые признаки его нехватки появляются не раньше пятого месяца от рождения, достигая пика в 8–10 месяцев первого года жизни.

Скелетные изменения цинги у детей чаще всего развиваются в местах быстрого роста: костно-хрящевых сочленений ребер, в дистальном метафизе бедренной, лучевой и локтевой костей, в проксимальном метафизе лучевой (рис. 2). Часто наблюдаются последствия локальных множественных кро-

[4] Медникова М.Б., Энговатова А. В., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е. «Дети Смутного времени»... С. 115–126.



а



б

Рис. 3. Последствия субпериостальных геморрагий у ребенка 4-х месяцев: а) на лобной кости, б) на подвздошной кости

воизлияний (геморрагий), в том числе со стороны эндокрана (рис. 3). Геморрагии и пороз на детских костях, наличие которых является достаточным для постановки диагноза «цинга», локализуются на внутренней и внешней поверхностях черепа, в глазницах, на альвеолярном крае верхней челюсти, на нижней челюсти, на диафизах длинных костей, на крыле и в супраспинальной ямке лопатки, на поверхности грудинной части ребер, на крыле os sphenoidalis, на задней поверхности скуловой кости, в альвеолах[5]. Использованный нами для диагностики бланк учитывал рекомендации разных авторов.

Обследовав всю коллекцию, мы имеем возможность констатировать постоянное присутствие манифестаций этого заболевания в ярославской детской выборке[6]. В XVI в. болезнь Моллера-Барлоу демонстрируют 68,75 %, а с учетом отдельных более слабых проявлений частота встречаемости авитаминоза С доходит до 87,5 %. В XVII в. ярко выраженные признаки цинги демонстрируют останки 59,1 % детей и 72,7 %, если включать не столь достоверные случаи. В XVIII в. число цинготных проявлений достигает 66,7 %.

Кроме того, при обследовании выборки XVII в. были зафиксированы отчетливые патологические проявления, по всей видимости, сопряженные с врожденной бактериальной инфекцией.

Мы оценили процентную встречаемость опасных хронических заболеваний в скелетных выборках ярославских детей XVI–XVIII вв.[7]. Цинга проявляется на протяжении всего этого периода, ее встречаемость максимальна уже в XVI в. В выборке XVII в. процент цинги несколько снижается, но, возможно, ее проявления маскируются благодаря присутствию нового заболевания – врожденного сифилиса. В XVIII в. ситуация также весьма неблагоприятна, так как вновь высок процент цинги и сохраняет свое распространение специфическая бактериальная инфекция.

Диахронное рассмотрение смертности детей от цинги в каждом возрастном интервале свидетельствует о серьезных отличиях. Самая высокая младенческая смертность от болезни Моллера-Барлоу как до полугода, так и до полутора лет характерна для выборки XVI в. Самая «благоприятная» картина – в серии из погребений XVIII в., где после пика смертности младенцев до полугода встречены отдельные проявления цинги у четырехлетних детей и у подростков. Наконец, наиболее сложна картина в выборке XVII в., где цинга встречается не только у маленьких детей до 2,5 лет, но и в возрастной категории 5–10 лет.

[5] Козак О. Д. Кияни княжої доби. Київ: Академперіодика, 2010. С. 154.

[6] Медникова М. Б., Энговатова А. В., Решетова И. К., Шведчикова Т.Ю., Васильева Е. Е. Эпидемиология войны и Смуты ... С. 154–171.

[7] Там же.

Изотопный анализ костной ткани погребенных: к вопросу о пищевых традициях населения г. Ярославля в XVI–XVII вв.

Нами были проведены определения соотношения изотопов углерода 13/12 C, азота 15/14 N с целью влияния авитаминоза на изотопный состав основных структурных белков кости. Для этой цели были отобраны образцы костной ткани индивидуумов из погребений XVI–XVII вв., в том числе младенцев с внешними признаками болезни Моллера-Барлоу (недостаток витамина С). В целом полученные показатели указывают на сбалансированное соотношение углеводов и белков в рационе взрослых, что соответствует картине, ранее выявленной при изучении населения Ярославля XIII в.[8].

Как известно, дети до одного года вскармливаются молоком, то есть получают высокобелковую пищу. В соответствии с закономерностями изотопного фракционирования, индивидуумы с высокобелковой диетой характеризуются повышенными показателями дельта азота. Однако изученные нами образцы костной ткани младенцев с симптомами витаминной недостаточности показали пониженные значения, сопоставимые с параметрами у взрослых. Наиболее низкое значение азота определено для ребенка 3 лет с проявлениями авитаминоза С. Итак, нами впервые выявлены изотопные маркеры нарушения полноценного усвоения белковой пищи.

Эпидемиологическая ситуация XVI–XVII вв. по данным историков медицины. Роль социальных факторов и климатических изменений

Население XV–XVII вв. испытывало постоянную угрозу смертельных болезней. В истории медицины остались сведения о «море» в Смоленске 1402 г., во Пскове 1403, 1406 и 1408 гг. (легочная и бубонная форма чумы)[9]. Эпидемии «мора» 1409 и «костолома» 1414 гг. современные авторы соотносят с гриппом[10]. В 1417 г. чума приходит в Псков, Новгород, Ладогу, Тверь, Владимир, Дмитров, Торжок, о чем есть упоминания в Никоновской и Воскресенской летописях[11]. В 1419–1420 гг. эпидемия предположительно сыпного тифа охватывает Ярославль, Суздаль, Киев, Переяславль, Галич, Ростов, Кострому[12]. В 1424 г. эпидемия

[8] Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И. Коллективные захоронения в Ярославле: реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. М., 2013. № 228. С. 109.

[9] Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России: (материалы и очерки). М: Медгиз, 1960. С. 36.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 37.

чумы «в Немцех, и в Литве, и во Пскове, и в Новегороде, и во Твери, и на Москве, и по всей Русской земле…». В 1425 г. мор (чума) «пришел от Немец в Псков, а оттоле в Новгород и до Тверь и на Москву доиде..». В 1427 г. на Руси был мор «прыщем», то есть черная оспа. В 1442–1443 гг. в Пскове вновь свирепствовала бубонная чума. Она повторилась в Пскове и Новгороде в 1465–1467, 1478, 1486–1487 гг.[13]. В Европе XV–XVI вв. свирепствовала загадочная «английская потница», давшая пять эпидемических волн – «настолько остра и ужасна, что со времени существования рода человеческого никто не запомнил ничего подобного». По мнению отечественных историков эпидемиологии, если эта болезнь и была на Руси, то уже в XVI в., когда она отмечена в Германии, Дании, Норвегии, Польше, Литве[14]. В 1506–1508 гг. чума в Пскове и Новгороде, в Новгороде умерло 15 396 человек[15]. В 1521 г. сильнейшая эпидемия неизвестного заболевания разразилась в Пскове и Москве (по времени совпадает с «английской потницей»). 1527, 1530 гг. – по-видимому, этой же болезнью охвачены Великий Новгород и Колывань. Одновременно в Лифляндии от «английской потницы» погибло две трети населения страны[16]. В 1533 г. в Новгороде оспа. Но, в отличие от пограничных Смоленска, Новгорода и Пскова, внутренние регионы страны, включая Ярославль, долгое время избегали эпидемий, вплоть до страшного 1654 г. «Что касается до Московской области и пограничных с нею, здесь вообще воздух свежий и здоровый, здесь мало слышали об эпидемических заболеваниях и моровых поветриях… Следует поэтому весьма удивляться, что в нынешнем 1654 году во время Смоленской войны в Москве появилось поветрие и сильная чума»[17].

Наконец, в 1499 г. на Руси впервые официально описан сифилис в наказе русскому послу в Литве Мамонову: «Спокойно ли между польскою и помянутыми державами? Так же спросить в Вязьме, не проезжал ли кто из Смоленска с тою болезнью, что боляски мечутся? А словет французская, а будто в Вильне ее привезли»[18]. Если быть точными, то еще раньше под 1493 г. в Густинской летописи, служащей прибавлением к Ипатьевской, сообщалось: «Явися у Польши новая немощь, глаголемая Франца, ю же некая жена, ходящее на отпусты, принесе в Риму до Кракова». Представления о польских корнях этого заболевания, по-видимому, были очень распространены, если в 1667 г. придворный врач царя Алексея Михайловича Сэмюел Коллинз упоминал, что сифилис занесен в Россию из Польши во время войны с поляками (1444–1500 гг.)[19]. Очевидно, что в XVI–XVII вв. сифилис становится очень распространенным заболеванием, часто оставаясь нераспознанным. В первую очередь, это касается внутриутробно инфицированных зараженными матерями детей, которых могли называть «золотушными» и т. п. Данные палеопатологии подтверждают раннее спорадическое присутствие сифилиса на территории Евразии[20]. Типичный сифилис присутствует на сельском погосте Можайска в XV в.[21].

XVII в. выделяется особо неблагоприятным стечением обстоятельств. Как подчеркивал Р. Г. Скрынников[22], начало века совпало с крупнейшим похолоданием в Европе за истекшее тысячелетие. В различных концах континента резко сократилась продолжительность теплых летних сезонов, наблюдались сильные морозы и обильные снегопады. Районы с наиболее суровым климатом пережили аграрную катастрофу. Два подряд неурожайных года начиная с 1601 привели к полному истощению запасов продовольствия. Люди ели древесную кору, траву, вылавливали кошек и собак. Сложная политическая ситуация Смутного времени также сказывалась на здоровье населения самым неблагоприятным образом.

Еще в начале XX в. географ и климатолог профессор М. А. Боголепов (1907 г.), опираясь на исследования русских летописей и исторических записок, касающихся центральных областей Русской равнины, обсуждал данные по палеоклимату и физической географии. М. А. Боголеповым была выявлена взаимосвязь неблагоприятных социально-экономических явлений с эпохальными изменениями климата. Прямую взаимосвязь колебаний годовых температур (засушливое лето – морозная зима[23]) подтверждает исследование влияния толщины снежного покрова на температуру весны. По имеющимся статистикам «из 19 случаев летнего мороза, причинявшего тот или иной вред растительности, 12 случаев прослежено после многоснежных зим»[24].

«Но вот наступает 60-й год (XVI в. – *Авт.*), <…> это последний год, под которым в летописи запи-

[13] Васильев К. Г., Сегал А. Е. Указ. соч. С. 38.

[14] Там же. С. 39.

[15] Там же. С. 41.

[16] Там же. С. 42.

[17] Олеарий А. Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: А. С. Суворин, 1906. С. 158.

[18] Там же. С. 40.

[19] Там же.

[20] Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.

[21] Энговатова А. В., Бужилова А. П., Медникова М. Б., Филберт В. Н. Предварительные результаты исследования погоста XV в. в г. Можайске // Практика и теория археологических исследований / отв. ред. А. С. Смирнов. М.: ИА РАН. 2001. С. 243–259.

[22] Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 26–27. (Жизнь замечат. людей: сер. биогр.; вып. 9 (615)).

[23] Боголепов М. А. О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1907. С. 23–25.

[24] Там же. С. 26.

сана засуха: хотя летописи и продолжаются в семнадцатом столетии, но, с одной стороны, мы видим в них всё реже и реже записи о климатических явлениях, а с другой стороны, и эти немногие записи говорят нам только о дождях и морозах»[25].

В XVI–XVII вв. в г. Ярославле складывается ситуация, до этого момента существовавшая на территории Русского Севера. Так, мы видим наиболее близкую по масштабам аналогию в трагедии группы Воезеро из Вологодской области, относимой к домонгольскому периоду. А. П. Бужилова[26] объясняла возникновение цинги на северных территориях обычаем употреблять в пищу перемороженное зерно. Похолодание климата, достигшее пика в XVII в., как можно судить по результатам нашей работы, вызвало эпидемию цинги у детей и взрослых намного южнее.

[25] Там же. С. 22.

[26] Бужилова А. П. Homo sapiens. История болезни / Ин-т археологии РАН. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 224.

Выводы

Цинга уносила жизни большинства ярославских детей еще до года. Витаминная недостаточность у населения XVI–XVII вв. соотносится с похолоданием климата, спровоцировавшим социальные потрясения той эпохи. Изучение антропологического источника является важным направлением междисциплинарных исследований в археологии, помогая получить независимые данные о качестве жизни и состоянии здоровья людей.

A. V. Engovatova, M. B. Mednikova, M. V. Dobrovolskaya, T. Yu. Shvedchikova, I. K. Reshetova

The Anthropology Source in the Study of the 17th-century Living Standards of the Yaroslavl Population

Key words: Yaroslavl, 15th – 17th cc., diseases of the urban population, paleopathology, isotopic analysis, infantile scurvy.

Abstract: In 2007, 2009 and 2010 the expedition of RAS Institute of Archaeology led by A. V. Engovatova examined the churchyard of John Chrysostom Church in the central part of Yaroslavl city. The works of the expedition allowed to comprise an extensive paleoanthropological collection of the 16th – 17th cc., which had been researched with the methods of paleodemography, morphology, paleopathology and isotopic analysis of osseous tissue. The percentage of the occurrence of dangerous chronic diseases among the Yaroslavl population over a period from the end of the 15th till the 18th cc. was estimated. It was found that most Yaroslavl babies under one year old died from scurvy, the occurrence of which had already reached its maximum in the 16th century. In the selection of the 17th century the percentage of scurvy cases is a bit lower. However, it is probably, that its manifestation was disguised owing to the occurrence of another disease - inborn syphilis. In the 18th century the situation was also rather unfavourable as the percentage of scurvy cases was again high, and a specific bacterial infection was spreading. Isotopes of carbon 13/12C to nitrogen 15/14N ratio was estimated to define the effect of vitamin deficiency on the isotopic composition of the basic structure proteins of bones. The samples of osseous tissue of infants with the symptoms of vitamin deficiency showed lower values comparable to the adults' parameters. The lowest value of nitrogen was defined for a toddler of three years old with the manifestation of vitamin C deficiency. Thus, isotopic markers of the defect of full protein digestion were revealed for the first time. These data were considered against the historians of medicine's information on spreading of crowd diseases in the 15th – 17th cc. Studying of the anthropological source is an important direction in interdisciplinary surveys in archaeology. It helps obtain independent data on people's living standards and state of health.

А. В. Яганов

Исследования строительной площадки Успенского собора 1660–1663 гг. в Ярославле

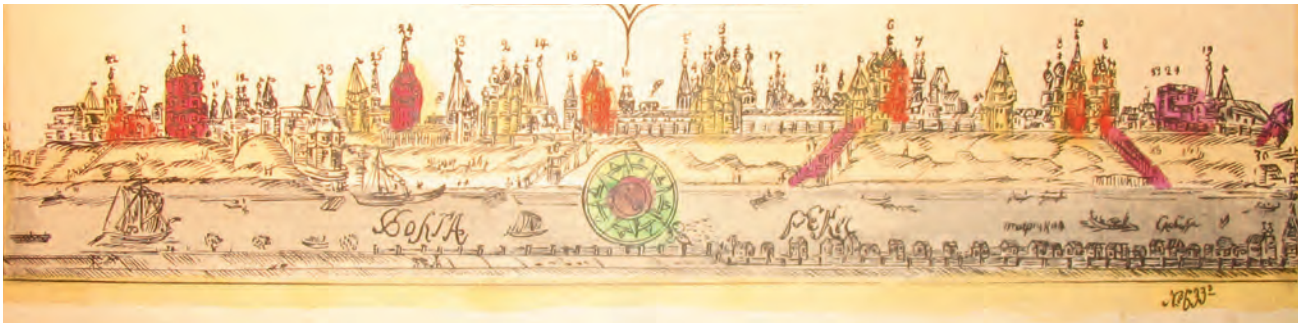


Рис. 1. Вид Ярославля с левого берега Волги. В левой части панорамы – Успенский собор 1643–1646 гг. Изображение на лубочном листе второй половины XVIII в. с рисунка середины XVII в.

Архитектурно-археологическое исследование включает в себя не только изучение руин или скрытых в земле остатков зданий и сооружений, но и выявление следов строительной деятельности, связанных с их возведением, перестройкой или разборкой.

Строительная площадка становится объектом изучения не часто. Это, в основном, отдельные объекты строительного производства, прежде всего печи для обжига кирпича, извести, изразцов, которые находились далеко за пределами места, где возводилось здание. Воссоздание цельной картины конкретной строительной площадки или не интересовало, или мало занимало исследователей. Нередко при раскопках архитектурных объектов не обращают внимания даже на особенности стратиграфии, сосредотачиваясь исключительно на изучаемом сооружении: строительных материалах, конструкциях, особенностях плана и т.п. Прочими наблюдениями иногда пренебрегают настолько, что даже отметки строительных горизонтов оказываются невыявленными или просто игнорируются.

Причина отсутствия информации о подобных объектах еще и в том, что при архитектурно-археологических раскопках площадь вскрытия обычно сопоставима с габаритами раскапываемого сооружения. Не везде и не всегда есть возможность расширить раскоп настолько, чтобы получить информацию о прилежащей к изучаемому сооружению территории.

В 2004–2006 гг. при спасательных раскопках Успенского собора 1660–1663 гг. Ярославской экспедицией такая возможность представилась.

Напомним предысторию вопроса. С XIII по XVII в. в Рубленом городе (кремле г. Ярославля) последовательно сменяли друг друга четыре каменных здания Успенского собора. Два из них в ходе археологических исследований 2004–2008 гг. удалось локализовать, местоположение еще двух остается под вопросом. Но можно утверждать, что по крайней мере три из четырех храмов располагались на разных местах[1].

[1] Яганов А. В., Рузаева Е. И. Успенский собор в Ярославле: история и археология: результаты архитектурно-

Рис. 2. Успенский собор в Ярославле 1660–1663 гг.
Вид с северо-востока. Фото начала XX в.

Причины перемещения зданий, в основном, чисто утилитарны, они не имеют отношения к вопросам сакрализации пространства (таким, как традиционное расположение престола, ориентация здания по странам света и т. п.) и не всегда связаны с обветшанием. Если собор 1215 г. развалился (от ветхости или в результате пожара), то построенный в начале XVI в. вместо него храм, предназначенный к разборке в 1642 г., по предложению воеводы В. Б. Бутурлина даже не был полностью разрушен, а переделан в двухэтажную казенную палатку с поставленной сверху деревянной колокольней. Собор 1643–1646 гг. сильно обгорел в большой ярославский пожар 1658 г. и, видимо, не подлежал восстановлению. К тому же здание находилось близ волжского берега, постоянно подмываемого и срезаемого ледоходами (рис. 1)[2]. В 1660 г. царским указом было предписано построить в Ярославле каменную крепость, которую по размаху можно было бы сопоставить только со смоленской. Масштабам проекта должен был соответствовать и собор, поэтому для него выбрали новую площадку в центре Рубленого города, на месте, ранее занимаемом сгоревшей в пожар городской застройкой. Этот собор был разрушен в 1937 г., а в 2004 г. возник проект его воссоздания, чему предшествовали трехлетние спасательные раскопки (рис. 2).

Площадка раскопа была распространена далеко за пределы габаритов исследуемого здания, что, несмотря на сильную нарушенность здесь культурных отложений, обеспечило научные результаты.

В северо-западной и юго-восточной частях Успенского-1 раскопа выявлены остатки

археологического изучения в 2004–2006 годах // Археология: история и перспективы: 3-я межрегион. конф.: сб. ст. Ярославль: Ремдер, 2007. С. 226–246; Энговатова А. В., Яганов А. В. Новые данные об Успенском соборе в Ярославле по результатам исследований 2008 г. // Археология: история и перспективы: 4-я межрегион. конф.: сб. ст. Ярославль: Рыбинский дом печати, 2010. С. 42–57. Их же. Новые данные об Успенском соборе XIII–XVI вв. в Рубленом городе Ярославля // РА. 2011. № 3. С. 144–153.

[2] Ровинский Д. А. Русские народные картинки: атлас. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1881. Кн. 2: Листы исторические, календари и буквари. № 633; Суслов А. И., Чураков С. С. Ярославль. М.: Стройиздат, 1960. С. 261, примеч. 16.

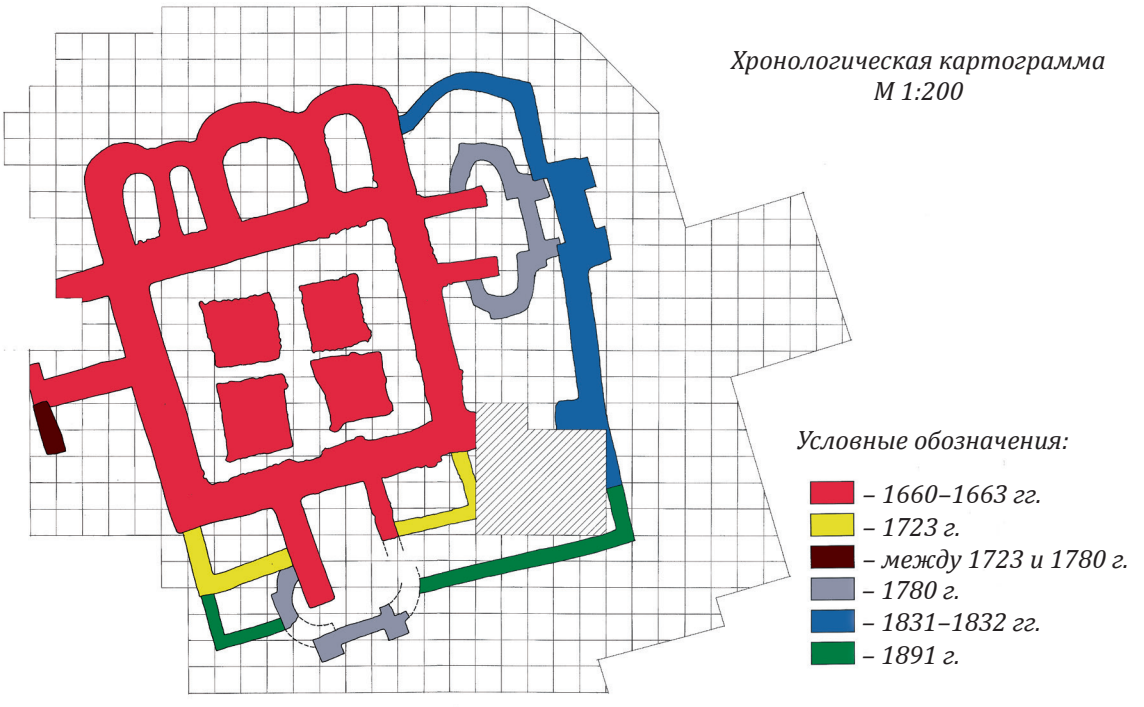


Рис. 3. Хронологическая картограмма Успенского собора 1660–1663 гг.

Рис. 4. Общий вид раскопок Успенского собора 1660–1663 гг. с севера. Фото 2005 г.

строительной деятельности, которые, несомненно, относятся ко времени возведения Успенского собора 1660–1663 гг. (рис. 3–4). Их сохранению способствовало то, что верхние части фундаментов выполнены открытым способом с последующей обратной засыпкой конструкций, возвышающихся до 2 м над горизонтом. В результате вокруг здания образовалась насыпь-«подиум», снаружи обложенная небольшими валунами, которая впоследствии снивелировалась. Она была выполнена из строительного мусора, остатков привозного песка и перемешанного грунта из фундаментных рвов. Насыпь перекрыла прилегающий к стенам собора участок стройки. При разборке собора в 1937 г. подиум был серьезно порушен при выборке фундаментов, но, к счастью, значительные участки строительной площадки не пострадали.

Близ трассы южной стены собора 1660–1663 гг. выявлены отпечатки в известковом растворе настила из деревянных пластин или досок, являвшегося частью емкости для перемешивания компонентов кладочного раствора (рис. 5–8). Сами доски не сохранились; они были уложены по направлению запад–восток, то есть параллельно южной стене собора, поэтому мы склонны полагать, что корыто относится ко времени возведения этого здания. Полностью проследить размеры не удалось: запад-

Рис. 5–6. Раскопки Успенского собора в Ярославле.
Следы емкости для перемешивания компонентов кладочного раствора. Фото 2006 г.

ное и северное окончания конструкции уничтожены; обнаруженный же раскопками участок имеет длину более 11,0 м и ширину около 3 м. Доски длиной около 5 м и шириной 25–30 см были уложены торцами встык с небольшой разбежкой на тонкую (10 см), еще не схватившуюся известковую стяжку, залитую в неглубокий (20–30 см) котлован, отрытый в габаритах конструкции. Появление стяжки можно было бы связывать с раствором, вытекшим из щелей между досками, но его равномерное распределение по всему дну котлована подтверждает предположение о намеренной проливке. Выявлен растворный отпечаток нижней доски борта корыта, который, видимо, несколько возвышался над отметкой строительного горизонта.

После окончания строительства доски были частично разобраны, а котлован засыпан. В верхних слоях засыпки присутствовал счищенный с кирпичей кладочный раствор, а ниже его – массив битой плинфы начала XIII в. со следами кладочного раствора. Вероятно, плинфа, попавшая в засыпку корыта 1660-х гг., происходит непосредственно из стены

Рис. 7–8. Раскопки Успенского собора в Ярославле.
Следы емкости для перемешивания компонентов кладочного раствора. Фото 2006 г.

собора начала XIII в., выявленной и разобранной при планировке территории городища, вблизи строившегося здания. Не исключено, что целая плинфа и большее количество половинок кирпича выбраны и использованы в кладке собора 1660-х гг., а кирпичи, составлявшие ее забутовку, пущены в засыпку. Эта версия объясняет то, что среди плинф, найденных в засыпке, не было ни одной с тычком или ложком, имеющими на поверхности следы лицевой отделки или выветривания.

Перед строительством здания 1660–1663 гг. были разобраны как Успенский собор 1640-х гг., так и предшествующий ему храм начала XVI в., перестроенный в казенную палатку с деревянной колокольней. При этом материал, полученный от разборки, также использовали для нового храма.

Среди элементов строительной площадки следует назвать остатки штабелей кирпича (рис. 9–11). Этот кирпич получен от разборки более ранних зданий, так как на нем имеется кладочный раствор со следами счисток инструментом (скарпелью, скребком). Один-два нижних ряда кирпича регулярно уложены непосредственно на землю, без подкладных досок или поддонов. Габариты штабелей точно не фиксируются; возможно, два фрагмента, выявленных в юго-восточной части раскопа, принадлежали к единому штабелю. Размеры выкладки в северо-западной части раскопа около 2×3 м. Здесь выкладка имеет заметный наклон от фундаментного рва, что может говорить об укладке штабеля после или в процессе его разработки непосредственно на отвал выброшенного грунта. Кирпичи нижнего ряда не были использованы, так как он оказался засыпанным, захоженным или специально оставлен как часть временной вымостки на период строительства. Отметка нижнего ряда штабеля убедительно фиксирует горизонт строительства собора.

Отсутствие в штабелях нового кирпича можно объяснить тем, что вторичный кирпич разбивался и использовался как щебень для заделки швов между валунами в подземной и надземной зонах фундамента. После возведения надземной части до верхнего обреза фундамента был насыпан подиум, скрывший собой участок начального этапа строительства. Поэтому новый кирпич, предназначенный для кладки стен собора, штабелировали уже на верху площадки.

На строительной площадке вблизи стен собора 1660–1663 гг. выявлены ямы и заглубленные постройки, содержащие отходы строительной деятельности. Засыпка состояла из битого рядового и профилированного кирпича (полкирпича, 1/3, 1/4 и более мелкий щебень) как бракованного (без кладочного раствора), так и полученного от разборки предшествующих зданий, отесков белого камня, счищенного кладочного раствора.

Рис. 9–11. Остатки штабелей кирпича на строительной площадке собора 1660–1663 гг. Фото 2004–2006 гг.

Рис. 12–15. Планировка площадки вокруг Успенского собора начала XVI в. фрагментами большемерного кирпича и остатками бутового камня. Фото 2006 г.

Эталонными можно назвать яму и конструкцию в южной части раскопа. Наличие здесь кирпичей XVI в. с кладочным раствором; XVII в. с кладочным раствором; бракованного кирпича XVII в. без раствора, с брызгами извести или раствора показывает нам, что эти материалы оказались здесь в процессе возведения здания 1660–1663 гг. или при последующей планировке территории. Присутствие в едином комплексе кирпичей и архитектурных деталей XVI и XVII вв. со следами отделки связано с разборками соборов 1510-х и 1640-х гг., кирпич XVII в. без раствора был отбракован при строительстве здания 1660–1663 гг.

В восточной и юго-восточной части раскопа удачно совместились следы двух разновременных строительных площадок: начала XVI в. и 1660–1663 гг. Остатков временных сооружений здесь не обнаружено, но выявлено несколько крупных развалов фрагментов большемерного кирпича и бутового камня. Фрагментами кирпича и мелкого (10×10–20×20 см) бута засыпаны ямы и неровности рельефа, что, возможно, связано с планировкой территории после окончания строительства (рис. 12–15).

Характеристики кирпичей, составляющих засыпку, соответствуют материалам начала XVI в. Кирпичи без кладочного раствора от целых (выявлено два) до фрагментов от ½ до 1/4 и менее. Кроме того, найдено несколько обломков плинфообразного кирпича (наиболее крупный фрагмент шириной 17,5 и толщиной 6,5 см) и плинфы начала XIII в. (толщина 4,5 см). Профилированных большемерных кирпичей не встречено.

Верхние отметки кирпичных и бутовых засыпок находятся ниже отметки строительного горизонта 1660–1663 гг. и перекрыты темным культурным слоем, следовательно, они относятся к предшествующему строительному периоду. Формат и особенности обжига кирпича не позволяют отнести его ко второй половине XVII в.: хотя этот кирпич встречен нами в кладке фундаментов и блоках кладок стен 1660–1662 гг., но во вторичном использовании, уже имея на поверхностях первоначальный кладочный раствор. Кирпич и бутовый камень из засыпок не имеют раствора, поэтому их надлежит характеризовать как брак и неиспользованные остатки, примененные для планировки территории после завершения строительства.

Наблюдения сезонов 2004 и 2005 гг., подкрепленные новыми данными, позволяют уверенно отнести эти строительные материалы к началу XVI в., а планировки, выполненные с использованием этих материалов, – ко времени после постройки Успенского собора 1510-х гг. К сожалению, значительная часть строительной площадки в той или иной мере перебита фундаментными рвами поздних пристроек и ямами. Поэтому полностью проследить расположение и характер вспомогательных сооружений невозможно. Но сделанные наблюдения дают надежную информацию как для датировки исследуемого здания, так и для изучения организации средневекового строительного производства.

A. V. Yaganov

Survey of the Construction Site for the Cathedral of the Dormition of the Virgin (1660–1663) in Yaroslavl

Key words: construction machinery, architectural archaeology, construction arrangements, architecture of Muscovy, brick.

Abstract: The archaeological study of the surfaces surrounding the ancient building structures, where the preliminary works were done, can rarely be carried out. The area of an excavation is usually close to a construction spot, so the constructional site is out of its coverage. The rare opportunity to examine the neighboring zone of the Dormition (Uspensky) Cathedral of 1660–1663 in Yaroslavl is remarkable as the Cathedral was built on the area where there had not been a monumental building earlier and its constructional horizons are clearly correlate with its history. During the excavation works jetting bowls and batches of bricks were examined, many construction techniques were revealed (for example, two meters heaping up of the foundations with the construction waste that had formed a podium, faced with boulders). The ways of using recycled materials during the construction, which were received owing to the demolition of the ancient temples of the 13th and the 15th cc., have also been examined.

Н. М. Рогожин

Эволюция приказной системы управления в XVII в.

XVII в. занимает особое место в истории России. Это время небывалых противоречий и контрастов в политической, экономической, дипломатической и духовной жизни общества. Век по праву окрестили «бунташным», в современной историографии он известен как переходный – от Средневековья к Новому времени. С философско-антропологической точки зрения при переходе от Средневековья к Новому времени период «души» уступает место эпохе «разума». В это время человеческая личность пытается обрести свою индивидуальность. На протяжении всего столетия многочисленные народные движения создавали почти постоянное социальное напряжение. В начале века оно было вызвано польско-литовско-шведской интервенцией – это время получило меткое определение Смута. Это был период острейшего политического и социального кризиса, в котором переплетались сословные, национальные, внутриклассовые и межклассовые противоречия. Менялись цари, разные части страны и даже соседние города одновременно признавали власть разных правителей, целый ряд регионов отказывался подчиняться центральному правительству – всё это требовало от государства максимального напряжения ресурсов для стабилизации обстановки.

Ситуация усугублялась тем, что практически с самого начала Смутного времени во внутренние дела России открыто вмешивались зарубежные державы. Под вопрос была поставлена политическая и национальная независимость русского народа. Между 1600 и 1620 г. Россия потеряла около половины населения (в Москве оно уменьшилось на 33%). И тем не менее, эта болезнь государственного организма закончилась выздоровлением[1].

В 1613 г. Земский собор избрал на престол Михаила Романова, тем самым утвердив новую династию российских государей. После подписания Деулинского перемирия с Речью Посполитой (1618 г.) и размена пленных Московское государство вышло из многолетнего внешнеполитического кризиса и начало борьбу за обретение утраченных в Смуту территорий.

Следующим шагом стало восстановление экономики и государственного аппарата. В 1615–1616 гг. усиливалось налоговое давление. Боярская дума и Земский собор приняли закон о введении чрезвычайного налога (20 % доходов и налог на земельную собственность). Знаменитые купцы и солепромышленники Строгановы, например, должны были уплатить огромную по тем временам сумму – 56 тыс. руб. Следующий Земский собор (1619 г.) принял ряд важных решений: сделать опись земель, облагаемых налогом, и способствовать добровольному возвращению крестьян на прежние места проживания; утвердить новый бюджет страны. Решено было также создать особую палату для обжалования действий чиновников, злоупотребляющих своей властью, и выработать проект реформы местной администрации, отдавая предпочтение собраниям выборных представителей.

После Смуты структура восстановленной государственной власти осталась прежней. Важно подчеркнуть, что образцы государственного управления именно предшествующего периода послужили основой возрождавшейся России, что свидетельствует о глубоких и самобытных корнях российской государственности[2].

По подсчетам крупного знатока российской приказной системы XVII столетия С. К. Богоявленского, по состоянию на 1611 г. на государственной службе числилось 72 дьяка, примерно такое же количе-

[1] Ключевский В. О. Русская история. М.: Мысль, 1995. Кн. 2. С. 204.

[2] Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 485 с.; Его же. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 792 с.

ство представителей приказной бюрократии было и в царствование Михаила Романова. В правление Алексея Михайловича число дьяков постепенно возрастает (до 124 человек), а при царе Федоре Алексеевиче и в период регентства царевны Софьи их количество достигает наивысшего уровня (178 человек). При этом количество центральных ведомств – приказов – оставалось практически неизменным, составляя в разные десятилетия от 39 до 45[3].

В 1626–1633 гг. были проведены военные реформы: наняты 5 тыс. иноземных пехотинцев, офицеров-инструкторов и литейщиков пушек; закуплено вооружение в Голландии и Германии. Все эти меры, конечно, сопровождались большими расходами, которые вели к увеличению налогов. Следствием было расширение полномочий и компетенции выборных земских властей и судов за счет ограничения власти наместников. В 1641 г. право владельцев преследовать своих беглых крестьян распространили на все области страны, но ограничили десятью годами. Разрешались продажа и передача крестьян. В июне 1648 г. население Москвы взбунтовалось. Причиной волнений стало увеличение налогов и мздоимство окружавших царя бояр.

В этой обстановке происходило в 1649 г. принятие Соборного уложения – главного законодательного акта России на два последующих века. Почти тысяча его статей воспроизвела кодекс Ивана IV, дополненный включениями из литовского и византийского законодательств. Согласно Уложению, крестьян окончательно прикрепили к земле, привилегии иностранцев были отменены, церковь сильнее была подчинена государству. Новый свод законов также отразил возросшую власть самодержавного монарха. Специальные главы были посвящены охране жизни и чести, а также здоровья царя. Вводилось понятие «государственного преступления», причем не делалось никакого различия между преступлением против государства и действиями, направленными против личности государя. Помимо прочего, Соборное уложение регламентировало все основные стороны жизни и деятельности государственных учреждений[4].

Отдельного акта или группы актов, устанавливающих количество и номенклатуру приказов или даже официально подтверждающих существующую структуру, в русском законодательстве XVII в. нет. Однако, поскольку система приказов была гибкой и подвижной и быстро реагировала на изменения политической жизни страны и государственных приоритетов, время от времени появлялись указы, объявлявшие о создании, упразднении или реорганизации отдельных приказов.

Так, несомненным свидетельством возросшей власти царя явилось создание в середине XVII в. приказа Тайных дел – личной канцелярии государя, позволявшей ему в разрешении важнейших государственных вопросов обходиться без Боярской думы. Исполняя поначалу функции тайной полиции и сословного суда, приказ стал позднее органом контроля за администрацией. Основной функцией приказа Тайных дел, просуществовавшего до самой смерти царя Алексея Михайловича (1676 г.), был контроль за деятельностью приказов. Царь мог сделать запрос различных дел, сведений, отчетности, назначить проверку приказного делопроизводства со своим личным участием. Он посылал подьячих приказа Тайных дел для секретного наблюдения за деятельностью некоторых должностных лиц (послов, воевод и др.). Приказ рассматривал челобитные, поданные лично царю, и мог принимать по ним решения, минуя Боярскую думу. Это ведомство рассматривало также дела важнейшего государственного значения (дело патриарха Никона, материалы следствия по делу Степана Разина), а также руководило другими делами самого разнообразного характера. Размещался приказ Тайных дел во дворце, и его дьяки пользовались большим влиянием в государственных делах.

Дальнейшее укрепление единодержавия было связано с созданием (1655 г.) центрального органа государственного финансового контроля – Счетного приказа. Он занимался проверкой правильности и законности финансовых операций различных приказов. Но недовольство приказной бюрократии было столь велико, что после смерти Алексея Михайловича Счетный приказ был упразднен. Та же участь постигла и созданный в 1649 г. Монастырский приказ, появление которого было враждебно встречено духовенством. Суду этого приказа были подчинены все монастыри и духовные лица, а также их крепостные (кроме патриарха и патриарших приказных людей). Монастырский приказ имел и административную власть: определял и отрешал от места настоятелей монастырей, выбирал священников и дьяконов, пересматривал решения епископов.

Все приказы XVII столетия можно разделить на три большие группы: общегосударственной компетенции, дворцовые, патриаршие. Первая группа приказов сосредоточивала в себе основные функции по управлению Российским государством. Она являлась самой многочисленной и включала в себя как постоянные, так и временные приказы. Из них в аспекте нашей темы особо отметим некоторые.

Панский приказ, упоминающийся в 1614–1623 гг., ведал служилыми людьми из Польши и Великого княжества Литовского, попавшими в плен

[3] Богоявленский С.К. Приказные дьяки XVII века // Исторические записки. М.: Изд-во Акад. наук, 1937. Т.1. С. 228–229.

4 Леонтьев А.К. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. Ч.1. С. 304–305; Мартысевич И.Д., Шульгин В.С. Право и суд // Там же. С. 331–332.

и поверстанными в военную службу или поступившими добровольно в ходе событий в период и после Смутного времени. Первоначально, возможно, имел отношение и к обмену пленными. Впоследствии ведал также распределением шляхтичей по полкам, выдачей им жалованья, судом и другими вопросами, связанными с их службой и проживанием (за исключением найма в Россию и отпуска на родину, что было функцией Посольского приказа). Приблизительно в 1624 г. преобразован в Иноземский приказ.

С начала присоединения Сибири этот регион ведался четвертями разных дьяков, а в 1599–1636 гг. – Казанским приказом. Из последнего вырос Сибирский приказ, учрежденный (1637 г.) в связи с выделением в отдельное управление территории за Уралом. Сибирский приказ ведал значительным числом вопросов, в том числе назначением и сменой местной администрации; финансовыми, фискальными и таможенными делами; организацией экспедиций землепроходцев; строительством острогов, слобод; обеспечением населения провиантом и устройством казенной пашни. Приказ финансировал другие государственные учреждения, поставлял ко двору мех, шелк и пр.; осуществлял поиск полезных ископаемых и организацию первых рудников и заводов в Сибири. Управление Сибирью приказ осуществлял через воевод сибирских разрядов, возникших в XVII в.: Тобольского и Томского (1629 г.), Ленского (1639 г.), Енисейского (1677 г.).

Приказ Сыскных и управных литовских дел (приказ Сыскных и управных дел Устюжской чети, приказ Литовских управных дел) упоминается в 1647–1651 гг. как комиссия, ведавшая тяжбами (финансового и уголовного характера) между подданными России и Речи Посполитой. Находился под общим управлением с Посольским приказом и Устюжской четью; на базе последней, возможно, и функционировал (судя по фрагментам сохранившейся документации).

Приказ Великого княжества Литовского (Литовский приказ) упоминается с марта 1656 г. по декабрь 1666 г. и возник из временного стола царской ставки под руководством боярина С. Л. Стрешнева для управления территориями, занятыми в ходе войны с Польшей. В его функции входили руководство воеводами занятых городов; служба, верстание поместным и денежным окладом, землевладение шляхты, ее дворянские права, отношения с крестьянством, в том числе и для шляхтичей, переселившихся в другие регионы России. Приказ контролировал также сбор налогов и повинности городского населения. Юрисдикция этого приказа не распространялась на дворцовые земли (приказ Большого дворца) и на назначение воевод (Разрядный приказ). По мере сокращения территории Великого княжества Литовского, занятой русскими войсками, сокращалась и деятельность приказа Великого княжества Литовского. После смерти главы приказа, С. Л. Стрешнева, указом от 10 декабря 1666 г. все подведомственные ему территории были переданы Посольскому приказу, где возникает Смоленский стол (около 1667 г.), а в дальнейшем – Смоленский приказ.

К июлю 1658 – 1662 г. относятся упоминания приказа Лифляндских дел (приказа Лифляндской земли). Он существовал в период Русско-шведской войны (1656–1658 гг.) для управления территориями, оставленными за Россией по Валиессарскому перемирию (декабрь 1658 г.): Южная Эстония – Дерпт, Кокенгаузен, Маринборг, Нейгаузен; Латгалия – Влех, Динабург, Лютин, Режица. Прекратил существование, видимо, по возвращении этих территорий Швеции по Кардисскому договору (21 июня 1661 г.).

Приказ Калмыцких дел упоминается лишь в 1661 г. Это центральное учреждение возникло после официального перехода калмыцких тайшей в русское подданство (1656, 1657, 1661 гг.). Приказ ведал формированием калмыцких вооруженных сил для посылки их против Крымского ханства и на другие театры военных действий. Возглавлялся боярином князем В. Г. Ромодановским и дьяком И. С. Гороховым, которые и ранее ведали сношениями России с калмыцкими тайшами. В дальнейшем эти функции перешли к астраханским воеводам.

Для управления занятыми в ходе боевых действий территориями Левобережной Украины (Глухов, Киев, Нежин, Немиров, Новгород-Северский, Переяслав, Погар, Почеп, Ромны, Стародуб, Чернигов, Чигирин) действовал в 1662–1722 гг. Малороссийский приказ (приказ Малой России). Он был подчинен Посольскому приказу, но имел собственное делопроизводство и штат. В 1662–1670 гг. он возглавлялся боярином П. М. Салтыковым, думным дворянином А. С. Матвеевым; с 22 февраля 1671 г. – главой Посольского приказа. Малороссийский приказ ведал официальными сношениями русского правительства с украинскими гетманами (на уровне посольств) и контролировал их внутри- и внешнеполитическую деятельность через приказно-воеводскую систему управления (сосуществовавшую на Левобережной Украине с местными формами власти – полковой администрацией и ратушным самоуправлением). Кроме того, приказ ведал внешними сношениями Украины, разведкой и контрразведкой, материальным обеспечением стоявших там русских войск, фортификационными работами в городах и на оборонительных линиях, финансовой поддержкой запорожского войска и православного духовенства, передвижением иностранцев, пленными, а также украинцами на территории России.

Приказ княжества Смоленского (Смоленский приказ) являлся центральным государственным

учреждением по управлению Смоленским регионом. Возник (1667 г.) после ликвидации приказа Великого княжества Литовского (декабрь 1666 г.) в качестве «Смоленского стола» Посольского приказа. До мая 1670 г. находился в ведении Посольского приказа; затем в составе Новгородской чети (1670–1671 гг.), Устюжской чети (1671 – сентябрь 1672 г.) – весь этот период под верховным управлением Посольского приказа. В октябре–декабре 1672 г. входил в состав Стрелецкого приказа. С января 1673 г. приказ княжества Смоленского находился под единым управлением со Стрелецким приказом. С 1680 г. Смоленский приказ был подчинен Посольскому и управляется его руководством. В ведении приказа княжества Смоленского находились назначение и смена городовой воеводской администрации, шляхта, рейтары, стрельцы и посадские люди Смоленщины. Еще Смоленский стол провел в конце 1660-х гг. разбор и верстание смоленской шляхты, а также питейную реформу (сохранил привычные для региона формы «шинков» без государственной монополии).

Центральным учреждением в подчинении Посольского приказа стал приказ Великой России, или Великороссийский приказ (1687–1700 гг.), управлявший территорией и населением Слободской Украины (Ахтырский, Изюмский, Острогожский, Сумской, Харьковский слободские полки), верстанием городовых казаков (русских и переселявшихся с Украины), их службой, жалованьем, строительством городов и засечных черт, таможенными, кружечными и прочими казенными сборами.

Подчеркнем: в XVII столетии, как и в предыдущем, важнейшими были Поместный, Посольский, Разрядный приказы[5]. Поместный приказ функционировал на основе указов, а также глав XI, XVI–XVIII Соборного уложения. Юрисдикция Поместного приказа распространялась на центральные и южные регионы, за исключением территорий, подведомственных приказам Большого дворца, Казанского дворца и Сибирскому. По Новгородскому и Псковскому регионам часть функций лежала на местных учреждениях. Приказ делился на территориальные и тематические столы и повытья: Владимирский, Московский, Псковский, Рязанский, Ярославский столы; с 1682/1683 г. – столы Вотчинной записки (общее делопроизводство, личный состав, дела по челобитьям о выморочных, утаенных и «приписных» землях); с 1705 г. – столы Набора рекрут, Наряда работных людей, Соляной продажи.

Посольский приказ осуществлял внешнеполитические функции государства. Он также ведал южным, осваивавшимся в конце XVI в. регионом (Орел, Воронеж и др.); организацией почты; донскими казаками; поселениями из служилых татар; Мещанской и Немецкой слободами в Москве. Глава Посольского приказа одновременно управлял также «Четью думного дьяка В. Я. Щелкалова» (1584–1595 гг.), Малороссийским приказом (с 1671 г.), Галицкой четью (1667–1689 гг.), Владимирской четью (1667–1677, 1680–1681 гг.), Полоняничным приказом (с 1670 г.), Смоленским приказом (с 1680 г.), Новгородской четью (с 1682 г.), Устюжской четью (с 1686 г.), приказом Великой России (с 1687 г.). Традиционно глава Посольского приказа являлся хранителем государственной печати. К первой половине XVII столетия Посольский приказ делился на повытья согласно сферам деятельности. В конце XVII в. они распределялись так:

1) Ватикан, Священная Римская империя, Англия, Франция, Испания;

2) греческие и восточные православные иерархи, Голландия, ганзейские города, Крым, Молдавия, Речь Посполитая, Швеция;

3) Дания, Курляндия, Пруссия;

4) Армения, донские казаки, калмыки, Персия;

5) Грузия, Средняя Азия, Китай.

В штат Посольского приказа входили дьяки и подьячие – профессиональные дипломаты, писцы; переводчики (для письменных переводов), толмачи (для устного перевода); картографы; золотописцы и миниатюристы, украшавшие грамоты, расписывавшие их золотом и краской. При Посольском приказе имелся архив, где хранились важнейшие государственные акты, библиотека с русскими и иностранными печатными и рукописными книгами и гравюрами XV–XVII вв. В 1670–1690-е гг. функционировала книгописная мастерская, изготовлявшая уникальные рукописные книги исторического содержания с миниатюрами для нужд царского двора и подарков. В Посольском приказе составлялись «Вести-Куранты» – сборники переводов иностранной прессы для информации царя и центрального аппарата. В начале XVII столетия из Посольского приказа выделился Печатный приказ.

Разрядный приказ состоял из столов[6]: Приказного (суд подведомственных Разрядному приказу лиц и сношения с другими приказами); Денежного (финансы); Московского (думные и московские чины); Владимирского, Белгородского, Новгородского, Севского – территориальных, управлявших разрядами. Имелись также повытья – Киевский и Казанский столы. В конце XVII в. на базе Разрядного приказа функционировали Ответная палата и Палата родословных дел. До 1616 и после 1665 г. Разрядный приказ ведал сбором таможенных и кабацких пошлин в городах Белгородского и Севского разрядов (в 1616–1665 гг. сбор вели четвертные при-

[5] Лисейцев Д. В. Приказная система ...

[6] См.: Новохатко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 445 с.; Ее же. Разряд в 185 году. М.: Памятники ист. мысли, 2007. 640 с.

казы). Разрядный приказ находился под общим руководством с Печатным (1638–1665 гг.), Рейтарским (1680–1681 гг.), Большого дворца, Каменным, Конюшенным, Сыскным приказами. С падением роли дворянского ополчения и постепенным переходом к регулярной армии в конце XVII в. Разрядный приказ теряет значение. Как военное ведомство Разрядный приказ перестает функционировать в период реформ Петра I, с переходом комплектования и управления армией к новым учреждениям (в том числе Генеральный двор). Как ведомство по служебному учету дворянства приказ действовал до указа об учреждении Правительствующего Сената (22 февраля 1711 г.), которым Разрядный приказ преобразован в Разрядный стол Сената.

К рубежу XVI–XVII столетий, после передачи Сибири в ведение Казанского дворца (1599 г.), оформляются территориально-экономические группы городов с пригородами и уездами, подчиненные приказам-четвертям – Владимирской, Галицкой, Костромской, Новгородской и Устюжской. Названные четверти ведали сбором прямых и косвенных налогов, контролем за выполнением денежных и натуральных повинностей. Сборы поступали через государственную (воеводы, наместники и пр.) и сословно-выборную (губные и земские старосты, целовальники) администрацию, ответственную за получение определенных сумм «государева дохода» и обязанную обеспечивать его путем сдачи на откуп, расклада на посад и пр. Судебно-административная юрисдикция четей распространялась только на категории черного тяглого населения посадов и уездов. Четями финансировались дворцовые и общегосударственные приказы, осуществлялась выплата окладного жалованья думным и московским чинам и верхушке служилого города (четвертчикам).

Как учреждения, обеспечивающие один из основных источников финансовых поступлений, чети обычно контролировались руководителями правительств. Поэтому Владимирская, Галицкая, Новгородская чети не раз объединялись под общим руководством с Посольским приказом; Костромская – с приказом Большого дворца и Стрелецким. Географическое распределение территорий сложилось исторически, не было постоянным и зависело от различных факторов (традиционные торговые пути; исторические, политико-хозяйственные связи; финансовый баланс и проч.). В 1676–1680 гг. сбор основных налогов был сконцентрирован в приказе Большой казны. Последний объединил под своим главенством приказ Большого прихода, Владимирскую, Галицкую и Новгородскую четверти. В 1679–1680 гг. указанные чети лишаются большей части своих функций, также перешедших к приказу Большой казны. В 1683–1684 гг. в чети было возвращено поступление данных и оброчных денег и натуральных сборов. Чети прекратили существование на рубеже XVII–XVIII столетий в связи с реформами налоговой системы.

Новая четверть (Кабацкий приказ) была учреждена в 1616 г. для сбора питейных (кабацких) доходов на всей территории страны и борьбы с корчемством. В 1651 г. кружечный сбор передан приказу Большого прихода и приказам, в чьем территориальном подчинении находился конкретный город. В 1665 г. кружечный сбор по Белгородскому и Севскому разрядам был передан Разрядному приказу. В ведении Кабацкого приказа остались Отдаточный двор (оптовый кружечный двор в Москве) и кружечные дворы в Подмосковье. В 1676–1680 гг. Новая четверть работала под общим руководством с приказами Большой казны, Большого прихода, Владимирской, Галицкой и Новгородской четями.

Позволим себе несколько общих замечаний.

Централизация и систематизация приказного управления в XVI–XVII вв. оказывалась невозможной потому, что в основе образования и функционирования приказной системы лежали принципы, не позволявшие ей сложиться в строгую систему отраслевого управления. Сосредоточение в отдельных приказах разнообразных дел сочеталось с распылением однородных, идентичных дел между несколькими приказами, что создавало своеобразную ведомственную чересполосицу. Например, Посольский приказ занимался не только внешней политикой, но и массой других дел (учет живших в России иностранцев, надзор за касимовскими татарами, выкуп пленных и т.д.). С 1560-х гг. Посольский приказ заведовал почтой, делами донских казаков, судом и сбором таможенных и кабацких доходов, назначением воевод, приказных людей и т.д. Поместно-вотчинные дела судились в Поместном приказе, но они же входили в компетенцию некоторых других приказов: Разрядного, Сибирского, Казанского. Полнота прав, присущая деятельности территориальных приказов (Казанский, Астраханский, Сибирский, Смоленский), противоречила функционированию «отраслевых» приказов (Посольский, Разрядный, Поместный). До конца существования приказной системы большая часть страны управлялась через территориальные (областные) приказы. Они обладали всей полнотой власти центральных учреждений, но только на определенной территории. Тогда это было наиболее приемлемо для целостности государства и самодержавной власти.

Специфической чертой института приказов являлась своеобразная система их объединения, состоявшая из главного приказа и присудов. Присуды не имели собственных судей. Такой приказ, не меняя внутренней структуры, подчинялся другому и имел общего с ним судью (он же судья начальствующего приказа). Присуды легко превращались в столы главного приказа и могли «странствовать» из одного приказа в другой. Ликвидация приказа как само-

стоятельной единицы еще не означала, что у него не было перспективы возродиться в виде самостоятельного учреждения – полноценного приказа.

Посредством приказов государство осуществляло не только отраслевое или территориальное управление, дипломатические функции, но и управление социальными группами, формировавшимися и существовавшими в виде специфических общественно-служилых категорий – чинов. Таким образом, приказы являлись и судебными, и административными органами. В судебной сфере процесс централизации также не был ни последовательным, ни прямолинейным. Например, Поместный приказ содержал два полка и вел самостоятельно суд и расправу. Наряду с реставрацией старых приказов создавались новые (Казачий, Иноземный, Рейтарский). Менялось число приказов территориального управления и финансовых. В конце XVII в. создается ряд приказов, связанных с новыми веяниями: Военно-Морской, Адмиралтейский, Артиллерийский. Их возглавляют новые люди, на высокие посты выдвигаются иностранцы. Так, сын голландского купца Андрей Андреевич Виниус (1641–1716) служил в Посольском, Аптекарском, Артиллерийском, Провиантском и Сибирском приказах.

Финансирование приказов отражало суть приказной системы. Создаваемые приказы были поручениями, и под них изыскивался источник финансирования, будь то специальный налог или извлеченная из кассы другого приказа сумма. Кроме того, к приказу была прикреплена конкретная территория, с населения которой он взимал налоги. С годами складывались определенные связки приказов дохода и приказов расхода. Для выполнения финансовых функций была образована целая группа приказов – Большого прихода, Большой казны, Денежного сбора, Сбора пятинных и запросных денег, Счетный и др.

Известно, что с середины XVII в. в Москве при некоторых приказах функционировали школы, в которых, выражаясь современным языком, учащиеся получали среднее специальное образование. С 1654 г. при Аптекарском приказе работала школа по подготовке медицинского персонала для дальнейшей службы в этом ведомстве. Тогда же действовали школа литейщиков при Пушкарском приказе и типографская школа при Печатном приказе. Но эти заведения готовили не служащих административного аппарата, а, по сути, востребованных правительством ремесленников. Не могли подготовить к приказной службе и многочисленные частные учителя.

Подготовка кадров для дальнейшей государственной службы практиковалась при самих приказах. Известный исследователь бюрократизации государственного аппарата феодального периода Н. Ф. Демидова осторожно предположила, что обучение подьячих в Посольском приказе имело место уже в 1621/22 г.[7]. Совершенно уверенно о функционировании школ для подготовки чиновного аппарата для центральных ведомств – приказов – можно говорить с середины XVII в. Связано это было, по всей видимости, с тем, что стремительно увеличивался штат московских приказов и пополнять его прежним, спорадическим способом становилось затруднительно. С 1664 г. в Москве действовала государственная школа, предназначенная специально для обучения подьячих приказа Тайных дел – одного из важнейших в царствование Алексея Михайловича. Основал ее в Заиконоспасском монастыре Симеон Полоцкий, обучавший латыни и грамматике. Уже в 1668 г. первые ученики школы в составе дипломатической миссии А. Л. Ордина-Нащокина выехали в Курляндию. В 1669 г. Симеона Полоцкого сменил Сильвестр Медведев, добавивший к курсу обучения риторику. В середине 1680-х гг. в школе учились 23 человека[8].

Определенные сведения о подготовке служащих в стенах Посольского приказа относятся к 1669/70 г., когда в нем числилось четыре человека, которые «вновь по челобитью для ученья сидят». 13 октября 1689 г. Боярская дума определила новые штаты для Посольского приказа и законодательно утвердила существование школы при нем: разрешено было иметь при приказе пять учеников без жалования – «для ученья приказного и признания дел». В 1701 г. в школе при Посольском приказе училось уже шесть человек. По предположению Н. Ф. Демидовой, срок обучения при дипломатическом ведомстве составлял один год для лиц, уже владеющих грамотой, и 2–3 года для начинавших учебу неграмотными. Значительная часть учеников приказных школ по своему происхождению относилась к приказным семьям. Многие из учащихся продолжали по окончании образовательного курса службу в Посольском приказе, иногда их направляли на службу в другие ведомства. Кое-кто из «робятишек» сумел после дослужиться до дьяческого чина[9].

Несколько иной была специфика подготовки кадров при Поместном приказе. Здесь наиболее важным считалось знание арифметики, геометрии и картографии, что вполне объяснимо – приказ ведал наделением служилых людей земельными владениями. Источники фиксируют работу школы при Поместном приказе во временной промежуток с 1671 по 1675 г., но, по всей видимости, она функционировала и позднее. Количество учеников в этом учебном заведении было большим, чем в Посольском приказе. В 1671 г. в ней числилось 35 уче-

[7] Демидова Н. Ф. Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М.: Археогр. центр, 1994. С. 153.

[8] Рогов А. И. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 150.

[9] Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 156, 158–159, 162.

ников, в 1673 г. – 33, в 1674 г. – 94, в 1675 г. – 54. Значительное количество учащихся объясняется тем, что в Поместном приказе – самом крупном центральном учреждении государства XVII в. – служило гораздо больше подьячих, чем в Посольском (в Посольском приказе подьячих было около 25 человек, а в Поместном их численность только за 1671–1675 гг. возросла с 240 до 317 человек). В школе при Поместном приказе, как и при Посольском, многие ученики были выходцами из семей подьячих; в дальнейшем около 2/3 учеников продолжили службу в системе московских приказов, некоторые выслуживались до дьяков[10]. Для работы в Поместном приказе требовались специальные знания арифметики, приемов сошного письма, основ рисуночной картографии и навыки быстрого счета. Основная задача обучения – подготовка грамотных людей с набором специальных знаний – преследовала практические цели и продолжалась 2–3 года. Дальнейшая служебная деятельность молодых людей протекала в зависимости от их способностей и обстоятельств. Из основной массы учеников, оставшихся в Поместном приказе и не продвинувшихся далее «подьяческого чина», 54 человека работали до 1690-х гг. Из них 13 человек дослужились до «старых подьячих», 24 – до «подьячих средней статьи», 17 остались на положении «молодых».

По инициативе патриарха Иоакима в 1681 г. на Печатном дворе была основана Типографская школа «греческого чтения, языка и письма». Сначала в ней было 30 учеников, в 1684 г. – 191, в 1685 г. – 200, в 1686 г. – 233. Школа предназначалась исключительно для подготовки переводчиков для Печатного двора, но очень скоро переросла эти первоначальные функции. Об этом говорит не только огромное по тем временам количество учеников, но и факт изучения в ней риторики (что не имело отношения к деятельности Печатного двора). Вероятно, в школе планировалось воспитывать представителей будущей церковно-государственной элиты страны. Есть основания предполагать существование подобных школ и при других приказах – Разрядном и Сибирском. К концу века практика обучения подьячих встречается и на местах – в сибирских приказных избах. Центром этого обучения сделалась столица края – Тобольск, где обучение было санкционировано специальным распоряжением Сибирского приказа.

Одним из этапов создания первого высшего учебного заведения в России – Славяно-греко-латинской академии (1687 г.) – стала разработка «Привилегии на Академию». Привилегия открывала доступ в Академию «всякаго чина, сана и возраста людем… приходящим ради научения». И лишь «по совершении свободных учений» можно было занимать ответственные государственные посты. Обучение предполагалось бесплатное[11]. Ученики и учителя изымались из-под юрисдикции всех судебных инстанций, суд она должна была иметь свой. Для престарелых учителей предполагалась даже выплата пенсий. В Академии должны преподаваться как церковные, так и гражданские науки (языки – русский, польский, греческий, латинский; грамматика, пиитика, риторика, диалектика, философия, богословие)[12]. В дальнейшем в Славяно-греко-латинской академии обучались некоторые подьячие. В частности, в 1697 г. туда отрядили подьячего Василия Степанова для изучения итальянского языка[13].

Ко второй половине XVII в. сложилась градация отдельных приказных групп и определено их место в управлении страной:

– думные дьяки и верхушка дьяков приказных, слившихся по своему имущественно-правовому положению с феодальной знатью. Они находились в непосредственной близости к правительственным кругам и принимали участие в подготовке законодательных актов и выработке направлений внутренней и внешней политики;

– среднее и низшее звено приказного дьячества и московские подьячие, не имевшие собственных интересов в проводимых правительством мероприятиях, послушно исполнявшие распоряжения верховной власти, от которой полностью зависели;

– местные подьячие, близкие по сословным и имущественным интересам к служилым и посадским мирам своих городов и уездов и стоявшие на страже их интересов.

Рабочие и нерабочие дни государственных служащих к середине XVII в. были установлены достаточно четко[14]. Тогда в России рабочее время считывалось не по часам, а было связано с темным и светлым временем суток, естественно, менявшимся в течение года. Соответственно график работы тоже был гибким, соответствующим временам года. Об этом свидетельствуют указы, объявляющие, говоря современным языком, о переходе на зимнее и летнее время. Так, именной указ от 15 декабря 1669 г. предписал: «На Москве в приказех судьям и дьяком сидеть за делы с 1 часа ночи во все дни, да

[10] Там же. С. 160–164.

[11] Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей российских, до российския истории, географии и генеалогии касающихся, издаваемая помесячно Николаем Новиковым. СПб.: [тип. Акад. наук], 1788. Ч. VI. С. 408, 418 («Строение же того училища достойным образом Академии нашею царскою казною да строится; и того хранение и о целости его промышление наше Царскаго величества ныне и впредь текущая времена да будет»).

[12] Рогов А. И. Указ. соч. С. 150–152.

[13] Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 155.

[14] Данные о правилах функционирования и режиме работы центральных государственных органов XVII в. заимствованы из монографии: Новохатко О. В. Разряд в 185 году. С. 40–65.

им же с делами всходить в верх перед бояр и сидеть в приказех до 8 часа с 1 часа ночи»[15].

Этим указом регламентировалось время работы приказов во второй половине дня в зимний период. Можно с большой долей вероятности предположить, что и подчиненные судей и дьяков сидели в приказе никак не меньше начальства, то есть (для зимних месяцев) с 16 до 23 часов. Таким образом, вторая половина рабочего дня в 1669 г. составляла семь часов, а, следовательно, весь рабочий день длился приблизительно четырнадцать часов.

В Уложении 1649 г. названы нерабочие дни для всех приказов – это все воскресенья, двунадесятые праздники, некоторые периоды больших постов и дни именин членов царской семьи (царя, царицы и их детей). Всего, таким образом, предшественники современных чиновников не работали примерно сто дней в году, то есть чуть меньше одной трети года. Исключения составляли срочные дела государственной важности, что было специально оговорено в Уложении[16]. Кроме того, по субботам работа прекращалась за три часа до вечера, то есть в зимние месяцы примерно в 13–15 часов, весной – в 17–18 часов, летом – в 18.30–19 часов, осенью – в 14–16 часов.

В том же 1649 г. (23 декабря) в это расписание были внесены некоторые уточнения и отчасти изменения. Служащим приказов, от начальных людей до подьячих, объявлялось: «по субботам после обеда, а в Воскресенье до обеда в приказех не сидеть, и дел никаких не делать»[17]. Таким образом, не весь воскресный день оказывался, вопреки Уложению, нерабочим. Исключение из этого правила составляли сотрудники приказов, имевших наибольшее значение в сфере государственного управления – Разрядного, Посольского и Большого дворца. В целом рабочий день чиновников XVII в. был весьма продолжителен – от десяти до четырнадцати часов. В некоторых указах это объявляется прямо. 20 октября 1658 г.: «Приказным людем, дьяком и подьячим в приказех сидеть во дни и в нощи 12 часов»[18]. 26 октября 1680 г.: «В приказех начальным людем и дьяком и подьячим сидеть в день пять часов, в вечеру пять же часов»[19]. Указ 26 ноября 1679 г. предписывал «бояром и окольничим и думным людем и дьяком, которые ведают приказы», являться в присутствие «с утра за час до дня, а из приказу выезжать в шестом часу дня, а в вечеру в приказы приезжать в первом часу ночи, а из приказу выезжать в седмом часу»[20]. Переведя это расписание на современный счет времени, мы увидим, что первая семичасовая половина рабочего дня длилась с 7.30 до 14.30, затем следовали полуторачасовой перерыв и вторая семичасовая половина рабочего дня – с 16 до 23 часов.

Положение несколько изменилось в следующем, 1680 г., с установлением 10-часового рабочего дня всем служащим приказов. 26 октября «начальным и нижним людям» было указано «приходить в приказ в день и в ночь в первом часу»[21] (соответственно в 8.30 и в 18 часов). А продолжительность каждой половины рабочего дня, как уже говорилось выше, составила 5 часов, с весьма длительным перерывом в четыре с половиной часа.

Применительно к приказам и их служащим в XVII столетии следует определить два переломных момента:

1. 1640–1650-е гг. В рамках сословно-представительного государства создавалось общее законодательство, определившее основные стороны функционирования штатов государственных учреждений и утвердившее приказное начало. Была ограничена социальная среда комплектования, введено «указное число» служащих для каждого учреждения и размеры отпускаемого им содержания, а также установлен внутренний распорядок работы центральных учреждений.

2. 1670-е гг. Под воздействием новых явлений в жизни страны перед государственными учреждениями и их штатами встали новые сложные задачи, что привело к резкому возрастанию числа приказных служащих.

Одна из характерных черт национальной идеологии (помимо патриархальности) – осознание государства как высшей ценности, по сравнению с которой отдельно взятая человеческая жизнь, судьба, свобода не имели большого значения. В течение XVII столетия постепенно происходит также отождествление государственных преступлений с преступлениями, направленными против государя. В Соборном уложении 1649 г. вопросу защиты жизни и достоинства государя, а также производству по делам о государственных преступлениях отведена особая глава (вторая), именовавшаяся следующим образом: «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать»[22]. Все дела о государственной измене считались «государевыми»: производство по таким делам начиналось после того, как доноситель произносил знаменитую фразу: «Слово и дело государево».

При том, что XVII столетие в России стало временем значительного укрепления самодержавной власти, этот век впервые в русской истории породил идею государственного интереса, который именно

[15] ПСЗ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. I. С. 828 (№ 462).

[16] Там же. С. 21 (№ 1).

[17] Там же. С. 222 (№ 21).

[18] Там же. С. 467 (№ 237).

[19] Там же. СПб., 1830. Т. II. С. 281 (№ 839).

[20] Там же. С. 219 (№ 777).

[21] Там же. С. 281 (№ 839).

[22] Леонтьев А. К. Указ. соч. С. 304–305; Мартысевич И. Д., Шульгин В. С. Указ. соч. С. 331–332.

тогда перестает отождествляться исключительно с государевым. В XVI столетии все государственные распоряжения, даваемые различным лицам, определялись как государевы дела[23]. В эпоху Смуты, когда реальная власть московских царей значительно ослабла, государственный аппарат был вынужден искать поддержки и одобрения своих начинаний в широких слоях российского общества – земствах. Подобное изменение нашло свое выражение, в частности, в дипломатической терминологии уже в первые годы Смутного времени. В некоторых официальных документах от времени царствования Бориса Годунова встречается формула «земское дело»: «чтоб за тем государеву делу и земскому порухи не было»; «для ваших государских и земских всяких дел». Наряду с оборотом «государевы и земские дела» в делопроизводстве дипломатического ведомства стало употребляться понятие «государственные дела»[24]. Очевидна эволюция формулировок. В XVI столетии все государственные дела именовались «государевыми»; начало XVII в. вводит в обиход «государевы и земские дела», а в середине столетия царь Алексей свои, государевы, дела ставит рядом с делами Божьими.

Такова специфика общей эволюции приказной системы России в XVII столетии. Возникнув в конце XV – начале XVI в., приказы на протяжении двух столетий формировали свои штаты, функции и делопроизводство. Достигнув вершины своего развития, приказная система управления исполнила свою историческую миссию. Следующий этап развития государственности России был возможен только при создании централизованной системы организации источников финансирования императорской власти путем коренного реформирования всей системы государственных учреждений.

[23] «для твоего, государева... великого тайново дела»; «чтоб государеву делу порухи не было»; «а как у него… учнет государево дело делатись...» и т. д. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 1 (1604 г.). Л. 5; Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 2 (1607 г.). Л. 37; Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 1 (1610 г.). Л. 29).

[24] Там же. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 2 (1607 г.). Л. 2; Ф. 79. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 1; Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 1 (1613 г.). Л. 163–164.

N. M. Rogozhin

Evolution of the Prikaz Administration System in the 17th Century

Key words: Moscow state, prikazes, bureaucratization, evolution of the state system.

Abstract: The article presents the evolution of the prikazadministration system of Muscovy in the 16th – 17th cc. The functions and the circle of the competences of different prikaz institutes arespecified. The issue of the prikaz service people's work schedule of the 17th century is analyzed.

Часть V

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ВОЙНЫ

А. В. Виноградов

Русско-польско-литовское дипломатическое противостояние в контексте вооруженных конфликтов в Восточной Европе и Прибалтике (конец 80-х – начало 90-х гг. XVI в.)

Состояние войны между Речью Посполитой и Русским государством было прекращено Ям-Запольским перемирием в январе 1582 г. и возобновлено вторжением войск Сигизмунда III в смоленские земли в сентябре 1609 г. На протяжении более четверти столетия в силе сохранялись основные положения Ям-Запольского договора, продленного в Москве в июле 1584 г., в Варшаве в феврале 1585 г., в Гродно в августе 1586 г., в Москве в апреле 1587 г., в Варшаве в августе 1587 г., в Москве в январе 1591 г., в марте 1601 г. и в июле 1608 г. Напомним, что в дальнейшем состояние войны между двумя государствами прерывалось на значительно более краткие временные периоды: с 1618 по 1632 г. и с 1634 по 1654 г.

После 1582 г. между двумя государствами продолжалось военно-дипломатическое противостояние, время от времени ставившие их на грань возобновления кровопролития. Так, период с весны 1584 г. по конец 1586 г. ознаменовался жестким военно-дипломатическим давлением Речи Посполитой на Россию. Отношения между государствами, по определению Б. Н. Флори, постоянно балансировали тогда «между войной и миром».

Проблема с продлением Ям-Запольского договора возникла уже в период нахождения в Москве польско-литовского посла Л. Сапеги, прибывшего сюда 22 марта 1584 г.[1]. Посольство Сапеги направлялось в Россию для решения спорных вопросов о территориальном разграничении и обмене пленными. Однако став свидетелем событий, последовавших за кончиной Ивана Грозного, которые польско-литовский посол не без основания расценил как серьезный внутриполитический кризис, Сапега, воспользовавшись перерывом в исполнении своего посольства, испросил новых инструкций с целью оказать давление на русскую сторону в плане пересмотра Ям-Запольского перемирия. Озвученная Сапегой 22 июня 1584 г. в посольских «речах» позиция польско-литовской стороны заключалась в следующем: Речь Посполитая считает, что ограничение сроков Ям-Запольского перемирия десятью годами прекращается в связи со смертью Ивана IV. Это, по справедливому мнению Флори, означало, что сам Ям-Запольский мирный договор прекращает свое действие[2]. Условием заключения нового мирного договора стало признание Москвой прав Речи Посполитой на Северскую и Смоленские земли.

14 июля 1584 г. был заключен договор о продлении Ям-Запольского перемирия. Н. Н. Бантыш-Каменский определил его главную составляющую: «границы содержать во всех местах по старым рубежам»[3]. Срок перемирия устанавливался до 30 мая 1585 г. Это стало компромиссом. Предстояли новые переговоры.

Второй договор Русского государства с Речью Посполитой о продлении Ям-Запольского пере-

[1] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 32 об.

[2] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М.: Наука, 1978. С. 122.

[3] Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г., составленная по дипломатическим бумагам … М.: Университет. тип., 1862. Ч. 2. С. 4.

мирия заключили в Варшаве 20 февраля 1585 г.[4]. Ему предшествовали длительные и тяжелые переговоры с русским посольством во главе с князем Ф. М. Троекуровым.

Первоначально польско-литовская сторона обусловила продление перемирия уступкой Новгорода Великого, Пскова, Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа. Русская сторона категорически отказалась от признания территориальных претензий Речи Посполитой к Русскому государству вне пределов Ям-Запольского договора. В ответ польско-литовская сторона категорически отвергла предложение продлить договор о перемирии сроком на десять лет. В итоге перемирие продлили только на два года (с 3 мая 1585 г. по 3 мая 1587 г.). Границу признали по старым рубежам, но при условии проведения в ближайшем будущем «межевого съезда»[5].

Обстоятельства вынудили обе стороны уже в следующем году пойти на переговоры о продлении срока перемирия, формально в связи с предполагаемой демаркацией границ. В действительности речь шла о новом взаимном политическом зондаже, определившемся во время известной миссии в Москву великого писаря литовского М. Гарабурды в марте 1586 г. Поводом для отправления Гарабурды стали слухи о русско-габсбургских переговорах с целью наследования одним из эрцгерцогов московского престола после смерти Федора Ивановича.

Как известно, польско-литовская сторона предложила «вечный мир» в связи с перспективами русско-польско-литовской «унии» под державой царя Федора Ивановича в случае кончины короля Стефана Батория. Ход миссии Гарабурды рассмотрен Флорей[6]. Отметим только одно обстоятельство – предложения «унии», озвученные Гарабурдой при всех изощренных дипломатических уловках, призванных поставить русскую сторону в ущемленное положение, впервые не сопровождались выдвижением территориальных притязаний. В значительной степени «миролюбие» Гарабурды определялось «крымским фактором» – на аудиенции у государя ему демонстративно предъявили одного из претендентов на крымский престол, находившихся на территории Русского государства, – Мурад-Гирея. Напомним, что с 1583 по 1584 г. в Крыму шла борьба за власть между претендентами на престол и положение поставленного Портой хана Ислам-Гирея II (1584–1588 гг.) выглядело крайне неустойчивым[7].

Итогом миссии Гарабурды, помимо опровержения факта русско-габсбургских переговоров, стало согласие на «досрочную» отправку послов с целью переговоров по продлению перемирия. На деле было очевидно, что переговоры о продлении перемирия будут плотно увязаны с вопросом об «унии». Для ведения переговоров правительство Федора Ивановича выслало опытнейших дипломатов – князя Ф. М. Троекурова, Ф. А. Писемского и дьяка Д. Петелина.

Посольство отправилось в Речь Посполитую 28 июня 1586 г.[8]. Переговоры шли в Гродно с 19 по 27 августа не совсем в традиционном русле. С первых же дней переговоров, как отметил Флоря, «сенаторы, основываясь на сообщениях М. Гарабурды, снова выступили с предложением о заключении "унии" между Россией и Речью Посполитой после смерти царя Федора»[9]. Послы это предложение отвергли. Тогда в ход пошли угрозы. Сенаторы стали настаивать на уступке спорных территорий, однако шантаж не прошел. В этих условиях единственным выходом стало продление перемирия на время, необходимое для новых переговоров. 27 августа его продлили на два месяца. В отечественной историографии гродненские переговоры оцениваются как откровенное давление на Русское государство со стороны Речи Посполитой. А. А. Зимин прямо пишет, что после возвращения посольства «война казалось неизбежной»[10].

Таким образом, к 1586 г. оба государства оказались буквально в шаге от крупномасштабной войны. При этом Россия могла столкнуться с коалицией Речи Посполитой и Швеции. Такая угроза обозначилась уже на последнем этапе Ливонской войны, однако противоречия между потенциальными союзниками оказались слишком сильны. Швеция пошла на заключение в мае 1583 г. Плюсского договора. И Ям-Запольское перемирие, и Плюсский договор оставляли открытым вопрос о «спорных территориях» бывшего Ливонского ордена, оставшихся под властью Швеции, на которые претендовала Речь Посполитая. При ратификации Ям-Запольского договора польско-литовская сторона добилась составления «записи», по которой Русское государство отказывалось от борьбы за эти владения Шведской короны. Проблема «спорных территорий» присутствовала на всех дипломатических переговорах между Речью Посполитой и Русским государством с момента заключения Ям-Запольского перемирия.

---

[4] В русской посольской документации имеются списки русского «противня» договора: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 649–654; польско-литовского «противня»: Там же. Л. 654–659.

[5] Там же. Л. 788 об.–789.

[6] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 131–135.

[7] Виноградов А. В. Русско-крымские отношения в 1570–1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ихлас, 2010. Вып. 2. С. 274–299.

[8] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 124 об.

[9] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы … С. 135.

[10] Зимин А. А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. С. 143.

Так, на переговорах в Варшаве в феврале 1585 г. польско-литовская сторона потребовала включить в текст договора особое положение «про Ругов и прочие городы, которые за свийским»[11]. Предполагалось, что в текст договора будет включено «твердое обязательство» Москвы признать «спорные территории» за Речью Посполитой. Послы отказались, предложив вновь заключить особую «запись», на что не пошла уже польско-литовская сторона.

Продление перемирия с Речью Посполитой в феврале 1585 г. позволило правительству Федора Ивановича вести более уверенную линию на переговорах со Швецией. «Приговор» о снаряжении посольства состоялся вскоре после возвращения из Варшавы посольства князя Троекурова 18 августа 1585 г.[12]. Русскую делегацию формально возглавлял боярин князь Ф. Д. Шастунов, наместник Ярославский, однако реально главной фигурой на переговорах был думный дворянин И. П. Татищев. Ход переговоров детально отображен в статейном списке русских послов[13]. Переговоры начались 26 октября на «стану» в устье р. Плюсы и продолжались вплоть до декабря. Встреча дипломатов сопровождалась жестким противостоянием и по вопросам протокольного характера, и по существу дела. Шведская сторона добивалась окончательного признания территориальных изменений, а русская, наоборот, требовала «государю нашему городы отдати Ивангород, Яму, Копорью, Корелу». Неоднократно переговоры находились на грани срыва. На одном из этапов переговоров шведская сторона угрожала союзом с Крымом. У послов было чем на это ответить: полным ходом шли переговоры о переходе в московское подданство изгнанных из Крыма сыновей Мухаммед-Гирея II и об оказании им помощи в «отвоевании своей отчины». На шведов эта информация произвела удручающее впечатление. Не содействовали благоприятному ходу переговоров и взаимные угрозы обеих сторон в случае открытого конфликта заручиться поддержкой Речи Посполитой. Однако обоюдное желание сторон сохранить на данный момент «статус кво» в конечном итоге возобладало. Договор заключили 28 декабря[14]. Второй Плюсский договор опубликован[15]. По нему мир между Русским государством и Швецией устанавливался на 4 года с 6 января 1586 г. по 6 января 1590 г. Тем не менее, оговорка, что к 20 июля 1586 г. предполагалось собрать новый посольский съезд, показывала зыбкость очередного перемирия.

Русско-шведский конфликт, начавшийся в 1589 г., привел к новому военному столкновению. Инициатива здесь исходила со стороны Шведской короны. Причина кризиса, обозначившегося к 1589 г. в русско-шведских отношениях, заключалась в резком изменении ситуации в Речи Посполитой, где в конце 1588 г. утвердился на престоле шведский наследный принц Сигизмунд Ваза. Это обстоятельство серьезно осложнило внешнеполитическое положение Русского государства и неизбежно вело к возобновлению, по определению А. И. Филюшкина, «серии балтийских войн»[16]. Последовала русско-шведская война 1590–1593 гг. – одно из основных событий русской истории периода царствования Федора Ивановича и «испытание на прочность» фактического правителя государства Годунова.

Главная задача русской дипломатии в этот период заключалась в недопущении создания коалиции Речи Посполитой и Шведской короны, что осуществлялось ею в тесной связи с развитием «элекционной ситуации» в Речи Посполитой. К моменту начала «третьего бескоролевья», последовавшего после кончины Стефана Батория 12 декабря 1586 г., отношения между Россией и Речью Посполитой определял договор о продлении Ям-Запольского перемирия, заключенный в Гродно 27 августа (6 сентября) 1586 г.[17]. По нему срок действия перемирия продлевался только на два месяца (по 3 августа 1587 г.).

В феврале 1587 г. в Москву выехало польско-литовское посольство П. Черниковского – Б. Огинского. Посольство было отправлено с Варшавского конвакационного съезда, констатировавшего начало очередного «бескоролевья». Послы везли послание государю Федору Ивановичу от сенаторов Речи Посполитой[18]. Отправителями выступали все ведущие политики Речи Посполитой: 31 сенатор, 22 – от Короны, 9 – от Великого княжества Литовского. Послание информировало русскую сторону о кончине Стефана Батория и содержало предложе-

[11] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 764 об.

[12] РИО. СПб.: т-во Печатня С. П. Яковлева, 1910. Т. 129: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Ч. 1: Годы с 1556 по 1586. С. 393.

[13] Там же. С. 488–544. Плюсские переговоры в дореволюционной отечественной историографии затрагивались в общих трудах: Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1998. Кн. 4: История России с древнейших времен. Т. 7–8. С. 222–223. Специально они не исследовались.

[14] РИО. Т. 129. С. 544.

[15] Русский «противень»: Там же. С. 484–486; шведский «противень»: Там же. С. 486–488.

[16] Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 9. Отметим, что данный конфликт Русского государства и Швеции А. И. Филюшкин определяет как «третью русско-шведскую войну 1589–1595 гг.».

[17] Польско-литовский «противень» опубликован в составе посольских книг, см.: Lietuvos Metrika. Vilnius, 2009. Kn. Nr. 593: (1585–1604). Diplomatinų reikalų knyga / parengė A. Baliulis. P. 48–50 (№ 26). (Далее – LM 2009); Lietuvos Metrika. Vilnius, 2006. Kn. Nr. 594: (1585–1600) / parengė A. Baliulis; Lietuvos istorijos institutas. P. 40–42 (№ 17). Далее: LM 2006. Русский «противень»: LM 2009. P. 50–52 (№ 27); LM 2006. P. 42–44 (№ 18).

[18] LM 2009. P. 53–55 (№ 28); LM 2006. P. 45–47 (№ 19).

ние продлить срок действия перемирия. С выдвижением московской кандидатуры на польско-литовский престол продление перемирие формально не связывалось.

Во время переговоров, которые шли в Москве с 8 по 26 апреля 1587 г., русская сторона, как известно, фактически связала вопрос о заключении перемирия на длительный срок с возможностью избрания Федора Ивановича на польско-литовский престол. Это особенность переговоров традиционно подчеркивалась в отечественной историографии[19]. Позиция русской стороны была изложена в «речах» ведших переговоры князя Ф. М. Троекурова и посольского дьяка А. Я. Щелкалова[20]. Продление перемирие увязывалось, как минимум, с отказом от выдвижения на польско-литовский престол кандидатуры Сигизмунда Вазы, заведомо враждебного Русскому государству. Было заявлено о готовности русской стороны рассмотреть план «унии»[21]. Для давления на польско-литовских послов руководители русской дипломатии имели серьезный «козырь». В Речи Посполитой хорошо знали, что в Астрахани находился претендент на крымский престол Мурад-Гирей, который при активном участии русского правительства готовился к походу на Крым. Однако формирующуюся под его началом орду можно было развернуть и в другом «геополитическом направлении». Троекуров и Щелкалов прямо заявили послам, что в случае избрания Сигизмунда Вазы, «котором было из Астрохани и из-за Волги ногайским людям и казанским идти на Крым… и тех в тот же час поворотят на Литовскую землю»[22].

В конечном итоге в Москве 27 апреля (7 мая) 1587 г. был заключен четвертый договор Русского государства с Речью Посполитой о продлении Ям-Запольского перемирия[23]. Срок действия соглашения определили в 15 месяцев (3 августа 1587 г. – 1 ноября 1588 г.). Предусматривалось дальнейшее продление перемирия в зависимости от развития «элекционной ситуации». К «Петрову дню» на «елекцыю» предусматривалось прислать «больших послов». Заключение договора явилось, по мнению Зимина, «залогом стремления России жить в добрососедстве с Речью Посполитой»[24]. На деле это был вынужденный шаг польско-литовской стороны, совершенно не свидетельствующий, что готовность к «добрососедству» разделяла вся политическая элита Речи Посполитой.

Ход событий привел к быстрому возобновлению русско-польско-литовских контактов. Элекционная ситуация в Речи Посполитой обострялась. Налицо был раскол «политического народа» Речи Посполитой. В августе 1587 г. в Варшаву прибыло посольство в составе С. В. Годунова, князя Ф. М. Троекурова, В. Я. Щелкалова и Д. Петелина. Пребывание этого посольства занимает исключительное место в истории русско-польско-литовских отношений второй половины XVI в. Первый раз оно проходило в период работы элекционного сейма. Переговоры послов шли одновременно об элекции на польско-литовский престол московского государя и ратификации перемирия. Естественно, что и в отечественной и польской историографии августовские переговоры 1587 г. занимают особое место[25]. Их ход досконально исследован Флоря, поэтому ограничимся следующими замечаниями. В период пребывания посольства для русских дипломатов стало ясно, что ожидается одновременная элекция Максимилиана эрцгерцога австрийского и шведского королевича Сигизмунда (Жигимонта) Вазы. Провал габсбургской кандидатуры делал весьма реальным элекцию «Шведа». Для Москвы это было «чревато войной с польско-шведской коалицией»[26]. Вместе с тем часть политической элиты Великого княжества Литовского вне зависимости от их «элекционных предпочтений» не желала возобновления войны с Русским государством и предпочло «связать руки» шведскому кандидату наличием заключенного перемирия. Коронные сенаторы и шляхта – сторонники избрания Сигизмунда Вазы, предводительствуемые Яном Замойским, – естественно, были против, но в условиях продолжающейся «элекционной борьбы» противодействовать «литовцам» не стали. 9 (19) августа сторонники Замойского провозгласили королем Сигизмунда Вазу. В тот же день литовские паны радные предложили коронным сенаторам заключить совместный договор с Русским государством, но их предложение было отвергнуто. 13 (23) августа предложение повторили, а после отказа коронных сенаторов начали «сепаратные» переговоры. При этом ведущие литовские политики во главе с Сапегой до последнего стремились «сохранить» лицо – 11 (21) августа они отправились в лагерь Замойского, «где дали понять сторонником шведского кандидата, что они готовы согласиться на избрание Сигизмунда,

[19] Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1904. Т. 6. Стб. 158–163.

[20] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 281 об.–297 об.

[21] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 145.

[22] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 337 об.–339.

[23] Договор опубликован. Русский «противень»: LM 2009. P. 76–78 (№ 42); LM 2006. P. 70–72 (№ 33); польско-литовский «противень»: LM 2009. P. 78–80 (№ 43); LM 2006. P. 72–74 (№ 34).

[24] Зимин А. А. Указ. соч. С. 143.

[25] Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. Ч. 2. Стб. 167–193; Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy: stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa: Wydawn. Neriton: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2002. S. 378–380.

[26] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII вв. М.: Наука, 1973. С. 28.

если предварительно будет заключен мир с Россией, но не добились успеха»[27].

В конечном итоге 15 (25) августа 1587 г. в Варшаве литовской стороной был заключен «сепаратный» пятый договор Русского государства с Речью Посполитой о продлении Ям-Запольского мира[28]. В. В. Похлебкин классифицирует его как: 1) Русско-польское Варшавское соглашение о продлении перемирия 1587 г.; 2) Русско-польское перемирие 1587 г.: продление Кивергородского мира[29], А. А. Зимин – как «сепаратное перемирие с Литвой»[30].

В. В. Похлебкин полагает, что договор вступил в силу с момента подписания, то есть его санкционировали сеймом, без ратификации королем[31]. Это умозаключение не соответствует действительности. Вопрос о вводе в действие договора до сих пор является в историографии предметом дискуссий. Все исследователи определенно квалифицируют этот акт как «сепаратный»[32]. Без согласия коронных сенаторов и ратификации главой государства, в период «бескоролевья» архиепископа Гнезинского, Корона могла не считаться с договором. Сложность положения усугублялась «сепаратным избранием» эрцгерцога Максимилиана. Важно, что литовские политики прекрасно сознавали шаткость своего положения. 15 (25) августа послам было вручено обязательство литовцев добиваться от любого вновь избранного «короля» соблюдения условий договора. 17 (27) августа литовские паны радные провели последний раунд переговоров с русскими послами. Им заявили, что паны радные будут добиваться новой элекции и предложили прислать новое посольство с новыми «элекционными» предложениями. По существу это означало, что судьба договора зависит от шаткой и неопределенной «элекционной ситуации».

В отечественной историографии августовский договор традиционно рассматривается как крупный успех русской дипломатии. Б. Н. Флоря выделяет три главных составляющих договора: 1) предотвращение войны между Русским государством и Речью Посполитой на длительный срок, 2) нейтралитет Речи Посполитой в случае возможного конфликта Москвы с Швецией, 3) отмена ограничения действий против шведских владений в Прибалтике. Флоря в данном случае имеет в виду, что с «договором не была подтверждена "запись" 1582 г., накладывающая на Россию обязательство в течение срока перемирия "не добывати" городов шведской Эстонии»[33]. Вместе с тем, Флоря четко указывает, что «с точки зрения права соглашение было незаконным»[34].

Как известно, успех русской стороны зависел от дальнейшего развития «элекционной ситуации» в Речи Посполитой. В Москве прекрасно понимали, что соблюдение положений августовского договора зависит от результатов элекции. Ситуация в Речи Посполитой была исключительно сложной. В отличие от событий весны – лета 1576 г. на территории государства находились оба «избранных короля». Возможно было разное развитие событий. Поэтому русская сторона, как и было предусмотрено переговорами с литовскими панами радными под Варшавой, отправила в Великое княжество в октябре 1587 г. посольство во главе с Елизарием Леонтьевичем Ржевским[35]. Переговоры с политической элитой Великого княжества Литовского в Бресте-Литовском в декабре 1587 г. во многом определили судьбу августовского договора. В историографии посольство прочно связывается с дальнейшем развитием «элекционной ситуации» в Речи Посполитой[36].

«Наказная память» посольству предусматривала три варианта развития событий: согласие политической элиты Великого княжества Литовского на продолжение борьбы за элекцию государя Федора Ивановича на польско-литовский престол или на «сепаратную элекцию» в Великом княжестве, победу Максимилиана Габсбурга, победу Сигизмунда Вазы[37]. Вариант распада Речи Посполитой казался в Москве наиболее предпочтительным. Н. Н. Бантыш-Каменский, рассматривающий документацию посольства, отметил, что в случае если «Литва не склонится к избранию в короли шведского королевича», послам надлежало «уверить, что Государь соглашается быть и на одном Литовском государстве с принадлежащими к оному киевским, подольским, волынским, подляшским и мазовецкими уездами»[38]. Таким образом, Москва предполагала возвращение отторгнутых по Люблинской унии земель Великого княжества. Од-

[27] Его же. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 207–208.

[28] Русский «противень» опубликован в приложении к «Истории Российской» М. М. Щербатова: Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 621–625; LM 2009. P. 91–94 (№ 50); LM 2006. P. 86–88 (№ 41); польско-литовский «противень»: LM 2009. P. 89–91 (№ 49); LM 2006. P. 83–86 (№ 40).

[29] Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет: справочник. М.: Междунар. отношения, 1995. Вып. 2, кн. 1. С. 405.

[30] Зимин А. А. Указ соч. С. 144.

[31] Похлебкин В. В. Указ. соч. Вып. 2, кн. 1. С. 406.

[32] Зимин А. А. Указ соч. С. 144; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С. 29.

[33] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С. 29.

[34] Его же. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 209.

[35] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 350.

[36] Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. Ч. 2. Стб. 21–23; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 4. С. 218–219; Щербатов М М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 203–206, 209.

[37] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 427 об.– 455.

[38] Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. Ч. 2. Стб. 22.

нако это были пока только планы. Как правильно отметил Флоря, «было признано необходимым еще раз выяснить польско-литовские условия, прежде чем переходить к более решительным акциям»[39]. В любом случае при водворении любого из претендентов на польско-литовском престоле следовало добиваться его согласия на соблюдение заключенного «сепаратного» перемирия. Поставленные перед посольством цели обстоятельно рассмотрены Флорей. Обращает на себя внимание две из них: добиться согласие на элекцию московского царя; добиться, чтобы в любом случае Варшавский договор оставался в силе.

На переговорах в Бресте-Литовском окончательно выяснилась нереальность планов выдвижения «московской кандидатуры» на польско-литовский престол. Позиция литовской стороны была изложена в письменном «ответе»[40]. Помимо него, посольство доставило датированное 20 декабря 1587 г. послание от панов радных государю Федору Ивановичу[41].

Основным содержанием всех доставленных посольством документов было то, что при невозможности элекции Федора Ивановича паны радные четко заявили, что «они будут выполнять условия русско-литовского договора о перемирии и добьются их признания новым государем»[42]. Мотивация данного решения ведущих политиков Великого княжества определялась твердым намерением не выпускать из своих рук инициативу дипломатических контактов с Москвой вне зависимости от исхода борьбы за престол Речи Посполитой между Сигизмундом Вазой и Максимилианом Габсбургом. Таким образом, посольство смогло выполнить поставленные перед ним задачи лишь частично. Страница политической истории Речи Посполитой уже была перевернута. Начиналась «эпоха Ваз».

Период 1588–1591 гг. ознаменовался русско-польским военно-дипломатическим противостоянием, в ходе которого Русское государство и Речь Посполитая в очередной раз буквально балансировали на грани войны и мира. При этом обе стороны находились в состоянии вооруженного конфликта с третьими сторонами: Речь Посполитая в 1588–1589 г. стояла в шаге от крупноформатного конфликта с австрийскими Габсбургами, а Русское государство вело войну со Шведской короной.

Как известно, русское правительство переоценило шансы «проавстрийской партии» навязать шведскому претенденту затяжную войну. Уже в январе 1588 г. Максимилиан был разбит под Бычиной. Победа Сигизмунда Вазы автоматически означала доминирование группировки Я. Замойского, то есть «была победой тех группировок польских феодалов, которые толкали Речь Посполитую на путь военной экспансии на Востоке»[43]. При этом победа Сигизмунда Вазы имела существенные геополитические последствия. Русскому правительству пришлось столкнуться с реалиями установления польско-шведской «унии». Правда, данная «уния» изначально таила в себе неразрешимое противоречие – обещание Сигизмунда Вазы передать Речи Посполитой шведские владения в Эстонии противоречило всей балтийской политике Швеции. Реализация этого условия, как отметил Флоря, «означала отказ Шведского королевства от завоеванных им позиций на Балтике и очень затрудняла осуществление шведской "восточной политики"»[44]. Однако в декабре 1588 г. на «коронационном» сейме был достигнут компромисс, по которому решение вопроса было отложено до вступления Сигизмунда на шведский трон. На деле это грозило Москве разрывом перемирия с Речью Посполитой в случае конфликта со Швецией. Как известно, в Стокгольме предполагали до истечения срока русско-шведского перемирия к лету 1589 г. навязать Москве переговоры под силовым давлением, для чего предполагалось провести «военную демонстрацию» сил Швеции и Речи Посполитой. Действительно, летом 1589 г. шведская сторона потребовала немедленного направления на р. Сестру русских великих послов для переговоров о «вечном мире». Русское правительство оказалось перед непростым выбором. В конечном итоге дальнейший ход событий привел к русско-шведской войне.

Для Шведской короны огромное значение имела позиция Речи Посполитой. На «пацификационном» сейме 5 марта – 23 апреля 1589 г. сторонники Замойского заявили, что не считают себя связанными «сепаратым» договором с Москвой, заключенным в августе 1587 г. «литовцами». Дело шло к открытому разрыву. Между прочим, «новоизбранный» король, вопреки всем обычаям русско-польско-литовских «ссылок», даже не уведомил Федора Ивановича о вступлении на престол. Характерно, что на сейме Замойский и его сторонники выступали в русле «восточной политики» Батория, аргументировав возобновление войны с Русским государством «союзом» Москвы с Крымом, благодаря которому она попала в «зону влияния Порты». Замойский использовал слухи о «замирении» Москвы и Бахчисарая, отразившие действительно имевшее место в это время временное улучшение русско-крымских отношений. Живой иллюстрацией этого

[39] Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 214.

[40] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 573 об.–576 об.

[41] LM 2009. P. 98–100 (№ 54); LM 2006. P. 93–95 (№ 45).

[42] Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 215.

[43] Там же. С. 216.

[44] Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С. 32.

явился летний набег крымцев на Речь Посполитую 1589 г. На самом деле крымское нападение было совершено главным образом по приказу Порты и отражало серьезное ухудшение польско-литовско-турецких отношений, причем Замойский прекрасно это понимал[45].

В сентябре – октябре 1589 г. в Ревеле состоялось свидание Сигизмунда Вазы с отцом – королем Юханом III. Оно сопровождалось переговорами шведских и польских дипломатов[46]. Король Сигизмунд III планировал сосредоточить в прибалтийских владениях Речи Посполитой армию и сразу после свидания с отцом настоять на предъявлении Русскому государству совместного ультиматума. Идея Юхана III заключалась в организации Швецией и Речью Посполитой «мирного конгресса» с участием государя Федора Ивановича.

Планировалось потребовать присоединение к Швеции Новгорода и Пскова, Речь Посполитая должна была получить Смоленск. Сигизмунд III полагал, что ему удастся убедить сейм, что возможно решить все проблемы территориальных претензий Речи Посполитой к восточному соседу. Однако королевские планы были сорваны. Канцлер Замойский, в принципе выступивший в поддержку королевских планов, считал, что главным условием немедленного вступления Речи Посполитой в войну должна была явиться немедленная передача ей «шведской Эстонии». Политическая элита Великого княжества Литовского во главе с Сапегой со своей стороны выступила против войны. В конечном итоге свидание короля с отцом не принесло результатов. Как отметил Г.В.Форстен, «Иоанн сознавал, что с Польшей у его подданных нет общих интересов кроме войны с Россией»[47]. Вопрос о возможности войны с Русским государством был отложен до созыва нового сейма. В этих условиях русское правительство сочло, что может пойти на открытый военный конфликт со Швецией.

Начавшийся в январе 1590 г. русско-шведский конфликт уже к февралю был завершен. 25 февраля в лагере близ Нарвы у Ивангорода было заключено так называемое «Русско-шведское полевое перемирие 1590 г.» (определение Похлебкина)[48].

Переговоры 1590 г. шли в период открытых военных действий под стенами осажденного русскими Ивангорода. Как известно, неудачный штурм 19 февраля подал надежду шведам добиться мира ценой только уступки Ивангорода. 20 февраля гарнизон Нарвы запросил переговоры. Первоначально русская сторона соглашалась на заключение перемирия только при условии уступки Ивангорода, Нарвы, Копорья и Карел. 22 февраля шведы согласились уступить кроме Ивангорода Копорье, но категорически отказались от уступки Нарвы. Б.Ф.Годунов в непростой обстановке санкционировал заключение перемирия на год. Ям, Копорье и Ивангород возвращались русскому государству, но Нарва и Карела остались у шведов. В отечественной историографии традиционно ставился вопрос о целесообразности «безуспешных переговоров» со шведами, например М.М.Щербатов оценивал их крайне негативно[49]. Следует, однако, учитывать, что решение принималось под влиянием внешнеполитических обстоятельств. Как указывал Б.Н.Флоря, «внешняя политика Речи Посполитой к началу 1590 г. снова приобрела угрожающий характер по отношению к России»[50].

Варшавский сейм (8 марта – 21 апреля 1590 г.) ознаменовался серьезным конфликтом между различными магнатскими группировками по вопросу войны с Русским государством. Ход этого конфликта обстоятельно рассмотрен Флорей[51]. Программа войны с Москвой, отстаиваемая Замойским, была провалена. 24 марта король объявил в рассылаемых по поветам Речи Посполитой универсалах об отправлении посольство к «Московскому». Но только 25 апреля 1590 г. был подписан «наказ» послам – подляшскому воеводе С.Радзимирскому, подканцлеру литовскому Г.Войне и писарю литовскому М.Войне. Верительный лист послам король подписал в Варшаве только 20 мая 1590 г. Отправление посольства вовсе не означало «миролюбие» Сигизмунда III. Инструкции посольства предусматривали весьма жесткие требования увязывания продления перемирия с Речью Посполитой и интересов Шведской короны[52].

Переговоры польско-литовского посольства в Москве в октябре 1590 – январе 1591 г. являются одной из самых важных и драматичных страниц в истории русской дипломатии XVI столетия. По продолжительности – более трех месяцев – они не имели себе равных в истории двусторонних переговоров[53]. Между тем, кроме описания их в дорево-

[45] Поздней осенью 1589 г. Замойский как один из вариантов развязывания войны с Москвой предлагал королю организовать вторжение в южные области Русского государства под предлогом похода против крымцев.

[46] В отечественной историографии встречаются определения этого события как «Ревельское свидание», см.: Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб.: тип. В.С.Балашова и Ко, 1893. Т.1: Борьба из-за Ливонии. С.11–12; «Таллиннский съезд», см.: Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С.37.

[47] Форстен Г.В. Указ. соч. Т.1. С.11.

[48] Похлебкин В.В. Указ. соч. Вып.2, кн.1. С.177.

[49] Щербатов М.М. Указ. соч. Т.6. Стб.314.

[50] Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С.38.

[51] Его же. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С.224–238.

[52] LM 2006. P.107–111 (№54); LM 2009. P.111–115 (№63).

[53] Первая аудиенция у государя состоялась 13 октября 1590 г.: РГАДА. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.20. Л.265; отпускная ауди-

люционной историографии и раздела в труде Флори, в современной отечественной историографии они практически не рассматривались[54].

Переговоры вела с 15 октября «ответная комиссия» в составе С. В. Годунова, Б. Ю. Сабурова, А. Я. Щелкалова, В. Я. Щелкалова и дьяка Е. Выгузина[55]. Ход переговоров полностью контролировался Б. Ф. Годуновым, получавшим регулярные доклады от А. Я. Щелкалова. В отечественной историографии существуют различные оценки политической линии Годунова на переговорах, что связано с разразившимся вскоре «угличским делом». М. М. Щербатов оценивает его действия негативно, указывая на «честолюбие» и не совсем понятные «темные замыслы»[56]. В этой связи Щербатов не очень внятно указывает на состоявшееся 1 января 1591 г. расширенное заседание Думы во главе с государем по обсуждению хода переговоров. К сожалению, источники не позволяют доподлинно выяснить ход обсуждения, но ясно, что переговоры с польско-литовским посольством были важнейшей задачей русского правительства.

В начале переговоров русская сторона предложила проект «вечного мира» и союза против «бесермен» при условии отказа Речи Посполитой от поддержки Швеции. Декларировалось главное условие заключения мира – признание прав России на Нарву[57].

Эти предложения польско-литовская сторона отвергла в письменном «ответе» 19 (29) октября, потребовав территориальных гарантий шведских владений в Прибалтике[58]. В противном случае польско-литовская сторона отказывалась продлить перемирие.

Стало ясно, что правовое закрепление существующих границ Речи Посполитой с Русским государством возможно только при условии признания шведских интересов в Прибалтике. В конечном итоге русская сторона отстояла позиции по титулатуре (отказ внести в русский «противень» титулы Сигизмунда как наследника шведского престола) и добилась компромисса – вернуться к вопросу о Нарве на переговорах при ратификации договора русским посольством.

Решено было пока разработать особые протоколы «записи», декларирующие отказ русской стороны от возобновления войны против Швеции, по крайней мере, до ратификации договора. В конечном итоге шестой договор Русского государства с Речью Посполитой о продлении Ям-Запольского мира был заключен в Москва 9 (19) января 1591 г. и утвержден крестоцелованием Федора Ивановича 10 (20) января 1591 г.[59].

Срок перемирия был установлен в 12 лет (от «успения» 1590 г. до «успения» 1602 г.). В основном договор воспроизводил текст 1587 г., но к нему имелись «специальные акты». В тот же день, 9 (19) января 1591 г., обе стороны утвердили две «записи» к договору. В русской посольской документации они датируются 10 января[60].

Первая из них касалась вопроса о «ненападении ни с польской, ни с русской сторон на спорные лифляндские, новгородские и псковские города, за исключением Нарвы с уездом, Иван-города, Яма (Ямбурга), Копорья», которые относились к шведской, а не к польской «сфере интересов»[61]. Таким образом, этот специальный акт распространял действие договора на города шведской Эстонии. Флоря справедливо отметил, что «при этом польско-литовская сторона не давала никаких гарантий, что эти города не будут использоваться шведским правительством для нападения на русские земли»[62]. Второй протокол («запись») определял взаимный отказ от военных действий между Россией и Швецией сроком на год.

Вопрос о том, в какой степени составление протоколов было оправданным, до сих пор остается дискуссионным. Щербатов, вообще негативно оценивавший действия русской дипломатии во время

енция – 23 января 1591 г.: Там же. Л. 585.

[54] Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. Ч. 2. Стб. 26–28. Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 326–327; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С. 41–44.

[55] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 281.

[56] Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 333–334.

[57] «Ответ» на «посольские речи», который был дан 15 октября С. В. Годуновым, Б. Ю. Сабуровым и А. Щелкаловым: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 281 об.–310 об.; Ф. 389. Ед. хр. 594. Л. 89 об.–99. Опубликован в составе посольских книг: LM 2006. P. 111–120 (№ 55).

[58] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 594. Л. 99–103. Опубликован в составе посольских книг: LM 2006. P. 120–124 (№ 56).

[59] Русский «противень»: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 516 об.–531. Документ был опубликован в приложении к «Истории Российской» М. М. Щербатова: Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 673–681. В посольских книгах Литовской Метрики имеется русский «противень»: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 114–115 об.; Ед. хр. 594. Л. 117–123; опубликован: LM 2009. P. 116–121 (№ 64); LM 2006. P. 135–141 (№ 59). Польско-литовский «противень»: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 116–122; Ед. хр. 594. Л. 123–131 об.; опубликован: LM 2009. P. 121–126 (№ 65); LM 2006. P. 141–147 (№ 60).

[60] Первая запись – русский «противень»: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 543–548; опубликован в приложении к «Истории Российской» М. М. Щербатова: Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 648–651; Стб. 681–684 (№ 22) (с датировкой 1 (10) января); в составе посольских книг Литовской Метрики: LM 2009. P. 128–130 (№ 67); LM 2006. P. 149–151 (№ 62); польско-литовский «противень» опубликован в составе посольских книг: LM 2009. P. 133–135 (№ 69); LM 2006. P. 151–154 (№ 63). Вторая запись – русский «противень»: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 554–559; опубликован в приложении к «Истории Российской» М. М. Щербатова: Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 652–655 (№ 18); в составе посольских книг: LM 2009. P. 126–168 (№ 66); LM 2006. P. 147–149 (№ 61); польско-литовский «противень» также опубликован в составе посольских книг: LM 2009. P. 130–133 (№ 68); LM 2006. P. 154–156 (№ 63).

[61] Похлебкин В. В. Указ. соч. Вып. 2, кн. 1. С. 406.

[62] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С. 43.

переговоров, указывал, что «польские послы испросили у царя Федора Ивановича удержания на год оружия противу Шведского короля, не имея никакой на то доверенности от сего государя и только угождая своему королю», фактически «обманули» московских дипломатов[63].

«Записи» вводились в действие так называемым «известительным письмом» польских послов шведским наместникам[64]. Русская сторона во исполнение обязательств 17 января направила в Новгород указную грамоту об отмене намеченного похода против шведов[65]. Через десять дней стало известно о нападении шведов «на Ямские и Копорские места». Вслед польским послам с требованием объяснений спешно направили гонца А. Иванова, который нагнал их в Вязьме. Послы ответили, что донесут информацию до короля. Данный эпизод дал Щербатову основание лишний раз усомниться в целесообразности составления «записей» по вопросу о шведских интересах в Прибалтике[66].

«Записи» к январскому договору имели решающее значение – они ставили сохранение мира между Русским государством и Речью Посполитой в зависимость от русско-шведских отношений. Однако именно здесь и лежало главное противоречие во внешнеполитической линии Речи Посполитой в балтийском вопросе. В первой «записи» речь шла о защите так называемой «Шведской Эстонии», то есть шведских владений в Прибалтике, которые по обязательствам Сигизмунда Вазы при своей элекции польским королем должны быть переданы им Речи Посполитой после наследования шведского престола. Ивангород, Ям и Копорье были фактически признаны русскими владениями. Вторая «запись» носила «декларационный характер» и обозначала намерение Речи Посполитой «учитывать интересы» отца царствующего в ней короля. Флоря точно охарактеризовал эти действия послов на переговорах как «отношение влиятельных фракций господствующего класса Речи Посполитой к прошведской политике Сигизмунда III»[67]. В целом в отечественной историографии январский договор рассматривается как вынужденный шаг. Флоря в своей работе считает его «неудачей», так как «дополнительные протоколы» «закрывали для русских войск дорогу на территорию шведской Эстонии в течение всего срока перемирия»[68]. Однако в данном случае у русского правительства не было альтернативы. Следует учитывать, что к осени 1590 г. после срыва посольского размена под Ливнами стало ясно, что речь идет о неизбежном обострении отношений с Крымом.

В течение всего 1589 г. между Москвой и Бахчисараем шел интенсивный дипломатический зондаж условий мирного «докончания». В конечном итоге достигнуть соглашения не удалось. Предложенное крымской стороной соглашение, главным условием которого было незамедлительное возвращение Мурад-Гирея в Крым с последующей организации совместного похода на Речь Посполитую летом – осенью 1589 г., не могло устроить русское правительство, поскольку это означало одновременную войну с Речью Посполитой и Швецией, а терять такую фигуру, как претендент на крымский престол, не представлялось разумным. Кроме того, скоро обнаружилась тенденция к «двойной игре» со стороны Бахчисарая – стало известно о возобновившихся крымско-шведских контактах. Через личного эмиссара хана Годунов получил «предупреждения» о просьбе «короля Ягана» к Гази-Гирею II произвести нападение на московские «украйны». Стало ясно, что русско-крымская конфронтация неизбежна. По инициативе Годунова весной 1591 г. предпринимались меры по организации обороны от крымцев на южных рубежах. Сложность ситуации заключалась в возможном заключении соглашения между Крымом и Швецией[69]. Неясно было, как сложатся отношения Речи Посполитой с Крымом и Швецией. Под вопросом оставалась ратификация московского договора польско-литовской стороной.

Как и следовало ожидать, ратификация московского договора Речью Посполитой вылилась в тяжелые и изнурительные переговоры, в ходе которых польско-литовская сторона приложила максимум усилий для того, чтобы изменить его условия. Переговорам о ратификации московского договора посвящена отдельная работа Флори[70].

Для ратификации договора в Речь Посполитую было отправлено посольство М. Г. Салтыкова – И. П. Татищева. Приговор об отправлении состоялся 25 февраля 1591 г., но отправлено оно было в апреле[71].

Переговоры с послами шли в Янковицах (Казимирове) с 29 ноября по 6 декабря 1591 г. Задачи посольства были проанализированы Б. Н. Флорей, который обратил внимание на то, что послы должны были действовать, исходя из изменений

[63] Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 338.

[64] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 567 об.–570. Опубликован в приложении к «Истории Российской» М. М. Щербатова: Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 655–656 (№ 19); Стб. 684–686 (№ 23).

[65] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С. 45.

[66] Щербатов М. М. Указ. соч. Стб. 338.

[67] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С. 44.

[68] Там же. С. 44–45.

[69] Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. С. 41.

[70] Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 года // Славяне и Россия. М.: Наука, 1972. С. 71–81.

[71] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1, 19 об.

во внешнеполитическом положении Речи Посполитой. В случае, если возникнет конфликт между Речью Посполитой и Турцией, следовало ужесточить позицию о Нарве. В случае, если будут достигнуты новые союзные соглашения между Речью Посполитой и Швецией, направленные против Москвы, следовало идти на принципиальные уступки – декларировать готовность к заключению «вечного мира» со Швецией.

Для хода переговоров решающее значение имел разгром крымской орды Гази-Гирея II под Москвой в июле 1591 г. В принципе этой информацией двор Сигизмунда III уже располагал, однако данный фактор польско-литовская сторона могла формально не принимать во внимание, так как в момент крымского нападения посольство уже находилось «на рубеже». Тем не менее Годунов, прекрасно понимая, какое впечатление произведет получение информации из первых рук, направил в июле в Речь Посполитую «сеунча» – посланника Д. М. Ислентьева.

Хотя доставленный Ислентьевым в Москву лист короля Сигизмунда III Вазы царю Федору Ивановичу[72] и содержал формальные поздравления, было ясно, что такой исход «крымского дела» не вызвал энтузиазма в Речи Посполитой. Переговоры посольства в очередной раз ознаменовались крайне жестким давлением польско-литовской стороны.

Текст королевской ратификационной грамоты разработали после упорных переговоров 4 (14) декабря 1591 г. и на следующий день утвердили крестоцелованием Сигизмунда Вазы. Однако польско-литовская сторона пошла на хитрость. Ратифицированный польско-литовский «противень» имеется в двух различных списках. Первый – на котором целовали крест польско-литовские послы в Москве. Второй – на котором целовал крест король Сигизмунд III. Этот список, который был доставлен в Москву в составе русской посольской документации, сохранился фрагментарно[73]. Его отличия от текста, который был привезен из Москвы русскими послами и, вероятнее всего, увезен обратно, Флоря определяет «по трем группам: а) изменения титулатуры, б) изменения по территориальным вопросам, в) изменения в тексте статей, определяющих общий характер взаимоотношений между государствами»[74].

Вопрос об изменении титулатуры детально рассмотрен Флорей. В плане изменения по территориальным вопросам, прежде всего, имеет значение пресловутый вопрос о Велижском уезде, который в посольских книгах Литовский метрики обозначается однозначно принадлежавшими Речи Посполитой «волостями Велижскими». Наконец, в тексте документа в перечне ливонских владений Речи Посполитой упоминается Нарва. Флоря высказал вполне обоснованные предположение о том, что данный документ представляет собой польско-литовский вариант ратификационной грамоты, отвергнутый московскими послами в ходе переговоров. Вероятно, он был внесен в посольские книги Литовской метрики уже после окончания переговоров.

В Яновце 15 декабря был заключен так называемый третий протокол к соглашению о продления перемирия. Текст документа не сохранился. Изложение содержания имеется в «отписках» послов из Минска и в итоговом «статейном списке»[75]. Этот документ явился результатом особо ожесточенных дебатов. Не добившись успеха в Москве, польско-литовская сторона настойчиво добивалась внесения Нарвы в ратифицированную перемирную грамоту как владения Речи Посполитой. В конечном итоге обе стороны приняли обязательство в течение всего срока перемирия, то есть 10 лет, «к Ругодиеву рати и войны не посылати и его не добывати». Итак, по Нарве было найдено компромиссное решение. В отечественной историографии русско-польско-литовские договорные акты в целом оцениваются весьма позитивно. Флоря отмечал, что «немалое значение имел и тот факт, что надежды на ослабление Русского государства после смерти Ивана IV не оправдались. Россия, преодолев внутриполитический кризис, заметно усилила свою международную активность, и это не могло подействовать сдерживающим образом на господствующий класс Речи Посполитой». Флоря также подчеркивает, что договор был ратифицирован «именно в том виде, как он был выработан в Москве, без каких-либо новых уступок Швеции»[76].

Сохранение мира с Речью Посполитой зависело от того, каким образом будет урегулирован русско-шведский конфликт. Уже в 1592 г. в ситуации произошли серьезные изменения. После кончины короля Юхана III в Швецию для коронации должен был прибыть Сигизмунд Ваза. Его прибытие задерживалось напряженной внутриполитической ситуацией в Речи Посполитой. Варшавский сейм (4 октября – 25 ноября 1592 г.) в очередной раз вылился в конфликт короля с различными магнатскими кругами и шляхетскими группировками, недовольными тайными переговорами короля с Габсбургами о вступлении в антиосманский союз, что было чревато конфликтом Речи Посполитой с Портой, и недостаточными гарантиями уступки «шведской Эстонии». Поездка короля откладывалась. Сигизмунд хотел бы совместить ее с предоставлениями войск Шве-

[72] Там же. Л. 268–269 об.

[73] Там же. Ед. хр. 20. Л. 47.

[74] Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия … С. 73.

[75] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 325, 470 об.–471.

[76] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С. 46–47.

ции, но это было отвергнуто сеймом. В этих условиях регент герцог Карл Зюгерманландский пошел на переговоры с Москвой. Между прочим, сам герцог оставался противником заключения любого договора, не гарантировавшего возвращение Ивангорода, но вынужден был считаться с обстоятельствами[77]. В конечном итоге в январе 1593 г. в Ивангороде было заключено «Второе русско-шведское полевое перемирие» (по определению Похлебкина) в войне 1590–1593 гг.[78]. Перемирие заключалось на два года. Предусматривалось, что за это время обе стороны проведут переговоры для заключения окончательного мира. «Временная передышка» (по определению Флори) в борьбе за Прибалтику позволило русскому правительству сосредоточиться на решении других внешнеполитических задач.

Русско-шведские переговоры начались в ноябре 1594 г. в с. Тявзине близ Нарвы и продолжались с перерывами до мая 1595 г. В истории русско-шведских отношений XVI столетия это были самые длительные и тяжелые переговоры[79].

Первая редакция договора, внесенная 17 января, в течение длительного времени оспаривалась русской стороной. Как известно, угроза разрыва перемирия с Речью Посполитой в случае срыва мирных переговоров в Тявзине, выявившаяся в ходе миссии к королю Сигизмунду П. Пивова, вынудила русскую сторону пойти на компромисс. 20 февраля русская сторона представила проект мирного договора. Самое главное значение имела статья о взаимном нейтралитете двух сторон в случае конфликта с третьей стороной, под которой понималась Речь Посполитая. Как констатировал Флоря, «суть русского предложения заключалась в том, что в обмен за шведский нейтралитет оно было готово подписать мир на выгодных для шведской стороны условиях»[80]. Форстен отмечал, что заключение мира прежде всего было выгодно Швеции, так как «внутри ее готовилось революционное движение против короля-паписта»[81]. Действительно, внутриполитическая обстановка диктовала «антисигизмундовским силам», группировавшимся вокруг герцога Карла, необходимость скорейшего мира. Вопрос о том, могло ли русское правительство предписывать более жесткую позицию своим дипломатам во время переговоров, остается открытым.

Е. И. Кобзарева считала, что Россия «переоценила прочность унии Швеции и Речи Посполитой», что привело к недостаточно выгодному условию мира, так как «практически сохранялся балтийский барьер, возведенный Швецией против России»[82]. Однако польско-шведский конфликт начался только в 1600 г. К 1595 г. обстановка не исключала польско-шведского сотрудничества[83]. Вместе с тем Тявзитский мир имел долговременные геополитические последствия, которые оставались еще не совсем ясны в момент его заключения. Он не только дал надежную гарантию отказа Польши от планов вовлечения России в конфликт со Швецией как условия сохранения мира с Речью Посполитой, разрабатывавшихся королем Сигизмундом в период распада польско-шведской унии, но и создал предпосылки для русско-шведского сближения в конце 90-х гг. С обострением конфликта между Сигизмундом Вазой и герцогом Карлом Зюгерманландским обе стороны стремились заручиться поддержкой Москвы. Герцог Карл в июле 1598 г. в своем послании Борису Годунову формально с поздравлениями по поводу его вступления на престол дал твердую гарантию соблюдения шведской стороной Тявзитского мира.

Необходимо подчеркнуть, что русское правительство не исключало возможности как пересмотра, так и разрыва Тявзитского мира. Вариант пересмотра рассматривался в плане установления союзных отношений со Швецией, направленных против Речи Посполитой. В плане «посольского обычая» основанием для пересмотра являлась детронизация короля Сигизмунда Вазы. В 1597–1598 гг. ход конфликта между Речью Посполитой и Швецией давал надежду на союз России со Швецией. В силу непримиримости интересов двух сторон в балтийском вопросе эти надежды не оправдались. К 1599 г. выявилась бесперспективность пересмотра Тявзитского мира. Тогда «русские политики снова обратились к идее антишведского политического союза с Речью Посполитой»[84].

В конце 80-х – начале 90-х гг., как никогда ранее с Ям-Запольского мира, была велика вероятность возобновления войны между Речью Посполитой и Русским государством. Однако русской дипломатии удалось избежать разрыва с Речью Посполитой в условиях военного конфликта со Швецией и очередного кризиса в русско-крымских отношениях. В итоге к середине 90-х гг. Москва имела долгосрочные договоры о продлении перемирия с двумя основными противниками. Как известно, договор 1591 г. о перемирии с Речью Посполитой был успешно продлен сроком на 20 лет в марте 1601 г.

[77] Форстен Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 52.

[78] Похлебкин В. В. Указ. соч. Вып. 2, кн. 1. С. 178.

[79] Там же.

[80] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С. 61.

[81] Форстен Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 53.

[82] Кобзарева Е. И. Смута. Иностранные интервенции и их последствия (конец XVI – первая половина XVII в.) // История внешней политики России. Конец XV – XVII век (от свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 197.

[83] Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос … С. 61.

[84] Там же. С. 208.

Для обеспечения геополитических интересов России дипломатическим путем правительство Федора Ивановича во главе с Годуновым сделало за десятилетие 1586–1595 гг. максимум возможного, заложив основы длительного «мирного сосуществования» с опасными соседями. Крах системы межгосударственных договоров, созданной русской дипломатией, произошел в значительной степени под влиянием факторов внутриполитического характера, приведших к Смутному времени.

A. V. Vinogradov

Russian-Polish-Lithuanian Diplomatic Opposition in the Context of Military Conflicts in Eastern Europe and Baltic Region (End of the 1580s – Beginning of the 1590s)

Key words: Polish-Lithuanian Commonwealth, Russian state, Yam-Zapolsky Treaty.

Abstract: The article analyzes the relations between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Russian State at the end of the 1580s – the beginning of the 1590s. The author managed to show that observing the Yam-Zapolsky Treaty depended not only on the outcome of diplomatic negotiations but also on external factors, such as the course of the Russian-Swedish war, the results of the conflict between the Polish-Lithuanian Commonwealth and Austrian Habsburgs, as well as military activities of the Crimean Khanate.

А. Н. Лобин

Состояние русской артиллерии накануне Смуты (1584–1603 гг.)

Русская артиллерия конца XVI – начала XVII в. весьма скудно представлена документальными источниками. Архив Пушечного (Пушкарского) приказа до 1626 г. погиб в пожарах XVII–XIX вв., поэтому историку достаточно сложно реконструировать масштабы производства и применения артиллерии рубежа XVI–XVII столетий. С другой стороны, именно от периода царствования Федора Ивановича сохранилось больше всего образцов тяжелого артиллерийского вооружения – ни один период истории русской артиллерии вплоть до XVIII в. не может похвастаться таким количеством сохранившихся высокохудожественных орудий. Ныне орудия 1586–1592 гг. можно увидеть в собраниях Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) и Московского Кремля. Кроме этого, в описях артиллерии Москвы (1694/95 г.)[1], Смоленска (1670-х)[2], Пскова (1699 г.)[3] и других городов сохранились подробные характеристики некоторых стволов 1580–1590-х гг., стоявших на вооружении крепостей.

Необходимо отметить еще один уникальный источник об артиллерии. В собрании шведского Музея армии хранится альбом рисунков трофейных орудий, захваченных шведами в сражениях 1700–1707 гг., среди которых встречаются русские пушки и пищали 1550–1700-х гг.[4]. Перечисленные источники позволяют не только выявить факты отливки артиллерии в определенные годы и узнать некоторые ее особенности, но также прояснить многие вопросы истории артиллерии интересующего нас периода.

Ко времени вступления Бориса Годунова на царство в 1598 г. в литейной мастерской, согласно списку служилых людей пушкарского чина (сохранился в копии академика И. Х. Гамеля), работали три пушечных мастера (А. Чохов, С. Дубинин, Р. Евсеев; оклады от 30 до 15 руб.) и 13 учеников под присмотром «пушечного приказчика» Игнатия Трескина[5]. Однако неизвестно, сколько литейщиков работало ранее, в 1584–1592 гг., когда было отлито большинство известных нам тяжелых осадных орудий. Тем не менее можно с уверенностью заявить о том, что производственная мощность Пушечного двора в конце XVI в. была достаточно большой: с 1584 по 1592 г., всего за 8 лет, известно не менее десяти случаев отливки крупных орудий (см. таблицу 1).

Данная таблица отнюдь не исчерпывает всех сведений о больших орудиях, отлитых в 1585–1592 гг. В 1590-х гг. упоминаются тяжелые пищали «Сокол» и «Раномыжская»[6], которые, возможно, также были отлиты в этот период. Помимо этого известно, что А. Чоховым была отлита в 1587 г. большая мортира «Егуп» (калибр 6 пудов 25 фунтов, длина полтора аршина, вес 77 пудов 10 фунтов, надпись: «Слита бысть сия пищаль при державе государя царя Федора Ивановича всеа Великия Росии лета 7095-го году, делал мастер Ондрей Чохов»)[7]. В следующем 1588 г.

[1] Научный архив СПбИИ РАН. Ф. 175 (И. Х. Гамеля). Оп. 1. Д. 465 (копии академика И. Х. Гамеля).

[2] ДАИ. СПб.: тип. Э. Праца, 1853. Т. V. С. 294–304 (№ 51).

[3] Сборник МАМЮ. М., 1914. Т. 6, кн. 2: Псков и его пригороды.

[4] Thelott P. J. Ritningar uppe de af den Stormacktigste Konung, Konung Carl den XII under det med Rysland, Saxen och Pehlen fur de kriget med Guids hielp och segerrika wapn se wid fastningars intagande som uti battallier, erofrade tropheen ahren 1700, 1707 och 1702 // Armemuseum. Thelott XXX. Band 1 (AM 5373); Band 2 (AM 5378).

[5] Научный архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

[6] Павлов А. П., Эскин Ю. М. Местническое дело дьяков И. В. Неелова и Г. И. Клобукова // Российское самодержавие и бюрократия: сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2000. С. 73.

[7] Сборник МАМЮ. Т. 6, кн. 2. С. 255; ВИМАИВиВС. Инв. № 9/51.

была отлита стоствольная пушка («Пушка о ста зарядех, на ней вылита подпись: “слита сия пушка при державе государя, царя и великого князя Федора Ивановича всеа Великия России лета 7096-го, делал Андрей Чохов”, на ней же под теми словами насечено “пушка о сте зарядех, в ней весу 330 пуд 8 гривенок”»)[8].

Наконец, нельзя не упомянуть и о знаменитом памятнике литейного мастерства – Царь-пушке, отлитой тем же Чоховым в 1586 г. Как сообщает «Пискаревский летописец», «Того же году повелением государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии слита пушка большая, такова в Руси и в ыных землях не бывала, а имя ей “Царь”»[9]. Поскольку Царь-пушка является самым знаменитым произведением мастера Андрея Чохова, на ней надо остановиться подробнее. Надпись на тулове орудия («Повелением благоверного и христолюбивого царя и великого князя Федора Ивановича государя самодержца всея великия Россия при его благочестивой и христолюбивой царице великой княгине Ирине слита бысть сия пушка в преименитом граде Москве лета 7094 в третье лето государства его. Делал пушку пушечный литец Андрей Чохов») позволяет определить временные рамки, в которые и было изготовлено орудие: 18 марта – 31 августа 1586 г. (указание на 7094 г. и «третье лето государства»).

Гигантская бомбарда (калибр 52 пуда, масса ствола 2400 пудов) так и не была закончена. В 1980 г., перед Олимпиадой, Царь-пушку отвезли на реставрацию. Исследование ствола проводила группа специалистов под руководством М. Е. Портнова, в качестве технического консультанта был приглашен инженер Г. М. Захариков. Результаты были опубликованы Г. М. Захариковым в 1984 г.[10]. Параллельно орудие изучали специалисты научно-исследовательского отдела Артиллерийской академии им. Дзержинского. Отчет под названием «Научные исследования и опытно-производственные работы по реставрации, восстановлению и сохранению Царь-пушки» так и не был опубликован[11], поэтому имеет смысл привести некоторые выдержки из него.

Все специалисты пришли к единому мнению – из орудия не стреляли, оно так и не было доделано. Внутренняя часть ствола не зачищена после отливки, в нем имеются «наплывы высотой до 20 мм, неровности, горелая земля»[12]. Кроме этого Г. М. Захариковым отмечено: «Затравочное отверстие не просверлено, хотя и сделано при отливке начальное углубление диаметром около 10 мм в квадратном ограждении одинаковой высоты»[13].

Исследование химического состава ствола проводилось в химико-аналитической лаборатории Гипроцветметобработки. Проба бралась на расстоянии около 1 м от дульного среза. Анализ показал, что на 91,6 % металл состоит из меди, на 6,10 % из олова. Содержание легирующих элементов в процентном отношении: свинец 0,84, цинк 0,053, никель 0,12, сурьма 0,42, мышьяк 0,34. Примеси (в %): железо 0,010, висмут 0,035, алюминий менее 0,05, марганец менее 0,05, магний менее 0,001, кобальт менее 0,005, следы серебра. Вывод специалистов о составе бронзы Царь-пушки таков: «Рассмотрение данных, представленных в таблице, показывает, что ствол изготовлен из оловянистой бронзы, с небольшим количеством других легирующих элементов (менее 2 %) и примесей (менее 0,1 %). Известно, что бронза такого состава обладает хорошими литейными свойствами (высокая жидкотекучесть, небольшая усадка), высокой коррозийной стойкостью и способностью образовывать на поверхности в атмосферных условиях естественную патину с хорошими защитными и декоративными свойствами»[14].

По всем расчетам Царь-пушка могла выдержать стрельбу гигантскими каменными ядрами (1000 кг ядро и заряд пороха 117,8 кг – по расчетам специалистов из Артиллерийской академии им. Дзержинского или ядро в 750 кг с массой порохового заряда 84 кг – по расчетам Г. М. Захарикова)[15].

Современный исследователь С. Н. Богатырев справедливо полагает, что Царь-пушка была создана в демонстративных целях для укрепления позиций Федора Ивановича (и естественно, Бориса Годунова) в период волнений в Москве после смерти Ивана Грозного. Большую роль играл и дипломатический фактор, поскольку в Речи Посполитой царя Федора не считали серьезным правителем, а пушка, находившаяся на виду у всех посольств, въезжавших в Кремль, должна была продемонстрировать воинственность сына Ивана Грозного и показать его величие[16]. Царь-пушка являлась последним представителем типа осадных орудий XV–XVI вв. – бомбард.

---

[8] Научный архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. Д. 465. Л. 22. О «стоствольной пушке» см.: Немировский Е. Л. Андрей Чохов (около 1545–1629). М.: Наука, 1982. С. 53–61.

[9] ПСРЛ. М.: Наука, 1978. Т. 34. С. 196.

[10] Захариков Г. М. О боевом назначении Царь-пушки // Памятники науки и техники: [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории естествознания и техники. М.: Наука, 1984. С. 31–45.

[11] Научные исследования и опытно-производственные работы по реставрации, восстановлению и сохранению Царь-пушки // ОРПГФ ММК. Ф. 20. Оп. 1982. Д. 167. Большую признательность выражаю старшему научному сотруднику Оружейной палаты кандидату исторических наук А. Н. Чубинскому за указание на материалы.

[12] Там же. Л. 28; Захариков Г. М. Указ соч. С. 44.

[13] Захариков Г. М. Указ. соч. С. 31.

[14] ОРПГФ ММК. Оп. 1982. Д. 167. Л. 44.

[15] Там же. Л. 33–34; Захариков Г. М. Указ. соч. С. 35.

[16] Bogatyrev S. Bronze Tsars: Ivan the Terrible and Fedor Ivanovich in the Décor of Early Modern Guns // The Slavonic and East European Review. 2010. Vol. 88. No. 1/2, January/April. P. 66–67.

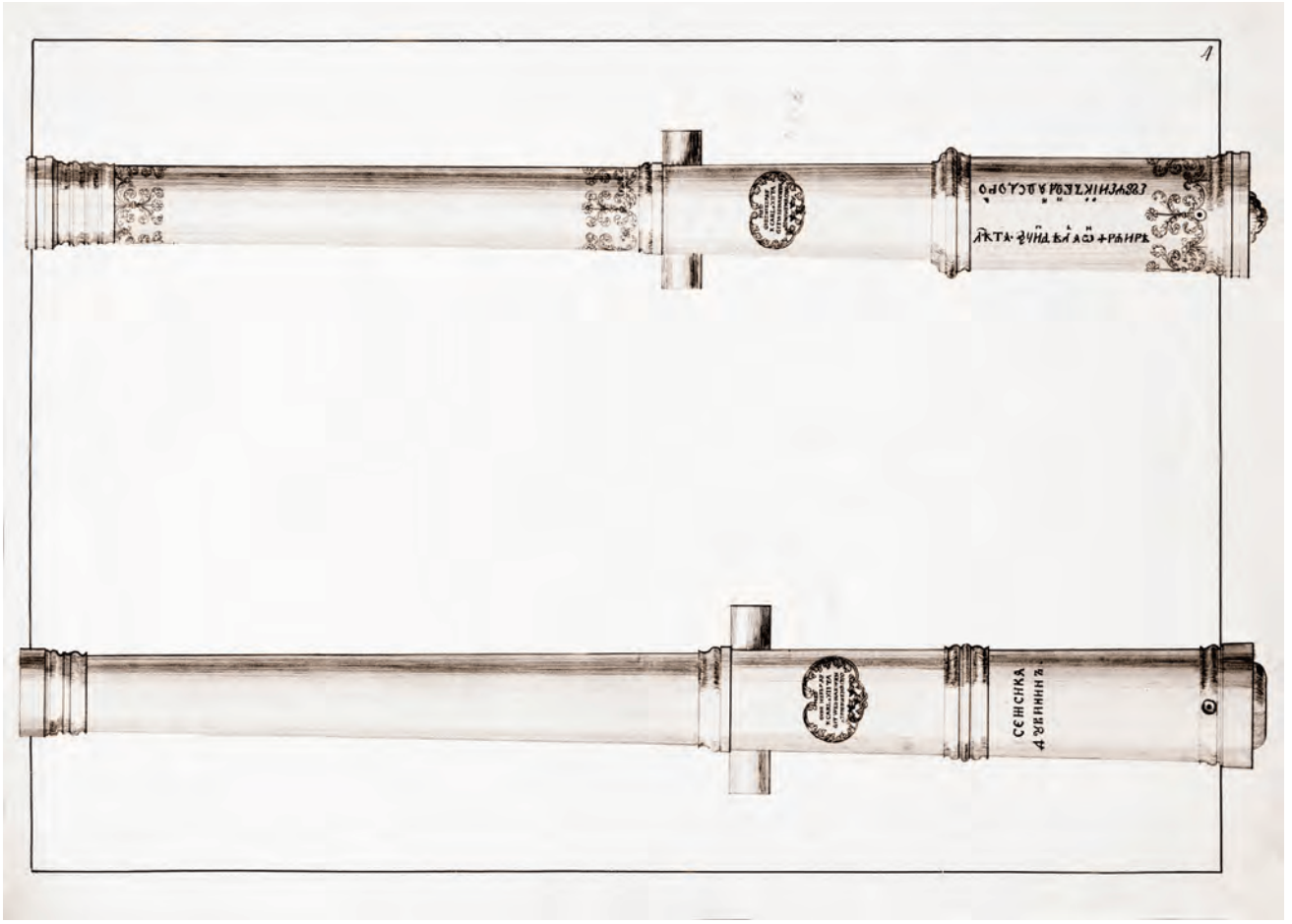


Рис. 1. Полуторные пищали 1590–х гг. Б. Федорова и С. Дубинина (Armetuseum. AM 5378. Thelott XXX. Band 1. P.4)

Помимо производства тяжелой крупнокалиберной артиллерии есть сведения о массовом изготовлении «больших полуторных пищалей» длиной около 15 пядей (полтора десятка пядей, или около 4 аршинов – отсюда название), массой в 44–50 пудов и калибром в 6 фунтов (см. таблицу 2).

Нами выявлено 14 случаев однотипного производства полуторных пищалей. По-видимому, мастера лили орудия партиями сразу по несколько штук. Например, в описи Пскова упоминаются несколько одинаковых орудий мастера Русина Евсеева, отлитых в 1590 г. Несмотря на отдельные упоминания полуторных пищалей 1586–1594 гг. в источниках XVII–XVIII вв., можно констатировать, что в этот период отливались совершенно однотипные орудия (калибр 6 фунтов[17], длина «полтора десятка пядей», или около 4 аршин, масса ствола 44–50 пудов), различающиеся между собой наличием или отсутствием украшений, пространных надписей и т. д. (см. рис. 1). Хотя все перечисленные стволы не сохранились, всё же, благодаря рисункам Я. Фелотта, мы можем представить, как выглядели некоторые из них, а именно: две пищали Б. Федорова, две пищали, отлитые совместно К. Михайловым и Б. Федоровым, и пищаль Р. Евсеева[18]. Ранее я писал о массовом производстве полуторных 6-фунтовых пищалей со времен 1560-х до 1648 г.[19] – конструк-

[17] Обозначенный у пищалей № 13 и № 14 калибр в 7 фунтов, возможно, связан с неточностью измерений весового калибра. Например, масса № 12 и № 13 одинаковая, несмотря на то, что калибр отличается на 1 фунт.

[18] Thelott P. J. Op. cit. Fol. 4, 10, 15, 31, 33.

[19] Лобин А. Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613–1645) // Исследования по истории средневековой Руси: к 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 383–397; Его же. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск. I: Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы науч. дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны, ч. I: Статьи. С. 104–158. [Электронный ресурс] URL: http://www.milhist.info/2012/12/15/lobin_1> (дата обращения: 15.01.2014).

ционные особенности этого типа орудий практически не менялись.

Несомненно, что в период царствования Бориса Годунова также массово отливались пушки и пищали. Однако свидетельств этого почти не сохранилось, за исключением упоминаний о 4-х мелкокалиберных орудиях, два из которых хранились в 1695 г. на Пушечном дворе: «Две пищали медные, русского литья… ядром по гривенки бес чети, длиною по 3 аршина без пяти вершков. На одной из них подпись русским писмом: "Повелением государя царя и великого князя Бориса Федоровича делана пищаль лета семь тысяч сто осьмого месяца майя в двадцать четвертый день". На другой: "Семь тысяч сто десятого делали литцы Никита Тупицын да Юшка Бочкарев", на них же резаны от письма и у дула травы, у дула голова звериная. Весу по 5 пуд»[20]. Две других пищали стояли до конца XVII в. на вооружении Смоленска: «две пищали медные русского литья, в станках на колесах, ядром по гривенки без четверти, длиною по 3 аршина без пяти вершков. На них подпись русским письмом: "Божиею милостию, повелением благоверного и христолюбивого великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича, всея Руси самодержца, делана пищаль лета", на одной семь тысяч сто восьмого, месяца мая в двадцать четвертый день, на другой семь тысяч сто десятого, делали литцы Никитка Тупицын да Юшка Бочкарев»[21].

В источниках отсутствуют данные о производстве «семипядных» и «девятипядных» орудий, известных во времена Ивана Грозного, хотя есть данные о снабжении ими городов в 1590–1592 гг.[22]. По-видимому, к концу XVI в. произошел окончательный переход к литью полуторных пищалей, производство которых продолжалось до 1648 г. Изготовление других типов пищалей («скорострельных», «полковых», «затинных», «волконеек») продолжалось и в первой половине XVII в.[23].

Подводя итоги, следует заметить, что, несмотря на практически полное отсутствие документов Пушкарского приказа конца XVI – начала XVII в., можно реконструировать орудийное производство указанного периода. По самым неполным данным, которые удалось найти, только в 1585–1592 гг. было отлито крупных пушек и пищалей общей массой более 90 тыс. кг, а с учетом «мелкого наряда» и неизвестных нам фактов этот показатель может превышать отметку в 100 тыс. кг. За весь XVII в. такой уровень орудийного производства крупных орудий так и не был превзойден. Артиллерия, созданная пушечными мастерами до Смуты, активно использовалась в войнах XVII в., а несколько стволов, в том числе тяжелые «Лев» и «Медведь», еще обстреливали в 1700 г. Нарву[24]. Немногие сохранившиеся поныне орудия являются подлинными украшениями старейших музеев страны.

[20] Научный архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. Д. 465. Л. 8.

[21] ДАИ. Т. V. С. 307 (№ 51).

[22] Описи Соловецкого монастыря XVI века: Комм. издание / составители: З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик; отв. ред. М. И. Мильчик. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 167–168.

[23] Лобин А. Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.09. СПб., 2004. С. 100.

[24] Великанов В. С., Лобин А. Н. Русская артиллерия в Нарвском походе 1700 г. // Старый Цейхгауз: воен.-ист. журн. 2012. № 4 (48). С. 3–10.

A. N. Lobin

State of the Russian Artillery on the Eve of the Time of Troubles (1584–1603)

Key words: artillery, cans and harquebuses, the archive of the Pushkarsky prikaz, Andrei Chokhov.

Abstract: The article is devoted to the research of the Russian artillery in the reign of Tsar Fiodor Ivanovich's and Boris Godunov's period. On the basis of the published and archive sources the facts of mass production of big and middle weapons were elicited. A high rate of artillery production of big weapons in 1585–1592 was not outperformed during the whole 17th century.

Приложение

Таблица 1

Тяжелые осадные пищали, отлитые в 1585–1592 гг.

Название орудия	Калибр	Масса	Длина ствола	Надписи на стволе
«Соловей»[1]	25 фунтов	?	6 аршинов	На дульной части: «Соловей», на казенной части: «Божиею милостию царь, государь и великий князь Федор Иванович всея Русии зделана сия пищаль Соловей лета 7098 делал Ондрей Чохов»
«Аспид»	45 фунтов	370 пудов	6 аршинов 1 вершок	На дульной части: «Аспид», на казенной части: «Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси зделана сия пищаль Аспид лета 7098 делал Ондрей Чохов»
«Троил»	60 фунтов	430 пудов	6 аршинов 9 вершков	На казенной части: «Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Русии зделана сия пищаль Троил лета 7098 году. Делал Андрей Чохов»
«Скоропея»	30 фунтов	224 пуда	6 аршинов	На дульной части: «Скоропея», на казенной части: «Божиею милостию царь и государь и великий князь Федор Иванович всея Русии зделана сия пищаль Скоропея лета 7098 делал Ондрей Чохов»
«Лев»	40 фунтов	344 пуда 41 фунт	7 аршин «с лишком»	На дульной части: «Лев», на казенной части: «Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Русии зделана сия пищаль Лев лета 7098 делал Ондрей Чохов»
«Медведь»	40 фунтов	290 пудов	6 аршинов 6 вершков	На казенной части: «Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси зделана сия пищаль Медведь лета 7098 делал Семенка Дубинин»
«Свиток»	30 фунтов	290 ½ пудов	6 аршинов	На казенной части: «Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси зделана сия пищаль Свиток лета 7099 делал Семенка Дубинин»

[1] В 1700 г. участвовала в осаде Нарвы, захвачена шведами и переплавлена.

Таблица 2

Полуторные пищали 1586–1594 гг.[1]

№ п/п	Калибр	Длина ствола	Надписи на стволе
1	6	4 аршина без 1 ½ вершка	«Лета 7098 делал сию пищаль полуторную литец Русин Евсеев»
2	6	4 аршина	«Лита в 98-м году, лил мастер Андреев ученик Богдан Федоров»
3	6	4 аршина без ½ вершка	«Лета 7098 делал сию пищаль полуторную литец Русин Евсеев»
4	6	4 аршина	«Лета 7098 делал сию пищаль полуторную литец Русин Евсеев»
5	6	4 аршина	«Семенка Дубинин»[2]
6	6	4 аршина	«Лита в 7094-м году, лил мастер Кашпир»[3]
7	6	4 аршина	«Лета 7098 делал сию пищаль полуторную литец Русин Евсеев»
8	6	4 аршина без ½ вершка	«Лета 7098 делал сию пищаль полуторную литец Русин Евсеев»
9	6	4 аршина	«Семенка Дубинин»
10	6	4 аршина	«Пищаль Левик, лита в 7098-м году, лил Андреев ученик Кондратей Михайлов»
11	6	4 аршина	«Лита в 98-м году, лили мастеры, Андреевы ученики Чехова, Богдан Федоров да Кондратей Михайлов»
12	6	4 аршина с вершком	«Лета 7100, делал Андрей»; масса 47 пудов 20 фунтов
13	7	4 аршина 2 вершка	«Лита во 102 году Андреев ученик Савельева Федор, признаки на ней отлитые лики человеческия»; масса 47 пудов 20 фунтов[4]
14	7	4 аршина с ½ вершком	«На ней указаны посередь у дула травы, у казны же подпись русским писмом: "Лета семь тысяч сто второго делал Андреев ученик Федор Савельев"…на ней же посередь звериные две головы, позади же за казною звериная же голова. Весу 50 пудов»

[1] Таблица составлена на основании следующих источников: Научный архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. Д. 465; Сборник МАМЮ. М., 1914. Т. 6, кн. 2. С. 231–254; Thelott P.J. Ritningar uppe de af den Stormacktigste Konung, Konung Carl den XII under det med Rysland, Saxen och Pehlen fur de kriget med Guids hielp och segerrika wapn se wid fastningars intagande som uti battallier, erofrade tropheen ahren 1700, 1707 och 1702 // Armemuseum. Thelott XXX. Band 1 (AM 5373); Band 2 (AM 5378).

[2] Семен Дубинин – пушечный мастер, упоминается в 1590–1598 гг.

[3] Возможно, в описи допущена ошибка, поскольку мастер Кашпир (Ганусов), учитель А.Чохова, работал в 1550–1560-х гг., в других документах последнее упоминание о нем – 1568 г.

[4] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ. Книги Белгородского стола). Кн. 152. Л. 293–293 об.

А. В. Беляков

Личные вещи Чингисидов в России XVI–XVII вв.

До наших дней дошло не так уж много подлинных вещей XVI–XVII вв., принадлежность которых конкретному историческому деятелю не вызывает сомнений. Чаще это предметы, обладание которыми традиция приписывает тому или иному герою прошлого. Это относится и к татарским царям и царевичам, проживавшим в России XVI–XVII вв. Практически полное отсутствие вещевого инвентаря серьезно осложняет нам любую попытку воссоздать бытовые реалии этой категории подданных московских государей. Данная работа ставит перед собой задачу проанализировать отдельные предметы, упоминаемые в источниках и приписываемые тому или иному Чингисиду. Понятно, что в России их окружали по преимуществу вещи, сделанные русскими ремесленниками. Однако нас в первую очередь интересуют изделия, имеющие восточные корни.

Среди предметов, однозначно находившихся какое-то время в домах знатных татарских выходцев и их потомков, следует назвать два шитых покрова. Известно, что у супруги Симеона Бекбулатовича[1], княгини Анастасии Мстиславской, имелась собственная золотошвейная мастерская. В настоящее время в собрании музея «Оружейная палата» хранится покров «Алексий митрополит» 1581 г., поступивший из кремлевского Чудова монастыря. Этому изделию присуща тяга к активному использованию золотых и серебряных тканей и нитей, а также обильному привлечению жемчуга для украшения[2]. Другой известный покров, «митрополит Филипп» 1650 г. из собрания Оружейной палаты, происходит из мастерской Евдокии Андреевны Стрешневой, дочери царевича Андрея Кучумова и супруги боярина Василия Ивановича Стрешнева. Следует отметить, что данная пелена является единственным известным на настоящий момент источником, донесшим до нас имя дочери Андрея Кучумова. Здесь мы видим совсем иную цветовую гамму. Фоном служил синий шелк, окаймленный широкой красной полосой. Фигура святого вышита серебряными нитями[3]. Логично предположить, что и в иных музейных собраниях хранятся предметы русского золотошвейного искусства, вышедшие из мастерских, связанных с именами тех или иных Чингисидов. Подобные вещи ценны для нас еще и тем, что отчасти позволяют представить эстетические вкусы того или иного представителя «золотого рода».

В коллекции Оружейной палаты хранится шлем из булатной стали иранского производства XVI в., который в описях государевой казны именовался «шапкой ерихонской кучюмовской». Поверхность шлема декорирована изящным восточным растительным орнаментом. Шлем имеет золотое эмалевое навершие (позади навершия расположена трубка для перьев) и украшен жемчугом и драгоценными камнями красного и синего цветов. Эта «шапка» была преподнесена в дар царю Алексею Михайловичу боярином Борисом Петровичем Шереметевым. Традиция связывала этот предмет с именем хана Кучума. Действительно ли это так и каким образом парадный шлем хана попал к Шереметеву, неизвестно. Однако при Алексее Михайловиче шлем однозначно воспринимался как военный головной убор Кучума, что послужило

[1] Беляков А. В. Симеон Бекбулатович // Единорогъ: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2011. Вып. 2. С. 159–191.

[2] Русское художественное шитье XIV – начала XVIII вв.: каталог выставки / сост. Н. А. Маясова, И. И. Вишневская. М., 1989. С. 161–162.

[3] Там же. С. 308–309.

причиной его выдачи 27 января 1664 г. потомку Кучума сибирскому царевичу Алексею Алексеевичу (Иш-Мухаммед б. Алтанай б. Кучум), который должен был находиться в нем на «государском смотру у наряду» (артиллерии)[4]. В европейских странах бытование шлемов-корон являлось обычной практикой[5]. Скорее всего, это был не имевший в дальнейшем продолжения опыт внедрения в государственный церемониал регалий, мнимо или же явно принадлежавших независимым правителям территорий, присоединенных к России. Его следует рассматривать в единой цепи с присутствием на официальных церемониях XVI в. казанских царей или же заменой их казанской и астраханской шапками.

Время от времени можно услышать о якобы переданном в Рязанский краеведческий музей из музея Рязанской ученой архивной комиссии троне касимовских царей. С высокой долей вероятности можно утверждать, что это деревянное, грубо сработанное кресло (стул) без следов покраски, спинка и подлокотники которого имеют сквозной повторяющийся резной узор в виде соприкасающихся друг с другом волнистых линий, расположенных по вертикали и напоминающих расположение нитей при вязке. Восточные мотивы в его декоре отсутствуют. Специальных исследований данного предмета не проводилось, в музее он хранится без атрибуции; считается, что он относится к XVII в. Однако это далеко не окончательная датировка. Вполне возможно, что его изготовили значительно позже, в XVIII или даже XIX в. Всё же в целом данное кресло соответствует русским образцам XVI–XVII вв. как по форме, так и по орнаменту. Н. Н. Соболев называет подобные произведения «предметами крестьянского мебельного искусства» и подчеркивает, что они чаще встречались в монастырях и скитах как особо почетные места для сидения и реже – в домах обывателей[6]. В Касимовском краеведческом музее в настоящее время выставлено подобное же кресло в более плохом, нежели в Рязани, состоянии (значится как трон последней ханши Фатимы-салтан Шакуловой, супруги царя Арслана б. Али). У него имеется и серьезное отличие от рязанского «трона» – сохранившийся паз на спинке, позволяющий предположить наличие в прошлом некой конструкции в виде балдахина. Следует отметить, что кресла долгое время рассматривались в России

Рис. 1. Кресло, за которым закрепилось название трона касимовской ханши Фатимы-салтан Шакуловой. (Касимовский краеведческий музей)

как статусные вещи. Поэтому, не имея результатов дополнительных исследований, мы не можем полностью отвергать версию о том, что данные предметы каким-либо образом связаны с последними касимовскими царевичами. Однако в XVII в. русские мастера создавали и более изысканные предметы деревянной мебели, в том числе и стулья[7]. Хотя, конечно же, тронами они являться не могли. Традиции наличия в Касимове, как, впрочем, и в ряде иных мусульманских держав, подобных атрибутов власти не зафиксировано. У кочевых народов и их наследников функцию трона выполняла белая кошма – четырехугольный кусок белого войлока. Здесь, однако, следует сказать, что в Касимове рубежа XVI–XVII вв., по сообщению Кадыр-Али бека, описывавшего обряд провозглашения Ураз-Мухаммеда б. Ондана царем, скорее всего с подачи Москвы, возможно, появилась несколько модифицированная традиция: кошма с белой была заменена на золотую[8].

До наших дней дошло две серебряные капторги (коробочки для хранения Корана или отдельных

[4] Пчелов Е. В. Символы Сибирского царства // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4 (66). С. 13–22; Комаров И. А. Шлем – шапка ерихонская кучумовская // Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон: «премудрая двоица». М., 2005. С. 177; Комаров И. А., Яблонская Е. А. Парадное оружие русских царей XVI–XVII веков. М., 2006. С. 54.

[5] Орел и лев: Россия и Швеция в XVII веке: каталог выставки. М., 2001. С. 56–57.

[6] Соболев Н. Н. Стили в мебели. М.: Сварог, 1995. С. 275–276.

[7] Орел и лев. С. 78.

[8] Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1864. Ч. 2. С. 402–404.

Рис. 2. Капторга (коранница) – коробочка для хранения Корана и отдельных его сур, принадлежавшая сибирскому выходцу мирзе имелдешу Исинею Карамышеву сыну Мусаитову (ГИМ)

Рис. 3. Сулея (матара) – сосуд для хранения воды. Преподнесена в 1653 г. касимовским царевичем Сеит-Бурханом (Василием) б. Арсланом царю Алексею Михайловичу (Оружейная палата)

сур из него), принадлежавшие: одна – касимовскому царю Ураз-Мухаммеду б. Ондану[9] (в настоящее время находится в Петербурге)[10], другая – имелдешу Исенею (Ишанею) Карамышеву сыну Мусаитову[11] (в настоящее время ее реплика хранится в Казани, в Музее национальной культуры)[12]. В ГИМе, судя по всему, находится подлинная коранница имелдеша. Там она атрибутирована как серебряная капторга египетской или турецкой работы, принадлежавшая некоему царевичу касимовскому Инаю Имильдину (?)[13]. Следует сказать, что капторги (коранницы, амулетохранительницы или же обереги) широко известны среди татар Крыма, Казани и Сибири[14]. Однако как правило, подобные изделия из благородных металлов, тем более украшенные бирюзой (в случае с капторгой Исинея Карамышева), принадлежали женщинам, но не мужчинам. Последние чаще зашивали завернутые в трубочку суры из Корана в обшлаг верхней одежды. Данный факт позволяет предположить особый статус мужских капторг. Возможно, они рассматривались как статусные предметы и являлись неким атрибутом власти. Можно предположить, что они не носились постоянно, а одевались только в торжественных ситуациях.

Еще один предмет, который мог находиться какое-то время в доме касимовского царевича, – это турецкая сулея, поднесенная Сеид-Бурханом б. Арсланом в 1653 г. царю Алексею Михайловичу[15]. Сулея

[9] Беляков А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения: труды науч. конф., Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского (20–21 окт. 2006 г.). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 29–60.

[10] Fraehn C. M. Variae incriptiones arabicae vel primo explanatae vel njvis post alios curis // Memoires de l, Akademie Imperiale des sciences de St. Petersborg. St. Petersborg, 1822. T. VIII. S. 497–556; Idem. Uras-Muhammedis chani Kasimowiensis, quae in Akademie Imp. Scient. museo Asiatico Asservatur, Theca koranica, interpretatione illustrate // Ibid. S. 497–544; Dorn B. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Petersburg, 1846. S. 6, 28, 133, 169; Крачковская В. А. Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х гг. // Советское востоковедение. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. Т. VI. С. 273, 281; Земное искусство – небесная красота: искусство ислама: каталог выставки в Гос. Эрмитаже (Санкт-Петербург, 13 июня – 17 сент. 2000 г.). СПб.: Славия, 2000. 360 с.

[11] Беляков А. В. Сибирские татары при дворах сибирских Шибанидов конца XVI – первой половине XVII века // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. конф. (Курган, 21–22 апр. 2011 г.). Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 114–118; Его же. Исиней Карамышев сын Мусаитов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2012. № 6, ч. 3. С. 82–87.

[12] Казани – 1000 лет: иллюстрир. каталог выставки. Казань: Гасыр, 2003. С. 106.

[13] Золото. Металл богов и царь металлов. М., 2007. С. 27.

[14] Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Фэн, 2010. С. 226–227; Суслова С. В. Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как исторический источник // Татарская археология. Казань, 2004. № 1–2 (10–11). С. 114–125.

[15] Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М.: тип. Бахметева, 1860. С. 144, 179; Снегирев И. М. Древности Российского государства. [М.]: хромолитография Ф. Дрегера, 1853. [Иллюстрации к отд-нию 5] / [рисованы ак. Ф. Солнцевым]. № 38.

Рис. 4. Мифический портрет казанской ханши Сююн-бике с сыном Утямыш-Гиреем (Александр Сафагиреевич) в женском платье

Рис. 5. Ногайские дети. Фотография начала XX в.

(правильнее, матара) – фляга с закрепленной на цепи пробкой (начиная с XVI в. она является одним из символов верховной власти в Турции). В настоящее время она отождествляется с сулеей, хранящейся в Оружейной палате[16]. Однако вполне возможно, что данный предмет никогда не принадлежал касимовскому царевичу и был выдан ему из Казны специально для того, чтобы он сделал подношение московскому государю. Здесь нужно отметить еще один интересный факт. Зимой 1599 г. ряд пленных сибирских царевичей, вывезенных в Москву, просили выдать им наряду с богатой одеждой еще и серебряные амагилы (фляги)[17]. Фляги просили исключительно Чингисиды. В челобитных мирз такие просьбы отсутствуют[18]. Вполне возможно, что турецкий обычай был позаимствован сибирскими Шибанидами или же имел иные, более глубокие корни.

До нас дошло описание калфака (головной убор замужней женщины, аналог русской кики) одной из татарских (касимовских) цариц первой половины XVII в.: «зделана з золотом и серебром, и с каменьем, и жемчюгом. Да у ней же краны серебрены позалочены с разными каменье и жемчюги»[19]. Описание данного предмета вызывает ряд вопросов. От татарского калфак произошло русское колпак. Однако приведенное описание явно не напоминает татарские калфаки, известные по этнографическим музейным коллекциям и литературе. В таком случае мы вправе предположить, что перед нами описание парадного и даже статусного женского головного убора. Но как он мог выглядеть? В нашем распоряжении имеется только одна подсказка. Это картина художника А. Карнаухова «Царица Сююмбике и ее семейство» 1913 г., хранящаяся в Национальном музее Республики Татарстан[20]. Здесь мы видим служанку (?) в традиционном калфаке, а также молодую женщину (по-видимому, казанскую, а затем и касимовскую царицу Сююн-бике) и некую девочку в высоких конусообразных головных уборах с явно жестким основанием. Мы не будем разбирать состав изображенных (у Сююн-бике не известны дочери), обратим внимание на предметы интерьера и головные уборы. Многие детали на картине имеют явные следы модернизации. Однако художник должен был где-то позаимствовать подобные головные уборы. Похожие головные уборы мы можем наблюдать на фотографиях ногайских женщин рубежа XIX–XX вв.[21]. Здесь нам следует отметить ногайское происхождение самой Сююн-бике и многих жен служилых Чингисидов в России XVI–XVII вв.[22]. В та-

[16] Искусство Блистательной Порты: каталог выставки. М., 2008. С. 120–123.

[17] Потехина Е. С. Фонематическое консонантное варьирование иноязычных слов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2000. С. 37–48.

[18] АИ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1841. Т. II. С. 21.

[19] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 9 (1628 г.). Л. 3.

[20] Казани – 1000 лет. С. 66.

[21] Кавказский национальный костюм [Электронный ресурс]. URL: http://kavkaz-costume.blogspot (дата обращения: 15.01.2014).

[22] Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань-мір,

ком случае и повседневные головные уборы жен и, возможно, дочерей многих татарских царей и царевичей выглядели так же, только без богатой отделки драгоценными металлами и камнями. Следует, однако, отметить, что подобные шапки не утвердились в местах компактного проживания татар и ногайцев в России, даже если там же поселялись и семьи служилых Чингисидов.

Мы рассмотрели несколько предметов или же их описаний, традиционно связываемых с теми или иными представителями «золотого рода» в России. Их совсем немного. При этом далеко не все из них реально можно связать с тем или иным татарским царем или царевичем в России. В первую очередь это относится к так называемому трону и «шапке кучумовской». В других случаях (сулея, капторги и описание женского головного убора) предстоит провести дополнительные исследования для того, чтобы установить истинное значение, а подчас и внешний вид этих предметов. Что однозначно бросается в глаза, так это, безусловно, статусный характер этих предметов. В одних случаях их церемониальное значение искусственно создавалось в Москве, дабы лишний раз подчеркнуть статус московского государя как царя царей, в других – функционировало в татарско-мусульманской среде самостоятельно. Следует отметить, что мы имеем все шансы в будущем обнаружить в собраниях тех или иных центральных и местных музеев и другие предметы, принадлежавшие в прошлом служилым Чингисидам. Это, в свою очередь, поможет нам ответить на стоящие перед нами вопросы.

2011. С. 91–105; Его же. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // Тюркологический сборник. М.: Вост. лит., 2009. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. С. 35–55.

A. V. Belyakov

Personal Belongings of the Chingisids in Russia in the 16th – 17th Centuries

Key words: the Chingisids, the Russian state of the 17th – 18th cc., insignia.

Abstract: The article analyzes separate items that traditionally belonged to the Chingisids who lived in Russia of the 16th – 17th centuries. Among those are a wooden throne, kaptorgas, a helmet, a flask and golden broidery. The attempt to reconstruct the headdress of Tatar tsarinas is made according to its description.

Д. В. Лисейцев

Вещи Смуты: предметы личного обихода деятелей Смутного времени в казне царя Михаила Федоровича

События Смутного времени оставили глубокий след в истории Российского государства. Активное изучение этого отрезка отечественной истории продолжается более двухсот лет. За это время ученым удалось восстановить общий ход развития событий, проследить специфику кризиса начала XVII в. на уровне отдельных регионов, реконструировать биографии главных участников Смуты и многих «героев второго плана». Вместе с тем совершенно неизученной остается повседневность Смутного времени, мы почти не располагаем информацией о вещах, окружавших людей той непростой эпохи. Политические перевороты, социальные потрясения, дым сожженных городов и звон колоколов, возвещавших о больших победах, заслоняют от нас собственно самого человека Смуты с его заботами, тревогами, личными интересами и вкусовыми пристрастиями. И совсем неправильно было бы считать, что для этих людей в тяжелую для страны минуту личные интересы и дела всегда отступали на второй план.

Во второй половине 1611 г., когда силы I Ополчения осаждали занятый польско-литовскими войсками московский Кремль, когда в Нижнем Новгороде шло уже формирование II Ополчения, московские торговые люди Ужовкины в судебном порядке делили между собой наследство покойного родителя и супруга. В условиях, когда катастрофически не хватало средств на содержание Ополчения, Ужовкины вели тяжбу о распределении огромной по тому времени суммы (одни долговые расписки отдавали в их распоряжение более 2 тыс. рублей)[1]. Для сравнения: в начале 1612 г., один из рязанских помещиков за смешную на фоне предыдущей сумму (3 рубля) на восемь лет заложил соседу свою родовую вотчину[2]. Летом 1618 г., когда Москве угрожала опасность захвата войсками польского королевича Владислава и запорожскими казаками гетмана Сагайдачного, русский разведывательный отряд, действовавший в окрестностях столицы, стал свидетелем горькой картины: «наехали они на лесу убитово мужика да жонку, а над ними плачет крестьянская жонка, а сказала, что ей сын да сноха, а хто их побил, того она не ведает»[3]. И вряд ли мы ошибемся, если предположим, что потеря сына и снохи была в этот момент для плачущей «жонки» страшнее и значительнее всех потрясений пылающей пятнадцатый год Смуты.

Именно личностное измерение Смутного времени пока еще ускользает от нашего восприятия. Заслоняемая грандиозными событиями и социальными движениями, на фоне первой российской гражданской войны теряется отдельная человеческая личность. Безусловно, реконструкция эмоционального мира, особенностей восприятия окружавшей действительности человеком, жившим четыре столетия назад, задача вряд ли осуществимая на практике, особенно для периода, когда в обычай еще не вошло писание дневников и мемуаров, для времени, от которого до нас почти не дошла даже частная переписка русских людей[4]. Однако, пусть и

[1] Лисейцев Д. В. Тяжба торговых людей 1621 г. и неизвестная страница Смутного времени // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода: к 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле: материалы Междунар. науч. конф., Ярославль, 6–9 июня 2012 г. М.: 2К, 2012. С. 209–220.

[2] Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в.: сб. документов. М., 2002. Т. III. С. 154–155 (№ 184).

[3] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9 (Столбцы Московского стола). Ед. хр. 9. Л. 62.

[4] Ввиду этого попытки реконструировать внутренний мир людей начала XVII в., их представления о власти и ее легитимности, грехе и его искуплении с опорой на узкий круг исключительно литературных памятников неизбежно порождают споры (см., например: Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. 424 с.).

ограниченная, возможность заглянуть во внутренний мир человека той эпохи, хотя бы в плане реконструкции его эстетических предпочтений, всё же имеется. Сделать это исследователю позволяет сохранившаяся информация о вещах, принадлежавших людям Смутного времени. Сведения подобного рода, хоть и нечасто, попадают в распоряжение исследователя[5]. Так, например, известному приказному деятелю эпохи Смуты, думному дьяку Посольского приказа Петру Алексеевичу Третьякову принадлежала серебряная братина (чаша для вина), которая и ныне хранится в Оружейной палате. В начале XVII в. в документах Казенного приказа она была описана следующим образом: «Братина с кровлею чеканная, серебряна, венец, и клейма, и мишень золочены… А в ней на мишени бражник с бочкою»[6]. Для нас интересна надпись, выбитая на этой братине: «*Человече! Что на мя зриши? Не проглотить ли мя хощеши? Воззри, человече, на дно братины сей и открывши тайну свою».* На дне же помещена надпись*: «Аз есмь бражник».* Думаю, присутствие такой (и весьма недешевой) вещи в личном обиходе дьяка, прошедшего в годы Смуты через лагерь Лжедмитрия II, побывавшего в рядах I Ополчения, успевшего послужить оккупационному режиму в осажденном Кремле, а затем возглавившего дипломатическое ведомство при первом царе из династии Романовых, свидетельствует о том, что владелец братины, как минимум, был не лишен чувства юмора.

Предметом рассмотрения в настоящей статье станут вещи из личного обихода двух заметных деятелей эпохи Смуты, погибших в 1611–1612 гг. Часть их имущества, избежавшего разграбления, со временем попала в казну царя Михаила Федоровича. Благодаря подробным описаниям этих вещей, выполненным служащими Казенного приказа, мы имеем редкую возможность составить хотя бы общее представление об одежде и парадной посуде этих людей.

Первый из них – боярин Богдан Яковлевич Бельский. Племянник известного опричника Малюты Скуратова, Богдан Бельский был одним из фаворитов царя Ивана Грозного в конце его царствования и вошел в состав так называемого регентского совета при царе Федоре Ивановиче. Проиграв схватку за власть Борису Годунову (с которым состоял в свойстве – Борис Годунов был женат на дочери Малюты Скуратова), Бельский долго оставался в опале. После воцарения Бориса Годунова Богдан Бельский был амнистирован и даже получил чин окольничего, но вскоре вновь впал в немилость (в 1601 г. его обвиняли даже в намерении отравить царя Бориса). Падение правительства Годуновых и вступление на престол Лжедмитрия I привело к новому взлету Бельского: официально признав в Самозванце младшего сына Ивана Грозного, Богдан Яковлевич, по некоторым сведениям, даже заявлял, что именно ему «царевич» обязан спасением от рук убийц, подосланных Годуновым. Лжедмитрий I пожаловал Бельского боярским чином, однако скорая гибель «расстриги» лишила новоиспеченного боярина места при дворе. Новый монарх Василий Шуйский (с которым Богдан Бельский также был в свойстве – боярин князь Дмитрий Иванович Шуйский, брат царя, был женат на дочери Малюты Скуратова) отправил его на воеводство в Казань. Там в самом начале 1611 г. Богдан Яковлевич Бельский нашел свою гибель: изменив привычке участвовать в разного рода политических авантюрах, он попытался воспрепятствовать присяге казанцев Лжедмитрию II и был убит ими как «изменник». По всей вероятности, тогда же двор Бельского был разграблен. Буквально через несколько дней в Казань поступило известие о том, что Лжедмитрия II уже нет в живых[7].

Уцелевшее имущество Богдана Бельского спустя два года было отправлено в Москву и не позднее сентября 1613 г. пошло в раздачу (поскольку состояние царской казны в это время было плачевным). Первое известное нам упоминание об этом датируется 4 сентября 1613 г., когда одному из крымских гонцов была вручена на приеме у царя Михаила камка (шелковая узорчатая ткань) из летника (разновидность женской одежды), принадлежавшего к доставленной в Москву из Казани «рухляди» Богдана Бельского[8]. Спустя две с половиной недели, 22 сентября, к царю Михаилу Федоровичу, ехавшему на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, на стан в с. Тайнинское была доставлена другая ценная вещь из имущества Бельского – «чепочька золота з жемчюги… весу тритцать четыре золотника (около 145 грамм. – *Д. Л.*), цена по ярлыку тритцать три рубли»[9]. Еще через неделю, 30 сентября, знаменитый впоследствии стряпчий Борис Иванович Морозов был пожалован взятыми из «рухляди» Бельского ветчаными (ветхими) алтабасными (шелковая

[5] Сведения о личных вещах русских людей, живших в эпоху Смуты, практически не становились предметом специального рассмотрения историков. Исключением является опубликованная А. В. Лаврентьевым роспись имущества, оставленного думным дьяком Посольского приказа Афанасием Власьевым в г. Любеке в 1604 г. (Лаврентьев А. В. «Посольский наряд» русского дипломата XVI–XVII вв.: изобразительные и письменные источники // Российское самодержавие и бюрократия: сб. ст. в честь Натальи Федоровны Демидовой. Москва; Новосибирск, 2000. С. 119–130).

[6] Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1877. Вып. 1. С. 13.

[7] Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 50; Флоря Б. Н. Из следственного дела Богдана Бельского // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 302–306.

[8] РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 2. Кн. 199. Л. 10 об.–11.

[9] Там же. Л. 42.

ткань с золотой нитью) вошвами[10]. По прошествии недели, 8 октября 1613 г., царь Михаил Федорович пожаловал шубой воеводу Михаила Матвеевича Бутурлина. На изготовление шубы пошли пуговицы, срезанные с багровой однорядки Богдана Бельского: «девять пугвиц серебрены золочены дорощеты, сверху и снизу репейки и зерна белы, цена два рубли»[11]. После перерыва в месяц, 7 ноября, из рухляди Бельского пожаловали жильца Василия Гавриловича Михеева, которому досталась шапка «бархат таусинной, испод лапчетой лисей, окол соболей, цена рубль дватцать алтын»[12]. 25 ноября 1613 г. в одну из дворцовых мастерских передали из Казны 13 золотых пуговиц «з зерны жемчюжными, наведены чернью» общей стоимостью в 6 рублей, ранее принадлежавших Богдану Бельскому[13]. 19 декабря вещи из гардероба Богдана Бельского отнесли и к царю Михаилу Федоровичу. Это были «четыре сорочки тафтяные червчатые и белые, а на сорочках на вороту и на мышках и на прорехах триста семьдесят три зерна жемчюжные на спнех на серебреных, да четверы порты тафтяные, цена всему тритцать шесть рублев»[14]. 29 декабря 1613 г. царь пожаловал шубами за Тихвинское осадное сидение воевод князя Семена Васильевича Прозоровского и Леонтия Андреевича Вельяминова. На шубу князя Прозоровского пошли «девять пугвиц серебрены золочены половинчаты, резаны лошки косые, другие глаткие, весу дватцать девять золотник, цена пять рублев». Ранее эти пуговицы были на суконном спорке из «рухляди» Богдана Бельского. На шубу второго воеводы, Вельяминова, пошли более скромные пуговицы: «восмь пугвиц серебряны золочены дорощаты, в закрепках листки белые, цена два рубли, спороты с однорятки Богдановские рухледи Белсково»[15].

20 апреля 1614 г., после длительного перерыва, одежда Богдана Бельского вновь оказалась востребована: на двор к царице-инокине Марфе, матери царя Михаила, отнесли «шесть образцов, низаны жемчюгом по отласу по червчатому, около жемчюгу обложено золотом пряденым, спорот с ферезей с камки з бурской, на червце шолк бел, зелен, лазорев з золотом»[16]. Еще через полтора месяца, 4 июня 1614 г., из имущества покойного боярина был пожалован казначей Никифор Васильевич Траханиотов: по именному приказу царя ему дан был «спорок – камка адамашка лимонной цвет, цена семь рублев»[17]. Вещи Богдана Бельского оставались предметом пожалований и позднее. Так, 8 ноября 1615 г. царица-инокиня Марфа распорядилась выдать золотной кушачный летник из «Богдановские рухледи Бельсково» боярыне Марье Ивановне Салтыковой[18]. Через месяц, 8 декабря, однорядкой «сукно лундыш светлобагрово, цена 10 рублей» пожаловали казначея Н. В. Траханиотова[19]. 3 марта 1616 г. за службу под Смоленском был пожалован воевода Мирон Андреевич Вельяминов, которому из «рухляди» Богдана Бельского досталась шуба стоимостью в 102 рубля и 6 алтын: «камка бурская, на червце шелк лазорев, бел, зелен з золотом на соболях, пуговицы серебряные золоченые»[20]. 30 мая 1616 г. царица Марфа из вещей Бельского пожаловала княгиню Марфу Михайловну Сулешеву «опашнем червчатым с круживом серебряным, пуговицы серебряные золоченые» стоимостью в 17 рублей[21]. Это последний известный нам случай пожалования вещами из «рухляди» Богдана Бельского.

Таким образом, вещи убитого в Казани боярина Богдана Бельского, поступив в царскую Казну в Москву, почти три года (с сентября 1613 г. по май 1616 г.) были в раздаче. За это время «рухлядь» Бельского выдавалась из Казны на разные нужды не менее 15-ти раз. Среди пожалованных вещами покойного боярина были лица, близкие к новому царю, порой даже состоявшие в родстве с ним (представители семей Салтыковых, Сулешевых, казначей Траханиотов, начинавший свой карьерный подъем Борис Иванович Морозов). Дважды вещи Богдана Бельского поступали в личное распоряжение царя Михаила Федоровича – золотая с жемчугом цепь и четыре пары шелковых (тафтяных) сорочек и портов, расшитых жемчугом. Стоимость вещей Богдана Бельского не во всех случаях зафиксирована в расходных книгах Казенного приказа; суммарная стоимость пошедших в раздачу вещей боярина, цена которых в документах Казны указана, составляет около 222 рублей (почти половину этой стоимости – 102 рубля – приходится на долю принадлежавшей Богдану Бельскому шубы).

Сопоставить ценность одежды, принадлежавшей Богдану Бельскому, можно с перечнем имущества, утерянного переводчиком Посольского приказа Вилимом Вилимовым, ездившим в ноябре 1617 г. в ранге гонца в Англию[22]. Часть пути Вилимову пришлось проделать морем, и потому ему дважды (пе-

[10] Там же. Л. 48. Вошвы – кусок ткани, пришиваемый для украшения к другой ткани, платью или конскому прибору (Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1976. Вып. 3. С. 77–78).

[11] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 199. Л. 55 об.–56 об.

[12] Там же. Л. 120 об.

[13] Там же. Л. 146.

[14] Там же. Л. 191 об.–192.

[15] Там же. Л. 217 об.–220.

[16] Там же. Л. 429 об.

[17] Там же. Л. 518.

[18] Там же. Кн. 201. Л. 24–24 об.

[19] Там же. Л. 39.

[20] Там же. Л. 78 об.

[21] Там же. Л. 127–127 об.

[22] Там же. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 49, 65; Ед. хр. 65. Л. 156; Ед. хр. 66. Л. 121; Ф. 53 (Сношения России с Данией). Оп. 1. Ед. хр. 2 (1617 г.). Л. 76, 120.

ред отплытием из Швеции в Данию и затем перед отбытием в Англию) пришлось избавляться от части имущества, которое проблематично было погрузить на борт корабля. Спешность передвижения, диктуемая обязанностями гонца, не дала ему времени продать лишнее имущество, и потому, вернувшись в Москву, Вилим Вилимов обратился к царю с челобитной о возмещении материального ущерба. Как всегда в подобных случаях, челобитная содержала подробный перечень утраченных вещей. В Швеции путешествовавший в зимних условиях гонец был вынужден оставить сани с хомутом и прочей упряжью, «медведную полсть санную», «шубу одевальную», пуховую подушку, лисьи рукавицы «под лундышом», настрафильную епанчу, сафьянные сапоги и длинную пищаль. В Дании Вилимов ездил, судя по всему, верхом, потому что перед отплытием в Лондон ему пришлось бросить сафьянное седло «со снимальником», ордынские потники, немецкую узду и переметные сумки. Кроме того, оставить пришлось пистолет «аглинское дело», лядунку, пороховницу, а из одежды – бумазейный кафтан под заячьими хребтами, суконный «езжалой» кафтан и темно-синий «проезжий» зипун. Весь этот внушительный перечень «покинутого» имущества по оценке Вилимова обошелся ему в 35 рублей с четвертью[23]. Это лишь немного более цены одной золотой цепочки Богдана Бельского, которая, напомню, в Казенном приказе была оценена в 33 рубля.

В основном «рухлядь» Богдана Бельского состояла, разумеется, из предметов мужской одежды. Среди нее упоминается три однорядки (одна из которых – английского сукна), лисья шапка, шелковые сорочки и порты, ферязь из бурской камки и соболья шуба, крытая бурской камкой. Однако были и предметы женской верхней одежды, что намекает на присутствие рядом с Богданом Бельским в последние месяцы его жизни женщины, которой принадлежали два летника (один из них – золотной кушачный) и червчатый опашень, украшенный серебряным кружевом. Часть «рухляди» Бельского представлена в расходных книгах Казенного приказа уже в качестве ткани, споротой с обветшавшей одежды, – это так называемые спороки из алтабаса, камки и сукна. Помимо одежды, в «рухляди» Богдана Бельского представлены и ювелирные украшения: помимо золотой цепочки, это были разнообразные пуговицы: золотые с чернением, украшенные жемчугом; серебряные золоченые разных видов: половинчатые, гладкие, резные («дорощатые», то есть украшенные дорожками-полосами).

Описания «рухляди» Бельского позволяют нам составить представление о цветовой гамме, в которой могла быть оформлена верхняя одежда состоятельного боярина начала XVII в. Среди одежды Богдана Бельского были представлены белый и лимонный цвета, но преобладающим был красный различных оттенков – багрового, светло-багрового, червчатого. Этот фон дополнялся шелковым шитьем белого, зеленого, лазоревого и золотого цвета[24]. Об одежде женщины, бывшей рядом с Богданом Бельским в конце его жизни, известно меньше: мы знаем, что цветовая гамма ее одежды включала в себя цвета золотой, серебряный и червчатый. Среди тканей, из которых была изготовлена верхняя одежда Бельского, преобладал шелк разных видов – камка, алтабас, адамашка, тафта. В целом можно констатировать, что одежда социальной верхушки Московского государства эпохи Смуты выглядела ярко и празднично.

Каким образом имущество покойного боярина Богдана Бельского оказалось в Москве почти через три года после его гибели? Высказать некоторые предположения нам позволяют указания расходных книг Казенного приказа. В записи от 20 апреля 1614 г. сообщается, что переданная царице-инокине Марфе «рухлядь» Бельского была взята «у боярина у Василья Петровича Морозова, да у кравчево у Михаила Михайловича Салтыкова, да у думново дьяка у Олексея Шапилова»[25]. Кравчий М. М. Салтыков в означенное время возглавлял Оружейную и Серебряную палаты, которым были подчинены дворцовые мастерские; думный дьяк Алексей Шапилов руководил приказом Казанского дворца[26]. Боярин Василий Морозов в указанное время никаких постов в администрации приказов не занимал, но известно, что он вместе с Богданом Бельским был воеводой в Казани, где и оставался в течение нескольких месяцев после гибели своего товарища[27]. Надо полагать, что имущество убитого в Казани воеводы Богдана Бельского, избежавшее разграбления, было сначала взято на хранение первым воеводой Казани, боярином В. П. Морозовым, а затем передано в распоряжение приказа Казанского дворца, которому была непосредственно подведомственна Казань. На это указывает и запись в расходной книге Казенного двора от 8 ноября 1615 г.: пожалованный боярыне Марье Ивановне Салтыковой летник из «Богдановские рухледи Бельсково» был взят из приказа Казанско-

[23] Там же. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Ед. хр. 2 (1619 г.). Л. 73.

[24] Та же гамма цветов, с заметным преобладанием красного (червчатого), присутствует в перечне подарков, поднесенных в 1606 г. придворными чинами Лжедмитрию I, а также в списке имущества, оставшегося в 1618 г. после смерти ирландского капитана на русской службе Томаса Юстоса (документы публикуются в приложении).

[25] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 199. Л. 429 об.

[26] Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 669, 674, 681.

[27] В. П. Морозов в начале мая 1611 г. еще был воеводой в Казани, потом выступил на соединение с I Ополчением (АИ. СПб., 1841. Т. II. С. 396 (№ 329)).

го дворца[28]. Из Казанского дворца впоследствии «рухлядь» Бельского была передана в дворцовые мастерские, о чем свидетельствуют неоднократно мелькающие в расходных книгах указания на то, что перед выдачей вещи Бельского были «снесены с верху», то есть непосредственно из царских покоев, где располагались дворцовые мастерские.

Если от покойного Богдана Бельского в царскую казну поступила преимущественно одежда, то другой деятель Смуты, Лжедмитрий III, известный как «псковский вор», оставил после себя в основном посуду из драгоценных металлов. Лжедмитрий III приобрел известность в масштабах страны лишь в последние полтора года своей жизни, современники затруднялись даже с определением его подлинного имени, называя его то «Сидоркой», то «Матюшкой». Впервые заявив о себе как о претенденте на российский престол в Великом Новгороде в начале 1611 г., он был признан «чудесно спасшимся царем» сначала в Ивангороде, а затем, в декабре того же года, – в Пскове. Пик его успехов пришелся на весну 1612 г.: 2 марта I Ополчение принесло ему присягу и стало вновь рассылать грамоты от лица царя Димитрия Ивановича и царицы Марины Юрьевны. Однако уже к лету ситуация изменилась: самозванец был арестован представителями I Ополчения и погиб на пути в Москву (по другим сведениям, был казнен в подмосковном лагере Ополчения или в Москве уже после воцарения Михаила Романова)[29].

Первые упоминания об имуществе Лжедмитрия III в казне царя Михаила Федоровича датируются весной 1616 г. 3 марта 1616 г. за службу под Смоленском были награждены воеводы боярин князь Иван Андреевич Хованский и Мирон Андреевич Вельяминов. Обоим были пожалованы серебряные золоченые кубки, подробно описанные в расходных книгах Казенного приказа. Оба чеканных кубка «на достаканное дело» ранее принадлежали, согласно записям в расходных книгах, «псковскому вору Матюшке», однако первому воеводе достался более дорогой кубок (вес около 882 граммов), кубок второго воеводы был заметно меньше (528 граммов)[30]. Еще два кубка, ранее принадлежавших псковскому самозванцу, были пожалованы от царя Михаила его приближенным в 1617 г. Первый из них – серебряный с золочением резной достакан весом примерно в 513 граммов – достался 28 января стольнику князю Ивану Андреевичу Голицыну по случаю его свадьбы. Почти через год, 28 декабря 1617 г., также в честь бракосочетания царь Михаил Федорович пожаловал серебряный с золочением резной достакан стряпчему Федору Михайловичу Толочанову. Вес этого подарка составил примерно 562 грамма[31].

Среди вещей псковского самозванца, оказавшихся в царской казне, были и предметы одежды. 14 июня 1616 г. ею был одарен глава Стрелецкого приказа боярин князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский: ему пожаловали шлык – шапку-колпак из красного с золотом венецианского бархата с двумя петлеватыми морхами (то есть кистями или бахромой): «шлык бархат венедицкой, шолк червчат з золотом, двое морх петлеват». Помимо шлыка Лобанов-Ростовский получил также четыре завязки из зеленого с золотом шелка с ворворками (украшение на одежде или конской сбруе в виде шарика на тесьме или шнурке, прикрепляемого к кистям)[32], низанными жемчугом по таусинному атласу. Эти завязки, споротые с платна «псковского вора», были оценены в очень крупную сумму – 100 рублей[33]. Интересно, что платно – это одежда, считавшаяся на Руси традиционно царской. Псковский самозванец, как видно, за короткий период своей деятельности успел обзавестись этим элементом парадной одежды, который должен был служить зримым обоснованием его притязаний и мнимых прав на российский престол. Что касается князя Лобанова-Ростовского, то он не потерял интереса к одежде псковского вора и позднее. 2 апреля 1619 г. ему был пожалован золотной кушак Лжедмитрия III, стоивший, по оценке Казны, 5 рублей[34].

Обстоятельства появления вещей «псковского вора» в Москве могут быть реконструированы лишь гипотетически. Вряд ли они могли быть доставлены в подмосковный лагерь I Ополчения вместе с Лжедмитрием III в 1612 г.: до весны 1616 г. упоминаний о них в документах Казенного приказа нет. Поэтому более вероятной представляется версия о том, что имущество самозванца до начала 1616 г. находилось во Пскове, бывшем его резиденцией в конце 1611 – первой половине 1612 г. До начала 1616 г. сообщение между Москвой и Псковом было затруднено из-за боевых действий на северо-западе страны. Даже в конце 1616 г., когда между Россией и Швецией активно велись переговоры о мире, проезд в Псков был сопряжен с серьезными трудностями. Это вызвало, в частности, затруднение с назначением награды казакам, проехавшим с грамотами от русских послов из-под Новгорода в Псков: «А на пример в Посольском приказе выписать им некого: таких

[28] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 201. Л. 24–24 об.

[29] Седов П. В. Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера: сб. науч. ст. Петрозаводск, 1993. С. 22– 33; Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века: очерки полит. и воен. истории. СПб.: Европейский дом, 2008. С. 266–281; Рабинович Я. Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013. С. 134, 144–161.

[30] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 201. Л. 77 об.–79 об.

[31] Там же. Кн. 202. Л. 56 об.–57; Кн. 203. Л. 143–143 об.

[32] Словарь древнерусского языка XI–XVII вв. Вып. 3. С. 29.

[33] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 201. Л. 135 об.–136 об.

[34] Там же. Кн. 204. Л. 524 об.

проходцов, которые б от послов во Псков и изо Пскова к послом прохаживали, наперед сего к Москве не присылывано»[35]. Однако в январе 1616 г., когда между Россией и Швецией военные действия были прекращены, царь Михаил Федорович распорядился о смене воевод в Пскове, и прежние воеводы – боярин В. П. Морозов, Ф. Л. Бутурлин и князь А. Ф. Гагарин – были отозваны в Москву[36]. В начале апреля 1616 г. воеводы уже определенно находились в столице, поскольку 7 апреля они были в числе приглашенных на царский пир[37]. Вероятно, именно в начале 1616 г. вещи Лжедмитрия III и были доставлены из Пскова в Москву, чтобы практически сразу поступить в раздачу. Первоначально они оказались на хранении в Стрелецком приказе (почему – можно лишь гадать, возможно, имущество самозванца доставили в Москву псковские стрельцы). Интересно, что все упомянутые в расходных книгах Казны предметы «рухляди псковского вора» достались одному и тому же лицу – возглавлявшему тогда Стрелецкий приказ боярину князю А. В. Лобанову-Ростовскому[38]. Кубки Лжедмитрия III поступили из Стрелецкого приказа на хранение погребного ключника Федора Красного в Сытенный дворец, а впоследствии перешли в руки приближенных Михаила Романова.

Резюмируя свою статью, отмечу, что изучение бытовой составляющей жизни людей эпохи Смуты позволяет приоткрыть завесу, скрывающую от нас внутренний мир человека того времени, помогает составить представление о его эстетических предпочтениях, выражавшихся как в цветовой гамме одежды, так и в подборе дорогой, «представительского уровня» посуды. Какие зримые образы ассоциировались у людей начала XVII в. с богатством, властью, величием? В поиске ответов на этот вопрос неоценимую помощь исследователю оказывают как материальные остатки прошлого, чудом дошедшие до настоящего времени, так и письменные источники, сохранившие для нас подробные описания вещей, окружавших человека прошлого в его повседневности.

[35] Там же. Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем). Оп. 1. Ед. хр. 1 (1613–1617 гг.). Л. 80.

[36] Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отд-нием Собств. Е. И. В. канцелярии. СПб., 1850. Т. I. Стб. 236.

[37] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 201. Л. 92 об.

[38] Лисейцев Д. В. Приказная система … С. 681–682.

D. V. Liseitsev

Items of the Time of Troubles: Statesmen's Personal Belongings in the Treasury of Tsar Mikhail Fyodorovich

Key words: The Time of Troubles of the beginning of the 17th century, Treasury prikaz, ceremonial attire, argentry, Bogdan Belsky, False Dmitry III.

Abstract: The Time of Troubles, which has attracted scientists' attention for a long time, is still poorly examined on the "micro" level. The descriptions of clothes and tableware, which belonged to formerly famous persons of the Time of Troubles, boyar Bogdan Yakovlevich Belsky and False Dmitry III ("Pskov Thief"), preserved among the materials of paperwork of the Treasury prikaz, give a researcher a valuable material about the taste preferences of the early 17th century Russians. Besides, they help get an idea of images which reflected the Time of Troubles people's ideas about power and wealth.

Приложение

I. 1606 г. Роспись подарков, поднесенных царю Дмитрию Ивановичу (Лжедмитрию I) думными чинами, гостями, русскими и иностранными торговыми людьми

Крайчей князь Иван Хворостинин:

Братина золота с каменьем с яхонты и с ызумруды и с лалы;

Запона золота с алмазы и с яхонты;

Рукомойник да лохань серебряны золочены (1). //

Василей Щелкалов: стопа серебрена, покрышка и поддон золочен, сорок соболей (**1 а**). //

Григорей Микулин: кубок серебрян золочен с покрышкою, сорок соболей (**2**). //

Князь Володимер Шаня[1]-Масальской: сорок соболей[2] (**2 а**). //

Князь Иван Большой-Одуевской: кубок серебрен золочен с покрышкою, сорок соболей (**3**)[3]. //

Князь Олександра Засекин: стопа серебрена с покрышкою, сорок соболей (**3 а**). //

Гости и торговые люди Гостиные сотни:

3 кубки серебряны золочены;

Алтабас золотной узорчат;

Отлас золотной;

Алтабас золотной глаткой;

3 сорока соболей.

Суконные сотни торговые люди: 2 сорока соболей (**4**). //

Думные дворяне:

Сокольничей Гаврило Пушкин[4]:

Ортемей Измайлов: алтабас золотной, шелк[5] червчат з золотом; сорок соболей (**5**). //

Постелничей Семен Шапкин; (**6**). //

Иван Стрешнев: кубок с покрышкою золочен, сорок соболей (**7**). //

Василей Янов: стопа серебряна с покрышкою, камка желта, кармазин; сорок соболей (**8**). //

Иван Грамотин: кубок серебрен золочен с покрышкою; сорок соболей (**9**). //

Иван Пушкин: достокан серебрен; сорок соболей.

Гаврила Пушкин: кубок серебрен с покрышкою; сорок соболей (**10**). //

Богдан Сутупов челом бьет:

Кубок двоичат;

Отлас золотной, по червчатой земле шолк бел да лазорев;

Сорок соболей (**11**). //

Федор Янов: кубок серебрян золочен; отлас жолт; камка червчата; сорок соболей (**12**). //

Ондрей Воейков: кубок с покрышкою золочен; отлас шолк червчат да бел да зелен; сорок соболей (**13**). //

Офонасей Власьев: запана крест золот с ызумруды и з жемчюги; чепь золота[6]; отлас золотной по червчатой земле; кубок серебрен с покрышкою золочен; сорок соболей (**14**). //

Григорей Желябужской челом бьет:

2 пары соболей;

Достокан серебрян (**15**). //

Тимофей Витофтов челом бьет:

Сорок соболей (**16**)[7]. //

Иван Головин.

Василей Головин: сорок соболей (**17**). //

Князь Григорей Ромодановской: сорок соболей.

Иван Крюк-Колычов.

Олексей Чорт-Плещеев.

Князь Дмитрей Туренин: кубок серебян золочен; сорок соболей.

Чашники:

Князь Иван Курлятев:

Кубок серебрян золочен с покрышкою;

Отлас золотной;

Сорок соболей (**18**). //

Аглинские земли гость Иван Ульянов с товарыщи:

Чепь золота;

Кубок серебрян золочен;

Отлас золотной по червчатой земле;

Отлас золотной по червчатой же земле розные шолки;

Камка евская двоелична;

Отлас бел евской узорчат;

Сорок соболей.

Голанские земли гость Ондреян Лукьянов да Фрянчик Олексеев челом бьют:

Чепь золота;

Кубок серебрян золочен;

Отлас золотной по червчатой земле;

2 сорока соболей.

Голанские ж земли гость Миколай Ондреев:

Чепь золота да кубок серебрян золочен (**19**).

РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 2. Ед. хр. 142. Л. 1–19.

---

[1] *Шаня* приписано над строкой.

[2] На левом поле помета: *справ которой*; слово *которой* зачеркнуто.

[3] На обороте листа помета черными чернилами: *Приказной.*

[4] Далее оставлены чистыми примерно две строки.

[5] Слова *алтабас золотной шелк* приписаны над строкой вместо зачеркнутого *сорок соболей.*

[6] Слова *чепь золота* приписаны над строкой.

[7] Перед словами *сорок соболей* зачеркнуто: *кубок серебрян золочен да.*

II. 1616–1617 гг. Описание серебряных кубков, принадлежавших самозванцу Лжедмитрию III («псковскому вору» Матюшке), из расходных книг Казенного приказа

«Кубок серебрен золочен с покрышкою на достоканное дело, изнутри выбиваны травы и образинки, по сторонам выбиваны три человека стоячие, под пузом три дуги завернулись литые; по стоянцу ложечки короткие, одне чеканные, другие глаткие; по покрышке резаны травки, наверху человек литой, в правой руке повеза, левою рукою подперся в бок; весу две гривенки пятнатцать золотников, взят у боярина у князя Офонасья Васильевича Лобанова-Ростовсково да у дьяка у Дмитрея Ратцова псковского вора Матюшки».

РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 201. Л. 77 об.–78 об.

«Кубок серебрен золочен, на достоканное дело, на высоком стоянце, по нем изнутри выбиваны травы под пузом, яблочко литое; по стоянцу киотцы; весу гривенка дватцать восмь золотников, взят у боярина у князя Офонасья Васильевича Лобанова-Ростовсково да у дьяка у Дмитрея Ратцова псковского вора Матюшки».

РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 201. Л. 79–79 об.

«Достокан серебрен, бел, по венцу резаны травки спускные золочены; под стоянцом три образинки литые крылаты, золочены; повыше стоянца веревочка золочена; весу гривенка дватцать четыре золотника с полузолотником, взят Сытново дворца с поставца у погребново ключника у Федора Красново, псковского вора».

РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 202. Л. 56 об.–57.

«Достокан серебрен на высоком стоянце без кровли, по венцу и по стоянцу резаны травы золочены, повыше стоянца кружек дерблян да два дорощеты, поверх крушков и вниз травы спускные золочены; весу гривенка тритцать шесть золотников, псковского вора, взят с поставца у погребново ключника у Федора Красново».

РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 203. Л. 143–143 об.

III. 1618 г. Роспись имущества, оставшегося после смерти капитана ирландской роты «бельских немцев» Томаса Юстоса

«127-го октября в 11 день по приказу дьяков думново Сыдавново Васильева да Марка Поздеева переписывал животы ирлянсково копитона Томаса Юстуса во дворе ево подьячей Сенка Дохтуров.

В повалуше.

Платья: кожан замшеной, подложен камкою червчатою.

Кофтан, отлас гвоздичен.

Штаны богрецовые.

Седло польское, снимальник русской лазорев.

Шишак неметцкой.

Сщит, навожен золотом.

Корд золочен.

Протазан, навожен золотом.

Шкатула, поволочена ворвонью, без скляниц (**211**)[8]. //

Да в повалуше хлеба.

Ржи чети з 10.

Круп овсяных с четь.

С 3 пуда соли.

6 полоть ветчины.

Да в горнице ковер невелик на столе.

3 блюда оловеных.

Оловеник невелик.

Да в конюшни два бахмата литовских:

Бахмат гнед лыс;

Да бахмат сер.

Да на дворе сена с 5 возов, да соломы возов с 7.

И что на повалуше платья и всякие рухляди и хлеба, и то за печатми подьячево Семейки Дохтурова да немчина Якова Ахтурлина (**212**). //

А в горнице ковер и суды, и в конюшне лошеди и конской корм приказано немчину, которой жил с копитоном, Джан Дуфу» (**213**).

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Ед. хр. 1 (1618 г.). Л. 211–213.

[8] На обороте помета: *Отдать животы Якову прапорщику ево роты, и хто ему племя.*

С. З. Чернов, И. В. Волков

Археологические маркеры Смутного времени: комплекс керамики с кладом из Лешково-6 и датировка запустения малодворных деревень Радонежского края

Массовый исход крестьян из малодворных деревень, которые определяли систему расселения Московского края на протяжении трех столетий, имел место в 1564–1612 гг. Археологически внутренняя деколонизация фиксируется в виде многочисленных селищ площадью от 0,1 до 1 гектара, сохраняющихся в лесных массивах и на полях, окружающих ныне существующие селения. Эти селища выделяются по находкам белоглиняной грубой посуды первой половины XVI в. Поселения, следами которых являются данные селища, упоминаются в актах и писцовых описаниях первой половины XVI в. как деревни, а в писцовых книгах 1620-х гг. значатся уже как пустоши. Археологические исследования, развернутые в 1976–2012 гг. на территории волостей Радонеж, Бели, Воря и Кинела, расположенных на северо-востоке Московского края, красноречиво свидетельствуют об этом массовом исходе.

Археологические данные потенциально могут существенно дополнить свидетельства письменных источников об этом процессе, за которым стоят разнообразные демографические и экономические явления. Однако серьезным препятствием для реализации этих возможностей является то, что мы пока не можем установить по археологическим материалам точную (на уровне десятилетия) хронологию запустения каждого конкретного исследуемого поселения.

Между тем исторические свидетельства показывают, что процесс внутренней деколонизации прошел несколько стадий. Во второй половине 1560-х гг. общее ухудшение экономической конъюнктуры, вызванное аграрным перенаселением, было усугублено ростом государственных налогов, связанным с началом Ливонской войны (решение Земского собора 1566 г.), и увеличением оброков на опричных землях. Всё это могло и не вызвать катастрофических последствий, если бы не голод 1569–1570 гг., разгром и сожжение Москвы войсками Девлет-Гирея в мае 1571 г. и эпидемия чумы, которые привели к огромным людским потерям, составившим не менее 30 % населения страны[1].

На протяжении 1580-х и 1590-х гг. на части утраченных поселений жизнь восстановилась. Второй виток кризиса начался в результате голода 1601–1603 гг., который протекал особенно остро на поместных землях, поскольку мероприятия правительства Бориса Годунова по прикреплению крестьян к земле оставили их практически без запасов посевного зерна. На демографические потери этих лет наложились массовые убийства гражданского населения, которые начались в Замосковье с осени 1608 г., когда у Троице-Сергиева монастыря обосновался лагерь гетмана Яна Сапеги.

Датировка запустения того или иного поселения по археологическим данным опирается на дату закрытых комплексов керамики, которые обнаруживаются в ямах-погребах, сохраняющихся на месте жилых и хозяйственных сооружений. Сегодня опубликовано уже 16 закрытых комплексов керамики из сооружений второй половины XVI – начала XVII в., исследованных в Москве и Московской области.

Как показывают исследования керамических комплексов XVIII в., установление процентного соотношения типов керамики и систематическое изучении вариантов форм сосудов позволяет вы-

[1] Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. М.: Территория будущего, 2010. Т. 1. С. 257–277.

делить признаки, которые могут датировать комплекс с точностью до двух десятилетий. Однако для того, чтобы реализовать эти потенциально заложенные в комплексах возможности, необходимо: 1) «выстроить» их в типологическую цепочку, которая может быть объяснена хронологической последовательностью, 2) датировать некоторые из них на основании абсолютных хронологических реперов (монеты, точно датированные строительные прослойки и др.).

Если подойти с этими критериями к опубликованным комплексам керамики второй половины XVI – начала XVII в., то придется констатировать, что в настоящее время в основном выполнен первый этап исследования (выстроена типологическая цепочка) и сделаны первые шаги в области второго этапа. В работе 1991 г. было высказано предположение о том, что комплексы первой половины XVI в. характеризуются доминированием белоглиняной грубой посуды и отсутствием белоглиняной гладкой керамики. Верхнюю дату этим комплексам дало поселение при погосте Великое Воскресенье Кинельского стана (Сергиево-Посадский район), которое к 1557/1559 г. запустело (обратилось в «церковную землю»)[2].

Типологически более поздние комплексы характеризовались особой формой красноглиняной гладкой посуды, имевшей шаровидный профиль (ямы 7 и 13 селища у часовни Никиты Мученика – волость Бели Радонежского уезда) и наличием белоглиняной гладкой керамики (Копнинский лес – волость Радонеж Радонежского уезда – 3–8 %). К сожалению, оба эти комплекса имеют лишь «рамочные» даты: по данным писцовых книг идентифицируемые с ними поселения запустели, соответственно, до 1584/1585 и до 1592/1593 гг.[3]. Близкий к Копнинскому лесу-3 комплекс их раскопок в Покровском Хотькове монастыре также не имеет абсолютной даты[4].

Наиболее ранние комплексы с белоглиняной гладкой керамикой получили достаточно надежную «привязку» к абсолютным датам благодаря раскопкам на погосте у с. Рождествено (Одинцовский район). В ямах 60 и 61, которые содержали белоглиняную гладкую керамику (0,2–2,5 %), были обнаружены монеты великого князя Ивана IV (1535–1547 гг.). Авторы раскопок были склонны относить появление белоглиняной гладкой посуды к 1540-м гг.[5]. Между тем необходимо учесть, что монеты, чеканенные в эти годы, продолжали использоваться и в дальнейшем. Отсутствие монет, чеканенных после 1547 г., показывает, что в случае Рождественского погоста этот срок вряд ли превышал десятилетие. В ямах 63 и 65, где найдено несколько больше белоглиняной гладкой посуды (3–6 %), встречено пуло второй половины XVI в. и полушка второй трети XVI в. Все эти соображения делают более вероятным относить появление белоглиняной гладкой керамики на этом поселении к 1550-м гг.[6].

В 2009 г. на 6-м Кузьминском селище (на Шабаевской плотине) (Копотенский стан Московского уезда) Н. А. Кренке были раскопаны ямы 5 и 11 с керамическими комплексами, содержавшими значительно бóльший процент белоглиняной гладкой посуды (24 % и 34 %), чем на селище Копнинский лес-3. Автор раскопок предварительно датировал их рубежом XVI–XVII вв.[7], однако ямы не содержали узко датированные находки, которые могли бы подтвердить это предположение.

Более точно датировать комплексы керамики могут клады, дата которых надежно устанавливается по поздней монете. Именно такой комплекс был изучен в 2008 г. на селище Лешково-6 вблизи Радонежа. Введение его в научный оборот позволит, на наш взгляд, получить точно датированный «репер», важный для установления хронологии как уже исследованных комплексов, так и тех, которые будут обнаружены в дальнейшем.

Разведочные работы

Селище Лешково-6 было открыто 24.07.1984 г. археологическим отрядом исторического факультета МГУ, который проводил разведки в рамках проектирования зон охраны древнего города Радонеж (трест «Мособлстройреставрация»)[8]. Обследуя лесной массив (квартал 13 Воздвиженского лесничества), расположенный между с. Городок (ныне Радонеж) и д. Рязанцы, мы вышли на хорошо

[2] Чернов С. З. К хронологии московской керамики конца XV – XVI вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: Ин-т археологии РАН, 1991. С. 52, 55.

[3] Там же. С. 50–59.

[4] Чернов С. З., Лебедева Е. Ю. Покровский в Хотькове монастырь по данным археологических исследований 1978–2008 гг. // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: Ин-т археологии, 2012. Вып. 8. С. 175–203.

[5] Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождествено Одинцовского района Московской области // Археология Подмосковья. М.: Ин-т археологии РАН, 2009. Вып. 5. С. 298.

[6] В работе 2012 г. авторы относят ямы 60, 61, 63 ко второй трети XVI в.: Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено // Археология Подмосковья. М.: Ин-т археологии РАН, 2012. Вып. 8. С. 379.

[7] Кренке Н. А., Ершов И. Н., Кудрявцев А. А., Лазукин А. В. Раскопки усадьбы XVI в. на месте дачи П. С. Полуденского в Кузьминках // Археология Подмосковья. М.: Ин-т археологии, 2011. Вып. 7. С. 323.

[8] Чернов С. З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) на территории проектируемой трестом «Мособлреставрация» зоны охраны древнего города Радонежа в 1984 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 11172. С. 3–5, 8–13.

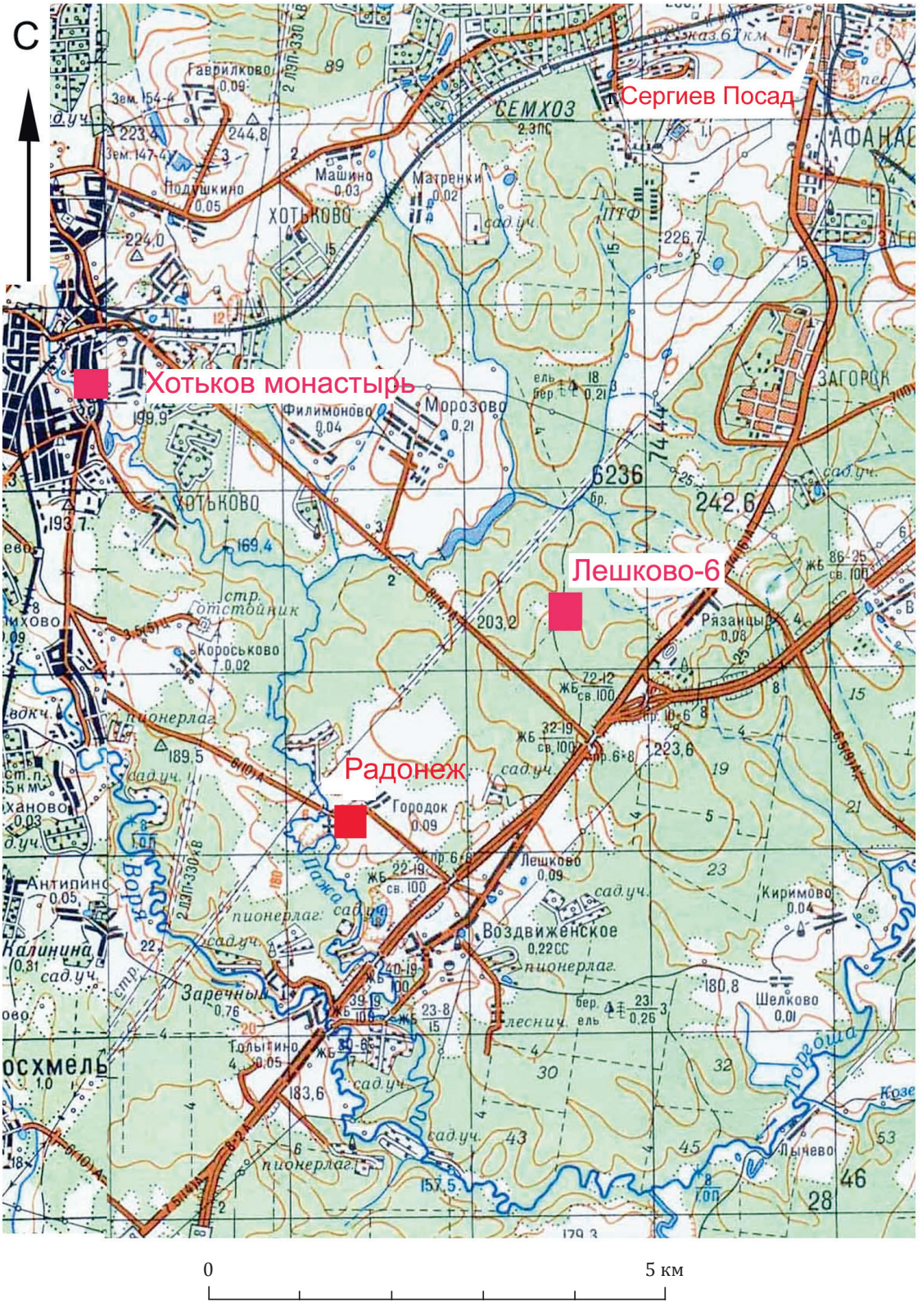


Рис. 1. Схема расположения селища Лешково-6 относительно Радонежа, Сергиева Посада и Покровского в Хотькове монастыря. Съемка 1964 г., обновлено в 1984 г.

Рис. 2. Селище Лешково-6 на поляне-осёлке, занятой разнотравным лугом. Вид с юго-запада. Место шурфа 1 – в левой части кадра. 13.06.2008 г.

читавшуюся на аэрофотосъемке большую лесную поляну (рис. 1, 2). Первые же пробы показали, что на поляне сохраняется культурный слой. Древнее поселение удалено на 560 м к северу от пересечения Ярославского шоссе и шоссе на г. Хотьково, которое было построено после Отечественной войны 1941–1945 гг. В 100 м к северу от селища, по лесу, пролегает Троицкая дорога, ныне почти совершенно заросшая лесом. До 1920-х гг. она использовалась для гужевых перевозок и вела от с. Городок к часовне Крест и далее по Ярославскому шоссе к Сергиеву Посаду[9].

Селище занимает обращенный на юг склон одной из возвышенностей Клинско-Дмитровской гряды (рис. 3). Северный край селища находится на высоте 222,4 м над уровнем Балтийского моря, южный – на высоте 215,6 м. Склон пологий и равномерный (величина падения уровня поверхности составляет 0,46 м на каждые 10 м по горизонтали). У подножия склона, на отметке 215,3 м (уровень уреза воды), расположен пруд средневекового времени (25×15 м). Он выкопан на седловине между низменностями, по которым проходят овраги Коломино (к западу от селища) и Алексеевский (к востоку от селища). К югу от пруда, между оврагами, имеется узкая возвышенность (максимальная отметка 216,5 м), которая распахивалась до 1920-х гг.

Поляна, на которой обнаружено селище (выделы 24 и 29 13 квартала), именуется жителями с. Городок (Радонеж) «Лешковскими полями», поскольку в первой половине XIX в. она входила в пределы земельной дачи д. Лешково, располагавшейся тогда севернее (селище Лешково-5)[10]. В середине XIX в. эта деревня, принадлежавшая тогда помещику В. И. Дом-

[9] В настоящее время место утраченной часовни находится на территории учебной базы Московского геологоразведочного университета: Чернов С. З. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия, 1988: ежегодник. М.: Наука, 1989. С. 435, 50.

[10] Там же. С. 437, 236.

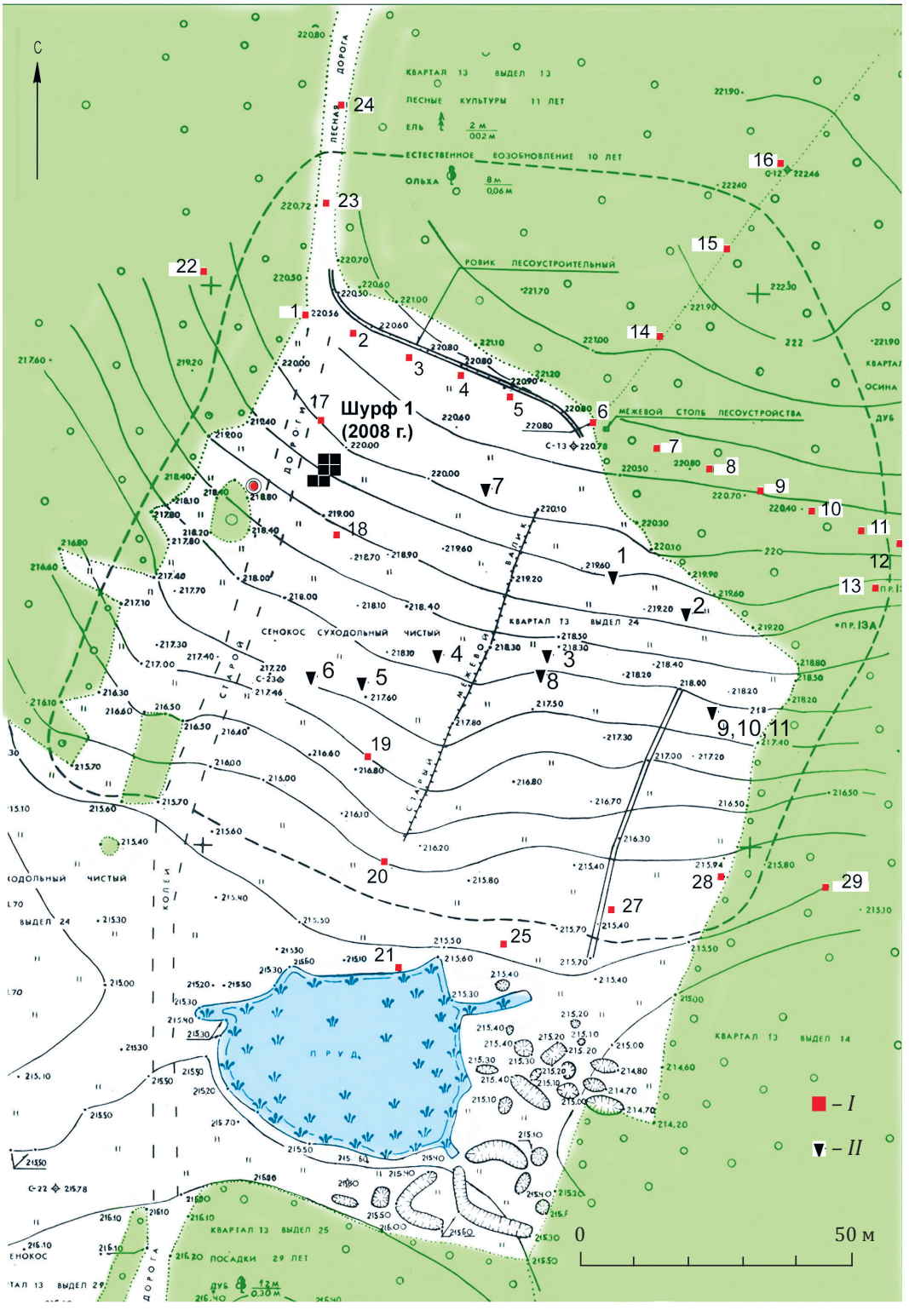


Рис. 3. План селища Лешково-6. Топографическая съемка выполнена в июле – августе 1984 г. студентами Московского геолого-разведочного института под руководством Б. П. Саковцева. Красным цветом указаны пробы культурного слоя и их номера. I – шурфы 1984 г.; II – находки 2000 г. и их номера: 1, 2 – монеты царя Михаила Федоровича, 3 – накладка ларца бронзовая, 4 – ручка железная от деревянного ларя, 5 – перстень печатный серебряный, 6 – пряжка, 7 – креста наперстного круглоконечного нижняя часть, 8 – браслет железный витой, 9 – ключ железный от деревянного ларя, 10 – железный буравчик, 11 – железная стамеска

бровскому, была перенесена к Ярославскому шоссе, где и сохраняется до настоящего времени[11]. В Рязанцах поляну именуют «Большим осёлком»[12]. Поскольку осёлками называют поляны, сохраняющиеся на месте старинных поселений, в этом топониме запечатлено воспоминание о некогда существовавшем здесь поселении. О связи поляны и старинного поселения говорят и наблюдения над исторической планировкой. На это указывает почти полное совпадение границ поляны и селища и их одинаковая ориентировка перпендикулярно склону (по линии ССВ–ЮЮЗ) (рис. 3).

Северо-восточная, возвышенная, часть поляны имеет размеры 110×125 м. Юго-западная, низменная, часть поляны вытянута на 160 м с СЗ на ЮВ, повторяя формы седловины. С юга лес подступает к самому пруду (в 10 м). С севера на юг поляну пересекает дорога, которая ведет вдоль ее западного края. В северном направлении дорога ведет к селищу Лешково-3, которое представляет собой следы д. Лешково. В южном направлении дорога ведет к Ярославскому шоссе между оврагами, вдоль старого поля, занятого ныне посадками.

От северо-западного угла поляны начинается еще одна дорога, которая ведет к селищу Лешково-4. Это селище расположено в 100 м от селища Лешково-6, на верховьях оврага Коломино. Оно представляет собой следы исторического предшественника селища Лешково-6 – радонежской волостной деревни Белухинской. В 1455–1456 гг. эта деревня, которая к тому времени обратилась в пустошь, была приобретена Троицким монастырем у князя Василия Борисовича Серпуховского, Боровского и Радонежского[13].

Поляна окружена лиственным лесом вторичного происхождения. На возвышенности к востоку от селища преобладает осина и береза (имеется ольха и дуб – выдел 14), на низменной территории к западу от селища доминирует ольха (встречается также осина, береза, дуб – выделы 23, 34; а в выделе 20 – ель). В 1984 г. лес имел возраст 35–40 лет. Он вырос на месте сведенного широколиственного дубово-ольхово-осинового леса – роща старовозрастных дубов (более 110 лет) сохраняется вдоль оврага Коломино. К северу от селища находятся посадки ели 11-летней давности, а к югу – дуба 29 лет[14].

Размеры селища 150×135 м. Площадь его 7 тыс. кв. м. Размеры селища были установлены с помощью проб культурного слоя. Одна линия проб была заложена по линии запад – восток, вдоль северного края поляны (№ 1–13, 22). Вторая линия пересекла селище с севера на юг вплоть до пруда (пробы № 17–21). Закладывались пробы также в северной (№ 23, 24) и юго-восточной (№ 25–29) частях поселения. В результате была получена следующая картина (см. табл. 1).

На большей части территории памятника под дерном залегал культурный слой, который представлял собой серый гумусированный суглинок мощность 0,2–0,3 м. Культурный слой переотложен в ходе распашки не только в северной части, ныне занятой лесом, но и на склоне, на котором располагался покос[15]. По всей видимости, распашка велась в XVIII – первой половине XIX в., когда здесь размещались поля д. Лешково[16].

Материковые отложения, прослеженные в пробах, разнятся в зависимости от геоморфологического положения участка. В северной части селища (под лесом) материк представляет собой пылеватую супесь (пробы № 13–16, а также № 17). Южнее, вдоль верхнего края поляны, супесь сменяется пылеватым суглинком (пробы № 1–10, 23). Ниже, по склону, материк имеет вид бурого (красного) суглинка (пробы № 11, 18, 19) – горизонта Bt погребенной почвы. Судя по всему, на склоне подзолистый горизонт был переработан в ходе распашки. У подножья склона, вблизи пруда, материк представляет собой оглеенный подзол (пробы № 21, 25).

Наибольшая мощность культурного слоя (0,3 м в пробах № 4, 5; 0,4 м – в пробе № 10) и мелкие фрагменты обожженной глины от развалов печей (пробы № 1–5, 17, 18, 23) зафиксированы в северном углу поляны – видимо, существовавшие здесь в период Средневековья жилые постройки группировались в прямоугольнике, ограниченном на северо-западе и северо-востоке лесом, на юге – горизонталью 217, а на востоке – межевым валиком. Заложенная в пределах этой территории проба № 18, судя по обилию керамики и черному цвету культурного слоя, затронула территорию усадьбы.

Планиграфия керамики (всего встречено 38 фрагментов) показывает, что красноглиняная гладкая и белоглиняная гладкая посуда, которая датируется XVI – первой четвертью XVII в., встречаются по всей площади селища. Белоглиняная грубая ке-

[11] ЦГИАМ. Ф. 184. Д. 15. № 132 (План земельной дачи д. Лешково 1851 г.).

[12] Чернов С. З. Исторический ландшафт древнего Радонежа … С. 437, 236.

[13] АСЭИ. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. 1. С. 184, 185 (№ 255, 256). Материалы раскопок этого памятника недавно опубликованы: Чернов С.З. Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося in situ: селище Лешково-4 (Белухинское) // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М., 2015. Вып. 11. С. 304–338.

[14] Данные из таксации Воздвиженского лесничества 1982 г.

[15] Разнотравный и богатый по видовому составу луг в 1980-е гг. выкашивался. 24.07.1984 г., когда проводилось обследование, на поляне сено было собрано в 20 копен (Архив ИА РАН. Р-1. № 11172. С. 10, рис. 7).

[16] С того времени сохранились межевой валик длиной 70 м, который пролегает по центру поляны перпендикулярно склону, и ровик, пролегающий параллельно валику в 35 м к востоку от него. Судя по всему, валик и ровик отделяли друг от друга «полосы», обрабатывавшиеся разными семьями.

Таблица 1

Селище Лешково-6. Пробы культурного слоя.
Таблица процентного соотношения типов керамики

№ пробы	Мощность слоя в м	Описание культурного слоя и материковых отложений	Красно-глиняная гладкая ранняя	Бело-глиняная грубая	Красно-глиняная гладкая	Бело-глиняная гладкая	Черно-лощеная	Моренная	Красно-лощеная
1	0,2	Серый гумусированный суглинок.Материк – пылеватая супесь. Фиксируется печина	№ 1		+				
2	0,2	Серый гумусированный суглинок. Материк – пылеватая супесь. Фиксируется печина						№ 2	
3	0,2	Серый гумусированный суглинок. Материк – пылеватая супесь. Фиксируется печина и уголь		№ 3	+				
4	0,3	Серый гумусированный суглинок. Материк – пылеватая супесь. Фиксируется печина		№ 4	+				
5	0,3	Серый гумусированный суглинок. Материк – пылеватая супесь. Фиксируется печина и уголь		№ 6	№ 5				
6	0,2	Серый гумусированный суглинок. Материк – пылеватая супесь. Фиксируется печина (№ 9)	№ 8		+	№ 7			
7	0,2	Серый гумусированный суглинок. Материк – пылеватая супесь			№ 10				
8	0,2	Серый гумусированный суглинок. Материк – пылеватая супесь				№ 11			
9	0,2	Серый гумусированный суглинок. Материк – пылеватая супесь	№ 12		№ 13				
10	0,4	Серый гумусированный суглинок. Материк – пылеватая супесь	№ 14		+	№ 16		+	№ 15
11	0,25	Серый влажный гумусированный суглинок. Материк – красный суглинок				№ 17		+	
12	Слоя нет	Материк – красный суглинок							
13	0,2	Серый пылевидный суглинок. Материк – пылеватая супесь			+				
14	0,2	Серый пылевидный суглинок. Материк – пылеватая супесь			+				
15, 16	Слоя нет	Материк – пылеватая супесь							
17	0,25	Серый гумусированный суглинок. Материк – пылеватая супесь. Фиксируется печина и угли		№ 18		№ 19		№ 20	
18	0,2	Черная гумусированная супесь. Материк – красная глина. Фиксируется печина и угли	№ 23	№ 26	№ 24	№ 22	№ 27, 28	№ 21	№ 25
19	0,2	Темно-серый гумусированный суглинок. Материк – красная глина		№ 29	№ 30	+			
20	0,1–0,2	Серый гумусированный оглеенный суглинок со следами заболоченности. Материк – светлая супесь		№ 32	+	№ 31			
21	Слоя нет	Материк – светлый оглеенный подзол (болотная почва)							
22	Слоя нет								
23	0,15	Материк – серый суглинок слой. Фиксируется печина							
24	Слоя нет	Материк – супесь							
25	Слоя нет	Материк – светлый оглеенный подзол (болотная почва)		+					
26	0,2	Серый гумусированный суглинок. Материк – красная глина			+	№ 34, 35			
27	0,2	Материк – супесь		№ 36, 37		+			
28	0,2	Материк – супесь							
29	Слоя нет	Материк – супесь			№ 38				
Всего керамики			5	9	6	9	2	3	2
%			14	25	16	25	6	8	6

рамика XVI в. прослежена только в центральной части селища, на поляне. Здесь же зафиксированы и красноглиняные гладкие ранние сосуды, которые датируются рубежом XV–XVI вв.

Процентное соотношение типов керамики таково: красноглиняной гладкой (30%, в том числе ранней 14%), белоглиняной грубой (25%), белоглиняной гладкой (25%), краснолощеной (6%) и чернолощеной и мореной (14%). Большой процент белоглиняной гладкой посуды (25%) показывает, что поселение функционировало во второй половине XVI – первой четверти XVII в. В то же время весьма значительный процент белоглиняной грубой посуды, максимум распространения которой приходится на первую половину XVI в., в сочетании с наличием краснолощеной и красноглиняной гладкой керамики свидетельствует о том, что первый этап жизни поселения протекал в хронологических рамках последней четверти XV – первой половины XVI в.

16.05.2000 г. в ходе мониторинга состояния археологических памятников, который проводился Московской областной средневековой археологической экспедицией Института археологии РАН, сотрудником экспедиции В. В. Петровым в северо-западной части селища, где ранее была зафиксирована повышенная мощность культурного слоя и печина, были обнаружены серебряные монеты XVI в.

К югу и северо-востоку от места обнаружения монет были найдены бронзовая ручка от деревянного короба, бронзовая подквадратная пряжка, нижняя часть бронзового наперстного круглоконечного креста, свинцовая пуля и серебряный печатный перстень с изображением человека в рост с мечом (?) в правой руке. Восточнее, между валиком и ровиком, были обнаружены бронзовая накладка от деревянного короба, бронзовая обкладка, железный витой браслет, серебряная копейка царя Михаила Федоровича и медная монета-чешуйка. Восточнее ровика обнаружены подкова, ромбовидный наконечник стрелы, железный ключ от деревянного ларя, нож, буравчик, стамеска и еще одна свинцовая пуля (рис 3).

Учитывая возможность открытия здесь клада русских средневековых монет и в связи с угрозой его утраты в ходе несанкционированных сборов, осуществляемых на прилегающих территориях кладоискателями, применяющими металлодетекторы, было принято решение о проведении раскопок в районе обнаружения монет. Этот план был реализован в 2008 г. в рамках работ по обновлению учетной документации по памятникам Радонежа[17]. Археологические исследования 2008 г. преследовали охранные цели и одновременно являлись частью программы более подробного изучения селища для уточнения его характера и датировки.

Методика исследований 2008 г.

С 16 по 24 июня 2008 г. на участке обнаружения серебряных средневековых монет XVI в. в северо-западной части селища был заложен шурф 1 (рис. 3). Работы проходили в следующей последовательности.

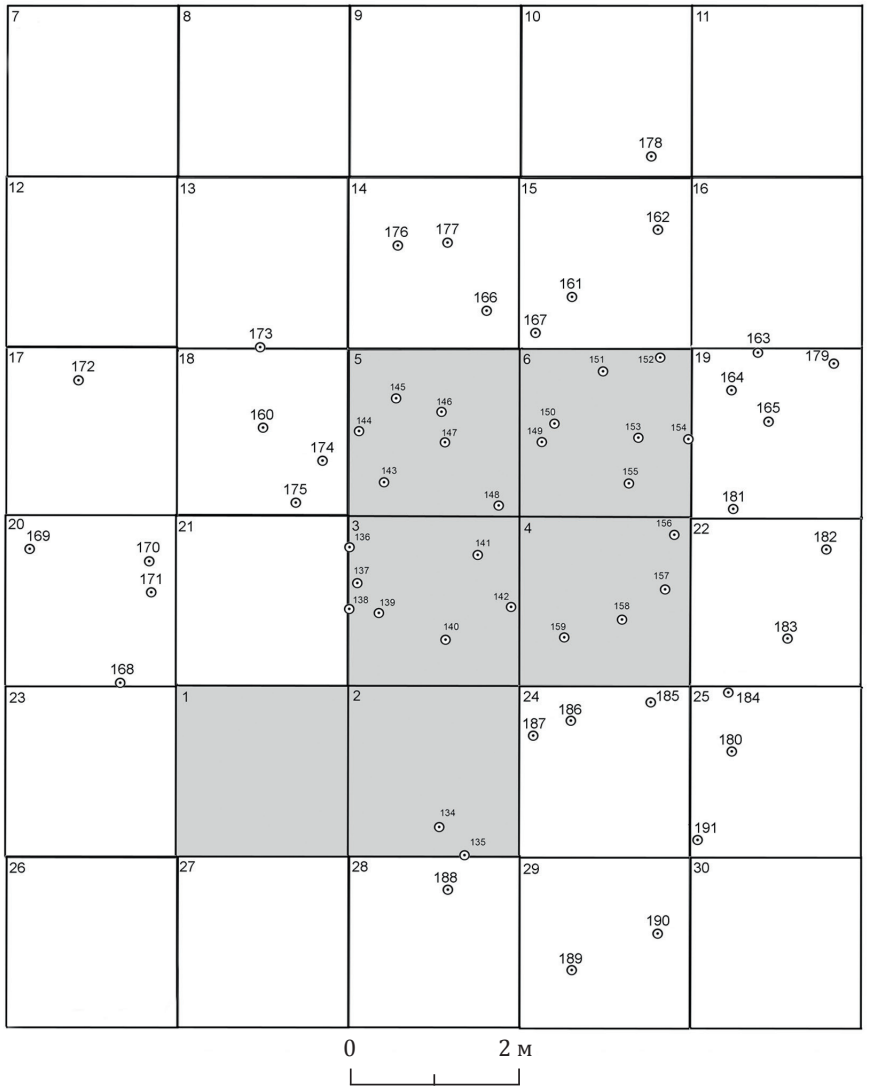
Находки монет, сделанные в 2000 г., имели точную топографическую привязку (рис. 4: А). Далее по методике, выработанной и апробированной М. И. Гоняным на памятниках района Куликова поля[18], был произведен детальный сбор подъемного материала с применением металлодетектора (рис. 4: Б) и инструментальной привязкой на плане каждой находки. Общая площадь обследованной таким образом территории составила 120 кв. м – 30 квадратов, ориентированных по странам света, со стороной 2 м (рис. 4: А). Это позволило еще до начала раскопок, во-первых, установить, что действительно обнаружен распаханный клад монет XVI в., а во-вторых – определить район наибольшей концентрации монетных находок и, исходя из его локализации, разбить исследовательский шурф.

Перед началом раскопок был установлен постоянный нулевой репер, представляющий собой отрезок металлической трубы, вбитый на глубину около 1,5 м, на опушке леса, в западной части селища (рис. 3 – показан двойным кругом). Его абсолютная отметка в Балтийской системе высот составила 218,80 м.

Раскопки проводились вручную, с переборкой всей земли на месте. Фиксация индивидуальных находок и керамики производилась по квадратам 2×2 м и слоям. Культурный слой в пределах шурфа имел мощность более 30 см и представлял собой тяжелый и очень влажный серо-коричневый суглинок, насыщенный включениями глины и печины. Такой характер слоя делал визуальное обнаружение мелких монет в процессе переборки практически

[17] Работы на селище Лешково-6 были проведены в 2008 г. в рамках госконтракта по мониторингу памятников археологии зон охраны древнего города Радонеж, выполнявшегося Институтом культурного и природного наследия Минкультуры РФ (Лебедева Е. Ю. Археологические исследования на территории Покровского в Хотькове монастыря и на селище Лешково-6 Сергиево-Посадского района Московской области в 2008 г. Т. 2: Исследования селища Лешково-6 // Архив ИА РАН. Р-1. № 31326), и использованы при выполнении госконтракта по установлению границ и предмета охраны памятников археологии Сергиево-Посадского района, который осуществлялся Институтом археологии РАН в 2012 г. (Чернов С. З. Отчет об археологических разведках на территории Сергиево-Посадского района в рамках работ по госконтракту № 101 от 09.10.2012 г. по определению предметов охраны и границ территории объектов культурного наследия (памятников археологии) и объектов архитектурного наследия, расположенных в Сергиево-Посадском районе Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. Б. н.).

[18] Гоняный М. И. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. М., 2005. С. 103. (Труды ГИМ; вып. 150); Двуреченский О. В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле // Там же. С. 219 и др.



А

Б

Рис. 4. Селище Лешково-6. А – план размещения находок, обнаруженных в процессе сбора подъемного материала в 2008 г. Выделены квадраты, вошедшие в шурф 1. Б – сбор подъемного материала на территории, прилегающей к шурфу 1, с помощью металлодетектора. Вид с ЮЗ

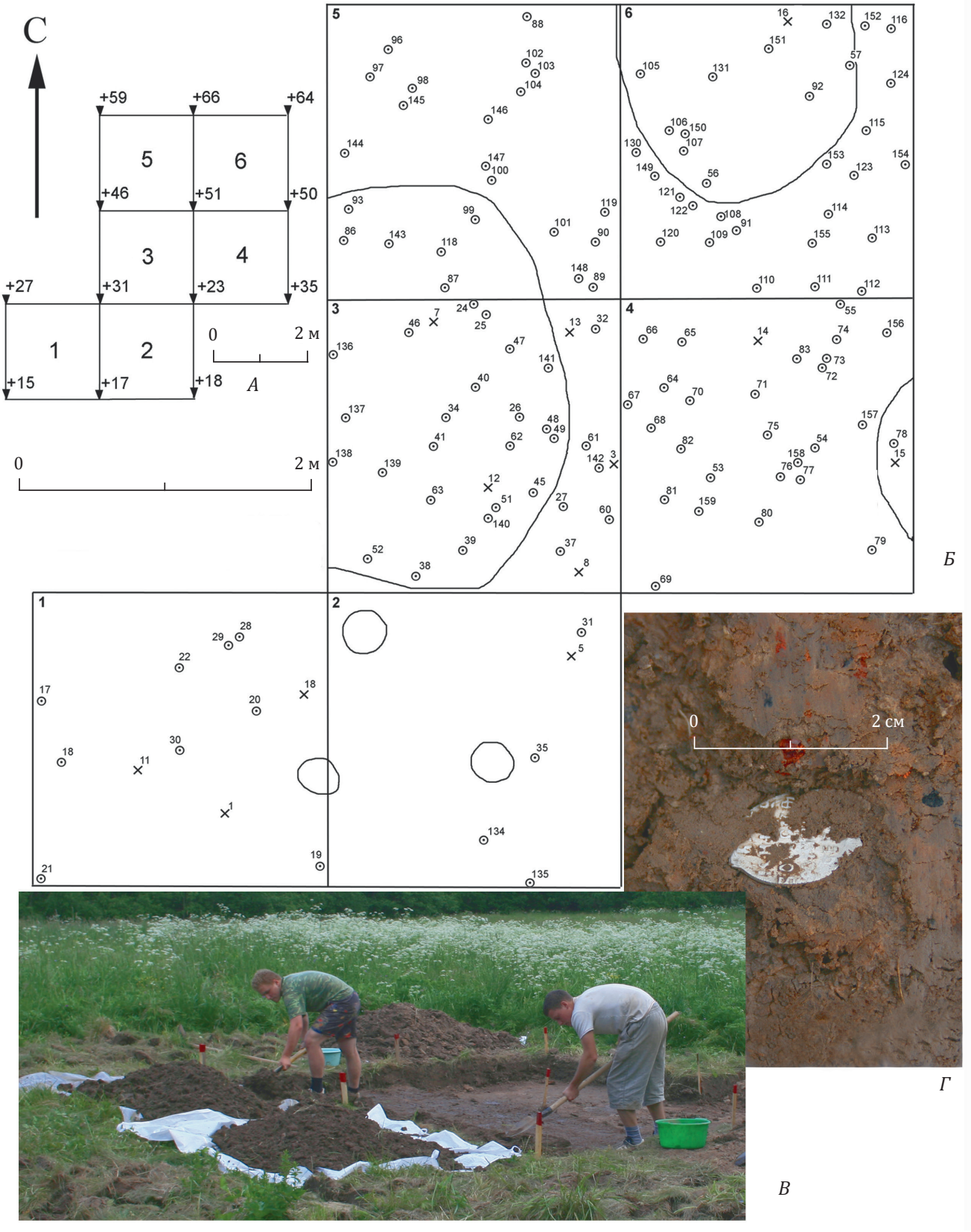


Рис. 5. Селище Лешково-6. Шурф 1. А – нивелировочный план шурфа, Б – план 1 пласта с показом индивидуальных находок из пахотного слоя (показаны границы материковых ям), В – раскопки первого пласта: вид с северо-востока, Г – деньга Бориса Федоровича Годунова (индивидуальная находка № 116) in situ

невозможным. Помимо этого, даже при использовании металлодетектора миниатюрные монеты – «чешуйки» XVI–XVII вв. – далеко не всегда могут быть сразу выявлены, что определяется условиями их залегания в грунте в каждом конкретном случае.

Для преодоления указанных сложностей перед началом работ была разработана следующая методика. После снятия предварительно проверенного с помощью металлодетектора дерна (слой, не превышающий 5–7 см), пахотный горизонт разбирался тонкими зачистками, пластами по 10 см, лежащими в плоскости, параллельной современной поверхности (рис. 5: В). После снятия каждого пласта и выборки из него вручную фрагментов керамики и иных находок, грунт перемещался на листы целлофана и дополнительно проверялся металлодетектором для обнаружения монет и мелких металлических предметов. Затем, перед снятием следующего пласта, осуществлялось его зондирование металлодетектором, что дало возможность обнаружить большинство монет до перемещения их в отвалы и, соответственно, зафиксировать планиграфию и стратиграфию их залегания.

Надо сказать, что подобная методика полностью себя оправдала: около 80% всех найденных в шурфе монет были извлечены непосредственно при разборке пластов (рис. 5: Б), остальные 20% были обнаружены в отвалах уже после переборки грунта.

Сбор подъемного материала

Как уже отмечалось, участок, на котором производился сбор подъемного материала с применением металлодетектора, расположен в западной части селища (рис. 3, 4). До начала работ он был свободен от деревьев, частично задернован, покрыт травостоем. Его площадь, как указано выше, составила 120 кв. м – 30 квадратов, сориентированных по странам света, со стороной 2 м.

В процессе сбора материала, производившегося в 2000 и 2008 гг., найдено 58 серебряных монет (иные металлические предметы встречены не были). Глубина залегания монет от современной дневной поверхности не превышала 12–15 см, а некоторые находки были обнаружены на поверхности непосредственно. Как будет показано ниже, при описании шурфа 1, все они происходят из переотложенного пахотного слоя, следовательно, ни их планиграфия, ни глубина залегания ни в коей мере не отражают первоначальной стратиграфической ситуации и местоположения нумизматического комплекса. Очевидно, что в процессе длительной глубокой распашки территории памятника кладовые монеты были растащены плугами на значительной территории. Однако ядро скопления монет по данным, полученным в ходе сборов, локализуется достаточно четко. Данные о количестве монет, собранных

Таблица 2

Участок площадного обследования детектором металла. Распределение момент по квадратам[1]

№ квадрата	Количество монет	№ квадрата	Количество монет	№ квадрата	Количество монет
7	–	17	1	23	–
8	–	18	3	1	–
9	–	5	6	2	2
10	1	6	7	24	3
11	–	19	5	25	3
12	–	20	4	26	–
13	1	21	–	27	–
14	3	3	7	28	1
15	3	4	4	29	2
16	–	22	2	30	–

[1] Квадраты, на которых найдено 4 и более монет, выделены серым.

на участке, с разделением на квадраты, приводятся ниже в таблице 2.

Как видно, наибольшее количество монет (от 4 до 7 экз.) обнаружено в пределах квадратов 3–6, 19 и 20, находящихся в центральной части исследованного металлодетектором участка (рис. 4: А). С учетом этого и был разбит шурф 1, причем таким образом, чтобы в него вошел не только центр монетного скопления (квадраты 3–6), но и один из участков его периферии (квадраты 1–2) для получения более полного представления о характере залегания монет в толще культурного слоя. В результате 26 монетных находок, сделанных в процессе сбора подъемного материала, вошли в пределы шурфа и рассматриваются ниже, при его описании (рис. 5: Б; фотографии на рис. 10–19). Распределение остальных 32 монет показано на плане (рис. 4; фотографии на рис. 20, 21, № 160–191).

Описание результатов раскопок

На всей площади шурфа 1 сохранился только один пахотный слой (слой 1), залегавший непосредственно на материке, за исключением тех участков, где материк был прорезан ямами 1–6 (см. ниже). Слой вскрывался пластами 1–4. Он был полностью однороден на всей площади шурфа и состоял из тяжелого серо-коричневого суглинка, насыщенного включениями глины и печины, сильно увлажненного. Мощность слоя колебалась в среднем от 25 до 35 см, причем понижалась в направлении с севера на юг (рис. 5: В). После снятия слоя 1 была проведена зачистка, выявившая в северной и западной частях участка (квадраты 4–6) глубокие борозды от плуга, врезанные в материк и проходившие параллельно с севера на юг. Расстояние между ними составляло 40–50 см (рис. 7: Б).

Индивидуальные находки из слоя 1, в количестве 159 экз., подразделяются на четыре группы (расположение на плане шурфа см. на рис. 5: Б). Находки из железа включали сапожные гвоздики, предназначавшиеся для крепления обувных подковок, получивших распространение не ранее XVI в.[19] (рис. 9: 2, 10 – кв. 1); два обломка черешковых ножей (рис. 9: 5, 11 – кв. 2, 1); кольцо от упряжи (рис. 10: 16 – кв. 6); дверной пробой (рис. 10: 15 – кв. 4); кованый гвоздь (рис. 9: 6 – кв. 2); железную подквадратную изогнутую пластину (рис. 9: 7 – кв. 3); прямоугольный в сечении стержень, заостренный с обоих концов (шило?) (рис. 10: 13 – кв. 3); шайбу (рис. 9: 1 – кв. 1) и поковки неясного назначения (рис. 9: 3, 4, 9 – кв. 3, 1, 2).

Из свинца отлита шаровидная пуля 1 группы (литье в пулелейку) варианта 2 (со срезанным литиком) (рис. 10: 12 – кв. 3), которые использовались в Московском государстве для ручного огнестрельного оружия с конца XV по XVII в.[20]. Из медного сплава изготовлена обоймица, представляющая собой миндалевидную пластину с прямоугольным отверстием по центру (рис. 10: 14 – кв. 4). Кроме того найден оселок из серого сланца, со следами сработанности на широкой стороне (рис. 9: 8 – кв. 3).

Основной массив находок (№ 17–159) представляют собой серебряные копейки Ивана IV, Федора Ивановича и Бориса Годунова (XVI – начало XVII в.), которые описаны ниже. Данные о планиграфическом и стратиграфическом распределении этой группы находок приведены в приложении и на рис. 10–21.

После снятия слоя 1 на всей площади шурфа была произведена зачистка по материку. Материк на исследованном участке поселения представлял собой желто-бурый плотный и сильно увлажненный суглинок, прорезанный бороздами распашки XX в., а также в некоторых местах – ходами землеройных животных (рис. 7: Б). Зачистка выявила ямы 1–6.

Наиболее крупная яма 4 расположена в квадратах 3 и 5, причем не менее половины ее уходит в западный борт шурфа (рис. 6). При зачистке по материку имела вид округлого пятна, сложенного печиной, углем и красной необожженной глиной (рис. 7: Б, В). Максимальные зафиксированные в шурфе размеры – 285×183 см. Отметим, что общий характер залегания прослоек и внешний вид не оставляют сомнений в интерпретации ее как подпечной ямы значительного размера (не менее 5 кв. м) и глубины.

В 1 м к северо-востоку от ямы 4, в северной части квадрата 6, была зафиксирована яма 5 (рис. 6). На уровне зачистки по материку она представляла собой пятно темно-серого суглинка с отдельными включениями печины и несколькими вкраплениями красной необожженной глины (рис. 7: А, Б). Размеры, зафиксированные в шурфе, составили 155×170 см. Яма уходит в северный борт шурфа.

В 2 м к востоку от ямы 4 в кв. 4 зафиксирована яма 6 (35×165 см) в виде пятна темно-серого (с прослойкой желтого) суглинка, уходящего в восточную стенку шурфа (рис. 6). И наконец, в 0,2–1,3 м к югу от ямы 4 в кв. 2 были зафиксированы три столбовые ямки (№ 1–3), диаметр которых составлял, соответственно, 22, 24 и 23 см, а глубина – 4, 21 и 15 см. При разборке данных ям было установлено, что их заполнение является однородным и идентичным – темно-серый суглинок с включениями печины и угля. Никаких индивидуальных и массовых находок обнаружено не было.

В связи с тем, что в сезон 2008 г. не было возможности исследовать усадьбу широкой площадью, заполнение ям 4, 5, 6 не разбиралось, и, соответственно, индивидуальные и массовые находки не извлекались.

[19] Осипов Д. О. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. М.: Ин-т археологии РАН, 2006. Т. 7. С. 56.

[20] Двуреченский О. В. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII века // Археология Подмосковья. М.: Ин-т археологии РАН, 2005. Вып. 2. С. 265–266.

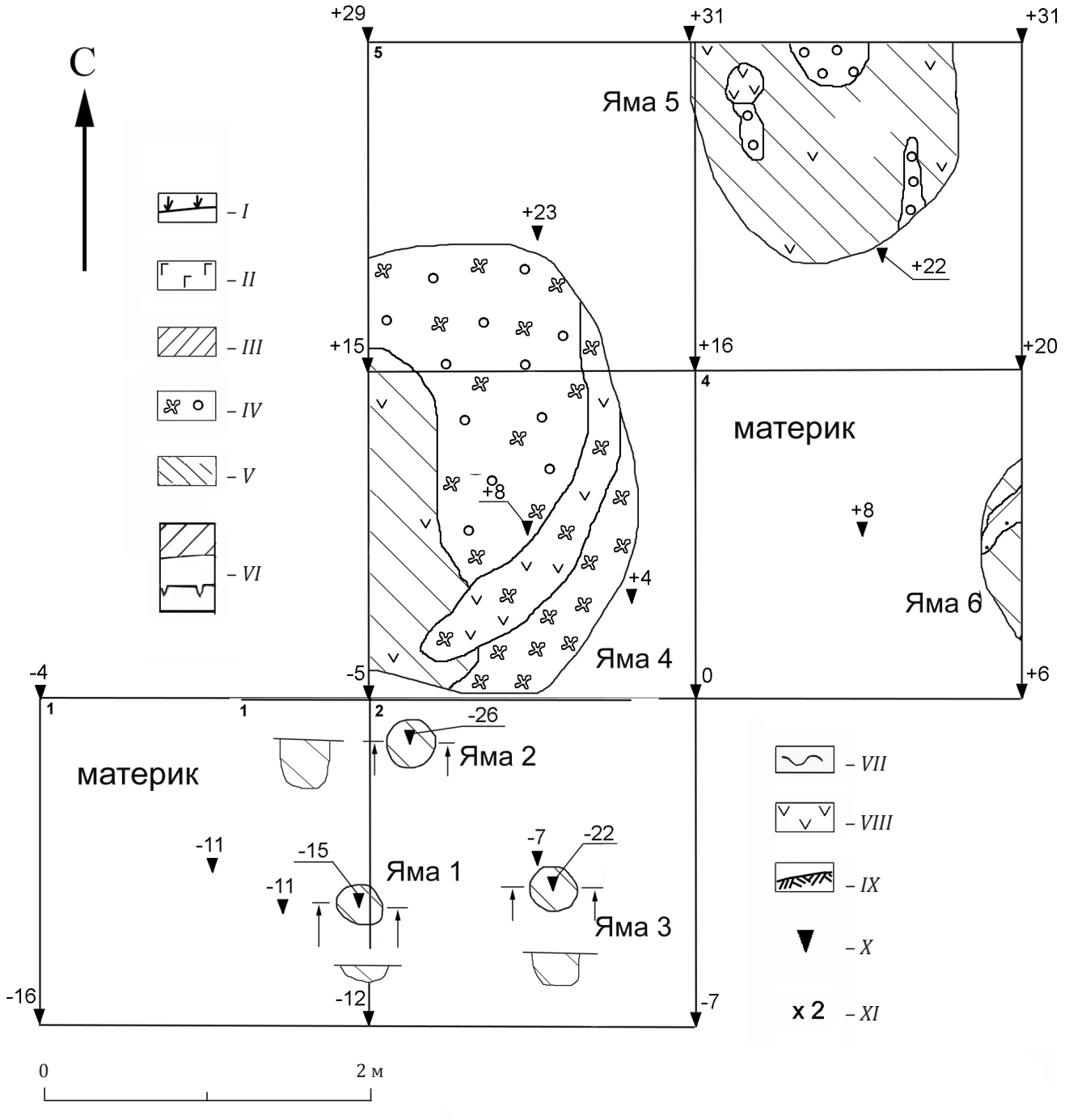
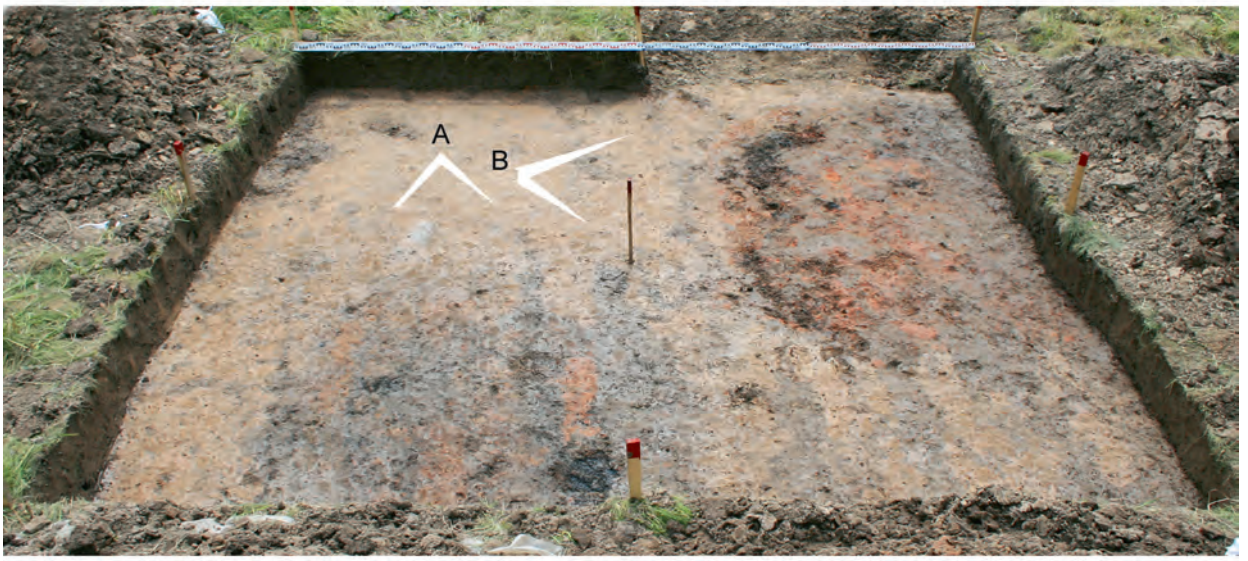


Рис. 6. Селище Лешково-6. Шурф 1. Зачистка материка. План.
I – *современная поверхность*, II – *гумусовый горизонт почвы*,
III – *темно-серый гумусированный суглинок*, IV – *глина обожженная (печина)*,
V – *гумусированный суглинок (заполнение ям в материке)*,
VI – *сверху вниз: гумусовый, подзолистый и бурый горизонты погребенной почвы*,
VII – *прослойка извести*, VIII – *уголь*, IX – *уровень материка*, X – *нивелировочные отметки*,
XI – *индивидуальные находки*

А



Б

В

Рис. 7. Селище Лешково-6. Шурф 1. Зачистка материка. А – яма 5, вид с юга. Б – общий вид зачистки материка в квадратах 3–6 с севера (буквами показаны точки съемки фотографий А и В). В – яма 4, вид с востока

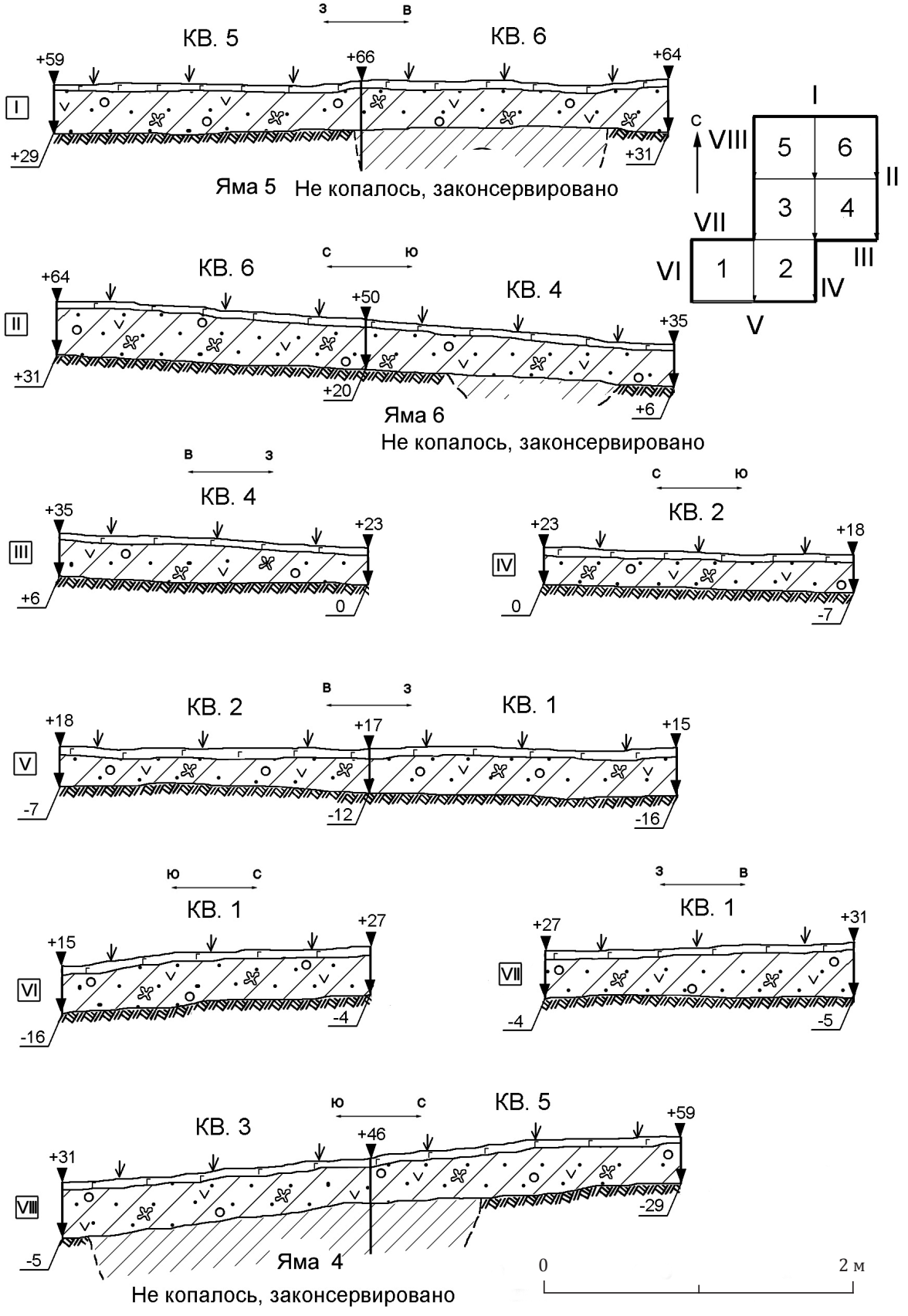


Рис. 8. Селище Лешково-6. Шурф 1. Профили стенок шурфа

Рис. 9. Селище Лешково-6. Шурф 1.*
Находки из верхнего слоя: № 1–11

* Расшифровку номеров индивидуальных находок, помещенных на рис. 9–21, см. в приложении на стр. 321–323 настоящего издания.

Рис. 10. Селище Лешково-6. Шурф 1.
А – находки из верхнего слоя: № 12–16.
Б – клад: № 17–22

Рис. 11. Селище Лешково-6. Шурф 1. Клад: № 23–37

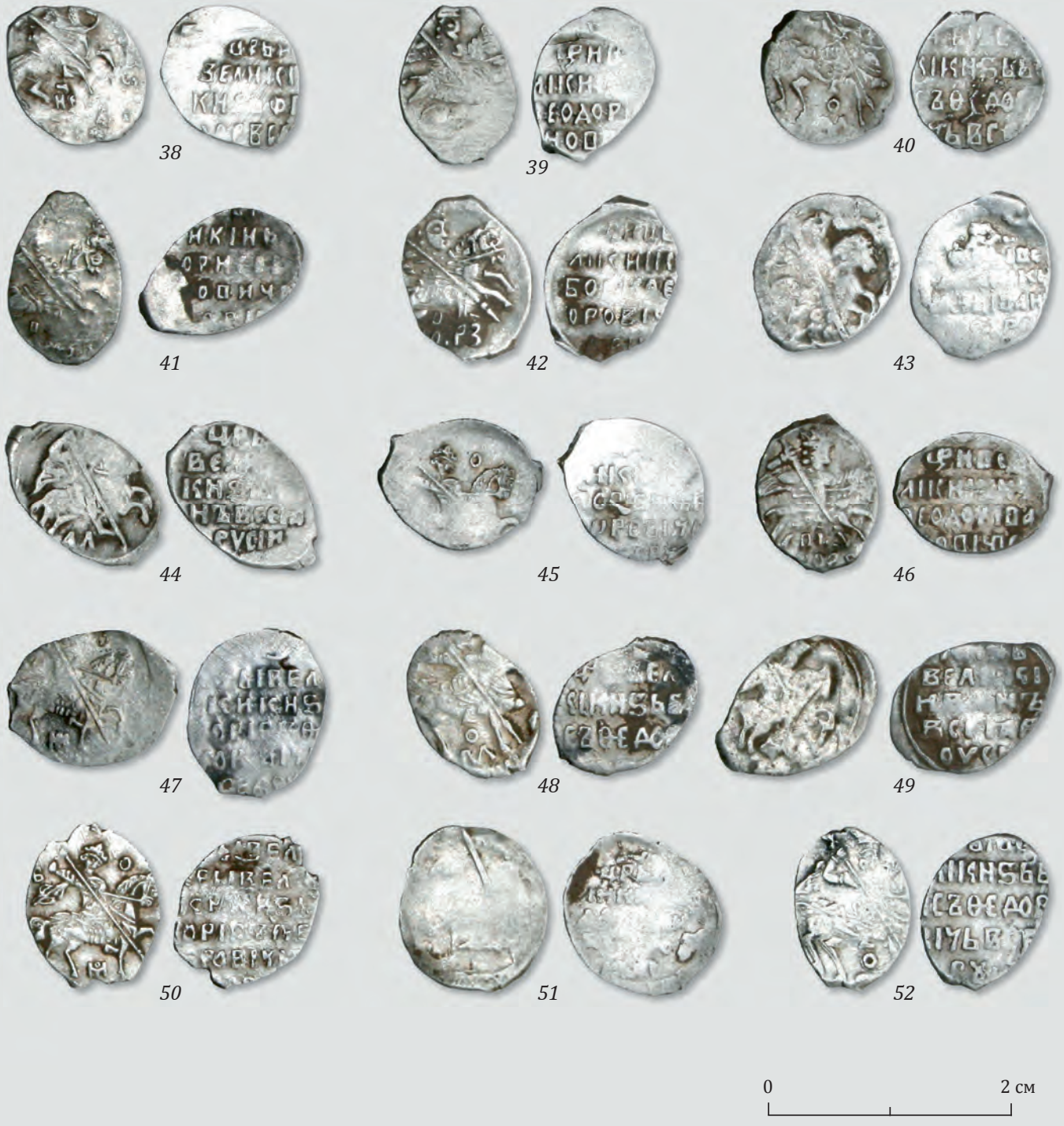


Рис. 12. Селище Лешково-6. Шурф 1. Клад: № 38–52

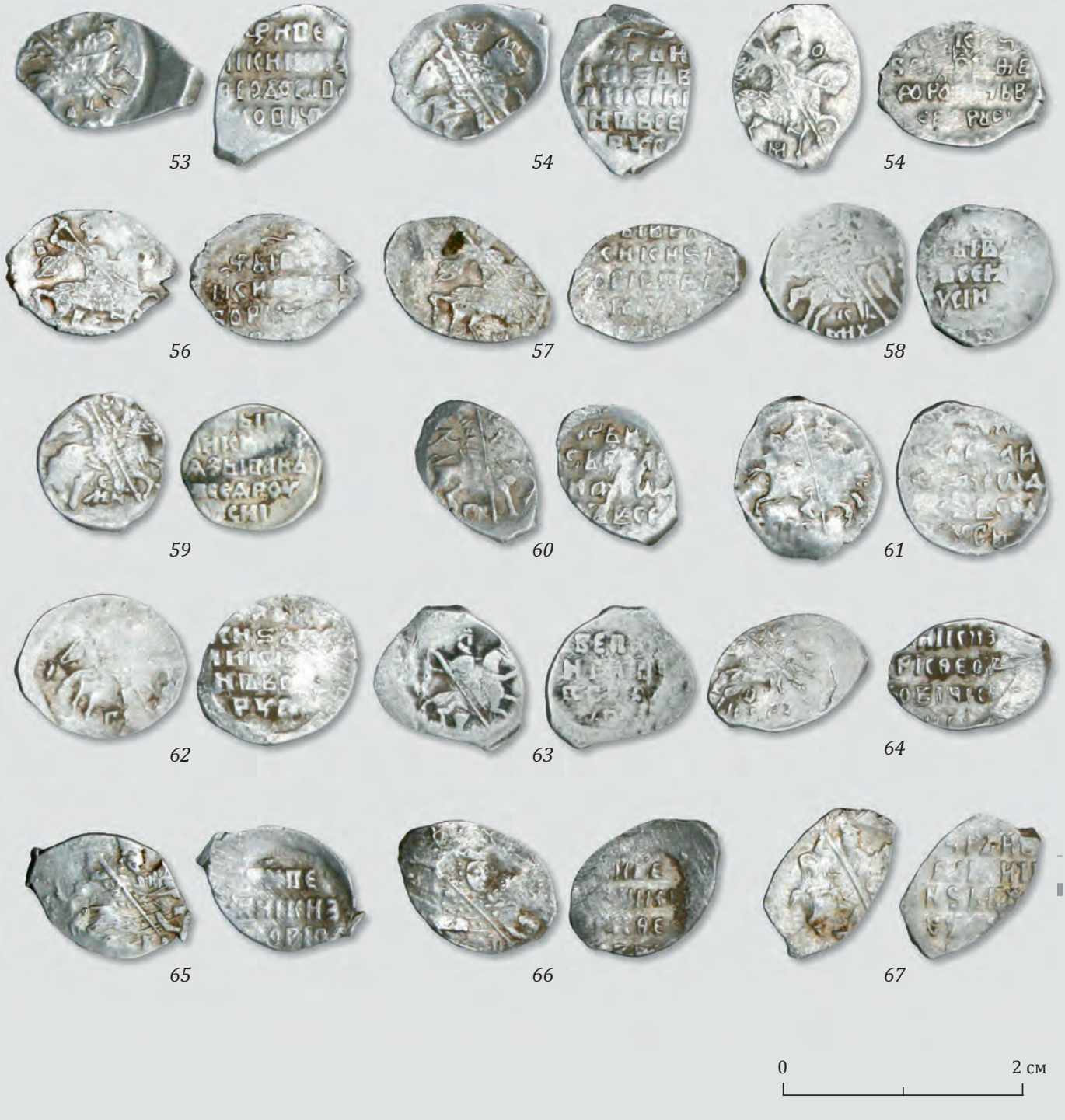


Рис. 13. Селище Лешково-6. Шурф 1. Клад: № 53–67

Рис. 14. Селище Лешково-6. Шурф 1. Клад: № 68–82

Рис. 15. Селище Лешково-6. Шурф 1. Клад: № 83–97

Рис. 16. Селище Лешково-6. Шурф 1. Клад: № 98–112

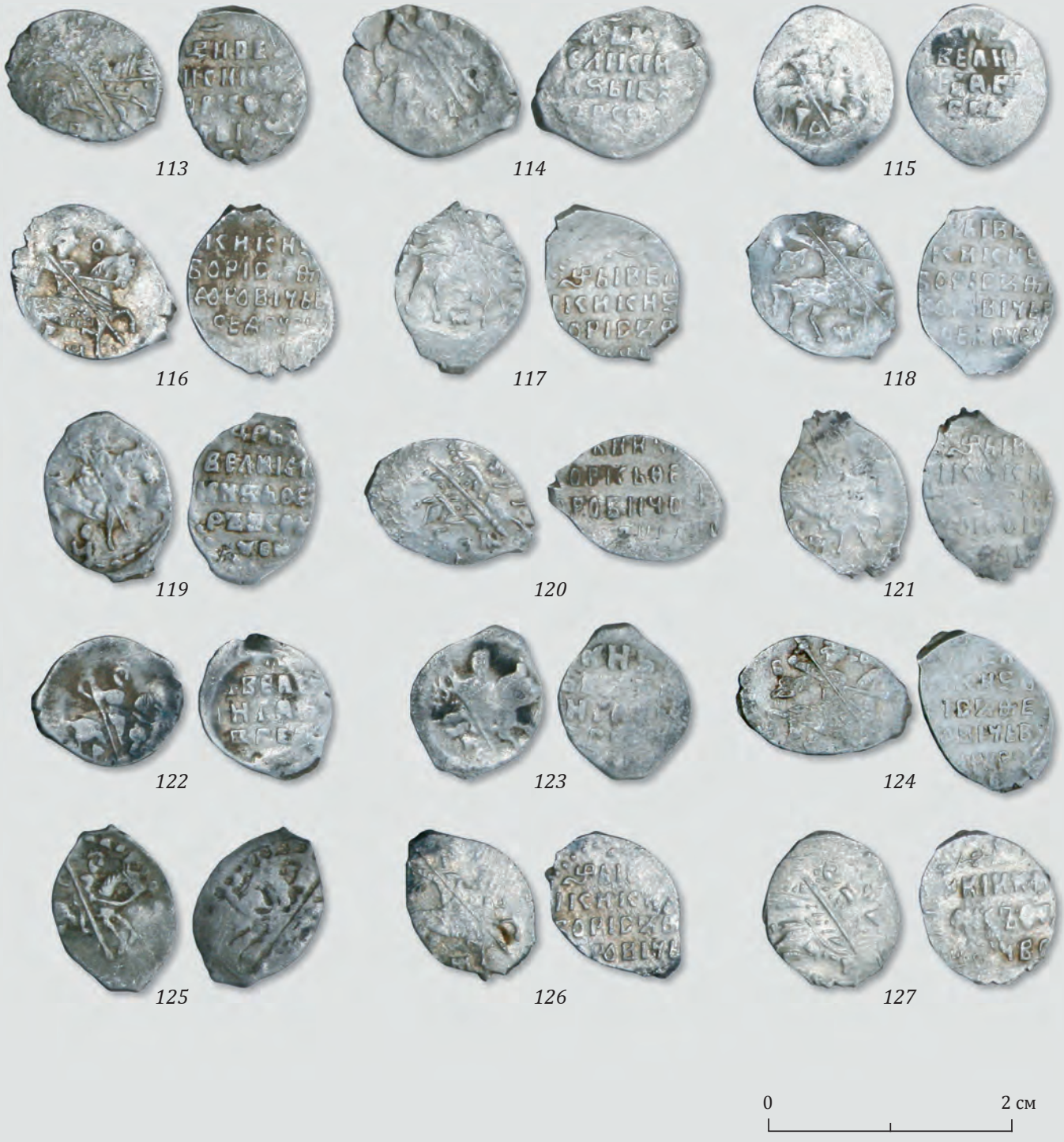


Рис. 17. Селище Лешково-6. Шурф 1. Клад: № 113–127

Рис. 18. Селище Лешково-6. Шурф 1. Клад: № 128–142

Рис. 19. Селище Лешково-6. Шурф 1. Клад: № 143–159

Рис. 20 Селище Лешково-6. Шурф 1. Клад: № 160–174

Рис. 21. Селище Лешково-6. Шурф 1. Клад: № 175–191

Описание клада

В ходе работ на селище Лешково-6 было обнаружено 175 русских серебряных монет XVI–XVII вв. Из них 174 экз., датирующиеся 1533–1603 гг., несомненно, входят в состав единого кладового комплекса. Одна монета – копейка Михаила Федоровича 1630-х гг. – судя по датировке, сохранности и условиям обнаружения, представляет собой единичную находку, к кладу не относящуюся.

Клад обнаружен в пахотном слое; сосуд (или иное вместилище), в котором первоначально хранились монеты, не сохранился. Все монеты переданы в Отдел нумизматики Государственного исторического музея на постоянное хранение[21].

По правлениям монеты клада распределяются следующим образом:

Иван IV (1533–1584) – 74 экз. (копейки; Москва, Новгород, Псков. № 1–74[22]).

Федор Иванович (1584–1598) – 29 экз. (копейки; Москва, Новгород, Псков. № 75–103).

Борис Федорович Годунов (1598–1605) – 70 экз. (копейки; Москва, Новгород, Псков. № 104–173).

Федор Иванович или Борис Годунов – 1 экз. (копейка; Псков, плохой сохранности. № 174).

Старшие монеты клада – «мечевые копейки» Ивана IV, чеканившиеся в 1533–1547 гг. (№ 1–8). Младшие датированные монеты – новгородские копейки Бориса Годунова 1602 г. (№ 169–173). Кроме того, в кладе обнаружена недатированная московская копейка (№ 142), которая относится исследователями к 1603 г. и, судя по всему, является наиболее поздней монетой в составе комплекса. Таким образом, сокрытие клада с большой вероятностью относится к 1603 г. Такой датировке не противоречит и отсутствие серий 1603 г. – самого обильного по выпуску монет за все царствования Бориса Годунова[23].

Из 36 точно датированных кладов времени Бориса Годунова, зарегистрированных до 2003 г., на 1603 г. приходится наибольшее количество (12 комплексов). По мнению А. С. Мельниковой, столь большое количество дошедших до нас кладов этого времени является следствием «эпидемии холеры, которая разразилась в 1603 г., голода, от которого, по словам современников, погибло около пятисот тысяч человек только в одной Москве, разбоев и грабежей, учиненных холопами, лишенными приюта и средств существования»[24].

На территории Московской области зарегистрированы 13 кладов времени Бориса Годунова. При этом к северу от Москвы (в Дмитровском и Сергиево-Посадском районах) найдено всего 4 клада, а основная масса известных комплексов тяготеет к западу и югу от Москвы[25]. В этой связи представляют особый интерес два клада, найденных в непосредственной близости от селища Лешково-6. Первый из них обнаружен в Хотьково в 1897 г., а второй – в 1941 г. в окрестностях Сергиева Посада. К сожалению, сохранившаяся информация о составе обоих комплексов очень скудная. Точная датировка, равно как и соотношение номиналов (денег и копеек) в составе этих кладов, отсутствуют. Таким образом, клад 2008 г. в значительной мере дополняет наши представления о денежном обращении региона в период, непосредственно предшествовавший Смуте начала XVII в.

Ниже приводится описание комплекса в общепринятой для кладов данного периода табличной форме (табл. 3).

Историческая интерпретация

Таким образом, можно заключить, что клад был зарыт на территории исследованной усадьбы в начале 1603 г. – иначе в нем, несомненно, отложились бы монеты, выпущенные в ходе денежной эмиссии 1603 г. – наиболее крупной из всех, производившихся за годы правления Бориса Годунова.

В связи с тем, что состав клада позволяет весьма точно датировать его сокрытие, небезынтересно напомнить хронологию голода 1601–1603 гг. Причиной его стало экстремально дождливое лето 1601 г.[26]. Недозревшие из-за дождей посевы в августе пострадали от заморозков. Неурожай 1601 г. мог и не привести к голоду. Однако в конце весны 1602 г. заморозки побили озимую рожь «на цвету». Началась первая фаза голода. Лето 1602 г. было вполне удовлетворительным для вызревания яровых. Но поскольку весной крестьяне, лишившиеся семенного фонда, засеяли поля «зяблыми» семенами урожая 1601 г., осенью 1602 г. случился повторный неурожай. Это вызвало вторую фазу голода, ставшую катастрофической[27].

Рост цен на продовольствие разными источниками характеризуется по-разному. В годы со стабильной урожайностью (1594–1597 гг.) власти продавали четверть ржи по 30 коп. В начале 1602 г. цена поднялась до 1–2 руб., а к концу этого года – до 3–4 руб., то

[21] ГИМ 112834 / КП 1733193–1733367.

[22] Здесь и далее – номера по таблице 3. Для просмотра фотографий монет (рис. 10–21) необходимо использовать правую колонку таблицы 3.

[23] Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: история русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.: Финансы и статистика, 1989 С. 72–76. (Таблицы соотношения штемпелей на вкладке).

[24] Ее же. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII в. Киев: ЮНОНА-МОНЕТА, 2003. С. 13.

[25] Там же. С. 26–27 (№ 30–42).

[26] Метеорологи предполагают, что экстремальные климатические явления этих лет были вызваны взрывом перуанского вулкана Уайнопутина 16 февраля 1600 г. и накоплением пепла в атмосфере Земли.

[27] Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М.: Наука, 1975. С. 117–148; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 38–40.

Таблица 3

Описание клада, обнаруженного на селище Лешково-6

№ п/о	Имя правителя	Место чеканки	Дата	Номинал	Буквенное обозначение на л.с.	Ссылка на каталоги[1]	Количество, экз.	Вес, г	Номера по полевой описи находок (рис. 10–21)
1–8	Иван IV (1533–1584)	Москва	1533–1547 гг.	«Мечевая копейка»	б/б	М., табл. 1, *1-1*; Гр., Кл., № 73	8	0,62 (2); 0,64 (2); 0,65 (2); 0,67; 0,69	17, 19, 72, 150, 159, 164, 171, 181
9–17	– » –	Псков	1535–1547 гг.	Копейка	А	М., табл. 1, *8-11*; Гр., Кл., № 74	9	0,55; 0,57; 0,63; 0,64; 0,65; 0,66 (2); 0,67; 0,68	18, 63, 74, 90, 115, 122, 123, 148, 151
18	– » –	– » –	1547 – 1550-е гг.	– » –	IBЯ	М., табл. 1, *20-24*; Гр., Кл. № 78	1	0,65	170
19–23	– » –	– » –	1547 – 1550-е гг.	– » –	ГР	М., табл. 1, *21-25*; Гр., Кл., № 79	5	0,61; 0,66 (2); 0,67 (2)	54, 62, 84, 98, 187
24–36	– » –	– » –	1560-е гг.	– » –	С МИ	М., табл. 1, *35-27*; Гр., Кл., № 93	13	0,63; 0,64 (3); 0,66 (3); 0,67 (4); 0,68 (2)	26, 33, 43, 59, 79, 94, 128, 134, 149, 161, 169, 178, 179
37	– » –	– » –	1570-е гг.	– » –	IB	М., табл. 1, *37-27*; Гр., Кл., № 95	1	0,64	146
38	– » –	– » –	1570-е гг.	– » –	IB	М., табл. 1, *37-29*; Гр., Кл., № 96	1	0,64	129
39–46	– » –	Новгород	1535–1542 гг.	– » –	бб	М., табл. 1, *9-12*; Гр., Кл., № 75	8	0,61; 0,62; 0,64 (2); 0,65 (4)	34, 88, 125, 135, 153, 163, 186, 190
47–50	– » –	– » –	1542–1547 гг.	– » –	ФС	М., табл. 1, *14-17*; Гр., Кл., № 76	4	0,64; 0,65 (2); 0,66	49, 68, 89, 92
51–56	– » –	– » –	1547–1550-е гг.	– » –	ПС	М., табл. 1, *19-23*; Гр., Кл., № 77	6	0,63; 0,64 (3); 0,65; 0,66	36, 132, 140, 145, 177, 180
57–58	– » –	– » –	1555 г.	– » –	АЛ	М., табл. 1, *22-26*; Гр., Кл., № 80	2	0,63; 0,66	44, 175
59	– » –	– » –	1560-е гг.	– » –	ю р	М., табл. 1, *23-26*; Гр., Кл., № 81	1	0,67	21
60	– » –	– » –	1560-е гг.	– » –	ВАш	М., табл. 1, *26-26*; Гр., Кл., № 85	1	0,65	37
61–69	– » –	– » –	1570-е гг.	– » –	К ВА	М., табл. 1, *29-26*; Гр., Кл., № 87	9	0,60 (2); 0,63; 0,64; 0,65 (3); 0,68; 0,69	24, 25, 35, 75, 82, 101, 110, 114, 182
70–72	– » –	– » –	1570-е гг.	– » –	К ВА	М., табл. 1, *31-26*; Гр., Кл., № 89	3	0,63; 0,67; 0,69	28, 109, 194
73–74	– » –	– » –	1570-е гг.	– » –	К МIХ	М., табл. 1, *32-26*; Гр., Кл., № 90	2	0,64; 0,65	58, 81
75	Федор Иванович (1584–1598)	Москва	1595 г.	Копейка	НС	М., табл. 2, *4-5*; Гр., Кл., № 120	1	0,65	137
76–79	– » –	– » –	1595–1598 гг.	– » –	с М	М., табл. 2, *9-4*; Гр., Кл., № 126	4	0,62; 0,64; 0,65; 0,77	96, 97, 104, 119
80–87	– » –	Псков	1595–1598 гг.	– » –	ПС	М., табл. 2, *4-2*; Гр., Кл., № 136	8	0,62; 0,64; 0,65 (2); 0,66; 0,67; 0,68; 0,70	30, 61, 108, 142, 154, 155, 162, 168
88	– » –	– » –	1595–1598 гг.	– » –	ПС	М., табл. 2, *5-2*; Гр., Кл., № 137	1	0,68	27
89–90	– » –	– » –	1595–1598 гг.	– » –	ПС	М., табл. 2, *6-2*; Гр., Кл., № 138	2	0,62; 0,64	60, 91

[1] Ссылки в таблице даны на следующие печатные работы: М. – Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. (Таблицы соотношения штемпелей на вкладке); Гр., Кл. – Гришин И.В., Клещинов В.Н. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533–1617 гг.). М.: УРСС, 1998. 88 с.

91–93	– » –	Новгород	1584–1595 гг.	– » –	НЄ	М., табл. 2, *1-1*; Гр., Кл., № 111	3	0,64; 0,65; 0,66	38, 130, 191
94–99	– » –	– » –	1597 г.	– » –	в НОРЄ	М., табл. 2, *3-2*; Гр., Кл., № 115	6	0,65; 0,66 (2); 0,67 (2); 0,72	39, 53, 65, 78, 100, 167
100–102	– » –	– » –	1598 г.	– » –	в НОРЅ	М., табл. 2, *5-2*; Гр., Кл., № 117	3	0,63; 0,67; 0,73	46, 166, 173
103	– » –	– » –	1598 г.	– » –	в НОРЅ	М., табл. 2, *6-2*; Гр., Кл., № 118	1	0,57	183
104–107	Борис Федорович	Москва	1599 г.	Копейка	о М	М., табл. 3, *1-1*; Гр., Кл., № 163	4	0,62; 0,65 (2); 0,66	40, 48, 52, 69
108	– » –	– » –	1600 г.	– » –	о М	М., табл. 3, *2-1*; Гр., Кл., № 166	1	0,66	147
109–139	– » –	– » –	1600–1605 гг.	– » –	Б О о М	М., табл. 3, *4-2*; Гр., Кл., № 173	31	0,59; 0,60; 0,62; 0,63 (2); 0,64 (5); 0,65 (6); 0,66 (3); 0,67 (7); 0,68; 0,69; 0,70; 0,74; 0,82	20, 22, 23, 47, 50, 55–57, 70, 73, 77, 85, 99, 102, 103, 107, 116–118, 121, 124, 136, 143, 144, 158, 160, 172, 176, 184, 185, 188
140–141	– » –	– » –	1601 г.	– » –	Б О о М	М., табл. 3, *4-3*; Гр., Кл., № 174	2	0,64; 0,67	80, 126
142	– » –	– » –	1603 г.	– » –	Б О о М	М., табл. 3, *4-5*; Гр., Кл., № 176	1	0,64	45
143	– » –	– » –	1602 г.	– » –	с М	М., табл. 3, *6-1*; Гр., Кл., № 181	1	0,67	139
144–152	– » –	Псков	1599 г.	– » –	ПСРЗ	М., табл. 3, *1-1*; Гр., Кл., № 193	9	0,64; 0,65; 0,66 (2); 0,68 (3); 0,69; 0,70	31, 71, 76, 95, 106, 127, 138, 157, 165
153	– » –	– » –	1600 г.	– » –	ПС	М., табл. 3, *2-1*; Гр., Кл., № 196	1	0,69	131
154	– » –	– » –	1600–1601 гг.	– » –	ПС	Гр., Кл., № 198	1	0,69	67
155–162	– » –	Новгород	1599 г.	– » –	в НО.РЗ	М., табл. 3, *1-1*; Гр., Кл., № 206	8	0,61; 0,65 (3); 0,66; 0,67 (2); 0,68	42, 64, 66, 83, 87, 105, 156, 189
163–166	– » –	– » –	1600 г.	– » –	в НОІРИ	М., табл. 3, *2-2*; Гр., Кл., № 209	4	0,65; 0,67; 0,68; 0,70	93, 111, 112, 113
167	– » –	– » –	1601 г.	– » –	в НОР·Ѳ·	М., табл. 3, *4-2*; Гр., Кл., № 213	1	0,66	120
168	– » –	– » –	1601 г.	– » –	в НОР·Ѳ·	М., табл. 3, *4-5*; Гр., Кл., № 215	1	0,64	141
169–172	– » –	– » –	1602 г.	– » –	в НОРІ	М., табл. 3, *6-5*; Гр., Кл., № 220	4	0,66; 0,67 (2); 0,72	32, 51, 86, 152
173	– » –	– » –	1602 г.	– » –	в НОРІ	М., табл. 3, *8-8*; Гр., Кл., № 224	1	0,67	41
174	Федор Иванович или Борис Федорович	Псков	?	– » –	ПС	Л.С. – Гр., Кл., № 6 (3); о.с – ?	1	0,68	133
НЕ ИЗ КЛАДА. ЕДИНИЧНАЯ НАХОДКА									
175	Михаил Федорович	Москва	1633 г.	Копейка	о М	М., табл. 8, *24-33*; Гр., Кл., № 538	1	0,44	29

есть в 10–13 раз[28]. К. Буссов писал о том, что до 1604 г. цена держалась на уровне в 25 раз выше обычной[29].

Сколько-нибудь точных оценок людских потерь в результате голода нет. Местные летописцы говорят о гибели трети населения[30]. В Москве, где велся учет, за два года и 4 месяца было погребено в трех скудельницах 127 000 человек[31] – многие из них были привлечены в столицу раздачами Бориса Годунова.

Коль скоро клад был схоронен в начале 1603 г., можно полагать, что жители этого крестьянского двора пережили первый этап голода. Сохраненная в серебре сумма равнялась 1,75 руб. За эти деньги в обычное время можно было приобрести (по цене 0,3 руб. за четверти ржи = 3,5 пуда = 57,33 кг) 334 кг ржи в зерне, то есть обеспечить три человека на полгода (на человека полагалось в идеале 15 пудов (1 пуд = 16,38 кг), или 245,7 кг зерна в год). Если же принять, что в 1603 г. цена за четверть ржи составляла 3 руб., то за 1,75 руб. можно было получить чуть больше половины четверти, или 33,4 кг, или обеспечить три человека всего на полмесяца или месяц жизни впроголодь. Впрочем, мы не можем исключить, что у них еще оставались запасы продовольствия. Если бы жители двора покинули свою деревню в поисках пропитания, они не оставили бы серебро. Поэтому остается предположить, что они умерли от болезней.

Так или иначе, запустение исследованного нами двора произошло примерно за пять лет до того, как театр военных действий приблизился к Радонежской волости. После поражения русских войск Василия Шуйского 22 сентября 1608 г. под Рахмановым (в 9,5 км к юго-западу от селища Лешково-6) 23 сентября отряды гетмана Яна Сапеги прошли мимо с. Воздвиженского и исследованной деревни и осадили Троице-Сергиев монастырь[32].

Дневник Яна Сапеги, который детально фиксирует волости, принявшие присягу Самозванцу[33], не упоминает Радонежа. Поэтому можно заключить, что жители этого края, большая часть которого входила в Троицкую вотчину, сели в осаду (23.09.1608 – 12.01.1610 г.) и, проявив чудеса стойкости, в значительной своей части погибли от голода, болезней и в ходе военных действий. На это же указывает и гибель самого города, который не был восстановлен после Смутного времени. Огромные людские потери в этом районе фиксируются данными по погребению трупов, скопившихся за вторую зиму осады монастыря и похороненных, по воспоминанию клементьевского священника Ивана Наседки, в братских могилах (убогих домах) весной 1610 г. (Никола в Клементьеве – 860, не названный – 640, в Терентьевой роще – 450, около 2050 – в Троицком монастыре, Служней слободе и церкви Пятницы на Подоле)[34].

В 1617 г., когда государевы земли в районе Радонежа были разделены на дворцовую Воздвиженскую волость и земли Троице-Сергиевого монастыря (к нему отошли земли с. Городок Радонежской), было проведено размежевание земель[35]. Восточная граница Троицких земель пролегла от Большой Переяславской дороги (нынешнее Ярославское шоссе) вверх по Олешковскому оврагу (рис. 28: 26, 27, 28) (нынешний овраг Коломино), названному по имени государевой деревни Олешковской (сохранялась до середины XIX в. под названием Лешково). В верховье Олешковского оврага упоминались «ямы копаны по конец врага по обе стороны Слобоцкие старые дорожки» (Троицкая дорога, которая в XIX в. пролегала в 100 м к северу от поляны селища Лешково-6). Место, где ныне расположено селище Лешково-6, в этом описании было обозначено как «земля д. Олешковские», из чего можно заключить, что в 1617 г. поселения здесь уже не существовало. В единственном сохранившемся описании дворцовой Воздвиженской волости 1646 г. мы также находим д. Алешково (рис. 28: 64), но не находим селения, которое могло быть идентифицировано с селищем Лешково-6[36]. Из этого можно заключить, что деревня так и не была восстановлена после Смутного времени. Однако хозяйственная деятельность на этом участке продолжалась – на это указывает обнаружение двух серебряных копеек царя Михаила Федоровича (21.02.1613 – 13.07.1645 г.).

Керамический материал

Керамический материал из верхнего слоя шурфа 1 весьма многочислен (586 фрагментов) и разнообразен (рис. 22–26). Анализ керамических типов и их соотношение свидетельствует о том, что практически весь материал (за вычетом красноглиняных грубых и

[28] Маржерет Ж. Состояние Российской империи / под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 159.

[29] Буссов К. Московская хроника, 1584–1613. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 97.

[30] Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 40.

[31] Сказание Авраамия Палицына / подгот. и коммент. О. А. Державина, Е. В. Колосова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 106. Ж. Маржерет говорит о более чем 120 тысячах погибших (Маржерет Ж. Указ. соч. С. 159).

[32] Сапега Я. П. Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) / сост. И. О. Тюменцев, М. Яницкий, Н. А. Тупикова, А. Б. Плотников. М.; Варшава: Древлехранилище, 2012. С. 63–67.

[33] Вохна, Переяславский уезд и др.

[34] Арсений, иеромонах. Село Клементиево, ныне часть Сергиевского посада, составляющая один из его приходов // ЧОИДР. 1887. Кн. 2. С. 31 (Смесь).

[35] Описание Троице-Сергиева монастыря вотчины городок Радонежский 1617 г. в составе Дозорной книги вотчин Троице-Сергиева монастыря 1623–1624 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 258. Л. 227–239.

[36] Список с переписной книги переписи князя Ивана Долгорукова да подьячих Ивана Прасова, Дмитрия Молчанова и Семена Несвитаева 7154 (1646) г., 18 февраля, в подмосковных волостях // Там же. Кн. 9809. Л. 35–40 об.

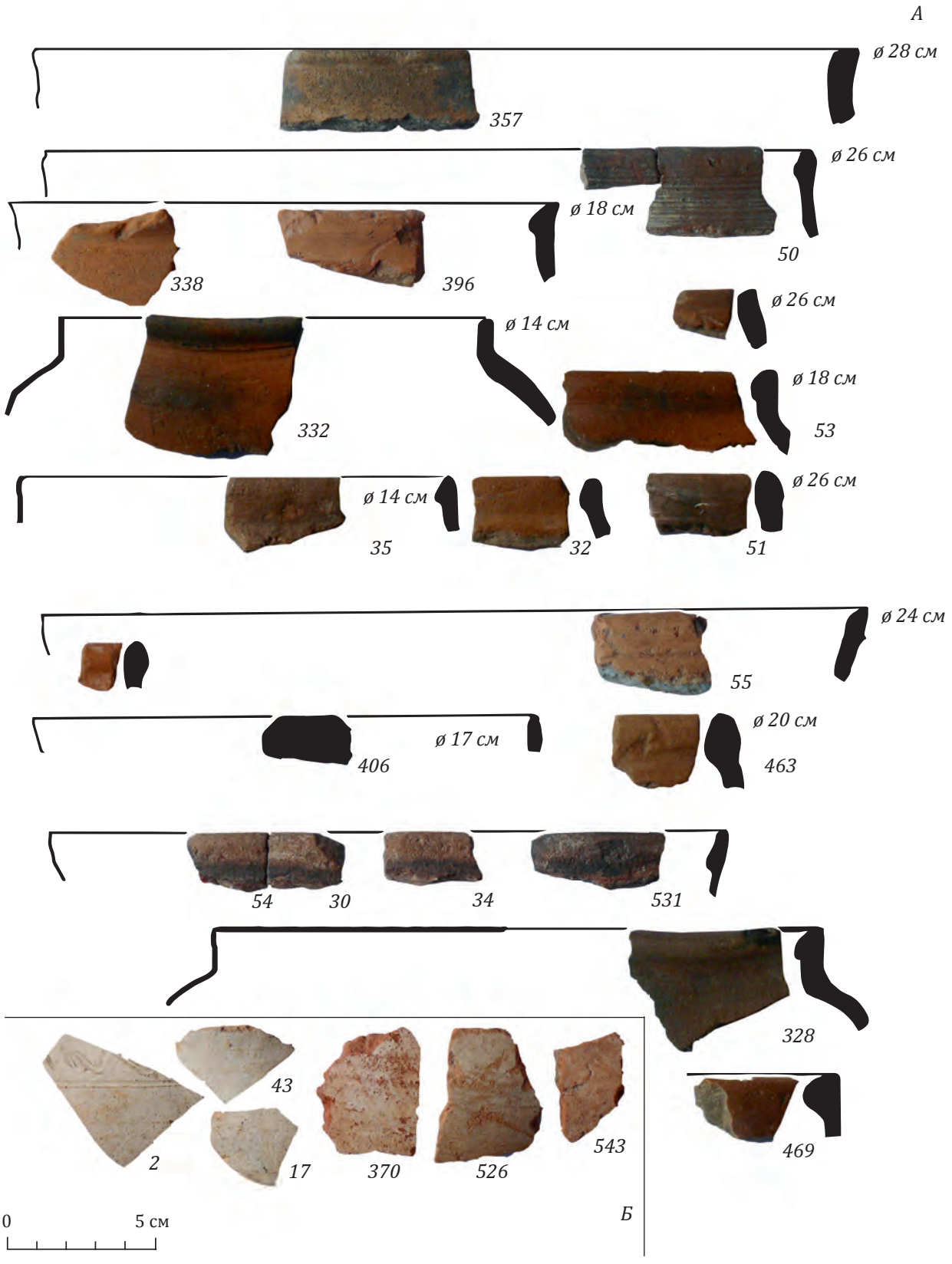


Рис. 22. Селище Лешково-6. Керамика из верхнего слоя. А – красноглиняная гладкая; Б – аногобированная

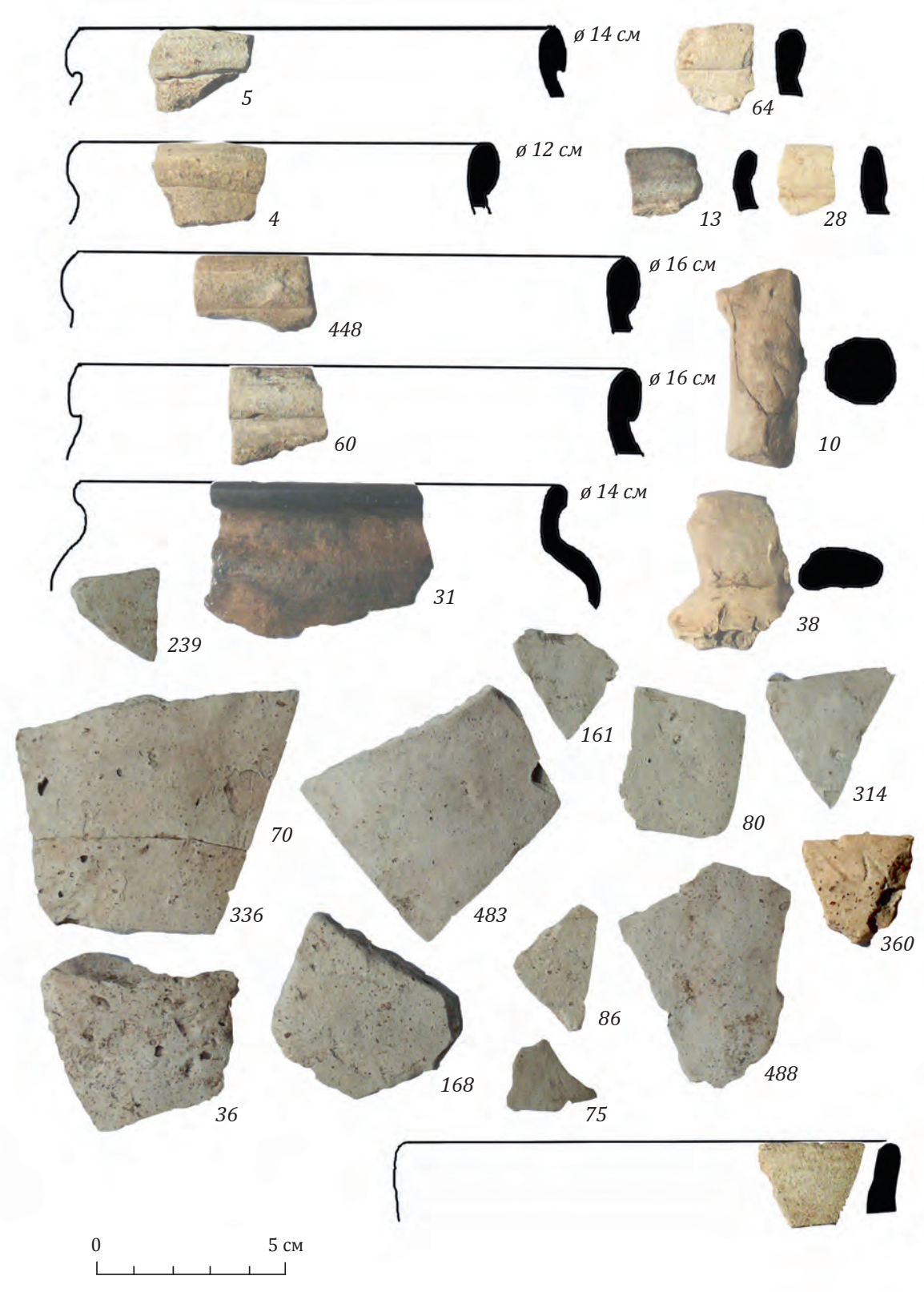


Рис. 23. Селище Лешково-6. Керамика из верхнего слоя. Белоглиняная грубая

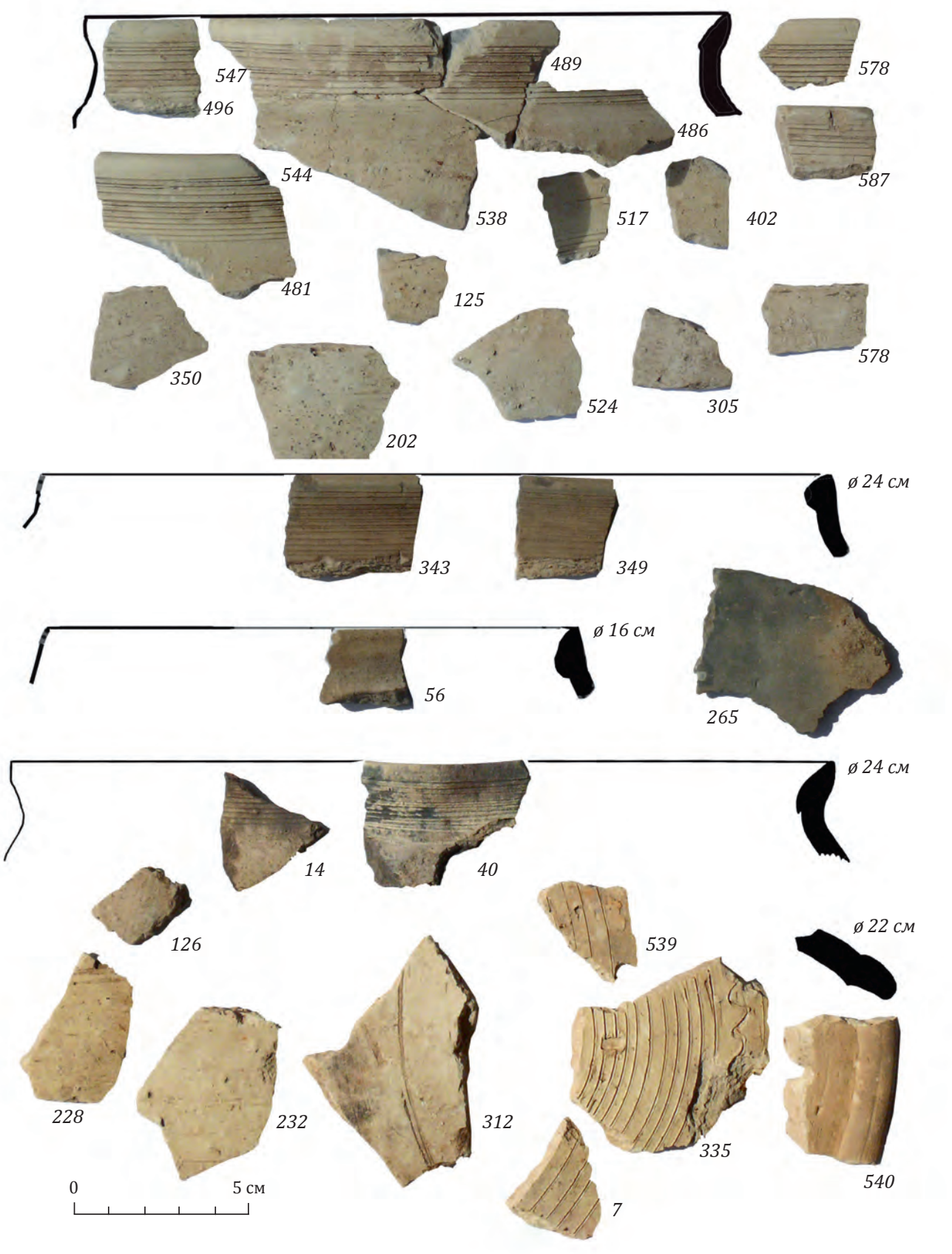


Рис. 24. Селище Лешково-6. Керамика из верхнего слоя. Белоглиняная гладкая

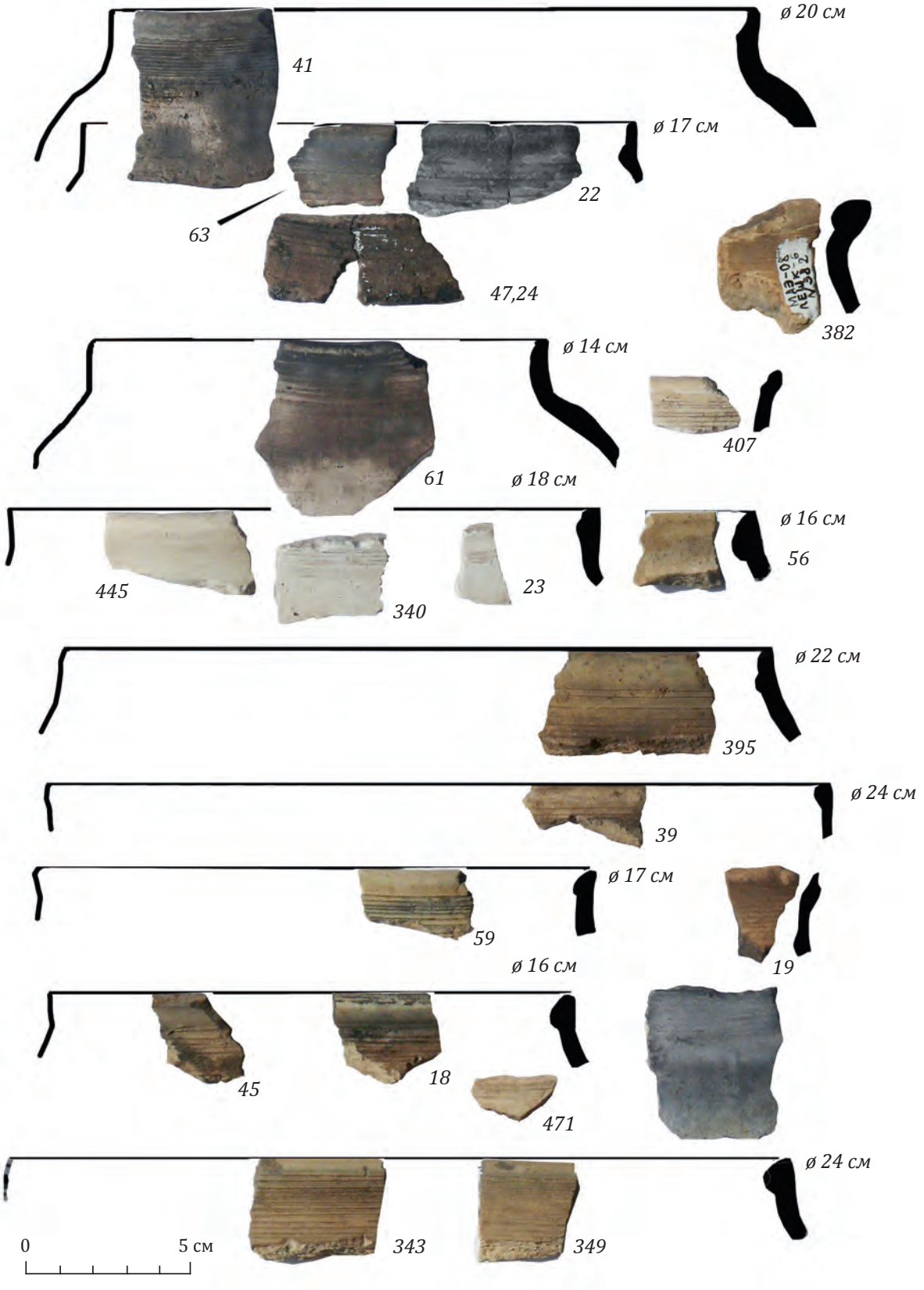


Рис. 25. Селище Лешково-6. Керамика из верхнего слоя. Белоглиняная гладкая

Рис. 26. Селище Лешково-6. Керамика из верхнего слоя. Чернолощеная и мореная

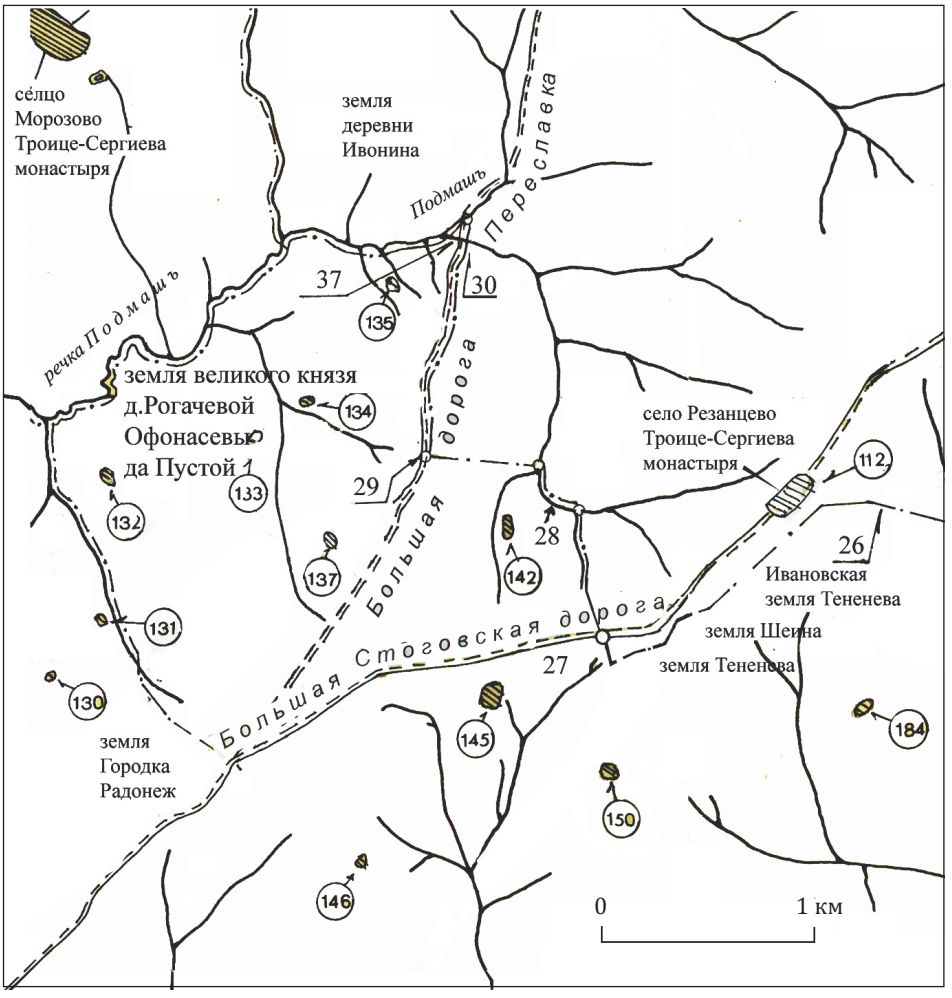
краснолощеных фрагментов, которые составляют, соответственно, 0,7% и 0,3%) отложился в ходе жизни жилого ядра усадьбы, сооружения которой сохранились в нижележащих ямах. Доминируют два типа керамики: красноглиняная гладкая (34%) и белоглиняная гладкая (34%). Далее, по мере убывания, следуют белоглиняная грубая керамика (18%), чернолощеная и мореная (12%) и ангобированная (2%).

Для датировки этого материала можно привести таблицу (см. табл. 4) распределения керамических комплексов середины XVI – начала XVII в. по хронологии.

Таблица 4

Распределение закрытых комплексов керамики середины XVI – начала XVII в. по хронологии с указанием на процентное соотношение содержащихся в них типов керамики

Название	Красноглиняная гладкая	Белоглиняная грубая	Белоглиняная гладкая	Чернолощеная и другая столовая посуда	Датирующие признаки
Зачатьевский монастырь. Постройка 1	40,5	37,0	Нет	Краснолощеная	Пуло кон. XV в. – 1533 г. Видимо, погибла в пожаре 1547 г.
Зачатьевский монастырь. Постройка 3 (данные по 5 пластам сверху вниз)	26,6 42,3 32,9 34,2 34,5	30,9 42,3 39 48,1 38,1	Нет	Чернолощеная Краснолощеная Ангобированная	Денга 1535–1547 гг. Видимо, погибла в пожаре 1547 г.
Рождествено. Яма 61	43,5	55	0,2	1,5 Ангобированная со светло-салатной поливой	Копейка и деньга 1535–1547 гг.
Рождествено. Яма 60	56	34,5	2,5	Чернолощеная 1	Копейка 1535–1547 гг.
Рождествено. Яма 63	53	42	3	Чернолощеная 2 Ангобированная	Пуло второй половины XVI в.
Рождествено. Яма 65	48	44	6	2	Полушка второй трети XVI в.
Никита Мученик. Яма 13	35,5	61,9	Нет	Краснолощеная 0,1 Ангобированная 2	Ранее 1584/1585 г. (по данным писцовых книг)
Никита Мученик. Яма 7	58	39	Нет	2,9	Ранее 1584/1585 г. (по данным писцовых книг)
Романов двор. Печь 1	14	43,5	26	Чернолощеная 9,4 Ангобированная 2,3	1564–1584 гг.
Романов двор. Печь 9	21	32,5	11,5	Краснолощеная 4,7 Чернолощеная 9,5	1564–1584 гг.
Романов двор. Постройка. В раскопе VI	7	66,3	16,6		1564–1584 гг.
Романов двор. Печь 10	18	20	45	Краснолощеная 1 Чернолощеная 2,2 Ангобированная 2,2	1564–1584 гг.
Копнинский лес-3. Сооружения 1, 2	64	18,5	8	9	Ранее 1592/1593 г. (по данным писцовых книг)
Покровский в Хотькове монастырь. Шурф 2 2008 г.	33,8	36,6	11	Чернолощеная 17,2 Краснолощеная 0,8 Ангобированная 0,2	
Селище 6-е Кузьминское (у Шабаевской плотины). Яма 5	9	67	24		
Селище 6-е Кузьминское (у Шабаевской плотины). Яма 11	4	54	34	Чернолощеная 2,7 Краснолощеная 1,4 Ангобированная 0,5	
Лешково-6	34	18	34	Чернолощеная 12 Ангобированная 2	Клад с позднейшей монетой 1603 г.



Условные обозначения:

27 – *I* (146) – *II* – *III* – *IV* – *V* – *VI* – *VII*

Рис. 27. Район д. Белухинской по данным межевого описания 1543 г.
I – цитаты из межевого описания 1543 г., II – № памятника археологии,
III – древние поселения (селище XV–XVI вв.), IV – поселение, не идентифицированное с археологическим памятником,
V – межа 1543 г., VI – Большая Стоговская дорога (минующая Троицкий монастырь);
VII – Большая дорога Переславка (через Троицкий монастырь);
26 – «да изо врага направо взнож(ь)ю вверхъ возлѣ Иванову землю Тененева
до Костиной земли Шеина и до Григор(ь)евы земли Тененева дорогою»;
27 – «да з дороги направо межою к великого кн(я)зя роще к Онтипинской,
да возлѣ рощу по леву по ямом во взнож(ь) до болшие дороги до Стоговские»,
28 – «да з дороги ручьем вниз»; 29 – «да из ручья налево по ямом возлѣ поле великого кн(я)зя
земли Онтипинские д(е)р(е)вни до Переславские дороги до камени»;
30 – «Да болшою дорогою направо до рѣчки до Подмаши».
Памятники археологии: 130 – селище Радонеж-14 (у Глиняного оврага-1 на трассе ЛЭП);
131 – селище Радонеж-15 (у Глиняного оврага-2 на трассе ЛЭП;
132 – селище Радонеж-16 (на поле Иваниха у бетонки к г. Хотьково);
133 – селище Радонеж-17 (Фомино-1 на трассе ЛЭП в квартале 49),
134 – селище Радонеж-18 (Фомино-2 на трассе ЛЭП в квартале 49); 135 – селище Радонеж-19 (Окуловское
Буторино на трассе ЛЭП в квартале 48); 137 – селище Морозово-2 (на поляне «Осёлок»);
142 – селище Лешково-3 (в урочище Лешково); 145 – селище Лешково-6; 146 – селище Лешково-7;
150 – селище Кутузово; 184 – селище Кудрявцево

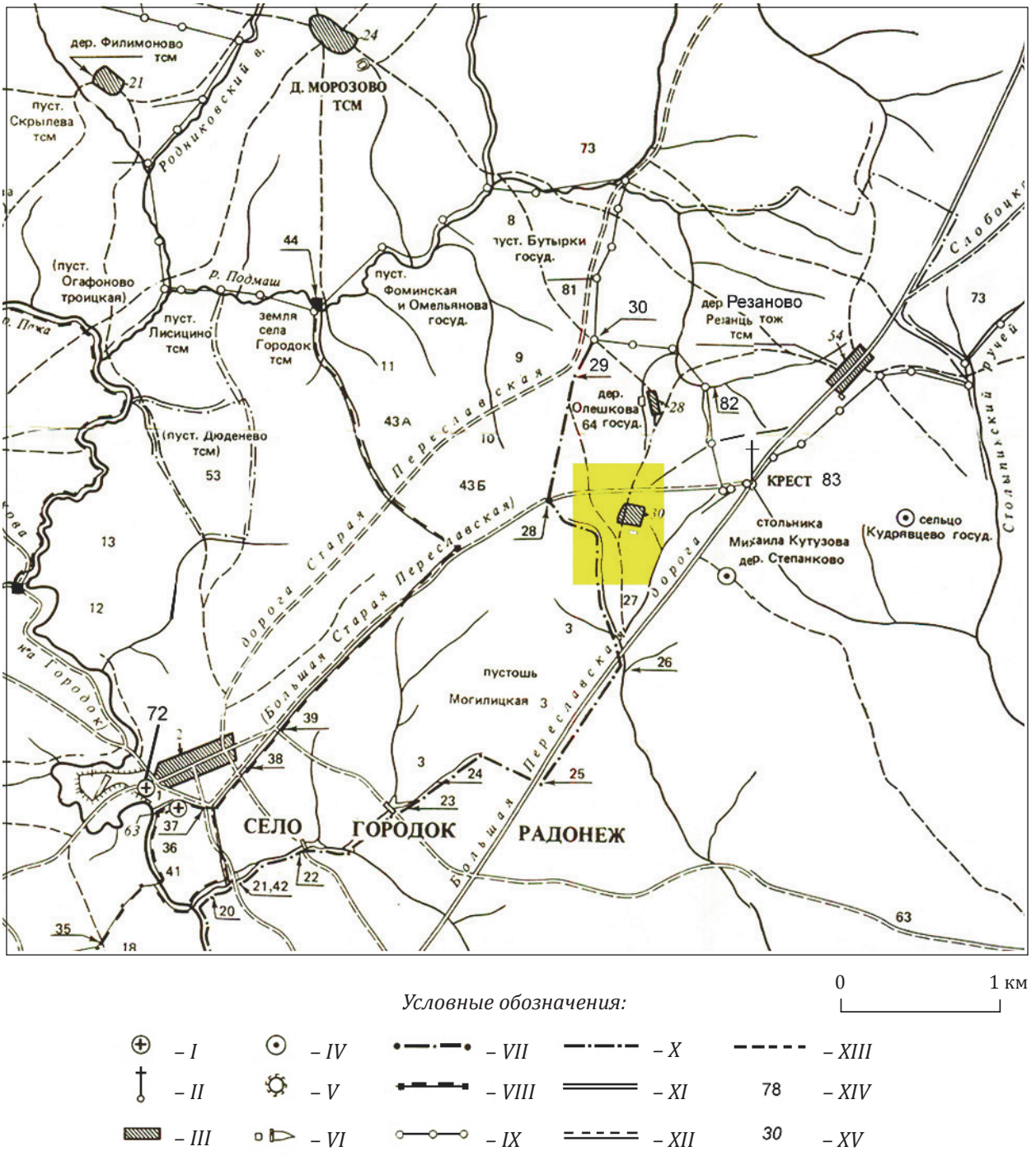


Рис. 28. Район пустоши Белухинской по данным описаний 1617, 1623, 1624, 1646 и 1680 гг.
I – церкви, II – часовни, III – поселения (селища), IV – поселения, археологически не выявленные, V – мельницы, VI – пруды, VII – межа 1617 г. М. Тиханова и Д. Орлова, VIII – межи 1623 г. М. Засецкого и П. Ермолина и 1624 г. Л. Кологривова и Д. Скирина, IX – становая межа А. Ю. Бестужева и В. Домашнева 1680 г., повторно описанная И. И. Вердеревским в 1684 г., X – прочие межи, XI – Большая Переяславская дорога из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, XII – большие дороги, XIII – прочие дороги, XIV – номера, обозначающие селения, земли, урочища по описаниям XVII в. (см. ниже), XV – номера археологических памятников. Названия, имеющиеся на схеме, даны по межевой книге 1680 г.; названия, заключенные в скобки, – по межевой книге 1622–1624 гг.; п. – пустошь; д. – деревня; ТСМ – Троице-Сергиева монастыря; госуд. – государева

Описание 1617 г.:

1 – Городокъ Радонежской, а в нем Б(о)жие м(и)л(о)с(е)рдие храм Преображѣние Спасово в предѣлех г(о)с(у)д(а)р(е)ва ан(г)ила Михаила Малеина да Сергия Радонежского чюдотворца, 2 – церковные ж пашни пустошка Спасская; Да в нынешнем же во 125 (1617) году по государево грамоте к Горотку ж Радонежскому отведено двенатцат(ь) пустошей, которые отданы были городецким охотником на выгон, а по писцовым книгам Елизар(ь)я Сабурова да под(ъ)ячего Ивана Яковлева 97 года тѣ пустоши были написаны к селу ко Здвиженскому в укос для сенных покосов: пуст(ошь), что была д(е)р(е)вня: 3 – Могилки (Могилицкая), 4 – Селиванов Борокъ Жеребцы тож, 5 – Кашканово (№ 4, 5 не локализованы), 6 – Головково, 7 – Путятино Пятино тож, 8 – Окуловская Бутырино тож. 9 – Попоичи, 10 – Пустое Фомино тож, 11 – Токмаково Гнездишкино тож, 12 – Сартаково Гусенниково тож, 13 – Терехово Ханская Демишкино тож, 14 – Подчесное другие Попоичи Рогачево тож (не локализовано). Межа земель городка Радонежа ТСМ и с. Здвиженского гос.: 15 – гос. п. Голневская, 16–18 – Голневские дорошки, 19 – на прудовую плотину, 20 – Большим врагом, 21 – дорога, что ѣздят из села Здвиженского на Городок и заплотина, 22 – к другой плотине, 23 – плотина стоит на Могилицком враге, 24 – Могилицкимъ врагом, 25 – к Большой Троецкой дороге, 26 – к Олешковскому врагу, 27 – земля д. Олешковские, 28 – ямы копаны по конец врага по обе стороны Слобоцкие старые дорожки, 29 – к Старой Переславской дороге, 30 – Поповские дорошки... что ѣздят из д. Олешкова в д. Морозово.

1623 г. Выпись межевая М. Засецкого и И. Ермолина Тр(ое)цкого Сергиева м(о)н(а)ст(ы)ря спорной землѣ тро(е)цког(о) Городка Радонежа (с) г(осу)д(а)рева дворцового села Здвиженского землею:

31 – на Мариномъ лугу яма, 32 – на Марину гору, 33 – у дороги Дмитровки яма, 34 – п. Голнева гос., 35 – на дорогу Голневскую, 36 – церковная земля Овонасья и Кирила Олександрейских, 37 – прудец у Старой дороги Переславки, 38 – Старая дорога Переславка, 39 – поворот, что поворачивает к Городку.

Описание 1624 г. Л. Кологривова и Д. Скирина. Межа Радонежскому Городку от государевы дворцовые земли села Здвиженского:

40 – на дорогу Репеховскую, 41 – церковная земля Авонасья Великого церкви, 42 – Здвиженская дорога, что ездят на Городок буераком, 43 – земля гос. С. Здвиженского п. Поповки (43а – то же, что и № 14) и п. Фоминской; 43б– то же, что и № 10, 44 – до речки Подлеси. Мѣжа земель сельца Ивановское Аристове и Коростково тож за дьяком за Микифором Шипулиным в отчине: 45 – от реки от Пажи, 46 – земля ТСМ Радонежского городка, 47 – на Ивановскую дорошку, 48 – через Радонежскую дорогу, которой ездят с Городка к Тешилову, 49 – до реки Вори... до броду, 50 – через Тешиловскую дорогу, 51– дорога, что ездят из Дмитрова в Городок, 52 – дорога, что ездят з Хоткова на Городок, 53 – п. Дюденева а Дерюлкиа тож ТСМ.

Описание 1646 г. И.М. Долгорукова и Д. Молчанова. Государевы царевы и вел. кн. Алексея Михайловича Всея Руси дворцовыя подмосковныя волости (№ 54–66):

54 – село Здвиженское, а в нем церковь Всемирное Воздвижение честного Креста древяна, 55 – государев двор, 56 – д. Голнево, 57 – д. Ананино Филиповская Дятлово тож, 58 – д. Панино, 59–д. Антипино, 60 – д. Тресково Рогатиново, 61 – Гарасимово, 62 – д. Шолково, 63 – д. Волково, 64 – д, Алешково. 65 – п., что была п. Хрятец Тереховская Сидорково тож, 66 – Семушкина; Троице-Сергиева монастыря: 67 – д. Павлова, 68 – Хотьковского девича монастыря... в одномонастырской слободе бобылей 8 дворов, 69 – д. Комякино. За Скобельцыными: 70 – д. Онтипина, 71– сельцо Новое Отхожей луг тож.

Запись на рукописи 1669 г.:

72 – «пустынь чудотворцевыхъ Серпевыхъ родителей... церковь Рождества Христова» (Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1909. С. 321).

Описание 1680 г. (межа стана Радонежа и Бели):

73 – земля села Кесова ТСМ; 81 – гос. крестьяне Бутырок спорили, а ТСМ-ря слуги называли тое п. что была д. Куловская, а Буторино тож, а записана... к с. Городку, 82 – Алешинский враг, 83 – дорошкою 20 сажен, дорошкою 51 сажен... поворотить направо мимо Крест через Большую Переславскую дорогу 34 сажен.

Как можно видеть, все эти комплексы – за вычетом ям 6-го Кузьминского селища – содержат значительно меньше белоглиняной гладкой посуды, чем комплекс из Лешково-6. Следовательно, комплекс из Лешково-6 возник позднее 1580-х гг. Поскольку зарытый в начале 1603 г. клад связан именно с этой постройкой, комплекс отражает набор посуды, использовавшийся вплоть до начала 1603 г. Как долго происходило его накопление, сказать трудно, но вряд ли этот период был больше десятилетия.

Изученные к настоящему времени закрытые комплексы керамики второй половины XVI в. демонстрируют постепенный рост доли белоглиняной гладкой посуды в быту населения Москвы и Московского края. В постройках Зачатьевского монастыря, погибших в пожар 1547 г., ее еще нет[37]. Начальный момент ее появления в быту подмосковного села (до 2,5%) фиксируется в ямах 60 и 61 с. Рождествено, в которых присутствуют монеты, чеканенные в 1535–1547 гг., и отсутствуют монеты более поздней чеканки[38]. Это позволяет предполагать, что комплексы откладывались в 1550-е гг. В печах Романова двора ранней генерации, связываемых с Опричным двором (1564–1584 гг.), присутствует от 11% до 44% белоглиняной гладкой посуды[39]. Однако следует учесть, что состав посуды хозяйственной зоны Опричного двора мог быть весьма специфичным и не может отражать бытование керамики в сельских поселениях. В комплексе из деревни, упоминаемой в 1593/1594 г. как пустошь (Копнинский лес-3), белоглиняная гладкая керамика составляет 8%[40]. Имеется там и серия сосудов из красной глины в формах и с орнаментом белой гладкой[41]. В комплексе из Хотькова монастыря белоглиняная гладкая керамика составляет 11%[42]. И наконец, в комплексе из Лешково-6, который датируется временем около 1603 г., белоглиняная гладкая посуда составляет 34%.

Таким образом, в нашем распоряжении оказывается показатель, посредством которого могут быть выделены поселения, запустевшие в 1570-е гг. (порядка 10% белоглиняной гладкой посуды) и во время голода 1601–1603 гг. и в Смутное время 1605–1612 гг. (30–35% белоглиняной гладкой посуды).

[37] Глазунова О. Н. Комплексы керамики из жилых построек второй половины XV – начала XVI в. Зачатьевского монастыря (г. Москва) // РА. 2008. № 2. С. 133–138.

[38] Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Археологические исследования погоста XV–XVI веков … С. 281–326.

[39] Кренке Н. А. Указ. соч. С. 70, рис. 222; Глазунова О. Н. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII веков // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: Ин-т археологии РАН, 2009. С. 130–141.

[40] Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: Ин-т археологии РАН, 1991. С. 57, табл. 133, 134.

[41] Там же. Табл. 133, 99.

[42] Чернов С. З., Лебедева Е. Ю. Указ. соч. С. 175–203.

S. Z. Chernov, I. V. Volkov

Archealogical Markers of the Time of Troubles: the Pottery Complex with Hoard from Leshkovo-6 and Dating of Desolation of Small-Size Villages in Radonezh Region

Key words: Muscovy, the agrarian history, demography, crisis of the 1570s, the Time of Troubles, the pottery complex, percentage of pottery, coins of Ivan the Terrible and Boris Godunov, Leshkovo-6 settlement, the Intercession Monastery at Khotkov, Romanov's Courtyard in Moscow, oprichny courtyard in Moscow, the invasions of Devlet-Gerey and Yan Sapeg.

Abstract: Small-size villages were the very basis of the settlement process in the Moscow Principality of the 13th – 16th cc. But, the peasantry left them in the 1570–1612s due to the overpopulation, Oprichnina, the Livonian War, the Devlet-Gerey invasion (1570) and the plague epidemic. In the 1580–1590s a certain number of villages were repopulated, but the mass starvation of 1601–1603 and the devastation of the country in the Time of Troubles interrupted the process. Still, the number of desolated villages of 0.1–1.0 ha size have the pottery fragments of the 16th c., but in cadasters of the 1620s these villages were not mentioned as inhabited.

Until recently, it was impossible to distinguish between those villages disappeared in the 1570s and in the 1600s. Nevertheless, the results of the excavations at the Leshkovo-6 settlement (to the north-east from Radonezh) could help. Here, at the spot of the farm, the hoard of 174 silver coins (1533–1603) was found (buried in the year of 1603). Almost all of the pottery fragments were deposited there in a very short time. Due to it the statistics of pottery shards enabled us to estimate the standard of the pottery types as of the very beginning of the 17th c. (34% of the white slick-surface ceramics). The article introduces both the monetary hoard and the synchronous pottery complex. These finds would help us to distinguish the sites which were left in the early 1570s from those abandoned in 1601–1612.

Приложение

Селище Лешково-6. Шурф 1.
Расшифровка номеров индивидуальных находок, помещенных на рис. 9–21

№ п/о	Название находки	Материал	Слой	Квадрат	Глубина (см)
1	Предмет	Свинец	Пашня (слой 1)	1	+5
2	Гвоздик сапожный	Железо	– » –	1	Выброс
3	Предмета обломок	– » –	– » –	3	+23
4	Предмета обломок	– » –	– » –	1	-3
5	Ножа обломок	– » –	– » –	2	+7
6	Гвоздь	– » –	– » –	2	Выброс
7	Пластина	– » –	– » –	3	+27
8	Оселка обломок	Камень	– » –	3	+12
9	Предмета обломок	Железо	– » –	2	Выброс
10	Гвоздик сапожный	– » –	– » –	1	Выброс
11	Ножа обломок	– » –	– » –	1	-11
12	Пуля	Свинец	– » –	3	+16
13	Предмет	Железо	– » –	3	+30
14	Обоймица	Медный сплав	– » –	4	+28
15	Пробой	Железо	– » –	4	+12
16	Кольцо	– » –	– » –	6	+33
17	Монета копейка, Иван IV	Серебро	– » –	1	+21
18	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	1	+11
19	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	1	+5
20	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	1	+20
21	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	1	+10
22	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	1	+12
23	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	1	Выброс
24	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	+24
25	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	+22
26	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	+31
27	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	3	+24
28	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	1	0
29	Монета копейка, Михаил Федорович	– » –	– » –	1	0
30	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	1	-3
31	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	2	0
32	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	3	+25
33	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	2	Выброс
34	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	+19
35	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	2	0
36	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	2	Выброс
37	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	+9
38	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	3	+9
39	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	3	+8
40	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	3	+26
41	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	3	+23
42	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	2	Выброс
43	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	2	Выброс
44	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	Выброс
45	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	3	+15
46	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	3	+17
47	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	3	+17
48	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	3	+18
49	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	+26
50	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	2	Выброс
51	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	+18
52	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	3	+18
53	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	4	+20
54	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	4	+21
55	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+38
56	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	+48
57	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	+51
58	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	5	Выброс
59	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	Выброс
60	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	3	+18

61	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	3	+21
62	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	+13
63	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	+11
64	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+24
65	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	4	+26
66	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+27
67	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+25
68	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	4	+21
69	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+13
70	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+25
71	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+22
72	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	4	+27
73	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+26
74	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	4	+25
75	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	4	+17
76	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+21
77	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+22
78	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	4	+20
79	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	4	+11
80	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+20
81	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	4	+24
82	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	4	+20
83	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	+19
84	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	4	Выброс
85	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	Выброс
86	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	+33
87	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	+37
88	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	5	+51
89	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	5	+35
90	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	5	+37
91	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	6	+33
92	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	+45
93	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	+41
94	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	Выброс
95	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	Выброс
96	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	5	+37
97	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	5	+32
98	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	5	+31
99	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	+29
100	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	5	+38
101	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	5	+30
102	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	+41
103	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	+39
104	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	5	+36
105	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	+36
106	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	+34
107	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	+33
108	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	6	+28
109	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	+26
110	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	+25
111	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	+30
112	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	+25
113	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	+28
114	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	+30
115	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	+31
116	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	+36
117	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	Выброс
118	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	+24
119	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	5	+21
120	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	+25
121	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	+23
122	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	+23
123	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	+23
124	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	+34
125	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	5	Выброс
126	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	Выброс
127	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	Выброс

128	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	5	Выброс
129	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	Выброс
130	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	6	+25
131	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	+23
132	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	+27
133	Монета копейка, Федор Иванович или Борис Годунов	– » –	– » –	6	Выброс
134	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	2	п/м
135	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	2	п/м
136	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	3	п/м
137	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	3	п/м
138	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	3	п/м
139	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	3	п/м
140	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	3	п/м
141	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	3	п/м
142	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	3	п/м
143	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	п/м
144	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	п/м
145	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	5	п/м
146	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	5	п/м
147	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	5	п/м
148	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	5	п/м
149	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	п/м
150	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	п/м
151	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	п/м
152	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	6	п/м
153	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	6	п/м
154	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	6	п/м
155	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	6	п/м
156	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	п/м
157	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	п/м
158	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	4	п/м
159	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	4	п/м

Подъемный материал, собранный в районе шурфа 1

№ п/о	**Название находки**	**Материал**	**Слой**	**Квадрат на плане (рис. 4)**
160	Монета копейка, Борис Годунов	Серебро	Пашня (слой 1)	18
161	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	15
162	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	15
163	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	19
164	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	19
165	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	19
166	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	14
167	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	15
168	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	20
169	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	20
170	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	20
171	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	20
172	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	17
173	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	13
174	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	18
175	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	18
176	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	14
177	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	14
178	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	10
179	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	19
180	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	25
181	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	19
182	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	22
183	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	22
184	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	25
185	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	24
186	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	24
187	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	24
188	Монета копейка, Борис Годунов	– » –	– » –	28
189	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	29
190	Монета копейка, Иван IV	– » –	– » –	29
191	Монета копейка, Федор Иванович	– » –	– » –	25

Ю. М. Эскин

Три печати Пожарского: сфрагистический этюд

В 2001 г. мне посчастливилось опубликовать уникальный образец отечественной дипломатики – оформление грамоты Боярской думы шведскому Риксдагу 1633 г., на которой печати думных чинов были оттиснуты на кустодии по кругу вокруг адреса[1]. Ввиду отсутствия списка приложивших печати и их идентификации, статья в основном была посвящена определению владельцев печатей.

Вкратце гипотеза была такова. Круговое расположение мест за столом или вокруг трона символизирует стремление к определенному равенству – можно вспомнить изображения на гравюрах XVII в. рыцарей «Круглого стола», где король Артур сидит в некоем отверстии внутри столешницы[2]. Похожее расположение мест членов «Освященного собора» вокруг пустующего патриаршего трона мы можем видеть на рисунке в «Книге об избрании Михаила Федоровича на царство» 1672 г.[3]. Мною было высказано предположение, что члены Боярской думы в данном случае как бы символизировали государя, а их печати «замещали» печать государя, каковую нельзя было приложить к документу, посылаемому в ответ на документ, скрепленный печатями членов регентского совета из состава Риксдага, а не печатью еще не коронованной несовершеннолетней королевы Христины. Альтернативой царской печати могли быть только печати «всех бояр». Эта мысль была поддержана П. В. Седовым, отметившим, что «такая замена была возможна в связи с представлениями о нерасчлененности государя и его Думы»[4]. Однако внешнеполитическая символика не отрицала наличия внутренней иерархии. Известно, что на заседаниях Думы бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки не местничали, поскольку, в отличие от большинства других служб, «сидения» эти не фиксировались и не протоколировались и спорить о «находках» и «потерьках» смысла не было. Но в данном случае печати ставились на официальный документ, и их последовательность должна была быть строго регламентирована. Старшинство в России считалось справа налево – например, по местническим правилам, во фланговом расположении полков второй воевода правой руки был равен первому воеводе левой и т. д.; то же можно наблюдать при назначении рынд по сторонам трона и у «государева стола». В отсутствие государя за гипотетическим круглым столом во главе должны были находиться по местническому старшинству Иван Никитич Романов, кн. Иван Борисович Черкасский и кн. Иван Иванович Шуйский. Печать второго легко определялась по наличию на ней инициалов «КИБЧ». Далее схема работала достаточно четко – зигзаги линий справа налево (если находиться «лицом к государю»), определяли выявленных находившихся в то время в Москве и соответствовавших своему местническому положению обладателей печатей[5]. Однако именных печатей было немного (№ 2 «КИБЧ» – кн. И. Б. Черкасский, № 4 – полная надпись кн. Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, № 6 «КС» – «князь Сулешев», № 10 –

[1] Эскин Ю. М. Печати членов Боярской думы в 1633 году: к истории русской «предгеральдики» // Russia Mediaewalis. 2001. T. X (1). S. 205–223; Его же. Шестнадцать боярских печатей // Родина. 1997. № 10. С. 47–49.

[2] [Malory, sir Thomas]. Sir Thomas Malory's The most Ancient and Famous History of the Renowned Prince Arthur ... London: Printed by William Stansby, for Jakob Bloome, 1634. [464] leaves; "King Artur Looking at the legend": [буклет выставки, Нью-Йорк, окт. 1991 – февр. 1992 г.] / N. Y. Public Library, Rare Books and Manuscript Divizion. [N. Y., 1991].

[3] Книга об избрании на превысочайший престол великого Российского царствия великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Великия России самодержца: из собрания музеев Московского Кремля. М., 2012. Т. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи. 101 с.; Эскин Ю. М. Печати … S. 216.

[4] Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 14.

[5] Эскин Ю. М. Печати … S. 214.

Рис. 1. Чины Освященного собора и Боярской думы,
сидящие кругом при пустующем патриаршем престоле в 1613 г.
Иллюстрация из Книги об избрании на царство Михаила Федоровича. 1672 г.
Гравированная прорись середины XIX в.

Рис. 2. Рыцари, сидящие вокруг Круглого стола.
Гравюра 1634 г. из книги Легенд о короле Артуре Т. Мэлори

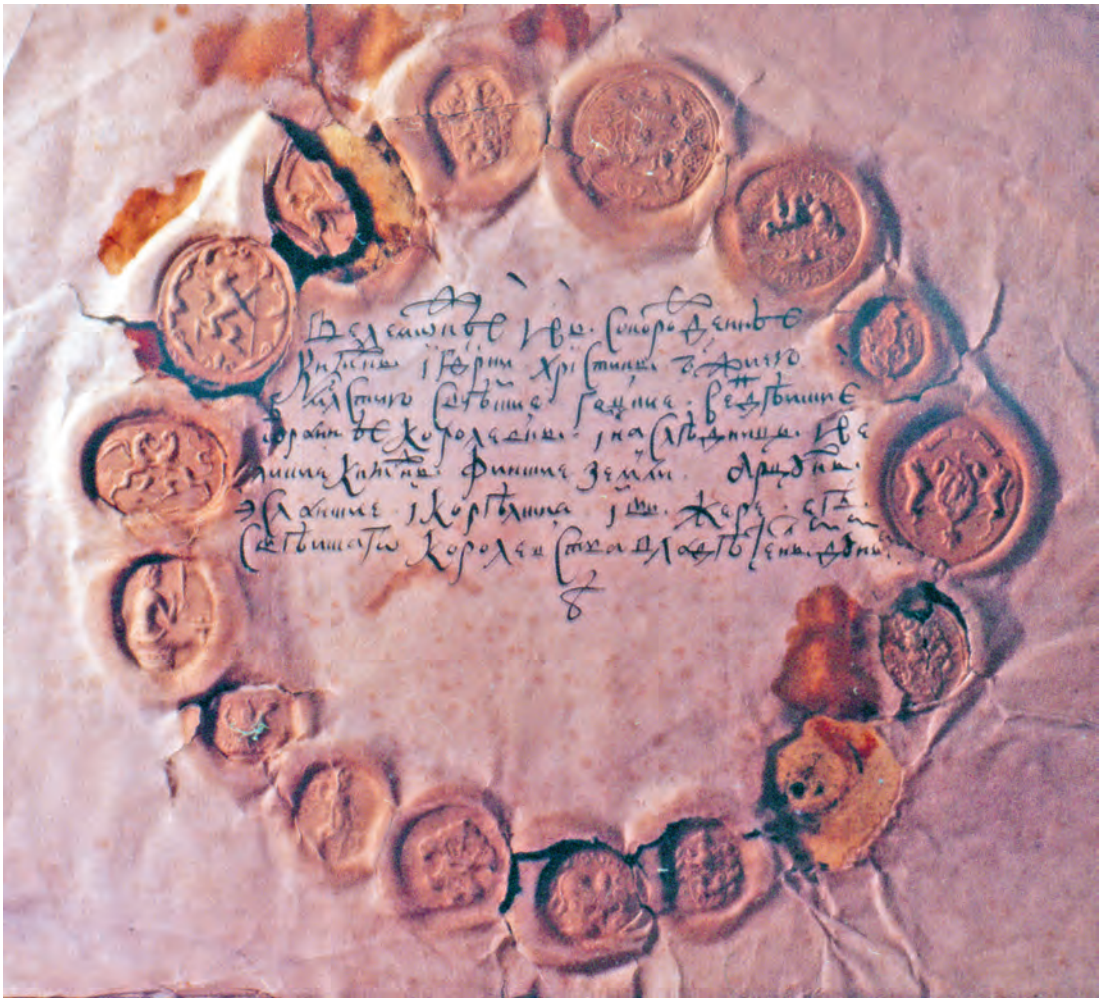


Рис. 3. Печати членов Боярской думы, оттиснутые на кустодии на грамоте шведскому Риксдагу (РГАДА. Ф. 179. Оп. 1. Ед. хр. 77)

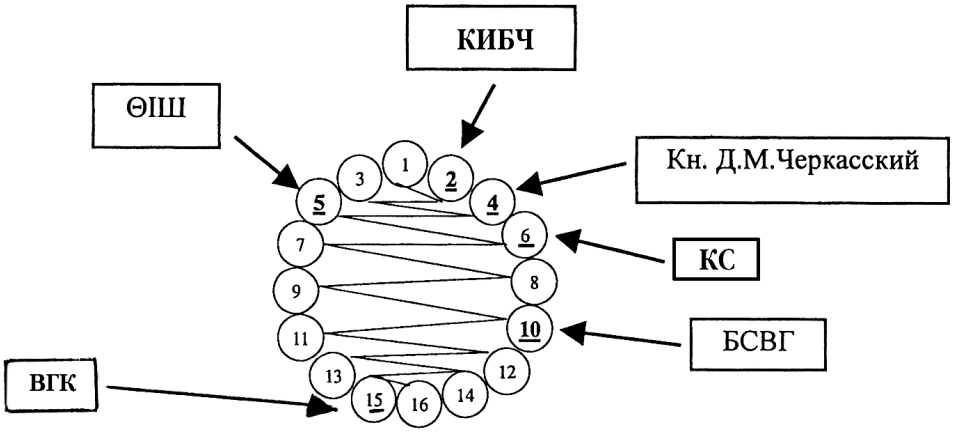


Рис. 4. Схема расположения печатей членов Боярской думы

Рис. 5. Печать боярина Ф. И. Шереметева. 1634 г. Прорись и фото

«БСВГ» – боярин Семен Васильевич Головин, № 15 «ВГК» – окольничий Василий Гаврилович Коробьин). На № 11, предположенном для кн. А. В. Хилкова, – печать, обнаруженная в дальнейшем на документах его сына в 1646 г., а на № 1 – предполагаемом месте И. Н. Романова – печать, употреблявшаяся в частной переписке царем Алексеем Михайловичем, вероятно, доставшаяся племяннику с перстнями – наследством дяди. На № 7, предположенном мною для кн. Б. М. Лыкова, красивая печать, изображающая борьбу грифона и барса. По описанию заверенного им дипломатического документа, на его печати «лютый зверь боретца со змеем»[6], подлинник же, увы, сотрудники Архива внешней политики Российской империи отказались мне показать. Однако последние три аргумента были косвенными, а сомнения оставались.

И только недавно оказалось возможным найти неопровержимый аргумент в пользу описанной гипотезы. Под № 5, на предполагаемом месте Ф. И. Шереметева, оттиснута красивая печать со стоящим геральдическим львом, держащим в передних лапах древко с прапорцем, на котором с трудом прочтены были литеры «ӨІШ», но качество оттиска было крайне низко и можно было опасаться «домысливания». И вот, при просмотре других документов этого же фонда, была обнаружена на собственной отписке Ф. И. Шереметева в Посольский приказ 1634 г. та же печать[7]. Таким образом, это объективное доказательство ставит точку в вопросе идентификации остальных владельцев печатей.

А наиболее интересный из них – владелец печати под № 8 – кн. Д. М. Пожарский. Но прежде чем приступить к анализу его печати, напомним о двух предыдущих печатях кн. Пожарского.

Печать, которую можно характеризовать как «малую», имеется на документах рода Лихачевых – на ввозных грамотах сестре дьяка Ф. Ф. Лихачева вдове М. Голенищевой от 9 июля 1612 г. и самому дьяку от 9 сентября[8]. Опубликовавший их впервые П. А. Садиков обратил внимание на преемственность их с печатью, известной с середины XIX в. из Венского Дворцового и государственного архива. Это грамота «Совета всей земли» императору Рудольфу II от 20 июня 1612 г. Согласно легенде, к ней была «привешена печать на воску с гербом князя Пожарского и подписью: “Стольника и воеводы князь Дмитрия Михайловича Пожарского Стародубского”»[9]. При второй грамоте, являющейся просто проезжей для австрийских послов, никакой печати публикаторами не отмечено.

Недавно по моей просьбе эти грамоты просмотрела венская исследовательница Искра Шварц. По ее свидетельству, на большой грамоте вислой печати нет (утеряна?), а на малой[10] имеется прикладная, под бумажной кустодией, оттиск которой весьма неясен, о чем свидетельствуют и сделанные по моей просьбе фотографии. Поэтому, как и 133 года тому назад, приходится пользоваться исключительно прорисью печати из альбома Ф. А. Бюлера[11].

[6] РГАДА. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 1 (1634 г.). Л. 72–73 об.

[7] Там же. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 7а (1634 г.). Л. 326 об.

[8] Там же. Ф. 1455. Оп. 2. Ед. хр. 5914, 5915.

[9] Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и Земского ополчения 1611–1612 гг. [СПб.: типо-лит. акц. о-ва «Самообразования», 1912. С. 201]. (Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: сборник; т. XI).

[10] Österreichisches Staatsarchiv Wien, Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Russland, I, Konv. 4, fol. 14.

[11] Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц / [сост. Ф. А. Бюлер]. М.: Комиссия печатания гос. грамот и договоров, состоящая при Моск. глав. архиве М-ва иностр. дел, 1880. Вып. I. С. 59.

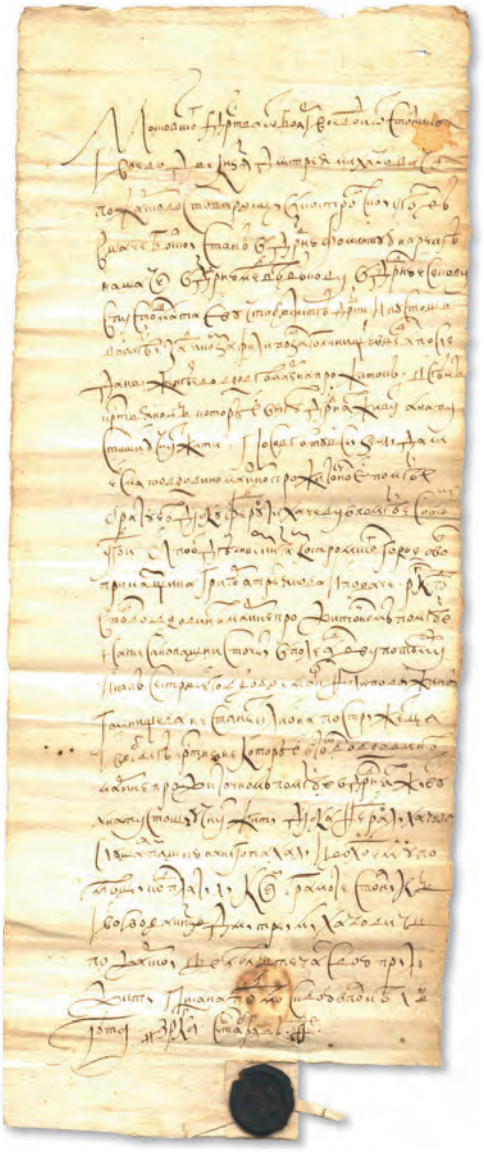


Рис. 6. Грамота «Совета всей земли» 1612 г. с «малой» печатью Пожарского

Хронологически первый документ был заверен большой печатью, а второй – малой, но нет особого резона опровергать мнение П. А. Садикова о том, что программа «малой», скорее всего личной перстневой печати Пожарского, легла в основу «большой». Описана она П. А. Садиковым весьма точно: «Печать перстневая представляет двух стоящих на задних лапах львов с перекинутыми между ног через бедро хвостами, с раскрытыми пастями; львы, видимо, дерутся друг с другом. Между задними ногами львов лежит человеческая голова, над нею склоняется (клюет?) птица (ворон), головою обернутая влево»[12].

Садиков пришел к выводу, что именно по ее образцу была сделана тогда же в Ярославле «большая» печать, причем, видимо, знатоком геральдики – она «носит явные следы стремления сделать ее геральдически более правильной, на западноевропейский образец: львы держат щиток, на котором изображены голова и птица, повернутая уже в правую сторону, а ввиду этого, так как львы были изображены дерущимися, и пасти их закрыты, хотя языки высунуты; хвосты их распущены прямо вверх, внизу между задними ногами львов изображен крылатый дракон, а вверху, над головами, дополнительный щиток с какими-то неясными изображениями. Обе последние фигуры – бесспорно, чтобы заполнить некрасивые пустые места. Вокруг – ободок с известной надписью». Садиков полагал, что с изготовлением второй матрицы у Ополчения возник полный аналог государственной регалии, «большой» и «малой» печатей, находил он и символику изображения в аллегории Смуты – борющееся с поляками и «ворами» Ополчение, раздираемая хищными птицами страна[13].

Заметим, что с объединением ополчений начала применяться единая «земская» печать, и нужда в указанных печатях отпала. Уже 31 ноября 1612 г.

[12] Садиков П. А. «Земская» печать и Нижегородское ополчение 1611–1612 гг. // Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1929. Т. XXXV. С. 7–9.

[13] Там же. С. 8–9.

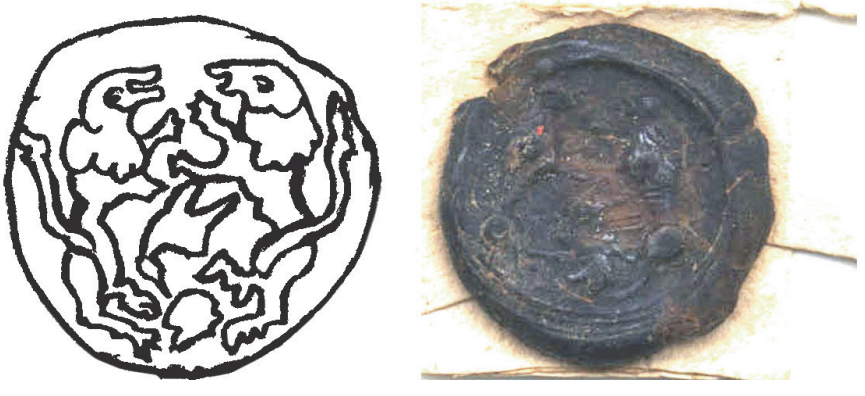


Рис. 7. «Малая» печать Д.М. Пожарского. 1612 г. Прорись и фото

Рис. 8. Грамота «Совета всей земли» в Вену 1612 г. с «большой» печатью Пожарского

Рис. 9. «Большая» печать Пожарского. Прорись XIX в. и фото

Рис. 10. Грамота «Совета всей земли»
князю И. Н. Хованскому с красной земской печатью. Две стороны печати

Рис. 11. «Третья» предполагаемая печать кн. Д. М. Пожарского. 1634 г. Прорись и фото

любимый племянник князя Дмитрия Пожарского, кн. И. Н. Хованский, получает послушную грамоту «Совета всей земли» крестьянам поместья приселка Пестякова (часть владений дяди) о переводе его в вотчину, с вислой красновосковой двусторонней «земской» печатью с орлом I и II Ополчений[14].

Последняя печать – единственная в своем роде, поскольку выполнена из красного воска (остальные известные – черные) и вислая двусторонняя, тогда как обычно, будучи прикладной, она не имела другой стороны, и ее в данном случае пришлось дважды оттискивать матрицей[15]. Экземпляров «земской» печати сохранилось немного, поскольку после Смуты правительство Михаила Федоровича перерегистрировало все земельные пожалования: малая печать Пожарского известна в двух экземплярах, большая – в одном.

[14] ЧОИДР. М., 1911. Кн. 4. С. 30–39 (разд. 4).

[15] Таким образом она описана издателем С. А. Белокуровым (Там же). Позднее, неизвестно когда и зачем, эта печать была аккуратно разрезана по гурту на 2 половинки – одна осталась на шнуре, другая лежит рядом в футляре. При реставрации грамоты в 2012 г. их решили не соединять.

Теперь перейдем к печати на документе 1633 г. В ее программе мы видим тот же набор элементов. Печать под № 8 овальная, на поле ее два льва поддерживают удлиненный щит в стиле барокко, на котором изображена птица – одноглавый орел, в полуоборота, с головой, повернутой влево, одно крыло сложено, другое слегка раскрыто; он стоит на чем-то, похожем на свернувшуюся в клубок змею. Этот орел напоминает эмблему I и II Ополчений – орла «земской» печати, – только на ней он повернут вправо. Три элемента печати – два льва и птица – присутствуют и на двух печатях Пожарского, датируемых 1612 г., но там это ворон, клюющий отрубленную голову, а здесь – орел. Под ногами львов с «большой печати» 1612 г. располагался змей, дракон; здесь ему также нашлось место – он повержен, и его попирает, торжествуя, орел Ополчения.

Надеюсь, что такая интерпретация изображений на печати Пожарского имеет право на существование – она была не случайна и может быть включена в программу его деятельности – строительной и ктиторской, увековечивавшей победу над Смутой и окончание гражданской войны.

Yu. M. Eskin

Three Seals of Pozharsky: Essay on Sphragistics

Key words: sphragistics, emblem studies, D. M. Pozharsky, the Time of Troubles, the Council of Boyars.

Abstract: There are two seals of Prince Dmitry Pozharsky on the documents of 1612, different in size and design, but similar in the programme and depicted emblems. On the document of 1633, authenticated by the seals of sixteen members of the Council of Boyars, the third seal of D. M. Pozharsky was identified, which is similar in the programme of depictions. That allows to connect them with their owner's viewpoint.

И. О. Тюменцев

Казаки на избирательном Земском соборе 1613 г.

Избирание на царство Михаила Федоровича Романова согласно официальной русской дореволюционной историографии положило конец Смуте и дало начало династии Романовых. Историки проделали значительную работу по изучению истории Земского собора 1613 г. Ценные наблюдения и выводы содержатся в монографиях и статьях С. Ф. Платонова, П. Г. Любомирова, Г. А. Замятина, Л. В. Черепнина[1], недавно вышедших научно-популярных книгах Р. Г. Скрынникова и В. Н. Козлякова[2]. Однако главный вопрос: каким образом на российском престоле оказался Михаил Федорович Романов – человек, не обладавший достоинствами государственного деятеля и не принимавший никакого участия в земском освободительном движении, – остается невыясненным. Архивные находки и новое прочтение ранее известных документов дают возможность вернуться к анализу перипетий политической борьбы на Земском соборе 1613 г.[3].

Руководство Земского ополчения приступило к подготовке избирательного Земского собора сразу же после освобождения Москвы. Ему предстояло решить трудную задачу. Земский собор правильного состава традиционно состоял из Боярской думы, Освященного собора и представителей провинции. Царя можно было избрать только из «природных московских бояр». В условиях, когда в 1611–1612 гг. многие бояре сотрудничали с иноземцами, добиться участия Думы в работе Земского собора и обеспечить победу кандидата Ополчения было весьма проблематично. В результате переговоров удалось достичь компромисса. Стороны согласились на включение в список кандидатов на царское избрание пропорционально как деятелей Семибоярщины: кн. Ф. И. Мстиславского, кн. И. М. Воротынского, И. Н. Романова, Ф. И. Шереметева, – так и руководителей Земского ополчения: князей Д. Т. Трубецкого, Д. М. Пожарского, И. Б. Черкасского, П. И. Пронского. Дума дала согласие на созыв Собора, а князья Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский отправили в провинцию окружные грамоты, в которых утверждалось, что бояре якобы силою удерживались поляками в Москве. Во избежание возможных эксцессов кн. Ф. И. Мстиславский «со товарищи» отправились по русским монастырям «на богомолье»[4].

Другой проблемой властей, как показал Р. Г. Скрынников, было наличие в объединенном Ополчении фактического двоевластия: двух высших органов власти – «Совета всей земли» и Казачьего круга, отношение между которыми были отнюдь не безоблачными. Летом 1611 г. внезапно вспыхнувший между «Советом всей земли» и Кругом конфликт стоил жизни одному из вождей Ополчения П. Ляпунову. Конфликт из-за Лжедмитрия III между «Советом всей земли» и Казачьим кругом в первой

[1] Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве начала XVII ст. СПб., 1901. С. 426–431; Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1612 гг. М.: Соцэгиз, 1939. С. 158–232; Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 гг.). Юрьев, 1913. VI, [2], 142, VI с.; Его же. К истории Земского собора 1613 г. // Труды / Воронежский государственный университет. Воронеж, 1926. Т. III. С. 2–75; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. С. 198–199.

[2] Козляков В. Н. Михаил Романов. М.: Молодая гвардия, 2004. 346 с.; Скрынников Р. Г. Михаил Романов. М.: АСТ: Ермак, 2005. 333, [1] с.

[3] Зимин А. А. Акты Земского собора 1612–1613 гг. // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1957. Вып. 19. С. 185–193; Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Повесть о Земском соборе 1613 г. // ВИ. 1985. № 5. С. 89–96.

[4] Веселовский С. Б. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. / собрал и ред. С. Б. Веселовский. М.: Синод. тип., 1911. № 82, 89. (Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг.; вып. 5). ДАИ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1846. Т. I. С. 291–294; Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. Новгород: губ. тип., 1911. С. 13, 29. (Сборник Новгородского общества любителей древностей; вып. 5); Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. М., 1907. Вып. 4. № 276; Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 94.

половине 1612 г. едва не привел к распаду Ополчения и военному поражению от войска Я. Ходкевича осенью того же года. После освобождения столицы и отъезда большей части дворян и детей боярских по вотчинам и поместьям, политический вес Казачьего круга резко возрос. Казаки были убеждены, что только избрание нового царя поможет им решить все проблемы и, в отличие от дворян и детей боярских, наотрез отказывались покинуть столицу. Все попытки руководителей Ополчения отправить их из Москвы под предлогом борьбы с И. М. Заруцким успеха не принесли.

Готовясь к Собору, земские власти, казалось, всё предусмотрели. Они постарались застраховаться от выдвижения новых кандидатов в ходе работы Собора. Князья Шуйские были разгромлены еще в 1610 г., и их, судя по всему, в расчет не брали. Глава клана Голицыных и претендент на престол в 1610 г. боярин кн. В. В. Голицын находился в польском плену, поэтому шансы его племянника кн. И. А. Голицына взойти на царский престол, согласно местническим порядкам, были призрачны. Аналогичным образом власти, по-видимому, попытались нейтрализовать другого возможного кандидата 1610 г. – М. Ф. Романова. В список претендентов был внесен его дядя – И. Н. Романов. Включение в этот список кн. И. Б. Черкасского закрывало путь к трону скомпрометировавшему себя изменой «земскому делу» кн. Д. М. Черкасскому.

Опорой земского движения 1611–1612 гг. была провинция, которая создала из выборных уездных людей «Совет всей земли» – высший орган государственной власти в отсутствие царя, Боярской думы и Земского собора правильного состава, поэтому кн. Д. Т. Трубецкой и кн. Д. М. Пожарский постарались добиться как можно более широкого представительства уездных чинов на избирательном Соборе. С этой целью они отложили срок начала его работы на месяц, так как не все земские представители прибыли в Москву к назначенному сроку 6 декабря 1612 г. – Николину дню осеннему[5].

Земский собор, как видно из документов, обнаруженных А. А. Зиминым, начал свою работу только 6 января 1613 г., в Крещение Господне. Первые три дня представители «всей земли» посвятили посту и молитве. На четвертый день они аннулировали решение предыдущего Собора об избрании на русский престол королевича Владислава и постановили: «иноземных принцев и татарских царевичей на русский престол не приглашать». Путь к русскому трону для официального кандидата «Новгородской земли» – шведского королевича Карла-Филиппа оказался закрыт. Одновременно земские власти постарались дезинформировать шведов относительно возможности избрания Карла-Филиппа на русский престол, чтобы предотвратить их возможные военные акции против Ополчения[6].

Вслед за этим был оглашен список восьми московских бояр, из которых предстояло избрать царя. Руководство Земского ополчения, судя по всему, не сомневалось, что бывшие члены Семибоярщины, как служившие иноземцам (кн. Ф. И. Мстиславский, И. Н. Романов), так и отказавшиеся сотрудничать с ними (кн. И. М. Воротынский, Ф. И. Шереметев), будут отвергнуты членами Земского собора – и не ошиблись в своих расчетах. Они, вероятно, были уверены, что в сложившейся ситуации кандидаты-ополченцы получат значительные преимущества. Чтобы не распылять силы, было решено организовать акцию в поддержку главного кандидата от Ополчений – кн. Д. Т. Трубецкого. Земским представителям в благодарность за руководство Ополчениями 1611–1612 гг. предложили пожаловать кн. Д. Т. Трубецкому в вотчину Двинскую волость Вагу, которая, как заметил Р. Г. Скрынников, в то время была своеобразной ступенькой к высшей власти. Подписание жалованной грамоты членами Земского собора, по замыслу организаторов пожалования, должно было перерасти в избрание кн. Д. Т. Трубецкого царем.

Первыми поставили свои росписи на жалованной грамоте боярину высшие иерархи церкви: митрополит Ростовский, архиепископы Рязанский и Архангельский, архимандриты важнейших московских монастырей. Вслед за ними ее подписали руководители объединенного Ополчения, в том числе и названные среди кандидатов на царское избрание кн. Д. М. Пожарский, кн. П. И. Пронский. Но рядовые члены Земского собора, судя по всему, отказались ставить свои подписи под соборной грамотой. Они слишком хорошо знали, с кем имеют дело и кто реально руководил освободительным движением. В результате ни одна из предложенных Собором кандидатур не набрала необходимого большинства голосов, и продуманный, казалось, до мелочей план царского избрания провалился[7]. Тотчас на соборе начали появляться и отвергаться новые претенденты на престол: М. Ф. Романов, кн. Д. М. Черкасский, кн. И. А. Голицын, кн. И. И. Шуйский-Пуговка. Шведский агент в Москве Брюнно отметил в своем донесении, что казаки последовательно высказались за избрание сначала М. Ф. Романова, затем кн. Д. М. Черкасского. Как видно, в январе Круг еще не определил-

[5] Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 177; Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. С. 71.

[6] Зимин А. А. Указ. соч. С. 190; Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / под ред. С. А. Белокурова. М.: тип. о-ва распространения полезных книг, 1906. С. 43, 46–47; Псковские летописи. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. Вып. 1. С. 130; Арсеньевские шведские бумаги … С. 18, 21–22.

[7] Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 94; Забелин И. Е. Минин и Пожарский. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1896. С. 278–283.

ся, какого кандидата поддерживать. В пользу этого предположения говорит инцидент с митрополитом Крутицким Ионой, на подворье которого ворвались разгневанные казаки, крича: «Дай нам, митрополит, царя государя на Россию, кому нам поклониться и служити и у ково жалованья просити!..» В свою очередь кн. Д. М. Пожарский и другие кандидаты Ополчения отказались от поддержки кн. Д. Т. Трубецкого и начали действовать «каждый за себя». Ход работы Собора явно вышел из-под контроля его организаторов. Согласно сложившейся в России практике, в этих условиях решение вопроса о царском избрании неминуемо должно было быть вынесено на улицы Москвы, где сильно было влияние Казачьего круга. В расчете на поддержку казаков кн. Д. Т. Трубецкой не жалел средств на пиры москвичам и казакам. От него не отставали и другие претенденты на царский трон, но это испытанное в прошлом средство не помогло. Казаки надеялись после избрания нового царя получить от него жалование. Расточительство бояр, по меткому замечанию Р. Г. Скрынникова, вызвало у них возмущение[8].

Неожиданно для властей на первый план начала выдвигаться кандидатура стольника Михаила Романова. Анализируя ход работы Земского собора, П. Г. Любомиров предположил, что Михаила Романова, как и в предшествующие годы, продвигала влиятельная боярская группировка родственников будущего царя: Шереметевы, Черкасские, Сицкие, Троекуровы, Погожие, Шестовы, Грязные, Михалковы. А. А. Зимин считал, что за М. Ф. Романова ратовали бывшие тушинцы: Черкасские, Сицкие, Салтыковы, Ю. Я. Сулешов, дьяки С. З. Васильев, П. Третьяков, П. Мартемьянов[9]. Р. Г. Скрынников высказал серьезные сомнения относительно участия в избирательной борьбе на стороне М. Ф. Романова влиятельной боярской группировки. Историк полагал, что имена людей, приведших Михаила Федоровича на трон, вряд ли будут установлены.

Однако данные «Докладной выписи о вотчинах и поместьях 1613 года», в которой зафиксированы земельные пожалования, сделанные сразу же после избрания царя, позволяют установить наиболее активных членов «романовского кружка» и уточнить наблюдения исследователей. В первые недели царствования М. Ф. Романов пожаловал поместьями на Вологде, Галиче и Белоозере Ф. И., В. П., Б. П. и И. П. Шереметевых, С. В., Д. В., И. В., И. Н. и А. И. Головиных, М. М. и Б. М. Салтыковых, кн. А. В. Лобанова-Ростовского, кн. И. А. Голицына, кн. И. Ф. Троекурова, кн. П. И. Пронского, кн. Б. А. Хилкова, кн. Н. И. Егупова-Черкасского, кн. И. И. Львова-Салтыкова, кн. Н. М. Мезецкого, Ю. И. и В. И. Татищевых, И. Н. Траханиотова, Ф. К. Плещеева, С. М. Волынского, А. М. и А. А. Нагих, кн. П. А. Репнина, Л. Г. Сумина, кн. А. Р. и В. А. Тюменских, кн. В. А. и Ф. А. Звенигородских, кн. Л. О. Щербатого, М. С. Дмитриева, А. Д. Селунского, кн. М. М. Шаховского, К. Д. Бегичева[10].

Шереметевы, Салтыковы и Троекуровы являлись родственниками царя Михаила, но, за исключением Ф. И. Шереметьева и кн. И. Ф. Троекурова, все они были людьми молодыми, только что вступившими в жизнь, и не имели достаточного веса в московской иерархии. Это была далеко не та влиятельная боярская группировка, которая боролась за власть в 1598, 1600, 1610 гг. Давним соратником Филарета Романова был только кн. И. Ф. Троекуров. Примечательно, что среди пожалованных нет дяди царя – боярина И. Н. Романова, который был одним из главных помощников главы Семибоярщины кн. Ф. И. Мстиславского и в начальный период работы Собора вместе с другими «седьмочисленными боярами» находился на богомолье. К тому же, по свидетельству автора «Повести о Земском соборе 1613 г.», И. Н. Романов, будучи одним из претендентов на царский престол, до последнего противился избранию племянника[11].

В перечне пожалованных можно обнаружить бывших тушинцев: А. А. Нагого, Ю. И. и В. И. Татищевых, В. П., Б. П. и И. П. Шереметевых, Ф. К. Плещеева, К. Д. Бегичева, но все они играли весьма скромную роль при дворе Лжедмитрия II и отнюдь не были ближайшими соратниками «патриарха» Филарета[12].

В среде приверженцев Михаила Романова оказались люди, в прошлом игравшие заметные, но далеко не первые роли в различных боярских группировках, потерпевших поражение в ходе борьбы за власть в Смуту: кн. Л. О. Щербатов быстро продвигался по службе при Борисе Годунове, А. А. Нагой – при его мнимом «родственнике» Лжедмитрии I, Головины и Л. Сумин – при Шуйских, младшие Салтыковы и их свойственники князья Звенигородские – при королевиче Владиславе. Остальные члены «романовского кружка» были людьми ничем не примечательными и практически незаметными в событиях Смуты[13].

Среди пожалованных можно обнаружить трех кандидатов на царский престол: Ф. И. Шереметева, кн. П. И. Пронского, кн. И. А. Голицына. Но кн. П. И. Пронский и кн. И. А. Голицын поставили свои подписи под

[8] Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 90, 94; Арсеньевские шведские бумаги … С. 18, 21–22; Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. С. 71.

[9] Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 219–220; Зимин А. А. Указ. соч. С. 187–188.

[10] Барсуков А. П. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях. М.: Университет. тип., 1895. С. 2–19.

[11] Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 292–293, 295, 297; Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 95.

[12] Тюменцев И. О. «Воровская» дума Лжедмитрия II в 1607–1610 гг. // Проблемы отечественной истории. Волгоград: ВолГУ, 1994. С. 12–13; Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 297.

[13] Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 277–278, 281.

жалованной грамотой кн. Д. Т. Трубецкому на Вагу и, следовательно, на первом этапе работы Земского собора поддерживали кандидатуру тушинского боярина. Вероятно, Ф. И. Шереметьев, кн. П. И. Пронский, кн. И. А. Голицын, в отличие от дяди царя, еще в ходе работы Собора сумели сориентироваться и вовремя примкнули к группировке М. Романова[14].

Кандидатуру Михаила Романова в 1613 г., как видно из приведенных данных, поддерживал отнюдь не влиятельный клан бояр Романовых, а стихийно сложившийся в ходе работы Земского собора кружок, составленный из второстепенных лиц разгромленных ранее боярских группировок. Победа кандидата Ополчения лишала их последних надежд на карьеру при дворе. Избрание Михаила вселяло уверенность в завтрашнем дне. Эти люди явно не могли заставить Земский собор избрать Михаила, поэтому необходимо с большим доверием отнестись к показаниям источников о том, что решающую роль в избрании Михаила Романова на царство сыграли казаки[15].

Памятники публицистики того времени («Сказание киих ради грех ...», более известное как «начальная» редакция первых шести глав «Истории» Авраама Палицына[16] и «Повесть о земском соборе 1613 г.») позволяют выяснить, каким образом членам «романовского кружка» удалось овладеть умами казаков и членов Земского собора и добиться избрания своего кандидата. Автор «Сказания ради киих грех ...» келарь А. Палицын обладал поразительным политическим чутьем, которое не раз помогало ему среди потрясений и катаклизмов Смуты постоянно находиться на плаву. Уловив настроения русских людей, он оставил кн. Д. Т. Трубецкого, которого, судя по подписи на жалованной грамоте, ранее поддерживал, примкнул к сторонникам М. Ф. Романова и вскоре стал их «главным идеологом»[17]. В условиях, когда реальная власть находилась в руках кн. Д. Т. Трубецкого, А. Палицын не решился в своем произведении открыто дискредитировать боярина и агитировать в пользу своего кандидата. Вероятно, еще в ходе подготовки к Собору он начал работу над «Сказанием киих ради грех ...», в котором попытался убедить членов Земского собора в том, что Бог наказал Россию Смутой «за грехи русского мира» и использовал всю силу своего литературного таланта для необычайно жестких даже для Смутного времени обличений язв современного ему русского общества. Примечательно, что наиболее острые разоблачения келарь посвятил грехам тушинцев (они заняли почти половину текста произведения), в то время как о грехопадении русских людей в 1610 г. и о движении Ополчений автор не сказал ни слова. И это не случайно. Главным соперником Михаила Романова в борьбе за престол был кн. Д. Т. Трубецкой, в биографии которого были темные (он был главой тушинской воровской Думы) и светлые страницы (вождь Земских ополчений 1611–1613 гг.). Он сознательно умолчал о неблаговидных поступках Романовых и представил их прошлое только в выгодном свете. К примеру, келарь живо описал страдания Федора Романова (в иночестве Филарета) и его братьев от преследований Бориса Годунова, сообщил о поставлении Филарета митрополитом Ростовским и рассказал о его пленении тушинцами. При этом он ни словом не обмолвился о том, что репрессии были вызваны заговором Романовых, стремившихся любой ценой заполучить трон, что митрополитом Ростовским Филарета назначил «слуга дьявола» Лжедмитрий I, что прибыв в Тушино, Филарет стал «патриархом» и играл видную роль при дворе «Вора». Умолчал келарь и об участии И. Н. и М. Ф. Романовых в борьбе против Земских ополчений в годы Семибоярщины[18].

В представлении русских людей того времени идеальный православный царь должен обладать тремя качествами: «боголюбием», «разумом в правлении» и воинскими доблестями. Русские люди, как следует из сочинения А. Палицына, якобы не смогли постичь Божью волю и совершили цепь трагических ошибок, возводя на русский престол недостойных: Бориса Годунова («разумного в царских правлениях, но писания божественного не навык»), Лжедмитрия I («посланного от сатаны», «Лже-Христа»), Василия Шуйского («от царских полат излюбленного», «никим же от вельмож не перекованного, ни от прочего народа не умоленного» и «играху им яко детищем»). Человеком, обладавшим всеми достоинствами православного государя: твердостью в православной вере, мудростью в государственном правлении и достоинствами военачальника, – как показывает келарь, был «брат» последнего «прирожденного царя» – боярин Федор Никитич Романов («разумный в делех и словесех и твердый в вере християностей, и знаменитый во всяком добросмыслье»). Ненавязчиво А. Палицын подводил читателя к мысли, что именно Федора Романова Бог будто бы хотел видеть на русском престоле, и поэтому когда русские люди избрали царем не его, а Бориса Годунова, да еще позволили новому монарху репрессировать Романовых, – Господь наказал Россию Смутой[19].

[14] Забелин И. Е. Указ. соч. С. 278–283.

[15] Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 95.

[16] Верхнюю грань датировки «Сказания» определил П. Г. Васенко (Васенко П. Г. Две редакции первых шести глав «Сказания А. Палицына» // Летопись занятий Археографической комиссии, 1919–1922. Пг., 1923. С. 10–12). Нижняя – устанавливается по хронологическим реалиям текста. В «Сказании» о «пленении» – захвате управления страной иноземцами в 1611–1612 гг. – говорится в прошедшем времени; упомянуто также имя Псковского вора – поповского сына Матюшки, ставшее известным в стране после его разоблачения летом 1612 г. (Палицын А. Сказание. М.; Л., 1955. С. 255, 267).

[17] Палицын А. Указ. соч. С. 232.

[18] Там же. С. 250–279.

[19] Там же. С. 250–252, 261, 265–266, 269, 273.

Михаил Романов, в отличие от отца, не обладал всеми достоинствами православного государя. Он не имел никакого опыта в государственных и военных делах. Вялый, болезненный юноша вырос в условиях постоянного страха за свою жизнь и жизнь близких. Он отличался необычайной набожностью и этим сильно напоминал своего дядю – последнего «прирожденного царя» Федора Иоанновича. А. Палицын мастерски использовал это сходство. Вопреки традиционным представлениям о православном монархе, келарь идеализировал царя Федора Иоанновича и постарался убедить читателей, что якобы за святость последнего «прирожденного» монарха Бог даровал «немятежное земли Русской пребывание» в 1584–1598 гг. Благодаря благодати Божьей бояре во главе с Борисом Годуновым с успехом справились с военными и административными делами и восполнили недостатки своего правителя. Не называя имени своего кандидата, келарь незаметно подводил читателей к мысли, что достаточно на русский престол избрать «благочестивого» племянника царя Федора Иоанновича, и Бог дарует России успокоение, а с военными и административными делами справятся бояре[20].

Источники свидетельствуют, что такая направленность агитации «романовского кружка» дала некоторые результаты, но не смогла обеспечить победу М. Ф. Романову. Начавшиеся волнения москвичей и казаков, недовольных затянувшимися бесплодными спорами на Соборе, по всей видимости, заставили внести коррективы в агитацию «романовского кружка». С народом нельзя было говорить хитроумными иносказаниями и намеками. В ход пошли адаптированные к новым обстоятельствам старые легенды о том, что Федор Иоаннович перед смертью якобы завещал царство Ф. Н. Романову и теперь его необходимо отдать сыну и единственному наследнику боярина – М. Ф. Романову. Эти доводы, не изменив главной идеи, существенно дополнили и конкретизировали аргументацию А. Палицына. Примечательно, что народ требовал избрать М. Ф. Романова «по божьей воле», когда же Иван Романов попытался увещевать москвичей и казаков словами: «Михаил Федорович еще млад и не в полном разуме, кому державствовать?», то услышал ответ: «Но ты Иван Никитич стар, в полном разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный и ты ему крепкий потпор будеши!»[21].

Добившись поддержки Казачьим кругом кандидатуры М. Ф. Романова, члены «романовского кружка» смогли с помощью казаков и москвичей усилить давление на членов Земского собора. Первого успеха приверженцы М. Романова добились 2 февраля 1613 г., когда Собор постановил отправить к Сигизмунду III гонца с требованием отпустить из плена русских послов, прежде всего – Филарета Романова. Страсти на Соборе и вокруг него продолжали накаляться. Стремясь разрядить обстановку и вновь овладеть инициативой, руководители Земского ополчения предложили членам Собора принять беспрецедентное решение – начиная с 7 февраля 1613 г. сделать двухнедельный перерыв в заседаниях, во время которого вернуть кн. Ф. И. Мстиславского и товарищей с «богомолья» и «посоветоваться» с русскими людьми на местах: достоин ли Михаил Романов быть русским царем?[22]. Вероятно, они рассчитывали, что с помощью провинции, являвшейся главной опорой движения Ополчений, и Боярской думы, не желавшей и слышать о Михаиле, им удастся добиться избрания своего кандидата и успокоить народную стихию. Последующие события показали, что это был крупный просчет. Паузу в работе Собора приверженцы М. Романова использовали для агитации в провинции. «Романовскому кружку» удалось использовать тайных представителей Земского собора, направленных из Москвы «спрашивать земщину, кого они хотят видеть на русском престоле»[23]. Об этом свидетельствует тот факт, что, когда Собор возобновил свою работу, земским представителям были предъявлены многочисленные челобитные с мест об избрании царем Михаила, совпадающие слово в слово. Главный идеолог «романовского кружка» Авраамий Палицын в преддверии возвращения из плена отца царя Филарета Романова около 1618–1619 гг. явно намекал, что успешная агитационная работа в провинции была делом его рук[24].

Возвращение бояр в Москву также оказалось неудачным политическим ходом руководителей Ополчения. Бояре и руководство Ополчений договорились вновь предъявить прежний список из восьми бояр с той лишь разницей, что теперь царя должен был избрать жребий, а не члены Собора[25]. Попытка возглавившего «романовский кружок» Ф. И. Шереметева убедить своих коллег по Семибоярщине поддержать кандидатуру Михаила на том основании, что он «млад» и за его спиной можно будет легко вершить дела, оказалась безуспешной. В списке кандидатов М. Ф. Романова по-прежнему не было[26].

Члены «романовского кружка», видимо, прекрасно знавшие от Ф. И. Шереметьева о планах бояр и руководителей Ополчения, провели 20 февраля 1613 г. тайное совещание на Богоявленском подворье Троице-Сергиева монастыря. На этом совещании, судя по всему, был выработан план дальнейших

[20] Там же. С. 250, 252.

[21] Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 95.

[22] Утвержденная грамота … С. 43.

[23] Там же.

[24] Палицын А. Сказание. С. 232–233.

[25] Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 95.

[26] Палицын А. Сказание. С. 232.

действий, с успехом реализованный на следующий день. Правда, его чуть не раскрыли некие буйные казачьи головы. Узнав о задуманном боярами, казаки ворвались ночью в покои официально руководившего собором митрополита Ростовского Ефрема с криками: «Дай нам, митрополит, царя государя на Росию, кому нам поклонитися и служити, и у ково нам жалованье просити, и до чево нам гладною смертию измирати!». Митрополит едва успел скрыться и сообщил боярам: «Казаки хотят мя жива разсторгнуты, а прошают на Россию царя»[27].

На первом после перерыва заседании Собора 21 февраля 1613 г. предложение бояр и руководителей Ополчения выбрать царя жребием из старого списка вызвало бурю возмущения и было решительно отвергнуто рядовыми земскими представителями, казаками и москвичами, которые считали, что результаты жеребьевки легко фальсифицировать и на престоле окажется не их кандидат, а «лихой» боярин из недавних изменников. Выборные из провинции северяне, калужане (купец С. Судовщиков) и другие огласили полученные ими наказы, многие из которых совпадали слово в слово, и потребовали избрания на царство Михаила Романова[28]. Решающим стало выступление атаманов от имени «казачьего воинства», потребовавших избрать царем М. Ф. Романова[29].

В современных этим событиям источниках имена выступивших в поддержку М. Ф. Романова атаманов не указаны. У казаков сохранилось предание, что «писание» об избрании Михаила Романова от имени казаков подал Д. М. Пожарскому на сабле известный атаман Филат Межаков[30]. Земельные пожалования в Вологодском и Галицком уездах в первые месяцы царствования Михаила Романова подтверждают казачье предание. Именно атаман Филат Васильев сын Межаков с сыном Степаном получил самые большие пожалования[31]. Помимо них были пожалованы атаманы Кручина Внуков[32] с сыном Воином[33], Ларион Федоров сын Долгово[34], Василий Буйносов, Михаил Юдин[35], Герасим Попов[36], Василий Сергеев сын Тонково с сыном Шайдуром[37], Иев Беляев[38], Федор Суровцев[39], Дивей Иванов сын Горемыкин[40], Федор Сухого сын Малыгин с братом Богданом, есаулы Федор Васильев сын Патрикеев[41], Степан Иванов сын Беляев[42], Степан Кузьмин[43], Ждан Дешков, Улан, Кипреян и Третьяк Утины[44], Осип Кокорев[45], казаки Володя Беляев[46], Иван Борщов, Дементий Мартемьянов, Иван Кашников, Агей Недьяков[47], Филипп Хомяков, Пинай (Пимин) Хлуденев, Трофимко Иванов сын Хлуденев, Федор Саввинов сын Ларионов, Влас Максимов, Микита Медведев[48], Микита Шестаков[49], Иван Головков[50], Ларя Антонов[51], Григорий Мило-

[27] Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 95.

[28] Палицын А. Сказание. С. 233.

[29] Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 95

[30] Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, 1968. Т. 2. С. 169–170.

[31] Участник Первого ополчения, 21 августа 1612 г. пришел на помощь кн. Д. М. Пожарскому в сражении с Я. К. Ходкевичем. См.: Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. С. 83, 98.

[32] Участник движения Земских ополчений, в 1613 г. направлен в Путивль. См.: Там же. С. 96.

[33] В 1619 г. получил поместье в Ливенском уезде, но тут же потерял за воровство. См.: Там же. С. 211–212.

[34] Известны несколько атаманов с аналогичным прозвищем. См.: Там же. С. 138, 219.

[35] Упоминается в 1615 г. См.: Там же. С. 99.

[36] В декабре 1611 г. гонец Лжедмитрия III под Москву. В 1614 г. его поместье отошло атаману М. Маркову. См.: Там же. С. 99, 162.

[37] Упоминается в 1614 г. В начале 1620-х гг. его оклад составлял 500 четей. См.: Там же. С. 99.

[38] Там же.

[39] Там же.

[40] Упоминается Г р е м ы к и н И в а н, атаман вольных казаков, перешедший в конце 1606 – начале 1607 г. на сторону В. Шуйского и сдавший ему Можайск. 20 февраля 1607 г. получил за это у царя жалование (Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 25).

[41] В апреле 1613 г. входил в ярославское посольство к М. Ф. Романову. С 1614 г. атаман. В мае 1613 г. писал, что служит «на Поле и на Руси и под Москвой третий год без съезда». В начале 1620-х гг. его оклад составлял 400 четей. (Там же. С. 99).

[42] В апреле 1613 г. входил в ярославское посольство к М. Ф. Романову. В 1616 г. получил из Галицкой чети оклад 10 руб. (Там же. С. 99).

[43] В апреле 1613 г. входил в ярославское посольство к М. Ф. Романову. (Там же. С. 99).

[44] Утин Кипреян – двоюродный брат Т. Юдина. В 1615–1617 гг. есаул. В 1618 г. поместный атаман; Утин Третьяк – в 1615–1617 гг. есаул. В 1618 г. поместный атаман. (Там же. С. 99, 102).

[45] Там же. С. 99.

[46] В 1616 г. казак (Там же. С. 99).

[47] В источниках упоминается Н е д ь я к о в С е р г е й, казак в войске М. И. Баловнева. После разгрома в августе 1615 г. из тюрьмы пошел в кабалу (Там же. С. 146).

[48] В источниках упоминается М е д в е д ь (Григорьев) В а с и л и й, атаман полка Трубецкого; в конце марта 1613 г. послан от Земского собора к И. М. Заруцкому с грамотами. Был посажен И. М. Заруцким в тюрьму. Затем, ограбленный, отправлен в Москву с грамотами И. М. Заруцкого. В 1615 г. вместе со станицей из 42 казаков владел починком Левинским и 12 пустошами в Одоевском уезде. (Там же. С. 67).

[49] В источниках упоминается Ш е с т а к о в (Ш е с т о в) В а с и л и й, атаман, бывший холоп А. Клешнина. Осенью 1606 г. вместе с атаманом Соломой послан И. И. Болотниковым захватить Можайск, Вязьму и Волок. 22 сентября 1606 г. получил в Иосифо-Волоколамском монастыре 10 руб. (Восстание И. Болотникова: документы и материалы. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 133, 302, 368).

[50] В 1616 г. казак (Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 99).

[51] В 1608–1610 гг. казак (Поименная роспись казаков и их пленных // Stokholm Riksarkivet Skuklostersamlingen Ryska brev. E. 8610 (1). Старый: № 344. № 33).

годский, Григорий Петров сын Глуховский, Иван Михайлов сын Рязанова, Михаил Юрьев сын Попайлов, Даниил Тимофеев сын Губина, Даниил Юрьев сын Мартюхин, Обаим Володимиров сын Зиновьев, Сергей Лонской, Федор Холопов – всего 33 человека[52]. По всей видимости, именно эти люди повели за собой Казачий круг, а затем и членов Земского собора.

Вновь овладев инициативой на заседании Собора, члены «романовского кружка» уже не выпустили ее из своих рук. Опираясь на опыт предвыборной кампании Василия Шуйского в 1606 г., они организовали обращение с Лобного места к народу о царском избрании и без особого труда добились поддержки своего кандидата. Затем они явились в Кремль во главе огромной толпы народа и заставили членов Земского собора принести присягу М. Ф. Романову[53]. К 25 февраля 1613 г. сопротивление бывших членов Семибоярщины и руководства Земского ополчения было окончательно сломлено. В города и уезды России были отправлены грамоты с известием об избрании царя и проведении присяги на верность новой династии. В последних числах февраля посольство Земского собора, возглавляемое архиепископом Рязанским Феодоритом и боярином Ф. И. Шереметевым, выехало в Костромской Ипатьевский монастырь и 14 марта 1613 г. «умолило» М. Ф. Романова принять Московское царство. По возвращении в Москву он был венчан шапкой Мономаха. Длительная избирательная кампания закончилась полной победой романовской группировки[54].

Проведенный анализ событий 1612 – начала 1613 г. позволяет прийти к выводу, что руководство Земского ополчения, тщательно подготовившее избирательный Собор, допустило ошибку, выдвинув в качестве своего главного кандидата не пользовавшегося популярностью в стране кн. Д. Т. Трубецкого. Это заставило оппозицию объединиться вокруг кандидатуры М. Ф. Романова – человека, не обладавшего задатками государственного деятеля, за спиной которого в то время не было влиятельной боярской группировки. Умело организованная А. Палицыным и его помощниками агитация помогла приверженцам М. Ф. Романова сначала получить поддержку Казачьего круга, затем представителей низшей курии Земского собора и, наконец, с помощью казаков и москвичей добиться избрания своего кандидата. Народ возвел Михаила Романова на престол, но все чаяния казаков и простолюдинов на справедливость и лучшую долю оказались тщетными. Вскоре после водворения царя в Москве новые «лихие бояре» из числа его родственников подвергли унижением и опалам руководителей Ополчений, организовали в 1613–1614 гг. настоящую войну с казаками и использовали полученную власть для собственного обогащения. Понадобилось еще пять лет, чтобы вывести, наконец, страну из Смуты.

[52] Сторожев В. Н. Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1 // Записки Императорской академии наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1906. Т. 9, № 1. С. 13–37.

[53] Палицын А. Сказание. С. 230–239; Утвержденная грамота … С. 43–44.

[54] Палицын А. Сказание. С. 230–239; Утвержденная грамота … С. 43–44; Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 95; Арсеньевские шведские бумаги … С. 30–31.

I. O. Tyumentsev

The Cossacks at the Electoral Zemsky Sobor of 1613

Key words: the Time of Troubles, the Zemsky Sobor (Assembly of the Land), the tsar election, political fight, the role of noblemen and Cossacks, Boyar groups.

Abstract: The article explores the role of the Cossacks in the work of the electoral Zemsky Sobor of 1613. For the first time the author has managed to reveal personalia of the members of the “Romanov Circle” and the Cossacks who played a crucial role in the victory of Mikhail Fiodorovich Romanov firstly at the Cossack circle, and later at the Zemsky Sobor.

О. В. Скобелкин

Натуральная составляющая «выходного» жалованья служилых «немцев» в Московском государстве в 10-х гг. XVII в.

Иноземцы, которые приезжали на службу в Россию или же переходили на русскую сторону из армии противника во время боевых действий и затем поступали на русскую службу, получали за это особую награду. Поскольку такие приезды или переходы назывались «выходом на государево имя» или «выездом на государево имя», награда за «выезд» или «выход» в документах той эпохи называлась «выездное жалованье», «выезжее жалованье», «пожалованье за выход», но чаще всего – «выходное жалованье».

Для XVI столетия, в силу состояния источниковой базы (отсутствие материалов приказного делопроизводства и, как следствие, получение данных о служилых «немцах» в России почти исключительно из записок иностранцев), эти термины неизвестны. Однако само явление известно, по крайней мере, со второй половины XVI в.

Судя по «Автобиографии» Генриха Штадена, он, оказавшись в России, после допроса в Посольском приказе получил кормовую память на ежедневное получение денег и меда. Тогда же ему «выдали в подарок шелковый кафтан, сукно на платье, а также золотой»[1]. «Подарок», без сомнения, и являлся «выходным» жалованьем, которое в данном случае включало дорогую одежду, материю и денежную выплату.

Рассказывая о наделении служилых иноземцев поместьями, Штаден пишет, что «вместе с тем [жалуется им] платье, сукно и шелковая одежда, несколько золотых, кафтаны, подбитые беличьим мехом или соболями»[2]. Полагаю, здесь также следует видеть «выходное» жалованье, а не некую добавку к полученной поместной земле. Автор «Записок», по-видимому, исходя из личного опыта, объединил эти два совершенно разных вида жалованья, хотя в других случаях их получение могли разделять годы – от приезда в Россию до испомещения.

Маловероятно, чтобы случай с «подарком» Штадену был уникальным; скорее всего, мы имеем дело с системой выплаты «выходного» жалованья, которая во второй половине XVI в. складывалась или уже сложилась. Другое дело, что в этот период слишком мало было «выходцев на государево имя» – в условиях многочисленных войн преобладали иные пути, приводившие иностранцев на службу Московскому государству.

Получали «выходное» жалованье и те иноземцы, которые вступали на русскую службу, оказавшись в русском плену. Джером Горсей, рассказывая о попавших в плен 85-ти шотландцах и трех англичанах, которым он помог поступить на русскую службу, говорит, что «им дали деньги, одежду и назначили ежедневную порцию мяса и питья»[3]. Если «порция мяса и питья» была тем, что в документах XVII в. называлось поденным кормом, то разовую выдачу денег и одежды нельзя расценивать иначе, как жалованье за переход «на государево имя».

В приведенных свидетельствах любопытной деталью является упоминание о выдаче одежды. А. В. Беляков, исследовавший состав жалованья за приезд, выдававшегося Чингисидам в XVI–XVII вв. (по предположению исследователя, эта традиция стала складываться еще в XV в.), приводит множе-

[1] Штаден Г. Записки немца-опричника. М.: РОССПЭН, 2002. С. 92.

[2] Там же. С. 81.

[3] Горсей Дж. Путешествия сэра Джерома Горсея // Горсей Дж. Записки о России, XVI – начало XVII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 70.

ство примеров, из которых следует, что Чингисиды, помимо всего прочего, получали одежду, головные уборы и обувь[4]. Если свидетельства процитированных иностранных авторов верны, вполне возможно, что во второй половине XVI в. традиция, сложившаяся в отношении Чингисидов, была в какой-то своей части перенесена и на приезжающих «немцев». Однако даже если это и было так, то традиция выдавать одежду «немцам» эпоху Смуты, кажется, не пережила: ни в 10-х, ни в 20-х гг. XVII в. мне не встретилось ни одного случая, когда какие-то элементы костюма включались бы в состав «выходного» жалованья.

Для первого десятилетия XVII в. пока не удалось разыскать сведений о «выходах» и, соответственно, выдачах «выходного» жалованья. Лишь с 1613 г. известные мне документы начинают фиксировать такие выдачи. Данные о них за период с 1613 по 1616 г. помещены в таблице 1. Зафиксированные в таблице случаи назначения и/или выплаты «выходного» жалованья являются случайной выборкой, о репрезентативности которой судить трудно, поскольку и в силу сохранности источников, и в силу отсутствия в России рассматриваемого периода практики составления каких-либо всеобъемлющих списков служилых иноземцев вообще и «выходцев» в частности генеральная совокупность неизвестна. Именно поэтому высказанные ниже соображения представляют собой пока еще только рабочую гипотезу.

Как видно из таблицы 1, натуральная составляющая «выходного» жалованья в 1613–1616 гг. включала в себя четыре компонента: 1) металлическую посуду для питья; 2) меха; 3) ткани; 4) лошади. Исходя из имеющихся данных, можно говорить о своего рода иерархии трех первых компонентов: наиболее статусными были вещи, затем шли меха, а наиболее «демократичным» компонентом были ткани. При этом последние являлись как бы обязательной, базовой, частью жалованья (ткани получали все), к которой при необходимости добавлялись меха, а уже к тканям и мехам могла добавляться и посуда.

Каждый из этих компонентов имел свою внутреннюю иерархию.

Посуда

Наиболее ценными здесь были золоченый кубок и серебряная братина, которые получил князь А. Астон – человек, чей социальный статус был неизмеримо выше, чем у всех остальных «выходцев». Кроме того, следует иметь в виду, что жалованье Астону и членам его отряда было, скорее всего, не вполне «выходным». Хотя так оно и названо в документах, тем не менее, это, возможно, была одновременно и награда за участие в боевых действиях против «литовских людей и черкас» на севере еще до поступления на русскую службу[5].

Следующую «ступеньку» в иерархии занимают ковши. Они тоже имели разные «ранги», но из-за сравнительной немногочисленности данных и разницы в характеристиках ковшей (вес, цена или материал изготовления) в документах разного типа пока вряд ли возможно выстроить эту иерархию целиком. Явно, что из всех приведенных случаев наиболее статусными были полученный Я. Шавом ковш в 2 гривенки (ему соответствуют большая денежная сумма, статусный набор тканей и выданный за выезд конь), а также серебряный ковш (ни вес, ни цена не указаны) «датского дворянина» М. Мартынова (относительно «средние» денежная сумма, набор мехов и тканей, но также присутствует выданный конь). Скорее всего, ковш Шава по каким-то характеристикам был «лучше» ковша Мартынова, но по каким – остается только догадываться. Также ясно, что вес и цена ковша определяли его положение в иерархии этого типа посуды (чем тяжелее или чем дороже, тем почетнее было жалованье), однако сравнить ковши по разным показателям (ковш весом в гривенку и ковш ценой в 3 руб.) не представляется возможным.

И наконец, третью группу посуды составляют чарки. О том, что они занимают самую нижнюю «ступеньку» в иерархии посуды, свидетельствует то, что их давали «выходцам», которые получали минимальные денежные суммы из числа всех, в чье «выходное» жалованье входила посуда.

Меха

Иерархия мехов, исходя из представленной информации, выстраивается следующим образом: 1) соболя; 2) куницы; 3) лисицы. Внутри каждой группы также была своя иерархия, определявшаяся ценой: соболя и куницы – за «сорок», лисицы – за шкурку. Правда, в отношении последнего вида мехов есть определенные сомнения: из всех известных мне случаев назначения или выдачи «выходного» жалованья в 1610– 1620-х гг. лисья шкурка была выдана только однажды – А. Астону в 1614 г. Поэтому вполне возможно, что мех лисицы в норме вообще

[4] Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мір, 2011. С. 329–333.

[5] При выдачах жалованья статьи пожалования часто совмещались (Малов А. В. «Выход» и «выходцы» на завершающем этапе Смуты (1613–1619): определение терминологических границ (по данным расходных книг Казенного приказа) // Смутное время: итоги и уроки: сборник материалов 2-й Всерос. науч. конф., Иваново – Кохма – Шуя, 20–22 апр. 2012 г. Иваново: Иваново, 2012. С. 159. Об отряде А. Астона см.: Скобелкин О. В. Иностранцы на Русском Севере в годы Смуты // Исторические записки: науч. тр. ист. фак-та ВГУ. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 5–20.

не входил в состав «выходного» жалованья «немцам», а выдача его Астону была вызвана какими-то конкретными причинами (например, нехваткой в тяжелый в фискальном отношении 1614 г. куньих шкурок нужной цены и качества).

Ткани

Что касается основной натуральной составляющей «выходного» жалованья, то иерархия тканей выглядит так (снизу вверх): 1) сукно; 2) тафта; 3) камка; 4) бархат. При определении соотношения разных сортов одной и той же ткани исследователь сталкивается с определенными трудностями, связанными с особенностями приказного делопроизводства эпохи. Дело в том, что Панский (Иноземский) приказ, Разряд, Посольский приказ – с одной стороны, и Казенный приказ – с другой, использовали разную терминологию для обозначения одних и тех же сортов одной и той же ткани. Первые обычно оперировали категориями качества: «середнее» (этой категории соответствовало, кажется, использование просто названия ткани – «сукно», «камка» и т. п.), «доброе», «лутчее». Эта лексика использовалась в документах о назначении жалованья. Кроме того, как правило, в различных выписках об уже полученном жаловании, сделанных post factum, могли использоваться названия сортов, типа «лундыш», «адамашка» и др. Казенный же приказ (Казенный двор) в документах о выдаче тканей использовал только названия сортов, причем не совпадающие с названиями в документах других приказов; при этом обязательно указывался еще и цвет ткани. Соотношение терминологии разных ведомств в описании тканей – весьма любопытный исследовательский сюжет, однако его рассмотрение в задачу настоящей статьи не входит.

Еще одна исследовательская трудность связана с низким уровнем сохранности источников. В мае 1626 г., во время «московского большого пожара» сильно пострадали архивы многих приказов и в том числе Панского (того самого ведомства, где откладывался основной массив документов о службе «немцев» в России). В силу этого мы редко имеем для одного и того же иноземца одновременно данные и о назначении «выходного» жалованья, и о его выдаче; обычно приходится иметь дело с документами, зафиксировавшими либо назначение, либо уже факт выдачи с подробным перечислением выданного. Учитывая, что подробные описания тканей, выдававшихся иноземцам с Казенного двора, также представляют собой материал для отдельного исследования (а сбор и анализ этих данных автором настоящей статьи еще продолжается), мы пока ограничимся беглым анализом тех данных, которые содержатся в документах о назначении жалованья или в последующих выписках о его получении (в таблице 1 они помещены в столбце «Ткани – назначено»).

Своего рода «базовой» тканью, которую получали абсолютно все «выходцы», было сукно. Как отметил А. В. Малов, один тип пожалования для всех категорий «выходцев» был общим – пожалование портищем сукна на кафтан[6]. Сукна разделялись на средние (или просто сукна) и добрые. Параллельно с этим делением источники фиксируют еще две категории сукна – «багрец» и «лундыш». Сукно «лундыш», по-видимому, и было «сукном добрым», которое чаще всего назначалось «выходцам». Что же касается «багреца», то из контекста явствует, что это именно сорт сукна, а не название его цвета, который обозначался прилагательным «багровый»[7] (что, впрочем, не исключает, что сукна этого сорта были всегда только багрового цвета). Судя по контексту упоминания, хотя и единственного, «багрец» был более ценным, нежели «лундыш».

Тафта упоминается только двух категорий – просто «тафта» и «тафта добрая». Камка, помимо деления на просто «камку» и «камку добрую», в изученных источниках еще разделяется на «куфтерь» и «адамашку»; причем первая была более ценной. И наконец, самая престижная ткань – бархат – разделяется в источниках на «бархат гладкий», «бархат рытый» и просто «бархат». Единственное упоминание «бархата гладкого» позволяет предполагать, что это была наиболее дорогая и наиболее статусная категория бархата. Что же касается бархата «рытого» и просто «бархата», то возникает впечатление, что так в разных источниках назывался один и тот же сорт этой ткани.

За 1617 г., к сожалению, пока не удалось разыскать данных о «выходном» жалованье «немцам». Зато с конца лета и до конца 1618 г., в связи с массовыми переходами европейских наемников из армии Владислава на русскую сторону, таких свидетельств в два раза больше, чем за 1613–1616 гг. Данные о назначениях «выходного» жалованья перебежчикам 1618 г. приведены в таблице 2 и расположены в порядке убывания размеров выплат.

Как видно из таблицы, перебежчики 1618 г. получали гораздо более «демократическое» жалование, нежели «выходцы» предшествующих лет. Лишь четверо из 67-ми учтенных иноземцев были пожалованы соболями, отсутствуют пожалования бархатом. Зато подавляющее большинство (58 человек) должны были получить только один вид ткани – сукно, а из них почти половина (18 человек) самый непритязательный сорт – просто «сук-

[6] Малов А. В. Указ. соч. С. 159.

[7] Например, капитану ирландской роты Т. Юстосу за оборону Арбатских ворот было выдано «четыре аршина сукна лундышу багрового» (РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 2. Кн. 204. Л. 56).

но». Правда, здесь мы встречаем, казалось бы, еще одну категорию сукна – «лучшее», чем были пожалованы два французских петардных мастера Я. Без и Ю. Безсон «за выход и за прямые вести, что они, пришод, про приступ сказали»[8]. Однако на практике «лучшее» сукно оказалось всё тем же «лундышем»: французы получили «по два портища сукна лундышу по четыре аршина в портище, одно портище – шефранной цвет, другое – крапивной цвет; цена всем – по рублю по дватцати по шти алтын по четыре деньги аршин»[9].

[8] Подробнее о Я. Безе и Ю. Безсоне см.: Скобелкин О. В. Французы, которые помогли отстоять Кремль в 1618 году // Мининские чтения: тр. науч. конф., Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского (20–21 окт. 2006 г.). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 119–123.

[9] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 204. Л. 63.

O. V. Skobelkin

Non-monetary Component of the "Coming" Payment for Foreign Mercenaries ("Nemtsy") in the 1610-s Muscovite state

Key words: "Germans", outlanders, pay, Muscovite state, the 17th century.

Abstract: The article analyzes the practice to pay Western Europeans who had come to the Russian service or defected to the Russian side from the opponent army a special pay "for coming". Apart from the monetary pay to outlanders, the part and parcel of this type of award fee were different kinds of fabric,sometimes furs, tableware and horses could also be included.

Приложение

Таблица 1

Выплаты «выходного» жалованья 1610-х гг. (до 1618 г.)[1]

№	Имя	Земля[2]	Чин	Год	Посуда[3]	Деньги (руб.)[4]	Меха[5]	Ткани – назначено	Ткани – выдано	Лошади	Источник
1	Алман Балсырь	Лифляндия		1613					Сукно настрафиль вишневый – 3,75 аршина / 2 рубля портище		РКТВ-16136. С. 163
2	Антур Анц			1613					Сукно настрафиль вишневый – 4 аршина / 2 рубля портище		РКТВ-1613. С. 155
3	Арбен Петр	Лифляндия		1613					Сукно настрафиль вишневый – 3,75 аршина / 2 рубля портище		РКТВ-1613. С. 163
4	Бан Ян		Шляхтич	1613		30	Соболя 1	Бархат, сукно лундыш			РГАДА. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Ед. хр. 52. Л. 115
5	Бий Симан	Ирландия	Капитан	1613		20		Бархат рытый – одно портище; сукно доброе лундыш	Бархат алый кизыл-башский – 8 аршинов / 30 алтын за аршин, сукно настрафиль вишневый – 4 аршина / 18 алтын 2 денги за аршин	Лошадь с конюшни	РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 114–115; Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Ед. хр. 45. Л. 200; РКТВ-1613. С. 154–155
6	Бюст Давыд		Шляхтич	1613		30	Соболя 1	Бархат, сукно лундыш			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 115
7	Вуд Ян		Поручик	1613		30	Соболя 1	Бархат, сукно лундыш			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 115
8	Микулаев (Миколаевич) Иван		Пинарщик	1613					Сукно настрафиль лазоревый – 3,75 аршина / 2 рубля 4 алтына 2 денги		РКТВ-1613. С. 207
9	Мутр Андрей		Поручик	1613		30	Соболя 1	Бархат, сукно лундыш			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 115
10	Памросов Петр	Франция		1613					Сукно настрафиль вишневый – 3,74 аршина / 2 рубля		РКТВ-1613. С. 232

№	Имя	Земля[2]	Чин	Год	Посуда[3]	Деньги (руб.)[4]	Меха[5]	Ткани – назначено	Ткани – выдано	Лошади	Источник
11	Руденф Ян Гамрашин	Франция		1613					Сукно настрафиль вишневый – 3,74 аршина / 2 рубля		РКТВ-1613. С. 232
12	Оп Симан	Шотландия	Капитан	1613		20		Бархат рытый – одно портище; сукно доброе лундыш	Бархат алый кизылбашский – 8 аршин / 30 алтын за аршин, сукно настрафиль вишневый – 4 аршина / 18 алтын 2 денги за аршин	Лошадь с конюшни	РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 114–115; Ф. 210. Оп. 13. Ед. хр. 45. Л. 200; РКТВ-1613. С. 154–155.
13	Астон Артур	Англия	Князь	1614	Кубок золочен, братина серебряная / 3 гривенки	100	Соболя 1/30, куницы 1/12, лисица черная /10	Бархат гладкий, бархат рытый, камка куфтерь, камка адамашка сукно багрец доброе, сукно лундыш доброе		Конь, мерин	РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 123
14	Шав Яков	Шотландия	Ротмистр	1614	Ковш / 2 гривенки	35	Соболя 1/20	Бархат рытый, камка добрая, тафта добрая, сукно доброе		Конь	РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 123–124
15	Кар Джан	Шотландия		1614	Ковш / 1,5 гривенки	25	Соболя 1/17	Камка добрая, тафта добрая, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 124
16	Графин Джан		Прапорщик	1614	Ковш / 1,5 гривенки	20	Соболя 1/16	Камка добрая, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 124
17	Графин Вилим			1614	Ковш / 1 гривенка	15	Соболя 1/16	Камка добрая, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 124
18	Герн Томас			1614	Ковш / 1 гривенка	15	Соболя 1/16	Камка добрая, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 125
19	Дромант Юрий			1614	Ковш / 1 гривенка	15	Соболя 1/16	Камка добрая, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 125
20	Форсей Давыд			1614	Ковш / 1 гривенка	15	Соболя 1/16	Камка добрая, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 126
21	Индриков Индрик			1614	Чарка / 2 р.	12	Куницы 1/12	Камка добрая, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 126

№	Имя	Земля[2]	Чин	Год	Посуда[3]	Деньги (руб.)[4]	Меха[5]	Ткани – назначено	Ткани – выдано	Лошади	Источник
22	Матвеев Томас			1614	Чарка / 2 р.	12	Куницы 1/12	Камка добрая, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 126
23	Кук Давыд	Шотландия (?)		1614/15	Ковш / 3 р.	20	Соболя 1/20	Камка, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 112–113
24	Кунигем Данил	Шотландия		1614/15	Ковш / 3 р.	20	Соболя 1/20	Камка, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 112–113
25	Орн Роман	Шотландия		1614/15	Ковш / 3 р.	20	Соболя 1/20	Камка, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 112–113
26	Унтор Якуб	Шотландия (?)		1614/15	Ковш / 3 р.	20	Соболя 1/20	Камка, сукно доброе			РГАДА. Ф. 35. Ед. хр. 52. Л. 112–113
27	Мартынов Мартын	Дания	Дворянин	1615[7]	Ковш серебряный	20	Соболя 1	Камка, сукно доброе		Конь	РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией). Ед. хр. 1 (1620). Л. 15
28	Азмон Степан	Цесарская область		1616				Тафта, сукно			РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 1
29	Карь Томас	Шотландия		1616			Соболя 1/15	Камка, тафта добрая, сукно доброе			РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 1
30	Крестьян Томас	Цесарская область		1616				Тафта, сукно			РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 1
31	Руперов Андрей	Любек		1616				Сукно середнее	«за сукно середнее деньгами пол-2 рубли»		РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 1
32	Шав Андрей	Шотландия		1616			Соболя 1/17	Бархат рытый, камка добрая, сукно доброе			РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 1

[1] Данные в таблице расположены в хронологическом порядке, внутри каждого года – в алфавитном порядке по фамилиям «выходцев».

[2] В XVII в. русские власти всегда выясняли, уроженцем какой страны был приехавший на службу «немчин». На языке приказного делопроизводства это называлось «какой земли». В таблице эти сведения, если они сохранились, помещены в столбце «Земля».

[3] Название / цена в рублях или вес в гривенках.

[4] Деньги были обязательной составляющей любого пожалования «за выход» в рассматриваемый период. Отсутствие записи в колонке «Деньги» не означает, что данное лицо получило только «рухлядь»; это означает, что пока информации о сумме выплаты разыскать не удалось.

[5] Количество сороков / цена одного сорока в рублях. Соболя и куницы исчислялись, хранились и выдавались «сороками» или «парами», однако выдачи «пар» в рассматриваемый период не зафиксированы.

[6] Расходная книга товарам и вещам (1613 г. сентябрь – 1614 г. июль) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1884. Т. IX.

[7] Приехал в 1614 г.; дата выдачи жалованья см.: Малов А. В. «Выход» и «выходцы» на завершающем этапе Смуты (1613–1619): определение терминологических границ: (по данным расходных книг Казенного приказа) // Смутное время: итоги и уроки: сборник материалов 2-й Всерос. науч. конф., Иваново – Кохма – Шуя, 20–22 апр. 2012 г. Иваново: Иваново, 2012. С. 192.

Таблица 2

Назначения «выходного» жалованья «выходцам» 1618 г.[1]

№	Имя	Земля	Чин	Деньги (руб.)	Соболя[2]	Ткани
1	Без Яков	Франция	Петардный мастер	30	1/20	Камка добрая, сукно лучшее
2	Безсон Юрий	Франция	Петардный мастер	30	1/20	Камка добрая, сукно лучшее
3	Вахуб Архибал	Шотландия	Сторожеставец и ротмистр	30	1/20	Камка добрая, сукно доброе
4	Камель Яган	Шотландия	Капитан	25	1/?	Камка добрая, сукно доброе
5	Володимеров Григорий	Шотландия	Шляхтич	13		Камка добрая, сукно доброе
6	Жакжел Вилим	Шотландия		10		Камка, сукно доброе
7	Гляднев Анц	Англия	Пятидесятник	10		Тафта, сукно доброе
8	Карвель Юзееск	Англия	Поручик	10		Тафта, сукно доброе
9	Ондреев Иван	Шотландия	Пятидесятник	10		Тафта, сукно доброе
10.	Ежоров Станислав	Пруссия		8		Сукно доброе
11	Кепка Матвей	Цесарская область		8		Сукно доброе
12	Костис Абрам	Англия		8		Сукно доброе
13	Леснитцкой Валента	Пруссия		8		Сукно доброе
14	Фанцнедр Захарьяш	Дания		8		Сукно доброе
15	Фарнетерш Юрий	Пруссия		8		Сукно доброе
16	Гон Симон	Пруссия		7		Сукно доброе
17	Гунд Рыцер	Англия	Рядовой	7		Сукно доброе
18	Иньгел Михел	Шотландия		7		Сукно доброе
19	Карл Петр	Пруссия		7		Сукно доброе
20	Рас Томас	Пруссия		7		Сукно доброе
21	Скобин Иван	Шотландия		7		Сукно доброе
22	Смет Данило	Англия	Пятидесятник	7		Сукно доброе
23	Тит Христоп	Цесарская область		7		Сукно доброе
24	Битнар Анц	Пруссия		6		Сукно доброе
25	Бюсь Григорь	Пруссия		6		Сукно доброе
26	Грабовской Михел	Цесарская область		6		Сукно доброе
27	Иванов Рыцер	Англия		6		Сукно доброе
28	Кансларь Иван	Цесарская область		6		Сукно доброе
29	Любисецкой Павел	Пруссия		6		Сукно доброе
30	Мартел Гаврилко	Шотландия		6		Сукно доброе
31	Ряир Индрик	Пруссия		6		Сукно доброе
32	Сом Михель	Пруссия		6		Сукно доброе
33	Субоз Степан	Цесарская область		6		Сукно доброе

№	Имя	Земля	Чин	Деньги (руб.)	Соболя[2]	Ткани
34	Фамархадр Милхерд	Цесарская область		6		Сукно доброе
35	Фентнарь Юрий	Цесарская область		6		Сукно доброе
36	Фуль Корнилко	Ирландия		6		Сукно доброе
37	Индрик Роборт	Шотландия		6		Сукно доброе
38	Андрусов Войтех	Шотландия		5		Сукно доброе
39	Беркон Давыд	Пруссия		5[3]		Сукно доброе
40	Вейкин Данила	Пруссия		5		Сукно доброе
41	Грузов Лавринко	Пруссия		5		Сукно доброе
42	Иванов Абрам	Пруссия		5		Сукно доброе
43	Мелерт Якуб	Пруссия		5		Сукно доброе
44	Павлов Яска	Пруссия		5		Сукно доброе
45	Слар Анц	Лифляндия		5		Сукно доброе
46	Буркович Петр	Пруссия		5		Сукно
47	Вартла Александр	Шотландия		5		Сукно
48	Веголть Андрюшка	Лифляндия		5		Сукно
49	Вишель Михель	Пруссия		5		Сукно
50	Голть Юрий	Пруссия		5		Сукно
51	Горнь Мартын	Пруссия		5		Сукно
52	Дыль Ян	Цесарская область		5		Сукно
53	Зоут Данилко	Пруссия		5		Сукно
54	Кастлер Андрей	Пруссия		5		Сукно
55	Кучервич Ян	Цесарская область		5		Сукно
56	Пигор Барташ	Пруссия		5		Сукно
57	Провст Поул	Пруссия		5		Сукно
58	Смет Юхон	Пруссия		5		Сукно
59	Тидин Якуб	Пруссия		5		Сукно
60	Штутцкой Гришка	Пруссия		5		Сукно
61	Шулма Балцар	Пруссия		5		Сукно
62	Спехч Ян	Шотландия		5		Сукно
63	Шултус Ян	Цесарская область		5		Сукно
64	Герт Яков	Гамбург		4		Сукно доброе
65	Кобрый Анц	Пруссия		4		Сукно доброе
66	Стасков Юрок	Пруссия		4		Сукно доброе
67	Хиз Хриштоп	Пруссия		4		Сукно доброе

[1] Таблица составлена на основе: РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. № 7. Л. 34, 41, 53–56, 65–70, 74, 81–90, 98–99, 101–104, 107–112, 153–163, 172, 177–178, 180–181, 256.

[2] В колонке «Соболя» в числителе указано количество «сороков», в знаменателе – цена одного «сорока».

[3] Получил 10 руб. и 2 сукна добрых на себя и на жену, «вышедшую» вместе с ним; следовательно, на него одного пришлось 5 руб. и сукно доброе.

А. А. Селин, Ю. Б. Фомина

После Столбова: трассирование границы в Ижорской земле в 1617–1618 гг.*

После отказа новгородцев присягнуть «всем городом» королю Густаву Адольфу, на фоне серьезных затруднений Москвы под Смоленском, обнаружившихся в 1615 г., Швеция и Московское государство начали обоюдное движение к миру. С лета 1615 г. спор велся только о его цене. Окончательно вопрос о ней был решен уже в Ладоге осенью 1616 г.: именно там было определено, что Орешек/Нотебург, Копорье, Ям и Ивангород с уездами отойдут к Швеции. На заключительных переговорах в д. Столбово речь шла о формулировке текста «вечного» мира, уточнялись и другие нюансы.

Тогда, в январе 1617 г., когда, думалось обеим сторонам, момент подписания был уже чрезвычайно близок, съезд будущих уполномоченных планировался уже на 1 марта (то есть еще по зимнему пути, до распутицы), «на прямом рубеже меж Ладоги и Орешка на реке на Кобоне середи мосту»[1]. Это очень хорошо демонстрирует незнание обеими сторонами места будущей границы, то есть границы между Ладожским и Ореховским уездами (буде такая существовала). В следующем проекте договора, подготовленном в середине января (середина января, между 14 и 20) послы уточняли, что встретиться предстоит «на прямом рубеже меж Ладоги и Орешка на реке на Лавуе на Ладожской дороге» (то есть там, где и прошла граница), и срок встречи был более реалистично отодвинут на 1 мая[2]. Окончательно же договорились выслать по три дворянина и по подьячему (писарю) «меж Орешка и Ладоги, на усть реки Лавуи и Ладожского озера июня к 1 числу»[3]. Таким образом, все межевание планировалось завершить к осени 1617 г. Однако намерения эти выполнить не удалось.

1 мая 1617 г. был вынесен боярский приговор: послать московских дворян Семена Иванова сына Жеребцова, Ивана Борисова сына Доможирова и дьяка Ивана Льговского межевать границу Новгородского и Ладожского уездов с Ижорской землей. С ними решено было из Москвы послать переводчика и двоих подьячих, а из Новгорода – 20 помещиков, 50 стрельцов с сотником и старожильцев. Перед отправкой на межевую службу Жеребцову с товарищами велено было выдать их годовые оклады «сполна и с подмогой», а новгородцам – выдать жалованье в Новгороде из городских доходов[4].

В Москве при подготовке к размежеванию со Швецией была проведена серьезная приказная (делопроизводственная) работа. В наказе Жеребцову с товарищами, составленном 31 мая, предписывалось съехаться с шведскими уполномоченными в двух местах: прежде всего «меж Ладоги и Орешка на усть Лавуи реки», в том месте, где эта река впадает в Ладожское озеро. Встретиться со шведскими комиссарами необходимо было на мосту, «которой мост обеих сторон людем через тою реку учинити» (что за идея: строить мост в устье реки!). В том случае, если ко времени прибытия комиссии Жеребцова мост через Лавую не был бы сделан, предписывалось его построить, а до этого стоять в г. Ладоге, уведомив, однако, шведских комиссаров о своем прибытии. Примечательно то место наказа, где говорилось о целях, которые послы должны были пре-

* В данной научной работе использованы результаты проекта «История конструирования политического пространства и мобильности: политическое воображение, социальные практики и материальные инфраструктуры», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 и 2014 гг.

[1] РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 3. Окончание статейного списка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. 1617, января и февраля. Л. 65.

[2] Там же. Л. 139–140.

[3] Там же. Л. 72–73.

[4] Там же. Д. 9. Отправление дворян С. Жеребцова с товарищами на межевой съезд. 1617. 1.05. Л. 1–5.

следовать, проходя трассу будущей границы вместе со шведскими уполномоченными: они должны были стараться как можно больше земли примежевать «на государеву сторону». Посольские дьяки писали в наказе: «А которые места и урочища сверх росписи прибудут, и… те места и урочища у собя и в росписи написать, да и на чертеж то все начертить, выспрося себе ж тайно»[5].

Межевые послы получили из Посольского приказа, кроме наказа, двух «верющих» грамот и двух образцовых записей о границе, важные документы, сохранявшиеся (и быстро, уже к 1 июня 1617 г., подготовленные) в архиве приказа: «список с межевальной записи князя Василья Звенигородского и дьяка Игнатья Софонова, список с межевальной записи Ермолы Коробова и дьяка Афанасия Малыгина, список с переводы межевальной записи свейских послов, межевавших с Коробовым и Малыгиным; список с выписки из межевальной росписи, которые места велено меж розводити Семену Скрыпицыну с товарыщи; список с росписи рубежа, присланной Коробовым в 106-м году». Таким образом, русские межевальные послы 1617 г. получили всю документацию, связанную с размежеванием по Тявзинскому миру. Кроме того, в Новгороде у послов (кн. Д. И. Мезецкого и А. И. Зюзина, осуществлявших временное, до прибытия из Москвы воеводы кн. И. А. Хованского, управление возвращенным городом) Жеребцов с товарищами должны были получить «Роспись рубежам и рубежам чертеж»[6]. Жеребцову особо указывалось настаивать на передаче московской стороне семи погостов Копорского уезда, земли в которых при царе Федоре Ивановиче (то есть после Тявзинского мира) были розданы в поместья; отказаться от этого требования можно было только «по самой конечной мере»[7].

Движение со шведской стороны к месту съезда обнаружилось в середине лета 1617 г. 1 июля 1617 г. в Нотебург прибыло посольство Густава Стейнбока, призванное ратифицировать Столбовские договоренности. Вместе с ним прибыли шведские межевые комиссары. Ими служили Ю. Берендс из Стрёмсберга, К. Эрикссон из Мальгилы и секретарь Г. Йонссон[8]. Наместник Нотебурга Э. Нагерт уведомил о прибытии комиссаров своих соседей – ладожских воевод В. И. Неплюева и В. И. Змеева, который тотчас же сообщили об этом в Новгород и в Москву. В грамоте (написанной по-русски кем-то из жителей Орешка-Нотебурга, подозреваем, что И. Вериным) содержался упрек московской стороны в том, что шведы ожидают медлящих русских послов с ратификационными грамотами[9]. 5 июля шведские комиссары отправили русским межевым послам свою собственную грамоту с содержанием упреков в опоздании к межевому съезду[10]. Жеребцов получил эту грамоту еще вдали от Новгорода, в Бежецком Верху и оттуда писал в ответ своим партнерам, извиняясь, что не может в срок прибыть на назначенное место встречи, что они «измешкали в дороге за грязи и перевозы»[11]. Шведы же справедливо подозревали, что настоящей причиной задержки была неспокойная обстановка на дорогах[12].

Только 18 сентября 1617 г. Жеребцов добрался до Новгорода. Прибывший туда ранее Хованский с трудом входил в дело. Воеводские распоряжения выполнялись вяло. Назначенные к посольской службе 20 человек новгородских помещиков не являлись по его приказу. 5 дней Жеребцов прождал их в Новгороде, однако явилось к нему только 7 новгородцев, остальные дети боярские оставались в своих деревнях. Наконец, отчаявшись, 23 сентября Жеребцов двинулся из Новгорода к Ладоге. У Жеребцова не было даже переводчика. Не нашел он его и в Новгороде[13].

Для съезда нужно было построить мост. Посольский приказ повелел ладожским воеводам дать Жеребцову людей для этой постройки. Этому воспротивились воеводы Неплюев и Змеев. Когда Жеребцов вызвал к себе ладожского посадского старосту А. Иванова, воеводы явились к межевому послу с казаками и стрельцами, отняли у него старосту и запретили тому посылать на строительство моста ладожских посадских людей. На многократные требования подвод и людей Неплюев и Змеев первоначально отвечали отказом, а потом велели стрелецкому голове С. Унковскому выбрать для Жеребцова «худых деветнатцать кляч». Надо сказать, что Неплюев и Змеев менее полугода начальствовали в Ладоге, разоренной не столько войной, сколько под-

[5] Там же. Д. 9. Наказ С. Жеребцову, И. Доможирову и дьяку И. Льговскому, отправляемым на межевание. 1617. 31.05. Л. 9–77.

[6] Там же. Д. 9. Роспись дел, данных С. Жеребцову для межевания. 1617. 1.05. Л. 6–8.

[7] Там же. Д. 9. Список с росписи рубежам, присланной из Новгорода, и наказ по ней С. Жеребцову. 1617. 24.05. Л. 100–122.

[8] Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М.: Памятники ист. мысли, 2000. С. 481.

[9] РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Грамота нотебургского наместника Э. Нагерта ладожским воеводам В. И. Неплюеву и В. И. Змееву о прибытии в Нотебург королевских послов в Москву, а также дворян, посланных на межевой съезд. 1617, июля около 1. Л. 133.

[10] Там же. Д. 9. Перевод с листа от шведских дворян к русским дворянам, посланным на межевой съезд, с извещением о своем прибытии и с упреком в том, что никаких известий от русских они не имеют. 1617. 5.07. Л. 135–137.

[11] Там же. Д. 9. Грамота русского межевого посла С. И. Жеребцова к шведским посланным из Бежецкого Верха с извинениями за промедление. 1617 июля после 5. Л. 141–146.

[12] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 454.

[13] РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Отписка С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ с сообщением о прибытии в Новгород и отправлении к межевому съезду. 1617, сентября около 23. Л. 149–150.

готовкой к переговорам осенью – зимой 1617/18 г., когда в городе и окрестностях было сконцентрировано несколько тысяч шведских военных; все ресурсы у воевод были наперечет и отвлекать их на межевую службу было просто невозможно. В результате, простояв десять дней в Ладоге, межевые послы поехали на съезд. Съезжий мост на Лавуе делали присланные из Новгорода для охраны стрельцы[14].

Отписка Жеребцова, отправленная из Новгорода перед отъездом в Ладогу, попала в Москву только 7 октября и вызвала гнев судей Посольского приказа в адрес Хованского. 10 октября ему была послана грамота с выговором за неумение обеспечить посольство служилыми людьми (а по сути – овладеть ситуацией в недавно возвращенном Новгороде): в тексте грамоты утверждалось, что, по словам вернувшегося в Москву Мезецкого, при нем в Новгороде все служилые люди были налицо и разъехались по деревням только со вступлением в должность Хованского[15].

Уже тогда, осенью 1617 г., видимо, с осенней распутицей возник фактический разрыв правильной коммуникации Новгорода и Посольского приказа; еще хуже обстояло дело с сообщением между Посольским приказом и посольскими комиссиями. Пока в Москве думный дьяк П. Третьяков редактировал грамоту с выговором Хованскому, в Новгороде дьяк Т. Копнин, чью жену под Устрекой захватили «литовские люди», писал отписку о том, как были приняты и отправлены к местам службы межевые посольства С. Жеребцова и Г. Писемского[16] соответственно в Ижорскую землю и в Карелию.

Посольство кн. Ф. П. Борятинского, отправленное в Стокгольм для ратификации Столбовского мира, обогнало всех, кто Посольским приказом и Разрядом в середине лета был отправлен из Москвы на службу в Новгород (и Хованского, и обе межевых комиссии), и первым столкнулось со скучавшими в Нотебурге (Орешке) шведскими послами. Видимо, у них состоялась беседа: в своей отписке в Посольский приказ Борятинский писал, что необходимо скорее начать межевую работу, «чтоб пора не прошла и снеги не запали». 5 ноября отписку Борятинского получили в Москве, после чего в межевые посольства были отправлены грамоты об ускорении встречи со шведскими комиссарами[17]. Однако в момент написания в Москве этой грамоты Жеребцов уже несколько недель вел переговоры со шведскими комиссарами.

С первых дней переговоров шведская сторона выразила неудовольствие тем, как Т. Фанемин переводит содержание речей (думаем, что здесь инициатором был также знающий и русский, и шведский – добавим, также татарский, финский и немецкий языки – Э. Трана). Жеребцов вынужден был оправдываться тем, что взятый в Москве переводчик с шведского языка в дороге заболел и был оставлен русскими послами в Тихвине, после чего и пришлось взять в качестве толмача Т. Фанемина (чьим языком был немецкий).

Вскоре возникло новое обстоятельство, повлиявшее на ход переговоров: в тот же день, 18 октября, в шведский стан приехал Г. Стейнбок – глава посольства, направлявшегося для ратификации Столбовского мира в Москву. Это в значительной степени ускорило переговоры.

По отписке Жеребцова, шведские комиссары смогли собрать до 40 человек порубежных попов и крестьян. Дети боярские, посланные в окрестные с местом первого межевого съезда деревни, смогли отыскать только пятерых крестьян, да и те вскоре сбежали с места будущего съезда. У комиссии на протяжении всей ее работы катастрофически не хватало лошадей и подвод. «А которые дети боярские ноугородцы посланы с нами, да и старожилцы, которые были на Москве, сказывают, что до Сумерские волости порубежных живущих мест на твоей государевой стороне нет, и подвод и на прибавку людей взяти негде».

В ходе первого этапа переговоров вскрылось важное обстоятельство, не учтенное в ходе Столбовских переговоров. Крестьянин кн. И. Мышецкого Матюшка Комаров, находившийся при послах, сообщил им: «есть де на озере на Ладожском остров Зеленец, от устья реки Лавуи десеть верст, а имали с того острова оброк на Ладожской на Михайловской порог на реке на Волхове шестую рыбу да с ловцов по два алтына с человека, и тот де остров Зеленец ныне приворачивают немцы к Орешку, а называют ево Ореховским уездом». Жеребцов приказал провести сыск об этом острове в селе Кобона, у крестьян-рыболовов, «которые на том острове рыбу ловят». Крестьяне показали, что «до неметцкого владенья давали тот остров на оброк из Новагорода, а оброк с него имали на ладожской на Михайловской порог, а в старину де того оброку сходилось, коли ловцов было много, бочек по осьми, а иногды

[14] РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Отписка С. Жеребцова в Посольский приказ о том, что посланные с ними дети боярские и стрельцы не способны к межевальной службе, в Ладоге им не удалось получить нормальных подвод и о спорном острове Зеленце в Ладожском озере. 1617, октября около 23. Л. 223–230.

[15] Там же. Д. 9. Царская грамота из Посольского приказа в Новгород воеводе боярину кн. И. А. Хованскому с товарищами о немедленной посылке к С. Жеребцову остальных 13 детей боярских, не явившихся вовремя к межевальному делу. 1617. 10.10. Л. 151–152, 154, 159 (листы перепутаны).

[16] Там же. Д. 9. Отписка новгородского воеводы кн. И. А. Хованского в Посольский приказ о расходовании денег на межевание и об указании переписать суда по Волхову и Ладожском озеру для межевальных дел. 1617, сентября около 25. Л. 153, 155–158 (листы перепутаны).

[17] Там же. Д. 9. Царская грамота (из Посольского приказа) С. Жеребцову с товарищами о том, чтобы, сославшись со шведскими межевальщиками, начинать скорее межевать линию границы. 1617. 5.11. Л. 164–165.

и меньши. А Ладожского или Ореховского уезду тот остров, того они не ведают». Тут же возник первый спор русских и шведских межевщиков, с опорой на старожильцев: представленные шведами старожильцы утверждали, что остров Зеленец относится к Лопскому погосту, после чего шведские комиссары патетически высказались: если только шведы одного острова того погоста поступятся – тогда «и Орешка и Соломенского погоста поступятца». Обратясь к тексту договоренностей в Столбове, обе стороны поняли, что в них ничего не говорится о межевании Ладожского озера.

Данная ситуация создавала еще один важный прецедент: спор старожильцев друг с другом. Шведы предложили в дальнейшем, если такие споры будут возникать, «и наши де и ваши старожильцы меж себя учинили б веру, как бывал наперед сего: хто болши межу знает, и он возми з земли дерн и положи себе на голову, да и землю отводи». Однако это оказалось для Жеребцова с товарищами сюрпризом, и они запросили Посольский приказ и о спорном острове в Ладожском озере, и о возможности применять клятву «одернованием» при разрешении споров[18]. Посольский приказ и здесь поддержал Жеребцова, особенно в отстаивании прав на остров Зеленец, рекомендуя использовать в качестве доказательства новгородские писцовые книги. Было разрешено уступить его шведам только в случае самой крайней меры, при угрозе разрыва переговоров, первоначально предложив остров разделить пополам. В случае же противостояния позиций старожильцев Посольский приказ разрешал оба вида клятвы – и крестоцелование, и одернование (причем это обстоятельство специально обсуждалось в Посольском приказе, и было вынесено решение: «о спорной земле старожильцам давати велено на душу з жеребья крест целовати или дерн положа на голову»[19]).

Правильная коммуникация между Посольским приказом и межевым посольством Жеребцова так и не наступала. Если на отписку, высланную 23 октября и дошедшую до Москвы 15 ноября, приказ дал ответ только 11 декабря, то, не дождавшись никакой реакции из Москвы, следующие две отписки межевщики направили в Посольский приказ 4 января 1618 г., из Ложголова, то есть практически в конце всей трассы русско-шведской границы. Жеребцов писал, что от устья р. Лавуи они начали межевать границу 25 октября и межевали Теребужский погост, Малую Лопцу, Солецкий погост с Лопским и Ярвосольским погостами «прямой межей». Видимо, под этим выражением Жеребцов имел в виду действительную, настоящую границу между погостами. Так, делая свою работу, они дошли до Великого камня, где начался Тигодский погост, а неподалеку располагались земли Копорского уезда. Дойдя до этой точки, русские межевщики, руководствуясь наказом Посольского приказа, предложили шведам обсудить вопрос о семи погостах Копорского уезда, возвращенных под власть Москвы в годы войны 1590–1593 гг., будто бы приписанных к Новгородскому уезду и розданных в поместья: «испомещены в них были дети боярские ноугородцы и подати государевы всякие платили и под судом были в Новегороде», а от Копорья тем семь погостов были будто бы отведены. Шведы, разумеется, наотрез отказались обсуждать этот вопрос, найдя нехитрые аргументы: в конце XVI в. вся Новгородская земля, и Новгородский, и Копорский и прочие остальные уезды, были частью Московского государства, те же погосты, на которые ныне претендует Москва – «искони вечные Копорского уезду» (здесь совершенно прозрачна позиция старожильцев, поддержавших шведов). Действительно, во время Столбовских переговоров «в тех семи погостах в Копорском уезде» жили новгородские помещики. Но после утверждения кн. Д. И. Мезецким и Я. Делагарди текста Столбовского договора «те дети боярские ноугородцы захотели ити ко государю, а королю служити не похотели, и Яков де Пунтосов тот же час велел тех детей боярских ноугородцов ис Копорского уезду ис тех семи погостов из их поместий выслати вон». Таким образом, любые претензии Москвы на эти погосты, по логике шведов, не имели под собой никаких оснований.

Однако это не вполне так. Эпизод с попыткой московских посланных пересмотреть Столбовские договоренности и укрепить за Москвой еще и семь копорских погостов опирался на следующую последовательность аргументов. По Плюсскому перемирию 1583 г. Копорье, Ям и Ивангород с уездами удерживались шведской администрацией. Известно довольно мало о том, как управлялась эта территория в течение семи лет шведской власти (хотя есть некоторые не введенные в научный оборот источники, могущие пролить свет на этот вопрос). В любом случае, после отвоевания уездов Яма, Копорья и Ивангорода в 1590–1591 гг. их земли пошли в раздачу помещикам (без учета прежних владельческих прав, с нуля, как на новозавоеванной территории). Я. Боборыкин и Ф. Витовтов в феврале 1616 г. говорили об этом в Посольском приказе: «А Копорья уездом болши к Орешку и живущее и земля лутче, а к Новугороду Копорской уезд ближко помещиковыми землями, а не дворцовыми селы. А дворцовые села от Новагорода далече, верст за сто и болши, то звали Копорским

[18] Там же. Д. 9. Отписка С. Жеребцова в Посольский приказ о том, что посланные с ними дети боярские и стрельцы не способны к межевальной службе, в Ладоге им не удалось получить нормальных подвод и о спорном острове Зеленце в Ладожском озере. 1617, октября около 23. Л. 223–230.

[19] Там же. Д. 9. Выписка из наказа, данного С. Жеребцову с товарищами о семи погостах, в которых были розданы поместья новгородцам при царе Федоре Ивановиче. 1617, декабря около 11. Л. 238.

уездом. А помещиковы земли от Копорьи приписаны к Новугороду и называют Новгородцким уездом, и ведали к Новугороду, а х Копорье помещиковых земель не ведают»[20]. Таким образом, по непредвзятому мнению новгородцев, эти территории после войны 1590–1593 гг. перешли в Новгородский уезд.

В этом же месте произошел и еще один конфликт между старожильцами о принадлежности пустой д. Кондуи: шведские утверждали, что она относится к Ярвосольскому погосту, а московские (человек Ивана Секирина Олешко Назаров) – «что прямой меже быть выше той деревни», а сама она относится к Ильинскому Тигодскому погосту, написана в нем в писцовых книгах, а размер ее пашни составляет 2 чети с осьминой. Назаров сказал: если Кондуя отойдет немцам – то отойдет немцам земля Ильинского Тигодского погоста «лесу черного пашенного и непашенного, гарей и ржавцов и болот и мхов чистых вдоль и поперег на четыре версты». Жеребцов предложил шведам свериться с писцовыми книгами. Шведы отвергли это предложение, опираясь на то, что в записях Столбовского договора было записано: «сыскивать меж старожильцов, а не книгами» – и впервые предложили: пусть старожильцы либо крест целуют, либо дерн на голову кладут. Послы, считая обе эти меры крайними и чрезвычайными (ведущими к возможному греху клятвопреступления), отказались (в отписке в Посольский приказ Жеребцов писал, что без специального царского указа не посмел принуждать старожильцев к такой крайней мере, ставя в один ряд и крестоцелования и одернование).

Пройдя спорную пустошь, послы двинулись дальше: «…прошодчи то место, пошли прямою старинною межею от Лезенского мху верст с шесть до Ноугородцкой и Ореховской дороги, а от тех мест пошли новою межею по Ореховскому и по Копорскому уезду», И так они шли этими уездами 204 версты до пустоши Липово и, что составляло предмет особенной гордости Жеребцова с товарищами, «на тех на двусот на четырех верстах захватили Орешковсково и Копорсково уезда к Ноугородцкому уезду в ширину верст на семнатцать, а в ыном месте на десять и на восмь, а инде и менши». Шедшие с межевщиками русские старожильцы говорили послам, что старожильцы шведской стороны «по тому месту меж не знают», и обе комиссии шли по пути, указываемому старожильцами русской стороны. От пустоши Липово до р. Луги, где линия границы начиналась с местности Посестрина гора, оставалось 20 верст. В этом месте старожильцы шведской стороны «начали обходить Ноугородцкого уезда Дремятцкого погоста две деревни, деревню Бежаны да деревню Муравейно, а в них в обоих деревнях живущих четыре дворы». Жеребцов, с подачи своих «знатцов», указывал на это шведским комиссарам, которые вновь предложили прибегнуть к клятве; в результате и эти две деревни на время остались спорными. Дальше еще 50 верст обе комиссии шли по р. Луге без спора, до приграничной д. Сторонье, расположенной в Сумерской волости. Русское посольство остановилось недалеко от межи в д. Ложголове, а шведы пошли в Ямгород.

До Ложголова межевые комссии дошли к середине декабря (примерно в то время, когда из Москвы с грамотами выехал Василий Философов). 15 декабря в русский посольский стан приехал Э. Трана с предложением встретиться на р. Луге. На съезде русская комиссия озвучила последний участок границы, так как об этом было записано в договорных записях в Столбово (и потом сформулировано в посольском наказе): Крутым ручьем от Луги к Пяте, от Пяты в Плюссу, от Плюссы в Нарову. Однако Трана вновь выступил с секретным предложением. По словам Жеребцова, шведские комиссары «говорили затейные речи и умышленьем: старинная де межа Ямскому и Иванегородцкому уезду меж Сумерские волости и Гдовского уезда от Луги реки Долгою рекою вверх, а от Долгие реки на Поля и на Иссад к Петру и Павлу и до Чюцкого озера к их же немецкому городу к Сыренску, а Долгая, государь, река идет из Сумерские волости и захватили тою Долгою рекою треть Сумерской волости з живущими деревнями, а Гдовского уезда захватили от Ыванягорода помесных и монастырьских земель живущих мест на тритцать верст, а Нерова река вышла из Чютскова озера и шла до устья Плюсы реки по меже Гдовского и Ругодивского уезда, и рыбная ловля по Нерове реке словет Скамья, а ловят исстари псковские и гдовские рыбные ловцы пополам с ругодивскими да с сыренскими ловцы». Заметно, что в этом случае шведская сторона также начинала ловчить и предлагать пересмотреть уже достигнутые в Столбове договоренности. Жеребцов, для которого было невозможно согласиться на такие предложения, апеллировал к прежним разграничениям по Плюсскому перемирию 1583 г. и по Тявзинскому миру 1595 г. Однако Трана утверждал, что шведские комиссары не помнят досконально условий переговоров на Плюссе и Тявзинских договоренностей, однако в договоре в Столбово четко написано: уточнять линию границы у старожильцев, при том, что их старожильцы указывают, что «прямая» линия границы именно такая, как они говорят: по р. Долгой и далее – на Иссад. Здесь дело дошло до очной ставки: шведские комиссары представили «русских ямских крестьян», а московские – своих; перед ними положили межевальную роспись и чертеж. Интересно, что в данном случае, неожиданно для шведской стороны, русских комиссаров поддержал «изменник» Ф. Аминев[21].

[20] РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Расспросные речи Якова Боборыкина и Федора Витовтова в Посольском приказе о расстояниях в Новгородской земле. 1616, февраля между 10 и 21. Л. 181, 183, 182, 184 (листы перепутаны).

[21] Видекинд Ю. Указ. соч. С. 482.

Но на этом не завершилась интрига переговорного дня. Трана использовал аргументы внешнеполитические. Он обратился к московским послам с такой речью: «Вы де от нас вести, что вас у от Литвы делается таите, а у нас де из Литвы вести ежечасные, потому что лазутчики наши ходят в Литве и в Польше беспрестанно, и что у литовского короля делаетца в полате, и то у нас ведомо. Хотя вы что от нас и таите, ино мы вам скажем, литовской де королевич пошол к Москве и Дорогобуж и Вязьму взял, и стоит де ныне в Вязьме, только мы тому не радуемся, что королевич ныне у государя вашего городы емлет, и слышим, что он идет к Москве одною дорогою, а ещо бы де нам слышети, чтоб ему от Москвы бежати тысечма дорогами, и тому де бы мы стали радоватца». Надо сказать, что это было тонко исполнено: и угроза, и доброжелательность была высказана одновременно. Жеребцов, впрочем, отверг достоверность известий о столь страшной угрозе Москве (а в словах Траны, надо сказать, ничего не было, скажем, об известном рейде Сагайдачного через Северские города на Москву). По словам Жеребцова, русские послы ничего не слышали про поход Владислава под Москву, слышали только, что «литовские люди приходили немногие и государевы люди их побили». На этом данный тур переговоров завершился. При этом известия о походе Владислава на Москву прибыли, по сведениям Ю. Видекннда, в оба посольских стана еще в октябре, когда межевальщики стояли на Лавуе[22].

Не имевшее известий из Посольского приказа посольство Жеребцова оказалось в начале января 1618 г. в Ложголове в очень тяжелом положении. У него не было особенной возможности часто посылать гонцов в Москву (и в Новгород, соответственно), он жаловался на недостаток подвод: вся местность вдоль будущей границы была разорена, и посольство передвигалось на собственных лошадях. В условиях возобновления военных действий с Литвой у послов возникало острое беспокойство о собственной безопасности, в Ложголове «крепости никакой нет… от приходу литовских людей и от черкас укрепиться некем»[23].

А еще 11 января до посольского стана в Ложголове добрался наконец-то Василий Философов. Он привез долгожданные верительные грамоты из Посольского приказа. В тот же день состоялся посольский съезд, снова немного спорили о титулах грамот (шведы также предъявили новые, присланные из Стокгольма). Вопрос у русских межевщиков возник с переводом титула Густава Адольфа: в русском тексте было обозначено: «государь в Ижерской земле», шведские комиссары утверждали, что так писать правильно: «А что на последках написано и государь в Ыжерской земле, и по нашему де по свейскому языку инако нельзя того написать». В результате комиссии разменялись грамотами с короткими титулами своих государей. Обмениваясь грамотами, выяснили, что шведы предъявляют экземпляры, написанные по-шведски. За работу над ними сели два переводчика – Т. Фанемин и Э. Трана. Время и место следующего съезда стороны долго обсуждали ввиду ставшей реальной литовской опасности. Фанемин ездил из Ложголова в Ям звать шведских комиссаров съезжаться в д. Стороннее на Луге; шведы же предлагали вести переговоры в крепости Яма. Только 21 и 22 января состоялись новые посольские встречи на Луге. Шведы при этом всерьез опасались нападения: «мы внове проведали, что недруги польские люди в Юрьеве Ливонском скопляютца и приходу их на нас чаяти».

Наступал новый этап переговоров. Вся трасса границы была уже пройдена. Теперь надо было снять все накопившиеся спорные вопросы и подписать соглашение о границе. Делать это всё приходилось в обстановке военной опасности: нельзя было исключать внезапного рейда крупных сил Литовского государства на Новгород и Псков.

Во время споров о Зеленце в шведский посольский стан приехал гонец из Нарвы от Юлленъельма, сказавший, что у них «вести не тихи, и моршалок вам велел тот час ехать в город». Примерно одновременно в русский посольский стан приехали дети боярские, посланные в подъезд по гдовской дороге через Сумерскую волость, «а по вестем и во Гдовской уезд по которой дороге литовских людей чаяти приходу от Юрьева Ливонского». Сказали: «в Сумерской волости в Старопольской сотне по гдовской дороге и во Гдовском уезде во всех деревнях крестьяне з женами и з детми от приходу литовских людей розбежались, а чают приходу литовских людей от Юрьева Ливонского с часу на час». Таким образом, везде царила паника.

Позже выяснилось, что у паники были основания. В одной из своих последних отписок в Москву Жеребцов с товарищами писал, что после разъезда с шведскими послами на Луге крестьяне и разные другие люди рассказывали послам, что действительно был послан отряд «поляков и руских воровских казаков пятьсот человек, а велено было им на нас прийти изгоном на съезд на Лугу реку, и как мы с Луги реки с съезду поехали, и тем поляком весть учинилася, что мы с Луги реки поехали к Новугороду, и та де посылка воротилась назад». Тогда же в Гдове шведы поймали литовского лазутчика, который на пытке сказал: «было той посылке, поляком и русским вором заставать нас на Луге реке на съезде»[24].

[22] Там же. С. 454.

[23] РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Отписка С. Жеребцова в Посольский приказ о том, как шло размежевание, о спорных местах и о своем ожидании в Ложголове государевых верящих грамот. 1618. 4.01. Л. 239–249.

[24] Там же. Д. 9. Две отписки С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с. Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1618. 1.02 и 1618, февраля между 15 и 22. Л. 294–312, 314, 318–320, 317, 315, 321–334, 336 (листы перепутаны).

В середине января, прервав переговоры, шведские комиссары уехали в Ям, прислав в русский лагерь Трану, сказавшего, что комиссары ночуют одну ночь в крепости, а потом едут в Зарецкий острог и далее к Осиновой Горке, месту, где большая Ивангородская дорога пересекала будущую границу[25]. Шведы предложили русским ехать туда же и всё завершить одной неделей, после чего ехать восвояси.

Вскоре после 22 января Жеребцов со всеми служащими уехал из Ложголова ближе к Новгороду, в Бутковский погост (ср. карта). Место, которое межевые послы выбрали для временного стана, было с. Белое над Белым озером. 30 января в Белое приехал Трана, сообщивший, что шведские комиссары уже стоят в Зарецком острожке, а на Осиновой Горке «у них станы поделаны ж и избы поставлены». Русские послы выказали готовность также ехать к Осиновой Горке, только подготовив припасы. На следующий день, 31 января, Жеребцов получил от Хованского из Новгорода известие о том, что литовских людей видели в Лединках в 40 верстах от Новгорода и они собираются идти по Псковской дороге, «а та дорога к нам (в) встречю». Явно желавшие побыстрее укрыться где-то Жеребцов с товарищами писали, однако, в Москву, что «не доверша государева дела, ни в которой город ехать не смеем, а от литовских людей боимся». Тогда же Жеребцов послал в Новгород за провиантом и фуражом: ничего этого не было на Осиновой Горке[26]. По всей вероятности, обстановка военной опасности внесла в шведский посольский лагерь не меньше нервозности, чем в русский: сравнительно легко соглашаясь в этих случаях на русский вариант границы, шведские комиссары ссылались на недостаток времени, предупреждая, «что польские люди воюют около Ругодива», шведам некогда здесь стоять[27].

В первых числах февраля военная опасность стала особенно острой. Жеребцов писал, что в один из этих дней к ним в с. Белое «прибежал… Микитин крестьянин Тыркова Трофимко Иванов, а сказал, что он от литовских людей со псковские дороги ушол ис полону, а литовские де люди по псковской дороги от нас, где мы стоим, в тритцати верстах, и детей боярских и торговых людей ноугородцов и пскович многих побили, да и того де села, где мы стоим, крестьян побили ж, а иных в полон поимали, а спрашивают де литовские люди про воевод, где стоят воеводы». Таким образом, стало ясно, что и здесь целью литовских войск было захватить межевых послов – и русских, и шведских. После этих известий Жеребцов начал движение под защиту стен Новгорода и дошел до Никольского Вяжицкого монастыря. Здесь от монастырских служек посольство узнало, что Хованский выслал отряд против литовских людей и те отступили к Старой Руссе. Тогда посольство приняло решение возвращаться в с. Белое, вынужденно отпустив в Новгород детей боярских, а также стрельцов, у которых закончился провиант. 8 февраля шведские комиссары прислали в Вяжицкий монастырь служилого татарина И. Исупова с грамотой «с пенми и з грозами», что русские комиссары уклоняются от переговоров. Шведы призывали к 10 февраля встретиться на Осиновой Горке[28].

Собираясь ехать на этот тур переговоров, Жеребцов с товарищами отписали, однако, в Москву о том, что шведские комиссары торопят их с заключением договора о границе. Одним из затруднений являлось то, что в соглашении от 11 января было прописано, что в верительных грамотах обеих сторон титулы государей должны были слово в слово совпадать. На практике же этого не происходит. 5 февраля в русский посольский стан шведские комиссары прислали служащего у них копорского сына боярского Г. Опалева с грамотой. Комиссары писали, что русские уполномоченные медлят с межеванием и звали их на съезд, грозя, что если те не приедут через четыре дня (видимо, 7–8 февраля), то Берендс с товарищами едут к королю. Жеребцов с товарищами послали в Зарецкий острог Н. Тыркова сообщить шведским комиссарам, что русские межевые послы прибудут на Осиновую Горку к 10 февраля, но не могут подписать соглашения о границах, так как титулы государей в верительных грамотах не совпадают[29].

Хованский действительно сумел отогнать от Новгорода врагов: «послал на литовских людей дворян, детей боярских и казаков, и литовские люди, про то прослыша, побежали». На пути послов к с. Белому к ним вернулось 10 человек детей боярских, привезли стрельцам провиант на месяц, и 13 февраля Жеребцов со всей своей свитой двинулся назад, к Осиновой Горке. Не доходя трех верст до места съезда, послы послали П. Судакова узнать, вернулись ли к Осиновой Горке шведы. 15 февраля состоялся новый съезд со шведами на рубеже на конях[30].

[25] РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Отписка С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ о том, что дети боярские от них разъезжаются, об известиях о литовских людях в Новгородском уезде и о предложении шведских межевальщиков встретиться на Осиновой Горке. 1618. 1.02. Л. 291–293.

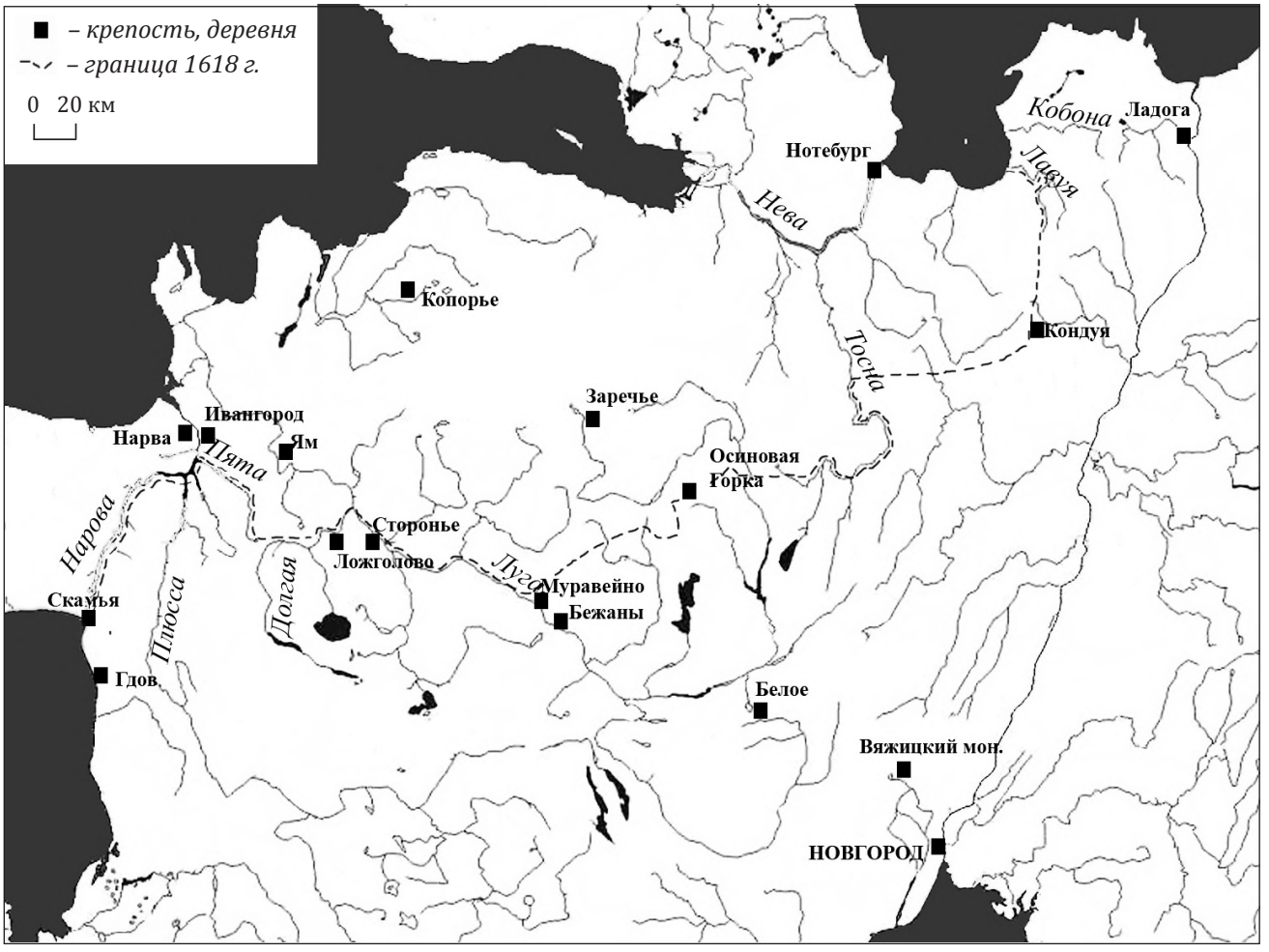
[26] Там же. Д. 9. Две отписки С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1618. 1.02 и 1618, февраля между 15 и 22. Л. 294–312, 314, 318–320, 317, 315, 321–334, 336 (листы перепутаны).

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же. Д. 9. Отписка С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая о намеченной со шведами встрече на Осиновой Горке 10 февраля. 1618. 5.02. Л. 313, 316 (листы перепутаны).

[30] Там же. Д. 9. Две отписки С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1618. 1.02 и 1618, февраля между 15 и 22. Л. 294–312, 314, 318–320, 317, 315, 321–334, 336 (листы перепутаны).



Граница Новгородского, Ладожского и Гдовского уездов Московского государства с Ореховским, Копорским, Ямским и Ивангородским уездами, переданными Швеции по Столбовскому миру 1617 г.

Призывая русских межевальщиков на Осиновую Горку, шведы сообщали о предпринятых ими мерах безопасности: «А до съезду велели мы на своей стороне зделати острог и около острогу велели ров копати и крепости поделати, чтоб тут стоять нам от польских людей бесстрашно». В новопостроенный острог шведы намеревались, по их словам, привести до 300 солдат «с пушечными и другими запасами»[31].

На возобновившихся переговорах первым вновь встал вопрос о спорном острове Зеленце. Другим важным спорным местом в переговорах выступали упомянутые деревни Бежаны и Муравейно, расположенные на правом берегу Луги, в среднем ее течении; они относились к Дремяцкому погосту Шелонской пятины, таким образом, по букве Столбовских договоренностей, должны были остаться в Московском государстве. Шведы достаточно легко отказались от претензий на эти деревни, не прибегая даже к приведению старожильцев к крестному целованию. Русским межевым послам удалось настоять и на установлении границы Сумерской волости и Гдовского уезда с Ямским и Ивангородским уездами по «старым межам». Еще не окончилось посольство, а граница в этом месте была размежевана[32].

В целом переговоры завершились к 19 февраля, затянувшись на три недели, а не на неделю, как представлялось шведами. 19 февраля Никита Тырков, приехав из Зарецкого острожка, сообщил о согласии шведов на переговоры (в тот же день из Москвы со вторым экземпляром верительных грамот приехал стрелецкий пятидесятник М. Судоплатов). Тогда же, 19 февраля, произошел съезд межевых по-

[31] Там же.

[32] Там же.

слов. Видимо, в эти последние дни продолжалась совместная работа переводчиков Фанемина и Траны над переводом шведских верительных грамот (были составлены еще 1 мая 1617 г.), а также образцовой записи о границе, составленной еще в феврале 1617 г. в Столбове[33]. Примечательно, что именно в эти же дни в Посольском приказе был составлен указ послам заключить со шведскими уполномоченными договор о границах и с особым вниманием отнестись к написанию в нем царских и королевских титулов[34]. Таким образом, только после получения последних инструкций, уже на Осиновой Горке, Жеребцов с товарищами смог закончить свою миссию. Окончательно договор о границе был подписан 28 марта 1618 г.[35]. Размежеванная граница мало охранялась вплоть до осени 1629 г. – но это уже другая история.

Важное место в локализации границы имеют работы петербургских географов, прежде всего – А. И. Резникова. Именно его в соавторстве с Е. С. Степочкиной статья[36] дала важный импульс для любительского поиска в зоне русско-шведской границы XVII в. Надо сказать, что благодаря деятельности историков-любителей сегодня практически все сохранившиеся межевые камни зафиксированы на местности, получили GPS (не ГЛОНАСС) привязку, несмотря на труднодоступность, почти все участки границы прослеживаются в пространстве. Видимо, это та точка, где усилия «любителей» не носят деструктивного характера: наслаждение от подлинности, получаемое здесь поисковиками, самодостаточно. Кроме любителей окрестности границы «пройдены» также и православными активистами – жителями дачного поселка Чаща, пытающимися создать мемориал в районе исчезнувшего после 1764 г. Зверинского монастыря. Серьезные поисковые работы в районе, где граница пересекала Оредеж (д. Слудицы и Клетно), были предприняты санкт-петербургским археологическим клубом, возглавляемым В. Г. Пежемским. В целом сегодня можно говорить о том, что русско-шведская граница в Ижорской земле хорошо трассирована; сохранившееся межевые знаки полностью выявлены.

[33] РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Верительная грамота шведским межевым послам короля Густава Адольфа. Перевод. 1617. 1.05. Л. 337, 335, 338–342; Шведская образцовая запись о межевании. Л. 343–348.

[34] Там же. Д. 9. Царская грамота (из Посольского приказа) С. Жеребцову с товарищами о заключении межевального договора со шведскими уполномоченными и особом внимании к написанию в нем царских и королевских титулов. 1618. 20.02. Л. 349–354.

[35] ПСЗ. Собрание 1-е. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 1. С. 203.

[36] Резников А. И., Степочкина Е. С. Локализация южной части русско-шведской границы 1617 г. и пограничных знаков на ней // Проблемы исторического регионоведения. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 212–235.

A. A. Selin, Yu. B. Fomina

After Stolbovo: Routing the Borders in IzhoraLand (Izhorskaya Zemlya) in 1617–1618

Key words: the Treaty of Stolbovo, delimitation, border signs, Izhorskaya Zemlya.

Abstract: The article is devoted to the history of establishing the border line between Novgorod and Ladoga Uyezd (District) from one side and towns and uyezds (districts)which had seceded to Sweden after the Treaty of Stolbovo and later became the Ingermanland province. The article presents the peculiarities of the negotiating process, the ways of communicating between border commissions and the Ambassadorial Prikaz; relations between the Russian and Swedish commissaries. It is emphasized that the differentiation was made during the military threat from the Polish-Lithuanian Commonwealth, the troops of which were posing a threat for both sides.

Н. А. Тропин, А. А. Иншаков

Городские укрепления Ельца конца XVI–XVII в. (северный участок города по результатам работ 2013 г.)

Общая характеристика исследований

Одним из направлений в археологических исследованиях Елецкого государственного университета является изучение культурного слоя г. Ельца, поиск местонахождения его в летописный период и выявление границ в позднем Средневековье. Его изучение, начавшееся нами с начала 1990-х гг., приняло активный, целенаправленный характер с 2003 г., обусловленный во многом хозяйственными работами в его исторической части в связи с реконструкцией и прокладкой коммуникаций[1]. За это время были установлены границы распространения культурного слоя летописного города и выявлен его наиболее древний участок XI–XII вв.[2].

Касательно Ельца XVI–XVII вв. на отдельных его участках проводились раскопки, в результате которых пока получена самая общая картина роста города[3]. Используемые в исследованиях планы Ельца конца XVIII в. позволили с высокой степенью надежности локализовать границы елецкой крепости применимо к современной планировке. Однако на картах совершенно отсутствует информация о границах его укрепленного посада, что затрудняет детальное выяснение темпов роста города.

В 2013 г. нам повезло. В ходе прокладки строителями коммуникационных траншей удалось зафиксировать остатки фортификации городского посада на трех участках в северной части Ельца XVI–XVII вв. Кроме картографического материала, знание которого предшествовало археологическим работам, большое значение имеют письменные источники – делопроизводственная документация – о строительстве Ельца в 1591–1593 гг., хранящиеся в фонде Посольского приказа РГАДА[4]. Эти документы полностью опубликованы[5]. Их значение трудно переоценить. Среди информации содержатся точные сведения, описывающие фортификацию не только крепости, но и посада.

Весной – летом 2013 г. нами проводились наблюдения за прокладкой коммуникаций, которые охватили весь исторический центр города. На трех участках (ул. Октябрьская, д. 160; ул. Мира, д. 136, ул. Советская, д. 119) зафиксированы рвы, связанные с двумя разновременными трассами городских укреплений, расположенных к северу от крепости (рис. 1). В настоящее время нам известно, что после сожжения Ельца в 1618 г. запорожцами под командованием гетмана Сагайдачного все укрепления были перестроены. Однако их расположение на плане города до сих пор оставалось неизвестным и приводилось условно. К тому же существовало и противоречие. Документы 1591–1593 гг. сообща-

[1] Тропин Н. А. Исследования культурного слоя средневекового Ельца (XIV–XV вв.) // Вестник Елецкого государственного университета. Серия Археология. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. Вып. 23. С. 37–42.

[2] Его же. Исследования средневекового Ельца // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 195–197; Тропин Н. А., Пряхин А. Д. Средневековый Елец: результаты и перспективы исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 181–183; Иншаков А. А. Средневековая керамика Ельца XII–XIV вв. // Россия – Запад – Восток: Археология. История. Право. Философия. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. Вып. 3. С. 1–11.

[3] Тропин Н. А. К истории средневекового Ельца XVI–XVII вв. (раскопки по ул. Маяковского, д. 5) // Исторический квартал: альманах ист.-культ. наследия Липецкого края. Липецк: Упр. культуры и искусства Липецкой обл., 2012. Вып. 2. С. 6–23.

[4] РГАДА. Ф. 141. Д. 1.

[5] Глазьев В. Н., Новосельцев А. В., Тропин Н. А. Российская крепость на южнорусских рубежах: документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2001. 274 с.

ют об остроге, который окружал слободы, а записи старожилов, восходящие к 1779 г., сообщают о срубах, стоящих на валу.

К раннему этапу строительства укреплений посада относятся участки рвов по ул. Октябрьская, д. 160 и ул. Мира, д. 136. Ров по ул. Октябрьская, д. 160 имеет ширину 5,2 м, глубину в материке – 2,3 м (рис. 2). Коммуникационная траншея пересекла ров перпендикулярно, тем самым позволив увидеть его реальные размеры.

В засыпке рва выделяются верхнее и нижнее заполнения. Верхнее заполнение, состоящее из двух слоев общей мощностью 0,4–1 м, представлено светло-коричневым гумусом (слой 7) с включениями желтой глины (мощностью 0,2–0,6 м) и темно-коричневым гумусом (слой 8) с включениями древесного тлена (мощностью 0,2–0,5 м). Напластования сформировались в результате постепенной засыпки рва. Нижнее заполнение, состоящее из двух слоев общей мощностью 0,4–1,1 м, представлено светло-серым гумусом (слой 9) и темно-серым гумусом (слой 10) с включениями светло-коричневого суглинка и желтой глины. Между слоями зафиксирована гумусированная прослойка с интенсивными включениями угольков. Нижнее заполнение рва образовалось в результате функционирования укреплений и их разрушения.

С внутренней стороны от рва на расстоянии 3 м зафиксирована яма – остатки острожной стены. Ее ширина – 1,2 м, глубина – 1 м. Для ее заполнения характерна глина и горелое дерево. Индивидуальные находки не встречены.

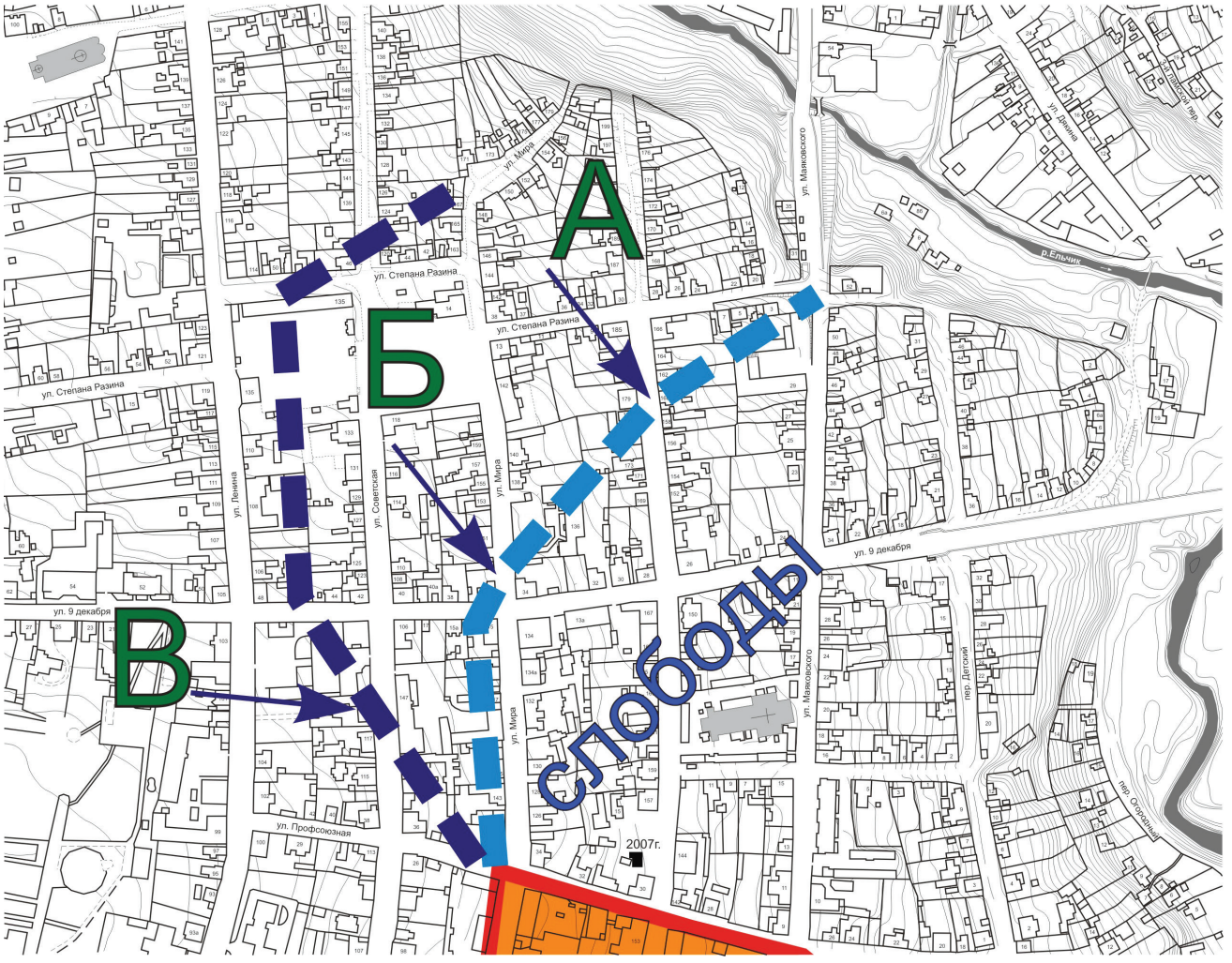


Рис. 1. Город Елец. Территория крепости и северный участок городских укреплений XVI–XVII вв. на плане современного города: А – участок рва по ул. Октябрьская, д. 160; Б – участок рва по ул. Мира, д. 136; В – участок рва по ул. Советская, д. 119

Рис. 2. Город Елец. Восточный профиль траншеи по ул. Октябрьская, д. 160

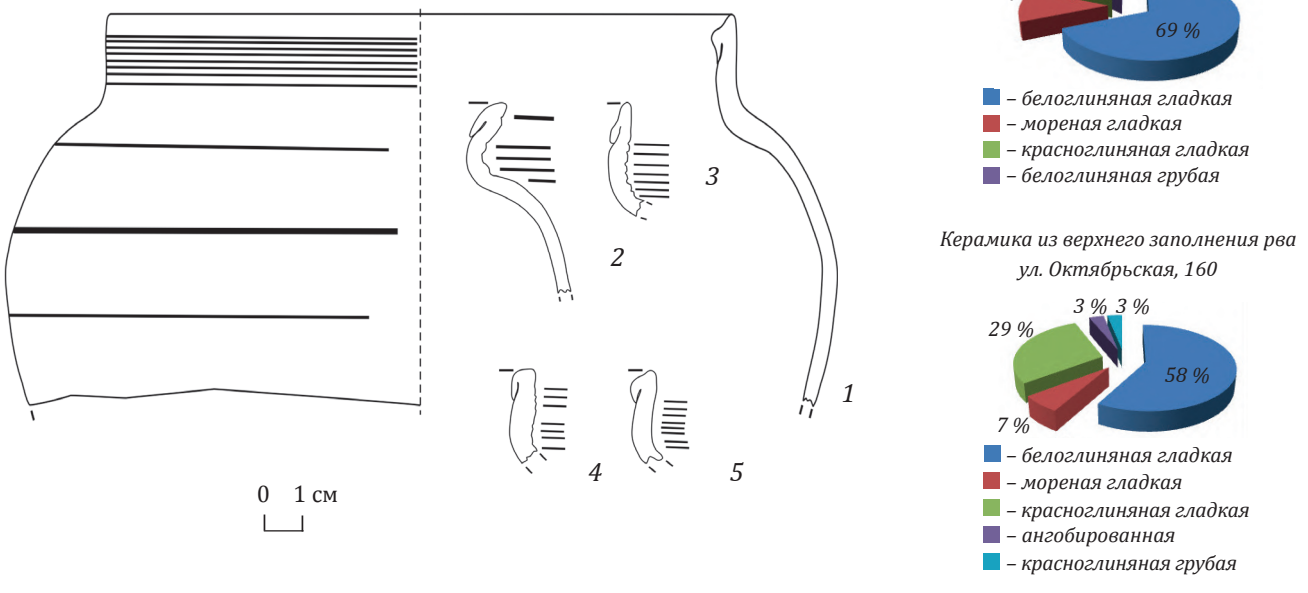
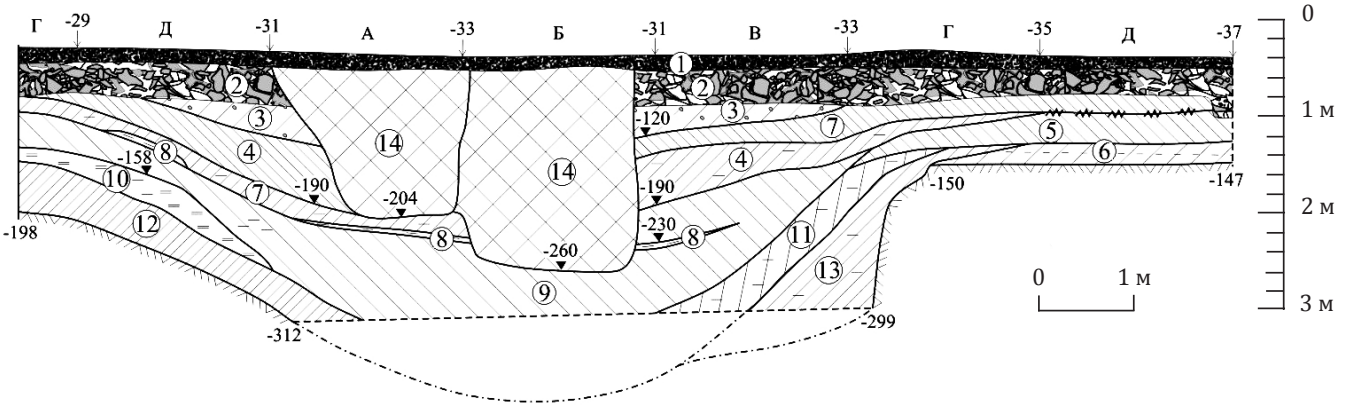


Рис. 3. Город Елец. Керамика с участка рва по ул. Октябрьская, д. 160.
1, 4–5 – керамика белоглиняная гладкая; 2–3 – керамика красноглиняная гладкая.
1–3 – керамика из верхнего заполнения рва; 4–5 – керамика из нижнего заполнения рва

Керамика как хроноиндикатор

Для выяснения датировки укреплений на данном участке была привлечена керамика. Обработка керамики проводилась по методике, предложенной В. Ю. Ковалем. Ее результаты показывают, что в верхнем и нижнем слоях заполнения рва преобладает керамика без визуально фиксируемых примесей, окислительного обжига, из неожелезненных глин (верхний слой 58%, нижний слой 69%) (рис. 3). Для нее характерны вертикальные венчики с заворотом верхнего чернового края вовнутрь, образующие при этом различные утолщения (типы 3/3 и 3/4). На большую их часть по устью или шейки венчика наносился разреженный или плотный линейный орнамент. По своим технико-технологическим характери-



1 – асфальт; 2 – брусчатка XIX в.; 3 – светло-серый гумус с включениями строительного мусора; 4 – коричневый гумус; 5 – темно-коричневый гумус; 6 – светло-коричневый суглинок; 7 – темно-серый гумус с включениями желтой глины; 8 – светло-коричневый суглинок с включениями темно-серого гумуса; 9 – коричневый гумус; 10 – развал глинобитной печи; 11 – серый гумус с включениями светло-коричнево суглинка; 12 – темно-серый гумус; 13 – светло-серый гумус с включениями желтой глины; 14 – поздний перекоп

Рис. 4. Город Елец. Западный профиль траншеи по ул. Мира, д. 136

стикам данная керамика соотносится с московской белоглиняной гладкой (по В.Ю.Ковалю – московской белоглиняной керамики 2 вида). Отметим и наличие гончарной посуды с примесью песка в формовочной массе из неожелезненных глин (верхний слой – 3 % и нижний слой – 13 %). По своим технико-технологическим характеристикам данная керамика соотносится с более ранней по хронологии московской белоглиняной грубой (по В.Ю.Ковалю – московской белоглиняной керамикой 1 вида)[6].

Красноглиняная керамика, изготовленная без визуально фиксируемых примесей окислительного обжига, встречена в верхнем (29 %) и нижнем (6 %) слоях. Этот тип гончарной посуды изготовлен с использованием местной (для нее характерны небольшие включения окислов железа) слабоожелезненной глины. По своим морфологическим признакам (вертикальные венчики типа 3/3) она близка к московской белоглиняной гладкой керамике. Возможно предположить ее местное происхождение как подражание популярному типу посуды, возникшее при отсутствии или дефиците неожелезненных глин.

При общей схожести керамики при сопоставление нижнего и верхнего слоев видно ее различное процентное соотношение. В нижнем заполнении значительно больше белоглиняной посуды без визуально фиксируемых примесей и очень мало керамики из ожелезненных глин. Это указывает на разновременность нижнего и верхнего слоев заполнений рва.

Второй участок раннего этапа фортификации – ров по ул. Мира, д. 136 – оказался перерезанным коммуникационной траншеей под углом. Вследствие этого ширина рва значительно шире и составила 9,2 м (рис. 4). Ров изучен был частично до глубины 1,22 м, траншея оказалась залита водой и засыпана строителями. Верхнее заполнение рва представлено слоем коричневого гумуса (слой 9) мощностью 0,2–0,8 м. Отметим факт, что он перекрывает напластования (слои 10 и 12), образовавшиеся в результате гибели близрасположенного жилого дома XVII в., развалины которого сброшены в ров.

В верхнем слое заполнения рва чуть более половины посуды составляет керамика без визуально фиксируемых примесей окислительного обжига из неожелезнённых глин (51,5 %) (рис. 5). Для нее характерен заворот верхнего чернового края венчика вовнутрь, образующий при этом различные утолщения (типы 3/3, 3/4, 38/1). На бóльшую их часть по устью или шейке венчика наносился разреженный или плотный линейный орнамент. По своим технико-технологическим характеристикам данная керамика соотносится с московской белоглиняной гладкой (по В.Ю.Ковалю – московской белоглиняной керамикой 2 вида). В рамках данной технико-технологической группы значительна по объему красноглиняная гладкая посуды – 23,5 %, зафиксирована и мореная керамика – 7,3 %.

Другая технико-технологическая группа посуды изготовлена из глины с примесью песка. Ее значительно меньше – 17,6 %.

Сравнивая керамику из верхних слоев с двух участков рвов (ул. Октябрьская, д. 160 и ул. Мира, д. 136), можно заметить близость керамических комплексов по составу. Весьма вероятно, что рвы были засыпаны в одно и то же время.

Со вторым этапом строительства связаны укрепления по ул. Советская, д. 119 (рис. 6). Коммуника-

[6] Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1. С. 98–109.

ционная траншея разрезала их под углом. В данном случае речь следует вести о системе укреплений, кардинально отличающихся по сложности от предыдущих. Назовем их «ров с надолбами». Данный фортификационный объект состоял из рва шириной 29,3 м и глубиной в зависимости от участков 1,26–2,6 м. Внутри этого большого рва, ближе к напольной стороне, зафиксированы ровики малых размеров, на дне которых отмечены следы от вкопанных надолб. Ровик 1: ширина – 4,4 м, глубина – 1,1 м. Ровик 2: ширина – 2,76 м, глубина – 0,5 м. Ровик 3: ширина – 3,36 м, глубина – 0,44 м. Ровик 4: ширина – 2,76 м, глубина – 0,46 м.

Один из таких надолбов обнаружен в ровике 1. Это бревно в виде комеля, заглубленное в материк на 1,3 м и сохранившееся в своей наземной части на 0,3 м. Диаметр бревна 0,22 м, его заглубленный низ имел спил, верх бревна – остатки кряжистых стволов. Дерево не содержало признаков горения. Однако в профиле ровика 2 обнаружены остатки сгоревшего надолба, уходящие под стенку траншеи. Наблюдения показывают, что надолбы располагались не вплотную друг к другу, а с интервалом, установить который не удалось из-за проложенной на дне траншеи канализационной трубы.

Последним объектом в системе «ров с надолбами», непосредственно перед несохранившимися деревянными стенами города, являлся ров шириной 7,8 м и глубиной 2,6 м.

Заполнение выявленных объектов во многом схожее. Оно представлено темно-серым и серым гумусом (слои 12 и 15) мощностью 0,4–0,7 м. Эти слои перекрываются почти по всей длине рва светло-коричневым гумусом (слой 9) с тонкими глинистыми прослойками. Верхнее заполнение, состоящее из коричневого и светло-серого гумуса с включениями желтой глины мощностью 0,8–1,2 м, связано со слоями засыпок с целью нивелировки дневной поверхности.

В верхнем заполнении собрано 175 фрагментов керамики (рис. 7). Она насчитывает 10 венчиков, 10 донцев и 19 декорированных частей сосудов. По технологии изготовления встречена только посуда с использованием формовочной массы без визуально фиксируемых искусственных примесей (типы 1.1 и 1.2). Более всего для нее характерна белоглиняная керамика, которая насчитывает 101 экз., или 57,7 %. Этот тип посуды представлен 8 вертикальными венчиками. У 6 экз. верхний край оказался приостренным (тип 3/3). По венчику нанесен гребенкой линейный декор, плотный у 3 экз. (рис. 7: 6–8) и разреженный у 1 экз. (рис. 7: 5). Еще 1 из них украшен одиночной волной (рис. 7: 4). Венчиков, верхний край которых округлый (тип 3/4), встречено 2 экз. (рис. 7: 3–4). Все днища, относящиеся к этому типу керамики, являются простыми, при этом выявлено по 2 экз. без среза или подсыпки как с закраиной (тип 2). так и без нее (тип 3). Еще одно донце было срезано с гончарного круга (тип 1).

Далее по численности следует красноглиняная посуда. Ее встречено 41 экз. (23,4 %). Этот тип керамики представлен 2 вертикальными венчиками с заворотом чернового края вовнутрь и приостренным верхним краем (тип 3/3). Линейный декор нанесен по тулову горшка (рис. 7: 1–2). Среди керамики этого типа встречено два донца, срезанных с гончарного круга (тип 1), и одно без среза или следов подсыпки (тип 2).

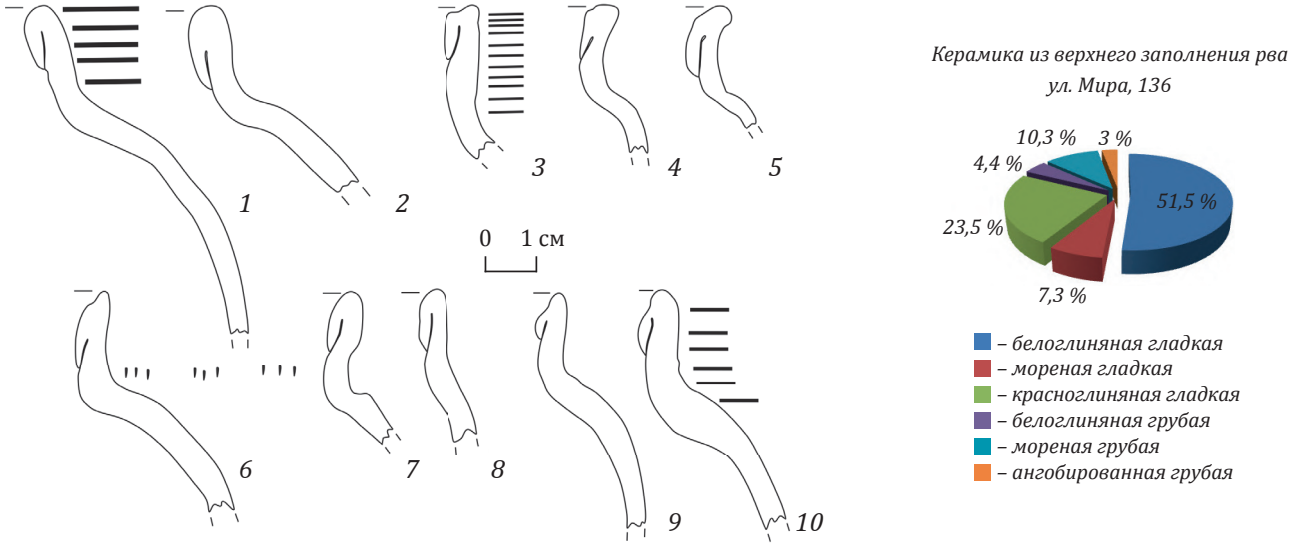


Рис. 5. Город Елец. Керамика с участка рва по ул. Мира, д. 136.
1–5 – керамика белоглиняная гладкая; 6–8 – керамика красноглиняная гладкая; 9 – керамика мореная грубая; 10 – керамика белоглиняная грубая; 1–10 – керамика из верхнего заполнения рва

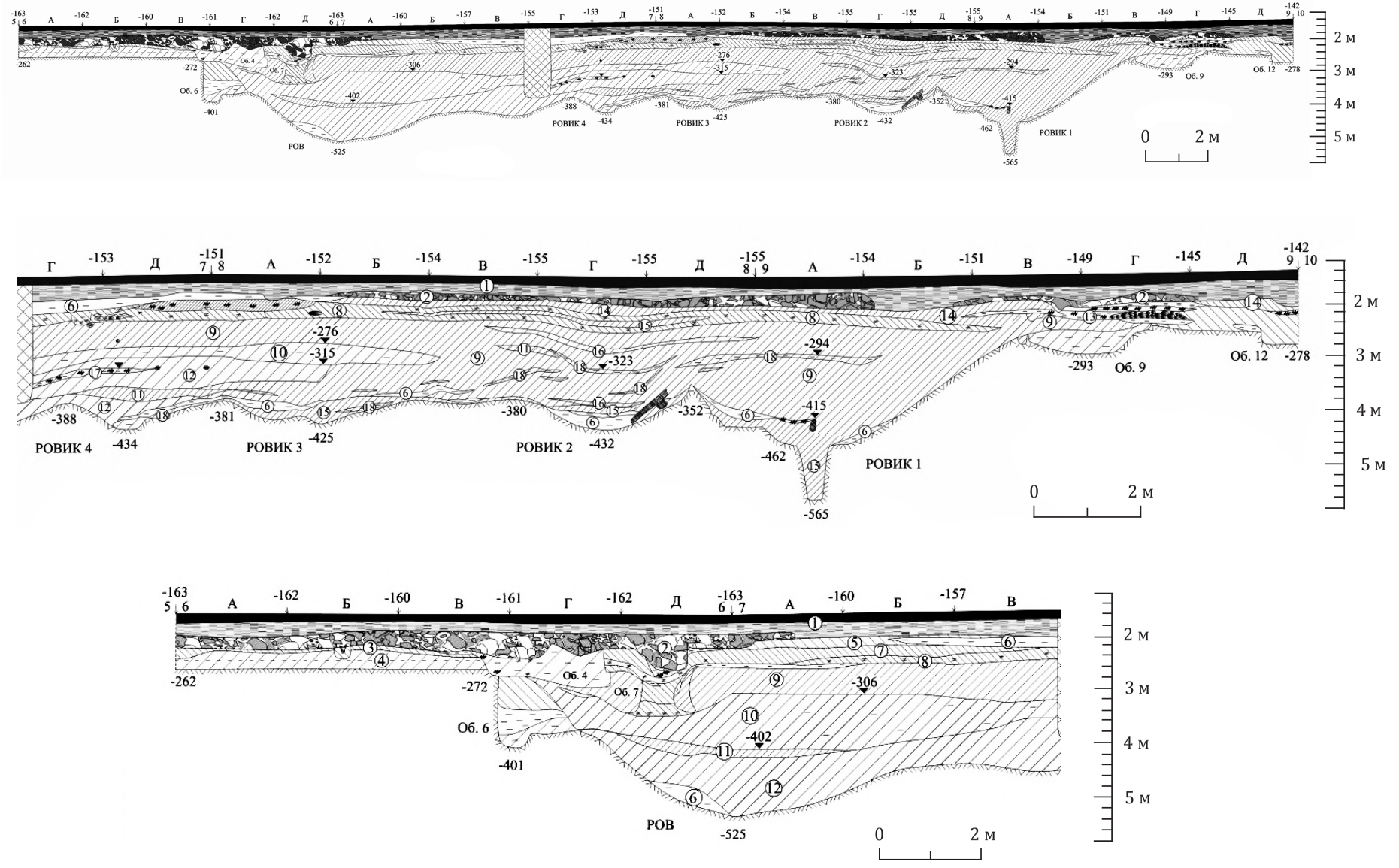
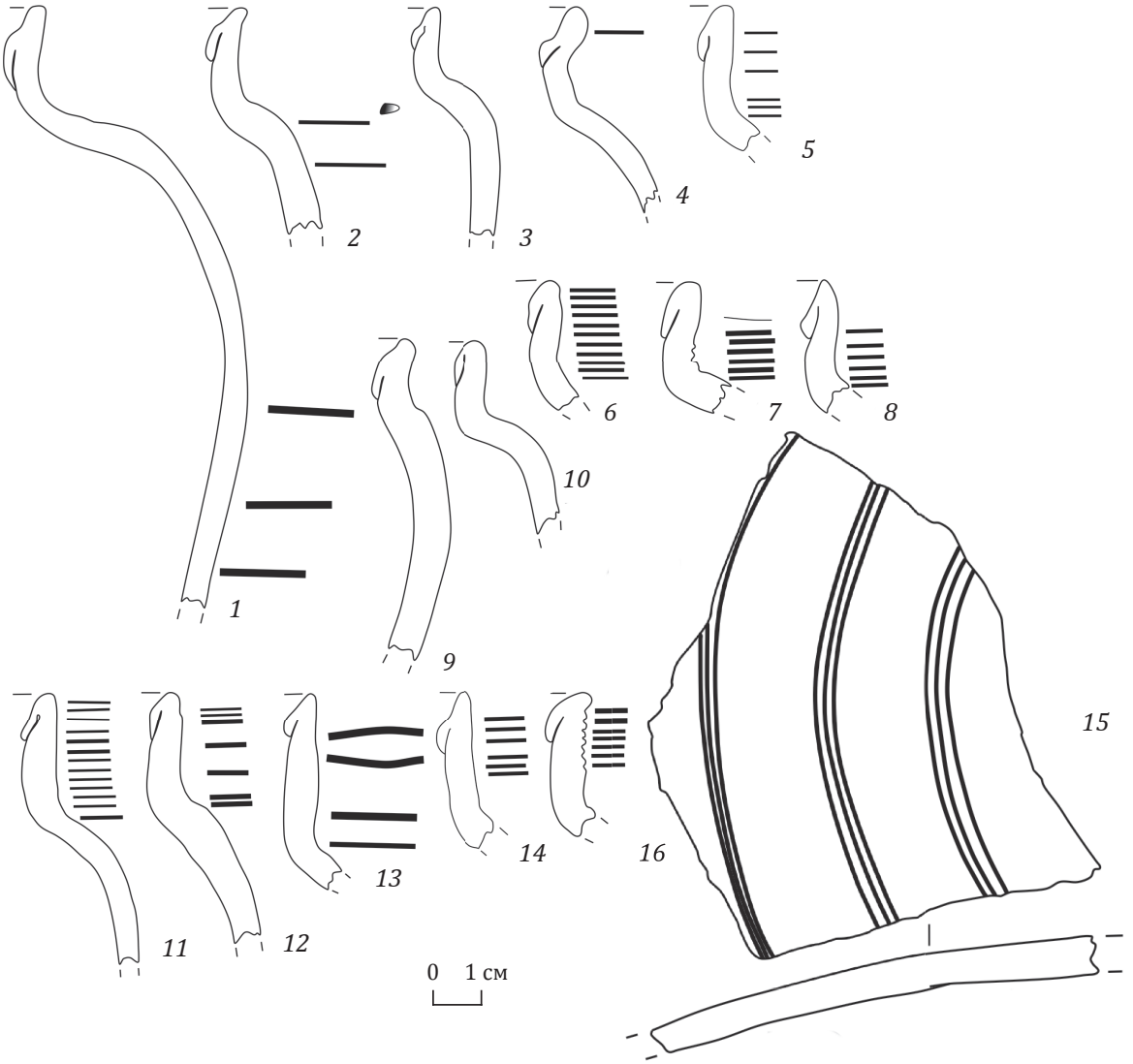


Рис. 6. Город Елец. Восточный профиль траншеи по ул. Советская, д. 119: общий вид укреплений (1), южный (2) и северный (3) участки укреплений

1 – асфальт; 2 – брусчатка XIX в.; 3 – коричневый гумус; 4 – светло-коричневый суглинок; 5 – темно-серый гумус; 6 – желтая глина; 7 – темно-коричневый гумус; 8 – темно-коричневый гумус с включениями древесного тлена; 9 – светло-коричневый гумус; 10 – светло-серый гумус с включениями желтой глины; 11 – темно-гумуссированный слой; 12 – темно-серый гумус; 13 – развал печи; 14 – темно-серый гумус; 15 – серый гумус; 16 – светло-серый гумус; 17 – темно-серый гумус с включениями обмазки и угольков; 18 – серый гумус с включениями светло-коричневого суглинка



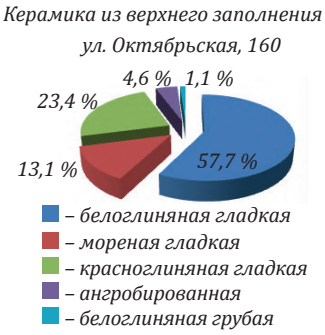


Рис. 7. Город Елец. Керамика с участка рва по ул. Советская, д. 119
1–2 – керамика красноглиняная гладкая; 3–16 – керамика белоглиняная гладкая;.
1–10 – керамика из верхнего заполнения рва; 11–16 – керамика из нижнего заполнения рва

Мореной керамики выявлено 23 экз. (13,1 %). Из них с лощением встречено 10 фрагментов (5,7 %), а без дополнительной обработки поверхности – 13 экз. (7,4 %). Ангобированной керамики встречено с красным 7 экз. (4 %) и белым 1 экз. (0,6 %) покрытием. Керамики, изготовленной из формовочной массы, состоящей из глины с примесью песка (тип 2.1 по В. Ю. Ковалю), встречено 2 экз., что составляет 1,1 % от общего анализируемого количества черепков этого горизонта.

В нижнем слое обнаружено 49 фрагментов керамики. Она насчитывает 5 венчиков, 5 донцев и 6 декорированных частей сосудов. По технологии изготовления встречена только посуда с использованием формовочной массы без визуально фиксируемых искусственных примесей (типы 1.1 и 1.2).

Более всего для нее характерна белоглиняная керамика, которая насчитывает 44 экз., или 89,8 %. Этот тип посуды представлен 5 вертикальными венчиками. У 4 экз. верхний край оказался приостренным (тип 3/3). По венчику нанесен гребенкой линейный декор, плотный у 2 экз. (рис. 7: 11, 14) и разреженный у 2 экз. (рис. 7: 12–13). Венчиков, верхний край которых округлый (тип 3/4), встречен 1 экз. (рис. 7: 16). Все днища, относящиеся к этому типу керамики, являются простыми, без среза или подсыпки как с закраиной (тип 2 – 1 экз.), так и без нее (тип 3 – 3 экз.).

Мореной керамики с лощением выявлено 2 фрагмента (4,1 %) и без него – 1 экз. (2 %). Красноглиняной посуды встречено 2 экз. (4,1 %).

Сопоставляя нижнее и верхнее заполнение рва, отмечаем различное количество керамики без визуально фиксируемых примесей окислительного обжига из неожелезненных глин. В нижнем заполнении ее значительно больше – 89,8 %, в верхнем заполнении меньше – 57,7 %. Это указывает на разновременность нижнего и верхнего слоев заполнений рва.

Изучение керамики позволило прийти к следующим заключениям. Во-первых, в заполнениях рвов, сформировавшихся в разное время, наиболее распространена белоглиняная гладкая керамика, доля которой в верхних слоях, как правило, немногим более половины, а в нижних слоях не менее 2/3. Этот тип посуды изготавливался из формовочной массы без визуально фиксируемых примесей окислительного обжига из неожелезненных глин. Среди верхних частей сосудов преобладают вертикальные венчики с заворотом чернового края вовнутрь как с приостренным верхним краем и небольшой бороздкой с внутренней стороны (тип 3/3), так и образующим различные утолщения (тип 3/4). Чаще всего линейный декор наносился по самому венчику и реже на переходе от плечика к верхней части сосуда. На днищах сосудов встречены отпечатки как среза с круга (тип 1), так и без следов подсыпки или среза.

Во-вторых, обращают на себя внимание сходные статистические показатели соотношения различных типов керамики (белоглиняная гладкая, красноглиняная гладкая, мореная гладкая) в комплексах, относящихся к верхним заполнениям укреплений.

В-третьих, следует обратить внимание и на различия из нижних заполнений рва по ул. Октябрьская, где выявлена белоглиняная грубая керамика, тогда как во рву по ул. Советская она не обнаружена. Эта особенность указывает на разное время их засыпки.

В-четвертых, для установления времени накопления всех условно-закрытых комплексов обратимся к стратиграфии по ул. Советская. Здесь, из самых верхних культурных слоев, перекрывающих верхнее заполнение рва, происходят три медные монеты чеканки времени правления Анны Иоанновны и Екатерины II, что убедительно показывает на время окончательной засыпки рвов.

Исследованиями установлена наиболее характерная для Ельца XVI–XVII вв. керамика. В Москве и Подмосковье этот тип гончарной посуды известен как «белоглиняная гладкая». Впервые она появилась в XVI в., но ее массовое распространение произошло в XVII в.[7]. В. Ю. Коваль, изучив причины появления московской белоглиняной керамики 2 вида (гладкой), пришел к выводу о том, что ее производство находилось в Поочье. Одним из таких мест исследователь считает округу Коломны. Появление ее в Рязанско-Коломенском Поочье он устанавливает по целому набору технико-технологических и морфологических признаков[8]. Посуда этого типа широко представлена в европейской части России. Наибольшее распространение она получила в Московском регионе, а также к югу и востоку от него (Калуга, Тула и др.).

Для нас более важны датировки, которые сделаны тульскими исследователями, поскольку одним из основных регионов, откуда происходило заселение Елецкого уезда с конца XVI в., были уезды Дедиловский, Соловецкий, Епифанский. Ими проведен анализ посуды из раскопок Тульского кремля с учетом данных стратиграфии, выделены четыре хронологических горизонта: 1) 1508/1514–1520 гг. – середина XVI в.; 2) вторая половина XVI – начало XVII в.; 3) начало XVII – середина XVII в.; 4) середина XVII – конец XVII в.[9]. Елецкая белоглиняная гладкая керамика наиболее близка к гончарной посуде 3 и 4 горизонтов культурных напластований Тульского кремля.

Из нижнего заполнения рва по ул. Октябрьская, д. 160 происходит гончарная посуда из формовочной массы с примесью песка окислительного обжига из неожелезненных глин. По своим технико-технологическим характеристикам керамика соотносится с московской белоглиняной грубой, которая имела распространение в XV–XVI вв. При этом в культурных напластованиях Тульского кремля эта гончарная посуда соотносится с комплексом керамики из 2 хронологического горизонта. Таким образом, очевидно, что укрепления по ул. Октябрьская функци-

[7] Чернов С. З. К хронологии московской керамики конца XV – XVI вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН, 1991. С. 54; Коваль В. Ю. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула: Инфра, 2005. С. 254.

[8] Коваль В. Ю. Белоглиняная керамика … С. 105.

[9] Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Шеков А. В. Круговая посуда XVI–XVII вв. из культурного слоя Тульского кремля: (по материалам раскопок 1999–2000 гг.) // Позднесредневековый город: археология и история: сб. ст.: в 2 ч. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2007. Ч. 1: Изучение позднесредневековой Тулы. С. 132–206.

онировали в конце XVI – начале XVII в. Нижнее заполнение рва по ул. Советская, д. 119 отложилось в первой половине XVII в., о чем свидетельствует близость ее керамического комплекса с посудой из нижнего заполнения рва по ул. Октябрьская, д. 160.

Исторический контекст археологического источника

Проведенные археологические исследования установили, что примыкающие к северной части крепости посадские слободы имели общее укрепление. Выявлено три участка, где были зафиксированы рвы, связанные с двумя этапами фортификации. Раннему этапу строительства укреплений на посаде соответствует ров шириной 5–9 м и глубиной более 2 м по ул. Октябрьская, д. 160 и ул. Мира, д. 136. Характер укреплений связан с возведением острожных стен, что отмечено по ул. Октябрьская, д. 160. Они функционировали в 1592–1618 гг. После сожжения Ельца Сагайдачным в 1618 г. укрепления не возобновлялись, ров был засыпан в два этапа, не позднее середины XVII в.

Документы о строительстве Ельца в 1591–1593 гг. вносят существенное дополнение к археологическому источнику. Они говорят об острожных стенах в виде «тарас», упоминают надолбы, указывают на количество башен по острогу. В челобитной елецких стрельцов от 19 сентября 1592 г. говорится: «мы, государь, на острог [возили] дубового леса… и тарасы, государь, порубили и землей насыпали»[10]. В отписке головы И. Н. Мясного от 2 декабря 1592 г. сказано: «А около острогу ров не копан и надолобок не поставлены… а доделывают, государь, по острогу тарасы и башни острожные дорубают… А сделано, государь, по острогу шесть башен больших, а трех сделать не успел»[11]. В другой отписке И. Н. Мясного от 5 февраля 1593 г. повторяются сведения о недоделках по острогу: «Велено мне, государь, город Елец и острог доделывать и город, государь, Елец срублен, а не крыт и тайник не сделан, и по острогу башни не дорублены, и около острога ров не копан и надолобы не поставлены»[12]. Размеры острожных башен упоминаются в челобитной елецких казаков от 1593 г.: «и острог государь, мы холопы твои поставили, и тарасы поделали и ров круг города копали и надолбы около острога поставили… и башни острожные рубим четыре сажени косых. А раскаты пяти саженей»[13].

В 1618 г. укрепления на посаде были перестроены с учетом охвата большей площади. Зафиксированный участок фортификации по ул. Советская, д. 119 соответствует времени их возведения в 1618–1619 гг., а окончательная засыпка и планировка поверхности рва, согласно монетам, произошла в середине – третьей четверти XVIII в. Однако уже к концу XVII в. во рву образовались первые слои засыпки.

Самые ранние записи елецких старожилов, сделанные около 1779 г., сообщают об этом участке фортификации, указывая, что сохраняющаяся еще стена высотой 10 аршин сооружена в виде срубов из дубовых брусьев. Высота вала составляла 3 аршина[14].

Принципиально важно отметить, что независимо от времени две фортификационные линии укрепленного посада сходились в одной точке – северо-западном углу крепости. Согласно картографическому материалу конца XVIII в. и археологическим наблюдениям, о которых пока не говорилось, он надежно привязывается к углу улиц Мира и Профсоюзная, ближе к игровой площадке детского сада. Противоположные концы укреплений посада, несмотря на гипотетичность наших построений фортификационной трассы, должны были учитывать резкий перепад рельефа к обрывистому берегу р. Ельчик (Елец).

Проведенное исследование в настоящее время является пока первой работой по изучению фортификации Ельца XVI–XVII вв. по данным археологии. Необходимы новые данные, уточняющие трассы фортификаций, а также детализирующие их особенности.

[10] РГАДА. Ф. 141. Д. 1. Л. 18.

[11] Там же. Л. 163.

[12] Там же. Л. 116.

[13] Там же. Л. 24.

[14] Тропин Н. А. Древний Елец глазами ельчан XVIII века // Елец в историко-культурном пространстве России: материалы регион. науч. конф., посвящ. 865-летию г. Ельца. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. С. 15–16.

N. A. Tropin, A. A. Inshakov

Fortifications of Yelets of Late 16th – 17th Centuries. The Results of the Excavations (2013) in the Northern Part of the Town

Key words: written sources and archaeology, Russian Town of 16th – 17th cc., statistics of ceramics, fortification.

Abstract: The article considers the preliminary results of examining town fortifications of Yelets of the late 16th – 17th cc., which are based on the data of archaeology, written sources and town plans of the late 18th century. Their character is defined; two stages of fortification dated back to 1592–1618 and 1618 – the middle of the 18th c. according to the written sources and analysis of ceramics were documented. Increase in the territory of the trading quarter is documented.

О. В. Кардаш

«Столетняя война» Пустозерска и Большой Карачеи XVII–XVIII вв. (по результатам комплексных исследований Пустозерского и Надымского городищ)

В современной историографии периода включения Северо-Западной Сибири в состав Московского царства, позднее Российской империи, до настоящего времени военные конфликты аборигенного населения с русской администрацией и населением характеризовались как локальные разовые восстания – «воровские набеги»[1]. Так ли это на самом деле, позволяют оценить результаты комплексных археологических исследований.

Последние 15 лет, начиная с 1998 г., ведется изучение Надымского городища, находящегося в дельте р. Надыма, близ устья р. Оби, на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (рис. 1). Это археологический памятник с многометровым мерзлым культурным слоем, в котором прекрасно сохранились предметы из органических материалов и деревянные строения (рис. 2, 3). По документальным источникам установлено, что с XVII по первую треть XVIII в. он назывался «Надым-вош» и функционировал как административный центр Большой Карачеи – военно-политического объединения, включавшего территориальные общины самоедов и остяков рек Надыма, Пура, южного побережья Обской губы и п-ва Ямал. Населенный пункт прекратил свое существование зимой 1730–1731 г. после осады и убийства жителей, чьи останки были обнаружены при раскопках. Это крайне редкая находка для Севера Сибири, вызывающая много вопросов. В результате работ наряду с археологическими были обнаружены фольклорные и документальные источники, свидетельствующие о неординарной военной активности его жителей[2].

В числе археологических источников в первую очередь следует отметить наличие фортификационного укрепления – оборонительно-жилого комплекса размерами 20×35 м, в форме высокого холма, поросшего пойменной растительностью, что обеспечивало его маскировку в окружающем ландшафте. Этот факт отмечался в фольклорных источниках как возможность скрыться от погони после внезапного нападения.

Вместе с тем из нескольких сотен городищ с фортификацией, известных на территории Северо-Западной Сибири и относящихся к разным эпохам, лишь в Надымском городище был обнаружен большой арсенал предметов вооружения, причем наступательного: слабо изогнутые сабли и палаши (более 60 экз.), а также бронебойные стрелы (более 150 экз.) и луки (рис. 4)[3]. В коллекциях других памятников, а исследовано их немало, имеются лишь единичные фрагменты предметов вооружения. Оружие в сравнимом количестве известно лишь в погребальных и культовых комплексах[4].

Следующее свидетельство военной активности – это ритуальная площадка на южной окраине Надымского городка, функционировавшая с середины XVII по первую треть XVIII в. Судя по артефактам (предметам вооружения, доспехам, бляхам-зерцалам и т. д.), а также иным следам, она функционировала как место сбора общинного ополчения Большой Карачеи для совершения коллективных ритуалов

[1] История Ямала: в 2 т. / под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. 1: Ямал традиционный, кн. 2: Российская колонизация / под ред. И. В. Побережникова и др. С. 209–227.

[2] Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв.: история и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.

[3] Там же. С. 146–151, 154–160.

[4] Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. М.: Изд-во Акад. наук. СССР, 1957. № 58. С. 136–245; Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.; Зыков А. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.

Рис. 1. Карта-схема расположения исторических поселений XVII–XVIII вв.: города Пустозерска, Надымского городка и реконструируемых маршрутов «воровских» операций Большой Карачеи в Пустозерском уезде

жертвоприношения, в том числе связанных с подготовкой военных операций – сборов (на ненецком – мандалада), описанных в фольклоре[5].

Другой косвенный, но показательный археологический источник – большая серия деревянных моделей предметов вооружения (копья, палаши, сабли), часть которых изготовлена в натуральную величину и имеет следы утилитарного использования – сколы, заломы, забитости, – очевидно, в детских поединках (рис. 5)[6]. Примечательно, что типологически фигурируют два типа моделей вооружения: палаши аборигенного облика и сабли с перекрестием и ялманью условно русского вида, что явно отражало противоборствующие стороны.

Документы XVII в., выявленные в ходе комплексного изучения, содержали серию фактов о нападениях самоедов на русских торговцев, промышленников и «служилых людей» как на территории Северо-Западной Сибири, так и за ее пределами и в частности на Европейском Севере, где одним из основных объектов нападения был город Пустозерск (рис. 1).

Основанный в 1499 г. во время третьего московского похода на Печору и Югру отрядом под предводительством воевод Семена Курбского и Петра Ушатого, к середине XVI столетия Пустозерск стал волостным центром и функционировал как опорный пункт на пути из Московского царства в Сибирь, а также как важный промысловый и торговый центр Крайнего Севера, имеющий значение не только для внутренней, но и для международной торговли[7].

Торговые западноевропейские экспедиции приходили в устье Печоры и непосредственно в Пустозерске создавали торговые базы. Незаконные

[5] Kardash O. Ritual complexes of North-West Siberia in XVII–XVIII centuries (according to archeological data) // Rituals: Types, Efficacy and Myths. Hauppauge, N.Y.: Nova Science Publishers Inc, 2012. P. 95–97.

[6] Кардаш О. В. Надымский городок … С. 182–185.

[7] Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 99–101, 112–113, 136.

Рис. 2. Надымский городок. Общий вид с запада, 2013 г.

Рис. 3. Надымский городок. Остатки оборонительно-жилого комплекса XVI–XVIII вв. в мерзлом культурном слое. Материалы раскопок

Рис. 4. Надымский городок. Предметы вооружения XVI–XVIII вв. из железа.
Изделия местного производства: 1–3 – клинки палашей, 4 – наконечник копья.
Изделия импортного производства: 5 – фрагмент клинка сабли (елмань), 6 – деталь гарды сабли (перекрестие),
7 – клинок палаша или тяжелой шпаги (?), 8 – боевой топор, 9 – фрагмент кольчужного панциря

Рис. 5. Надымский городок. Модели предметов вооружения из дерева XVI–XVIII вв.:
1–3 – палаши, 4–6 – копья, 7–9 – боевые топоры, 10–11 – сабли

Рис. 6. Пустозерское городище. Общий вид с юго-запада, 2012 г.

действия иностранцев власти пытались пресечь, но контрабандная торговля с иностранцами продолжалась и в XVIII в.[8]. Ее основой была торговля мехами. Причем считаем достаточно очевидным, что значительная часть этих мехов была продуктом промысловой деятельности аборигенов не только европейских, но и сибирских.

После раскопок 1985–1995 гг. О. В. Овсянникова в 2010 г. нами было возобновлено комплексное изучение Пустозерского городища (рис. 6)[9]. Предшествующие и наши исследования нельзя назвать широкомасштабными прежде всего из-за большой площади городища и особенности его культурного слоя. Этот объект, так же как и Надымский городок, относится к памятникам с мерзлым культурным слоем, мощность которого достигает 5 м (рис. 7). Кроме этого, часть слоев скрыта под песчаными дюнами. Коллекция невелика, но всё же имеет серию предметов аборигенного облика. Помимо прочего удалось найти новые документальные материалы о военных конфликтах карачейских самоедов с жителями уезда в XVII–XVIII вв.

По результатам анализа всех документальных источников сложилась картина систематических нападений на русских торговцев и «служилых людей» в период с середины XVII по середину XVIII в. на всем протяжении речного – «чрезкаменного» – и морского пути из Пустозерска в Мангазею – Мангазейского морского хода.

Первые жалобы европейских самоедов на притеснения пустозерцев известны еще с середины XVI в., но к вооруженным конфликтам такие распри не приводили. Однако в XVII в. взаимоотношения с жителями тундры приняли характер открытых военных столкновений.

В настоящее время из числа письменных источников, связанных с Большой Карачеей, нам известно немногим более двадцати делопроизводственных документов. Это грамоты, челобитные, отписки, охватывающие период с 1636 по 1679 г., и документы 1712–1749 гг. Заметим, что документы до 1628 г., то есть до пожара в Сибирском приказе, об истории Севера Сибири единичны и широко известны. Среди них нет данных о военных действиях Большой Карачеи.

[8] Окладников Н. А. Пустозерск и Пустозерье. Архангельск: Правда Севера, 2010. С. 104–110.

[9] Ясински М. Э., Овсянников О. В. Указ. соч. С. 16–17; Кардаш О. В. Отчет о НИР: комплексное археологическое исследование и инвентаризация объектов, расположенных на территории бывшего поселения Пустозерск Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2011. Кн. 1. 181 с., Кн. 2. 253 с. // Архив НПО СА. № 341/ 1, 2.

Рис. 7. Пустозерское городище. Остатки строений XVI–XVIII вв. в мерзлом культурном слое. Материалы раскопок 2011 г.

Первый документ, содержащий сведения о неспокойной ситуации на Мангазейском пути в районе устья Оби, – это отписка мангазейского воеводы Б. И. Пушкина в Москву о посылке двух служилых людей зимой 1636 г. в Обдорск с воеводскими отписками. Недалеко от устья Надыма (!) на гонцов напала «самоядь» и убили их[10]. Лишь спустя пять лет в челобитной торгового человека Михаила Кондакова раскрывается суть этого дела. В ней содержится обвинение на всю «закаменную самоядь», но в первую очередь – на «Большие Карачеи». Кондаков сообщает, что у его родственников, жителей Пустозерска, были тесные торговые отношения с карачейской самоядью. Многие самоеды были в долгу у пустозерских промышленников. Кроме этого, в челобитной приводятся преступления, причем не конкретные факты, а некая система действий самоедов: «Служилых и торговых людей грабят и побивают многих; на Мангазейском море которых морем розобьет, и те люди по берегам запасы свои и товары збирают, а та самоедь у них запасы и товары грабят и самих живых не пускают. А которые, государь, служивые люди через Камень ходят из Сибири с твоею государевою казною и наша братья, торговые людишка, и та, государь, самоедь, и на твою государеву казну напускают и нашу братью грабят и побивают. А про то, государь, их все воровство и убойства ведает твой государев обдорской князец Молик да дядя его Дурак; и грабежную, государь, у них всякую рухлядь принимают заведомо. И то, государь, самоецкое воровство ведомо твоим государевым воеводам и всяким служивым и торговым людем, которые бывают в Мангазее и хаживали через Камень»[11]. В этой связи Михаил Кондаков просит дать ему личную грамоту, разрешающую сыск[12].

Чем закончилось следствие Кондакова – неизвестно, но вот спустя год, в «150 (1642. – *О. К.*) году февраля в 20 числе приходили под Пустозерской острог и у посацких людей ко дворам приступали самоядь Большая Карачея Хулейка с детми с Поскою с Едурейком с Немчинком с Хаскою, а с ними было самояди человек с двести и у пустоозерцов у посацких людей олени многие отогнали и животину и аргиши с хлебными запасы которые шли из Окладниковый

[10] РГАДА. Ф. 214. Стб. 178. Л. 135–145.

[11] Там же. Стб. 88. Л. 369–370.

[12] Там же. Л. 371–374 об.

слободки в Пустоозерской острог, поимали. И воров, самоядь, которые наперед сего нашу сибирскую казну громили Лохеев и Ванюта хотели выбеть. И он де Протасей от той де самояди во дворех отсиделся с пустозерцы с посацкими людми. И та де самоядь в уезде по деревням воевали четыре недели. Образы кололи, людей грабили, а иных били и пытали и животину имали, и неводы, и сети, и лотки, и ветки, и котлы, и якори, и парусы поимали ж и свезли, и кочи посекли. И воевав отошли в тундру»[13]. Грамотой приказа Новгородской четверти пустозерскому воеводе Л. Н. Радилову предписывалось усилить гарнизон города, а «тех воров» найти, пытать, награбленное имущество вернуть и повесить несколько человек по дорогам для устрашения. Это было первое нападение ополчения Большой Карачеи на Пустозерск и Пустозерский уезд. Не исключено, что поводом могло стать расследование пустозерца Михаила Кондакова.

Продолжение истории взаимоотношений Большой Карачеи и жителей Пустозерского уезда содержится в документах сыска П. С. Коптева о злоупотреблениях пустозерского воеводы И. П. Лошакова 1654 г.[14]. В челобитной родовой знати Большой Карачеи – Хенки и Пося Хулеевых и Немчинки Пидирисова – указывается, что в 1652 г. «послали они мимо Пустозеро ко государю к Москве бити челом о своих нужах карачейского самоядина Хаску Хулеева с товарыщи 5 человек». Приехавших в Пустозерск карачейских самоедов воевода И. П. Лошаков арестовал, все имущество конфисковал, Хаску с товарищем повесил, троих же других заключил в тюрьму. Со слов воеводы, это было сделано потому, что им были получены сведения о том, что «карачейская самоядь» во главе с Посем Хулеевым этой зимой обещали прийти «под Пустозерской острог войною для обид пустозерского посадцкого человека Мокейка Безумова с товарыщи». Это не вызвало сомнения, поскольку ранее дважды – в 1642 и в 1644 гг. – «воровская карачейская самоядь Хаска Карачеянин с племянем своим с Поскою да с Немчинком с товарыщи приходили войною под Пустозерский острог и их, пустозерцов, разоряли и над Божием милосердием наругались, образы кололи и людей мучили и государеву сибирскую казну громили; и от их де разоренья в Пустозерском остроге померло одной зимы с наготы и з голоду 370 человек»[15].

Но боевые действия карачейских самоедов против пустозерцев, впрочем, как и других русских торговых и промышленных людей, не ограничивались нападениями на Пустозерск и Пустозерский уезд. Как писал в своей челобитной Михаил Кондаков, существовала, говоря современным языком, система грабежа и нападений. В отписке тобольских воевод о строительстве кочей в Тюмени и условиях плавания по Обской губе 1643 г. содержатся сведения о том, что «во 1642 году на Мангазейском море у Черных гор розбило твоих государевых два коча с хлебными запасы да воеводцкий коч да торговых людей четыре коча. ... И те де достальные мешки воровская юрадцкая и пуровская и надымская самоядь себе розвозили»[16]. Позднее в челобитной от 26 мая 1652 г. князец Большой Карачеи Пось Хулеев признается в грабеже соли и хлебных запасов на «морском разбое» 1642 г. и пишет, что за эти запасы расплатился полностью к 1649 г.[17].

В 1649 г. берёзовский воевода Я. Н. Лихарев принял решение о приведении «карачейской самояди» к порядку, в частности, в уплате «государева ясака». Он направил в Москву отписку о действиях ясачных самоедов и получил государев указ о взятии карачейских аманатов – заложников. В результате этого впервые пленили «Большие Карачейские земли князца лутчево Пося Хулеева», возглавлявшего боевые операции против населения Пустозерского уезда. Через некоторое время он бежал, вскоре, в 1652 г., вновь был пойман, но после обещания уплаты государева ясака был обменян на своего сына и племянника[18].

Краткая характеристика карачейской самояди содержится в отписке 1657 г. берёзовского воеводы С. А. Малова: «Самоядь, люди кочевные, в зимнее время живут, переходя на оленях с места на место, от Берёзовского уезду в дальных местех к морю и по сухим речкам и по тундрам. ...Самоядь в летех выезжает для рыбных ловлей край моря и живет по островам»[19]. Военные операции Большой Карачеи совершались не только самоедами. В особо значимых сражениях принимали участие большинство родов карачейских самоедов, но значительную часть военных отрядов составляли нижнеобские остяки, и в первую очередь Обдорского княжества.

Из розыскного дела 1662–1663 гг. о подготовке восстания остяками и самоедами Берёзовского уезда под руководством князя Обдорской волости Ермака Мамрукова следует, что до этого восстания самоядь «Пустозерский острог взяв, сожгли, воеводу и всех служилых людей побили». За участие в этом «изменном деле» по указу царя и Соборному уложению обдорские остяки князец Ермачко Мамруков, Смагинко Щеголдаев и другие были повешены, «чтоб, впредь на то смотря, иным вашей братьи остяком неповадно было так воровать»[20].

Очевидно, что под впечатлением этих событий было принято решение о строительстве новых

[13] Там же. Стб. 425. Л. 110–114.

[14] Там же. Стб. 454. Л. 11–16.

[15] Там же. Л. 15–16.

[16] Там же. Стб. 123. Л. 60–68.

[17] Там же. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 9–11.

[18] Там же. Стб. 408. Л. 390–392, 452–455, 486–488; Стб. 1056. Ч. 1. Л. 13–14.

[19] Там же. Стб. 503. Ч. 1. Л. 10–13.

[20] ДАИ. СПб.: тип. Э. Праца, 1851. Т. 4. С. 297–312 (№ 26).

укреплений Пустозерского острога в 1665 г.[21]. По всей видимости, именно в этой связи вектор нападения Большой Карачеи сместился в сторону населения Пустозерского уезда. В связи с этим хотелось бы особо подчеркнуть, что для карачейских самоедов не существовало этнической дифференциации объектов грабежа. Все, кто не входил в военно-политическое объединение Большая Карачея, был слаб и имел хоть какое-то имущество, могли стать объектами нападения.

Как нельзя лучше об этом свидетельствует выдержка из челобитной пустозерских самоедов, что «их де побивают и грабят и приходят на них войною, сложася с карачейскою самоядью и с остяками. В прошлом де во 174-м (1666. – *О. К.*) году у него, Топки, самоядь с остяками сына его Талыки убили до смерти, наругаяся над ним, пересекли его натрое, и жену и сына его, и животы, две кости мамантовы, тридцать песцов рослых и юк ровдужной, два волка, пятнадцать постель, десять кровель, два чума, пятьдесят оленей, два невода да две однорядки взяли себе. А у Гизейка в том же году убили та ж самоядь с остяками сына Сюрчюйка и животы его и олени все пограбили, а другого сына Ядка с женою и с детьми взяли жива, и он, Ядка, у них ушел один, а жена и сын его и ныне у них, а животов его взяли двадцать оленей. А у Хаски Гисева остяк Гында[22] убил родника его Аркадка самоядина до смерти, а тринадцать самоядинов родников его держал у себя в работе и всех их приморил с голоду. А самоядина Сазуйка Холкина убили до смерти ж. Да роду Волей самоядина Ломдека остяки ограбили, взяли у него двадцать оленей, и посадили его в […] амбар и заморили до смерти, а брата его Поспелка взяли и ныне держат у себя в работе»[23].

По-видимому, к концу 60-х гг. XVII в. боевые операции самоедов Большой Карачеи, проводившиеся совместно с остяками Обдорской волости, приняли характер широкомасштабных действий, угрожавших снижению численности ясачного населения и соответственно сборов в казну. Явно в этой связи в 1668 г. по указу царя Алексея Михайловича в Пустозерский острог было предписано послать «голову стрелецкого и с ним пятьсот стрельцов со всем строем для прихода войной карачейской самояди и остяков на Пустозерский острог»[24].

Подробнее сведения о «воровской» операции карачейских самоедов и обдорских остяков против Пустозерска 1688 г. содержит отписка пустозерского воеводы Ивана Неелова в Берёзов. В ней сообщается, что зимой 1668 г., и что особо интересно, как и четверть века назад, «февраля в 20 день (! – *О. К.*) пришли под Пустоозерский острог … Карачейская самоядь Поско самоядин с разными родами», имея в качестве военных партнеров опять же обдорского князца Гынду Моликова «с обскими остяками». Этот отряд «руских людей нагонили на озере на рыбной ловли и пограбили неводы, и пешни, и топоры, и кожи, и рыбу, что в улове было, все пограбили, и ухватили у самого посаду у дворов пустоозерского самоядина Хаску Палчевого и били, а после <…> сына его и жену, и животы и олени все побрали себе, а его, Хаску, отпустили и стали на озере»[25].

Лишь после смерти вождя Большой Карачеи Пося Хулеева большие военные операции на Пустозерск приостановились. Дети Пося Хулеева – Игонка и Маулка – вошли в конфликт с бывшим соратником обдорским князцом Гындой Моликовым. Причем последний получил от московского царя не только жалованную грамоту на сбор ясака от подвластных ему остяков и самоедов, но и царскую грамоту, предписывающую берёзовскому воеводе В. М. Гагарину организовать карательную операцию против карачейских самоедов с участием обдорских остяков для приведения их под «великого государя царскую высокую руку в ясашной платеж» и возврата «грабежные остяцкие животы и олени»[26]. Чем закончилась эта операция – неизвестно, документы пока не найдены. Также пока не найдены источники о каких-либо широкомасштабных военных операциях карачейских самоедов с конца XVII до начала XVIII в.

Вместе с тем упоминания о сибирских самоедах и их нападениях на Пустозерск содержатся в книге Николаса Витсена. Причем в общих характеристиках обских самоедов явно имеется некий отпечаток, наложенный реальными действиями Большой Карачеи. В частности, он сообщает, что «обские самоеды – самые злостные из всех», и в то же время «около Оби живут самые богатые самоеды»[27]. Эти выводы дополнены кратким описанием боевых действий сибирских самоедов: «Городок Пустозеро окружен частоколом из бревен с деревянными башнями и бойницами. Это сделано от нападений самоедов. Те иногда зимой, когда все замерзло, предпринимают таковые под руководством своих сибирских князьков, которые тогда появляются, чтобы грабить. Но когда эти люди проникают внутрь заграждения, они со своими стрелами и слабой военной хитростью ничего не могут сделать»[28].

Эти сведения дополняют историческую картину боевых действий интересными деталями. Скорее всего, в сведениях Витсена речь идет о событиях 1668 г., но поскольку говорится о неоднократных

[21] Окладников Н. А. Указ. соч. С. 49.

[22] Очевидно, здесь упоминается обдорский князь Гында Моликов.

[23] ДАИ. СПб.: тип. Э. Праца, 1851. Т. 5. С. 376 (№ 68-I).

[24] Там же. С. 375 (№ 68-I).

[25] Там же. С. 376–377.

[26] ДАИ. СПб.: тип. Э. Праца, 1862. Т. 8. С. 166–168 (№ 44-Х).

[27] Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. II. С. 895, 898.

[28] Там же. С. 948.

нападениях, то, вероятно, имеются в виду и другие, более поздние, о которых у нас нет документальных данных. Данные явно свидетельствуют, что нападавшие карачейские самоеды столкнулись с ранее незнакомой ситуацией, а именно – наличием острожных стен Пустозерска. Судя по всему, до 1665 г. укреплений не существовало, либо к середине XVII в. они настолько обветшали, что не представляли собой сколько-нибудь серьезного фортификационного сооружения, особенно для зимнего периода. Косвенно это подтверждает документ о нападении карачейских самоедов на Пустозерский острог в 1642 г. Хотя Пустозерск и именован острогом, но «он де (воевода Неплюев. – *О.К.*) Протасей от той де самояди во дворех отсиделся с пустозерцы с посацкими людми»[29], а отнюдь не в укрепленном остроге.

По-видимому, строительство острожных укреплений сыграло свою положительную роль в защите Пустозерска. В первой половине XVIII в. боевые действия распространяются на территорию Пустозерского уезда. Следующий круг документальных источников периода с 1712 по 1749 г. содержит сведения о 9 боевых операциях.

В сентябре 1712 г. карачейские самоеды, возглавляемые Пидилцей Майдалиным, пограбили у пастухов-самоедов, выпасавших оленей пустозерских жителей, «пять сот тридцать четыре оленя со всеми при них заводами и пожитки»[30]. Кроме того, этим же отрядом было отнято у «пенежанина Алексея Кокина на Николском берегу з Дрестьвянской тони красной рыбы семги триста рыб по весу сто пудъ (1,6 тонны. – *О. К.*) по цене на дватцать на пять рублев»[31].

В том же году, вероятнее всего, частью отряда Пидилци Майдалина было совершено еще одно нападение в районе Усть-Цильмы. С «Мезени Пустоозерского ведомства в Ижемскую и Усть-Целемскую слободки на кружечные дворы вино, которое с Мезени от деревни Вочгоры вес на оленях пустоозерец Исак Кожевин». Менее чем в 30 верстах от Усть-Цильмы, когда бочки уже везли на лошадях, «наехали вышеозначенные ж Карачейские воровские самоядцы, и оное вино, которое везли на лошадях на дороге остановили и то вино [на]силно пили и русских людей которые при том вине были связав руки и ноги мучили спрашивали у них про вышеявленных оленей, на которых помянутое досталнее вино везено и оттоле поехали оных оленей искать и наехав на дороге других оленей устьцелемцов Авдея Поздоева, Степана Шишалова и ясашной самояди. И у них тех оленей пограбили, более дву[х] сот оленей, со всякими при них снастьми и с промышленными заводы, и хлебные и другие припасы, и платье о[то]брали»[32].

В следующем 1713 г. отряд карачейских самоедов, возглавляемый другим лидером Лейко Иглиным, «пограбили при Пустоозерске у них пустоозерцов и у приезжих людей восемь сот восемь оленей со всякими ж оленными заводы. При том и других разных пожитков взяли не малое число»[33]. Пустозерским воеводой была предпринята попытка вернуть награбленное имущество гражданского населения, для чего послан отряд в составе солдат, пустозерских жителей и ясачных пустозерских самоедов. Тем не менее эта попытка не увенчалась успехом, поскольку «воровские Карачейские самоядцы наехав на них, посланных ис Пустоозерска салдатов и других с ними людей, и из луков по них стреляли и тою стрелбою многих салдат и русских людей ранили»[34].

В 1714 г. отряд карачейских самоедов, возглавляемый тем же Лейко Иглиным, совершил новое нападение, в процессе которого они «грабили у Пустоозерских и Мезенских жителей на тундре оленей»[35].

В 1717 г. «Карачейские самоядцы при Пустоозерске ж от чумов пограбили сто дватцать семь оленей со всякими оленными заводами»[36]. О новых нападениях на жителей Пустозерского уезда в 1718 г. сведения отсутствуют, но вот зимой следующего 1719-го с выброшенного штормом на Тионский берег судна пинежанина Михаила Маслова, везшего из Архангельска в Пустозерской острог «на кружечной двор вино и солодовые и другие припасы», карачейские самоеды «воровски несколко четвертей увезли»[37].

Неоднократно в приказную избу Пустозерского острога жители подавали изветные челобитные. Они писали, что «и в другие разные годы, оные Карачейские самоядцы, к Пустоозерскому острогу приезжали и многие разным всяким людем при Пустоозерске и на промыслах грабежи чинили от которых их Карачейской самояди, к Пустоозерскому острогу воровских приездов и многих грабежев они пустоозерцы разорились все конечно»[38]. Кроме того в челобитных сообщалось, что «воровские Карачейские самоядцы ... на тех их промыслах у промышленных людей хлебные и другие припасы, и промышленные снасти, и котлы, и топоры, и протчее, и что бывает в улове какого промыслу все отнимают и грабят [на] силно. И с промышленных людей платье снимают, и тех промышленных людей на тундре на пустом месте оставляют без хлеба и без платья. Которые без хлеба и платья многую принимают нужду, а других промышленных людей муча[ю]т. И связав руки и ноги по тундре за сан[я]ми своими, на которых они ездят, волочат начаяся [надеясь] у них вымучить каких

[29] РГАДА. Ф. 214. Стб. 425. Л. 110–114.

[30] ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 994. Л. 30–30 об., 40.

[31] Там же. Л. 30 об., 40 об.

[32] Там же. Л. 43–43 об.

[33] Там же. Л. 41 об.

[34] Там же.

[35] Там же. Л. 19–24.

[36] Там же. Л. 41 об.

[37] Там же. Л. 42.

[38] Там же. Л. 41 об.

спрятанных пожитков. И промышленые избушки, и другие заводы многие позжгли, и опустошили»[39].

В 1720 г. солдат архангельского гарнизона Корнило Золин с чиновниками из Пустозерска были направлены на оленях с казенными документами. На пути к Мезени они были ограблены карачейскими самоедами, которые, забрав оленей, «из луков по них стреляли и пограбя у них все без остатку покинули их на пустом месте. И они, салдат и бурмистры, бродя, по тундре пешие по великим снегам без лыж едва все от мразу и от снега не измерзли». Их нашли и спасли от смерти русские промышленники. Посланные с ними документы были потеряны. В том же году, вероятно, тем же отрядом карачейских самоедов у пустозерских жителей были отбиты «триста оленей и многие товары и припасы». Те товары, которых самоеды увести не могли, разметали по тундре и уехали[40].

В тот же год в ответ на многочисленные прошения было принято решение об усмирении действий карачейских самоедов. В контексте нашего исследования интересна характеристика действий карачейских самоедов, содержащаяся в указе Петра I от 17 сентября в Пустозерской острог: «Сибирской губернии Карачейская самоядь, которая живет при море по обе стороны Оби реки и ведома данным сборам на Берёзове и на Тазу (известна берёзовским и тазовским ясачным сборщикам. – *О. К.*), приходит через тундру на оленях на Печеру реку к Пустоозерскому острогу, воровски собравшись многолюдством, и имеют при себе [о]ружье: луки и множество стрел, и рогатины (копья. – *О. К.*), и ездя на оленях воруженною рукою, у них, пустоозерских жителей, и у других приезжих людей, которые бывают в Пустоозерском остроге для торгов своих, и всяких промыслов, пожитки всякие, и товары, и оленей грабят насилством. И пограбя с теми пограбленными пожитки, и с олен[я]ми уезжают назад в свои жилища к реке Обь. И которые люди в том, их грабеже станут чинить какое малое сопротивление и пожитков своих, и оленей грабить давать не станут, и тех людей из луков своих стреляют и уязвляют. И такими, своими воровскими приезды, многое число у них, пустоозерских жителей и других людей оленей и других пожитков пограбили, и в свои жилища увезли»[41].

В 1721 г. были предприняты превентивные меры, в результате чего в феврале в районе Мезени и Пустозерска были арестованы несколько карачейских самоедов и получены сведения об отряде численностью около 30 человек, расположившемся в Пустозерском уезде. И в этот год карачейские самоеды прибыли явно не для торга. Но после предписания направить пойманных самоедов в архангельскую канцелярию для расследования и направить солдат для поимки других «Карачейских самоядцов»[42] зимой 1721 г. каких-либо грабежей или боевых действий в Пустозерском уезде не происходило.

Отсутствуют прямые свидетельства о грабительских нападениях в 1722 г., но вот уже зимой 1723 г. отряд карачейских самоедов, возглавляемый Паломой Танабиным, очевидно, новым лидером Карачеи, отнял оленей у пустозерских самоедов и кроме этого 18 февраля ограбил поручика архангельского гарнизона Василия Оладина, следовавшего с солдатами из Мезени в Пустозерск, «наехав на них на тундре у Щучьих островов»[43].

После этого случая в течение нескольких лет, вплоть до зимы 1730–1731 гг., «воровские» нападения карачейских самоедов как будто бы прекращаются. Как минимум, о том отсутствуют исторические данные. Возможно, причиной тому стало исполнение царского указа Петра I от 17 сентября 1720 г., предписывавшего «самоядцов из главных родов брать в аманаты и держать в Пустоозерске за караулом впред без переводно дабы они Карачейские самоядцы воровскими своими приезды наиболшаго разорения и грабежу и людям мучения не учинили»[44]. Неким косвенным подтверждением этому может служить «визит» карачейских самоедов, в результате которого «1728» г. февраля «25» дня «будучи в Пустоозерске, Берёзовского ведомства Закаменная Карачейская самоядь … договорились и дали на себя писмянной договор с Пустоозерскими жителми ... чтоб оных аманатов свободить и для тово обещали впредь оным пустоозерцом и протчим ни каких грабежей и обид не чинить и пограбленные достальные по платежу олени и пожитки их платить им от помянутого “[1]728” году до “[1]731” в три годы все сполна без всяких отговорок погодно»[45].

Договор этот не был выполнен в полной мере. Это обстоятельство могло послужить поводом для событий зимы 1730–1731 г.[46]. 27 декабря 1730 г. «Берёзовского ведомства, роду карачейского самоядин Сабей приехав в Пустоозерск объявил показанного де Берёзовского ведомства разных родов Карачейские самоядцы болшим з атаманы Палома Танабин з братом своим Хынзидою да при них общей их братьей, которые могут луками владеть пятьдесят сем ч[е]л[о]в[е]к едут разбоем для отбирания у русских людей оленей и пожитков где что могут на тундре найти»[47]. На основании этого сообщения 30 декабря из пустоозерской канцелярии воеводой Яковом Великопольским для поимки «воровской Карачейской самояди» посланы были подьячий Сава Дрягалов,

[39] ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 994.

[40] Там же. Л. 42 об.

[41] Там же. Л. 41–45.

[42] Там же. Л. 46 об.–47 об.

[43] Там же. Л. 31, 35 об.

[44] Там же. Л. 44–44 об.

[45] Там же. Л. 34 об.–35.

[46] Там же. Л. 1–95 об.

[47] Там же. Л. 18.

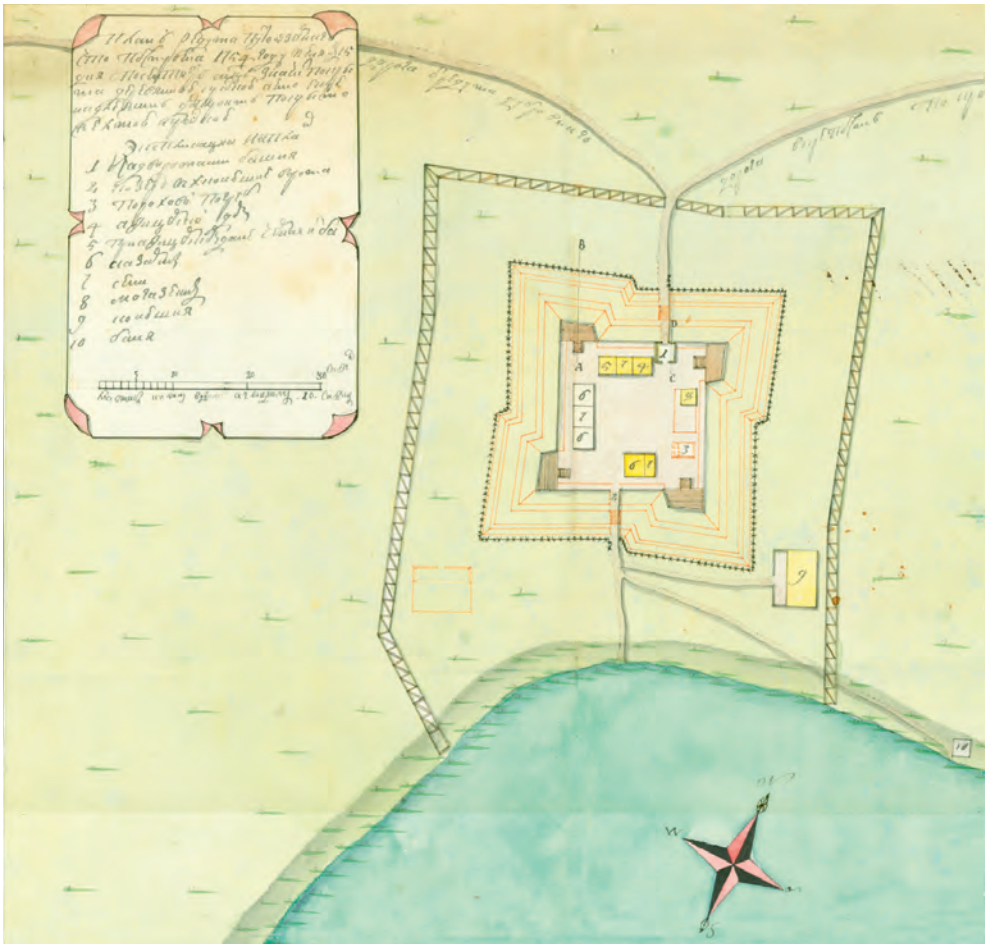


Рис. 8. Пустозерск. Фрагмент плана Пустозерского редута 1754 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 34. Д. 306)

сержант, два капрала, 50 солдат, два переводчика, несколько крестьян и 96 ясачных самоедов-лучников пустозерского ведомства. Уже 10 января 1731 г. в пустозерскую канцелярию были приведены все пленные карачейские самоеды-лучники, «пятьдесят семь человек, которых изымали прошед Пустоозерской острог и Пустоозерского ведомства деревни, переехав Печеру реку на Малой земли близ Мезенской дороги, которая лежит из Пустоозерска в Мезень»[48].

На допросах самоеды, очевидно из числа элиты, сообщили, что в октябре 1730 г. организовывали соплеменников (кого добровольно, кого насильно) и, собравшись у «ватащика» – общинного вождя Паломы Танабина, – убеждали его собрать ополчение и возглавить очередной грабительский набег на Пустозерск и его жителей. Также сказали, что «намерены были грабить, где б что могли наити на тундре оленей и пожитков».

По результатам расследования было вынесено определение, в котором предписывалось активных участников грабительских нападений прежних лет бить кнутом, иных бить батогами, те же, кто озвучил свое принудительное участие в нападении, были отпущены, «чтобы ясака не умножался недобор и чтоб без препитания от гладу не измерлили б. При отпуске оным самоядцом дано, изо взятых у них при поимке тритцать луков и стрел по препорцыый с росписками, для того что им идучи на прежние жилища на тундре не помереть голодною смертию»[49]. Не могу не отметить это как яркий пример христианской терпимости пустозерцев, испытавших ранее малопонятную жестокость карачейцев. Палома Танабин не подвергся наказанию, поскольку по окончании следствия умер, причина в документе не озвучивается.

Следует отметить еще один важный факт. Значительная часть карачейских самоедов участвовала в нападениях, привозя с собой всю семью (жен, детей, престарелых родителей, которых невозможно было оставлять одних в тундре). Возвращаясь к участию всех членов семей в грабежах, можно сделать вывод,

[48] Там же. Л. 3.

[49] Там же. Л. 27–29.

что нападения на пустозерских жителей как непременное систематическое действие воспитывалось у карачейской молодежи с детства. Об этом косвенно, но свидетельствуют артефакты из раскопок Надымского городка, о которых говорилось выше.

Есть несколько фактов, которые позволяют смоделировать возможный вариант финала истории 1731 г. Это данные из дневников Г. Ф. Миллера и запись лейтенанта Д. Л. Овцына, начальника Обского отряда Северной экспедиции[50]. Их дополняет находка в Надымском городке 13 убитых индивидуумов, относящихся к енисейскому антропологическому типу, соотносимому с современным ненцами[51].

Предположительно после пленения «ватащика» Паломы Танабина и его отряда либо обиженными на что-то соплеменниками, либо европейскими самоедами было предпринято нападение на Надымский городок – некая карательная операция с целью убийства ближайших родственников вождя для прекращения карачейской вождеской династии. И видимо, результат был достигнут – на 17 лет нападения прекратились. Лишь в 1748–1749 гг. было совершено нападение карачейских самоедов на Пустозерск, ставшее последним[52].

Спустя немного времени Пустозерск утрачивает свое значение административного центра. В 1762 г. оборонительные сооружения были разобраны по указу Сената «за ветхостью». В 1780 г. Пустозерский уезд был упразднен. Вооруженные нападения и военное противостояние прекращаются[53].

В этой связи можно заметить, что расцвет Пустозерска синхронен возникновению Большой Карачеи и расцвету Надымского городка – самого богатого по находкам вещей аборигенного поселения. Вряд ли это совпадение.

В заключение отметим, что практически все карачейские самоеды являлись плательщиками ясака, административно-территориально принадлежали к Обдорской волости Берёзовского уезда и были приписаны к Обдорскому городку – пункту ясачного сбора. Вожди Большой Карачеи общались с представителями Московского царства по урегулированию спорных вопросов, судились по его законам, то есть были, условно говоря, подданными Московского царства, позднее – Российской империи. В этой связи отряды карачейских самоедов следует характеризовать не иначе, как незаконные вооруженные формирования, а их боевые операции – грабительские, в терминологии того времени – «воровские».

Что можно назвать в числе причин и поводов столь длительных вооруженных конфликтов? Причиной, на мой взгляд, была длительная беспошлинная, не контролируемая властями торговля с карачейскими самоедами пушниной, в том числе награбленной, и оружием, которая вызвала резкое имущественное расслоение аборигенного общества, выделение военной элиты, желавшей славы и богатства. Поводом же для нападений наверняка служил страх голодной смерти – довольно обычное состояние аборигенов Арктики. Тем не менее никаким голодом не объяснить грабеж имущества, издевательства над людьми и надругательства над иконами. Для карачейских самоедов это была средневековая война – война как часть присваивающей экономики общества аборигенов, служившая для удовлетворения их разнообразных потребностей, в том числе амбиций вождей и общинной элиты.

[50] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. Вып. VI. С. 259–260; РГАДА. Ф. 248. Д. 669. Л. 15 об.; РГАВМФ. Ф. (Капитан-командор Беринг). Л. 17–20.

[51] Кардаш О. В. Надымский городок … С. 29–30.

[52] Евсюгин А. Д. Ненцы Архангельских тундр. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979. С. 117.

[53] ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 246. Л. 80; Окладников Н. А. Указ. соч. С. 59, 62.

O. V. Kardash

“The Hundred Years’ War” of Pustozersk and Bolshaya Karacheya of the 17th – 18th cc. (on the results of Complex Excavations of Pustozersk and Nadym Fortified Settlements)

Key words: Russian Arctic, Nadym town, Pustozersk, samoyeds, Bolshaya Karacheya, war.

Abstract: The article gives the data received during the excavations of Nadym town, the residence of Siberian Samoyeds of Bolshaya Karacheya and Russian uyezd town (regional center) Pustozersk. The documents from 1636 to 1749 containing information about the warlike operations of Karacheya Samoyeds against citizens of Pustozersk Uyezd are also cited. Based on the analysis of archaeological and documentary sources a conclusion is drawn that robberies were systematically committed. And for Siberian Samoyeds they were a medieval war, a part of arrogating economy, which served for satisfying their various needs, as well as the ambitions of leaders and community elite.

П. А. Аваков, И. Р. Гусач, А. В. Дедюлькин

На границе империй: османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по данным археологии

Северо-Восточное Приазовье, с античных времен являвшееся международной контактной зоной, в эпоху позднего Средневековья превратилось в зону перманентной конфронтации между Россией и Турцией. Особое место региона во взаимоотношениях двух держав определялось его геополитическим положением[1].

Взятие Османской империей итальянской фактории Тана в устьях Дона в 1475 г. и последующее создание здесь Азакского санджака привело к образованию близ южных границ Российского государства нового очага внешней агрессии[2]. В XVI–XVII вв. город-крепость Азак (Азов) играл важную роль в организации турецких, ногайских и крымскотатарских набегов на русские земли и являлся крупным центром работорговли[3]. Прилегавшую к Азакскому санджаку территорию Подонья в конце XVI в. заселили донские казаки, которые уже со второй трети XVI в. регулярно вели боевые действия против Азова[4]. Постоянная казачья угроза требовала от турецких властей поддерживать укрепления Азова в обороноспособном состоянии.

Основу крепостных сооружений Азова составляли два каменных замка, построенные генуэзцами и венецианцами в XV в. Вероятно, впоследствии замки были объединены, после чего получили общее название – Таш-кале (Каменная крепость). После 1475 г. с запада к Таш-кале были пристроены каменное и земляное укрепления – Орта-кале (Срединная крепость) и Топрак-кале (Земляная крепость). Вопрос о времени их сооружения пока остается открытым. Но определенно Топрак-кале возвели не позднее первой половины 1570-х гг., так как около 1574 г. донские казаки уже совершили нападение «на Топраков». В 1616 г. азовский санджакбей Сенджван-паша обнес Топрак-кале каменными стенами. По данным дворянина Афанасия Желябужского и подьячего Арефия Башмакова, осмотревших Азов в 1641 г., окружность его наружной ограды составляла 526 саженей (1136 м). С трех сторон ее окружал ров глубиной две сажени (4,3 м) и шириной четыре сажени (8,6 м), внутренние стенки которого были обложены камнем. В городе имелось одиннадцать каменных башен. Однако Азов вовсе не являлся

[1] Аваков П. А. Геополитическое положение Подонья-Приазовья в XV–XVI вв. в свете противостояния России и Турции // Известия высших учебных заведений: Северо-Кавказский регион. Сер. Обществ. науки. 2011. № 1. С. 33–34; Его же. Генезис русско-турецкого противостояния в Подонье-Приазовье в XVII в. (до 1695 г.) // Единорогъ: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 4. (В печати).

[2] Новый турецкий источник по истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2001. Вып. 8. С. 364–365; Inalcik H. Azak // The Encyclopedia of Islam. New edition. Leiden, 1986. Vol. 1. P. 808; Эвлия Челеби. Книга путешествия: (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М.: Наука, 1979. Вып. 2. С. 40, 194, 197, 199; Королёв В. Н. Азовский санджак (вторая половина XVI – первая треть XVII в.) // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году: (тез. докл. к обл. семинару). Азов: Азов. краевед. музей, 1987. С. 36–39; Аваков П. А. Генезис русско-турецкого противостояния в Подонье-Приазовье … (В печати).

[3] Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М.: [Изд-во Моск. ун-та], 1946. Т. 1. С. 4; Т. 2. С. 33, 35, 89, 99, 133 (Ученые записки / МГУ; вып. 94); Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. С. 205, 380; Аваков П. А. Генезис русско-турецкого противостояния в Подонье-Приазовье … (В печати).

[4] Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1998. С. 70–83, 161, 216–221, 342, 346–347, 349–350; Мустакимов И. А., Сень Д. В. Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ.: Ін-т історії України НАНУ, 2010. Вип. 9–10. С. 316–318; Их же. Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Таганиса. х. Недвиговка Мясниковского р-на Ростов. обл.: АМЗТ, 2012. Вып. 3. С. 178; Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Ростов н/Д: ГинГо, 2001. С. 71–73.

Рис. 1. Крепости Северо-Восточного Приазовья. Ситуационный план на основе фото с сайта «Google Планета Земля»

первоклассной крепостью. По свидетельству дворянина Степана Чирикова, посетившего город в 1637 г., его тонкие и невысокие стены, выложенные из дикого камня, скрепленного глиною, не имели ни зубцов, ни бойниц для ведения ярусного огня[5].

В июне 1637 г. донские и запорожские казаки после двухмесячной осады взяли Азов штурмом. Не собираясь мириться с потерей, Османская империя отправила для взятия Азова огромную армию. В ходе героического Азовского осадного сидения донских казаков 1641 г. укрепления города были почти полностью разрушены. Отстояв Азов, Войско Донское вынуждено было его оставить в мае 1642 г.[6]. Заняв город, турецкие войска под командованием везира Джуван-капуджибаши Мехмед-паши не только восстановили, но и значительно усилили его фортификационные сооружения. При этом прежняя трехчастная структура крепости была сохранена[7]. Но это не означает, что в устройстве укреплений и планировке реконструированного Азова не было сделано никаких изменений, как полагают И. В. Волков и О. Ю. Куц. Имеющиеся данные позволяют определенно говорить лишь об использовании старых каменных фундаментов и остатков башен итальянской работы при восстановлении Таш-кале. О Топрак-кале и Орта-кале подобные сведения отсутствуют[8].

Стремясь укрепить оборону Азова и сделать более эффективным противодействие военно-морской угрозе со стороны Войска Донского в Азово-Черноморском бассейне, в 1660 г. Османская империя ак-

[5] Волков И. В. Азовская крепость глазами Эвлии Челеби и русских военных топографов XVII–XVIII вв. // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. С. 91–92; Тафур П. Странствия и путешествия. М.: Индрик, 2006. С. 166; Inalcik H. Op. cit. P. 808; Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. 2. С. 198–202; Донские дела. СПб.: тип. Глав. упр. уделов, 1906. Кн. 2. Стб. 262–263 (Разд. паг.). (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею; т. 24); Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. Вып. 1. С. 151; Сухоруков В. Д. Указ. соч. С. 72; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 287; Куц О. Ю. К вопросу о местонахождении турецкого земляного вала в ходе борьбы за Азов летом – осенью 1641 г. // Очерки феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. Вып. 14. С. 392.

[6] Новосельский А. А. Указ. соч. С. 259–260; Донские дела. Кн. 2. Стб. 364–366, 429, 451 (Разд. паг.); Смирнов Н. А. Указ. соч. Т. 2. С. 47–52, 81–82; Мининков Н. А. Указ. соч. С. 377–378, 391.

[7] Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. 2. С. 40–41, 198–202; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1 1646 г. Д. 4. Л. 219; Ф. 111. Оп. 1. Кн. 8. Л. 490–491 об.

[8] Волков И. В. Азовская крепость глазами Эвлии Челеби … С. 83–84, 86, 88; Куц О. Ю. Указ. соч. С. 391–393; Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. 2. С. 40, 198–202.

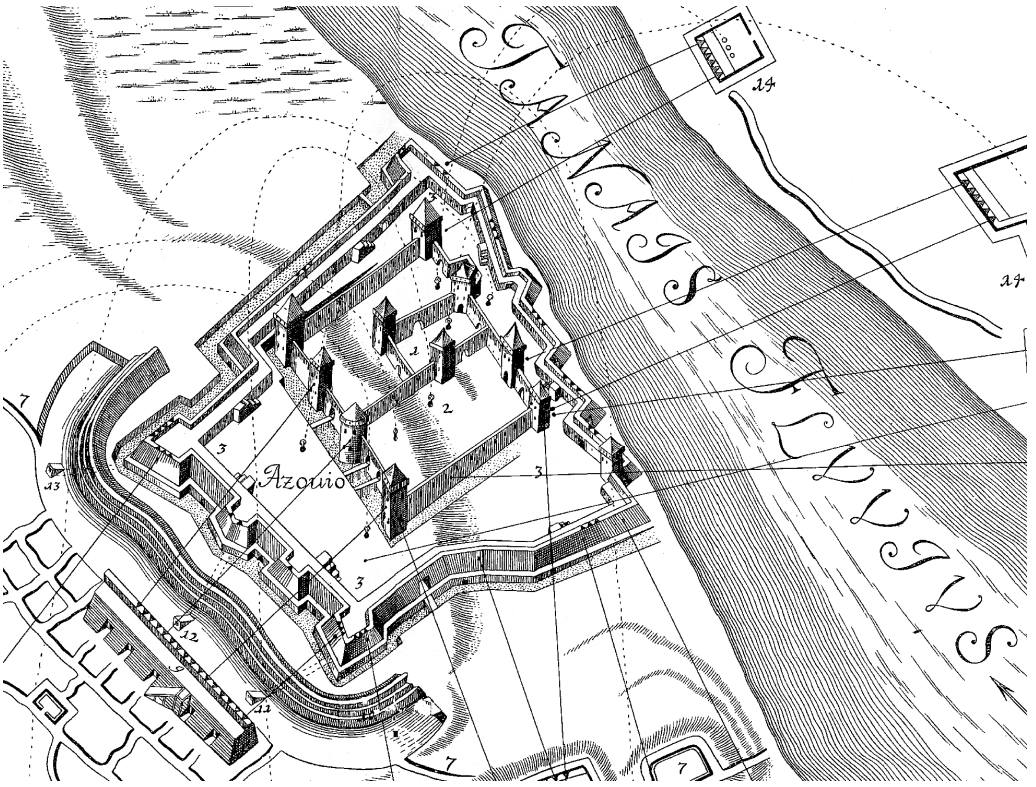


Рис. 2. Осада Азова в 1696 г. План 1698 г. из книги И. Г. Корба «Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)» (СПб., 1906)

тивизировала фортификационное строительство в дельте Дона. В течение двух месяцев под руководством крымского хана Мухаммед-Гирея IV и кафинского бейлербея Мустафы-паши выше Азова были построены две каменные башни и крепость, призванные блокировать выход в Азовское море для казачьих судов. Крепость Сед-Ислам (Щит Ислама) на левом берегу р. Мертвый Донец казаки прозвали городком Лютином, по протекавшему рядом ерику Лютин, а башни Шахи и Султанийе (Султана и Султанши), расположенные на обоих берегах протока Каланча, получили название Каланчинских башен. Крепость имела прямоугольную, почти квадратную планировку и одни ворота, на исходящих углах ее ограды находились четыре восьмиугольные башни с шатровой крышей из теса (рис. 3, 8). Длина перпендикулярно расположенных крепостных стен составляла 18 и 19 саженей (38,8 и 41 м), с трех сторон их окружал ров[9].

Во второй половине XVII в. правительство России неоднократно посылало в низовья Дона воеводские полки с целью создания военного противовеса Азову, но при этом не ставило перед ними задачу овладения крепостью. Тем не менее российское военное присутствие в регионе создало предпосылки для последующего завоевания Северо-Восточного Приазовья. В 1661 г. воевода И. С. Большой Хитрово совместно с Войском Донским попытался взять Лютин и Каланчинские башни, но обе операции провалились. В 1673 г. тот же воевода повторно осадил башни, но опять не добился успеха[10].

[9] Донские дела. Пг.: тип. М-ва земледелия, 1917. Кн. 5. Стб. 729–731, 734–740, 760–761, 765–766. (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею; т. 34); Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. 2. С. 128, 208–212; Поход боярина и Большаго полку воеводы Алексея Семёновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города и торжественное оттуды с победоносным воинством возвращение в Москву, с подробным описанием всех военных и торжественных произшествий и с имянным списком бывших при том: сухопутных и морских, великороссийских и малороссийских, вышних и нижних военачальников числе всех войск и учиненным оным награде. СПб.: [тип. Мор. кадет. корпуса], 1773. С. 146–147; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 445–445 об.; Чеснок В. Ф. Крепость Лютик (XVII–XVIII в.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д: Ростов. кн. изд-во, 1988. Вып. 5. С. 66–68; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 543. Л. 31; РГВИА. Ф. 424. Оп. 1. Д. 3; Ф. 846. Оп. 16. Д. 1588. Л. 2; Ф. 349. Оп. 3. Д. 95.

[10] Сухоруков В. Д. Указ. соч. С. 245–249, 252–255, 260–261, 305–320; Загоровский В. П. Попытка создания русского военно-морского флота на верхнем Дону в 60-х годах XVII века // Труды / Воронежский государственный университет. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1954. Т. 60, вып. 2. С. 25–28; Его же. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 82–86; Аваков П. А. Генезис русско-турецкого противостояния в Подонье-Приазовье … (В печати).

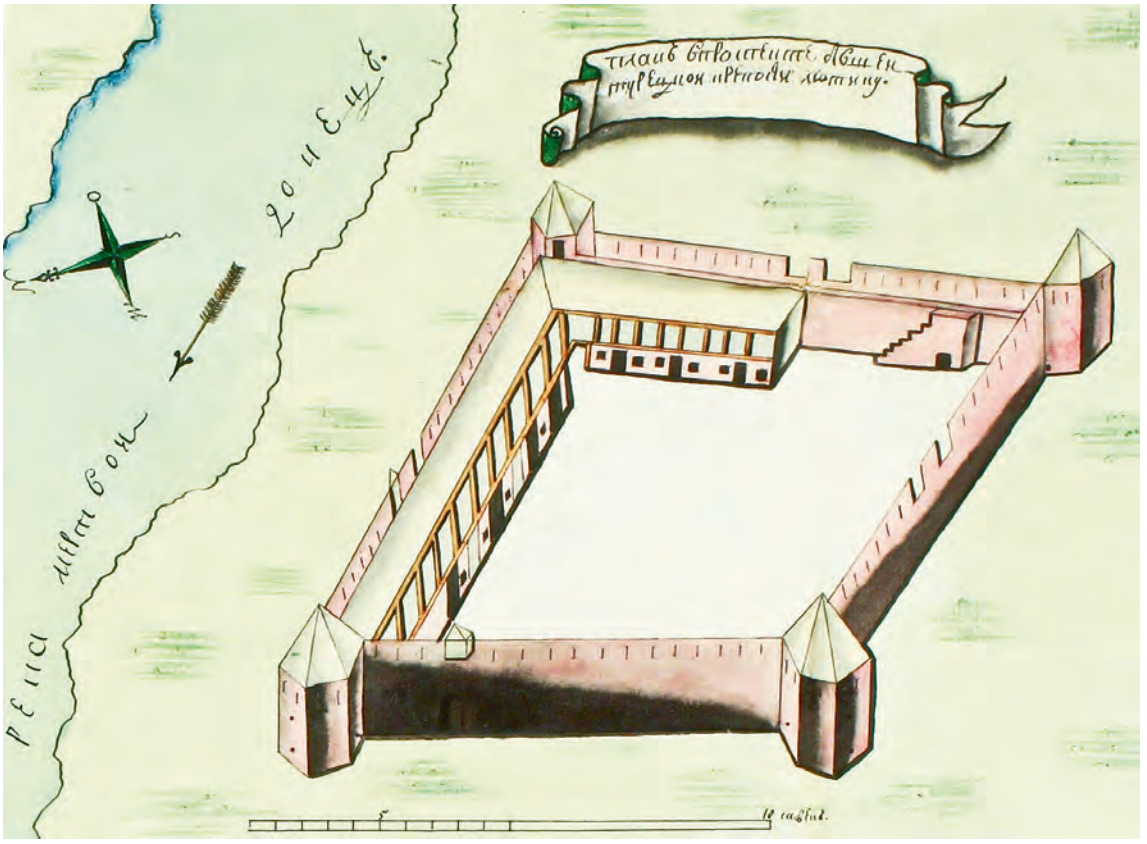


Рис. 3. «План в прошпекте бывшей крепости Лютик». Конец 1760-х гг. (ОР РНБ)

В последней четверти XVII в. Турция кардинально усовершенствовала укрепления Азова. Накануне Азовских походов Петра I он представлял собой довольно мощную крепость, о чем можно судить по документам и планам второй половины 1690-х гг. К тому времени каменная ограда города стала внутренней, так как снаружи ее окружила земляная ограда, местами бастионного начертания. По всему периметру ее опоясывал сухой ров. Каменная крепость по-прежнему была разделена стенами на три секции. На российских планах Азова того времени количество башен колеблется от восьми до десяти[11] (рис. 2).

С воцарением Петра I произошло коренное изменение формы борьбы России с агрессией Османской империи, выразившееся в организации двух походов с целью овладения Азовом. Итогом первого Азовского похода 1695 г. стало взятие Каланчинских башен. Башня Шахи была огорожена земляным валом бастионного начертания и получила название «города Сергиева», а башню Султанийе позже назвали «городом Никоновым». Овладев во время второго Азовского похода 1696 г. Азовом и Лютином, Российское государство ликвидировало Азакский санджак и взяло под контроль все Северо-Восточное Приазовье. Российский главнокомандующий воевода А. С. Шеин поселил в Лютине сто донских казаков, которые составили новую Лютинскую станицу Войска Донского. В 1708 г. она была ликвидирована и вместо казаков в крепости разместили сто солдат из Азова[12].

Реконструкция укреплений Азова с 1696 г. велась по проекту австрийского обер-инженера Антония де Лаваля, произведенного Петром I в чин генерала. Во время третьего Азовского похода 1697 г. он заложил с восточной стороны Азова горнверк Алексеевский, а напротив города отдельную крепость – «город Петровский». В 1698 г. арестованного генерал-инженера сменил его соотечественник обер-

[11] Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских козаков. Владимир: типо-лит. Губ. правл., 1903. Т. 1. С. 581; Поход боярина и Большаго полку воеводы Алексея Семёновича Шеина … С. 126, 131, 133–136; РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 2. Л. 232 об., 234, 276, 279 об., 281, 285 об.; ОР БАН. F. 226. Т. 2. Л. 87; Т. 3. Л. 33; Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 г.). СПб.: тип. А. С. Суворина, 1906. С. 288–289, изобр. 4.

[12] Богословский М. М. Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. С. 240–241, 243, 256, 327–329, 332–333; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 298, 299; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1535; Чеснок В. Ф. Указ. соч. С. 70–71; Королёв В. Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск: Дончак, 2007. С. 117–118.

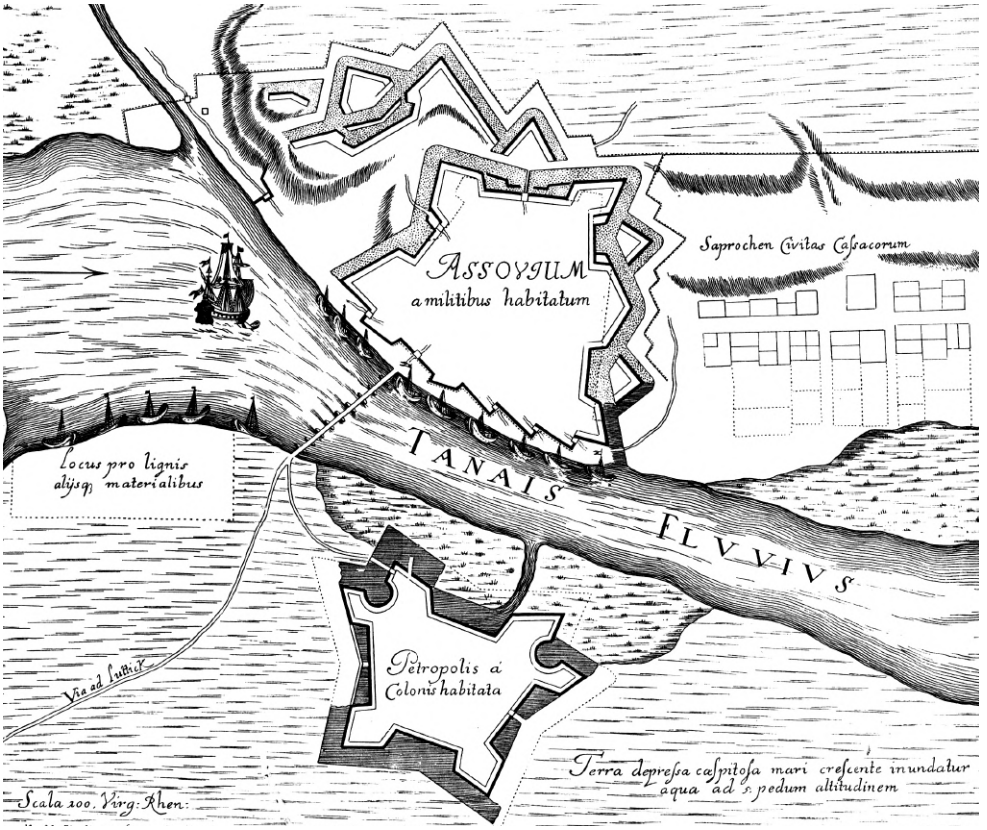


Рис. 4. Города-крепости Азов и Петровский. План 1698 г. из книги И. Г. Корба «Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)» (СПб., 1906)

инженер барон Эрнст Фридрих фон Боргсдорф[13]. В последующие годы фортификационные работы в крепости возглавляли подполковник Христофор Эрнест, майоры Григорий Эвертсон, Карлус Мас и Герхард Людвиг Шток (с 1709 г. – полковник).

К концу первого десятилетия XVIII в. перестройка Азова в соответствии с новейшими достижениями фортификации была в основном завершена. Город имел форму неправильного ассиметричного многоугольника и земляную наружную ограду с обращенными в поле тремя бастионами и обращенными к р. Дон двумя полубастионами. Периметр наружной ограды крепости составлял 1046 сажен 2 фута (2233 м). Фундамент главного вала был выложен камнем. Три из четырех куртин прикрывали равелины. Дополнительную защиту Азова с восточной стороны обеспечивал Алексеевский горнверк из двух полубастионов и реданта, усиленный равелином. Слабую горжу крепости защищал недостроенный «город Петровский» на правом берегу Дона, представлявший собой бастионный четырехугольник трапециевидной формы, длинной стороной обращенный к реке. Земляную ограду Петровского окружал ров шириной в 20 саженей (42 м). С противоположной стороны Азов окружал ров, наполненный водой из Дона, с гласисом и частоколом впереди (рис. 4). Турецкие каменные укрепления, расположенные внутри наружной ограды Азова, уже не имели никакого оборонительного значения. Артиллерия Азова (в том числе горнверка Алексеевского) и Петровского в 1711 г. насчитывала 105 орудий разного калибра[14].

[13] Статейный список похода в Азов боярина и воеводы Алексея Семёновича Шеина, в 1697 году // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса: тип. Х. Алексомати, 1868. Т. 7. С. 150–151, 153–154, 162; Письма императора Петра Великаго к брату своему царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану с ответами на оныя и на отзывы боярина и воеводы Алексея Семёновича Шеина, князя Бориса Александровича Голицына и боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева. СПб.: [тип. П. И. Богдановича], 1788. С. 74; Бранденбург Н. Е. Азовский поход Шеина, 1697: (материалы для истории военного искусства в России) // Военный сборник. СПб., 1868. Т. 63, № 10. С. 197, 201 (Отд. 2); Корб И. Г. Указ. соч. С. 290, изобр. 5; Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 324, 336; Аваков П. А. Город Петровский на Нижнем Дону (1697–1711) // Рубикон: сб. науч. работ молодых ученых. Ростов н/Д: ЮФУ, 2010. Вып. 56. С. 83; Борисов [Вейнберг] Л. Б. Антоний Де-Лаваль: по неизданным документам Воронежского архива // Русский вестник. 1890. Т. 211, № 12. С. 6–44.

[14] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 440–445; Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России … Карты, планы и чертежи к II ч. … СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1861. Л. 31, изобр. 103; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21602; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1 (Екатеринославская губ.). Д. 25; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 543. Л. 28.

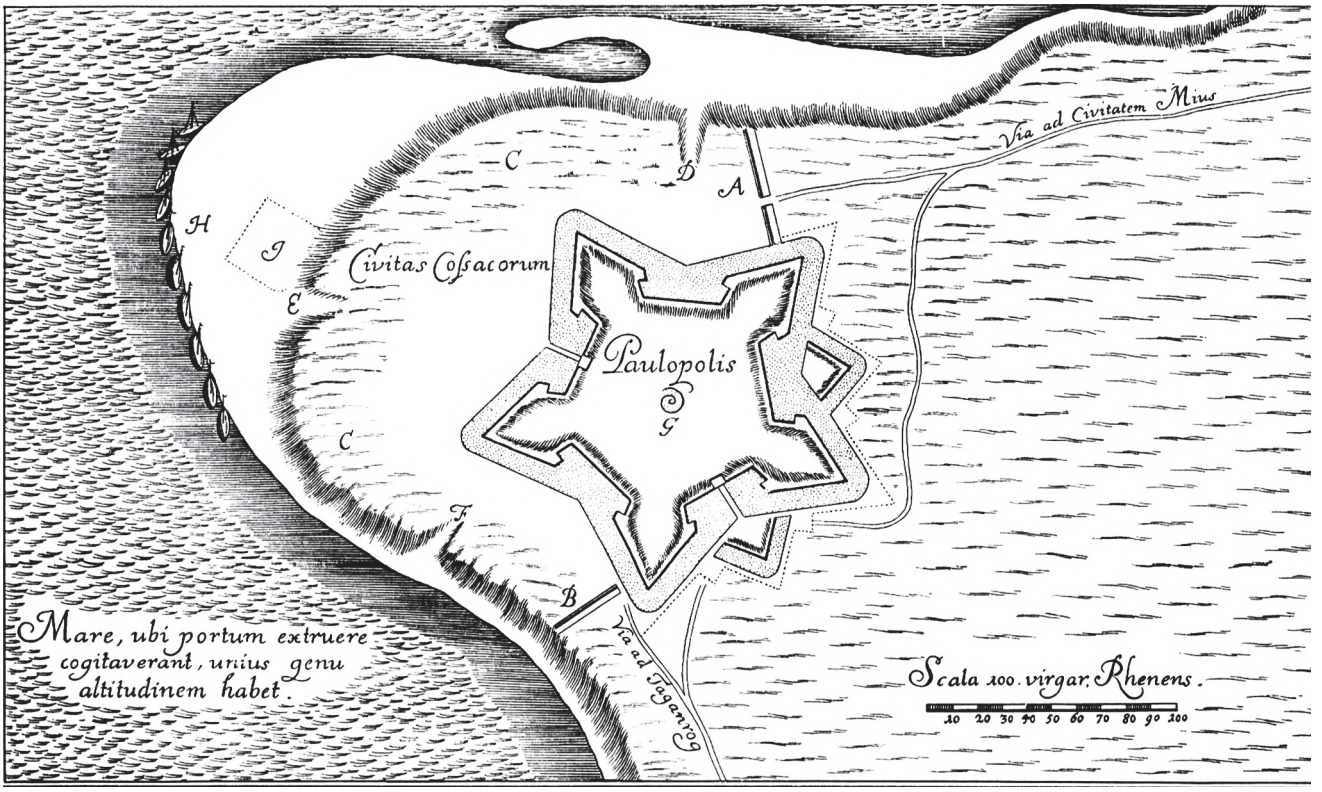


Рис. 5. «Город Павловский» на Петрушиной тубе. План 1698 г. из книги И. Г. Корба «Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)» (СПб., 1906)

Северо-Восточное Приазовье рассматривалось Петром I, прежде всего, как стратегический военно-морской плацдарм для предстоящей борьбы с Турцией за выход в Черное море. Царь сразу предусмотрел распространение российской колонизации за пределы обжитого турками района устьев Дона, а именно – на Миусский полуостров, где у мыса Таган (Таган-рога) он запланировал построить военно-морской порт и крепость (рис. 1). Однако генерал-инженер А. де Лаваль в 1697 г. признал Таган-рог непригодным для этих целей и заложил земляной «город Павловский» на Петрушиной косе, где также предполагал построить и порт. Крепость имела форму правильного пятиугольника и являлась типичным образцом простой бастионной системы С. Вобана[15] (рис. 5).

После дополнительных изысканий, проведенных шведским инженером Кристианом Ругэлем на северном побережье Азовского моря, правительство в лице Пушкарского приказа распорядилось строить порт в гирле Миусского лимана. Для защиты порта в сентябре 1698 г. воевода А. П. Салтыков основал в гирле лимана новую земляную крепость в виде пятиугольного полигона с семью бастионами, спроектированную бароном Э. Ф. фон Боргсдорфом. Поначалу крепость называли «городом Миусом», но в начале XVIII в. ее переименовали в Семёновский шанец. Гарнизон укрепления составил полк «пеших» украинских казаков, принятых на государственную службу[16].

Тем временем в августе 1698 г. капитан венецианского флота Маттиа Милланковидж (Матвей Симонтов) убедился, что порт следует строить именно у Таган-рога. Инженер К. Ругэль согласился с ним и пришел к выводу, что на мысу можно построить и крепость. В соответствии с указом Пушкарского приказа в октябре 1698 г. воевода И. И. Щепин возвел на Таган-роге временные земляные укрепления по проекту барона Э. Ф. фон Боргсдорфа, представ-

[15] Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 334–335, 347–348; Письма императора Петра Великаго ... С. 74–75; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 307 об.; Елагин С. И. История русского флота: период азовский. СПб.: тип. Гогенфельдена и К°, 1864. С. 103–104; Корб И. Г. Указ. соч. С. 291, изобр. 6.

[16] РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 5. Л. 31 об., 33 об.; АСПбИИ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 44, 259, 260; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 307 об.; Корб И. Г. Указ. соч. С. 292, изобр. 7; Елагин С. И. Указ. соч. С. 106; Аваков П. А. Таганрог на заре своей истории: вехи градообразования // Фронтири міста: історико-культурологічний альманах. Дніпропетровськ: Герда, 2013. Вип. 2. С. 71; Его же. Участие украинского казачества в российской колонизации Примиусья 1698–1711 гг. // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 окт. 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 70–72; Ласковский Ф. Ф. Указ. соч. Л. 32, изобр. 110–111; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1 (Екатеринославская губ.). Д. 26; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 543. Л. 31.

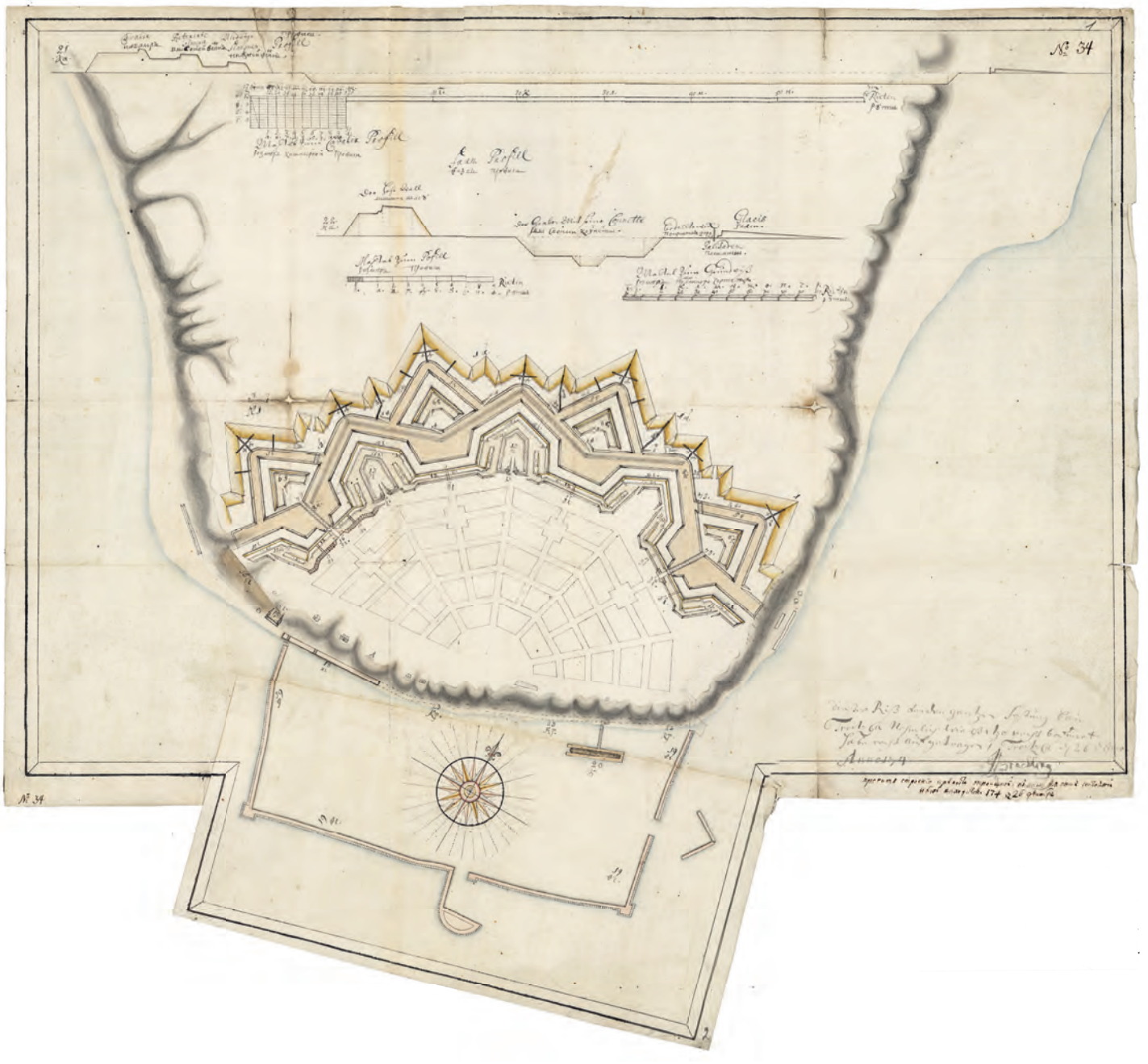


Рис. 6. План города-крепости Троицкого. 1704 г. (РГАДА)

лявшие собой три звездообразных городка, соединенные линией вала со рвом впереди. Кульминацией освоения Миусского полуострова стала закладка в 1699 г. Таганрогской гавани и города-крепости Троицкого, более известного как Таганрог. Крепость строилась по проекту прусского инженера Рейнгольда Трозьена, разработанному с учетом передовых достижений европейской фортификации и одобренному царем. После его смерти в 1700 г. фортификационные работы в крепости последовательно возглавляли шведские инженеры К. Ругэль, Йохан Георг Рекхаусен, майор Йохан Якоб Бреклинг (с 1709 г. – полковник)[17].

На пороге второго десятилетия XVIII в. строительство Троицкого было в основном завершено. Город

[17] Корб И. Г. Указ. соч. С. 293, изобр. 8; АСПбИИ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 29, 30, 77–77 об., 108, 146, 147, 195; РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 394–395, 405–406 об.; Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 422 об., 557; Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 474, 800; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 303; Аваков П. А. Таганрог на заре своей истории … С. 71–73. Его же. Город Троицкий на Таган-роге: Каким был облик первой военно-морской базы России? // Родина. 2015. № 8. С. 98–99.

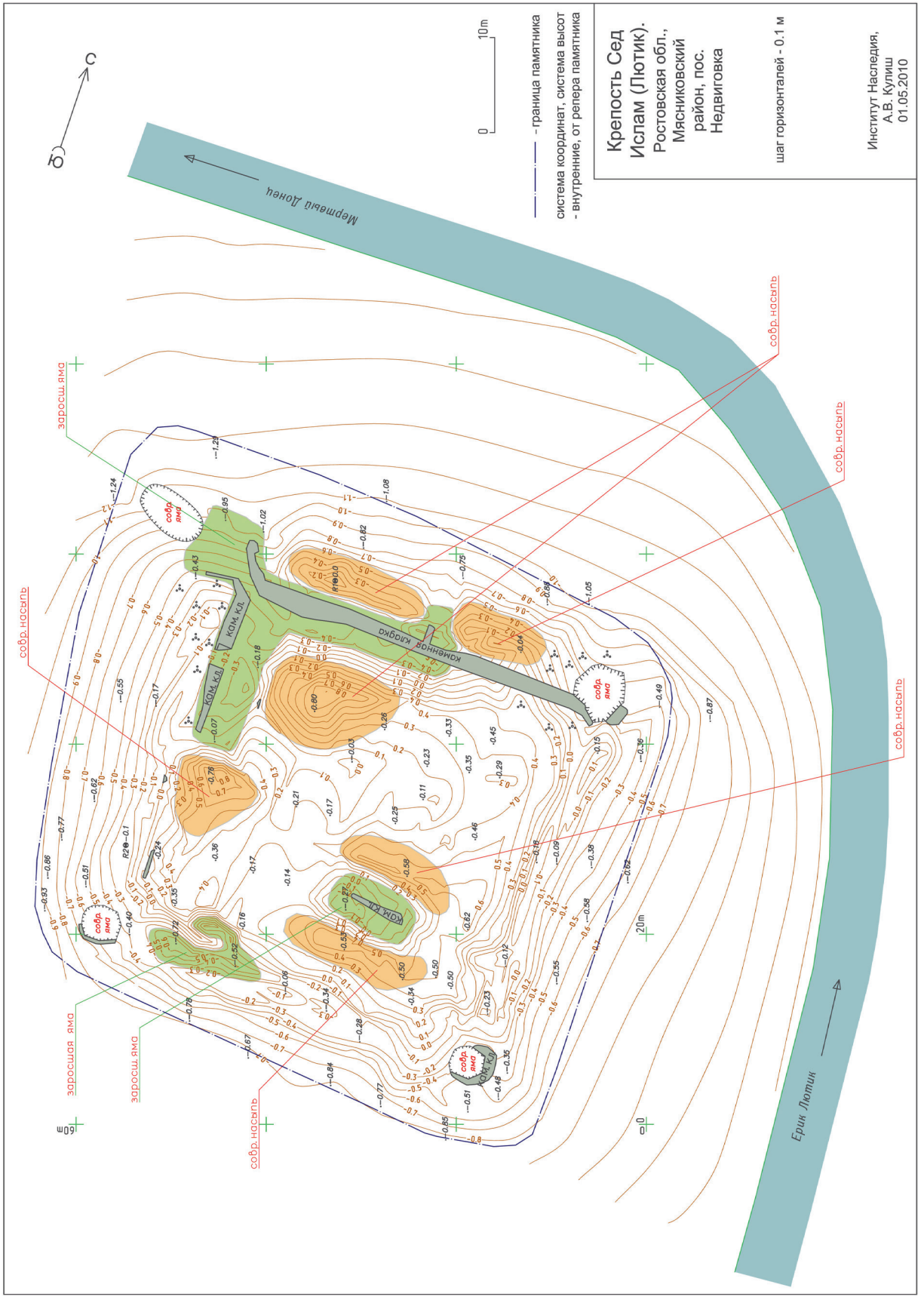


Рис. 7. Современное состояние крепости Лютик. План 2010 г.

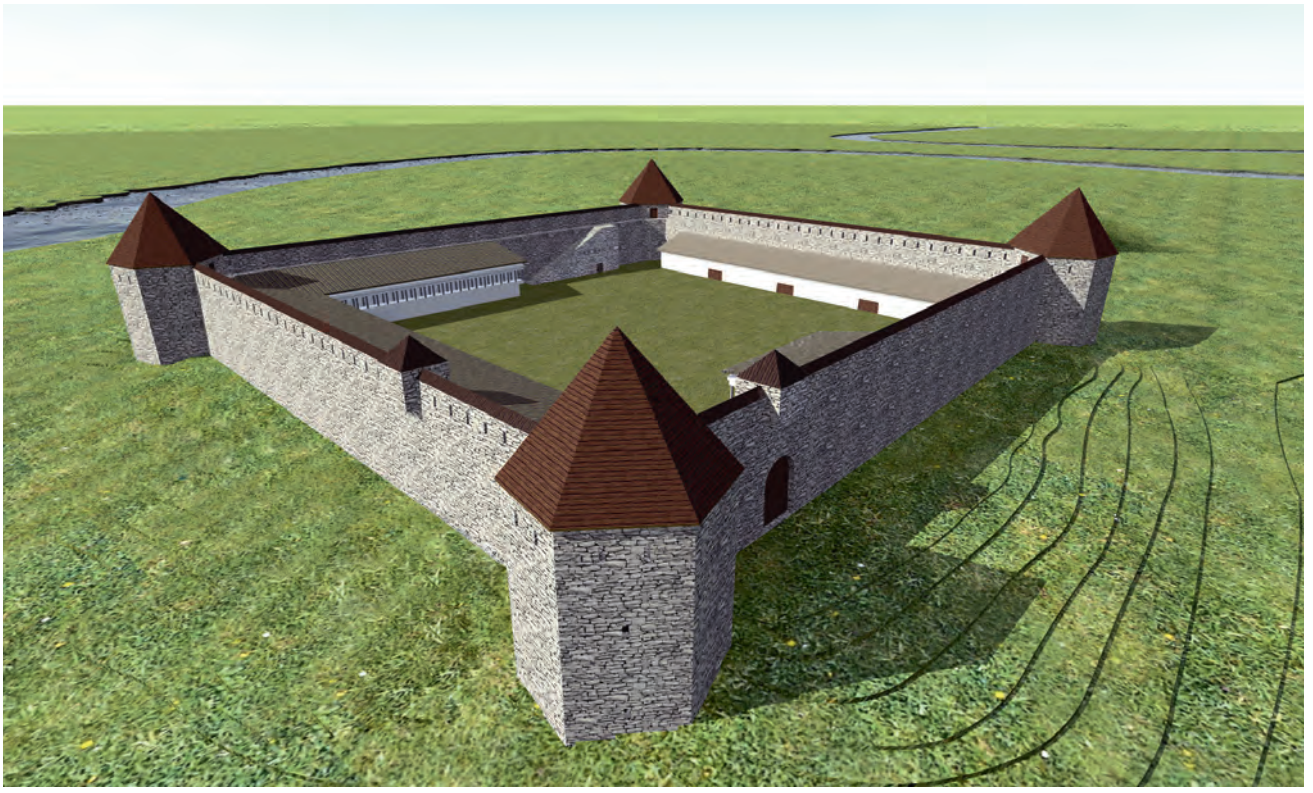


Рис. 8. Крепость Лютик (вид с северо-запада). 3D-реконструкция А. В. Кошечкиной

Троицкий имел форму неправильного пятиугольника и земляную наружную ограду с обращенными в поле тремя бастионами и двумя полубастионами на нижних углах. В бастионах и куртинах располагались каменные постройки. Протяженность крепостной ограды составляла 960 саженей (2044 м), высота главного вала с внешней стороны – 24 фута (7,29 м), глубина рва – 16 футов (4,8 м). Прикрытие куртин обеспечивали четыре равелина, открытую горжу со стороны моря защищали каменные укрепления Таганрогской гавани. С суши ограду Троицкого окружал сухой ров с гласисом и частоколом впереди (рис. 6). Крепостная артиллерия в 1711 г. насчитывала 227 пушек разного калибра. В 1702 г. под руководством Й. Г. Рекхаусена на перешейке Миусского полуострова была сооружена укрепленная Троицкая линия, замкнутая двумя земляными шанцами – Павловским и Черепахой, – построенными по типовым европейским проектам XVII в. Павловский шанец представлял собой классический бастионный четырехугольник, а шанец Черепаха имел треугольную планировку и полубастионы на исходящих углах (рис. 1, 13, 14). Линия служила заслоном для населения Троицкого и его предместий. После ее сооружения Павловский на Петрушиной косе был заброшен[18].

Дальнейшее обустройство Приазовского края было прервано в 1711 г. неудачным для России исходом Прутского похода Петра I. По условиям Прутского мирного договора царю пришлось вернуть Турции Азов со всем Северо-Восточным Приазовьем, а также разрушить Троицкий, Таганрогскую гавань, Петровский, горнверк Алексеевский, земляную ограду Сергиева. Продолжавшаяся пятнадцать лет российская колонизация края завершилась реставрацией Азакского санджака в январе 1712 г.[19].

Теперь рассмотрим укрепления Северо-Восточного Приазовья с точки зрения археологии.

Турецкая, а затем российская крепость Азов относится к малоисследованным памятникам археологии. Сложность ее археологического исследования обусловлена двумя объективными факторами:

[18] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Л. 19. Л. 510–514 об.; Аваков П. А. Город Троицкий на Таган-роге: Каким был облик первой военно-морской базы России? С. 100–101; Его же. Строительство военных укреплений на южных рубежах России в 1702–1711 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 62–63; Ласковский Ф. Ф. Указ. соч. Л. 31, изобр. 104; Л. 32, изобр. 105–109; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 543. Л. 29; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 66. Л. 34; Там же. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославская губ. Д. 8/1; Д. 8/2; Д. 8/4; Д. 28; Д. 29.

[19] Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11, вып. 1. С. 322–323, 328–329; Аваков П. А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII вв.: завоевание, колонизация, управление: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д, 2011. С. 289–293.

Рис. 9. Фрагменты боковых стенок мраморных турецких гробниц из раскопок В. Н. Ястребова в г. Азове

1) плотной застройкой территории бывшей крепости, из-за чего раскопки здесь случаются редко и в основном носят спасательный характер; 2) близостью грунтовых вод на участках, находящихся в непосредственной близости от р. Дон, что мешает исследовать их полностью. Кроме того, широкомасштабные земляные работы, развернувшиеся в Азове в конце XVII – XVIII в., внесли неясность в стратиграфию памятника. В результате фортификационного строительства, последовавшего после взятия Азова Петром I в 1696 г., частичного и полного разрушения крепости по условиям Прутского и Белградского мирных договоров 1711 и 1739 гг. и ее восстановления в 1769 г. «русские» и «турецкие» культурные слои практически повсеместно оказались смешанными и трудноотделимыми друг от друга. Это обстоятельство вызвало необходимость поиска археологами уцелевших «закрытых» комплексов для уточнения датировок находок, происходящих с территории памятника. Однако такие комплексы встречаются здесь весьма редко, особенно «турецкие», – за 120 лет археологических исследований на территории турецкого Азова, начиная с раскопок В. Н. Ястребова в 1890 г., не было обнаружено и десятка подобных комплексов. К таковым относятся: турецкий окоп, гипотетически связанный с осадой Азова 1641 г., открытый на ул. Ленинградской, 27 в 1987 г.; несколько хозяйственных ям на ул. Суворова, 51 (раскопки 2008 г.)[20]; две хозяйственные ямы и жи-

[20] Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 год. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1893. С. 40–49; Волков И. В. Раскопки в городе Азове в 1987 году // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году: (тез. докл. к обл. семинару). Азов: Азовский краевед. музей, 1988.

лище на ул. Лермонтова, 6 (раскопки 2012 г.); наземное жилище на ул. Энгельса, 34 (раскопки 2013 г.)[21]. Некоторые комплексы, найденные в разные годы на территории турецкого Азова, к числу «закрытых» можно относить лишь с некоторой долей условности. Например, групповое перезахоронение на участке по ул. Энгельса, 15, содержавшее останки более двадцати человек, вероятно, сделанное во время русско-турецкой войны 1710–1713 гг. (датируется крымскими дирхемами 1684–1713 гг.) и принадлежащее туркам (раскопки 1998 г.); яма-котлован и хозяйственная яма на спуске Р. Люксембург (раскопки 2001 г.); яма с курительными трубками на ул. Генуэзской, 3 (раскопки 2004 г.); две ямы, прорезающие засыпь порохового погреба (?) на ул. Лермонтова, 6 (раскопки 2006 г.), и пороховой погреб (?) на ул. Калинина, 38 (раскопки 2012 г.)[22].

Материалы, происходящие из этих комплексов, относятся к XVII–XVIII вв., при этом некоторые из них датируются монетами. Основную часть находок составляют фрагменты керамики (целые формы почти не встречаются): красноглиняных поливных, неполивных и ангобированных сосудов открытой и закрытой формы, изготовленных в мастерских юго-восточного Крыма и в неизвестных нам пока османских керамических центрах; фрагменты полуфаянсовой расписной посуды малоазийского производства (Изник, Кютахья, Стамбул и др.); фрагменты китайских фарфоровых сосудов; целые формы и фрагменты «турецких» курительных глиняных трубок, происходящих из разных керамических мастерских Османской империи.

Наиболее частыми находками из культурного слоя турецкого Азова являются каменные и чугунные ядра, гранаты, осколки бомб; свинцовые пули и слитки, из которых они отливались на месте при помощи бронзовых пулелеек (такие, например, были найдены на раскопе по ул. Генуэзской, 3 в 2004 г.)[23]; железные гвозди, сырцовые и обожженные глиняные кирпичи, фрагменты крымской глиняной черепицы, куски строительных каменных блоков. Особо следует отметить фрагменты османских мраморных надгробий из раскопок В. Н. Ястребова 1890 г. на Петровском спуске (рис. 9)[24]. Но основную массу археологических материалов всё же составляет керамика, которую современные исследователи условно подразделяют на несколько групп, исходя из места ее производства, типа формовочной массы и орнаментации: 1) «крымская» группа, к которой относится поливная, неполивная и ангобированная красноглиняная керамика юго-восточного Крыма (чаши, тарелки, блюда, кувшины, водолеи, подсвечники, рис. 10: 1–4); 2) группа «урн с горизонтальными ручками», представленная сосудами, изготовленными из глины характерного буро-коричневого цвета с большим содержанием крупнозернистого песка (веретенообразные тарные сосуды с двумя массивными горизонтальными ручками, кувшины, горшки с ручкой). Центр их производства неизвестен – возможно, отдаленные районы Причерноморья (рис. 10: 5); 3) группа «тазов на трех ножках», которую составляют сосуды из светло-коричневой и бежево-коричневой глины с естественной примесью мелкозернистого песка и включениями шамота темно-вишневого цвета (тазы на трех ножках, сосуды закрытой и открытой формы). Центр их производства тоже неизвестен (рис. 10: 6); 4) группа полуфаянсовой художественной расписной керамики малоазийского производства (Изник (рис. 10: 11–12), Кютахья (рис. 10: 7–10) и, возможно, другие керамические центры Анатолии), ассортимент которой весьма широк (чаши, чашечки, тарелки, блюдца, блюда, вазы, кувшины, кружки и пр.); 5) группа расписной фарфоровой посуды (чашечек и блюдец), произведенной в мастерских провинций Китая[25] (рис. 10: 13–16).

В отдельную группу можно выделить «турецкие» курительные керамические трубки, изготовленные из белой (рис. 11: 12), серой (рис. 11: 9–11, 13–14) и красной глины (рис. 11: 1–8) в керамиче-

С. 9–11; Его же. Закрытый комплекс турецкого времени (1641?) из Азова // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998. С. 64–68; Его же. Закрытый комплекс турецкого времени из Азова // ИАИАНД в 2004 г. Азов: АМЗ, 2006. Вып. 21. С. 473–497; Масловский А. Н. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007–2008 годах // ИАИАНД в 2007–2008 гг. Азов: АМЗ, 2010. Вып. 24. С. 216.

[21] Отчеты о раскопках А. Н Масловского и С. М. Гончаровой в работе.

[22] Масловский А. Н. Работы I Азовского отряда в 1998 г. // ИАИАНД в 1998 г. Азов: Азовский краевед. музей, 2000. Вып. 16. С. 117–120; Его же. Раскопки в Азове // ИАИАНД в 2001 г. Азов: Азовский краевед. музей, 2002. Вып. 18. С. 220, 222; Его же. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году // ИАИАНД в 2006 г. Азов: АМЗ, 2008. Вып. 23. С. 156; Гусач И. Р. Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак // ИАИАНД в 2004 г. Азов: АМЗ, 2006. Вып. 21. С. 136, 138–139.

[23] Гусач И. Р. Указ. соч. С. 141, рис. 8, 9, 12.

[24] Фомичёв Н. М. Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака-Таны в XIV–XV вв. // Очерки истории Азова. Азов: Азовский краевед. музей, 1994. Вып. 2. С. 11.

[25] Гусач И. Р. Изникские полуфаянсы из турецкой крепости Азов // Археологические записки. Ростов н/Д: Донское археол. о-во, 2005. Вып. 4. С. 137–144; Ее же. Турецкие полуфаянсы XVIII века из Азова // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 476-479; Ее же. Расписные полуфаянсы из Изника в турецкой крепости Азов // Средневековые древности Дона: материалы и исследования по археологии Дона. М.; Иерусалим: Гешарим, 2007. Вып. 2. С. 345–349; Ее же. Малоазийская поливная керамика XV–XVIII вв. из раскопок в турецкой крепости Азак // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.: II Междунар. науч. конф. (Ялта, 19–23 нояб. 2007 г.): тезисы конф. Ялта, 2007. С. 47; Ее же. Китайский фарфор XVII–XVIII вв. из раскопок на территории турецкой крепости Азак // ИАИАНД в 2009 г. Азов: АМЗ, 2011. Вып. 25. С. 391–454.

Рис. 10. Керамика XVII – первой половины XVIII в. из крепостей Азак и Лютик.
Юго-восточный Крым: 1 – миска, 2 – кувшин, 3–4 – подсвечники.
Неизвестные центры: 5 – урна с горизонтальными ручками, 6 – таз на трех ножках;
Кютахья: 7–10 – кофейные чашечки;
Малая Азия: 11–12 – фрагменты блюд;
Китай: 13–16 – фарфоровые чашечки

Рис. 11. Турецкие курительные трубки XVII – первой половины XVIII в. из крепости Азак:
1–8 – красноглиняные, 9–11, 13–14 – сероглиняные, 12 – белоглиняная; 2, 5, 8 – клейма на трубках

Рис. 12. Русская военная амуниция первой половины XVIII в. из Азова:
1 – застежка плаща-епанчи, 2 – наконечник ножен шпаги

ских мастерских Крыма, Стамбула, Софии, Варны, Гермечека, Гангейма и др. Почти все трубки богато орнаментированы, часто залощены, иногда имеют клеймо мастера или мастерской[26] (рис. 11: 2, 5, 8).

Поскольку укрепления российского Азова были полностью уничтожены в 1741 г. и восстановлены по прежним линиям в 1769 г., сохранившиеся фрагменты вала и рва датируются не старше второй половины XVIII в. Постройка реконструированных в середине XX в. Алексеевских ворот Алексеевского горнверка относится к 1800–1805 гг.

Охранные исследования, которые сотрудники Азовского музея-заповедника ежегодно проводят на территории Азова с 1960-х гг., дали представительную серию комплексов XVIII в. и отдельные находки Петровской эпохи в истории города (1696–1711 гг.). К сожалению, среди исследованных жилых, хозяйственных и погребальных комплексов, широко датируемых XVIII в., практически нет таких, которые можно было бы уверенно соотнести именно с Петровской эпохой, исключив второй «русский» период в истории Азова (1736–1741 гг.).

Из предметов военной амуниции можно отметить несколько застежек епанчи из двух частей в форме трилистника, обнаруженных на участках по ул. Дзержинского, 49 и ул. Макаровского, 31-А (рис. 12: 1), и наконечник ножен шпаги из медного сплава, найденный в раскопе на Петровской площади, 12 (рис. 12: 2). Аналогичные застежки были найдены на российской галере, затонувшей в 1714 г. в Ботническом заливе[27]. Появление епанчей с такими застежками связано с введением обмундирования западноевропейского образца, которое произошло в середине первого десятилетия XVIII в.[28]. Крючки использовались вплоть до конца 1740-х гг., когда для застегивания епанчей стали использовать кафтанную пуговицу. Таким образом, нельзя исключать вероятность того, что некоторые застежки могут относиться к первому десятилетию XVIII в., хотя более вероятна их датировка 1736–1741 гг.

Территория «города Петровского» ныне полностью поглощена застройкой хутора Задонье в черте г. Азова. Несмотря на это, его очертания хорошо различимы на фотографиях из космоса, так как сохранившиеся, но оплывшие валы возвышаются над окружающей речной поймой.

Крепость Сед-Ислам, более известная как Лютик (Лютин), благодаря дошедшим до нас письменным источникам имеет четкую датировку: 1660–1741 гг. Россия разрушила Лютин в соответствии с условиями Белградского мирного договора, и со второй половины XVIII в. его развалины использовались для хозяйственных целей населением близлежащих хуторов. До наших дней сохранились лишь фундамент и цоколи каменных стен крепости. Археологическое

[26] Волков И. В. Закрытый комплекс турецкого времени (1641?) из Азова. С. 486–494; Гусач И. Р. Закрытые комплексы с «турецкими» курительными трубками из Азова // ИАИАНД в 2001 г. Азов: АМЗ, 2002. Вып. 18. С. 368–389; Ее же. Османские курительные трубки из раскопок в крепости Азак // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: збірник наукових праць. Київ; Нікополь, 2013. Вип. 22, ч. 1. С. 379–383.

[27] Toivanen P. Expedition to Ostrobothnia by the Russian Island Fleet in 1714 // Underwater Archaeology proceedings from the Society for Historical Archaeology conference. Reno, NV., 1988. (Start Soft: Suomen suosituimmat kouluhallinnon ohjelmat. URL: http://www.starsoft.fi/bothnia/skampaen.html (дата обращения: 15.01.2014)).

[28] Татарников К. В. Русская полевая армия, 1700–1730: обмундирование и снаряжение. М.: Любимая книга, 2008. С. 45–47.

Рис. 13. Современное состояние Павловского шанца. Фото 2008 г. с сайта «Поколение Lex»

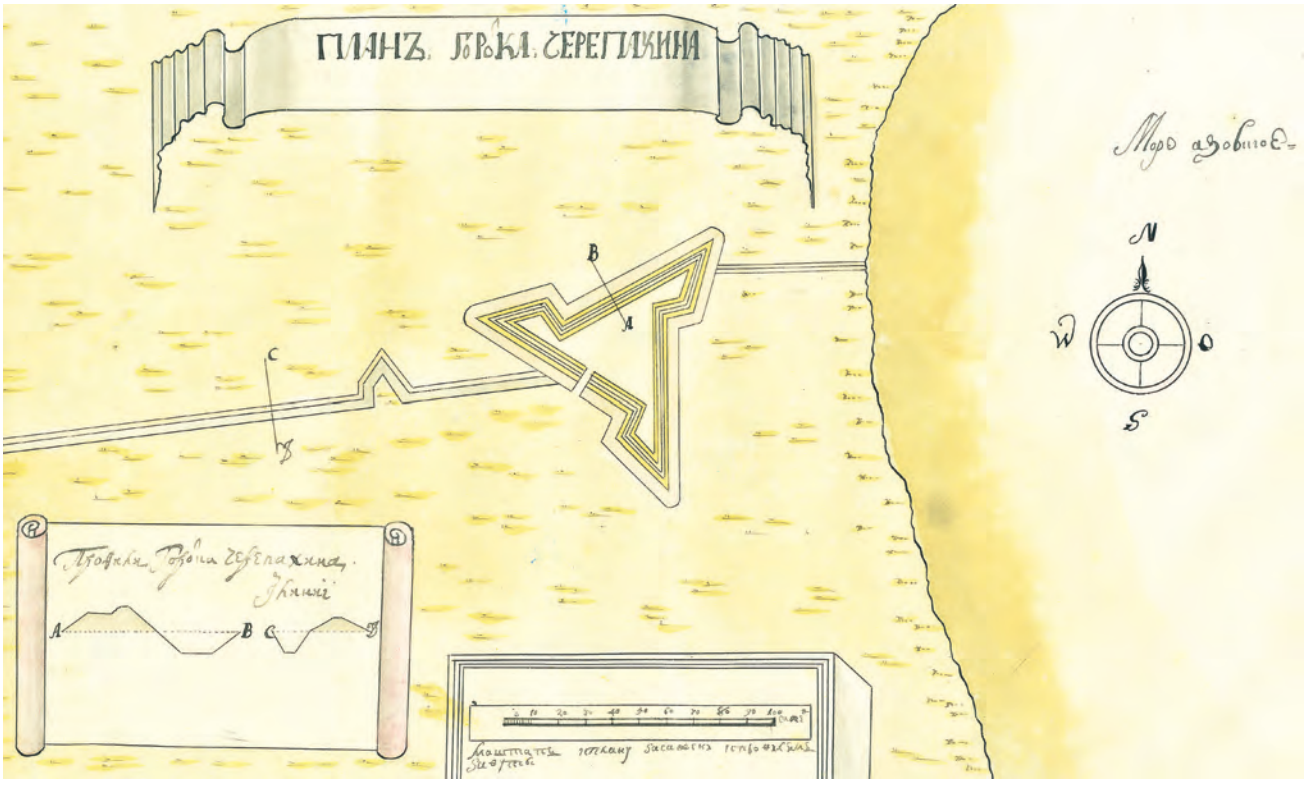


Рис. 14. «План горотка Черепахина» (шанца Черепаха). Вторая половина XVIII в. (РГАДА)

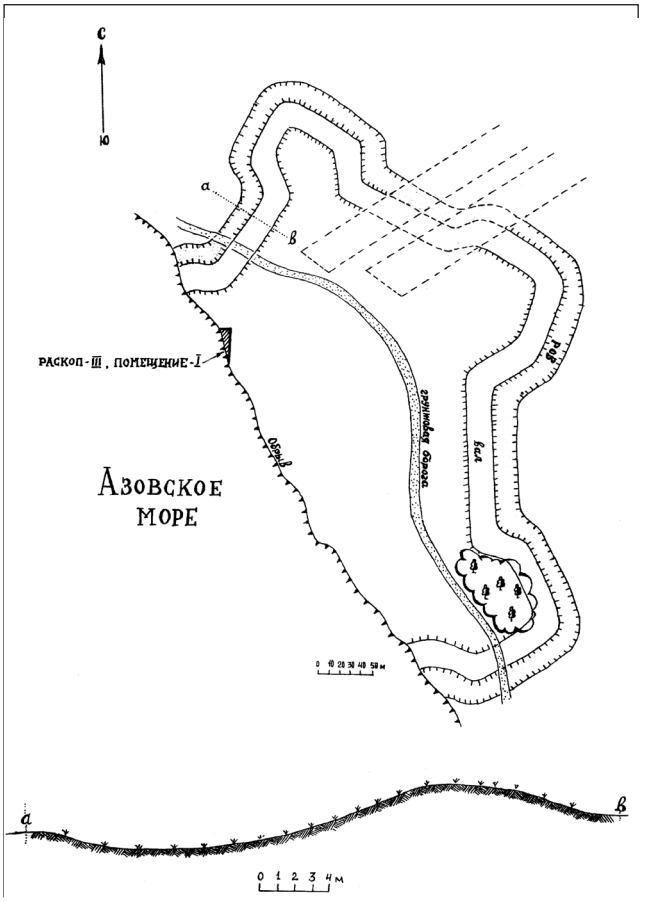


Рис. 15. Семёновский шанец («город Миус»). План 1992 г.

исследование памятника осуществлялось экспедициями Археологического музея-заповедника «Танаис». В 1970–1973 гг. отряд под руководством В. Ф. Чеснока исследовал остатки северо-западной башни крепости и прилегающие к ней участки северной и западной стен. В 1993–1994 гг. отрядом под руководством В. Н. Кузьмина был заложен небольшой раскоп на участке у северо-западной башни, в котором была прослежена часть крепостного рва[29].

Поскольку, как и Азов, крепость неоднократно переходила из рук в руки от Османской империи к России во время русско-турецких войн 1686–1699, 1710–1713 и 1735–1739 гг., в ее истории существуют два «турецких» (1660–1696 и 1712–1736 гг.) и два «русских» (1696–1711 и 1736–1741 гг.) периода. В этой связи полученный в ходе раскопок памятника археологический материал тоже условно подразделяется на «турецкий» и «русский». Сопоставление многочисленных находок (более 5000 единиц) с конкретными периодами затруднительно, так общая мощность культурного слоя не превышает 25 см и он не стратифицируется. Как и в турецком Азове, подавляющее большинство «турецких» находок из Лютина составляет керамика, аналогичная вышеупомянутой[30]. Кроме того, встречаются изделия из камня, кости, стекла, железа и бронзы, а также нумизматический материал, подтверждающий датировку функционирования крепости. В 2010 г. отряд Научно-образовательного центра «Археология» Южного федерального университета под руководством А. В. Дедюлькина обследовал памятник, в результате чего был снят инструментальный план крепости (рис. 7). К сожалению, в наши дни памятник разоряется «любителями металлодетекторного поиска»: на его территории заметны характерные ямки, а все внутреннее пространство неисследованных оснований трех башен выбрано до нижнего уровня кладки в ходе хищнических раскопок.

Каланчинские башни повторили судьбу Лютина и тоже были уничтожены в 1741 г. Благодаря письменным, изобразительным и картографическим источникам конца XVII – первой половины XVIII в. известны планировка, экстерьер и примерное местонахождение башен. К сожалению, в этом месте пока еще не проводились археологические раскопки, без чего точное определение местонахождения башен невозможно. В 2004 г. сотрудниками Азовского музея-заповедника были произведены сборы на предполагаемом месте расположения башни Шахи, представляющем собой холм из песка с речной ракушкой, намытого земснарядом со дна р. Дон. Обнаруженные находки представлены в основном фрагментами турецкой керамики (поливная и неполивная керамика юго-восточного Крыма, группа урн с горизонтальными ручками, группа тазиков на трех ножках, поливная керамика неизвестных центров, крымская черепица, кирпичи)[31].

Археологические остатки «города Павловского» на Петрушиной косе, местоположение которого сейчас входит в черту г. Таганрога, до сих пор не выявлены.

[29] Чеснок В. Ф. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках в крепости Лютик летом 1970 г. Недвиговка, 1970 // АМЗТ. НВФ-180; Кузьмин В. Н. Отчет о раскопках крепости Лютик в июле 1993 года. Недвиговка, 1994 // Там же. НВФ-304; Его же. Отчет о раскопках крепости Лютик в июле 1994 года. Недвиговка, 1996 // Там же. НВФ-305.

[30] Волков И. В. Крепость Лютик-Сед-Ислам: (предварительное сообщение и керамический комплекс) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 482–492; Гусач И. Р. Кютахийские кофейные чашечки из раскопок крепости Лютик (Сед-Ислам) // Вестник Танаиса. х. Недвиговка Мясниковского р-на Ростов. обл.: АМЗТ, 2012. Вып. 3. С. 114–139.

[31] Гусач И. Р. К вопросу о датировке археологических сборов на местонахождении «Каланча» // ИАИАНД в 2004 г. Азов: АМЗ, 2006. Вып. 21. С. 504–515.

Хотя Семёновский шанец и не был уничтожен в 1711 г., со временем значительную его часть разрушила береговая эрозия. Сохранились северный, восточный и юго-восточные бастионы. Высота валов достигает 1–1,5 м, глубина рва – не более 1,5 м. Вал и ров укрепления распахиваются, по его территории проложена грунтовая дорога, северо-западная куртина уничтожена дачными усадьбами (рис. 15). В 1992 г. сотрудниками Таганрогской археологической экспедиции были произведены раскопки на территории шанца, которые дали интересные материалы Петровской эпохи[32].

Наибольшее количество находок было обнаружено в помещении 1 на раскопе III, расположенном возле разрушенного северо-западного бастиона. Оно представляет собой остатки полуземлянки подпрямоугольной планировки, с длинным ступенчатым входом и врезанными в стены двумя очагами, дно которых заполнено золой с обломками костей и шлака. Найденные в помещении две монеты – медная полушка 1709 г. и серебряная копейка-«чешуйка» – позволяют датировать его началом XVIII в., не позднее 1711 г. Судя по большому количеству шлака и металлического лома внутри полуземлянки и рядом с ней, она использовалась как кузница. Находка множества рыбьих костей и чешуи свидетельствует о том, что здесь же коптили рыбу. Наземная часть полуземлянки, очевидно, была деревянной – на это указывают найденные внутри помещения и вокруг него железные гвозди и обугленное дерево.

Внутри и вокруг землянки было обнаружено множество фрагментов белоглиняных сосудов с росписью красным ангобом (рис. 16: 1–11). Подобная керамика встречается на всех поселенческих памятниках Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья XVII–XVIII вв. В классификации белоглиняной керамики Московской Руси В. Ю. Коваля ей соответствует группа МБК-3, которая датируется XVIII в. Происхождение такой керамики связывается с Украиной, где она была широко распространена еще в XVII в.[33]. К другой группе керамических изделий относятся красноглиняные курительные трубки (рис. 16: 18–27).

Также в помещении найдено большое количество железных предметов: наконечники стрел, фрагмент ружейного или пистолетного замка (рис. 16: 31), шило (рис. 16: 32), багор (рис. 16: 33), обломки ножей, подковки сапог. Все наконечники стрел черешковые, двух вариантов: 1) с пером ромбовидной формы, уплощенно-ромбовидный в сечении (со слабо выраженными ребрами), с упором и квадратным в сечении черешком (рис. 16: 28–29); 2) с пером лавролистной формы, линзовидный в сечении, с упором и круглым в сечении черешком (рис. 16: 30). Различия в форме и сечении пера наконечников этих двух вариантов незначительны. Они однотипны наконечникам, найденным при раскопках казачьего Кагальницкого городка на Дону в 1952–1953 гг., и относятся к типу 6, варианту 6-а по классификации О. В. Двуреченского[34]. По наблюдениям О. В. Двуреченского, этот универсальный тип использовался вплоть до второй половины XVII в. и получил распространение на всей территории России. Луки являлись традиционным вооружением как донских, так и украинских казаков, что подтверждается и археологическими находками[35].

Подковки сапог соответствуют двум типам классификации А. В. Никитина[36]: преобладают врезанные в каблук (рис. 16: 14–16) и крепившиеся к нижней набойке каблука в центре гвоздем и шипами по краям (рис. 16: 17). Подобные подковки имеются и среди находок с поля битвы при с. Берестечко 1651 г. (к сожалению, И. К. Свешниковым не приведена статистика по соотношению типов подковок)[37]. Д. О. Осипов отмечает, что на территории Московской Руси врезные подковки характерны для XVI – начала XVII в. и к концу XVII в. постепенно сменяются другими типами[38]. Но в Семёновском шанце, где в 1698–1711 гг. проживали украинские казаки, преобладают подковки именно такого типа. Вероятно, на Украине они были распространены и в начале XVIII в.

Кроме изделий из железа, в помещении I обнаружены свинцовые круглые и конические пули, а также заготовки для их производства. Семёновские казаки пользовались не только керамической посудой, но и посудой из прозрачного стекла. Об этом свидетельствуют найденные при раскопках фрагменты толстостенных бутылок и тонкостенных бокалов и ста-

[32] Ларенок П. А. Исследования на территории Семёновской крепости // Прохорова Т. А. Отчет о спасательных работах на археологических памятниках Беглицкой косы (16–17 участки Неклиновского района Ростовской области) в 1992 г. Ростов н/Д, 1993 (Архив Археологической лаборатории ЮФУ. Ф. 4. Д. 617); Ларенок П. А. Охранные раскопки Семёновской крепости // ИАИАНД в 1992 году. Азов: Азовский краевед. музей, 1994. Вып. 12. С. 75–80; Пустынников С. Ф. Семёновская крепость: (краткий ист. очерк) // Прохорова Т. А. Отчет о спасательных работах на археологических памятниках Беглицкой косы (16–17 участки Неклиновского района Ростовской области) в 1992 г. Ростов н/Д, 1993 (Архив Археологической лаборатории ЮФУ. Ф. 4. Д. 617).

[33] Коваль В. Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1. С. 108.

[34] Двуреченский О. В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства в XV–XVII вв. // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2007. Вып. 3. С. 283–284.

[35] Свєшніков І. К. Битва під Берестечком. Львів: Слово, 1992. С. 237–238.

[36] Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.: Наука, 1971. С. 42. (Археология СССР. САИ; вып. Е1-34).

[37] Свєшніков І. К. Указ. соч. С. 173–174, рис. 31: 3, 4.

[38] Осипов Д. О. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН, 2006. С. 77. (Материалы охранных археологических исследований; т. 7).

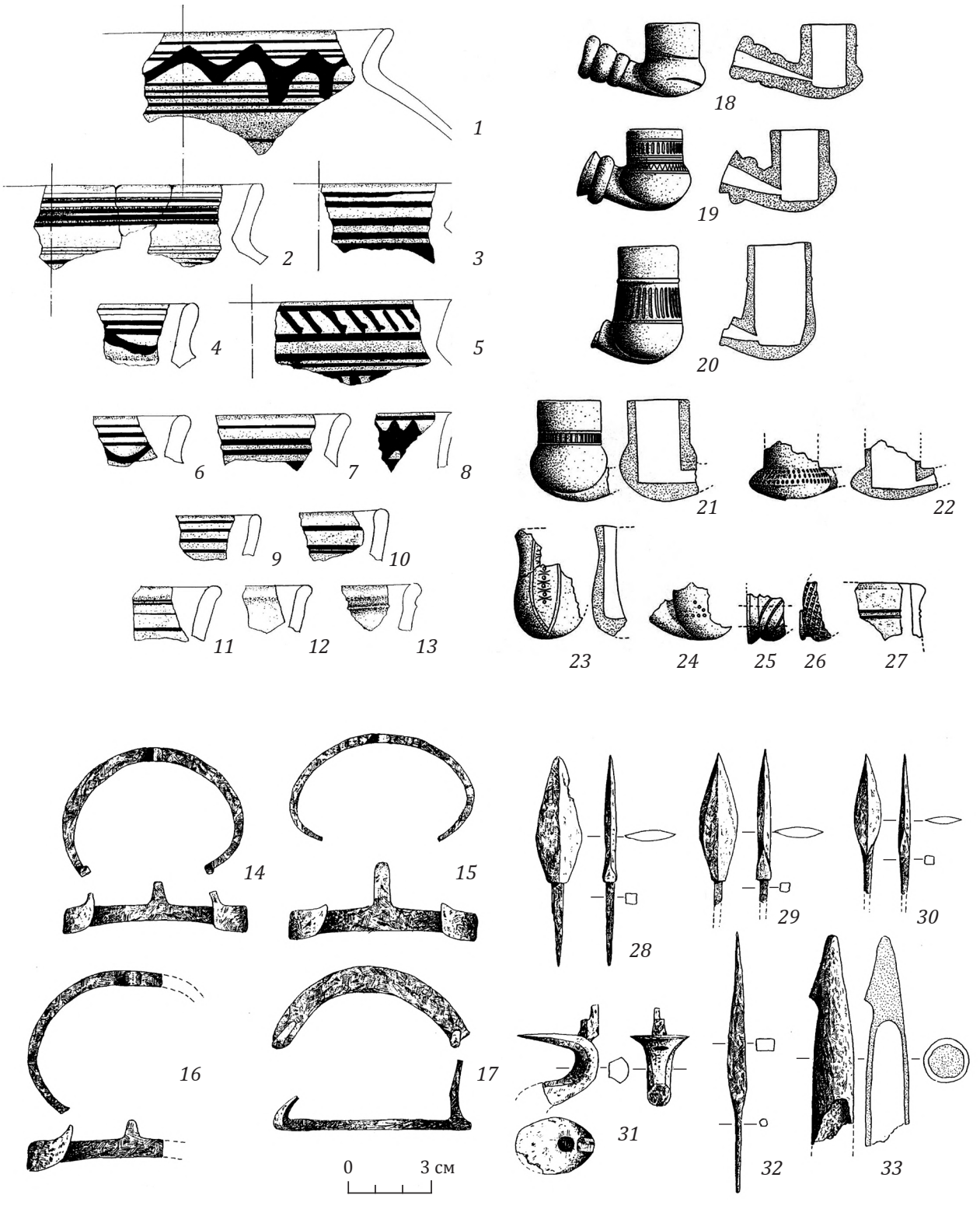


Рис. 16. Находки из помещения 1 Семёновского шанца (раскопки 1992 г.):
1–13 – фрагменты белоглиняной керамики с росписью красным ангобом, 14–17 – подковки каблуков сапог,
18–27 – красноглиняные курительные трубки, 28–30 – наконечники стрел,
31 – фрагмент фузейного или пистолетного замка, 32 – шило, 33 – фрагмент багра

канов. Изделия из камня представлены оружейными кремнями, грузилом и осколками литейной формы. Небольшую группу находок составляют изделия из кости: шлифованные накладки, пробка (возможно, от пороховницы) и заготовка для мундштука. Таким образом, материалы из помещения 1 иллюстрируют быт казачьего гарнизона Семёновского шанца.

Территория города-крепости Троицкого в настоящее время занимает исторический центр г. Таганрога, повторно основанного в 1769 г. Городская застройка вдоль переулков Д. Гарибальди и 2-го Крепостного в целом повторяет контур наружной ограды крепости. В 2008 г. на участке по ул. Петровской, 12 были произведены шурфовки на территории восточного бастиона крепости, позволившие получить представление о конструкции сохранившейся части вала, восстановленного во второй половине XVIII в.[39].

Троицкая линия тоже не была срыта в 1711 г., и ее вал хорошо различался еще в середине XIX в. Сейчас же он практически полностью уничтожен распашкой, лишь между обрывом берега Миусского лимана и северо-западной куртиной Павловского шанца сохранился небольшой участок вала и рва линии. Удаленность от крупных населенных пунктов способствовала сохранению Павловского шанца, что делает его уникальным памятником фортификационного искусства начала XVIII в. на юге России (рис. 13). В 2007 г. его обследовал отряд Научно-образовательного центра «Археология» Ростовского государственного университета (ныне – ЮФУ). Сейчас территория шанца задернована, валы оплыли, на стыке северо-западного бастиона и западной куртины зияет брешь, через которую проложена грунтовая дорога, частично разрушен оврагом северный фас северо-западного бастиона, ров перед восточной куртиной засыпан и занят огородами жителей близлежащего хутора Гаевка[40]. Место, где находился шанец Черепаха, в наше время погребено под шлаковым отвалом Таганрогского металлургического завода.

Находки археологов на территории бывших укреплений служат дополнительным материальным свидетельством их существования, позволяющим составить комплексное представление об истории Северо-Восточного Приазовья указанного периода. Достаточно узкие временные рамки существования этих памятников помогают в разработке хронологии различных категорий археологических материалов.

[39] Верещагин В. В. Отчет об археологическом обследовании земельного участка по адресу ул. Петровская, 12 в г. Таганроге Ростовской области в 2008 году. Ростов н/Д, 2008 // Личный архив В. В. Верещагина.

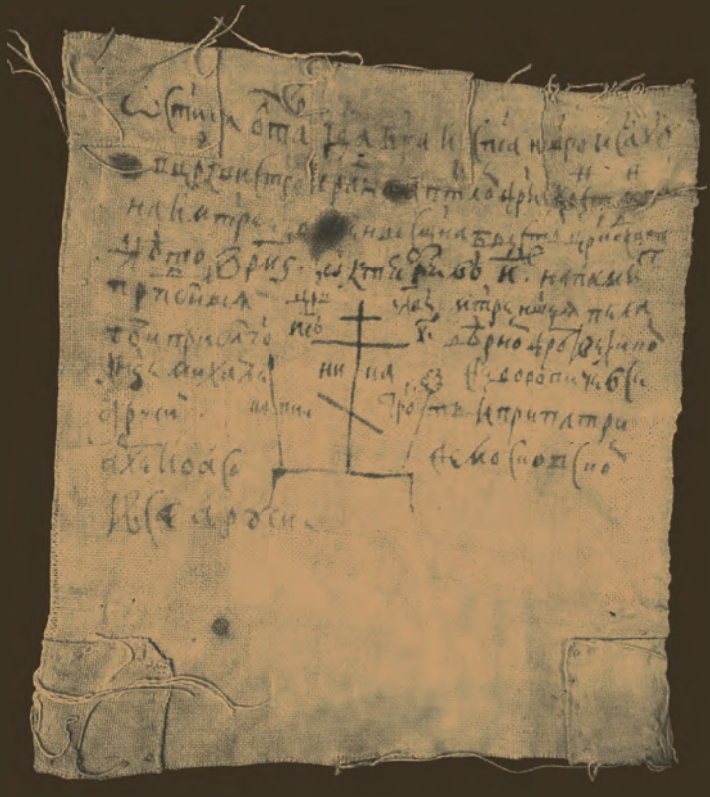
[40] Дедюлькин А.В. Итоги разведки и топосъемки на территории Павловской крепости // Археология, Древний мир и Средние века. Ростов н/Д, 2009. Вып. 3. С. 59–63.

P. A. Avakov, I. R. Gusach, A. V. Dedyulkin

At the Border of two Empires: Ottoman and Russian Fortifications of the North-Eastern Azov Sea Area as Revealed by Archaeology

Key words: history of fortification; chronology; archaeology of warfare; Russian colonization of the Azov Sea area; the Ottoman Empire.

Abstract: The article contains a brief historical and archaeological review of the Ottoman and Russian fortifications of the 17th – the first half of the 18th cc. in the North-Eastern Azov Sea area. Archaeological finds supply the information of the written sources and allow to get a complex idea of history of the North-Eastern Azov Sea area of the mentioned period. Quite narrow time frames of these sites' existence help develop a chronology of different categories of archaeological materials.



Часть VI

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В ОСВЕЩЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ И МАТЕРИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Л. А. Беляев

Археология Нового Иерусалима и францисканская идея в Центральной Европе XVII в.

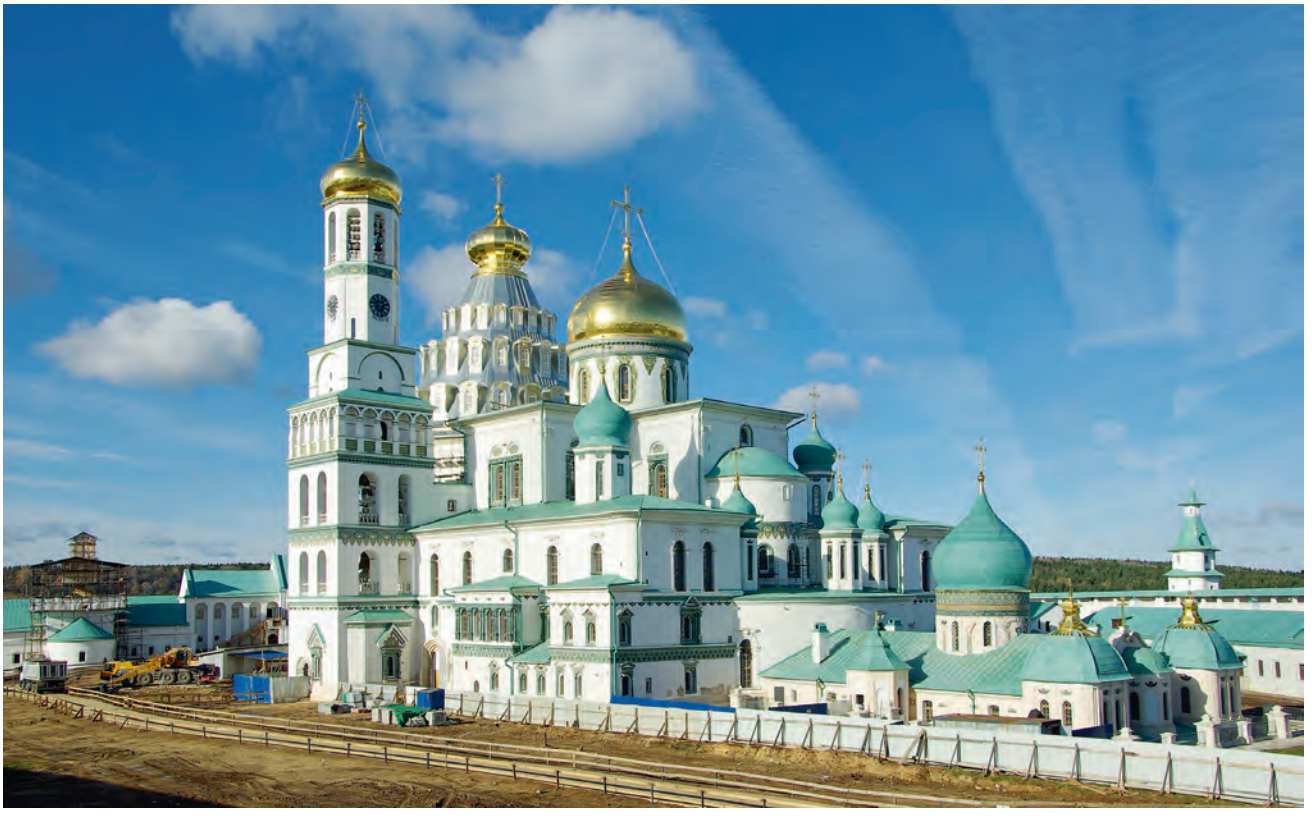


Рис. 1. Общий вид Воскресенского собора с юго-востока на завершающем этапе реставрации. 2015 г.

Воскресенский монастырь на р. Истре, или Новый Иерусалим, – последний и самый масштабный проект патриарха Никона (рис. 1). Он начат строиться в 1656 г.; оставлен в едва готовом состоянии в момент ссылки в 1666 г. и достроен к 1690-м гг. Собор монастыря стал единственной полноразмерной и достаточно точной копией иерусалимского храма Святого Гроба (рис. 2: а–б). На первый взгляд, источники по истории монастыря обильны и пристально изучаются с XIX в.[1]. Один за другим выходят альбомы, антологии, монографии, тома «Никоновских

[1] Публикуя краткий текст доклада, сознательно ограничиваю количество ссылок. См.: Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М.: ИОИДР, 1876. 768 с.; Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002; 2005; 2011; Новые Иерусалимы. Иератопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2009. 910 с.

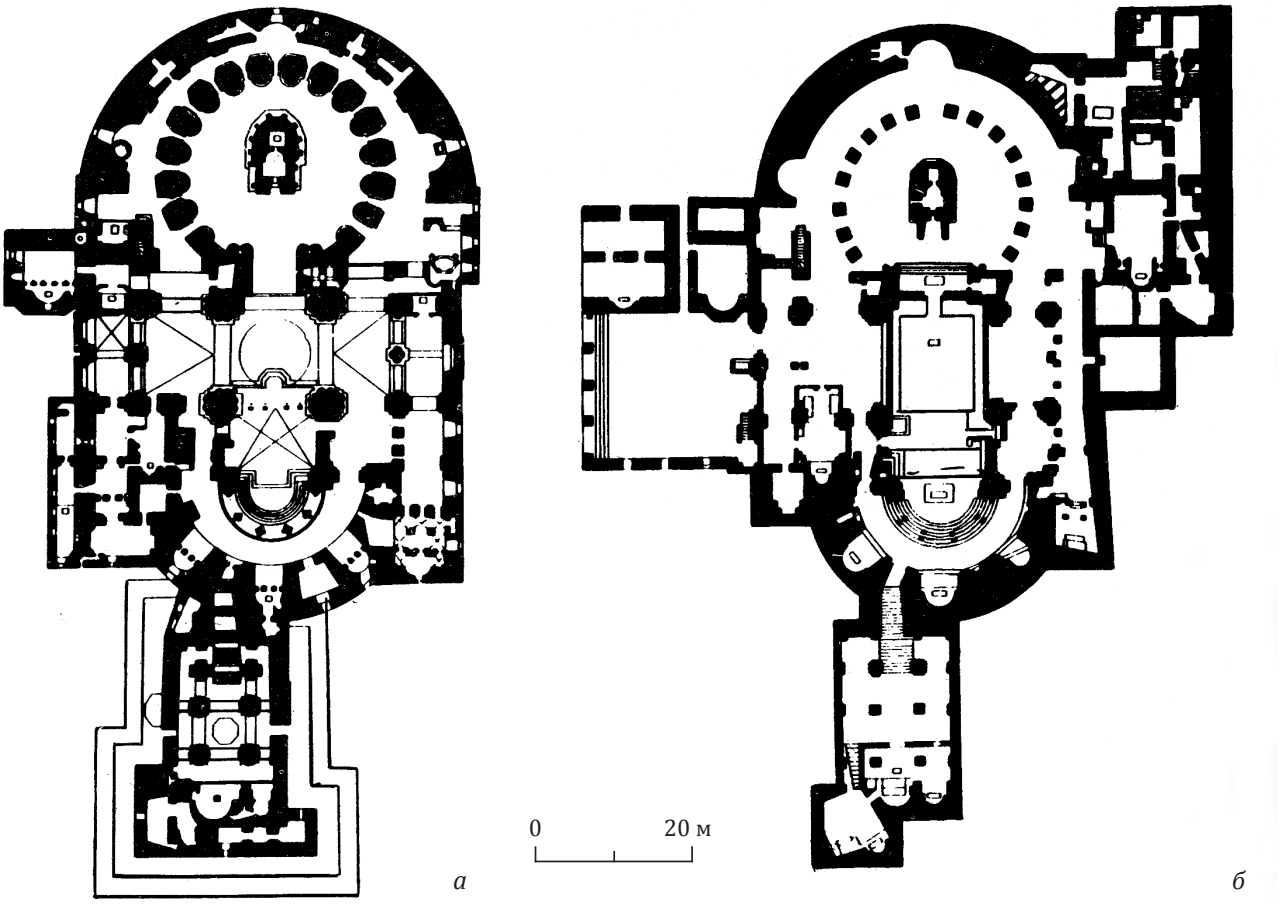


Рис. 2. Планы храмов Воскресения Христова:
а – в Воскресенском монастыре на р. Истре (вторая половина XVII в.),
б – в комплексе храма Гроба Господня в Иерусалиме (IV–XIII вв.)

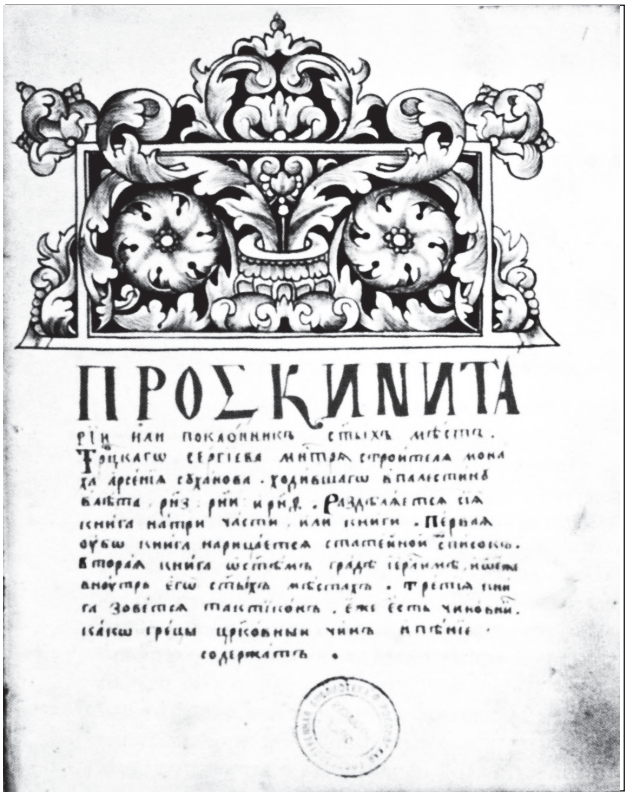
чтений»; в 2006 г. прошла Международная конференция «Новые Иерусалимы». Но, что характерно, на ней мало говорили об истринском комплексе.

И сама идея, и архитектурный облик памятника остаются во многом непонятыми. В массе работ мы найдем глубокие и, возможно, верные богословские толкования замысла; рассуждения о традиции «переноса святости» путем копирования сакральной топографии; об усилении связей Московии со Святой землей в XVII в. Возникает впечатление, что сама идея устроить тематический парк или построить копию храма Гроба Господня возникла у патриарха независимо, а средства ее осуществления (тексты, образы, технологии) взяты из местных или греческих православных источников. Сходство с практиками иных христианских конфессий если и отмечают, то объясняют как результат конвергенции в области церковного искусства[2].

Необходимость глубже изучить замысел Нового Иерусалима была очевидна давно, но проблема встала в полный рост только в 2009 г., когда начались восстановление и, частично, перестройка монастыря (рассчитаны до 2016 г.). Строительство сопровождают масштабные археологические работы[3].

[2] Редкое исключение – художественно-философская *фэнтези* «Репетиции» замечательного русского историка и философа Владимира Шарова.

[3] В 2009 г. Указом Президента РФ «О мерах по воссозданию исторического облика Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря Русской православной церкви» запущена программа работ, включая археологические. Они идут на средства специально созданного Фонда восстановления Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Проект значим и с социально-политической точки зрения: он важен для Церкви и, по крайней мере, для части общества; правительство рассматривает его как пилотный. Археологические работы ведет Ново-Иерусалимская экспедиция Института археологии РАН под руководством автора. Исследования идут круглогодично (что необычно в археологии), сопровождая все строительные, геологические, инженерные, природно-ландшафтные работы. Понятно, что такой систематический подход создает условия и для постоянного «мозгового штурма», результаты которого начали появляться в печати с 2010 г.


ПРОСКИНИТА

Рци или поклонникъ стыхъ мѣстъ.
Троицкаго сергіева монастыря строителя монаха арсѣнія суханова ходившаго в палестинѣ
лѣта рнз рни ирнѳ. Раздѣляется сія
книга натри части или книги. Первая
убо книга нарицается статейной спискомъ.
Вторая книга шествіемъ градъ іерусалимъ наипаче
внутрь его стыхъ мѣстахъ. Третья кни
га Завѣтомъ таинственнымъ. еже есть чиновныя.
сіихъ требы церковныя чина вѣрныя
содержатъ.

Рис. 3. Арсений Суханов. «Проскинитарий». Одна из рукописей первой половины XVIII в. (РГБ)

Открыты десятки новых объектов и артефактов[4]. Они заставили взглянуть и на замысел, и на его осуществление с более современных позиций, потребовали точнее вписать проект Никона в контекст художественно-религиозной культуры Европы его времени. Цель статьи – показать, каким образом современная археология прокладывает путь историческому исследованию, решая собственные вопросы и формулируя новые для ученых-архивистов, знатоков книжности, историков международных (светских и церковных) контактов, искусствоведов.

[4] См.: Беляев Л. А. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М., 2012. С. 179–191; Его же. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь: археология и вопросы реставрации // Реставрация и исследования памятников истории и культуры. М., 2012. Вып. 5. С. 23–30; Его же. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. М., 2013. № 1. С. 30–41; Капитонова М. А. Архитектурно-археологическая стратиграфия и конструкции ограды Ново-Иерусалимского монастыря // Там же. С. 42–52; Бадеев Д. Ю., Русаков П. Е., Майорова Е. В. Старый деревянный дворец и Каменные палаты в Ново-Иерусалимском монастыре: археологические исследования 2009–2011 гг. // Там же. С. 59–67.

Рис. 4. Модель храма Воскресения Христова в Иерусалиме. Палестина (Вифлеем?), XVII в. Собрание выставочного комплекса «Новый Иерусалим», г. Истра

Обратившись к материалу, мы вдруг видим, что большинство авторов привычно отгораживаются от источников стеной из трех надежных блоков. Главный – «Проскинитарий» Арсения Суханова (рис. 3). Второй – деревянная модель храма Гроба Господня (рис. 4). Третий – сборник чертежей и комментариев фра Бернардо Амико (рис. 5). К этому добавляют указание на мастеров, собранных разными путями из Центральной Европы, которые отвечали, так сказать, за технологию и новинки художественного языка (резьбу и полихромию, золочение иконостасов и дверей, глазурованную терракоту, литье и пр.).

Археология подтверждает участие в строительстве монастыря мастеров из Европы, но показывает, что речь должна идти не только о технологиях – Новый Иерусалим внес изменения в общую картину московского художественного быта. Так, у печей обнаружились бело-синие терракотовые облицовки с сюжетом охоты на оленя, генетически связанные со Швецией и Германией (рис. 6). Часть посуды прямо подражает прибалтийской и польско-литовской. Среди изделий оказались неизвестные ранее в Московии гибридные вещи. Небольшая бутылка (фляжка) из глины в форме книги с застежками, вероятно, сделанная для Никона или самим Нико-

TRATTATO
DELLE
PIANTE ET IMAGINI
DE I SACRI EDIFICII
DI TERRASANTA
DISEGNATE IN GIERVSALEMME
Secondo le regole della prospettiua, & vera misura della lor grandezza.
DAL R. P. F. BERNARDINO AMICO DA GALLIPOLI
Dell'ordine di S. Francesco, de Minori Osseruanti.
Ombreggiate, & Intagliate da Antonio Tempesti Fiorentino.
CON PRIVILEGIO.
ROMAE,
Ex Typographia Linguarum Externarum. M. DC IX.
SVPERIORVM PERMISSV.
Facsimile of the Frontispiece of the First Edition.

Рис. 5. Титульный лист книги брата Бернардо Амико «Трактат о планах и видах священных сооружений Святой земли, обмеренных в Иерусалиме» (Рим, 1609)

Рис. 6. Изразец полихромный рельефный печной: часть фриза со сценой охоты. Ново-Иерусалимская экспедиция ИА РАН, 2010 г.

Рис. 7. Фляжка в форме книги (рельефная полихромная керамика): оборот «переплета». Ново-Иерусалимская экспедиция ИА РАН, 2010 г.

ном, и явно напоминает о карнавальной культуре Европы (рис. 7). Ранее не были известны в Московии XVII в. и терракотовые иконы (рис. 8: а–б). Хотя сюжеты их традиционны (лик Спасителя и фрагменты Распятия с реалистически, «по-западному» переданными чертами физического страдания), не исключено, что вместе они составляли композицию «Христос во Гробе», а их детали имеют стилевую связь с особой частью Центрально-Восточной Европы, включающей Волынь, Галицию (особенно Лемковщину), Краков и Львов, и дальше на юго-запад (Чехия, Трансильвания, Бессарабия). Предварительно эти материалы опубликованы, но интерпретация только началась, и тут много работы[5].

Вернемся к тем трем привычным источникам. По крайней мере два из них, деревянная модель[6] и книга Б. Амико[7] – католического, точнее, подчеркнуто францисканского «европо-палестинского» происхождения. Научная школа францисканцев (особенно Беллармино Багатти, Микеле Пиччирилло и др.) в XX в. показала вклад предшественников, которые положили много труда на то, чтобы развить в сознании европейцев представления о Святой земле и особенно Гробе Господнем как исключительную религиозную ценность, причем выраженную в очень конкретных художественно-мемориальных формах[8]. Светские культурологи и археологи (Аннабель Уартон[9], Джейн Тэйлор и другие) полагают, что францисканцы не только изучали Иерусалим, но и «фабриковали» его. Реликвии земной жизни Христа должны были привлечь сердца к вере, они обещали принести средства для благотворительности и миссионерской деятельности. Идея почитания Святых мест, сама Святая земля была тут и целью, и средством благочестивого служения.

Во всяком случае, возможности для ее осуществления у францисканцев были уникальные: святой Франциск считал одной из главных задач проповедь христианства братьям-мусульманам, бывал на Востоке, вел переговоры с султаном Египта о возможности миссионерской деятельности. Формально учрежденный в 1221 г., орден в момент гибели Латинских государств, в 1291 г., смог удержаться на побережье, а затем, к 1333 г., обосноваться в Иерусалиме, установив приемлемые отношения с мамлюками Египта. Францисканцы получили возможность объявить себя стражей Святой земли, *Custodia Terrae Sanctae*, и в 1342 г. папа Климент IV утвердил

[5] Воронова (Тихова) О. А. Колокололитейный комплекс XVII в. на территории Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследования памятников истории и культуры. СПб.; М.: Коло, 2012. Вып. 5. С. 34–36; Глазунова О. Н. Изразцы в культурном слое Нового Иерусалима: планиграфия, статистика, предварительная атрибуция // РА. М., 2013. № 1. С. 68–77; Glazunova O. N. Lithuanian's roots in the pottery of the Western suburbs of Moscow of the 17th and 18th centuries // Archaeologia Baltica. Klaipeda, 2012. Т. 6. P. 143–140; Беляев Л. А. Керамические иконы Христа в Ново-Иерусалимском монастыре: предварительная публикация находок 2014 года // В созвездии Льва: сб. ст. по древнерус. искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М., 2004. С. 48–61; Беляев Л. А., Глазунова О. Н. Вино и чернила: керамические «книги» из Подмосковья: (предварительная публикация) // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. М., 2014. С. 341–350.

[6] Из ризницы Ново-Иерусалимского монастыря, сейчас – в Музее г. Истра. См.: Piccirillo M. La Nuova Gerusalemme. Artigianato palestinese al servizio dei Luoghi Santi. Milán; Jerusalem: Custodia di Terra Santa, 2007. XVI, 238 p.

[7] Amico B. Trattato delle Piante et Immagini dei Sacri Edificii di Terra Santa. Romae, 1609. II ed. 1620. 27 p., 47 ill. Репринт: Bernardino Amico, Fra. Plans of the Sacred Edifices of the Holy Land. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1997. 148 p.

[8] См.: Piccirillo M. The role of the Franciscans in the translation of the sacred spaces from the Holy Land to Europe // Новые Иерусалимы. Иератопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2009. С. 363–383.

[9] Wharton A. J. Selling Jerusalem. Relics, Replicas, Theme Parks. Chicago; London: The University of Chicago, 2006. 272 p. Там же библиография.

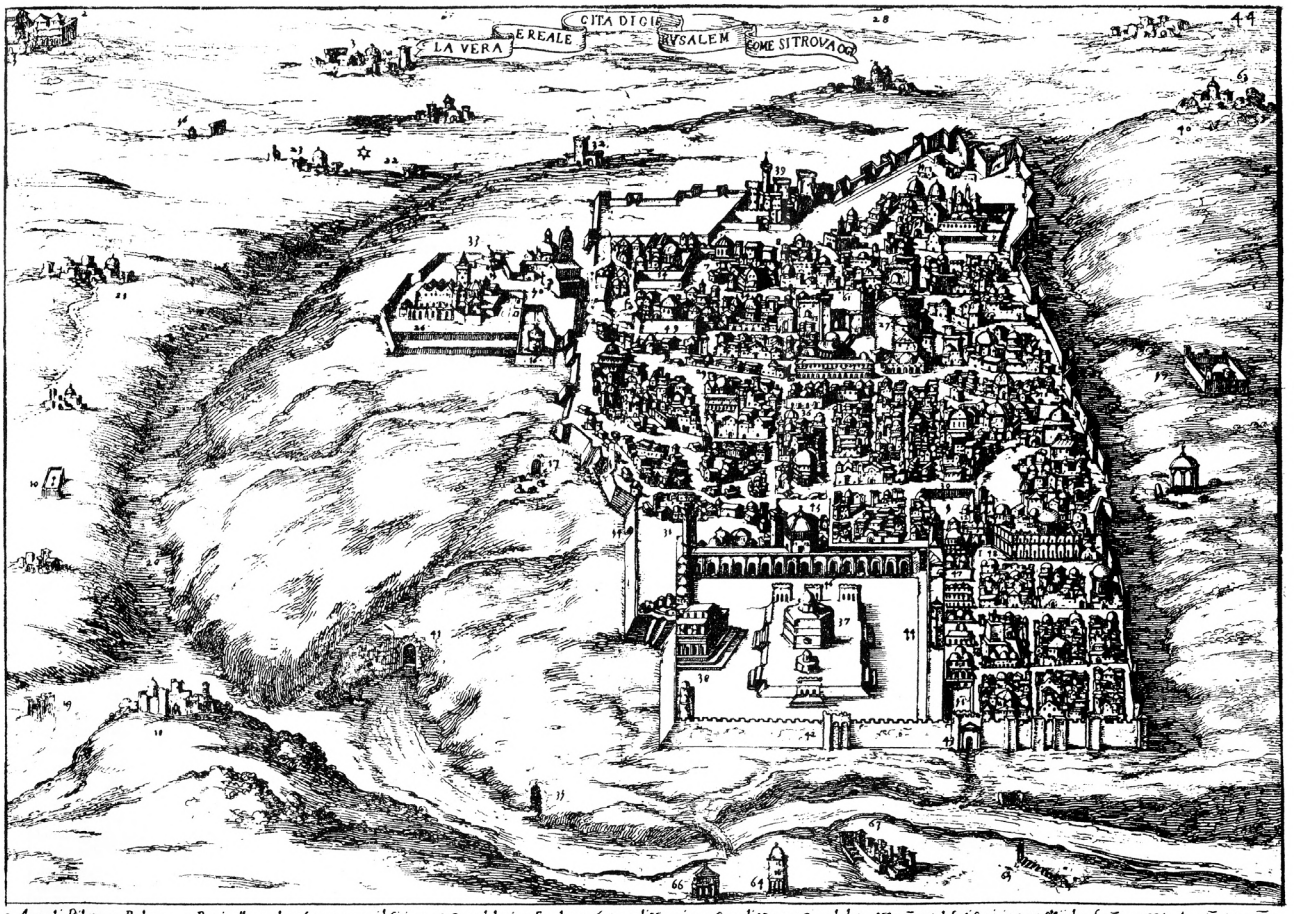
а

б

Рис. 8. Терракотовые рельефные иконы с ликом Иисуса Христа: а – композиция «Пантократор» (?), б – фрагменты композиции «Распятие» (?)

эту уникальную структуру. Францисканская Кустодия с XIV по XVII в. не жалела трудов, совершенствуя и контролируя систему Святых мест, начавшую складываться еще при крестоносцах.

С конца XV до середины XVII в., а особенно во второй половине XVI – первой трети XVII в. в миссиях францисканцев сложился кружок, активно работавший над созданием «образцового набора» знаний о Святых местах. Его визуальной основой стали планы Иерусалима с окрестностями. Они были привязаны к обычной точке обзора – Масличной горе – и совмещали современный рельеф с «реконструкцией» евангельской топографии. На этих планах иногда можно прочесть даже заглавие *Nuovo Gerusalemme* – так обозначали, отличая от «антикварного», вид современного города. Эти планы включали и в книги нового жанра – рассказы («трактаты») о Святой земле, сочетавшие свойства исследования, дневника и путеводителя (восходившего, в свою очередь, к средневековым *итинерариям*). Таким образом, миссии не только обеспечивали передвижения и аккомодацию паломников в Святой земле, заботились об их духовном и религиозном благополучии – они много занимались исследовательской и издательской работой.



1. Arco di Pilato. 2 Bellem. 3. Botticella 4. doue fu angariato il Cirineo. 5 Casa del ricco Epulone. 6. Casa di Veronica. 7. Casa di Marco. 8. Casa de letre Mª 9. Conuento de frati Greci. 10. campo Sto 11. doue fu Coceua M.V. 12. doue s'incontro xpo. con sua Madre. 13 doue fu carcerato S. Pietro. 14. doue fu decolato. S. Giacomo minore. 15 doue morì M. V. 16. doue l'Ebrei uolsero arrobare il corpo di M.V. 17. doue pianse S. Pietro. 18. doue Salomᵉ teneua le done. 19. doue l'Ebrei nascosero il fuoco S. 20 doue si nascosero Apostoli. 21 uolla del mal consiglio. 22. doue apparse la Stella a Magi. 23. doue nacque Elia profeta. 24. doue nacque Abacue profeta. 25. doue nacque il figliolo di Dio. 26. monte Sion. 27. il S. Sepolchro. 28. mōtana Giudea. 29. doue abitarono Ebrei. 30. doue xpo. disse alle done nolite flere super me. 31 doue si uedeno gli Campani sono Moschee. 32. doue abitaua S. Simone profeta. 33 doue si sepolticono li Christiani. 34. doue nacque S. Tomaso. 35. fonte de la Madona. 36. Spitale. 37. Tempio moderno. 38. luogo di frati Mri. 39 castello di Piraem. 40 Mischee di Mori. 41. Mōtana Silue. 42. Porta Aurea. 43. Porta di S. Stefano. 44. Piazza grande del Tempio. 45 Palazzo Borgo. 46. Porta speciosa. 47. Palazo di Pilato. 48 Palazo di Erode. 49. Palazo di Anna. 50 Palazo di Caifa. 51 Probatica Fisicina. 52. Porta di Mōtesion. 53. Portaleorea. 54 Porta stregliata. 55. Ruine. 56. Sepol. di Rachel. 57. Spelonche Rega. 58 Tempo della Madona. 59. torre Antonia. 60 bazara di Carara di Tiorbi. 62. Emaus. 63 Cetsemani. 64. Sepolchro di Absalo. 65. sepolchro de la Madre de done si nascose S. Iacome.

Рис. 9. Точный план современного Иерусалима с окрестностями, на котором указаны станции Крестного пути и Святых мест из книги Бернардо Амико «Трактат о планах и видах священных сооружений Святой земли, обмеренных в Иерусалиме» (Рим, 1609)

При этом миноритам не ограничили активность Палестиной – они ее использовали как базу своеобразного «наступления на Европу». Братья, как правило, не оставались за морем навсегда, возвращаясь обычно через 5–7 лет, чтобы и на родине прославлять Святые места своей организационной и проповеднической работой. Это породило новую версию «переноса святости», существовавшей в Европе издавна, и внесло существенные изменения в систему богослужения, затронув отчасти и богословие, по крайней мере, в части литургики.

Главным новшеством стало фундированное, подробное, наглядное (а потому более убедительное) обоснование евангельской топографии, особенно связанной со страданиями Иисуса. Вновь, как в эпоху ранних христиан, обострилось внимание к реликвиям и к воспроизведению наиболее драматических эпизодов последних дней земной жизни Христа. Оно нашло воплощение в культе Тела Христова (Corpus Christi), Его ран и орудий страстей (Arma Christi), в оформлении (с XIV в.) «маршрута» по Виа Долороза[10] и создании особого богослужения Крестного пути, разработанном сначала в Святой земле, затем принятом в континентальных общинах францисканцев, а к середине XVII в. – и во всей католической Церкви. Это имело влияние и на развитие церковного искусства, зримое по сей день в виде маркировки знаменитых «14 станций», отмеченных не только на Виа Долороза, но в каждом храме, и выраженное всеми доступными средствами искусства (рис. 9).

[10] Впервые упомянут в Liber peregrinationis («Книга странствий», ок. 1288–1291) миссионера-доминиканца Рикольдо да Монтекроче.

Такова францисканская идея «переноса святости» в самом общем виде. Но нам интереснее особый побег на этой мощной ветви церковного древа – «ландшафтно-архитектурный парк» евангельской топографии, в который встраивалась архитектура, скульптура и живопись, своего рода декорация для литургического сценического действа – Sacro Monte (Святая Гора).

Первые *сакри монти* появились в Испании и Италии в конце XV в. (окончательно не выяснено, где ранее). В 1486 г. на землях францисканской общины Варалло (Пьемонт) вернувшийся из Святой земли хранитель Бернардино Каими (Bernardino Caimi) создал свой «Новый Иерусалим» *(Nuova Gerusalemme)*. За этой Святой горой последовали несколько более или менее сходных в Вальдезе и других местах. Эти новые паломнические организмы приобрели особое значение в эпоху Контрреформации, став инструментом католической пропаганды. Как всякий Новый Иерусалим, *сакри монти* обладали не вполне очевидными сегодня, но явными для современников преимуществами. Их святыни были ***уже*** спасены от рук неверных, очищены, перенесены с грязного, принадлежащего мусульманам Востока внутрь Европы, укрыты в нем как христианской крепости. Кроме того, их посещение было не таким опасным, не таким долгим и дорогим – а предлагавшаяся индульгенция практически равнялась полноценному паломничеству. Недаром даже после того, как торговлю индульгенциями отменят, их выдача пилигримам продолжится.

Сакри монти постепенно усложняли и совершенствовали, к их оформлению привлекали и ремесленников, и крупных талантливых мастеров, подлинных творцов, таких, как Галеаццо Алесси, инвенцией которого в 1560-х гг. стал прямо-таки современный подход к показу «станций» в киосках, похожих на выставочные павильоны с их прозрачными куполами, замысловатыми лестницами и заданными точками «сценических ландшафтов»[11] (рис. 10).

Важным свойством этих «тематических парков» была, в сравнении со средневековыми европейскими «копиями» Гроба Господня[12], достоверность. За нее францисканцы не просто ручались на словах – они подтверждали подлинность, держа в руках листы и книги с обмерами и деревянные трехмерные модели, – на дворе стояло уже раннее Новое время, и научная достоверность высоко ценилась. В ряду этих «инструментов убеждения» выделяется труд Бернардо Амико с его точными

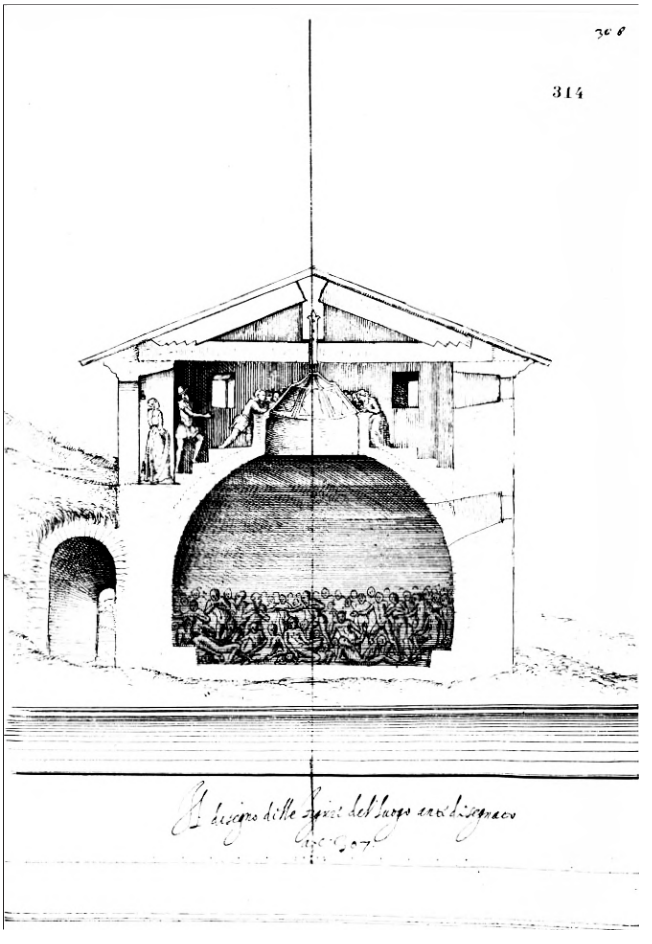


Рис. 10. Галеаццо Алесси. Эскиз «диорамной станции» с обзорной площадкой и прозрачным куполом для перестройки Сакро Монте в Варалло (по: Belardi P. Da Varallo ad Assisi: I «misterij» atopici di Galeazzo Alessi // Q2-Quaderni dell'Istituto di Disegno. Perugia: Università degli studi di Perugia, 1987. P. 320)

обмерами святынь. Ими же, видимо, пользовались и для создания второго типа реликвий – деревянных моделей храма Гроба Господня, его дорогостоящих евлогий. Они разбирались и были удобны для знакомства с храмом: можно было отдельно рассмотреть части здания и его сердце – эдикулу Гроба Господня. К моделям, которые выполняли палестинские резчики, прикладывался и текст-путеводитель.

По мнению М. Пиччирилло, книга Амико служила и своего рода «руководством по сборке» Гроба Господня в домашних условиях. На 33-м чертеже из книги, изображавшем «План и вид Святейшего Гроба», была даже сделана специальная приписка: этот план дополнительный, он помещен здесь, чтобы каждый мог воспроизвести его в нужном размере и из тех материалов, из каких захочет,

[11] Belardi P. Da Varallo ad Assisi: I «misterij» atopici di Galeazzo Alessi // Q2-Quaderni dell'Istituto di Disegno. Perugia: Università degli studi di Perugia, 1987. P. 319–324.

[12] Cadei A. Gli Ordini di Terrasanta e il culto per la Vera Croce e il Sepolcro di Cristo in Europa nel XII secolo // Arte medievale. 2002. N. 1. P. 51–69. (N. s.; T. I).

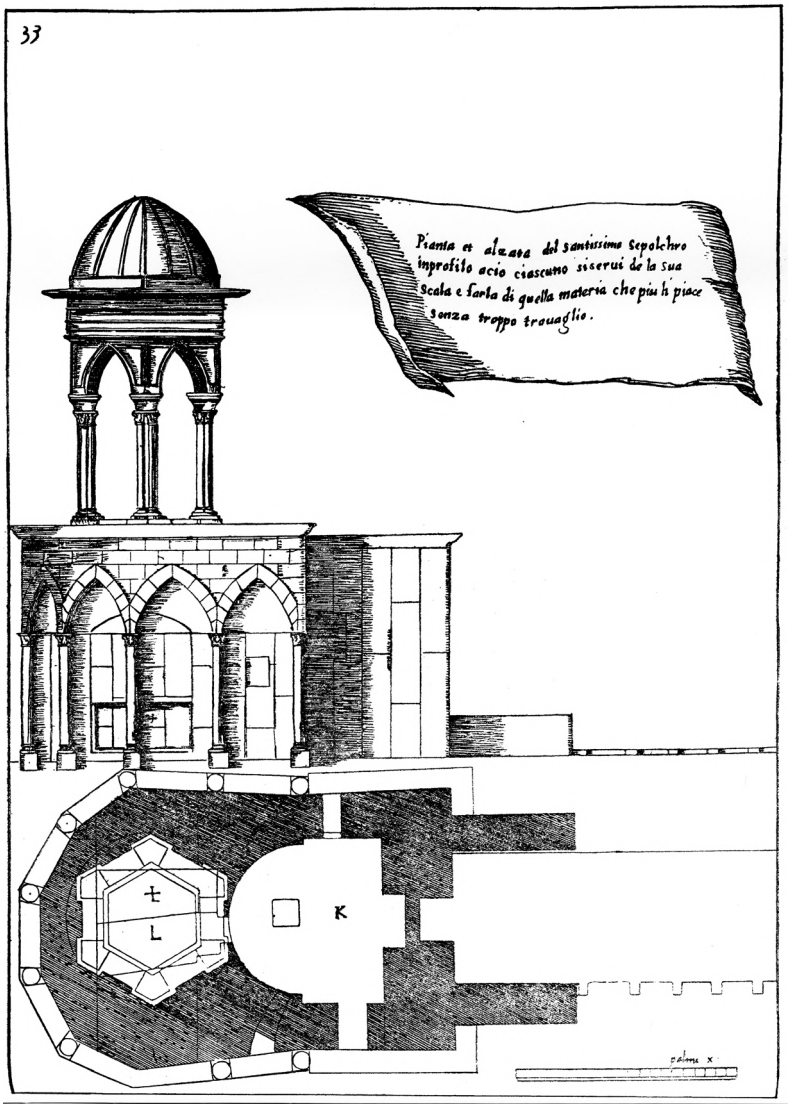


Рис. 11. Лист 33 из книги Бернардо Амико «Трактат о планах и видах священных сооружений Святой земли, обмеренных в Иерусалиме» (Рим, 1609)

«без слишком большого труда»[13] (рис. 11). По сути дела, в России так и поступили. Сама идея моделей святынь Палестины как евлогий для паломников, конечно, гораздо древнее, чем францисканская Стража. Разница в том, что на основе чертежей и моделей Кустодии европейские художники и архитекторы могли проектировать и строить очень близкие подобия. Правда, этого, как правило, не происходило – европейские «копии» обычно существенно отличались от прототипа. Тем не менее, чертеж был важен так же, как масштабные деревянные модели, широко применявшиеся начиная с эпохи Ренессанса и частично сохранившиеся (они тоже были разъемными и точно представляли интерьер) (рис. 12).

Итак, патриарх Никон, очевидно, мог собрать современный ему стандартный набор материалов для воспроизведения собора Воскресения. Но в Московии практика строительства по чертежам и моделям не была развита, сами по себе книга Амико и модель, помогая понять общий облик и размеры, для точного копирования храма Святого Гроба не годились. К ним нужен был архитектор, прошедший школу современного европейского строительства. Его присутствие доказывает уже точность копирования плана и очень сознательное, рациональное внесение в него изменений и «улучшений», расширение некоторых компартиментов и уборка других. Их отметили уже сами строители собора на страницах знаменитого «каменного путеводителя», указывая на различия в архитектурном пространстве палестинской и истринской святынь[14] (рис. 13).

Отмечу археологически зафиксированную важную деталь. Как известно, наравне с эдикулой, в ряду Святых мест стояла скала (гора) Голгофа (*греч.*), или Каливария (*лат.*). Архитектурное решение этой реликвии сравнительно сложно и предполагает разделение двух потоков пилигримов, восходящего и нисходящего (как в криптах европейских церквей, только навыворот, сначала вверх, потом вниз). В Иерусалиме обе лестницы на Голгофу – внутри храма, справа от южного входа. Но в Средние века (с XII в.) существовал и отдельный проход через специальную «Капеллу франков», выводивший к наружной, дворовой лестнице (рис. 14).

В Новом Иерусалиме, в результате перестроек, вход снаружи на Голгофу, выводивший сначала на галерею, вскоре закрыли огромной памятной таблицей, и его изначальное решение не очень понятно. Первоначальная точность воспроизведения образца прояснилась при раскопках, которые раскрыли основание дополнительной структуры южного фасада (вероятно, привходовой «Капеллы франков»), отвечавшей святогробскому прообразу (рис. 15). Это немаловажная деталь: в европейской графике южная лестница и капелла – важные мар-

[13] Amico B. Trattato delle Piante … Fol. 33.

[14] Зеленская Г. М. «Каменный путеводитель» XVII века по Воскресенскому собору Ново-Иерусалимского монастыря // Искусство христианского мира. М., 1999. С. 152–174.

Рис. 13. Надпись «каменного путеводителя» собора в Новом Иерусалиме с текстом, описывающим устройство францисканской церкви в храме Гроба Господня в Иерусалиме, 1680-е гг. Текст: «В той же Римской церкви на середине учинен гроб выкладен; глаголют о нем, на том, де, месте стояла Богородица, егда Христос наш по восстании от гроба явися Ей». Надпись взята из Проскинитария Арсения Суханова и воспроизведена с незначительными пропусками (см.: Зеленская Г. М. «Каменный путеводитель» XVII века по Воскресенскому собору Ново-Иерусалимского монастыря // Искусство христианского мира, 1999. С. 168)

Рис. 12. Часть деревянной модели для собора в Павии работы архитектора Фугацци, 1497 г.

Рис. 14. Густав Бауерфайнд. Иерусалим, вид храма Гроба Господня. Акварель, конец XIX в. (Мюнхен, Собрание графики). На рисунке представлен вид на лестницу и «Капеллу франков» с востока

Рис. 15. Фундамент «Капеллы франков» (?) в Новом Иерусалиме. Вид с юго-восточного угла в момент расчистки. Ново-Иерусалимская экспедиция ИА РАН, 2012–2013 гг. (раскоп 25, участок 2)

керы Гроба Господня, они воспроизведены практически на всех изображениях южного фасада, по историко-топографическим причинам ставшего основным и единственно доступным фасадом храма[15]. Почему капеллу с внешней лестницей заложили, но не построили, неясно. Но ее открытие подтверждает стремление строго следовать плану Амико.

Вернемся к документам, на которые, как полагают, опирался Никон. Мы знаем, что «чертеж святого града Иерусалима со всеми Святыми местами» привез в 1649 г. в Москву патриарх Иерусалимский Паисий. Это мог быть распространеннейший, сохранявший популярность до XIX в. «историографический» план Ван Адрихема, – первый, где обозначен Крестный путь и еще 250 Святых мест, или один из францисканских «планов с натуры». Павел Алеппский отметит в Троице-Сергиевом монастыре и паломническую икону «Вид Иерусалима со всеми находящимися внутри и вне его церквами, монастырями и Святыми местами». Оба плана позволяли воспроизвести «евангельскую топографию», но по ним никак нельзя было построить храм.

Чрезвычайно важно установить не только происхождение источников для Нового Иерусалима. Принципиален путь, которым эти источники достигли Москвы, – так сказать, те руки, которые их привезли, те глаза, которые их читали, а еще более – те головы, которые переводили их и поясняли патриарху. Деревянную модель, возможно, подарил Иерусалимский патриарх, побывавший в 1649 г. в Москве. В «Возражениях» Никона (пункт 14) сказано, что храм строили по «образцу», привезенному Паисием, – хотя непонятно, что именно имеется в виду. Легко ли было получить оттуда же, из Иерусалима, книгу Амико – неизвестно. Их печатали в Риме и Флоренции, а распространяли в основном в Европе; в Иерусалиме ими могли располагать те же члены Кустодии; экземпляры книги редко встречаются в собраниях и в антикварной торговле современного Иерусалима, вероятно их попадание туда с европейскими паломниками.

Обычно полагают, что «главным консультантом», интерпретатором материалов выступил Арсений Суханов. Он знал Восток, много работал с Никоном, владел греческим и латинским и, возмож-

[15] См. библиографию: Krüger J. Die Grabeskirche zu Jerusalem: Geshichte–Gestalt–Bedeutung. Regenburg: Snell und Steiner, 2000. S. 204–207; Беляев Л. А. Гроб Господень (археология и история) // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XIII. С. 124–131; Его же. Гроба Господня храм в Иерусалиме // Там же. С. 136–145.

но, польским языками[16]. Его роль как транслятора «новостей Иерусалима», действительно, была значительной, так же, как его «дневник поклонника». Но, когда Никон поселится в Новом Иерусалиме и имеющиеся у него латинские тексты окажется некому переводить, он вынужден просить прочесть их Николаса Витсена. Патриарх показал ему «присланные... из Иерусалима и находившиеся у него в церкви надписи, он хотел иметь такие же надписи здесь, но переведенные на русский язык, чтобы показать их людям. Я перевел их на голландский язык, кто-то другой – на верхненемецкий, с него на русский»[17]. Сам перевод довольно длинный и пустой, из рода католических агиток (речь идет о том, что в 1611 г. со статуи Иисуса некие еретики сбросили голову, но потом их изгнали, и теперь снова поклоняются месту, «где стояли Его ноги»). Этот текст явно требует специального комментария, который позволил бы понять, о какой книге или документе идет речь.

Что касается книги «Поклонник», то она играла важную роль не на этапе строительства Никона, а при достройке собора, в 1670–1680-х гг. Недаром к ней прямо восходят тексты знаменитого «каменного путеводителя» собора – рукопись Арсения именно тогда попала в оборот, а до этого была почти неизвестна, хотя Никон ее, конечно, знал. Соблазнительно думать, что «книжный» характер Нового Иерусалима связан с традицией «надписания» Святых мест в самой Палестине, которая складывается в период формирования Крестного пути и «литургии Крестного пути». Или по крайней мере, с указанием этих мест на францисканских планах Иерусалима. Наконец, с маркировкой святынь и частей храма Гроба Господня, которые прилагались к моделям в виде специальных экспликаций. Были ли среди таких экспликаций греческие – вопрос к историкам письменных памятников. Возможно, проект «каменного путеводителя» опирался на экспликацию к подаренной модели – тем паче, что его собор буквально опоясан текстами: керамическими, медными, белокаменными. Интересно, что такое текстовое сопровождение заново подготовили для новоиерусалимской модели и издали вместе с ее планом в XIX в.

Очень важно сопоставить «Проскинитарий», самое подробное русское описание Гроба Господня и других *loca sancta*, не только с предшествующими ему русскими хождениями, но и с документами рождающейся «туристической промышленности» Иерусалима, прежде всего подробными ранними дневниками европейцев, которых францисканцы «водили» от святыни к святыни (Margery Kempe, 1413–15; Richard Guylforde, 1506; Francesco Suriano, 1524)[18]. Вряд ли следует представлять дело так, что Арсений лично читает надписи над гробницами латинских королей Иерусалима и переводит их на русский язык – тем паче, что он полностью списывает довольно пространные и сложно составленные тексты. Вероятно, он пользуется уже существовавшими книгами, в том числе и в первую очередь – францисканскими, но, возможно, и какими-то материалами иерусалимских греков? Думаю, сравнение возможных источников «Проскинитария», греческих, латинских и русских, современных Арсению и более древних, станет увлекательной задачей для историков книжности[19].

Но в целом степень воздействия Арсения на проект Нового Иерусалима, видимо, преувеличивают. При этом опираются, прежде всего, на сообщение Иоанна Шушерина, ближайшего сотрудника Никона и автора его первой биографии, где сказано, что Никон посылал Арсения в 1657 г. в Святую землю за моделью храма. Архимандрит Леонид (Кавелин) полагал, что «нет ни малейшего подозрения относительно фактической стороны» сведений Шушерина – но вряд ли был прав. В хорошо отраженной источниками жизни Арсения поездки 1657 г. просто нет. Его путешествия состоялись раньше, имели более широкую географию и иную цель: собрать рукописи и отметить искажения обряда греческой Церкви. «Житие» же Никона Шушерин составлял между 1681 и 1686 гг., то есть через 30 лет после начала строительства монастыря, после смерти патриарха. Это не документальный отчет, а увлекательное и наставительное чтение, недаром его текст чуть не самый распространенный в поздней рукописной книжности[20].

---

[16] Арсений (Суханов). Проскинитарий, 1649–1653 / под ред. И. И. Ивановского. СПб.: Имп. православное Палестинское о-во, 1889. 434 с. (Православный Палестинский сборник; вып. 21); Каган М. Д. Арсений (Суханов) // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3: XVII в., ч. 1: А–З. С. 98–103; Фонкич Б. «Проскинитарий» Арсения Суханова // Semiotics of Pilgrimage / [Eds. Moskovich W., Schwarzband S.]. Jerusalem, 2003. P. 179–182. (Jews and Slavs; Vol. 10).

[17] Витсен Николаас. Путешествие в Московию, 1664–1665: дневник. СПб.: Симпозиум, 1996. 266 с.

[18] Информативность такого подхода уже показана, например, сравнением записок XVI в. шляхтича Миколая Радзивилла-Сиротки и купца Василия Позднякова: Лескинен М. В. Образ Иерусалима в описаниях христианских паломников XVI в. // Славянский альманах, 2001. М., 2002. С. 330–344.

[19] Rehav R. Greek-Orthodox maps of Jerusalem from the seventeenth and eighteenth centuries // e-Perimetron: International web journal on sciences and technologies affined to history of cartography and maps. 2013. Vol. 8, No. 3. P. 106–132. URL: www.e.-perimetron.org (дата обращения: 30.08.2016).

[20] Житие Никона, Святейшего Патриарха Московского / Шмидт В. В., Юрченков В. А., Смирнова В. Б. Саранск: НИИ Гуманит. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2005; Бубнов Н. Ю., Лаврентьев Л. В. Иоанн Корнильев Шушерин-Рипатов // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3: XVII в., ч. 2: И–О. С. 70; Авдеев А. Г. Читал ли Иоанн Шушерин Полидора Вергилия в подлиннике? Заметки на полях новоизданного списка // Пространственно-временные перекрестки культуры. Барнаул, 2009. С. 229–232.

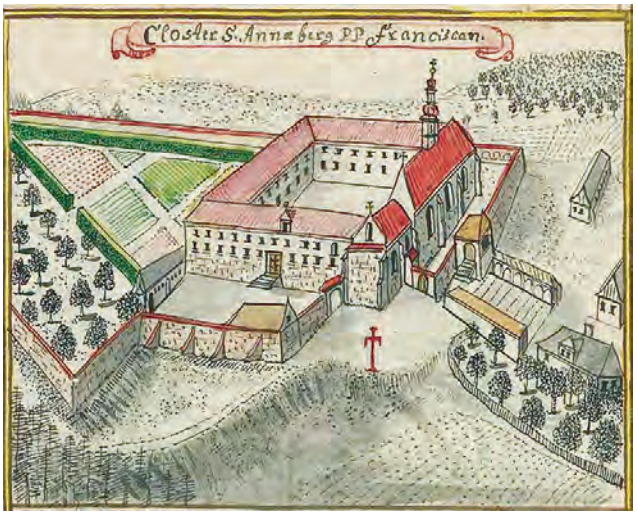


Рис. 16. Вид монастыря францисканцев на Свято-Анненской горе (St. Annaberg) в Верхней Силезии. Рисунок XIX в.

Важно отметить, что посылка в Святую землю и привоз оттуда меры, изображения, модели (хотя бы чего-то одного из них) – бродячий сюжет в литературе о паломническом строительстве в Европе, куда теперь следует вернуться. Идея «тематических парков» распространилась вместе с францисканцами и родственными им монашескими орденами, не в последнюю очередь миссионерами-иезуитами, за пределы Италии. Это движение, особенно яркое в колониях, в знаменитых «миссиях» новых континентов, развивалось и в северо-восточном направлении. Сама идея Нового Иерусалима достигла Московии в последней четверти XVI – начале XVII в., возможно, не случайно. Стоит вспомнить, что в Москве уже во время миссии Поссевино жили мастера из Литвы и Германии, о «Святая Святых» Бориса Годунова и позже, в 1620-х гг., о деятельности Филарета Романова. Буквально «след в след» с миссиями на восток двигаются *сакри монти* (их будут называть в Центральной и Восточной Европе *кальвариями*), иногда в самых простых формах, как в Аннаберге, а иногда в очень развитых, как в Гёрлице (рис. 16).

Вскоре кальварии достигли Речи Посполитой. В 1599 г. служилый дворянин Иероним Стржале привез в Краков восковую модель Гроба Господня. В Палестину его специально послал (знакомый сюжет!) краковский воевода, истовый католик Николай Зебжидовский. Он устроил на горе под Краковым простую кальварию, но монахи-цистерцианцы уговорили воеводу развить ее в полноценную *сакро монте* (созданный монастырь был оставлен по завещанию бернардинцам). Для проектирования несложных, но многочисленных (несколько десятков) часовен привлекали архитекторов из Фландрии и Италии, и более чем на столетие кальвария стала предметом забот семьи Зебжидовских, ее «станции» привлекают массу паломников до сего дня[21].

Первую литовскую кальварию, известную сейчас как Жемайтийская, поставит в 1633 г. Юрий Тышкевич. В 1662 г., чуть позже истринского Нового Иерусалима, на р. Нерис заложат вильнюсскую кальварию. Интересно ее появление в качестве *de voto* за избавление Вильно от взятия московской армией. В ходе той же войны патриарх Никон получит десятки мастеров из Литвы, среди которых и жители Вильно. Нам видны сегодня сотни связующих нитей, тянущихся через литовский рубеж в Москву и способствующих полонизации русской аристократии. С Краковом связан не только Николай Зебжидовский, но и знаток московских дел Лев Сапега (1557–1633), великий канцлер Литовский. Еще в Ливонскую войну они оба воевали под Великими Луками и Псковом, оба (конечно, в разное время) были воеводами Кракова. Почетным пленником Сапеги был Филарет Никитич Романов в 1610–1619 гг. А эти годы – период активного строительства кальварии самим Зебжидовским. Легко предположить интерес «тушинского патриарха» к модному проекту благочестия. Вспомним и о важной церковно-топографической эпопее второй четверти XVII в. – погребении в Варшаве тела царя Василия Шуйского, в особой каплице с неприятным для московских правителей визуальным и эпиграфическим рядом, и последующий обмен посольствами с длительным торгом за выдачу тела и «поносных» досок. В эту кампанию втянулись магнаты тогдашней Украины, русские бояре, польские придворные. Ее эпизоды обсуждались при дворах, вероятно, с упоминанием иных «благочестивых проектов» Польши.

Никон, как хорошо известно, располагал европейски обученными кадрами, включая архитекторов и художников. Мы знаем довольно много имен, таких, как Петр Заборский (он единственный удостоен эпитафии на стене собора), Игнат Максимов, Севериан, Сергий, Паисий и другие. Но плохо знаем (или вообще не знаем) их биографии[22].

Возможных «путей доставки» идей, людей и артефактов, необходимых для запуска проекта «Но-

[21] Mitkowska A. Polskie Kalwarie. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 2003. 276 c.

[22] Библиография в статьях сборника: Белорусы Москвы. XVII век. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броукі, 2013. 400 с. До середины XVII в. мы узнаем о присутствии мастеров из тех или других стран в основном случайно, ср., напр.: Баталов А. Л. Литвины польской короны на службе у Ивана Грозного. К постановке вопроса // Пинакотека. № 20–21. М., 2005. (1–2). С. 190–193; и текст Поссевино: «В Москве живут также 40 немецких семей, насильственно переселенных сюда, мужчины в этих семьях заняты на строительствах». Цит. по: Делиус В. Антонио Поссевино и Иван Грозный. К истории церковной унии и Контрреформации в XVI столетии // Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве. М., 2005. 256 с.

вый Иерусалим», с конца XVI – начала XVII в. было предостаточно, и они всё умножались. Мы знаем, что патриарх Никон еще в 1654–1655 гг. получил для строительства Иверского монастыря сотни семей переселенцев – православных жителей современной Белоруссии; их следы сохранились в документах Мещанской слободы, Оружейной палаты и других фондах[23]. Из двух православных Кутеинских монастырей под Оршей (возникли в 1620-х гг.[24]) в Иверский привезли библиотеку и типографию. Братья и сестры этих монастырей, конечно, знали о краковской кальварии, могли располагать книгой Амико и другими изданиями францисканцев. В среде просвещенного киевского священства широко обращались западные гравюрные листы и книги[25]. Печатная продукция католических издательств, конечно, была и в таких городах, как Полоцк, Витебск, Орша, где имелись миссии.

Само по себе проникновение «искусства миссий», прежде всего миссий иезуитских, во все досягаемые (и даже недосягаемые) углы тогдашнего мира, причем зачастую из таких неожиданных для русского читателя земель, как ныне чешские, польские, западно-украинские и белорусские, ободряет нас в таком поиске[26]. Но для Московии все эти связующие нити до сих пор, кажется, едва намечаются – хотя она, конечно, ближе к Центральной Европе, чем миссии Латинской Америки, Калифорнии, тихоокеанских островов. Эти нити, надеюсь, будут когда-нибудь подробно, на уровне письменных источников, рассмотрены.

Внешних свидетельств интереса Никона к миру, лежащему за пределами Руси и православного Востока, достаточно много. О его живом интересе к латиноязычным изданиям говорит не только «новоиерусалимский эпизод» разговора с Витсеном. Достаточно напомнить о переводе атласа Я.В. Блау и роли в нем самого Никона, особенно в переводе четвертой части этого атласа, содержавшего знаменитую «Британию» Уильяма Кэмдена, одного из первых теоретиков ранней археологии в Европе[27].

Рис. 17. Центральная группа построек кальварии Зебжидовского под Краковом, XVII–XVIII вв.

Как ни странно, даже восточные предметы, довольно многочисленные в обиходе Никона, могут указывать на контакты (по крайней мере, опосредованные) с миром католических миссий. Вспомним о китайской пуховой шляпе с японским лаковым футляром для нее[28]. Дальневосточные вещи (в том числе любимый китайский чайник патриарха) могли попасть в Московию, скорее всего, с Запада, а не «восточным» караванным путем, и не обязательно через Архангельск[29].

Наконец, следует признать, что у *сакри монти*, а особенно у *кальварий*, есть с Новым Иерусалимом сходство в архитектурно-пространственном решении. Довольно сложные, экзотические пространственные формы храма Воскресения живо напоминают не только о причудливой композиции собора Покрова на Рву, но и о многосоставных соборных ансамблях Кракова и Львова, окруженных родовыми погребальными каплицами и часовнями для частного богослужения. В этом хаотическом, кумулятивно накопленном нагромождении объемов есть прямое сходство с результатом, достигнутым в Новом Иерусалиме сразу, по единому проекту (рис. 17).

[23] Тимошенкова З. А. Иверский монастырь в XVII веке. Состав братии // Псков. 1994. № 1. С. 35–40.

[24] В одном из них производились белорусскими археологами довольно широкие раскопки, но материал, сколько мне известно, еще не опубликован.

[25] См., например, важную статью о проникновении в православные земли Восточной Европы системы католического образования благодаря деятельности иезуитов: Яковенко С. Г. Роль иезуитов в распространении католического образования в Московии (конец XVI – начало XVIII в.) // Київська академія. Київ, 2010. Вип. 9. С. 58–65.

[26] Широкие обзоры и библиография: Тананаева Л. Н. О маньеризме и барокко: очерки искусства Центрально-Восточной Европы и Латинской Америки конца XVI–XVII века. М.: Прогресс-Традиция, 2013. 648 с.

[27] Том с описанием Англии, Шотландии и Ирландии вышел в 1645 г. Русский перевод с вкладной патриарха Никона – в Отделе рукописей Государственного исторического музея (собрание бывшей Синодальной библиотеки). См.: Болдырева Н. А. К истории русского перевода «Британии» Уильяма Кемдена в библиотеке патриарха Никона // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2013. С. 284–294.

[28] Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 520 с.; «Премудрая двоица»: царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. М.: Художник и книга, 2005. С. 78–79, 149.

[29] Не было ли экзотических предметов в коллегиумах Центральной Европы, до которых добралась русская армия? Напомню, например, что известнейший миссионер-иезуит Михаил Бойм, в конце концов погибший в джунглях Индокитая, происходил из г. Львова.

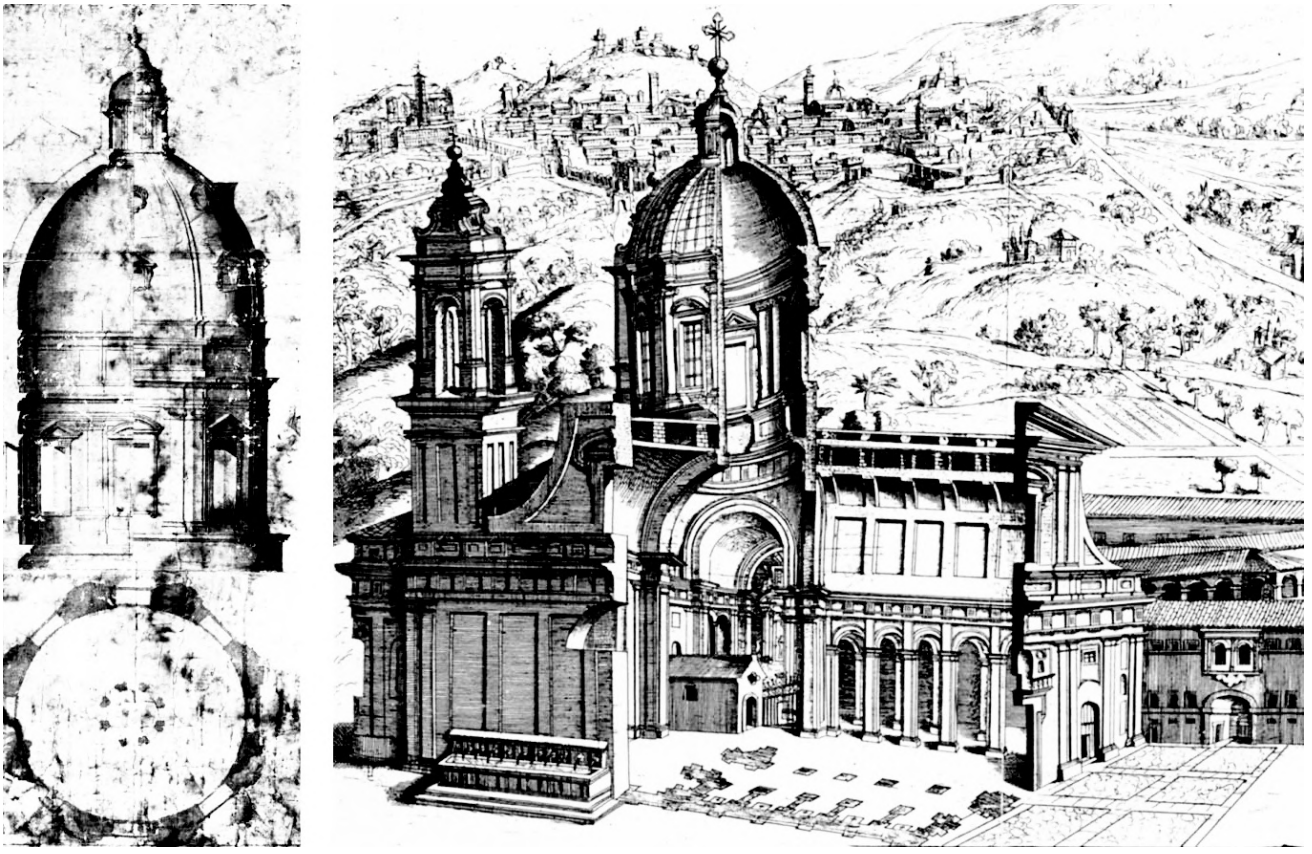


Рис. 18. Провидони Ф. «Санта-Мария-Анджели в Ассизи», гравюра 1704 г.
(F. Providoni. Templum Sanctae Mariae Angelorum ad anno 1559 die 25 martii fundatum, 1704).
Внутри храма показана Порциункула, тщательно сохраненная в проекте архитектора Галеаццо Алесси, активно работавшего по заказам францисканцев

Уже упоминавшийся Алесси, проектируя знаменитую Санта-Мария-дельи-Анджели в Ассизи, явно не случайно разместил в ее средокрестии каменную часовню IX в. (Порциункулу), служившую пристанищем святому Франциску Ассизскому[30]. Это прямая архитектурная отсылка к храму Гроба Господня с его эдикулой и решение, заведомо близкое пространственной композиции Воскресенского собора Нового Иерусалима (рис. 18).

Важнейший элемент кальварий – система часовен на местах «станций». Их обычно гораздо больше 14-ти, поскольку ими отмечали любые эпизоды священной истории, вплоть до житийных. Они как бы кристаллизовались из «раствора благочестия», разлитого в специально выбранном ландшафте. Молитвенное шествие в нем, от станции к станции – основа паломнического действа (рис. 19). Но ландшафт р. Истры связан с палестинским только через ономастику и евангельские тексты – часовен патриарх построить не успел. Тем не менее, стоит учесть немногие исключения. Собственный скит

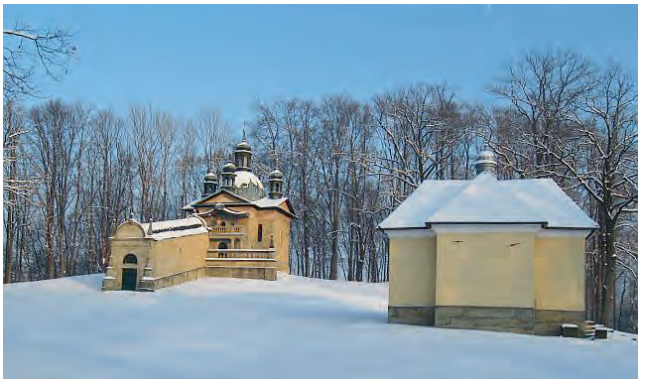


Рис. 19. Часовни Кальварии Зебжидовского.
Современная фотография

[30] Galeazzo Alessi e l'architettura del Cinquecento, atti del convegno internazionale di studi: Genova, 16–20 Aprile 1974. Genova: Sagep ed., 1975. 738 p.

Рис. 20. Отходная (Богоявленская) пустынь патриарха Никона на р. Истре, вблизи Нового Иерусалима. Современная фотография

патриарха, Богоявленская пустынь на берегу условного «Иордана», отмечает место Крещения Господня и архитектурно укладывается в традиционные формы «станционных капелл» (рис. 20). Внутри монастыря нами открыты, всё с той же топографически важной южной стороны собора, остатки облицованной когда-то изразцами часовни, разобранной (до середины XVIII в.) из-за тотального обрушения в промоину (рис. 21). Вероятно, это «Колодец с ангелом» – источник, где вода подавалась механически, с помощью насоса, и в состав которого входило крупное изображении ангела (глазурованный рельеф или даже скульптура). Это сочетание явно напоминает о «панорамных киосках» *сакри монти* и тематически может быть связано с композицией «Ангел на камне» в сцене Воскресения.

Рис. 21. Основание часовни («Колодец с ангелом»?) у южного фасада Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря. Вид с востока. Ново-Иерусалимская экспедиция ИА РАН, 2013 г.

После наших археологических исследований и попыток системно соединить Новый Иерусалим с новой тогда европейской системой почитания Крестного пути прямое знакомство патриарха Ни-

Рис. 22. Гравюра «Utopiae insulae figura» из книги Томаса Мора «Остров Утопия» (More Thomas, Sir. Utopia. Louvain, Belgium: Arte Theodorici Martini, 1516)

кона с францисканской идеей, с *сакри монти* и *кальвариями* превратилось в обоснованную гипотезу. Со временем, вероятно, выяснятся посредники, будь то православные книжники Речи Посполитой или пленные католики, миссионеры-иезуиты с Запада или греки из Иерусалима, вольно или невольно обменивавшиеся «паломническими технологиями» с теми же францисканцами.

Впрочем, в названии статьи союз «и» употреблен не случайно. Конечно, значение «Истринского проекта» несравненно значительнее, чем рядовое францисканское или иезуитское начинание. В XVII в. мир постепенно переставал делиться на Запад и Восток, стрелка отношений повернулась на «взаимопроникновение». Новый Иерусалим патриарха Никона предстает погруженным в этот новый, зарождающийся мир, устремленным вперед. Для России впереди Санкт-Петербург – и Новый Иерусалим во многом его прообраз, анагогическая столица будущей страны. В этом смысле Новый Иерусалим подобен идеальным городам, он родственник острову Утопии[31], Новому Свету с его ранними иезуитскими *редукциями* и даже индианополисской «Квадратной миле» Пьера-Шарля Ланфана. Но это – темы дальнейших исследований (рис. 22).

Здесь же мне кажется вполне своевременным от имени археологии Нового времени поставить задачу, которая должна быть решена в пространстве традиционных методов и письменных источников. Эта задача – детальное исследование возможных связей книжной и образной, художественной, концепции истринского Нового Иерусалима с мощным движением Контрреформации в Европе, в котором столь значительна роль монашеских орденов[32].

[31] На известной гравюре *Utopiae insulae figura* к изданию 1516 г. остров окружен не только водой, но, подобно *сакро монте*, маленькими часовнями на островах.

[32] Приношу искреннюю благодарность Сергею Георгиевичу Яковенко за консультации по вопросам истории отношений России и ордена иезуитов, а также за предварительное знакомство с текстом статьи и ценные комментарии.

L. A. Belyaev

Archaeology of New Jerusalem and the Franciscan Idea in the 17th-century Central Europe

Key words: Muscovy, Resurrection Cathedral on the river Istra, Patriarch Nikon, Custodian of the Holy Land, monastic orders, ceramic tiles, iconography, stations of the Cross.

Abstract: The archaeology of Voskresensky (Resurrection) Monastery on the river Istra have recently provided a huge material for interpretation of the concept of New Jerusalem as a European idea of transmission of sanctity by "replicating" gospel narratives' topography with the help of methods of architecture, sculpture and art into the late Renaissance and Counter-Reformation epoch. That makes us remember the works of the Custodian of the Holy Land, created by the Franciscans Order on the formation of the Via Dolorosa common prayer; as well as the activity of the Society of Jesus (Jesuits) on distribution of Catholic schools and missions. Traditional ideas of the sources of Patriarch Nikon's intentions (pilgrim models and icons; drawings and texts of Bellarmino Amiko; "Proskynetarion") are critically analyzed. The unity of materials and impulses, which created the Moscow "replica" of the Church of the Holy Sepulcher (European sacrimonti and calvaria) is explained. Different ways of dissemination of the ideas of "the New Jerusalems", thanks to which Nikon could got them, as well as their concrete prototypes which had been already created in the Polish-Lithuanian Commonwealth, are suggested.

М. А. Капитонова

«Эскиз» Нового Иерусалима: археология о первоначальной планировке Воскресенского монастыря (1656–1666 гг.)

Патриарх Никон – масштабная историческая фигура – вошел в историю как государственный деятель, реформатор Церкви и основатель монастырей. Архитектурное наследство патриарха – Иверский монастырь с Успенским собором, Кийский монастырь с собором Воздвижения Креста и, конечно, любимое детище Никона – Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь с его уникальным храмом Воскресения Господня, включающим и подземную церковь Константина и Елены. Ново-Иерусалимский монастырь дошел до нас в планировке XVII в. – с не очень значительными, хотя и неизбежными изменениями. При этом следует помнить, что все постройки кроме собора возведены в 1680–1690-х гг., то есть уже после смерти патриарха. Можем ли мы установить, как выглядел монастырь при своем основателе, реконструировать картину строительства в 1656–1666 гг., до опалы Никона?

Письменных источников, содержащих описание монастыря «никоновского» периода, не много. Наиболее подробный – монастырская опись 1669 г.[1], опубликованная настоятелем монастыря в 1869–1877 гг. архимандритом Леонидом[2]. Довольно интересное описание монастыря содержится в воспоминаниях голландского путешественника Николаса Витсена[3], посетившего патриарха в мае 1665 г. в строящейся обители. Особо ценный и редкий источник – сохранившийся план монастыря и его окрестностей в конце XVII в.[4], он дает живое представление о количестве, примерном расположении строений, состоянии работ и даже некоторых формах архитектуры (несмотря на схематизм изображения). Важные сведения способно дать и жизнеописание Никона, составленное его ближайшим сотрудником Иваном Шушериным (впервые опубликовано в 1784 г. как «Житие Святейшего Патриарха Никона, написанное некоторым бывшим при нем клириком»), – однако при учете, что это не дневник и не мемуары, а литературное сочинение (агиография с элементами панегирика).

Попытки анализа исторических источников предпринимались неоднократно начиная с XIX в. Уже архимандрит Леонид, видный историограф, пытался соотнести описанные в монастырских описях XVII–XVIII вв. постройки с существующими строениями, проследить изменение их внешнего облика и функций. В 1990 г. Н. М. Михайлова (сотрудник МОКМ) сделала удачную пространственную реконструкцию путем наложения плана конца XVII в. на современный. Но фундированная архитектурно-ландшафтная реконструкция стала возможной только благодаря материалам археологических исследований монастыря Ново-Иерусалимской экспедицией ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), проводимых с 2009 г.[5] (рис. 1).

В огромном массиве полученной информации надежно выделяются данные об исходном рельефе монастырского холма, о характере модификации рельефа, о технологии укрепления склонов, о постройках и о ландшафтных объектах, существовавших в 1656–1666 гг. (рис. 2). Эти данные были сопоставлены с историческими источниками, и в итоге картина первоначальной планировки Воскресенского монастыря стала существенно яснее. В итоге была получена реконструкция первоначальной планировки Воскресенского монастыря 1656–1666 гг. (рис. 3).

[1] ГНИМА им. А. В. Щусева. Архив Мособлстройреставрации. Инв. № 06–92. С. 18.

[2] Леонид (Кавелин), архимандрит. Краткое историческое сказание о начале и устроении Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря. М., 1872. 39 с.; Его же. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, составленное по актам настоятелем оного архимандритом Леонидом. М., 1876. 767 с.

[3] Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665: дневник / пер. со староголландского В. Г. Трисман. СПб.: Симпозиум. 1996. 272 с.

[4] РГАДА. Ф. 1209 (Вотчинная записка). Ед. хр. 19192.

[5] Общую информацию о работах см. в статьях Л. А. Беляева в настоящем сборнике.

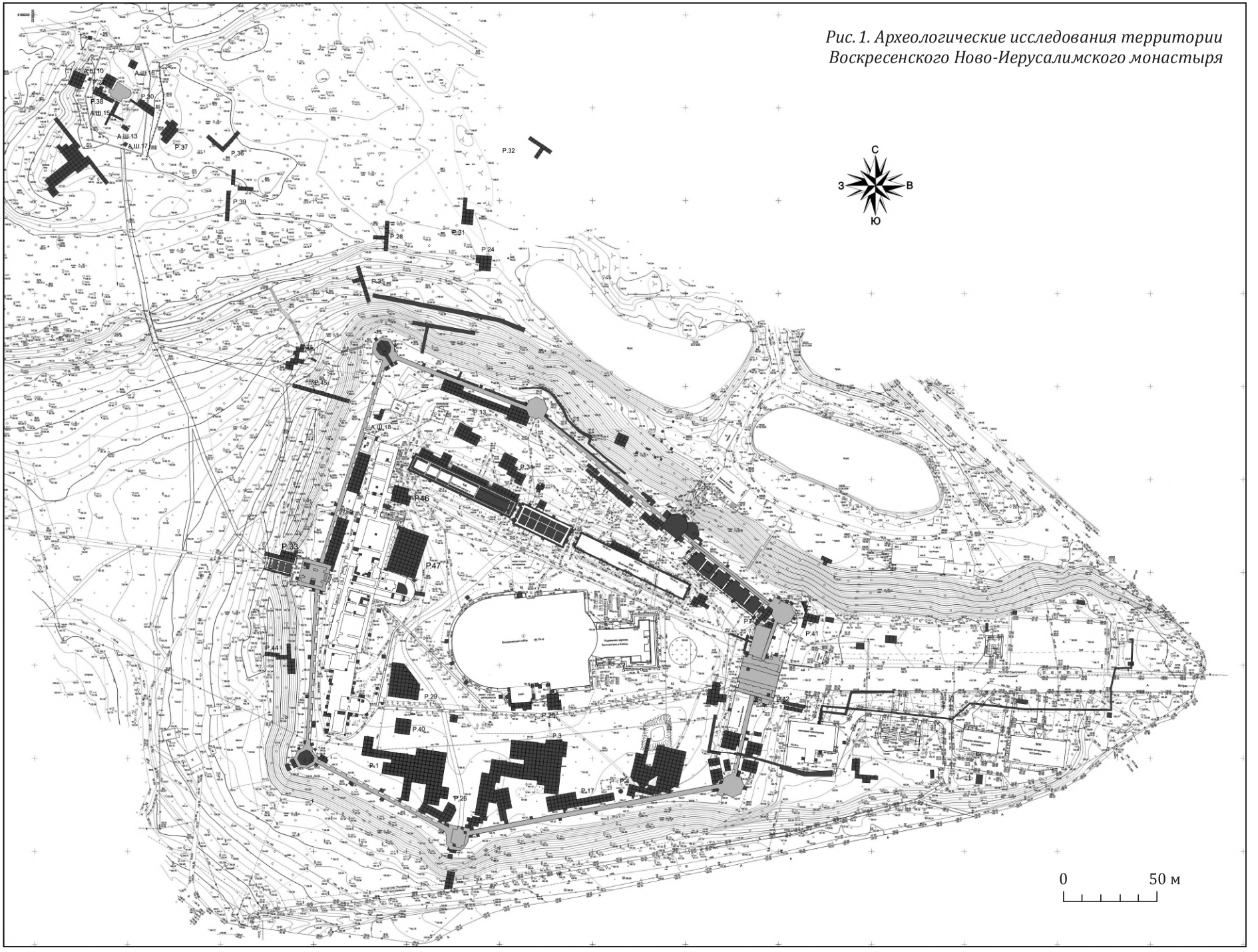


Рис. 1. Археологические исследования территории Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря

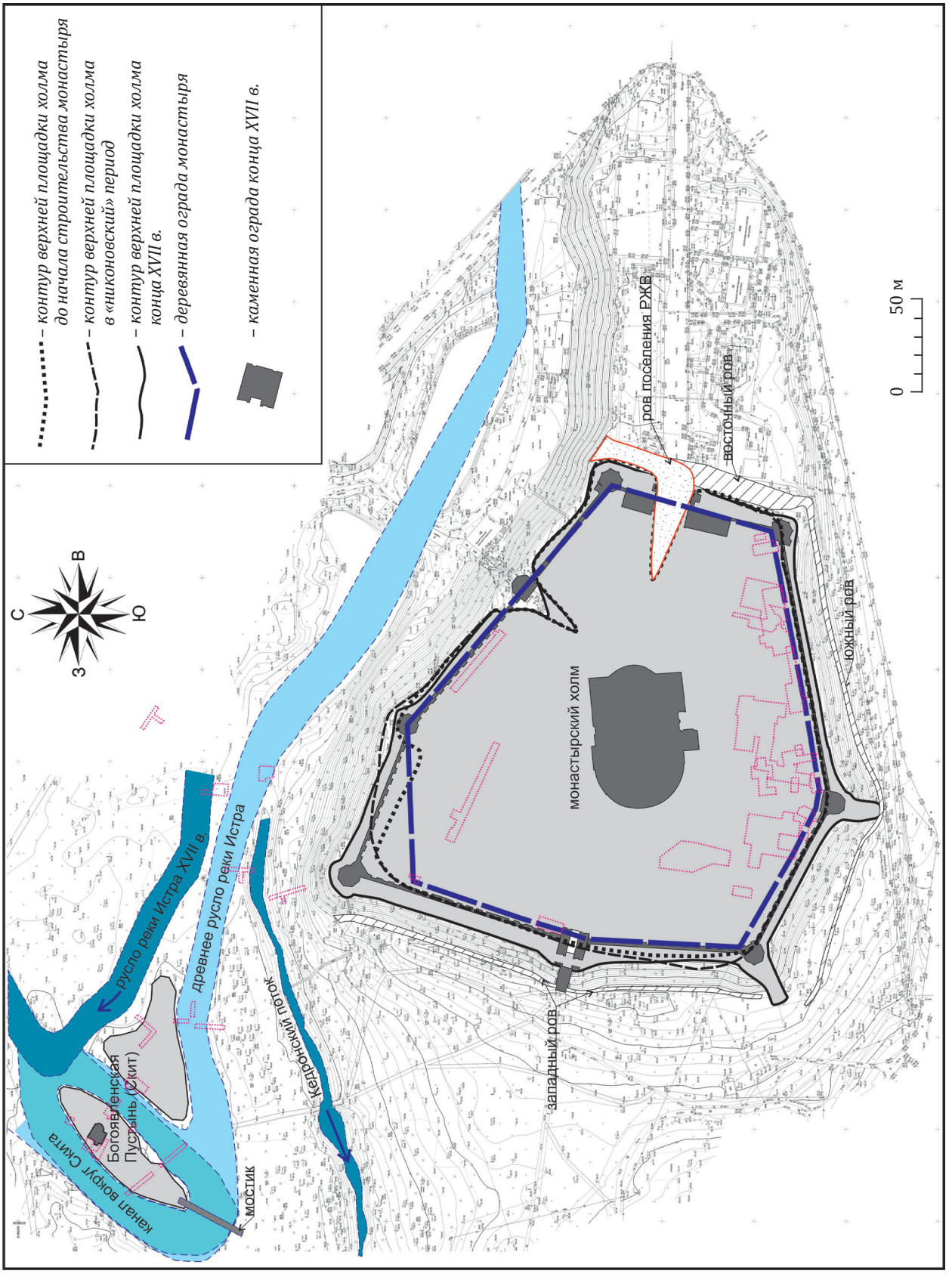


Рис. 2. Реконструкция конфигурации монастырского холма в XVII в.

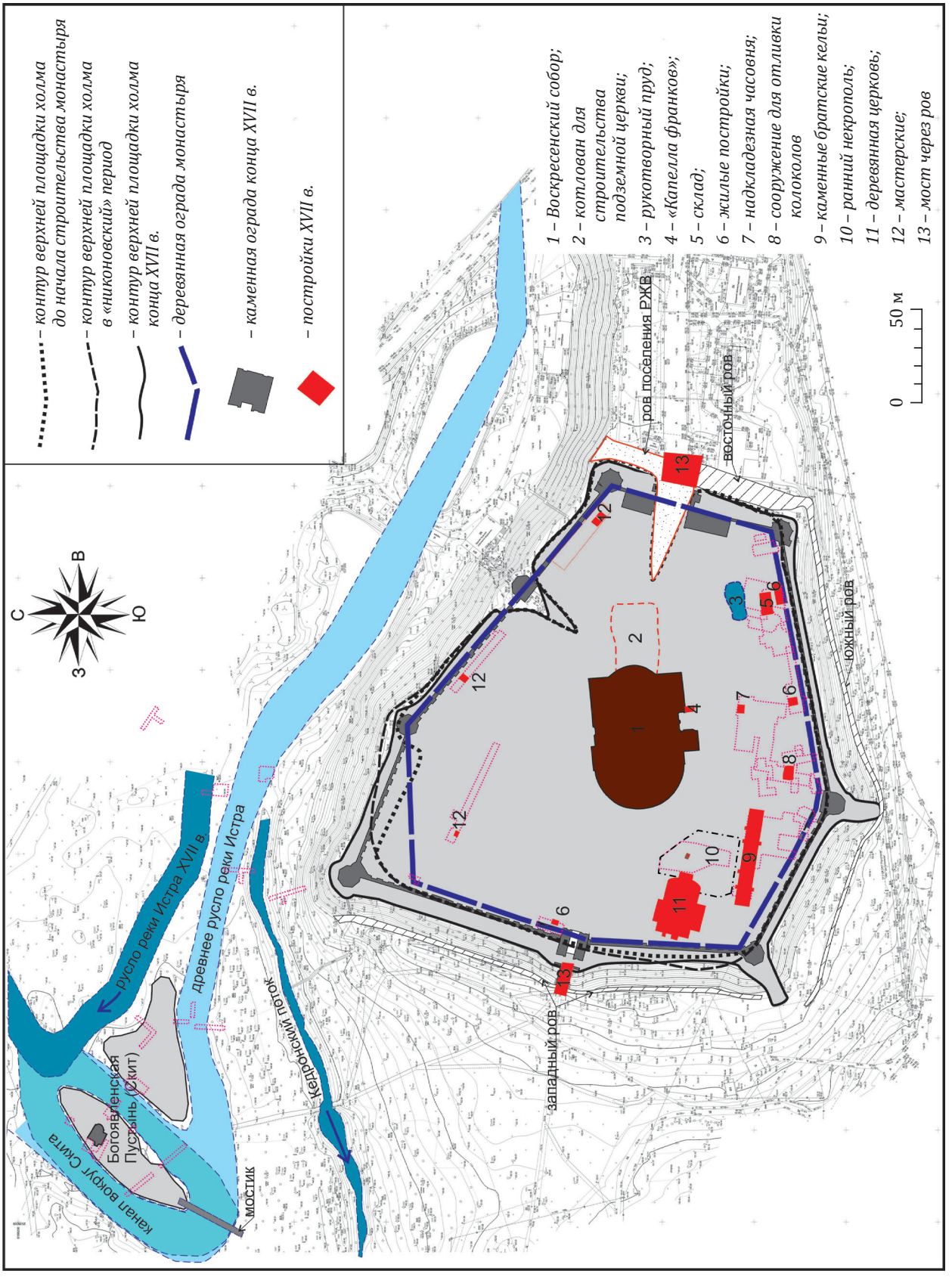


Рис. 3. Реконструкция застройки монастыря на начальном этапе строительства (1654–1666 гг.)

Строительство крупного монастыря вызывает, прежде всего, существенные перемены в ландшафте – появляются новые дороги, необходимые для доставки материалов; сводится лес; начинается планировка всей местности. Это отмечается и в рассказе Ивана Шушерина, что после выкупа земли «со благоволением великаго Государя начать строити Воскресенской монастырь, лес секуще и церковь строяще и келлии»[6]. В 1657 г. происходит освящение первой церкви, построенной в основание монастыря, – деревянного Воскресенского храма. На освящение прибывает царь Алексей Михайлович, в результате чего, благодаря Шушерину, впервые письменно фиксируется наименование обители: «Царь быв в Воскресенском монастыре, возлюби место оно, и отъехав мало написа писание Святейшему Патриарху Никону своей рукой сице: "яко благоволи Господь Бог исперва место сие предуготовати на создание монастыря; понеже прекрасно, подобно Иерусалиму"»[7]. О существовавшей тогда первой церкви мы находим упоминание в описании 1678 г., приводимом архимандритом Леонидом: «В монастыре церковь Соборная Воскресенье Христово, деревянная с трапезой…»[8]. Территориально исследователь помещает ее «на месте идеже ныне каменная больничная Церковь», то есть на месте Трехсвятительской церкви, пристроенной к больничным палатам[9].

Однако замысел патриарха не ограничивался постройкой зданий. Шушерин прямо пишет о сознательном преобразовании ландшафта с хозяйственными целями: «Таже Святейший Патриарх начать окрест монастыря пруды копати и рыбы сажати и мельницы устроивати и всякия овощныя сады насаждая, такоже с братиею и лес секуще, поля к сеянию расширяюше, из болота же рвы копающе…»[10]. Обустройство и приспособление территории было значительным, так что недаром в 1665 г. Н. Витсену бросится в глаза, что «вокруг вся земля разрыта и временно покрыта бревнами, рвы сухие»[11]. Значительные изменения рельефа фиксирует и опись 1669 г., подробно характеризуя произведенные уже работы по укреплению склонов холма и временной фортификации: «Круг монастыря с трех сторон осыпной вал, невысок, мелким диким каменем, а с четвертую сторону от Истры реки самородная земля без валу, и по тому валу и самороду рублен город деревянной в две стены и скоблен… Да с наружную сторону кругом города копан ров, а во рву по одну сторону с трех к валу прислонен лес для осыпи, и землею осыпан, с наружную сторону кладено дерном»[12].

Археологические исследования показали, что работами Никона даже рельеф был изменен серьезнее, чем сообщают источники. Кардинально сменилась форма холма, на котором строили монастырь[13]: его верхнюю площадку расширили, подсыпав, сделав более крутыми южный и западный склоны, в то же время предохранив их от осыпания (рис. 2). Песчаную подсыпку по вершине холма фиксируют профили раскопов и шурфов, заложенных вблизи существующих стен каменной ограды, – она перекрыла погребенную почву середины XVII в., которую подстилает подзолистый слой и материк (они и позволяют восстановить исходный рельеф). В свою очередь, насыпной слой надежно отсекается новообразованной погребенной почвой, местами несущей следы пожара, и второй подсыпкой, сквозь которую в 1690-х гг. копали рвы под фундаменты каменной ограды.

Чрезвычайно интересно обнаруженное на западном склоне[14] деревянное крепление самих склонов холма (рис. 4). Это линия рубленых тарас или городень (удалось изучить только верхнюю часть), прислоненных к естественному склону и засыпанных песком. Снаружи они закрыты рядом длинных, почти вертикально (под острым углом) стоящих бревен, крепленных глиной и перекрытых поверх дерном, – о чем, собственно, и сказано в выше цитированной описи[15].

На восточном склоне был засыпан овраг в районе святых врат с их надвратной церковью в честь Входа Господа нашего Иисуса Христа в Иерусалим – на их месте Н. Витсен описал деревянную башню ограды: «У ворот стоит довольно высокая деревянная башня, по их обычаю, искусно украшенная резьбой; в ней висят часы с боем…»[16]. С той же восточной стороны в описи 1669 г. упомянут ров, через который переброшен мост[17]. Этот ров появился здесь, вероятно, еще до создания монастыря, и Никон использовал его: на ряде раскопов (41, 42 и 49) в северной части восточного склона фиксируются следы рва поселения раннего железного века, который существенно расширили и продлили до

[6] Шушерин И. Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшаго Никона Патриарха Московскаго и всея России. М.: Университет. тип., 1871. С. 30.

[7] Там же. С. 30–31.

[8] Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание … С. 147.

[9] Его же. Краткое историческое сказание ... С. 4.

[10] Шушерин И. Указ. соч. С. 34.

[11] Витсен Н. Указ. соч. С. 177.

[12] Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание … С. 150.

[13] Реконструкция дневной поверхности верхней площадки монастырского холма сделана на основе данных, полученных в ходе исследований 2009–2013 гг.

[14] Раскоп 44, 2013 г.

[15] Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание … С. 149–150: «…во рву по одну сторону с трех сторон к валу прислонен лес для осыпи, и землею осыпан, с наружную же сторону кладено дерном».

[16] Витсен Н. Указ. соч. С. 177.

[17] «Перед вороты через ров мост…», – Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание … С. 150.

Рис. 4. Деревянная опалубка западного склона монастырского холма

юго-восточного края холма, прорыв новый ров также вдоль западного и, видимо, южного склонов по подошве (раскопы 33, 44, 45, 52). Не претерпел переделок, видимо, северный склон и, безусловно, центральная часть холма, где Воскресенский собор начали строить прямо с уровня древнего дерна.

Витсен пишет, что монастырь был «издали похож на русскую крепость». Стены этой «крепости», то есть деревянной монастырской ограды, стояли по периметру верхней площадки холма, имея восемь башен: «… рублен город деревянной в две стены и скоблен, а по нем восемь башен с шатрами…»[18]. Деревянная ограда при строительстве существующей каменной была в 1690-е гг. разобрана, по-видимому, без остатка. Но ее линию и конструкцию обваловки вдоль деревянных стен (с их внутренней стороны) удалось местами изучить в южной и западной части монастыря. Линия северной и восточной частей деревянной и каменной оград практически совпали, поэтому следов первого сооружения не сохранилось. Как выяснилось, обваловка представляла собой невысокий (до 1 м) песчаный вал, тщательно выложенный от осыпания, под достаточно крутым углом, мелким валуном и покрытый сверху дерном. Вся конструкция ставилась поверх погребенного дерна, несущего следы освоения (золисто-углистые ленты). Опись 1669 г. описывает эту конструкцию так: «… с трех сторон осыпной вал невысок, мелким

[18] Там же. С. 149–150; Витсен Н. Указ. соч. С. 177.

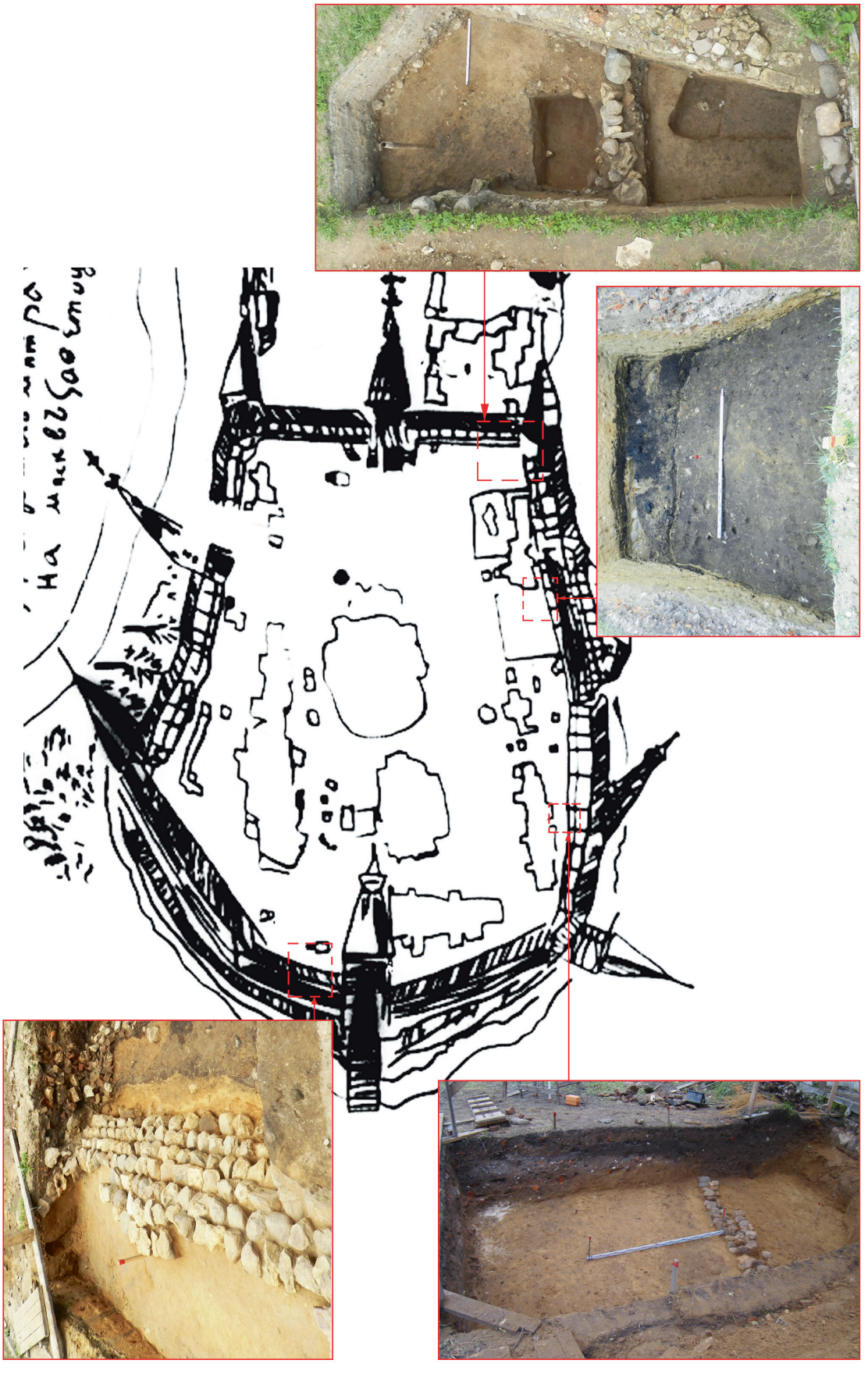


Рис. 5. Каменная обваловка деревянной монастырской ограды «никоновского» перида по данным археологических исследований 2010, 2011 гг.

диким камнем, а с четвертую сторону от Истры реки самородная земля без валу…»[19], – видимо, с севера облицованного камнем вала не было (рис. 5).

В южной части у деревянной стены (видимо, вплотную) стояли деревянные постройки (кельи?), сгоревшие остатки которых удалось изучить (раскоп 4) (рис. 3). Судя по стратиграфической ситуации (слой пожара перекрыт слоем подсыпки 1690-х гг.), пожар произошел в период от постройки деревянной ограды (не позже 1665 г.) до начала строительства каменной. Севернее этих построек выявлена граница рукотворного пруда, упоминаемого в описи[20]. Пруд наполнялся дождевой водой, которая удерживалась с помощью глиняного замка; глубина пруда достигала 2 м. Между прудом и деревянными постройками обнаружен слой кирпично-изразцового развала, образовавшийся при разборке строения, имевшего, видимо, неглубокий бутовый каменный фундамент. К сожалению, плохая сохранность этого фундамента не позволяет судить о габаритах сооружения. Но, судя по специфике и концентрации собранного материала, можно с большой долей вероятности определить эту постройку как хранилище керамической продукции: здесь много кирпича, изразцов (архитектурных и печных, причем на разных стадиях изготовления), керамической посуды (столовой и кухонной)[21].

Западнее и ближе к стене, в слое того же времени, обнаружен интересный комплекс изразцового декора: набор изразцовых рамок, побывавших в пожаре. Из них составляется род киота (часть рамы иконостаса?)[22]. Возможно, это указание на близость церкви Трех Святителей, которую источники описывают на стене деревянной ограды[23].

Патриарх Никон успел заложить и, в сущности, почти достроить полномасштабную копию иерусалимского Воскресенского собора с его ротондой Гроба Господня. Хотя опала и ссылка в 1666 г. не позволили ему завершить задуманное, однако изучение фундаментов подтверждает их закладку в первый строительный период. Н. Витсен так описывает состояние работ в 1665 г: «Церковь, кроме одного этажа, уже построена, а колокольня совсем готова. Многие часовни уже освящены, и в них нас не пустили; неосвященные открыты для всех. Гробницу Христа, хотя уже освященную, я все же видел через щели. Вокруг гробницы стоят 12 колонн; это большая часовня в середине церкви. Но если в Иерусалиме ангелы сидят перед гробницей у опрокинутого могильного камня, то здесь они нарисованы на стене, а надгробный камень лежит на полу. Позади стоят 4 высоких столба, которые будут поддерживать мощный свод. Вокруг, а также и под землей уже построены часовни: одна в память пленения Христа, другая – в память Иоанна [Крестителя], третья часовня – Благовещения, всего часовен 14–15 или больше»[24].

Чрезвычайно показателен фундамент снаружи храма, у южной лестницы на Голгофу, по кладке аналогичный основаниям собора. Сейчас южная лестница, поворачивая, выходит на запад и вход на нее снаружи заложен белокаменными плитами с резной стихотворной «Летописью» архимандрита Никонора. Открытие в ходе исследований нового, неизвестно ранее, фундамента оказалось полной неожиданностью. По мнению Л. А. Беляева[25], это первоначальные основания лестницы на Голгофу и «Капеллы франков» – знаменитой лестницы с часовней, позволяющих пройти прямо из южного атрия храма Воскресения в палатку Голгофы. Капелла была запланирована изначально, при Никоне, но не построена по неизвестным нам причинам.

Особое место, как во всяком монастыре, принадлежит в Новом Иерусалиме кладбищу. Не все ранние участки его были известны до раскопок. Так, между фундаментом южной стены собора и «Капеллой франков» были обнаружены две могилы, принадлежавшие, предположительно, дьякону Никите Никитину и мастеру Петру Ивановичу Заборскому. Верные соратники патриарха Никона, они были похоронены им самим в 1665 г.[26] и в этом случае принадлежат к самым ранним захоронениям соборного некрополя.

Большой и абсолютно неизвестный ранее участок монастырского кладбища, где хоронили первых насельников монастыря (в том числе его строителей) обнаружен юго-западнее ротонды собора. Его датировку подтверждает сохранившееся надгробное сооружение с резной доской третьего по счету настоятеля монастыря, архимандрита Акакия (последнего назначенного самим патриархом Никоном). Правда, архимандрит Леонид (Кавелин) указывал, что погребение Акакия помещалось за алтарем деревянной соборной церкви Воскресения Христова[27], – но сама церковь не могла служить ориентиром, так как полностью разобрана после освящения каменного собора, при строительстве каменных палат в западной части монастыря. Теперь ее можно лока-

[19] Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание … С. 149.

[20] Там же. С. 151.

[21] Глазунова О. Н. Западное влияние в керамике Подмосковья XVII–XVIII вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2014. Вып. 7. С. 164–169.

[22] Ее же. Материальные свидетельства начала изразцового производства Ново-Иерусалимского монастыря // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М: ИА РАН, 2014. Вып. 10. С. 236–238.

[23] Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание … С. 147; Витсен Н. Указ. соч. С. 181.

[24] Витсен Н. Указ. соч. С. 179–180.

[25] Готовится отдельная статья.

[26] Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание … С. 146.

[27] Там же. С. 145.

Рис. 6. Фундаменты надкладезной часовни (колодец), находившейся напротив южного входа в Воскресенский собор. Южная часть фундаментов перебита кладкой подвала начала XVIII в.

Рис. 7. Сооружение для отливки колоколов XVII в.

лизовать относительно обнаруженного кладбища как стоявшую западнее найденной могилы Акакия.

В юго-восточной части монастыря, где культурный слой второй половины XVII в. сохранился довольно хорошо, удалось обнаружить ряд интересных объектов, упомянутых в источниках, но предметно совершенно неизвестных. Правда, западнее уже упоминавшихся деревянных строений (от них сохранились только прослойка угля с обожженными досками и бревнами и заглубленные в материк погреба), начинавшихся практически от береговой линии пруда, упоминаемого как у Н. Витсена, так и в описи, напластования XVII в. либо уничтожены, либо перекрыты постройками XVIII в. (Старый государев дворец, Новый государев дворец, каменный братский корпус и др.). Однако сохранилось два сооружения, которые стратиграфически относятся именно к эпохе Никона. Это самотечный колодец и сооружение для отливки колоколов (рис. 6, 7).

Колодец открыт напротив южного входа в собор Воскресения Господня. Над ним, согласно описаниям, имелась украшенная изразцами палатка. Наиболее вероятно, что это упомянутый в описи «колодез», на котором «…сделана палатка каменная, а на той палатке с лица против каменной церкви, вырезан образ Ангела, седящи на камени муравленом…»[28]. Сооружение – небольшая почти квадратная кирпичная палатка, облицованная бело-синими архитектурными изразцами (уцелели 2–3 изразца на фасаде портала) и мелкой раскреповкой на углах, – просуществовало недолго, так как его фундаменты опустились в промоину колодца.

Столь же недолгим было и колокололитейное производство. Горны для формовки и отливки колоколов не упомянуты в исторических источниках, но известно, что колокола были отлиты в монастыре в первой половине – середине 1660-х гг.[29]. Таким образом, в реконструкцию плана монастыря изучаемого периода вписывается технологически сложное производственное сооружение.

Можно упомянуть и о более мелких наблюдениях, давших сведения о древнейшем периоде. Так, точечные зондажи под кладками XVIII в. обнаружили следы деревянных построек с материалом второй половины XVII в.; под фундаментами каменного братского корпуса в юго-западной части монастыря обнаружены печи, стоявшие внутри деревянных построек эпохи Никона. Следы строений этого времени зафиксированы и вдоль обваловки западной стены деревянной ограды. Исследования погребенной почвы в южной и юго-западной части монастыря показали, что здесь располагались огороды. В слое XVII в. внутри комплекса Трапезных палат обнаружены следы, указывающие, что ранее в этой части монастыря располагались кухня и/или трапезная.

Исследования в северной части монастыря позволили локализовать по крайней мере четыре деревянных строения, существовавших до строительства каменных зданий и стены с башнями. Под западным братским корпусом найдены следы постройки, где собирали и сортировали лом цветного металла для дальнейшей переплавки (в основном медь). У северного прясла между башнями Варуха и Ефремовой есть следы выплавки и обработки железа. На месте Солодовых и Кузнечных палат стояли две постройки, культурный слой которых насыщен находками, указывающими на производство изразцов (заготовки, брак, формы, сосуды с остатками поливы и т. п.).

[28] Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание … С. 152.

[29] См.: Воронова (Тихова) О. А. Колокололитейный комплекс XVII в. на территории Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследования памятников истории и культуры. СПб., М.: Коло, 2012. Вып. 5. С. 34–36.

M. A. Kapitonova

The «Draft» of New Jerusalem: Archaeology on the Earliest Planning of the Resurrection Monastery (1656–1666)

Key words: the Resurrection Monastery, reconstruction of the landscape, Patriarch Nikon, monastery fencing wall, written sources and archaeology.

Abstract: Archeological studies of 2009–2013 give an opportunity to identify a wide range of elements of the original monastery planning, which was developing in the first decade of construction when Patriarch Nikon himself superintend the work. Afterwards all these elements were redone or vanished completely. Only archaeology enables reconstruct them with a sufficient reliability. Among these elements there is an original landscape and the ways of its reconstruction by the monastery builders; early wooden fence and reinforcing constructions of the slope; the places of early ancient churches and other buildings; temporary buildings which existed only in the period of construction works (a kiln for forming and casting bells; sheds for storing ceramics); first brick structures which existed for a very short period (“a well with an angel”) or just laid but not built (the foundation of “the Chapelof the Francs”); early parts of cemeteries with first gravestones, and others.

И. Н. Ершов

«Кедронский поток» и «остров» Богоявленской пустыни в Новом Иерусалиме: легенды и археологическая реальность

Сакральное пространство так называемой «Русской Палестины», частью которой является ансамбль Ново-Иерусалимского монастыря, в последнее время постоянно анализируется в работах исследователей как цельная система представлений[1]. Однако детали этого целостного явления на практике мало изучены, сведения о них черпались из устного или письменного предания зачастую весьма позднего происхождения. Цель статьи – по-новому взглянуть после проведения археологических работ в пойме р. Истра в 2011–2013 гг.[2] на хорошо известные и важнейшие элементы исторической топографии Нового Иерусалима: так называемый «Кедронский поток» и «остров», на котором была построена «ближняя» Богоявленская пустынь патриарха Никона.

I

«Кедронский поток» – часть сложной гидротехнической системы, традиционно соотносимой с деятельностью патриарха Никона и его преемников второй половины XVII в. Это канал в пойме р. Истра, огибающий монастырь с трех сторон света – севера, запада и юга (рис. 1: 1). Канал берет начало из пруда под башней Варуха и впадает в Истру в 300 м к востоку – юго-востоку от Гефсиманской башни монастырской стены. Все отрезки канала являются практически прямыми; повороты русла от отрезка к отрезку также весьма близки к прямому углу[3]. По трассе канала его русло прорезают разные по своей геоморфологии структуры: северный отрезок идет по краю древней поймы, прорезая суглинистые отложения, включающие в себя пачку погребенных почв[4]; западный отрезок пересекает песчано-гравийную гряду флювиогляциального происхождения; южный отрезок проходил частью по песчанисто-суглинистой подошве монастырского холма, частью – по суглинкам поймы реки. Таким образом, трасса канала рассчитывалась некогда его строителями вне зависимости от конкретных морфологических особенностей местности – главным для них были, очевидно, совсем иные мотивы, которые обусловили, во-первых, строгий геометризм трассы и, во-вторых, жизнеспособность объекта как водопроводящего русла, создающего осязаемую преграду практически по всему периметру монастыря.

«Кедронский поток» – позднее название этого канала, присвоенное ему в начале XIX в., в эпоху подъема интереса русского общества к Святой земле. В это время получили свои более или менее точные привязки на местности и многие другие топонимы Русской Палестины («Рамские поля», «Гефсиманский сад», «Иоасафатова долина», «Гора Злого Совещания» и др.). Топонимы Русской Пале-

[1] Беляев Л. А. Иерусалим видимый и невидимый: о типологии визуальных отражений Святой земли в древнерусской культуре // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М.: Индрик, 2009. С. 202–220; Бусева-Давыдова И. Л. Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. М.: Наука, 1994. С. 174–181; Зеленская Г. М. Образы Святой земли в Новом Иерусалиме // Искусство христианского мира. М.: ПСТБИ, 2000. Вып. IV. С. 27–55; Её же. Новый Иерусалим под Москвой: аспекты замысла и новые открытия. 2010. Рукопись.

[2] Раскопки в монастыре ведутся Ново-Иерусалимской экспедицией ИА РАН под рук. Л. А. Беляева с 2009 г. Результаты освещены в ряде статей настоящего сборника, там же библиография.

[3] В XIX в. в связи со строительством шоссе южный отрезок канала был засыпан, а вместо него прокопали канаву вдоль шоссе прямо к реке в направлении на юг.

[4] Эти почвы имеют даты по 14С и относятся к разным климатическим периодам голоцена – начиная от бореального и атлантического вплоть до Средневековья.

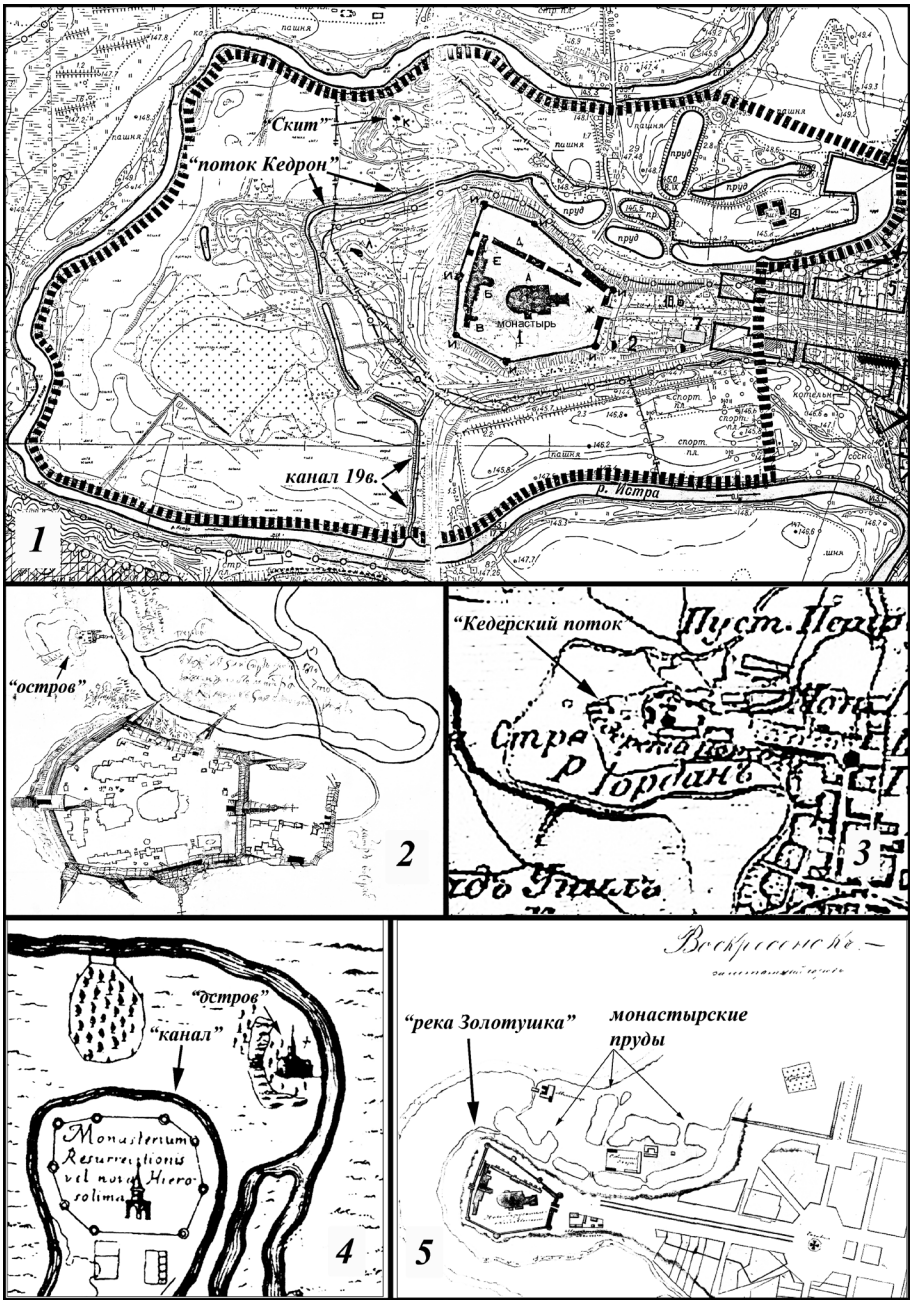


Рис. 1. Фрагменты разновременных планов окрестностей Нового Иерусалима:
1 – фрагмент генплана охранной зоны Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, авторский коллектив под руководством В. Н. Выборного, 1990-е гг.;
2 – фрагмент чертежа окрестностей монастыря. 1680-е гг.
(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77 (Столбцы Вотчинной записки). Ед. хр. 19192);
3 – фрагмент Топографической карты Москвы и ее окрестностей, снятой под руководством генерал-лейтенанта Шуберта, съемка 1838–1839 гг.
с исправлениями 1853 г. (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1 (Моск. губ.). Ед. хр. 19);
4 – фрагмент плана битвы правительственных войск с восставшими стрельцами (1698 г.) под стенами Ново-Иерусалимского монастыря (из книги: Корб Иоганн. Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997);
5 – фрагмент плана заштатного города Воскресенска, после 1793 г.
(РНБ. Атлас Московской губернии. Эрмитажное собрание. № 259. Л. 6)

стины были тщательно обозначены в этот период и на картах, например, на известной карте Генштаба, называемой картой Шуберта, где отмечены «Кедерский» (Кедронский) «поток», «Египетская страна», «Сад Уриин», «Плачевный путь» и т. д. (рис. 1: 3). На этой карте прямоугольность трассы «Кедрона» представлена особенно выразительно. Всё это свидетельствует, видимо, в пользу тезиса Г. М. Зеленской об изначальной контаминации в позднейшем идейном замысле «Русской Палестины» как принципа «топографического соответствия», так и структуры «живоподобной» иконы христианской Палестины»[5], на поверхности которой прямое топографическое соответствие не всегда было обязательным. Топонимы являются, по сути, расширением и детализацией картины святых мест. Таковой процесс можно называть, вслед за Г. М. Зеленской, достижением «полноты священных воспоминаний»[6]. Именно для этой группы поздних топонимов Г. М. Зеленская полагает характерным практически полное отсутствие топографического соответствия палестинским прототипам.

Более ранние названия «Кедронского потока» – «речка Золотушка», «канал» – относятся ко второй половине XVII – XVIII в.[7] (рис. 1: 4 и 5). Очевидно, в то время канал не отождествлялся напрямую с гидронимом реального Иерусалима. Первоначальная и основная функция канала состояла, вероятно, в символическом «ограждении» сакрального центра «Русской Палестины» – Ново-Иерусалимского монастыря – наряду с крепостной стеной и самой Истрой («Иорданом»). Нельзя отвергать и такой дополнительной, но уже практической функции канала, как регулирование водного баланса на территории поймы вокруг Богоявленской пустыни (отвод лишней воды в период паводка и сохранение водного зеркала в протоках вокруг острова, на котором стояла Богоявленская пустынь патриарха Никона, в меженный период). С этой функцией естественным образом могла сочетаться и другая – возможно, часть канала в виде запруды на западном отрезке могла служить и накопителем для монастырской водяной мельницы с портомойней; во всяком случае, предположения об этом можно строить на основании некоторых записей современников патриарха Никона[8]. Время создания канала пока не представляется возможным сузить до какого-то малого отрезка – в целом, исходя как из данных письменных источников, так и археологических данных, приходится датировать его предварительно последней четвертью XVII в.[9]. Тем не менее очевидно, что данный гидротехнический объект в своем главном предназначении является частью общего плана патриарха Никона по преобразованию местности.

Исследователи полагали до проведения масштабных археологических работ в пойме р. Истры, что вся трасса канала в том виде, как она дошла до наших дней (за исключением позднего южного отвода), была ископана сразу и не претерпевала в дальнейшем особых изменений. Однако для такого утверждения нет прочной доказательной базы в виде либо сообщений письменных источников, либо чертежей или карт. Во всяком случае, на чертежах окрестностей монастыря и планах г. Воскресенска, начиная с известного чертежа 1670-х гг. и заканчивая планами XVIII в., увидеть именно или сам канал, или похожий контур канала невозможно. Современный вид трасса канала приобретает лишь на плане города, датируемом временем после 1793 г. (когда Воскресенск стал заштатным городом). На нем (рис. 1: 5) уже обозначены постройка 1805 г. – водяная мельница крестьянина С. Г. Малышева, арендатора монастыря. Для прояснения времени создания начального отрезка канала был заложен раскоп в истоке канала (раскоп № 24). Начальный отрезок трассы канала под башней Варуха, протяженностью около 80 м, исходит из пруда не по прямой линии, а по дуге, идя вдоль склона монастырского холма (рис. 2; рис. 3: фото сверху). На первый взгляд, этот отрезок кажется естественной частью первоначальной трассы канала, соединяя ложе пруда и прямой отрезок русла канала, уходящего далее к западу. Однако после проведения раскопок было установлено, что эта головная часть канала вплоть до резкого поворота русла с запада на запад – юго-запад является позднейшей и сооружена, очевидно, в период около 1805 г.

В ходе работ были расчищены часть дна русла, северный и южный берега канала и часть берега пруда; почти по всей площади раскопа на глубинах от 20 до 140 см от современной поверхности была обнаружена кирпичная наброска по краю берега и склона (рис. 3: чертеж и снимок внизу справа). Наброска состоит из битого кирпича, фрагментов белого камня и булыжников вперемешку с фрагментами печных изразцов разных типов и времени (от конца XVII в. и до начала XIX в.), а также фрагмен-

[5] Зеленская Г. М. Образы Святой земли … С. 31.

[6] Там же. С. 35.

[7] См. подробно об истории гидронима: Завьялов С. М., Белканов А. С. Патриарх Никон и гидросистема Ново-Иерусалимского монастыря: история изучения и проекты реставрации (конец XX – начало XXI вв.). 2010. Рукопись.

[8] «За ними (то есть западными воротами монастыря. – примеч. *И. Е.*), у вала, стоит большое колесо, которое вращается водой и колотит лопастями белье при стирке» (Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665. СПб.: Наука, 1996. С. 182).

[9] Это сложное гидротехническое сооружение, скорее всего, было ископано в конце 1680-х – середине 1690-х гг., что косвенно подтверждает план окрестностей монастыря, созданный в 1698 г. (рис. 1: 4), на котором канал уже обозначен; есть, конечно, не совсем надежное свидетельство Н. Витсена (Там же. С. 177). о существовании «канала» уже при патриархе Никоне, но на чертеже 1670-х гг. канала еще нет (рис. 1: 2).

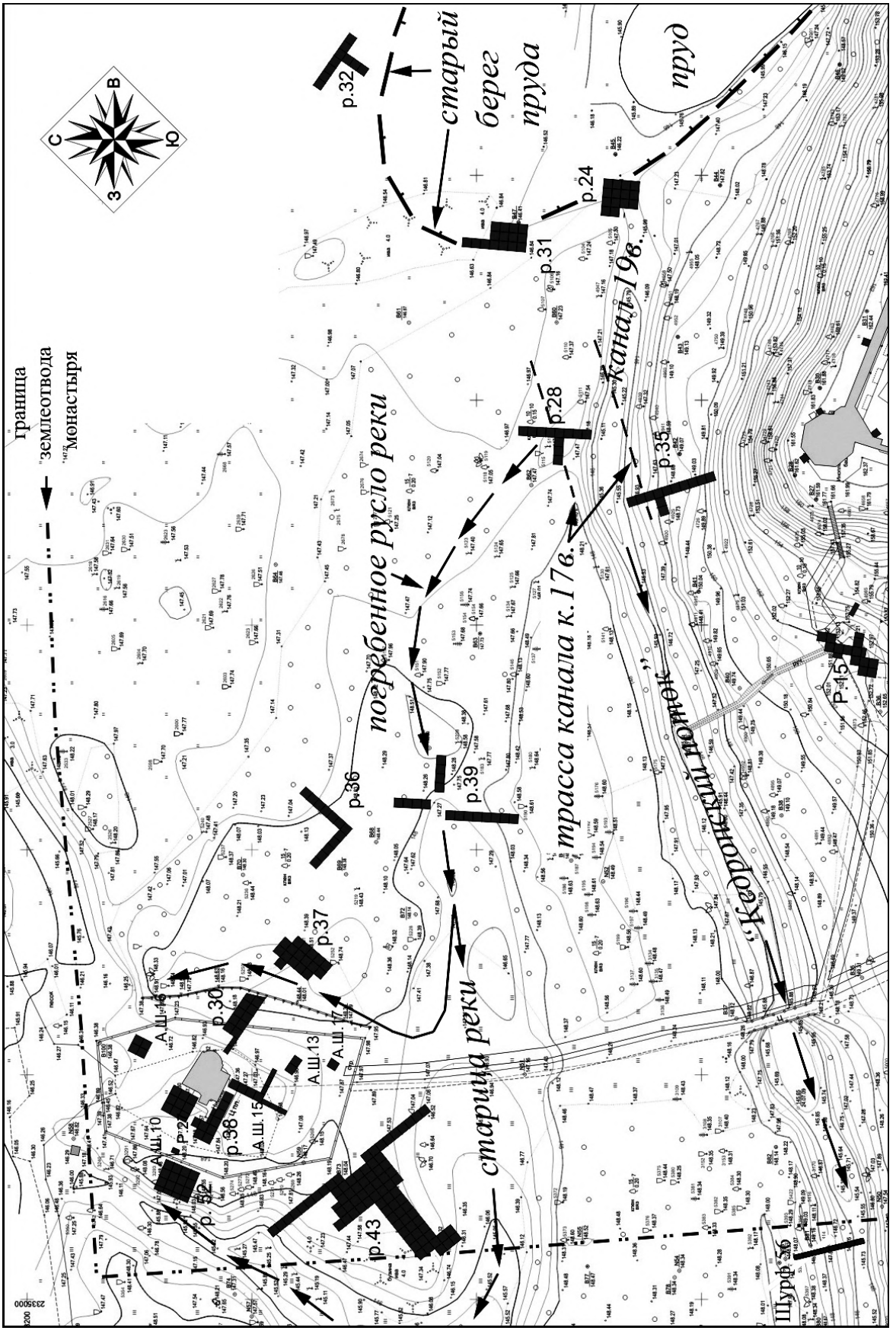


Рис. 2. Схема расположения раскопов 2011–2013 гг. в пойме р. Истры у монастыря

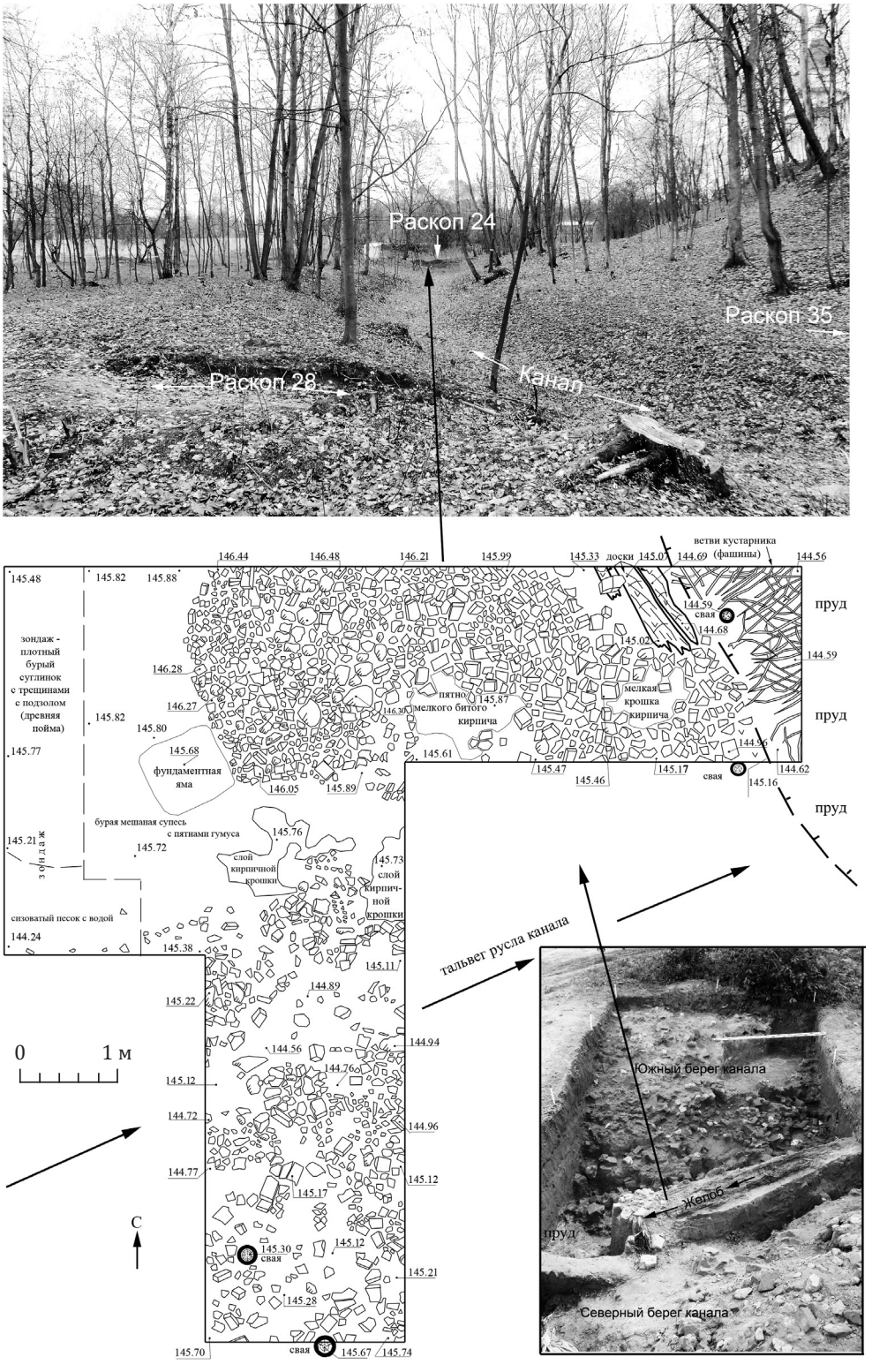


Рис. 3. Виды и чертежи раскопов в пойме р. Истры:
сверху – современное состояние истока «Кедронского потока»,
стрелками указаны места раскопов 2011–2012 гг., вид с запада;
в центре – раскоп № 24, 2011 г., план зачистки поверхности
кирпичного мощения берега канала и пруда, отметки высот даны в БСВ;
внизу справа – раскоп № 24, 2012 г., кв. 9–14, берега и русло канала, вид с севера

тов керамики и иных маловыразительных находок (фаянса, стекла оконного тонкостенного, фрагментов бутылок, железных предметов, шлаков), датирующихся в основном второй половиной – концом XVIII в. Кирпичи в наброске относятся к двум типоразмерам: а) большемерному и б) стандартному для конца XVIII – начала XIX в.; при этом поздний кирпич явно преобладает. На самом дне канала среди упавших в русло кирпичей было найдено две монеты второй половины XVIII в. Над и под кирпичной наброской русло канала было заполнено мешаным бурым суглинком; лишь под кирпичами наблюдались отдельные тонкие линзы аллювиального светлого песка. Это говорит об отсутствии в канале каких-либо существенных паводковых либо русловых отложений водного потока, то есть вода по руслу канала текла, но в виде небольшого ручья. На южном берегу посреди кирпичной наброски были обнаружены остатки двух свай диаметром 12–16 см, вбитых вертикально. Такая же свая была обнаружена на самом низу борта у дна пруда. Ниже этой сваи по дну пруда была расчищена выстилка из веток, сплошным слоем покрывавшая дно, а над сваей были обнаружены остатки досок, лежавших вдоль по склону одна над другой и, очевидно, прижимавшихся этой сваей к кирпичам. Всё это – элементы укрепления берега наряду с кирпичной наброской.

В русловой части канала была выявлена еще одна интересная конструкция в самом русле канала – деревянный водосточный желоб из еловых плах (рис. 3: снимок внизу справа). Желоб располагался значительно выше первоначальной кирпичной наброски в толще мешаного бурого суглинка. Под одной из плах в суглинке была обнаружена сильно потертая монета Александра II. Наклон ложа желоба был направлен не в сторону «Кедронского потока» (из пруда), как можно было ожидать, а в противоположную сторону (в пруд). Вероятно, в это время данный отрезок русла канала служил вовсе не для отвода лишней воды из пруда в «Кедронский поток», а, напротив, для аккумуляции родниковых вод, истекающих из монастырского холма, в пруду[10]. Для выявления характера отложений под руслом канала и кирпичной наброской были заложены зондажи глубиной 50–100 см от уровня зачищенной поверхности дна канала; они вскрыли пачку слоистых песчано-суглинистых русловых отложений реки, косо падающих к северу. Эти типичные аллювиальные отложения реки датируются, очевидно, временем гораздо ранее 1805 г. То, что это не отложения русла канала («Кедронского потока») конца XVII в., а именно древние речные отложения, подтвердили стратиграфические данные других раскопов, заложенных нами как на северном борту «Кедронского потока» в 40 м к западу от раскопа № 24 (раскоп № 28), так и в 16 м к северу от него (раскоп № 31) на ровном участке поймы. Там аллювиальные слоистые пески с суглинками точно так же падают к северу от склона монастырского холма, как и в зондажах раскопа № 24.

Эта картина резко отличается от нормального профиля первоначального русла канала, который можно видеть на примере профиля шурфа № 56 (расположенного в 130–140 м к западу). В шурфе фиксируется стратиграфически весьма сложная и пестрая картина профиля русла канала с разнохарактерными пачками слоистых песчано-суглинистых отложений, свидетельствующих о периодических колебаниях уровня и активности водного потока в канале (рис. 4: 2). Исходя из анализа этого профиля, можно говорить о пяти разных в гидрологическом смысле периодах бытования канала начиная с конца XVII в. и вплоть до настоящего времени: периоды обводненности при этом сменялись периодами преимущественного делювиального смыва с бортов канала. Канал в этом месте врезан в отложения древней поймы и был защищен от паводков насыпным земляным валом полутораметровой высоты[11].

Раскоп № 28 (рис. 1; рис. 5: фото сверху) был заложен в виде узкой траншеи длиной 16 м поперек северного берега канала. В прирусловой части были обнаружены отложения перекрывающих друг друга русел каналов как поздней поры (начала XIX в.), так и первоначального, конца XVII в. (в отложениях русла найдены единичные обломки кирпичей и фрагменты ранних для монастыря типов изразцов). Стратиграфическая картина раскопа усложнена профилем еще одного русла, лежащего ниже русел каналов. Это отложения уже начинавшего некогда заболачиваться древнего русла реки с довольно обильным придонным мусором в виде веток и кореньев кустарников, лежащих на самом дне, на поверхности влажных сизовато-бурых суглинков[12]. Нижняя часть южного борта этого русла маркируется тонкой прослойкой гумуса (следами размыва древней неолитической почвы) – точно так же, как и в профиле раскопа № 35 на противоположном, южном берегу канала. Видимо, это отложения одного и того же древнего русла реки, которое было зафиксировано и в другом раскопе № 35 (рис. 4: 1; рис. 5:

[10] Уровень дна канала и предполагаемый уровень воды в пруду по данным раскопа № 24 был на отметках близ 144.60–144.80 в БСВ. Средний уровень воды в канале у кирпичного моста теперь находится на уровне 145.40, а ближе к раскопу № 24 – на отметках 145.10–145.20. Это говорит о том, что в последнее столетие (как минимум) вода могла течь из канала в пруд.

[11] Под насыпью вала на поверхности погребенной почвы было обнаружено несколько фрагментов керамики конца XVII – первой четверти XVIII в., которые и дают приблизительную дату строительства основной части канала: конец XVII в.

[12] Интересно отметить, что уровень грунтовой воды в раскопе примерно на 180–190 см (!) ниже уровня зеркала воды в расположенном всего в 4 метрах южнее русле «Кедронского потока».

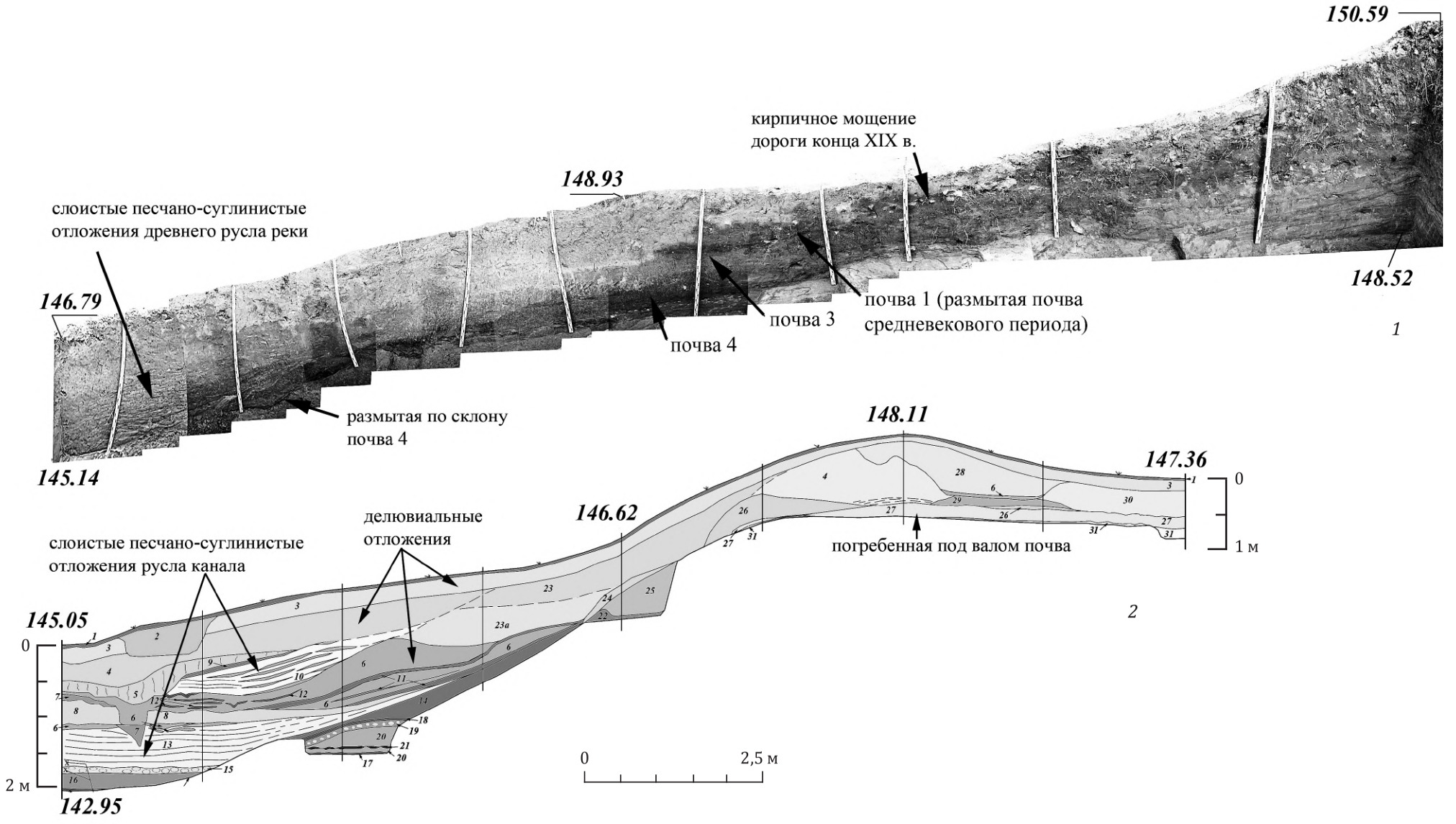


Рис. 4. Профили стенок раскопов в пойме р. Истры:
1 – фото: раскоп № 35, восточный борт раскопа;
2 – чертеж: археологический шурф № 56,
профиль западной стенки шурфа
(разрез северного берега «Кедронского потока»)

чертеж внизу). Русло первоначального канала, зафиксированное в раскопе № 28, было направлено (судя по линии его борта) прямо по той же линии, что и борт ныне существующего северного берега канала, идущего от этого участка далее к юго-западу (рис. 2). В точке, где дугообразный начальный отрезок канала соединяется с прямым отрезком русла канала, идущего далее на юго-запад, был заложен раскоп № 35 (рис. 4: 1), напротив раскопа № 28 на противоположном, южном берегу канала. Раскоп вытянулся длинной траншеей от подножия угловой северо-западной Иноплеменничей башни к руслу «Кедронского потока» по его южному берегу. В прирусловой части раскопа были вскрыты отложения: а) в верхней половине – слоистые песчано-суглинистые русловые отложения поздней поры существования канала, не ранее начала XIX в.; б) в основании профиля – аллювиально-делювиальные отложения древнего берега и русла реки.

Таким образом, стало ясно, что первоначальный канал начинался в непосредственной близости к северо-востоку от раскопа № 28, будучи врезан в отложения древнего русла Истры, протекавшей здесь, судя по еще не полным данным серии анализов углей, взятых на раскопах № 35, 36 и 39, приблизительно в период между концом бронзового века и Средневековьем, и превратившийся к моменту строительства канала в старичный пруд[13]. Видимо, в никоновское время ложе этой старицы было еще настолько глубоким (глубина водоема ниже современной глубины русла «рва» вокруг Богоявленской пустыни с отметками близ 144.50 в БСВ), что вода из него в период половодий могла спокойно изливаться в русло «Кедронского потока».

Итак, начальный отрезок современного русла канала был выкопан, всего вероятнее, именно в 1805 г. работниками крестьянина С. Г. Малышева, арендатора монастыря. Работы эти проводились, возможно, одновременно с копкой другого канала, шедшего из пруда в северо-восточном направлении, к руслу р. Истра, где у самого берега реки С. Г. Малышевым была построена водяная «пошвенная о двух поставах» мельница (рис. 1: 5). Мельница работала на запасах воды в пруду примерно чуть более 20 лет (сейчас уровень воды в реке на отметке 143.50 в БСВ, то есть в нормальном режиме она на 2 метра ниже уровня воды в пруду и канале)[14]. Цель прокопки этого и прочих каналов начала XIX в., как явствует из текста договора Малышева с монастырскими властями, состояла в том, чтобы *«…в случае если от сильного наводнения, какое либо учинится монастырскому лугу затопление, кольми паче для состоящей на том же монастырском лугу пустыньке учинится от воды вред, то мне, Малышеву, не допуская сего, в отражение воды прорыть канал в ров, называемый поток Кедронский»*[15]. Первоначальный же исток канала конца XVII в. находился в пределах раскопа № 28.

Встает вопрос: почему же канал планировался именно таким, с прямыми отрезками и с прямоугольными поворотами русла? В поисках возможного толкования следует, очевидно, обратиться, прежде всего, к новозаветным текстам, в которых описывается небесный Новый Иерусалим[16]. В «Откровении Иоанна Богослова» («Апокалипсисе») сказано: *«…и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога… Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его. Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта»*[17]. Здесь говорится о квадратном плане самого Небесного града, но не о его окрестностях. Ограда Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря как образ Небесного града на земле в плане вовсе не квадратная, но в ней соблюдается иное – с каждой стороны света (именно там, где и проходит канал) монастырь, подобно небесному Новому Иерусалиму, огражден стеной с *тремя* башнями. С северной стороны монастыря канала как такового почти нет, но есть дополняющая его система вытянувшихся цепью старичных прудов; здесь четыре башни вместо трех, но очевидно, что первоначально планировались тоже три башни, что косвенно вытекает из рассмотрения известного чертежа монастыря 1670-х гг. (еще с деревянными стенами)[18].

Вполне вероятно, что для строителей была важна не строгая квадратность и одинаковость сторон трассы канала, а лишь *прямизна* и *прямоугольность*

---

[13] Судя по трем датам 14С по образцам углей со дна русла, предварительно можно предполагать, что древнее русло реки проходило здесь вплоть до XVI в.

[14] Известно, что гидротехническими работами в монастыре до 1690-х гг. заведовал «водовзводных дел мастер Ивашка Яковлев сын Корела» (то есть именно тот человек, который мог спроектировать и вести работы на «Кедронском потоке»), который знал, «как из колодезя воду развести в разные места деревянными трубами, и у плотинного дела» (Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря ... М.: ИОИДР, 1876. С. 760–765). Потомки этого мастера, как предполагают исследователи, воскресенские купцы Карелины стали арендаторами монастырской водяной мельницы в 1815 г. вслед за крестьянином С. Г. Малышевым (У стен Нового Иерусалима. Истра: Лето, 2010. С. 35).

[15] Завьялов С. М., Белканов А. С. Указ. соч. С. 17–19.

[16] «…в русской культуре… иерусалимская тема развивалась как в направлении конкретизации и интерпретации образа Нового Иерусалима, воплощенного в пророческих видениях Священного Писания, так и в отражении реалий земного Иерусалима» (Баталов А. Л., Лидов А. М. Введение // Иерусалим в русской культуре. М.: Наука, 1994. С. 4).

[17] Откр., 21: 2.

[18] Начальный отрезок канала был практически параллелен северо-западной стене деревянного монастыря, следующий отрезок – юго-западной стене, а последний – той части южной стены, которая находится у юго-восточной башни.

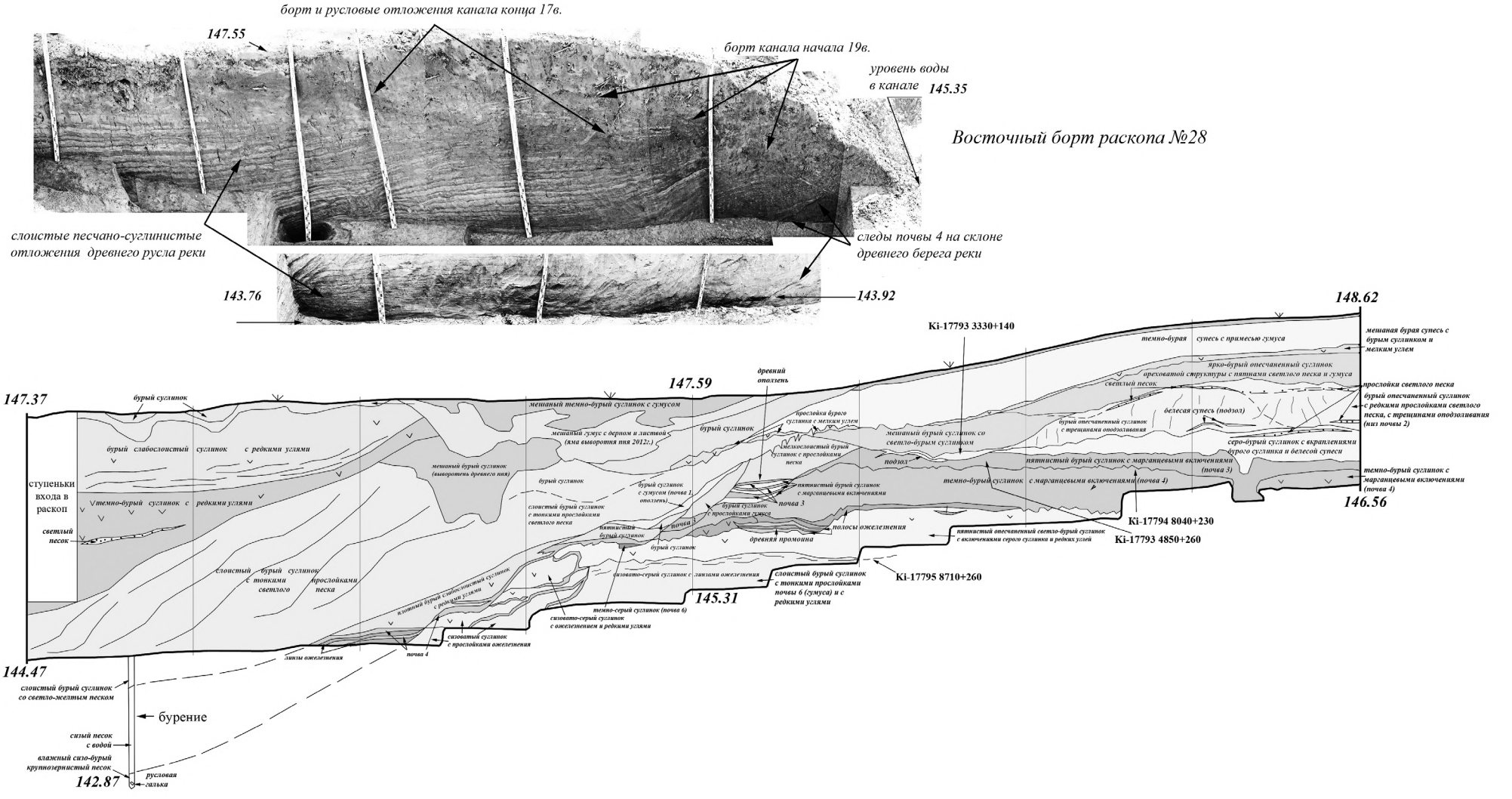


Рис. 5. Профили стенок раскопов в пойме р. Истры:
фото – восточный борт раскопа № 28;
чертеж – профиль восточного борта раскопа № 39

углов поворота русла. В этом можно видеть проявление традиционного для русского средневекового миросозерцания способа повторения первообраза в образе: достаточно было повторить некоторые сакральные размеры, элементы или пространственное взаиморасположение отдельных частей, без труда узнаваемых средневековым зрителем[19]. Можно думать, что канал в системе воспроизведения евангельской топографии Ново-Иерусалимского монастыря занимал весьма важное место «дублера» монастырской ограды: стена с башнями была подобием стен с башнями-воротами Небесного града, а канал дополнял ограду своей прямоугольностью и прямизной русла. С другой стороны, канал, будучи также повторением абриса русла р. Истра, своим сплошным водным полотном делал монастырь «островом» на «острове» наподобие «острова» Богоявленской пустыни, огражденного не только протоками-старицами, но и вторым водным поясом живой реки «Иордан».

В качестве близкой типологической параллели «Кедронского потока» можно привести «канавку» Серафима Саровского в Дивееве, ограждавшую Мельничную обитель, этот «четвертый удел Божьей Матери на земле», где для паломника незримо присутствовали все сакральные центры православия, по словам преподобного Серафима, «…все тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!». В этой параллели важно в том числе то, что, по всей видимости, и название «Кедронского потока» было присвоено каналу Нового Иерусалима практически в один хронологический период с появлением «канавки» в Дивееве (первая треть XIX в.).

II

Рассмотрим теперь вторую проблему – «острова», на котором в 1658–1661 гг. была возведена Богоявленская пустынь. До проведения археологических работ вокруг этого сооружения исследователи полагали, опираясь в основном на сообщения письменных источников и устное предание, что этот «остров», равно как и «ров» вокруг него, являются искусственными по своему происхождению объектами[20]. Неполный контур этого «острова» был обозначен уже на известном чертеже 1670-х гг. (рис. 1: 2), а также частично на плане окрестностей монастыря около 1698 г. (рис. 1: 4). На этих планах четко просматривается лишь одна половина «острова», обращенная от Богоявленской пустыни к юго-западу, северо-восточная половина практически не прорисована. Детально изображен мост, ведущий к пустыни из монастыря. Контур юго-западной половины «острова» весьма выразителен – он имеет суженный мысообразный выступ в самой оконечности, который просматривается и теперь на местности. Средняя часть «острова» более широкая, нежели юго-западная оконечность «острова». На планах показано, что «ров» вокруг пустыни заполнен водой, но при этом не ясно, соединялся ли «ров» с руслом Истры-Иордана. Об окруженности «острова» водой писал Н. Витсен: *«“Пустынь”* (скит. – *И. Е.*) *Никона лежит на островке, окружена водой. По примеру Христа Никон уединяется здесь на <…> дней раз в году»*[21].

Мы не можем указать, с какого времени идея об искусственности «острова» и «рва» ведет свое существование; лишь по косвенным признакам можно отнести это к периоду первой трети XIX в. Во всяком случае, у нас нет прямых указаний письменных источников на искусственность этих объектов. Таким образом, разрешить этот вопрос можно было лишь посредством проведения археологических работ. В 2012 г. близ пустыни было заложено несколько раскопов (№ 27, 30, 37 и 43) и небольших шурфов (рис. 2). Наиболее важные результаты были получены при исследовании участков в непосредственной близости от фундаментов пустыни с востока (раскоп № 30) и запада (раскоп № 27) и в юго-западной трети «острова» за пределами современного ограждения территории пустыни в раскопе № 43.

Раскопы № 27 и 30 выявили наличие древней дневной поверхности в виде слоя темно-бурого суглинка толщиной до 30 см, по верху которого были выявлены кирпичные крошки, известь и другие находки; с уровня этой дневной поверхности был заложен фундаментный ров для пустыни (рис. 6: 2). Ниже слоя дневной поверхности и с наклоном к западу и востоку от фундамента шли слоистые песчано-суглинистые отложения аллювиального происхождения. Площадка «острова», на которой закладывался фундамент, оказалась весьма узкой, шириной не более 14–15 м, к западу и востоку резко понижаясь и переходя в руслообразное понижение глубиной до 2,5 м. На дне этих понижений

[19] Бусева-Давыдова И. Л. Указ. соч. С. 176; Зеленская Г. М. Русская Палестина под Москвой. Топография. Топонимика. Образы Святой земли. Рукопись.

[20] Это предание было озвучено в работах музейных исследователей еще давно – см. статью начала 1980-х гг. (Савко Н. М. Архитектурный ансамбль Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. СПб.; М.: Коло, 2012. Вып. 5. С. 63). Версия об искусственности этих объектов существует вплоть до последнего времени, например, см.: «Первоначально пустынь окружал искусственный водоем, между петлистым руслом Истры были вырыты каналы (“перекопы”) и пруды, чередование воды и суши походило здесь на архипелаг… В 1679 г. в монастырской описи было записано: “Да за монастырем церковь на островку, что именуется пустыня, в которой молился в Великий пост бывший Никон патриарх…”. Следы от упомянутого искусственного острова, образованного протоками, отведенными от русла Истры, сохранились ныне в виде глубоких оврагов и заросших валов» (Зеленская Г. М. Образы Святой земли … С. 757).

[21] Витсен Н. Указ. соч. С. 182.

был зафиксирован слой сизовато-бурого суглинка, насыщенный водой и органикой, что, несомненно, говорит о наличии здесь в недавнем прошлом стоячей воды.

Ширину восточного руслообразного углубления удалось установить достаточно точно в результате работ на раскопе № 37, который был разбит практически по одной линии от раскопа № 30, в 8 м к востоку от него, за пределами современного ограждения пустыни. В западной трети раскопа № 37 было установлено наличие здесь резкого падения слоев в сторону пустыни; таким образом, ширина восточной протоки у пустыни была не более 10–12 м. На гравюре начала XIX в. (рис. 7: фото сверху) к востоку от пустыни просматривается узкое оврагообразное понижение, заросшее кустарником и невысокими деревцами, – очевидно, это и есть углубление протоки, зафиксированное в раскопах № 30 и 37. С западной стороны от пустыни понижение начинается буквально в 2 метрах от края фундамента, но в настоящее время это углубление не просматривается совершенно, будучи, очевидно, завалено грунтом в несколько этапов (как сразу после строительства, так и позднее, вплоть до конца XX в.); на гравюре второй половины XIX в. (рис. 7: фото внизу) всё пространство «рва» с западной стороны от пустыни показано заполненным водой. Ширина «рва» с этой стороны пустыни была значительно больше, достигая 20–22 м, то есть практически в два раза шире восточной протоки.

На раскопе № 43, судя по анализу продольных профилей стенок (рис. 6: 1), ниже отложений XX в. идут слоистые песчано-суглинистые отложения периода максимальной паводковой активности XVIII–XIX вв.; некоторые сильные паводки практически полностью заливали поверхность «острова» вплоть до его вершин, находившихся на отметках около 147.00–147.10 в БСВ (то есть вода поднималась выше 3,5–4 м над современным урезом воды в р. Истра). Это наблюдение полностью подтверждает данные письменных источников о максимуме половодий реки именно в середине – второй половине XVIII в. В этих отложениях мало находок – это единичные кирпичные обломки и фрагменты керамики XVIII–XIX вв. Еще ниже встречена толща темно-бурого суглинка, слаборасчлененного тонкими прослойками светлого паводкового песка. Верх суглинка содержит артефакты периода строительства пустыни – фрагменты керамики, кованые гвозди, прослои извести с битым кирпичом и белым камнем, уголь, а в соответствующих горизонтах русла проток (вниз по склону как с одного берега, так и с другого) в отложениях донного илистого суглинка – множество щепы, обломки досок, заточенные колья, битый кирпич, уголь. Следовательно, верхняя половина толщи суглинка являет-

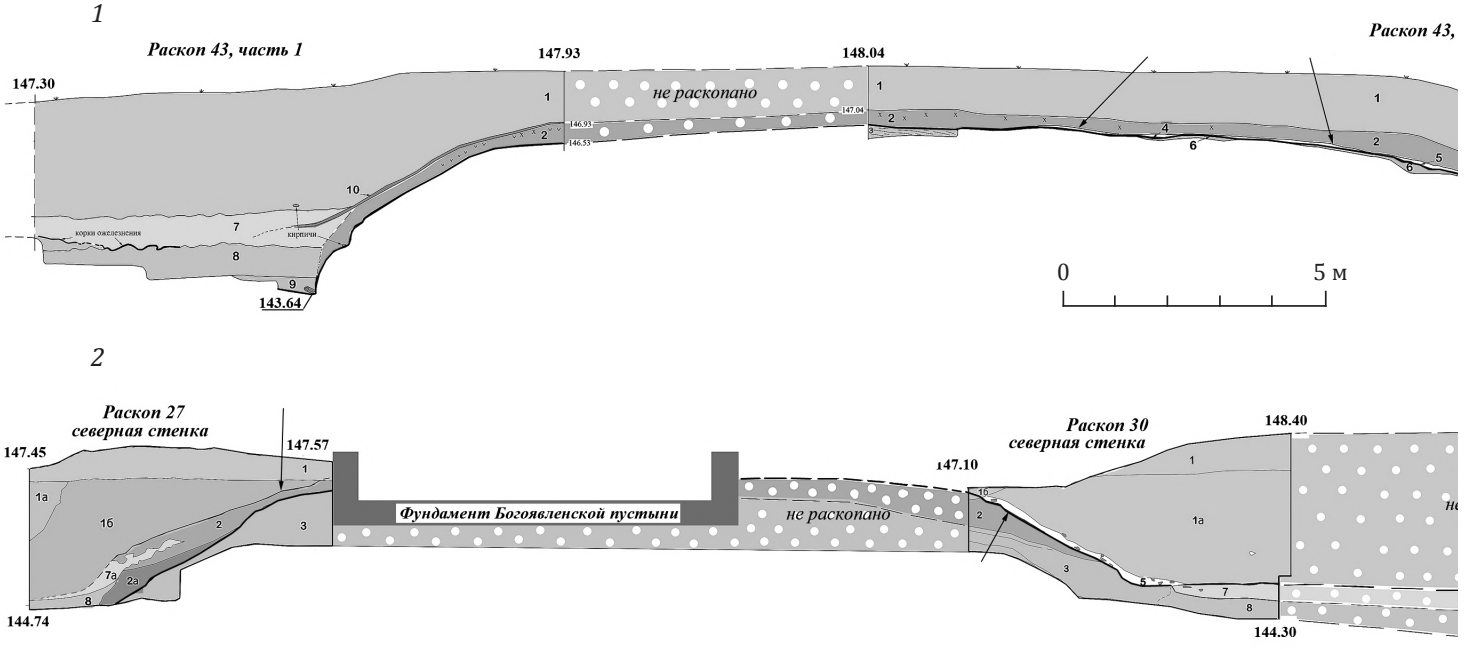


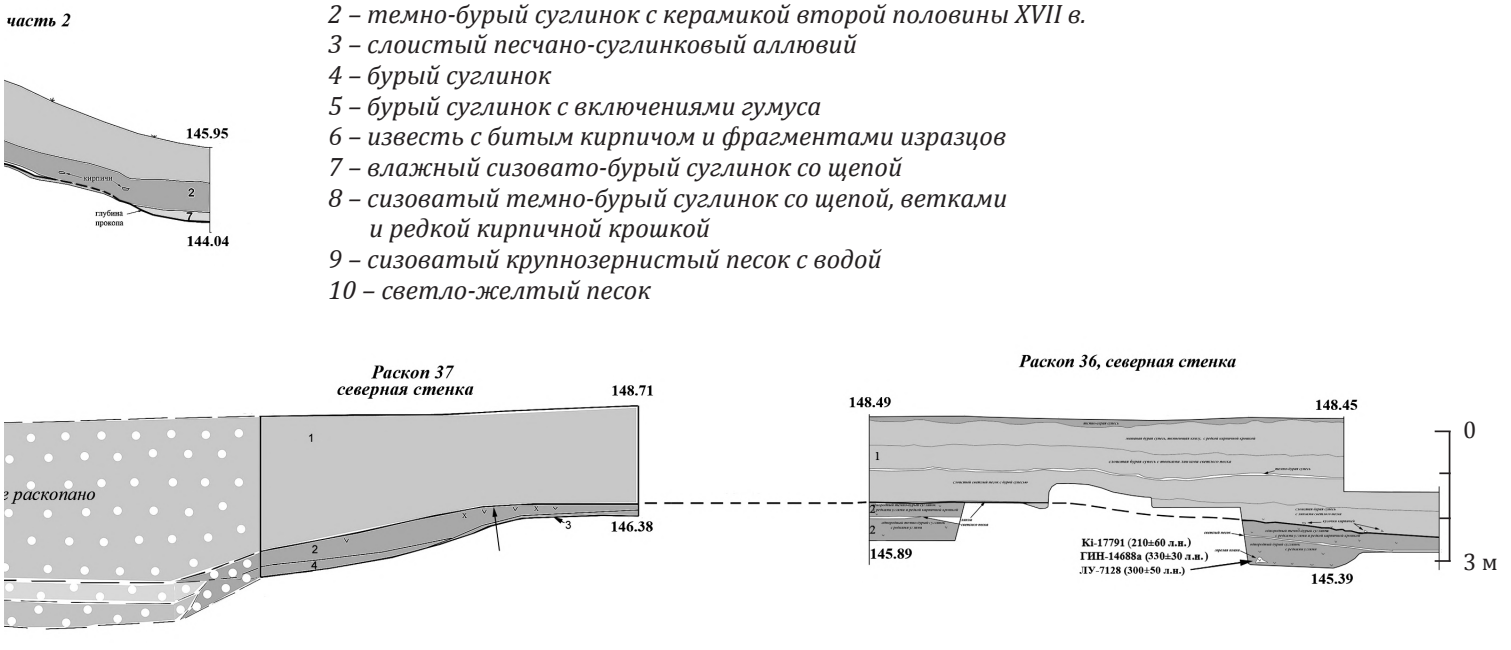
Рис. 6. Схематичные разрезы «острова» Богоявленской пустыни Ново-Иерусалимского монастыря:
1 – разрез по линии южной стенки раскопа № 43, части 1 и 2 (здесь ширина «острова» – около 20 м);
2 – разрез по линии северных стенок раскопов № 27, 30, 37 и 36 (здесь ширина «острова» – около 16 м)

ся дневной поверхностью времени строительства пустыни. Толщины фрагментов большемерных кирпичей из слоя извести двух стандартов – 7,5 и 8–8,5 см; найдены единичные железные гвозди и фрагменты изразцов раннего для монастыря типа. Основание известковой наброски и верх культурного слоя сверху и снизу ограничены светло-песчаными паводковыми прослойками, что говорит о начале длительного паводкового периода (так называемого Малого ледникового периода), вероятно, задолго до 1650-х гг.

Итак, на основании стратиграфических данных раскопов № 27, 30 и 43 можно полагать, что на момент строительства (1658–1661 гг.) местность вокруг пустыни представляла собой узкий длинный островок естественного происхождения (береговой вал), вытянутый с юго-запада на северо-восток (рис. 8: схема внизу), периодически затоплявшийся в паводки. Дневная поверхность на момент строительства пустыни в районе раскопа № 43 была ниже уровня репера (репер – верх цоколя фундамента пустыни, отметка 147.74 в БСВ) примерно на 60–80 см. Ширина «острова», на котором стояла пустынь, составляла всего 15–16 м (у самой пустыни могла после досыпок достигать и 20 м), а длина около 70–75 м; глубина протоков от уровня древней поверхности «острова» – около 2,5 м. Судя по всему, оба русла, огибавшие площадку пустыни, в момент строительства и позже не были проточными, а представляли собой заболоченную старицу[22]. Как правило, впоследствии, по мере заноса этих стариц аллювиальным материалом, река, прокладывая новое русло[23], прорезает пойму в вершине петли излучины, оставляя старицы-дуги в стороне от нового русла.

[22] Результаты споро-пыльцевого анализа образцов грунта из культурного слоя (известь с кирпичным боем) раскопа № 43, а также из придонных отложений восточной протоки (в том же раскопе) подтверждают и значительно детализируют наши предположения. В частности, стало очевидным, что заболачивание русел проток началось незадолго до начала строительства пустыни. Ранее этого в ближайших окрестностях раскопа № 43 находились поля ржи. Выражаем глубокую благодарность палинологу Е. Г. Ершовой (МГУ им. М. В. Ломоносова) за использование пока не опубликованных данных.

[23] О том, что р. Истра при сильных разливах устремлялась по старичным руслам, то есть по прудам, протокам вокруг пустыни и другим, пока не выявленным руслам, и «Кедронскому потоку», сообщается в переписке настоятеля монастыря, известного церковного деятеля второй половины XVIII в. Амвросия (Зертис-Каменского) с Кабинетом императрицы Елизаветы в 1750 г.: тогда река *«прежнее место песком и хрящем занесла, а вместо того под самую гору (потекла), на которой вся северная ограда и четыре башни стоят, из оных одна угловая гораздо уже от того рушится, и требует, чтоб разобрать; да под Патриаршую самую ж пустыню вновь себе течение промыла и близ тои пустыни большую уже часть от берега земли утащила»* – РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 123 (1750 г. (переписка настоятеля монастыря с Синодом)).



Отметки высот даны в Балтийской системе высот,
стрелками указаны участки дневной поверхности времени строительства скита

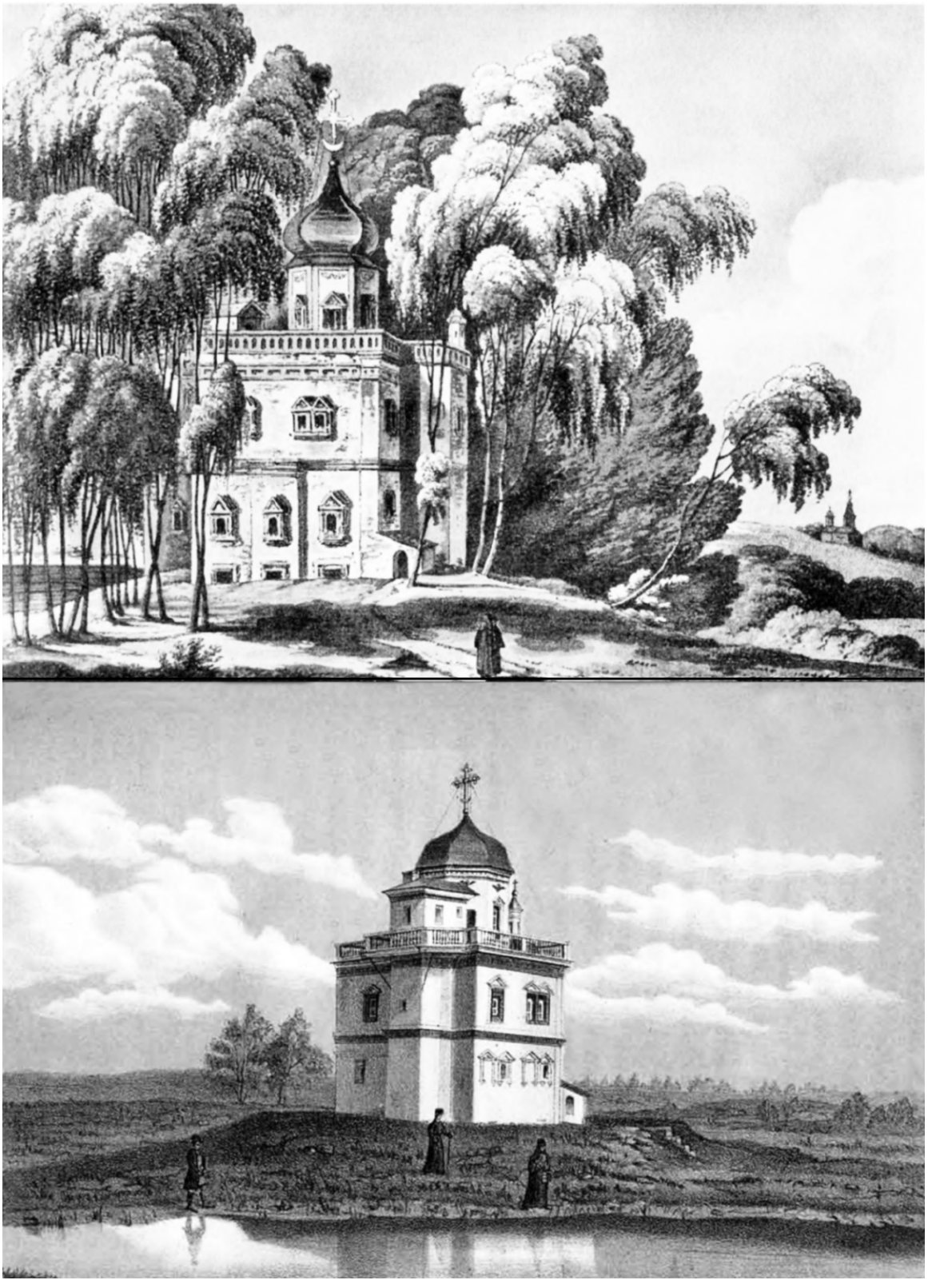


Рис. 7. Виды Богоявленской пустыни и ее окрестностей на гравюрах XIX в.:
вверху – вид на Богоявленскую пустынь с юга (репродукция гравюры Й. Стадлера, 1809 г.);
внизу – вид на Богоявленскую пустынь с юго-запада
(репродукция гравюры неизвестного мастера, вторая половина – конец XIX в.)

В течение более чем трех столетий «рвы» вокруг пустыни к настоящему времени существенно заплыли (восточный рукав в силу своей узости снивелировался практически полностью, вероятно, уже в начале позапрошлого столетия). Сильно снивелировалось и само древнее русло реки между пустынью и Иноплеменничей башней. Исчезла зрительная связь проток вокруг пустыни и древнего русла реки, шедшего от Иноплеменничей башни к пустыни. Вопрос о том, соединялись ли эти протоки с руслом реки после строительства пустыни, пока нельзя считать окончательно решенным.

«Остров» Богоявленской пустыни и «рвы» вокруг него, утратив после проведения археологических работ свой «искусственный» статус, сохраняют, тем не менее, свое особое положение в системе топографии «Русской Палестины». О том, какое значение придавалось этому «острову» и пустыни самим патриархом, мы можем найти неожиданное подтверждение в фактах его биографии после удаления в ссылку в Ферапонтов монастырь. Приблизительно в начале 1668 г. низложенный патриарх решил на озере Бородаевском невдалеке от монастыря насыпать искусственный каменный остров. Форма острова в самых ранних письменных источниках точно не указана; известны лишь его длина и ширина. Иоанн Шушерин описал остров так: «... длина же тому каменному острову дванадесять сажен; ширину же имать пяти сажен мерных[24]; на том же каменном острове водрузи честный и животворящий крест Господень с надписанием сицевым: *Никон, Божией милостью, патриарх поставил сий крест Господень, будучи в заточении за слово Божие и за святую церковь на Беле езере в Ферапонтове манастыре*»[25].

Второе свидетельство современника патриарха Никона мы находим в опросных листах Юрия Лутохина, головы московских стрельцов, прибывшего в Ферапонтов монастырь в конце 1669 г. расследовать дело о чародействе патриаршего неприятеля Богдана Хитрово, заведенное на основании одного из писем Никона к царю: *«На озере Бородавском, против Ферапонтова монастыря и против ево, старца Никона, келей, на тресте на сиверке, середи озера нагружено камения диково большово в воду в полсажени. Возили то каменье з берегов ево келейные старцы и всяких чинов люди, наймуючись у него, старца Никона. Взгружен камением от воды вверх в полсажени. Вдол тово камения нагружено 9 сажен, поперег – 7 сажен. На том камение поставлен срубец деревяной, рублен в замок, а в срубце на камене поставлен крест деревяной, вышина ему 2 сажени с локтем, а на нем потписано на верхнем переделе по-гречески, как пишут на благословящих крестех, на середнем переделе написано "Иисус Христос", в подножье написано "Ника", пот подножьем написано на самом низу "Никон, Божией милостию Патриарх, поставил сий крест Христов, будучи в заточении в Ферапонтовом монастыре, лета 7176, маия в 15-й день". А против того креста, на камене, на девяти саженях, сказал Степан Наумов, и игумен и келарь строит-де было ему, Никону, келья с сенми»*[26].

И. Шушерин сообщает, что надписи со сходным содержанием были сделаны по заказу патриарха Никона и на серебряной посуде, и на кресле патриарха. Эти сведения подтверждаются и в наказе патриарха Иоакима чудовскому архимандриту Павлу (со слов пристава, князя Самуила Шайсупова) от 16 мая 1676 г.[27]. Известно также, что патриарх построил остров на Бородаевском озере (как и в определенной части сам Ново-Иерусалимский монастырь) на деньги, пожалованные ему лично самим царем. Очевиден вывод о том, что патриарх Никон не занимался в ссылке «эстетизированием», строя в Ферапонтове некий фигурный каменный остров[28], а претворял в жизнь вполне определенную идеологическую программу, в которой проглядывает и идейный замысел Богоявленской пустыни Нового Иерусалима.

Паломники XIX в., бывшие в Ферапонтове монастыре (А. Н. Муравьёв, С. П. Шевырев и многие другие), конкретных сведений о форме острова не оставили, указывая лишь на небольшие размеры острова и на то, что он сложен весьма искусно из валунов и что ближе к восточной трети острова площадка острова выложена из крупных валунов, образующих в плане крест. Замечательный вологодский краевед, до революции бывший священником, а после музейным работником, И. И. Бриллиантов так описывал этот остров в конце XIX в.: *«Среди озера возник новый остров 12 сажен длины и 5 ширины (размеры острова указаны у Шушерина). В настоящее время… остров увеличился в размере и представляется с берега в виде длинной узкой мели»*[29].

---

[24] Мерная (казенная, или трехаршинная) сажень равнялась 213,36 см – таким образом, размеры острова были примерно равны 26×11 м. Однако вполне возможно, что эти цифры отражают параметры лишь центральной площадки острова, что косвенно следует из описания острова со слов Юрия Лутохина (см. ниже).

[25] Шушерин И. Житие Святейшаго Патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нём клириком. СПб.: печатано при Императорской академии наук иждивением издателя [О. П. Козодавлева], 1784. С. 174.

[26] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 140 а, ч. 1. Л. 64–109.

[27] Дело о патриархе Никоне. СПб.: т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. С. 345.

[28] Как полагал академик Д. С. Лихачёв и вслед за ним и другие исследователи (см. след. сноску).

[29] Бриллиантов И. И. Патриарх Никон в заточении на Белеозере. СПб.: тип. А. П. Лопухина, 1899. С. 32. Извлеч. из журн. «Странник» за 1899 г. Однако в последние десятилетия в трудах некоторых исследователей стали появляться утверждения, что весь остров был насыпан в форме креста: «…при Никоне в XVII в. появляются устройства чисто эстетические и символические; в Ферапонтовом монастыре на Бородаевском озере Никон строит остров в форме креста: Никон как бы "христианизует" природу, не удовлетворяясь теми символами и поучениями человеку, которые природа, согласно "Физиологу" и другим древнерусским "приро-

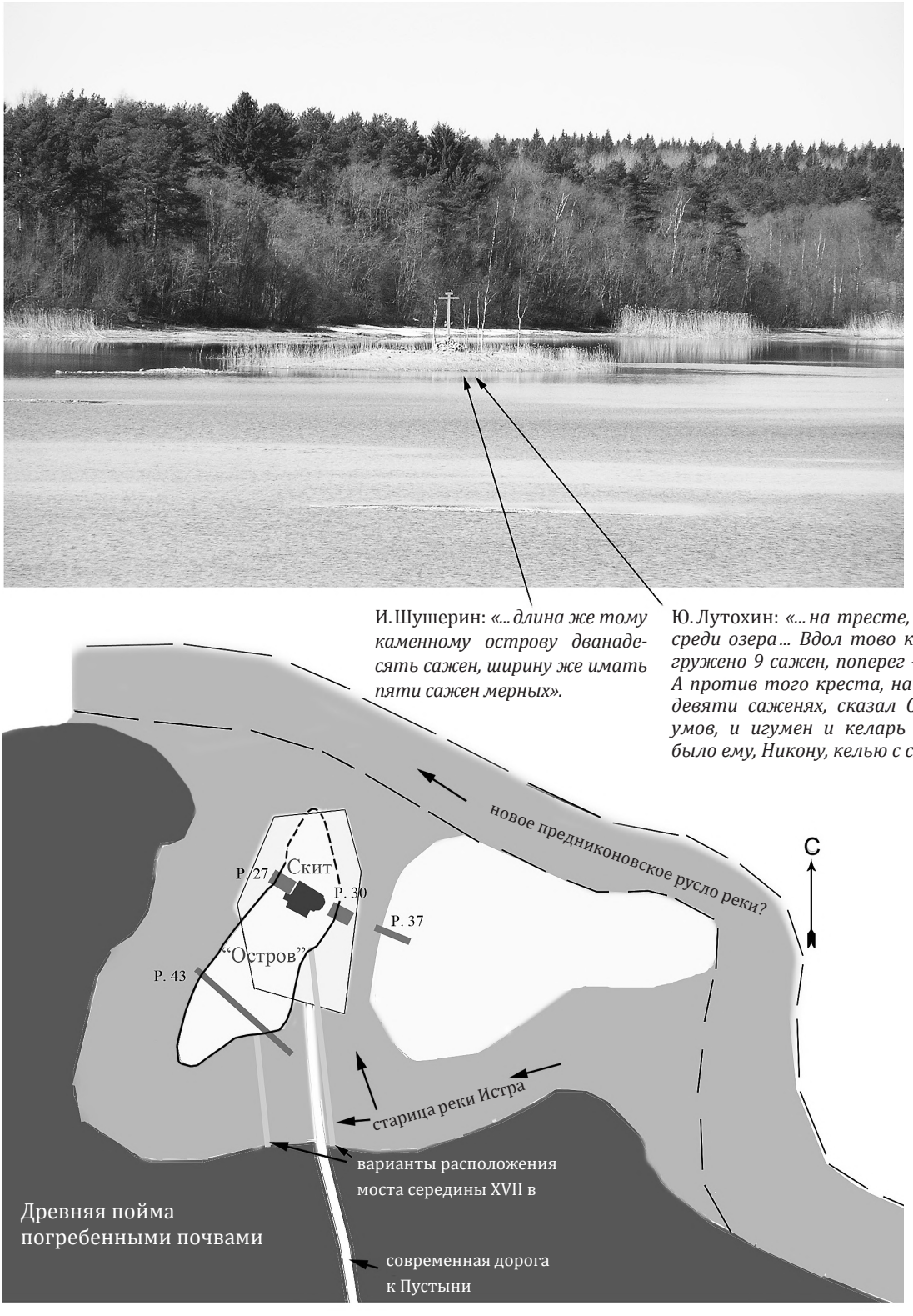


Рис. 8. «Острова» патриарха Никона в Ферапонтове монастыре и в Новом Иерусалиме: фото сверху – вид на каменный остров патриарха Никона на Бородаевском озере близ Ферапонтова монастыря (современная фотография, автор М. А. Тодорова); схема внизу – схема реконструкции участка поймы р. Истры вокруг пустыни с контурами «острова», палеоруслами реки и ее протоков

Ныне этот остров выглядит на поверхности Бородаевского озера слабо возвышающейся узкой каменной грядой длиной порядка 77 м и максимальной шириной около 20 м, что практически равняется выявленным при раскопках 2013 г. параметрам «острова» Богоявленской пустыни в Новом Иерусалиме (рис. 8: фото сверху). Различается немного лишь ориентировка двух островов по длинным осям: на Бородаевском озере остров вытянут с запада на восток, а в Ново-Иерусалимском монастыре – с юго-запада на северо-восток. Богоявленская пустынь расположена в северо-восточной трети «острова», а на Бородаевском озере патриарх, очевидно, собирался построить себе «келью с сенми» в восточной трети острова у поклонного креста. Нельзя забывать и о том, что в Ферапонтове в ведение патриарха был отдан *надвратный Богоявленский* храм, куда он мог ходить из новопостроенной кельи по монастырской ограде, хотя и царь специально указывал в своих наказах стрелецкому приставу Степану Наумову, что *«кельи»* рядом с этим храмом ему, Никону, строить воспрещается[30].

Налицо глубокое совпадение двух этих, несомненно, обладавших в глазах патриарха совершенно определенной сакральностью «островов»; это совпадение идет как по внешним параметрам (форма и размеры, ориентировка длинных осей), так и по принципам структурирования пространства (удаленность и «огражденность» от монастыря, одинаковая соотнесенность в пространстве самих островов и Богоявленской пустыни, и планировавшейся «кельи с сенми»). Важным дополнением к сказанному будет упоминание и о том, что мимо острова зимой по Бородаевскому озеру проходил оживленный санный путь в Кириллов, а мимо Богоявленской пустыни проходили во времена патриарха дороги из монастыря на запад и север – возможно, к той самой *«деревне Зиновьевой на ручью»*, которая в системе сакральной топографии, возможно, была соотнесена с «Назаретом», куда патриарх с братией монастыря ходили «слушать вечерни»[31]. Интересно отметить также, что к каменному острову патриарха Никона было привлечено особое внимание его современников-старообрядцев, полагавших, что именно на немде Никон беседовал с дьяволом у подножия креста латинского образца, поставленного там по заказу патриарха[32]. Это, очевидно, говорит о весьма важном идеологическом наполнении данного объекта в русском общественно-религиозном сознании того времени. Хорошо известно и то, что Никон всю свою жизнь в качестве монаха стремился жить на острове, начиная с его пребывания в Анзерском скиту, а затем и в Кожеезерском монастыре в 1639–1646 гг.: *«Он же намеренного своего острова дошед и на нем келию своими руками устроив, наче жити чином Анзерской пустыни»*[33].

Подобное стремление вряд ли можно полагать каким-то эмоциональным порывом будущего патриарха. Устраивать монастырь, скит или пустынь на острове – характернейшая черта всего севернорусского монастырского строительства. Это позволяет нам заключить, что система «топографической семантики» Русской Палестины, очищенная от легендарных наслоений позднего времени посредством проведения археологических исследований и рассмотренная лишь на примере двух ее элементов («Кедронского потока» и «острова» Богоявленской пустыни), является, очевидно, плодом длительного духовного труда самого патриарха и нуждается в еще более глубоком и тщательном исследовании.

доведческим" сочинениям, естественно содержит ему в назидание» (Лихачёв Д. С. О садах // Лихачёв Д. С. Избранные работы. Л.: Худож. лит., 1987. С. 498–499). Кажется, что это утверждение излишне «осовременивает» мировоззренческие истоки деятельности патриарха в ссылке.

[30] Николаевский П., протоиерей. Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на Московском соборе 1666 года. СПб.: тип. Ф. Елеонскаго и Ко, 1886. С. 24, 65.

[31] Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. М.: Худож. лит., 1991. С. 143.

[32] Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб.: печатня Яковлева, 1898. С. CXIV, 21; Бубнов Н. Ю. Старообрядческое «антижитие» патриарха Никона // Святые и святыни северорусских земель. Каргополь: КГИАХМ, 2002. С. 158–164.

[33] Шушерин И. Указ. соч. С. 16.

I. N. Ershov

The "Kidron Stream" and the "Island" of the Theophany Hermitage in New Jerusalem: Legends and Archaeological Realities

Key words: New Jerusalem, hydraulic system of Patriarch Nikon, late Middle Ages archaeology, inundated archaeology.

Abstract: The system of "topographical semantics" of so called Russian Palestine cleared up from the legendary layers of the late time by 2011–2013 archaeological researches and examined only through the example of two elements ("Kidron stream" and the "island" of the Theophany hermitage) is a fruit of Patriarch Nikon's extensive spiritual work. And thus it needs deeper and more thorough archaeological research.

Е. В. Белякова

Известие о начале патриаршества в России – неиспользованный источник по истории эпохи патриарха Филарета*

Эпоха патриарха Филарета Никитича (1619–1633 гг.) занимает особое место в русской истории[1]. Не будет преувеличением сказать, что только со времени патриарха Филарета начинают формироваться новые институты Московского патриархата. Созданное в 1589 г. патриаршество не могло сразу же обрести институциональные формы – политическая ситуация династического кризиса не способствовала этому. Усилия первого патриарха Иова (1589–1605 гг.) были направлены в первую очередь на утверждение новой династии – Годуновых[2]. Деятельность патриархов Игнатия (1605–1606 гг.) и Гермогена (1606–1612 гг.) проходила в условиях политической смуты. Сложилась ситуация, когда на Руси было одновременно три патриарха: Иов умер в 1607 г., Игнатий скончался в 1620 г., Гермоген – в 1612 г. В 1608 г. «нареченным Патриархом Московским и всея Руси» стал ростовский митрополит Филарет[3]. Сам факт смещения патриарха с кафедры не означал лишения его патриаршеского достоинства в глазах современников[4]. Одновременно присутствие в Москве патриарха не было жизненной необходимостью: венчание государя на царство могли осуществлять митрополиты, которые были полномочны также и управлять Церковью. Отсутствие на кафедре патриарха в течение шести лет после воцарения Михаила Романова не вызывало особых затруднений в деле церковного управления, а находящийся в плену Филарет именовал себя «митрополитом всея Руси»[5].

Внимание современных исследователей особенно привлекает эпоха патриарха Никона – это связано, в первую очередь, с церковным расколом, ставшим следствием проводимых патриархом реформ, а также со значительной архитектурной деятельностью патриарха и его конфронтацией с царем. Между тем многие проблемы этой эпохи вытекают из патриаршества Филарета. Нельзя не отметить, что Филарет был единственным из патриархов, который длительное время находился в католической Польше, что не могло не отразиться на его мировоззрении.

После занятия патриаршего престола в 1619 г. именно Филарет выступил инициатором важных изменений в московском православии, как идеологических, так и институциональных. Впервые высшей инстанцией в решении вопроса об исправлении чина при издании Требника выступили восточные патриархи: «И аз Великий Государь Филарет патриарх Феофану патриарху говорил, чтоб ему, приехав в

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 13-01-00217 (Духовное образование и процесс становления конфессиональных идентичностей в России и на Западе в раннее Новое время (XVI–XVIII вв.)).

[1] Наиболее обстоятельная работа на эту тему: Смирнов А. Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всея России. М.: тип. и лит. А. В. Кудрявцевой, 1874. 234 с. Критический разбор документов в ней отсутствует. Статья: Вовина В. Г. Патриарх Филарет (Федор Никитич Романов) // ВИ. 1991. № 7–8. С. 63–74 – имеет, скорее, литературный характер. Художественная попытка осмыслить эпоху и новые факты приведены в труде: Богданов А. П. Русские патриархи, 1589–1700. М.: Терра, 1999. Т. I. С. 280–361.

[2] Патриарху Иову принадлежит трактат о законности выборного царя. Он вводит ряд новых чинов о том, как молиться за династию Годуновых, и проклятие на всех, кто будет желать другого царя (ААЭ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. II. С. 4, 11–16, 40 (№ 6).

[3] Так он именует себя в грамоте, адресованной Яну Сапеге (АИ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1841. Т. II (№ 106).

[4] Василий Шуйский предлагал патриарху Иову вернуться на престол. Оба патриарха, Иов и Гермоген, принимали покаяние у москвичей, и от лица их обоих была составлена прощальная грамота москвичам (ААЭ. Т. II. № 67).

[5] Из патриаршей грамоты 1625 г. игумену Сийского монастыря Ионе (ААЭ. СПб., 1836. Т. III. С. 240–242 (№ 166)). Необходимо отметить, что грамота была опубликована по позднему списку и вызывает сомнения в подлинности (Смирнов А. Указ. соч. С. 104).

Греческую землю, с своею братьею со вселенскими патриархи посоветовав о том, выписати из греческих книг древних переводов». «Московское православие» резко отделило себя не только от латинского и протестантского мира, но и мира православных «белорусцев», то есть православного населения Польско-Литовских земель. Основой противопоставления являлся неправильно совершаемый обряд крещения. Это не соответствовало нормам, принятым Константинопольской церковью, и во многом противоречило и средневековой традиции, которая допускала обрядовое разнообразие.

Собор 1620 г. стал вехой в истории московского православия[6]. Но особое значение его решения приобрели после издания его деяний при Требниках мирском (гл. 40) и иноческом (гл. 14) в 1639 г. («От божественных писаний и от святых правил собрание великого Господина смиреннаго Филарета патриарха царствующаго града Москвы и всея Русии»[7]). Даже само пребывание на «неверной земле» рассматривается отныне как «осквернение», и для очищения в Требниках была установлена особая молитва: «Аще кто крещен сыи и быв в неверных земле, и водворяся с ними, ядыи и пия и закона их и службы послушая, и веры их и обычая не похуляя, волею или неволею, ведением или неведением, от таковыя егда возвратится и прибегнет к святеи церкви и к священнику исповесть ся и став пред церковию откровену главу имея и глаголет во услышание всем проклинание закона и обычая тоя земли и веры и ересей идеже был и всему проклинанию совершившися, глаголет священную молитву сию»[8]. Православные, оказавшиеся на занятых шведами землях, не допускались на службу в Софию Новгородскую[9].

По церквам был произведен сбор и сожжение изданного в Москве в 1610 г. Устава, а также Учительного Евангелия Кирилла Транквиллиона, признанного еретическим. Была предложена процедура исправления Требника, а продолжавшие служить без исправления объявлялись «церковными ослушниками»: «Будет кто сего нашего указу не учнет слушатися… быть от нас в отлученьи священства и в великом смиреньи»[10]. Был запрещен (хотя и временно) ввоз православных книг «литовской печати» и дано распоряжение учесть литовские книги по всем церквам[11].

Филарет фактически являлся верховным правителем государства, он участвовал во всех важных государственных делах. Была создана огромная по своим пространствам «патриаршая область», занимающая значительную и, по сути, центральную часть в государстве, где патриарх обладал правами верховного правителя; к ней же принадлежали и земли на окраине государства. Как отметил еще митрополит Макарий (Булгаков), патриарх Филарет «в своей церковной области был полным владыкою и господином и пользовался архипастырскою властию в такой степени, далее которой власть эта никогда в России ни прежде, ни после не простиралась»[12]. Филарет не только применяет суровые наказания против нарушителей церковной дисциплины[13], но и обосновывает необходимость применения «градских» законов против церковных ослушников: «Аще ли неции не хотяще послушати пастырского словесе, таковии под градским правилом муками истязаеми да бывают и смертию осуждаются; градские бо судия сего ради учинены, яко да повелением царским благая творящим царской милости усвояют, противящихся мукам и казням подлагают»[14]. Разумеется, он имел предшественника в лице Иосифа Волоцкого, обосновавшего законность применения византийских уголовных законов по отношению к еретикам[15], но Филарет идет значительно дальше в расширении границ этого применения.

Патриарх Филарет ведет себя как жесткий администратор: он опирается в своей деятельности на архимандритов отдельных монастырей, которых наделяет большими правами, чем епископов[16]. Государственные и церковные функции полностью сливались в его деятельности. Созданные (или точнее, получившие оформление) приказы Разрядный, Дворцовый, Казенный, подчиняясь патриарху, по сути являлись частью единой общегосударственной приказной системы[17]. Именно поэтому так легко

[6] О соборе: Булычев А. А. О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «Требниках» (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, 1989. Сб. 2: XVI – начало XVIII в. С. 35–62.

[7] Требник (мирской). М.: Печатный двор, 1639. Л. 398–431; Требник (иноческий). М.: Печатный двор, 1639. Л. 213–327.

[8] Требник (мирской). Л. 511.

[9] ААЭ. Т. III. С. 261–262 (№ 179).

[10] Там же. С. 242 (№ 166).

[11] Булычев А. А. История одной политической кампании XVII века: законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М.: Языки славянской культуры, 2004. 139 с.

[12] Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1996. Кн. 6. С. 310.

[13] См., например, патриаршую грамоту в Корельский Никольский монастырь о наказании сына боярского Нехорошко Семичова (ААЭ. Т. III. С. 259–260 (№ 177)).

[14] СГГиД. М.: тип. Селивановского, 1822. Ч. III. С. 251 (№ 60).

[15] Белякова Е. В. Влияние византийского законодательства о еретиках на русскую средневековую правовую традицию // Древнее право = Ius antiquum. М.: Издательский дом В. Ема, 2013. № 1 (26). С. 108–125.

[16] Michels G. Power, Patronage, and Repression in the Church Regime of Patriarch Filaret (1619–1633) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte / Hrsg. vom Osteuropa-Institut der Freien Universität Berlin von Holm Sunhaussen und Gertrud Pickhan. Wiesbaden, 2010. Bd. 76. S. 81–96.

[17] Устинова И. А. Книги патриарших приказов 1620–1649 гг. как исторический источник. М.: [ИРИ РАН], 2011.

было учредить Алексею Михайловичу в 1649 г. Монастырский приказ как государственный орган.

Политика изоляционизма при Филарете не была последовательной, она явно носила двойственный характер, как и его отношения с иностранцами. При Филарете возобновляются приезды в Москву греков за милостыней, приезжают сюда и украинские ученые. Возможно, определенное значение имело то, что Иерусалимский патриарх Феофан, поставивший Филарета, поставил и православных епископов в Речи Посполитой. Патриарх Филарет обращался к патриарху Кириллу Лукарису с просьбой прислать учителя греческого языка. Протосинкелл Александрийского патриарха Иосиф получает от царя и патриарха в 1632 г. предписание переводить греческие книги и преподавать греческий язык[18]. Патриарх Филарет осознает необходимость издания православного катехизиса – происходит тщательное исследование Катехизиса Лаврентия Зизания с целью издания его в Москве.

Филарет в 1625 г. назначил на Суздальскую кафедру Иосифа Курцевича-Булыгу, выпускника Падуанского университета, получившего ранее, в 1621 г., хиротонию от патриарха Феофана Иерусалимского на Владимиро-Волынскую кафедру. Несмотря на протесты суздальцев и обвинения в разного рода бесчинствах, Иосифа убрали с кафедры только в марте 1634 г., уже после смерти Филарета[19].

Со времени патриаршества Филарета можно говорить о том, что в России происходят процессы, во многом схожие с теми, которые в Европе обозначаются как конфессионализация[20]. Православие осознается как особая, единственная истинная вера[21] и становится орудием политики[22]. Если царская власть выступала защитницей христианской веры от внешних врагов и раньше, то теперь ее в не меньшей мере интересуют религиозные верования подданных. Вера подданных рассматривается также как инструмент укрепления власти. Меняется отношение к инородцам: если в предыдущий период в Кормчих Чудовской редакции утверждалось, что у каждого народа свой закон («коей страны законы своя и отчина, а не преходит друга ко друзей, но своего обычая кояждо закон держит»[23]), то теперь в Требниках говорится о необходимости крещения языческих народов. Начинаются попытки активной христианизации, а также ограничения в правах помещиков – язычников и мусульман.

При Филарете делаются попытки определить, что же является свидетельством истинной веры. Помимо уже указанного правильно совершенного обряда крещения, в качестве таковых определяются «крестное воображение» и Исусова молитва[24]. Таким образом, крестное знамение как зримое проявление благочестия выделяется как отличительная особенность веры. Это позволяет понять, почему его изменение, как и изменение Исусовой молитвы патриархом Никоном, вызвало столь активный протест.

В биографии патриарха Филарета Никитича многие моменты остаются неясными. Противоречивы сведения о его пребывании в Тушинском лагере и в Польше. Не выясненной остается и его роль в создании новых идеологических конструктов, определявших в дальнейшем политику Романовых.

Особую ценность в решении ряда вопросов приобретает источник, впервые опубликованный в 1846 г. в Дополнениях к Актам историческим под названием «Известие о начале патриаршества в России и о возведении на патриаршеский престол Ростовского митрополита Филарета Никитича» (далее – Известие). Издатели датировали источник июнем 1619 г. В легенде издатели написали, что рукопись «писана скорописным почерком конца XVII века»[25].

По-видимому, датировка почерка рукописи и предопределила понимание историками этого памятника как позднего. Не соглашаясь с датировкой текста 1619 г., исследователи относили его к более позднему времени. В фундаментальном исследовании по истории Смуты С. Ф. Платонов дал характеристику Известию как историческому источнику. Он считал, что Известие составлено после 1630 г., а может быть, и после 1645 г.: «Общий характер его повествования указывает, что мы имеем дело с произведением официальным, которое скорее всего могло быть на-

346 с.; Шимко И. И. Патриарший казенный приказ, его внешняя история, устройство и деятельность. М.: типо-лит. Высочайше утвержденного т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. 362 с.; Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 2: Землевладение митрополичьего дома. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. С. 329–455.

[18] Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 11–16.

[19] Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань: Издание книжного магазина М. А. Голубева, 1914. Т. 1. XXIV, 878, [2], LXVI с.

[20] Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время: доклады рус.-нем. науч. конф., 14–16 нояб. 2000 г. / под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб.: Алетейя, 2004. 203 с.; Дмитриев М. В. Центробежные и центростремительные тенденции в развитии европейского христианства в XVI–XVII вв. // Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII вв. М.: Индрик, 1997. Ч. 1: Брестская уния 1596 г. Исторические причины. С. 15–32.

[21] Б. Н. Флоря на примере трактовки образа «поляка» отмечает отсутствие единства мировоззрения разных слоев русского общества (Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Индрик, 2005. С. 381–415). Тем важнее понять усилия патриарха Филарета по созданию идеологических схем.

[22] СГГиД. Ч. III. С. 183 (№ 42).

[23] Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской археографической комиссией. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1908. Т. VI: Памятники древнерусского канонического права, ч. 1: Памятники XI–XV в. Стб. 854 (№ 123).

[24] Требник (мирской). Л. 513.

[25] ДАИ. СПб.: тип. Э. Праца, 1846. Т. II. С. 185–221 (№ 76).

писано при патриаршем дворе. Некоторый намек на время его составления заключается в ссылке на Летописную книгу, содержащую в себе пространный рассказ о воцарении Самозванца. Если под этою книгою разуметь Новый летописец (а это всего вероятнее), то нужно отнести составление Сказания ко времени после 1630 г.». Наличие в тексте фразы: «бе же Михаил добр», давало историку основание считать, что произведение написано после смерти царя Михаила. Историк отмечал, что произведение имеет характер официального панегирика патриарху Филарету и не содержит новых данных для его биографии. Он обратил внимание на то, что, согласно Известию, Филарет был поставлен ростовским митрополитом по указанию Василия Шуйского, хотя другие источники говорят о его поставлении при Самозванце[26].

Аргументы С. Ф. Платонова повторил Л. В. Черепнин (правда, без ссылки) и высказал предположение, что памятник был создан после 1658 г.: «Мне представляется вполне возможным датировать его 1658 г. и связать с организацией Записного приказа Кудрявцева. Ведь последний как раз интересовался повестями "О поставлении патриархов на пресловущий град Москву". Сказание о поставлении Филарета Никитича, составленное при дворе Никона, явилось прямым ответом на этот запрос»[27]. О том, что Известие приписывается историками патриарху Никону, упоминает А. П. Богданов, хотя сам он считает, что оно «санкционировано» Филаретом[28]. Г. П. Енин, автор статьи в «Словаре книжников и книжности»[29], пишет, что в Известии отразилась вторая редакция памятника, в то время как первая отражена в Кормчей. О неопределенности вопроса с датировкой Известия пишет и Б. А. Успенский[30]. Неудивительно, что Г. Мишельс, вслед за Г. П. Ениным, пишет, что патриарх Никон в 1658 г., находясь на вершине власти, составил текст о происхождении патриаршества, который прославляет патриарха Филарета[31].

Ни один из исследователей не сделал попытки отыскать саму рукопись, возможно, из-за отсутствия ее в Синодальном собрании. Рукопись была передана в 1858 г. в Государственное Древнехранилище, где находится и сейчас. Рукопись была датирована по просьбе автора Л. В. Мошковой[32]. Водяной знак на бумаге – гербовый щит под короной, под щитом – орден золотого руна – 1626–1627 гг.[33]. Рукопись впервые была представлена на выставке «Преодоление Смуты в России в начале XVII века» уже с учетом измененной датировки[34]. Тем не менее составители каталога выставки также повторили версию «Словаря книжников» о том, что в Кормчей содержится первая редакция, а вторая редакция, более поздняя, – в ДАИ, не обратив внимание на то, что представленный документ содержит именно «вторую» редакцию. Возможно, эта же рукопись использовалась и в 1822 г. для издания «Чина наречения и поставления по соизволению Государя царя Михаила Федоровича на Всероссийское Патриаршество Ростовского и Ярославского митрополита Филарета» в составе Государственных грамот и договоров[35].

Существует другая парная рукопись с тем же оформлением золотом и, как показал палеографический анализ, с тем же водяным знаком. Это рукопись находилась в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре и была описана в составе его библиотеки[36]. Рукопись поступила в ГИМ не в составе Воскресенского собрания, а вместе с книгами из ризницы монастыря через Музейный фонд (современный шифр: ГИМ, Воскр., № 213). Ее описание и датировка – конец 1620-х – начало 1630-х гг. – были сделаны Ю. А. Грибовым при подготовке каталога выставки, посвященной патриарху Никону[37].

Таким образом, Известие – это официальный документ, составленный при жизни Филарета Никити-

[26] Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913. С. 346–348.

[27] Черепнин Л. В. Смута в историографии XVII в. // Исторические записки. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. [Т]. 14. С. 113–114.

[28] Богданов А. П. Указ. соч. Т. I. С. 345.

[29] Енин Г. П. Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича // СККДР. XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3. С. 431–434; Его же. Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1988. Т. 41. С. 134–136.

[30] Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 203, примеч. 28.

[31] Michels G. Op. cit. S. 82.

[32] Выражаю благодарность Л. В. Мошковой за палеографический анализ рукописи, находящейся на особом хранении.

[33] Водяные знаки рукописей России XVII в.: по материалам ОР ГИМ / сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1980. № 210.

[34] Преодоление Смуты в России в начале XVII века: каталог выставки. М.: Древнехранилище, 2012. С. 177 (№ 193).

[35] СГГиД. Ч. III. С. 187–201 (№ 45).

[36] Леонид, архимандрит. Описание славяно-русских рукописей книгохранилища ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря и заметки о старопечатных церковнославянских книгах того же книгохранилища // ЧОИДР. М.: Университ. тип. на Страстном бульваре, 1871. Кн. 1. С. 51; Его же. История Воскресенского Новоиерусалимского Монастыря // Там же. М.: Университ. тип. (Катков и К) на Страстном бульваре, 1874. Кн. 4. С. 350; Амфилохий, архимандрит. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М.: Синод. тип., 1876. С. 177.

[37] Грибов Ю. А. «Сказание известно» об учреждении патриаршества в России и поставлении Филарета Никитича патриархом и Чин поставления Филарета Никитича на патриарший престол // Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты: из собраний Гос. ист. музея, Музея-заповедника «Моск. Кремль», Музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белозерского музея-заповедника, Музея-заповедника «Коломенское», Рос. гос. архива древних актов: [каталог выставки] / ред.-сост. Юхименко Е. М. М., 2002. С. 120–121 (№ 54).

Таблица 1

Новгородско-Софийская редакция[1]	**Рукопись Известия**[2]	**ДАИ**[3]
И убо греци, яко лукави суще, истину корчемьствующе и яко же рещи благочестие продающее митрополиты от Костянтина града к болгаром посылающее и не апостольскы снабдящу, но имение събирающи и по мале в Костянтит град и сами отхождаху. Видев же царь болгарьскыи себе неправдуема от них, абие изволися ему яко царю сущу, съ своими епискупы патриарх в граде Тернове поставити не благочестия отступившее, но тех высокого обычая и сребролюбного нрава бегающее. И тако благочестие сиаше, мир же и устроение в всеи земли Болгарскои. И многи терновским патриархом поставляеми бываху.	Но убо некогда гречестии власти, не вем по коему образу: или златолюбия и славолюбия или конечнаго ради убожества, не туне власти епископства роздаваху, но, якоже глаголют нецыи, истину корчемствующе и благочестия продающе. Сиречь митрополиты от Констянтина града к болгаром и ко инем странам посылающе на мзде, не апостолски снабдяще, церковно имение собирающе. Видев же царь болгаръскии себе неправдуема от них, абие изволися ему яко царю сущу своими епископы патриарха во граде Тернове поставити, не благочестия отступивше, но тех высокаго обычая и сребролюбнаго нрава бегающе. И потом многи митрополиты Терновским патриархом поставляеми бываху в Тернове же гради.	Но убо некогда гречестии власти, не вем по коему образу: или златолюбия и славолюбия или конечнаго ради убожества, не туне власти епископства роздаваху. Видев же царь Болгарский, абие изволися ему яко царю сущу своими епископы патриарха во граде Тернове поставити. И потом многи митрополиты Терновским патриархом поставляеми бываху в Тернове же гради.

[1] РГАДА. Ф. РО МГАМИД (№ 171). № 577. Л. 2 об.
Текст опубликован: Белякова Е. В. Обоснование автокефалии на страницах русских Кормчих // Церковь в истории России. М.: [ИРИ РАН], 2000. Сб. 4. С. 147–159.
[2] РГАДА. Ф. 135. Приложение. Рубр. 1. № 8. Л. 12–12 об.
[3] ДАИ. СПб.: тип. Э. Праца, 1846. Т. II. С. 188.

ча. Его оформление полностью соответствует стилю оформления царских грамот, сложившемуся при Михаиле Федоровиче. Это не единственный документ, изготовленный в двух экземплярах: изготовление документов для царской и патриаршей казны характерно для этой эпохи.

Но как показало исследование, издатели при публикации подвергли текст цензуре[38]. Опущены были отрицательные высказывания в адрес восточного православия, а также характеристика царя Федора Ивановича. Последняя представляет большой интерес. О Федоре Ивановиче говорится, что он «предпочиташе бо святителство боле царства предстояния ради олтарю и приношения непорочнаго агньца руками сих по божественному писанию – чтит иерея – чтит вышняго Бога, понеже иереская честь на Бога восходит (не существение, не буди то), но премногия благодати. Яже от Христа Бога апостолом и апостолским приемником дадеся, слушаяи рече вас, мене слушает. И паки приемляи пославшаго, во имя мое мене приемлет, но и паче же по всему являяся, яко сын и послушник святыя Церкви»[39]. По-видимому, цензору не понравились слова о том, что святительство больше царства, приобретшие для русской культуры после конфликта между патриархом Никоном и царем содержание, свидетельствующее о папистских стремлениях патриарха. Между тем, при Филарете Никитиче эти слова имели другой смысл, они показывали величие патриаршеской степени, потому что патриарх-отец никак не мог быть ниже сына-царя. Другая ситуация была невозможна как с династической точки зрения, так и с точки зрения семейной иерархии. Появление тезиса «святительство боле царства» важно и для понимания источников претензий патриарха Никона, стремившегося восстановить уникальную ситуацию царствования Михаила Федоровича.

Что касается высказываний о неблагочестии греков, то здесь необходимо отметить, что часть из них восходят к Сказанию о Сербской и Болгарской патриархиях, занявшему первые листы в русских Кормчих Новгородско-Софийской редакции с 60-х гг. XV в.[40]. Создатель Сказания, написанного на пике разрыва с Константинополем, бросал грекам упрек в том, что они продавали степени на мзде, не заботились о пастве (см. табл. 1).

[38] Белякова Е. В. Первые опыты русской церковной историографии: к изучению Известия о поставлении патриарха Филарета и Сказания об учреждении патриаршества // Факты и знаки: исследования по семиотике истории. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып. 1. С. 208–224.

[39] ГИМ. Воскр. 213. Л. 14 об.–15.

[40] Об этой редакции: Правда Русская / подготовка к печати: В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейрманс, Г. Е. Кочин; под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. [Т]. I. С. 136–147; Белякова Е. В. Состав новгородско-софийской редакции Кормчих книг // Ярославский список Правды Русской: законодательство Ярослава Мудрого / сост. Н. А. Грязнова, Д. К. Морозов. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2010. С. 23–50.

Мы видим, что издатель ДАИ изъял значительный фрагмент из публикуемого им текста, что может характеризовать установку цензоров в царствование Николая I.

Отметим, что и составитель Известия опустил слова «о сиянии благочестия» в Болгарской земле, что было неудивительно в условиях, когда Болгария была уже более двух веков под властью турок. Текст Сказания о Сербской и Болгарской патриархиях был использован в первой части Известия, начинающегося от сотворения мира и до окончания рассказа о св. Савве Сербском и Симеоне Немане. Его окончание: «Не токмо же в Сербскои земли, но и во иверех митрополити власть прияша разстояния ради пути своими епископи поставление творити даже и доселе. И не токмо сии, но и многим местом же и землям. И сих ради никаково же негодование бывает, но паче повсюду благочестие сияет»[41].

Далее начинается новый раздел Известия, уже не связанный со Сказанием о Сербской и Болгарской патриархиях, а восходящий к другим источникам. Одним из таких источников являлись Статейные списки об учреждении патриаршества. В этой части сначала идет красочное описание размеров «Росии Великой и яже до нея прилежащие области», которые определяются от «моря глаголемаго Каспис» до «Ледоватого великого моря» и реки Обь. Здесь интересно указание на ширину реки Оби – 60 поприщ, или верст – и на количество народов, обитающих по ее течению, – 70. Возможно, такое внимание к Оби связано с открытием в 1620 г. архиепископской кафедры в Тобольске. Архиепископ Тобольский Киприан с 1624 г. был переведен в Москву и стал митрополитом Крутицким[42]. На юге граница России определяется «даже до Африки (!) и до предел Греческия области, Херсона, глаголю, и прочих градов», на западе ограничивается «Европией». После географического описания начинается историческая справка о крещении Руси, в которой очевидно желание представить Русь великим царством со времен «блаженного и равноапостольного великого царствия держателя Владимира, иже бе от корени Августа кесаря Римского, владущего всею вселенною. Владимиру же владущу всеми словены и инеми языки»[43]. Дата крещения в источнике указана 6499 г. (то есть 991 г. от Рождества Христова). После указания на то, что митрополиты ставились Константинопольским патриархом, говорится о начале автокефалии. Единственная отмеченная причина – «належащая ради нужа греческим властем от нечистивых варвар». Далее сообщается о согласии всех патриархов на особое место русского митрополита. Здесь в издании ДАИ был опять сделан пропуск (пропущенные слова выделены): «Святительскою же честию судиша патриарси росиискому митрополиту предпочитатися паче всех митрополит. И егда случитца всея вселенныя собор, и председание имети превысшее по Иеросалимском патриарсе. **Понеже благочестие, рекоша, в восточных и западных странах не тако сияше, належащим варваром и еретиком.** Но поелику убо в ветхом Риме **и в Констянтине граде** и в других странах благочестие уступаше, по толику и наипаче сияше благодать в преславном и царствующем граде Москве и яже во области руския митрополия». Таким образом, последняя фраза о сияющем благочестии Сказания о Сербской и Болгарской патриархиях получила новое развитие: благочестие уменьшается в Риме и Константинополе, но сияет в Москве. Доказательством этого сияющего благочестия являются святые русские митрополиты и епископы, а также основатели монастырей (среди которых названо имя Макария, возможно, Унженского, которому была установлена память при Филарете) и особо указывается на сохранность их мощей. К ним добавлены и благочестивые цари и великие князья (не названо ни одно имя), которые «златыми степенми на небеса восходную лествицу водрузиша», по которой даже царицы и княгини смогли подняться, «подражание имущим сожитель и сродник своих… равноангельское житие проходящим». Возможно, этот пассаж вызван в какой-то степени фактом пострижения жены Федора Никитича – старицы Марфы.

Следующий раздел начинается с упоминания «собирателя отеческих наследий» царя Ивана Васильевича и содержит развернутую похвалу Федору Ивановичу, который является уже покровителем всех православных, приходящих из стран, притесняемых турками. Ему принадлежит идея создания «превысочайшего престола патриаршеского в Москве». Здесь снова повторяется идея о росте и умножении благочестивой веры в России в противовес землям, находящимся под турками. Большой интерес представляет ответ епископов на предложение царя[44]. Это вымышленный текст, так как статейные списки сохранили подробно ход переговоров об учреждении патриаршества. В нём говорится о необходимости согласия вселенских патриархов, которых считают «столпами благочестия», и повторены слова Максима Грека: «Аще и во области поганых суть, но святая, якоже рече Писания, николи же осквернена бывают»[45]. Заяв-

[41] ДАИ. Т. II. С. 185–188.

[42] Макарий (Булгаков), митрополит. Указ. соч. Т. 6. С. 294. О Киприане как одном из предполагаемых составителей Нового летописца: Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец. История текста. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 250–251.

[43] ДАИ. Т. II. С. 188–189.

[44] Флоря Б. Н. Вопрос об основании Московской патриархии в дипломатическом документе 1591 г. // 400-летие учреждения патриаршества в России. От Рима к третьему Риму. Roma: Herder Editrice Libreria, 1991. С. 145–152.

[45] Максим Грек. Произведения Максима Грека: руко-

лено и о необходимости учесть тот отклик, какой может иметь учреждение патриаршества только по воле самого царя в других странах: «Но и паче же и сего ради да не возмнитца, рече, о благочестивыи царю, инем языком, но и паче же пишущим на святую нашу веру латынем и прочим еретиком, яко в царствующем граде Москве патриаршескии престол устроися токмо единою царскою властию». Далее приводятся сведения об отправке письма к четырем патриархам и о полученном от них согласии, хотя из статейных списков мы знаем, что ответ так и не был получен. Далее в соответствии со статейными списками говорится о приходе Константинопольского патриарха Иеремии в Москву, об учреждении здесь патриаршества и о возведении митрополита Иова на престол. Исследуемый источник не упоминает о переговорах по поводу места Московского патриарха в ряду других, но его составитель счел необходимым объяснить, почему «российский» патриарх (так он неоднократно называется в источнике) занял последнее в ряду патриархов место (после Иерусалимского патриарха): «Святителская же председания устроиша сему святому престолу имети, яко и преже, по Иеросалимском патриарсе не росииского ради патриаршеского престола умаления, яко новопоставлену, но почесть воздающее Еросалимскому патриарху спасенных ради страстеи Христа Бога нашего, яже в том святом граде Иеросалиме содеяшася». В тексте не приводится грамота об учреждении патриаршества, но содержится подробный рассказ о ее составлении и, главное, оформлении: «Написати на хартии златом и червлеными шармы и запечатлети царскою и святителскими печатми и руками и всех, яже о Христе собранных тогда священных архиереи росииския церкви и царского синглита, подписанми затвердити и в сокровищах царских сия непременно блюсти, яко да имат росииская церкви о патриаршестве совет и изложение и впредь идущие лета непременно по сему образу»[46]. Здесь же сообщается об устройстве четырех митрополий, об изменении статуса епископий и открытии кафедр в Астрахани и в Кореле. Далее следует панегирик патриарху Иову и царю Федору Ивановичу, сияющему «благочестием, яко солнце под небесем», но сообщается об отсутствии у него наследника и о роли в управлении Бориса Годунова.

Следующий большой раздел – это рассказ о Смутном времени, который изложен в соответствии с задачей возвеличивания Филарета. Его оценку дал С. Ф. Платонов, указав на то, что изложение исторических событий носит характер «служебный», «краткие замечания об общем ходе Смуты вводятся в рассказ для того только, чтобы лучше осветить патриотическую деятельность Филарета картиною общей шатости и разорения Руси»[47]. Здесь можно отметить только составляющие концепции: Борис Годунов обвиняется в убийстве царевича Дмитрия Ивановича и в том, что уничтожает всех родственников царя, а Федору Никитичу отдает приказание постричься в монахи. Лжедмитрий изображается как простой воин Юшко Отрепьев, в монашестве Григорий; указано, что он служил патриарху Иову. Цель Лжедмитрия – «благочестивое царствие разрушити и веру чюжую привести». Василий Шуйский и патриарх Гермоген возводят Филарета на митрополию Ростовскую (что, как отметил еще С. Ф. Платонов, противоречило другим источникам). Пострижение Василия Шуйского изображено как добровольное: «лутче судив стяжати небесное богатство и водворение со святыми, нежели имети привременное царство и греха сладость». Пребывание Филарета с посольством в Польше изображено как одиночное заключение, длившееся девять лет. Далее следует рассказ о его возвращении и торжественной встрече с сыном-царем, который «главу яко отцу и учителю к ногам сего поклоняет». Известие отмечает, что Филарет Никитич сподобился такой чести, которой не удостаивались ни цари, ни патриархи. Приход Иерусалимского патриарха Феофана также возвеличивает Филарета: «И в сих разуме быти Божию промыслу, яко да паки на престол Божии Росииския церкви возведен будет святеишии патриарх, не нужда ради своими епископы поставляем, но от лучшаго и высочаишаго святителя равныи тому святитель рукоположен будет»[48].

Если все рассмотренные ранее части занимали 14 страниц печатного текста, то последующий раздел составляет 21 страницу. Он включает в себя рассказ об избрании и поставлении патриарха Филарета, а также (на 6 страницах) грамоту патриарха Феофана. 12 страниц содержат «Чин наречения и поставления на превысочайший престол» Филарета Никитича[49]. Несомненно, что составители чина использовали сохранившийся «Чин поставления патриарха Иова». Над Филаретом была совершена новая хиротония[50].

Отмечу, что патриарший титул не был устойчивым. В «Чине поставления» встречаем «Патриаршество Московское и всея Руси», «престол царствующе-

пись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки. М.: [ИРИ РАН], 2009. С. 324–327.

[46] ДАИ. Т. II. С. 191–193.

[47] Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 200–221.

[48] ДАИ. Т. II. С. 194–196, 198, 200.

[49] Там же. С. 209–221.

[50] О повторной хиротонии см.: Белякова Е. В. «Церковные новины» и учреждение патриаршества в России: (к вопросу о значении учреждения патриаршества в XVI в.) // 400-летие учреждения патриаршества в России. От Рима к Третьему Риму. Roma: Herder Editrice Libreria, 1991. С. 90–91; Успенский Б. А. Указ. соч. С. 95–97.

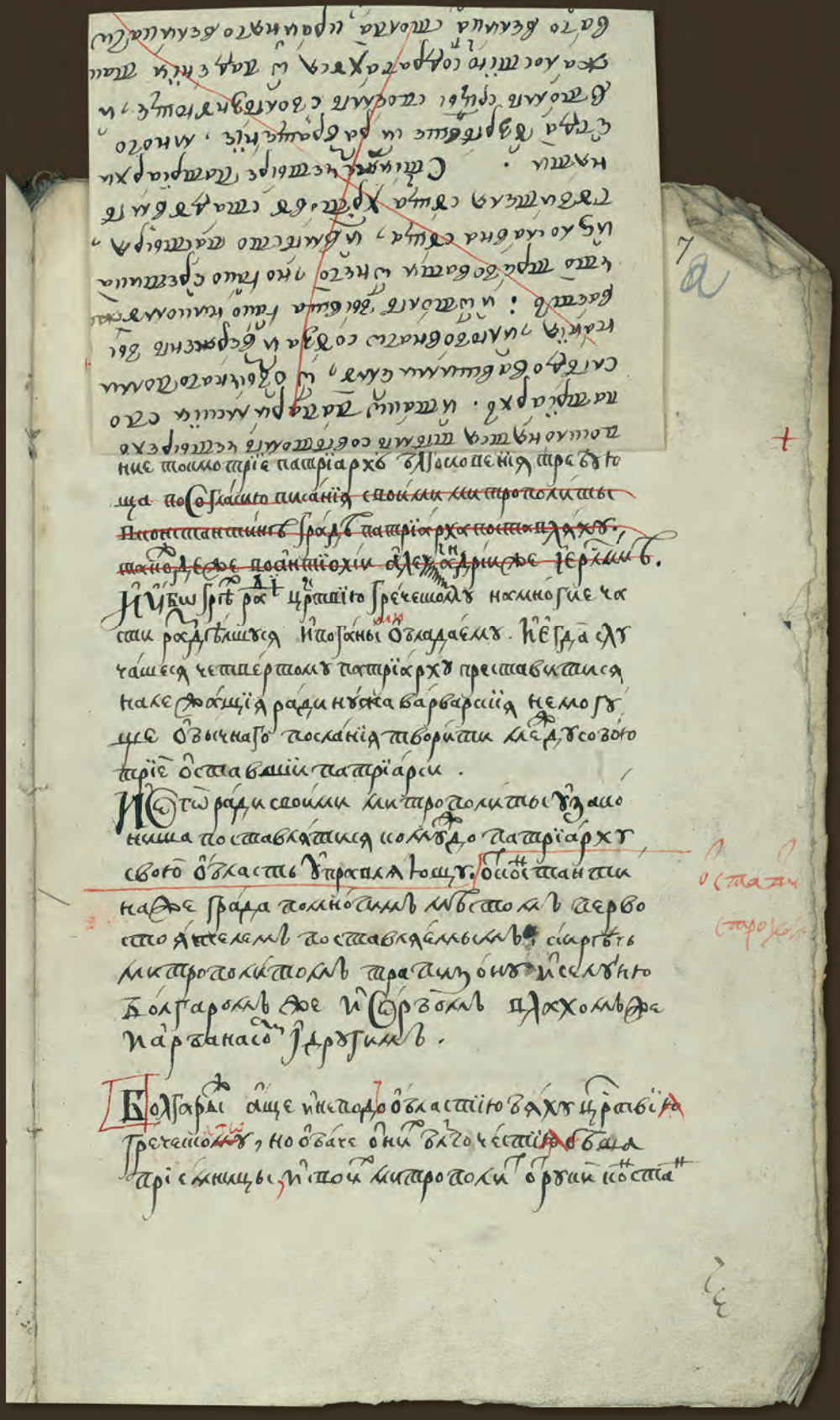


Рис. 1. Исправления в рукописи (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 548. Л. 7)

го града Москвы и Великия Росии», «Патриаршество Богом спасаемого царствующаго града Москвы и всея Великия Росия», «Патриарха Росиискаго и всеа Русии», «Патриарха Московского и всеа Руси». Среди атрибутов поставления необходимо отметить посох митрополита Петра, который дал патриарху Филарету патриарх Иерусалимский Феофан[51]. Система составления чинов различных действ на Руси известна уже по спискам XVI в.[52].

В Известии о грамотах обязательно сообщается, какими чернилами они написаны, как подписаны, где хранятся. Утрата во время пожара ставленой грамоты, данной Иерусалимским патриархом Феофаном Филарету, вызывала у последнего большую тревогу[53]. Видимо, в связи с этой утратой и был составлен данный памятник, призванный заменить сгоревший документ. Феофану было направлено послание с просьбой о присылке новой грамоты, что он и исполнил, другая грамота была вновь составлена русскими иерархами[54].

Таким образом, Известие представляет собой ценный источник по истории патриаршества Филарета. Оно показывает, как складывалась концепция истории Русской церкви и династии Романовых. По сути, это создание историографического памятника уже Нового времени. В нем ясно прослеживается связь как с летописанием, так и с приказным делопроизводством. Значение этого источника возросло после того, как Известие было переработано по указанию патриарха Никона и помещено на первых дополнительных 37-ми листах Кормчей, вышедшей в 1653 г. Известие подверглось при этом значительному редактированию в части, непосредственно связанной с историей патриарха Филарета, из которой был изъят раздел, относящийся к Смутному времени, и «Чин поставления в патриархи», но оставлена грамота патриарха Феофана[55]. О том, что редактирование Известия происходило непосредственно при внесении в Кормчую, свидетельствуют исправления в рукописи [РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 548. Л. 7], с которой делался набор Кормчей.

Приведенный факт свидетельствует, что нет никаких оснований считать помещенное в Кормчей Сказание первоначальной редакцией. Редактор перерабатывал текст, составленный при патриархе Филарете.

[51] ДАИ. Т. II. С. 219.

[52] Щапов Я.Н. К изучению «Чина венчания на царство Ивана IV» // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: IX Семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», Москва, 29–31 мая 1989 г. М.: [ИРИ РАН], 1995. С. 213–225.

[53] ДАИ. Т. II. С. 278–279.

[54] СГГиД. Ч. III. № 46, 74.

[55] О характере переработки Известия: Белякова Е. В. Вводная статья Печатной Кормчей как памятник церковной историографии // «Свое и чужое» в культуре. Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2011. С. 391–406.

E. V. Belyakova

Notification of the Establishment of the Patriarchate in Russia: an Unused Source on the History of the Patriarch Philaret's Epoch

Key words: the news about the establishment of Patriarchate in Russia, Patriarch Philaret, clerical institutions, confessionalization.

Abstract: The article provides evidence of new dating (the end of the 1620s) of the news about the establishment of the Patriarchate and about the inauguration of Patriarch Philaret; the amendments made to the text during its publication were analyzed. The record has been considered in the context of Patriarch Philaret's epoch. New developments in the institute of the Patriarchate were marked, which allows to say that there were some processes in Russia which were called "confessionalization" in Europe.

Приложение

Сравнительный анализ текстов рукописи из РГИА, Известия о поставлении Филарета и Сказания Печатной Кормчей

Заклеенный текст[1]	**Известие о поставлении Филарета**[2]	**Вставленный текст**[3]	**Сказание Печатной Кормчей**[4]
И вместо пастыря губителя суща Христову стаду бывша вменяти[5] …ние токмо трие патриарх благословениа требующа по согласию писания своими митрополиты в Константине граде патриарха поставляху такожде во Антиохии Александрии же Иерусалиме и убо грех ради царствию греческому на многие части разделшуся и погаными обладаему и егда случашеся четвертому патриарху преставитися належащия ради нужа варварскиа не могуще обычного послания творити между собою трие оставшие патриарси. И сего ради своими митрополиты узакониша поставлятися комуждо патриарху свою оюласть управляющу.	и вместо пастыря губителя суща Христову стада бывша. Оттоле же на киижждо патриаршеский престол избрание токмо триех патриарх благословение требующа по согласию писания своими митрополиты в Костянтин град патриарха поставляху, такожде же во Антиохии, Александрии же Иеросалиме. И убо, грех ради царствию греческому на многие части разделшуся и поганы обладаему, и егда случашеся чевертому патриарху преставитися належащия ради нужа варварския не могуще обычнаго послания творити между собою три оставшиеся патриарси. И сего ради своими митрполиты узакониша поставлятися комуждо патриарху свою область управляющу.	Паче оставше во благочестии сами же патриарси со своими митрополиты и епископы и со всем своим богоснабдимым причетом Богом наставляемы и укрепляемы и друг друга снабдеваеми и наставля(юще)еми(о святем и животворящем Дусе и тако)[6] на многа лета пребываху и пасяху Богом порученное им стадо яко зеницу ока храняще. Егда же бо от сих четырех патриарх един к Богу отхождаше, и тогда же трии святии патриарси по совету между собою четвертаго патриарха хиротонисаху и на патриаршеский престол возвождаху.	Паче оставше во благочестии со своими митрополиты, и архиепископы и епископы, и со всем своим богоснабдимым причетом, Богом наставляеми, и укрепляеми, и друг другом снабдеваеми и наставляеми на много лета пребываху и пасяху Богом порученое им стадо, яко зеницу ока храняще. Егда бо от сих четырех патриарх, един к Богу отхожаше, тогда трие святии патриарси по совету междоу собою четвертаго патриарха хиротонисаху, и на патриаршеский престол возвождаху.

[1] РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 548. Л. 7.
[2] ДАИ. СПб.: тип. Э. Праца, 1846. Т. II. С. 187–188.
[3] РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 548. Л. 7.
[4] Кормчая. М., 1653. Л. 5.
[5] Далее строка не читается.
[6] В скобки взято зачеркнутое в рукописи.

А. В. Сиренов

Описание древнекняжеского некрополя и канонизационная политика в России XVII в.

В настоящее время известно несколько текстов, описывающих древнекняжеские некрополи старых русских городов, – так называемые описи древних гробниц. Благодаря им мы знаем, что в XVII в. специально описывались погребения князей и епископов домонгольского и удельного времени в Москве, Владимире, Новгороде, Твери, Пскове, Нижнем Новгороде и Рязани[1]. Вполне возможно, что некоторые описи остаются до сих пор неизвестными. Причина этого в недостаточной изученности русской рукописной книги XVII в. Описи древних гробниц, небольшие по объему (от полустраницы до двух–трех листов рукописного кодекса in quarto), находятся в составе сборников смешанного состава, в большей части не имеющих подробного археографического описания.

Почти все известные нам описи дошли в списках XVII в., и наиболее вероятным на первый взгляд представляется, что в XVII в. они и были составлены. Для некоторых описей датировка XVII в. бесспорна. Так, одна из двух описей новгородских гробниц, судя по указанию в ее тексте, была составлена в 1634 г. московским протопопом Максимом по заказу царицы Евдокии Лукьяновны[2]. Одна из двух тверских описей датируется 1669 г. Она связана с царским вкладом в Спасо-Преображенский собор Твери на помин души царицы Марии Милославской[3]. Однако можно утверждать, что не все описи были составлены в XVII в. Некоторые из них относятся к XVI в. Это касается прежде всего описей владимирских гробниц. Их известно восемь. Самая ранняя владимирская опись [РНБ, ОЛДП, О.5] так описывает некрополь Успенского собора Княгинина монастыря: «…В приделе Благовещения Пречистые Богородицы, на правой стране, лежит великая княгиня Мария Всеволожа, во иноцех Марфа, да великая княгиня Анна Всеволожа. Да в том же приделе лежит на левой стране святый Авраамей, мученик Христов, за Христа замучен в Болгарех. А в другом приделе – Рожества Христова – лежит великаго князя Александра Невскаго великая княгиня Василиса да великая княжна Евдокея девица…» (л. 195–195 об.). Другая ранняя опись [РГБ. Ф. 98 (собр. Егорова), № 702] после описания гроба княжны Евдокии числит неизвестную гробницу: «А подле ея в другом гробе в каменном же лежат мощи неведомо чьи» (л. 225 об.). Эта же формулировка присутствует в третьей описи [РГБ. Ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры). № 810]. Все остальные владимирские описи атрибутируют это погребение второй жене Александра Невского и называют ее Александрой. Перед нами, по всей видимости, пример средневековой атрибуции погребения. В данном случае важно отметить, что эта атрибуция состоялась уже в XVI в. Некрополь владимирского Княгинина монастыря описан в Степенной книге – памятнике исторической мысли середины XVI в.: «…В приделе Христова Рожества от юга на правой стране положены быша великая княгини Александра да великаа княжна Евдокиа. А на левой стране великаа княгини Василиса. А в приделе Благовещениа от севера на правой стране великаа княгини инока Марфа Шварновна да великаа княгини Анна. А на

[1] Сиренов А. В. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII века // История в рукописях и рукописи в истории: сб. науч. тр. к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 399–414; Его же. Описание древнерусских некрополей в рукописях XVI–XVII вв. // РА. 2011. № 1. С. 120–124.

[2] Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: церковная традиции и историческая критика. М., 1988. С. 217.

[3] Топычканов А.В. Некрополь Тверского Спасо-Преображенского собора по описанию 1669 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2003. Вып. 5. С. 349–363.

левой стране мученик Авраамий»[4]. Как видим, атрибуция погребения княгини Александры здесь уже присутствует. Упомянута княгиня Александра и в выписке из панихидных книг, которая активно переписывалась во Владимире в XVII–XVIII вв. В ней говорится о панихидах над гробницами владимирских князей, княгинь и епископов, причем начинается документ ссылкой на указ Ивана IV[5]. Таким образом, атрибуция гробницы княгини Александры состоялась уже в XVI в., а это значит, что древние гробницы во Владимире начали описывать уже в XVI в.

Следует иметь в виду, что такого количества описей гробниц, как во Владимире, ни в одном другом городе не зафиксировано. Большинство городских некрополей представлено только одной описью. Таковы некрополи Пскова, Нижнего Новгорода, Рязани. Новгородский некрополь описан дважды, а московский и тверской – трижды. Вполне вероятно, что некрополи Пскова, Новгорода, Нижнего Новгорода и Рязани не описывали в XVI в., поскольку в этих городах нет погребений непосредственных предков московских Рюриковичей, а московские самодержцы XVI в. были заинтересованы в прославлении линии своих предков. В XVII в. принцип династической монархии потерял свою актуальность, поскольку на русском престоле сменилось три династии. Романовы первое время подчеркивали свое родство с Рюриковичами. Михаил Федорович объявлял себя племянником царя Федора Ивановича и внуком Ивана Грозного. Например, в царской жалованной грамоте Спасо-Преображенской Иннокентиевой Комельской пустыни от 29 сентября 1623 г. читаем: «А сказали, что была де у них жалованная грамота... деда нашего Ивана Васильевича и дяди нашего... Федора Ивановича…»[6]. В составленном в 40-е гг. XVII в. хронографическом сборнике известного соловецкого книжника и справщика Московского печатного двора Сергия Шелонина, который помещен в конвое к Азбуковнику [РНБ, Соловецкое собр., № 18/18 на л. 566–623][7], о царе Михаиле Федоровиче Сергий Шелонин пишет: «Седе на престоле Российского государства прародителей своих и дяди своего царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси» (л. 634 об.). Можно привести и другие примеры того, как идеологи первой половины XVII в. пытались представить Романовых династическими наследниками Рюриковичей. Однако количество таких примеров не свидетельствует об их убедительности. Не случайно в царствование Алексея Михайловича эта идея утратила свою популярность.

Итак, вероятно, именно при Романовых было составлено большинство описей древних гробниц. По преимуществу они описывают некрополи удельных князей, которые не вызывали интереса в XVI в. В то время, в эпоху борьбы за международное признание титула русского царя, было важно доказать царственное происхождение московских самодержцев, поэтому обращали внимание в основном на погребения их непосредственных предков. В XVII в. ситуация изменилась. Старательно выделенная линия предков Ивана IV только подчеркивала незнатное происхождение новой династии. В то же время связь с правителями предшествующих эпох была желательна. Именно поэтому в исторических произведениях второй половины XVII в., таких, как Василилогион или Титулярник, внимание читателя сосредотачивается на целом ряде древнерусских князей, которые тем не менее не составляют одну династическую ветвь. Такой же принцип можно проследить и при описании древнекняжеских некрополей в XVII в. – тщательно описывались некрополи удельных князей, а именно гробницы в Твери, Нижнем Новгороде, Рязани. Отметим, что некрополи не только описывались, к погребениям древнерусских князей проявляли интерес представители царской семьи. Выше упоминалось составление описи новгородских гробниц в 1634 г. по заказу жены царя Михаила Федоровича, который несколькими годами позже, в 1640 г., распорядился изготовить покровы на гробницы матери и брата Александра Невского в Георгиевском монастыре г. Владимира[8]. В 1669 г. в связи с кончиной жены царя Алексея Михайловича Марии Милославской были изготовлены покровы на гробницы тверских князей. В 1677 г. местные власти освидетельствовали княжеские погребения XII в. в с. Кидекше под Суздалем[9]. В результате

[4] Степенная книга по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. Л. 267 об.

[5] Доброхотов В. Памятники древности во Владимире Клязменском: соборы кафедральный Успенский и бывший придворным великого князя Всеволода Дмитриевский. М., 1849. С. 60. При этом княгиню Александру не знает Царский синодик, составленный в 50-е гг. XVI в. Впрочем, в нем упомянуты не все владимирские княгини. Так, в нем нет Марии Шварновны (Каштанов С. М. Царский синодик 50-х гг. XVI в. // Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1. С. 399–400, 404–405).

[6] РГБ. Ф. 281. № 120/2691. Л. 1. Об этой грамоте см.: Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 215. За указание на эту грамоту благодарю С. М. Шамина.

[7] См. об этом: Сапожникова О. С. Азбуковник Сергия Шелонина и идеология Соловецкого восстания // Международная научная конференция «Книжное наследие Соловецкого монастыря XV–XVII вв.», 5–10 сентября 2005 года: тез. докл. Соловки, 2005. С. 38–42; Ее же. Русский книжник XVII века Сергий Шелонин: редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 379–432; Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 276–278.

[8] Миловский Н. М. Древние гробницы Георгиевской церкви губ. г. Владимира: (к статье М. А. Сперанского) // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1904. Кн. 6. С. 157–160.

[9] Об этом рассказывает в своем «Собрании о богоспасаемом граде Суждале» суздальский историк XVIII в. Анания Федоров (Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале [/ Ключаря тамошняго Собора Анании

суздальский архиепископ обратился с челобитной к царю Федору Алексеевичу, прося приписать Кидекоцкий монастырь к Суздальской епархии, «чтоб Ваше государское богомолие в пустоте и в нестроении не было, и гробы благоверных великих князей в забвении без украшения и памяти их без воспоминания не были»[10]. Здесь важно, что древнекняжеские погребения воспринимались как место царского богомолья, то есть ощущалась связь между древнерусскими князьями Рюриковичами и современными царями Романовыми. Можно думать, что со временем будут выявлены и другие факты почитания царями из династии Романовых погребений древнерусских князей в XVII в.

Концом XVII в. датируется факт переноса реликвий от гробницы одного древнерусского князя к погребению другого. Ярославская рукописная традиция донесла до нас следующий текст: «7206-го октября в 3 день Спасова монастыря ярославского архимандрит Иосиф принял против своего челобитья в Володимере Успения Пресвятыя Богородицы у протопопа Григория Гаврилова железную стрелу великаго князя Андрея с чады в Спасов монастырь в церковь Божию в Ярославль в похвалу великаго князя Феодора с чады, смоленских и ярославских чюдотворцев, сродича его Андрея Боголюбского с чады, понеже великий князь Феодор Ростиславич с чады девятый степению от великаго князя Владимира Киевскаго и всея России»[11].

Если мы обратимся к канонизационной практике XVII в., то встретим несколько случаев канонизации древнерусских князей. Почти все прославленные в XVII в. святые князья принадлежали к боковым ветвям рода Рюриковичей. Так, в 1645 г. был канонизирован владимирский князь Георгий (Юрий) Всеволодович, в 1650 г. – княгиня Анна Кашинская. В середине XVII в. состоялась местная канонизации нижегородской княгини Вассы-Феодоры. В 1699 г. были перенесены мощи княжны Евфросинии Суздальской, в 1701 г. – Андрея Боголюбского и его сына Глеба. В описи нижегородских гробниц об останках князя Бориса Константиновича читаем: «Принесены мощи его в Нижний Новъград з Городца во 179-м году марта в 14 день» (см. приложение). Церковного прославления князя Бориса Константиновича, впрочем, не последовало.

Нельзя сказать, что прямые предки Ивана IV в XVII в. не почитались. В 1652 г. произошло перенесение мощей князя Даниила Александровича Московского, с которым связывают его местную канонизацию. В 1697 г. были перенесены мощи Александра Невского в новую серебряную раку. Однако можно утверждать, что эти мероприятия не были инициированы царской властью. Как показано Л. А. Беляевым, перенесение мощей Даниила Московского никак не было замечено при дворе и не привело к официальной канонизации святого князя[12]. Это событие готовилось в монастыре еще с середины XVI в., когда было составлено Житие Даниила, отразившееся в Пискаревском летописце и в переработанном виде – в Степенной книге. В 90-е гг. XVI в. написали службу Даниилу[13], и только в 1652 г. состоялось перенесение его мощей, на котором не присутствовали ни царь, ни патриарх. Для сравнения укажем, что на церемонию перенесения мощей князя Георгия Всеволодовича Владимирского в 1645 г. во Владимир приехали и царь Михаил Федорович, и патриарх Иосиф.

Мощи Александра Невского до конца XVII в. почивали в белокаменном саркофаге, то есть в том виде, в каком тело князя было похоронено в XIII в. Впервые о белокаменной гробнице Александра Невского сообщает Степенная книга, в которой ее автор царский духовник Андрей-Афанасий описывает исцеление, свершившееся с ним от мощей Александра Невского: «И виде же близ помосту церковнаго на гробе блаженаго малу скважню, и яко уразумети хотя, что есть скважна она, и вложих прьсты руки моея въ скважню ту, и очютих, яко в масть некую омочих руку мою…»[14]. Нет сомнений, что имеется в виду белокаменная гробница, а не специальный реликварий. Скважня, то есть щель, могла образоваться именно в гробнице, изготовленной из известняка и несколько столетий простоявшей в соборе, неоднократно горевшем и разоряемом неприятелями. В XVII в. мощи Александра Невского также, судя по всему, пребывали в белокаменной гробнице. После вскрытия мощей Александра Невского в 1922 г. из гробницы была извлечена записка, которая нам известна по фотокопиям [БАН. Собр. воспроизведений. Оп. 2. № 75; РНБ. Ф. 585

Федорова; дост. Я. А. Соловьевым] // Временник Императорского Московского ОИДР. М., 1855. Кн. 22. С. 91–92 (Материалы). (Разд. паг.).

[10] Там же. С. 94.

[11] РНБ. F.IV.679. Л. 646. См. изд.: Бычков А. Ф. Заметки о хронографе ярославского священника Федора Петрова. Ярославль, 1890. С. 6–7.

[12] Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1995. С. 94–95.

[13] Алехина Л. И. Время патриарха Иова и Служба князю Даниилу Московскому // Иерархия в Древней Руси: материалы XII Рос. науч. конф., посвящ. памяти святителя Макария. Можайск, 2005. С. 260–272; Ее же. «От пречастнаго корене израсте ветвь преславная…»: (о гимнографическим образце Службы благоверному князю Даниилу Московскому середины XVII века) // Воинство земное – воинство небесное: материалы XVIII Рос. науч. конф. памяти святителя Макария. Можайск, 2001. Вып. 18. С. 338–358; Ее же. Об авторстве и времени создания первой службы благоверному князю Даниилу Московскому (возвращение к теме) // Священные войны России: материалы XX Рос. науч. конф. памяти святителя Макария. Можайск, 2013. Вып. XX. С. 153–161.

[14] Степенная книга по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. С. 270.

(С. Ф. Платонов). № 7058]. На ней скорописью XVII в. написано: «189 мая в 20 день собраны сия мощи благовернаго князя Александра после церковнаго горения, тогда бо погореша вси иконы». Получается, что в 1681 г. в пожаре сгорел весь церковный интерьер, а мощи Александра Невского уцелели, быть может, не полностью, но все же не сгорели дотла. Это могло быть при условии пребывания их в каменном саркофаге. Вероятно, после этого пожара была изготовлена первая рака. О ее существовании мы узнаем из Слова на переложение мощей Александра Невского в новую раку. Это событие состоялось в 1697 г. по инициативе постриженника владимирского Рождественского монастыря патриаршего ризничего Боголепа Яковлева. В Слове упоминается старая рака: «…Мощи святаго благовернаго великаго князя Александра Невскаго в монасех преподобнаго отца Алексиа Владимирскаго и всея России чюдотворца лежат в соделанной изстари ракке, которая по доношению к Нашей Мерности от тамо ныне сущаго архимандрита Иосифа обветшала и лишися приличныя красоты»[15]. Скорее всего, эта рака была установлена после пожара 1681 г., а ее лишенный красоты вид свидетельствует не о древности, а об изначально скромном оформлении. Не случайно после переложения мощей в новую раку о старом реликварии ничего не известно, хотя обычно старые раки бережно хранили и воспринимали как церковную реликвию[16]. Таким образом, можно говорить о том, что в XVII в. память предков Ивана IV не была окружена особым почитанием. Пренебрежения по отношению к ним, конечно, не выражали. Внимание к погребениям удельных князей должно было, как представляется, уравнять в статусе древнерусских князей, относящихся к разным династическим линиям Рюриковичей. В результате у современников складывалось представление о некоем «сонме» древних правителей, генеалогические связи между ними, а также династическая преемственность с Романовыми была не важна. Вместо нее формировалась иная, мистическая, связь посредством почитания царями как всего «сонма» древнерусских князей, так и отдельных его представителей.

В приложении публикуем полный корпус обнаруженных нами описаний древнекняжеского некрополя XVII в.

[15] Сиренов А. В. Патриарший ризохранитель Боголеп и два памятника монастырской книжности конца XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 251.

[16] См.: Тимофеева Т. П. Владимирские гробницы и раки Александра Невского // Владимирский некрополь. Владимир, 2002. Вып. 5. С. 90–95.

A. V. Sirenov
The Ancient Princely Necropolis and the Politics of Canonization in the 17th-century Russia

Key words: Canonization, hagiography, saint Princes, necropolises studies, the history of Russia of the 17th century, ancient princely necropolis, hagiology.

Abstract: The article considers the description practice of an ancient princely necropolis in the 17th century. An assumption is made that the description of ancient princely burials in the 17th century was connected with the canonization of certain representatives of the Rurik Dynasty's side branches. As a result of that an idea was formed about a certain "host" of saint rulers versus the conception of the dynastic monarchy of the 16th century.

Приложение

Московский некрополь

Роспись царских гробов и великих князей, которые лежат у архангела Михаила в соборе и в пределех у Иванна списателя Лествицы на правой стороне возле стены. Гробница благовернаго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, во иноцех Ионы, преставися в лето 7092 марта в 19 день. Гробница благовернаго царевича Ивана Ивановича всеа Русии, преставися в лето 7090-го году ноября в 19 день. Гробница благовенаго царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии, преставися в лето 7106-го году генваря в 6 день. В соборной церкви у архангела Михаила на правой стороне:

Гробница благовернаго великого князя Василья Ивановича всеа Русии, во иноцех Варлама, преставися лета 7042-го декабря в 4 день. В той же гробнице положен царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии сын царевичь Дмитрей, преставися лета 7062-го июня в 6 день. Гроб благовернаго велико-

го князя Ивана Васильевича всеа Русии, преставися лета 7013-го октября в 28 день. Гроб благовернаго великого князя Василья Васильевича всеа Русии, преставися лета 6970-го марта в 28 день. Прошед двери железные 3 гробницы: гробница великого князя Георгия Васильевича Московского, преставися в лета 7072-го ноября в 22 день; в других же гробница великого князя Симеона Ивановича, преставися в лета 6861-го апреля в 26 день; в третьих гробница благовернаго великого князя Ивана Даниловича, преставися в лета 6809-го марта в 31 день. Другая три гроба: гробница государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и чад его царевича князя Ивана Михайловича и царевича князя Василия Михайловича, а преставися государь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии в лета 7153-го июля в 12 день, а царевичь Иван преставися в лета 7146-го генваря в 10 день, а царевичь Василей преставися в лета 7147-го марта в 26 день. Гроб благовернаго великого князя Ивана Ивановича, преставися в лета 6867-го ноября в 13 день. Гробница благовернаго великого князя Дмитрея Ивановича Углечского, преставися в лета 7029-го февраля в 14 день. Гробница благовернаго великого князя Василия Дмитреевича, преставися в лета 6933-го февраля в 27 день. Гробница благовернаго великого князя Ивана Ивановича, преставися в лета 6998-го марта в 7 день. Гробница благовернаго великого князя Дмитрея Ивановича, преставися в лета 7012 февраля в 14 день. Х казенному двору в углу 2 гроба: гробница великого князя Андрея Ивановича, третьево сына великого князя Ивана Даниловича, преставися в лета 6962-го июня 6 день; а в других гробница великого князя Владимера Андреевича, преставися в лета 6918-го августа в 12 день. 10 гробов: гробница великого князя Георгия Дмитриевича Донского, преставися в лета 6940-го августа в 19 день; гробница великого князя Андрея Дмитреевича Донского, преставися в лета 6940-го июня 10 день; гробница великого князя Петра Дмитреевича Донского, преставися в лета 6936-го августа в 10 день; гробница великого князя Ивана Васильевича, большой брат князя Василья Васильевича Темнаго, преставися в лета 6925-го июля в 10 день; гробница великого Семиона Ивановича Калуского, преставися в лета 6026-го июня в 26 день; гробница благовернаго князя Георгия Васильевича Дмитровского, брат великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, преставися в лета 6981-го сентября в 12 день; гробница великого князя Бориса Васильевича Волоцкова, преставися в лета 7002-го маия в 29 день; гробница великого князя Андрея Васильевича, меншей брат великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, преставися в лета 6989-го июля в 5 день; гробница великого князя Ивана Владимеровича Донского, преставися в лета 6931-го октября в 7 день; гробница великого князя Афонасия Владимеровача Донского, преставися в лета 6934-го августа в 16 день. На левой стороне у столпа гробница царевича Петра Ибреимовича, сына Матякова царя Казанского, преставися в лета 7017-го марта в 13 день. А за тем столпом на левой стороне гробница благоверного царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии, преставися в лета 7121-го сентября в 12 день. А подле царя Василья в угол 3 гробницы: гробница благовернаго князя Владимера Андреевича; гробница благовернаго князя Василья Андреевича; подле стены в углу гробница великого князя Андрея Ивановича Старицкого. С площади под стеною 3 гробницы: гробница великого князя Юрья Ивановича Дмитровского; гробница великого князя Андрея Владимеровича Большова; гробница князя Андрея Васильевича Углецково Большова. У северных дверей гробница великого князя Василья Ослановича. Гробница подле леваго крылося у столпа великого князя Александра Казанского. У Архангела же в пределе у Ивана Предтечи гробница боярина князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

РНБ. Погодинское собр. № 1605. Л. 135–141 об.

Псковский некрополь

Во Пскове в соборной церкви у Живоначалные Троицы опочивают под спудом благовернии великии князи: князь Всеволод, князь Домант, князь Георгии Витовтовичь литовской, князь Даниил, князь Севастиян, князь Еустафий з детьми. Епископи: первый епископ Мисаил, епископ Генадий, епископ Силивестр, архиепископ Иоаким, Никола юродивый.

Да за Великою рекою в девичье монастыре у Предтечи Иоанна опочивают под спудом же мощи великия княгини Марии, жены великаго князя Доманта, а во иноцех Марфы, да мощи же великия княгини Евдокии, а во иноцех Евпраксии, тетки великаго же князя Доманта, да возле их опочивают мощи же рабыни их двух преподобных стариц Сундулии и Сигклитикии.

РНБ. Погодинское собр. № 1563. Л. 95 об.

Тверской некрополь

Соборная церковь боголепное Преображение во Тфере граде, а в нем опочивают благоверныи великии князи и великия княгини и епископи. Во олтаре почивает великий князь Ярослав Ярославичь во иноцех Афонасий. Да в предние двери вшед на праве у столпа четыре великие князи опочивают во гробех в каменных: великий князь Александр, Георгий, Иванн и Борис. А на левой стране против великая княгиня Мария да Евдокея во иноцех Евфросиния. За архиепископовым местом епископ Тферский Симеон да Андрей, Варсонофий. В пределе Введения Пресвятей Богородицы вшед на правой стороне

опочивает великая княгиня Ксения во иноцех Мария, великаго князя Михаила Ярославича мати. На другой стране опочивает епископ Феодор, в пределе Дванадесять апостол во олтаре Илия епископ. А в церкве тутo же на левой стороне три епископа опочивают: Антоний да Евфимий да Захарий. А в пределе у Димитрия Селунскаго опочивают Дорогобужъские князи. В пределе у Александра святаго на левой стороне великии князь Михайло Ярославичь Тверский чюдотворец. А на правой стороне в том же храму великая княгиня Евдокея во иноцех Евфросиния, да великая княгиня Евдокея во иноцех Феодосия, да великая княгиня Мария, да княгиня Мария, великая княгиня Анастасия во иноцех Афанасия. Во олтаре на правой стороне опочивают великия князи Александр да Димитрий, да князь Александр, великий князь Михайла, великий князь Иоанн.

РНБ. Погодинское собр. № 1563. Л. 96–96 об.

Нижегородский некрополь

Описание имен, которыя благоверныя великия князи и благоверныя великие княгини опочивают в Нижнем Новеграде в соборной церкви благолепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Вшед в церковь в западныя двери, на правой стране во углу от стены гроб благоверныя княгинии Анны Грековныи, супруги благовернаго князя Констянтина Юрьевича. Подле ее гроб благоверныя княгини Вассы схимомонахинии Феодоры, супруги благовернаго князя Андрея Констянтиновича. Выше тех дву гробов гроб благовернаго князя Иоанна Димитриевича, глаголемого Брюхатой. Выше того гроба три гроба сряду: гроб от стены благовернаго князя Констянтина Юрьевича, внука Всеволода, вторый гроб от стены сына его благовернаго князя Андрея, третий гроб от стены сына же благоверънаго князя Димитрия Костянтиновича. Выше тех триех гробов гроб благовернаго князя Симиона Иванновича. Выше того гроба гроб благовернаго князя Иоанна Борисовича, глаголемаго Тугой Лук, внука благовернаго великаго князя Констянтина Юрьевича. Выше того гроба гроб у дверей южных благовернаго князя Василия Дмитриевича. От южных дверей ко олтарю на степенях гроб благовернаго великаго князя Бориса Констянтиновича, а принесены мощи его в Нижний Новъград з Городца во 179-м году марта в 14 день.

А поминовение им творити и литургии служити соборне архимандритом и протопопом и игуменом и ружных церквей священником по жалованным государским грамотам.

РНБ. F. XVII.2. Л. 881–882.

Рязанский некрополь

В Переславце Рязанском в соборной церкви гробницы великих князей Рязанских. На правой стороне от стены великий князь Феодор Ольгович, подле ево сын ево великий князь Иоанн Феодорович, подле ево сын ево великий князь Василей Иванович, подле ево сын ево великий князь Иоанн Васильевич, да одинакая гробница великий князь Феодор Васильевич Третной. На левой стороне гробница от стены великая княгиня Анна Дмитриевна, Дмитрия Ивановича Донскаго дочь.

О поставлении Солотче[нскаго монастыря]

О поставлении Солотченскаго монастыря в лето 6898-го. Поставлен бысть сей святый честный монастырь святыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Рожества в дни благовенаго великаго князя Ольга Ивановича замышлением игуменов Василия и Еуфимия, нашедше на место в пустыни за рекою Окою на усть речки Солотчи.

Сборник посл. четв. XVII в. РГБ. Ф. 29 (И. Д. Беляев). № 9. Л. 8 об.

Н. В. Башнин

Вологодские степенные и нестепенные монастыри в XVI–XVII вв.*

В историографии уже неоднократно отмечалось, что участвовать в заседаниях Освященного собора и подписывать грамоты о решении важных церковных и государственных вопросов могли лишь некоторые из церковных иерархов[1]. Тем не менее, вопрос о причинах появления у отдельных монастырей особого статуса («степени») и/или архимандритии в XVI–XVII вв. разработан недостаточно. Задача настоящей статьи – выявить на примере монастырей из Вологодской епархии факторы, которые способствовали выделению той или иной обители в церковной среде.

Прежде чем перейти собственно к вологодским материалам, остановимся на нескольких работах общего характера. А. П. Павлов проанализировал законодательные акты и «лествицы» за вторую половину XVI – первую половину XVII в. и показал, что в Москву собиралось от 22 до 47 архимандритов, игуменов и келарей определенных монастырей[2]. В Соборном уложении 1649 г. в главе X «О суде» перечислено 49 монастырей, за «бесчестье» настоятеля которых взимался дифференцированный штраф в размере от 15 до 100 рублей[3]. Из текста этого законодательного памятника следует, что внесены эти обители на основании представленной церковными властями общероссийской «лествицы»: «А которых монастырей в лествице не написано, и тем по суду класть за бесчестье: архимаритом по десяти рублев; игуменом по осми рублев; келарям и казначеем по шти рублев»[4].

Как показывает таблица 1, составленная А. П. Павловым и дополненная мной на основании «лествицы» патриарха Филарета 1621–1625 гг.[5], состав монастырей, настоятели которых приглашались в Москву, во второй половине XVI – первой половине XVII в. отличался заметным постоянством и включал всего лишь несколько десятков монастырей.

Согласно подсчетам Я. Е. Водарского, во второй половине XVI в. на Руси было 536 монастырей и пустынь, а к концу XVII в. их количество увеличилось до 708[6]. Как видим, эти цифры значительно превышают количество обителей, архимандриты и игумены которых участвовали в церковном управлении. Сопоставим данные Водарского о количестве монастырей в Российском государстве в конце XVI в. и «лествицу» патриарха Иова 1598/99 г. В этом церковном документе упомянуто 47 монастырей, что в 11 раз меньше их общего количества. Возникает вопрос, на основании чего именно эти обители вошли в «лествицу», получили общегосударственное признание и, как правило, архимандритию?

* Статья написана при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-5985.2015.6.

[1] О функционировании Освященного собора и ходе заседаний на основе опубликованных документов, например, см.: Лихницкий И. М. Освященный собор в Москве в XVI–XVII веках // Христианское чтение. 1906. № 3. С. 437–453; 1906. № 5. С. 716–734.

[2] Павлов А. П. Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества // Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen, 14.–17. Jahrhundert / hrsg. von L. Steindorff. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. S. 74–77.

[3] Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / подготовка текста Л. И. Ивиной; комментарии Г. В. Абрамовича, А. Г. Манькова, Б. Н. Миронова, В. М. Панеяха. Л.: Наука, 1987. Ст. 32–80.

[4] Там же. Ст. 81.

[5] Румянцева В. С. Российская церковная иерархия в конце XVI – первой половине XVII века (к постановке проблемы). Прил.: «Лествица» патриарха Филарета // Церковь в истории России. М.: ИРИ РАН, 2005. Сб. 6. С. 18–34.

[6] Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI – начало XX в.). Тула: Гриф и К, 2009. С. 535. См.: Аверьянов К. А. Рец.: Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI – начало XX в.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 353–355.

Д. Г. Давиденко, рассматривая эту проблему для XIV–XV вв., отметил, что исследователи «сходятся на том, что обладателем титула архимандрита был настоятель первого в городе монастыря, начальник городского монашества»[7]. О том, как и почему складывалась такая ситуация, ученые, как правило, не писали. Д. Г. Давиденко обратился к истории монастырей из разных городов (Нижний Новгород, Владимир, Галич, Переяславль, Серпухов, Боровск, Можайск, Череповесь, Коломна, Суздаль, Шуя, Ростов, Ярославль, Углич, Великий Устюг, Тверь, Кашин, Новгород, Псков, Волок Ламский), что позволило ему посмотреть на поставленный вопрос шире и выявить причины, по которым тот или иной монастырь становился главенствующим. По наблюдениям исследователя, основаниями для выделения обителей являлись: покровительство князя или митрополита, древность монастыря, а также то, что это была киновия с общежительным уставом[8].

Предваряя дальнейшие рассуждения, отметим, что определить точно количество вологодских обителей в XVI–XVII вв. затруднительно. До сих пор в литературе нет полного перечня монастырей и пустыней в границах Вологодского уезда и в границах Вологодской епархии. Решение этого вопроса, несомненно, является самостоятельной задачей и осложняется тем, что в разных исследованиях монастыри группируются каждый раз в пределах новой территории. У П. М. Строева в границах Вологодской епархии XIX в. названо 64 обители[9]. У В. В. Зверинского в границах Вологодской губернии упоминается 112 обителей[10]. Согласно последней работе Я. Е. Водарского, на территории Вологодской губернии в границах на 1917 г. было 114 обителей[11]. По данным Википедии, в современных границах Вологодской области было 134 монастыря, но в списке, приведенном там же, в семи благочиниях значатся 139 обителей[12]. Отмеченное расхождение объясняется разными исходными территориями, выбранными для исследования. Также следует учитывать и то, что в течение XVI–XVII вв. границы Вологодской епархии менялись, а обители появлялись и исчезали.

В перечне Водарского в XVII в. в Вологодском уезде названо около 40 монастырей и пустыней[13]. Назвать точную цифру монастырей в Вологодском уезде на данном этапе исследования сложно, поскольку некоторые обители, основанные в XII–XVI вв., в XVI–XVII вв. могли уже исчезнуть, а сведений об этом на данный момент нет. В дальнейшем будем отталкиваться от цифры в 23 монастыря. Именно такое количество степенных и нестепенных монастырей было названо в росписи 1620-х гг.[14]. Согласно росписи 1699 г., в границах Вологодской епархии было 24 степенных и нестепенных монастыря, пустыни упомянуты не были (исключение – Арсеньева Сахарусова). Этот документ 1699 г. публикуется ниже (приложение, № 9, рис. 5–7). Назовем степенные монастыри в иерархической последовательности, в которой они отмечены в перечне вологодских монастырей 1620-х гг.[15] и в росписи 1699 г.: Спасо-Каменный (архимандрития с 1568 г.), Спасо-Прилуцкий (архимандрития с 1651 г.), Павлово-Обнорский (архимандрития с 1694 г.), Дионисиево-Глушицкий, Корнильево-Комельский (архимандрития с 1693 г.[16]).

Каковы могли быть причины особого отношения к этим монастырям? П. А. Флоренский, рассматривая монастырскую генеалогию, указывал, что необходимо принимать во внимание духовное родство. Ученый пишет, что «по учению аскетов, духовную жизнь можно ... получить не иначе, как от имеющего ее уже старца. Она, вообще говоря, не может быть самоначальной»[17]. Опираясь на этот тезис, Флоренский привел генеалогическое древо русских монастырей, составленное А. Н. Муравьевым (рис. 1)[18]. Центральное место в этой схеме занимает Троице-Сергиев монастырь, основная ветвь от него идет к Симонову монастырю и Кирилло-Белозерскому. Особняком обозначен Спасо-Каменный монастырь, который также стоит во главе меньшей генеалогической ветви. Схожую работу провел И. К. Смолич и в несколько иной форме представил монастырскую структуру на Руси в XIV–XVII вв. (см.

[7] Давиденко Д. Г. Монастыри-архимандритии в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV–XV вв. // Средневековая Русь. М.: Индрик, 2012. Вып. 10. С. 248.

[8] Там же. С. 254, 261, 276, 328–331.

[9] Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. Стб. 736–737.

[10] Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. 1. С. 92; 1892. Т. 2. С. 30–31; 1897. Т. 3. С. 2.

[11] Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Указ. соч. С. 287–300.

[12] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_монастырей_Вологодской_области (дата обращения: 30 августа 2013 г.).

[13] Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Указ. соч. С. 287–300.

[14] Румянцева В. С. Опыт классификации монастырей в России в XVII в. Вологодская степень // Церковь в истории России. М.: ИРИ РАН, 1997. Сб. 1. С. 82–100.

[15] Там же. С. 94–95.

[16] Строев П. М. Указ. соч. Стб. 738, 742, 746, 751. Подробнее о получении архимандритии Павловым и Корнильевым монастырями см.: Шамина И. Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевладение и организация хозяйства: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / ИРИ РАН. М., 2003. С. 143–144.

[17] Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Ч. 4: Имя рода (история, родословие и наследственность). М.: Мысль, 2000. С. 44. (Соч.: в 4 т.; т. 3 (2)).

[18] Там же. С. 512–513; Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1855.

Таблица 1

Иерархическое расположение монастырей в «лествицах» и соборных актах последней трети XVI – первой половины XVII в.[1]

Монастыри	Перечень 60–70-х гг. XVI в.	Соборный приговор 1580 г.	Соборный приговор 1584 г.	Грамота церковного собора 1589 г.	«Лествица» патриарха Иова 1598/99 г.	Утвержденная грамота 1613 г.	«Лествица» патриарха Филарета 1621–1625 гг.	«Лествица» патриарха Иоасафа 1630-х гг.	Соборное уложение 1649 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Троице-Сергиев	1	1	1	1	1	3 (келарь)	1	1	1
Рождественский в г. Владимире	2	2	2	2	2	1	2	2	2
Новоспасский в г. Москве	3	3	3	3	4	–	4	4	4
Новгородский Юрьевский	4	4	–	4	5	–	5	5	5
Чудов в г. Москве	5	5	–	5	3	2; 14 (келарь)	3	3	3
Симонов в г. Москве	6	6	4	6	6	4	6	6	6
Свияжский Богородицкий	7	7	–	8	7	5	7	7	7
Андроников в г. Москве	8	8	5	9	8	6	8	8	8
Казанский Преображенский	9	9	–	10	9	–	9	9	9
Нижегородский Печерский	10	10	–	7	11	8	11	11	11
Новгородский Хутынский	11	11	–	11	12	–	12	12	12
Кирилло-Белозерский	12	12	6	12	13	9	13	13	13
Переяславский Горицкий	13	13	7	13	14	–	14	14	14
Можайский Лужецкий	14	14	8	14	15	–	15	15	15
Ростовский Богоявленский	15	16	10	15	16	10	16	16	16
Богоявленский «из-за Торгу» в г. Москве	16	15	9	16	17	12	18	18	18
Спасский (Спасо-Преображенский) в Ярославле	17	17	11	17	18	13	19	19	20
Пафнутьев-Боровский	18	18	12	18	19	15	20	20	21
Иосифо-Волоколамский	19	19	13	19	20	16	21	21	22
Антониев в Новгороде	20	20	–	23	22	–	23	23	24
Псково-Печерский	21	22	–	42	23	–	24	24	25
Спасо-Евфимьев в г. Суздале	22	23	–	20	21	17	–	22	23
Борисоглебский в г. Смоленске	23	–	–	21	25	–	26	–	–
Тверской Отроч	24	24	16	25	29	–	30	29	31
Возмицкий в г. Волоколамске	25	25	–	–	30	–	31	30	32
Данилов Троицкий в Переяславле	26	26	17	26	31	–	32	31	33
Вологодский Спасо-Каменный	27	27	–	27	28	19	29	28	30
Ферапонтов Белозерский	28	28	–	28	32	–	33	32	34
Ростовский Борисоглебский «с Устья»	29	29	18	29	33	20	34	33	35

Монастыри	Перечень 60–70-х гг. XVI в.	Соборный приговор 1580 г.	Соборный приговор 1584 г.	Грамота церковного собора 1589 г.	«Лествица» патриарха Иова 1598/99 г.	Утвержденная грамота 1613 г.	«Лествица» патриарха Филарета 1621–1625 гг.	«Лествица» патриарха Иоасафа 1630-х гг.	Соборное уложение 1649 г.
Рязанский Солотчинский	30	30	21	30	34	21	35	34	36
Звенигородский Саввин-Сторожевский	31	–	–	32	39	–	40	39	41
Вологодский Спасо-Прилуцкий	32	31	–	33	35	22	36	35	37
Вологодский Троицкий Павлов	33	32	–	34	40	–	41	40	42
Вологодский Глушицкий	34	33	–	35	41	–	42	41	43
Кашинский Калязинский	35	34	19	36	42	23	43	42	44
Вологодский Корнильевский	36	35	–	37	43	24	–	43	45
Переяславский Никитский	37	36	20	38	44	–	44	44	46
Можайский Колоцкий	38	37	22	39	45	–	45	45	47
Николаевский Угрешский	39	–	–	40	46	–	46	46	48
Соловецкий	–	21	14	31	24	–	25	25	26
Новгородский Вяжицкий	–	38	–	41	37	–	38	37	39
Спасский (Спасо-Преображенский) в г. Рязани	–	–	15	22	26	18	27	27	28
Новгородский Духов	–	–	–	24	38	–	39	38	40
Костромской Ипатьевский	–	–	–	(строитель)	10	7	10	10	10
Тихвинский Успенский	–	–	–	–	27	–	28	–	29
Троицкий Болдин в Дорогобуже	–	–	–	–	36	–	37	36	–
Антониево-Сийский	–	–	–	–	47	–	47	–	–
Богоявленский в г. Костроме	–	–	–	–	–	11	17	17	17
Макарьевский Желтоводский с Унжи	–	–	–	–	–	–	–	26	27
Знаменский на Варварском кресце	–	–	–	–	–	–	–	–	19
Астраханский Троицкий	–	–	–	–	–	–	–	–	38
Воздвиженский на Арбате	–	–	–	–	–	–	–	–	49

Источник: Павлов А.П. Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества // Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen, 14.–17. Jahrhundert / hrsg. von L. Steindorff. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2010. S. 74–77; Румянцева В.С. Российская церковная иерархия в конце XVI – первой половине XVII века: (к постановке проблемы). Прил.: «Лествица» патриарха Филарета // Церковь в истории России. М.: ИРИ РАН, 2005. Сб. 6. С. 18–34.

[1] Во 2–10-й колонках таблицы цифрами указывается порядок расположения монастырей в рассматриваемых источниках. Вологодские степенные монастыри выделены в этой таблице курсивом.

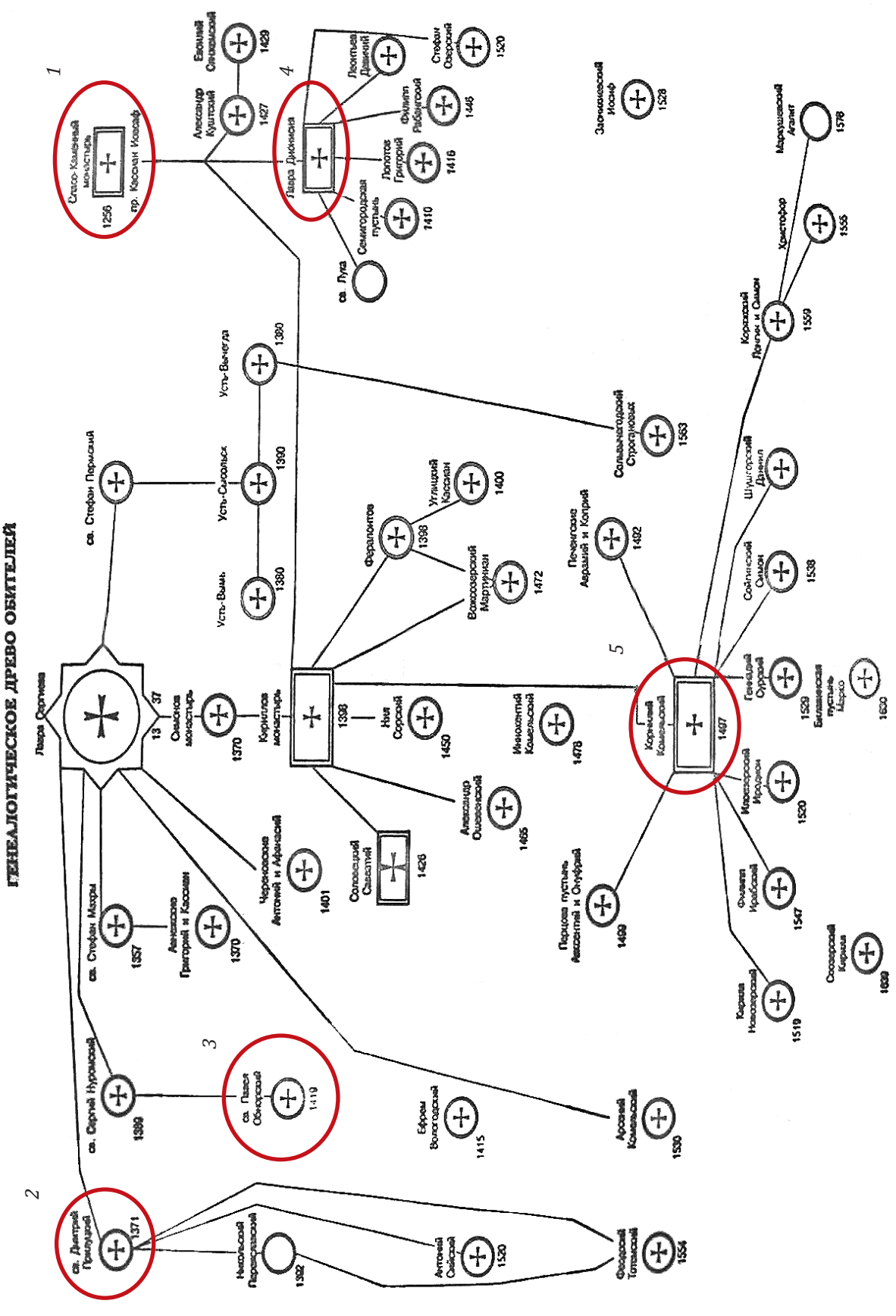


Рис. 1. Генеалогическое древо обителей (Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Ч. 4: Имя рода (история, родословие и наследственность). Мысль, 2000. С. 512–513. (Соч.: в 4 т.; т. 3 (2))

рис. 2–4)[19]. Исследователь делит монашество на пять групп: 1) «школа прп. Сергия Радонежского»; 2) «Собеседники прп. Сергия»; 3) «группа Спасо-Каменного монастыря»; 4) «группа прп. Кирилла Белозерского»; 5) «группа прп. Пафнутия Боровского». Из схем Муравьева, Флоренского и Смолича хорошо видно, что центральная роль в организации и развитии русского монашества отведена прп. Сергию Радонежскому. Все пять степенных вологодских монастырей включены в схемы Муравьева, Флоренского и Смолича (рис. 1–4)[20].

Выскажем несколько соображений о причинах, по которым интересующие нас монастыри стали степенными. Во-первых, четыре из пяти монастырей были древнейшими на Вологодчине: Спасо-Каменный основан около 1260 г., Спасо-Прилуцкий – в 1375 г., Павлово-Обнорский – в начале XV в., Дионисиево-Глушицкий – в начале XV в.[21].

Во-вторых, три из пяти монастырей прямо или опосредованно связаны с Сергием Радонежским и Троице-Сергиевым монастырем. Дмитрий Прилуцкий (основатель Спасо-Прилуцкого монастыря) был собеседником Сергия Радонежского, познакомился с ним предположительно в 1354 г.[22]. Павел Обнорский (основатель Павлово-Обнорского монастыря) был учеником Сергия Радонежского и 15 лет провел в «затворе» в Троице-Сергиевом монастыре[23]. Корнилий Комельский (основатель Корнилиево-Комельского монастыря) – выходец из Кирилло-Белозерского монастыря, который через Симонов монастырь связан с Троице-Сергиевой обителью (см. Генеалогическое древо обителей: рис. 1).

В-третьих, в стенах четырех из пяти монастырей «выросли» основатели новых обителей. Из Спасо-Каменного монастыря вышли Дионисий Глушицкий и Александр Куштский; со Спасо-Прилуцким монастырем связан Антоний Сийский, а Феодосий Тотемский принял постриг в Прилуцком монастыре[24]; из Дионисиево-Глушицкого монастыря вышли Григорий Пельшемский[25], Филипп Рабангский и Стефан Озерский[26]; с Корнильево-Комельским монастырем связано до девяти других обителей. Заметим, что Дионисиево-Глушицкий монастырь именовался «лаврой»[27]; этим же терми-

[19] Смолич И. К. Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев. М.: Православная Энциклопедия, 1997. С. 555–557.

[20] На приводимых рисунках автором данной статьи вологодские монастыри обведены или подчеркнуты и пронумерованы в соответствии с расположением в вологодской степени.

[21] Строев П. М. Указ. соч. Стб. 737, 742, 746, 748. О пересмотре времени основания Спасо-Каменного монастыря см.: Новикова О. Л. Летописные заметки в Кирилло-Белозерской рукописи 60-х гг. XVI в. и Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Очерки феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. Вып. 12. С. 38–90.

[22] Семячко С. А., Анишина А. П. Дмитрий Прилуцкий // Православная энциклопедия. М.: Православная Энциклопедия, 2007. Т. XV. С. 30–39; Верюжский И., свящ. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местно чтимых. Вологда: Изд-во Кирилло-Белозерского монастыря, 2009. С. 111.

[23] Верюжский И., свящ. Указ. соч. С. 235–238.

[24] Там же. С. 506.

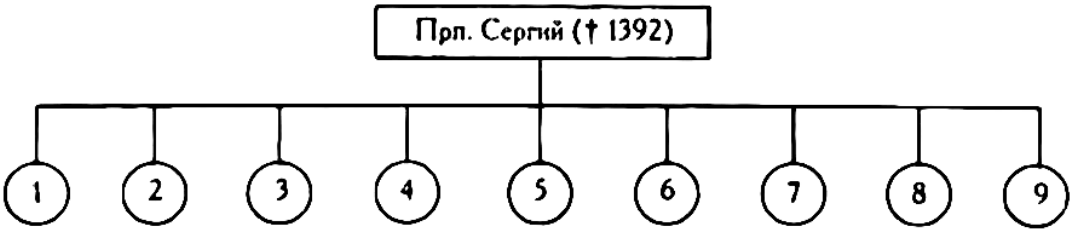
[25] Печников М. В., Семячко С. А., Виноградова Е. А. Григорий Пельшемский // Православная энциклопедия. М.: Православная Энциклопедия, 2006. Т. XII. С. 536–541.

[26] Верюжский И., свящ. Указ соч. С. 215–218, 285, 448–449.

[27] Это термин употребляется в житии Дионисия Глушицкого (Житие Дионисия Глушицкого. Основная редакция // Святые подвижники и обители Русского Севера / изд. подгот. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб.: О. Абышко, 2005. С. 112, 121). Термин «лавра» объясняет митрополит Е. Болховитинов. «Имя Лавра первоначально в гражданском смысле, а особливо в Александрии, значило целый квартал города, или целый приход, принадлежащий какой-нибудь церкви. По подобию сего целая слобода или улица келий монашествующих, по пустынному правилу порознь, а не совокупно живших, под одним однако ж настоятелем, и только по праздникам сходившихся в общую церковь, называлась Лаврою. <...> В Афонской горе, заселенной многими монастырями, каждой почти монастырь свой монахи именуют Лаврою. Так же и в России многие монастыри, когда славились перед прочими преимущественным числом, своей братии, то присвояли себе именование Лавр, и сим титлом именованы были даже в граматах. Таковое название имели в XVII веке монастыри Чудов, Саввин Сторожевский, Антония Римлянина, Кирилобелоезерский, Глушицкий и другие. Но с XVIII века в Российской Церкви титло сие соделалось иерархическим преимуществом трех только первостепенных монастырей, Киевопечерского, Троицы-Сергиева и Александроневскаго» (Всеобщее введение в историю Российских монастырей. Труд преосвященного Евгения Болховитинова // ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). F. I. № 781. Л. 16–16 об.). А. Г. Бобров и Н. А. Охотина-Линд предложили и «условия» именования лаврой: общежительный устав и «дочерние» монастыри: «В записи писца Гриди Лихача 1501 г. монастырь (Валаамский. – *Н. Б.*) назван "честной и великой лаврой"». По наблюдениям А. Г. Боброва, которому мы очень благодарны за приводимые здесь сведения, «лаврой» в этот период называли только общежительный, а не келлиотский монастырь, к тому же такой, выходцами из которого основаны «дочерние» монастыри (Лисицкая «лавра», Глушицкий монастырь – «блъшиа лавра», Афонский Пантелеймонов монастырь – «царская лавра»). Ко времени написания Гридей рукописи существовало по крайней мере уже три общежительных монастыря, основанных выходцами с Валаама, – Соловецкий, Свирский и Сенной, так что были все основания называть его «лаврой»» (Охотина-Линд Н. А. «Сказание о Валаамском монастыре»: исследование, текст, перевод с древнерусского, комментарии. СПб.: Глаголъ, 1996. С. 106). Н. В. Синицына отметила, что термин «лавра» редко встречается в источниках XV–XVI вв. и привела еще одно условие именования лаврой – при поступлении в монастырь значительную роль играл вклад (Синицына Н. В. Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV–XVI вв.) // Монашество и монастыри в России, XI–XX века: ист. очерки. М.: Наука, 2005. С. 121, 147, примеч. 24).

Итак, лаврами в XV–XVII вв. именовались 12 обителей: Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Спасо-Прилуцкий, Чудов, Саввино-Сторожевский, Антония Римлянина, Снетогорский, Лисицкий, Никольский Вяжищский, Валаамский, Дионисиево-Глушицкий и, по мнению И. К. Смоли-

I. Школа прп. Сергия Радонежского

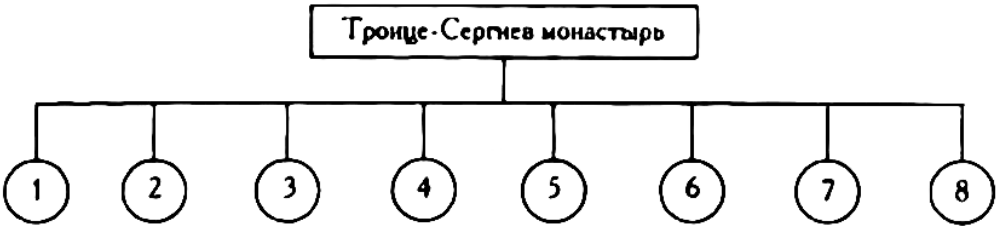


1. Троице-Сергиев монастырь (1341/42)
2. Андроников монастырь (1360)
3. Борисоглебский монастырь (1363)
4. Благовещенский Киржацкий монастырь
5. Симонов монастырь (1370)
6. Голутвин монастырь (1381)
7. Дубенский Стромынский монастырь (1381)
8. Дубенский Островский монастырь (1380/81)
9. Высоцкий монастырь (1374)

} Монастыри, основанные прп. Сергием.

Всего девять монастырей.

Монастыри, основанные учениками прп. Сергия



1. Мефодий Песношский († 1392) — Николо-Песношский монастырь (1361)
2. Авраамий Галицкий (Чухломский) († после 1375 г.) —
   - а) Успенский Авраамиев монастырь
   - б) Ризоположенский Авраамиев монастырь
   - в) Богородицкий Авраамиев монастырь
   - г) Покровский Авраамиев монастырь

   } (все в XIV в.)
3. Сильвестр Обнорский († 1379) — Вознесенский Обнорский монастырь (XIV в.)
4. Савва Сторожевский († 1407) — Рождественский Саввосторожевский монастырь (ок. 1380 г.)
5. Сергий Обнорский (Муромский) († 1412) — Спасский монастырь (до 1412 г.)
6. Павел Обнорский († 1429) — Троицкий Обнорский монастырь (ок. 1381 г.)
7. Иаков Железноборский († 1442) — Железноборский Предтечев монастырь (конец XIV в.)
8. Никита Серпуховской (Боровский) — Высоцкий (Боровский) Покровский монастырь (ок. 1410 г.)

Всего двенадцать монастырей.

Рис. 2. Школа прп. Сергия Радонежского. Монастыри, основанные учениками прп. Сергия (Смолич И. К. Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев. М.: Православная Энциклопедия, 1997. С. 555)

Рис. 3. Собеседники прп. Сергия. Группа Спасо-Каменного монастыря. (Смолич И. К. Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев. М.: Православная Энциклопедия, 1997. С. 556)

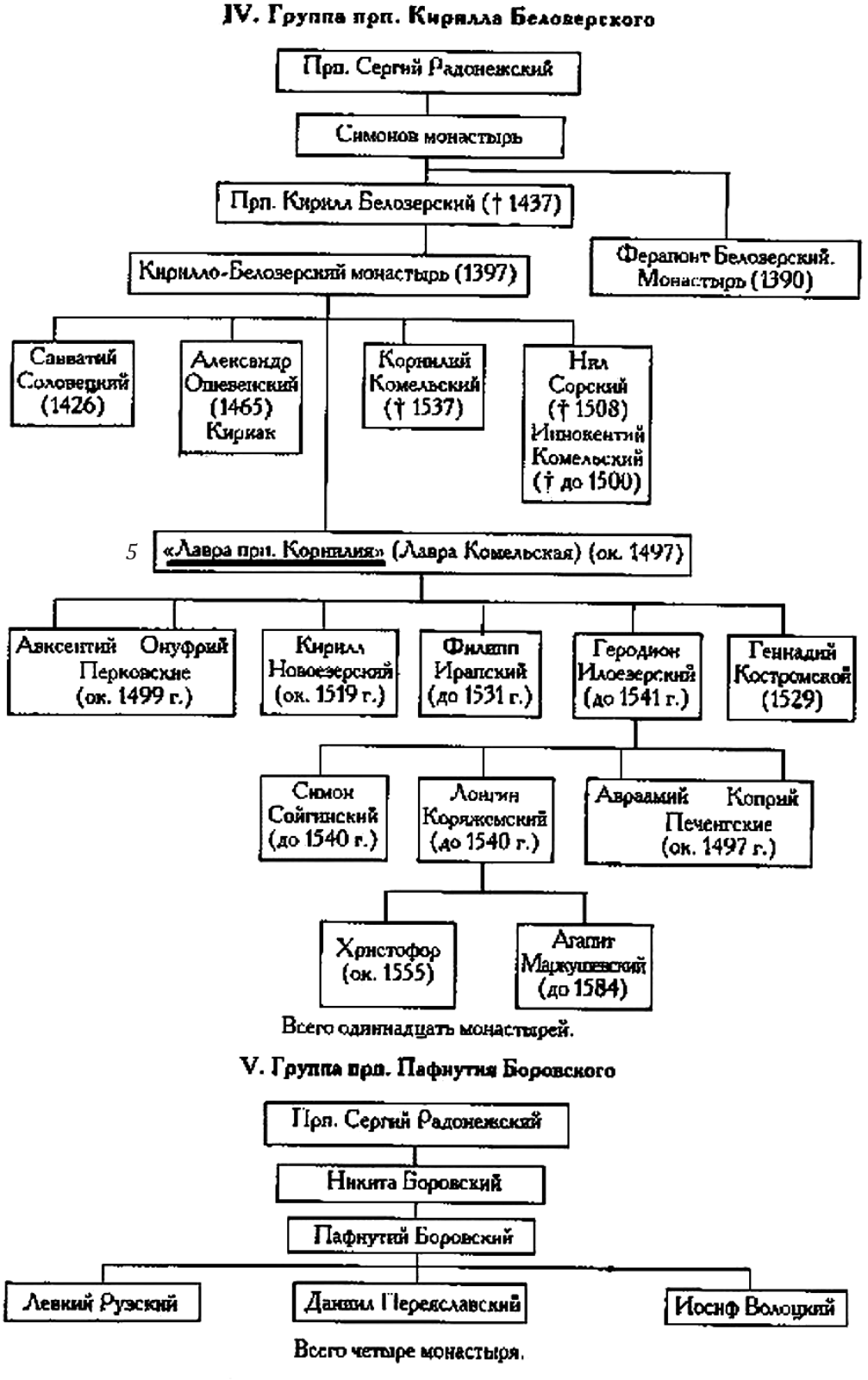


Рис. 4. Группа прп. Кирилла Белозерского. Группа прп. Пафнутия Боровского (Смолич И. К. Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев. М.: Православная Энциклопедия, 1997. С. 557)

ном Смолич называет и Корнильево-Комельский монастырь (см. рис. 4).

В-четвертых, все пять монастырей были киновиями, в них действовал общежительный устав. Из вышеприведенных наблюдений следует, что в вологодской «лествице» сочетаются две духовные традиции: школа Сергия Радонежского и афонская духовная традиция. Носителем афонских монашеских устоев был Дионисий Святогорец, игумен Спасо-Каменного монастыря в конце XIV – начале XV в., а его учениками были Дионисий Глушицкий и Александр Куштский.

В 1647 г. в Вологодской епархии предпринималась попытка изменить положение степенных монастырей на «лествице». Возник «местнический» спор, в ходе которого корнильевский игумен Антоний попытался «встать» выше глушицкого игумена Ионы. В результате «сыска» в приказе Большого Дворца было выяснено, что «изстари» место игумена Глушицкого монастыря был выше, чем корнильевского[28]. Судя по документу 1699 г. (приложение, № 9), после случая 1647 г. порядок расстановки игуменов так и не изменился: Корнильевский монастырь следовал за Глушицким. Примечательно, что к 1699 г. Глушицким монастырем управляли игумены, а Корнильево-Комельским уже архимандриты. Таким образом, несмотря на богатство, многочисленность братии и крупную вотчину, Корнилиев монастырь[29] не смог стать выше более древнего Глушицкого.

Статус степенных монастырей находил отражение и в практических моментах повседневной церковной жизни. 21 декабря 1676 г. в Вологду к архиепископу Симону была отправлена грамота о поимке подьячего Поместного приказа Осипа Тимофеева сына Попова. Уже из архиепископской канцелярии по монастырям были разосланы памяти с предписанием о поимке беглого подьячего. Это дело публикуется ниже (приложение, № 1–7), а для разбираемого вопроса наиболее интересны черновые пометы о распространении памятей между вологодскими обителями. Черновая записка, сделанная архиерейским служащим для себя, показывает, через какие монастыри указ о поимке беглого подьячего расходился по епархии. Приведем первую, наиболее полную запись: «Написать память в Спаской Каменской монастырь к архимандриту Тимофею, а он бы от себя послал в Подолней, да в Песошней, да в Сямской монастыри, да в Александрову пустынь, что на Куште, и в Масленскую пустынь, да в Репную пустынь, да Богоявленская пустынь на Белавинском острове»[30]. Далее следуют пометы об отсылке памяти в Корнильево-Комельский монастырь, из которого памяти предписывалось послать в Николаевский Озерский монастырь, Дмитриевскую пустыню на Югу и в Покровскую пустынь, что на Водоге. Из Павлова монастыря документ следовало послать в Спаский Нуромский, Печенгский, Иноκентиев, Арсеньев монастыри и в Архангельскую пустынь, что в Авнежской волости. Из Глушицкого монастыря предписывалось разослать памяти в Евфимьев, Катромский монастыри, в Семигороднюю и Цывецкую пустыни. Далее в рукописи следуют сокращенные пометы, истолковать которые однозначно затруднительно: «Прилуцкой, в Заоникиеву пустынь. Игнатьева пустынь, что на Лому, в Спаскую написать. Лопотов, Рабанской, Николаевская Мокрая пустынь»[31].

Приведенные выше сведения показывают, что тиражирование и рассылка документа происходила в несколько этапов: из архиерейского дома в степенные монастыри, а затем из них в «младшие» монастыри и пустыни. Как видим, на первом плане опять оказываются уже отмеченные монастыри: Спасо-Каменный, Корнильево-Комельский, Павлов, Глушицкий. Особняком оказывается только Спасо-Прилуцкий монастырь, из него память была отослана, видимо, только в Заоникиеву пустынь. Вероятно, это объясняется тем, что обитель Дмитрия Прилуцкого располагалась в нескольких верстах от Вологды и поэтому документы в другие монастыри рассылались непосредственно с архиерейского двора.

Показательна и ситуация с распределением по вологодским монастырям денег, взимаемых на содержание опального патриарха Никона в Ферапонтовом монастыре[32]. Как следует из челобитной

ча, Корнилиево-Комельский монастыри (ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). F. I. № 781. Л. 16 об.; Смолич И. К. Указ. соч. С. 557; Охотина-Линд Н. А. Указ. соч. С. 106; Синицына Н. В. Указ. соч. С. 121; Круглова Т. В. К истории монастырской реформы в Новгородской земле: (по летописным данным) // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Великий Новгород: Изд. Новгород. гос. музея-заповедника, 2008. Вып. 3. С. 13, 20, 25).

[28] Амвросий (Орнатский А. А.). История российской иерархии … М., 1811. Ч. III. С. 733–734; Суворов Н. И. Глушицкий монастырь Вологодской епархии. Вологда, 1876. С. 83–84 (№ XVII). В описи Глушицкого монастыря 1701 г. в казне упоминается «грамота царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии о месте с Корнильевым монастырем, чтоб глушицким властем по степеням стоять бы выше Корнильева монастыря, писана 7155-го году марта в 6 день. На подлинной великого государя грамоте припись дьяка Давыда Дерябина, справа подьячево Власа Андреянова» (Башнин Н. В. Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря: опись имущества и строений 1701 г., переписные книги вотчины 1702 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4 (31/32). С. 152).

[29] Шамина И. Н. Из истории Вологодских монастырей XVI–XVII века (состав насельников) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 141.

[30] Архив СПбИИ РАН. Кол. 34. Картон 6. № 102. Сст. 8.

[31] Там же.

[32] О поставке припасов в Ферапонтов монастырь из Кирилло-Новоезерского монастыря см.: Лифшиц А. Л. Документы о поставках продовольствия и других запасов ссыльному патриарху Никону в Ферапонтов монастырь // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2 (17/18). С. 5–16;

1681–1682 гг. царю Федору Алексеевичу архимандрита Спасо-Каменного монастыря Тимофея, архимандрита Спасо-Прилуцкого монастыря Иосифа, игумена Павлова монастыря Ефрема и игумена Корнильева монастыря Кирилла, деньги на содержание «монаха Никона» взимались в Вологодском уезде только с вотчин этих монастырей. Тогда как, по словам челобитчиков, «в Вологодцком же уезде Глушицкого, Николы Озерскаго, Спаса Нуромского, Инокентьева, Еуфимева, Лопотова, Спаса Рабанского, Подолного, Спаса Печенского и пустынных, с вотчин их не имано ничего»[33]. Из приведенных данных видно, что расходы понесли степенные монастыри, правда, исключением в этот раз оказался Глушицкий монастырь (названный первым среди не плативших деньги). Из пяти степенных монастырей, пожалуй, наименее обеспеченной была Глушицкая обитель, видимо, это и стало причиной невзимания с нее поборов на содержание патриарха Никона. Однако челобитчики требовали разверстать расходы по всем вологодским монастырям и пустыням, указывая, что в Белозерском уезде «с степенных и нестепенных монастырей и с пустынь по окладу со всех вотчин имано»[34].

Полагаю, что количество примеров использования в XVII в. сложившейся монастырской иерархии светскими и церковными властями можно умножать, но в задачу данной статьи это не входит. На текущем этапе изучения заявленной темы можно констатировать, что ко второй половине XVI в. сложилась вологодская «лествица» и выделились пять степенных монастырей, порядок расположения которых оставался неизменным до конца XVII в. В течение XVI–XVII вв. четыре из пяти степенных монастырей получили архимандритии, примечателен и порядок их получения: Спасо-Каменный монастырь – в середине XVI в., Спасо-Прилуцкий монастырь – в середине XVII в., а Павлово-Обнорский и Корнильево-Комельский монастыри сумели добиться архимандритии только под занавес XVII в. Дионисиево-Глушицкий монастырь такого статуса так и не получил вплоть до своего закрытия в 1920-х гг. Другие монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв. архимандритии не имели. И. Н. Шамина показала, что вхождение в «степень» было одним из аргументов для получения сана архимандрита[35], но многие монастыри-архимандритии степенными не были. Вероятно, в XVI–XVII вв. архимандрития указывала в первую очередь на хозяйственную мощь монастыря, а степень отражала духовную иерархию, при этом «лествичное» положение имело бóльшее значение, чем сан архимандрита.

См. также: Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М.: Индрик, 2007.

[33] Архив СПбИИ РАН. Кол. 34. Картон 6. № 108. Сст. 1.

[34] Там же.

[35] Шамина И. Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв. … С. 143.

N. V. Bashnin

Vologda High-Rank (“Stepennye”) Monasteries in the 16th – 17th Centuries

Key words: Diocese of Vologda, High-Rank (“Stepennye”) monasteries, Spaso-Kammeny Monastery, Spaso-Prilutsky Monastery, Pavlovo-Obnorsky Monastery, Dionisievo-Glushitsky Monastery, Kornilievo-Komelsky Monastery.

Abstract: The article considers high-rank (“Steppenye”) monasteries of the Vologda Diocese in the 16th–17th centuries. The author tried to define those characteristics owing to which five Vologda cloisters were included into all-Russian “rank-ladder” (“The Books of the Steps”).

Приложение

№ 1. 1676 г. декабря 21. – Указная грамота царя Федора Алексеевича архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону о сыске в Вологодской епархии подьячего Поместного приказа Осипа Тимофеева сына Попова

(сст. 1) От царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца богомольцу нашему преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому.

В нашем великого государя указе ис приказу Сыскных дел за приписью дьяка Ивана Ляпунова в Монастырской приказ написано. Велено взять в приказ Сыскных дел к бояром нашим ко князю Якову Никитичю Одоивъскому с товарыщи Помесного приказу подьячего Осипка Тимофеива сына Попова. И он, Оска, с Москвы збежал. И мы, великий государь, указали о том подьячем Оске на Москве в монастырех и на монастырских подворьях заказ учинить. А в городы ко властем послать наши, великого государя, грамоты с подкреплением, чтоб они в своих областях // (сст. 2) во всех монастырех и в пустынях архимандритом и игуменом и строителем и в слободах во всех местах всем людем заказ учинили под жестоким страхом, где тот подьячей объявитца, и те б люди, поимав, привели иво к ним. А в приметы: подьячей Оска ростом середней, в лице бледен ис смугла, глаза велики кари, ресницы долги, нос долговат тонок, ноздри широки, борода вострова, на бороде яминка волосом, изчерна рус, ус и борода выбиваетца, костью не широк, сух с сутулиною, лет в дватцать и больши[1].

И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, и ты б, богомолец наш, преосвященный Симон архиепископ Вологоцкий и Белозерский велел своей области в монастырях и в пустынях архимаритом и игуменом и строителем и в слободах во всех местах о том подьячем заказ учинить[2] по сему нашему великого государя указу, как писано в сей нашей великого государя грамоте выше сего тотчас. А как он, Оска, // (сст. 3) поиман будет и ево прислать к нам, великому государю, к Москве, сковав, с приставы и с провожатыми. А дорогою весть иво с великим бережением, чтоб не ушел и над собою дурна какова не учинил. Да о том отписать, а отписку велеть подать. [3-]И того подьячего объявить[-3] в Монастырском приказе окольничему нашему Ивану Большому Савостьяновичю Хитрово да дьяком нашим Андреяну Яковлеву, да Филипу Артемьиву, да Никите Пояркову.

Писан на Москве лета 7185-го декабря в 21 день.

На обороте сст. 1 первым почерком: Богомольцу нашему преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому.

На обороте сст. 1 вторым почерком: 185-го генваря в 13 день подал великого государя грамоту.

На обороте сст. 1–3 по склейкам: Диак Филип Артемьев.

На обороте сст. 3 в нижнем левом углу: Смотрил Захарко Вахтин.

Архив СПбИИ РАН. Кол. 34. Картон 6. № 102. Сст. 1–3. Подлинник. На обороте сст. 1 часть черновосковой печати, изображение и надпись различить затруднительно.

№ 2. 1677 г. января 2. – Отписка архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону московского стряпчего Ивана Суровцева с сообщением об отправке из Монастырского приказа на Вологду грамоты и с просьбой об его «перемене»

Государю преосвященному Симону архиепископу Вологодцкому и Белоозерскому холоп твой Ивашко Суровцов твоего архиерейского благословения прося, челом бьет.

В нынешнем, государь, во 185-м году генваря в 2 день дана мне из Монастырского приказу великого государя грамота. А велено тое грамоту послать на Вологду к тебе государю святителю в тот час. И я, холоп твой, тое грамоту послал к тебе, государю, с твоим святительским крестьянином села Ивановского деревни Ивашкова с Оскою Никитиным.

А за спиринской платеж стал совсем в дватцать алтын, для того и отпись послал с Васильем Протасовым в то время позабыл отписать для счету Матафтина крестьяны.

Милости у тебя, государя великого архиерея, прошу, вели переменить, за делы бродить не могу.

Архив СПбИИ РАН. Кол. 34. Картон 6. № 102. Сст. 4. Подлинник.

№ 3. 1677 г. января [13–30]. – Указная грамота архиепископа Вологодского и Белозерского Симона архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Никите о сыске и поимке подьячего Поместного приказа Осипа Тимофеева сына Попова и рассылке указных грамот по этому делу по другим белозерским монастырям

(сст. 5) Симон[4], преосвященный архиепископ Вологодский и Белозерский, Кирилова монастыря Белозерского архимандриту Никите во Христе з братьею.

---

[1] *В ркп. по исправленному.*

[2] *В ркп. исправлено из* учинили.

[3-3] *В ркп. над строкой.*

[4] *В ркп. перед словом стоит +.*

В нынешнем во 185-м году генваря в 13 день прислана великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца грамота из Монастырсково приказу за приписью дьяка Филипа Артемьева к нам архиепископу на Вологду, а в ней написано в ево де, великого государя, указе ис приказу Сыскных дел за приписью дьяка Ивана Ляпунова в Монастырской приказ написано. Велено взять в приказ Сыскных дел к бояром ко князю Якову Никитичю Одоевскому с товарыщи Поместного приказу подьячего Осипка Тимофеива сына Попова. И он-де Оска с Москвы збежал. И великий государь указал о том подьячем Оске на Москве в монастырех и на монастырских подворьях заказ учинить, а в городы послать к нам[5] свои[6] великого государя грамоты с подкреплением, что б во всех монастырех и в пустынях архимандритом и игуменом и строителем и в слободах во всех местах всем людем заказ[7] учинили под жестоким // (сст. 6) страхом, где тот подьячей объявитца, и те б люди, поимав, привели ево к нам. А в приметы де: подьячей Оска ростом середней, в лице бледен ис смугла, глаза велики кари, ресницы долги, нос долговат тонок, ноздри широки, борода востровата, на бороде яминка, волосом изчерна рус, ус и борода выбиваютца, костью неширок, сух с сутулиною, лет дватцать и больши.

И нам бы архиепископу велеть нашей[8] области в монастырех и в пустынях архимандритом и игуменом и строителем и в слободах во всех местах о том подьячем заказ учинить, как писано [9-]в ево великого государя грамоте[-9] тотчас. А как он, Оска, поиман будет, и ево[10] прислать к великому государю к Москве, сковав, с приставы и с провожатыми, а дорогою[11] весть ево с великим бережением, чтоб[12] не ушел и над собою б дурна какова не учинил. И как к вам ся наша архиепископля грамота придет, и вам бы в монастырех и в слободах // (сст. 7) и[13] во всех местах [14-]всем людем[-14] о том подьячем заказ учинить [15-]под жестоким страхом[-15], как писано в сей нашей архиепископле грамоте выше сего тотчас[16]. [17-]А как он, Оска, поиман[-17] будет и ево прислать к нам, архиепископу, на Вологду, сковав, с приставы и с провожатыми. А дорогою велеть[18] весть ево с великим бережением, чтоб не ушел и над собою дурна какова не учинил[19]. И о том к нам отписать, а отписку велеть подать, и того подьячего объявить в нашем архиепископле Судном приказе духовных дел игумену Ефрему да дьяком нашим Данилу Столбицкому да Кирилу Борисову[20-]. Да вам же бы послать от себя[21] в Ферапонтов, да в Кирилов Новозерской, да в Троецкой Усть-Шехонской, да в Никицкой, да в Ворбозов, да в Вокресенской Горицкой девич монастыри, да в Шелонский к ыгуменом и к строителем памяти таковы же тотчас и велеть им учинить так, как писано в сей нашей архиепископле грамоте выше сего. А Троицкого монастыря игумен Аврамий послал от себя о том памяти во все пустыни Белозерского уезду. А коего числа в те монастыри таковы памяти розосланы будут и вам бы о том к нам, архиепископу, отписать[20].

Писан на Вологде в нашем архиепископле дому лета 7185-го генваря в <...>[22] день.

Архив СПбИИ РАН. Кол. 34. Картон 6. № 102. Сст. 5–7. Черновик.

№ 4. 1677 г. января [13–30]. – Черновые записки о рассылке памятей о сыске и поимке подьячего Поместного приказа Осипа Тимофеева сына Попова по вологодским монастырям

Написать память в Спаской Каменской монастырь к архимандриту Тимофею, а он бы от себя послал в Подолней, [23-]да в Песошней, да в Сямской[-23] монастыри, да в Александрову пустынь, что на Куште, и в Масленскую пустынь, да в Репную пустынь, да Богоявленская пустынь на Белавинском острове.

Написать память в Корнильев, а оне б послали в Николаевской Озерской, Дмитриевская пустынь на Югу, да в Покровскую пустынь, что на Водоге[24] на перевесье.

Написать память в Павлов, а они б послали от себя в Спаской Нуромской, Печенской, в Ынокентиев, в Арсеньев, да в Архангельскую пустынь, что в Авнежской волости.

Из Глушицкого монастыря послать в Еуфимьев, в Катромской, в Семигороцкую пустынь, да в Цывецкую пустынь.

---

[5] *В ркп. над зачеркнутым* к нам.

[6] *В ркп. над строкой зачеркнуто* архиереом.

[7] *В ркп. над строкой зачеркнуто* велеть.

[8] *В ркп. над зачеркнутым* своей.

[9-9] *В ркп. над зачеркнутым* в сей нашей архиепископле грамоте выше сего.

[10] *В ркп. далее зачеркнуто* велено.

[11] *В ркп. над строкой зачеркнуто* велено.

[12] *В ркп. далее зачеркнуто* он.

[13] *В ркп. далее зачеркнуто* монастырской своей вотчины в селех прикащиком и старостам и выборным людем и десяцким.

[14-14] *В ркп. над строкой*.

[15-15] *В ркп. над строкой.*

[16] *В ркп. знак вставки + в круге; далее зачеркнуто две фразы* А где он Оска объявитца. И как он, Оска, и поиман.

[17-17] *В ркп. на левом поле после знака вставки + в круге.*

[18] *В ркп. над строкой.*

[19] *В ркп. далее зачеркнуто* А как он, Оска, поиман и к Вологде над строкой на Вологду, послан будет и вам бы.

[20-20] *В ркп. знак вставки + в круге и на обороте сст. 7 после такого же знака.*

[21] *В ркп. зачеркнуто* памяти.

[22] *В ркп. оставлено свободное место, дата не указана.*

[23-23] *В ркп. над строкой.*

[24] *В ркп. над строкой.*

Прилуцкой, в Заоникиеву пустынь.

Игнатьева пустынь, что на Лому, в Спаскую написать.

Лопотов, Рабанской, Николаевская Мокрая пустынь. //

Архив СПбИИ РАН. Кол. 34. Картон 6. № 102. Сст. 8. Черновик.

№ 5. 1677 г. января 19. – Расписка игумена Корнильева монастыря Ефрема в получении указных грамот о сыске и поимке подьячего Поместного приказу Осипа Тимофеева сына Попова

185-го генваря в 19 день Корнильева монастыря игумен Ефрем архиепискуплю грамоту, да в Павлов монастырь грамоту же, взял. Корнильева монастыря игумен Ефрем и руку приложил.

Архив СПбИИ РАН. Кол. 34. Картон 6. № 102. Сст. 9. Подлинник.

№ 6. 1677 г. января 21. – Челобитная архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону архимандрита Спасо-Каменного монастыря Тимофея с братией с известием о получении грамоты о сыске и поимке подьячего Поместного приказа Осипа Тимофеева сына Попова и сообщением о произведенной рассылке такой же грамоты по другим монастырям

(сст. 10) Великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белоозерскому твои архиерейские богомольцы Спасова Каменного монастыря архимандрит Тимофей з братьею Бога моля, челом бьют.

В нынешнем, государь, во 185-м году генваря в 18 день прислана твоя, великого господина, преосвященного Симона архиепископа Вологоцкого и Белоозерского грамота за приписью дьяка Данила Столбицкого к нам, богомольцам твоим, в Каменной монастырь. А в той, твоей архиерейской грамоте написано. Прислана де в нынешнем же во 185-м году генваря в 13 день великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца грамота из Монастырьского приказу за приписью дьяка Филипа Артемьева на Вологду к тебе архиерею Божию. А в ней написано: велено тебе, архиепископу, в своей области в монастырех и в пустынях архимандритом и игуменом и строителем и в слободах во всех местах всем людем заказ учинить, что Поместного приказу подьячей Осипко Тимофеев сын Попов збежал с Москвы, и каков он лицом и ростом, все писано в твоей архиерейской грамоте, и где он, Оська, объявитца, велено ево поимать и, сковав, с приставы и с провожатыми с великим бережением привесть к великому государю к Москве. А в твоей, государь, архиерейской грамоте написано, велено нам, твоим // (сст. 11) святительским богомольцам Каменного монастыря архимандриту з братьею в Подольней, в Песочной, в Сямской монастыри, в Олександрову, в Масленскую, в Репную, в Богоявленскую пустыни памяти, написав, розослать и заказ учнить под жестоким страхом о том подьячем Оське.

И мы твои архиерейские богомольцы по твоему великого господина преосвященного Симона архиепископа Вологоцкого и Белозерского указу и по грамоте в те монастыри и в пустыни памяти написать велели и сего же числа к игуменом, и строителем, и черным священником, и братии розослали с монастырьскими своими служкамии в монастырьской своей вотчине в слободах и во всех местах всем людем о том подьячем заказ учинили под жестоким страхом. И буде[25] где он, Оска, объявитца, и теми людьми поймать велели и, сковав, с приставы и с провожатыми дорогою весть с великим береженим, чтоб не ушел и над собою дурна какова не учинил. И о том к тебе, преосвященному архиепископу, отписати, а отписку подати и ево, подьячево Оску, как поиман будет[26] и привезен будет объявить в твоем архиепископле Судном приказе духовных и росправных дел игумену Ефрему да дьяком Данилу Столбицкому да Кирилу Борисову.

На обороте сст. 10 первым почерком: Великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белоозерскому.

На обороте сст. 10 вторым почерком: Генваря в 21 день подал отписку Каменного монастыря старец вологодского их двора.

Архив СПбИИ РАН. Кол. 34. Картон 6. № 102. Сст. 10–11. Подлинник.

№ 7. 1677 г. января [23–30]. – Челобитная архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону игумена Глушицкого монастыря Кирилла с братией с известием о получении грамоты о сыске и поимке подьячего Поместного приказа Осипа Тимофеева сына Попова и сообщением о произведенной рассылке такой же грамоты по другим монастырям

(сст. 12) Государю преосвященному Симону архиепископу Вологодскому и белоозерскому Вологоцкого уезду Глушитцкого монастыря богомольцы твои игумен Кирило да келарь чернец Митрофан з братьею бьем челом.

В нынешнем, государь, во 185-м году генваря в 21 день прислана твоя великого святителя грамота за приписью дьяка Ивана Аленева к нам, богомольцом твоим, в Глушитцкой монастырь. А в ней написано: велено во всех монастырех и в пустынях архимандритом и игуменом и строителем и в сло-

[25] *В ркп. над строкой.*

[26] *В ркп. над строкой.*

бодах во всех местах всем людем заказ учинить под жестоким страхом тотчас о беглом московском подьячем о Оске Тимофееве сыне Попове. А в приметы тот подьячей Оска: ростом середней, в лице бледен ис смугла, глаза велики кари, ресницы долги, нос долговат тонок, ноздри широки, борода вострова, на бороде яминка, волосом исчерна рус, ус и борода выбиваетца, костью не широк, сух, с сутулиною, лет в дватцать и больши. А как он, Оска, поиман будет, и иво велено привесть на Вологду в твой архиепископлев приказ с приставы и с провожатыми, и отписать, и явить духовных дел игумену Ефрему да дьяком Данилу Столбицкому да Кирилу Борисову.

Да в той же твоей великого святителя грамоте написано. Велено нам розослать от себя в Еуфимьев, в Катромской монастыри, в Семигороцкую да в Цывецкую пустыни таковы же памяти и велеть им учинить тако же, как писано твоей, великого святителя, грамоте. А коего числа розосланы от нас будут в те монастыри и в пустыни памяти и о том тебе, великому святителю, велено отписать. И мы, богомольцы твои, по твоей, великого святителя, // (сст. 13) грамоте генваря в 23 день розослали в те монастыри и в пустыни таковы же памяти, как написано в твоей великого святителя грамоте. И о том к тебе, великому святителю, отписали. А отписку велели подать в твоем архиепископле Судном приказе духовных дел игумену Ефрему да дьяком Данилу Столбицкому да Кирилу Борисову.

На обороте сст. 12 первым почерком: Государю преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белоозерскому.

Архив СПбИИ РАН. Кол. 34. Картон 6. № 102. Сст. 12–13. Подлинник.

№ 8. [1681 г. августа 17 – 1682 г. апреля 27][27]. – Челобитная царю Федору Алексеевичу архимандрита Спасо-Каменного монастыря Тимофея, архимандрита Спасо-Прилуцкого монастыря Иосифа, игумена Павлова монастыря Ефрема и игумена Корнильева монастыря Кирилла о том, что с их монастырей и вотчин для «монаха Никона» собирали «всякие запасы», а с других монастырей Вологодского уезда таких сборов не было и с просьбой дать указ разверстать понесенные расходы на все вологодские монастыри

(сст. 1) Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу бьют челом царьские твои богомолцы Вологдцкого уезду Всемилостиваго Спаса Каменного монастыря архимандрит Тимофей, Спаса Прилуцкого монастыря архимандрит Иосиф, Павлова монастыря игумен Ефрем, Корнильева монастыря игумен Кирил з братьею.

В прошлом, государь, во 182-м году по указу блаженныя памяти отца твоего государева, государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, и по заручным росписям стряпчего Козьмы Лопухина имано с нас, богомольцов твоих, с монастырьских вотчин [28-]монаху Никону[-28] в Ферапонтов монастырь столовыя, и хлебныя, и всякия запасы, и за рыбу, и на келейное, и на житничное строение, и за сено, и за дрова денгами. А что, государь, на кого запасу дано и денег за рыбу, и на келейное, и на житничное строение, и за сено, и за дрова и что в котором году и месяце дано, и тому под сею челобитною роспись. И от того платежу монастырьския наши вотчиныя крестьянишка оскудали, и одолжали великими долгами, и в рознь розбрелися. А в Вологодцком же уезде Глушицкого, Николы Озерскаго, Спаса Нуромского, Инокентьева, Еуфимева, Лопотова, Спаса Рабанского, Подолного, Спаса Печенского и пустынных с вотчин их не имано ничего. А в Белозерском, государь, уезде с степенных и нестепенных монастырей и с пустынь по окладу со всех вотчин имано.

Милосердый государь, царь и великий князь Федор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец, пожалуй нас, богомольцов своих, вели, государь, в Вологодцком уезде со всех // (сст. 2) монастырей и с пустынь, которыя монаху Никону столовых, и хлебных запасов, и денег на строение, и за сено, и за дрова не платили, поверстать с нами по окладу с вотчин против писцовых книг и нам, богомольцам твоим, отдать и о том на Вологду дать свою, великого государя, грамоту о поверстке.

Царь, государь, смилуйся.

Архив СПбИИ РАН. Кол. 34. Картон 6. № 108. Сост. 1–2. Список XVII в.? Архивная нумерация в верхнем левом углу. Документ ветхий, следы воды, подклеен бумагой XIX в. (?). В верхнем правом углу сст. 1 карандашом: «о Никоне». В верхнем левом углу сст. 1 карандашом: «№ 13».

№ 9. 1699 г. сентября [1–30]. – Грамота архиепископа Вологодского и Белозерского Гавриила царю Петру Алексеевичу о высылке по его указу в приказ Большого Дворца приходных и расходных книг Вологодского архиерейского дома и монастырей Вологодской епархии. К грамоте подклеена роспись Вологодским степенным и нестепенным монастырям

(сст. 1) Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу богомолец твой Гавриил архиепископ Вологодский о твоем, великого госуда-

[27] *Рукопись датируется временем между смертью патриарха Никона и смертью царя Федора Алексеевича.*

[28-28] *В ркп. подчеркнуто красным карандашом.*

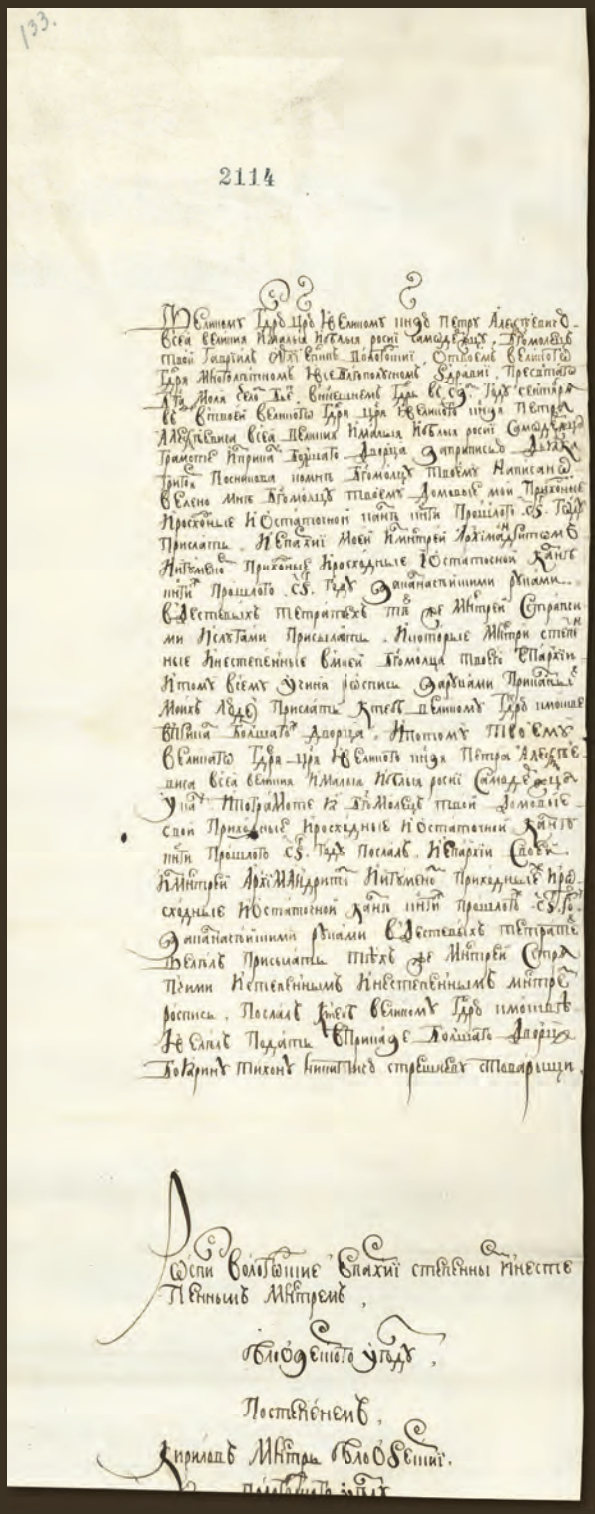


Рис. 5. 1699 г. сентября [1–30].
Грамота архиепископа Вологодского и Белозерского Гавриила царю Петру Алексеевичу о высылке по его указу в приказ Большого Дворца приходных и расходных книг Вологодского архиерейского дома и монастырей Вологодской епархии
(Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 2114. Сст. 1)

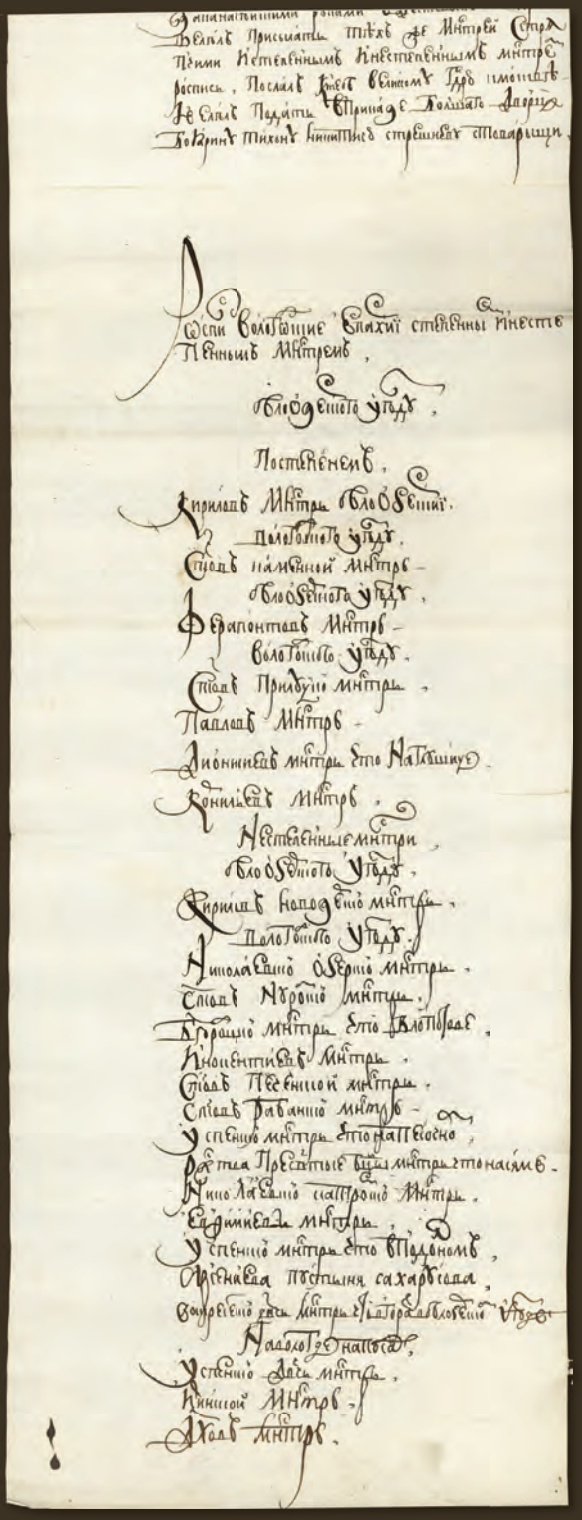


Рис. 6. 1699 г. сентября [1–30].
Грамота архиепископа Вологодского и Белозерского Гавриила царю Петру Алексеевичу о высылке по его указу в приказ Большого Дворца приходных и расходных книг Вологодского архиерейского дома и монастырей Вологодской епархии.
Роспись Вологодским степенным и нестепенным монастырям
(Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 2114. Сст. 2)

ря, многолетном и всеблагополучном здравии Пресвятаго Бога, моля, челом бьет.

В нынешнем, государь, в 207-ом году сентября в <...>[29]день в твоей, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, грамоте из приказу Болшаго Дворца за приписью дьяка Григорья Посникова ко мне, богомольцу твоему, написано. Велено мне, богомольцу твоему, домовые мои приходные и росходные и остаточной казне книги прошлого 206-го году прислать, и епархии моей из монастырей архимандритом и игуменом приходные, и росходные, и остаточной казне книги же прошлого 206-го году за казначейскими руками в дестевых тетратех тех же монастырей с стряпчими и слугами прислать. И которые монастыри степенные и нестепенные в моей, богомольца твоего, епархии. И тому всему учиня роспись за руками приказных моих людей, прислать к тебе, великому государю, к Москве в приказ Болшаго же Дворца.

И по тому твоему, великаго государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу и по грамоте я, богомолец твой, домовые свои приходные, и росходные, и остаточной казне книги прошлого 206-го году послал, и епархии своей из монастырей архимандритом и игуменом приходные же, и росходные, и остаточной казне книги прошлого же 206-го году за казначейскими руками в дестевых тетратех велел присылать тех же монастырей с стряпчими. И степенным и нестепенным монастырям роспись послал к тебе, великому государю, к Москве. И велел подать в приказе Болшаго Дворца боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарыщи. //

(сст. 2) Роспись Вологодские епархии степенным и нестепенным монастырем.

Белоозерского уезду.

По степенем.

Кирилов монастырь Белоозерский.

Вологодского уезду.

Спасов Каменной монастырь.

Белоозерского уезду.

Ферапонтов монастырь.

Вологодского уезду.

Спасов Прилуцкой монастырь.

Павлов монастырь.

Дионисиев монастырь, что на Глушице.

Корнильев монастырь.

Нестепенные монастыри.

Белоозерского уезду.

Кирилов Новозерской монастырь.

Вологодского уезду.

Николаевской Озерской монастырь.

Спасов Нуромской монастырь.

Богородцкой монастырь, что в Лопотове.

Инокентиев монастырь.

Спасов Печенской монастырь.

Спасов Рабанской монастырь.

Успенской монастырь, что на Песочном.

Рождества Пресвятые Богородицы монастырь, что на Сяме.

Николаевской Катромской монастырь.

Евфимиев монастырь.

Успенской монастырь, что в Подольном.

Арсениева пустыня Сахарусова.

Воскресенской девичь монастырь, что в Горах в Белозерском уезде.

На Вологде на посаде.

Успенской девичь монастырь.

Ильинской монастырь.

Духов монастырь.

На обороте сст. 1: Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу.

Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 2114. Сост. 1–2. Список XVII в. В верхнем левом углу сст. 1 карандашом: «133»; на верхнем поле сст. 1 фиолетовый архивный штамп: «2114».

Описана: Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве императорской Археографической комиссии. Коллекция П. И. Савваитова // Летопись занятий императорской Археографической комиссии за 1914 год. Пг., 1915. Вып. XXVII. С. 324 (№ 2114).

[29] *В ркп. оставлено чистое место, дата не указана.*

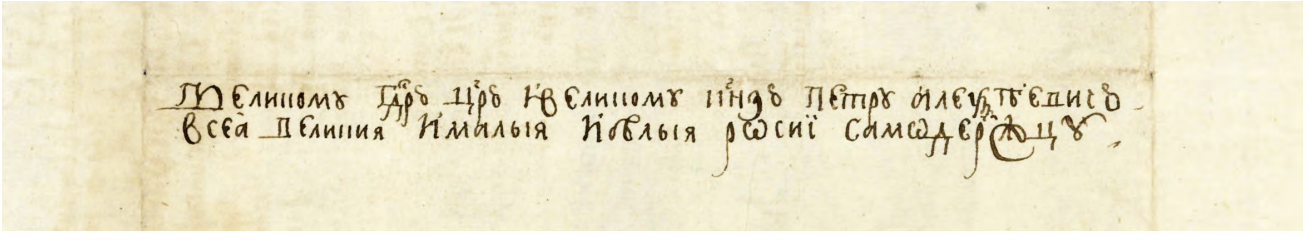


Рис. 7. 1699 г. сентября [1–30]. Роспись Вологодским степенным и нестепенным монастырям (Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 2114. Сст. 1 об.)

В. А. Буров

Историко-археологическое исследование Соловецкого монастыря

Соловецкий монастырь, основанный в XV в. на Белом море, – одна из крупнейших и значимых православных обителей. Его многовековую историю документирует огромное количество письменных и графических источников – их в общей сложности насчитывается более 10 тысяч: монастырские описи, приходо-расходные книги, хозяйственные документы, летописцы, жития, иконы, гравюры, рисунки, фотографии и др. Особый источник – материалы археологии, в силу своей специфики практически недоступные историкам, которые их обычно не привлекают. Археолог же не может и не имеет права работать вслепую, не привлекая исторические документы. Его погружение в исторические документы всегда приводит к перерастанию сугубо археологического исследования в комплексное, в силу чего возникают иные перспективы воссоздания утраченных страниц истории, открываются новые подходы к решению традиционных исторических проблем, их более глубокому пониманию.

Археолого-историческое изучение Соловецкого монастыря автор ведет уже 20 лет (с перерывами: 1975–1978; 1996–2013 гг.)[1]. Общая площадь изученного слоя мощностью 0,5–3,0 м уже более 1500 кв. м. Раскопки дали информацию, отсутствовавшую в документальных источниках. В археологии Соловецкого монастыря четко обозначилось семь направлений[2].

1. Раскопки остатков культовых зданий XVI–XIX вв.

Исследование руинированных остатков утраченных культовых зданий монастырей с привлечением сведений письменных и графических источников становится составной частью активно развивающейся монастырской археологии, что имеет прямое отношение к проблеме изучения и воссоздания историко-культурного и сакрального ландшафта древних обителей. Экспедицией были раскопаны часовня преп. Германа Соловецкого XVII–XVIII вв., кладбищенская церковь преп. Онуфрия Великого (1822–1824, 1886 гг.), Покровская часовня в Капорской губе (о. Анзер, середина XIX в.)[3]. Исследование руин широкой площадью позволило полностью изучить остатки зданий и прилегающую зону, уточнить сведения о хронологии и строительных периодах. Точно восстановлены габариты зданий, изучен характер кладки стен и фундамента, формат и разновидности кирпича, архитектурные детали (даже столярные, такие, как деревянные рамы). Оказалось, что конструкция валунного цоколя и фундамента оставалась неизменной на Соловках в период каменного строительства (XVI – вторая половина XIX в.). Сопоставление данных раскопок с

[1] Буров В. А. Хронология археологических раскопок на территории Соловецкого монастыря, 1924–2008 гг. // Соловецкий сборник. Архангельск. 2011. Вып. 7. С. 29–58.

[2] Его же. Археологическое исследование Соловецкого монастыря: (к становлению монастырской археологии Древней Руси). Ч. 1: История археологических исследований // Вестник Поморского университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 2. С. 5–11.

В указанной статье представлены все сведения о раскопках других археологов, работавших и продолжающих исследования на Соловках по 2008 г. включительно: А. Н. Кирпичников (1968, 1971 гг.), Е. А. Толмачев (1971 г.), Н. В. Сапожников (1974, 1975 гг.), О. В. Овсянников (1976 г.), П. М. Алешковский (1980 г.), В. А. Понсов (1981 г.), А. В. Окороков (1988–1989 гг.), А. Я. Мартынов (1987–1992, 2000 гг.), А. Н. Рябцев (1990 г.), Е. А. Саликов (1996–1997 гг.), М. Е. Ворожейкина (2005–2008 гг.), М. В. Шульгина (2006–2007 гг.), А. Е. Зарайченко (2007–2008 гг.). В настоящей работе приведены только материалы экспедиции, возглавляемой автором.

[3] Его же. Церковь преподобного Германа Соловецкого XIX в.: история и археология // Соловецкое море: ист.-лит. альманах. Архангельск; М., 2005. Вып. 4. С. 75–92.

историческими чертежами выявляет в некоторых случаях неточности этих архивных документов и позволяет понять причины ошибок. Интерес представляет и проверка строительной периодизации, составленной по письменным источникам, с помощью нумизматики.

Часовня преп. Германа XVI–XVIII вв.

Несохранившаяся часовня преп. Германа – один из важнейших сакральных объектов обители, усыпальница, где располагались могилы трех соловецких святых: Савватия (†1435), Германа (†1484) и Маркелла (†1663). Согласно житию, первоначально над ракой Савватия была воздвигнута деревянная постройка, которую источники именуют «гробницей». Герман был погребен «честно подле гроба Савватия»[4]. В 1566 г. мощи преп. Савватия были перенесены в Спасо-Преображенский собор. Описи Соловецкого монастыря 1632, 1640 и 1645 гг. упоминают деревянную «гробницу Германа» над его могилой. В описи монастыря 1668 г. отмечена «часовня преп. Германа»[5]. В 1663 г. в деревянной часовне преп. Германа был погребен Маркелл – архиепископ Вологодский (1645–1663 гг.), бывший соловецкий игумен (1639–1645 гг.). К 1744 г. относится первое реалистическое изображение деревянной часовни преп. Германа, небольшой прямоугольной в плане бревенчатой постройки с двухскатной деревянной кровлей, увенчанной небольшой главкой[6]. В 1753 г. на месте деревянной часовни была выстроена каменная[7]. В 1859 г. ее сломали, поставив одноименную церковь. Во время существования на Соловках концлагеря и тюрьмы (1923–1939 гг.), Германовская церковь была внутри полностью разорена. 21 сентября 1925 г. на Соловках «в целях антирелигиозной пропаганды» было осуществлено вскрытие захоронения преп. Германа[8]. Его мощи изъяли.

В 2002 г. был заложен раскоп 5,12×10 м, вскрывший полностью основание каменной часовни и остатки двух предшествующих деревянных часовен. Последовательно изучались все 10 слоев. Верхний слой прорезала поздняя яма 1 от разоренной в 1925 г. могилы святого. На краю ее лежал уплощенный окатанный валунный камень средних размеров. Подобные камни-подушки в монашеских погребениях известны[9]. Как уже отмечалось в археологической литературе, обычай положения камня под голову перед смертью описан в житиях святых Афонских старцев; не случайно в православии сохраняется соответствующее наставление монашествующим: «Аще обрящеши возглавицу мягку, отринь ю и камень под голову положи, ибо <…> иние и вовсе не спят»[10]. Это был подголовный камень преп. Германа. Здесь же были выявлены многочисленные разрозненные мелкие фрагменты темно-коричневого истлевшего дерева, похожего на остатки гроба, и 14 больших кусков бересты. Суммированная площадь бересты составила 2,06 кв. м. Ею, возможно, был обернут гроб, что в духе новгородской погребальной традиции. Так, в Софийском соборе погребения № 24 и № 25, датируемые концом 1550-х гг., были в деревянных колодах, обернутых берестой[11]. Впрочем, это мог быть и берестяной гроб. Могильная яма Германа оказалась глубиной всего 0,35 м от уровня древней поверхности земли. Объяснение этому находим в «Насказании о Соловецкой обители» 1617/1618 гг., где говорится о монашеских погребениях: «И погребают их со землею наровень»[12].

В яме обнаружилось 216 разрозненных разломанных костей человека, в том числе позвонки, фрагменты разломанной крышки черепа, кусок нижней челюсти с зубом. Большинство костей мелкие. Доктор медицинских наук В.Н. Звягин подобрал и подклеил найденные фрагменты черепа к хранящимся в монастыре мощам преп. Германа. Экспертиза, проведенная 29 июня – 3 июля 2004 г. В.Н. Звягиным и Н.В. Нариной, позволила уточнить анатомическую характеристику останков преп. Германа как принадлежащих человеку в возрасте 60–70 лет и ростом 166–170 см. Среди находок, имеющих непосредственное отношение к погребению преп. Германа, были бронзовая шаровидная пуговица с петелькой, украшенная тисненым орнаментом, и медная позолоченная пластина с буквами «IX» (Ісус Христос).

---

[4] Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790. С. 12.

[5] СПбИИ РАН. Кол. 2. Д. 137 (Опись Соловецкого монастыря 1632 г.). Л. 84–84 об.; Д. 139 (Опись Соловецкого монастыря 1640 г.). Л. 78–78 об.; Д. 141 (Опись Соловецкого монастыря 1645 г.). Л. 90 об.–91 об.; Д. 142 (Опись Соловецкого монастыря 1668 г.). Л. 68–69.

[6] Ровинский Д.А. Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок, хранящихся в тамошней ризнице. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1884. [4], 10 с., 22 л. ил.

[7] Летописец Соловецкого монастыря. С. 91–92.

[8] Соловецкий монастырь: книга-альбом. М., 2000. С. 69; Бродский Ю.А. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М.: РОССПЭН, 2002. С. 220.

[9] Макаров Н.А. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. 1981. № 2. С. 111–116; Мусин А. Богословие монашеского делания в Древней Руси и его археологические реалии // Монашеская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 211–220; Беляев Л.А. Каменные «подушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип // РА. 2005. № 4. С. 171–175.

[10] Энговатова А.В., Зеленцова О.В. Исследование участка кладбища XVI – начала XVII вв. на территории Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М., 2005. Вып. 2. С. 85–86.

[11] Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М.: Наука, 1988. С. 87–88.

[12] Буров В.А., Охотина-Линд Н.А. Три произведения конца XVI – начала XVII в. о Соловецком монастыре // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 165.

Руины каменной часовни середины XVIII в. оказались в юго-западном углу нового, обширного помещения церкви преп. Германа XIX в. Южная стена часовни уходит под южную стену церкви; трассы этих стен практически совпадают. Общий план часовни 1753 г. прямоугольной формы с угловыми лопатками и дверным проемом со слегка скошенными стенками. Ширина стен 0,95 м. Параметры кирпича 9×18/19×29/30 см. Ее северо-западный угол оформлялся лопаткой шириной 0,85 м на северном фасаде и 0,8 м на западном. Внутреннее пространство часовни 1753 г. по размерам было в четыре раза меньше помещения церкви XIX в. (2,9×6,55 м = 18,9 м^2 против 5,12×15,36 м = 78,6 м^2).

Внутри каменной Германовской часовни выявлены два истлевших бревна от двух предшествующих деревянных часовен. От сруба самой первой постройки, где были погребены Савватий и Герман, остались две канавки: западная пустая (рядом с бревном часовни 1663 г.: рядом лежали две чешуйки Алексея Михайловича) и восточная (шириной 18 см), дно которой заполняла труха от нижней части бревна. Промер позволил установить внешние параметры часовни по линии запад – восток – 3,1 м. Хотя южное и северное бревна были уничтожены строительством 1753 г., можно не сомневаться, что эта часовня была почти квадратная с внутренним пространством около 2,9×2,9 м. В ее границах под нижним слоем черного песка была выявлена яма 2 неправильной формы, близкая к овалу 1,6×2,1 м, заполненная аналогичным черным мелкозернистым песком, также с немногочисленными мелкими фрагментами костных останков. Ее и перерезала по центру вскрытая в 1925 г. могильная яма 1 преп. Германа, которая не дошла до самого дна второй ямы. Яма 2 явно предшествовала яме с погребением преп. Германа, ее большие размеры вполне соответствуют двойному погребению Савватия и Германа, чьи гробы первоначально стояли рядом. Очевидно, в 1622 г., когда, согласно Соловецкому летописцу, состоялось первое обретение мощей преп. Германа, Герман был перезахоронен по центру новой ямы.

Вторую часовню размером около 3×5,8 м (17,4 м^2), как стало ясно, возвели в 1663 г. специально для погребения Вологодского архиепископа Маркелла: его могила выявлена в северо-восточном углу расширенной часовни. Преподобный Маркелл был погребен в деревянном саркофаге с крышкой, обшитой сверху берестой и пробитой по краям мелкими железными гвоздиками. Маркелла похоронили в архиепископском облачении. Одеяние составляла фелонь и омофор златотканого шитья. На голове был расшитый златотканый клобук с изображением (на лбу) Спасителя с нимбом и херувимов (на висках с надписью: «херувим»). На груди лежала панагия из двух деревянных резных пластин, обрамленных серебряной узорчатой рамкой. На животе – медная пряжка с остатками кожаного пояса. В ногах – кожаные сандалии.

Церковь преп. Онуфрия Великого 1824 г.

В 2008 г. по заданию монастыря экспедиция осуществила исследование руин каменной кладбищенской церкви Онуфрия Великого, располагавшейся к югу от монастыря. Храм был возведен в 1822–1824 гг., а в 1886 г. к нему пристроили колокольню. В 1939–1941 гг. церковь разрушили до основания. Онуфриевский раскоп площадью 464 кв. м охватил как сами руины, так и прилегающую территорию. Находки в засыпке извести и битого кирпича зубил, молотков, кувалды ответили на вопрос, чем разбирали кладку и выкалывали кирпичи. Для воссоздания оконных переплетов храма важны фрагменты круглых рам и одна полукруглая рама хорошей сохранности.

Внутреннее пространство самой церкви на глубину 0,58–1,14 м было заполнено кусками извести, битым кирпичом, мусором. В слое засыпки 1940/1941 гг. была получена представительная выборка из фрагментов кирпичей двух типов: фиолетовые крепкие кирпичи хорошего обжига (46 экз.) и красные более рыхлые кирпичи (51 экз.). Это согласовалось со сметой 1886 г. «о потребном количестве строительных материалов для пристройки колокольни»: «3500 кирпича железняка, 34 350 красного кирпича». Кирпичи «железного и полужелезного вида» (их было в 10 раз меньше) предназначались для «выведения цоколя сверх земли до пола». Кладку стен колокольни должны были вести из «кирпича красного вида»[13]. Выявлены также кирпичи фасонные от внешнего декора здания (профиль в виде полувала, четверти вала, выкружки). Они были изготовлены с помощью механической обработки – скола или фигурной оттёски, что отчетливо видно под побелкой. Декор из подобных элементов наблюдаем у церкви Святителя Филиппа 1798 г., близкой по времени и архитектуре.

Пол в церкви был деревянным, что соответствует монастырским описям. Сохранились 14 бревенчатых стоек пола – стульев, расположенных в три параллельных ряда по линии запад – восток. В алтаре обнаружилось 7 кирпичных столбов под лаги пола, поставленные взамен сброшенных деревянных стоек. На время реконструкции указала монета 1878 г., лежавшая сразу под строительным мусором современной засыпки: это ремонт 1886 г., когда пристроили колокольню. С перестилкой полов в алтаре в 1886 г. связаны 24 огарка восковых свечей и ключ.

[13] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 86 (Смета о потребном количестве строительных материалов для пристройки колокольни при церкви Онуфрия Великого Соловецкого монастыря. 1886 г.). Л. 3–4 об.; Скопин В. В. Кладбищенская церковь прп. Онуфрия Великого в Соловецком монастыре // Соловецкое море: ист.-лит. альманах. Архангельск; М., 2010. Вып. 9. С. 80.

Все предметы бросили в северной части алтаря, рядом со специальным выступом стены. На архивном чертеже 1886 г. здесь показан жертвенник.

Выявлены остатки двух печей. Первоначальная печь располагалась рядом с юго-западным углом храма в примыкании к западной стене. Форма ее квадратная 1,2×1,2 м. Конструкция – на опечке из четырех бревен-стоек диам. 26–28 см. Вторая печь размером 1,53×1,75 м находилась в северо-восточном углу центрального помещения церкви, вблизи алтаря. Ее основание сложено по периметру из двух рядов красного кирпича 7×13×27 см на глине (что и кирпичные столбы в алтаре; это указывает на дату 1886 г.), а внутри – сплошная забутовка из серой глины с битым кирпичом. Выявленные основания четырех срубленных стоек, стоявших в одной линии с западной стенкой печи, должны относиться к алтарной преграде. Это свидетельствует о расширении алтаря на 1,9 м за счет основного помещения храма. Установлено два этапа организации пространства центрального помещения церкви. Первый относится к 1824 г. (7,73×10 м = 77,3 м^2), второй – к 1886 г. (7,73×7,9 м = 61 м^2). Данный факт и отразил исторический план 1886 г., на котором план указанного помещения дан в форме квадрата.

К началу возведения храма (1822 г.) относится подсыпка мелкой известковой крошки в качестве антисептика с песком и осколками кирпичей. В ней найдены монеты 1813, 1814 гг. и 23 обломка поливных рельефных изразцов конца XVII – начала XVIII в. с растительным и геометрическим орнаментом, а также с известной композицией «лев и единорог». Ниже лежал перемешанный слой желтого, серого песка, серой супеси и суглинка – выброс из фундаментного рва. На самой поверхности лежали медальон (иконка) белого металла с изображением преподобных Зосимы и Савватия и медная монета 1818 г.

После окончания раскопок над руинами сделана крыша. Готов проект воссоздания здания.

Часовня Покрова Богородицы середины XIX в.

В 2003 г. также по заданию Соловецкого монастыря были раскопаны руины каменной Покровской часовни середины XIX в. в Капорской губе на о. Анзер. Ее облик был известен только по одной литографии 1884 г. От старой часовни остался невысокий округлый холмик высотой 0,4 м и в поперечнике 10,4 м, заросший деревьями и кустарником. Площадь раскопа 11,5×12 м. Была применена методика, используемая при вскрытии курганных насыпей с оставлением четырех бровок. Зафиксировано пять слоев, отражающих два периода деятельности: копка рва под валунный фундамент, возведение здания и его разрушение.

Часовня Покрова Богородицы оказалась восьмигранной с углами около 135°. Вход располагался у юго-западной грани, где в песке прослежены отпечатки основания прямоугольного крыльца 0,85×1,63 м из неошкуренных бревен. Размеры внутренних граней в пределах 1,68–1,80 м; наружные стены – в пределах 2,40–2,50 м. Ширина стен – 0,83–0,85 м.

Степень сохранности восьми стен неодинаковая. Две северо-западные стены оказались полностью разобраны до уровня проливки извести, сделанной поверх фундамента как основа кирпичной кладки. На остальных гранях кирпичная кладка сохранилась на высоту двух – трех рядов. Применялся кирпич 6×13×26,5 см, 6,3×12×25,8 см, что в тех же пределах, что и найденные обломки толщиной 5,8–7 см и шириной 11,5–13,5 см.

Фундамент часовни заглублен в материковый песок на 0,8 м и сложен из крупных валунов высотой около 0,7 м, пространство между которыми засыпано песком. Поверх валунов уложены небольшие камни в поперечнике 20–40 см, а сверху последних сделана заливка известкового раствора толщиной около 10 см – основа под кирпичную кладку. С наружной стороны фундамента в песке были дополнительно приложены в глубину на один – два ряда небольшие камни, вероятно, для большей устойчивости самого валунного фундамента. Часовня не имела цоколя, предохранявшего кирпичную кладку от сырости. Техника строительства была нарушена. В примыкании непосредственно к нижним кирпичам насыпали смесь из песка с мелкой кирпичной крошкой, что способствовало намоканию стен.

Полученные в ходе раскопок данные послужили основой проекта воссоздания Покровской часовни (архитектор-реставратор В. В. Сошин). Летом 2004 г. начались сами работы. Ныне часовня действующая. Покровская часовня стала первой воссозданной культовой постройкой на Соловецком архипелаге с использованием данных археологии.

2. Раскопки жилой периметрической застройки XVII–XIX вв.

По периметру центрального монастырского двора располагалась замкнутая жилая и хозяйственная застройка из 60 келий[14]. Ее археологическое исследование было осуществлено на западном, южном и восточном участках. Изучены остатки в общей сложности 15 разобранных каменных братских келий начала – первой половины XVII в. Было установлено, что первые печи размером около 2×2 м ставили не сразу при входе в углу, а напротив входа по центру противоположной стены. Как правило, они имели валунное основание.

В первой половине XIX столетия в некоторых кельях было устроено тепловое отопление. Анализ

[14] Буров В. А. История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск, 2011. 498 с.

письменных источников в сочетании с данными археологии позволил отнести устройство калориферного отопления в келье № 49 к 1847 г. Две глиняные трубы, уложенные внутри кирпичной стены, имели клейма «СМ». Это первое материальное свидетельство начала функционирования на Соловках гончарной мастерской. Ее появление в 1847 г. было обусловлено потребностью вовсе не в изготовлении посуды, а в трубах теплового отопления. В кельях № 49 и № 50 ниже уровня известковой стяжки пола первой четверти XVII в. найдены куски обожженной глины (печины) от глинобитных печей деревянных келий. Здесь же обнаружена грубая керамика. Ошлакованность ее поверхности говорит об использовании сосудов в быту вопреки общежительному уставу, запрещавшему готовить пищу в кельях.

В кельях № 9 и № 53 один из углов имел кирпичный пол (обычно в кельях были деревянные полы, от которых иногда сохранялись бревна-лаги). Кирпичное мощение здесь пришлось на четвертую часть передней кельи – «заднее место» (в келье было 4 жилые места). На северном крае вымостки в келье № 53 сохранилось кирпичное основание разобранной деревянной стенки, от которой в известковом растворе отпечаталась часть доски. Эту выгороженную четверть следует соотнести с «чуланом» описей. Впервые археологически было получено конкретное свидетельство о границах монашеских мест-четвертей.

Изразцовые печи на Соловках были редкостью, хотя фрагменты полихромных изразцов XVII – начала XVIII в. встречаются при раскопках. В келье № 9 выявлены многочисленные фрагменты печного изразцового убранства, в том числе четырехчастного панно с двуглавым орлом. На цветных изразцах представлены сюжеты с растениями, животными, птицами – изображением райского сада. Все изразцы привозные. Лишь один изразец с изображением льва и единорога, судя по характеру глиняной массы, соответствующей кирпичной, можно отнести к местному производству.

Уникальны находки в келье № 49 пяти фигурных деревянных ножек от спальных лавок высотой 46–49 см и шириной 5–11 см. Они позволяют восстановить конструкцию монашеской лавки. Ножки своими нижними трапециевидными концами вставлялись в специальную нижнюю обрешетку, а на верхние выступы надевалась обвязочная рама. В келье № 50 нашлись доски от наборных косящатых потолков XVII–XVIII вв.

В келье № 53 выявлено скопление из 87 серебряных монет начала XVII столетия. Они были разбросаны в черном слое, накопившемся под полом, и ниже, в песчаной засыпке времени окончания строительства кельи. Все монеты соотносятся с одной из четвертей передней кельи, подчеркивая это деление.

Письменные источники в сочетании с материалами раскопок позволили датировать строительство комплекса архимандричьих келий № 1 и № 2 1689–1691 гг. После «Соловецкого сидения» 1667–1676 гг. в связи со сменой братии и приходом новых монахов были утрачены навыки производства качественного кирпича. Для данной кельи было изготовлено много хрупкого бракованного, недожженного кирпича, куски которого строители забросили в подвалы келий вместе с бытовым и строительным мусором.

В помещении кельи № 1 архимандрита, в слое советского периода обнаружены детали наборного паркета и три паркетных щита с двумя видами орнамента конца XIX в. Орнамент включает пластины геометрических форм из дерева разных пород: твердых, темного цвета из тика и мягких, светлых из ели, березы, сосны (определение В. И. Мелехова и Т. В. Тюриковой). Этот паркет был в одной из комнат архимандрита на втором этаже; он представлен на фотографии 1896 г. Полученные данные предоставляют возможность осуществить идентичное воссоздание паркетного пола.

На западном участке периметрической застройки исследовались руины келий № 7–9. Их сломали после пожара 1923 г. Установлена их планировка, включающая передние и задние кельи, передние и задние сени, подклеты задних келий.

3. Раскопки производственных зданий

В письменных источниках XVI–XIX вв. встречаются упоминания о работавших в монастыре ремесленниках. Наиболее полный их состав приведен в «Написании о Соловецкой обители» 1617/1618 г.: «А за стол как садятся в трапезе и в келарской – братии и слуг, и мастеров портных, и сапожных кожевенных, и тележных, и дровенных, и токарей, и различных всяких сосудов, и котельников, и ложечников, и литухов пушечных и колоколних, и кузнецов пушечных, и самопалных, и замочных и всяких прочих потреб киновиских, и серебреных мастеров всяких обиходов монастырских, и плотников, и каменщиков»[15].

В 1997, 1998 гг. за Новобратским корпусом в слое мусора рубежа конца XVIII – XIX в. было выявлено 94 находки, которые дали представление об ассортименте продукции работавшей неподалеку косторезной мастерской. В ней изготавливали рукояти ножей, пуговицы для монашеского платья, костяные гребни, всевозможные обоймицы и накладки. Перечислим состав находок: 1) опиленные рога северного оленя (28 экз.); 2) пластины-стружки дугообразной формы из рога оленя (2 экз.); 3) заготовка рукояти ножа из рога оленя; 4) рукоять ножа

[15] Буров В. А., Охотина-Линд Н. А. Указ. соч. С. 154–169.

из рога оленя; 5) обломки рукоятей ножей из кости (3 экз.); 6) обрезки костей (39 экз.); 7) костяные пуговицы диаметром 1,1–1,9 см для монашеского одеяния (6 экз.); 8) костяные пластины со следами вырезки кружков для пуговиц (2 экз.); 9) фрагменты костяных гребней двухсторонних с крупными и мелкими зубцами (3 экз.); 10) пластины из рога оленя, неполированные, очевидно, для гребней (4 экз.). 11) костяные накладки (2 экз.); 12) костяные обоймицы (2 экз.); 13) штампик из рога оленя, очевидно, для отливок репейки – детали оконницы.

Внутри Новобратского корпуса начала XIX в. полностью раскопан комплекс руинированной котельной мастерской XVII–XVIII вв.[16]. Ее планировка, зафиксированная на уровне валунного цоколя, в целом соответствовала сведениям Книги келий 1641 г. (келья № 40) «Келья каменная, другая келья назаде, каменная же, казенная котелная, а живет в ней старец котелной з братьею и с трудники <...> В кельи 4 места, в сенех 4 места, да в задней кельи 4 места, да холодных 4 чюлана»[17]. Здесь действительно имелись передняя и задняя кельи, передние и задние сени, что было характерно для всей жилой келейной застройки Соловецкого монастыря XVII в. Существенное отличие состояло в том, что задние сени имели открытый подвал, в котором на земляном полу ниже обычного уровня пола стояла медеплавильная печь: поверх рыжего материкового песка с крупной галькой были зафиксированы два разновременных пятна размером 1,15×0,55–0,75 м и 1,3×0,85 м красной прокаленной глины толщиной 3–4 см. Это два пода от разобранных печей.

Собранные в разных помещениях многочисленные отходы производства были напрямую связаны с данной мастерской, ремонтировавшей и изготавливавшей котлы. Ее комплекс включал: 1) фрагменты тиглей (42 экз.), некоторые с корольками меди; 2) целые ошлакованные тигли (3 экз.); 3) развал тигля; 4) фрагменты медных пластин и медные полоски со следами прокатки на вальцах – обрезки пластин, стружка (110 экз.); 5) фрагменты медной проволоки неровного профиля (10 экз.); 6) слиточки и кусочки меди (12 экз.); 7) шлаки (50 экз.); 8) фрагменты медных стержней диаметром 1,5–5 мм (10 экз.); 9) выплеск меди; 10) литник медный; 11) ошлакованная обмазка кирпичной печи; 12) окисленные рассыпающиеся капли меди; 13) бронзовая ложечка, которой могли насыпать мелкий лом металла для переплавки в тигли; 14) венчик медного котла; 15) кусок свинца; 16) фрагменты стерженьков свинцовых (3 экз.). Некоторые предметы можно отнести к числу местных изделий: медные цепочки, одежные крючки-застежки, пуговица с петелькой. Бронзовый гвоздик мог использоваться для крепления иконных окладов.

Среди перечисленных находок отсутствуют инструменты, названные в описи 1705 г.: «Котелного дела железных снастей. Шесть стоек, семь кобылин, крюк точилной, шуруп тисковой. Гвоздилно, две доски золотилные, две подставки цыркиль. Две пилы болшая да малая, трои тиски колодные, 14 стоек да пять кобылин, наковално без носка, десят ожимок болших и малых, две доски гвоздилных, две подставки, трои ножницы, чем медь режут. Шесть молотов, мех неболшой кожаной»[18]. Найдены только молоток, ювелирный пинцет; не упомянута каменная плита-наковаленка. В данном археологическим комплексе также нет свидетельств работы мастера-серебряника: «Серебреной снасти. Двои ножницы, чемь серебро режут, двои клещи волоковые, трои доски волоковые, две доски винтовалные. Тиски ручные, трои острогубцы, руски терпуг, осмь пил, два трезуба, наковално большое, наковално ж малое в колодах, две наковалны с носками неболшие, батай, двои емии, наковално одну носках, что стоканы делают, 18 молотков одноручных, клещи гвоздилные, 15 чеканов железных, два скребка, два воронила, дорожник железный, что серебро делают, два кружала, два безмена, у одного гиря медная, а у другово железная».

В келье № 40 располагалась еще и мастерская по изготовлению и ремонту слюдяных оконниц: «Оконничных снастей. Двои ножницы, чем слюду режут, трои молотка, двои опоки железные, два сверла». В засыпке подпольного пространства помещений было выявлено 415 слюдяных фигурных вставок (целые и фрагменты), 713 бесформенных пластин и их обрезков, 18 кусков слюдяной породы. Данная мастерская была крайне необходима: только в келейной застройке в 1710 г. имелась 1251 оконница[19].

Руины комплекса котельной мастерской музеефицированы. При Соловецком музее-заповеднике открыта экспозиция «Соловки подземные археологические».

4. Исследование крепости XVI в.

Установлено, что фундамент под мощными стенами отсутствовал: нижние валуны укладывали непосредственно на плотную серую супесь, лежащую под небольшим верхним слоем песка. К XX в. снаружи крепости нарос слой выносимого с территории монастыря мусора до 1,5 м (на высоту 1–2 валунов). Это

[16] Буров В. А. Итоги археологического исследования в Новобратском корпусе Соловецкого монастыря // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: (материалы и исследования / ГИКМЗ «МК». М., 2003. Вып. XVII. С. 174–193.

[17] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 455 (Книга переписная келий Соловецкого монастыря 1641 г.). Л. 125 об.–126; Буров В. А. История келейной застройки … С. 250.

[18] ОРПГФ ГИКМЗ «МК» Инв. № Рук-1404 (Опись Соловецкого монастыря 1705 г.). Л. 295–296.

[19] Буров В. А. История келейной застройки … С. 122.

меняет представление о первоначальной высоте и силуэте самих прясел и башен. В основании стен между валунами прослежена in situ зачеканка конца XVI в. из кирпичей на известковом растворе, тем самым снят вопрос о времени ее появления. В проеме Никольских ворот (прорублены в XIX в.) изучена кладка крепостной стены (закладка из мелких и средних камней на известковом растворе). В бойницах подошвенного боя в пряслах на разных глубинах выявлены два типа деревянных настилов: для стрельбы стоя из ручных пищалей (конца XVI в.) и под пушки, ставившиеся на лафеты (платформы 1790 г.). В толще стены крепости раскрыты три помещения Головленковой тюрьмы XVI–XVIII вв., известной по письменным и графическим источникам. Она оказалась не подземной, как полагали, а «поземной», то есть с земляными полами – песком, покрывающим засыпку из крупных валунов с закладкой из мелких камней. Подходы к воротам Соловецкой крепости дополнительно усиливала укладка валунов или подсыпка чрезвычайно плотной серой супеси, с трудом поддающейся копке, что исключало подкопы. Северный сухой крепостной ров 1621 г., обложенный валунами на высоту 3,83 и 3,16 м, оказался не копанным, а сооруженным с учетом рельефа местности. Следы вертикальной планировки, подсыпки до 1,75 м, прослежены и с южной стороны крепости, у южного сухого рва.

5. Изучение системы благоустройства (дренажи, канализация, мощения) XVI–XIX вв.

Выявлено три каменных водостока XVI–XVII вв. с валунными стенками, крышками и два деревянных лотка водостоков XIX в. В арочном проходе Архангельских ворот изучены два яруса булыжной мостовой XVIII–XIX вв. Булыжное мощение открыто к югу от трапезной палаты и на Мельничном дворе.

6. Материальная культура Соловецкого монастыря XVI–XIX вв.

За 20 лет раскопок была получена представительная коллекция артефактов XVI–XX вв., связанных с бытом Соловецкого монастыря: около 10 тыс. предметов и керамики. Среди них – перламутровые вставки и иконка Вседержителя XIX–XX вв.; иконные оклады; медные именные бирки монахов; бронзовые медали; обломки медных колокольчиков и колоколов; орудия труда (ножи, топоры, мотыги, молоточки каменщика, рыболовные грузила и др.); предметы вооружения (бердыши, стволы пищалей, наконечники стрел, железные, чугунные и каменные ядра); подсвечники и светцы; фрагменты оловянной посуды; костяные полированные зубные щетки с орнаментом и гребни; фрагменты тканей, одежды, кожаной обуви. Особенно важны указания на монастырские ремесла: клейма монастыря на поливной посуде («С.М.», «Сол. мон.»), топорах («С.М.», «КСМ», «храм»), медных и оловянных тарелках («Т.С.М.»), кирпичах (парусник, птица, ветки растения).

7. Археология ГУЛАГа (1923–1936 гг.)

Это новое направление не только соловецкой, но и отечественной археологии. За пределами монастыря (в урочище 8-й пикет) в 2003 г. раскопаны остатки кузницы, обслуживавшей строившуюся железнодорожную ветку. Судя по найденным жетонам с буквами «СММ», здесь стояли Соловецкие механические мастерские. Внутри дощатой постройки в слое песка со шлаком собраны многочисленные обрезки железа, инструменты, включая 450 топоров, в том числе с клеймами соловецкой кузницы. Особую категорию находок составляют свинцовые пломбы (свыше 100 экз.) – не изученные пока памятники советской сфрагистики.

8. Выводы

Итоги археологических раскопок Соловецкого монастыря могут служить основой для формулирования основных подходов к монастырской археологии. Работы на территории монастырей следует вести в широком хронологическом диапазоне, без лакун: все объекты и слои исторически равноценны, вплоть до начала XX в.

Интерпретировать объекты археологии помог параллельный анализ письменных и графических источников, который образовал самостоятельное направление работы. Мы искали ответ на кардинальный вопрос: в чем причина, истоки особого статуса Соловецкого монастыря, почему именно он, находясь на северной окраине православного мира, занял столь высокое место в иерархии православных монастырей России? Ответ, как полагаем, нужно искать в его северном положении и в самом статусе государева богомолья на Соловках – особо ревностном молении соловецких монахов за государя. Эта тема раскрыта в особой монографии[20].

Проблема государева богомолья вообще обойдена вниманием в нашей науке. Между тем через ее призму получают объяснение многие страницы монастырской истории. В связи с ее постановкой следует вернуться к подходу к истории, выработанному историками XIX в. Многое в монастырской жизни можно понять только через призму православного мировоззрения. Монастырь нельзя рас-

[20] Его же. Государево богомолье – Соловецкий монастырь: проблемы истории великой северной обители (XV–XIX века). М.; Архангельск: ИА РАН, 2013. 500 с.

сматривать как исключительно материальный объект, как в чистом виде историко-культурный комплекс с определенным набором памятников зодчества, произведений живописи, со своим конкретным прошлым. Монастырь – прежде всего духовный мир монашеского братства, посвятившего себя целиком Богу и построившего для этой цели, отделившись от мира, Дом, в котором братия живет на службе и под непосредственным управлением Господа и святых, выполняя свое духовное предназначение – спасение души своей и человечества, сохранение с помощью молитв существующего миропорядка. Еще в Новгородской первой летописи о фундаментальной функции монашеских обителей в жизни христианского государства было сказано: «и монастыреве велицы поставлени быша, и черноризец в нихъ исполнено бысть, безпрестани славяще Бога в молитвахъ, въ бдении, в посте и в слезахъ, *ихъ же ради молитвъ миръ стоитъ* (выделено мной. – *В. Б.*)»[21].

Исток особого статуса Соловецкого монастыря восходит к 1468 г. Этим годом датируется грамота «Всего Новгорода» Соловецкому монастырю на владение островами[22]. Это беспрецедентный случай в истории землевладения Новгорода, а сама грамота – единственный в своем роде документ, аналогов которому нет в новгородской истории. Грамота позволяет считать, что именно с этого момента монастырь на далеком севере получает общегосударственный статус монастыря «Всего Новгорода». Грамота учредительная, Новгород выступает в качестве ктитора. Вече дает материальное обеспечение Соловецкому монастырю, передает ему промысловую церковную десятину. Оказывается, все предшествующее время монастырь существовал на Большом Соловецком острове незаконно, вторгшись во владения новгородских бояр. Вече принимает также решение защищать Соловецкий монастырь («А боронити игумена и всихъ старчевъ всимъ Великимъ Новымъ городомъ»), устанавливает штраф в размере 100 рублей в пользу государства для всякого, кто «наступитися на тыи островы». Государственный статус Соловецкого монастыря юридически был оформлен скреплением грамоты 8 актовыми печатями основных институтов власти Великого Новгорода. Учреждение монастыря «всего Новгорода» состоялось в преддверии конца света, который по расчетам христианской Церкви должен был наступить в 1492 г. И здесь было особенно важно, что Соловецкий монастырь находился на далеком Севере и, следовательно, в представлении новгородцев, ближе всего к раю. О местоположении рая на Севере новгородский архиепископ Василий Калика писал в 1347 г. в своем послании тверскому архиепископу Феодору. За отблески рая принималось полярное сияние.

Но через 10 лет после падения Великого Новгорода Соловецкий монастырь утратил право вечного владения Соловецкими островами, то есть лишился права вотчины. Вотчиной теперь являлась вся Новгородская земля великого московского князя Ивана III. В новой грамоте от 7 февраля 1479 г. земельное великокняжеское пожалование текстуально увязано с обязанностью монашеской братии «служити» в том монастыре. Такой увязкой права пользования землей великого князя с церковной службой соловецких монахов ставили в один ряд с прочими служилыми людьми, получавшими от великого князя землю только за службу, в данном случае церковную, с обязанностью совершать за него молитву. Подтвердительной грамотой 1479 г., скрепленной серебряной позолоченной печатью с надписью «Печать великого князя Ивана Васильевича»[23] Москва наделяла Соловецкую обитель новым статусом – великокняжеского монастыря. Иван III подтвердил прежнюю десятину (то есть ругу за счет церковного налога) и обязанность защищать монастырь.

В середине XVI в. при игумене Филиппе Колычеве настал новый этап взаимоотношений Соловецкого монастыря и Москвы. В 1550 г. игумен Филипп, находившийся в Москве, попросил царя от имени братии предоставить монастырю на материке зе́мли в связи с тем, что на Соловках велось строительство каменной Успенской церкви и требовался лес. Выполняя просьбу монахов, Иван IV дал соловецкой братии две деревни Усть-Колежму и Колежму, 8 варниц и островок с тремя дворами на р. Сума. Всё это было пожаловано, согласно грамоте от 2 июня, «за свое здравье и по своих родителех в вечной поминок, а игумену з братьею на мои имянины пети молебен собором и обедня служити о нашем здравье, и на братью корм большой и милостыня; а по моих родителех преставльшихся по памятем игумену пети понахиды и обедни служити собором и на братью корм большей с милостынею»[24]. Возведя в 1552–1557 гг. Успенскую церковь с приделом в честь святого покровителя Ивана Грозного, а в 1558–1566 гг. Спасо-Преображенский собор с приделами в честь ангелов его сыновей Ивана и Федора, Филипп превратил монастырь в один из главных центров государева богомолья на Руси. Согласно грамотам Филиппа (1566 г.), моление за царя

[21] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, С. 103.

[22] Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 152–153 (№ 96); Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1990. С. 252–253.

[23] Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 гг. / сост. И. З. Либерзон. Л., 1988. С. 16 (№ 1).

[24] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1. С. 96 (№ 153).

и его семью и государство должно было вестись соловецким братством с особой силой и размахом – «соборне и келеине», «в церкве соборне и в кельях особне», а главное – «денно и ношно». О ежедневных молитвах за государя в кельях свидетельствует сохранившееся «Келейное правило иноков Соловецкого монастыря» 1630-х гг.

Число молящихся на Соловках за государя иноков возрастало год от года. В 1553 г. их было более 107, в 1566 г. уже 200 братьев и 300 слуг, в начале 1590-х гг. монахов насчитывалось 270, в самом конце XVI в. – около 300. Наконец, в 1652 г. население монастыря включало 377 монашествующих. Числу братии отвечала мощная келейная застройка великого государева богомолья (ее длина по периметру около 500 м). Основы данной планировки заложил до 1553 г. сам Филипп, еще игуменом.

О том, какое место при Иване Грозном стали занимать Соловки среди великокняжеских монастырей, говорят резко возросшие размеры денежных вкладов в Соловецкую обитель. Они были достаточно велики, хотя и меньше, чем в иные монастыри. В Иосифо-Волоколамский монастырь за годы правления царь дал 8263,5 рубля, в Кирилло-Белозерский – 28 202 рубля[25]. Согласно вкладной книге Соловецкого монастыря, сумма денежного вклада Ивана IV за 1557–1584 гг. составила 6020 рублей[26], а сразу после смерти Ивана IV в 1584 г. его сын Федор Иванович пожаловал в Соловецкий монастырь еще 6383 рубля[27]. Щедрые вклады продолжали поступать и в последующие годы. В грамотах царя Ивана IV участилось обращение к настоятелю Соловецкого монастыря как к своему «богомольцу». Оно постоянно встречается в документах с середины 1570-х гг. и в последующее время, вплоть до 1690 г. Сам же монастырь именуется «государевым богомольем» или «царским богомольем»[28]. Соловецкие игумены получали уже специальные уведомительные грамоты с конкретизацией молений за государя[29].

Соловецкая традиция XVI в. строить культовые здания в честь ангелов царей была продолжена в XVIII в. После посещения Соловков Петром I на берегу морской бухты у стен монастыря воздвигли Петровскую часовню. После визита в монастырь в 1844 г. великого князя Константина Александровича построили Константиновскую часовню. Александровскую часовню, увенчанную царской короной с крестом, возвели после визита в обитель в 1858 г. императора Александра II. И «с целью увековечить в обители достойную память его величества, облагодетельствовавшего обитель», поставили Троицкий собор с приделом святого Александра Невского, имя которого носил государь[30].

С позиций особого государева богомолья получает объяснение многое в истории Соловецкого монастыря. Становится понятна постоянная и жесткая борьба со стороны царского двора с нарушениями монастырского устава, из-за которых, по представлению средневекового человека, могла страдать действенность молитв. Проясняется предназначение государевой крепости, стоявшей на страже не только Русского Севера, но и важнейшего северного сакрального центра Русского государства. Ее стены и башни строили как абсолютно неприступные (запаса прочности валунной Соловецкой крепости хватило на три века развития артиллерии). В XVI–XVIII вв. крепость была прекрасно вооружена[31].

Через призму государева богомолья становится объяснима и вся глубина драмы, разыгравшейся на Соловках во время знаменитого «Соловецкого сидения» 1667–1676 гг. Роковым решением для восставших стал отказ в декабре 1673 г. черного собора молиться за царя, который поддержал неприемлемую для соловчан церковную реформу. По своей глубинной сути этот отказ, подкрепленный военным противостоянием царскому войску, означал не только захват, но и упразднение важнейшего царского богомолья, что закономерно ускорило трагическую развязку событий.

Актовые грамоты свидетельствуют о том, что круг государевых богомольцев на Руси в XVI–XVII вв. не ограничивался монашеской братией. Он охватывал всех церковных иерархов и священнослу-

[25] Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М.: Наука, 1977. С. 123, 132.

[26] ММК. Инв. № Рук-1255 (Книга вкладная Соловецкого монастыря 1536–1600 гг.). Л. 9–9 об., 10 об.–13 об.

[27] Там же. Л. 14–14 об.

[28] Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. / сост. И. З. Либерзон. Л., 1990. С. 63 (№ 561, 666, 719); ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 297, 302, 306, 311, 321, 345, 359; Т. 2. № 144, 180; Т. 3. № 106, 119, 137, 173, 307, 309; Т. 4. № 149, 171, 207, 238, 322; ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. № 33–I, 33–III, 33–IV; 1867. Т. 10. № 69; 1872. Т. 12. № 62; Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. СПб., 1836. Ч. 1. С. 139–140; ММК. Инв. № Рук-184 (Грамота 14 февраля 1638 г.); Инв. № Рук-241 (Грамота 7 мая 1646 г.); Инв. № Рук-242 (Грамота 17 июня 1646 г.); Инв. № 369 (Грамота 25 августа 1671 г.); Инв. № Рук-372 (Грамота 30 октября 1671 г.); Инв. № Рук-1134 (Грамота 1657–1659 гг.); Инв. № Рук-1137 (Грамота 1657–1659 гг.); РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 599 (Приходо-расходные книги (ПРК) денежной казны Соловецкого монастыря 1680–1685 гг.). Л. 123–123 об., 156 об., 163 об.

[29] ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 297, 302, 306, 311; Т. 2. № 135, 145; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 211 (ПРК, 1583–1585). Л. 57; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 242 (ПРК, 1644–1645). Л. 37–37 об.; ММК. Инв. № Рук-739 (Грамота 4 июня 1607 г.); Инв. № Рук-791 (Грамота 26 декабря 1646 г. / 20 марта 1647 г.).

[30] Руководитель для поклонников по Соловецкому острову. Изд. 3-е. М., 1880. С. 7.

[31] Буров В. А. Оружейная казна Соловецкого монастыря в конце XVI – XVII вв. // Соловецкий сборник. Архангельск, 2005. Вып. 2. С. 53–104; Его же. Оружейная казна Соловецкого монастыря в XVIII–XIX вв. // Там же. Архангельск, 2006. Вып. 3. С. 42–119.

жителей Русской Православной Церкви, всю иерархическую должностную лестницу церковной организации[32]. Само понятие и термин «государево богомолье» оформились и закрепились при Василии Темном и Иване III, что сопровождалось расширением сети церквей и монастырей. При Иване IV Грозном система богомолений стала более четкой, шло нарастание мощности вкладов, пожертвований в монастыри, начало осуществляться более активное моление за царя и его семью по запросам самих государей, а не только в качестве общеобязательной для всех христиан молитвы за правителей, с которой начинались все без исключения богослужения. В XVII столетии при первых царях династии Романовых, особенно при Алексее Михайловиче, система государева богомолья была доведена до совершенства и достигла пика своего развития. Церковь со всей разветвленной системой храмов и монастырей была задействована в богомолье за царя. В это время богомоление за государя и его семью окончательно сформировалось как мощная духовно-идеологическая составляющая основы Русского православного царства. Среди многочисленных государевых богомолий еще при Иване IV выделились три монастыря: Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и Соловецкий. Окруженные мощнейшими крепостями, эти монастыри, получившие в XVI–XVII вв. многочисленные льготы и вклады, стали главными центрами моления за правителя Русского государства. Неслучайно именно на эти три великие обители патриарх Московский и всея Руси Никон указал путешествовавшему по Московии Антиохийскому патриарху Макарию[33].

[32] Буров В. А. Государево богомолье … С. 175–209.

[33] Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII века. М., 1898. Вып. 3. С. 126.

V. A. Burov

Historical and Archaeological Studies of the Solovetsky Monastery

Key words: archaeology, monasteries, cells, churches, shrines, fortification, industry, infrastructure improvements, Gulag.

Abstract: The article contains the results of the two decades researches at the Solovetsky Monastery in the field of archaeology and history. The excavations were being made on the objects of the 16th – 19th cc. in seven directions: 1. Temples and chapels (Germanovsky and Pokrovsky Chapels, Onufrievsky Church). 2. Domestic development (brethrens' and archimandrite's cells). 3. Manufacturing complexes (a boiler shop). 4. Fortress (arrow slits, ditches, prison). 5. Monastery infrastructure improvements (drains, pavements). 6. Material culture 7. Complexes and objects of the concentration camp (Gulag) and the prison (1923–1939). The analysis of historical documents allowed to conclude that the Solovetsky Monastery in 1468–1478 got the status of the "All Novgorod" Monastery and in 1479 it became of the Grand Principality of Moscow. In the middle of the 16th century under Ivan 4th the Terrible at the time of the hegumen Philip (Kolychev) the Solovetsky Monastery joined the three top of the Russian Monasteries, where the prayer was zealously offered for the monarch – "monarchic prayer". This provided rich donations and prosperity for the cloister for two centuries.

И. Н. Шамина

Что хранилось в монастырской кладовой: предметный мир русского монастыря рубежа XVII–XVIII вв.

В историографии русские монастыри XVI–XVIII вв. изучались чаще всего как религиозные и культурные центры или как земельные собственники[1]. Монастырская повседневная жизнь рассматривалась в первую очередь на основе житийной литературы[2]. Богатые коллекции монастырской утвари хранятся в музеях, однако здесь они, как правило, представлены в отрыве от той обстановки, в которой бытовали. В данном сообщении я попытаюсь рассмотреть отдельные стороны повседневной, не богослужебной жизни монастырских насельников через те вещи, которые хранились в монастырских амбарах и кладовых.

Основной источник исследования – описи имущества ряда вологодских монастырей последней трети XVII – начала XVIII в. Описи монастырского имущества – это документы хозяйственного учета и отчетности монастырской администрации. В них есть сведения о составе братии и работников, о монастырских постройках, ризнице, библиотеках, архиве, а также хозяйстве монастыря – продовольственных запасах, семенах, скоте, инвентаре и проч. В основе настоящей статьи лежат опись Корнилиева Комельского монастыря 1676 г. и Спасо-Преображенского Нуромского монастыря 1678 г., а также описания 1701–1703 гг. вологодских Троицкого Павлова Обнорского, Иннокентиева Комельского, Николо-Озерского, Глушицкого, Лопотова Пельшемского и Спасо-Каменного монастырей и другие материалы. Описание монастырей Российского государства и их вотчин в 1701–1702 гг. составлялось в связи с передачей в 1701 г. управления духовными корпорациями воссозданному Монастырскому приказу. В качестве дополнительных привлекаются опись имущества вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря 1688 г., приходо-расходные книги конца XVII – начала XVIII в. и другие источники.

Многие из использованных мною источников в недавнем прошлом были опубликованы. Бóльшая их часть вошла в состав уникального издания «Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.»[3]. Ряд монастырских описей был опубликован мною на страницах журнала «Вестник церковной истории»[4]. На страницах того же издания увидела свет и опись Глушицкого монастыря 1701–1702 гг., подготовленная Н. В. Башниным[5]. Использовались также документы, хранящиеся в РГАДА и в Государственном архиве Вологодской области[6].

[1] Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927; Тихомиров М.Н. Монастырь – вотчинник XVI в. // Исторические записки. 1938. [Т.] 3. С. 130–160; Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в.: по материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.; Л., 1959; Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в.: о сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977; Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина конца XVI – XVII века: (по архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004; Шамина И. Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевладение и организация хозяйства: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2003; и др.

[2] Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966; Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002; Найденова Л. П. Внутренняя жизнь монастыря и монастырский быт: (по материалам Соловецкого монастыря) // Монашество и монастыри в России, XI–XX века: ист. очерки. М., 2002. С. 285–301; и др.

[3] Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда, 2011.

[4] Шамина И. Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2 (13/14). С. 26–99; Ее же. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Там же. 2010. № 1/2 (17/18). С. 17–107; Ее же. Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII – начала XVIII века // Там же. 2011. № 3/4 (23/24). С. 30–63.

[5] Башнин Н. В. Документы из архива Дионисиева Глушицкого монастыря: опись имущества и строений 1701 г., переписные книги вотчины 1702 г // Там же. 2013. № 3/4 (33/34). С. 139–177.

[6] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Кн. 33; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 10; и др.

Изучаемые монастыри располагались в Вологодском уезде. Некоторые из них – Спасо-Каменный, Павлов Обнорский и Корнилиев Комельский – являлись относительно крупными и экономически сильными. В состав их обширных вотчин входили несколько сел с деревнями. Другие же – Глушицкий, Лопотов, Никола-Озерский, Иннокентиев Комельский и Спасо-Нуромский – были небольшими. Их вотчины включали в себя лишь несколько десятков деревень.

Монастырь-вотчинник XVII – начала XVIII в. представлял собой целый хозяйственный комплекс. В центре его находился сам монастырь с многочисленными хозяйственными службами. Сюда же входили монастырские села, где располагались монастырские дворы и жили посельские старцы. Отдельными хозяйственными комплексами являлись монастырские мельницы, а также дворы при соляных промыслах, рыбных ловлях и проч. Количество служб и соответствующих построек в монастырях зависело от размера обители. Чем крупнее был монастырь, тем более разветвленной была сеть его хозяйственных служб, сложнее организация хозяйства и многообразнее повседневная жизнь монастырских насельников. В рамках данного исследования я ограничусь анализом тех предметов, которые находились непосредственно в монастырских стенах.

Состав вещей, необходимых для повседневной, не религиозной жизни монастырских насельников, можно установить, изучив содержимое амбаров (казенных палат, кладовых). Эти вещи можно разделить на несколько групп.

1. Первую группу составляют *предметы кухонной и трапезной утвари.* К концу XVII в. утварь в монастырях была деревянной, оловянной, медной или железной. Ее подбор в монастырских казенных палатах выглядит случайным. Нет ни одного вида кухонной утвари, который бы встречался во всех описях. Зависимости между общим количеством посуды и размером того или иного монастыря также не прослеживается.

Посуду монастырские власти регулярно покупали или обновляли. Так, например, казначей Павлова Обнорского монастыря в течение 1694/95 г. купил для трапезы «уполовник», 1530 ложек, 3 больших чана, 2 лохани, 4 сита, еловый бочонок, а также горшки и ведра[7]. Иногда посуду для монастырей делали по заказу властей крестьяне. Тем не менее, как видно из содержания монастырских описей, постоянных запасов кухонной утвари в монастырях не имелось. К примеру, ложки обнаружены в казенной палате только одного Корнилиева Комельского монастыря (60 штук, в том числе 10 хранились в палате подкеларника)[8]. Из приобретенных казначеем Павлова Обнорского монастыря в 1694 г. более полутора тысяч ложек в описи 1701 г. не указано ни одной.

Наиболее представительной по набору кухонной утвари выглядит казна Спасо-Каменного монастыря. Здесь представлены «семнадцать сковородок луженых … четыре братины[9], четыре яндовки[10] луженые, два горшечка с покрышками … пять кунганов[11], солоница, ковш пивной, дватцать один ставец[12], торель, пять котлов кашеварных, три противня, девять сковородок черных, девять чаш квасных, стокан с подденком … дватцать одно блюдо, восмь торелей, двои судки столовые, солоница, четыре крушки, уксусник, росолник, три оловяника, три стокана, перешница»[13]. Таким образом, в монастырской казне могло находиться до 20 наименований кухонной утвари. Это позволяло приготовить и сервировать не только скромную постную трапезу, но и парадный обед.

Утварь, хранящаяся в амбарах и казенных палатах монастырей, по своему назначению была двух видов: необходимая для приготовления пищи и посуда для трапезы. Причем в амбарах хранился не основной набор, используемый повседневно, а, судя по всему, запасные приборы, а также специальная посуда для раздачи на праздниках и приемах. К примеру, о хранящихся в казенной палате Павлова Обнорского монастыря братинах в описи указано следующее: «13 братиночек с кровлями … в поднос раздают вкладчикам, венчики писаны по серебру»[14].

Основная же утварь, необходимая для каждодневного приготовления пищи, хранилась не в амбарах, а в других монастырских службах. Так, в Корнилиеве Комельском монастыре это были «полатка подкеларника», хлебодарня, естественная поварня, поваренная келья, квасная поварня, квасной погреб, рыбный погреб и хлебня[15]. В Спасо-Каменном монастыре в естественной поварне находились «4 котла медных – шти варят, да котел в 3 ведра … да в хлебне котел в 6 ведер, да в просвирне у просвирника 2 сковороды блинные»[16].

Однако в первую очередь во время трапезы использовались ставцы и так называемые судки столовые – наборы посуды, которые, судя по всему, были у всех монастырских насельников свои личные и хра-

[7] Шамина И. Н. Приходо-расходная книга Павлова Обнорского монастыря // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4 (33/34). С. 85–138.

[8] Переписные книги вологодских монастырей … С. 330.

[9] Братина – шаровидный сосуд для напитков.

[10] Яндова – широкий медный настольный сосуд с носиком для разлива напитков.

[11] Кунган – металлический кувшин с носиком и ручкой для пива или кваса.

[12] Ставец – деревянный сосуд для питья, точится из расколотого пополам чурбана, вдоль слоев.

[13] Переписные книги вологодских монастырей … С. 149–150.

[14] Шамина И. Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря. С. 76.

[15] Переписные книги вологодских монастырей … С. 330–331.

[16] Там же. С. 125.

нились, вероятно, в кельях. Об этом, в частности, пишет Н. К. Никольский, описывая устройство Кирилло-Белозерского монастыря. По его словам, в келье обычного монаха могли находится помимо прочих предметов «ножи, вилки, котлы и т. п.»[17]. В словаре В. И. Даля отмечены следующие поговорки: «Всякому старцу по ставцу», «Сколько старцев, столько ставцев» и др. Упоминания об этих видах посуды в описях носят единичный характер и лишь в связи с запасными наборами, хранящимися в амбарах. Интересна запись в описи имущества Корнилиева Комельского монастыря, где указаны помимо судков столовых (белых оловянных с подденом и без поддена) «судки чудотворца Корнилия деревянные»[18]. Вещи святого основателя монастыря хранились как реликвии.

Следует, однако, учитывать, что к началу XVIII в. практически все российские монастыри понесли большие потери при изъятии посуды в соответствии с указом Петра I от 30 мая 1701 г., который требовал «изо всех монастырей пивоваренные и квасоваренные котлы, и винокуренные кубы, и иную медную застольную посуду, опричь самых нужных поваренных и столовых судов, взять на Пушечный двор в пушечное литье в прибавку к колоколенной меди»[19].

Изучение по описям монастырского имущества количественного и качественного состава посуды и кухонной утвари, хранящейся в монастырской казне, поможет составить представление о том, как проходила монастырская трапеза – обычная и праздничная, какими предметами сервировался стол. Сравнение же описей средних и сравнительно небольших обителей позволит выявить особенности данного процесса в различных по богатству и статусу монастырях.

2. Вторую группу вещей из монастырских кладовых составляли *конская сбруя, упряжь и средства передвижения – седла, вожжи, сани, хомуты, попоны, шлеи, полсти, япанчи.* Изучение описных книг показало, что основная масса этих предметов, используемая повседневно, хранилась отнюдь не в амбарах и кладовых, а в конюшенных дворах. В амбарах лежали опять же запасы, временно не используемые в хозяйстве. Интересно, что практически во всех монастырях среди конской сбруи и часто на конюшенных дворах хранились «медведны» – медвежьи шкуры, которые, вероятно, спасали проезжающих от зимней стужи.

Среди средств передвижения отмечены сани различных видов, дровни и телеги. В Спасо-Прилуцком монастыре среди монастырских насельников были даже специальные должности – санник и хомутник. Здесь находился и отдельный санный двор, где помимо саней хранились также средства передвижения для парадного выезда: «вышка архимандричья», «рыдван обит черной кожей» (в данном случае, вероятно, это большая карета), «коляска поддета черной кожей», а также дровни, телеги и запасные колеса[20].

3. Третью группу вещей из монастырских кладовых составляют *различные инструменты, в том числе и сельскохозяйственный инвентарь.* Практически во всех монастырях имелись тесники[21], напари (буравы), долота, ломы, а также молоты/молотки и наковальни – показатели развития в монастырях кузнечного ремесла. Указываются также клещи, пилы, пешни, багры, кирки и проч. В описи Спасо-Каменного монастыря 1701–1702 гг. подробно расписано, для чего использовался каждый из имеющихся в амбаре инструментов: «Три кирки з деревьем, тяпка – копают ими землю; молоток – починивают лодки; два ломка, станок – починивают на них котлы; крюк, два тесника, три пазника, тесла, семь напарей – делают тою снастию всякое плотницкое дело; семь пешен железных – зимным временем долбят ими лед»[22]. Сельскохозяйственный инвентарь в наиболее полном составе представлен в описи Корнилиева Комельского монастыря 1676 г.: там были 20 лемехов, 16 чертцов[23], 15 надов (?), 18 потягов моржовых[24], 20 косуль з железами, 11 сох, 50 кос-литовок, 29 серпов, 6 сошников[25].

Инструменты и сельхозинвентарь, вероятно, производились либо в монастырских кузницах, либо делался на заказ людьми со стороны. Так, казначей Павлова Обнорского монастыря дважды на протяжении 1694 г. заказывал плуги крестьянам: «Костромского уезду Дмитрия Никитина сына Поленова деревни Прудовицы Михеи Прокофьев зделал про монастырскои обиход тритцать плугов». Видимо, его брат Федор Прокофьев из той же д. Прудовицы в январе 1695 г. сделал еще 30 плугов[26].

4. Следующую категорию вещей из монастырских хранилищ составляют *различные виды одежды.* Ее в свою очередь также можно разделить на две группы: одежда для монахов (клобуки, рясы, ширинки, мантии) и мирская, часть которой могла использоваться и монахами (кафтаны, шубы, зипуны, рукавицы, шапки, треухи). В описи Спасо-Прилуцкого монастыря 1688 г. фигурирует такой неожиданный

[17] Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века / изд. подгот. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, Т. И. Шаблова. СПб., 2006. С. 212.

[18] Там же. С. 330.

[19] Старая Вологда, XII – начало XX в.: сб. док. и материалов. Вологда, 2004. С. 478.

[20] Переписные книги вологодских монастырей … С. 95–96.

[21] Тесник – вид топора с лезвием поперек рукоятки.

[22] Переписные книги вологодских монастырей… С. 153.

[23] Чертец – косульный или сошный отрез, нож.

[24] Моржовый потяг – изготовленный из уса моржа ремень.

[25] Переписные книги вологодских монастырей… С. 330.

[26] Шамина И. Н. Приходо-расходная книга Павлова Обнорского монастыря. С. 111, 118.

предмет, как шляпа немецкая[27]. Церковное облачение, которое хранилось в монастырских ризницах, в данном исследовании во внимание не берется.

Одежда и обувь изготавливались как непосредственно в монастырях, так и приобретались на ярмарках. Практически во всех относительно крупных обителях к концу XVII в. были портные швали из числа монастырских слуг. Один из портных швалей Павлова Обнорского монастыря был направлен в услужение к находившемуся в заточении патриарху Никону, однако Никон остался им весьма недоволен. Он писал: «Платьем и обувью я с братью обносился, а сшить некому, прислан из Павлова монастыря портной, швечишко неумеющий, кроме шубного и сермяжного, сшить и скроить о себе ничего не умеет»[28]. В кладовых среди прочего хранились и отрезы различной ткани. Одежда и обувь часто попадали в монастырскую казну в качестве вкладов. Так, во вкладной книге Арсениева Комельского монастыря XVI–XVIII вв. есть неоднократные на это указания. В феврале 1649 г. один из вкладчиков-крестьян помимо денег (5 рублей) должен был принести: «шуба нова, да кавтан сермяжной, да штаны сермяжные серы, да онучи, да рукавицы»[29]. Интересно, что в мужском Спасо-Каменном монастыре среди прочей одежды указана женская однорядка (долгополый кафтан без ворота)[30]. Одежду из монастырской казенной кладовой выдавали монахам, а также монастырским служкам, «детенышам» или другим работным людям.

Н. К. Никольский приводит весьма интересные данные об одежде монахов из духовной грамоты прп. Иосифа Волоцкого, где перечислены следующие виды монашеской одежды: «мантия, ряска, шуба, свитка, клобук, сапоги, чулки, скуфьи – зимняя и летняя». На одного монаха, в зависимости от степени его подвижничества, полагалось: «1 мантия, 1 ряска, 1 шуба, свитки 2 или 3 – "и всего платиа по единому … худа вся и искропана"» или «1 мантия большая "неискропана", клобук, 1 ряска, 1 шуба», или «1 мантия новая, другая ветхая, 1 клобук новый, другой ветхий, 1 ряска новая, другая ветхая, 3 свитки – одна новая, две ветхие, сапоги – одни новые, другие ветхие, 1 чулки, 2 скуфьи зимних и 2 летних, одна новая, другая ветхая»[31].

Однако качественный и количественный состав одежды, получаемой постриженикам, даже в рамках одного монастыря мог сильно различаться. Так, например, в Арсениеве Комельском монастыре в начале XVII в. один из постриженикам получил в пользование «ряску, да свитку, да клобук, да сапоги», в то время как другой – «шуба братцкая, да манатья большая, да свитка, да клобук, да манатейца малая, да снуженка»[32].

5. В отдельную группу можно вычленить и *выделанные кожи и шкуры – овчины, телячьи и козлиные, а также овечью шерсть, войлок и др.* Эти предметы поступали в монастырь в виде крестьянского оброка либо выделкой шкур крестьяне занимались в монастыре по распоряжению администрации. Так, в Павлове Обнорском монастыре в 1694 г. «Месяца марта в 2 день подмонастырнои вотчины крестьяня деревни Острогулина Иван Тарасов да Перфилей Харламов да села Зиновьива деревни Добрынкина Богдан Семенов зделали про монастырской росход сто дватцать одну овчину, да одиннатцать мерлин, да дватцать девять мерлушек … Да Патрекей Никитин да Ферапонт Викулов зделали с монастырской падежной скотины девятнатцат кож болших конин и коровьих. Да три подроска. Да пятдесят три телятины на сыромят, да шесть козлин»[33]. Указания на различные виды выделанных шкур и кож домашних животных позволяют судить о развитии в монастырях кожевенного и сапожного ремесла (в сравнительно крупных монастырях упоминаются должности: «сапожные швали», «чеботные мастера», «сапожники»).

6. Заметное место в монастырских казенных палатах принадлежит *оружию.* Его также можно разделить на две группы: холодное (бердыши, шпаги, луки со стрелами, сабли, боевые топоры) и огнестрельное. Практически во всех изучаемых монастырях хранились пистоли, пищали, карабины и сабли. Чуть реже встречаются упоминания о мушкетах и боевых топорах. В некоторых монастырях имелись также палаши, бердыши, ружья, саадаки, шпаги. Было и военное снаряжение: рейтарские латы (Спасо-Прилуцкий монастырь), кольчуги, панцири, шишаки, шлемы.

Оружие из монастырских запасов обычно выдавалось слугам, призываемым на государственную военную службу. Так, например, еще в 1604 г. правительство Бориса Годунова собирало войска для борьбы с Самозванцем. Практически из всех сколько-нибудь крупных монастырей Вологодского уезда в него рекрутировались служки. Корнилиево Комельский монастырь тогда выставил «десят человек конных, да семь лошадей, да для бережения и корму 2 человека», Павлов Обнорский монастырь – 9 человек и 6 лошадей, а также одного человека для «бережения и корму», Спасо-Нуромский – 4 человек и 2 лошадей[34]. В синодике

[27] Там же. С. 88.

[28] Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. 4. С. 330.

[29] Шамина И. Н. Вкладная книга Арсениева Комельского монастыря Вологодского уезда [публикация] // Вестник церковной истории. 2007. № 3 (7). С. 27.

[30] Переписные книги вологодских монастырей… С. 153.

[31] Никольский Н. К. Указ. соч. С. 213–214, примеч. 324.

[32] Шамина И. Н. Вкладная книга Арсениева Комельского монастыря … С. 16, 23.

[33] Ее же. Приходо-расходная книга Павлова Обнорского монастыря. С. 120.

[34] Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 124–126.

Корнилиева Комельского монастыря записаны для поминовения имена 25 служек, «побитых на государевой службе»[35]. В Павлове Обнорском монастыре в 1702 г. из 31 монастырского слуги шестеро находились на военной службе с 1700 г. Двое, однако, затем вернулись обратно: «из Нова города отпущены с отпуском за раны»[36].

Обращает на себя внимание то, что большая часть оружия находилась на момент переписи в поломанном состоянии. Например, в Иннокентьеве Комельском монастыре хранились «три пары пистолей со лстрами (чехлами) … а то ружье ветхо и к службе не годитца»[37]. В Спасо-Каменном монастыре представлен довольно солидный набор оружия: 7 пистолей, 5 мушкетов, 12 карабинов, 9 пищалей, 6 сабель и шпага. Однако всё то оружие было «ветхое, а у пистолей и у карабинов олстра ветхие и ни к чему … (видимо, не годятся. – *И. Ш.*)»[38]. Указаний на то, что оружие производилось в самих монастырях (как это было, например, в Соловецком монастыре[39]) в изучаемых описях нет. Скорее всего, монастыри оружие покупали или принимали в качестве вкладов. В начале 1660-х гг. помещик из Авнежской волости А. С. Пересмыцкий дал в Арсениев Комельский монастырь в качестве вклада помимо прочего «карабин, да пистоль, да саблю»[40]. Упоминания о покупке оружия есть в приходо-расходной книге Корнилиева Комельского монастыря 1703 г.: в феврале на ярмарке в монастырском торговом селе Грязивицы было куплено 13 бердышей (на 40 алтын)[41]. Вероятнее всего, это оружие купили не для хранения в монастыре, а в связи с отправкой монастырских людей на военную службу, как это делалось, к примеру, в Вологодском архиерейском доме. Там в 1662/63 г. для детей боярских, семи человек, отправлявшихся на военную службу, помимо обмундирования и конской упряжи было приобретено «7 карабинов с крюками и с перевезми … да съезжих пистолей 7 пар с ольстрами»[42].

Интересно, что помимо перечисленного оружия, которое встречается в описях всех сколько-нибудь крупных монастырей, в описи Спасо-Прилуцкого монастыря указаны порох в бочке, 35 пушечных ядер, у святых ворот под кровлей стояли шесть чугунных пушек на станках «да 14 пушек под башнею, что в прошлом во 175-м (1667/68) году пожаловал великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович … да к тем пушкам 199 ядер»[43]. Спасо-Прилуцкий монастырь, находившийся в непосредственной близости от Вологды, выполнял роль военной крепости и в случае опасности должен был защищать город. Известно, что в Смутное время монастырь подвергался нападениям интервентов. В декабре 1612 г. в нем погибли монахи и местные жители: «Лета 7121 … 18 декабря в Прилуцком монастыре польские и литовские люди были: Голеневской пан и Шелковецкой гетман, Баловень с казаками воевали села и деревни, и многих людей мучили и убивали до смерти, и в Прилуцком монастыре трапезу пожгли со многими людьми»[44]. В 1640–1650-х гг. в монастыре началось широкомасштабное каменное строительство[45]. К концу 1650-х гг. вокруг монастыря были возведены мощные крепостные стены с пятью башнями. Новые каменные стены превратили Спасо-Прилуцкий монастырь в сильную крепость. Как главные оборонительные сооружения, вероятно, рассматривались башни на северном, южном и восточном углах. Они имеют несколько ярусов бойниц и приспособлены к круговой обороне. Видимо, в связи с этим строительством и для последующей возможной обороны Вологды Алексей Михайлович и пожаловал монастырю столь мощный военный арсенал.

7. Едва ли не обязательным атрибутом монастырской казенной палаты были так называемые *подголовники* – сундуки с монастырскими гра-

[35] Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник № 2008. Л. 231 об., 378 об.–379

[36] Шамина И. Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря. С. 126, 126 об.

[37] Ее же. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь. С. 70.

[38] Переписные книги вологодских монастырей… С. 149.

[39] Оружейное производство в Соловецком монастыре началось еще в конце XVI в. В описи 1597 г. перечислено оружие как «государева жалованья», так и «монастырского кованья». Среди последних перечислены: «пять пушек скорострелных железные. Да восмь пушек железных полуторных и девятипядных… Да затинных пищалей монастырского кованья дватцать пищалей» (Описи Соловецкого монастыря XVI века / сост. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик. СПб., 2003. С. 167–168). О военном арсенале Соловецкого монастыря см. также: Буров В. А. Оружейная казна Соловецкого монастыря в XVIII–XIX вв. // Соловецкий сборник. Архангельск, 2006. Вып. 3. С. 42–119.

[40] Шамина И. Н. Вкладная книга Арсениева Комельского монастыря … С. 41.

[41] ГАВО. Ф. 496. № 54. Л. 12 об.

[42] Старая Вологда … С. 51.

[43] Переписные книги вологодских монастырей … С. 90. Соотносимое по количеству вооружение находилось в 1674 г. и в Онежском Крестном монастыре: «Большая пушка в длину 13 пядей, другая пушка в длину ж 11 пядей, а у обеих тех пушек ядро весом 7 фунтов. Третья пушка в длину 11 пядей, а ядро весом пол 3 фунта. Две пушки в длину все по полсемы пяди, а ядро весом 4 фунта. А больших у дву пушек 87 ядер. У 4-х пушек средние статьи ядер 282, весом по 4 фунта ядро» (ЧОИДР. 1883. № 4. С. 44 (Смесь)).

[44] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 197.

[45] О строительстве в Спасо-Прилуцком монастыре см., например: Память архимандрита вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Серапиона и келаря Селиверста с братией крестьянам Великорецкого Ключа о заготовке леса для достройки монастырских стен 1652 г.; Челобитная архимандрита вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Ионы, келаря Селиверста и братии царю Алексею Михайловичу о разрешении не высылать в Москву каменщиков, необходимых для окончания строительных работ в монастыре, 1658 г. (Старая Вологда … С. 171–172).

мотами, деньгами и часто с драгоценностями. Состав и анализ грамот, находившихся на хранении в подголовниках, безусловно, требует своего отдельного изучения. Это были, в первую очередь, документы, определяющие права того или иного монастыря на землю: жалованные, данные, купчие, меновные, сотные и другие грамоты. Сам подголовник обычно не отличался изысканностью. Например, в Спасо-Каменном монастыре он был всего лишь «дубовой крашеной, окован железом с нутряным замком»[46].

Драгоценности, хранившиеся в подголовниках, как правило, служили украшениями для храмов: декоративные чарки, украшения с икон, серебряные пуговицы, золотые и серебряные кресты, золотное кружево. Однако были среди них и вещи мирского происхождения. Например, в Григориеве Пельшемском Лопотове монастыре в начале XVIII в. хранились «серги двойчатки крестьянские простые»[47]. Возможно, они попали в монастырь в качестве вклада. В Глушицком монастыре в 1683 г. описана «чепь серебряная позолоченная кольчатая … да две прониски сребряныя ж золоченые сканное дело. В них восмь камешков розных цветов да шестнатцать жемчюжков. На той чепе крест золотой, у нево семь зерн бурминских»[48]. Во многих монастырях были шкатулки с различными мелочами (скляницами).

8. Еще одну группу предметов составляют *приспособления для искусственного освещения.* В монастырях указаны выносные (большие и малые) слюдяные фонари, которые, вероятно, использовались на улице. В церквах были паникадила – многосвечники, подвесные светильники со свечами и лампадами. В остальных помещениях для освещения применялись свечи. В Иннокентьеве Комельском монастыре хранились «пятнатцать фурм белово железа, что салные свечи льют»[49], что свидетельствует об изготовлении свечей непосредственно в обители. В описи Павлова Обнорского монастыря указаны три ночника[50]. К сожалению, что они собой представляли, установить пока не удалось.

9. По крайней мере в трех относительно крупных монастырях – Спасо-Прилуцком, Спасо-Каменном и Корнилиеве Комельском – имелись также *средства водного транспорта.* В Спасо-Прилуцком это были два дощаника-вешняки, а в казенной палате хранились различные снасти к ним – якорь, паруса, веревки и проч. В описи имущества Спасо-Прилуцкого монастыря 1688 г. предусмотрен даже специальный раздел «Паузочные[51] снасти»[52]. В данном случае такие суда использовались в первую очередь для перегрузки соли, а также для доставки к соляным промыслам хлеба и других товаров. Соляные варницы Спасо-Прилуцкого монастыря располагались в Тотьме, Уне и Соли Вычегодской[53]. В 1647 г. игумен Спасо-Прилуцкого монастыря Феодосий бил челом царю Алексею Михайловичу о гибели монастырских дощаников: «Купили на Вологде хлебных всяких запасов для соляного промыслу в Унское усолье … И те хлебные запасы с Вологды отпустили мы на дву дощаниках вниз х Колмогорам. И на низовой поплавке на Двине, не доплыв до Колмогор тритцати верст … о камень монастырской наш дощаник розбило и запасы всякие, что в нем было, то все погибло. Да в нынешнем … во 7155-м (1646/47-м. – *И. Ш.*) году из монастырского нашего усолья, из промыслу соляново, из Уны отпущен был с солью х Колмогорам на лодье монастырской служка, и на море тое нашу лодью погодою розбило, и с людьми биз висти погибла»[54].

Об использовании дощаников в Корнилиевом Комельском монастыре известно еще с XVI в. Так, по жалованной грамоте 1582 г. о монастырских соляных промыслах сказано: «А остается у них за монастырским обиходом у году по 5 тысяч пуд соли. А ходит-де под тою солью водяным путем один дощаник»[55]. В 1703 г. монастырь приобрел 10 дощанов для рыбных ловель, покупалась также смола «для лодок». В отличие от Спасо-Прилуцкого монастыря, водные транспортные средства в Корнилиевом Комельском монастыре в конце XVII – начале XVIII в. использовались, по всей видимости, только в рыболовных целях.

10. В описях подавляющего большинства изучаемых монастырей упоминаются *часы.* Без них обходились только небольшие пустыни. В некоторых монастырях была даже должность – часовод. Если основатели монастырей жили, ориентируясь кроме богослужебных уставов на природные суточные ритмы, привязывая службы к ходу солнца, то к концу XVII в. во всех обителях, кроме самых небольших пустынь, имелись башенные часы, которые располагались на колокольне. В нескольких монастырях отмечено также наличие келейных часов. Так, в Арсениев Комельский монастырь в 1657 г. «часы боевые, малые, килейные» поступили в качестве вклада от «с Москвы вологжанина Феодора Деми-

[46] Переписные книги вологодских монастырей … С. 149.

[47] Шамина И. Н. Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII – начала XVIII века // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4(23/24). С. 46.

[48] Переписные книги вологодских монастырей… С. 206.

[49] Шамина И. Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь. С. 70.

[50] Ее же. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря. С. 76.

[51] Паузок – речное мелководное судно для перегрузки клади с больших судов на мелководные.

[52] Переписные книги вологодских монастырей … С. 97.

[53] Прокофьева Л. С. Указ. соч. С. 39.

[54] Старая Вологда … С. 167.

[55] Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 713.

дова сына Доронина»[56]. Некоторые из часовых механизмов на момент составления описей были уже изломаны, что говорит о длительности практики их использования.

Практически во всех монастырях хранились различные *измерительные приборы* – безмены, контари[57], а также различные по весу гири. Среди прочих предметов следует отметить куски железа весом от 0,5 до 1 пуда, запасные окончины, краску (охру) и олифу, березовые лапти, запасы писчей бумаги, ножницы – кровельные и «овечьи», сумки переметные[58], языки для колоколов, одеяла и многое другое.

Ряд предметов нельзя выделить в отдельные категории. В Корнилиеве Комельском монастыре описан «колоколец в сенях будильной». Вероятно, такой был и в Спасо-Каменном монастыре, где отмечена специальная должность – будильник[59]. В Павлове Обнорском монастыре по крайней мере с середины XVII в. по описям числился утюг. В Европе утюги стали известны не позднее XVI в. Для России же утюг и в XVII в. оставался редкостью. Впервые «утюг железный» отмечен в описи Павлова монастыря 1654 г.[60], позднее он перечислен среди инструментов (ломов, пил, скобцов и проч.) в описи 1701–1702 гг.[61]. К сожалению, описи не дают информации о том, как именно этот утюг использовался. Другие упоминания об утюгах мне удалось найти только в описи Оружейной палаты[62].

Интересно, что для некоторых вещей указано их иностранное происхождение: «шкотцкие замки» к оружию (с особой формой курка, губок и замочной доски). В Спасо-Прилуцком монастыре хранились «посуда (блюда) аглинского дела», «польские ложки», а также «два стула немецкие кожаные, ноги точеные витые»[63]. Исходя только из содержания монастырских описей, сложно сказать, откуда в вологодских монастырях могли появиться импортные вещи. Очевидно, большую роль сыграла относительная близость Вологды, крупнейшего в XVI–XVII вв. торгового и транзитного центра на Севере. Через Вологду проходили торговые связи Русского государства с Северной Европой. После открытия в 1553 г. морского пути в Европу через Архангельск город стал и перевалочным пунктом для русских и иностранных товаров.

Таким образом, изучение предметов, хранящихся в монастырских кладовых, позволяет выяснить разные стороны монастырской повседневной жизни. Они показывают, что на рубеже XVII–XVIII столетий русские монастыри были не только духовными центрами, но и крупными хозяйственными корпорациями, а также центрами престижного потребления.

[56] Шамина И. Н. Вкладная книга Арсениева Комельского монастыря … С. 34.

[57] Контарь – ручные весы, у которых точка опоры неподвижная, постоянная, а гиря подвижная – в отличие от безмена.

[58] Переметные сумки – сумки, перекинутые через седло лошади, в которых, как правило, перевозилась та или иная поклажа.

[59] Переписные книги вологодских монастырей … С. 154, 330.

[60] ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. № 1.

[61] Шамина И. Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря. С. 77.

[62] Опись Московской оружейной палаты. М., 1884. Ч. 2, кн. 3. С. 176.

[63] Переписные книги вологодских монастырей… С. 88, 92.

I. N. Shamina

What Was Kept in a Monastic Storeroom: the Material World of the Russian Monastery at the Turn of the 17th – 18th Centuries

Key words: monasteries of Vologda Uyezd, inventory of monastery property, organization of monastery household, monasteries' storerooms and barns.

Abstract: The article considers some parts of a routine, non-liturgical life of monastery brethren through the things that were kept in monastery barns and storerooms. The main source of the research is the inventory books of a few Vologda monasteries of the last third of the 17th – the beginning of the 18th cc. The examination of the items kept in the monastery storerooms shows that at the turn of the 17th – 18th centuries Russian monasteries were not only spiritual centers but also big household organizations, as well as centers of prestigious consumption.

А. Н. Старицын

Механизм взаимодействия духовных и светских властей в деле внедрения церковной реформы в 80-х – начале 90-х гг. XVII в.

Внимание ученых к проблеме взаимоотношений государственной власти и церкви имеет давнюю историографическую традицию[1]. Отмеченная в научной литературе тенденция вмешательства государства в дела церкви (возросшая в XVII в.) нашла свое выражение в церковной реформе, продиктованной интересами государственной политики[2]. Несмотря на обострившиеся разногласия в имущественной и властной сферах, в отношении церковной реформы государство и церковь придерживались единого мнения, что также было подмечено учеными[3]. Сам же механизм взаимодействия властей выпал из поля зрения исследователей и является предметом рассмотрения в настоящей статье. Привлекая как хорошо известные опубликованные материалы[4], так и вновь выявленные источники[5], рассмотрим на примере Новгородской и Холмогорской епархий, как осуществлялось сотрудничество властей и в чем состояли новые особенности внутрицерковной политики в 80-х – начале 90-х гг. XVII в.

Проходивший в ноябре 1681– апреле 1682 г. в Москве очередной церковный собор[6] внес очень значительные дополнения в программу, выработанную в 1666–1667 гг. К уже имеющемуся набору средств, призванных закрепить новую идеологию, добавлялись предписания: «отступников и развратников» отсылать к градскому суду, «а впредь всем воеводам и приказным писать в наказы, чтоб дело было под его государевым страхом в твердости. А вотчинникам и помещикам и их прикащикам, у кого такие противники есть и будут, потому же объявлять в городех архиереом и воеводам. А которые раскольники где объявятся, и по посылкам архиерейским учинятся силны, и им, воеводам и приказным, по тех расколников посылать служилых людей. А во вся епархии ко всем архиереом послать о том грамоты». Подтверждался запрет на устройство домовых церквей без ведома патриарха, запрещалось служить вдовым священникам, а тот, кто их будет призывать, подлежал церковной епитимии. Монашествующим запрещалось отходить из монастырей в леса и строить пустыни, потому что «в тех новопостроеных пустынях церковное пение отправляют не по исправным книгам, и для того приходят к ним многие люди и селятся близко их, и имеют их за страдалцов, и от того урастает на святую церковь противление». Пустынников следовало переводить в

[1] Обзор историографии см.: Устинова И.А. Русское государство и православная церковь в X – начале XX в.: учеб. пособие. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 30–44.

[2] Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад: тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1909. Т. 1. С. 43–45; Волков М. Я. Русская православная церковь в XVII в. // Русское православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989. С. 194–195, 198.

[3] Волков М. Я. Указ. соч. С. 218–221; Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII вв. СПб.: Алетейя, 2012. С. 13.

[4] Документы в основном были опубликованы в сборниках: АИ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1842. Т. V. 567 с.; ДАИ. СПб.: тип. Эдуарда Праца, 1862. Т. VIII. 359 с.; СПб.: тип. Эдуарда Праца, 1867. Т. X. 504 с.; СПб.: тип. В. В. Пратц, 1872. Т. XII. 448 с.; Харевич Ф. Акты и материалы, собранные в Холмогорском Спасо-Преображенском соборе // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 год. Архангельск: Губ. тип., 1866. Т. I. С. 9–96; Карелия в XVII веке: сб. док. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1948. 442 с.

[5] Материалы архивов: РГАДА (фонд Государственных и частных актов поместно-вотчинных архивов), СПбИИ (фонды Археографической комиссии, Троицкого Клименецкого монастыря, Мордвинова И. П.), ГААО (фонды Спасо-Каргопольского монастыря и Канцелярии архиепископа Архангельского и Холмогорского).

[6] Воробьев Г. О Московском соборе 1681–1682 года: опыт ист. исследования. СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1885. С. 14.

монастыри, а на месте пустынь строить приходские церкви. Запрещалось продавать тетради с выписками из старых книг. Старопечатные книги предписывалось отбирать у населения, а взамен выдавать «исправленные» книги[7]. Отныне следовало не только надзирать за паствой и контролировать поведение приходских священников, но также разыскивать и уничтожать староверческие пустыни, то есть вести активную борьбу с любыми проявлениями протеста против реформы.

В целях более эффективного управления обширными территориями и для закрепления произведенных церковных изменений на Соборе по предложению царя было принято решение об открытии 11 дополнительных епархий[8]. Таким образом, царский проект об учреждении сначала 69, а потом 34 новых епархий получил соборное одобрение в сильно урезанном виде. Но в действительности было открыто только 4 епархии, в числе которых выделенная из Новгородской митрополии архиепископия Холмогорская и Важская. В состав новой епархии вошли Архангельск, Кевроль, Мезень, Вага, Кола и Соловецкий монастырь со своими землями[9].

Посвящение нового архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия состоялось 19 марта 1682 г., а прибыл он в свою епархию только через полгода, 18 октября 1682 г.[10]. О своем поставлении Афанасий известил архиереев Холмогорской архиепископии 30 марта[11]. До этого числа указы и памяти в Архангельском крае рассылались от имени новгородского митрополита. В памяти от 21 марта 1682 г. духовных дел заказчик игумен Николо-Корельского монастыря Арсений приказывал священникам Низовского Вознесенского прихода Стефану Селиверстову и Якову Григорьеву следить, чтобы в соответствии с митрополичьим указом прихожане постились, исповедовались и причащались, а на тех, кто не подчинится указу, составлять именные росписи и присылать их в Архангельск к десятскому попу Ивану Моисееву[12]. Сходного содержания наказы продолжали каждый год выходить из митрополичьей и архиепископской канцелярий и рассылались заказчиками по приходам Новгородской и Холмогорской епархий на протяжении всего последнего двадцатилетия XVII в.[13]. Была упорядочена последовательность сбора и отсылки именных росписей: священники собирали сведения о непостившихся и подавали их духовным заказчикам на последней неделе поста или на Святой неделе, а заказчики отсылали росписи в Новгород (или в Холмогоры) к третьему воскресенью после Пасхи[14].

Со смертью царя Федора Алексеевича у староверов возникла надежда на возврат к старой вере. Воспользовавшись ситуацией, во время стрелецкого восстания весной 1682 г. староверы составили и намеревались подать новым государям челобитную о возврате к старому благочестию. Последовавшее в июле прение о вере в Грановитой палате между староверческими представителями и предстоятелями официальной церкви во главе с патриархом Иоакимом завершилось арестом и казнью лидера староверов суздальского священника Никиты Добрынина. Для предостережения своей паствы от сочувственного отношения к старине, «чтоб никто святей соборней и апостольстей церкви противности и расколу не чинил», митрополит Корнилий в августе 1682 г. приказал читать по воскресным дням во всех монастырях и приходских храмах своей епархии тетради[15] с изложением причин казни Никиты Добрынина[16]. В целях усиления агитации среди населения на Московском печатном дворе была срочно отпечатана и распространялась по епархиям книга «Увет духовный»[17]. В Новгородскую митрополию 20 экземпляров этой книги, изданной в сентябре, послали из патриаршей канцелярии 17 октября 1682 г. В сопроводительной грамоте патриарха к митрополиту говорилось: «... и да повелиши тамо иереом со всяким прилежанием прочитовати в собраниях людем Божиим часто, еже бы никто не соблажнялся прелщенных людей пагубными глаголаньми, но в церковном единственном мудровании,

[7] АИ. Т. V. С. 111–118 (№ 75).

[8] Там же. С. 110.

[9] Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII века: церковно-исторический очерк. СПб.: тип. И. В. Леонтьева, 1908. С. 56–58.

[10] Там же. С. 31, 46.

[11] Там же. С. 34.

[12] РГАДА. Ф. 1455 (Государственные и частные акты поместно-вотчинных архивов XVI–XIX вв.). Оп. 5. Д. 142. Л. 33–34.

[13] Там же. Д. 46. Л. 1–7; СПбИИ. Ф. 69 (Троицкий Клименецкий монастырь). Оп. 1. Д. 58. Л. 2; ГААО. Ф. 792 (Спасо-Каргопольский монастырь). Оп. 1. Д. 236. Л. 1; ДАИ. Т. VIII. С. 316 (№ 92); Т. X. С. 321(№ 76); Т. XII. С. 320 (№ 35); Т. V. С. 263 (№ 152), С. 446, 453 (№ 244).

[14] СПбИИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

[15] Иоаким, Патриарх Московский. Слово на Никиту Пустосвята. Пространная редакция. М.: Печатный Двор, VII. 1682. 30 л.; Краткая редакция: 16 л. (Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: сводный каталог. М.: тип. б-ки им. В.И. Ленина, 1958. С. 110). Книга вышла из печати в июле, а в начале августа уже была прислана в Новгородскую митрополию.

[16] АИ. Т. V. С. 144 (№ 91).

[17] [Афанасий, архиепископ Холмогорский]. Увет духовный. М., 1682. 274 л. (см.: Зернова А. С. Указ. соч. С. 110). Книга имеет острый полемический, направленный против староверов характер, призывает к повиновению церкви, разбирает с этой позиции взгляды староверов и критикует их. Использовалась в дальнейшем как основное средство увещания противников церковной реформы. Верюжский приписывает авторство книги Афанасию Холмогорскому (см.: Верюжский В. Указ. соч. С. 605–606).

безо всякого размышления, ни в чем же сумняшеся, пребывали бы»[18]. За каждую книгу приказано брать со священников по 3 алтына 4 деньги – только ее себестоимость. Печатный двор от этого издания не получил никакой прибыли, так как выполнял правительственный заказ. Бесплатно распространялось другое издание Московского печатного двора – «Слово благодарственное» патриарха Иоакима[19]. Издатели торопились поскорее донести содержание очередного агитационного сочинения до населения. Книга вышла из печати в октябре 1683 г., а 12 ноября новгородский митрополит Корнилий, получив четыре книги от патриарха, уже предписывал Тихвинскому архимандриту Макарию: «... и ты б, сыну, тое книгу Слово благодарственное принял и в соборной церкве всенародно прочитал почасту и поучал, чтоб нихто святей церкви противности и расколу не чинил»[20].

Таким образом, в 1682 г. в церковной политике Русского государства произошли важные изменения, ускорившие начавшийся в середине века процесс церковного реформирования. Церковные власти, ответственные за продвижение реформы, стали активнее сотрудничать с представителями светской администрации. На первое место для тех и других, как подметил еще в конце XIX в. В. Г. Дружинин[21], была выдвинута обязанность разыскивать всех уклоняющихся от участия в жизни официальной церкви.

В ноябре 1682 г. вслед за решениями Собора 1681–1682 гг. и непосредственно под впечатлением московских событий июня – июля 1682 г. последовала царская грамота в Новгород митрополиту Корнилию о повсеместном сыске и предании суду «раскольников». В грамоте говорилось, чтобы митрополит «велел, сыскивая, приводить в Приказ Духовных своих дел и чинил им указ по правилом святых апостол и святых отец и по своему архиерейскому разсмотрению; а буде кто церковные расколники учинятся силны, и для посылки по тех расколников велел в Великом Новегороде, у боярина нашего и воеводы у Ивана Васильевича Бутурлина и у дьяков, имать служивых людей… <…> И впред, для поимки таких церковных расколников, в Великом Новегороде и в иных городех своей епархии, у бояр наших и воевод, и у дьяков, и у приказных людей, имать велел же; а буде в которых городех воеводы наши и приказные люди, для таких расколников, служилых людей давать не учнут, и тебе, богомолцу нашему, о том писать к нам Великим Государем»[22].

После появления предписания к светским и церковным властям разыскивать в обязательном порядке противников церковной реформы изменился характер грамот и памятей, рассылаемых архиереями по своим епархиям. Наряду с привычными указаниями следить за исполнением новых правил церковной жизни, от адресатов требовалось принимать меры к поиску и аресту всех несогласных признавать эти правила.

Весной 1683 г. митрополит Корнилий наставлял духовного заказчика Оштинского стана священника Шентозерской волости Ивана, чтобы он следил за священниками, которые крестятся двумя перстами и поощряют к тому же действию приходских людей[23]. Летом того же года митрополит извещал заказчика шентозерского священника Ивана о побеге из Клопского монастыря противника церковной реформы чернеца Геннадия Качалова и требовал организовать его поиск. Вместе с ним заказчик должен был разыскивать бродячих монахов и допрашивать их на предмет лояльности к реформированной церкви. «Да буде по роспросу кто явитца святей Божии Церкве противник и о истинней вере развратник, и таких церковных расколников потомуж присылать к нам в Великий Новгород… велел объявить в нашем Судном приказе…»[24]. Грамоты о розыске соловецкого монаха Геннадия Качалова рассылались в 1683–1686 гг. в места, где он мог скрываться (окрестности Тихвина, Заонежские погосты, Каргопольский уезд). Кроме Геннадия разыскивались и другие известные властям, но ускользнувшие от наказания противники реформы: в 1683 г. – Иван Коломенский, Иван Теткин, Евсевий Кондратьев Спячего, в 1686 г. к ним добавлены Иван Семенов Сиков, Даниил Викулов, Федот Иванов Щука, повенецкий священник Евтихий, курженский монах Филарет и др.[25].

Для розыска церковных противников в Заонежские погосты и Каргополье многократно посылались комиссии, состоявшие как из духовных лиц, так и светских чиновников. В 1682/1683 г. в Заонежье из Новгорода были посланы игумен Никольского Островского монастыря Иосиф и священник Софийского собора Иван Васильев. Перед их приездом священники собрали сведения о непостящихся и, как предписывалось, подали именные росписи в митрополичий разряд. Несмотря на то, что комиссия действовала на основе имевшейся информации, поймать никого не удалось. Узнав о приезде комиссии, пудожские и андомские староверы успели скрыться[26].

[18] АИ. Т. V. С. 155 (№ 98).

[19] [Иоаким, патриарх Московский]. Слово благодарственное о избавлении церкви от отступников. М.: Печатный Двор, 1683. 64 л. (Зернова А. С. Указ. соч. С. 112).

[20] СПбИИ. Ф. 12. Оп. 2. Перепл. 7. № 799. Л. 1.

[21] Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1889. С. 94.

[22] АИ. Т. V. С. 162 (№ 100).

[23] ДАИ. Т. X. С. 321–322 (№ 76).

[24] Там же. С. 412–413 (№ 91).

[25] СПбИИ. Ф. 12 (Коллекция Археографической экспедиции). Оп. 2. Д. 799. Л. 1; Ф. 69 (Клименецкий монастырь). Оп. 1. Д. 58. Л. 1; Ф. 89 (Мордвинов И. П.). Оп. 1. Д. 70. Л. 50; ГААО. Ф. 792 (Спасо-Каргопольский монастырь). Оп. 1. Д. 236. Л. 1; ДАИ. Т. XII. С. 309–310 (№ 35).

[26] СПбИИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

В феврале 1683 г. в Каргопольский уезд была отправлена комиссия, в которую входили архимандрит Успенского Тихвинского монастыря Макарий, священник новгородского Софийского собора Никита Тихонов[27], священник Вознесенской церкви Каргопольского уезда Плесской волости Григорий Васильев и дьякон каргопольского Христорождественского собора Петр Степанов. В задачу комиссии входило арестовать всех поименованных в священнических сказках староверов Каргопольского уезда. Архимандрит Макарий и новгородский священник Никита Тихонов произвели розыск в уезде, в результате которого три человека были арестованы, 24 принесли повиновение, а 75, предупрежденные о приезде комиссии, бросив свои дома, бежали в Доры, в тайные лесные поселения. Туда в сопровождении новгородских стрельцов, митрополичьего пристава Силы Григорьева, каргопольских приставов и понятых поехали каргопольцы священник Григорий Васильев и дьякон Петр Степанов. Увещания и чтение «Увета духовного» не изменили позиции крестьян, около 80 человек предпочло сгореть. По дороге в Каргополь комиссии удалось застать в своих домах и захватить только четырех человек в Нижнеборской волости. Архимандрит Макарий в письме просил воеводу князя Владимира Ивановича Волконского, чтобы он выделил людей для блокирования дорских староверов. Воевода отказал, сославшись на отсутствие царского указа. Позднее митрополит Корнилий жаловался на воеводу, что он «о сыску раскольников не радеет»[28].

Летом 1683 г. по приказу каргопольского воеводы В. И. Волконского в Доры, Янгоры и на Великие озера для поимки староверов посылались подьячие Каргопольской приказной избы Ефрем Тимофеев сын Прокошев, Михаил Дмитриев сын Поздеев и Афанасий Иванов сын Кожевников с каргопольскими приставами, волостными земскими судейками, сотскими, пятидесятскими, десятскими и многими крестьянами. Уговоры подчиниться властям в Дорах ни к чему не привели, а в другие места подьячие не поехали, так как крестьяне Кенской волости сказали под присягой, что в Каргопольском уезде таких мест нет. Подьячие организовали из крестьян Заднедубровской волости заставы, чтобы никто в Доры не въезжал и не выезжал. Отправлять новую посылку воевода не стал, объяснив в отписке, что у него для этого нет людей[29]. Позднее, 3 февраля 1684 г., для ареста дорских староверов был послан двинский стрелецкий подполковник Федосей Козин с 300 стрельцами. Ему удалось захватить около 100 человек, при этом свыше 200 сгорело[30].

В декабре 1683 г. в Олонецкий уезд, в Заонежские погосты и выставки отправился архимандрит Хутынского монастыря Евфимий. В наказной памяти новгородского митрополита ему в первую очередь предписывалось проверить, есть ли в приходских церквах списки с книги «Увет духовный», и выяснить, скрываются ли в приходах беглые и местные «раскольники» и не умалчивают ли о них священники. Во вторую очередь следовало наблюдать за троеперстным сложением при крестном знамении, за соблюдением поста, чтобы исповедовались и причащались, за наличием оловянных богослужебных сосудов (вместо деревянных) и новых служебников и требников. Особое внимание уделялось системе контроля – священники были обязаны извещать друг на друга, если заметят, что их товарищ что-либо скрыл от духовного заказчика[31].

Обнародованные в апреле 1685 г. новоуказные статьи о наказании «раскольщиков» свидетельствуют о заинтересованности государства в закреплении церковной реформы. Жестокость наказаний (из 12 статей пять предусматривали смертную казнь, три – битье кнутом и ссылку, две – заключение и пытку, одна – конфискацию имущества) и безапелляционное требование отречься от своих взглядов ставили староверов вне закона, исключали их из сферы обычной жизни[32]. Роль светских чиновников в отыскании и аресте церковных противников становится заметнее.

В декабре 1686 г. в Заонежские погосты был послан подьячий митрополичьего Духовного приказа Семен Прокофьев. В наказе говорилось о том, что митрополит «указал во всю свою епархию в городы и в уезды, и в пятины послать нарочных посылщиков о всяком церковном благочинии и о единогласном пении и о троеперстном сложении, и о крещении младенцев, и о венчании свадеб, и о списки с книги Увета, для сыску церковных расколников». Семен Прокофьев должен был ехать в Выгозерский, Водлозерский и Оштинский станы, имея на руках внушительный список разыскиваемых церковных противников. Наряду с уже перечисленными задачами ему поручалось выбрать новых десятских священников там, где старые умерли: «попов добрых и не пьяниц, учителних, которые бы в расколном деле и в приводе не бывали»[33].

Новгородский воевода Петр Васильевич Шереметев по присланному из Новгородского приказа

[27] В марте 1687 г. Никита Тихонов был назначен руководить Софийским Тиунским приказом (АИ. Т. V. С. 263–264 (№ 152)).

[28] Юхименко Е. М. Каргопольские «гари» 1683–1684 гг.: (к проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сб. науч. трудов. М.: Археогр. центр, 1994. [Вып. 1]. С. 85–90, 98.

[29] Там же. С. 97–101.

[30] Там же. С. 102–105.

[31] СПбИИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–3.

[32] ААЭ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. IV. С. 419–422 (№ 284).

[33] ДАИ. Т. XII. С. 309–311 (№ 35).

царскому указу направил 19 февраля 1687 г. к Палеостровскому монастырю подполковника Григория Мишенского с 350 стрельцами для ареста захвативших монастырь староверов во главе с соловецким черным дьяконом Игнатием. Подполковнику указывалось сначала уговаривать, а потом «чинить промысл и радеть, чтоб однолично тех воров искоренить и из монастыря взять, и монастырь очистить»[34].

По приказу олонецкого воеводы Василия Федоровича Долгорукова в сентябре 1688 г. для прочесывания лесов в верховьях р. Выг были отправлены подьячий Олонецкой приказной избы Семен Ананьин и отряд стрельцов под начальством прапорщика Аникея Портновского. Стрельцы обнаружили и разорили три староверческих поселения[35]. Узнав о повторном занятии толвуйскими крестьянами Палеостровского монастыря, митрополит Корнилий 3 октября 1688 г. послал на Палеостров олонецкого протопопа Льва Иванова для увещания староверов. Олонецкий воевода в свою очередь отправил туда же прапорщика Портновского и подьячего Ананьина. В ноябре того же года, после провала переговоров, в процессе которых подьячий вычитывал предводителю крестьян Емельяну Повенецкому царский указ, последовал неудачный штурм Палеостровского монастыря. Из Олонца было прислано подкрепление со стрелецким головой. Во время нового приступа запершиеся в монастыре староверы предпочли погибнуть в огне[36]. Зимой 1688/1689 г. воеводой Долгоруковым был послан в Корбозерскую волость подьячий Иван Черкасов «для сыску и поимки раскольников»[37]. Но подьячий опоздал. До его приезда волостные старосты, следуя инструкции, полученной от воеводы, пытались своими силами захватить староверов, но последние зажгли свое убежище и погибли[38].

По приказу олонецкого воеводы Ивана Богдановича Ловчикова 28 сентября 1689 г. стрелецкий сотник Никита Ижорин пытался захватить староверов в д. Насоновской Тудозерской волости. После перестрелки со стрельцами крестьяне сгорели[39].

В 1691 г. по распоряжению олонецкого воеводы Леонтия Афанасьевича Стрешнева прапорщик Харлам Киселев ездил в Корбозерскую и Колодозерскую волости, разыскивая староверческие поселения[40]. В ноябре 1691 г. в Олонецком уезде и в Заонежских погостах должна была действовать комиссия, состоявшая из олонецкого протопопа Льва Иванова и подьячих митрополичьего Разряда Семена Прокофьева и Михаила Денисова. Причиной посылки комиссии стало донесение строителя Палеостровского монастыря иеромонаха Иоакима о том, что староверы, «поселяся, живут за вотчинами Соловецкого монастыря, а … Шунского погоста крестьяне явились к расколу приличны»[41]. Протопоп и подьячие должны были выявлять церковных противников среди шунгских крестьян и разыскивать тайные староверческие поселения, находившиеся на землях, принадлежавших Тихвинскому Успенскому монастырю. Олонецкий воевода Л. А. Стрешнев, сославшись на царский указ от 1 декабря 1689 г., запрещавший представителям светской власти вступать на монастырские земли и производить суд, не пропустил комиссию в Заонежские погосты. Несмотря на то, что воевода получил новую царскую грамоту, предписывавшую ему оказать помощь присланным от новгородского митрополита людям «для сыску и проведывания, и поимки церковных расколников», он не дал служилых людей и послушные грамоты. В отписке царям Стрешнев объяснял, что поступившие к нему сведения о староверческих поселениях очень нечеткие, не понятно, куда и сколько посылать служилых людей. Он разослал памяти в уезд старостам, чтобы они разведали, где находятся тайные поселения, и, как только появится точная информация, обещал послать туда стрельцов[42]. Очевидно, новые сведения так и не появились, а комиссия вернулась обратно.

В августе 1693 г. подьячий Олонецкой приказной избы Иван Бураков и сотник Никита Ижорин были посланы воеводой Стрешневым в Пудожский погост для захвата пудожских староверов. После тщетных увещаний они пытались штурмом взять укрепленные избы в д. Строкиной. Но живых никого не захватили – все староверы сгорели. Сотник и подьячий, разведав о построенных староверами избах в Рогозерской пустыни, сожгли их по приказу воеводы Леонтия Стрешнева[43].

В Холмогорской и Важской архиепископии поиск церковных противников начался с первых пастыр-

[34] Речь идет о посылке, приведшей к I Палеостровской «гари», в которой 4 марта сгорело около 2700 человек (см.: РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2868. Л. 1–2; Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1862. С. 42).

[35] АИ. T.V. С. 256 (№ 151).

[36] Там же. С. 254, 260 (№ 151); Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года / сообщение Хрисанфа Лопарева. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1895. С. 30. Во II Палеостровской «гари» погибло приблизительно 1500 человек (см.: Филиппов И. Указ. соч. С. 59).

[37] РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4112. Л. 20.

[38] Там же. Л. 42–43.

[39] Карелия в XVII веке. С. 314.

[40] Там же. С. 329.

[41] СПбИИ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 872. Л. 1.

[42] Юхименко Е. М. Первые официальные известия о поселении старообрядцев в Выговской пустыни // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сб. науч. тр. М.: Археогр. центр, 1994. [Вып. 1]. С. 170–175.

[43] Имеется в виду знаменитая Пудожская «гарь» инока Иосифа Сухого, в которой погибли, по различным сведениям, 800 или свыше 1000 человек (см.: Карелия в XVII веке. С. 332, 342, 346; Филиппов И. Указ. соч. С. 63).

ских шагов нового архиепископа и не прекращался до его смерти в 1702 г. Еще до приезда архиепископа Афанасия в Холмогоры двинский воевода князь Никита Семенович Урусов в сентябре 1682 г. получил царскую грамоту с предписанием помогать ему в борьбе с инакомыслием: «и ты б, боярин наш и воевода, и дьяк велели ему архиепископу для ослушников приставов и пушкарей, и стрелцов давать, сколько человек понадобится, безо всякого мотчанья»[44]. Архиепископ Афанасий в декабре 1682 г., посылая судью своего архиерейского Судного приказа монаха Тихона на Вагу для сбора церковной дани, наказывал ему смотреть в храмах и, где найдет, отбирать печати с восьмиконечным крестом и старопечатные служебники и отправлять их в Казенный приказ. Священники, у которых старые печати и служебники были найдены, подвергались штрафу в размере 10 рублей. В отдельной статье наказа говорилось о выявлении староверов среди местных жителей и розыске пришлых чернецов, которые живут в мирских домах или в тайных лесных убежищах[45]. Подобные наказы вместе с архиерейскими чиновниками отправлялись в разные уголки епархии.

В декабре 1687 г. на Вагу поехал сборщик церковной дани ключарь холмогорского собора Алексей Венедиктов. Руководствуясь наказной памятью архиепископа, он поручил местным священникам доносить десятским попам или заказчику о появлении в их приходах староверов. В Золотицкой волости эту обязанность должны были исполнять крестьяне Антониево-Сийского монастыря, как указывалось в грамотах от 20 октября 1690 г. и 12 января 1691 г.[46]. В октябре 1688 г. на Мезень в Окладникову слободу архиепископ Афанасий послал из своего архиерейского Судного приказа сына боярского Ивана Окулова для ареста староверов братьев Иньковых. Окулов в сопровождении десятского троицкого священника Василия Кирилова и понятых пришел в дом Семена Инькова и произвел обыск. Однако, пользуясь удаленностью от начальства и труднодоступным местоположением слободы, Иньковы избили понятых, пытавшихся их захватить, и никуда не поехали[47]. В апреле 1689 г. в Окладникову слободу приехал сын боярский Иван Кончаков с подьячим Алексеем Степановым Сийским для розыска тех же староверов Иньковых, но и на этот раз они отказались ехать в Холмогоры. Тогда архиепископ Афанасий приказал местным священникам не пускать братьев Иньковых и членов их семей в церковь, то есть отлучил[48]. Это был отработанный прием, а не изобретение Афанасия. К таким действиям призывал прибегать в 1671 г. новгородский митрополит Питирим[49].

В июне 1691 г. для производства следствия и розыска староверов в Пустозерский острог был отправлен сын боярский Иван Никитин, который по указу архиепископа запросил помощи у пустозерского воеводы стольника Ивана Михайловича Леонтьева. Но воевода в помощи ему отказал и следствие производить не дал. Сыну боярскому пришлось писать в Холмогоры, чтобы архиепископ обратился к патриарху Адриану. Тот в свою очередь отписал в Новгородский приказ. Из приказа в Пустозерск к воеводе пришел царский указ, чтобы воевода «тем присланным в сыску и в поимке тех церковных раскольников чинил всякое вспоможение и поимку раскольников»[50]. 30 июня 1692 г. архиепископ Афанасий послал на Вагу для розыска появившихся там во множестве «богопротивных еретиков и развратников церковных» сына боярского Ивана Кончакова, предписав ему обратиться за помощью к важскому воеводе стольнику Петру Ивановичу Взимкову. Воевода обязан был предоставить нужное число понятых из местных крестьян[51]. В августе 1692 г. «по указу преосвященного архиепископа дому его архиерейского дьяк Карп Андреев да сын боярской Михайло Александров, да подьячей Илья Рогуев посыланы были к морю на Терскую сторону для сыску церковных раскольников»[52].

В письме патриарху Адриану, отосланном 14 июня 1695 г., архиепископ Афанасий коснулся темы розыска староверов и припомнил, что с самого начала своего управления епархией рассылал детей боярских «ради пребеззаконных и презелных богоотступников и поругателей святыя Христовы церкве на взыскание около всего Помория»[53]. В данном контексте под «Поморием» следует понимать побережье Баренцева и Белого морей в районах, входивших в Холмогорскую и Важскую архиепископию, в том числе и на Кольском полуострове.

Из представленных документов видно, что в 1682 г. произошел важный сдвиг в отношении государства к старообрядцам. Государственные чиновники обязывались оказывать содействие представителям духовных властей в поимке противников реформы, разыскивать и разрушать их убежища. Рост числа протестов и изменение направленности митрополичьих и архиепископских грамот в сторону отыскания и ареста староверов свидетельствуют о

[44] АИ. Т. V. С. 146 (№ 93).

[45] Харевич Ф. Указ. соч. С. 22.

[46] Верюжский В. Указ. соч. С. 86–88.

[47] ГААО. Ф. 1025 (Канцелярия епископа Архангельского и Холмогорского). Оп. 1. Д. 208. Л. 2; Д. 214. Л. 1–2; Д. 228. Л. 1–3.

[48] Там же. Д. 265. Л. 2.

[49] ААЭ. Т. IV. С. 235 (№ 184).

[50] РГАДА. Ф. 159 . Оп. 3. Д. 4113. Л. 1–5.

[51] Харевич Ф. Указ. соч. С. 77.

[52] Верюжский В. Указ. соч. С. 89.

[53] Грамоты патриарха Адриана и архиепископа Холмогорского Афанасия о Соловецком монастыре // Памятники древней письменности. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1879. Вып. III. С. 18.

том, что на передний план вышла задача не укоренения изменений в церковной жизни[54], а борьбы с противниками нововведений, с проявлениями нелояльности к церковной, а значит и к государственной власти. Возросшая роль светских чиновников в церковном деле объясняется заинтересованностью правительства в завершении начатого в 50-х гг. процесса церковного реформирования. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что воеводы нередко тормозили розыск и только после получения особых царских грамот предпринимали активные действия к поиску и поимке церковных противников. Не столь важно, какими мотивами они руководствовались – симпатиями к старой вере, нежеланием способствовать травле людей, боязнью взять на себя ответственность, отказом исполнять свои обязанности или следованием букве закона, соблюдением необходимых условностей сложившейся бюрократической системы. Гораздо важнее то, что правительство обязывало их выступать в защиту новых церковных порядков и подталкивало к действиям, направленным против староверов.

В отношении крестьянской массы также действовала продуманная, основанная на круговой поруке, принудительная правительственная политика. Волостные старосты в начале 80-х гг. обязывались доносить воеводам о том, есть ли среди односельчан церковные противники и не сбежал ли кто из них в лес и куда именно[55]. В конце 80-х гг. волостные судейки и старосты, сотские, пятидесятские и десятские уже имели на руках инструкции, по которым обязаны были под страхом смертной казни «раскольников» не таить, сообщать о них начальству и самим предпринимать попытки к их поимке, а убежища их разорять[56].

Произведенный анализ материалов Собора 1681–1682 гг., царских грамот, воеводских отписок и памятей церковных иерархов позволяет утверждать, что в результате тесного сотрудничества государства и церкви был разработан и отлажен механизм принуждения населения к принятию новых условий церковной жизни и новой обрядности. Приходские священники обязаны были извещать духовных заказчиков о выходящем за рамки предписаний новой идеологии поведении людей. Духовные заказчики доносили по инстанции своему епархиальному начальству. Епископы и митрополиты ставили в известность представителей светской администрации – воевод – и требовали организовать содействие в аресте выявленных староверов. В случае недостаточной расторопности светских начальников епархиальные власти обращались к патриарху, и тогда при его посредничестве к воеводам поступала царская грамота с приказом, который они не могли не исполнить. Воеводы предписывали волостным старостам организовывать из крестьян вооруженные отряды и предпринимать меры к задержанию староверов и сами высылали военные команды для захвата и разорения староверческих убежищ.

[54] Как показывает содержание архиерейских грамот, актуальность данной задачи сохранялась, хотя уже не имела первенствующего значения.

[55] Юхименко Е. М. Каргопольские «гари» … С. 91.

[56] Такие инструкции, например, присылались в Олонец из Новгородского приказа в 1687, 1688 и в другие годы (см.: Отписка олонецкого воеводы Леонтия Стрешнева от 2 октября 1693 г. // Карелия в XVII веке: сб. док. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1948. С. 332).

A. N. Staritsyn

Collaborative Mechanism Between Spiritual and Temporal Authorities Across Implementation of the Church Reform of 1680s – early 1690s

Key words: church reform, Schism, Old Believers, enforcement, spiritual and temporal authorities, power and people, ideology.

Abstract: In 1682 some changes occurred in the church policy of the Russian State which were aimed to fix the results of the church reform started in the middle age. Spiritual and temporal authorities were due to detect and annihilate anyone opposing a new ideology. For that purpose a traditional mechanism of the clerical and temporal administrations was used to the full extent.

А. И. Раздорский

Черное и белое духовенство в таможенных и кабацких книгах городов юга и запада Европейской России XVII в.

Известно, что русское духовенство в XVII в. было отнюдь не чуждо торгово-коммерческой деятельности. Попы, монахи, дьяконы и церковные дьячки участвовали в оптовых и розничных торговых операциях, занимались подрядами, владели различными торговыми объектами (лавками, столами, скамьями и др.) в городах и селах. Материалы таможенных книг ряда городов севера Европейской части России, а также приходо-расходных книг северных монастырей свидетельствуют о значительном размахе торговых операций местного черного духовенства прежде всего в сфере оптовой соляной торговли. Каким образом обстояло дело в этом отношении в других регионах страны?

В центре нашего внимания оказались четыре города, два из которых (Курск и Белгород) представляют южную окраину Европейской России, а два (Вязьма и Можайск) – западную[1]. По этим городам сохранились обширные собрания таможенных и кабацких книг – основных массовых источников по истории торговли, купечества и таможенного дела России XVII столетия. Всего нами было проанализировано свыше 100 курских, белгородских, вяземских и можайских таможенных и кабацких книг, относящихся к периоду с 1619 по 1680 г.[2].

Таможенные книги содержат информацию прежде всего о сравнительно крупных торговых операциях в сфере оптового товарообмена (преимущественно межрегионального). В этих документах регистрировались товарные партии стоимостью не менее 1 рубля. Более мелкие в стоимостном отношении, преимущественно розничные торговые операции, в них не фиксировались.

Данные курских и белгородских таможенных книг свидетельствуют о том, что как местное, так и иногороднее черное и белое духовенство в оптовой торговле в этих городах участия практически не принимало[3]. В 15 белгородских таможенных книгах не отмечено ни одной таможенной явки товаров или денег на покупку лицом духовного чина. В 18 курских таможенных книгах имеем всего два таких случая. В марте 1619 г. поп из Комарицкой волости Иван Евсеев совместно с «комарицким мужиком» Иваном Некрасовым явили в курской таможне 1 рубль на покупку товаров. Как уже было сказано выше, сумма в 1 рубль являлась условной границей, отделявшей оптовую торговую операцию от розничной. Для

[1] Подробнее о торговле этих городов см.: Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке: (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 762 с.; Его же. Можайский рынок в царствование Алексея Михайловича: (по данным таможенных книг 1644/45–1673/74 гг.) // Российское государство в XIV–XVII вв.: сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Юрия Георгиевича Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 464–473; Его же. Торговля Вязьмы в XVII веке: (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб.; М.: Универсальные Информационные Технологии, 2010. 836 с.; Его же. Торговля Белгорода в 1650–1670-е гг.: (по материалам таможенных книг) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19, вып. 20. С. 115–131.

[2] РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка 1. Ч. 1. № 10, 11; Денежный стол. 79, 82, 84, 94, 104, 188, 314, 319, 329, 342, 346, 354, 356, 371; Ф 214. Кн. 405; ОР РГБ. Ф. 178. Кн. 9988 (Курск); РГАДА. Ф 210. Белгородский стол. Кн. 29; Денежный стол. Кн. 94, 97, 104, 188, 189, 314, 319, 329,342, 346, 356, 371; Ф. 214. Кн. 405; ОР РГБ. Ф. 178. Кн. 9988 (Белгород); РГАДА. Ф. 137. Вязьма. Кн. 2–14, 16–24, 26–31, 33, 34, 36–40, 40-а, 41 (Вязьма); РГАДА. Ф. 137. Владимир. Кн. 13-а, ч. 2; Можайск. Кн. 1, 1-а, 1-в, 1-г, 1-д, 1-е, 1-ж, 1-з, 1-и, 2, 2-а, 2-в, 3–6; Устюг. Кн. 16-а (Можайск) — всего 101 книга.

[3] Сходная ситуация наблюдалась на курском рынке и в 1720 г. В течение этого года в местной таможне было зарегистрировано 1169 таможенных явок товаров и денег на покупку (в том числе 757 транзитных), и только одна из них была сделана духовным лицом: 21 ноября монах Курского Знаменского монастыря Семен Яковлев сын Чеботарев доставил в Курск по царицынской таможенной выписи партию осетровых рыб, икры и вязиги на 69 руб. 80 коп., которую продал затем на местном рынке уже за 83 руб. 40 коп. (см.: Раздорский А. И. Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 276–277).

XVII в. это была весьма значительная сумма. Так, годовой прожиточный продовольственный минимум во второй половине XVII в. составлял, по подсчетам Л. В. Милова, 2–2,5 рубля, то есть 0,5–0,7 коп. в день[4]. Второй раз представитель духовенства упомянут в качестве продавца оптовой товарной партии на курском рынке только в декабре 1670 г., когда дьячок Пятницкой церкви Яков Попов из г. Романова[5] доставил 75 связок железа (Романов, как и соседний Елец, был в XVII в. крупным центром железоделательного производства на юге России).

Иначе обстояло дело в конской торговле, составлявшей особую сферу русского рынка и жившей по своим особым законам. В ней, в отличие от оптовой товарной торговли, представители духовенства принимали более активное участие. В курских таможенных книгах зафиксировано 29 случаев купли-продажи ими лошадей, в белгородских источниках – 11. Лица духовного звания чаще покупали, а не продавали лошадей. Из 40 зарегистрированных торговых операций в 30-ти они числятся как покупатели и только в 14-ти – как продавцы. В трех случаях и продавец, и покупатель относились к духовному сословию. Лошадьми торговали лица разного духовного чина: попы, дьяконы, дьячки, монахи. В курской таможенной книге 1628/29 г. в качестве покупателя лошади фигурирует настоятель Курского Богородицкого монастыря строитель Варлаам. Появлялись на конском рынке и монахини. В июле 1657 г. в Белгороде черная старица Сысоя приобрела лошадь у яблоновского солдата Анисима Коширина за 2 руб. 50 коп. В Курске в январе 1670 г. черная старица Пелагея, наоборот, продала лошадь курскому посадскому человеку Терентию Токареву за 6 руб. 40 коп.

Следует отметить, что среди участников конского торга как в Курске, так и в Белгороде встречаются представители не только местного духовенства, но и приезжие: в Курске попы из Оскола и Севского уезда, черный поп Саввино-Сторожевского монастыря, дьякон из Белгорода, монах из Рыльска, дьячок из Ельца, в Белгороде – поп из Обояни, дьячок из Чугуева. В торговых операциях с лошадьми, в которых принимали участие лица духовного звания, не следует, на наш взгляд, искать коммерческую составляющую. Это были обычные действия, совершавшиеся в рамках монастырской или церковной хозяйственной деятельности.

Упоминаются духовные лица и в сохранившемся отрывке можайской конской таможенной книги 1629/30 г. Дважды в ней записан «иноземец старец» Гурий Сошницкий, продавший на местной конской площадке двух лошадей (одну – московскому барышнику, другую – московскому же извозчику).

На западнорусских рынках представители черного и белого духовенства появлялись чаще, чем на юге. В вяземских таможенных книгах зафиксировано восемь таможенных явок товаров лицами духовного звания. Все они приходятся на 1660–1670-е гг. В источниках упоминаются поп Вяземского Ильинского женского монастыря, сельский попович Вяземского уезда, монахи монастырей Можайского Лужецкого и Колочского, старец Новгородской Богословской пустыни, вяземский церковный дьячок. Они привозили на продажу яблоки, орехи, пеньку, шелк, тульское и тихвинское железо, свежую, вяленую и соленую рыбу, пригоняли скот. Размах торговых операций был, правда, невелик. Общая стоимость товарных партий, зарегистрированных представителями духовенства в вяземской таможне, колебалась от 8 руб. до 16 руб. 60 коп. По настоящему значительной была, пожалуй, лишь партия в 200 пудов пеньки стоимостью 400 руб., явленная поповичем Гаврилой Семеновым в ноябре 1661 г. (пенька являлась продуктом аграрной специализации западнорусских уездов в это время). Хотя и ее стоимость следует воспринимать с известной оговоркой, принимая во внимание сложившийся к этому времени разрыв в курсе медных и серебряных денег.

Четыре раза упоминаются торговцы-оптовики из числа лиц духовного звания в можайских таможенных книгах 1640-х, 1660-х и 1670-х гг. Это церковные дьячки, вдовый можайский соборный дьякон, монах Лужецкого монастыря. Они сбывали в Можайске пушнину, пеньку, а также производили скупку товаров. Из четырех товарных партий крупной была только партия пеньки стоимостью 152 руб. 80 коп., доставленная в январе 1666 г. лужецким старцем Киприяном.

Представители духовенства отмечены в некоторых вяземских и можайских кабацких книгах как поставщики алкогольных напитков и сырья для их производства в казенные кабаки, винокурни и поварни. Так, дьячок Покровской церкви с. Дмитрово Вяземского уезда Парфений Логвинов дважды в течение 1669 г. привозил партии хлебного вина в 22 и 50 ведер. В марте 1675 г. смоленский георгиевский поп Иван доставил в Вязьму 28 ведер хлебного винаанисовки. В Можайске в 1635 г. местный соборный дьякон Захарий Правдин поставил 18 пудов меда для производства кислого меда (медовухи).

В таможенных и кабацких книгах представлены сведения не только о сборах таможенных пошлин с торгующих и поступлении питейной прибыли, но и о расходовании собранных денежных средств. Часть полученных доходов направлялась на содержание белого и черного духовенства. Так, в структуре вяземских таможенных расходов отчисления на выплату денежного и хлебного жалованья местным лицам духовного звания занимали обычно ведущее место. В разные годы они составляли от 96 руб. 84 коп. (в 1656/57 г.) до 602 руб. 47,75 коп. (в 1661/62 г.), а их доля в общем таможенном расходе колебалась от 20 %

[4] Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. С. 487–488.

[5] Впоследствии с. Романово Липецкого уезда Тамбовской губернии.

(в 1656/57 г.) до 97,4 % (в 1679/80 г.). В большинстве случаев на данную статью уходило более половины всех произведенных таможенных расходов. Выплаты жалованья духовенству из таможенных доходов производились практически ежегодно.

Основные платежи шли на содержание причта вяземского Троицкого собора. В 1649/50 г. восьмерым членам причта и просвирне было выплачено годового денежного и хлебного жалованья на сумму 129 руб. 56,5 коп. Кроме того, еще 10 руб. 12,75 коп. было израсходовано на хлеб для выпечки просфор, жалованье соборным сторожам и за воск. В 1666/67 г. причтам четырех приходских церквей Вязьмы было выделено на жалованье 42 руб. 84 коп. На содержание Вяземского женского Ильинского монастыря в 1650–1670-е гг. отпускалась фиксированная сумма – по 49 руб. 50 коп. в год. Интересно заметить, что в разгар финансового кризиса начала 1660-х гг. она не была «проиндексирована» и монахини получили жалованье в том же размере, что и раньше.

Помимо выплаты жалованья местному духовенству, часть средств из вяземских таможенных расходов направлялась на финансовую поддержку православных монастырей, находившихся на территории Речи Посполитой. Так, в 1649/50 г. старицам Оршанского Кутейского монастыря Тертурии и Таифе было выделено государева жалованья по 10 руб. каждой.

Со второй половины 1660-х гг. выплаты жалованья духовенству стали производиться и из питейной прибыли. В разные годы они составляли от 66 руб. 31 коп. (в 1666/67 г.) до 248 руб. 48 коп. (в 1668/69 г.), а их доля в общем питейном расходе колебалась от 10,9 % (в 1666/67 г.) до 76,5 % (в 1673 г.).

Духовенство зорко следило за тем, чтобы положенные выплаты производились своевременно. В источниках отмечен, например, случай, когда на голову вяземского кружечного двора 1669/70 г. Михаила Блудова, не выплатившего в положенный срок из собранного питейного дохода жалованье, причитавшееся причтам вяземских ружных церквей, а также подьячим местной приказной избы, была подана в Москву челобитная[6].

В отдельные годы из таможенных и питейных доходов производились также выплаты на «церковное дело». Так, в сентябре 1646 г. в вяземский Троицкий собор по этой статье было отпущено 70 руб. В феврале 1648 г. на ремонт кровли этого же храма было выделено 25 руб. На те же цели соборному протопопу Максиму в июле 1662 г. было выдано 43 руб.

Денежные отчисления духовенству из собранных таможенных и кабацких доходов регулярно осуществлялись и в других городах. Например, согласно расходным записям белгородской таможенной и кабацкой книги 1657/58 г., на жалованье лицам духовного звания и им же за «молебное пение» было выплачено в общей сложности 96 руб. 60 коп. Примечательно, что, помимо представителей местного белгородского духовенства (черным старицам Белгородского Рождественского монастыря, причту белгородского Троицкого собора), деньги направлялись и причтам соборных церквей ряда городов Слободской Украины (Чугуева, Колонтаева, Сум).

Подводя итог, следует отметить, что в оптовой товарной торговле на юге Европейской России в XVII в. местное и иногороднее черное и белое духовенство участия практически не принимало. На рынках западнорусских городов лица духовного звания время от времени появлялись, но и здесь их доля в торговых операциях была совсем небольшой. Это обстоятельство существенным образом отличает юг и запад Европейской России от севера страны, где роль духовенства (прежде всего черного) в деятельности местных рынков была весьма значительной. Причину данного явления следует видеть в бедности южнорусских и западнорусских монастырей. В отличие от обителей севера, многие из которых являлись крупными торгово-экономическими и финансовыми центрами, монастыри южной и западной окраин жили во многом за счет государственных дотаций[7], производимых, в частности, из таможенных и кабацких доходов.

[6] Виноградов И. П. Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). Смоленск: Смоленская городская типография, 2006. С. 94.

[7] Еще Д. И. Багалей отмечал, что южнорусские монастыри в XVII в. сами не могли обеспечить своего существования. Государство вынуждено было оказывать им материальную помощь, в том числе и потому, что местные монастыри выполняли функции богадельни для раненых, больных и бездомных (см.: Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М.: ИОИДР, 1887. Т. 1. С. 119–120).

A. I. Razdorsky

Black and White Clergy in Both Customs and Pothouse ("Kabak") Books of the Southern and Western Towns of the 17th-century European Russia

Key words: trade, clergy, economic history, customs books, Kursk, Belgorod, Vyazma, Mozhaisk.

Abstract: The article considers trading operations of the Black and White Clergy on goods and horse markets of Kursk, Belgorod, Vyazma and Mozhaisk during the 17th century. The data given are based on the materials from over a hundred Kursk, Belgorod, Vyazma and Mozhaisk-customs and pothouse (kabak) books of the period from 1619 to 1680.

А. Г. Авдеев

Случаи «исправления» надписей в монастырской эпиграфике XVII в.

Насколько известно, вопрос о существовании памятников лапидарной эпиграфики Московской Руси, в которых есть сознательно уничтоженные тексты, специально в историографии не ставился. Правда, случаи сознательного удаления имен эпизодически отмечали. Но это делалось, так сказать, по случаю, без всякой системы. Классический пример – упоминание об истреблении имен и целых эпитафий на валунных надгробиях 1548–1710 гг., использованных в начале 1790-х гг. для мощения площадки перед храмом в Кирилло-Белозерском монастыре. Этот случай описан еще в первой половине XIX в., а позже получил подтверждение при археологических исследованиях[1]. Чем вызвана эта единовременная стеска, до конца непонятно. За ней могло стоять стремление скрыть от ныне живущих потомков случай некорректного обращения с надгробиями их пращуров (так думали многие в XIX в.) или потребность охранить имена умерших от попирания ногами, да и обычное опасение, что «начальство» усмотрит в мощении дорожек могильными камнями (кстати, упомянутых в кормовых книгах XVII в., то есть «инвентаризованных») пренебрежение порядком.

О том, что случаи намеренного уничтожения лапидарных текстов бывали и ранее, во времена Московской Руси, есть свидетельства источников, связанные с уникальной в русской истории ситуацией – низложением патриарха Никона, его последующей ссылкой и посмертным восстановлением в сане. Биограф патриарха Никона Иоанн Шушерин рассказывает, что, находясь в ссылке в Ферапонтове монастыре, опальный патриарх установил три белокаменных креста с надписями. В их текстах Никон именовал себя по-прежнему патриархом, причем подчеркивал, что пострадал за веру: «Никон, Божиею милостию патриарх, постави сии крест Господень, будучи в заточении за слово Божие и за Святую Церковь на Белеезере в Ферапонтове монастыре в тюрьме». Аналогичные надписи были сделаны на деревянных придорожных крестах и келейных сосудах патриарха.

Согласно Иоанну Шушерину, эти надписи «сотроша» «последи в царство благочестиваго царя Феодора Алексеевича и Святейшаго Иоакима Патриарха повелением»[2]. Впрочем, свидетелем этих событий Шушерин не был, а его агиографическое сочинение не сообщает конкретной причины «стирания» надписей. Что именно вызвало недовольство нового патриарха? Указание на пребывание Никона в ссылке и страдания за веру и Церковь, память о чем пытались стереть? Или сам факт именования себя патриархом в период ссылки, когда Никон был лишен этого сана?

Посмотрим официальные документы. Никон не признал решений Освященного Собора 1666 г. и в ссылке продолжал именовать себя патриархом, что постоянно раздражало Иоакима, который видел в этом личные амбиции предшественника и его сохраняющиеся претензии. Однако пока был жив Алексей Михайлович, не запрещавший узнику именовать себя этим титулом[3], запреты, исходившие от патриарха, не выполнялись. Но вопрос о самовольстве Никона па-

[1] См.: Папин И. В. Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 198–199, 220–221, илл. 30, 32 и др.

[2] Житие Никона, Святейшего Патриарха Московского / предисл. В. В. Шмидта, В. А. Юрченкова, В. Б. Смирновой; подгот. текста В. Б. Смирновой; коммент. В. Б. Смирновой, В. В. Шмидта. Саранск, 2005. С. 111. Критическую оценку данного издания см.: Авдеев А. Г. Читал ли Иоанн Шушерин Полидора Вергилия в подлиннике? Заметки на полях новоизданного списка // Пространственно-временные перекрестки культуры: сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Барнаул; Рубцовск, 2009. С. 229–232.

[3] Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической комиссии по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. СПб., 1897. С. 373 (№ 100); см. также: Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007. С. 379–435.

Рис. 1. Старица. Успенский монастырь. Колокольня. Северная стена. Надпись о переносе мощей патриарха Иова, 1652 г. Фото С. М. Прокудина-Горского, начало XX в. По: URL: http://prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=156 (дата обращения: 23.10.2015)

Рис. 2. Старица. Успенский монастырь. Колокольня. Северная стена. Надпись о переносе мощей патриарха Иова (СтУм-1), 1652 г. Современный вид. Фото А. Г. Авдеева, 2013 г.

триарх поставил сразу после смерти Алексея Михайловича, использовав мельчайший повод. 13 апреля 1676 г. Федор Алексеевич получил челобитную Никона с обвинением служки Игнатия Башковского и его дворовой женщины Киликейки в государеве слове и деле, которую Никон, по обыкновению, подписал как патриарх. Письмо передали Иоакиму, и тот незамедлительно назначил следственную комиссию[4].

Во время розыска пристав С. Н. Шайсупов и напомнил о «крамольных» надписях: «Он же Никон на озере и при дороге на крестах подписал подписи: “животворящій крестъ поставил смиренный Никонъ Божіею милостію патріархъ, будучи в заточеніи за слово Божіе и за святую церковь на Бѣлоозерѣ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ въ тюрмѣ; и на судахъ ево подписывано также»[5]. В качестве свидетеля был допрошен резавший их старец Иона[6].

Согласно обвинительному акту, утвержденному молодым царем и Освященным Собором, Никона перевели в Кириллов монастырь с ужесточением условий ссылки. В июне 1676 г., во время приезда в Ферапонтов монастырь Чудовского архимандрита Павла, объявившего о соборном решении, Никон попытался оправдаться, заявив, что надписи, действительно, сделаны по его распоряжению, но без злого умысла, а потому, «что де было ему отъ пристава отъ Степана Наумова утѣсненіе великое»[7]. Желая найти выход из конфликтной ситуации, Никон в присутствии архимандрита Павла, «кресты сняв и подписание с крестов сняв, положил в сохранное место под церковь в непроходное место»[8]. Что касается надписей на сосудах, то, вероятно, их стерли власти Ферапонтова монастыря после отъезда Никона, поскольку его имущество отходило в собственность обители[9].

Всё это, как можно видеть, идет вразрез с толкованием Иоанна Шушерина, не имеет связи с запретом патриарха Иоакима и не определено соборным решением, в котором об уничтожении надписей ничего не говорилось. Так что, хотя «снятие» надписей явно имело место, отнести его причины к разряду политических можно лишь условно.

Гораздо очевиднее прямое стремление избавиться от имени патриарха Никона, заметное в надписи

[4] Ее же. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 315.

[5] Дело о патриархе Никоне. С. 345 (№ 94); см. также: Николаевский П., прот. Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на Московском соборе 1666 года … СПб., 1886. С. 96–97.

[6] Николаевский П., прот. Указ. соч. С. 91.

[7] Дело о патриархе Никоне. С. 347 (№ 94).

[8] Там же. С. 375–376 (№ 100).

[9] И. Бриллиантов отмечает, что из всех «крамольных» подписей сохранилась лишь та, что была сделана 1 марта 1668 г. краской на нижней части съемных подлокотников кресла – видимо, потому, что находилась она в скрытом от глаз месте (Бриллиантов И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания, 1398–1898. СПб., 1899 С. 154. (Репр.: М., 2001)); публикация кресла: Патриарх Никон: облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты из собраний Государственного Исторического музея, музея-заповедника «Московский Кремль», Кирилло-Белозерского музея-заповедника, музея-заповедника «Коломенское», Российского государственного архива древних актов / сост. Е. М. Юхименко. М.: ГИМ, 2002. С. 138 (№ 61).

Старицкого Успенского монастыря о переносе мощей патриарха Иова в Москву (приложение, № 1; рис. 1–2).

Нижняя дата создания надписи – указанный в ней 1652 г., год переноса мощей св. патриарха Иова. Доска с надписью вставлена в северную стену второго яруса колокольни, построенной только в 1686 г. у юго-западного угла собора Успенского монастыря. В первом же ее ярусе была устроена часовня над местом захоронения святителя.

Осмотр надписи в августе 2013 г. показал, что ключ к ее пониманию дает начало пятой строки. В начале XX в., судя по публикациям того времени и фотографии С. М. Прокудина-Горского, в строке читались лишь два последних слова. Но позже начало строки проявилось – как ни странно, благодаря неблагоприятным условиям, в которые собор попал после закрытия обители. Краска, покрывавшая плиту, исчезла, и стали различимы два слова, очевидно, сбитые еще в XVII в. По остаткам букв здесь уверенно читается: «патриархом Никоном».

Вряд ли надпись современна строительству колокольни, о котором повествует другая резная доска[10] (рис. 3). Выглядящее хронологической ошибкой именование Никона патриархом, а не митрополитом, в надписи о переносе мощей легко объяснимо нарезкой текста в период скоро последовав-

[10] Фото: Маханько Д., Киктенко Е. Фундамент будущего: Старицкий монастырь в фотографиях Виктора Христенко // Фома: православный журн. 2008. № 5 (61). С. 85.

Рис. 3. Старица. Успенский монастырь. Колокольня. Плита со строительной надписью. Современный вид. Фото А. Г. Авдеева, 2014 г.

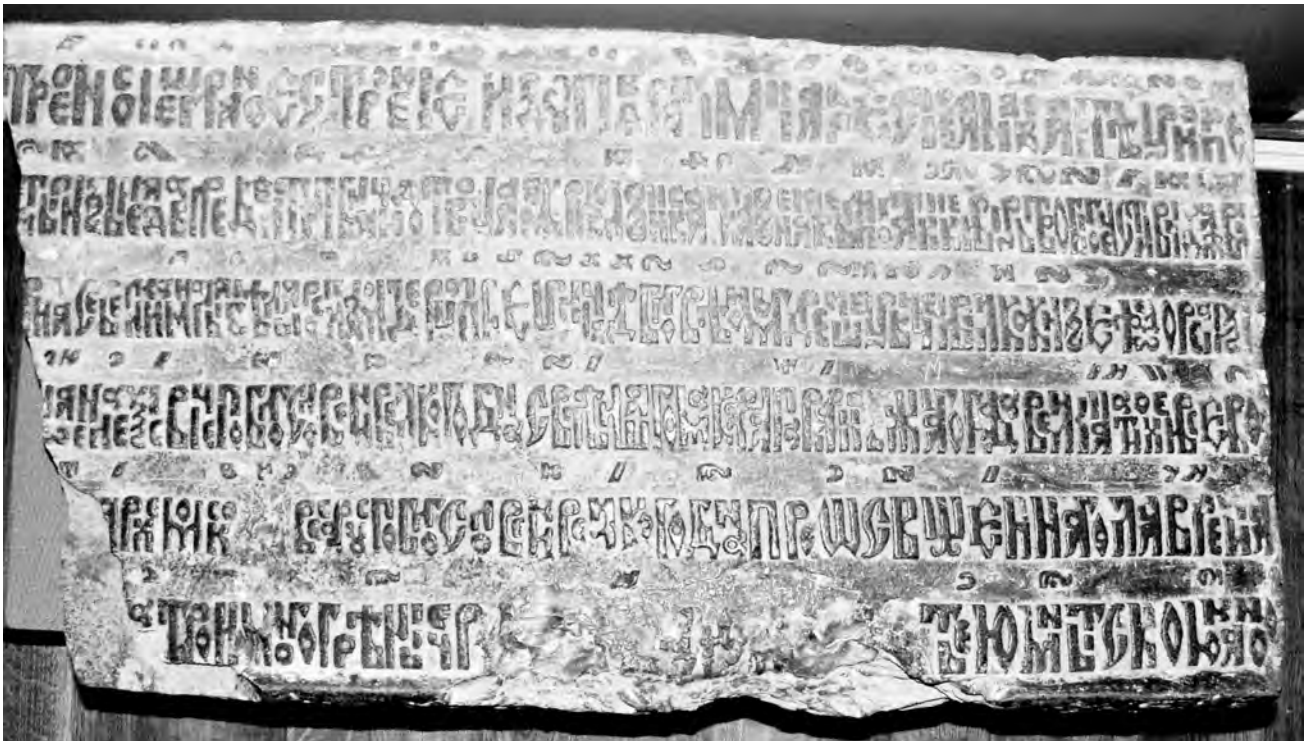


Рис. 4. Казань. Спасо-Казанский монастырь. Строительная надпись над Макарьевскими вратами (СКм-1), 1669/70 г. Национальный музей истории Татарстана. Фото А. Г. Авдеева, 2011 г.

шего патриаршества. С инициативой перенесения мощей московских святителей в Успенский собор – св. митрополита Филиппа из Соловецкого, св. патриарха Гермогена из Чудова и св. патриарха Иова из Успенского Старицкого монастыря – Никон выступил, еще будучи митрополитом Новгородским. Соборные слушания прошли 17 февраля 1651 г., а 5 апреля того же года мощи свт. Иова были перенесены в Москву[11]. По древнерусскому счету лет это произошло в 7159 г. Патриархом же Никон был наречен 23 июля 7160/1652 г. Этот год, равно как и патриарший титул, отражены в надписи об обретении мощей свт. Иова, причем название государства передано в той форме, в которой оно существовало до 1655 г.: Рус(с)ия[12].

Время уничтожения имени патриарха Никона в надписи неясно. При строительстве колокольни (1686 г.) плиту установили на большой высоте, на уровне человеческого роста она вновь оказалась только в 1760-е гг., после пристройки к Успенскому собору паперти, включившей в себя северную стену колокольни. Показательно, что место для дня окончания работ в строительной надписи, оставленное свободным, так и не было заполнено (случай нередкий в старорусской эпиграфике), возможно, из-за недоступности и этой «доски»[13].

Отметим, что в созданных после смерти Никона эпиграфических памятниках заметна устойчивая тенденция к почитанию святейшего. Особенно она видна в надписях Ново-Иерусалимского монастыря, но памятные тексты об участии Никона в торжественных актах благополучно сохраняли и в других обителях (пример – близкая по дате доска в память перенесения мощей св. блгв. князя Даниила 30 августа 1652 г., которая и сейчас сохраняется в кладке храма Свв. Отцов Семи Вселенских Соборов в Даниловом монастыре[14]). После 1686 г., когда патриарх Никон был восстановлен в сане, официальная акция по уничтожению его имени стала окончательно невозможной. Правда, в 1680-х гг. в зените могущества находился главный ненавистник святейшего – патриарх Иоаким, да и архимандрит Исаия Калязинец, инициатор строительства колокольни, мог руководствоваться личными, неизвестными нам, мотивами.

Рис. 5. Кострома. Храм Преображения Господня за Волгой. Строительная надпись (КоПВц-1), 1688 г. Утрачена

[11] Севастьянова С. К. Материалы … С. 34, 38.

[12] Впрочем, по палеографии и структуре текста надпись на плите чрезвычайно близка к надписям на плитах «каменного путеводителя» Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря .

[13] Текст строительной надписи:

Лета ЗРЧДо году заче // та сия колоколня строить[ся] // апреля в КЗ день совершена того ж году [……] А строил колокольню // сего монастыря архимандрит Иса//йя Колязинецъ.

[14] Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы (конец XIII–XV вв.) по данным археологии. М.: Ин-т археологии РАН, 1994. С. 255–256.

Вероятнее, однако, что плиту изготовили вскоре после переноса мощей, установив в стене какой-то предшествовавшей колокольне постройки (часовни?), традиционно возводимой на месте могилы. Если так, то надпись могла быть «испорчена» непосредственно после лишения Никона патриаршего сана (1666 г.). Это вопрос истории строительства, нуждающийся в дальнейшем изучении.

Обратимся к случаям намеренного уничтожения имен в храмозданных летописях второй половины XVII в., не связанных с патриархом Никоном. Такая надпись стояла в прошлом над Макарьевскими вратами Спасо-Казанского монастыря (приложение, № 2; рис. 4). Надпись в 6 строк, выполнена на плите, отколотой от большого валуна доломита или мергеля. Она сообщает о строительстве в 1669/70 г. (в настоящее время дата утрачена) ограды, ворот с надвратным храмом Макария Калязинского, казенной палатки и каменных келий – неким многогрешным чернецом с братией на средства монастырской казны (строка 6). Но хотя сам текст сохранился более чем удовлетворительно[15], имя строителя сбито – видимо, намеренно. По остаткам букв эту часть надписи можно восстановить как «инок Димитрий».

Следующая надпись, на белокаменной плите, сообщает о строительстве в 1685–1688 гг. костромского храма Преображения Господня за Волгой (приложение, № 3; рис. 5). Формуляр надписи необычен – в отличие от предыдущей, в ней не указаны ни имена царей (Ивана и Петра Алексеевичей и регентши Софьи Алексеевны), ни благословившего строительство правящего архиерея (патриарха Иоакима или митрополита Ионы Сысоевича, возглавлявшего Ростовскую и Ярославскую кафедру, в каноническое подчинение которой входила Кострома). Церковь возводили на свои средства прихожане *«ради своего душевного спасения и на вечный поминок»* (строки 14–16). Однако вместо имени строителя, выделившего основную часть средств, на плите остался очень аккуратно, явно намеренно выбитый прямоугольник, полностью занявший строку 13 и начало строки 14. Сохранившиеся надстрочные знаки позволяют бесспорно восстановить лишь слово *«сынъ»*.

Почему в этих случаях имена храмоздателей, столь важные в памятных надписях, сочли нужным уничтожить – неизвестно, и вероятность узнать об этом с помощью дополнительного архивного поиска невелика[16]. Но намеренное удаление таких имен имело смысл лишь в том случае, если его предприняли в пределах жизни одного поколения. Важно отметить, что надписи могли уничтожаться без прямого распоряжения властей.

Вторая половина 1680-х и 1690-е гг. были временем политических и социальных конфликтов, ожесточенных богословских споров, обличавших ересиархов и расколоучителей, за которыми следовали казни и опалы. Это отражалось в эпиграфике, но власть была склонна не замалчивать имена мятежников, но, напротив, в назидание увековечить факты раскрытия заговора, охотно перечисляя участников и их «измены». Так, «столпы» 1682–1700 гг. отметили вехи политической борьбы первых лет правления Петра I: московское восстание 1682 г., раскрытие заговора И. Цыклера и А. Соковнина, подавление Стрелецкого восстания 1699 г. Поименное перечисление их участников и постигших их казней как бы предостерегало возможных бунтовщиков от антигосударственных действий[17].

Таким образом, в Московской Руси мы не находим для заговорщиков, узурпаторов, тиранов и иных злодеев посмертного проклятия в форме запрета памяти *(damnatio memoriae)*, носившей в Римской империи в том числе и сакральный характер[18]. Удаление имени из истории их *civitas* воспринималось жителями античных городов как лишение личного бессмертия. Но в древнерусской православной традиции, основанной на церковном поминовении, такой запрет не имел основы – напротив, высшей формой церковного наказания являлась анафема, выносившаяся соборным решением. Имена вероотступников, звучавшие в чине Торжества Православия, служили грозным назиданием. Понятно, что законодательство Руси не знает *damnatio memoriae*, а случаи намеренного уничтожения имен в лапидарной эпиграфике здесь чрезвычайно редки и в каждом случае имеют конкретную, не обязательно общественно значимую, причину.

Только с наступлением XVIII в. случаи намеренного уничтожения надписей и целых плит становятся чаще и следуют указаниям властей. Это связано с борьбой государства и Церкви против сектантов и староверов. Напомним о судьбе погребений руководителей секты хлыстов, Ивана Суслова (ум. около 1713 г.) и Прокопия Лункина (ум. 1732 г.), в московском Ивановском монастыре. Поскольку они стали объектом поклонения единоверцев, Синод в 1739 г. распорядился вывезти останки в поле и в присутствии палача сжечь, а на месте могил разбить небольшой сад. Эпитафии, в которых упоминалось о «святости» погребенных, стесали с надгробий, а сами плиты вмуровали в кладку

[15] Не считая сколов отдельных слов по бокам плиты, образовавшихся при ее выламывании из стены.

[16] Архив Спасо-Казанского монастыря сохранился очень фрагментарно, а Костромской областной архив понес значительные утраты во время пожара 1982 г.

[17] Подробнее см.: Лаврентьев А. В. Люди и вещи: памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 177–202.

[18] Donati A. Lutatio, damnatio, restitutio: tre momenti della memoriae // Serte Antiqua et Mediaevalia. Roma, 2003. Vol. VI: Usi et Abusi epigfafici: Atti del Colloquio Internationale de Epigrafia Latina (Genova, 20–22 settembre 2001) / A cura di M. G. A. Bertinelli et A. Donati. P. 521–524.

монастырской трапезной. Подобные распоряжения давались и при расследовании дел о неупорядоченном прославлении местно чтимых святых. Так, Дикастерия в 1742 г. приказала[19] уничтожить надгробия первой игумены Новодевичьего монастыря Елены Девочкиной и ее сподвижницы в связи с их несанкционированным почитанием как святых (монастырь, однако, сумел предписание обойти и плиты сохранить)[20].

[19] «…камни с надписями, сняв с них покровы и изгладя надписи, вставить в церковную стену». См. подробнее: Беляев Л. А., Романов Н. С., Шлионская Л. И. Надгробия игумении Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре // РА. 2010. № 2. С. 156–165.

[20] Выражаю искреннюю благодарность Л. А. Беляеву и С. К. Севастьяновой за ценные замечания и дополнения, предложенные при обсуждении данной статьи. Благодарю также И. Е. Маркелова за помощь в обработке надписи из Успенского Старицкого монастыря.

A. G. Avdeev

Cases of the "Corrected" Inscriptions in the 17th-Century Monastic Epigraphics

Key words: Ancient Russian Epigraphics; Russian temples and monasteries; Patriarch Job; Patriarch Nikon; Joannes Shusherin.

Abstract: The article deals with the rare examples of "corrections", specifically, intentional damage to the inscriptions in Muscovy, externally similar to damnatio memoriae demonstration. Obviously in Muscovy there was no traditional practice on a memory taboo (damnatio memoriae) and amendments to lapidary incriptions were rarely if ever made. The possibility of such corrections was not supported by the Ancient Russian legislation and was not reflected in official documents. However, the examples of correcting can be found among the epigraphs. The objects of analysis became the inscriptions made by Patriarch Nikon during his exile in Ferapontov monastery; the inscription about transferring the Patriarch Job's relics from the Staritsky Monastery of Dormition, the initiator of which was Patriarch Nikon; two construction inscriptions of the 17th century with the destroyed names of temple builders (from Savior-Kazan monastery and the church of Savior-Transfiguration over the river Volga in Kostroma).

Приложение

Старорусские эпиграфические памятники XVII в. со следами уничтоженных имен

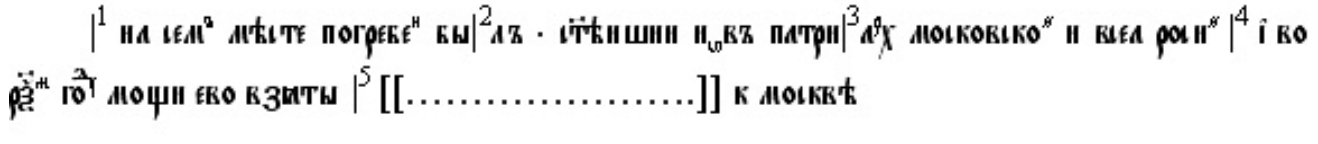
№ 1.СтУм-1. Старица. Успенский Старицкий монастырь. Колокольня

Белокаменная плита, вмонтированная в северную стену. По периметру плиты сделана рельефная прямоугольная рамка, образующая киот высотой 49,4 см и шириной 58,7 см, внутри которого находится врезная надпись в 5 строк. Высота плиты 59 см, ширина 74,5 см. Начальные буквы слов выделены красной краской, остальные – черной. Разделение на слова отсутствует. Диакритика нерегулярная.

Изд.: Крылов И. П. Старица и ее достопримечательности. Старица: тип. И. П. Крылова, 1914. С. 31 (№ 54) (гражданским шрифтом).

Фото: С. М. Прокудин-Горский (начало XX в.). URL: http://prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=156 (дата обращения: 23.10.2015). *Негатив хранится в Библиотеке Конгресса США. № 0121, шифр 141x (текст прочитан с ошибками).*

После 1652 г.



|[1] на семъ мѣстѣ погребе́н бы|[2]лъ · ст҃ѣйшии и҃ѡвъ патри|[3]а҃рх моковско́и и всеа роси́и |[4] і во
рз҃м го҃ мощи ево взяты |[5] [[.....]] к москвѣ

На семъ месте погребен бы|[1]л. Святейший Иов Патри|[2]арх Московской и всея Росии |[4] И во 120 м году мощи ево взяты |[5] [[патриархом Никоном]] к Москве

№ 2. СКм-1. Казань. Спасо-Казанский монастырь. Макарьевские врата с надвратной церковью Положения Риз Богородицы с приделом Макария Калязинского[1]

Плита из темного гранита или диабаза с обломанными левым и правым краями. Буквы вырезаны в технике обронной резьбы и отполированы. Длина плиты 93 см, ширина 75 см, высота 15 см. Надпись в 6 строк. Высота строк: стк. 1 – 5 см, стк. 2 – 4,7 см. стк. 3–5 – 4,5 см, стк. 6 – 4,9 см. Надпись заключена в прямоугольную рамку. Расстояние между строками 3 см. Судя по размерам утрат текста, первоначально надпись была вырезана на трех плитах, из которых сохранилась средняя.

Рук.: Платон (Любарский), архим. Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств // РГБ. НИОР. Ф. 214 (собр. Оптиной пустыни). № 3 (список 1791 г.). Л. 24–24 об. (церковнославянским шрифтом); Платон (Любарский), архим. Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств (рукопись) // НБ ПФУ. ОРиРК. Русское отделение. № 4528. Л. 17–17 об. (список начала XIX в., гражданским шрифтом).

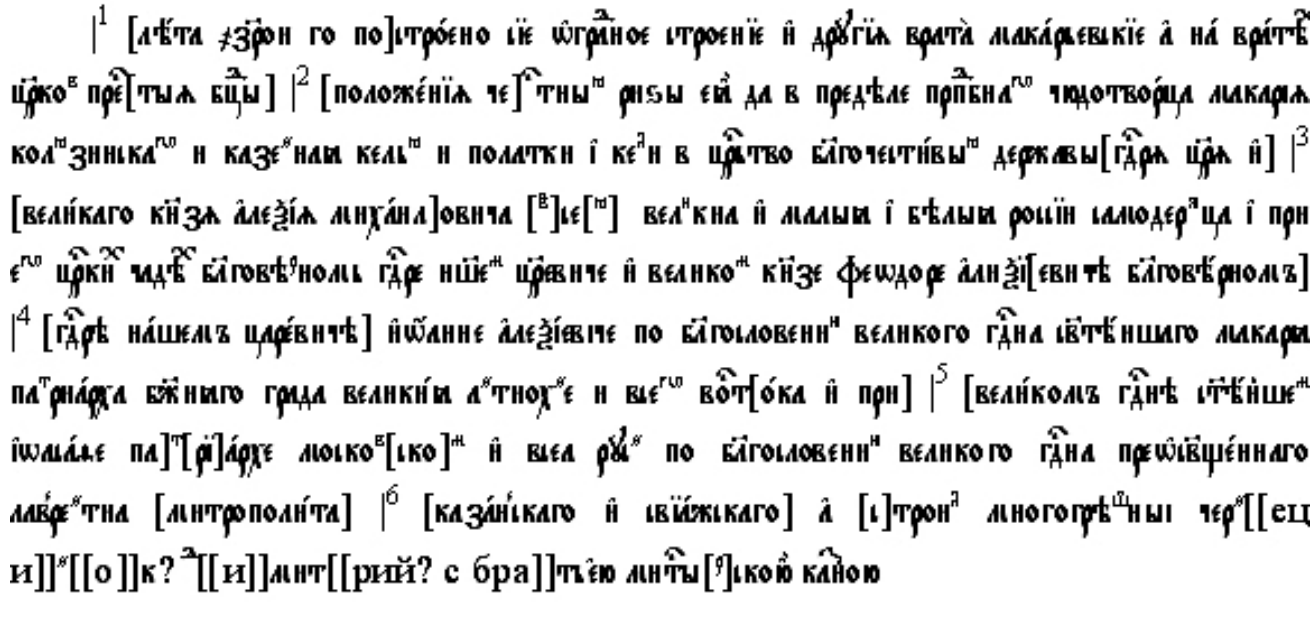
Изд.: Лебедев Е. М. Спасский монастырь в Казани: ист. описание. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1895. С. 70 (гражданским шрифтом, по копии архим. Платона); Спутник по Казани: иллюстрир. указ. достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. Н. П. Загоскина. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1895. С. 149–150 (гражданским шрифтом); Спутник по Казани: иллюстрир. указ. достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. И. П. Загоскина. Казань: Глобус, 2005. С. 181 (гражданским шрифтом, в современной орфографии).

Место хранения: Национальный музей истории Татарстана, г. Казань.

В соответствии с камнем публикуется впервые. Утраченные места восстанавливаются в соответствии со списком 1791 г. архимандрита Платона (Любарского).

1669/70 г.

[1] Выражаю искреннюю благодарность д-ру ист. наук, проф. О. Л. Габелко за помощь в работе с надписью.



|[1] [лѣта ≠ЗѰн го по]строѥно сіе ѡградное строеніе и дрꙋгіѧ врата макарѣевскіе а на врáтех церковь прес[вятые богородицы] |[2] [положéніѧ че]стныѧ ризы еѧ да в предѣле прпбнáг҃ѡ чюдотвóрца макáрія колꙁинскáг҃ѡ и казе҃нная кель҃ и полáтки і кел҃ьи в цр҃ствο блгочестúвы҃ держáвы [гдр҃а цр҃а и] |[3] [велúкаго кнꙗзя алеѯíя михáил]овича [в]с[еѧ] великия и малыя и бѣлыя россíи самодерꙁца и при ег҃ѡ цр҃скúх чадéх блговѣ҃рнѣйшемъ царевичѣ и великом кнꙗзе феѡдоре алеѯ[евичѣ блговѣрномъ] |[4] [гдр҃ѣ нáшемъ царéвичѣ] йѡáнне алеѯíевиче по блгословéнíи великого гдна свѧтéйшаго макáрія пáтрıáрха бж҃наго града великúѧ а҃нтиох҃е и выѧ҃ ѡ҃т[óка и при] |[5] [велúкомъ гдн҃ѣ свѧтéйше҃м йѡаса҃ пá]т[р]íáрхѣ моско҃в[ско]м и всеѧ рꙋ҃ по блгословéнíи великого гдна преѡсвящéннаго лáвр҃ентıа [митрополúта] |[6] [казáнскаго и свıяжскаго] а [с]трои҃л многогрéшныѧ чер҃[[ец и]]н[[о]]к(?) д[[и]]мит[[рий? с бра]]тıéю монасты[р]скою казною

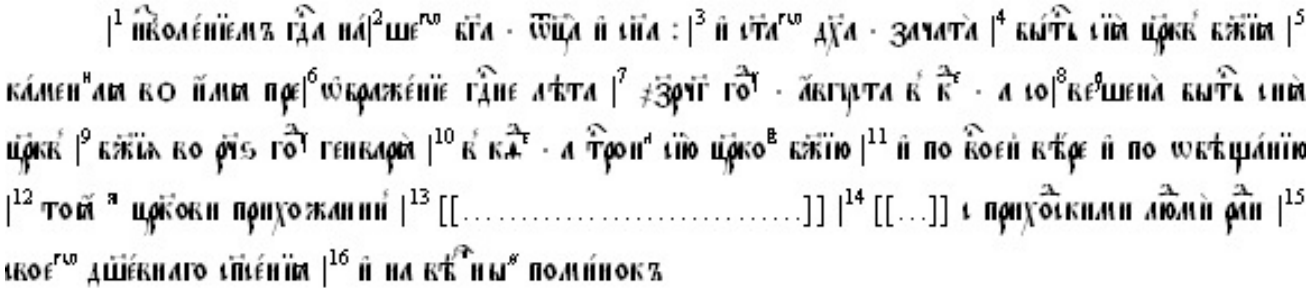
№ 3. КоПВц-1. Кострома. Церковь Преображения Господня за Волгой

Белокаменная плита на наружной стене алтаря. Врезная надпись в 16 строк заключена в прямоугольную рамку-валик с косой нарезкой (лентой), несущей небольшие граненые пирамидки (характерны для боковых граней белокаменных надгробий XVII в., ср.: Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Наука, 1996. С. 151, табл. XLV). Надпись выполнена по графье. Диакритика регулярная. Разделение на слова отсутствует. Начальные буквы слов выделены темной краской. Смысловые блоки отделены точками. Шрифт надписи соответствует концу XVII в., причем буквы (особенно е, о) имеют тенденцию к остроугольному написанию, более характерному для XVIII в. Явным архаизмом является написание трехмачтового т (стк. 3, 11, 13).

Изд.: Церкви Костромской епархии по данным архива Императорской археологической комиссии. СПб., 1909. С. 31 (гражданским шрифтом); оттуда: Авдеев А. Г. Храмозданные надписи XVI–XVII вв. Костромы и края // Костромская земля: краевед. альманах Костром. обществ. фонда культуры. Кострома, 2002. Вып. 5. С. 162–163 (№ 5) (гражданским шрифтом, в современной орфографии); Костромские святыни / сост. иеромонах Харитон (Просторов), А. В. Семенова. Кострома, 2004. С. 121 (транскрипция гражданским шрифтом и фото).

В настоящее время надпись утрачена. Текст публикуется по фотографии начала XX в.

1688 г. 29 января



|[1] Изволением Господа на|[2]шего Бого Отца и Сына |[3] и Святаго Духа зачата |[4] бысть сия церковь Божия |[5] каменная во имя Преображение Господне лета |[6] 7179 году августа в К день. А со|6вершена бысть сия церковь |[9] Божия во 196 году генваря |[10] в 29 день. А строил сию церковь Божию |[11] и по своей вере и по обещанию |[12] тоя церкви прихожанин |[13] [[...]]|[14] [[...]] с приходскими людми ради |[15] своего душевнаго спасения |[16] и на вечный поминок.

Сведения об авторах

Аваков Петр Ашотович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры исторических наук и политологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону). pavakov@mail.ru

Авдеев Александр Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Университета Дмитрия Пожарского, учитель истории школы «Интеллетуал». avdey57@mail.ru

Алпатов Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ. alpserg19@yandex.ru

Аракчеев Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий сектором социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, профессор УрФУ. arakk@rambler.ru

Баранова Светлана Измайловна – доктор исторических наук, хранитель Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника, доцент кафедры музеологии РГГУ. svetlanbaranova@yandex.ru

Башнин Никита Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник СПбИИ РАН, преподаватель Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. nvbashnin@gmail.com

Беляев Леонид Андреевич – доктор исторических наук, зав. отделом археологии Московской Руси, ведущий научный сотрудник ИА РАН. labeliaev@bk.ru

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН. feb@ru.ru

Белякова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и церкви ИРИ РАН. elbel@list.ru

Буров Владимир Андронович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН и Соловецкого музея-заповедника. burovvan@rambler.ru

Виноградов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН.

Волков Иван Владимирович – директор по научной работе «Столичного археологического бюро» (г. Москва). werwolf2@yandex.ru

Глазунова Ольга Николаевна – научный сотрудник ИА РАН. olga-glazunova2007@yandex.ru

Глазьев Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политической истории, декан исторического факультета ВГУ. bob60_12@mail.ru

Гусач Ирина Рудольфовна – старший научный сотрудник АМЗ. irina_gusach@mail.ru

Давиденко Дмитрий Григорьевич – кандидат исторических наук, ведущий специалист Центрального государственного архива (г. Москва). dgd975@yandex.ru

Дедюлькин Антон Владимирович – старший научный сотрудник Новочеркасского музея истории донского казачества (г. Новочеркасск, Ростовская обл.). donrumata@inbox.ru

Добровольская Мария Всеволодовна – доктор исторических наук ИА РАН. mk_pa@mail.ru

Елкина Ирина Игоревна – реставратор I категории по тканям, научный сотрудник ИА РАН. irae lkina@yandex.ru

Ершов Иван Николаевич – научный сотрудник ИА РАН. ershovin@yandex.ru

Зуев Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск). zuev.nsu@gmail.com

Зыков Алексей Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. a.p.zykov@mail.ru

Игнаткин Павел Сергеевич – аспирант Новосибирского национального исследовательского государственного университета. ignatkin-87@mail.ru

Иншаков Александр Андреевич – ассистент кафедры истории и археологии ЕГУ. inschakow@mail.ru

Кабанов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь. kabanov37@bk.ru

Капитонова Мария Анатольевна – младший научный сотрудник ИА РАН. mariya-kapitonova@yandex.ru

Кардаш Олег Викторович – кандидат исторических наук, Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера» (г. Нефтеюганск). kov_ugansk@mail.ru

Кузина Инна Николаевна – младший научный сотрудник отдела средневековой археологии ИА РАН. kuzina.i@gmail.com

Лисейцев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. liseitsev@mail.ru

Лобин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, начальник экскурсионного отдела Государственного комплекса «Дворец конгрессов» Управления делами Президента Российской Федерации (г. Санкт-Петербург). alobin@mail.ru

Медникова Мария Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИА РАН. medma_pa@mail.ru

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, Музей истории города Москвы (г. Москва). moisee@yandex.ru

Наумов Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (г. Тула). naumov@kulpole.tula.net

Новохатко Ольга Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма ИРИ РАН. 1808845@mail.ru

Окулов Алексей Вячеславович – инженер Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института цветных и благородных металлов (г. Москва). okulovav@mail.ru

Осипов Дмитрий Олегович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников ГИМ. dmitriyosipov@mail.ru

Подгорная Розалия Геннадиевна – старший научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения культуры «Археологический центр Псковской области» (г. Псков). roza_podgornaya@mail.ru

Раздорский Алексей Игоревич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник РНБ. razdor@nlr.ru

Решетова Ирина Константиновна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН. reshetovairina@yandex.ru

Рогожин Николай Михайлович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории русского феодализма ИРИ РАН. nmrogozhin@gmail.com

Салмин Сергей Анатольевич – старший научный сотрудник Автономной некоммерческой организации «Псковский археологический центр» (г. Псков). solvarg@yandex.ru

Салмина Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения культуры «Археологический центр Псковской области» (г. Псков). muntrik102@yandex.ru

Селин Адриан Александрович – доктор исторических наук, профессор Департамента истории Санкт-Петербургского кампуса НИУ ВШЭ. aselin@hse.ru

Семенов Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент УрФУ. helg2008@list.ru

Сиренов Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России Института истории СПбГУ. sirenov@rambler.ru

Скобелкин Олег Владимирович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России ВГУ. olegskob@mail.ru

Старицын Александр Николаевич – главный библиограф Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва). profitens@rambler.ru

Топычканов Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ. topychkanov@gmail.com

Трахтенберг Лев Аркадьевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ. lev_a_t@inbox.ru

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН. trepavlov@yandex.ru

Тропин Николай Александрович – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и археологии ЕГУ. tropin2003@list.ru

Тюменцев Игорь Олегович – доктор исторических наук, профессор, директор Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. tijumencev@mail.ru

Фомина Юлия Борисовна – научный сотрудник отдела источниковедения СПбИИ РАН, аналитик Центра исторических исследований Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ. juliabf@yandex.ru.

Черная Мария Петровна – доктор исторических наук, профессор, зав. лабораторией Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. лабораторией Института археологии и этнографии СО РАН. (г. Томск). mariakreml@mail.ru

Чернов Сергей Заремович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИА РАН. chernovs@sumail.ru

Шамин Степан Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. shaminy@yandex.ru

Шамина Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, литературный редактор журнала «Российская история» Академиздатцентра «Наука» РАН» (г. Москва). shaminy@yandex.ru

Шведчикова Татьяна Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела теории и методики ИА РАН. tashved@gmail.com

Энговатова Ася Викторовна – кандидат исторических наук, заместитель директора, зав. отделом сохранения археологического наследия ИА РАН. engov@mail.ru

Эскин Юрий Моисеевич – зам. директора РГАДА. eskin@post.ru

Юркин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИИЕТ. ig-yurkin@yandex.ru

Яганов Андрей Викторович – научный сотрудник ИА РАН. yagav@yandex.ru

Янишевский Борис Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сохранения культурного наследия ИА РАН. bobbyy@yandex.ru

Список сокращений

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею

АИП – Археологическое изучение Пскова

АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли

АМЗ – Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Ростовская обл.)

АМЗТ – Археологический музей-заповедник «Танаис» (хут. Недвиговка, Мясниковский р-н, Ростовская обл.)

АО – Археологические открытия

Архив СПбИИ, АСПбИИ – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

АСПбИИ – см. Архив СПбИИ

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России

БАН – Библиотека РАН (г. Санкт-Петербург)

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси

БСВ – Балтийская система высот

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВИ – Вопросы истории

ВИМАИВиВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (г. Санкт-Петербург)

ВУА - Военно-ученый архив (РГВИА)

ГААО – Государственный архив Архангельской области (г. Архангельск)

ГАВО – Государственный архив Вологодской области (г. Вологда)

ГИКМЗ «МК» – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

ГИЗ – Государственное издательство

ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва)

ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева (г. Москва)

ГПБ – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Санкт-Петербург)

ГРЦРФ – Государственный республиканский центр русского фольклора (г. Москва)

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея (г. Москва)

ГУЛАГ – Главное управление лагерей и мест заключения

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею

ДРВ – Древняя российская вивлиофика

ЕГУ – Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

ЗИАиХМ – Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей

ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии

ИААНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону

ИА – Институт археологии РАН (г. Москва)

ИИ СССР – Институт истории СССР

ИИЕТ – Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН (г. Москва)

ИИМК – Институт истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург)

ИОИДР – см. ОИДР

ИПОС – Институт проблем освоения Севера (г. Тюмень)

ИПП – издательско-полиграфическое предприятие

ИРИ – Институт российской истории РАН (г. Москва)

ИСССР – История СССР

ИАЭТ – Институт археологии и этнографии

КГИАХМ – Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

КГУ – Курский государственный университет

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции

МАЭ – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)

МГГУ – Московский государственный гуманитарный университет имени М.А.Шолохова

МГОМЗ – Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник

МГРИ-РГГРУ – Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе (г. Москва)

МГУ – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

МГХПУ – Московский государственный художественно-промышленный университет имени С. Г. Строганова

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ММК – Музеи Московского Кремля

НАНУ – Национальная академия наук Украины

НБ – Научная библиотека

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет

НГУ – Новосибирский государственный университет

НИНЗ – Новгород и Новгородская земля: тезисы научной конференции

НИОР – Научно-исследовательский отдел рукописей

НИР – научно-исследовательская работа

НИУ ВШЭ – Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики»

НИЦ – Научно-издательский центр

Н4Л – Новгородская 4-я летопись

НГУ – Нижегородский государственный университет

ННГУ – Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов

НПО СА – Научно-производственное объединение «Северная археология»

ОДДАС – Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода

ОИДР, ИОИДР – императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете

ОИФН – Отделение историко-филологических наук

ОЛДП – Общество любителей древней письменности

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет

ОмГУ – Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

ОПИ – Отдел письменных источников

ОР – Отдел рукописей

ОРиРК – Отдел рукописей и редких книг

ОРПГФ – Отдел рукописных, печатных и графических фондов

ОСРК - Основное собрание рукописной книг (Ф. 550) в ОР РНБ.

П1Л – Псковская 1-я летопись

П3Л – Псковская 3-я летопись

ПРК – Приходо-расходные книги

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

ПСТБИ – Православный Свято-Тихоновский богословский институт (г. Москва)

ПФУ — Поволжский (Казанский) федеральный университет

РА – Российская археология

РАН – Российская академия наук

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота (г. Санкт-Петербург)

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)

РГБ – Российская государственная библиотека (г. Москва)

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

РГТЭУ – Российский государственный торгово-экономический университет (г. Москва)

РИО – Сборник императорского Русского исторического общества

РНБ – Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)

РО МГАМИД — Рукописный отдел Московского главного архива Министерства иностранных дел (РГАДА)

РОССПЭН – издательство «Российская политическая энциклопедия»

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГГиД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел

СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси

СО – Сибирское отделение

СПбИИ – см. Архив СПбИИ

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

сст. – сстав

ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы

ТПАО – Труды Псковского археологического общества

ТФ ГАТО – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области

ТЯГУАК – Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии

УрГУ – Уральский государственный университет имени А.М.Горького (ныне УрФУ)

УрО – Уральское отделение РАН (г. Екатеринбург)

УрФУ – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

ЦГАВМФ – Центральный государственный архив Военно-морского флота (г. Санкт-Петербург)

ЦГИАМ – Центральный государственный исторический архив Москвы

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ЮНЦ – Южный научный центр

ЮФУ – Южный федеральный университет

AAAS – American Association for the Advancement of Science

EAC – European Archaeologiae Consilium

EJA – European Journal of Archaeology (Oxford a.o.)

SHA – Society for Historical Archaeology

SPMA – Society for Post-Medieval Archaeology

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

Л. А. Беляев. Позднее Средневековье и начало Нового времени в России: рождение историко-археологической версии 6

ЧАСТЬ I. ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА: ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

М. П. Черная. Сибирский опыт освоения пространств в историко-археологическом контексте 14
А. С. Зуев, П. С. Игнаткин. Параметры социально-политической идентификации коренных народов Сибири в Московском государстве XVII в.: к вопросу о семантике соционима «иноземцы» 24
О. В. Семенов. О роли ямщиков в освоении Сибири (конец XVI – XVII в.) 31
В. Н. Глазьев. Особенности структуры населения и организации управления в Центральном Черноземье России в XVII в. 38

ЧАСТЬ II. ЭКОНОМИКА РОССИИ И АРХЕОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВА

В. А. Аракчеев. Иммунитетная политика в первые годы правления Бориса Годунова 48
Е. В. Салмина, С. А. Салмин, Р. Г. Подгорная. Археологическое исследование Нового Торга Пскова 51
И. И. Елкина. Текстиль в Московском государстве XVI–XVII вв. по археологическим данным 63
Д. О. Осипов. Процесс европеизации русского кожевенно-сапожного ремесла 79
О. Н. Глазунова. История в ремесленной традиции: керамическое производство Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря во второй половине XVII в. 85
А. Ю. Кабанов. Слободы и их судьбы в XVII в. (на примере Суздальского уезда) 91
И. Н. Юркин, А. Н. Наумов. Использование картографического материала XVIII–XX вв. при полевых исследованиях гидротехнических сооружений Петровской эпохи (на материале Ивановского канала) 95
И. Н. Кузина, А. В. Окулов. Аметисты XVI в. с Романова двора (Москва) 106
Д. Г. Давиденко. Отливка и установка большого Успенского колокола в Московском кремле в 1650-е – 1670-е гг. 123

ЧАСТЬ III. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

С. В. Алпатов, С. М. Шамин. Феномен игры в культуре допетровской Руси: от языческого обряда к театральному представлению 138
Л. А. Трахтенберг. Русская юмористика XVII–XVIII вв. и жанры деловой письменности 149
С. В. Алпатов. Бытовой юмор в русско-немецком разговорнике Тённиса Фенне 1607 г. 153
О. В. Новохатко. Архив стольника А. И. Безобразова: документ и памятник 157
М. В. Моисеев. Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения 163
С. И. Баранова. Русский изразец XVII в. как исторический источник 172
А. В. Топычканов. Политическое пространство царских резиденций второй половины XVII в.: материальное измерение 183

ЧАСТЬ IV. РУССКИЙ ГОРОД: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

А. П. Зыков, В. В. Трепавлов. Городище Искер – г. Сибир: памятник археологии и истории второй половины XIV – XVI в. 190
Б. Е. Янишевский. Борисов городок: археологические материалы 198
О. Н. Глазунова, И. И. Елкина. Свияжск в XVII в.: страницы археологии 207
А. В. Энговатова, М. Б. Медникова, М. В. Добровольская, Т. Ю. Шведчикова, И. К. Решетова. Антропологический источник в изучении качества жизни населения Ярославля XVII в. 221
А. В. Яганов. Исследования строительной площадки Успенского собора 1660–1663 гг. в Ярославле 228
Н. М. Рогожин. Эволюция приказной системы управления в XVII в. 237

ЧАСТЬ V. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ВОЙНЫ

А. В. Виноградов. Русско-польско-литовское дипломатическое противостояние в контексте вооруженных конфликтов в Восточной Европе и Прибалтике (конец 80-х – начало 90-х гг. XVI в.) 248
А. Н. Лобин. Состояние русской артиллерии накануне Смуты (1584–1603 гг.) 260
А. В. Беляков. Личные вещи Чингисидов в России XVI–XVII вв. 266
Д. В. Лисейцев. Вещи Смуты: предметы личного обихода деятелей Смутного времени в казне царя Михаила Федоровича 271
С. З. Чернов, И. В. Волков. Археологические маркеры Смутного времени: комплекс керамики с кладом из Лешково-6 и датировка запустения малодворных деревень Радонежского края 279
Ю. М. Эскин. Три печати Пожарского: сфрагистический этюд 324
И. О. Тюменцев. Казаки на избирательном Земском соборе 1613 г. 332
О. В. Скобелкин. Натуральная составляющая «выходного» жалованья служилых «немцев» в Московском государстве в 10-х гг. XVII в. 339
А. А. Селин, Ю. Б. Фомина. После Столбова: трассирование границы в Ижорской земле в 1617–1618 гг. 348
Н. А. Тропин, А. А. Иншаков. Городские укрепления Ельца конца XVI – XVII в. (северный участок города по результатам работ 2013 г.) 357
О. В. Кардаш. «100-летняя война» Пустозерска и Большой Карачеи XVII–XVIII вв. (по результатам комплексных исследований Пустозерского и Надымского городищ) 366
П. А. Аваков, И. Р. Гусач, А. В. Дедюлькин. На границе империй: османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по данным археологии 379

ЧАСТЬ VI. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В ОСВЕЩЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ И МАТЕРИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Л. А. Беляев. Археология Нового Иерусалима и францисканская идея в Центральной Европе XVII в. 400
М. А. Капитонова. «Эскиз» Нового Иерусалима: археология о первоначальной планировке Воскресенского монастыря (1656–1666 гг.) 418
И. Н. Ершов. «Кедронский поток» и «остров» Богоявленской пустыни в Новом Иерусалиме: легенды и археологическая реальность 428
Е. В. Белякова. Известие о начале патриаршества в России – неиспользованный источник по истории эпохи патриарха Филарета 444
А. В. Сиренов. Описание древнекняжеского некрополя и канонизационная политика в России XVII в. 454
Н. В. Башнин. Вологодские степенные и нестепенные монастыри в XVI–XVII вв. 460
В. А. Буров. Историко-археологическое исследование Соловецкого монастыря 477
И. Н. Шамина. Что хранилось в монастырской кладовой: предметный мир русского монастыря рубежа XVII–XVIII вв. 487
А. Н. Старицын. Механизм взаимодействия духовных и светских властей в деле внедрения церковной реформы в 80-х – начале 90-х гг. XVII в. 494
А. И. Раздорский. Черное и белое духовенство в таможенных и кабацких книгах городов юга и запада Европейской России XVII в. 501
А. Г. Авдеев. Случаи «исправления» надписей в монастырской эпиграфике XVII в. 504

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 512

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 514

Contents

FOREWORD

L. A. Belyaev. History of the Late Medieval and Early Modern Times in Russia: the Emergence of Archaeological Version 6

PART I. MASTERING OF THE SPACE: TERRITORY AND POPULATION

M. P. Chernaya. Development of Territories: Siberian Experience in the Context of History and Archaeology 14

A. S. Zuev, P. S. Ignatkin. Social and Political Identification of the Siberian Native Tribes in the 17th-century Muscovy: Semantics of the Socionym "Outlanders" 24

O. V. Semyonov. On the Role of Yamschiks in the Development of Siberia (Late 16th – 17th cc.) 31

V. N. Glazjev. Peculiarities of the Population Structure and Governance in the Russian Central Black Earth Belt in the 17thCentury 38

PART II. ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ECONOMY

V. A. Arakcheev. Immunity Policy in the First Years of Boris Godunov's Reign 48

E. V. Salmina, S. A. Salmin, R. G. Podgornaya. Archaeological Survey of Novy Torg (New Market) at Pskov 51

I. I. Elkina. Textile in Muscovy of the 16th – 17th cc. According to the Archaeological Data 63

D. O. Osipov. Europeanization of the Russian Leather and Shoemaking Crafts 79

O. N. Glazunova. History of Craft Tradition: Ceramic Production of the Voskresensky (Resurrection) New Jerusalem Monastery of the Second Half of the 17th Century 85

A. Yu. Kabanov. Slobodas (Trading Quarters) and Their Fate and Fortunes in the 17th Century (Through the Example of Suzdal Uyezd (District) 91

I. N. Yurkin, A. N. Naumov. Cartographical Material of the 18th – 20th Centuries in the Field Researches of the Petrinian Hydrotechnical Constructions as Revealed by the Study of the Ivanovsky Canal 95

I. N. Kuzina, A. V. Okulov. The Amethysts of the 16th Century from Romanov's Courtyard (Moscow) 106

D. G. Davidenko. Casting and Installation of the Big Uspensky Bell in Moscow Kremlin in the 1650s – 1670s 123

PART III. MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURES

S. V. Alpatov, S. M. Shamin. The Game Phenomenon in the Pre-Peter Russian Culture: from Pagan Rituals to a Theatrical Performance 138

L. A. Trakhtenberg. Russian Humoristics of the 17th – 18th Centuries and Genres of Business Writing 149

S. V. Alpatov. Domestic Humor in the Russian-German Phrase Book by Tönnis Fenne, 1607 153

O. V. Novokhatko. Archive of A. I. Bezobrazov, the Stolnik: Document and Monument 157

M. V. Moiseev. Ambassadorial Gifts (Pominki) in the context of Russia's Relations with the Post Horde-Era States: Problems of Research 163

S. I. Baranova. The 17th Century Russian Ceramic Tiles as a Historical Source 172

A. V. Topychkanov. Political Space of Tsar's Residences in the 2nd Half of the 17th Century: Material Aspects 183

PART IV. RUSSIAN TOWN: HISTORY AND ARCHAEOLOGY

A. P. Zykov, V. V. Trepavlov. Site of the Ancient Settlement of of Isker Town in Siberia: Archaeological and Historical Site of the 2nd Half of the 14th – 16th Centuries 190

B. E. Yanishevsky. Borisov Town (Gorodok): New Archaeological Materials 198

O. N. Glazunova, I. I. Elkina. The 17th-century Sviyazhsk: Pages of Archaeology 207

A. V. Engovatova, M. B. Mednikova, M. V. Dobrovolskaya, T. Yu. Shvedchikova, I. K. Reshetova. The Anthropology Source in the Study of the 17th-century Living Standards of the Yaroslavl Population 221

A. V. Yaganov. Survey of the Construction Site for the Cathedral of the Dormition of the Virgin (1660–1663) in Yaroslavl 228
N. M. Rogozhin. Evolution of the Prikaz Administration System in the 17th Century 237

PART V. THE HISTORY AND ARCHAEOLOGY OF WAR

A. V. Vinogradov. Russian-Polish-Lithuanian Diplomatic Opposition in the Context of Military Conflicts in Eastern Europe and the Baltic Region (End of the 1580s – Beginning of the 1590s) 248
A. N. Lobin. State of the Russian Artillery on the Eve of the Time of Troubles (1584–1603) 260
A. V. Belyakov. Personal Belongings of the Chingisids in Russia in the 16th – 17th Centuries 266
D. V. Liseitsev. Items of the Time of Troubles: Statesmen's Personal Belongings in the Treasury of Tsar Mikhail Fyodorovich 271
S. Z. Chernov, I. V. Volkov. Archealogical Markers of the Time of Troubles: the Pottery Complex with Hoard from Leshkovo-6 and Dating of Desolation of Small-Size Villages in Radonezh Region 279
Yu. M. Eskin. Three Seals of Pozharsky: Essay on Sphragistics 324
I. O. Tyumentsev. The Cossacks at the Electoral Zemsky Sobor of 1613 332
O. V. Skobelkin. Non-monetary Component of the "Coming" Payment for Foreign Mercenaries ("Nemtsy") in the 1610-s Muscovite state 339
A. A. Selin, Yu. B. Fomina. After Stolbovo: Routing the Borders in Izhora Land (Izhorskaya Zemlya) in 1617–1618 ... 348
N. A. Tropin, A. A. Inshakov. Fortifications of Yelets of Late 16th – 17th Centuries. The Results of the Excavations (2013) in the Northern Part of the Town 357
O. V. Kardash. "The Hundred Years' War" of Pustozersk and Bolshaya Karacheya of the 17th – 18th cc. (on the results of Complex Excavations of Pustozersk and Nadym Fortified Settlements) 366
P. A. Avakov, I. R. Gusach, A. V. Dedyulkin. At the Border of two Empires: Ottoman and Russian Fortifications of the North-Eastern Azov Sea Area as Revealed by Archaeology 379

PART VI. RUSSIAN CHURCH IN THE LIGHT OF WRITTEN AND MATERIAL SOURCES

L. A. Belyaev. Archaeology of New Jerusalem and the Franciscan Idea in the 17th-century Central Europe 400
M. A. Kapitonova. The «Draft» of New Jerusalem: Archaeology on the Earliest Planning of the Resurrection Monastery (1656–1666) 418
I. N. Ershov. The "Kidron Stream" and the "Island" of the Theophany Hermitage in New Jerusalem: Legends and Archaeological Realities 428
E. V. Belyakova. Notification on the Establishment of the Patriarchate in Russia: the Unused Source on the History of the Patriarch Philaret's Epoch 444
A. V. Sirenov. The Ancient Princely Necropolis and the Politics of Canonization in the 17th-century Russia 454
N. V. Bashnin. Vologda High-Rank ("Stepennye") Monasteries in the 16th – 17th Centuries 460
V. A. Burov. Historical and Archaeological Studies of the Solovetsky Monastery 477
I. N. Shamina. What Was Kept in a Monastic Storeroom: the Material World of the Russian Monastery at the Turn of the 17th – 18th Centuries 487
A. N. Staritsyn. Collaborative Mechanism Between Spiritual and Temporal Authorities Across Implementation of the Church Reform of 1680s – early 1690s 494
A. I. Razdorsky. Black and White Clergy in Both Customs and Pothouse ("Kabak") Books of the Southern and Western Towns of the 17th-century European Russia 501
A. G. Avdeev. Cases of the "Corrected" Inscriptions in the 17th-century Monastic Epigraphics 504

ABOUT THE AUTHORS 512

LIST OF ABBREVIATIONS 514

Научное издание

ОТ СМУТЫ К ИМПЕРИИ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ
В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ
И ИСТОРИИ РОССИИ
XVI–XVIII вв.

Материалы научной конференции
(Москва, 20–22 ноября 2013 г.)

Подписано в печать. 30.08.2016. Формат 60×90/8
Усл. печ. л. 65. Тираж 500 экз. Заказ № 63149

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ООО НИЦ «Древности Севера»
160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48
Тел. / факс (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru URL: http://drevnostisevera.ru

Отпечатано в ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
г. Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У